

Быть никем.

Теория само моделирования Субъективности

Томас Метцингер

Томас Метцингер «Быть никем. Теория само моделирования субъективности»

Оглавление

Благодарности

Глава 1. Вопросы

Глава 2 . Инструменты I

Глава 3. Репрезентативная глубинная структура феноменального опыта

Глава 4. Нейрофеноменологические случаи

Глава 5. Инструменты II

Глава 6. Репрезентативная глубинная структура феноменальной перспективы от первого лица

Глава 7. Нейрофеноменологические случаи II

Глава 8. Предварительные ответы

Благодарности

У этой книги долгая история. Многие люди и ряд научных учреждений поддерживали меня на этом пути.

Согласно интроспективно доступному разделу моей феноменальной Я-модели, я впервые заразился понятием "Я-модель" при чтении книги Филипа Джонсона-Лэрда "Ментальные модели", но, несомненно, его реальные корни гораздо глубже. Ранний предшественник настоящей работы был представлен в качестве моей Habilitationsschrift в Центре философии и оснований науки Университета Юстуса Либига в Гиссене в сентябре 1991 года. Первая немецкая версия книги вышла в 1993 году, а в 1999 году последовало второе, слегка переработанное издание. Вскоре после появления этой монографии различные друзья и исследователи стали настоятельно просить меня выпустить английское издание, чтобы люди в других странах тоже могли ее прочитать. Однако, учитывая мое тогдашнее положение, я так и не нашел времени, чтобы сесть и начать писать. Первым и очень важным шагом стало мое назначение первым стипендиатом недавно основанного Ганзейского института перспективных исследований в Бремене-Дельменхорсте. Я очень благодарен его директору, профессору, доктору Герхарду Роту, за то, что он обеспечил мне прекрасные условия работы с апреля 1997 по сентябрь 1998 года и активно поддерживал меня во многих других отношениях. Однако Патриция Черчланд заслуживает благодарности за то, что, пригласив меня на год на философский факультет UCSD, она заставила меня наконец сесть и написать эту пересмотренную и расширенную версию моей работы. Пэт и Пол были самыми замечательными хозяевами, какие только могут быть, и я извлек огромную пользу из стимулирующей и высокопрофессиональной обстановки, в которой оказался в Сан-Диего. Мы с женой до сих пор часто вспоминаем дельфинов и тишину калифорнийских пустынных ночей. Все это было бы невозможно без расширенного гранта Немецкого исследовательского фонда (Me 888/4-1/2). В этот период издательство The MIT Press также способствовало

успеху проекта, предоставив щедрый грант. После моего возвращения важную поддержку оказал Проект Макдоннелла по философии и нейронаукам. Я в большом долгу перед Кэтлин Акинс и Фондом Джеймса С. Макдоннелла - не только за финансирование, но и за то, что они собрали самую замечательную группу молодых исследователей в этой области, которую я видел до сих пор.

Если говорить о людях, то особую благодарность я выражаю Саре Мейровиц и Кэтрин Алмейде из The MIT Press, которые профессионально и с большим терпением вели меня через долгий процесс, который не всегда был легким. За эти годы так много философов и ученых помогли мне в дискуссиях и своей ценной критикой, что невозможно назвать их всех - надеюсь, что те, кто не упомянут в явном виде, поймут и простят меня. В частности, я благодарен Ральфу Адольфу, Петеру Брюггеру, Джонатану Коулу, Антонио Дамасио, Крису Элиасмиту, Андреасу Энгелю, Крису Фриту, Витторио Галлезе, Андреасу Кляйншмидту, Марку Жаннероду, Маркусу Кнауффу, Кристофу Коху, Ине Лейс, Тоемме Носсельт, Вольфу Зингеру, Франсиско Вареле, Беттине Вальде и Талии Уитли. В Эссенском университете я благодарен Беате Мругалле и Изабель Рокс, которые оказали мне техническую помощь в работе над рукописью. В Майнце меня поддержали Саку Хара, Стефан Шлейм и Олав Виганд. И, как и во многих других подобных проектах, самым важным человеком на заднем плане была и остается, как всегда, моя жена Аня.

Глава 1. Вопросы

1.1 Сознание, феноменальная самость и перспектива первого лица

Это книга о сознании, феноменальном "я" и перспективе первого лица. Ее главный тезис заключается в том, что в мире не существует таких вещей, как "я": Никто никогда не был и не имел "я". Все, что когда-либо существовало, - это сознательные самомодели, которые не могли быть распознаны как модели. Феноменальное "я" - это не вещь, а процесс, и субъективный опыт бытия кем-то возникает, если сознательная система обработки информации работает в рамках прозрачной Я-модели. Вы являетесь такой системой прямо сейчас, когда читаете эти предложения. Поскольку вы не можете распознать свою Я-модель как модель, она прозрачна: вы смотрите сквозь нее. Вы не видите ее. Но вы видите вместе с ней. Другими, более метафорическими словами, центральное утверждение этой книги состоит в том, что, читая эти строки, вы постоянно путаете себя с содержанием Я-модели, активированной в данный момент вашим мозгом.

Это не ваша вина. Эволюция сделала вас таким. Напротив. Пожалуй, до сих пор сознательная Я-модель человека - лучшее изобретение, сделанное матерью-природой. Это удивительно эффективное двустороннее окно, которое позволяет организму воспринимать себя как единое целое и тем самым причинно взаимодействовать со своим внутренним и внешним окружением совершенно новым, интегрированным и разумным образом. Сознание, феноменальное "я" и перспектива первого лица - увлекательные репрезентативные феномены, имеющие долгую эволюционную историю, которая в конечном итоге привела к формированию сложных обществ и культурному закреплению самого сознательного опыта. Для многих исследователей в области когнитивных нейронаук теперь очевидно, что перспектива первого лица каким-то образом должна была стать решающим звеном в этом переходе от биологической к культурной эволюции. В философских кругах, с другой стороны, популярно говорить что-то вроде "Перспектива первого лица не может быть сведена к

перспективе третьего лица!" или разрабатывать сложные технические аргументы, показывающие, что существуют некоторые виды несводимых фактов первого лица. Но никто никогда не задается вопросом, что такое перспектива первого лица вообще. Именно этим я и займусь. Я предложу репрезентационистский и функционалистский анализ того, что такое сознательно переживаемая перспектива первого лица.

Эта книга также, и во многих отношениях, является экспериментом. В ней вы найдете концептуальные наборы инструментов и новые метафоры, примеры необычных состояний сознания, а также многоуровневые ограничения для всеобъемлющей теории сознания. Вы найдете множество хорошо известных вопросов и предварительные, возможно, даже новые ответы. На следующих страницах я пытаюсь построить лучший мост - мост, соединяющий гуманитарные науки и эмпирические науки о разуме более непосредственно. Наборы инструментов и метафор, тематические исследования и ограничения - это первые строительные блоки для этого моста. Меня интересует поиск концептуально убедительных связей между субличным и личностным уровнями описания, связей, которые в то же время были бы эмпирически правдоподобными. В какой именно точке объективные, третьестепенные подходы к человеческому разуму могут быть интегрированы с перволичностными, субъективными и чисто теоретическими подходами? Как именно из объективных событий в мире природы возникает сильная, сознательно переживаемая субъективность? Сегодня, как мне кажется, это то, что нам необходимо знать больше всего на свете.

Эпистемическая цель этой книги состоит в том, чтобы выяснить, может ли сознательный опыт, в частности опыт бытия кем-то, возникающий в результате появления феноменальной самости, быть убедительно проанализирован

на субличностных уровнях описания. Связанная с этим вторая цель состоит в том, чтобы выяснить, укоренены ли наши картезианские интуиции - те глубоко укоренившиеся интуиции, которые говорят нам, что вышеупомянутый опыт бытия субъектом и рациональным индивидом никогда не может быть натурализован или редуktivно объяснен, - в конечном счете, в глубинной репрезентативной структуре нашего сознания. К интуиции следует относиться серьезно. Но также возможно, что наши лучшие теории о собственном разуме окажутся радикально контринтуитивными, что они представят нам новый вид самопознания, в который большинство из нас просто не сможет поверить. Да, безусловно, можно рассматривать нынешний взрыв в науках о разуме как новую, захватывающую дух фазу в стремлении к старому философскому идеалу - идеалу самопознания (см. Metzinger, 2000b, p. 6 и далее). И да, никто никогда не говорил, что фундаментальное расширение знаний о себе обязательно должно быть интуитивно правдоподобным. Но если мы хотим, чтобы это был философски интересный рост знания, да еще и культурно интегрированный, то мы должны, по крайней мере, требовать понимания того, почему он неизбежно контринтуитивен в некоторых своих аспектах. И эта проблема не может быть решена только одной дисциплиной. Для того чтобы добиться прогресса в достижении двух только что названных общих эпистемических целей, нам необходимо наладить более прочный мост между гуманитарными науками и когнитивной нейронаукой. Это одна из причин, по которой данная книга является экспериментом, экспериментом в области междисциплинарной философии.

В расцветающей сейчас междисциплинарной области исследований сознания есть два довольно крайних способа избежать этой проблемы. Один из них - попытка действовать в высшей степени прагматично, просто генерируя эмпирические данные, никогда не проясняя, что же на самом деле является объяснением в таком предприятии.

Объяснение - это то, что должно быть объяснено. В качестве примера можно привести важную и ставшую классической работу Фрэнсиса Крика и Кристофа Коха, в которой они выдвинули идею "нейронного коррелята сознания" (Crick and Koch 1990; дальнейшее обсуждение см. в Metzinger 2000a). Они написали:

Все примерно представляют себе, что подразумевается под сознанием. Мы считаем, что лучше избегать точного определения сознания из-за опасности преждевременного определения. Пока мы не поймем проблему гораздо лучше, любая попытка дать формальное определение, скорее всего, будет либо вводящей в заблуждение, либо чрезмерно ограничивающей, либо и то, и другое". (Crick and Koch 1990, p. 264)

В этой стратегии, безусловно, есть ряд положительных моментов. В сложных областях, как показывает исторический опыт, научные прорывы часто достигаются просто путем наткновения на очень важные данные, а не путем проведения строго систематизированных исследовательских программ. Озарение часто приходит неожиданно. С чисто эвристической точки зрения, слишком раннее сужение области поиска, конечно, опасно, например, попытки чрезмерного, но еще не основанного на данных формального моделирования. Определенная степень непредвзятости необходима. С другой стороны, просто неправда, что все примерно представляют себе, к чему относится термин "сознание". В моем собственном опыте, например, наиболее частое непонимание заключается в том, что феноменальный опыт как таковой путают с тем, что философы называют "рефлексивным самосознанием", актуализированной способностью когнитивно ссылаться на себя, используя некую концептоподобную или квазилингвистическую структуру ума. Согласно этому определению, вряд ли что-либо на этой планете, включая многих людей в течение

большей части их дня, вообще когда-либо осознает себя. Во-вторых, во многих языках нашей планеты мы даже не находим адекватного аналога английскому термину "сознание" (Wilkes 1988b). Почему все эти лингвистические сообщества, очевидно, не сочли нужным разработать собственную унитарную концепцию? Возможно ли, что для этих сообществ феномен не существовал? И в-третьих, любому ученому должно быть просто неловко, если он не может четко сформулировать, что именно он пытается объяснить (Bieri 1995). Что такое экспланандум? Каковы реальные сущности, между которыми должна быть установлена объяснительная связь? Особенно если на них давят представители гуманитарных наук, ученые-труженики должны, по крайней мере, быть в состоянии четко сформулировать, что именно они хотят узнать, какова цель их исследования и что, с их точки зрения, будет считаться успешным объяснением.

Другая крайность - это то, что часто встречается в философии, особенно в лучших образцах философии ума. Я называю ее "аналитической схоластикой". Она заключается в не менее опасной тенденции к высокомерному теоретизированию в кресле, при этом игнорируя как феноменологические, так и эмпирические ограничения от первого лица при формировании своих основных концептуальных инструментов. В крайних случаях целевая область рассматривается так, как если бы она состояла только из анализандов, а не из экспланандов и анализандов. Что такое анализ? Анализ - это определенный способ говорить о феномене, способ, который создает логические и интуитивные проблемы. Если бы сознание и субъективность были только *analysanda*, то мы могли бы решить все философские головоломки, связанные с сознанием, феноменальной самостью и перспективой первого лица, изменив способ говорить. Нам пришлось бы обойтись модальной логикой и формальной семантикой, а не когнитивной нейронаукой. Философия стала бы

фундаменталистской дисциплиной, которая могла бы принимать решения об истинности и ложности эмпирических утверждений только с помощью логических аргументов. Я просто не могу поверить, что так должно быть.

Безусловно, лучший вклад в философию разума в прошлом веке внесли философы-аналитики, философы в традициях Фреге и Витгенштейна. Поскольку многие такие философы превосходно анализируют глубинную структуру языка, они часто попадают в ловушку анализа сознания, как если бы оно само было лингвистической сущностью, основанной не на динамической самоорганизации в человеческом мозге, а на развоплощенной системе обработки информации на основе правил. По крайней мере, они часто предполагают, что в человеческом сознании существует "уровень содержания", который можно исследовать, ничего не зная о "свойствах транспортного средства", о свойствах фактических физических носителей содержания сознания. Различие между транспортным средством и содержанием ментальных репрезентаций, безусловно, является мощным инструментом во многих теоретических контекстах. Но наши лучшие и эмпирически правдоподобные теории репрезентации, те, которые сейчас так успешно используются в коннекционистских и динамистских моделях когнитивного функционирования, показывают, что любая философская теория разума, рассматривающая транспортное средство и содержание как нечто большее, чем два сильно взаимосвязанных аспекта одного и того же явления, просто лишает себя большей части своей объяснительной силы, если не реализма и эпистемологической рациональности. Получаемые в результате терминологии оказываются малоприменимыми для исследователей в других областях, поскольку некоторые из их базовых предпосылок сразу же выглядят до смешного неправдоподобными с эмпирической точки зрения. Поскольку многие аналитические философы - прекрасные логики, они также склонны к техническому анализу, даже если в этом еще нет смысла - даже если еще

нет данных, чтобы наполнить их концептуальные структуры содержанием и привязать их к реальному росту знания. Эпистемический прогресс в реальном мире - это то, что достигается всеми дисциплинами вместе. Однако более глубокий мотив впадения в другую крайность, изоляционистскую крайность стерильности и схоластики, на самом деле может быть другим. Зачастую это может быть неосознанное уважение к строгости, серьезности и подлинной интеллектуальной сущности, присущей наукам о разуме. Интересно, что, разговаривая и слушая не только философов, но и выдающихся нейробиологов, я часто обнаруживал "зеркальное отражение мотивации". Оказывается, многие нейробиологи на самом деле гораздо больше философы, чем им хотелось бы признать. Та же мотивационная структура, то же чувство уважения существует у эмпирических исследователей, избегающих точных определений: Они слишком хорошо знают, что существуют более глубокие методологические и метатеоретические вопросы, и что эти вопросы важны и в то же время чрезвычайно трудны. Урок, который можно извлечь из этой ситуации, кажется простым и ясным: каким-то образом нужно объединить хорошие стороны обеих крайностей. И поскольку между дисциплинами, между науками о разуме и гуманитарными науками, уже существует глубокое (хотя иногда и не признаваемое) взаимное уважение, я считаю, что шансы на наведение более прямых мостов на самом деле выше, чем некоторые из нас думают.

Как отмечают многие авторы, необходим средний путь, который еще предстоит открыть. В этой книге я попытался проложить такой средний курс - и, как вскоре заметит читатель, заплатил за это высокую цену. Рассмотрение философских вопросов покажется всем философам слишком кратким и довольно поверхностным. С другой стороны, мой выбор эмпирических ограничений, тематических исследований и отдельных точек данных должен поразить нейро- и когнитивных ученых как зачастую весьма

идиосинкразичный и довольно плохо информированный. Однако мосты начинаются с маленьких камней, а их может унести только один человек. Поэтому моя цель довольно скромна: если хотя бы некоторые из собранных здесь кусочков окажутся полезными для кого-то из моих читателей, этого будет достаточно.

Как всем известно, в последние три десятилетия XX века проблема сознания привлекает все большее внимание философов (см., например, Metzinger 1995a), а также исследователей, работающих в области нейро- и когнитивных наук (см., например, Metzinger 2000a). Мы стали свидетелями настоящего ренессанса. Как утверждают многие, сознание - это самый увлекательный объект исследования, который только можно себе представить, самый большой оставшийся вызов научному мировоззрению, а также центральный элемент любой философской теории разума. Что же делает сознание таким особенным феноменом? В сознательном опыте присутствует реальность. Но что значит сказать, что для всех существ, наслаждающихся сознательным опытом, обязательно появляется мир? Это означает по крайней мере три разные вещи: В сознательном опыте есть мир, есть Я, и есть отношение между обоими - потому что в интересном смысле этот мир представляется переживающему Я. Таким образом, мы можем выделить три различных аспекта нашего первоначального вопроса. Первая группа вопросов касается того, что означает появление реальности. Вторая группа - о том, как может быть, что эта реальность появляется для кого-то, для субъекта опыта. Третья группа - о том, как этот субъект становится центром своего собственного мира, как он превращает появление реальности в подлинно субъективный феномен, привязывая его к индивидуальной перспективе первого лица.

О том, к чему сводится проблема сознания как такового, я уже много говорил в других работах (например, Metzinger 1995e). Здесь же нас интересует более глубокая и конкретная проблема того, как в сознательном опыте проявляется собственная персональная идентичность и как человек развивает внутреннюю, субъективную перспективу не только по отношению к внешнему миру как таковому, но и к другим людям в нем, а также к продолжающемуся внутреннему процессу самого опыта. Поэтому рассмотрим второй блок вопросов. Для человека во время непрерывного процесса сознательного опыта, характеризующего его жизнь в бодрствовании и во сне, существует самость. Человеческие существа сознательно переживают себя как кого-то. Сознательный опыт бытия кем-то, однако, имеет множество различных аспектов - телесных, эмоциональных и когнитивных. В философии, а также в когнитивной нейронауке в последнее время появилось много прекрасных работ, посвященных телесному самоощущению (см., например, Bermúdez, Marcel, and Eilan 1995), эмоциональному самосознанию (см., например, Damasio 1994, 2000) и тонкостям, связанным с когнитивной самореференцией и сознательным опытом бытия воплощенного мыслящего Я (см., например, Nagel 1986, Bermúdez 1998). Что значит сказать, что для сознательных человеческих существ "я" присутствует? Как связаны между собой различные слои воплощенного, эмоционального и мыслящего "я"? Как они влияют друг на друга? Во второй половине этой книги я готовлю несколько новых ответов.

Эта книга, однако, не только о сознании и самосознании. С понятием сознательно переживаемой "перспективы от первого лица" связан еще более глубокий вопрос, стоящий за феноменальным появлением мира и самости: что именно делает сознание субъективным феноменом? Это вторая половина моей первой эпистемической задачи. Вопрос не только в том, как может возникнуть феноменальная самость как таковая, но и в том, как такие существа, как мы,

начинают использовать эту феноменальную самость в качестве инструмента для переживания себя как субъекта. Нам нужны междисциплинарные ответы на такие вопросы, как: Что означает, что в сознательном опыте мы не только связаны с миром, но и связаны с ним как знающие себя? Что означает, что феноменальное "я" не только присутствует в эмпирической реальности, но и является центром этой реальности? Как мы приходим к тому, чтобы думать и говорить о себе как о первых лицах? Разработав в главах 2, 3 и 4 некоторые простые инструменты, которые помогают нам понять, как в общем случае может возникнуть реальность, я перехожу к рассмотрению этих вопросов со второй половины главы 6 и далее. Подробнее об архитектуре последующего изложения - в разделе 1.3 на сайте .

1.2 Вопросы

В этом разделе я хочу разработать небольшой и лаконичный набор вопросов, чтобы провести нас через сложный теоретический ландшафт, связанный с феноменом субъективного опыта. Я обещаю, что в заключительной главе этой книги я вернусь к каждому из этих вопросов, дав на каждый из них краткие, сжатые ответы. Более пространные ответы, однако, можно найти только в средних главах этой книги. Эта книга написана для читателей, и одна из функций приведенного ниже минимального каталога философских проблем состоит в том, чтобы повысить удобство ее использования. Однако этот небольшой контрольный список мог бы также служить отправной точкой для минимального набора критериев оценки текущего состояния конкурирующих подходов, включая представленный здесь. На сколько из этих вопросов он может удовлетворительно ответить? Давайте рассмотрим их. Первая, и основная, группа

вопросов касается смысла некоторых объяснительных базовых понятий, уже представленных выше:

Что значит сказать о психическом состоянии, что оно осознанно?

Или, наоборот, что значит для сознательной системы - человека, биологического организма или искусственной системы - сказать, что она сознательна?

Что значит сказать о ментальном состоянии, что оно является частью самосознания данной системы?

Что значит для любой сознательной системы обладать феноменальным "я"? Возможно ли бескорыстное сознание?

Что значит сказать о психическом состоянии, что оно является субъективным состоянием?

Что значит говорить о целых системах как о "субъектах опыта"?

Что такое, например, феноменальная перспектива первого лица, в отличие от лингвистической, когнитивной или эпистемической перспективы первого лица? Существует ли что-то вроде аперспективного сознания или даже самосознания?

Далее следует ряд вопросов, касающихся онтологических, логико-семантических и эпистемологических проблем. Они не являются предметом данного исследования, но имеют большое значение для общей картины, которая в конечном итоге может возникнуть в результате создания эмпирически обоснованной философской теории самосознания.

Является ли понятие "субъект" логически примитивным? Должно ли его существование предполагаться априори? Онтологически говоря, относится ли то, что мы называем "субъектом", к основным составляющим реальности, или это сущность, которая в принципе может быть устранена в ходе научного прогресса?

В частности, семантика индексального слова I нуждается в дальнейшем прояснении. Необходимо лучше понять определенный класс предложений, а именно те, в которых слово I используется в автофеноменологическом самоописании феноменальных свойств (как в "Я чувствую зубную боль прямо сейчас").

Каковы условия истинности для предложений такого типа?

Не оставит ли устранение субъектного употребления I пробел в нашем понимании самих себя?

Является ли субъективность эпистемическим отношением? Обладают ли феноменальные состояния истинностными значениями? Предоставляют ли сознание, феноменальное "я" и перспектива первого лица особый вид информации или знания, которые нельзя получить никакими другими способами?

Означает ли неисправимость самоописаний психологических свойств их непогрешимость?

Существуют ли какие-либо неустранимые факты, касающиеся субъективности ментальных состояний, которые могут быть постигнуты только в феноменальной перспективе первого лица или выражены только в первом лице единственного числа?

Можно ли вывести из субъективности психического тезис о том, что научное мировоззрение в принципе должно оставаться неполным? Можно ли натурализовать субъективность во всем ее содержании?

Существует ли что-то похожее на "данные от первого лица"? Могут ли интроспективные отчеты конкурировать с утверждениями, вытекающими из научных теорий разума?

Однако истинным фокусом данного предложения является феноменальное содержание, то, как определенные репрезентативные состояния ощущаются с точки зрения первого лица. Особенно важны попытки пролить свет на исторические корни некоторых философских интуиций, таких как, например, картезианская интуиция, что я всегда мог быть кем-то другим; или что мое собственное сознание обязательно образует единое целое; или что феноменальный опыт действительно приводит нас в прямой и непосредственный контакт с собой и окружающим миром. Философские проблемы часто могут быть решены путем концептуального анализа или преобразования их в более дифференцированные версии. Однако дополнительная и интересная стратегия заключается в попытке раскрыть их интроспективные корни. Внимательное изучение этих корней может помочь нам понять интуитивную силу, стоящую за многими плохими аргументами, силу, которая обычно выживает после их опровержения. Поэтому я дополню свое рассуждение более пристальным взглядом на генетические условия некоторых интроспективных уверенностей.

Что такое "феноменальное содержание" ментальных состояний, в отличие от их репрезентативного или "интенционального содержания"? Существуют ли примеры психики, демонстрирующей одно без другого? Существуют ли двойные диссоциации?

Как возникают картезианские интуиции, такие как интуиция случайности, интуиция неделимости или интуиция эпистемической непосредственности?

Пожалуй, человеческая разновидность сознательной субъективности уникальна на нашей планете, а именно: она культурно встроена, допускает не только интроспективный, но и лингвистический доступ, а также то, что содержание наших феноменальных состояний может стать объектом исключительно внутренней когнитивной самореференции. В частности, оно составляет основу интерсубъективных достижений. Интересен вопрос о том, как изменяется реальное содержание опыта в результате этой постоянной интеграции в другие репрезентативные средства и как конкретное содержание может генетически зависеть от социальных факторов.

Какие новые феноменальные свойства возникают благодаря когнитивным и лингвистическим формам самореференции? Существуют ли у людей необходимые социальные корреляты для определенных видов феноменального содержания?

Последний набор феноменологических вопросов касается внутренней сети отношений между определенными классами феноменальных состояний или глобальными феноменальными свойствами. Вот краткая подборка:

Какова наиболее простая форма феноменального содержания? Есть ли что-то похожее на "qualia" в классическом понимании этого слова?

Каков минимальный набор ограничений, которые должны быть соблюдены, чтобы сознательный опыт вообще возник? Например, может ли квалиа существовать без глобального свойства сознания или мыслима ли форма сознания без квалиа?

Что такое феноменальная самость? Что такое неконцептуальное чувство собственности, которое сопровождает феноменальный опыт самости или "быть кем-то"?

Как опыт агентства связан с опытом владения? Можно ли разделить обе формы феноменального содержания?

Может ли феноменальная самость быть инстанцирована без qualia? Необходимо ли воплощение для самости?

Что такое феноменально представленная перспектива первого лица? Как она связана с другими понятиями перспективности, например, с логической или эпистемической субъективностью?

Можно ли иметь сознательную перспективу от первого лица, не имея сознательного "я"? Можно ли иметь осознанное "я", не имея осознанной перспективы первого лица?

Каким образом феноменальная перспектива первого лица способствует появлению перспективы второго лица и возникновению множественной перспективы первого лица? Какие формы социального познания неизбежно опосредованы феноменальным самосознанием? Какие нет?

Наконец, последний вопрос касается статуса феноменальных универсалий: Можем ли мы определить понятие сознания и субъективности, которое не зависит от аппаратуры и вида? Этот вопрос представляет собой попытку дать анализ сознания, феноменальной самости и перспективы первого лица, который оперирует исключительно репрезентативным и функциональным уровнями описания, стремясь освободиться от любой физической специфики. Может ли существовать универсальная теория сознания? Другими словами:

Возможна ли искусственная субъективность? Могут ли существовать небιологические феноменальные "я"?

1.3 Обзор: Архитектура книги

В этой книге вы найдете двенадцать новых концептуальных инструментов, две новые теоретические сущности, двойной набор нейрофеноменологических примеров и несколько эвристических метафор. Пожалуй, самым важным является то, что я представляю две новые теоретические сущности: "феноменальную самомодель" (PSM; см. раздел 6.1) и "феноменальную модель отношения интенциональности" (PMIR; см. раздел 6.5). Я утверждаю, что эти сущности являются различными теоретическими объектами, и доказываю, что они могут сформировать решающую концептуальную связь между подходами к сознанию от первого и третьего лица. Я также утверждаю, что они отличаются друг от друга в том, что касается четко изолируемых и коррелирующих феноменов на феноменологическом, репрезентационистском, функционалистском и нейробиологическом уровнях описания. ПСМ и ПМИР - это то, что должно быть найдено в ходе эмпирических исследований в науках о разуме. Во-вторых, эти две гипотетические сущности полезны и на уровне концептуального анализа. Они могут стать решающим концептуальным звеном между исследованиями сознания в гуманитарных науках и исследованиями сознания в естественных науках. Для философии сознания они служат важными концептуальными связями между личностным и субличностным уровнями описания систем сознания. Помимо необходимого нормативного контекста, то, что делает не-человека личностью, - это особый вид ПСМ плюс ПМИР: вы становитесь личностью, обладая прозрачной Я-моделью плюс сознательной моделью "стрелы"

интенциональности", связывающей вас с миром. Кроме того, эти две новые гипотетические сущности могут оказать нам дальнейшую поддержку в разработке расширенной репрезентационистской структуры интерсубъективности и социального познания, поскольку они позволяют нам понять перспективу второго лица - сознательно переживающего вас - также. В-третьих, если мы хотим лучше понять переход от биологической к культурной эволюции, обе сущности, вероятно, будут представлять собой важные аспекты реальной связи, которую необходимо описать. И наконец, они также окажутся полезными для разработки метатеоретического отчета о том, о чем, собственно, говорят теории в нейро- и когнитивных науках.

Как видно из сказанного, глава 6 - в некотором смысле самая важная часть этой книги, поскольку в ней объясняется, что такое феноменальная Я-модель и феноменальная модель отношения интенциональности. Однако, чтобы создать некую общую почву, я начну с того, что в следующей главе представлю несколько простых инструментов. В главе 2 я объясняю, что такое ментальная репрезентация, в отличие от ментальной симуляции и ментальной презентации, и что означает, что все три феномена могут существовать в бессознательной и сознательной форме. Эта глава отражена в главе 5, в которой новые концептуальные различия вновь применяются к саморепрезентации, самосимуляции и самопрезентации. Поскольку глава 2 носит более вводный характер, она также значительно длиннее главы 5. В главе 3 более подробно исследуется переход от бессознательной обработки информации в мозге к полноценному феноменальному опыту. В ней вы найдете набор из десяти ограничений, которым должна удовлетворять любая ментальная репрезентация, если ее содержание хочет считаться сознательным. Однако, как вы обнаружите, некоторые из этих ограничений специфичны для данной области, и не все они образуют строго необходимые условия: существуют степени феноменальности. Ни сознание, ни

самосознание не являются делом "все или ничего". Кроме того, эти ограничения также являются "многоуровневыми", поскольку в них делается попытка одновременно серьезно отнестись к феноменологии первого лица, репрезентативной и функциональной архитектуре и нейронауке сознания. Глава 3 зеркально отражена в первой части главы 6, а именно в применении этих ограничений к особому случаю самосознания. В главе 4 представлен краткий набор нейрофеноменологических примеров. Мы подробно рассматриваем такие интересные клинические явления, как агнозия, игнорирование, слепота и галлюцинации, а также обычные формы того, что я называю "девиантными феноменальными моделями реальности", например, сновидения. Одна из функций этих примеров - показать нам, что не является необходимым в глубинной структуре сознательного опыта, и не дать нам сделать ложные выводы на концептуальном уровне. Они также служат суровой проверкой реальности для философских инструментов, разработанных в обеих предыдущих главах. Глава 4 вновь отражена в главе 7. Глава 7 развивает главу 4. Поскольку самосознание и перспектива первого лица составляют истинный тематический фокус этой книги, наша проверка реальности должна быть гораздо более обширной во второй половине, а также более суровой. В частности, мы должны проверить, есть ли шанс выдержать такую проверку реальности не только у нашего нового набора понятий и ограничений, но и у двух центральных теоретических сущностей - ПСМ и ПМИР, представленных в главе 6. Наконец, в главе 8 сделана попытка связать воедино различные нити в более общей и наглядной манере. В ней также предлагаются минимальные ответы на вопросы, перечисленные в предыдущем разделе этой главы, и краткие заключительные замечания о возможных будущих направлениях.

Эта книга написана для читателей, и я постарался сделать ее максимально простой в использовании. Разные читатели

пойдут разными путями. Если у вас нет времени читать всю книгу, переходите к главе 8 и возвращайтесь назад по мере необходимости. Если вы философ, интересующийся нейрофеноменологическими ситуационными исследованиями, которые бросают вызов традиционным теориям сознания, перейдите к главам 4 и 7. Если вы ученый-эмпирик или философ, интересующийся в основном ограничениями понятия сознательной репрезентации, перейдите к главе 3, а затем к разделам 6.1 и 6.2, чтобы узнать больше о конкретном применении этих ограничений в разработке теории феноменального "я". Если ваше внимание сосредоточено на сердце теории, на двух новых теоретических сущностях, называемых ПСМ и ПМИР, то вам следует просто попытаться прочитать сначала главу 6. Но если вам интересно узнать, почему qualia не существует, что на самом деле представляют собой предметы нашего базового концептуального набора и почему все это в первую очередь является репрезентационистской теорией сознания, феноменального "я" и перспективы первого лица, то просто переверните эту страницу и идите дальше.

Глава 2 . Инструменты

I

2.1 Обзор: Ментальная репрезентация и феноменальные состояния

На следующих страницах я по-новому смотрю на проблемы, традиционно связанные с феноменальным опытом и субъективностью ментального, анализируя их с точки зрения натуралистической теории ментальных репрезентаций. На этом первом этапе я разрабатываю четко структурированный и максимально простой набор концептуальных инструментов

для достижения эпистемической цели этой книги. Эта цель состоит в том, чтобы обнаружить основы общей теории феноменальной перспективы первого лица, которая была бы не только концептуально убедительной, но и эмпирически правдоподобной. Поэтому концептуальные инструменты, используемые для достижения этой цели, должны быть в то же время открыты для семантических дифференциаций и постоянного обогащения эмпирическими данными. В частности, поскольку общий проект разработки всеобъемлющей теории сознания, феноменального "я" и перспективы первого лица - это, несомненно, предприятие, в котором должны участвовать многие различные дисциплины, я постараюсь сохранить простоту. Моя цель - не максимизировать степень концептуальной точности и дифференциации, а создать теоретические рамки, которые не исключают исследователей за пределами философии сознания. В частности, я не ставлю перед собой задачу разработать полноценную (или даже эскизную) теорию ментальных репрезентаций. Однако два простых концептуальных набора инструментов должны быть представлены в главах 2 и 5. Содержащиеся в них новые рабочие понятия мы применим в последующих главах при рассмотрении репрезентативной глубинной структуры феноменального опыта мира и нас самих и при интерпретации ряда нейрофеноменологических примеров.

На втором этапе я пытаюсь разработать теоретический прототип для содержания, а также для "транспортных средств" феноменальной репрезентации на разных уровнях описания. Применительно к нашему случаю он должен быть правдоподобным как феноменологически, так и с точки зрения нейро- и когнитивных наук с позиции третьего лица. Это произойдет во второй половине главы 2 и, в частности, в главе 3. В главе 4 я использую первую серию коротких нейрофеноменологических кейсов для критической оценки этого первого набора концептуальных инструментов, а также конкретной модели репрезентативного средства: Можно ли с

помощью этих инструментов успешно анализировать те явления, которые обычно представляют собой необъяснимые загадки для классических теорий разума? Действительно ли они отражают все краски, тонкости и богатство сознательного опыта? Мне нравится думать об этой процедуре (которая будет повторена в главе 7) как о "нейропсихологическом тесте реальности". Этот тест на реальность будет проводиться путем более пристального рассмотрения ряда особых конфигураций, лежащих в основе необычных форм феноменального опыта, с которыми мы часто сталкиваемся в клинической нейропсихологии, а иногда и в обычной жизни. Однако везде в этой книге, где я явно не касаюсь этого типа проверки реальности, всегда будет делаться следующее исходное предположение: предполагаемый класс систем формируется человеческими существами в непатологических состояниях бодрствования. Таким образом, основным объектом исследования являются обычные люди в обычных фазах бодрствования, предположительно такие же, как вы, читатель этой книги. Я прекрасно понимаю, что это расплывчатая характеристика предполагаемого класса систем, но, как читатели заметят в ходе работы над этой книгой, в качестве общего предположения по умолчанию она вполне подходит для моих целей.

В этой главе я начну с того, что предложу ряд общих соображений, касающихся вопроса о том, как части мира внутренне представлены ментальными состояниями. Эти соображения приведут к реконструкции ментальной репрезентации как частного случая более комплексного процесса - ментальной симуляции. Из этого естественным образом вытекают еще два понятия, которые впоследствии могут быть использованы для ответа на вопрос о том, каковы на самом деле наиболее простые и наиболее полные формы феноменального содержания. Это понятия "ментальная презентация" и "глобальная метарепрезентация", соответственно, "глобальная модель реальности" (см. разделы 2.4 и 3.2.3). Обе концепции помогут выработать

критерии демаркации подлинно сознательных, феноменальных процессов репрезентации в противовес просто ментальным процессам репрезентации. В главе 3 я пытаюсь дать более подробное описание конкретных средств репрезентации, лежащих в основе потока субъективного опыта, вводя рабочее понятие "феноменальной ментальной модели". Это подготовка к шагам, предпринятым во второй половине книги (главы с 5 по 7), в которой я пытаюсь ответить на такие вопросы, как: Что именно представляет собой "перспективность", доминирующую структурную особенность нашего феноменального пространства? Как некоторые информационно-процессорные системы добиваются создания сложных внутренних репрезентаций самих себя, используя их для координации своего внешнего поведения? Как конституируется феноменальная, сознательно переживаемая перспектива от первого лица? На фоне моего общего тезиса, утверждающего, что очень специфическая форма ментального само моделирования является ключом к пониманию перспективности феноменальных состояний, в конце книги (глава 8) я пытаюсь дать несколько новых ответов на философские вопросы, сформулированные в главе 1.

2.2 От ментальной к феноменальной репрезентации: Обработка информации, интенциональное содержание и сознательный опыт

Ментальная репрезентация - это процесс, с помощью которого некоторые биосистемы генерируют внутреннее изображение частей реальности. Состояния, генерируемые в ходе этого процесса, являются внутренними репрезентациями, поскольку их содержание доступно соответствующей системе только - если вообще доступно - особым образом, посредством процесса, который сегодня мы называем "феноменальным опытом". Возможно, сам этот процесс является другим репрезентативным процессом,

процессом более высокого порядка, который оперирует только внутренними свойствами системы. Однако нам важно с самого начала четко разделить три уровня концептуального анализа: интернальность может быть описана как феноменальное, функциональное или физическое свойство определенных состояний системы. В частности, с феноменологической точки зрения, интернальность - это очень заметная, глобальная особенность содержаний сознательного самосознания. Эти содержания постоянно сопровождаются феноменальным качеством интернальности в "дорефлексивной" манере, то есть постоянно и независимо от всех когнитивных операций.

Феноменальное самосознание порождает "внутренность". В главах 5 и 6 мы очень внимательно рассмотрим это особое феноменальное свойство. На функциональном уровне описания обнаруживается второй вид "внутренности". Содержание ментальных репрезентаций - это содержание внутренних состояний, потому что каузальные свойства, делающие его доступным для сознательного опыта, реализуются только одним человеком и физическими свойствами, которые в основном имеют внутренний образец, реализуемый в теле этого человека. Это наблюдение приводит нас к третьему возможному уровню анализа: ментальные репрезентации - это индивидуальные состояния, которые являются состояниями внутренней системы в простом, физически-пространственном смысле. В этом самом тривиальном прочтении мы рассматриваем только сами носители или носители репрезентативного содержания. Однако даже такая первая концептуальная интерпретация интернальности ментального как физического типа интернальности более чем проблематична, и на то есть много веских причин.

Очевидно, что часто репрезентации этого первого порядка в своем содержании определяются определенными фактами,

которые являются внешними фактами, лежащими вне системы в очень простом и прямом смысле. Действительно ли ваша текущая ментальная репрезентация книги имеет содержание "книга" в сильном смысле слова, зависит от того, действительно ли в ваших руках сейчас находится книга. Является ли это репрезентацией или искажением? Это классическая проблема интенциональности ментального: ментальные состояния кажутся всегда направленными на объект, это состояния о чем-то, потому что они "намеренно" содержат объект в себе. (Brentano 1874, II, 1: §5).

Рассматривая интенциональные системы как информационно-процессорные системы, мы можем сегодня гораздо яснее понять загадочное и так и не определенное понятие Brentano "интенциональная несистемность", говоря, как эмпирические психологи, о "виртуальных эмуляторах объектов" и т. п. (см. главу 3). Однако наиболее фундаментальный уровень, на котором ментальные состояния могут быть индивидуализированы, - это не их интенциональное содержание или каузальная роль, которую они играют в порождении внутреннего и внешнего поведения. Он определяется их феноменальным содержанием, тем, как они переживаются с внутренней точки зрения. В нашем контексте феноменальное содержание - это то, что остается неизменным независимо от того, является ли нечто репрезентацией или искажением.

Конечно, наши взгляды на то, что действительно является "наиболее фундаментальным" в постижении истинной природы ментальных состояний, могут вскоре претерпеть кардинальные изменения. Однако подход от первого лица, безусловно, был исторически фундаментальным. Задолго до того, как человеческие существа создали теории об интенциональном содержании или каузальной роли ментальных репрезентаций, уже существовала народно-психологическая таксономия ментального. Народная психология наивно, успешно и последовательно оперирует перспективой первого лица: ментальное состояние - это

просто то, что я субъективно переживаю как ментальное состояние. Только позже стало очевидно, что не все ментальные, объектно-направленные состояния также являются сознательными состояниями в смысле реального феноменального опыта. Лишь позднее стало очевидно, что теоретические подходы к ментальному, все еще интуитивно укорененные в народной психологии, за последние двадцать пять веков дали очень незначительный прирост знаний (Р. М. Churchland 1981). Это одна из причин, почему сегодня те свойства, которыми должна обладать ментальная репрезентация части реальности, чтобы стать феноменально переживаемой репрезентацией, находятся в центре философских дебатов: Какое чувство внутренности действительно позволяет нам проводить различие между ментальными и феноменальными репрезентациями? Это феноменальная, функциональная или физическая интернальность?

Вначале мы сталкиваемся со следующей ситуацией: репрезентации частей мира традиционно описываются как ментальные состояния, если они обладают еще одним функциональным свойством. Это функциональное свойство является диспозиционным; как возможные содержания сознания, они в принципе могут быть превращены в субъективный опыт. Содержание нашего субъективного опыта, таким образом, является результатом неизвестного репрезентативного достижения. Оно создается нашим мозгом во взаимодействии с окружающей средой. Если нам удастся разработать более точный анализ этого репрезентативного достижения и функциональных свойств, лежащих в его основе, то этот анализ даст нам определяющие характеристики для концепции сознания.

Однако сама генерация ментальных состояний - это лишь частный случай биологической обработки информации: Подавляющее большинство случаев, в которых свойства мира

представлены путем генерации специфических внутренних состояний, в принципе происходят без какой-либо инстанции феноменальных качеств или субъективного осознания. Многие из тех сложных процессов обработки внутренней информации, которые, например, необходимы для регуляции частоты сердечных сокращений или активности иммунной системы, редко достигают уровня явной (Damasio, 1999; Metzinger, 2000a,b; конкретный пример возможного коррелята на молекулярном уровне в терминах холинергического компонента сознательного опыта см. в Perry, Walker, Grace, and Perry 1999). Такие чисто биологические процессы элементарного саморегулирующегося типа, конечно, несут информацию, но эта информация не является ментальной. Они вызывают и затем стабилизируют большое количество внутренних состояний системы, которые никогда не могут стать содержанием субъективного, феноменального сознания. Эти процессы также порождают отношения сходства, изоморфизмы; они отслеживают и коварируют определенные состояния организма и тем самым создают репрезентации фактов - по крайней мере, в определенном, слабом смысле объектной направленности. Эти состояния - состояния, несущие информацию о субличностных свойствах системы. Их информационное содержание используется системой для достижения собственного выживания. Важно отметить, что такие процессы являются лишь внутренними репрезентациями в чисто физическом смысле; они не являются ментальными репрезентациями в только что упомянутом смысле, поскольку в принципе не могут стать содержанием феноменальных состояний, объектов сознательного опыта. Им не хватает тех функциональных свойств, которые делают их внутренними состояниями в феноменологическом смысле. Очевидно, существует ряд необычных ситуаций - например, в гипнотических состояниях, во время сомнамбулизма или при эпилептических автоматизмах отсутствия, - когда функционально активные и очень сложные репрезентации

окружающей среды и агента в этой среде активируются без одновременного возникновения феноменального сознания или воспоминаний (мы вернемся к таким случаям в главе 7.) Такие состояния имеют богатое информационное содержание, но они еще не связаны с перспективой сознательного, переживающего Я.

Поэтому первый вопрос, касающийся феномена ментальной репрезентации, таков: Что делает внутреннюю репрезентацию ментальной репрезентацией; что превращает ее в процесс, который, по крайней мере в принципе, может обладать феноменальным видом "внутренности"? Очевидный факт, что биологические нервные системы способны генерировать репрезентации мира и его каузальной матрицы путем формирования внутренних состояний, которые затем функционируют как внутренние репрезентации этой каузальной матрицы, - это то, что я не буду обсуждать далее в этой книге. Наша проблема заключается не в интенциональности, а в феноменальном содержании. Интенциональность действительно существует, и в настоящее время имеется целый ряд перспективных подходов к натурализации интенционального, репрезентативного содержания. Сознательное интенциональное содержание - это более глубокая проблема. Можно ли проанализировать феноменальную репрезентацию как свернутый, вложенный и сложный вариант интенциональной репрезентации? Многие философы сегодня придерживаются стратегии интенционализации феноменального сознания: для них феноменальное содержание является формой репрезентативного содержания более высокого порядка, которое причудливо переплетается с самим собой. Многие репрезентативные процессы, лежащие в основе сознательного опыта, представляются изоморфно-сохраняющими процессами; они систематически коварируют со свойствами мира и активно сохраняют эту ковариацию. Генерируемая таким образом ковариация встраивается в каузально-телеологический контекст, поскольку имеет

долгую биологическую историю и используется отдельными системами для достижения определенных целей (см. Millikan 1984, 1993; Papineau 1987, 1993; Dretske 1988; и раздел 3.2.11). Интенциональное содержание генерируемых таким образом состояний играет центральную роль в объяснении внешнего поведения, а также постоянной внутренней реконфигурации системы.

Однако тот удивительный факт, что подобные внутренние репрезентации частей мира могут, помимо своего интенционального содержания, превращаться в переживания систем, описываемых как личности, обращает наше внимание на одно из центральных ограничений любой теории субъективности, а именно на решение проблемы несовместимости личного и субличного уровней описания.⁵ Этот дополнительный аспект одновременно сталкивает нас с новым вариантом проблемы "разум-тело": кажется, что в принципе невозможно описать причинно-следственные связи между событиями на личном и субличном уровнях анализа, а затем перейти к описанию этих связей все более тонким образом (Davidson 1970). Этот новый вариант, в свою очередь, приводит к значительным осложнениям для любого натуралистического анализа сознательного опыта. Он возникает из-за того, что в перспективе от третьего лица мы описываем субъективный характер ментальных состояний в аспекте обработки информации, осуществляемой субличными модулями: Как соотносятся сложные события обработки информации - например, в человеческом мозге - с одновременно развивающимися феноменальными эпизодами, которые затем сами системы описывают как свой собственный субъективный опыт, используя внешние коды репрезентации? Как стало возможным появление этого чувства собственности на личном уровне? Как мы можем адекватно представить себе репрезентативные состояния в мозге как одновременно объектно-направленные и

субъектно-ориентированные? Как могут существовать одновременно субличностные и личностные состояния?

Взрывной рост знаний в нейро- и когнитивных науках сделал совершенно очевидным, что возникновение и содержание феноменальных эпизодов в очень сильной степени определяется свойствами информационного потока в человеческом мозге. Когнитивная нейропсихология, в частности, показала, что существует не только сильная корреляция, но и сильная зависимость "снизу вверх" между нейронными и информационными свойствами мозга и структурой и конкретным содержанием сознательного опыта (см. Metzinger 2000a). Это одна из причин, по которой перспективно не только анализировать психические состояния в целом с помощью концептуальных инструментов, разработанных на уровне описания, рассматривающем объекты с психологическими свойствами как информационно-процессорные системы, но и дополнительный пучок проблемных свойств, которыми обладают такие состояния и которые часто обозначаются такими ключевыми философскими понятиями, как "опыт", "перспективность" и "феноменальное содержание". Центральную категорию на этом теоретическом уровне сегодня, несомненно, образует понятие "репрезентация". В наше время "репрезентация" благодаря своей семантической связи с понятием информации была перенесена в область математической точности и впоследствии получила эмпирическое закрепление. Это развитие сделало его интересным инструментом для натуралистического анализа когнитивных феноменов в целом, но все больше и больше для исследования феноменальных состояний. В исследованиях искусственного интеллекта, в когнитивной науке и во многих нейронаучных субдисциплинах концепция репрезентации сегодня играет центральную роль в формировании теории. Нельзя, однако, упускать из виду, что такое развитие привело к семантической инфляции термина, что более чем проблематично. Также нельзя игнорировать

тот факт, что "информация", то самое понятие, которое сделало возможным это развитие в направлении преодоления разрыва между естественными и гуманитарными науками, является, безусловно, более молодой категорией и тех, и других. "Репрезентация" - традиционный топос окцидентальной философии. И взгляд на многие столетия, в течение которых развивалась эта концепция, может предотвратить множество изобретений колеса и теоретических тупиков.

В частности, в конце двадцатого века понятие репрезентации вышло за пределы философии и стало использоваться в ряде, зачастую очень молодых, дисциплин. Само по себе это положительное явление. Однако оно также вызвало семантическую инфляцию, о которой уже говорилось. Чтобы избавиться от расплывчатости и отсутствия точности, которые можно обнаружить во многих аспектах текущих дебатов, мы должны сначала взглянуть на логическую структуру самого репрезентативного отношения. Это важно, если мы хотим прийти к последовательной рабочей концепции эпистемических и феноменальных процессов, которые нас интересуют. Основная цель последующих рассуждений состоит в создании ясного и максимально простого набора концептуальных инструментов, с помощью которых субъективный опыт - то есть динамика исключительно феноменальных репрезентативных процессов - может быть шаг за шагом и с возрастающей точностью описан как частный случай ментальной репрезентации. После того как это будет достигнуто, я предлагаю несколько идей о том, как могли бы выглядеть конкретные структуры, к которым относятся наши концептуальные инструменты.

Понятие "ментальная репрезентация" может быть проанализировано как трехместное отношение между *representanda* и *representata* по отношению к индивидуальной

системе: Репрезентация - это процесс, в котором достигается внутреннее изображение репрезентанта путем генерирования внутреннего состояния, которое функционирует как репрезентант (Herrmann 1988). Репрезентант - это объект репрезентации. Репрезентатум - это конкретное внутреннее состояние, несущее информацию, связанную с этим объектом. Репрезентация - это процесс, с помощью которого система в целом генерирует это состояние. Поскольку репрезентатум, средство репрезентации, является физической частью соответствующей системы, эта система постоянно изменяет себя в процессе внутренней репрезентации; она генерирует новые физические свойства внутри себя, чтобы отслеживать или схватывать свойства мира, пытаюсь "содержать" эти свойства в оригинальном смысле Брендано. Конечно, уже здесь мы должны сделать первую оговорку: если мы исходим из экстерналистской теории значения и первых идей динамистской когнитивной науки (см. Smith and Thelen 1993; Thelen and Smith 1994; Kelso 1995; Port and van Gelder 1995; Clark 1997b; обзоры см. в Clark 1997a, 1999; Beer 2000; Thompson and Varela 2001), то физический representatum, собственно "транспортное средство" репрезентации, не обязательно имеет свои границы на нашей коже. Например, процессы перцептивной репрезентации можно представить как очень сложные динамические взаимодействия внутри сенсомоторного контура, активируемого системой и поддерживаемого в течение определенного времени. Другими словами, мы являемся системами, которые генерируют интенциональное содержание своего общего репрезентативного состояния, пульсируя в пространстве каузальных взаимодействий, так сказать, престаупая свои физические границы и извлекая при этом информацию из окружающей среды. Мы могли бы концептуально проанализировать эту ситуацию как активацию нового состояния системы, функционирующего как репрезентатум, будучи функционально внутренним событием (поскольку оно основано на преходящем изменении функциональных

свойств системы), но вынужденным использовать физически внешние ресурсы для своей конкретной реализации. Направление, в котором происходит оптимизация этого процесса, указывает на функциональную оптимизацию поведенческих паттернов, а не на совершенствование структурно-сохраняющего типа репрезентации. Однако с точки зрения теоретического третьего лица мы можем лучше понять успех этого процесса, описывая его как процесс репрезентации, оптимизированный в ходе эволюционного развития, и принимая фоновое предположение о реалистичности. Давайте рассмотрим первый простой концептуальный инструмент в нашем наборе инструментов

Вставка 2.1

Ментальная репрезентация: $RepM(S, X, Y)$

S - это индивидуальная информационно-процессорная система.

Y - это аспект текущего состояния мира.

X представляет Y для S.

X - это функционально внутреннее состояние системы.

Интенциональное содержание X может стать доступным для интроспективного внимания. Оно обладает потенциалом стать репрезентантом субсимволических репрезентативных процессов высшего порядка.

Интенциональное содержание X может стать доступным для когнитивной референции. В свою очередь, оно может стать

репрезентантом символических репрезентативных процессов более высокого порядка.

Интенциональное содержание X может стать глобально доступным для избирательного контроля действий.

Позвольте мне теперь предложить два пояснительных комментария и ряд замечаний, уточняющих определяющие характеристики этой первой концепции. Первое замечание: Поскольку концептуально "феноменальность" является весьма проблематичным свойством результатов внутренней обработки информации, которые, однако, должны лежать в основе любой натуралистической теории субъективного опыта, очень важно прежде всего четко разделить процессы и результаты на аналитическом уровне. Причина, по которой мы должны это сделать, заключается в предотвращении определенных двусмысленностей и феноменологических заблуждений. На самом деле, значительная часть текущей дискуссии страдает от того, что часто не проводится четкого различия между "репрезентацией" и "репрезентатумом". Репрезентатум - это теоретическая фикция, временной срез текущего репрезентативного процесса, рассматриваемый под углом зрения его содержания. Что это значит?

Пока мы выбираем репрезентативный уровень описания, ментальным является не базовый нейронный процесс как таковой, который становится содержанием сознания, а конкретное подмножество вероятных более абстрактных свойств конкретных внутренних активационных состояний, нейронно реализованных "структур данных", которые порождаются этим процессом. Феноменальное содержание, эмпирический характер этих активационных состояний, порождается определенным подмножеством функциональных и вычислительных свойств лежащей в их основе физиологической динамики. Феноменология надзирает над внутренне реализованными

функциональными свойствами. Если вы сейчас смотрите на книгу в своих руках, вы осознаете не сложнейший нейронный процесс в зрительной коре, а содержание феноменальной ментальной модели (о понятии феноменальной ментальной модели см. раздел 3.3 в главе 3), которая, прежде всего, порождается этим процессом внутри вас. Если в то же время вы интроспективно наблюдаете ментальные состояния, вызванные в вас чтением этой книги - возможно, скуку, эмоциональное сопротивление или внезапный интерес, - то содержимое вашего сознания - это ментальные репрезентации, а не сам нейронный процесс конструирования. Существует различие между содержанием и транспортным средством. Короче говоря, если мы говорим о содержании субъективного опыта, мы не говорим о процессе, лежащем в основе нейронаучного описания. Мы говорим о феноменальных "свойствах содержания", абстрактных характеристиках конкретных состояний в голове. По крайней мере, в рамках классической концепции репрезентации существует разница между свойствами транспортного средства и свойствами содержания.

Важен и второй аспект. При этом мы почти всегда забываем о временной динамике этого процесса или абстрагируемся от нее и рассматриваем отдельные временные срезы как объекты - особенно если их содержательные свойства демонстрируют некоторую инвариантность во времени. Я называю это "ошибкой феноменологической реификации". Существует соответствующая и печально известная грамматическая ошибка, присущая народной психологии, которая, как логическая ошибка, имеет длинную философскую традицию. В аналитической философии сознания она известна как "феноменологическое заблуждение". Однако следует различать два уровня, на которых может происходить этот незаметный переход от психического процесса к личности, от невинной последовательности событий к неделимому психическому объекту. Первый уровень репрезентации образуется

лингвистическими ссылками на феноменальные состояния. Второй уровень репрезентации образуется самим феноменальным опытом. Второй может происходить без первого, и этот факт часто упускается из виду. Мой тезис заключается в том, что между этими двумя уровнями репрезентации существует тесная связь и что философия разума не должна ограничиваться исследованием только первого уровня репрезентации. Почему? Грамматическая ошибка, присущая описаниям народной психологии, в конечном итоге коренится в функциональной архитектуре нашей нервной системы; логическая структура лингвистических ссылок на ментальные состояния тесно связана с глубинной репрезентативной структурой нашего феноменального пространства. Что я имею в виду, говоря это?

Феноменальность - это свойство определенного класса ментальных репрезентатов. Среди прочих особенностей этот класс репрезентатов характеризуется тем, что он активизируется в определенное временное окно (см., например, Metzinger 1995b, ссылки на него и раздел 3.2.2 главы 3). Это временное окно всегда больше, чем временной интервал нейронных процессов, которые, например, приводят к активации целостного феноменального объекта (например, воспринимаемой книги в ваших руках). В этом элементарном процессе формирования объекта, как показывают многочисленные эмпирические данные, большая часть фундаментальной процессуальности на физическом уровне как бы "проглатывается" системой. Другими словами, то, что вы субъективно переживаете как целостный объект, обладающий трансвременной идентичностью (например, книга, которую вы держите в руках), формируется в ходе непрерывного процесса, который создает стабильное, связанное содержание и при этом систематически удаляет свою собственную темпоральность. Иллюзия субстанциональности возникает только в перспективе от первого лица. Это постоянная активность эмулятора объекта, которая приводит

к феноменальному переживанию прочного объекта. Подробнее об этом позже (более подробную информацию и ссылки см. в Metzinger 1995b; Singer 2000).

Важно отметить, что на втором уровне то, как мы обозначаем феноменальные содержания в публичном языке, снова исключает лежащую в основе динамику обработки информации. Если мы говорим о "содержании сознания" или о содержании одной феноменальной "репрезентации", мы овеществляем эмпирическое содержание непрерывного репрезентативного процесса. Таким образом, процесс становится объектом; мы автоматически порождаем феноменального индивида и рискуем повторить классическое феноменологическое заблуждение. Это заблуждение заключается в неоправданном использовании экзистенциального квантификатора в психологическом операторе: Если я смотрю на красную вспышку, закрываю глаза, а потом вижу зеленое послесвечение, это не означает, что появился нефизический объект, обладающий свойством "зелености". Если рассуждать подобным образом, то очень скоро невозможно будет понять, какими вообще могли быть отношения между феноменальными индивидами и физическими индивидами. Единственное, что мы можем с полным правом сказать, это то, что в данный момент мы находимся в состоянии, которое в обычных условиях вызывается визуальным присутствием объектов, которые в таких стандартных ситуациях мы описываем как "зеленые". На самом деле такие описания относятся не к феноменальному индивиду, а лишь к интроспективно доступному временному срезу реального процесса репрезентации, то есть к содержательному свойству этого процесса в момент t . Физический носитель этого содержания, обозначенный временным индикатором, я буду впредь называть "репрезентатумом". Вот и все, что касается моего второго предварительного замечания.

Давайте теперь уточним понятие "ментальная репрезентация" и обратимся сначала к тем реляциям, которые фиксируют интенциональное содержание ментальных репрезентаций: к тем фактам в мире, которые функционируют как репрезентанты в нашем тернарном отношении. Репрезентанты - это объекты репрезентации. Объектами репрезентации могут быть внешние факты, такие как наличие естественного врага, источника пищи или сексуального партнера, а также символы, аргументы или теории о субъективности ментальных состояний. Внутренние факты, такие как текущий уровень сахара в крови, форма нашего гормонального ландшафта или существование инфекционных микроорганизмов, также могут превратиться в репрезентанды, модулируя активность центральной нервной системы и изменяя таким образом ее внутренний информационный поток. Свойства или отношения тоже могут быть объектами репрезентативного процесса и служить отправной точкой для высших когнитивных операций. Такими отношениями, например, может быть расстояние до определенного состояния цели, которое также внутренне представлено. Мы также можем мысленно представлять классы, например, прототипические наборы поведения, вызывающие удовольствие или боль. Особое значение в контексте феноменального опыта имеет тот факт, что система в целом, со всеми ее внутренними, публичными и реляционными свойствами, также может стать репрезентандом (см. главу 6). Репрезентанты, таким образом, могут быть как внешними, так и внутренними частями мира, и глобальные свойства системы играют особую роль в данном теоретическом контексте. Сама система S , очевидно, образует первый и наиболее инвариантный релятум в нашем трехместном репрезентативном отношении. Указывая S как индивидуальную систему обработки информации, я хочу исключить более конкретные применения понятия "репрезентативная система", например, к муравейникам, китайским нациям (Block 1978), научным сообществам или разумным звездным облакам. Опять же, если ничего не

сказано прямо, отдельные представители Homo sapiens всегда образуют целевой класс систем.

Репрезентант, Y , формируется актуальным состоянием мира. В этот момент возникает особенно сложная проблема: Что именно является "актуальностью"? И снова мы обнаруживаем, что для того, чтобы вообще можно было говорить о репрезентации в "реальном времени", всегда необходимо предположить определенную временную рамку. Без указания этой временной рамки такие выражения, как "репрезентация окружения системы в реальном времени" или "актуальное состояние мира", являются бессодержательными выражениями. Позвольте мне объяснить.

Сознательные ангелы, как и муравейники или разумные звездные облака, не принадлежат к намеченному нами классу объяснительных целей, но по другой причине: потому что они обладают только ментальными, но никак не физическими свойствами. Для физических индивидов абсолютная мгновенность, к сожалению, невозможна. Разумеется, все физически реализуемые процессы проведения и обработки информации требуют времени. По этой причине информация, имеющаяся в нервной системе, в определенном, весьма радикальном смысле никогда не является актуальной информацией: уже один тот простой факт, что скорости транс- и кондукции различных сенсорных модулей различны, приводит к необходимости определения системой для себя элементарных порогов упорядочивания и "окон одновременности". В таких окнах одновременности она может, например, интегрировать визуальную и тактильную информацию в мультимодальное представление объекта - объекта, который мы можем сознательно видеть и ощущать одновременно. Это простое понимание - первое, которое имеет подлинно философский привкус; "одинаковость" и временность в выражении "одновременно" уже относятся к

феноменальному "сейчас", к тому, как вещи предстают перед нами. "Собственность" книги в ваших руках сама по себе является внутренне сконструированным видом репрезентативного содержания; это не просто актуальность, а актуальность как репрезентация. Многие эмпирические данные показывают, что наше сознательно переживаемое настоящее в конкретном и недвусмысленном смысле является вспоминаемым настоящим (я подробно возвращаюсь к этому вопросу в разделе 3.2.2).

Феноменальное настоящее само по себе является репрезентативной конструкцией, виртуальным присутствием. Выяснив этот момент, можно впервые осознать, что значит сказать, что феноменальное пространство - это виртуальное пространство; его содержание - это возможная реальность. Это вопрос, к которому мы будем неоднократно возвращаться в ходе работы над этой книгой: реализм феноменального опыта порождается репрезентативным процессом, который для каждой отдельной системы и нетрансцендентным образом изображает возможность как реальность. Тот простой факт, что актуальность феноменального "сейчас" является виртуальной формой актуальности, также имеет значение для анализа особенно интересного феноменологического свойства высшего порядка - свойства того, что вы как субъект сознательно присутствуете в мультимодальной сцене или мире. Поэтому я возвращаюсь к концепции виртуальной репрезентации в главах 6 (разделы 6.2.2 и 6.5.2) и 8. На данный момент будет достаточно следующего замечания: Ментальная репрезентация - это процесс, функция которого для системы заключается в представлении реальной физической действительности в определенных, узко определенных временных рамках и с достаточной степенью функционально адекватной точности. Короче говоря, на уровне потока информации о реальном мире в мозге не существует такой вещи, как абсолютная актуальность, но, возможно, существуют компенсаторные механизмы на уровне временного содержания, активируемого в этом

процессе (интересный эмпирический пример см. в Nijhawan and Khurana 2000). Если мы говорим, что репрезентант Y образован актуальным состоянием мира, мы имеем в виду не абсолютную актуальность или временную непосредственность в строго физическом смысле, а систему отсчета, которая оказалась адаптивной для определенных организмов, действующих под селективным давлением весьма специфической биологической среды.

Что означает, если мы говорим, что состояние, описываемое как репрезентативное, выполняет функцию для системы? В определении репрезентативного отношения $RepM$, которое я только что предложил, репрезентаты специфицированы дополнительным телеологическим критерием: внутреннее состояние X представляет часть мира Y для системы S . Это означает, что соответствующее физическое состояние внутри системы обладает репрезентативным содержанием только в контексте истории, целей и поведенческих возможностей данной конкретной системы. Этот контекст, например, может иметь социальную или эволюционную природу. Ментальные состояния обладают каузальными свойствами, которые в определенной группе людей или под селективным давлением конкретной биологической среды могут быть более или менее адекватными. Например, они могут сделать более или менее вероятным успешное сотрудничество с другими человеческими существами и чисто генетический репродуктивный успех. Именно по этой причине мы всегда можем рассматривать ментальные состояния с репрезентативным содержанием как инструменты или как оружие. Если анализировать активные ментальные репрезентаты как внутренние инструменты, которые в данный момент используются определенными системами для достижения определенных целей, то мы становимся телеофункционалистами или телеорепрезентационистами. В этой книге я не отстаиваю телеофункционализм в явном виде, но с этого момента я буду делать его одним из своих неявных фоновых предположений.

Объяснительный принцип телеофункционализма можно легко проиллюстрировать, рассмотрев логическое различие между искусственными и биологическими системами репрезентации (см. раздел 3.2.11). Искусственные системы - такими, какими мы их знали в прошлом веке, - не обладают никакими интересами. Их внутренние состояния выполняют функцию не для самой системы, а только для более крупной единицы - человеко-машинной системы. Поэтому эти состояния не представляют собой ничего в том смысле, который здесь подразумевается. С другой стороны, необходимо ясно видеть, что сегодня традиционное концептуальное различие между искусственными и естественными системами уже не является исключительным и исчерпывающим. Эмпирическое подтверждение этому можно найти в последних достижениях новых дисциплин, таких как исследования искусственной жизни или гибридная биоробототехника. Постбиотические системы будут использовать биоморфные архитектуры и социоморфные механизмы отбора для создания небιологических форм интеллекта. Однако эти формы интеллекта являются небιологическими только в отношении формы их физической реализации. Один из философски интересных вопросов, конечно, заключается в том, является ли только интеллект или даже субъективный опыт среднеинвариантным феноменом в этом смысле слова. Является ли сознание надстройкой над свойствами, которые должны быть индивидуализированы более универсальным телеофункционалистским способом, или только над классическими биологическими свойствами, как это показано на этой планете?

Введение телеофункционалистских ограничений пытается ответить на теоретическую проблему, которая традиционно стояла перед всеми изоморфистскими теориями репрезентации. Изоморфистские теории предполагают такую форму сходства между изображением и объектом, которая основывается на частичном сохранении структурных

особенностей объекта в изображении. Фундаментальная проблема на формальном уровне для таких теорий состоит в том, что отношение репрезентации как двухместное отношение между парами комплексов и как простая сохраняющая структура проекция являются легкими мишенями для определенных аргументов тривиализации. В частности, структурно-сохраняющие изоморфизмы не однозначно выделяют искомое нами репрезентативное отношение. Введение системы в целом в качестве третьего релята решает эту проблему, встраивая общий процесс в каузально-телеологический контекст. Технически говоря, это помогает устранить рефлексивность и симметричность простого отношения подобия.

Важно отметить, как трехместные отношения могут быть логически разложены на три двухместных. Во-первых, мы можем рассмотреть отношение между системой и репрезентантом, например, отношение, которое вы, как система в целом, имеете к книге в ваших руках, перцептивно данному репрезентанту. Назовем это отношением опыта: вы сознательно переживаете книгу в своих руках, и, если у вас нет галлюцинаций, это отношение опыта одновременно является отношением знания. Искажение возможно в любой момент, в то время как феноменальный характер вашего общего состояния (его феноменальное содержание) может оставаться неизменным. Во-вторых, мы могли бы рассмотреть отношения между системой и репрезентатумом. Это отношение между системой в целом и ее подсистемной частью, обладающей адаптивной ценностью и функционирующей как эпистемический инструмент. Таким двухместным отношением может быть отношение между вами, как системой в целом, и конкретным паттерном активации в вашем мозге, определяющим феноменальное содержание вашего сознательного опыта книги в вашей руке. В-третьих, в общее трехместное отношение встраивается отношение между этим состоянием мозга и реальной книгой, которая "управляет" своей активностью, сначала активируя

определенные сенсорные поверхности. В трехместное отношение между системой, объектом и репрезентирующим внутренним состоянием мы встраиваем двухместное отношение, существующее между *representandum* и *representatum*. Это субличностное отношение, еще не предполагающее никакой референции к системе в целом. Это двухместное отношение между *representandum* и *representatum* должно быть асимметричным отношением. Я буду называть асимметричными все отношения, которые удовлетворяют следующим трем критериям: Во-первых, исключается возможность тождества образа и объекта (иррефлексивность). Во-вторых, для обоих отношений, составляющих основные семантические элементы понятия "репрезентация", а именно: отношения "а изображает или описывает b" и отношения "а функционирует как место или как внутренняя функциональная замена b", должно быть верно, что они не тождественны своим обратным отношениям. В-третьих, репрезентация в этом смысле является интранзитивным отношением. Поэтому те случаи, которые мы должны концептуально точно уловить, - это именно те случаи, в которых одно отдельное состояние, порождаемое системой, функционирует как внутреннее "описание" и как внутренняя функциональная замена части мира - но не наоборот. В реальных физических системах *representanda* и *representata* всегда должны рассматриваться как разные сущности. Этот шаг становится важным, как только мы распространяем нашу концепцию на особый случай феноменальной саморепрезентации (см. раздел 5.2), поскольку он позволяет избежать логических проблем классических идеалистических теорий сознания, а также множества бессмысленных вопросов, вездесущих в популярных дебатах, таких как "Как сознание может понять себя?" или "Как сознательное "я" может быть субъектом и объектом одновременно?".

Телеофункционализм решает эту фундаментальную проблему, преобразуя двухместное репрезентативное

отношение в трехместное: обладает ли что-то репрезентативным содержанием, зависит от того, как оно используется определенной системой. Система в целом становится третьим релятом, закрепляя репрезентативное отношение в каузальном контексте. Разграничивая его таким образом, мы можем устранить симметричность, рефлексивность и транзитивность отношения изоморфии. Таким образом, мы приходим к концепции репрезентации, которая в то же время привлекательна тем, что вполне правдоподобна с эволюционной точки зрения.

Телеофункционализм, как отмечалось выше, будет моим первым исходным предположением. Несомненно, он очень силен, поскольку предполагает истинность эволюционной теории в целом и интегрирует общую биологическую историю репрезентативной системы на нашей планете в объяснительную основу феноменального сознания. Тем не менее, поскольку телеофункционализм на сегодняшний день оказался одной из самых успешных исследовательских программ в философии сознания, поскольку эволюционная теория - одна из самых успешных эмпирических теорий, когда-либо открытых человечеством, и поскольку мои основные цели в этой книге иные, я не буду здесь явно отстаивать это предположение.

Следующей определяющей характеристикой ментальных репрезентативных процессов является их интернальность. Я уже указывал, что к этому утверждению следует относиться с большой осторожностью, поскольку во многих случаях интенциональное содержание ментального репрезентатума должно быть экстерналистски индивидуализировано. Если верно, что многие формы содержания фиксируются только в том случае, если, например, фиксируются физические свойства сложных сенсомоторных контуров, тогда именно пространственно внешние события помогут зафиксировать данное ментальное содержание (см., например, Grush 1997, 1998; Clark and Chalmers 1998). С другой стороны, кажется, можно с уверенностью сказать, что с точки зрения своих

содержательных свойств ментальные репрезентативные состояния в том смысле, который здесь подразумевается, являются временно внутренними состояниями; они представляют исключительно актуальные состояния окружения системы. Они делают это в пределах окна присутствия, которое было функционально разработано самой системой, то есть в пределах временной системы отсчета, которая была определена как настоящее. В этом смысле содержание сознательно переживаемых ментальных репрезентаций является темпорально внутренним содержанием, но не в строго физическом, а только в функциональном смысле. Как только вы уловили этот момент, возникает интересная расширенная гипотеза: феноменальные процессы репрезентации могут быть именно теми процессами, которые также надзирают за внутренне реализуемыми функциональными свойствами системы, на этот раз в пространственном отношении. Внутренность можно было бы интерпретировать не только как свойство временного содержания, но и как свойство пространственного аппарата. Пространственная система отсчета в данном случае будет определяться физическими границами отдельного организма (это одна из причин, по которой мы должны были исключить муравейники как целевые системы). Пока что я приму это предположение в качестве рабочей гипотезы, не приводя никаких дополнительных аргументов. Оно формирует мое второе концептуальное предположение: если все пространственно внутренние свойства (в указанном выше смысле) данной системы фиксированы, то фиксировано и феноменальное содержание ее репрезентативного состояния (т. е. то, что она "делает настоящим"). Другими словами, то, что система сознательно переживает локально, с номологической необходимостью зависит от ее физических свойств. Среди философов сегодня это широко распространенное предположение. Оно подразумевает, что активные процессы ментальной репрезентации могут быть внутренне доступны только на уровне сознательного опыта, и этот способ доступа

должен быть очень специфическим. Если рассматривать сознание в таком ключе, то можно, например, сказать, что феноменальная обработка представляет определенные свойства одновременно активных и исключительно внутренних состояний системы таким образом, чтобы сделать их интенциональное содержание глобально доступным для внимания, познания и гибкого контроля действий. Что значит сказать, что эти целевые состояния являются исключительно внутренними? И снова необходимо разделить три различные интерпретации "внутренности": физическую внутренность, функциональную внутренность и феноменальные качества субъективно переживаемых "nowness" и "inwardness". Интересно, что есть три соответствующих интерпретации таких понятий, как "граница системы и мира". Позже я попытаюсь предложить более четкую концепцию отношений между этими двумя концептуальными предпосылками.

Давайте кратко подведем итоги. Ментальные состояния - это внутренние состояния в особом смысле функциональной интернальности: их интенциональное содержание, которое может быть представлено фактами, пространственно внешними в физическом смысле, может быть сделано глобально доступным в индивидуально реализованном окне присутствия. (Я объясняю природу таких окон присутствия в разделе 3.2.2.) Таким образом, оно обладает потенциалом превращения в феноменальное содержание. Преобразование интенционального содержания таким образом означает, что оно попадает в новый контекст, контекст проживаемого настоящего. Можно представить себе, что репрезентативное содержание встраивается в новый временной контекст исключительно внутренним механизмом, но что именно является "глобальной доступностью?" Является ли это второе ограничение тем, что должно удовлетворяться либо средствами, либо, скорее, содержанием сознательного опыта?

Этот вопрос возвращает нас к исходной точке, к основной проблеме: каковы определяющие характеристики, выделяющие подмножество активных репрезентатов ментальных состояний нашего мозга как обладающих предрасположенностью к трансформации в субъективный опыт? На каких уровнях описания их можно обнаружить? Мы ищем специфический для данной области набор феноменологических, репрезентативных, функциональных и нейронаучных ограничений, которые могут служить для надежного выделения класса феноменальных репрезентатов для человеческих существ.

В следующей главе я дам ряд новых ответов на этот основной вопрос, построив такой каталог ограничений. Здесь же я буду использовать только одно из этих ограничений в качестве "определяющего по умолчанию", как предварительный инструмент, применяемый *pars pro toto* - пока что вместо более детального набора ограничений, которые еще предстоят. Обратите внимание, что введение этой определяющей характеристики по умолчанию служит лишь иллюстрацией на данном этапе. В главе 3 (разделы 3.2.1 и 3.2.3) мы увидим, как этот самый первый пример является лишь ограниченной версией гораздо более полного многоуровневого ограничения. Причина выбора этого конкретного примера в качестве единственного представителя целого набора возможных ограничений, накладываемых на исходное понятие ментальной репрезентации, очень проста: оно в высшей степени интуитивно, и оно уже было представлено в текущей дискуссии. Конкретное понятие, которое я имею в виду, было впервые разработано Бернардом Баарсом (1988, 1997) и Дэвидом Чалмерсом (1997): глобальная доступность.

Понятие глобальной доступности - интересный пример первого возможного критерия, по которому мы можем разграничить феноменальную информацию на

функциональном уровне описания. Однако в самом начале необходимо провести дополнительную дифференциацию этого критерия. Как показывают примеры, которые будут представлены в главах 4 и 7, нейропсихологические данные делают такое концептуальное разграничение необходимым. Идея заключается в следующем. Феноменально представленная информация - это именно то подмножество активной в данный момент информации в системе, которое обладает одним или несколькими из следующих трех диспозиционных свойств:

доступность для управляемого внимания (т.е. доступность для интроспекции; для неконцептуальной ментальной метарепрезентации);

доступность для когнитивной обработки (т.е. доступность для мышления; т.е. для формирования ментальных концепций);

доступность для контроля поведения (т.е. доступность для моторного выбора; волевая доступность).

Следует отметить, что такое разграничение, хотя и адекватное для данной цели, является несколько грубой фикцией с эмпирической точки зрения. Например, существует не один вид внимания (например, сознательно инициированное, сфокусированное внимание высокого уровня и автоматическое внимание низкого уровня). Безусловно, существуют различные стили мышления, одни более изобразительные, другие более абстрактные, и контроль поведения, осуществляемый (тем не менее сознательным) животным, может оказаться чем-то совершенно отличным от рационально управляемого контроля действий человека. В частности, как мы увидим, существует ряд нетипичных ситуаций, в которых удовлетворяются менее трех из этих под-ограничений, но в которых феноменальный опыт, возможно, все же

присутствует. Давайте сначала посмотрим на то, что, вероятно, является наиболее фундаментальной и почти неизменной характеристикой всех сознательных репрезентаций.

2.2.1 Интроспективность как доступность внимания

Психические состояния - это все те состояния, которые в принципе могут стать доступными для интроспекции. Все состояния, которые доступны, и особенно те, которые действительно интроспектируются, являются феноменальными состояниями. Это означает, что они могут стать объектами добровольно инициированного и направленного на достижение цели процесса внутреннего внимания (см. также раздел 6.4.3). Ментальные состояния обладают определенным функциональным свойством: они доступны для внимания. По-другому это можно выразить, сказав, что ментальные состояния интроспективно проницаемы. "Добровольно" на данном этапе означает лишь то, что сам процесс интроспекции обычно сопровождается особым типом феноменального содержания более высокого порядка, а именно субъективно переживаемым качеством агентности (см. разделы 6.4.3, 6.4.4 и 6.4.5). Это качество немецкий философ, психиатр и теолог Карл Ясперс назвал *Vollzugsbewusstsein*, "исполнительным" сознанием, непередаваемым переживанием того факта, что инициация, направленность и постоянное поддержание внимания - это внутренний вид действия, деятельность, которой управляет сам феноменальный субъект. Однако внутреннее внимание не следует интерпретировать как деятельность гомункулуса, направляющего луч фонарика, состоящего из его уже существующего сознания, на различные внутренние объекты и тем самым превращающего их в феноменальные индивиды (ср. Лусан 1987; глава 8). Скорее, интроспекция - это

субличный процесс распределения репрезентативных ресурсов, происходящий в некоторых информационно-процессорных системах. Это особый вариант именно тех процессов, которые составляют тему нашего сегодняшнего концептообразования: интроспекция - это внутренняя репрезентация активных ментальных репрезентатов. Интроспекция - это метарепрезентация. Очевидно, что интересный класс репрезентатов выделяется тем, что с ним оперирует субсимволическая, неконцептуальная форма метарепрезентации, которая превращает их в содержание репрезентатов более высокого порядка. На этом этапе "субсимволический" для интроспективной обработки означает "использующий нелингвистический формат" и "не приближающийся к синтаксису". Более точное разграничение этого класса - эмпирический вопрос, в отношении которого оправдана надежда на эпистемический прогресс в ближайшем будущем. Можно с уверенностью предположить, что те функциональные свойства, которые превращают некоторые внутренние репрезентанты в потенциальные репрезентанты глобальных ментальных репрезентативных процессов и тем самым в интроспективные состояния, будут более точно описаны будущими вычислительными нейробиологами. Возможно, пройдет некоторое время, прежде чем мы обнаружим реальный алгоритм, но позвольте мне привести пример простого, грубого функционального анализа, позволяющего исследовать нейронные корреляты интроспекции. Внимание - это процесс, который эпизодически увеличивает способность к обработке информации в определенном участке репрезентативного пространства. Функционально говоря, внимание - это внутреннее распределение ресурсов. Внимание, так сказать, представляет собой репрезентативный тип увеличения масштаба, служащий для локального повышения разрешения и богатства деталей в рамках общей репрезентации. Если это так, то феноменальные репрезентаты - это те структуры, которые независимо от их каузальной истории, то есть независимо от

того, транспортируют ли они в первую очередь визуальное, слуховое или когнитивное содержание, в данный момент делают информацию, которую они представляют, доступной для операций такого типа.

Доступность к интроспекции в этом смысле - характерная черта сознательной обработки информации, и она вновь проявляется на феноменологическом уровне описания. Иногда, по чисто прагматическим причинам, мы заинтересованы в наделении внутренних состояний именно этим свойством. Многие виды психотерапии пытаются преобразовать патологические психические структуры в интроспективные состояния с помощью различных методов. Они делают это потому, что работают на основе очень сильного предположения, которое обычно не обосновывается никакими теоретическими или аргументированными способами. Это предположение сводится к идее, что патологические структуры могут, просто приобретя свойство интроспективной доступности, быть растворены, трансформированы или подвергнуты влиянию в их нежелательном воздействии на субъективный опыт пациента с помощью волшебного и никогда не объясняемого вида "нисходящей причинности". Однако, как бы ни были теоретически наивны многие подобные подходы, в общей идее может быть больше, чем доля истины: при интроспективном внимании к "конфликтогенным" (то есть функционально несогласованным) частям своей внутренней саморепрезентации автоматически выделяются дополнительные ресурсы обработки, что может способствовать ее позитивному (то есть интегративному) развитию. Мы все используем различные варианты интроспекции в нетерапевтических, повседневных ситуациях: при попытке получить удовольствие от сексуального возбуждения, при концентрации внимания, при попытке вспомнить что-то важное, при попытке выяснить, чего мы действительно хотим, или просто, когда нас спрашивают, как мы себя чувствуем сегодня. Кроме того,

существуют пассивные, ориентированные не на цель, а на процесс виды интроспекции, такие как дневная мечтательность или различные виды медитации. Интересной особенностью этого подкласса состояний является то, что в них отсутствует исполнительное сознание, о котором говорилось выше. Блуждание или усиление внимания в этих феноменологических классах состояний, похоже, происходит спонтанно, без участия субъективного агентства. Нет никакой необходимой связи между личностным уровнем агентности и интроспекцией в терминах низкоуровневого внимания. Общим для всех только что упомянутых состояний феноменального сознания является тот факт, что репрезентативное содержание уже активных ментальных состояний превращается в объект внутреннего внимания. Интроспективная доступность этих состояний используется для того, чтобы эпизодически перемещать их в фокус субъективного опыта. Феноменальный опыт имеет переменный фокус; перемещая этот фокус, можно эпизодически максимизировать количество извлекаемой информации (см. также раздел 6.5).

Теперь мы уже можем начать понимать, как доступность для интроспективного внимания исключает сознательную обработку: Репрезентативное содержание, активное в нашем мозге, но в основном недоступное для внимания, никогда не будет сознательным содержанием. Прежде чем мы перейдем к рассмотрению второго и третьего суб-ограничений - доступности для познания и доступности для контроля поведения - нам нужно сделать небольшой крюк. Проблема заключается в следующем: Что на самом деле означает говорить об интроспекции? Интроспекция представляется необходимым феноменологическим ограничением для понимания того, как состояния внутренней системы могут стать ментальными состояниями, и для попытки разработать концептуальный анализ этого процесса. Однако феноменологии недостаточно для современной теории разума. Феноменологическая "интроспективная доступность

в стандартных условиях" не дает нам удовлетворительной рабочей концепции ментального, поскольку не может зафиксировать достаточные условия для ее применения. Мы все знаем сознательные содержания - а именно, феноменальные модели дистальных объектов в нашем окружении (т.е. активные структуры данных, закодированные как внешние объекты, "объектные эмуляторы", упомянутые выше), - которые в стандартных условиях мы никогда не переживаем как интроспективно доступные. Однако недавний прогресс в когнитивной нейронауке сделал более чем рациональным предположение, что и эти типы феноменальных содержаний полностью определяются внутренними свойствами мозга: все они, очевидно, обладают минимально достаточным нейронным коррелятом, от которого они зависят (Chalmers 2000). Многие типы галлюцинаций, агнозии и игнорирования наглядно демонстрируют, насколько узки и строги корреляции между нейронными и феноменальными состояниями и насколько сильна их детерминация "снизу" (см. соответствующие разделы в главах 4 и 7; см. также Metzinger 2000a). Эти данные, как таковые, не зависят от теоретической позиции, которую можно занять по отношению к проблеме "разум-тело" в целом. Например, существуют перцептивные переживания внешних объектов, субъективный характер которых мы никогда бы не назвали "ментальным" или "интроспективным" на уровне нашего дорефлексивного субъективного опыта. Однако научные исследования показывают, что даже эти состояния при разных условиях могут переживаться как ментальные, внутренние или интроспективно доступные. Это приводит к простому, но важному выводу: процесс ментальной репрезентации во многих случаях порождает феноменальные состояния, которые переживаются как ментальные с позиции первого лица и которые переживаются как потенциальные объекты интроспекции и внутреннего внимания. Она также порождает репрезентаты, которые переживаются как нементальные и как внешние состояния. Внимание, которое

мы направляем на эти состояния, описывается как внешнее внимание, как феноменологически, так и на уровне народной психологии. Таким образом, ментальная репрезентация как процесс, анализируемый с позиции третьего лица в когнитивной науке, не ведет исключительно к ментальным состояниям, которые переживаются как субъективные или внутренние на феноменальном уровне репрезентации. Внутренность, равно как и внешность объектов внимания, по-видимому, сама является своего рода репрезентативным содержанием. Один из основных интересов этой работы заключается в развитии понимания того, что означает, что обработка информации в центральной нервной системе феноменально представляет некоторые внутренние состояния как внутренние, как телесные или ментальные, в то время как для других она этого не делает.

Наша онтологическая рабочая гипотеза гласит, что феноменальная модель реальности надстраивается исключительно над внутренними свойствами системы. Таким образом, теперь нам приходится разделять два разных значения слов "интроспекция" и "субъективное". Двусмысленность, на которую я только что указал, порождается тем, что феноменальная интроспекция, как и феноменальная экстропспекция, на уровне функционального анализа является типом репрезентации содержательных свойств активных в данный момент внутренних состояний. В обоих случаях их содержание возникает потому, что система во второй раз обращается к уже активной внутренней репрезентации и тем самым делает ее глобально доступной для внимания, познания и управления действием.

Будет полезно выделить четыре различных понятия интроспекции, поскольку существует два типа внутренней метарепрезентации: субсимволическая, аттенциональная (которая только "выделяет" свой объект, но не формирует ментальную концепцию), и когнитивная (которая формирует

или применяет устойчивую ментальную "катеґорию" или прототип своего объекта).

1. Интроспекция1 ("внешнее внимание"). Интроспекция1 - это субсимволическая метарепрезентация, оперирующая предсущестующей, когерентной моделью мира. Этот тип интроспекции представляет собой феноменальный процесс аттенциональной репрезентации определенных аспектов состояния внутренней системы, интенциональное содержание которой составляет часть мира, изображаемая как внешняя. Сопутствующая феноменология - это то, что мы обычно описываем как внимание или субъективный опыт внимания к некоторому объекту в нашем окружении. Интроспекция1 соответствует народно-психологическому понятию внимания.

2. Интроспекция2 ("сознательно переживаемая когнитивная референция"). Это второе понятие относится к концептуальной (или квазиконцептуальной) форме метарепрезентации, оперирующей уже существующей, когерентной моделью мира. Подобная интроспекция возникает в процессе феноменально репрезентирующей когнитивной референции к определенным аспектам состояния внутренней системы, интенциональное содержание которой составляет часть мира, изображаемая как внешняя.

Феноменологически этот класс состояний образуют все переживания внимания к объекту в нашем окружении, одновременно узнавая его или формируя новое ментальное представление о нем; это сознательный опыт когнитивной

референции. Хорошим примером является то, что Фред Дрекке (1969) назвал "эпистемическим видением".

3. Интроспекция³ ("внутреннее внимание" и "внутреннее восприятие"). Это субсимволическая метарепрезентация, оперирующая с уже существующей, когерентной Я-моделью (о понятии "Я-модель" см. Metzinger 1993/1999, 2000с). Этот тип интроспективного опыта порождается процессами феноменальной репрезентации, которые направляют внимание на определенные аспекты состояния внутренней системы, интенциональное содержание которой конституируется частью мира, изображаемой как внутренняя.

Феноменология этого класса состояний - то, что в повседневной жизни мы называем "направленным вовнутрь вниманием". На уровне философской теории именно этот вид феноменально переживаемой интроспекции лежит в основе классических теорий внутреннего восприятия, например, у Джона Локка или Франца Brentano (см. недавнее критическое обсуждение в Güzeldere 1995).

4. Интроспекция⁴ ("сознательно переживаемая когнитивная самореференция"). Этот тип интроспекции представляет собой концептуальный (или квазиконцептуальный) вид метарепрезентации, опять же оперирующий уже существующей, целостной Я-моделью. Феноменальные репрезентативные процессы этого типа порождают концептуальные формы самопознания, направляя когнитивные процессы на определенные аспекты состояний внутренней системы, интенциональное содержание которых

конституируется частью мира, изображаемой как внутренняя.

Общая феноменология, связанная с этим типом репрезентативной деятельности, включает все ситуации, в которых мы сознательно думаем о себе как о себе (то есть когда мы думаем то, что некоторые философы называют Я*-мыслями; для примера см. Baker 1998 и раздел 6.4.4). На теоретическом уровне этот последний тип интроспективного опыта явно представляет собой тот случай, который традиционно больше всего интересует философов разума: феномен когнитивной самореференции, проявляющийся в рефлексивном самосознании.

Очевидно, что первые два понятия интроспекции, соответственно, интроспективной доступности, довольно тривиальны, поскольку они определяют внутренность потенциальных объектов интроспекции исключительно с помощью простого физического понятия внутренности. В данном контексте внутренность как феноменальный опыт имеет большее значение. Теперь мы яснее понимаем, что означает определение феноменальных состояний как делающих информацию глобально доступной для системы, в частности, понятие доступности внимания. Интересно отметить, как эта простая концептуальная категоризация уже проливает свет на вопрос о том, что, собственно, означает утверждение, что сознательный опыт - это субъективный процесс.

Что значит сказать, что сознательный опыт - это субъективный опыт? Интересно отметить, как только что сделанный шаг помогает нам разделить ряд возможных ответов на вопрос о том, что же на самом деле представляет собой субъективность субъективного опыта. Будем считать, что субъективность - это свойство не репрезентативного содержания, а информации. Во-первых, существует довольно

тривиальное понимание субъективности, сводящееся к тому, что информация интегрирована в исключительно внутреннюю модель реальности, действующую внутри отдельной системы и, следовательно, дающую этой системе своего рода привилегированный интроспективный доступ к этой информации в смысле уникально прямых причинно-следственных связей между этой информацией и оперирующими с ней аттенционными или когнитивными процессами более высокого порядка. Назовем это "функциональной субъективностью".

Гораздо более актуальным понятием является "феноменальная субъективность". Феноменально субъективная информация обладает свойством быть интегрированной в текущую сознательную саморепрезентацию системы; следовательно, она вносит вклад в содержание ее самосознания. Конечно, феноменально субъективная информация создает и новые функциональные свойства, например, делая системную информацию доступной для целого ряда процессов, не только для внимания, но и для моторного контроля или автобиографической памяти. В любом случае, интроспекция³ и интроспекция⁴ - это те репрезентативные процессы, которые делают информацию феноменально субъективной (более подробный анализ см. в разделах 3.2.6 и 6.5).

Учитывая введенные выше различия, легко заметить, что существует третья интерпретация субъективности сознательного опыта, естественно вытекающая из того, что только что было сказано. Это эпистемическая субъективность. В соответствии с различными функциональными режимами представления, в которых информация может быть доступна в рамках индивидуальной системы, существуют типы эпистемического доступа, типы знания о мире и себе, сопровождающие процесс осознанного опыта. Например, информация может быть субъективной,

внося вклад в неконцептуальное или концептуальное знание. В первом случае мы имеем эпистемический доступ, порождаемый интроспекцией¹ и интроспекцией³: функциональным и феноменальным способами, с помощью которых информация становится аттенционально доступной через процесс субсимволического распределения ресурсов, описанный выше. Когнитивная доступность, по-видимому, порождает гораздо более сильный вид знания. Согласно третьему, эпистемологическому прочтению, субъективность является свойством только того подмножества информации в системе, которое непосредственно способствует сознательно переживаемым процессам концептуальной референции и самореференции, соответствующим функциональным и феноменальным процессам интроспекции² и интроспекции⁴. Когнитивно доступной является только та информация, которая в принципе поддается категоризации (см. раздел 2.4.4). После этого экскурса давайте вернемся к анализу концепции "глобальной доступности". В том виде, в котором я развиваю это понятие, оно обладает двумя дополнительными семантическими элементами.

2.2.2 Доступность для когнитивной обработки

Я могу сознательно думать только о тех вещах, которые я также сознательно переживаю. Только феноменально представленная информация может стать объектом когнитивной референции, тем самым вступая в мыслительные процессы, которые были инициированы добровольно. В дальнейшем будем называть это "принципом феноменальной референции". Самое интересное в этом контексте то, что второе ограничение имеет лишь ограниченную область применения: существует фундаментальный уровень сенсорного сознания, на котором когнитивная референция неизбежно терпит неудачу. Для

большинства наиболее простых содержаний сенсорного сознания (например, для самых тонких нюансов в субъективном цветовом опыте) действительно, в силу ограниченности нашей перцептивной памяти, мы не в состоянии построить концептуальную форму знания относительно их содержания. Причина этого заключается в том, что интроспекция не предоставляет нам трансемпоральных и, тем более, логических критериев идентичности этих состояний. Тем не менее, эти строго коррелированные со стимулами формы простого феноменального содержания глобально доступны для внешних действий, основанных на дискриминационных достижениях (например, движения указателя), и для некогнитивных форм ментальной репрезентации (например, сосредоточенного внимания). В разделах 2.4.1 и 2.4.4 на сайте я более подробно рассматриваю эти отношения. Я ввожу новое понятие в попытке отразить справедливость только что упомянутой ситуации. Это понятие будет называться "феноменальная репрезентация" (см. также Metzinger 1997).

Феноменально представленная информация, однако, может быть классифицирована и, в принципе, запомнена: это узнаваемая информация, которую можно классифицировать и сохранить. Общая тенденция эмпирических исследований уже долгое время указывает на то, что мы, как когнитивные субъекты, не осуществляем ничего даже отдаленно напоминающего обработку символов на основе правил в узком смысле использования ментального языка мышления (Fodor 1975). Тем не менее, можно сказать следующее: В некоторых формах когнитивных операций мы настолько успешно аппроксимируем синтаксически структурированные формы ментальных репрезентаций, что нас можно назвать когнитивными агентами в смысле классического подхода. Мы - существа, способные мысленно моделировать логические операции с достаточной степенью точности. Очевидно, что большинство форм мышления носит скорее изобразительный и сенсорный, стимулирующий восприятие,

движение и сенсомоторный цикл характер, чем строго логический. Конечно, глубинная динамика познания имеет принципиально субсимволическую природу. Тем не менее, наш первый общий критерий для разграничения ментальных и феноменальных репрезентаций остается в силе: феноменальная информация (за исключениями, которые будут объяснены в конце этой главы) - это именно та информация, которая обеспечивает мыслительные процессы, являющиеся сознательно инициированными мыслительными процессами. Принцип феноменальной референции гласит, что самоинициированное, эксплицитное познание всегда оперирует только содержанием феноменальных репрезентаций. В дневном сне или при свободном ассоциировании сознательные мысли могут быть вызваны бессознательной информацией, каузально активной в системе. То же самое справедливо и для низкоуровневого внимания. Мышление в более узком и философски интересном смысле, однако, лежит в основе того, что также можно назвать "принципом феноменальной границы". Этот принцип является родственником принципа феноменальной референции в применении к когнитивной референции: Мы можем формировать сознательные мысли только о том, что уже было элементом нашей феноменальной модели реальности (интроспекция^{2/4}). Существует интересное применение этого принципа к случаю когнитивной самореференции (см. раздел 6.4.4). Мы - существа, которые в принципе могут формировать мысли только о тех аспектах себя, которые в той или иной мере уже доступны на уровне сознательного опыта. Понятие интроспекции⁴, представленное выше, руководствуется этим принципом.

2.2.3 Доступность для контроля действий

Феноменально представленная информация характеризуется тем, что позволяет инициировать исключительно определенный класс действий: избирательные действия, которые направлены на содержание этой информации. Действия, будучи в высшей степени избирательными и сопровождаясь феноменальным опытом агентства, представляют собой особенно гибкую и быстро адаптируемую форму поведения. На этом этапе, возможно, будет полезно рассмотреть конкретный пример.

Пациент со зрением, страдающий от опасной для жизни жажды и бессознательно воспринимающий стакан с водой в пределах своей скотомы, то есть в пределах своего эмпирического "слепого пятна", не в состоянии инициировать хватательное или дотягивающееся движение, направленное к стакану (подробнее см. раздел 4.2.3). Однако в ситуации вынужденного выбора он в очень многих случаях правильно угадает, с каким типом объекта он столкнулся. Это означает, что информация об идентичности объекта уже функционально активна в системе; она была сначала извлечена обычным путем с помощью обычных органов чувств, а в особых условиях может быть снова эксплицирована. Тем не менее, эта информация не представлена феноменально и, следовательно, недоступна для управления действием. Неосознанное восприятие движения и чувствительность к длине волны - хорошо задокументированные явления при слепоте, и вполне можно представить, что слепой пациент с корой головного мозга может в определенной степени использовать визуальную информацию о локальных особенностях объекта для выполнения хорошо сформированных хватательных движений (см. раздел 4.2.3). Но что делает такое избирательно сформированное движение действием?

Действия - это добровольно направляемые движения тела. "Добровольно" здесь означает лишь то, что сам процесс

инициации действия сопровождается феноменальным содержанием более высокого порядка. Это опять же сознательное переживание агентности, исполнительное сознание, непередаваемое переживание того факта, что инициация, фиксация условий выполнения и настойчивое стремление к действию - это деятельность, направляемая самим феноменальным субъектом. Как и при введении понятия "интроспективная доступность", мы снова рискуем быть обвиненными в кругообороте, поскольку форма феноменального содержания более высокого порядка остается неанализированным остатком. Иными словами, наш общий проект обогатился. Теперь он содержит следующий вопрос: Что именно представляет собой феноменальная агентность? Сейчас я не буду давать ответ на вопрос о том, какие функциональные свойства внутри системы коррелируют с активацией этой формы феноменального содержания. Однако мы вернемся к этому вопросу в разделе 6.4.5.

На данном этапе можно с уверенностью сказать, что "доступность для управления действием", очевидно, имеет много общего с сенсомоторной интеграцией, а также с гибким и разумным размыканием сенсомоторных петель. Если предположить, что каждому действию должна предшествовать активация определенных "моторных" репрезентаций, то феноменальные репрезентации - это те, которые обеспечивают важную форму сенсомоторной интеграции: Информация, которую феноменальные репрезентаты делают внутренне доступной, - это та информация, которая может быть непосредственно включена в механизм активации моторных репрезентатов.

Базовые действия - это всегда физические действия, телесные движения, которые требуют адекватной внутренней репрезентации тела. По этой причине феноменальная информация должна быть функционально охарактеризована

тем, что она может быть непосредственно подана и интегрирована в динамическое представление собственного тела как действующей системы, как агента, особенно простым и эффективным способом. Этот агент, однако, является автономным агентом: волевые действия (в определенных пределах) позволяют системе наложить вето. В принципе, они могут быть прерваны в любой момент. Эта быстрая и гибкая возможность разделения обработки моторной и сенсорной информации - третье функциональное свойство, связанное с феноменальным опытом. Если свобода противоположна функциональной жесткости, то именно сознательный опыт превращает нас в свободных агентов.

Давайте теперь ненадолго вернемся к нашему примеру с жаждущим пациентом со зрением. Он не является свободным агентом. По отношению к определенному элементу реальности - стакану воды перед ним, который может спасти ему жизнь, - он не способен инициировать, корректировать или прекратить хватательное движение. Область его гибкого взаимодействия сузилась. Хотя соответствующая информация уже была извлечена из окружающей среды на ранних стадиях работы его механизмов сенсорной обработки, он функционально ригиден по отношению к этой информации, как если бы он был "нулевой машиной Тьюринга", последовательно генерирующей нулевой результат. Только осознанно воспринимаемая информация доступна для быстрого и гибкого управления действиями. Поэтому при разработке концептуальных ограничений для понятий исключительно внутренней репрезентации, ментальной репрезентации и феноменальной репрезентации "доступность для управления действием" является третьим важным примером.

При осознанном запоминании или планировании будущего объект ментальной репрезентации может быть доступен для внимания и познания, но не для избирательных действий.

При сознательном восприятии тонких оттенков цвета информация может быть внутренне представлена таким образом, что она доступна для внимания и тонких дискриминационных действий, но не для формирования концепции и когнитивной обработки. Однако доступность для внимания, по-видимому, является самым основным компонентом глобальной доступности; похоже, не существует ситуаций, в которых мы могли бы выбрать когнитивную обработку и поведенческую реакцию на информацию, которая в принципе не доступна для внимания в то же самое время. Я вернусь к этому вопросу в главе 3.

Упомянутые выше исключения демонстрируют, насколько богатой и сложной областью является феноменальный опыт. Максимально важно соблюдать феноменологическую справедливость по отношению к этому факту, принимая во внимание исключительные случаи или обедненные версии, подобные двум кратко упомянутым выше примерам, по мере продвижения вперед, постоянно обогащая нашу концепцию сознания. Целый ряд дополнительных ограничений представлен в главе 3; а дальнейшие исследования исключительных случаев в главах 4 и 7 помогут определить, насколько широка область действия таких ограничений. Однако следует отметить, что в стандартных условиях феноменальные репрезентации интересно выделяются тем, что одновременно делают свое содержание глобально доступным для внимания, познания и контроля действий.

Теперь, после использования этой самой первой и слегка дифференцированной версии ограничения глобальной доступности, первоначально введенного Баарсом и Чалмерсом, плюс ограничения презентабельности, основанного на понятии "виртуального окна присутствия", определяющего определенную информацию как "сейчас" организма, мы впервые можем предложить очень

рудиментарную и простую концепцию феноменальной репрезентации

Вставка 2.2

Феноменальная репрезентация: $RepP(S, X, Y)$

S - это индивидуальная информационно-процессорная система.

Y - это интенциональное содержание фактического состояния системы.

X феноменально представляет Y для S.

X - это физически внутреннее состояние системы, которое функционально определено как временное.

Интенциональное содержание X в настоящее время интроспективно¹ доступно; то есть оно располагает к тому, чтобы стать репрезентантом субсимволических репрезентативных процессов высшего порядка.

Интенциональное содержание X в настоящее время интроспективно² доступно для когнитивной референции; оно, в свою очередь, может стать репрезентантом символических репрезентативных процессов высшего порядка.

Интенциональное содержание X в настоящее время доступно для избирательного управления действием.

Используя введенные сейчас различия, мы можем далее различать три разных вида репрезентаций. Внутренние репрезентации - это сохраняющие изоморфию структуры в мозге, которые, хотя обычно и обладают подлинным телеофункционалистским анализом, выполняя функцию для системы в целом, в принципе никогда не могут быть возведены в ранг глобальной доступности по чисто функциональным причинам. Такие репрезентативные состояния всегда бессознательны. Они обладают интенциональным содержанием, но не имеют качественного характера или феноменального содержания. Ментальные репрезентации - это состояния, обладающие диспозиционным свойством эпизодически становиться глобально доступными для внимания, познания и управления действиями в определенном системой окне присутствия. Иногда они осознанны, иногда бессознательны. Они обладают интенциональным содержанием, но феноменальность проявляется только при соблюдении некоторых дополнительных критериев. Феноменальные репрезентации, наконец, - это все те ментальные репрезентации, которые в данный момент удовлетворяют еще не определенному набору многоуровневых ограничений. К сознательным репрезентациям, например, относятся все те, которые фактически являются элементом кратковременной памяти организма или те, на которые он потенциально обращает внимание.

Очень важно всегда помнить, что два дополнительных ограничения временной интернальности и глобальной доступности (в ее новой, дифференцированной версии), которые теперь были наложены на концепцию ментальной репрезентации, функционируют лишь как примеры возможных концептуальных ограничений на функциональном уровне анализа. Для того чтобы прийти к действительно богатой и информативной концепции субъективного опыта, в конечном итоге необходимо будет добавить целый набор дополнительных ограничений на

феноменологическом, репрезентационистском, функциональном и нейронаучном уровнях описания. Это произойдет в главе 3. Здесь же чисто функциональные свойства глобальной доступности и интеграции в окно присутствия выступают лишь в качестве предварительных ориентиров, которые служат для демонстрации того, как может быть осуществлен переход от ментальной репрезентации к феноменальной репрезентации. Обратите внимание, что этот переход будет постепенным, а не по принципу "все или ничего". Репрезентационистский уровень описания сознательных систем является решающим уровнем описания, поскольку именно на этом концептуальном уровне можно и нужно достичь интеграции представлений от первого и третьего лица. Многого еще предстоит сделать. В частности, репрезентация в том виде, в котором она была описана до сих пор, не является базовым, наиболее фундаментальным феноменом, лежащим в основе сознательного опыта. По этой причине в следующих двух разделах наша первоначальная концепция должна быть развита в двух различных направлениях.

2.3 От ментального к феноменальному моделированию: Создание виртуальных миров опыта с помощью мечтаний, воображения и планирования

Ментальные репрезентанты - это инструменты, используемые мозгом. Эти инструменты используются биологическими системами для того, чтобы как можно быстрее и эффективнее обработать как можно больше информации, необходимой для выживания. Я проанализировал процесс их генерации как трехместные отношения между ними, системой и внешними или внутренними репрезентантами. На нашем примере мы сразу же замечаем, что существует множество случаев, когда этот анализ явно неверен. Одна из важнейших характеристик человеческого феноменального опыта состоит в том, что

ментальные репрезентанты часто активируются и интегрируются друг с другом в ситуациях, когда те состояния мира, которые составляют их содержание, не являются актуальными состояниями: человеческий мозг может генерировать феноменальные модели возможных миров.

Те репрезентативные процессы, которые лежат в основе возникновения возможных феноменальных миров, являются "виртуальными" репрезентативными процессами. Они порождают субъективный опыт, который лишь частично отражает реальное состояние мира, как правило, эмулируя аспекты реальной обработки перцептивных данных или моторного поведения. Примерами таких состояний "как бы" являются спонтанные фантазии, внутренние монологи, дневные сны, галлюцинации и ночные сновидения. Однако к ним относятся и сознательно инициированные когнитивные операции: планирование возможных действий, анализ будущих целевых состояний, волевая "репрезентация" прошлых перцептивных и ментальных состояний и так далее. Очевидно, что этот феноменологический класс состояний не представляет нам случай ментальной репрезентации, поскольку соответствующие репрезентанты лишь частично даны как элементы актуального окружения системы, даже если предполагается ее собственная временная система отсчета. По-видимому, функция этих состояний состоит в том, чтобы сделать информацию о потенциальном окружении системы глобально доступной. Зачастую сюда входят и возможные состояния самой системы (см. раздел 5.2).

Первый вывод, который можно сделать из этого наблюдения, заключается в следующем: Те репрезентаты, которые участвуют в рассматриваемых ментальных операциях, не активируются обычным сенсорным входом. Возможно, эти процессы вызываются или запускаются внешними стимулами, но они не являются процессами, связанными со

стимулами, в строгом смысле этого слова. Интересно, что мы часто сталкиваемся с упомянутыми явлениями, когда способность нашего мозга к обработке информации не подвергается особым нагрузкам, поскольку нет новых, сложных или неотложных практических проблем, требующих решения (например, во время рутинной деятельности, например, когда мы стоим в пробке), или когда количество поступающей из окружающей среды информации резко снижается (в фазах отдыха, во время засыпания). Таким образом, может существовать более или менее неспецифический внутренний механизм активации, который создает необходимые граничные условия для таких состояний. В дальнейшем я буду называть все ментальные состояния, возникающие в результате репрезентации контрфактических ситуаций, ментальными симуляциями

Вставка 2.3

Ментальное моделирование: SimM (S, X, Y)

S - это индивидуальная система обработки информации.

Y - это контрфактическая ситуация, относительно репрезентативной архитектуры системы.

X моделирует Y для S.

X - это физически внутреннее состояние системы.

Интенциональное содержание X может стать доступным для интроспективного внимания. Оно обладает потенциалом стать репрезентантом субсимволических репрезентативных процессов высшего порядка.

Интенциональное содержание X может стать доступным для когнитивной референции. В свою очередь, оно может стать репрезентантом символических репрезентативных процессов более высокого порядка.

Интенциональное содержание X может стать глобально доступным для избирательного контроля действий.

Позвольте мне снова предложить несколько пояснительных замечаний, чтобы прояснить это третье новое понятие. "Элементарные" качества сенсорного сознания, такие как краснота или болезненность в целом, не могут быть переведены в симулякры (в конце этой главы я ввожу третье базовое понятие специально для таких состояний: понятие "presentata").²³ Причина этого заключается в том, что в своих физических граничных условиях они связаны с постоянным потоком входных данных, управляющих, так сказать, их содержанием - они не могут быть представлены. Поэтому вполне правдоподобно предположить, что они не могут быть интегрированы в текущие симуляции, поскольку такие системы, как мы, не способны внутренне эмулировать полный поток входных данных, который был бы необходим для приведения к максимально детерминированному и конкретному характеру этой особой формы содержания. Из этого предположения вытекает правдоподобное предсказание: во всех тех ситуациях, когда общий уровень возбуждения намного выше среднего (например, в состоянии сна или в расторможенных конфигурациях, возникающих под воздействием галлюциногенных агентов), так что реальная внутренняя эмуляция полного воздействия внешнего входа становится возможной, граница между восприятием и воображением будет размыта на уровне феноменологии. Иными словами, существуют определенные типы феноменального содержания, которые строго коррелируют со стимулами, каузально закрепляя организм в настоящем. Опять же, есть ряд исключений - например, так

называемые эйдетические фантазеры. Эти люди обладают чрезвычайно точной и яркой формой визуальной памяти, будучи способными сознательно переживать эйдетические образы несуществующих, но полноценных визуальных сцен, включая полный цвет, насыщенность и яркость. Интересно, что такие эйдетические образы могут быть отсканированы и обычно осознанно переживаются как находящиеся вне головы, во внешней среде (Palmer 1999, p. 593 и далее). Однако эйдетические образы - очень редкое явление. У детей оно встречается чаще, чем у взрослых, но только 7 % детей являются полноценными эйдетическими фантазерами. Для них, возможно, еще не существует разницы между воображением и восприятием (однако, см. раздел 3.2.7); для них воображение ярко-красной клубники с закрытыми глазами может не иметь большой разницы с последующим открытием глаз и рассматриванием клубники на тарелке перед ними - например, в плане богатства, четкости и, в конечном счете, реалистичности сенсорного качества "красноты". Феноменальные состояния детей-эйдетиков, потребителей галлюциногенов и сновидцев служат прекрасным примером огромного богатства и сложности сознательного опыта. Никакой упрощенный концептуальный схематизм никогда не сможет отразить сложный ландшафт этой целевой области. Как мы неоднократно обнаружим в ходе работы над этой книгой, для каждого правила существует как минимум одно исключение.

Ненсорные аспекты содержания ментальных репрезентаций также могут быть активированы в нестандартных стимульных ситуациях и задействованы в ментальных операциях: они теряют свое первоначальное интенциональное содержание, но сохраняют значительную часть своего феноменального характера и таким образом становятся ментальными симулякрами. Если это верно, то воображаемые репрезентаты - например, живописные ментальные образы - должны быть лишены качественного "сигнального аспекта", который характеризует презенты.

Этот сигнальный аспект - именно та составляющая содержания ментальных репрезентатов, которая строго коррелирует со стимулом: если вычтеть этот аспект, то получится именно та информация, которая доступна системе и в автономной ситуации. Как феноменологический факт, для большинства из нас сознательно воображаемая боль не является по-настоящему болезненной, а воображаемая клубника не является по-настоящему красной. Это менее детерминированные, значительно обедненные версии ноцицепции и видения. Исключение составляют люди, способные внутренне эмулировать сенсорную стимуляцию в полном объеме; например, некоторые люди - эйдетики от рождения или тренировали свой мозг упражнениями по визуализации. С феноменологической точки зрения интересно отметить, что в сознательно инициированных ментальных симуляциях феноменальные качества высшего порядка "непосредственность", "данность" и "мгновенность" проявляются в гораздо более слабой степени. В частности, тот факт, что это симуляции, доступен субъекту опыта. Мы вернемся к этому вопросу в разделе 3.2.7.

Организмы, не способные распознать симулякры как таковые и принимающие их за репрезентанты (или презенты), мечтают или галлюцинируют. Собственно говоря, многие из соответствующих типов психических состояний часто вызываются неспецифическим растормаживанием определенных участков мозга, вызывая к жизни мощные внутренние источники сигналов. Похоже, что в таких ситуациях человеческий мозг не способен представить каузальную историю этих стимулов как внутреннюю. Это одна из причин, почему во сне, во время психотических эпизодов или под воздействием некоторых психоактивных веществ мы иногда действительно испытываем страх. Для субъекта опыта возникает альтернативная реальность. Интересное исключение составляют те состояния, в которых системе удается классифицировать симулякры как таковые, но глобальное состояние сохраняется. Примерами таких

репрезентативных ситуаций, в которых знание о типе глобального состояния доступно, хотя система наводнена артефактами, являются псевдогаллюцинации (см. раздел 4.2.4) и люцидные сны (см. раздел 7.2.4). Существуют также глобальные классы состояний, в которых все репрезентаты субъективно кажутся нормальными симулякрами, и любая попытка провести различие между феноменальным внутренним и феноменальным внешним исчезает другим способом. Такие феноменологические классы состояний можно обнаружить, например, в мании или в некоторых видах религиозного опыта. Очевидно, что любая серьезная и строгая философская теория разума должна учитывать все эти исключительные случаи и извлекать из их существования концептуальные уроки. Они показывают, какие конъюнкции феноменологических ограничений не являются необходимыми конъюнкциями.

Во-вторых, важно четко разделить генетическое и логическое измерения феномена ментальной симуляции. История развития психических состояний, ведущая от рудиментарных, архаичных форм сенсорных микросостояний к все более сложным и гибким макрорепрезентатам, активация которых приводит к инстанцированию все новых и более богатых психологических свойств, была прежде всего биологической историей. Именно под давлением отбора биологической и социальной среды возникали новые и все более успешные формы психического содержания. Возможно, генетическую историю сложных ментальных репрезентаций можно было бы интересно описать как биологическую историю определенных внутренних состояний, которые с течением времени приобретали все большую степень реляционности и автономии в смысле функциональной сложности и независимости от входных данных, тем самым способствуя собственному выживанию в мозге видов, в которых они возникли (см. раздел 3.2.11).

Первым видом сложной обработки стимулов и явно интеллектуального взаимодействия с окружающей средой могла быть рефлекторная дуга: жестко запрограммированный путь, ведущий от стимула к жесткой моторной реакции без генерации специфического и стабильного внутреннего состояния. Следующим шагом мог быть ментальный презентум (см. раздел 2.4.4). Стандартным примером является цветовое зрение. Оно уже характеризуется более или менее выраженной развязкой по выходу. Это означает следующее: ментальные презентемы - это специфические внутренние состояния, указывающие на фактическое наличие определенного положения дел в отношении мира или самой системы. Их содержание индексально, неконцептуально и зависит от контекста. Они указывают на конкретный источник стимула в текущем окружении системы, но не приводят автоматически к фиксированному паттерну моторного выхода. Они являются новыми психическими инструментами, впервые позволяющими организму внутренне представлять информацию, не будучи вынужденным реагировать на нее заранее определенным образом. Презентаты повышают избирательность. Их недостатком является зависимость от входного сигнала; поскольку их содержание может быть поддержано только непрерывным потоком входного сигнала, они могут лишь изображать фактическое присутствие источника стимула. Их преимущество, очевидно, заключается в большей скорости. Боль, например, должна быть быстрой, чтобы выполнять свою биологическую функцию. Еще раз вернемся к классическому примеру: осознанное болевое ощущение представляет субъекту опыта повреждение ткани или другой тип телесного поражения. До определенной степени интенсивности того, что я назвал "сигнальным аспектом", субъект вообще не вынужден реагировать внешним поведением. Даже если, благодаря силе чисто презентационного аспекта, она вынуждена реагировать, она теперь может выбирать из большего диапазона возможных вариантов поведения. Недостаток

боли в том, что мы можем лишь очень неполно представить ее полный эмпирический профиль после того, как она исчезла. Информационное содержание таких состояний - это только онлайн-контент.

Существенный переход в создании подлинной внутренней реальности мог заключаться в дополнительном достижении развязки входа для определенных состояний. Теперь отношения (например, причинно-следственные) между репрезентантами могли быть внутренне представлены, даже если эти репрезентанты были лишь частично даны в виде типичных источников стимулов. Будем считать этот процесс формой завершения паттерна более высокого порядка. Таким образом, впервые появилась возможность обрабатывать абстрактную информацию и развивать когнитивные состояния в более узком смысле. Симулякры, таким образом, соответственно должны обладать иными субъективными свойствами, чем презенты, а именно потому, что они прошли через другую каузальную историю. Они могут быть встроены в более полные репрезентанты, а также могут быть активированы, если их репрезентант не дается потоком входных данных, а только через реляционную структуру других репрезентантов (или активных в данный момент симулякров). Это важный момент: симулякры могут взаимно активировать друг друга, поскольку они причинно связаны через свои физические граничные условия (см. раздел 3.2.4). Таким образом, становится возможным представить, как впервые возникли ментальные структуры более высокого порядка, репрезентативное содержание которых не было или лишь частично было сформировано внешними фактами, которые были фактически даны в момент их внутреннего возникновения. Эти ментальные структуры высшего порядка, вероятно, лучше всего понять по их функции: они позволяют организму осуществлять внутреннее моделирование сложных, контрфактических последовательностей событий. Тем самым становятся возможными такие новые когнитивные достижения, как

память и стратегическое планирование. Новыми инструментами, с помощью которых достигаются такие достижения, являются ментальные симуляции - цепочки внутренних состояний, использующие реляционную сеть, связывающую все ментальные репрезентации, чтобы активировать комплексные внутренние структуры независимо от текущего внешнего воздействия. Теория коннекционистских сетей дала нам множество идей о том, как такие возможности могут быть достигнуты на уровне реализации. Однако сейчас я не буду вдаваться в технические подробности.

Симуляции важны, потому что их можно сравнивать с состояниями, представляющими цели. Что именно это значит? Первой функцией биологических нервных систем было генерирование когерентных, глобальных паттернов моторного поведения и интеграция сенсорного восприятия с такими поведенческими паттернами. По этой причине мне нравится рассматривать возникновение ментального, а в конечном счете и субъективно переживаемого, сознательного содержания как процесс эволюции поведения: ментальная симуляция - это новая форма интернализованного моторного поведения. Для моей цели достаточно провести различие между тремя различными стадиями этого процесса. Репрезентаты, благодаря их развязке с выходом, позволяют системе развивать более широкий поведенческий репертуар относительно данной стимульной ситуации. Репрезентаты интегрируют эти базовые формы сенсорного контента в полноценные модели текущего состояния внешнего мира. Продвинутые репрезентаты, благодаря развязке по входу, позволяют системе развивать более широкий внутренний поведенческий репертуар, если они активируются внутренними причинами - то есть как симулякры. По-другому говоря, ментальная симуляция - это новая форма поведения, в некоторых случаях даже внутреннего действия. В отличие от репрезентативной деятельности, связанной со стимулом или "обусловленной", это "отстраненная"

деятельность (Brinck and Gärdenfors 1999, p. 90 ff.). Она может зависеть от внутреннего контекста, но по отношению к текущему окружению организма она контекстно-независима. Генерация сложных ментальных симуляций, которые в определенной степени независимы от потока фактических входных данных и не обязательно приводят к открытому моторному "макроповедению", является одной из предпосылок для этой новой формы поведения. Очень приблизительно, это могло бы быть биологической историей сложных внутренних состояний, которые в конечном итоге интегрировали свойства репрезентативности и функциональности адаптивным образом. Однако ментальная симуляция оказывается весьма интересным феноменом и на уровне ее концептуальной интерпретации.

Возможно, наиболее интересный с философской точки зрения момент состоит в том, что ментальная репрезентация является частным случаем ментальной симуляции: Симуляции - это внутренние репрезентации свойств мира, которые не являются фактическими свойствами среды, данными через органы чувств. Репрезентации же - это внутренние представления состояний мира, которые функционально уже определены системой как актуальные.

Чтобы лучше понять эту интересную взаимосвязь, необходимо провести различие между телеофункционалистской, эпистемологической и феноменологической интерпретацией понятий "репрезентация" и "симуляция". Напомним: в самом начале мы обнаружили, что при анализе, проводимом с объективной научной точки зрения от третьего лица, информация, доступная в центральной нервной системе, никогда не является реальной информацией. Однако, поскольку система определяет пороги упорядочивания в сенсорных модальностях и супрамодалные окна одновременности, она создает для себя временную систему отсчета, которая

фиксирует то, что следует рассматривать как ее собственное настоящее (подробнее см. раздел 3.2.2). Говоря метафорически, он владеет реальностью, симулируя "Сейчас", фиктивный вид временной интернальности. Поэтому даже такое присутствие - это виртуальное присутствие; оно возникает в результате конструктивного репрезентативного процесса. Мое телеофункционалистское предположение теперь гласит, что это был процесс, который оказался адаптивным: он обладает биологической функцией и по этой причине был успешным в ходе эволюционной истории. Его функция заключается в представлении динамики окружающей среды с достаточной степенью точности и в определенных, узко определенных временных рамках. Адаптивная функция ментального моделирования, однако, заключается в адекватном восприятии соответствующих аспектов реальности за пределами этой самоопределенной временной системы отсчета. Рассуждая таким образом, человек действует на телеофункционалистском уровне описания.

Интересный аспект этого способа рассуждения заключается в том, что он ясно демонстрирует - с объективной точки зрения от третьего лица, принятой в естественных науках, - каким образом каждая феноменальная репрезентация также является симуляцией. Если проанализировать репрезентативную динамику нашей системы во временной системе отсчета, заданной физикой, то вся ментальная деятельность является симуляцией. Если затем интерпретировать "репрезентацию" и "симуляцию" как эпистемологические термины, то становится очевидным, что мы никогда не находимся в непосредственном эпистемическом контакте с окружающим нас миром, даже феноменально переживая непосредственный контакт (см. разделы 3.2.7, 5.4 и 6.2.6). На третьем, феноменологическом уровне описания, *simulata* и *representata* - это два различных класса состояний, которые концептуально не могут быть сведены друг к другу. Восприятие никогда не является тем же

опытом, что и память. Мышление отличается от ощущения. Однако с эпистемологической точки зрения мы должны признать, что любая репрезентация - это тоже симуляция. То, что оно моделирует, - это "сейчас".

Философы-идеалисты традиционно очень четко представляли себе эту фундаментальную ситуацию при различных эпистемологических допущениях. Однако описание ее в том виде, в котором она была только что описана, позволяет также породить целый ряд новых феноменологических метафор. Если типичными классами состояний для процесса ментального моделирования являются концептуальная мысль, живописное воображение, сновидения и галлюцинации, то вся ментальная динамика в феноменальном пространстве в целом метафорически всегда может быть описана как специфическая форма мысли, живописного воображения, сновидения и галлюцинации. Как мы вскоре увидим, такие метафоры сегодня, когда они сталкиваются с потоком новых эмпирических данных, вновь отличаются большой эвристической плодотворностью.

Позвольте мне привести яркий пример такой новой метафоры, чтобы проиллюстрировать этот тезис: Феноменальный опыт в состоянии бодрствования - это онлайн галлюцинация. Это галлюцинация в режиме онлайн, потому что автономная активность системы постоянно модулируется потоком информации от органов чувств; это галлюцинация, потому что она изображает возможную реальность как действительную реальность. Феноменальный опыт в состоянии сна, однако, является всего лишь сложной автономной галлюцинацией. Мы должны представить себе мозг как систему, которая постоянно задает миру вопросы и подбирает подходящие ответы. Обычно вопросы и ответы идут рука об руку, быстро и элегантно создавая наш повседневный сознательный опыт. Но иногда возникают неравновесные ситуации, когда, например, автоматический

процесс постановки вопросов становится слишком доминирующим. Интересный момент заключается в том, что то, что мы только что назвали "ментальной симуляцией", как бессознательный процесс моделирования возможных ситуаций, на самом деле может быть автономным процессом, который непрерывно активен.

На самом деле, некоторые из лучших современных работ в области нейронаук (W. Singer, личное сообщение, 2000; см. также Leopold and Logothetis 1999) предлагают рассматривать человеческий мозг как систему, которая постоянно моделирует возможные реальности, генерирует внутренние ожидания и гипотезы нисходящим образом, будучи при этом сдерживаемой в этой деятельности тем, что я назвал ментальным представлением, представляющим собой постоянный коррелированный со стимулами восходящий поток информации, который затем в конце концов помогает системе выбрать одну из почти бесконечно большого числа внутренних возможностей и превратить ее в феноменальную реальность, теперь явно выраженную как содержание сознательного представления. Точнее, возможно, большая часть спонтанной активности мозга, которая обычно интерпретируется как шум, на самом деле может способствовать операциям связывания признаков, необходимым для перцептивной группировки и сегментации сцены, благодаря собственной топологической специфике (Fries, Neuenschwander, Engel, Goebel, and Singer 2001). Последние данные указывают на то, что фоновые колебания в гамма-диапазоне частот не только хаотичны, но и содержат информацию - философски говоря, информацию о том, что возможно. Эта информация - например, определенные правила группировки, заложенные в фиксированных свойствах сети, таких как функциональная архитектура кортикокортикальных связей, - является структурно заложенной информацией о том, что было возможно и вероятно в прошлом данной системы и ее предков. Таким образом, определенные виды постоянной фоновой

активности могут быть просто непрерывным процессом генерации гипотез, о котором говорилось выше. Не будучи хаотичным, он может быть важным шагом в переводе структурно заложенной информации о том, что было возможно в прошлой истории организма, в те преходящие, динамические элементы обработки, которые прямо сейчас вносят реальный вклад в содержание сознательного опыта. Например, она может способствовать группировке сенсорных сигналов, делая ее более быстрой и эффективной (подробнее см. Fries et al. 2001, p. 199). Не только фиксированные свойства сети могут таким косвенным образом формировать то, что в итоге мы видим и осознанно переживаем, но если автономный фоновый процесс, состоящий из тысяч гипотез, непрерывно болтающих друг с другом, может модулироваться истинной обработкой "сверху вниз", то даже специфические ожидания и фокус внимания могут породить точные корреляционные паттерны в периферийных структурах обработки, паттерны, служащие для сравнения и согласования реально поступающих сенсорных сигналов. То есть, в предлагаемой здесь терминологии, не только бессознательная ментальная симуляция, но и сознательно созданные высокоуровневые феноменальные симуляции, сознательные мысли, воспоминания личного уровня и так далее могут модулировать бессознательные, субличностные процессы сопоставления. Таким образом, впервые становится правдоподобным, как именно ожидания личного уровня могут, посредством бессознательных динамических процессов кодирования, болтающих на заднем плане, формировать и добавлять дополнительный смысл тому, что затем переживается сознательно.

Если эта общая картина верна, то галлюцинации бывают двух видов. Во-первых, сенсорные галлюцинации могут быть теми, в которых процесс "снизу вверх" выходит из-под контроля, дезингибируется или иным образом слишком доминирует, и поэтому наводняет систему артефактами

представления. Второй способ, при котором система может стать перегруженной несбалансированной формой сознательного моделирования реальности, проявляется во всех тех ситуациях, когда нисходящие, генерирующие гипотезы процессы моделирования становятся слишком доминирующими и недостаточно ограничиваются текущими входными данными. Например, если процесс автономного, но топологически специфического колебания фона, о котором говорилось выше, срывается, то самогенерирующиеся паттерны могут распространяться вниз, в первичные сенсорные области. Переключение куба Неккера и целый ряд мультистабильных явлений (Leopold and Logothetis 1999) - еще один пример ситуаций, когда "ожидания становятся реальностью". Таким образом, в нашем сегодняшнем контексте человеческий мозг можно рассматривать как систему, которая даже в обычном состоянии бодрствования постоянно галлюцинирует на мир, как систему, которая постоянно позволяет своей внутренней автономной симуляционной динамике сталкиваться с текущим потоком сенсорного ввода, энергично мечтая на мир и тем самым генерируя содержание феноменального опыта.

Одно из интересных концептуальных осложнений при таком взгляде на вещи состоит в том, что существуют также феноменальные симуляции, то есть ментальные симуляции, которые переживаются самой системой в ее узких временных рамках как не относящиеся к реальной действительности. Конечно, классическими примерами являются когнитивные процессы, сознательно инициированные, осознанные мыслительные процессы. Даже такие феноменальные симуляции могут быть описаны как галлюцинации, поскольку виртуальный когнитивный субъект феноменально изображается как реальный, пока разворачивается когнитивная деятельность (см. раздел 6.4.4). Подробнее о глобальных автономных галлюцинациях, которые

феноменально изображаются как симуляции, мы узнаем в разделе 7.2.5.

Давайте вернемся к концепции ментальной симуляции. Что именно имеется в виду, когда мы говорим, что SimM не является случаем RepM? Что именно значит сказать, что процесс ментальной симуляции представляет контрфактические ситуации для системы? Ментальная репрезентация может быть реконструирована как особый случай ментальной симуляции, а именно как именно тот случай ментальной симуляции, в котором, во-первых, симулянт (в рамках временной системы отсчета, определенной системой для себя) дан как репрезентант, то есть как компонент того фрагмента мира, который она функционально рассматривает как свое настоящее; и, во-вторых, симулянт вызывает активацию симулянта посредством стандартных каузальных цепей, то есть через органы чувств. В дополнение к этой функциональной характеристике мы можем также использовать различие в интенциональном содержании в качестве дополнительного дефинитива, при этом репрезентация нацелена на очень особый возможный мир, а именно, на актуальный мир (вставка 2.4). Согласно этой схеме, любая репрезентация также является симуляцией, поскольку в реальном мире всегда существует один возможный мир, в котором репрезентант представляет собой фактическое положение дел. Содержание ментальных симулякров состоит из состояний дел в возможных мирах. Таким образом, с точки зрения логической структуры симуляция является более всеобъемлющим феноменом, а репрезентация - ограниченным частным случаем: Репрезентации - это те симулякры, функция которых для системы заключается в изображении состояний дел в реальном мире с достаточной степенью временной точности. Однако с точки зрения генетики феномен репрезентации явно является более ранним явлением. Только воспринимая окружающую среду, организмы развили в своей функциональной архитектуре те

модули, которые впоследствии они могли использовать для нерепрезентативной активации ментальных состояний. Мы сначала развили эти модули, а затем научились выводить их в автономный режим. Восприятие предшествовало познанию, перцептивные феноменальные модели являются предшественниками феноменальных моделей дискурса (см. главу 3), а приобретение надежных репрезентативных ресурсов было условием возможности возникновения надежного ментального моделирования. Другими словами, только тот, кто видит, может и мечтать.

Вставка 2.4

Ментальное моделирование: $\text{Sim}'M (W, S, X, Y)$

Существует возможный мир W , такой, что $\text{Sim}M (S, X, Y)$, где Y - выполненный факт в W .

Ментальная репрезентация: $\text{Rep}M (S, X, Y) \leftrightarrow \text{Sim}'M (W_0, S, X, Y)$

Существует реальный мир W_0 .

Y является выполненным фактом в W_0 .

Y вызывает X с помощью стандартных причинно-следственных цепочек.

X функционально интегрирован в окно присутствия, образованное S .

Важно отметить, что теперь нам предстоит ввести еще одно концептуальное различие. Оно представляет большой

философский интерес, поскольку связано с понятием возможности. Не вдаваясь в технические вопросы, я хочу кратко разграничить три возможные интерпретации: логическая возможность, ментальная возможность и феноменальная возможность.

Логическая возможность. Логически возможные состояния дел или миры - это те, которые могут быть связно описаны во внешней среде. Это означает, что существует по крайней мере одно формально непротиворечивое пропозициональное представление таких состояний или миров. Это понятие возможности всегда соотносится с определенным набором теоретических предпосылок, например, с определенной системой модальной логики.

Ментальная возможность. Ментальная возможность - это свойство всех тех состояний дел или миров, о которых мы в принципе можем думать или воображать: всех состояний дел или миров, которые могут быть мысленно смоделированы. Следовательно, существует по крайней мере одна внутренняя, связная ментальная симуляция этих состояний дел или миров. Это понятие возможности всегда соотносится с определенным классом конкретных репрезентативных систем, каждая из которых обладает специфическим функциональным профилем и определенной репрезентативной архитектурой. Важно отметить, что механизмы генерации и оценки репрезентативной когерентности, используемые такими системами, оптимизированы с учетом их биологической или социальной функциональности и не должны подчиняться классическим критериям адекватности, рациональности или эпистемической оправданности в узком смысле философской эпистемологии. Во-вторых, работа таких механизмов не обязательно должна быть осознанной.

Феноменальная возможность. Феноменальная возможность - это свойство всех состояний дел или миров, которые, собственно говоря, мы можем сознательно представить или вообразить: всех тех состояний дел или миров, которые могут войти в сознательные мыслительные эксперименты, в когнитивные операции или процессы явного планирования, а также тех, которые могут составлять содержание снов и галлюцинаций. Опять же, то, что феноменально возможно, всегда соотносится с определенным классом конкретных сознательных систем, с их специфическим функциональным профилем и с глубинной репрезентативной структурой, лежащей в основе их специфической формы феноменального опыта.

Почему это различие, в частности различие между логической и феноменальной возможностью, имеет философское значение? Во-первых, интересно отметить, что именно те положения дел и миры, которые только что были охарактеризованы как феноменально возможные, представляются нам интуитивно правдоподобными: Мы можем определить интуитивное правдоподобие как свойство каждой мысли или идеи, которую мы можем успешно преобразовать в содержание когерентной феноменальной симуляции. При этом внутренняя когерентность сознательной симуляции может сильно варьироваться. Результат определенного мысленного эксперимента, скажем, путешествия Болотника на Перевернутую Землю (Тюе 1998), может интуитивно показаться нам правдоподобным, в то время как сон, в ретроспективе, может выглядеть причудливо. Конечно, возможно и обратное. Опять же, верно, что феноменальная возможность всегда относительна к определенному классу конкретных репрезентативных систем и что механизмы генерации и оценки когерентности, используемые этими системами, могли быть оптимизированы в направлении функциональной адекватности и не подчиняться никаким критериям эпистемического оправдания в классическом

эпистемологическом смысле этого слова. Мимоходом позвольте мне кратко остановиться на втором, более общем вопросе, который породил значительную путаницу во многих современных дискуссиях в философии разума. Разумеется, из феноменальной возможности (или необходимости) не следует ни номологическая, ни логическая возможность (или необходимость). Утверждение о том, что все мы якобы способны связно представить себе или вообразить определенную ситуацию - например, имитацию человека (К. К. Campbell 1971, p. 120) или зомби (см. Chalmers 1996, p. 94 и далее), - довольно тривиально с философской точки зрения, поскольку в конечном счете это всего лишь эмпирическое утверждение об истории человеческого мозга и его функциональной архитектуре. Это утверждение о мире, который является феноменально возможным для человеческих существ. Это не утверждение о модальной силе связи между физическими и феноменальными свойствами; логическая возможность (или необходимость) не подразумевается феноменальной возможностью (или необходимостью). Из того простого факта, что такие существа, как мы, способны феноменально моделировать некий очевидно возможный мир, не следует, что существует непротиворечивое или даже просто эмпирически правдоподобное описание этого мира. Напротив, тот факт, что такие описания могут быть созданы сегодня, показывает, насколько лишенной эмпирического содержания остается наша современная концепция сознания (P. M. Churchland 1996).

Вторая проблема может быть еще более фундаментальной. Многие из лучших современных философских дискуссий о понятии "мыслимость" трактуют мыслимость как свойство высказываний. Однако между непропозициональными формами ментального или сознательного содержания и высказываниями не существует отношений вменения. И наши лучшие современные теории о реальной репрезентативной динамике, разворачивающейся в

человеческом мозге (например, коннекционистские модели человеческого познания или современные теории динамистской когнитивной науки), имеют одно общее важнейшее свойство: формы содержания, порождаемые теми нейрокомпьютерными процессами, которые, вполне вероятно, лежат в основе наших сознательных мыслей, когда мы, например, представляем себе имитацию человека или зомби, не обладают критической особенностью, которая в философии ума называется "пропозициональной модулярностью" (см. Stich 1983, p. 237 и далее).

Пропозициональная модулярность - это классический способ думать о пропозициональных установках как о состояниях репрезентативной системы; они функционально дискретны, они обрабатывают семантическую интерпретацию и играют отчетливую каузальную роль по отношению к другим пропозициональным установкам и поведенческим паттернам. С точки зрения наиболее рациональной и эмпирически правдоподобной теории о реальной репрезентативной динамике, лежащей в основе сознательного мышления - например, для философа, занимающегося зомбирующими мыслительными экспериментами и исследованиями сознания, мыслимости и возможности - наиболее интересный класс коннекционистских моделей будет нелокальным, представляющим эти когнитивные содержания в распределенной манере. Для отдельных скрытых единиц не будет очевидной символической интерпретации, и в то же время такие модели будут действительно когнитивными моделями, а не только реализациями когнитивных моделей. Как показали Рэмси, Стич и Гарон (Ramsey, Stich, Garon, 1991), пропозициональная модулярность для таких моделей невозможна, поскольку невозможно локализовать дискретные пропозициональные репрезентанты за пределами входного слоя. Наиболее рациональным на сегодняшний день является предположение, что ни одна отдельная скрытая единица не обладает пропозициональной интерпретацией (как "ментальное высказывание", которое

может обладать свойством мыслимости), а вместо этого целостно кодируется целый набор пропозиций. Классицистические когнитивные модели конкурируют с коннекционистскими на том же объяснительном уровне; последние более упрощены, интегрируют гораздо больше эмпирических данных в объяснительной манере, но не генерируют пропозиционального когнитивного содержания в классическом смысле. Поэтому, если феноменальная возможность (сознательное переживание мыслимости), вероятно, реализуется в среде, которая лишь приближается к пропозициональной модульности, но никогда не реализует ее полностью, то из этого не вытекает ничего в плане логической мыслимости или возможности. Строго говоря, даже сознательная мысль не является пропозициональной формой ментального содержания, хотя мы, конечно, являемся системами, которые иногда в значительной степени приближаются к свойству пропозициональной модульности. Между непропозициональными, целостными сознательными содержаниями и высказываниями, которые мы можем сделать во внешнем языковом пространстве, будь то мыслимые или нет, просто не существует отношений энуклеации. Однако две другие мысли о феномене ментальной симуляции могут быть более интересными. Они также могут быть сформулированы более четко с помощью только что представленных концептуальных инструментов.

Во-первых, любая феноменальная репрезентация, как мы видели, также является симуляцией; в специфическом функциональном смысле ее содержание всегда формируется возможным актуальным миром. Поэтому верно говорить, что фундаментальное интенциональное содержание сознательного опыта в стандартных ситуациях - это гипотетическое содержание: гипотеза о реальном состоянии мира и Я в нем, учитывая все ограничения, доступные системе. Однако в нашем случае этот процесс связан с фундаментальной архитектурной структурой, которую отныне я буду называть автоэпистемической замкнутостью.

Мы подробно вернемся к этой структуре в следующей главе, когда будем обсуждать ограничение прозрачности для феноменальных ментальных моделей (см. раздел 3.2.7). Что такое автоэпистемическая закрытость?

"Автоэпистемическая закрытость" - эпистемологическое, а не феноменологическое понятие (по крайней мере, не в первую очередь). Оно обозначает "встроенное слепое пятно", структурно закрепленный дефицит в способности получать знания о себе. Важно понимать, что автоэпистемическая закрытость, используемая в этой книге, не относится к когнитивной закрытости (McGinn 1989b, 1991) или эпистемической "ограниченности" (Fodor 1983) в смысле недоступности теоретического, пропозиционально структурированного самопознания. Скорее, речь идет о закрытости или ограниченности обработки внимания по отношению к собственной внутренней репрезентативной динамике. Автоэпистемическая закрытость состоит в том, что человеческие существа в обычных состояниях бодрствования, используя свои внутренние репрезентативные ресурсы - то есть интроспективно направляя внимание - не могут осознать то, что я только что объяснил: тот простой факт, что содержание их субъективного опыта всегда является контрфактическим содержанием, поскольку оно опирается на временную фикцию. Здесь "осознавать" означает "феноменально представлять". На феноменальном уровне мы не в состоянии представить эту общую черту репрезентации и симуляции. Мы - системы, не способные сознательно переживать тот факт, что они никогда не находятся в контакте с реальным настоящим, что даже то, что мы переживаем как феноменальное "Сейчас", является конструктивной гипотезой, симуляцией Сейчас. Отсюда вытекает следующая картина: Феноменальная репрезентация - это та форма ментальной симуляции, надлежащая функция которой заключается в том, чтобы с достаточной степенью точности уловить реальное состояние мира. В большинстве случаев эта цель достигается, и поэтому феноменальная

репрезентация является функционально адекватным процессом. Однако с эпистемологической точки зрения очевидно, что феноменальное "присутствие" сознательного репрезентативного содержания - это фикция, которая в любой момент может оказаться ложной. Автоэпистемическая закрытость - очень интересная особенность человеческого разума, поскольку он обладает вариантом высшего порядка.

Во-вторых, все те феноменальные состояния, в которых - как во время мышления, планирования или живописного воображения - мы дополнительно переживаем себя как субъекты, сознательно моделирующие мысленно возможные миры, очевидно, переживаются как состояния, разворачивающиеся прямо сейчас. Если не принимать во внимание особые случаи, такие как люцидные сны, следующий принцип представляется верным: Симуляции всегда встроены в глобальный репрезентативный контекст, и этот контекст в значительной степени образован прозрачной репрезентацией временной интернальности (см. раздел 3.2.7 о понятии "феноменальная прозрачность"). Они происходят на фоне феноменального настоящего, которое определяется как реальное. Назовем это "принципом фона". Временная интернальность, эта, возможно, самая фундаментальная структурная особенность нашего сознания, определяется как реальная, причем таким образом, что сама система эмпирически не трансцендируется. Что особенно важно, феноменальные симуляции всегда "принадлежат" субъекту, который также переживается как реальный, человеку, который переживает себя как присутствующего в мире. Однако только что высказанные соображения приводят нас к мысли, что даже такие операции высшего порядка могут происходить в условиях автоэпистемической закрытости: присутствие самого феноменального субъекта, на фоне которого разворачивается внутренняя динамика его феноменальных симуляций, снова будет функционально адекватной, но эпистемически неоправданной репрезентативной фикцией. Такой фикцией могло бы стать

именно то, что Кант считал трансцендентальным единством апперцепции, как условие возможности возникновения феноменальной перспективы первого лица: "я мыслю", уверенность в том, что я сам являюсь мыслителем, которая в принципе может сопровождать каждый отдельный когнитивный эпизод. Таким образом, когнитивная перспектива первого лица будет закреплена в феноменальной перспективе первого лица, основным конституирующим элементом которой является автоэпистемическая закрытость. Я вернусь к этому вопросу в главах 6 и 8. Однако прежде чем мы сможем обсудить процесс сознательной самосимуляции (см. раздел 5.3), мы должны сначала ввести рабочую концепцию феноменальной симуляции

Вставка 2.5

Феноменальное моделирование: $\text{SimP}(S, X, Y)$

S - это индивидуальная информационно-процессорная система.

Y - это возможное состояние мира относительно репрезентативной архитектуры системы.

X феноменально моделирует Y для S.

X - это физически внутреннее состояние системы, содержание которого функционально определено как временно-внешнее.

Интенциональное содержание X в настоящее время интроспективно¹ доступно; то есть оно располагает к тому,

чтобы стать репрезентантом субсимволических репрезентативных процессов высшего порядка.

Интенциональное содержание X в настоящее время интроспективно² доступно для когнитивной референции; оно, в свою очередь, может стать репрезентантом символических репрезентативных процессов высшего порядка.

Интенциональное содержание X в настоящее время доступно для избирательного управления действием.

Системы, обладающие ментальными состояниями, открывают огромное высокоразмерное ментальное пространство возможностей. Это пространство содержит все, что в принципе может быть смоделировано этими системами. Этому пространству возможностей соответствует пространство ментальных состояний - описание тех конкретных ментальных состояний, которые могут возникнуть в результате реализации этих возможностей. Системы, дополнительно обладающие феноменальными состояниями, открывают пространство феноменальных возможностей, образуя субрегион внутри первого пространства. Отдельные состояния, которые можно описать как конкретные реализации точек в этом феноменальном пространстве возможностей, - это то, что сегодня мы называем сознательным опытом: преходящие, сложные комбинации фактических значений в очень большом количестве измерений. То, что Уильям Джеймс назвал потоком сознания, при таком описании становится траекторией движения через это пространство. Однако прожить свою жизнь как подлинный феноменальный субъект означает не только эпизодически следовать по траектории через пространство возможных состояний сознания. Это также означает активно изменять свойства самого пространства - например, его объем, размерность или

внутренний ландшафт, делая одни состояния в пространстве сознания более вероятными, чем другие. Физикализм в отношении феноменального опыта представлен тезисом о том, что феноменальное пространство состояний системы всегда является подпространством ее физического пространства состояний. Заметим, что по-прежнему верно, что содержание сознательного опыта всегда является содержанием феноменальной симуляции. Однако теперь мы можем классифицировать симуляции по ряду новых аспектов.

В тех случаях, когда интенциональное содержание такой симуляции изображается как темпорально внешнее, то есть как не находящееся в функциональном окне присутствия, образуемом системой, она будет переживаться как симуляция. Во всех остальных случаях она будет переживаться как репрезентация. Это так, потому что существует не только функционалистская, но и эпистемологическая и феноменологическая интерпретация понятия "симуляция". То, что, с точки зрения первого из этих двух дополнительных аспектов, всегда является симуляцией, субъективно предстает как репрезентация в одной ситуации и как симуляция в другой, а именно, с точки зрения третьего, феноменологического прочтения. С эпистемологической точки зрения мы видим, что наши феноменальные состояния ни в какой момент времени не устанавливают для нас прямого и непосредственного контакта с миром. Знание посредством симуляции всегда является приблизительным знанием, по принципиальным соображениям оставляющим за кадром реальную временную динамику своих объектов. Однако на уровне феноменальной репрезентации этого знания этот факт систематически подавляется; по крайней мере, содержание некогнитивного сознания, таким образом, характеризуется дополнительным качеством - феноменальным качеством данности. Имеющиеся сегодня концептуальные инструменты "репрезентации" и "симуляции" позволяют нам избежать типичной

феноменологической ошибки перехода от феноменальной к эпистемической данности, проводя различие между чисто описательным и эпистемологическим контекстом в использовании обоих понятий.

Интересные новые аспекты можно обнаружить и при применении телеофункционалистского анализа к концепции феноменальной симуляции. Внутренняя каузальная структура, топология нашего феноменального пространства, была адаптирована к номологическому пространству возможностей, управляющих объектами среднего размера на поверхности этой планеты в течение миллионов лет. Точки в этом пространстве представляют то, что было актуально на поверхности нашей планеты, в частности в нашем поведенческом пространстве, для максимизации нашей генетической пригодности. Оно представлено таким образом, что делает его доступным для быстрого и гибкого управления действиями. Поэтому сегодня мы можем легче представить и смоделировать те типы ситуаций, которые имеют большое значение для нашего выживания. Например, сексуальные и насильственные фантазии гораздо проще и доступнее для нас, чем мысленное моделирование теоретических операций над синтаксически заданными структурами символов. Они представляют возможные ситуации, характеризующиеся гораздо более высокой адаптивной ценностью. С эволюционной точки зрения, мы начали развивать феноменальные симуляции сложных символических операций совсем недавно. Такие когнитивные симуляции стали зачатком теоретического сознания.

Существует по меньшей мере три различных вида феноменальных симуляций: те, надлежащая функция которых состоит в создании репрезентаций реального мира, которые номологически возможны и обладают достаточной степенью вероятности (например, перцептивная феноменальная репрезентация); те, надлежащая функция

которых состоит в создании общих моделей мира, которые номологически возможны и биологически релевантны (например, В очень редких случаях - феноменальные симуляции, основная цель которых состоит в создании квазисимволических репрезентаций логически возможных миров, которые могут быть включены в истинно пропозициональные, лингвистические и внешние репрезентации. Только последний класс сознательных симуляций представляет собой подлинно теоретические операции; только они составляют то, что можно назвать началом философской мысли. Этот тип мышления сформировался в результате длительной биологической истории; на уровне индивида он использует репрезентативные инструменты, которые изначально применялись для обеспечения выживания. Когнитивные процессы явно имеют интересные биоисторические корни в пространственном восприятии и планировании физических действий.

Какую именно функцию может выполнять для биологической системы внутренняя симуляция возможного мира? Какая собственно биологическая функция может заключаться в том, чтобы сделать несуществующие миры объектом ментальных операций? Селективное преимущество может быть достигнуто, вероятно, только в том случае, если системе удастся выделить подмножество биологически реалистичных миров из бесконечности возможных миров. Она должна обладать общей эвристикой, которая сжимает необъятное логическое пространство до двух основных классов "предполагаемых реальностей", то есть тех миров, которые каузально способствуют и релевантны процессу отбора. Первый класс должен состоять из всех желательных миров, то есть всех тех миров, в которых система имеет оптимальные внешние условия, много потомков и высокий социальный статус. Эти миры представляют собой интересные симулянты, когда речь идет о ментальном планировании будущего. С другой стороны, все те возможные

и вероятные миры являются интересными симулякрами, в которых система и ее потомство погибли или иным образом были затруднены в репродуктивном успехе. Эти миры предназначены для симулянтов, когда они мысленно оценивают риск определенных моделей поведения.

Следовательно, если предполагается, что сознательные ментальные симуляции являются успешными инструментами, должна существовать возможность приписывания различных вероятностей различным внутренне сгенерированным макросимуляциям. Назовем такие глобальные симулятивные макроструктуры "возможными феноменальными мирами". Возможный феноменальный мир - это мир, который может быть осознанно пережит. Оценка вероятностей заключается в измерении расстояния от возможных миров до реального мира. Поэтому ментальная оценка вероятностей может состоять только в измерении расстояния между ментальным макросимулякром, который только что был активирован, и уже существующим ментальным макрореферентом. Учитывая, что этот процесс был инициирован сознательно и, следовательно, происходит осознанно, возможный феноменальный мир должен быть сопоставлен с моделью мира реального - мир, который мог бы быть "тем" миром, с миром, который является "тем" миром. Это означает, что во многих когнитивных операциях сложные состояния внутренней системы должны быть сопоставлены друг с другом. Для этого должна быть доступна внутренняя метрика, с помощью которой можно проводить такое сравнение. Репрезентационистский анализ нейронных сетей с позиции третьего лица уже предоставил нам точный набор концептуальных инструментов для достижения этой цели: в коннекционистской системе можно представить внутренние состояния как наборы субсимволов или как векторы активации. Сходство двух векторов активации может быть математически точно описано, например, углом, который они образуют в векторном пространстве (см., например, Р. М.

Churchland 1989; Helm 1991). Интерналистские критерии идентичности содержания (а феноменальное содержание является внутренним в том смысле, что оно локально супервизируется) могут быть получены из относительных расстояний между точками прототипа в пространстве состояний (P. M. Churchland 1998). Не останавливаясь на этих технических вопросах, я хочу подчеркнуть, что адаптивная ценность обладания функцией оценки расстояния между двумя моделями мира может сыграть решающую объяснительную роль в ответе на вопрос, почему вообще существует нечто вроде феноменального сознания.

В ходе работы над этой книгой я предлагаю ряд более или менее спекулятивных гипотез о возможных адаптивных функциях сознательного опыта. Вот первая из них. Я называю эту гипотезу "гипотезой нулевого мира". Что именно она утверждает? Должна существовать глобальная репрезентативная среда, в которой могла бы происходить только что упомянутая ментальная оценка вероятностей. Для этого должен быть создан всеобъемлющий контекст, образующий фон, на котором можно анализировать расстояние между различными моделями мира и искать, оценивать и сравнивать возможные пути из одного мира в другой. Этот контекст, как я утверждаю, может быть создан только глобализованной версией феноменального варианта ментальной репрезентации; чтобы быть биологически адаптивным (в самом простом случае, когда сравниваются только две интегрированные макроструктуры), одна из обеих моделей мира должна быть определена как актуальная для системы. Одна из обеих симуляций должна быть представлена как реальный мир, причем таким образом, чтобы функционально не трансцендировать саму систему. Одна из обеих моделей должна стать индексированной в качестве эталонной модели, будучи внутренне определенной как реальная, то есть как данная, а не как сконструированная. И легко понять, почему.

Симуляция может быть успешной только в том случае, если она не уводит систему в параллельные миры грез, а позволяет ей одновременно генерировать достаточно точное представление реального мира, которое может служить репрезентативным якорем и оценочным контекстом для содержания этой симуляции. Для достижения этой цели необходимо разработать функциональный механизм, который обеспечит, чтобы текущая активная модель реального мира также в будущем постоянно распознавалась как таковая. Этот механизм стал бы функциональной основой для загадочного феноменального качества присутствия. Без такого механизма на уровне субъективного опыта было бы невозможно провести различие между сном и явью, между планом и текущей ситуацией. Только при наличии такой основы на третьем этапе станет возможным оценить феноменальные симуляции и сделать результат доступным для будущего планирования действий. Другими словами, генерируя подходящее и дальнейшее состояние внутренней системы, необходимо создать метарепрезентатум более высокого порядка, который снова мысленно отображает "вероятностное расстояние" между симулятумом и репрезентатумом (это то, что, например, с позиции третьего лица в вычислительной нейронауке может быть описано как угол между двумя векторами активации), тем самым делая его глобально доступным. Два наиболее фундаментальных феноменологических ограничения любой концепции сознания - это глобальность и присутствие (см. главу 3), требование, чтобы существовало непередаваемое присутствие мира. Я предполагаю, что этот вид феноменального содержания - реальность, достоверно изображаемая как актуальная реальность, - должен был развиваться, поскольку он является центральным (возможно, главным) необходимым условием для развития планирования будущего, памяти, гибких и разумных поведенческих реакций, а также для подлинно когнитивной деятельности, например, для мысленного формирования концептоподобных структур. Все эти способности к обработке информации объединяет то, что

их результаты могут быть успешно оценены только на твердом фоне, который надежно функционирует в качестве эталонной модели. Если то, что я представил здесь в качестве гипотезы нулевого мира для функции сознательного опыта, указывает в правильном направлении, то мы сразу же подходим к другому очень интересному вопросу: Как именно возможно, чтобы содержание феноменальной репрезентации - в отличие от содержания феноменальной симуляции - было изображено как присутствующее?

2.4 От ментального к феноменальному представлению: Qualia

Возможно, наиболее фундаментальная эпистемическая задача при формировании репрезентационистской теории феноменального опыта состоит в том, чтобы сначала выделить наиболее простые элементы в целевой области. Необходимо задаться такими вопросами, как: Каковы, прежде всего, наиболее простые формы феноменального содержания? Существует ли что-то вроде "феноменальных примитивов"? Существуют ли атомы субъективного опыта, элементарные содержания сознания, не поддающиеся никакому дальнейшему анализу? Можно ли вообще выделить такие примитивные содержания опыта и описать их точным, концептуально убедительным образом?

Традиционный философский ответ на подобные вопросы звучит следующим образом: "Да, примитивные элементы феноменального пространства действительно существуют. Эти элементы называются "квалиа", и их парадигматическое выражение можно найти в простых качествах сенсорного сознания: в зрительном восприятии красноты, в телесных ощущениях, таких как боль, или в субъективном переживании запаха, вызванного сандаловым деревом".

Квалиа в этом смысле слова интересны по многим причинам. Например, они одновременно служат примером тех феноменальных качеств высшего порядка - присутствия и непосредственности, о которых говорилось в конце предыдущего раздела, и делают это в столь же парадигматической манере. Ничто не может быть более присутствующим, чем такие сенсорные качества, как краснота или болезненность. И ничто в области сознательного опыта не дает нам более сильного ощущения прямого, неопосредованного контакта с реальностью как таковой, будь то реальность нашего визуального окружения или реальность телесного "я". Квалиа максимально конкретны. Чтобы понять, как возможность может переживаться как реальность, и как абстрактное интенциональное содержание может сочетаться с конкретным феноменальным характером, может быть полезно разработать репрезентативный анализ qualia. На самом деле, в последнее время был разработан ряд очень точных и интересных репрезентативных теорий qualia, Но, как выяснилось, многие из этих теорий сталкиваются с техническими трудностями, например, с понятием искажения высшего порядка (например, см. Neander 1998). Отсюда возникает естественный вопрос, существуют ли нерепрезентативные феноменальные качества. В следующих разделах я попытаюсь выбрать средний курс между двумя альтернативами - репрезентативной и нерепрезентативной теориями qualia, надеясь таким образом избежать трудностей обеих и пролить новый свет на этот старый вопрос. И снова я введу ряд простых, но, как я надеюсь, полезных концептуальных различий.

Один из предварительных результатов предложенных до сих пор рассуждений таков: Для сознательного опыта понятие "репрезентация", в его телеофункционалистском и эпистемологическом использовании, может быть сведено к понятию "симуляция". Феноменальные репрезентации являются подклассом симуляций. Однако при попытке

разработать дальнейшие ограничения на феноменологическом уровне описания эта связь представляется гораздо более двусмысленной. Феноменальные репрезентации образуют отдельный класс эмпирических состояний, противопоставленный симуляциям.

С точки зрения феноменального содержания восприятие реального окружения и собственного тела совершенно не похоже на дневные сновидения, моторные образы или философские мыслительные эксперименты. Связующим элементом между обоими классами переживаний, по-видимому, является тот факт, что в обоих случаях существует стабильное феноменальное "я". Даже если мы эпизодически теряем явное феноменальное "я", возможно, полностью погружаясь в дневной сон или философский мысленный эксперимент, существует, по крайней мере, ментальная репрезентация "я", которая доступна в любое время, и это парадигмальный пример репрезентации, которая ни в какой момент времени никогда полностью не переживается как симуляция. Что разделяет оба класса, так это те элементарные сенсорные компоненты, которые в их очень специфическом качественном выражении возникают только в результате прямого сенсорного контакта с миром. Воображаемая клубника никогда не бывает по-настоящему красной, а ужас мысленно симулированной боли - гораздо более слабая и слабая копия оригинального события в режиме онлайн. Анализ простого качественного содержания, таким образом, должен дать нам ответ на вопрос о том, в чем именно заключаются различия между интенциональным содержанием репрезентативных и симулятивных процессов.

Чтобы сделать это, я должен предложить читателям присоединиться ко мне и совершить второй обходной маневр. Если в качестве первого шага предложить список определяющих характеристик для канонического понятия

"квал", то вскоре становится ясно, что не существует ответа, который разделяло бы даже простое большинство теоретиков, работающих в этой области философии или соответствующих субдисциплин в рамках когнитивных нейронаук. Сегодня не существует согласованного набора необходимых или достаточных условий для того, чтобы что-либо подпадало под понятие "квал". Ведущие исследователи в области нейронаук просто воспринимают философское понятие "квал" как неопределенное, и поэтому считают, что его лучше игнорировать всем, кто заинтересован в строгих исследовательских программах. Задаваясь вопросом о том, что на самом деле представляют собой наиболее простые формы сознания (например, с точки зрения возможных объяснений для междисциплинарного сотрудничества), обычно очень трудно прийти даже к самому элементарному консенсусу. С другой стороны, уже существуют прекрасные подходы к разработке необходимых концепций-преемников (недавний пример см. в Clark 2000).

В следующих четырех разделах я сначала утверждаю, что qualia, с точки зрения аналитически строгого определения - как простейшей формы сознательного опыта в смысле феноменальных свойств первого порядка, - не существует. Напротив, простые эмпирические соображения уже показывают, что мы не обладаем интроспективными критериями идентичности для многих простых форм сенсорного содержания. Мы не способны распознать подавляющее большинство из них и, следовательно, не можем ни когнитивно, ни лингвистически постичь их во всей полноте их содержания. Мы не можем сформировать о них понятие, потому что они невыразимы. Используя наши новые концептуальные инструменты, мы теперь можем сказать: Простая качественная информация, почти во всех случаях, - это только информация, доступная вниманию и дискриминации. Если эта эмпирическая предпосылка верна, то это означает, что субъективный опыт сам по себе не дает нам критериев трансвременной идентичности для самых

простых форм феноменального содержания. Однако на пути к концептуально убедительной теории феноменального сознания, которая в то же время была бы эмпирически обоснована, четкая интерпретация этих самых простых форм феноменального содержания совершенно необходима.

Концептуальный прогресс может быть достигнут только путем разработки точных логических критериев идентичности для тех понятий, с помощью которых мы публично обращаемся к таким частным и примитивным содержаниям сознания. Эти критерии идентичности для феноменологических понятий должны быть затем систематически дифференцированы, например, с помощью данных психофизики. Поэтому в разделе 2.4.2 на сайте я исследую связь между транстемпоральными и логическими критериями идентичности. Однако в следующем вводном разделе будет предложена краткая аргументация в пользу отказа от классического понятия *qualia*. Первый вопрос: о чем, собственно, идет речь, когда мы говорим о самых простых содержаниях феноменального опыта?

Феноменальные свойства первого порядка до сих пор были каноническими кандидатами на эти мельчайшие "строительные блоки сознания". Свойства первого порядка - это феноменальные примитивы, потому что использование репрезентативных инструментов, доступных для соответствующей системы, не позволяет анализировать их дальше. Простота - это репрезентативный атомизм (см. интересное обсуждение в Jakob 2000). Атомизм относителен к определенному набору инструментов. В случае человека "репрезентативные инструменты", о которых только что говорилось, - это способности, соответствующие понятиям интроспекции¹, интроспекции², интроспекции³ и интроспекции⁴: Так сказать, мы просто "открываем" непроницаемые феноменальные примитивы, о которых идет речь, позволяя способностям более высокого порядка, таким

как внимание и познание, блуждать в нашей феноменальной модели мира или направляя эти процессы на нашу текущую сознательную саморепрезентацию. У большинства животных, не обладающих подлинно когнитивными способностями, только процесс внимания к их текущему сенсорному опыту открывает им элементарные содержания. Они, в свою очередь, будут вынуждены воспринимать их как данности, как элементарные аспекты своего мира. Однако концептуальное постижение таких свойств в рамках и с помощью эпистемических ресурсов конкретной репрезентативной системы всегда предполагает, что эта система впоследствии сможет повторно идентифицировать постигнутые ею свойства. Интересно, что человек, похоже, не принадлежит к этому классу систем: феноменальные свойства в этом смысле не являются самым низким уровнем реальности, поскольку она стандартно представлена человеческой нервной системой, работающей на феноменальном уровне организации (относительно концепции сознательного опыта как "уровня организации" см. Revonsuo 2000a). Существует нечто более простое, но все же сознательное. По этой причине мы должны устранить рассматриваемую теоретическую сущность (т. е. простое "качественное" содержание и соответствующие ему предикаты феноменальных свойств первого порядка), одновременно разработав набор правдоподобных предикатов-преемников. Эти предикаты-преемники для наиболее простых форм феноменального содержания должны, по крайней мере, сохранить первоначальный описательный потенциал и, на эмпирическом уровне, позволить нам продвинуться дальше в выделении минимально достаточных нейронных и "функциональных" коррелятов наиболее простых форм сознательного опыта (о понятии "минимально достаточного нейронного коррелята" см. Чалмерс 2000). Поэтому в разделе 2.4.4 я предлагаю концепцию-преемницу qualia в смысле наиболее простой формы феноменального содержания и утверждаю, что критерии логической идентичности для этой концепции

могут быть найдены не в интроспекции, а только в нейронаучных исследованиях. Поэтому те читатели, которых интересуют только две концепции "ментального представления" и "феноменального представления", могут пропустить следующие три раздела.

2.4.1 Что такое квалификация?

За последние два десятилетия чисто философская дискуссия о qualia значительно активизировалась и расширилась, перешагнув границы дисциплины. Это позитивное развитие, однако, одновременно привело к тому, что понятие "квале" стало страдать от семантической инфляции. Оно все чаще используется слишком расплывчато, становясь источником недоразумений не только между дисциплинами, но даже внутри самой философии разума (классическую лобовую атаку см. в Dennett 1988). Кроме того, в ходе истории идей в философии, от Аристотеля до Пирса, появилось огромное количество различных значений и семантических предшественников. Эта уже существующая сеть неявных теоретических коннотаций, в свою очередь, влияет на текущие дебаты и, опять же, часто приводит к дальнейшей путанице в использовании понятия. По этой причине сегодня стало важно четко определить, о чем, собственно, идет речь, когда говорят о qualia. Классический локус для дискуссии в двадцатом веке можно найти у Кларенса Ирвинга Льюиса. Для Льюиса qualia были субъективными универсалиями:

Существуют узнаваемые качественные характеристики данного, которые могут повторяться в различных переживаниях и, таким образом, являются своего рода универсалиями; я называю их "qualia". Но хотя такие qualia являются универсалиями в смысле узнаваемости из одного опыта в другой, их следует отличать от свойств объектов. . . .

Квалиа непосредственно интуитивны, даны и не подвержены никаким возможным ошибкам, потому что они чисто субъективны. Свойство объекта объективно; его приписывание - это суждение, которое может быть ошибочным; а то, что утверждает предикация, - это нечто, выходящее за рамки того, что может быть дано в любом отдельном опыте". (C. I. Lewis 1929, p. 121)

Для Льюиса с самого начала ясно, что мы обладаем интроспективными критериями идентичности для qualia: их можно распознать от одного эмпирического эпизода к другому. Кроме того, qualia образуют внутреннее ядро всех субъективных состояний. Это ядро недоступно никакому реляционному анализу. Поэтому оно также невыразимо, поскольку его феноменальное содержание не может быть перенесено в пространство общественных систем коммуникации. Фальсифицировать можно только утверждения об объективных свойствах. Квалиа, однако, являются феноменальными, то есть субъективными свойствами:

Квалиа субъективны; они не имеют названий в обычном дискурсе, но обозначаются некоторыми иносказаниями, такими как "похоже"; они невыразимы, поскольку могут быть разными в двух умах без возможности обнаружить этот факт и без необходимого неудобства для нашего знания об объектах или их свойствах. Все, что можно сделать для обозначения квала, - это, так сказать, определить его местоположение в опыте, то есть обозначить условия его повторения или другие его отношения. Такое расположение не затрагивает саму квалю; если бы в совокупном опыте индивида одна такая квалю могла быть изъята из сети ее отношений и заменена другой, то такая замена не затронула бы ни социального интереса, ни интереса действия. Для понимания и коммуникации важна не квалю как таковой, а та схема его стабильных отношений в опыте, которая

имплицитно предиктируется, когда его принимают за знак объективного свойства". (C. I. Lewis 1929, p. 124 ff.)

В этом смысле квал - это свойство первого порядка, постигаемое с позиции первого лица, в самом субъективном опыте. Свойство первого порядка - это простое свойство объекта, а не конструкция более высокого порядка, как, например, свойство другого свойства. О том, что самого Льюиса интересовала в первую очередь самая простая форма феноменального содержания, можно судить и по примерам, которые он использовал. Таким образом, мы можем сказать: Каноническое определение квалы - это определение "свойства первого порядка" как феноменально представленного. Из этого узкого определения сразу же следует, что инстанцирование такого свойства всегда соотносится с определенным классом репрезентативных систем: Летучие мыши строят свою феноменальную модель реальности на основе иных базовых свойств, чем человек, потому что они воплощают иную репрезентативную архитектуру. Только системы, обладающие идентичной архитектурой, могут через свои сенсорные восприятия демонстрировать идентичные качества и затем способны интроспективно обращаться к ним как к примитивным элементам своего субъективного опыта. Во-вторых, с эпистемологической точки зрения мы видим, что феноменальные свойства сильно отличаются от физических. Здесь нет отображения один к одному. Этот момент был очень важен для Льюиса:

Идентифицируемый характер представленных квалей необходим для предикации объективных свойств и распознавания объектов, но он недостаточен для проверки того, что такая предикация и распознавание имплицитно утверждают, как потому, что утверждаемое таким образом выходит за пределы данного и имеет значение предсказания дальнейшего возможного опыта, так и потому, что одно и то

же свойство может быть обоснованно предсказано на основе различных представленных качеств, а различные свойства могут сигнализироваться одной и той же представленной категорией". (C. I. Lewis 1929, p. 131; выделение в оригинале)

В целом, в этом каноническом смысле классическое понятие *qualia* относится к особой форме ментального содержания, для которой верно, что

1. Существуют субъективные критерии идентичности, по которым мы можем интроспективно распознать их трансвременную идентичность;
2. Это максимально простая и эмпирически конкретная (т.е. максимально детерминированная) форма содержания, не имеющая никаких внутренних структурных особенностей;
3. Она приводит к инстанцированию нефизического свойства первого порядка, феноменального свойства;
4. Не существует систематического отображения субъективных свойств на объективные свойства;
5. Она постигается непосредственно, интуитивно и эпистемически непосредственным образом;
6. Она субъективна, поскольку постигается "с позиции первого лица";
7. Она обладает внутренним феноменальным ядром, которое аналитически не может быть растворено в сети отношений; и
8. Суждения об этой форме ментального содержания не могут быть ложными.

Конечно, найдется лишь несколько философов, которые согласятся именно с такой концепцией квалии. С другой стороны, в рамках недавней дискуссии ни одна из версий концепции qualia не может, с систематической точки зрения, считаться ее парадигматическим выражением. По этой причине с этого момента я буду считать концепцию Льюиса канонической и отправной точкой в дальнейшем изложении. Я делаю это исключительно из прагматических соображений, чтобы создать прочную основу для текущего исследования. Обратите внимание, что для этого ограниченного предприятия особенно важны только первые две определяющие характеристики концепции (наличие критериев трансемпоральной идентичности и максимальная простота). Однако в конце раздела 2.4.4 я кратко возвращаюсь к концепции в целом.

2.4.2 Почему квалиа не существует

В соответствии с предположением, что качественное содержание является наиболее простой формой содержания, теперь можно утверждать, что qualia (в первоначальном понимании Кларенса Ирвинга Льюиса) не существует. Теоретическая сущность, введенная тем, что я назвал "каноническим понятием квалей", может быть с уверенностью устранена. Короче говоря, квалиа в этом смысле не существует и никогда не существовало. Большая часть философских дебатов упустила из виду простой эмпирический факт: то, что почти для всех самых простых форм качественного содержания мы не обладаем никакими интроспективными критериями идентичности, в смысле понятия интроспекции², то есть в смысле когнитивного обращения к элементарным характеристикам внутренней модели реальности. Диана Раффман четко проработала этот вопрос. Она пишет:

Трюизм психологии восприятия и психофизики заключается в том, что, за редким исключением [Сноска: Исключение составляют случаи так называемого категориального восприятия; подробнее см. Repp 1984 и Harnad 1987], дискриминация по перцептивным параметрам превосходит идентификацию. Другими словами, наша способность судить о том, являются ли два или более стимула одинаковыми или разными в каком-то перцептивном отношении (например, по тону или цвету), намного превосходит нашу способность идентифицировать их по типу. Как объясняют Бернс и Уорд, "субъекты обычно могут различать гораздо больше стимулов, чем классифицировать на абсолютной основе, и функции дискриминации являются гладкими и монотонными" (см. Burns and Ward 1977, p. 457). Например, в то время как нормальные слушатели могут различать около 1400 ступеней разницы высоты тона в слышимом диапазоне частот (Seashore 1967, p. 60), они могут идентифицировать или распознавать тона как экземпляры только около восьмидесяти категорий тона (построенных из базового набора из двенадцати). [Сноска: Burns and Ward 1977, 1982; Siegel and Siegel 1977a, b, например. Строго говоря, только слушатели с так называемым идеальным питчем могут идентифицировать питч как таковой; слушатели (большинство из нас) с относительным питчем могут научиться идентифицировать музыкальные интервалы, если им будут предоставлены определенные подсказки. Это усложнение не затрагивает суть данной истории]. В визуальной области Лео Гурвич отмечает, что "абсолютно идентифицируемых [оттенков] гораздо меньше, чем дискриминируемых. Только дюжина или около того оттенков может быть использована в практических ситуациях, когда требуется абсолютная идентификация" (Hurvich 1981, p. 2). В этой связи Хурвич ссылается на Хэлси и Чапаниса:

. . количество спектральных [оттенков], которые можно легко идентифицировать, очень мало по сравнению с количеством, которое можно различить в 50 процентах случаев в

идеальных лабораторных условиях". По оценкам Райта, в диапазоне от 430 до 650 [нм] насчитывается до 150 различимых длин волн. Наши эксперименты показывают, что менее одной десятой этого числа оттенков можно различить, когда от наблюдателя требуется идентифицировать оттенки по отдельности и с почти идеальной точностью". (Halsey and Charanis 1951: 1058)

Смысл очевиден: мы гораздо лучше различаем перцептивные значения (т.е. делаем выводы о том же самом/разном), чем идентифицируем или узнаем их. Рассмотрим, например, два заметно различающихся оттенка красного - красный₃₁ и красный₃₂, как мы их назовем. Согласно гипотезе, мы можем различить их в контексте парного сравнения, но мы не можем узнать их - не можем идентифицировать их как красный₃₁ и красный₃₂, соответственно, - когда видим их. (Raffman 1995, p. 294 и далее).

В дальнейшем я основываю свои рассуждения на представлении Дианы Раффман и ее интерпретации эмпирических данных, прямо отсылая читателей к только что упомянутому тексту и приведенным в нем источникам. Если часть данных или часть ее интерпретации окажутся неверными, это будет справедливо и для соответствующих частей моей аргументации. Кроме того, для простоты я ограничиваю свое обсуждение человеком в стандартных ситуациях и феноменальными примитивами, активируемыми в рамках визуальной модальности, в частности, цветовым зрением. Другими словами, давайте пока ограничим обсуждение хроматическими примитивами, вносящими вклад в феноменальный опыт стандартных наблюдателей. Вклад Раффмана важен отчасти потому, что он направляет наше внимание на ограничения перцептивной памяти - ограничения памяти. Понятие "ограничения памяти", введенное Раффманом, имеет большое значение

для понимания разницы между уже представленными аттенциональным и когнитивным вариантами интроспекции. Раффман показал, что в субъективном опыте существует неглубокий уровень, настолько тонкий и мелкозернистый, что, хотя мы можем внимать информационному содержанию, представленному на этом уровне, оно недоступно ни для памяти, ни для когнитивного доступа в целом. За пределами феноменального "Сейчас" не существует никакого типа субъективного доступа к этому уровню содержания. Однако, тем не менее, мы сталкиваемся с недвусмысленной и максимально детерминированной формой феноменального содержания. Мы не можем - и это, кажется, центральный инсайт - достичь какого-либо эпистемического прогресса в отношении этого тончайшего уровня феноменальных нюансов, упорно распространяя классическую стратегию аналитической философии на область ментальных состояний, упрямо утверждая, что в принципе должна существовать и какая-то форма лингвистического содержания, и даже анализируя само феноменальное содержание так, как если бы оно было типом концептуального или синтаксически структурированного содержания - например, как если бы субъективные состояния, о которых идет речь, были вызваны предикациями или демонстрациями, направленными на перцептивное состояние первого порядка с позиции первого лица. Ценность аргумента Раффмана состоит в том, что он точно обозначает точку, в которой классическая, аналитическая стратегия сталкивается с принципиальным препятствием. Другими словами, либо мы преуспеваем в передаче проблемы *qualia* эмпирическим наукам, либо проект натуралистической теории сознания сталкивается с серьезными трудностями.

Почему это так? Существует три основных вида свойств, с помощью которых мы можем концептуально понять ментальные состояния: их репрезентативное или интенциональное содержание; их функциональная роль,

определяемая их причинно-следственными связями с входом, выходом и другими внутренними состояниями; и их феноменальное или эмпирическое содержание. Центральным характерным признаком при выделении ментальных состояний является их феноменальное содержание: то, как они ощущаются с позиции первого лица. Задолго до того, как Brentano ([1874] 1973) четко сформулировал проблему интенциональности, задолго до того, как Тьюринг (1950) и Патнэм (1967) представили функционализм в качестве философской теории разума, человеческие существа успешно сообщали о своих ментальных состояниях. В частности, многие поколения философов теоретизировали о разуме, не используя концептуальное различие между интенциональным и феноменальным содержанием. С точки зрения генетики, феноменальное содержание является более фундаментальным понятием. Но даже сегодня сны и галлюцинации, то есть состояния, которые, возможно, не имеют интенционального содержания, могут быть надежно индивидуализированы по их феноменальному содержанию. Поэтому для проекта натуралистической теории разума решающим является анализ прежде всего самых простых форм этой особой формы ментального содержания, чтобы затем быть способным к поэтапному построению и пониманию более сложных комбинаций таких элементарных форм. Сами простые формы феноменального содержания, однако, не могут быть интроспективно индивидуализированы, поскольку для этих форм содержания такие существа, как мы, не обладают никакими критериями трансвременной идентичности. *A fortiori* мы не можем сформировать никаких логических критериев идентичности, которые могли бы быть закреплены в самом интроспективном опыте и позволили бы нам сформировать соответствующие феноменальные понятия. Ни интроспективный опыт, ни когнитивные процессы, работающие на выходе перцептивной памяти, ни философский концептуальный анализ, происходящий в

интерсубъективном пространстве, не дают возможности ретроспективного эпистемического доступа к этим простейшим формам содержания после их исчезновения из сознательного настоящего. Примитивы феноменальной системы репрезентации эпистемически недоступны для когнитивного субъекта сознания (см. также раздел 6.4.4). Вскоре я выскажу еще несколько замечаний о различии между критериями трансемпоральной и логической идентичности феноменальных состояний и концептов. Прежде чем это сделать, давайте предотвратим первое возможное недоразумение.

Конечно, что-то вроде схем, временно устойчивых психологических структур, порождающих феноменальные типы, действительно существует, и тем самым делает категориальную цветовую информацию доступной для мышления и языка. Человеческие существа, безусловно, обладают цветовыми схемами. Однако речь идет не о невыразимости феноменальных типов. Это было центральным моментом в ранних работах Томаса Нагеля (Nagel 1974). Решающим моментом также является не особенность самых простых форм феноменального содержания; речь идет не о том, что философы называют тропами. Основной вопрос заключается в невыразимости, интроспективной и когнитивной непроницаемости феноменальных лексем. Мы не обладаем - это терминология Раффмана - феноменальными концептами для самых тонких нюансов феноменального содержания: у нас есть феноменальное понятие красного, но нет феноменального понятия красного³², феноменальное понятие бирюзы, но нет бирюзы⁵⁷. Поэтому мы не в состоянии провести ментальную идентификацию типа для этих самых простых форм сенсорных концептов. Однако именно такая идентификация типов лежит в основе когнитивных вариантов интроспекции, а именно интроспекции² и интроспекции⁴. Интроспективное познание, направленное на активное в данный момент содержание осознаваемого цветового опыта, должно быть

способом ментального формирования концептов. Концепты - это всегда нечто, под что можно подвести множество элементов. Множественные, временно разделенные маркеры бирюзы⁵⁷, однако, в силу ограниченности нашей перцептивной памяти, в принципе не могут быть концептуально схвачены и интегрированы в когнитивное пространство. В своей тонкости чистая "таковость" тончайших оттенков сознательного цветового опыта доступна только вниманию, но не познанию. Иными словами, мы не в состоянии феноменально репрезентировать такие состояния как таковые. Так что проблема как раз не в том, что совершенно особое содержание этих состояний, переживаемых с позиции первого лица, не находит подходящего выражения в определенном естественном языке. Дело не в недоступности внешних цветовых предикатов. Проблема заключается в том, что существа с нашей психологической структурой и в большинстве перцептивных контекстов вообще не способны распознать это содержание. В частности, эмпирические данные показывают, что классическая интерпретация простого феноменального содержания как инстанций феноменальных свойств - фоновое предположение, основанное на небрежной концептуальной интерпретации интроспективного опыта, - оказалась ложной. Каждому свойству соответствует по крайней мере одно понятие, один предикат на определенном уровне описания. Если физическая концепция успешно схватывает определенное свойство, то это свойство является физическим. Если феноменологическое понятие успешно постигает определенное свойство, то это свойство является феноменальным свойством. Конечно, нечто может быть инстанцией физического и феноменального свойства одновременно, поскольку несколько описаний на разных уровнях могут быть истинными для одного и того же целевого свойства (см. главу 3). Однако если относительно некоторого класса систем определенная феноменологическая концепция некоторого целевого свойства в принципе никогда

не может быть сформирована, то это свойство не является феноменальным.

Свойство - это когнитивный конструкт, который возникает только в результате успешного припоминания и категоризации, выходя за пределы перцептивной памяти. Квалиа в этом смысле феноменального свойства - это когнитивные структуры, реконструированные из памяти, и по этой причине они могут быть функционально индивидуализированы. Конечно, активация цветовой схемы сама по себе также становится феноменально представленной и представляет собой отдельную форму феноменального содержания, которую мы могли бы назвать "категориальным перцептивным содержанием". Если же мы указываем на объект, воспринимаемый как цветной, и говорим: "Этот кусок ткани - темный индиго!", то мы ссылаемся на аспект нашего субъективного опыта, который точно не является для нас феноменальным свойством, поскольку мы не можем его вспомнить. Каким бы ни был этот аспект, он является лишь содержанием способности, представленной как интроспекция¹, а не возможным объектом интроспекции².

Внутреннее целевое состояние, можно с уверенностью сказать, безусловно, обладает информационным содержанием. Информация, которую оно несет, доступна для внимания и онлайн-моторного контроля, но недоступна для познания. Оно может быть функционально индивидуализировано, но не интроспективно. По этой причине мы должны семантически дифференцировать наше "каноническое" понятие *qualia*. Нам нужна теория о двух - как мы увидим, возможно, даже более - формах сенсорного феноменального содержания. Одна форма - это категоризируемое сенсорное содержание, представленное, например, чистыми феноменальными цветами, такими как желтый, зеленый, красный и синий; вторая форма - это

субкатегорическое сенсорное содержание, образованное всеми остальными цветовыми нюансами. Красота и значимость этой второй формы заключается в том, что она настолько тонка, настолько изменчива, что в принципе не поддается когнитивному воздействию. Это неконцептуальное содержание.

Что именно означает утверждение, что один тип сенсорного содержания более "прост", чем другой? Должно существовать по крайней мере одно ограничение, которому он не удовлетворяет. Напомню, что мой аргумент ограничен хроматическими примитивами цветового зрения и что он нацелен на максимально детерминированные формы цветового опыта, не на какие-то абстрактные особенности, а на перевозносимую конкретность этих состояний как таковых. Важно также отметить, насколько ограничен этот аргумент даже для простого цветового опыта: у нормальных наблюдателей чистые цвета - красный, желтый, зеленый и синий - могут быть концептуально восприняты и распознаны; абсолютно чистые версии хроматических примитивов когнитивно доступны. Если "простота" трактуется как связка "максимальной детерминированности" и "отсутствия доступной вниманию внутренней структуры", то все осознаваемые цвета одинаковы. Очевидно, что на уровне содержания мы сталкиваемся с одинаковой конкретностью и одинаковой бесструктурной "плотностью" (в философии это называется "проблемой зерна"; см. Sellars 1963; Metzinger 1995b, p. 430 ff.; и раздел 3.2.10) в обеих формах. Чем различаются унитарные оттенки и невыразимые оттенки, можно теперь выяснить с помощью самого первого концептуального ограничения для приписывания сознательного опыта, которое я предложил в начале этой главы: это степень глобальной доступности. Чем ниже степень удовлетворения ограничения, тем выше простота, как здесь подразумевается.

Мы можем представить себе простые формы сенсорного содержания - и это будет соответствовать классической льюисовской концепции *qualia*, - которые глобально доступны для внимания, формирования ментальных концепций и различных типов моторного поведения, таких как производство речи и указательные движения. Давайте впредь называть все максимально детерминированное сенсорное содержание на уровне трех ограничений "льюисовскими *qualia*". Более простой формой будет тот же контент, который обладает только двумя из трех функциональных свойств - например, он может быть доступен для внимания, доступен для моторного поведения в задачах дискриминации, таких как указание на образец цвета, но не доступен для познания. В дальнейшем будем называть этот тип "квалиа Раффмана". Это самый интересный тип на уровне двух ограничений, и часть значимости и заслуг Раффмана состоит в том, что она так убедительно указала на это. Другая возможность заключается в том, что он доступен только для управления вниманием и познанием, но ускользает от моторного контроля, хотя такую ситуацию трудно себе представить. По крайней мере, у здоровых (т. е. непарализованных) людей мы редко встречаем ситуации, когда репрезентативное содержание осознается как возможный объект обработки внимания и мышления, не являясь при этом элементом поведенческого пространства, над которым человек также может действовать. Даже у полностью парализованного человека аккомодация линз или саккадические движения глаз, безусловно, должны были бы считаться остаточным моторным поведением. Однако если сознательное содержание, о котором идет речь, является лишь содержанием воображения или будущего плана, то есть если это ментальное содержание, которое больше не имеет строгой связи со свойствами непосредственного окружения системы, то оно, конечно, является тем, что мы назовем сознательным, поскольку доступно для направления внимания и когнитивной обработки, но недоступно для

моторного контроля просто потому, что его репрезентант не является элементом нашего текущего поведенческого пространства. Однако если само мышление однажды окажется усовершенствованной версией моторного контроля (см. разделы 6.4.5 и 6.5.3), общая картина может существенно измениться. Интересно отметить, что такая обедненная "версия с двумя ограничениями" уже является примером целевого свойства "феноменальности" в слабом смысле; конечно, имеет хороший интуитивный смысл говорить, например, о тонких нюансах оттенков или о воображаемых сознательных содержаниях как о менее сознательных. Они менее реальны. Квалиа Раффмана - это элементы нашей феноменальной реальности, но не нашего когнитивного мира.

Мне трудно представить себе третью возможность на уровне двух ограничений - форму сенсорного содержания, более простую, чем квалиа Льюиса, в том смысле, что она доступна для моторного контроля и когнитивной обработки, но не для управления вниманием. И это действительно может быть пониманием специфического для данной области вида номологической необходимости. Возможно, машина может иметь такой вид сознательного опыта, который связан исключительно с когнитивной перспективой первого лица. У людей доступность внимания, похоже, является самым основным, минимальным ограничением, которое должно быть соблюдено для возникновения сознательного опыта. Тонкие, невыразимые нюансы, оттенки (как доступные для внимания и поведения) и воображаемые сознательные содержания (как доступные для внимания и когниции), однако, кажутся реальными и отличными классами феноменальных состояний. Центральная мысль на этом этапе заключается в том, что как только у нас появится более подробный каталог концептуальных ограничений для понятия сознательной репрезентации, конечно, будет иметь смысл говорить о степенях сознания, и это будет совершенно осмысленно и рационально - как только мы сможем указать,

в каком отношении определенный элемент нашего сознания является "менее" сознательным, чем другой. Только что упомянутая машина или низшее животное, обладающее только раффмановскими квалиа, будут менее сознательными, чем система, наделенная льюисовским сенсорным опытом.

Позвольте мне мимоходом отметить еще один весьма интересный момент. С точки зрения первого лица, степени доступности переживаются как степени "реальности". Наиболее тонкое содержание цветового опыта и сознательное содержание, поступающее в наш разум через такие процессы, как воображение или планирование, также менее реальны, чем другие, и они таковы в отчетливом феноменологическом смысле. Они менее прочно интегрированы в нашу субъективную реальность, потому что нам доступно меньше внутренних способов доступа. Чем ниже степень глобальной доступности, тем ниже степень феноменальной "всемирности".

Теперь давайте спустимся еще на один шаг. Еще более простой версией феноменального содержания была бы та, которая доступна для внимания, но невыразима и недоступна для познания, а также недоступна для генерации моторного выхода. Такую простую форму феноменального содержания было бы очень трудно сузить методами научного исследования. Как можно было бы поставить воспроизводимые эксперименты? Назовем такие состояния "квалиа Метцингера". Хорошим первым примером могут служить очень короткие эпизоды чрезвычайно тонких изменений телесных ощущений или, с точки зрения репрезентации внешней реальности, сдвиги в неунитарном цветовом опыте в состоянии глубокой медитации с открытым глазом. При всей своей феноменальной тонкости, такие эмпирические переходы будут трудными мишенями с методологической точки зрения. Если вся когнитивная

деятельность находится в состоянии покоя и отсутствует наблюдаемый моторный выход, то все, что можно сделать для определения физического коррелята таких тонких, преходящих состояний в динамике чисто аттенциональной перспективы первого лица (см. разделы 6.4.3 и 6.5.1), - это напрямую просканировать активность мозга. Однако такие феноменальные переходы не будут отчетными переходами, поскольку мысленная категоризация их и повторное включение моторного контроля для генерации речевой продукции немедленно уничтожит их. Сдвиги в квалиа Метцингера, по определению, не могут быть подтверждены самим субъектом опыта с помощью его моторной системы, вербально или невербально.

Важно отметить, что определенный вид сознательного содержания, которое кажется "слабо" сознательным при текущем ограничении, может оказаться на самом деле сильно сознательным состоянием при добавлении дальнейших концептуальных ограничений, например, степени переживания присутствия (см. раздел 3.2.2 в главе 3). Пока что давайте останемся на уровне одного ограничения. Безусловно, существуют и другие интересные, но лишь слабо осознаваемые типы информации, поскольку они глобально доступны только для очень быстрых, но, тем не менее, гибких и избирательных поведенческих реакций, как, например, при принятии решения о том, в какую сторону ловить стремительно летящий к вам мяч. Могут быть ситуации, когда общее событие происходит слишком быстро, чтобы вы могли направить свое внимание или когнитивную активность на приближающийся мяч. Однако по мере того, как вы принимаете решение и настраиваетесь на определенный тип поведения, связанный с достижением и схватыванием, одновременно могут существовать аспекты вашего текущего моторного контроля, которые являются слабо осознанными с точки зрения избирательности и гибкости, то есть не являются полностью автоматическими. Такие "моторные qualia" были бы вторым примером слабого сенсорного

содержания на уровне одного ограничения. Моторные qualia - это простые формы сенсорного содержания, которые доступны для селективного моторного контроля, но не для аттенционной или когнитивной обработки (нейропсихологическое исследование см. в Milner and Goodale 1995, p. 125 и далее; см. также Goodale and Milner 1992). Допущение существования моторных qualia как исключительно "доступных для гибкого контроля действий" подразумевает допущение субличностных процессов выбора реакции и принятия решений, агентности, выходящей за рамки аттенциональной или когнитивной перспективы первого лица. Более глубокий философский вопрос заключается в том, является ли это вообще последовательной идеей. Это также возвращает нас к предыдущему вопросу, касающемуся третьей логической возможности. Существуют ли сознательные содержания, которые доступны только для познания, но не для внимания или моторного контроля? Интересным примером могут служить высокоабстрактные формы сознательно переживаемого ментального содержания, как они иногда появляются в сознании математиков и философов: воображение определенного, весьма специфического набора возможных миров порождает нечто, над чем вы не можете физически действовать, и нечто, на что вы не могли бы обратить внимание до того, как вы активно сконструировали его в процессе мышления. Означает ли "конструирование" в этом смысле доступность для контроля действий? В отношении сложных, осознанных мыслей, в частности, интересно феноменологическое наблюдение, что вы не можете позволить своему вниманию (в терминах концепции интроспекции³, введенной ранее) отдохнуть на них, как вы позволили бы своему вниманию отдохнуть на сенсорном объекте, без немедленного растворения данного содержания, заставляя его исчезнуть из сознательного "я". Как будто процесс конструирования, сама подлинно когнитивная деятельность, должна постоянно поддерживаться (возможно, в терминах рекуррентных типов познания высшего порядка, представленных процессом

интроспекции⁴) и не способна вынести отвлечений, производимых другими типами механизмов, пытающихся получить доступ к тому же объекту в то же самое время. Разработка убедительной феноменологии сложного, рационального мышления - трудный проект, поскольку сам процесс интроспекции имеет тенденцию разрушать свой целевой объект. Это наблюдение само по себе, однако, может быть воспринято как способ объяснить, что означает, что феноменальные состояния, доступные исключительно познанию, можно назвать слабо осознанными состояниями: "Когнитивные квалии" (в отличие от квалий Метцингера) не доступны для внимания и не доступны для прямого управления действием (в отличие от моторных квалий).

Теперь вернемся к вопросу о сенсорных примитивах. Мы также можем представить себе простой сенсорный контент, не удовлетворяющий ни одному из этих трех критериев, который является просто ментальным презентационным контентом (о понятии "презентационный контент" см. раздел 2.4.4), но не феноменальным презентационным контентом. Согласно нашему рабочему определению, такое содержание может стать глобально доступным, но в настоящее время оно не является глобально доступным для внимания, познания или контроля действий. На самом деле есть все основания полагать, что такие типы ментального содержания действительно существуют, и в конце этой главы я привожу один пример такого содержания. Есть интересный вывод, к которому автоматически приводят текущие рассуждения: если сказать, что конкретная форма простого сенсорного содержания по своему функциональному профилю "проще", чем сопоставимый тип сенсорного содержания, это не значит, что она менее детерминирована. При восприятии определенного, едва уловимого оттенка бирюзы не имеет значения, обращаем ли мы на него внимание только медитативно, без усилий и когнитивного молчания, или различаем разные образцы с помощью указующих движений в ходе научного эксперимента, или пытаемся применить к

нему феноменальное понятие. Во всех этих случаях, согласно самому субъективному опыту, конкретная сенсорная величина (например, ее положение в измерении оттенка) всегда остается неизменной с точки зрения максимальной однозначности.

Феноменальное содержание на самом тонком уровне субъективной репрезентации, всегда является полностью детерминированным содержанием. Для цвета есть лишь несколько исключений, для которых это полностью детерминированное содержание является также когнитивно доступным содержанием. Я уже упоминал о них: чистый феноменальный красный, не содержащий феноменального синего или желтого; чистый синий, не содержащий зеленого или красного; чистый желтый и чистый зеленый - феноменальные цвета, для которых, собственно говоря, мы обладаем тем, что Раффман называет "феноменальными концептами" (Raffman 1995, p. 358, особенно pp. 30 и 31; см. также Austen Clark 1993; Metzinger and Walde 2000). Эмпирические исследования показывают, что для этих чистых примеров их феноменальных семейств мы очень хорошо умеем проводить ментальную реидентификацию. Для этих примеров чистого феноменального содержания мы действительно обладаем критериями трансемпоральной идентичности, позволяющими нам формировать ментальные категории. Степень детерминации, однако, одинакова для всех состояний такого рода: интроспективно мы не ощущаем разницы в степени детерминации между, скажем, чисто желтым и желтым²⁸⁰. Поэтому невозможно утверждать, что такие состояния детерминированы, но не детерминированы, или утверждать, что в конечном счете наш опыт столь же мелкозернист, как и понятия, с помощью которых мы постигаем наши перцептивные состояния. Эта линия аргументации не соответствует реальной феноменологии. В силу ограниченности нашей перцептивной памяти (и даже если нечто столь эмпирически неправдоподобное, как "язык мысли", действительно существует), для большинства этих

состояний в принципе невозможно провести успешную субъективную реидентификацию. Говоря кантовским языком, на самом низком, самом тонком уровне феноменального опыта существует, так сказать, только интуиция (*Anschauung*), а не понятия (*Begriffe*). Однако нет никакой разницы в степени детерминации, относящейся к простому сенсорному содержанию, о котором идет речь. По словам Дианы Раффман:

Более того, беглый взгляд на весь спектр оттенков показывает, что наши впечатления от этих уникальных оттенков ничем не отличаются в отношении их "детерминированности" от впечатлений от неуникальных оттенков: помимо прочего, уникальные оттенки не "выделяются" среди других различимых оттенков так, как можно было бы ожидать, если бы наши впечатления от них были более детерминированными. Напротив, спектр кажется более или менее непрерывным, а любые разрывы, которые все же возникают, находятся скорее у границ категорий, чем в центральных случаях. В итоге, поскольку наши переживания уникальных и неуникальных оттенков интроспективно сходны в отношении их детерминированности, но концептуализируются радикально по-разному, интроспекция этих переживаний не может быть объяснена (или объяснена исчерпывающе) в концептуальных терминах. В частности, неправдоподобно предполагать, что любой различаемый оттенок, уникальный или иной, переживается или интроспектируется менее чем детерминированным образом". (Raffman 1995, p. 302)

Позволяет ли это сделать вывод о том, что этот уровень сенсорного сознания в кантовском смысле эпистемически слеп? Эмпирические данные, безусловно, показывают, что простое феноменальное содержание - это нечто, в отношении чего мы вполне можем ошибаться. Например, можно ошибиться в отношении его трансвременной

идентичности: похоже, существует еще одна, более высокого порядка форма феноменального содержания. Это субъективное переживание одинаковости, и теперь кажется, что эта форма содержания не всегда является формой эпистемически обоснованного содержания. Она не обязательно представляет собой форму знания. В действительности все мы постоянно выносим суждения об идентичности относительно псевдокатегориальных форм сенсорного содержания, которые - как теперь становится очевидным - строго говоря, эпистемически оправданы лишь в очень немногих случаях. Для подавляющего большинства случаев можно сказать следующее: Феноменальный опыт интерпретирует нетранзитивные отношения неразличимости между конкретными событиями или лексемами как подлинные отношения эквивалентности. Этот вопрос уже занимал Кларенса Ирвинга Льюиса. Поэтому, возможно, будет интересно и непросто еще раз взглянуть на соответствующий отрывок в этом новом контексте, контексте, образованном феноменальным опытом одинаковости:

Осознание представленной квалы, будучи непосредственным, не нуждается в проверке; в нем невозможно ошибиться. Осознание его не является суждением в том смысле, в каком суждение может быть верифицировано; оно не является знанием в том смысле, в каком "знание" подразумевает противоположность заблуждению. Можно сказать, что осознание квала - это суждение типа: "Это тот же невыразимый "желтый", который я видел вчера". Рискую показаться скучным, я должен заметить, что в интерпретации смысла такого утверждения существует возможность тонкой путаницы. Если то, что подразумевается под предикацией одинаковости квале сегодня и вчера, должно быть немедленным сравнением данного с образом памяти, то, конечно, такое сравнение есть, и его можно назвать "суждением", если угодно; я бы лишь отметил, что, как и осознание единственной представленной квале, такое сравнение является немедленным и

неопровержимым; проверка не имела бы по отношению к нему никакого значения. Если кто-то предположит, что такое прямое сравнение - это то, что обычно подразумевается под суждением о качественной идентичности между чем-то, пережитым вчера, и чем-то, представленным сейчас, то, очевидно, он будет иметь очень слабое представление о сложности памяти как средства познания". (Lewis 1929, p. 125)

Память как надежное средство эпистемического прогресса, о чем сегодня свидетельствует эмпирический материал, доступна не для всех форм феноменального содержания. С точки зрения телеофункционализма это вполне логично: во время реальной конфронтации с источником стимула выгодно иметь возможность использовать огромное информационное богатство непосредственно коррелирующих со стимулом перцептивных состояний для решения дискриминационных задач. Память при этом не нужна. Например, организм, столкнувшись с фруктом, лежащим в траве перед ним, должен быть способен быстро распознать его как спелый или уже подгнивший по цвету или аромату. Однако с точки зрения вычислительной техники было бы нерентабельно переносить огромное количество непосредственного сенсорного ввода в ментальные носители, выходящие за пределы кратковременной памяти: сокращение потока сенсорных данных, очевидно, было необходимым условием (для систем, работающих с ограниченными внутренними ресурсами) для развития подлинно когнитивных достижений. Если организм способен феноменально представлять классы или прототипы фруктов и соответствующие им цвета и запахи, тем самым делая их глобально доступными для познания и гибкого управления поведением, высокая информационная нагрузка всегда будет препятствием. Вычислительная нагрузка должна быть сведена к минимуму, насколько это возможно. Поэтому онлайн-управление должно быть ограничено теми ситуациями, в которых оно строго незаменимо. Если

исходить из условий эволюционного давления отбора, то, конечно, было бы невыгодно, чтобы наш организм был вынужден или даже просто был способен помнить каждый оттенок и каждый тонкий запах, которые он смог различить с помощью органов чувств, когда столкнулся с фруктом.

Интересно, что мы, люди, похоже, не замечаем этого автоматического ограничения нашей перцептивной памяти в процессе постоянного наложения сознательного восприятия и познания, характерного для повседневной жизни. Субъективное переживание одинаковости двух форм феноменального содержания, действующих в разные моменты времени, само по себе характеризуется кажущейся прямой, непосредственной данностью. Именно на это обратил внимание Льюис. Теперь в ходе эмпирических исследований мы узнаем тот простой факт, что эта форма феноменального содержания более высокого порядка, сознательное "переживание одинаковости", во многих случаях не может быть эпистемически оправданной. В терминах аргумента Дэвида Чалмерса о "танцующих квалиа" (Chalmers 1995) можно сказать, что танцующие квалиа вполне могут быть невозможны, но "слегка покачивающиеся" цветные квалиа могут представлять номологическую возможность. Назовем это "гипотезой слегка покачивающихся квалиа": Непринужденные изменения неунитарных оттенков на их ближайших различимых соседях могут быть систематически необнаружимы нами, людьми. Эмпирическое предсказание, соответствующее моему философскому анализу, - это слепота к изменениям для JND в неунитарных оттенках. То, что мы ощущаем в сенсорном сознании, строго говоря, является субкатегориальным содержанием. Поэтому в большинстве перцептивных контекстов наши сенсорные механизмы инстанцируют именно не феноменальные свойства, даже если неререфлексируемая и глубоко укоренившаяся манера говорить о наших собственных сознательных состояниях может нам это внушить. Более правдоподобно предположить,

что исходное понятие, которое в начале этого раздела я назвал "каноническим понятием" квалии, действительно относится к реально существующей форме феноменального содержания более высокого порядка: Qualia, согласно этой классической философской интерпретации, представляет собой комбинацию простого неконцептуального содержания и субъективного опыта транстемпоральной идентичности, который эпистемически оправдан лишь в очень немногих перцептивных контекстах.

Теперь необходимо ответить на два важных вопроса: Какова связь между логическими и транстемпоральными критериями идентичности? Что именно представляют собой те "феноменальные понятия", которые вновь и вновь появляются в философской литературе? На первый вопрос можно ответить следующим образом. Логические критерии идентичности применяются на металингвистическом уровне. Человек может использовать такие критерии, чтобы решить, использует ли он определенное имя или понятие, например, для обозначения конкретной формы цветового содержания, скажем, красного³¹. Условия истинности для тождественных утверждений такого рода имеют семантическую природу. В данном случае это означает, что процедуры выяснения истинности таких утверждений должны быть найдены на уровне концептуального анализа. С другой стороны, транстемпоральные критерии идентичности, во втором смысле этого слова, помогают человеку на "внутреннем" объектном уровне, так сказать, различать, является ли некое конкретное состояние - скажем, субъективное переживание красного цвета³¹ - тем же самым, что и в более ранний момент времени. Внутренний объектный уровень - это уровень сенсорного сознания. Здесь речь идет не об использовании языковых выражений, а об интроспекции³. Мы имеем дело не с концептуальным знанием, а с аттенциональной доступностью, направлением зрительного внимания на неконцептуальное содержание определенных сенсорных состояний или текущих перцептивных процессов.

Красный³¹ или бирюзовый⁶⁴, максимально детерминированное и простое феноменальное содержание таких состояний, является объектом, идентичность которого должна быть определена во времени. Поскольку это содержание обычно представляется как субкатегориальная характеристика перцептивного объекта, важно отметить, что понятие "объект" в данном случае используется только в эпистемологическом смысле. Сами перцептивные состояния или процессы, о которых идет речь, не имеют концептуальной или пропозициональной природы, поскольку они не являются когнитивными процессами. На этом втором эпистемическом уровне нас должны волновать реальные непрерывности и постоянства, причинно-следственные связи и закономерности, под которые могут быть подведены объекты только что упомянутого типа. Метарепрезентативные критерии, с помощью которых нервная система человека в некоторых случаях может фактически определять трансемпоральную идентичность таких состояний "для себя", также не имеют концептуальной или пропозициональной природы: это микрофункциональные критерии идентичности - причинные свойства конкретных перцептивных состояний, в отношении которых мы можем смело предположить, что эволюционно они оказались успешными и надежными. Очевидно, что на субсимволическом уровне репрезентации соответствующие виды систем достигли функционально адекватного разбиения пространства состояний, лежащего в основе феноменального представления их физической области взаимодействия. Все это может происходить в неязыковом существе, лишенном способности к формированию концептоподобных структур, будь то в ментальном или внешнем носителе; интроспекция¹ и интроспекция³ - это субсимволические процессы усиления и распределения ресурсов, а не процессы, производящие репрезентативное содержание в концептуальном формате. Цвета - это не атомы, а "субкатегориальные форматы", области в пространстве состояний, характеризующиеся своими собственными

топологическими особенностями. Обладаем ли мы способностью к распознаванию, просто обращая внимание на цвета объектов, воспринимаемых как внешние? Обладает ли, например, интроспекция критериями транстемпоральной идентичности для хроматических примитивов? Упомянутый эмпирический материал, кажется, показывает, что для большинства форм простого феноменального содержания и в большинстве перцептивных контекстов мы даже не обладаем критериями идентичности этого второго типа. Однако наш способ говорить о qualia как о феноменальных свойствах первого порядка молчаливо предполагает именно это. Другими словами, определенная простая форма ментального содержания рассматривается так, как если бы она была результатом дискурсивного эпистемического достижения, тогда как в ряде случаев мы имеем лишь недискурсивное, а в подавляющем большинстве случаев, возможно, и вовсе не эпистемическое достижение.

Перейдем ко второму вопросу, касающемуся понятия феноменальных концептов, часто встречающегося в современной литературе (см. Burge 1995, p. 591 f.; Raffman 1993, 1995 [с дальнейшими ссылками], в печати; Loar 1990; Lycan 1990; Rey 1993; Tye 1995, pp. 161 ff., 174 ff., 189 ff.; 1998, p. 468 ff.; 1999, p. 713 ff.; 2000, p. 26 ff.). Прежде всего, следует заметить, что это терминологически неудачная манера изложения; конечно, феноменальными являются не сами понятия. Феноменальные состояния - это нечто конкретное, а понятия - нечто абстрактное. Поэтому необходимо разделить, по крайней мере, следующие случаи:

Случай 1: Абстракции могут составлять содержание феноменальных репрезентаций; например, если мы субъективно переживаем наши когнитивные операции с

существующими концептами или ментальное формирование новых концептов.

Случай 2: Концепты в ментальном языке мышления могут (демонстративным или предикативным образом) ссылаться на феноменальное содержание других ментальных состояний. Например, они могут указывать или ссылаться на примитивное феноменальное содержание первого порядка, поскольку оно эпизодически активируется при сенсорной дискриминации.

Пример 3а: Концепты в публичном языке могут относиться к феноменальному содержанию ментальных состояний: например, к простому феноменальному содержанию в том смысле, о котором говорилось выше. На объектном уровне критерием логической идентичности при использовании таких выражений является интроспективный опыт, например, субъективное переживание одинаковости, о котором говорилось выше. Примерами таких языков могут служить народная психология или некоторые виды философской феноменологии.

Пример 3б: Концепты в публичном языке могут относиться к феноменальному содержанию ментальных состояний: например, к простому феноменальному содержанию. На металингвистическом уровне критерии логической идентичности, применяемые при использовании таких понятий, являются общедоступными свойствами, например, свойствами нейронного коррелята этого активного, сенсорного содержания или некоторыми его

функциональными свойствами. Одним из примеров такого языка может служить математическая формализация эмпирически полученных данных, например, векторный анализ минимально достаточного паттерна нейронной активации, лежащего в основе конкретного цветового опыта.

Случай 1 не является темой моего сегодняшнего обсуждения. Случай 2 является объектом критики Дианы Раффман. Я считаю эту критику весьма убедительной. Однако я не буду обсуждать ее дальше - в том числе и потому, что предположение о существовании языка мышления с эмпирической точки зрения является крайне неправдоподобным. Пример за предполагает, что мы можем формировать рациональные и эпистемически оправданные убеждения в отношении простых форм феноменального содержания, в которых затем появляются определенные понятия (различие между феноменальными и нефеноменальными убеждениями см. в Nida-Rümelin 1995). Основное предположение состоит в том, что для таких концептов могут существовать формальные, металингвистические критерии идентичности. В данном случае речь идет о том, что они опираются на материальные критерии идентичности, которые человек использует на уровне объектов, чтобы обозначить для себя транстемпоральную идентичность этих объектов - в данном случае простых форм активного сенсорного содержания. Выполнение этих критериев материальной идентичности, согласно этому предположению, является чем-то, что может быть непосредственно "считано" из самого субъективного опыта. Это, по идее, работает надежно, поскольку в нашем субъективном опыте сенсорной одинаковости мы автоматически осуществляем феноменальную репрезентацию этой транстемпоральной идентичности на объектном уровне, которая уже сама по себе несет в себе

эпистемическое обоснование. Именно это фоновое предположение является ложным почти во всех случаях осознанного цветового зрения и, весьма вероятно, в большинстве других перцептивных контекстов; эмпирический материал демонстрирует, что эти критерии трансвременной идентичности нам просто недоступны. Из этого следует, что соответствующие феноменальные понятия в принципе не могут быть сформированы интроспективно.

Это прискорбно, потому что теперь мы сталкиваемся с серьезной эпистемической границей. Для многих видов ментального содержания, производимого нашими собственными сенсорными состояниями, это содержание кажется когнитивно недоступным с точки зрения первого лица. Говоря иначе, феноменологический подход в философии разума, по крайней мере в отношении тех простых форм феноменального содержания, которые я условно назвал "квалиа Раффмана" и "квалиа Метцингера", обречен на провал. Описательная психология в смысле Brentano не может появиться почти в отношении всех самых простых форм феноменального содержания.

Как в такой ситуации можно добиться дальнейшего роста знания? Возможно, существует чисто эпизодический вид знания, присущий некоторым формам интроспекции¹ и интроспекции³; если мы внимательно следим за тонкими оттенками сознательно переживаемых оттенков, мы действительно обогащаем субсимволическую, неконцептуальную форму ментального содержания высшего порядка, генерируемого в этом процессе. Например, медитативное внимание к таким невыразимым нюансам сенсорного сознания - "умирание в их чистой сущности" - несомненно, порождает интересный вид дополнительного знания, даже если это знание не может быть перенесено за пределы умозрительного настоящего. В академической

философии, однако, важны именно новые концепции. Единственная многообещающая стратегия, позволяющая генерировать дальнейший эпистемический прогресс в терминах концептуального прогресса, характеризуется случаем зб. Минимально достаточные нейронные и функциональные корреляты соответствующих феноменальных состояний могут, по крайней мере, в принципе, при надлежащем математическом анализе, предоставить нам трансвременные, а также логические критерии идентичности, которые мы искали. Нейрофеноменология возможна; феноменология невозможна. Обратите внимание, как это утверждение ограничивается ограниченной и весьма специфической областью сознательного опыта. Для наиболее тонкого и мелкозернистого уровня сенсорного сознания мы должны принять следующий вывод: Концептуальный прогресс возможен благодаря сочетанию философии и эмпирических исследовательских программ; концептуальный прогресс только за счет интроспекции невозможен в принципе.

2.4.3 Аргумент в пользу устранения канонического понятия качества

Исходя из предыдущих соображений, мы можем разработать простой и неформальный аргумент в пользу отказа от классического понятия квалии. Обратите внимание, что область применения этого аргумента распространяется только на льюисовские квалии в "распознавательном" смысле и в рамках только что предложенной интерпретации "простоты". Аргумент:

1. Исходное предположение: Рациональная и разумная эпистемическая цель на пути к теории сознания состоит в

разработке лучшего понимания наиболее простых форм феноменального содержания.

2. Предположение о существовании: Максимально простые, детерминированные и недвусмысленные формы феноменального содержания существуют.

3. Эмпирическая предпосылка: По контингентным причинам предполагаемый класс репрезентативных систем, в которых активизируется данный тип содержания, не обладает критериями транстемпоральной идентичности для большинства этих простых форм содержания. Следовательно, интроспекция¹, интроспекция³ и феноменологический метод не могут предоставить нам ни транстемпоральных, ни логических критериев такого рода.

4. Заключение: Квалиа Льюиса, в смысле "канонической" концепции квалиа - когнитивно доступных феноменальных свойств первого порядка, - не является самой простой формой феноменального содержания.

5. Заключение: Квалиа Льюиса, в смысле "канонической" концепции квалиа - максимально простых феноменальных свойств первого порядка, не существует.

Моей целью на данном этапе не является онтологическое устранение qualia, как это было задумано Кларенсом Ирвингом Льюисом. Эпистемическая цель - это концептуальный прогресс в плане убедительной семантической дифференциации. Наша первая форма простого содержания - категоризируемое, когнитивно доступное сенсорное содержание - может быть функционально индивидуализирована, поскольку, например, активация цветовой схемы в перцептивной памяти сопровождается системными состояниями, которые, по крайней мере в принципе, могут быть описаны их каузальной

ролью. В этот момент может возникнуть соблазн подумать, что отрицание универсального квантификатора, подразумеваемое во втором выводе, неоправданно, поскольку по крайней мере некоторые qualia в классическом льюисовском смысле существуют. Чистый красный, чистый зеленый, чистый желтый и чистый синий, казалось бы, являются контрпримерами, поскольку мы, безусловно, обладаем распознаваемыми феноменальными понятиями для такого рода содержания, и они также считаются максимально детерминированным видом содержания. Однако вспомним, что понятие "простоты" было введено через степени глобальной доступности. Квалиа Льюиса - это состояния, расположенные на уровне трех ограничений, поскольку они аттенционально, поведенчески и когнитивно доступны. Как мы видели, существует дополнительный уровень сенсорного содержания - снова назовем его уровнем "квалиа Раффмана", - который определяется только двумя ограничениями, а именно доступностью для моторного контроля (как в задачах на различение) и доступностью для субсимволической обработки внимания (как в интроспекции¹ и интроспекции³). Может существовать даже еще более тонкий тип сознательного содержания - назовем их "метцингеровскими qualia", - характеризующийся только мимолетными моментами доступности внимания, не дающими способности к моторному контролю или когнитивной обработке. Эти различия дают понять, что квалиа Льюиса не являются самыми простыми формами феноменального содержания. Тем не менее, есть все основания полагать, что сильные льюисовские квалии в принципе могут быть функционально проанализированы, поскольку они обязательно будут включать в себя активацию чего-то вроде цветовой схемы из перцептивной памяти. Можно с уверенностью предположить, что они должны быть образованы каким-то нисходящим процессом, накладывающим прототип или другую концептоподобную структуру на текущий процесс сенсорного ввода, тем самым

делая их узнаваемыми состояниями. Кстати, то же самое можно сказать и о ментальной репрезентации одинаковости.

На следующем этапе можно эпистемологически обосновать утверждение о том, что особенно простые формы феноменального содержания - то есть некатегоризируемые, но доступные вниманию формы сенсорного содержания - в принципе доступны для редуктивной стратегии объяснения. Для этого необходимо добавить еще одну эпистемологическую предпосылку:

1. Исходное предположение: Рациональная и разумная эпистемическая цель на пути к теории сознания состоит в разработке лучшего понимания наиболее простых форм феноменального содержания.
2. Предположение о существовании: Максимально простые, детерминированные и недвусмысленные формы феноменального содержания существуют.
3. Эпистемологическая предпосылка: Для теоретического осмысления данной формы содержания необходимо определить критерии логического тождества для относящихся к ней понятий. Любое использование критериев логического тождества всегда предполагает наличие критериев транстемпорального тождества.
4. Эмпирическая предпосылка: предполагаемый класс репрезентативных систем, в которых данная форма содержания активизируется по контингентным причинам, не обладает критериями транстемпоральной идентичности для большинства максимально простых форм сенсорного содержания. Следовательно, интроспекция и феноменологический метод не могут предоставить нам ни транстемпоральных, ни логических критериев такого рода.

5. Заключение: Критерии логической идентичности для понятий, относящихся к данной форме содержания, могут быть обеспечены только другой эпистемической стратегией.

К этому выводу можно добавить простой аргумент правдоподобия:

6. Эмпирически правдоподобно предположить, что транстемпоральные, а также логические критерии идентичности могут быть разработаны с позиции третьего лица путем исследования тех свойств минимально достаточных физических коррелятов простого сенсорного содержания, которые могут быть получены в результате нейронаучных исследований (т.е. определения минимально достаточного нейронного коррелята соответствующего содержания для данного класса организмов) или путем функционального анализа (т.е. математического моделирования) каузальной роли, реализуемой этими коррелятами. Критерии транстемпоральной и логической идентичности могут быть разработаны на основе исследования функциональных и физических коррелятов простого содержания.

7. Самые простые формы феноменального содержания могут быть функционально индивидуализированы.

Теперь ясно видно, что наша классическая концепция *qualia* как наиболее простых форм феноменального содержания была непоследовательной и может быть устранена. Конечно, это не означает, что, говоря онтологически, такого простого феноменального содержания, составляющего эпистемическую цель нашего исследования, не существует. Напротив, этот тип простого, невыразимого содержания существует, и существуют более высокие, функционально более богатые формы простого феноменального содержания - например, категоризуемое перцептивное содержание (Lewis

qualia) или переживание субъективной "одинаковости" при мгновенном распознавании чистых феноменальных оттенков. Возможно, последние два случая можно интерпретировать как функционально жесткое и автоматическое сопряжение простого феноменального содержания, соответственно, с когнитивной и метакогнитивной схемой или прототипом. Не исключено также существование определенных форм эпистемического доступа к элементам на базальном уровне, которые сами по себе, опять же, имеют неконцептуальную природу и результаты которых в принципе недоступны для моторного контроля (Metzinger qualia). Возможно, более важный случай квалиа Раффмана показывает, что тот факт, что нечто когнитивно недоступно, не означает, что оно также исчезает из внимания и поведенческого контроля. Однако гораздо важнее сначала провести информативный анализ того, что я назвал "квалиа Раффмана", - того, что мы ошибочно интерпретировали как пример феноменальных свойств первого порядка. Как теперь выясняется, мы должны думать о них как о нейродинамических или функциональных свойствах, потому что только так такие существа, как мы, могут думать о них. Как и все феноменальное содержание, это содержание будет исключительно супервентировано внутренними и современными свойствами системы, и единственный способ, которым мы вообще можем сформировать понятие о нем, - это перспектива от третьего лица, именно путем анализа тех внутренних функциональных свойств, которые надежно определяют его появление. Поэтому мы должны спросить, о чем мы говорили в прошлом, когда говорили о qualia? Ответ на этот вопрос должен заключаться в разработке функционалистского концепта-преемника для первого из трех семантических компонентов только что устраненного концепта-предшественника.

2.4.4 Содержание презентаций

В этом разделе я ввожу новую рабочую концепцию: концепцию "презентационного содержания". Оно соответствует третьей и последней паре фундаментальных понятий, ментальной презентации и феноменальной презентации, которые дополняют две концепции ментальной и сознательной репрезентации и ментальной и сознательной симуляции, введенные ранее. Каковы основные определяющие характеристики презентационного содержания? Презентационное содержание - это неконцептуальное содержание, поскольку оно когнитивно недоступно. Это способ обладания и использования информации без обладания концепцией. Это субдоксастическое содержание, потому что оно "инференциально обеднено" (Stich 1978, p. 507); инференциальные пути, ведущие от этого вида содержания к подлинно когнитивному содержанию, как правило, очень ограничены. Это индексальное содержание, поскольку оно "указывает" на свой объект в определенном перцептивном контексте. Это также индексальное содержание во втором, специфически временном смысле, поскольку оно строго ограничено эмпирическим Сейчас, порождаемым организмом (см. раздел 3.2.2). Оно часто и во всех стандартных условиях привязано к феноменальной перспективе первого лица (см. раздел 3.2.6). Оно представляет собой узкую форму содержания. Презентационное содержание в его феноменальном варианте зависит от внутренних физических и функциональных свойств системы, хотя оно часто связано с экологически обоснованным содержанием (см. раздел 3.2.11). Презентационное содержание также однородно, оно не имеет внутренней зернистости (см. раздел 3.2.10).

Презентационное содержание может вносить вклад в наиболее простую форму феноменального содержания. С

точки зрения только что проведенного концептуального разграничения, оно обычно располагается на уровне двух ограничений, парадигматическим примером которого является квалиа Раффмана (я пока исключаю из обсуждения квалиа Метцингера и уровень одного ограничения, но вернусь к нему позже). Активация презентационного содержания происходит в результате динамического процесса, который я далее называю ментальной презентацией. Что такое ментальная презентация? Ментальная презентация - это физически реализованный процесс, который можно описать трехместным отношением между системой, внутренним состоянием этой системы и частью мира. При стандартных условиях этот процесс порождает внутреннее состояние, ментальный презентум, содержание которого сигнализирует о реальном присутствии презентума для системы (т. е. элемента дизъюнкции физических свойств, не образующих естественного вида). Презентум, по крайней мере на уровне сознательного опыта, всегда представлен как простое свойство объекта первого порядка. То есть презентное содержание никогда не возникает само по себе; оно всегда интегрировано в целое более высокого порядка. Подробнее об этом позже (см. раздел 3.2.4).

Вставка 2.6

Ментальная презентация: PreM (S, X, Y)

S - это индивидуальная информационно-процессорная система.

Y - это актуальное состояние мира.

X представляет Y для S.

X - это внутреннее состояние системы, коррелирующее со стимулом.

X - это функционально внутреннее состояние системы.

Интенциональное содержание X может стать доступным для интроспекции¹ и интроспекции³. Оно обладает потенциалом стать репрезентантом субсимволических репрезентативных процессов высшего порядка.

Интенциональное содержание X не может стать доступным для когнитивной референции. Оно недоступно в качестве репрезентанта символических репрезентативных процессов высшего порядка.

Интенциональное содержание X может стать глобально доступным для избирательного контроля действий.

С эпистемологической точки зрения, презенты - это информационные состояния, которые, конечно, могут неверно представлять элементарные аспекты окружающей среды или самой системы (см. раздел 5.4) для системы, сигнализируя о фактическом присутствии такого аспекта. Однако они не вносят прямого вклада в квазипропозициональные формы ментального содержания, порождающие истинность и ложность. Презентационный контент - это неконцептуальная форма ментального контента, которая не может быть интроспективно² категоризирована: "прямая" когнитивная референция к этому содержанию как таковому невозможна. Первичная причина этой особенности кроется в функциональном свойстве физических средств, используемых системой в процессе: содержание презентума - это то, что может быть поддержано только постоянным вводом, и что не может быть представлено в полном информационном содержании с помощью внутренних ресурсов, доступных системе. В норме

презенты - это всегда состояния, коррелирующие со стимулом, которые не могут быть перенесены в перцептивную память. Кроме того, в стандартных ситуациях их содержание модально-специфично. Концептуально привлекательный способ обозначить характерные "качества", присущие различным феноменальным семействам, таким как звуки, цвета или запахи, - это описать их как форматы активных в данный момент структур данных в мозге (Metzinger 1993; Mausfeld 1998, 2002): Сознательно переживаемые цвета, запахи и звуки имеют определенные форматы; они представляют собой форму восприятия, которую система накладывает на входные данные. Этот формат несет информацию о сенсорном модуле, генерирующем текущее состояние; если что-то осознанно переживается как цвет, запах или звук, это одновременно делает глобально доступной информацию о его каузальной истории. Имплицитно и немедленно становится ясно, что презентуемое было воспринято глазами, через нос или с помощью ушей. Презентное содержание также является активным содержанием; активные презенты являются объектами нашего внимания во всех тех ситуациях, в которых мы направляем наше внимание на феноменальный характер происходящих перцептивных процессов - то есть не на то, что мы видим, а на тот факт, что мы видим это сейчас. Хотя, например, цвета, как правило, всегда интегрированы в полноценный визуальный объект, мы можем отличить цвет от объекта, к которому он "прикреплен". Однако сам цвет, как форма нашего видения, не может быть разложен подобным образом при помощи интроспективного внимания. Именно ограниченная разрешающая способность таких метареферентивных процессов приводит к тому, что презентативное содержание, с которым они в данный момент работают, по необходимости предстает перед нами как примитивное содержание. Конечно, эта необходимость - всего лишь феноменальная необходимость; мы просто вынуждены переживать этот вид сенсорного содержания как нижний уровень нашего мира, потому что интроспекция¹,

процесс, порождающий его, не может проникнуть глубже в динамику основного процесса в нашем мозге. Его субъективно переживаемая простота вытекает из данной функциональной архитектуры и, следовательно, всегда относительна к определенному классу систем.

В целом, в настоящее время концепция восприятия без осознания получила солидную эмпирическую поддержку, и становится все более очевидным, что две важные функции таких нефеноменальных форм перцептивной обработки состоят в том, чтобы исказить то, что переживается на уровне сознательного опыта, и влиять на то, как стимулы, воспринимаемые с осознанием, на самом деле переживаются сознательно (Merikle, Smilek, and Eastwood 2001). Если говорить более конкретно, то сейчас интересно отметить, что, опять же на сугубо эмпирическом уровне, существуют убедительные свидетельства того, что в некоторых необычных перцептивных контекстах могут быть активированы каузально эффективные формы нефеноменального презентативного содержания. Заманчиво описать такие конфигурации как "бессознательное цветовое зрение". Например, у пациентов со слепым зрением можно продемонстрировать чувствительность к различным длинам волн в пределах скотомы, которая не только соответствует нормальной форме кривой чувствительности, но и - при отсутствии какого-либо сопутствующего субъективного цветового опыта - позволяет успешно различать цветовые стимулы с помощью (по крайней мере, грубозернистых) предикатов типа "синий" или "красный", сформированных в нормальных перцептивных контекстах (см. Stoerig and Cowey 1992; Brent, Kennard, and Ruddock 1994; Barbur, Harlow, Sahraie, Stoerig, and Weiskrantz 1994; Weiskrantz 1997 дает превосходный обзор; подробнее о слепом зрении см. раздел 4.2.3). Это снова приводит нас к выводу, что мы должны проводить различие между ментальным и феноменальным представлением, а именно в терминах степени глобальной доступности информации о стимуле. Также правдоподобно

предположить причинное взаимодействие (например, эффекты отбора или смещения) между различными видами коррелирующего со стимулом перцептивного содержания. Еще одно концептуальное разграничение, которое хорошо подходит для данного контекста, - это разграничение между имплицитным и эксплицитным восприятием цвета. В этот момент становится удивительно ясно, что поиск наиболее "простой" формы сознательного содержания - это предприятие относительно определенной концептуальной системы отсчета. Всегда относительно набора концептуальных ограничений определенный класс активного информационного содержания в системе будет считаться "самым простым" или даже феноменальным, если на то пошло. Разные концептуальные рамки приводят к разным постановкам вопросов, а разные экспериментальные установки - к разным экспериментальным ответам на вопросы типа "Существует ли неосознанное цветовое зрение?" или "Существуют ли невидимые цвета?" (недавний пример см. в Schmidt 2000). Однако давайте не будем слишком усложнять ситуацию и остановимся на нашем первом примере такого набора из трех простых ограничений. Как можно продемонстрировать в специальных перцептивных контекстах, например, в лабораторных условиях, дающих доказательства чувствительности к длине волны в слепом пятне зрительного поля, мы видим, что соответствующий тип информации все еще функционально активен в системе. Каузальная роль активного в данный момент презентума остается удивительно неизменной, в то время как его феноменальное содержание исчезает. Однако я не буду далее обсуждать эти данные здесь (но см. раздел 4.2.3). Все, что нам сейчас нужно, - это третий концептуальный инструмент, максимально простой, но способный послужить основой для дальнейшей дискуссии.

Позвольте мне предложить такую третью рабочую концепцию: "Феноменальная презентация" или "феноменальное презентационное содержание" могли бы

стать преемственными понятиями для того, что мы в прошлом называли "qualia" или "феноменальными свойствами первого порядка". Как мы видели выше, существуют "квалиа Льюиса", "квалиа Раффмана" и "квалиа Метцингера" (причем эти три понятия не исчерпывают логического пространства, а лишь определяют феноменологически наиболее интересные термины). Квалиа Льюиса представляют коррелированную со стимулом информацию таким образом, что выполняют все три подограничения глобальной доступности, а именно: доступность для познания, внимания и контроля действий, и при этом не имеют никакой дополнительной интроспективно доступной структуры. Квалиа Раффмана располагаются в пространстве возможностей, порождаемых только двумя субограничениями: они делают свое содержание доступным для дискриминационного поведения и для обработки внимания в терминах интроспекции¹, но не для интроспекции². Квалиа Метцингера располагались бы на один уровень ниже - например, в виде мимолетных эпизодов внимания, направленных на невыразимые оттенки сознательно переживаемого цвета, которые настолько кратковременны, что не позволяют осуществлять избирательное моторное поведение. Однако для целей настоящего исследования я предлагаю придерживаться версии Дианы Раффман с двумя ограничениями, поскольку она выбирает самый большой и, возможно, интуитивно наиболее интересный класс простого сенсорного контента. Квалиа Раффман, возможно, фактически сформировала неявный фон для многих философских теорий о квалиа в прошлом.

Вставка 2.7

Феноменальная презентация: PreP (S, X, Y)

S - это индивидуальная информационно-процессорная система.

Y - это актуальное состояние мира.

X представляет Y для S.

X - это внутреннее состояние системы, коррелирующее со стимулом.

X - это функционально внутреннее состояние системы.

Интенциональное содержание X в настоящее время доступно для интроспекции¹ и интроспекции³. Оно обладает потенциалом стать репрезентантом субсимволических репрезентативных процессов высшего порядка.

Интенциональное содержание X в настоящее время недоступно для когнитивной референции. Оно недоступно в качестве репрезентанта символических репрезентативных процессов высшего порядка.

Интенциональное содержание X в настоящее время доступно для избирательного управления действием.

Давайте теперь продолжим обогащать эту новую рабочую концепцию "феноменальной презентации". Здесь необходимо сделать предварительное замечание: Во избежание недоразумений позвольте мне обратить внимание читателя на то, что я не интересуюсь главным образом эпистемологическим анализом "презентации". В частности, меня не интересует установление прямой связи с понятием "Gegenwärtigung" Гуссерля и Хайдеггера или с более ранними концепциями презентации, например, у Мейнонга, Спенсера или Бергсона, равно как и неявные параллели с

использованием понятия презентации современными авторами (такими как Шеннон 1993, Хондериш 1994 или Серл, 1983). В частности, ментальные презентации в том смысле, который здесь подразумевается, не следует воспринимать как активные иконические знаки, которые "демонстрируют свойства соответствующего источника стимулов, представляя определенный стимул" (см. Шумахер 1996, с. 932; см. также Метцингер 1997). Я использую это понятие скорее как возможный рабочий термин для функционалистской нейрофеноменологии, а не с преимущественно эпистемологическим интересом. В чем же разница?

Говорить о презентации в преимущественно эпистемологическом смысле может означать, например, интерпретировать самые простые формы феноменального содержания как активные или демонстрирующие свойства иконические знаки (хороший обзор проблем, связанных с этим вопросом, дан в работе Schumacher 1996). Поскольку при таком анализе процесс презентации моделируется в соответствии с внешним процессом сенсорного восприятия, анализируемым на личностном уровне описания - например, показом образца цвета или куска ткани, - любое применение этой идеи к простым феноменальным состояниям, активируемым субличностной обработкой, порождает печально известную классику философии сознания - проблему гомункулуса. То, что Дэниел Деннет назвал "интенциональной позицией", переносится в систему, поскольку теперь нам также нужен внутренний субъект презентации (см. Dennett 1987a). Интересно, что то же самое происходит и с понятием репрезентации. С точки зрения истории идей семантический элемент "занимать место" появляется уже в юридическом тексте четвертого века (см. Podlech 1984, p. 510; и, в частности, Scheerer 1991). И здесь смысловое содержание центрального теоретического понятия впервые было смоделировано в соответствии с межличностными отношениями в публичном пространстве.

В раннем Средневековье понятие "представление" относилось преимущественно к конкретным вещам и действиям; ментальное представление в психологическом смысле ("Vorstellung") - это элемент его значения, который развивается лишь на более позднем этапе. Если мы хотим решить проблему qualia в рамках фундаментальных предпосылок натуралистической теории ментальных репрезентаций, введя концептуальное различие между презентативным и репрезентативным содержанием, мы должны быть в состоянии предложить решение проблемы гомункулуса на обоих уровнях. Нужно суметь сказать, почему феноменальная перспектива первого лица и феноменальная самость доступны, соответственно, презентационистскому или репрезентационистскому анализу, который избегает проблемы гомункулуса. Это главная цель данной книги, и мы возвращаемся к ней в главах 5, 6 и 7.

Многие люди интуитивно верят, что ментальное представление создает эпистемически прямую связь между субъектом и миром. Очевидно, что с эмпирической точки зрения это предположение более чем сомнительно. Как правило, логическая ошибка заключается в эквивокации между феноменологическими и эпистемологическими понятиями "непосредственности": из того, что определенная информация появляется в сознании, казалось бы, мгновенно и непосредственно, не следует, что потенциальное новое знание, вызванное этим событием, само по себе является непосредственным знанием. Однако важно избежать второго следствия из этого предположения, которое столь же абсурдно, как и маленький человек в нашей голове, рассматривающий образцы материалов и внутренне принимающий роли внешних положений дел. Квалиа не могут быть интерпретированы как презентующие иконические знаки, которые феноменально демонстрируют свойство, составляющее их содержание, во второй раз. Во внешних отношениях мы все знаем, что такое презентующие иконические знаки - например, образцы

ткани определенного цвета, которые затем можно использовать в качестве иллюстрирующего знака, просто предъявив субъекту целевое свойство. Однако в отношении человеческого разума крайне неправдоподобно предполагать, что презентующие иконические знаки, иллюстрирующие свойство, действительно существуют. По ряду причин предположение о том, что сенсорное содержание сознания строится из внутренних примеров внешних свойств, причем внутренние свойства связаны простым или даже систематическим образом с физическими свойствами окружающей среды, является неправдоподобным и наивным. Например, для цветового сознания такое простое эмпирическое ограничение, как постоянство цвета, делает это философское предположение несостоятельным (см. Lanz 1996).

Есть еще одна причина, по которой мы не можем рассматривать активное презентационное содержание как простой пример свойства. Свойства - это когнитивные конструкты. Чтобы иметь возможность использовать рассматриваемые внутренние состояния в качестве примеров свойств, соответствующая репрезентативная система должна обладать критериями транстемпоральной и логической идентичности содержания. Она должна быть способна распознавать, например, тонкие оттенки феноменального цвета и одновременно формировать для них устойчивое феноменальное понятие. Очевидно, что такие системы логически возможны. Однако эмпирические соображения показывают, что человеческие существа не принадлежат к этому классу систем. Это решающий аргумент против интерпретации самых простых форм сенсорного содержания как образцов феноменальных свойств (т.е. в соответствии с упомянутым выше случаем за, "классическим феноменологическим" вариантом). Конечно, активация простых перцептивных переживаний будет представлять собой экземплификацию некоторого свойства в рамках некоторого истинного описания. Скорее всего, это будет

особый вид физического свойства, а именно нейродинамическое свойство. Необходима точная математическая модель, скажем, пространства состояний сознания цвета, которая связно описывает все феноменологически релевантные особенности этого пространства - например, различные степени глобальной доступности, характеризующие разные области, как они формируются топологией, описывающей переход от льюисовских квалей к раффмановским квалиям, - и ищет реализацию этого феноменального пространства состояний в соответствующих свойствах физической динамики.

Основная проблема заключается в том, чтобы концептуально точно отразить чрезвычайную тонкость и богатство субъективного опыта. Тем лагерям в аналитической философии сознания, которые все еще придерживаются более классической когнитивистской программы, придется смириться с простым фактом: наше собственное сознание слишком тонкое и слишком "жидкое", чтобы на теоретическом уровне моделировать его в соответствии с лингвистическими и общественными репрезентативными системами. Нам предстоит преодолеть грубые формы модуляризма и синтактицизма, а также упрощенные двухуровневые теории репрезентации высшего порядка, предполагающие атомизм содержания. Как показывают эксперименты Ганцфельда, деконтекстуализированные примитивы или атомы феноменального содержания просто не существуют (см. ниже). Настоящий вызов для репрезентационистских теорий разума-мозга сегодня заключается в описании архитектуры, которая правдоподобно сочетает модульность и холизм в единой, интегрированной модели (см., например, раздел 3.2.4).

К счастью, уже давно существует ряд хороших подходов, позволяющих преодолеть традиционное различие между восприятием и познанием и перейти к гораздо более

дифференцированной теории интенционального и феноменального содержания. Возможно, наименьшая единица сознательного опыта просто формируется понятием вектора активации (включая ряд сильных нейронаучных ограничений). Это означало бы, что конечной целью является разработка действительно интерналистской семантики пространства состояний (SSS; Р. М. Churchland 1986; см. также недавнюю критику Фодора и Лепора 1996 и Р. М. Churchland 1998) для феноменального содержания (например, в соответствии с моделью Остина Кларка; см. Clark 1993, 2000). Начиная с элементарных дискриминационных достижений, мы можем построить "качественные пространства" или "сенсорные порядки", из которых верно, что число качественных кодировок, доступных системе в рамках конкретной сенсорной модальности, задается размерностью этого пространства, и что любая конкретная активация той формы содержания, которую я назвал "презентативной", представляет собой точку в этом пространстве, которое само определяется классом эквивалентности в отношении свойства глобальной неразборчивости, тогда как субъективный опыт распознаваемого качественного содержания феноменальной репрезентации эквивалентен области или объему в таком пространстве. Если активная в данный момент объемная репрезентация и репрезентация того же рода, заложенная в долговременной памяти, сравниваются друг с другом и признаются изоморфными или достаточно похожими, мы можем прийти к феноменальному переживанию одинаковости, о котором уже говорилось в тексте. Таким образом, все три формы феноменального содержания, которые путаются в классическом понятии феноменального "феноменального свойства первого порядка", могут быть функционально индивидуализированы. Если на эмпирическом уровне мы знаем, как эти формально описанные качественные пространства нейробиологически реализуются в определенном классе организмов, то мы обладаем концептуальными инструментами для разработки

нейрофеноменологии этого типа организмов. Питер Герденфорс разработал теорию концептуальных пространств, которая по своим исходным интуициям тесно связана с обоими вышеупомянутыми подходами. В рамках этой теории мы можем описать, что значит формировать концепт: "Естественные концепты" (в его терминологии) - это выпуклые области внутри концептуального пространства. Далее он пишет: "Я, например, утверждаю, что цветовые выражения в естественных языках используют естественные концепты в отношении психологического представления наших трех цветовых измерений" (Gärdenfors 1995, p. 188; перевод с английского Томаса Метцингера). Невыразимое, сознательно переживаемое презентационное содержание (Raffman qualia) при таком подходе можно интерпретировать как естественные свойства, соответствующие выпуклой области области в концептуальном пространстве визуальной нейронауки (Gärdenfors 2000, p. 71).

2.5 Феноменальная презентация

Сознательно переживаемое презентативное содержание обладает целым рядом весьма интересных особенностей. Одна из них - невыразимость его чистой "таковости", его размерного положения в сенсорном порядке. Другая - отсутствие у него интроспективно различимой внутренней структуры. В философии сознания этот вопрос известен как "проблема зерна", и я вернусь к нему в разделе 3.2.10, чтобы разработать дальнейшие семантические ограничения, обогащающие нашу концепцию субъективного опыта. А сейчас я завершу эту главу, представив ряд более общих ограничений, регулирующих простое феноменальное содержание. Опять же, важно не повторять феноменологическое заблуждение, овеществляя текущие презентационные процессы: Даже если простое

презентационное содержание, например, текущее сознательное переживание бирюзы³⁷, остается неизменным в течение определенного периода времени, это не позволяет вводить феноменальные атомы или индивиды. Скорее, задача состоит в том, чтобы понять, как сложный динамический процесс может иметь инвариантные черты, которые по феноменальной необходимости будут выглядеть как элементарные свойства мира первого порядка для системы, переживающей этот процесс.

Что все это значит в отношении общей концепции "феноменальной презентации"? В частности, что такое феноменальная презентация, если мы пока оставим в стороне эпистемическую интерпретацию "презентации"? Согласно нашему предварительному, первому определению, мы имеем дело с процессом, который делает мелкозернистую сенсорную информацию доступной для внимания и глобального контроля действий. Понимание того, что такая тонкая информация ускользает от перцептивной памяти и когнитивной референции, не только приводит нас к целому ряду более дифференцированных и эмпирически правдоподобных представлений о том, чем на самом деле является простое сенсорное сознание, но и обладает философской красотой и глубиной. Впервые она позволяет нам прямолинейно и концептуально убедительно отнестись к тому факту, что очень большая часть феноменального опыта, по сути, невыразима. В ограничении перцептивной памяти нет никакой тайны. Но красота сенсорного опыта раскрывается еще больше: в жизни есть вещи, которые могут быть пережиты только сейчас и только вами. В своей тонкости, в своем огромном богатстве высокоспецифичной, высокоразмерной информации и в тонкой структуре, проявляющейся во временной динамике, характеризующей ее, она в то же время ограничена тем, что скрыта от межличностного мира языковой коммуникации. Она раскрывает свои тонкости только в рамках одного психологического момента, в умоглядном настоящем

феноменального Сейчас, которое, в свою очередь, привязано к индивидуальной перспективе первого лица.

В стандартных ситуациях (пока оставим в стороне сны, галлюцинации и т. д.) презентативное содержание может быть активировано только в том случае, если массивная автономная активность мозга эпизодически возмущается и формируется под давлением текущего сенсорного ввода. Дифференцированные когнитивными, концептоподобными формами ментальной репрезентации лишь ограниченным образом, генерируемые таким образом феноменальные состояния должны казаться фундаментальными аспектами реальности самой системе, поскольку они доступны для управляемого внимания, но не могут быть далее дифференцированы или проникнуты метарепрезентативной обработкой. Вторая примечательная особенность заключается в том, что они полностью прозрачны. Это не значит, что наш сенсорный опыт не может быть очень пластичным - достаточно вспомнить интроспективных экспертов в различных феноменологических областях, таких как художники, психотерапевты или дизайнеры новых парфюмов. Однако относительно определенной архитектуры и определенного этапа в индивидуальной эволюции любой репрезентативной системы набор активных в данный момент презентов будет определять, каковы феноменальные примитивы конкретного сознательного организма в данный момент времени. Презентное содержание - это именно тот аспект нашего сенсорного опыта, который, даже при максимальном сосредоточении внимания, представляется атомарным, принципиально простым, однородным и темпорально непосредственным (недавнее обсуждение см. в Jakob 2000). В-третьих, представленный здесь анализ не только соответствует реальному феноменологическому профилю и концептуальным потребностям на репрезентативном уровне описания, но и позволяет нам сделать шаг в сторону функционального и нейронаучного исследования физических основ сенсорного опыта.

В заключение этого раздела я хочу выделить четыре дополнительные и особенно интересные особенности того типа феноменального содержания, который я только что описал. Они могут послужить отправной точкой для более детального функционального анализа, который в конечном итоге приведет к выделению их нейронных коррелятов. Простое феноменальное содержание может быть охарактеризовано четырьмя интересными феноменологическими принципами. Эти принципы могут помочь нам найти эмпирический способ закрепить новую концепцию "презентативного содержания", разработав нейрофеноменологическую интерпретацию.

2.5.1 Принцип презентабельности

Как метко заметил Ричард Грегори, адаптивная функция того, что сегодня мы любим называть *qualia*, могла заключаться в том, чтобы "отмечать опасное настоящее" (см. также разделы 3.3.3 и 3.2.11 в главе 3). Интересно отметить, как это важное наблюдение дополняет первую общую гипотезу о функции сознания, а именно "гипотезу нулевого мира", представленную ранее. Если именно эмпирическое содержание *qualia*, как говорит Грегори, способно "отмечать" настоящий момент и тем самым предотвращать путаницу с процессами ментальной симуляции, то есть с воспоминаниями о прошлом, предвосхищением будущих событий и воображением в целом, то именно презентационное содержание может надежно выполнять эту функцию. Мир, феноменальная система отсчета, состоит из интегрированных и взаимозависимых форм презентативного содержания (см. разделы 3.2.3 и 3.2.4). Сенсинг аспектов текущего окружения был, помимо координации моторного поведения, одной из первых вычислительных задач, решаемых в ранней истории нервных систем.

Филогенетически презентное содержание, вероятно, является одной из самых древних форм сознательного содержания, которую мы разделяем со многими нашими биологическими предками, и которая функционально наиболее надежна, сверхбыстра и, следовательно, полностью прозрачна (см. раздел 3.2.7). Каждая конкретная форма простого сенсорного содержания - обонятельное ощущение смеси амбры и сандалового дерева, зрительное ощущение специфического оттенка индиго или особое жгучее ощущение, связанное с определенным видом зубной боли, - формально может быть описана как точка в высокоразмерном пространстве качества. Однако важно отметить, что презентационный контент всегда является также и временным контентом.

Принцип презентативности гласит, что, во-первых, простое сенсорное содержание всегда несет в себе дополнительную временную информацию, а во-вторых, что эта информация в высшей степени инвариантна, поскольку всегда является информацией одного и того же типа: состояние, о котором идет речь, имеет место прямо сейчас. Однако, как показал аргумент Раффмана, мы не сталкиваемся с феноменальными свойствами в классическом смысле, и поэтому не можем просто говорить о внутренних предикациях или демонстрациях с точки зрения первого лица. Помимо того, что классический подход к языку мысли просто неадекватен с эмпирической точки зрения, предикативные решения не переносят феноменальный характер и не дают нам объяснения прозрачности феноменального содержания (см. раздел 3.2.7). Поэтому прозрачность, темпоральная индексальность и феноменальное содержание также должны быть найдены в реальной динамике или архитектуре системы. Как уже должно быть очевидно, предлагаемый мною путь - это путь интерпретации качественного содержания как содержания неконцептуальных индикаторов. Поскольку репрезентативные или презентативные теории сознания более высокого порядка имеют фундаментальные трудности (см. Güzeldere 1995), нам нужно лучше понять,

каким образом то, что мы раньше называли "qualia", может быть своего рода "самопрезентирующим" содержанием. Одна из возможностей - интерпретировать их как состояния с двойной индикаторной функцией. Активные ментальные презенты могли бы быть непропозициональной и субкатегориальной аналогом пропозициональных установок de puncto. Аналогия заключается в том, что я хотел бы назвать "темпоральной индикаторной функцией": они всегда привязаны к особому режиму презентации, их содержание - субкатегориальное, неконцептуальное ментальное содержание de puncto. Этот особый режим презентации заключается в том, что по условным архитектурным причинам они могут быть активированы исключительно в рамках феноменального окна присутствия: они представляют собой вид контента, который по своим функциональным свойствам очень тесно связан с теми механизмами, с помощью которых организм генерирует свое собственное феноменальное Сейчас. Самая простая форма феноменального содержания - это как раз то, что мы не можем сознательно представить и что не можем вспомнить. На нашем стандартном примере: красный31 - это детерминированная феноменальная величина, которая, во-первых, всегда привязана к субъективно представленной оси времени, а во-вторых, к происхождению этой оси времени. "Красный31" - это всегда "красный31-сейчас". И это, наконец, первое феноменологическое прочтение "презентации": презентация в этом смысле заключается в привязке к субъективно переживаемому настоящему сенсорным образом. Таким же образом простое феноменальное содержание является самопрезентирующим содержанием. Оно интегрировано в репрезентацию времени более высокого порядка, поскольку неизменно представлено как простая форма содержания, непосредственно данного сейчас. Конечно, вскоре мы сможем обогатить понятие сознательной презентации целым рядом дополнительных ограничений. Пока же мы можем сказать следующее: презентационное содержание - это неконцептуальное ментальное содержание,

которое обладает двойной индикаторной функцией, во-первых, указывая на конкретную, перцептивно простую характеристику мира в конкретном перцептивном контексте, и, во-вторых, неизменно указывая на то, что эта характеристика является характеристикой, имеющей место в актуальном состоянии окружающей среды или собственного тела организма.

Этот краткий анализ имплицитно называет функциональное свойство, с которым в нашем случае логически связано презентационное содержание. Если вы заинтересованы в эмпирическом закреплении вышеизложенных соображений, то все эмпирические работы, относящиеся к генерации феноменального опыта присутствия, имеют отношение к данному проекту.

2.5.2 Принцип генерации реальности

Наш мозг - это онтологический двигатель. Некогнитивные состояния феноменального опыта всегда характеризуются интересным свойством, которое в логике мы бы назвали предположением о существовании. Сознательный опыт в непропозициональном формате сталкивает нас с сильными предположениями о том, что существует. Если мы действительно хотим понять феноменальное сознание, то должны объяснить, как из динамики обработки нейронной информации в конечном счете возникает полноценная модель реальности, которая впоследствии оказывается нетрансцендентной для самой системы. Презентационное содержание всегда будет важным элементом любого такого объяснения, потому что именно такое ментальное содержание порождает феноменальный опыт присутствия, как мира, так и себя, находящегося в этом мире. Принцип порождения реальности гласит, что во всех стандартных ситуациях презентационное содержание неизменно

функционирует как экзистенциальный квантификатор для таких систем, как мы сами; сенсорное присутствие, на субкогнитивном уровне феноменального опыта, заставляет нас предполагать существование всего, что в данный момент представлено нам таким образом. Непрерывный процесс феноменальной презентации - это парадигмальный пример увлекательного свойства, к которому мы вернемся в разделе 3.2.7. Презентационное содержание - это парадигмальный пример прозрачного феноменального содержания, поскольку оно активируется настолько быстро и надежно, что делает любые более ранние стадии обработки недоступными для интроспекции¹, равно как и для интроспекции². То, что все это является элементом запомненного настоящего, репрезентативный характер простого сенсорного содержания нам недоступен, поскольку интроспективному вниманию, направленному на него, доступны только свойства содержания, но не "свойства транспортного средства". Именно эта архитектурная особенность человеческой системы сознательной обработки информации приводит к феноменальному присутствию мира. Иными словами, презентативное содержание на уровне субъективного опыта опосредует присутствие в онтологическом смысле. Оно помогает репрезентировать фактичность (см. раздел 3.2.7). Поскольку на низшем уровне феноменального содержания мы не в состоянии репрезентировать каузальный и временной генезис *presentatum* ("средства презентации"); поскольку система как бы стирает эти аспекты общего процесса и поглощает их в ходе элементарных интеграционных процессов, сенсорное содержание нашего опыта приобретает удивительное свойство, которое часто характеризуется как "непосредственная данность". Однако данность в этом смысле - лишь свойство высшего порядка феноменального содержания; это виртуальная непосредственность, порождаемая виртуальной формой присутствия. Мы уже касались этого момента ранее. Теперь мы можем сказать следующее: "данность" - это исключительно феноменологическое понятие, а не

эпистемологическая или даже онтологическая категория. Сегодня мы начинаем понимать, что это свойство жестко детерминировано на конкретной функциональной и физической основе и что порождающей его системе требуется определенное количество физического времени для конструирования феноменального опыта мгновенности, субъективного чувства непосредственной данности, связанного с сенсорными содержаниями. Сенсорное "сейчас" - это субличностный конструкт, порождение которого требует времени.

Если это так, то мы можем заключить, что активация презентативного содержания должна быть соотнесена со вторым классом функциональных свойств: со всеми теми свойствами, которые достигают элементарной интеграции потока сенсорной информации таким образом, что отфильтровывают временную информацию о стимуле. В другом месте (Metzinger 1995b) я указывал на то, что, в частности, презентативное содержание неизбежно должно выглядеть как реальное, поскольку оно гомогенно. Гомогенность, однако, может заключаться в том, что механизм интеграции более высокого порядка, считывающий состояния "первого порядка", имеет низкое временное разрешение и тем самым "затушевывает" "зернистую" природу презентирующего средства. Эмпирически правдоподобно предположить, что элементарная сенсорная информация, например, цвета, формы, текстуры поверхности и свойства движения, интегрируется в явное сознательное переживание мультимодального объекта (скажем, красного мяча, звучно подпрыгивающего перед вами) путем синхронизации нейронных ответов (см., например, Singer 2000; Engel and Singer 2000). Для каждого сенсорного признака, например, воспринимаемого цвета в отличие от воспринимаемого объекта, в вашем мозгу будут работать мириады соответствующих элементарных детекторов признаков, причем в высшей степени синхронизированно.

Ультрагладкость", беззернистая, в конечном счете однородная природа воспринимаемого красного цвета может быть просто результатом работы механизма более высокого порядка, не только считывающего размерное положение конкретного стимула в качественном пространстве (тем самым в стандартных ситуациях делая информацию о длине волны глобально доступной в виде оттенка), но и синхронности нейронных ответов как таковых. Таким образом, на более высоком уровне внутренней репрезентации простое презентационное содержание по необходимости должно выглядеть как лишенное внутренней структуры или процессуальности и как "плотное" для самой интроспективной системы. Пользовательская поверхность феноменального интерфейса, который генерирует для нас наш мозг, является закрытой поверхностью. Таким образом, это третий способ, с помощью которого презентационное содержание вносит важный вклад в наивный реализм, характеризующий нашу феноменальную модель реальности. Я не буду вдаваться в дальнейшие подробности здесь, но я часто возвращаюсь к этому вопросу на более поздних этапах (в частности, см. раздел 3.2.10). Сейчас важно лишь увидеть, что нет никаких оснований полагать, что функциональные критерии идентичности от третьего лица для процесса, лежащего в основе генерации феноменального презентативного содержания, не могут быть найдены.

2.5.3 Принцип неинтринсикальности и чувствительность к контексту

Как мы видели ранее, субкатегориальное, презентативное содержание должно быть понято не как феноменальное свойство, а скорее как пока неизвестное нейродинамическое свойство. Однако многие философские теории черпают свою антиредукционистскую силу в концептуальной оформлении

феноменальных свойств первого порядка как внутренних свойств (см., например, Levine 1995). Внутреннее свойство - это нереляционное свойство, образующее контекстно-инвариантное "ядро" конкретного сенсорного опыта: опыт бирюзы³⁷ должен демонстрировать предполагаемую феноменальную сущность, основное качество бирюзы³⁷ во всех перцептивных контекстах - в противном случае это просто не опыт бирюзы³⁷. Философская интуиция, стоящая за интерпретацией простого сенсорного опыта и его содержания как примера внутреннего феноменального свойства, - это та же самая интуиция, которая заставляет нас верить, что нечто является субстанцией в онтологическом смысле. Онтологическая интуиция, связанная с философским понятием "субстанция", заключается в том, что это нечто, что может продолжать существовать само по себе, даже если все остальные существующие во Вселенной сущности исчезнут. Субстанциальность - это понятие, подразумевающее способность к независимому существованию, применительно к индивидам. Интуиция внутренней сущности делает такое же предположение для определенных классов свойств, например, для феноменальных свойств; они особенны тем, что являются существенными свойствами, возникающими в потоке сенсорного опыта, будучи инвариантными в различных контекстах восприятия. Они философски важны, поскольку являются существенными свойствами, которые не могут быть, так сказать, отделены от самого субъективного опыта и дескриптивно перемещены на более низкий уровень описания.

Если бы эта философская интуиция о существенной, внутренней природе феноменальных свойств первого порядка была верна, то такие свойства - в сознании отдельного сознательного существа - должны были бы быть способны возникать сами по себе, быть устойчивыми, даже если бы все другие свойства того же класса не присутствовали в опыте. Очевидно, что существенное феноменальное

свойство в этом смысле должно быть способно "стоять само по себе". Например, специфическое сознательное переживание качества звука, если оно является неотъемлемым качеством, должно быть способно возникать независимо от любой окружающей его слуховой сцены, независимо от слухового контекста. Цветовая шкала, такая как красный³¹, должна быть способна появиться в сознании отдельного человека независимо от любого перцептивного контекста, независимо от любого другого цвета, который он видит в данный момент.

На самом деле, современные исследования автономности зрительных систем и функциональной модульности осознанного зрения показывают, что деятельность на многих этапах общей иерархии зрительной обработки может быть феноменально эксплицитной и не обязательно требует сотрудничества с другими функциональными уровнями в системе (см., например, Zeki and Bartels 1998). Однако другой набор простых эмпирических ограничений на наше понятие сенсорного опыта показывает, что философская концепция феноменального атомизма совершенно ошибочна (интересную критику см. в Jakob 2000). Давайте остановимся на нашем стандартном примере - осознанном цветовом зрении - и рассмотрим феноменологию так называемых экспериментов Ганцфельда. Что произойдет, если в ходе эксперимента зрительное поле испытуемого будет заполнено только одним единственным цветовым стимулом? Будет ли иметь место обобщенное сознательное переживание только одного, присущего только ему феноменального свойства?

Коффка в своих "Принципах гештальтпсихологии" (Koffka 1935, p. 121) предсказал, что идеально однородное поле цветного света будет казаться нейтральным, а не цветным, как только исчезнет перцептивная "рамка" предыдущей визуальной сцены. Интересно, что это также означает, что однородная стимуляция всех сенсорных модальностей

приведет к полному краху феноменального перцептивного опыта как такового. Как показали Хохберг, Трибель и Симан (1951), полное исчезновение цветового зрения действительно может быть получено при однородной визуальной стимуляции, то есть при стимуляции по методу Ганцфельда. Пять из шести испытуемых сообщили о появлении бесцветного поля красного цвета с последующим полным исчезновением цвета в течение первых трех минут (стр. 155). Несмотря на значительные индивидуальные различия в протекании процесса адаптации и в сдвигах феноменального содержания во время адаптации, было достигнуто полное исчезновение сознательного цветового опыта (с. 158). Какова же феноменальная конфигурация в этих случаях? Как правило, после трехминутной адаптации в 80 % случаев описывается ахроматическое поле, а в остальных 20 % - лишь слабый след сознательно переживаемого цвета (Cohen 1958, p. 391). Репрезентативными феноменологическими отчетами являются: "Рассеянный туман". "Мутный бесцветный желтый". "Газообразный эффект". "Молочная субстанция". "Туман, как будто находишься в лимонном пироге". "Дымчатый" (Cohen 1957, p. 406), или "плавание в тумане света, который становится более сгущенным на неопределенном расстоянии", или ощущение "моря света" (Metzger 1930; и Gibson and Waddell 1952; как цитируется в Avant 1965, p. 246). Это показывает, что такое простое сенсорное содержание, как "красный", не может "стоять само по себе", но что оно связано с реляционным контекстом, создаваемым другими феноменальными измерениями. Многие философы и экспериментаторы (соответствующую критику см. в Mausfeld 1998, 2002) описывали qualia как особые значения в абсолютных измерениях, как деконтекстуализированные атомы сознания. Эти простые данные показывают, что такой элементарный подход не может быть справедливым по отношению к реальной феноменологии, которая гораздо более целостна и чувствительна к контексту (см. также разделы 3.2.3 и 3.2.4).

Дальнейшее предсказание, вытекающее из этого, состояло в том, что однородная ганцфельдовская стимуляция всех органов чувств приведет к полному коллапсу феноменального сознания (первоначально сделанное Коффкой 1935, р. 120; см. также Hochberg et al. 1951, р. 153) или к захвату его автономной, внутренней активностью, то есть галлюцинаторным содержанием, генерируемым исключительно внутренними нисходящими механизмами (см., напр., Avant 1965, р. 247; а также недавние исследования, например, Ffytche and Howard 1999; Leopold and Logothetis, 1999). На самом деле, даже при обычной хроматической стимуляции в простом зрительном Ганцфельде многие испытуемые полностью теряют феноменальное зрение, то есть все связанные с областью феноменальные измерения, включая насыщенность и яркость, исчезают из сознательной модели реальности. Коэн (Cohen, 1957, р. 406) сообщил о полном прекращении зрительного опыта у пяти из шестнадцати испытуемых. Он также представил репрезентативное, по его мнению, описание изменения феноменального содержания: "Туманная белизна, все чернеет, возвращается, уходит. Я чувствую себя слепым. Я даже не вижу черноты. Это отличается от черно-белого, когда выключают свет". Индивидуальные различия действительно существуют. Интересно, что эффект затухания зависит даже от длины волны, то есть при просмотре коротких волн периоды затухания длинные, а дополнительное феноменальное переживание темноты (т.е. В то время как при просмотре длинных волн наблюдается обратная картина (при этом величины всех трех сдвигов в сознании, т.е. потеря цветности, яркости и добавление темноты после выключения света, линейно связаны с логарифмом интенсивности стимула; см. Gur 1989). В целом, эффект Ганцфельда, вероятно, является результатом неспособности зрительной системы человека реагировать на непереходные стимулы. Что все это означает с точки зрения концептуальных ограничений для нашей философской концепции

сознательного цветового опыта, в частности для невыразимости цветового опыта?

Любая современная теория разума должна будет объяснить феноменологические наблюдения такого рода. Подводя итог, можно сказать, что при стимуляции хроматическим ганцфельдом у 80 % испытуемых через три минуты возникает ахроматическое поле, а примерно у 20 % остается слабый след цветности. Интересно, что иногда наблюдается эффект, аналогичный сегрегации "фигура-земля", а именно феноменальное разделение хроматического тумана и ахроматического поля (Cohen 1958, p. 394). Авант (Avant, 1965) приводит репрезентативные классические описания, например, наблюдателя (в данном случае Метцгера), который чувствует себя "плывущим в тумане света, который становится более сгущенным на неопределенном расстоянии", или типичное понятие "море света". Очевидно, что мы можем потерять оттенок, не теряя яркости, которая является феноменальным представлением чистой физической силы самого стимула.

Итак, первый философский урок, который можно извлечь из феномена Ганцфельда, заключается в том, что презентационное содержание должно восприниматься как в высшей степени реляционная сущность, которая не может "стоять сама по себе", но в значительной степени зависит от существования перцептивного контекста. Интересно отметить, что если к зрительному ганцфельду добавить гомогенную стимуляцию других модальностей чувств, то возникают обширные галлюцинации (Avant 1965, p. 247). То есть, как только презентное содержание исчезает из определенной феноменальной области и больше не способно, в понимании Ричарда Грегори, "флажировать настоящее", внутренний контекст может стать автономным и привести к сложным феноменальным симуляциям. Другими словами, в ситуациях, не ограниченных внешним перцептивным

контекстом, нисходящие процессы могут стать доминирующими и выйти из-под контроля (см. также ffytche 2000; ffytche and Howard 1999; и разделы 3.2.4 и 7.2.3).

Второй философский урок, который можно извлечь из этих данных, заключается в том, что презентационный контент не только не может "стоять сам по себе", но и выполняет важную функцию ограничения предсуществовавшего внутреннего контекста, постоянно взаимодействуя с ним. В ганцфельде непрерывное движение глазных яблок не может повлиять на трансформацию объекта в плоскость сетчатки, и поэтому временные модуляции стимула точно отображаются на уровне сетчатки (Gur 1989, p. 1335; см. предыдущую сноску). Каждый элемент сетчатки получает инвариантную по времени интенсивность света. В ганцфельде происходит так: первоначально яркое цветное поле затем десатурируется и становится ахроматическим. Наша зрительная система, как и наша "феноменальная система", не способна реагировать на неперемежные стимулы.

Третий философский урок, который можно извлечь из этого, заключается в том, что презентационное содержание зависит от сложнейшей сети причинно-следственных связей и ни в коем случае не является независимым от этой сети и не способно существовать само по себе в таких контекстах. Очевидно, что если бы хроматические примитивы были независимыми от контекста сущностями, они не должны были бы исчезать в ситуации Ганцфельда. С другой стороны, интересно отметить, как одно моргание может на долю секунды восстановить сознательное ощущение цвета и яркости (не сбрасывая при этом скорость распада; см. Gur 1989, p. 1339). Насколько глубоко встроено простое, осознанное цветовое содержание в паутину причинно-следственных связей, о которых только что говорилось, можно также увидеть по дифференцированному влиянию длины волны стимула на скорость исчезновения: разные

феноменальные цвета исчезают с разной скоростью, причем длительность в основном зависит от длины волны и интенсивности. Если смотреть на короткую длину волны, то время исчезновения будет долгим, а ощущение дополнительной темноты - сильным, в то время как для длинных волн все наоборот (Gur 1989). Сознательная феноменология десатурации цвета различается для разных стимулов и классов феноменальных презентов. Несомненно, большое количество дополнительных ограничений может быть найдено и в других сенсорных модальностях. Если мы хотим получить феноменологически правдоподобную теорию сознательного опыта, все эти данные в конечном итоге должны будут функционировать как концептуальные ограничения.

2.5.4 Принцип формирования объекта

Простое феноменальное содержание никогда не появляется изолированно. То, что мы раньше называли "феноменальными свойствами", то есть аттенционально и когнитивно доступное презентативное содержание, никогда не проявляется изолированно, но всегда является различимым аспектом целого более высокого порядка. Например, сознательно переживаемая боль всегда будет феноменально локализована в пространственном образе тела (см. раздел 7.2.2). И даже цветные пятна, которые мы иногда видим незадолго до засыпания, ни в коем случае не являются изолированными феноменальными атомами, потому что они обладают пространственной протяженностью; более того, обычно они обладают контурами и направлением движения. То есть, даже в самых деградированных ситуациях галлюцинаторного цветового содержания мы никогда не находим полностью деконтекстуализированных элементов или строго определенных феноменальных значений в

измерении, которое должно быть концептуально проанализировано как абсолютное измерение. В сенсорном потоке сознательного опыта никогда не появляются чистые индивиды и единичные свойства, а лишь комплексы различных форм презентативного содержания. Даже фосфены - любимый пример философов - переживаются на черном фоне. Сам этот черный фон на самом деле является формой простого феноменального содержания, даже если иногда нам нравится ошибочно интерпретировать его как "чистое небытие". Другими словами, феноменальное представление отсутствия не то же самое, что отсутствие феноменального представления.

Конечно, то, что с философской точки зрения можно назвать "принципом конституирования объекта", в нейро- и когнитивных науках уже давно известно как "проблема связывания": Как наша перцептивная система связывает элементарные признаки, извлеченные из потока данных, поступающих от наших органов чувств, в связные перцептивные гештальты? На эмпирическом уровне стало очевидно, что активация презентационного содержания должна быть функционально связана с процессами, отвечающими за формирование перцептивных объектов и разделение фигуры и земли. Как отмечалось выше, такие разделения могут происходить, если, например, хроматический туман сознательно переживается как отделенный от ахроматического грунта. Перцептивные объекты, согласно текущей модели, создаются не путем связывания свойств в буквальном, феноменологическом смысле слова "свойство" (т.е. в соответствии со случаем за выше), а путем интеграции презентативного содержания. Как такие объекты впоследствии вербально характеризуются, идентифицируются и запоминаются когнитивным субъектом - это совершенно другой вопрос. Верно и то, что подлинная когнитивная доступность, по-видимому, начинается только на уровне объектов. Однако важно отметить, что даже если различные характеристики перцептивного объекта,

например, его воспринимаемый цвет и запах, впоследствии становятся доступными для внимания, процесс интеграции, ведущий к проявлению мультимодального объекта, носит преаттенционный характер. Он, конечно, модулируется аттенционной обработкой, ожиданиями и контекстной информацией, но сам процесс интеграции признаков недоступен для интроспекции¹, и мы никогда не сможем интроспективно "обратить" этот процесс вспять, чтобы воспринимать отдельные признаки или изолированные, неинтегрированные формы презентативного содержания как таковые.

Если эта третья идея верна, то осознанное презентационное содержание должно возникать одновременно с процессом формирования объекта и в зависимости от него, а значит, представляет собой именно ту часть перцептивного объекта, составленного системой, которая может быть, например, выделена при помощи зрительного внимания. В отношении этого класса функциональных процессов в последние годы появилось множество эмпирической литературы (обзоры см., например, Gray 1994; Singer 1994; см. также Singer 2000; Edelman and Tononi 2000a,b). И снова мы не находим оснований предполагать, что то, что мы раньше называли "qualia", по принципиальным причинам ускользает от внимания эмпирических исследований в нейро- и когнитивных науках.

В этой главе я ввел ряд семантических дифференциаций для уже существующих философских понятий, а именно "глобальная доступность", "интроспекция", "субъективность", "квале" и "феноменальный концепт". В частности, теперь мы обладаем шестью новыми концептуальными инструментами: понятиями репрезентации, симуляции и презентации, как в менталистском, так и в феноменалистическом прочтении. Состояния нашего разума, порожденные процессами ментальной репрезентации, симуляции и презентации,

индивидуализируются исключительно своим интенциональным содержанием. "Смысл", интенциональное содержание - это то, что обычно приписывается извне, с позиции третьего лица. Такие состояния в принципе могли бы разворачиваться в системе, не знающей никакого сознательного опыта. Это новое свойство появляется только благодаря процессам феноменальной репрезентации, симуляции и презентации. Феноменальные состояния индивидуализируются по их феноменальному содержанию, то есть "с точки зрения первого лица". Чтобы иметь возможность сказать, что такое "перспектива первого лица", в главе 5 я расширяю наш набор простых концептуальных инструментов еще шестью элементами: самопрезентацией, самосимуляцией и самопрезентацией, опять же как в менталистской, так и в феноменалистической интерпретации. В главе 5 мы сталкиваемся с весьма интересным классом особых случаев, характеризующихся тем, что объект репрезентативного процесса всегда остается одним и тем же: система в целом, сама система.

Возможно, уже стало очевидным, как временные понятия в нашем нынешнем наборе инструментов, такие как "симуляция", "репрезентация" и "представление", срочно нуждаются в обогащении в отношении физических, нейробиологических, функциональных или других репрезентативных ограничений. Если мы заинтересованы в дальнейшем росте знаний в междисциплинарном проекте исследования сознания, первоначальный набор анализов и объяснений должен быть разложен на множество различных целевых областей. Это должно произойти на более широком спектре описательных уровней. Особые интересы приводят к особым типам вопросов.

Мы здесь занимаемся целым пучком таких вопросов: Что такое сознательное "я"? Что именно означает для человеческих существ в непатологических состояниях

бодрствования наличие феноменальной перспективы первого лица по отношению к миру и себе? Доступен ли исчерпывающий анализ феноменальной перспективы первого лица на репрезентативном уровне описания? Является ли феноменальная перспектива первого лица во всем ее содержании действительно естественным феноменом? Подошли ли мы к той стадии, когда философская терминология может быть передана эмпирическим наукам и шаг за шагом наполнена эмпирическим содержанием? Или же сознательный опыт - это целевой феномен, который в конечном итоге заставит нас забыть о традиционных границах между гуманитарными и естественными науками?

В этой главе я использовал только одно простое и популярное в настоящее время функциональное ограничение, чтобы указать на возможное различие между ментальной и феноменальной репрезентацией: концепцию глобальной доступности, которую я затем дифференцировал на аттенционную, когнитивную и доступность для поведенческого контроля. Однако это был лишь самый первый и, с моей точки зрения, несколько грубый пример. Теперь, когда у нас в руках эти первые, полуформальные инструменты, важно отточить их, внимательно рассмотрев конкретную форму, которую должна принять теория, относящаяся к реальным системам. Содержательных свойств и абстрактных функциональных понятий недостаточно. Необходимы теоретические основы, позволяющие нам лучше понять машины, конкретные внутренние инструменты, с помощью которых создается постоянно меняющаяся феноменальная репрезентация мира и себя в нем.

Глава 3. Репрезентативная глубинная структура феноменального опыта

3.1 Что такое концептуальный прототип феноменального репрезентатума?

Цель этой главы - разработать предварительную рабочую концепцию, концепцию "феноменальной ментальной модели". Я буду действовать в два этапа. Во-первых, я строю основы для набора критериев или каталога ограничений, с помощью которых мы можем решить, является ли определенное репрезентативное состояние также сознательным состоянием. Я предлагаю многоуровневый набор ограничений для концепции феноменальной репрезентации. Второй шаг состоит в том, чтобы применить эти ограничения на фоне ряда уже существующих теорий ментальной репрезентации, чтобы прийти к более точной формулировке предварительной концепции, которую мы ищем. В конце я кратко представляю эту гипотетическую рабочую концепцию, концепцию "феноменальной ментальной модели". В главе 4 я приступаю к проверке нашего инструментария, используя краткий репрезентативный анализ необычных состояний сознания. Серия кратких нейропсихологических примеров поможет еще больше отточить разработанные к настоящему времени концептуальные инструменты и тщательно проверить их на эмпирическую правдоподобность. После всего этого в главах 5-7 мы вернемся к нашей основной философской проблеме: вопросу об истинной природе феноменального "я" и перспективе первого лица. Однако позвольте мне начать с нескольких вводных замечаний о том, что, собственно, означает начать поиск теоретического прототипа феноменального репрезентатума.

Одна из первых целей на пути к убедительной теории феноменального опыта должна состоять в разработке списка необходимых и достаточных условий для концепции феноменальной репрезентации. В настоящее время мы очень далеки от того, чтобы даже приблизительно определить это

понятие. Пожалуйста, обратите внимание, что в данном случае я не ставлю перед собой цель разработать полноценную теорию ментальных репрезентаций; нынешний проект гораздо скромнее, он направлен на исследование возможностей и пионерское междисциплинарное сотрудничество. С самого начала важно помнить о двух вещах. Во-первых, концепция сознания может оказаться кластерной концепцией, то есть теоретической сущностью, обладающей лишь перекрывающимися наборами достаточных условий, но не имеющей или имеющей лишь очень мало строго необходимых определяющих характеристик. Во-вторых, любая такая концепция будет относительной по отношению к области, образованной данным классом систем. Поэтому в этой главе я лишь подготавливаю разработку такого списка: то, что я ищу, - это семантические основы теоретического прототипа, прототипа феноменального репрезентатума. Обладая таким прототипом, можно приступить к дифференцированному рассмотрению различных форм феноменального содержания. Обладая первоначальным списком многоуровневых ограничений, можно постоянно расширять этот список, добавляя дополнительные концептуальные или суб-ограничения (например, как философ, работающий по принципу "сверху вниз"), а также постоянно обновлять и обогащать эмпирические данные, относящиеся к конкретной области (например, как нейробиолог, уточняющий уже существующие ограничения "снизу вверх"). На ряде различных уровней описания можно, применительно к конкретным классам феноменологических состояний, задавать вопросы о необходимых условиях их реализации: Какими минимально необходимыми репрезентативными и функциональными свойствами должна обладать система, чтобы быть способной к эволюции рассматриваемого содержания сознания? Какова "минимальная конфигурация", необходимая любой системе для того, чтобы получить определенный вид субъективного опыта? Во-вторых, можно направить внимание на специальные области

и, привлекая эмпирические данные, начать исследовать, что в некоторых особых случаях может считаться достаточным критерием для приписывания сознательного опыта в некоторых системах: Каковы минимальные нейронные корреляты (Metzinger 2000a), которые реализуют такие необходимые свойства, делая их каузально эффективными в рамках определенного типа организмов? Существует ли множество достаточных коррелятов для максимально детерминированной формы феноменального содержания? Может ли машина, имея различные физические корреляты, также реализовать необходимые и достаточные условия для определенных типов субъективного опыта?

Для философии сознания наиболее важными уровнями описания в настоящее время являются репрезентационистский и функционалистский уровни. Типичными и значимыми вопросами, таким образом, являются: Каковы ограничения на архитектуру, каузальный профиль и репрезентативные ресурсы системы, которая обладает не только репрезентативными, но иногда и феноменальными состояниями? Какими свойствами должны обладать репрезентативные средства, используемые этой системой, чтобы быть способными генерировать содержание подлинно субъективного потока опыта? Актуальность конкретных уровней описания всегда может меняться - например, в будущем мы можем обнаружить способ последовательного описания сознания, феноменального "я" и перспективы от первого лица не как особой формы "содержания", а как особого вида нейронной или физической динамики в целом. Здесь я с самого начала рассматриваю репрезентационистский и функционалистский уровни анализа как междисциплинарные: сегодня это уровни, на которых могут (и должны) встретиться гуманитарные и естественные науки, философия и когнитивная нейронаука. Таким образом, от первого взгляда на логическую структуру репрезентативных отношений мы должны перейти к более тщательному исследованию вопроса о том, как в некоторых

системах они фактически приводят к инстанцированию феноменальных свойств. Различные "домены", в данном контексте, - это определенные классы систем, а также определенные классы состояний. Проиллюстрируем ситуацию на конкретных примерах.

Человеческие существа в состоянии сна отличаются от человеческих существ в состоянии бодрствования, но и те, и другие, вероятно, обладают сознанием, феноменальной самостью и перспективой первого лица. Системы сновидений не ведут себя, не обрабатывают сенсорную информацию и вовлечены в глобальную, но исключительно внутреннюю феноменальную симуляцию. В состоянии бодрствования мы взаимодействуем с миром и делаем это в рамках глобальной феноменальной репрезентации мира. Не только сознание бодрствования, но и сновидения могут рассматриваться как глобальный класс феноменальных состояний, характеризующийся собственным, узко ограниченным набором феноменологических особенностей. Например, сновидения часто являются гипермнестическими и сильно эмоционализованными состояниями, в то время как осознанные болевые переживания почти никогда не возникают во сне (подробнее о феноменологическом профиле см. разделы 4.2.5 и 7.2.5). Феноменологические классы состояний, однако, могут быть также более точно охарактеризованы их ситуационным контекстом, формами самопрезентации или особым содержанием восприятия объектов и свойств, глобально доступным в них. Летящие сны, онейрические фоновые эмоции, обонятельный опыт в сновидениях, различные типы сенсорных галлюцинаций, характеризующие люцидные и нелюцидные сны, - вот примеры классов переживаний, индивидуализированных более тонким образом. Более философский, "нисходящий" вопрос может быть таким: Какие формы репрезентативного содержания характеризуют обычное бодрствующее сознание в отличие от состояния сновидения, и какую каузальную роль они играют в формировании поведения? С эмпирической

стороны нашего проекта этот вопрос состоит из разных аспектов: Каковы, в нашем собственном случае, конкретные механизмы обработки и репрезентации? Каковы вероятные кандидаты на де-факто активные "машины" феноменальной репрезентации (в состоянии бодрствования) и феноменальной симуляции (в состоянии сна) у человека? Классы систем в принципе могут быть разделены произвольно тонким образом: другие классы предполагаемых систем могут быть представлены младенцами, взрослыми во время не-REM (быстрого движения глаз) сна, психиатрическими пациентами во время эпизодов яркой шизофрении, а также мышами, шимпанзе и искусственными системами.

В этот момент нельзя упускать из виду важный эпистемологический аспект. Если мы говорим не о подсистемных состояниях, а о системах в целом, то мы автоматически принимаем отношение к нашей области, которая работает с объективной точки зрения третьего лица. Уровни описания, на которых мы можем теперь оперировать, intersubjectively доступны и открыты для обычных научных процедур. Ограничения, которые мы строим на таких уровнях описания, чтобы выделить интересные классы сознательных систем, являются объективными ограничениями. Однако несколько сложнее формировать домены не по конкретным классам сознательных систем, а дополнительно определяя их через определенные типы состояний. Для точного выделения таких феноменологических классов состояний, для их типологической идентификации нам снова нужны определенные критерии и концептуальные ограничения. Проблема теперь заключается в том, что феноменальные состояния в стандартных ситуациях всегда привязаны к индивидуальным эмпирическим перспективам. Трудно оспорить тот факт, что первичными индивидуализирующими характеристиками подсистемных состояний в этом случае являются их субъективно переживаемые особенности,

постигаемые в конкретной, индивидуальной перспективе первого лица.

Определенные предполагаемые классы состояний сначала описываются феноменологическими характеристиками, то есть концептуальными ограничениями, которые изначально были разработаны из перспективы первого лица. Однако всякий раз, когда феноменологические характеристики используются для описания классов состояний, центральная теоретическая проблема сталкивается с нами лицом к лицу: по методологическим и эпистемологическим причинам нам срочно нужна теория о том, чем вообще является индивидуальная перспектива первого лица. Нам нужна убедительная теория о субъективности феноменального опыта, чтобы знать, о чем мы на самом деле говорим, когда используем знакомые, но непонятные идиомы, например, утверждая, что содержание феноменальных состояний индивидуализируется "с точки зрения первого лица". В главах 5, 6 и 7 я начинаю предлагать такую теорию. Пока же мы занимаемся разработкой концептуальных инструментов, с помощью которых можно сформулировать такую теорию. Следующий шаг состоит в том, чтобы перейти от доменов к возможным уровням описания.

Существует большое количество описательных уровней, на которых феноменальные репрезентации могут быть проанализированы более точно. В современном состоянии исследований сознания нам нужны все эти описательные уровни. Вот наиболее важные из них:

Феноменологический уровень описания. Какие утверждения о феноменальном содержании и структуре феноменального пространства можно сделать на основе интроспективного опыта? В каких случаях утверждения такого рода эвристически плодотворны? Когда они эпистемически оправданы?

Репрезентационистский уровень описания. Что особенного в форме интенционального содержания, порождаемого феноменальным вариантом ментальной репрезентации? Какие типы феноменальных содержаний существуют? Каковы отношения между формой и содержанием для феноменальных репрезентаций?

Информационно-вычислительный уровень описания. Какую общую вычислительную функцию выполняет обработка на феноменальном уровне репрезентации для организма в целом? Какова вычислительная цель сознательного опыта? Какого рода информацией является феноменальная информация?

Функциональный уровень описания. Какие каузальные свойства должны быть инстанцированы нейронным коррелятом сознания, чтобы эпизодически генерировать субъективный опыт? Существует ли для сознания нечто вроде "функционального" коррелята, не зависящего ни от какой реализации (Чалмерс 1995а, б, 1998, 2000)?

Физико-нейробиологический уровень описания. Вот примеры потенциальных вопросов: Являются ли феноменальные репрезентативные совокупности клеток темпорально когерентными в гамма-диапазоне (см. Metzinger 1995b; Engel and Singer 2000; Singer 2000; von der Malsburg 1997)? Какие типы нервных клеток составляют прямой нейронный коррелят сознательного опыта (Block 1995, 1998; Crick and Koch 1990; Metzinger 2000b)? Существуют ли типы феноменального содержания, которые не являются инвариантными для среды?

Каждому из этих описательных уровней соответствуют определенные стратегии моделирования. Например, мы можем разработать нейробиологическую модель самосознания, или функционалистский анализ, или

вычислительную модель, или теорию феноменальной саморепрезентации. Строго говоря, вычислительные модели являются подмножеством функциональных моделей, но в дальнейшем я буду рассматривать их отдельно, всегда предполагая, что вычислительные модели в основном разрабатываются в математических разделах когнитивной науки, тогда как функциональный анализ - это преимущественно философия. Психологи и философы могут создавать новые инструменты для феноменологического уровня анализа. Интересно, что во втором значении понятия "модель", которое скоро появится, все мы строим феноменальные модели от третьего лица и других сознательных "я": в социальном познании, когда внутренне подражаем другому человеку.

Оперируя преимущественно репрезентационистским уровнем описания, в следующих разделах я часто обращаюсь к нейронным и "функциональным" коррелятам феноменальных состояний, ища дополнительные ограничения снизу вверх. Кроме того, я хочу сделать попытку соблюсти максимальную феноменологическую справедливость по отношению к соответствующему объекту, то есть по-настоящему серьезно отнестись к феномену сознания во всех его нюансах и глубине. Я, однако, не озабочен разработкой новой феноменологии или построением общей теории репрезентативного содержания. Моя цель гораздо скромнее: провести репрезентативный анализ феноменальной перспективы первого лица.

Тем не менее некоторым из моих читателей будет полезно выложить карты на стол и кратко рассказать о некоторых исходных предположениях, даже если у меня не будет места для их явного обоснования. Читатели, которые не заинтересованы в этих предположениях, могут смело пропустить эту часть и продолжить чтение в начале следующего раздела. Как и многие другие философы сегодня,

я полагаю, что репрезентационистский анализ сознательного опыта перспективен, поскольку феноменальные состояния являются особым подмножеством интенциональных состояний (см. типичные примеры у Dretske 1995; Lycan 1996; Tye 1995, 2000). Феноменальное содержание - это особый аспект или особая форма интенционального содержания. Я считаю, что это содержание должно быть индивидуализировано очень тонким образом - по крайней мере, на "субсимволическом" уровне (напр, Rumelhart, McClelland, and the PDP Research Group 1986; McClelland et al. 1986; недавнее применение коннекционистской концепции к феноменальному опыту см. в O'Brien and Opie 1999), и, в частности, не предполагая пропозициональной модульности (Ramsey et al. 1991) для человеческого разума, то есть, скорее всего, с помощью какого-то микрофункционалистского анализа (Andy Clark 1989, 1993). Кроме того, я предполагаю, что в определенном "динамизированном" смысле феноменальное содержание зависит от пространственно-временных свойств системы. Фундаментальная идея заключается в следующем: Феноменальная репрезентация - это такой вариант интенциональной репрезентации, при котором содержательные свойства (то есть свойства феноменального содержания) ментальных состояний полностью определяются пространственно внутренними и синхронными свойствами соответствующего организма, поскольку они супервизируются на критическом подмножестве этих состояний. Если все свойства моей центральной нервной системы фиксированы, то фиксировано и содержание моего субъективного опыта. Что во многих случаях, конечно, не фиксировано, так это интенциональное содержание этих субъективных состояний. Предположив принцип локальной супервентности для их феноменального содержания, мы еще не знаем, являются ли они сложными галлюцинациями или эпистемическими состояниями, которые действительно представляют собой знания о мире. Одна из важнейших теоретических проблем сегодня состоит в том, чтобы поставить понятия

"феноменальное содержание" и "интенциональное содержание" в правильное логическое отношение. Я не рассматриваю этот вопрос непосредственно в данной книге, но моя интуиция подсказывает, что введение принципиального различия может быть серьезной ошибкой, приводящей к овеществлению обеих форм содержания. Решение может заключаться в тщательном описании континуума между сознательным и несознательным интенциональным содержанием (вспомним пример цветового зрения, то есть квалиа Льюиса, квалиа Раффмана, квалиа Метцингера и чувствительности к длине волны, проявляющейся в слепом зрении, как это было описано в главе 2).

Для всеобъемлющей семантики разума наиболее перспективным вариантом на сегодняшний день, как мне кажется, было бы новое сочетание "семантики пространства состояний" (SSS; Churchland 1986, 1989, 1995, 1996 и 1998) Пола Черчленда с тем, что Энди Кларк и Дэвид Чалмерс условно назвали "активным экстернализмом" (АЕ; Clark and Chalmers 1998). SSS может подойти для феноменального содержания, в то время как "воплощенная" версия АЕ может быть тем, что нам нужно для интенционального содержания. Семантика пространства состояний, возможно, в настоящее время является лучшим концептуальным инструментом для описания внутренней, нейронно реализованной динамики ментальных состояний, в то время как активный экстернализм помогает нам понять, как эта динамика могла первоначально развиваться из поведенческого встраивания системы в окружающую среду. Семантика пространства состояний в принципе позволяет нам разрабатывать тонкие и эмпирически правдоподобные описания того, как может быть разделено феноменальное пространство (см. также Au. Clark 1993, 2000). Однако "пространство знания", область тех свойств, которые определяют интенциональное содержание ментальных состояний, кажется "пульсирующим" за физическими границами системы, кажется пульсирующим в

экстрадермальной реальности. Описание интенционального содержания, генерируемого реальными, расположенными, воплощенными агентами, может просто сделать необходимым анализ другого пространства возможных состояний, например, пространства каузальных взаимодействий, генерируемых сенсомоторными петлями, или поведенческого пространства системы в целом. Другими словами, отношение интенциональности, как я его понимаю, - это не жесткое, абстрактное отношение, как бы стрелка, указывающая из системы на изолированные интенциональные объекты, а вполне реальное отношение, проявляющее каузальные свойства и собственную временную динамику. Если интенциональный объект не существует в текущем окружении, мы сталкиваемся с тем, что я назвал ментальной симуляцией в разделе 2.3, то есть с внутрисистемным отношением. Если объект знания "интенционально несуществующий" в оригинальном смысле Brentano ([1874] 1973), то он является содержанием внутренне симулированного объекта. Несуществующий объектный компонент отношения интенциональности существует в системе как активный эмулятор объекта.

Интересно отметить, что существует также нечто вроде сознательно переживаемой, феноменальной модели отношения интенциональности (см. Metzinger 1993, 2000с; и, в частности, раздел 6.5). Эта особая репрезентативная структура крайне важна для понимания того, чем на самом деле является сознательно переживаемая перспектива от первого лица. Она может существовать в ситуациях, когда организм функционально отделен от окружающей среды, как, например, во время сна. Сновидения, с феноменальной точки зрения, являются состояниями первого лица, структурно характеризующимися наличием феноменальной модели продолжающихся субъектно-объектных отношений. Как форма феноменального содержания модель локально зависит от внутренних свойств мозга (см. раздел 6.5). Важно никогда не путать эту теоретическую сущность (о которой я

скажу гораздо больше позднее) с "реальным" отношением интенциональности, формируемым активным когнитивным агентом, взаимодействующим со своим окружением. Конечно, или так я бы утверждал, эта феноменальная структура, внутренне моделирующая направленность, существовала в человеческом мозге задолго до того, как философы начали теоретизировать о ней, и поэтому может быть не моделью, а оригиналом.

Если использовать динамическую когнитивистику и понятие АЕ в качестве эвристической фоновой модели для нового взгляда на вещи, то темпоральность и конструктивный аспект познания становятся гораздо более яркими, поскольку феноменальный субъект теперь превращается в реального агента, функциональная расположенность которого может быть концептуально понята гораздо более четко. В частности, теперь возникает соблазн рассматривать такого агента и те части физического окружения, с которыми он в данный момент находится в непосредственном каузальном контакте, как сингулярную динамическую систему. Тем самым мы можем установить первую концептуальную связь между двумя важными теоретическими областями: проблемой встраивания когнитивного субъекта в мир и вопросами, касающимися философской семантики. Согласно моему имплицитному исходному предположению и в соответствии с этим теоретическим видением, репрезентации и семантическое содержание больше не являются чем-то статичным. Они как бы "катаются" на преходящей волне согласованности между динамикой системы и динамикой мира. Репрезентативное содержание - это уже не абстрактный индивид и не свойство, а событие. Смысл - это физический феномен, который, например, преходяще и эпизодически генерируется системой обработки информации, связанной с активным сенсомоторным контуром. Формирование интенционального содержания ментальных репрезентаций - это лишь эпизод, преходящий процесс, в котором динамика системы и динамика мира

кратковременно взаимодействуют. Герберт Ягер описывает это понятие в рамках интеракционистской теории концепций:

Здесь репрезентативное содержание концептов не рассматривается (как в теории моделей) в идеальных референтных отношениях между концептом (или его символом) и внешним денотатом. Скорее, репрезентативное содержание концепта вытекает из инвариантов в интерактивной истории агента по отношению к внешним объектам. "Концепты" и "репрезентируемые объекты" зависят друг от друга; вместе они представляют собой единый динамический паттерн взаимодействия. (Jaeger 1996, p. 166; перевод с английского Т.М.; см. также Metzinger 1998)

Если следовать этой интуитивной линии, то познание превращается в телесно опосредованный процесс, опирающийся на процесс, инстанцирующий преходящий набор физических свойств, выходящих за пределы системы. Интенциональное содержание, преходящее, надстраивается над этим набором физических свойств, которые - по крайней мере, в принципе - могут быть описаны формально точным образом. Это новое теоретическое видение:

Интенциональность - это не жесткое абстрактное отношение от субъекта к интенциональному объекту, а динамический физический процесс, пульсирующий в границах системы. В восприятии, например, граница физической системы ненадолго преступает, соединяя активную в данный момент Я-модель с перцептивным объектом (отметим, что может существовать упрощенная версия, в которой мозг внутренне моделирует этот тип событий, что приводит к феноменальной модели отношения интенциональности, "PMIR", как определено в разделе 6.5). Намеренное познание теперь означает, что система активно - в соответствии со своими потребностями и эпистемическими целями - изменяет физическую основу, на которую накладывается

репрезентативное содержание ее текущего ментального состояния.

Если далее предположить, что мозг (по крайней мере, в его когнитивной субрегионе) никогда не принимает стационарных состояний системы, даже при наличии стационарных паттернов входных сигналов, то классическая концепция статической репрезентации вряд ли может быть сохранена. Скорее, мы должны понимать "репрезентативные" свойства когнитивной системы как результат динамического взаимодействия между структурированной средой и самоорганизационным процессом внутри автотропной системы. При этом внутренние репрезентации относятся к структурным элементам среды - и тем самым к тем проблемным областям, с которыми сталкивается система, - а также к физическим свойствам самого организма, то есть к материальному составу и структуре его органов чувств, двигательного аппарата и когнитивной системы. (Pasemann 1996, p. 81f., перевод с английского Т.М.; см. также Metzinger 1998, p. 349f.)

Если это верно, то познание невозможно представить без имплицитной саморепрезентации (см. разделы 6.2.2. и 6.2.3). Самое главное, когнитивный процесс не может быть понят без автономной, внутренней активности системы, которая генерирует ментальные и феноменальные симуляции возможных миров внутри себя (см. раздел 2.3). Это еще один момент, делающий интенциональность не только конкретным, но и проживаемым феноменом; в этих концептуальных рамках можно представить, что значит, что активация интенционального содержания действительно является биологическим феноменом (хорошие примеры см. в Thompson and Varela 2001, p. 424; Damasio 1999, Panksepp 1998). С другой стороны, необходимо видеть, что динамистский подход пока не дает нам эпистемического обоснования когнитивного содержания наших ментальных

состояний: мы имеем эти состояния потому, что они были функционально адекватны с эволюционной точки зрения. Для таких биосистем, как мы, они представляли собой жизнеспособный путь через каузальную матрицу физического мира. Можно ли и в каком смысле считать их знанием о мире, сначала должна показать натуралистическая эпистемология. Можно ли извлечь какое-либо эпистемическое обоснование из функционального успеха когнитивных структур, как это может быть интерпретировано в рамках динамистского подхода? Паземанн пишет:

Как расположенные и адаптивные, то есть как системы, способные к выживанию, когнитивные системы благодаря этим автономным внутренним процессам оказываются в состоянии делать предсказания и разрабатывать осмысленные стратегии действий, то есть генерировать предсказательные модели мира. Внутренние репрезентации как внутренне генерируемые конфигурации когерентной динамики модулей тогда должны пониматься как строительные блоки для модели мира, на основе которых может происходить внутреннее исследование альтернативных действий. Следовательно, любая такая конфигурация соответствует набору аспектов окружающей среды, поскольку они могут быть уловлены сенсорами и "манипулированы" двигательной системой. Как частичная динамика когнитивного процесса, они могут быть собраны снова и снова, и чтобы привести к последовательным моделям мира, они должны быть "совместимы" друг с другом. Одним из критериев валидности или "хорошести" семантической конфигурации, рассматриваемой как гипотеза, является ее полезность для организма в будущем. Удачные конфигурации в этом смысле представляют собой закономерности внешних динамических процессов; они в то же время когерентны, то есть находятся в гармонии с внешней динамикой". (Pasemann 1996, p. 85, перевод с английского Т.М.; см. также Metzinger 1998, p. 350)

Эта общая идея уже несколько лет встречается в разных научных сообществах и странах. В философском плане ее основная идея отличается от стандартного варианта, сформулированного Хилари Патнэмом и Тайлером Берджем (H. Putnam 1975a; Burge 1979), тем, что внешние свойства, фиксирующие интенциональное содержание, являются историческими и дистальными свойствами мира; они могут быть найдены на другом конце длинной каузальной цепи. Настоящие, актуальные свойства окружающей среды были нерелевантны для классического экстернализма, а потому эпистемически пассивны. Активный экстернализм, в противоположность этой интуиции, состоит в утверждении, что фиксирующие содержание свойства среды являются активными свойствами в сенсомоторном контуре, реализуемом в самом настоящем; они находятся в контуре (Clark and Chalmers 1998, p. 9). В рамках этой концепции можно продолжать считать, что феноменальное содержание надстраивается над внутренними состояниями. Однако в отношении убеждений и интенциональных содержаний в целом теперь придется сказать, что наш разум выходит за физические границы нашей кожи в мир, пока не столкнется с теми свойствами мира, которые управляют когнитивными процессами - например, через сенсомоторные петли и повторяющиеся каузальные связи. Обратите внимание, как эта идея дополняет более общее понятие функциональной интернальности, выдвинутое в предыдущей главе. Мы могли бы концептуально проанализировать этот тип взаимодействия как активацию нового состояния системы, функционирующего как репрезентатум, будучи функционально внутренним событием (поскольку оно основано на преходящем изменении функциональных свойств одной и той же динамической системы), но которое должно использовать физически внешние ресурсы для своей конкретной реализации. Очевидно, что одним из наиболее интересных приложений этой спекулятивной мысли может стать социальное познание. Как мы теперь узнаем из эмпирических исследований, ментальные состояния могут

частично определяться ментальными состояниями других мыслителей.

Короче говоря, ни коннекционизм, ни динамистская когнитивная наука, на мой взгляд, не представляют серьезной угрозы для концепции репрезентации. Напротив, они обогащают ее. Они не устраняют концепцию репрезентации, но дают нам новое понимание формата ментальных репрезентаций. Наиболее остро необходима динамистская теория содержания. Однако в конечном итоге может потребоваться новая концепция объяснения, включающая законы охвата вместо традиционных механистических моделей декомпозиции (Bechtel 1998). Это также смещает наше внимание в сторону большего акцента на экологическую валидность. Поэтому, даже дико симпатизируя динамистской когнитивной науке, можно оставаться репрезентационистом, не превращаясь в безнадежно старомодного человека. Наша концепция репрезентации постоянно обогащается и уточняется, и в то же время общая стратегия развития репрезентационистского анализа разума остается жизнеспособной.

Я надеюсь, что эти короткие замечания будут полезны некоторым из моих читателей в последующей работе. Я одобряю телеофункционализм, субсимволические и динамистские стратегии моделирования ментального содержания и исхожу из того, что феноменальное содержание с высокой вероятностью будет локально супервизорным. Теперь давайте вернемся к проекту определения основ концептуального прототипа феноменальной репрезентации. Возможно ли в принципе построить нечто вроде репрезентационистской компьютерной науки о феноменальных состояниях, или то, что Томас Нагель (1974) назвал "объективной феноменологией"?

3.2 Многоуровневые ограничения: Что делает нейронную репрезентацию феноменальной репрезентацией?

Междисциплинарный проект исследования сознания, переживающий столь впечатляющий ренессанс на рубеже веков, сталкивается с двумя фундаментальными проблемами. Во-первых, до сих пор не существует единой, унифицированной и парадигмальной теории сознания, которая могла бы служить объектом для конструктивной критики и фоном, на котором можно было бы сформулировать новые попытки. Исследования сознания все еще находятся на подготовительном парадигмальном этапе. Во-вторых, не существует систематического и всеобъемлющего каталога экспланансов. Хотя философы проделали значительную работу по аналитике, у междисциплинарного сообщества нет ничего, отдаленно напоминающего программу исследований. У нас пока нет точно сформулированного списка объяснительных целей, который можно было бы использовать при построении систематических исследовательских программ. В этом разделе я предлагаю каталог многоуровневых концептуальных ограничений (или критериев приписывания), которые позволят нам решить, может ли определенное репрезентативное состояние также быть состоянием сознания. Этот каталог является предварительным. Он далек от вышеупомянутого списка. Он намеренно сформулирован таким образом, чтобы его можно было постоянно обогащать и обновлять за счет новых эмпирических открытий. Он также предлагает множество возможностей для дальнейшей концептуальной дифференциации, как, несомненно, поймут мои читатели-философы. Однако акцент здесь делается не на достижении максимальной концептуальной точности, а на разработке действенных инструментов междисциплинарного сотрудничества.

Только два из предложенных здесь ограничений кажутся мне необходимыми условиями. Некоторые из них справедливы только для определенных классов состояний или являются специфическими для конкретной области. Из этого следует, что будет существовать целая палитра различных концепций "сознания", обладающих переменной семантической силой и применимых только к определенным типам систем в определенных типах феноменальных конфигураций. Чем выше степень удовлетворения ограничений, тем выше степень феноменальности в данной области. Однако в отношении такой внутренне сложной области, как сознательный опыт, было бы ошибкой ожидать, что удастся найти путь к одному индивидуальному, семантически однородному понятию, охватывающему, так сказать, все формы сознания. Напротив, систематическая дифференциация исследовательских программ - это то, в чем мы остро нуждаемся на современном этапе междисциплинарных исследований сознания. Почти все последующие ограничения были разработаны в первую очередь на основе феноменологических соображений; по своему происхождению они являются ограничениями от первого лица, которые затем были обогащены на других уровнях описания. Однако для первого и последнего ограничений в этом списке (см. разделы 3.2.1 и 3.2.11) это не так; они являются объективными критериями, разработанными исключительно с позиции третьего лица.

3.2.1 Глобальная доступность

Начнем с этого ограничения - по той простой причине, что это был единственный и первый пример возможного ограничения, который я предложил в прошлой главе. Это функциональное ограничение. Это означает, что до сих пор оно было описано только на уровне описания, индивидуализирующего внутренние состояния сознательной системы по их причинной роли. Кроме того, оно применяется

исключительно к подсистемным состояниям и их содержанию; это не ограничение личностного уровня.

Мы можем подвести итог большому количеству эмпирических данных очень элегантно, просто сказав следующее: Феноменально представленная информация - это именно то подмножество активной в данный момент информации в системе, о котором верно, что оно глобально доступно для сознательно направляемого внимания, когнитивной референции и контроля действий (см. также Baars 1988, 1997; Chalmers 1997). Как мы уже видели, известно по крайней мере одно важное ограничение этого принципа. Значительное большинство простых сенсорных содержаний (например, феноменальных цветовых нюансов, например, в терминах квалиа Раффмана или Метцингера) недоступно для когнитивной референции, потому что перцептивная память не может охватить содержания, индивидуализированные столь тонким образом. Тонкие оттенки невыразимы, поскольку их каузальные свойства делают их доступными для обработки внимания и дискриминационного моторного контроля, но не для формирования ментальных концептов. Как было показано в последней главе, существует ряд случаев, когда глобальная доступность может применяться только в еще более слабом и очень контекстно-специфическом смысле, например, в чувствительности к длине волны при слепом зрении. В целом, однако, все феноменальные репрезентации делают свое содержание по крайней мере глобально доступным для внимания и моторного контроля. Теперь мы можем перейти к дальнейшему анализу этого первого ограничения на пяти основных уровнях описания, о которых я упоминал в кратком введении к этой главе: феноменологический уровень описания (по сути, оперирующий перспективой первого лица или "гетерофеноменологической" комбинацией таких перспектив), репрезентационистский уровень описания (анализирующий феноменальное содержание как особый вид репрезентационного содержания), информационно-

вычислительный уровень описания (классифицирующий виды информации и типы обработки), функциональный уровень описания (включающий вопросы о каузальных ролях, реализуемых в сознательных состояниях) и нейробиологический уровень описания (включая вопросы конкретных деталей реализации и физи-кальных коррелятов сознательного опыта в целом).

Феноменология глобальной доступности

Содержание сознательного опыта характеризуется моей способностью непосредственно реагировать на него с помощью множества моих умственных и телесных возможностей. Я могу направить свое внимание на воспринимаемый цвет или на телесное ощущение, чтобы рассмотреть их более внимательно ("аттенционная доступность"). По крайней мере, в некоторых случаях я могу сформировать мысли об этом конкретном цвете. Я могу попытаться сформировать представление о нем ("доступность для феноменального познания"), которое связывает его с более ранним цветовым опытом ("доступность для автобиографической памяти"), и я могу общаться о цвете с другими людьми с помощью языка ("доступность для контроля речи", которую также можно назвать "коммуникативной доступностью"). Я могу доставать цветные предметы и сортировать их в соответствии с их феноменальными свойствами ("доступность для контроля действий"). Короче говоря, глобальная доступность - это всепроникающее функциональное свойство моих сознательных содержаний, которое само по себе я снова субъективно переживаю, а именно как свою собственную гибкость и автономию в обращении с этими содержаниями. Компонент доступности в этом ограничении бывает разных видов. Некоторые из них субъективно переживаются как

непосредственные, некоторые - как довольно опосредованные (например, в сознательной мысли). Некоторые доступные содержания прозрачны, некоторые непрозрачны (см. раздел 3.2.7). На феноменальном уровне это приводит к ряду очень общих, но важных эмпирических характеристик: Я живу в мире, который является открытым миром. Я испытываю большую степень избирательности в том, как я получаю доступ к определенным объектам в этом мире. Я являюсь автономным агентом. Многие различные аспекты этого мира кажутся одновременно доступными для меня все время.

С философской точки зрения, доступность феноменально представленного познания, вероятно, является наиболее интересным аспектом этой характеристики. Эта феноменологическая особенность показывает нас как существ, живущих не только в конкретике сенсорного сознания. Если мы сознательны, то и на уровне субъективного опыта мы даны себе как мыслящие личности (о гипотетическом понятии бессознательного когнитивного агента см. Crick and Koch 2000). Для того чтобы инициировать подлинно когнитивные процессы, такие абстракции, как классы или отношения, должны быть мысленно представлены и доступны на уровне субъективного опыта. Глобально доступная когнитивная обработка характеризуется гибкостью, избирательностью содержания и определенной степенью автономии. Таким образом, мы становимся когнитивными агентами. В частности, это ограничение имеет решающее значение, если мы хотим понять, как простое феноменальное "я" может быть преобразовано в когнитивного субъекта, который затем, в свою очередь, формирует новое содержание сознательного опыта. Рефлексивное, концептуально опосредованное самосознание может быть проанализировано как особенно важный особый случай в рамках ограничения глобальной доступности, в котором определенный тип информации становится когнитивно доступным для системы (я вернусь к

этому вопросу в разделе 6.4.4). Более того, "доступность для феноменального познания" по двум причинам является ограничением, требующим особенно тщательного эмпирического исследования. Во-первых, существует большой класс простых и коррелирующих со стимулом феноменальных состояний - презенты, - которые не удовлетворяют этому ограничению. Во-вторых, феноменальное познание само по себе является очень интересным процессом, поскольку оно выделяет наиболее важный класс состояний, не охваченных ограничением б, а именно прозрачность феноменальных состояний (см. раздел 3.2.7).

Важно, что мы должны отдать справедливость второму феноменологическому свойству. Как мы видели, есть компонент глобальности и компонент доступности, причем последний имеет феноменологическое прочтение в терминах автономии, гибкости и избирательности сознательного доступа к миру. Но как насчет феноменологического прочтения компонента глобальности? Что именно означает, если мы говорим, что содержания сознательного опыта "глобально" доступны субъекту? Это значит, что эти содержания всегда можно найти в мире (см. ограничение 3). Что такое глобальность на феноменологическом, а не на функциональном уровне? Глобальность заключается в свойстве быть встроенным в целое высшего порядка, которое является высокодифференцированным и в то же время представляет собой полностью интегрированную форму содержания. С точки зрения первого лица, это феноменальное целое - просто мир, в котором я живу, а границы этого мира - границы моей реальности. Она образована доступной мне информацией, то есть субъективно доступна. Состояния сознания - это всегда состояния внутри сознательно переживаемого мира; они разворачивают свою индивидуальную динамику на фоне ситуационного контекста высшего порядка. Именно это и составляет феноменологическое прочтение "глобальности": быть

неотъемлемой частью единого, унифицированного мира. Если глобальность в этом смысле использовать не как ограничение для классов состояний, а как одно из ограничений для классов систем, то получается следующее интересное утверждение: Все системы, работающие с глобально доступной информацией, являются системами, которые ощущают себя живущими в мире. Разумеется, это утверждение будет верным только в том случае, если будут соблюдены и все остальные необходимые ограничения (которые еще предстоит разработать).

Глобальная доступность репрезентативного контента

Феноменальные репрезентаты характеризуются тем, что их интенциональное содержание непосредственно доступно для множества других репрезентативных процессов. Их содержание доступно для дальнейшей обработки субсимволическими механизмами, такими как внимание или память, а также для формирования концептов, метакогниции, планирования и моторных симуляций с непосредственными поведенческими последствиями. Его глобальность заключается в том, что он встроен в функционально активную модель мира в любой момент времени (Yates 1985). Феноменальное репрезентативное содержание обязательно интегрируется во всеобъемлющую, единую и согласованную репрезентацию реальности в целом.

Информационно-вычислительная доступность

Феноменальная информация - это именно та информация, которая непосредственно доступна системе в только что упомянутом смысле. Если мыслить в концептуальных рамках классической архитектуры, то можно красиво сформулировать оба аспекта этого ограничения в соответствии с теорией глобального рабочего пространства (GWT) Бернарда Баарса: обработка феноменальной

информации происходит в глобальном рабочем пространстве, к которому одновременно может обращаться множество специфических модулей (Baars 1988, 1997). С другой стороны, очевидно, что это архитектурное предположение в его нынешней версии неправдоподобно в нашем случае и с нейробиологической точки зрения (однако см. Baars and Newman 1994; недавнее применение GWT см. в Dehaene and Naccache 2001, p. 26 и далее; философское обсуждение см. в Dennett 2001). Однако Баарс, безусловно, заслуживает уважения за то, что он был первым автором, который действительно начал разрабатывать полноценную когнитивистскую теорию сознательного опыта, и за то, что он ясно увидел актуальность и общий масштаб компонента глобальности, присущего этому ограничению. Как выясняется, глобальность - одно из немногих необходимых условий приписывания феноменальности активной информации в данной системе.

Глобальная доступность как функциональное свойство сознательной информации

Существует также информационное и вычислительное прочтение доступности: феноменальная информация, с функциональной точки зрения, - это именно та информация, которая непосредственно доступна системе в только что упомянутом смысле, и именно та информация, которая вносит вклад в текущий процесс создания целостной, постоянно обновляемой модели мира в целом. Как функциональное ограничение, глобальность надежно маркирует сознательное содержание, характеризуя его каузальную роль. Она заключается в том, что оно интегрировано в самое большое когерентное состояние, обладающее отчетливой каузальной ролью - модель мира системы. Поэтому одна из центральных вычислительных целей обработки феноменальной информации, вероятно, заключается в создании единой и полностью однозначной

репрезентации реальности, которая может служить в качестве опорной основы для быстрого и гибкого управления внутренним, а также внешним поведением. Обратите внимание, что ограничение глобальности не описывает причину, которая впоследствии приводит к отчетливому сознательному эффекту, - оно просто подчеркивает характерную особенность целевого феномена как такового (Dennett 2001, p. 223). Если мы хотим разделить феноменальные состояния по их каузальной роли, ограничение 1 помогает нам выделить важный аспект этой каузальной роли: феноменальные состояния могут взаимодействовать с большим количеством специализированных модулей за очень короткие промежутки времени и в гибкой манере. Теперь становится возможным одномоментное обучение и быстрое глобальное обновление общей модели реальности.

Если посмотреть на систему в целом, становится очевидным, как феноменальные состояния повышают гибкость ее поведенческого профиля: чем больше информации, обрабатываемой системой, является феноменальной, тем выше степень гибкости и контекстной чувствительности, с которой она может реагировать на вызовы из окружающей среды. Теперь множество различных функциональных модулей могут напрямую использовать эту информацию, чтобы дифференцированно реагировать на внешние требования. В этом новом контексте давайте вкратце вспомним пример, упомянутый в предыдущей главе. Слепоглухой пациент, страдающий от сильной жажды и воспринимающий стакан с водой в пределах своей скотомы, то есть в пределах своего эмпирически "слепого" пятна, не в состоянии инициировать движение руки к стакану. Стакан не является частью его реальности. Однако в ситуации вынужденного выбора он почти во всех случаях правильно угадает, какой предмет можно найти в этом месте. Это означает, что информация об идентичности объекта активна в системе, извлекается из окружающей среды органами

чувств обычным способом и при особых условиях может быть вновь эксплицирована. Тем не менее, эта информация не представлена феноменально и по этой причине не является функционально доступной для избирательного контроля действий. Пациент со зрением является автономным агентом в несколько более слабом смысле, чем до поражения мозга. То, что нечто является частью вашей реальности, означает, что оно является частью вашего поведенческого пространства. Таким образом, с точки зрения телеофункционализма, глобально доступная информация поддерживает все те виды целеустремленного поведения, в которых адаптивность и успех связаны не только со скоростью, но и с избирательностью сопутствующего волевого контроля, предварительного планирования и когнитивной обработки.

Нейронные корреляты глобальной доступности

В настоящее время почти ничего не известно о нейробиологической реализации только что описанной функции. Однако сходящиеся данные, похоже, указывают на картину, в которой крупномасштабная интеграция опосредована преходящим формированием динамических связей через нейронную синхронность в нескольких частотных диапазонах (Varela, Lachaux, Rodriguez, and Martinerie 2001). С философской точки зрения задача состоит в том, чтобы описать гибкую архитектуру, которая бы вмещала степени модульности и целостности феноменального содержания в рамках одной глобальной надстройки. Пока сосредоточимся на крупномасштабной интеграции. Среди множества конкурирующих гипотез одной из наиболее перспективных может быть теория динамического ядра Эдельмана и Тонони (Edelman and Tononi 2000a,b; Tononi and Edelman 1998a). Активацию

состояния сознания можно представить как выбор из очень большого репертуара возможных состояний, который в принципе столь же обширен, как все наше эмпирическое пространство состояний и наше полное феноменальное пространство симуляции. Таким образом, он представляет собой соответственно большой объем информации. Эдельман и Тонони также отмечают, что хотя для новых и сознательно контролируемых задач нейронная активация в мозге сильно распределена, со временем она оказывается все более локализованной и "функционально изолированной", чем более автоматическим, быстрым, точным и неосознанным становится решение этой задачи. В ходе этого развития она также теряет свою контекстную чувствительность, глобальную доступность и гибкость. Авторы вводят понятие функционального кластера: подмножество нейронных элементов со значением кластерного индекса (CI) больше 1, не содержащее меньших подмножеств с более высоким значением CI, составляет функциональный "пучок", единый и интегрированный нейронный процесс, который не может быть разделен на независимые, частичные подпроцессы (Edelman and Tononi 1998; Tononi, McIntosh, Russell, and Edelman 1998).

Гипотеза динамического ядра - прекрасный пример эмпирической гипотезы, одновременно накладывающей ограничения на функциональный и физический (т.е. нейронный) уровни описания. Феноменологическое единство сознания, постоянно сопровождаемое огромным разбросом феноменального содержания, вновь проявляется как то, что с философской точки зрения может быть концептуально проанализировано как "плотность каузальной связи". В любой момент времени набор физических элементов, непосредственно коррелирующих с содержанием сознательной модели реальности, будет выделен с точки зрения высокой степени плотности внутри дискретного набора причинно-следственных связей. Сила внутренней корреляции соответствующих физических элементов создаст

дискретный набор таких причинно-следственных связей, характеризующийся градиентом каузальной когерентности, поднимающим физический коррелят сознания из его менее сложного и менее интегрированного физического окружения в мозге, подобно острову, появляющемуся из моря. С философской точки зрения важно отметить, что понятие "каузальной плотности", определяемое как сила внутренней корреляции, наблюдаемая в данный момент времени для всех элементов минимально достаточного и глобального нейронного коррелята сознания, не подразумевает функциональной жесткости. Одна из интересных особенностей теоретического анализа сложности, проведенного Тонони и Эдельманом, заключается в том, что он позволяет нам понять, как "нейронная сложность устанавливает оптимальный баланс между сегрегацией и интеграцией функций" (Edelman and Tononi 2000b, p. 136).

Гипотеза динамического ядра мотивирована рядом отдельных наблюдений. Исследования поражения предполагают, что многие структуры, внешние по отношению к таламокортикальной системе, не оказывают прямого влияния на сознательный опыт. Нейрофизиологические исследования показывают, что только определенные подмножества нейронов в определенных областях этой системы коррелируют с сознательно переживаемыми восприятиями. В целом, осознанный опыт, по-видимому, коррелирует с теми инвариантными свойствами в процессе репрезентации объектов, которые являются высокоинформативными, стабильными элементами поведенческого пространства и тем самым легче поддаются манипулированию. Только определенные типы взаимодействия внутри таламокортикальной системы достаточно сильны, чтобы привести к формированию большого функционального кластера в течение нескольких сотен миллисекунд. Таким образом, основная идея этой гипотезы заключается в том, что группа нейронов может вносить вклад в содержание

сознания только в том случае, если она является частью высокораспределенного функционального кластера, достигающего интеграции всей активной в нем информации за очень короткие промежутки времени. При этом кластер одновременно должен демонстрировать высокие значения сложности (Tononi and Edelman 1998a). Состав динамического ядра, по этой причине, может выходить за анатомические границы (как "облако каузальной плотности", парящее над нейробиологическим субстратом), но в то же время является функциональной границей, поскольку благодаря высокой степени интеграции он контактирует с внутренней информацией гораздо сильнее, чем с любой внешней информацией. Дискретность внутренне коррелированного набора каузальных элементов, о которой говорилось выше, находит свое отражение в сознательной модели реальности, представляющей собой интегрированное внутреннее информационное пространство.

Эти краткие замечания по поводу первого ограничения (которое, как помнят читатели, я представил в главе 2 как первый пример функционального ограничения, накладываемого на понятие феноменальной репрезентации) показывают, как можно одновременно анализировать критерии приписывания феноменального содержания на нескольких уровнях описания. Однако при ближайшем рассмотрении это также обращает наше внимание на потенциальные проблемы и необходимость дальнейших исследовательских программ. Приведем пример.

Многие авторы пишут о глобальной доступности сознательных содержаний в терминах "прямой" доступности. Очевидно, что, как заметил в 1874 году Франц Brentano, философский основатель эмпирической психологии, было бы ошибочным заключать из очевидного, феноменального единства сознания, что лежащий в его основе механизм также должен быть простым и единым, поскольку, как гласил

тонкий аргумент Brentano, для внутреннего восприятия не показывать что-то и для него показывать, что чего-то не существует, - это две разные вещи.⁵ Я и сам часто говорил о "прямой" доступности. Очевидно, что на феноменологическом уровне эмпирическая непосредственность доступа (как бы в "реальном времени") является убедительным концептуальным ограничением. Однако, если мы спустимся к деталям реальной нейронауки, "прямой доступ" может иметь очень разные значения для очень разных типов информации или репрезентативного содержания - даже если феноменальный опыт прямого доступа кажется унитарным и простым, глобальным феноменом (Ruhau 1995; см. также концепцию "ядра сознания" Damasio в Damasio 1999). По мере продвижения вниз по уровням описания нам, возможно, придется дифференцировать ограничения. Например, особенно при исследовании феноменальных коррелятов нейропсихологических расстройств, всегда полезно спросить, какая информация доступна для того или иного механизма обработки. Позвольте мне не останавливаться на начальном примере и вернуться к первой грубозернистой дифференциации понятия глобальной доступности, чтобы проиллюстрировать этот момент. Для того чтобы учесть эмпирические данные из перцептивной и нейропсихологии, мы должны, по крайней мере, уточнить это ограничение на трех дальнейших уровнях:

1. Доступность для управляемого внимания ("аттенционная проницаемость", далее в терминах понятий интроспекции¹ и интроспекции³, введенных в главе 2)
2. Доступность для когнитивной обработки ("когнитивная проницаемость"; интроспекция² и интроспекция⁴)
3. Доступность для избирательного контроля за действием ("волевая проницаемость" и далее)

Мы ощущаем (и говорим о феноменальном пространстве) как о едином пространстве, характеризующемся очевидным "прямым" доступом к информации внутри него. Однако я предсказываю, что более тщательное исследование покажет, что это пространство может быть разложено на пространство внимания, пространство сознательной мысли и волевым образом проницаемый раздел поведенческого пространства (в смысле той информации, которая может стать целью избирательно контролируемого, сознательно инициируемого действия). Следует отметить, что даже такое тройное разграничение является очень грубым. Существует множество различных видов внимания, например, низкоуровневое и высокоуровневое; существуют стили и форматы когнитивной обработки (например, метафорический, пиктографический и квазисимволический); кроме того, можно предположить, что, например, пространство автоматического телесного поведения и пространство рационального действия пересекаются, но никогда не совпадают полностью. Разные типы доступа порождают разные миры или реальности: мир внимания, мир действия и мир мысли. Однако в стандартных условиях эти пересекающиеся информационные пространства субъективно переживаются как один единый мир. Поэтому важной объяснительной целью является поиск объединяющего их инвариантного фактора (см. раздел 6.5).

Как мы уже видели на примере осознанного восприятия цвета, вероятно, существуют различные нейробиологические процессы, делающие информацию доступной для внимания и для формирования ментальных концепций. На феноменальном уровне, однако, мы можем ощущать оба вида содержания как "непосредственно доступные". Мы можем воспринимать квалиа Льюиса, квалиа Раффмана и квалиа Метцингера как обладающие разными степенями "реальности", но они, безусловно, принадлежат к одной единой реальности и, похоже, даны нам прямо и непосредственно. Я уже подробно обсуждал один пример

феноменальной информации - выраженной через презентативное содержание, - которая доступна для внимания и может быть функционально выражена в определенных задачах различения, но не доступна для категоризации или лингвистической референции. На феноменологическом уровне это сознательное содержание может быть охарактеризовано как тонкое и жидкое, как привязанное к непосредственному настоящему и как невыразимое. Однако в отношении феноменальной "непосредственности" доступа оно не отличается от когнитивно доступного содержания, представленного, например, в чистых цветах. Позвольте мне назвать это ограничением "феноменальной непосредственности".

Субъективно переживаемая непосредственность субъективного, эмпирического содержания, очевидно, не может быть сведена к функционалистским представлениям об аттенциональной или когнитивной доступности. Поэтому для анализа этой формы феноменального содержания на репрезентационистском уровне описания нам необходимо дополнительное ограничение. Только если у нас есть четкое представление о том, что феноменальная непосредственность может означать в терминах репрезентативного содержания, мы можем надеяться на успешный функционалистский анализ, который в конечном итоге может привести к обнаружению нейронных коррелятов (см. раздел 3.2.7). Сказав это и впервые рассмотрев функциональное ограничение глобальной доступности, которое мы использовали в качестве исходного примера продуктивного и интересного ограничения, которое в конечном итоге позволит создать убедительную концепцию феноменальной репрезентации, давайте теперь рассмотрим серию из десяти дальнейших многоуровневых ограничений. Отправной точкой в разработке этих ограничений обычно является феноменологический уровень описания. Я всегда начинаю с описания ограничения от первого лица, а затем проделываю путь вниз через ряд уровней описания от третьего лица, при

этом репрезентативный уровень анализа образует логическую связь между субъективными и объективными свойствами. Только последнее ограничение в нашем каталоге из десяти ("ограничение адаптивности", которое будет представлено в разделе 3.2.11) не использует в качестве отправной точки описание целевого феномена от первого лица. Прогуливаясь по саду этого оригинального набора из десяти многоуровневых ограничений, можно сделать целый ряд интересных открытий. Например, как мы увидим, только первые два и седьмое из этих десяти ограничений могут считаться кандидатами на необходимые условия в приписывании сознательного опыта. Однако они окажутся достаточными условиями для минимальной концепции феноменального опыта (см. раздел 3.2.7).

3.2.2 Активация в окне присутствия

Ограничение 2 указывает не на функциональное, а прежде всего на феноменологическое ограничение. Как ограничение для приписывания феноменальности, используемой в перспективе от первого лица, оно, пожалуй, является наиболее общим и самым сильным кандидатом. Оно справедливо для всех без исключения моих феноменальных состояний, поскольку, что бы я ни испытывал, я всегда испытываю это сейчас. Опыт присутствия, сопутствующий нашей феноменальной модели реальности, возможно, является центральным аспектом, который не может быть "заключен в скобки" в гуссерлевском смысле: это, так сказать, временная непосредственность существования как такового. Если мы вычтем из феноменальной модели мира глобальную характеристику присутствия, то мы просто вычтем его существование. Мы бы вычли сознание *tout court*. Оно больше не будет нам являться. Если с позиции третьего лица применить ограничение презентативности не к состояниям, а к личности в целом, то сразу становится понятно, почему разница между сознанием и бессознательным оказывается

столь важной для таких существ, как мы: только люди с феноменальными состояниями вообще существуют как психологические субъекты. Только люди, обладающие субъективным "Сейчас", являются настоящими существами, как для себя, так и для других. Давайте рассмотрим это подробнее.

Феноменология присутствия

Содержание феноменального опыта порождает не только мир, но и настоящее. Можно даже сказать, что в своей основе феноменальное сознание - это именно это: создание островка присутствия в непрерывном потоке физического времени (Ruhnau 1995). Осознанное переживание означает присутствие в настоящем. Это означает, что вы обрабатываете информацию совершенно особым образом. Этот особый способ заключается в многократной и непрерывной интеграции отдельных событий (уже представленных как таковые) в более крупные временные гештальты, в единый психологический момент. Что такое сознательный момент? Феноменальный опыт времени в целом состоит из ряда важных достижений. Они заключаются в феноменальной репрезентации временной идентичности (переживаемая одновременность), временного различия (переживаемая неодновременность), серийности и однонаправленности (переживаемая последовательность событий), временной целостности (порождение единого настоящего, "умозрительного" феноменального Сейчас) и репрезентации временного постоянства (переживание длительности). Решающий переход к субъективному опыту, то есть к подлинно феноменальной репрезентации времени, происходит на предпоследнем этапе: именно тогда, когда репрезентации событий непрерывно интегрируются в психологические моменты.

Если события не только представлены как временная последовательность, но и объединены во временные фигуры (например, расширенный гештальт сознательно переживаемого музыкального мотива), то возникает настоящее, потому что эти события теперь внутренне связаны. Они больше не являются изолированными атомами, поскольку образуют контекст друг для друга. Подобно тому, как при визуальном восприятии различные глобальные свойства стимулов - например, цвета, формы и текстуры поверхности - связываются в субъективно переживаемый объект восприятия (например, осознанно увиденное яблоко), при восприятии времени также происходит нечто похожее на формирование объекта, в котором изолированные события интегрируются в настоящее. Возникновение этого "сейчас" можно описать как процесс сегментации, который отделяет яркий временной объект от временного фона, который лишь слабо структурирован. Это может произойти, например, если мы переживаем музыкальный мотив не как последовательность изолированных звуковых событий, а как целостную временную фигуру. Психологический момент не является беспредельной точкой, но для таких существ, как мы, он обладает культурно инвариантной длительностью, максимум три секунды. Задача дать точную феноменологию временного опыта усложняется тем, что нам приходится описывать не только остров, но и текущую вокруг него реку. Особенность, которую концептуально так трудно понять, заключается в том, как мы можем сознательно переживать полноценное настоящее как встроенное в однонаправленный поток, опыт длительности. Существуют временные гештальты, острова индивидуально охарактеризованных "сейчас", но фон, на котором эти острова отделены, сам по себе не статичен: он обладает направлением. Субъективное время течет из прошлого в будущее, но в то же время позволяет нам подняться над этим потоком в непосредственности сознательного присутствия. С моей точки зрения, суть философской проблемы заключается в

том, что даже остров прозрачен, поскольку сквозь него всегда виден фон, от которого он отделен. Не только остров находится в реке, но в странном смысле река течет через сам остров. Феноменальное свойство, о котором идет речь, кажется наложенным на последовательный поток событий, который в то же время составляет его (см. также раздел 3.2.5).

Феноменальное присутствие как форма репрезентативного содержания *de puncto*

Давайте перейдем на репрезентационистский уровень описания, чтобы лучше понять ограничение презентабельности. Можно ли его анализировать как особый вид содержания? Да, потому что феноменальному содержанию присущ особый характер *de puncto*. Полное физическое описание вселенной не содержало бы информации о том, какое время "сейчас". Полное физическое описание Вселенной не содержало бы анализа времени как однонаправленного феномена. Первое, что следует отметить, вернувшись в перспективу от третьего лица, - это то, что физический мир "без времени", а также без будущего и без прошлого. Сознательное переживание времени - это симулятивный тип ментального содержания, который оказался полезным инструментом для определенного вида биологических организмов на определенной планете. Он был функционально адекватен для приблизительного моделирования временной структуры области каузального взаимодействия этого организма. Это не эпистемически оправданная форма содержания: то, что человеческие существа феноменально переживают сознание Сейчас, не позволяет сделать вывод, что на самом деле существует нечто вроде настоящего. Переходя к репрезентационистскому уровню описания, мы сначала обнаруживаем, что следующий анализ соответствует феноменологическому ограничению "присутствия": феноменальные процессы репрезентации порождают не только пространственную, но и временную

интернальность. Именно эта форма интернальности является симулятивной фикцией с точки зрения третьего лица (см. главу 2). Это не означает, что она не является весьма успешной и функционально адекватной фикцией. Информация, представленная феноменальными моделями реальности, всегда представляется субъекту опыта как актуальная информация. В разделе 2.4.4 я сформулировал для наиболее простых форм функционального феноменального содержания принцип презентационности. Простой феноменальный контент всегда является темпоральным контентом. Это означает, что оно всегда содержит временную информацию, и эта информация изображается как инвариантная: данное положение дел имеет место именно сейчас.

Активными феноменальными репрезентатами в этом отношении являются непропозициональные и субкатегориальные аналогии пропозициональных установок *de nunc*. Теперь мы видим, что принцип презентативности может быть обобщен на класс всех феноменальных состояний. Они привязаны к определенному способу презентации, поскольку их содержание обязательно является содержанием *de nunc*. Этот особый режим презентации уже был назван: его содержание может быть активировано только в виртуальном окне присутствия, поскольку он обладает определенными функциональными свойствами, тесно связывающими его с теми механизмами, с помощью которых организм генерирует свое собственное феноменальное Сейчас. Если кто-то заинтересован в эмпирическом сужении философского понятия "способ представления" для этого особого случая, то актуальны те научные исследования, которые дают нам новое представление о генерации окна присутствия человеческим мозгом. Сознательным коррелятом этого функционального свойства является феноменальное переживание мгновенной и одновременной данности определенных содержаний, а также их динамической эволюции в рамках текущего момента.

Окно присутствия как функциональное свойство

Порождение феноменального настоящего также может быть проанализировано как сложное информационно-вычислительное свойство. Вообще говоря, любая модель мира, основанная исключительно на данных, не позволяет делать явные предсказания во времени (Cruse 1999). Только дополнительные, рекуррентные сети позволят генерировать состояния, зависящие от времени. То есть любое явное представление времени в коннекционистской сети сделает необходимой функциональную архитектуру, которая включает в себя петли обратной связи и рекуррентные соединения. Представление "Сейчас" становится простейшей формой явного представления времени, как набор рекуррентных петель плюс определенная функция затухания.

Мы уже видели, что с эпистемологической точки зрения любая репрезентация также является симуляцией, а также что подлинно феноменальный вариант ментальной репрезентации может возникнуть только благодаря дальнейшему достижению системы. Важный аспект этого достижения состоит в дополнительной и непрерывной интеграции активных в данный момент ментальных содержаний, например, в глобальную модель реальности (см. следующий раздел). Особенность этой интеграции в том, что она происходит и в отношении временной области: определяя временные окна - то есть создавая внутреннюю, временную систему отсчета - на функциональном уровне, интенциональное содержание некоторых симуляций рассматривается так, как если бы оно было темпорально внутренним. Оно не только находится в мире (т. е. глобально доступно), но и в настоящем. Для системы становится доступной совершенно новая форма репрезентативного контента - "nowness" или темпоральная внутренность. Новое

функциональное свойство порождает новое репрезентативное свойство: способность внутренне моделировать временные свойства окружающей среды. Из этого краткого анализа следуют далеко идущие утверждения о функциональных свойствах феноменальных репрезентатов.

Очевидно, что кратковременная память будет находиться в центре любого когнитивно-функционалистского анализа ограничения презентативности феноменального содержания. Рабочая память сохраняет феноменальное содержание активным в течение некоторого времени; даже после того, как фактические стимулы исчезают из рецептивного поля, она помогает преодолеть задержки в обработке памяти и тем самым позволяет успешно решать определенные задачи. Формально можно легко представить кратковременную память как обладающую рекуррентной, "петлевой" или реверберационной структурой в сочетании с переменной функцией распада. Эмпирически существуют доказательства дополнительной доменной специфичности рабочей памяти (Courtney, Petit, Naхby, and Ungerleider 1998).

На функциональном уровне описания феноменальные репрезентаты должны быть именно теми состояниями, к которым постоянно обращается механизм, определяющий окно присутствия для соответствующего организма. К сожалению, генерация психологического момента - это процесс, очень богатый необходимыми предпосылками, о котором, без сомнения, у нас пока нет ничего, приближающегося к полному и аналитически убедительному пониманию. Во-первых, система должна создать элементарные репрезентации событий, определив окна одновременности на фундаментальном уровне. Все физические события, регистрируемые в пределах такого окна одновременности, отныне будут определяться как темпорально идентичные. Затем система рассматривает всю сенсорную информацию, полученную в пределах такого окна

одновременности, как единое событие. Таким образом, создается глобальная неразборчивость во временной области. Эрнст Пёппель (Pöppel 1972, 1978, 1985, 1994) и его коллеги (в частности, Ruhnau 1994a, b, 1995; Ruhnau and Pöppel 1991) в течение многих лет разрабатывали подробную гипотезу, утверждая, что в результате фазово-связанных колебательных процессов на очень фундаментальном уровне в системе возникают атемпоральные зоны, состояния системы, внутренне характеризующиеся "одновременностью". Открывая временные окна - в этом втором, но пока еще не феноменологическом смысле - информационно-процессорная система может сама для себя генерировать оперативное время: Квантуя свою обработку информации, она "поглощает" непрерывный поток физического времени на очень фундаментальном уровне своей внутренней модели мира. Генерация таких "элементарных единиц интеграции" (ЭЕИ; это терминология Пёппеля) может быть интерпретирована как процесс внутренней редукции данных: система удаляет информацию о своей собственной физической процессуальности, не определяя временные отношения между элементами, заданными в пределах такого базового окна одновременности. Используя философскую терминологию, физическая темпоральность реальных транспортных средств, участвующих в этом элементарном репрезентативном процессе, таким образом, больше не отражается на уровне их содержания. Тонкая структура физического времени становится невидимой для системы, превращаясь в прозрачную (см. раздел 3.2.7). Функциональное свойство носителя системно определяет его содержание. Физический временной интервал остается, но содержание соответствующих состояний системы полностью или частично теряет свои внутренние темпоральные свойства: Возникают репрезентативные атомы для временной области - элементарные единицы интеграции или EIU. Согласно этой гипотезе, такие элементарные события могут затем, на более высоком уровне репрезентации, быть представлены как

элементы последовательности. Интересно, что эмпирические данные показывают, что для человека несинхронность является необходимым, но еще не достаточным условием для формирования субъективного временного порядка. Знания о временных различиях в стимульной информации недостаточно, чтобы предсказать направление упорядочивания стимулов. Для отдельных сенсорных модулей существуют разные пороги одновременности, что обусловлено различиями в скорости их внутренней проводимости. Однако порог упорядочивания эквивалентен для всех сенсорных доменов. Поэтому, по-видимому, он представляет собой еще одну функцию в обработке временной информации, а именно первую из этих функций, действующую на супрамодалном уровне репрезентации. Если, как предполагает эта гипотеза, дополнительная интегративная функция формирует когерентные *Zeit-Gestalten*, то есть временные гештальты из элементов, которые уже темпорально упорядочены и теперь вносят вклад в общее содержание, то центральные необходимые функциональные ограничения для генерации феноменального Сейчас были удовлетворены. Согласно этой идее, как только трехсекундные сегменты такого рода образуют семантические цепочки через внутреннюю связь своих интенциональных содержаний, непрерывный поток беспрепятственно связанных психологических моментов возникает и на феноменальном уровне.

Нейронные корреляты окна присутствия

В плане деталей реализации известно очень мало. Эрнст Пёппель в ряде публикаций подчеркивал, что некоторые эмпирически хорошо документированные осцилляторные явления в мозге могут служить для обеспечения жесткого внутреннего ритма обработки внутренней информации путем генерации элементарных интеграционных единиц, упомянутых выше. Таким образом, этот механизм мог бы

реализовать функцию, которая индивидуализирует события с минимальным расстоянием в 30 мс таким образом, который охватывает различные модальности (и, следовательно, удовлетворяет другому очевидному ограничению для феноменальной репрезентации; см. раздел 3.2.4). Идея о том, что такая интеграция событий низкоуровневой репрезентативной системы в темпоральное переживание "реальности" длительностью не более трех секунд действительно имеет место, хорошо согласуется с большим количеством нейропсихологических данных по речевому производству, музыкальному восприятию, психофизике и контролю волевых движений. Кроме того, тот факт, что упомянутые эффекты, по-видимому, в значительной степени инвариантны в разных культурах, указывает на существование единого функционального коррелята для этого интегративного механизма. По этой причине не лишним будет надеяться на будущую локализацию тех нейронных структур, которые реализуют только что упомянутые функциональные свойства.

3.2.3 Интеграция в целостное глобальное государство

Ограничение 3 требует, чтобы отдельные феноменальные события всегда были привязаны к глобальному ситуационному контексту. Субъективный опыт, не только функционально и с точки зрения каузальной обоснованности агента в его внешнем поведенческом пространстве, но и на уровне его содержания, является расположенным процессом. Сознательные человеческие существа всегда являются феноменально расположенными существами (потенциальное исключение из этого правила см. в обсуждении акинетического мутизма в главах 6 и 8). Индивидуальные сознательные состояния в стандартных ситуациях всегда являются частью сознательной модели мира. И снова мы

можем перевести это третье ограничение на личностный уровень описания, сделав следующее утверждение: Если и только если человек сознателен, мир существует для него, и если и только если он сознателен, он может сделать факт фактического проживания в мире доступным для себя, когнитивно и как агент. Сознание - это *in-der-Welt-sein* ("бытие в мире"); оно делает глобальное местоположение доступным для агента. Начиная говорить таким образом, мы выделили не класс состояний, а класс систем по нашему третьему критерию приписывания сознательного опыта. Давайте рассмотрим третье ограничение - "ограничение глобальности" - с точки зрения всей системы, первого лица и феноменологии.

"Быть в мире": Неэпистемическая ситуативность

Сознательные системы работают в условиях интересного ограничения, которое я ввел, назвав его "автоэпистемической закрытостью". Оно определяется (а) существованием всеобъемлющей репрезентации реальности в целом и (б) тем фактом, что эта репрезентация не может быть распознана как репрезентация самой системой (это, как мы вскоре увидим, эпистемологическое прочтение ограничения 7, прозрачности феноменальных репрезентаций). Говоря иначе, в стандартных ситуациях и в перспективе от первого лица содержание феноменальных состояний всегда находится в мире - оно является частью моего мира (ограничение 6). Этот мир представлен в режиме наивного реализма. Очевидно, это не означает, что переживающая система должна обладать такими понятиями, как "мир", "реальность", "прошлое" или "будущее", то есть что только что упомянутые характеристики глобальности, расположенности и прозрачности должны быть ей когнитивно доступны. Поэтому я буду (ссылаясь на концепцию "неэпистемического видения"; см. Dretske 1969)

говорить о "неэпистемической расположенности", чтобы охарактеризовать прекоцептуальный характер этой формы феноменального содержания. Речь идет не о знании, а о структуре опыта.

Я - один человек, живущий в одном мире. Для большинства из нас это кажется самоочевидным и даже тривиальным фактом, который, однако, мы почти никогда прямо не констатируем и даже не подвергаем сомнению. Причина этого в том, что мы даже не можем представить себе альтернативные ситуации (они не являются "феноменально возможными" в том смысле, который был введен в главе 2). Для большинства из нас очевидной истиной является то, что мы никогда не переживали феноменальных состояний, в которых мы были многими людьми или существовали в нескольких параллельных мирах в одно и то же время. Только профессиональные философы или пациенты с тяжелыми неврологическими расстройствами, только люди, экспериментировавшие с большими дозами галлюциногенов, или несчастные пациенты, страдающие от синдрома "диссоциативного расстройства идентичности" (DID; см. нейрофеноменологический пример в разделе 7.2.4), могут иногда представить себе, что было бы, если бы числовая идентичность феноменального мира и единство самосознания были приостановлены. По вполне понятным эволюционным причинам в стандартных ситуациях большинство из нас не может осуществлять соответствующие ментальные симуляции (см. раздел 2.3). Просто слишком опасно играть в соответствующих областях феноменального пространства состояний. А то, что мы не в состоянии мысленно смоделировать, - это то, что мы не можем себе представить или вообразить. Если гипотеза нулевого мира, представленная в последней главе, верна, то очевидно, почему мы не можем добровольно сгенерировать приостановку феноменального представления нашего мира как численно идентичного: феноменальный мир как фиксированная референтная основа для всех возможных

симуляций должен быть в принципе неприкосновенным. Именно поэтому феноменальный мир и феноменальное "я" представляются нам не только численно идентичными, но и неделимыми - особенность нашей феноменальной архитектуры, которую Декарт в разделе 36 "Шестой медитации" использовал для построения сомнительного аргумента в пользу отдельности разума и тела. Я бы утверждал, что существует феноменальное свойство высшего порядка, соответствующее этому классическому понятию "неделимости" (Metzinger 1995с, р. 428). Это феноменальное свойство глобальной когерентности, и именно оно действительно лежит в основе большинства классических философских представлений о "единстве сознания".

Глобальная когерентность, осознанно переживаемая с позиции первого лица, имеет два важных феноменологических аспекта. Во-первых, есть то, что действительно когерентно: феноменальные события, как правило, плотно связаны между собой. Когда я перемещаюсь в своей собственной прожитой реальности, в своей сознательно пережитой модели мира, кажется, что почти все одновременно влияет на все остальное. Когда я хожу, переключаю зрительное внимание, тянусь к предметам или взаимодействую с другими людьми, содержание моих сенсорных и когнитивных состояний меняется, как содержимое высокоразмерного калейдоскопа, но при этом всегда сохраняется кажущаяся целостность и интегрированность общей картины. Наш сознательный опыт реальности внутренне скреплен неким принципом или механизмом, который сам по себе субъективно недоступен. Эта феноменальная связность моей прожитой реальности не имеет ничего общего с понятием связности в физике или логике. Скорее, она отвечает за лаконичный феноменальный холизм, который мы должны учитывать на концептуальном уровне. Второй аспект феноменального целевого свойства сознательно переживаемой глобальной когерентности - это аспект холизма.

Сознательная модель реальности не только высоко дифференцирована, но и полностью интегрирована в любой момент феноменального времени. Холизм - более богатое понятие, чем единство. Хотя мир, состоящий из дискретных, похожих на строительные блоки элементов, может быть единством, он никогда не сможет быть целым. Но моя реальность - это не игрушечный мир, состоящий из маленьких строительных блоков, это также прожитая реальность, части которой взаимодействуют квазиорганическим образом, в смысле оригинального немецкого понятия *Erleben*. Это конкретно переживаемое единство многообразия сопровождается множеством динамических отношений "часть-целое". Таким образом, дополнительный феноменологический аспект холизма или цельности, выходящий за рамки простого единства, проистекает из того, что различные аспекты, составляющие феноменальную модель реальности, являются не элементами, а частями этой реальности. Поэтому, если мы хотим разработать феноменологически реалистичное представление о единстве сознания, если мы хотим понять целостный характер нашего феноменального мира, переживаемого в перспективе от первого лица, нам придется принять его многоуровневую мерологическую структуру в качестве отправной точки нашего исследования.

Глобальность как репрезентативное свойство

На репрезентационистском и функционалистском уровнях описания приходится искать целостное глобальное состояние, возникающее в результате интеграции различных и постоянно меняющихся элементов феноменального процесса репрезентации в устойчивую, продолжающуюся надстройку. На репрезентативном уровне анализа существование глобального и всеобъемлющего

репрезентатума высшего порядка соответствует феноменологическому ограничению жизни в мире, точнее, жизни в единственном мире. Таким образом, быть сознательным означает просто репрезентативное обладание миром. Содержание сознания - это содержание модели мира (Yates 1985); точнее, это постоянное и динамичное "содержание" своего физического окружения. Если применить глобальность как феноменологическое ограничение при решении вопроса о том, что делает данную нейронную репрезентацию сознательной (см. Metzinger 2000с, рис. 20.1), то ответ будет таков: она должна быть интегрирована в активное в данный момент глобальное репрезентативное состояние: содержание всех активных в данный момент феноменальных репрезентаций преходяще встроено в репрезентативную структуру высшего порядка. В дальнейшем я буду называть эту репрезентативную структуру просто феноменальной "моделью мира" или феноменальной "реальностью-моделью" системы.

На репрезентативном уровне описания особый интерес представляют три аспекта этой модели мира: числовая идентичность изображаемой ею реальности, ее связность и постоянная динамическая интеграция отдельных содержаний, приводящая к этой связности. Разумеется, все эти три аспекта являются также важными аспектами классического философского вопроса о единстве сознания. Субъективное числовое тождество мира порождается переживанием одинаковости: транстемпоральная непрерывность и неизменность повторяющихся содержаний опыта, опосредованная возможностями памяти, приводит к устойчивому ощущению жизни именно в одном-единственном мире. Важно всегда помнить, что неразличимость в общем случае не тождественна числовой идентичности, это не знание, а просто ощущение. Если эта непрерывность содержания и минимальная степень инвариантности больше не могут быть представлены системой, то теряется именно этот аспект феноменального

опыта. Поэтому, чтобы объяснить феноменальное единство сознания как репрезентативный феномен, мы должны искать точку максимальной инвариантности содержания в сознательной модели реальности. Каково то репрезентативное содержание, которое демонстрирует наивысшую степень инвариантности в потоке сознательного опыта? Согласно существующей теории, его можно найти в определенных аспектах телесного самосознания и сознательного опыта агентства (см. раздел 5.4 и главу 6). В феноменальной модели реальности будет не только меняться градиент инвариантности (в смысле более или менее стабильных элементов эмпирического содержания), но и градиент когерентности (в смысле различных степеней внутренней интегрированности между такими элементами). Как мы видели в предыдущем разделе, целостность реальности, выходящая за рамки простого числового тождества, которое не может быть трансцендировано на уровне феноменального опыта, может быть описана как субъективная когерентность: Сознательно переживаемая реальность внутренне удерживается вместе принципом или механизмом, который сам по себе субъективно недоступен. Это конкретно переживаемое единство многообразия возникает вместе с множеством динамических отношений "часть-целое" (см. раздел 3.1 и ограничение 4). Дополнительные феноменологические аспекты целостности и связности, заменяющие простое единство, возникают в результате того, что компоненты, из которых строится феноменальная модель, находятся не в отношениях элементов, а в отношениях частей и целого к этой общей реальности. Третье общее ограничение на репрезентативные ресурсы любой системы, призванной активировать феноменальную модель мира, состоит, таким образом, в наличии гибкого механизма интеграции, способного выполнять операции разделения фигур и земли и связывания во многих различных модальностях и на разных уровнях гранулярности, тем самым непрерывно встраивая новые феноменальные содержания в глобальную модель

(Engel and Singer 2000; Metzinger 1995c). Еще одно функциональное ограничение для этого механизма заключается в том, что в очень большом большинстве случаев его работа будет недоступна для самого сознательного опыта. Возможно, было бы плодотворно интерпретировать возникновение сознательного эмпирического пространства в мозге биологического организма как обобщенный частный случай связывания признаков и формирования субсимволических объектов. Подобная унификация содержания общего репрезентативного пространства может быть достигнута только в том случае, если подмножество информации, действующей в системе, будет интегрировано в единый макрореферентатум. Если бы и на высшем уровне репрезентации мы обнаружили наиболее обобщенную форму формирования гештальтов и объектов, это показало бы, как может возникнуть унитарная сознательная модель реальности в системе. Такая репрезентативная структура высшего порядка была бы нетрансцендентна для самой системы, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, не было бы более крупной внутренней структуры данных, с которой ее можно было бы сравнить. Во-вторых, в силу того, что я назвал автоэпистемической закрытостью, она с необходимостью была бы представлена в режиме "прямой данности". То есть содержание глобальной модели мира неизбежно будет наделено еще одной иллюзорно-феноменологической характеристикой - видимостью эпистемической непосредственности, то есть непосредственного знания или наивного реализма. Я вернусь к этому вопросу при обсуждении феноменальной прозрачности, ограничение 7 (см. раздел 3.2.7).

В следующем подразделе мы увидим, что глобальная доступность (ограничение 1) была просто специальным

применением прописывания ограничения глобальности относительно функционалистского уровня описания. На нашем пути к систематическому каталогу концептуальных и эмпирических ограничений для более глубокого понятия феноменального опыта важно всегда помнить, что никогда не будет единой концепции сознания, которая могла бы стать своего рода окончательным результатом. Феноменальный опыт сам по себе является градуированным феноменом, имеющим множество различных разновидностей, интенсивностей и степеней внутренней сложности. Разные степени удовлетворения концептуальных ограничений будут давать разные концепции феноменального опыта, концепции, различающиеся по своей семантической силе. Поэтому интересно выяснить, каким на самом деле является самое слабое понятие сознательного опыта. Какова минимальная степень удовлетворения ограничений, необходимая для прочного понимания феномена? На первый взгляд может показаться, что концепция сознания - это кластерная концепция, набор в значительной степени неизвестных, перекрывающихся подмножеств достаточных условий без единого необходимого условия, которое можно было бы найти в качестве члена любого набора. Неужели все, что мы можем найти, - это теоретический прототип? Собственно говоря, обсуждение различных степеней глобальной доступности простого сенсорного содержания в главе 2 показало, как, например, человеческий цветовой опыт - это феномен, который перетекает из когнитивного в доступность внимания; имплицитное, сублиминальное восприятие; и слепое зрение. Однако, принимая феноменологию первого лица всерьез, важно отметить, что первые два ограничения - активация в пределах окна присутствия и интеграция в целостное глобальное состояние - скорее всего, являются единственными двумя кандидатами на строго необходимые условия. Они могут помочь нам прийти к минимальному понятию феноменального опыта. Поэтому кратковременная память и глобальная интеграция будут лежать в основе любой эмпирической теории сознания.

Почему? Если содержание постулируемой здесь интегрированной репрезентативной структуры высшего порядка представлено в окне присутствия, генерируемом системой, мы можем впервые начать понимать, что означает возникновение опытной реальности для системы. Активация в рамках самогенерируемого окна присутствия наделяет модель мира дополнительным качеством временной непосредственности. Результирующее репрезентативное содержание будет феноменальным присутствием глобального целого, мира, данного в один психологический момент, сиюминутной реальностью. Если я прав, утверждая, что ограничения 2 и 3 являются двумя наиболее общими ограничениями в концептуализации сознательной репрезентации, что они фактически являются необходимыми условиями для любого вида сознательного опыта, то это дает нам самое слабое из возможных понятий сознания: сознание - это активация интегрированной модели мира в пределах окна присутствия. Феноменологически говоря, сознание - это просто "присутствие мира". Однако, чтобы понять, как репрезентативные содержания кратковременной памяти и репрезентативные содержания модели мира могут превратиться в непередаваемую видимость присутствия реального мира, мы должны применить еще одно ограничение: ограничение 7, ограничение прозрачности. Поэтому я возвращаюсь к вопросу о минимальном понятии сознания в конце раздела 3.2.11.

Генерация мира как информационно-вычислительная стратегия

Одной из основных функций осознанного опыта может быть построение заключительной фазы в процессе сокращения информации, данных и неопределенности, возникающих в жужжащей и цветущей путанице внешнего мира. Как

наглядно продемонстрировали недавние исследования бистабильных явлений (например, см. Leopold and Logothetis 1999), если через сенсорные модули даются две несовместимые интерпретации ситуации, то осознанно переживаться может только одна. Поэтому создание единой и согласованной модели мира - это стратегия, направленная на уменьшение двусмысленности. В то же время это приводит к сокращению объема данных: количество информации, непосредственно доступной системе, например для выбора моторных процессов или сознательного управления вниманием, минимизируется, и тем самым для всех механизмов, работающих с феноменальной моделью мира, снижается вычислительная нагрузка.

Во-вторых, если мы предполагаем существование механизмов, отбирающих нефеноменальные репрезентации, уже активные в системе, и встраивающих их в сознательную модель мира, то общая избирательность и гибкость системы повышается благодаря их сотрудничеству, поскольку система теперь может реагировать на эту информацию множеством различных способов. Для быстрых и жестких паттернов реакции, например, в области автоматических моторных реакций или в чисто салиенс-ориентированном, низкоуровневом внимании, нет абсолютной необходимости в том, чтобы функционально релевантная информация, уже активная в системе, также была частью ее высокоуровневой модели мира. Однако если эта информация критически важна, так как должна быть доступна для многих механизмов одновременно, и если она должна постоянно отслеживаться и обновляться, то ее интеграция в текущую модель мира будет стратегическим преимуществом.

Третий аспект, возможно, наиболее интересен на вычислительном уровне описания. Я описал его в главе 2 как гипотезу нулевого мира: сознание необходимо для планирования. Если система должна развивать когнитивные

способности, такие как планирование будущего, память или моделирование возможных миров в целом, ей нужен фон, на котором могут происходить такие операции. Если внутренне смоделированные миры должны сравниваться с реальным миром, чтобы можно было рассчитать расстояние между ними и мысленно смоделировать и оценить возможные пути из реального мира в другой глобальный ситуационный контекст, то системе нужна эталонная модель реального мира как реального мира. Эта эталонная модель реального мира должна быть для системы нетрансцендентной, чтобы она никогда не заблудилась в своих собственных симуляциях. Это, или так я утверждаю, является основной причиной того, что феноменальная модель реальности активируется в пределах окна присутствия (ограничение 2) и ее прозрачности (ограничение 7). Аргумент в пользу этой гипотезы состоит в том, что существование симуляции мира, отмеченной как актуальная, является просто необходимым условием для альтернативной симуляции мира, ссылающейся на этот внутренне сгенерированный мир в ходе последующих процессов оценки. Отмечу, что в пользу необходимости такой прозрачной информационной структуры высшего порядка можно привести не только феноменологический и репрезентационистский, но и нейрокомпьютерный аргумент. Конечно, на более позднем этапе и на таком уже существующем фоне возможные миры можно сравнивать с возможными мирами, а возможные стратегии действия - с возможными стратегиями действия. Тем не менее, наивный реализм был первым и абсолютно необходимым шагом для того, чтобы сделать разницу между реальностью и симуляцией когнитивно доступной для системы на последующих этапах. Феноменальный вариант моделирования мира достигает этой цели элегантно и надежным способом.

"Быть в мире" как функциональное свойство

Функционалистское прочтение нашего третьего ограничения таково: феноменальные репрезентаты, в силу концептуальной необходимости, оперируют интегративной функцией высшего порядка. В другом месте я ввел спекулятивную концепцию, концепцию связывания высшего порядка, короче говоря, "НОВ" (Metzinger 1995e). Эта концепция была самой первой и предварительной попыткой обозначить важное объяснение, необходимую цель исследования для эмпирических наук о разуме, вытекающую из многовековых философских исследований единства сознания, понимание которого жизненно важно для любой теории феноменального опыта (недавнее переформулирование исходного набора предположений с нейробиологической точки зрения см. в Engel and Singer 2000). Очевидно, что функциональное решение механизмов перцептивного и когнитивного связывания будет лежать в основе теорий, пытающихся удовлетворить представленное здесь ограничение. Однако важно отметить, что существует множество различных видов связывания, и не все они имеют отношение к сознанию (отличный обзор см. в Cleeremans 2002). Интеграционные процессы происходят на многих феноменальных и нефеноменальных уровнях обработки информации, и поэтому может возникнуть необходимость в дифференциации и различении связывания, связанного с сознанием, и связывания, связанного со стимулом (Revonsuo 1999). Интересно, что все, что уже было сказано в отношении ограничения 1, справедливо и в отношении содержания феноменальной модели мира. Другими словами, ограничение 1, которое я использовал в качестве первого примера концептуального ограничения на протяжении всей главы 2, теперь раскрывается как одна из возможных функционалистских интерпретаций нашего феноменологического ограничения 3. Репрезентативные состояния после интеграции в феноменальную модель мира могут взаимодействовать с очень большим числом

специализированных модулей в очень короткие периоды времени и гибко, с учетом контекста, тем самым повышая адаптивную гибкость поведенческого профиля системы. Чем больше информации в сознании, тем выше степень гибкости и контекстной чувствительности ее реакций на окружающую среду, потому что множество различных функциональных модулей теперь могут получать доступ к этой информации и использовать ее напрямую, чтобы дифференцированно реагировать на вызовы со стороны окружающей среды. Если верно, что сознательная модель мира - это холон высшего порядка (Koestler 1967; Metzinger 1995b), то интересный способ его функционального анализа - это двустороннее окно, через которое окружающая среда влияет на части, и через которое части общаются как единое целое с остальной частью вселенной (Allen and Starr 1982). Это справедливо и для холонов низшего порядка: они являются функциональными дверями между частями внутренней структуры и остальной вселенной. Механизмы, генерирующие глобальную когерентность, могут также иметь весьма интересные последствия с точки зрения "нисходящей" причинно-следственной связи между целыми частями (обратите внимание, что в холистической модели обработки информации предикат "нисходящий" соответствует только уровню описания, а не онтологической иерархии). Рассматриваемая как целостная функциональная структура, осознанная модель реальности будет задавать глобальные макроограничения, влияющие на развитие микровзаимодействий, как бы "порабощая" их своей общей динамикой. Это может стать важным моментом в понимании некоторых психических расстройств, конфабуляций и некоторых видов галлюцинаторной активности (см. главы 4 и 7). Однако этот вопрос, очевидно, должен быть решен на экспериментальном, а не на концептуальном уровне.

Вводя ограничение глобальности на феноменологическом уровне описания в начале этого раздела, я подчеркивал, что только существа с единой, осознанной моделью мира могут

сделать доступным для себя факт принадлежности и жизни в более всеобъемлющей, но единой реальности. Следует отметить, что обладание интегрированной моделью мира также приводит к появлению множества дополнительных функциональных возможностей. Только если у вас есть субъективный опыт присутствия в мире прямо сейчас, вы можете начать воспринимать понятие единой реальности. Различие между реальностью и явлением становится доступным как в attentionном, так и в когнитивном плане: вы можете начать мысленно формировать представления о мире как о едином целом, и вы можете начать направлять свое внимание на различные аспекты или части этого целого, представляя их как части реальности. И это также может быть причиной того, почему феномен осознанного опыта кажется большинству из нас столь важным. Сознательный опыт впервые позволяет организму взаимодействовать с внешней реальностью в рамках внутренней репрезентации этой реальности как единого и связного целого. С сугубо философской, эпистемологической точки зрения это предположение о единой, унифицированной реальности может быть необоснованным. Но в ходе естественной эволюции на нашей планете оно оказалось функционально адекватным, поскольку позволило биологическим системам "быть в мире", развить большое разнообразие последующих функциональных возможностей, оперирующих феноменальной моделью мира, включая новые и весьма успешные способы представления себя как части этой реальности (см. разделы 6.2.2 и 6.2.3).

Нейронные корреляты глобальных интегративных функций

Если мы хотим понять единство сознания с эволюционной точки зрения, как исторический процесс, то функциональное единство организма, расположенного в своей экологической

нише, будет иметь центральное значение (Brinck and Gärdenfors 1999, p. 94). Феноменальное единство сознания, однако, будет зависеть исключительно от свойств мозга в каждый конкретный момент времени. В настоящее время не существует детальных теорий относительно возможных нейронных коррелятов, в частности минимально достаточного коррелята для появления целостной, сознательной модели мира. Однако существует ряд интересных умозрительных гипотез, например, гипотеза Ганса Флора о потенциальной роли комплекса NMDA-рецепторов в достижении крупномасштабных интеграций текущей активности (дополнительные ссылки и недавнее обсуждение его теории см. в Flohr 2000; Franks and Lieb 2000; Hardcastle 2000; and Andrade 2000). Основная интуиция этого подхода заключается в изучении механизма действия, общего для разных анестетиков, то есть в изучении условий, при которых феноменальный опыт в целом исчезает и появляется вновь. Второй важный момент заключается в том, что ограничение глобальности, которое я только что сформулировал для разных уровней описания, применимо к двум принципиально разным классам феноменальных состояний: к сну (см. раздел 4.2.5) и к состояниям бодрствования. Во сне, как и в обычные фазы бодрствования, система работает в рамках одной единственной, более или менее согласованной модели мира, в то время как ее глобальные функциональные свойства сильно различаются. Родольфо Линас и его коллеги давно подчеркивали, что одной из наиболее плодотворных стратегий в поисках нейронного коррелята сознания (НКС) будет "вычитание" определенных глобальных свойств модели мира бодрствования из модели мира сновидений, что позволит прийти к общему нейрофизиологическому знаменателю или к глобальным функциональным состояниям, которые в принципе эквивалентны между феноменальным опытом во время REM-сна и бодрствования (Llinás and Paré 1991, p. 522 и далее). Как выяснилось, определенные аспекты таламокортикальной системы могут представлять собой

именно такой функциональный и нейрофизиологический общий знаменатель для обоих видов феноменального моделирования реальности. Интуиция, лежащая в основе этой программы нейронаучных исследований, имеет отчетливый философский привкус: то, что мы называем бодрствованием, - это форма "онлайн-сновидения". Если существует функциональное ядро, общее для обоих классов глобальных состояний, то осознанное бодрствование было бы просто сновидческим состоянием, которое в данный момент модулируется ограничениями, создаваемыми конкретными сенсорными входами (Llinás and Ribary 1993, 1994; Llinás and Paré 1991). Конкретным кандидатом на глобальную интегративную функцию, предложенным Ллинасом и коллегами, является ростокаудальный 12-минутный фазовый сдвиг 40-герцовой активности, связанный с синхронной активностью в таламокортикальной системе, модулируемой стволом мозга (наиболее подробное изложение таламокортикальной модели Ллинаса можно найти в Llinás and Paré 1991, p. 531; см. также Llinás and Ribary 1992; Llinás, Ribary, Joliot, and Wang 1994; Llinás and Ribary 1998; Llinás, Ribary, Contreras, and Pedroarena 1998). В модели, предложенной Ллинасом и его коллегами, сознательная модель реальности сначала строится из активности неспецифической системы, генерирующей внутренний контекст, который затем возмущается внешними входами, при этом постоянно интегрируя новые и специфические формы репрезентативного содержания, связывающие систему с внешним миром в состоянии бодрствования.

Стратегия подхода к ограничению глобальности путем исследования глобально когерентных состояний (как первоначально было предложено в Metzinger 1995e) приводит к новому способу определения целей исследования в вычислительной нейронауке (например, см. von der Malsburg 1997). Однако следует отметить, что глобальная когерентность как таковая - это то, что мы также находим в

эпилептических припадках, и что на самом деле необходима теоретическая модель, позволяющая находить глобальные нейронные свойства, демонстрирующие высокую степень интеграции и дифференциации одновременно (см. также следующее ограничение в следующем разделе). Одно из наиболее общих феноменологических ограничений для любой теории сознательного опыта заключается в том, что она не только сталкивает нас с высокоинтегрированным типом репрезентативной динамики, но и высокодифференцированным. Целевой феномен предстает в немыслимо большом количестве различных форм содержания и сенсорных нюансов. Подход, отвечающий ограничению глобальности, должен предложить теоретическую базу, включающую концептуальные инструменты для одновременного отражения их целостности и внутренней сложности сознания. Джеральд Эдельман и Джулио Тонони отмечают, что способность различать большой репертуар возможностей - которая является одной из наиболее заметных особенностей сознательного опыта - явно представляет собой информацию в классическом смысле "уменьшения неопределенности". Субъективный опыт в его дискриминативной структуре не только высоко информативен, но и делает эту информацию каузально релевантной, делая ее доступной для речи и рационально направляемых действий. Таким образом, можно сделать вывод, что нейронным коррелятом глобальной, осознанной модели мира должен быть распределенный процесс, который можно описать как реализацию функционального кластера, сочетающего высокую силу внутренней корреляции между его элементами с наличием четких функциональных границ. Эдельман и Тонони назвали это "гипотезой динамического ядра" (см. Tononi and Edelman 1998a,b; Edelman and Tononi 2000a; полное популярное изложение см. в Edelman and Tononi 2000b). Гипотеза гласит, что любая группа нейронов может вносить непосредственный вклад в осознанный опыт только в том случае, если она является частью распределенного функционального кластера, который,

благодаря реентрантным взаимодействиям в таламокортикальной системе, достигает высокой степени интеграции за сотни миллисекунд. В то же время необходимо, чтобы этот функциональный кластер обладал высокими показателями сложности. Эдельман и Тонони разработали формальный инструмент для оценки этого свойства: индекс функциональных кластеров (CI). Преимущество этого инструмента в том, что он позволяет точно концептуально определить относительную силу причинно-следственных взаимодействий внутри подмножества элементов по сравнению с взаимодействиями между этим подмножеством и остальными элементами, действующими в системе (см. Tononi, Sporns, and Edelman 1996; Tononi et al. 1998; краткие обзоры см. в Tononi, Edelman, and Sporns 1998; Edelman and Tononi 2000b, p. 121 ff.). Значение CI, близкое к 1, показывает, что подмножество каузально активных элементов настолько же взаимодействует с остальными элементами системы, насколько они взаимодействуют между собой. Однако появление кластерных индексов, превышающих 1, указывает на присутствие функционального кластера, то есть островка того, что философ мог бы назвать "повышенной каузальной плотностью" в физическом мире. Этот остров причинной плотности образован определенным подмножеством нейронных элементов, которые сильно связаны между собой, но лишь слабо взаимодействуют со своим локальным окружением внутри системы. Применение меры CI к нейронной динамике сознательного человеческого мозга позволяет нам определить и идентифицировать количество функциональных кластеров, существующих в системе в настоящее время, кластеров того, что я назвал "каузальной плотностью", которые не могут быть разложены на независимые компоненты. Такой взгляд на ограничение глобальности на нейронном уровне интересен с философской точки зрения по ряду причин. Во-первых, он предлагает концептуальный инструмент, позволяющий четко описать сосуществование высокой степени дифференциации и

изменчивости с высокой степенью интеграции, требуемой более теоретическими ограничениями, разработанными на феноменологическом и репрезентативном уровнях описания. Во-вторых, он делает предсказание, что любая система, работающая в рамках осознанной модели реальности, будет характеризоваться наличием одной единственной области максимальной каузальной плотности в ее механизмах обработки информации. Иметь интегрированную, глобально когерентную модель мира означает создать глобальный функциональный кластер, то есть остров максимальной каузальной плотности внутри собственной репрезентативной системы. Этот подход понравится философским функционалистам, поскольку он предлагает специфическое и глобальное функциональное свойство ("свойство машины"), которое может соответствовать глобальному феноменальному свойству единства сознания. Короче говоря, то, что вы субъективно ощущаете, переживая свой мир как целостный, - это высокая сила внутренней корреляции между подмножеством физических событий в вашем собственном мозге. В-третьих, интересно отметить, что большая группа нейронов, составляющих динамическое ядро в мозге организма, который в данный момент наслаждается интегрированной сознательной моделью реальности, скорее всего, будет отличаться в каждый отдельный момент. Физический состав состояния ядра будет меняться от миллисекунды к миллисекунде. В любой момент времени будет существовать один глобальный, минимально достаточный нейронный коррелят сознания, но в следующее мгновение этот коррелят уже изменится, поскольку кластер сознания представляет собой лишь функциональную границу, которая может легко переходить анатомические границы от мгновения к мгновению. Глобальный остров максимальной каузальной плотности, если читатели допустят такое метафорическое описание, не прикреплен прочно к каменному дну физического мира. Он сам находится на плаву, как бы паря над непрекращающейся деятельностью мозга, как паттерн более высокого порядка. В-

четвертых, необходимо отметить, что информационное содержание динамического ядра в гораздо большей степени определяется внутренней информацией, уже действующей в системе, чем внешними стимулами. Этот момент также представляет философский интерес. Как и в модели Ллинаса, возникает общая картина того, что сознательная модель реальности является, по сути, внутренней конструкцией, которую нарушают только внешние события, заставляя ее переходить во все новые стабильные состояния. Эта общая модель, по крайней мере, эвристически плодотворна, поскольку позволяет нам понять, как множество изолированных функциональных кластеров может сосуществовать с глобальной, сознательной моделью реальности, оставаясь при этом поведенчески релевантными. Она позволяет нам понять, как определенные формы репрезентативного содержания могут быть активны в системе, не будучи интегрированными в ее сознательную модель реальности. Давно известно, что нейронные корреляты новых решений для новых проблем, задач, к которым еще нужно подойти осознанно, обычно широко распространены в мозге, но, с другой стороны, чем автоматичнее, быстрее, точнее и неосознаннее становится процедура решения определенного типа проблем, стоящих перед организмом, тем более локализованными становятся и нейронные корреляты. Хорошим способом интерпретации этих данных является описание соответствующего паттерна активации как "функционально изолированного". Другими словами, для выученных бессознательных действий, таких как завязывание шнурков, езда на велосипеде и т. д., сначала стать бессознательными означает потерять чувствительность к контексту, гибкость и непосредственную доступность для внимания и познания. Это новый способ описания того, что означает "выпадение из осознания": отдельные функциональные кластеры встраиваются в глобальную, осознанную модель реальности до тех пор, пока они должны оставаться глобально доступными для внимания и познания, пока они представляют собой новые задачи и решения,

которые еще предстоит оптимизировать, и являются частыми объектами распределения вычислительных ресурсов. Как только эта цель будет достигнута, они больше не должны быть встроены в глобальный, распределенный набор нейронных событий, которые в настоящее время вносят вклад в сознательный опыт. На самом деле, один из элегантных способов поиска нейронных коррелятов сознания обычно заключается в изучении коррелятов определенной сознательной способности, пока она постепенно "выпадает из сознания" (см., например, Raichle 1998). Короче говоря, в системе может быть множество функциональных пучков - отдельных и эпизодически неделимых, интегрированных нейронных процессов, - и, как правило, в основе текущей сознательной модели мира лежит один-единственный, самый большой остров с максимальной каузальной плотностью. Все они вносят свой вклад в общий интеллект системы. Тем не менее, остается философский вопрос о том, что именно превращает один из этих кластеров в субъективный мир, в котором живет организм. Можно предположить, что в любой момент времени таким кластером обычно является самый большой функциональный кластер (особое мнение см. в Zeki and Bartels 1998). Однако остается вопрос, как такой кластер привязывается к индивидуальной перспективе от первого лица, к представлению самой системы и тем самым становится действительно субъективной глобальной моделью реальности (см. ограничение перспективности в разделе 3.2.6 на сайте и в главе 6). Развиваемая здесь теория предсказывает, что внутри глобального функционального кластера, описанного Тонони и Эдельманом, обычно существует один и только один субкластер (Я-модель организма; см. раздел 6.2.1) и что этот субкластер сам по себе обладает областью наибольшей инвариантности, коррелирующей с функциональной активностью в верхней части ствола мозга и гипоталамусе.

3.2.4 Конволютивный холизм

Развивая ограничение глобальности в предыдущем разделе, мы увидели, что за классической проблемой единства сознания стоит более глубокая феноменологическая проблема, касающаяся не только сознательного опыта глобальной сингулярности и одинаковости, но и глобальных феноменальных свойств переменной когерентности и холизма. Однако, кроме того, когерентность и холизм обнаруживаются не только на самом полном уровне феноменального содержания, на уровне сознательной модели мира; они обнаруживаются на целом ряде "субглобальных" уровней анализа. Кроме того, как гласит ограничение 4, феноменальные целостности не сосуществуют как изолированные сущности, а предстают как гибкие, вложенные паттерны или многослойные эмпирические гештальты. Они образуют мерологические иерархии. Вложенность (или "свернутость") - это свойство любой иерархической системы, в которой сущности меньшего масштаба заключены в сущностях большего масштаба (Salthe 1985, p. 61). Сознательный опыт сам по себе может быть описан как феномен, обладающий иерархической структурой, например, состоящий из репрезентативных, функциональных и нейробиологических сущностей, которые можно отнести к иерархии уровней организации. Это понимание позволяет нам разработать дальнейший набор суб-ограничений.

Феноменология встроенных целых

Давайте рассмотрим парадигматические примеры феноменального холизма. Самый низкий уровень, на котором мы обнаруживаем интеграцию признаков в репрезентативную единицу, обладающую такими глобальными свойствами, как холизм, - это уровень формирования перцептивных объектов. Сознательно

воспринимаемые, доступные вниманию объекты являются сенсорными целыми, даже если они еще не связаны с концептуальными структурами или структурами памяти. Вторым парадигматическим примером целостной, связной формы содержания является феноменальная самость. В стандартных ситуациях сознательно переживаемое "я" образует не только единство, но и единое целое. Как мы знаем из изучения психических расстройств и измененных состояний сознания, его внутренняя согласованность обладает значительной вариативностью (см. некоторые примеры в главе 7). Третий уровень, на котором мы обнаруживаем феноменальное свойство холизма, - это сложные сцены и ситуации: интегрированные массивы объектов, включая отношения между ними и неявную контекстуальную информацию. Визуально воспринимаемая, предварительно сегментированная сцена - например, красивый пейзаж, на который вы смотрите, - или сложная мультимодальная сцена, включающая определенный социальный контекст - например, сознательный опыт наблюдения за дискуссией на семинаре на философском факультете - вот еще примеры феноменального холизма. Кратковременные интеграции между субъектом и объектом в сознательном представлении, феноменальный опыт того, что Антонио Дамасио называет "самостью в акте познания", - еще один парадигматический феноменологический пример кратковременно возникающего интегрированного целого (я представляю некоторые новые концептуальные инструменты для анализа этой специфической формы содержания в разделе 6.5). Объекты и "я" интегрируются в сцены и ситуации, как и различные последовательности "я в акте познания". То есть мы видим, как перцептивные гештальты органично связываются во все более богатые и сложные формы эмпирического содержания. Назовем эту особенность "уровнями феноменальной гранулярности".

Однако всего этого было бы недостаточно, чтобы считать присутствие прожитым моментом. Интересно посмотреть,

как ограничение когерентности также применимо к нашему второму ограничению - активации в окне присутствия. Во-первых, необходимо отметить, как все эти интегрированные и вложенные формы целостного содержания связаны в феноменальное настоящее: с точки зрения первого лица все эти вложенные феноменальные целостности всегда переживаются как сейчас, и все, что было сказано в разделе 3.2.2 на сайте о формировании временного гештальта, также применимо. Единый прожитый момент, конкретное настоящее, опять же не может быть адекватно описан как пучок признаков, набор элементов или последовательность атомарных микрособытий. Устанавливая временные границы того, что становится субъективным Сейчас, каждый прожитый момент становится тем, что феноменологически можно описать как "мир в себе". Важно отметить, что все остальные формы целостного сознательного содержания, о которых шла речь до сих пор, всегда интегрированы в это эмпирическое настоящее. Существуют различные виды отношений встраивания (пространственные, перцептивные и т. д.), но интеграция в феноменально переживаемую часть кратковременной памяти вполне может быть наиболее фундаментальным и общим из этих отношений встраивания. Как ограничение, оно выполняется на всех уровнях феноменальной гранулярности.

Поэтому для понимания ограничения свернутого холизма нам необходим анализ самого феноменального свойства и более детальное описание различных видов отношений встраивания, то есть аспекта феноменальной свернутости. Начнем с глобального холизма, вернувшись к сознательной модели мира в целом. Пока мы можем сказать следующее: Феноменологически сознательный опыт состоит в непередаваемом присутствии мира, в терминах всеобъемлющего и всеохватывающего целого. За некоторыми исключениями, информация, отображаемая в этом целом, глобально доступна для познания, направленного внимания и волевого управления действиями. Но что именно означает

говорить о "целостности"? Холизм означает, что на концептуальном уровне мы не в состоянии адекватно описать те аспекты единицы опыта, которые могут быть субъективно выделены как изолированные элементы внутри множества. Это важное концептуальное ограничение для любой серьезной нейрофеноменологии. Если анализировать такие субрегионы или различимые аспекты в потоке феноменального опыта только как отдельные компоненты класса, то упускается одна из наиболее существенных характеристик сознательного опыта. Не существует деконтекстуализированных атомов. Отношения между этими аспектами или субрегионами являются мерологическими отношениями. На более низких уровнях феноменальной гранулярности различные аспекты могут быть связаны в различные низкоуровневые целостности (различные цвета или запахи могут принадлежать к различным перцептивным объектам), но в конечном итоге все они являются частями одного и того же глобального целого. Есть и вторая, тесно связанная с этим особенность, которая не может быть описательно схвачена ни одной из форм концептуального модуляризма или атомизма. Эта особенность заключается в субъективно переживаемой силе интеграции, сопровождающей это отношение. Позвольте мне назвать это феноменальной репрезентацией силы внутренней корреляции. Эта субъективно доступная сила интеграции изменчива, она не является делом "все или ничего", как признак, либо принадлежащий к определенному набору, либо нет. Существует неизвестный механизм, совершенно недоступный с точки зрения первого лица, с помощью которого на доконцептуальном и доаттентивном уровне постоянно и автоматически формируются сознательно переживаемые отношения "часть-целое". Этот механизм явно сильнее и фундаментальнее, чем тот, который лежит в основе когнитивных процессов в терминах классовых образований и ментальных предикаций. Действительно, эмпирически правдоподобно предположить, что даже ментальная репрезентация нехолистических форм содержания

использует холистические нейронные "транспортные средства" в качестве физических носителей этого содержания (см. von der Malsburg 1981, 1997). Давайте во второй раз начнем исследование этой интересной характеристики с рассмотрения самой большой и всеобъемлющей формы феноменального содержания из существующих: сознательной модели мира.

Ощущать мир - это нечто иное, чем мыслить его. Мир, состоящий из дискретных элементов, похожих на строительные блоки, - "аналитическая модель мира" - может представлять собой единство, но никогда не будет целым. Все сознательно доступные части моего мира органично интегрированы в эмпирическое содержание высшего порядка, глобальный гештальт. Наш феноменальный мир - это не элементарный мир из строительных блоков, не вселенная Lego, поскольку он обладает органической структурой; его правильнее было бы охарактеризовать как квазижидкую сеть. В любой момент я могу направить свое интроспективное осознание на это свойство моего мира; тот факт, что он обладает гибкой мерологической структурой, безусловно, доступен для внимания и познания. Однако то, что не поддается ни когнитивному, ни аттентивному проникновению, - это механизм, порождающий это загадочное качество. Этот механизм также недоступен для воления. Как мы уже видели, действуя исключительно в перспективе первого лица, невозможно сознательно разделить или растворить мое собственное глобальное эмпирическое пространство или мою собственную феноменальную идентичность. С другой стороны, существует пресементация и избирательность на уровне сенсорного сознания. Интересно отметить, что в целом познание начинает работать на уровне пресементированных единиц, потому что сознательно переживаемое знание о значении таких единиц начинается только на этом уровне. Каждая значимая целостная единица открывает окно к семантическому знанию (Revonsuo 1999, p. 179). На

феноменальном уровне описания также важно отметить, что преаттентивная, преволевая, прекогнитивная интеграция перцептивных объектов является автоматическим процессом. Объяснить конституирование таких феноменальных объектов "сверху вниз" было бы невозможно, поскольку это создало бы хорошо известную проблему гомункулуса. Субъект должен был бы уже знать соответствующие свойства объекта, иначе он не смог бы их интегрировать. Таким образом, нисходящая модель феноменально переживаемого холизма была бы круговой, поскольку она предполагает то, что должно быть объяснено.

Почему этот холизм является свернутым холизмом? Конкретно переживаемый холизм нашего феноменального многообразия проявляется одновременно с множеством динамических (ограничение 5) отношений "часть-целое". Дополнительная мерологическая структура сознательного опыта создается компонентами, из которых складывается феноменальная модель реальности, стоящими не в элементарных отношениях друг к другу, а в иерархических отношениях "часть-целое" (обратите внимание, что могут существовать и горизонтально переплетенные или круговые иерархии). Этот момент был кратко затронут ранее. Мы уже сталкиваемся с феноменальным холизмом на уровне конституирования перцептивных объектов, поскольку такие свойства, как цвета, края и поверхности, впервые интегрируются в целостное восприятие на этом уровне. Однако сами эти объекты не только отделены от фона, но и встроены в сложные сцены и мультимодальные ситуации. Такие ситуации вполне могут быть возможными ситуациями. Текущие феноменальные симуляции возможных действий или альтернативного, потенциального контекста во многих случаях мягко накладываются на восприятие. Для философского анализа это означает, что то, что в прежние времена философы могли называть "общим единством феноменального многообразия", сегодня должно быть переформулировано на целом ряде различных

феноменологических уровней гранулярности.

Феноменальное ограничение, которое я назвал "свернутым холизмом", таким образом, является обогащением ограничения глобальности. Оно сразу же порождает сильные концептуальные ограничения для репрезентативного анализа, а также имеет сильные следствия для необходимых функциональных свойств репрезентативных "транспортных средств", используемых системой сознания. Однако прежде чем перейти к уровням описания от третьего лица, позвольте мне коротко отметить, что текущее ограничение не может считаться необходимым условием для приписывания сознательного опыта в целом.

В отличие от ограничений презентационности и глобальности, представленных в двух предыдущих разделах, можно представить себе существование сознательной системы, которая наслаждается присутствием мира, но для которой этот мир состоит только из одного, единственного и интегрированного восприятия (например, исключительно феноменального образа своего тела, еще не закодированного как образ собственного тела). Она будет обладать нецентрированной, максимально простой моделью реальности. Для такой системы феноменальный холизм был бы конкретной структурной особенностью ее субъективного опыта, но это не был бы свернутый холизм. Не было бы даже самого фундаментального из мыслимых разбиений пространства репрезентативных состояний - границы "я-мир" (см. разделы 6.2.2 и 6.2.3). Таким образом, сложная мерологическая структура, типично характеризующая человеческое сознание, является существенным обогащением нашего целевого феномена, но не необходимым феноменологическим условием в целом.

Конволютный холизм как свойство репрезентативности

Для того чтобы иметь богатый субъективный опыт, не обязательно уметь мыслить. Формирование ментальных концептов не является необходимым условием для феноменальной репрезентации, поскольку она в основе своей основана на динамической самоорганизации механизмов прекоцептуальной интеграции. Можем ли мы прийти к удовлетворительному репрезентативному анализу эмпирического холизма? Какого рода содержание является холистическим содержанием? Каким-то образом эта яркая феноменологическая особенность - динамическая ассоциация, связывающая различные содержания сознания на множестве уровней гранулярности большим количеством непрерывно меняющихся отношений "часть-целое" - должна быть отражена на уровне глубинной репрезентативной структуры и лежащих в ее основе функциональных механизмов. Если наши феноменологические наблюдения верны, то сознательная модель реальности в целом предстает перед нами в формате целостной информации. То, что мы переживаем, - это не только конкретные содержания, но и формат, в котором они представлены. Формат - это набор абстрактных свойств, относящихся к определенному классу структур данных. Поэтому на уровне математического моделирования должен существовать четко очерченный, дискретный набор абстрактных свойств, с помощью которых этот холизм может быть проанализирован и эмпирически объяснен. Одним из таких абстрактных свойств, например, может быть константа времени в базовом нейронном алгоритме. Другим кандидатом может быть плотность причинно-следственной связи, выражаемая понятием функционального кластера, упомянутого в последнем разделе. Безусловно, в XXI веке мы откроем множество новых кандидатов на такие абстрактные свойства. В любом случае, первое важное репрезентативное ограничение для любой убедительной теории феноменальной репрезентации состоит в описании формата глобального уровня репрезентации, который позволяет нам понять, почему мир,

переживаемый с позиции первого лица, обладает рассматриваемым глобальным качеством.

Аналогичные утверждения можно сделать для контекстов, ситуаций, сцен и объектов. Если холизм - действительно всепроникающее феноменальное свойство, проявляющееся как отдельный тип формата на разных уровнях, то это можно объяснить, например, существованием разных временных констант, например, для нейронных алгоритмов, работающих в разных частотных диапазонах и на разных уровнях гранулярности (Metzinger 1995b; Engel and Singer 2000; обзор сходящихся доказательств см. в Varela et al. 2001). "Большие временные окна" будут характеризовать более высокие уровни гранулярности, то есть более длинные временные константы (Metzinger 1995b). Аналогичное утверждение можно сделать и в отношении более общего различия между сознательными и бессознательными стадиями обработки как таковыми: Постоянная времени феноменального процесса должна быть больше, чем у вычислений, сопровождающих переходные состояния, то есть стадии, предшествующие достижению устойчивого состояния (Pollen 1999, p. 13). Таким образом, мы никогда субъективно не переживаем динамические несоответствия между процессами "снизу вверх" и "сверху вниз", а только окончательную гипотезу - динамичное, но стабильное состояние, соответствующее памяти и сенсорным данным. Таким образом, бессознательная динамика способствует сознательной динамике, а низкоуровневые феноменальные состояния могут стать встроенными в целостности более высокого порядка. Можно также представить себе функциональные субкластеры, образующие встроенные островки внутри динамического основного состояния (Tononi and Edelman 1998a,b). Общим для всех таких коррелятов будет специфическое абстрактное свойство их содержания, его формат. Почти во всех случаях этот формат будет субсимволическим.

Рассмотрим пример: высокая сила внутренней корреляции в воспринимаемом наборе признаков - это объективный факт, обычно имеющий место во внешней среде системы. Внутренняя согласованность наборов свойств - это своего рода объективный факт, который, безусловно, имеет отношение к выживанию биологических организмов, поскольку указывает на важные физические инварианты в окружающем его мире, которые, в свою очередь, имеют непосредственное отношение к его поведению. Очевидно, что такое положение дел, объективный внешний факт наличия высокой силы внутренней корреляции между набором перцептивно данных признаков, представляется в мозге не с помощью пропозиционального формата или структуры, похожей на предложение, а - по крайней мере, в нашем случае - путем активации целостного объекта, репрезентативного целого. Поэтому одним из важных критериев оценки теории сознательно переживаемых перцептивных объектов является то, может ли она сказать нам, что именно в конкретном формате активной в данный момент модели объекта наделяет ее качеством целостности, которое мы так ясно ощущаем с позиции первого лица. Аналогичные ограничения будут действовать и для репрезентативных целостностей более высокого порядка.

Однако, как мы уже видели, проблема заключается не в холизме как таковом. Ключевой вопрос для репрезентативного анализа свернутого холизма состоит в том, чтобы лучше понять отношение встраивания, которое может иметь место между различными активными репрезентативными целыми, и дать ответ на вопрос о его потенциальной итеритруемости (Singer 2000).

Конволютный холизм как информационно-вычислительная стратегия

Информация, отображаемая в целостном формате, является высококогерентной информацией. Феноменальная информация, таким образом, - это то подмножество активной информации, которое доступно системе в интегрированном виде. Сознательно инициированное познание и фокусировка внимания всегда оперируют пресеgmentированной моделью реальности. Кроме того, информация, отображаемая в рамках вложенной, целостной модели мира, порождает сильную взаимозависимость: отдельные свойства, перцептивные объекты и глобальные аспекты сцены влияют друг на друга, и таким образом сложная причинно-следственная структура внешнего мира может быть представлена с высокой степенью точности. Феноменальная информация - это не только когерентная, но и взаимозависимая информация. Плотная связь феноменальных событий соответствует плотной связи репрезентативных содержаний. Одно из преимуществ заключается в том, что репрезентативное содержание глобальной модели мира, поскольку все, что в ней содержится, одновременно влияет на все остальное, в принципе может быть обновлено за один шаг. При необходимости локальные изменения могут повлечь за собой глобальные переходы.

Конволютный холизм как функциональное свойство

Характерная каузальная роль глобального и интегрированного формата данных заключается в связывании всей информации, на которую система должна быть способна быстро и гибко реагировать в любой момент, в единую надстройку. Свернутый характер, высокая степень внутренней дифференциации позволяют системе напрямую обращаться к каузальной структуре среды (например, при создании моторных или когнитивных симуляций; см.

ограничение 8). Содержание отдельных репрезентатов теперь может постоянно обновляться быстрым, гибким и контекстно-чувствительным образом, в зависимости от содержания других, одновременно активных репрезентатов, как бы в одном единственном глобализованном шаге обработки. Связанным с этим преимуществом предлагаемого здесь типа моделирования реальности является его функциональная чувствительность к небольшим изменениям входного сигнала: благодаря мереологической связи репрезентативных содержаний очень небольшие сдвиги в сенсорном входе могут привести к очень быстрому обновлению глобального репрезентативного содержания. Она также позволяет то, что мы можем назвать "удовлетворением вложенных ограничений". Глобальная каузальная роль, то есть дискретный интегрированный набор каузальных отношений, действующих в системе, всегда может быть разложена на подмножества каузальных отношений. Это можно сделать с позиции третьего лица, анализируя глобальный функциональный кластер на подкластеры. Однако теперь также интересно представить, что сама система, с точки зрения первого лица, активно генерирует такие подкластеры. Это может быть достигнуто, например, путем выбора определенного двигательного паттерна и его усиления выше определенного порога, или путем фиксации внимания на определенном аспекте окружающей среды, делая его более рельефным. В этом случае ограничение целостности удовлетворяется выборочно путем генерации нового элемента в рамках вложенной иерархии.

Существование функционально интегрированной, но внутренне дифференцированной модели мира также является одной из важнейших предпосылок для формирования субъективной, внутренней перспективы (см. ограничение 6). Сознательный опыт очень дифференцирован (за очень короткий промежуток времени мы можем пережить большое количество различных состояний сознания) и в то

же время всегда интегрирован (любая отдельная сцена сознания полностью разобщена и переживается как единое целое). Один из способов понять связь между интеграцией, дифференциацией и перспективностью - представить себе невозможность сознательно переживаемой сцены, которая не интегрирована - то есть сцены, которая не переживается с единой точки зрения (этот способ указать на релевантность феноменальной перспективы первого лица был предложен Тонони и Эдельманом 1998а, р. 1846; мы подробно вернемся к роли самопрезентации в глобальной интеграции в главе 6). Агентство, способность к осознанному волевому выбору, может быть ключевым вопросом в достижении глобальной интеграции с функциональной точки зрения; например, мы способны принять только одно сознательное решение с одним "психологическим рефрактерным периодом" (Pashler 1994; Baddeley 1986), и, как отмечалось ранее, перцептивный субъект не способен осознанно (т. е. намеренно) переживать две несопоставимые сцены в один и тот же момент времени. Мимоходом отмечу, что оба этих функциональных факта являются хорошими примерами фактов, определяющих то, что я назвал феноменальной возможностью и необходимостью в предыдущей главе.

Нейронные корреляты конвolutного холизма

И снова мы вынуждены признать, что в настоящее время недостаточно эмпирических данных, чтобы делать какие-либо точные заявления (но см. Varela et al. 2001). На формальном уровне корреляционная теория работы мозга обладает концептуальными инструментами, позволяющими перенести феноменологическое ограничение свернутого холизма на нейробиологический уровень описания. В одной из предыдущих публикаций (Metzinger 1995b) я предложил необходимость глобальной интегративной функции, которая

удовлетворяла бы двум условиям. Во-первых, эта функция должна обеспечивать глобальную интеграцию репрезентативных содержаний, активных в мозге, не вызывая "катастрофы суперпозиции", то есть не приводя к интерференции, неправильным ассоциациям и взаимному удалению различных репрезентативных паттернов. Если принять во внимание правдоподобную нейробиологическую теорию о механизме интеграции, например, временную когерентность нейронных ответов, устанавливаемую посредством синхронности, это будет соответствовать состояниям глобальной синхронности, как при эпилепсии или глубоком сне, в которых весь сознательный опыт, как правило, отсутствует. Таким образом, необходима функция, достигающая динамической и глобальной формы метарепрезентации путем функциональной интеграции, не просто удаляя или "замазывая" все содержания низшего порядка, но сохраняя свою дифференцированную структуру. Во-вторых, механизм, порождающий холизм, должен быть мыслим как действующий на разных уровнях гранулярности. Поэтому для создания дифференцированного типа крупномасштабной когерентности на уровне самого мозга необходима не равномерная синхронность, а специфические межсистемные отношения, связывающие подмножества сигналов в разных модальностях (см. Engel and Singer 2000, в частности, их переформулировку исходных ограничений как "NCC5" и "NCC6"). Встраивание простых перцептивных объектов в контексты более высокого порядка может, например, достигаться за счет мультиплексирования взаимодействий в мозге на разных частотных диапазонах (см. также Энгель и Сингер 2000). Согласно этой теоретической идее, множество уже активных, интегрированных клеточных ансамблей может быть транзитивно связано в восходящую (но горизонтально переплетенную) иерархию репрезентативных целостностей более высокого порядка, требуемую феноменологическим ограничением, сформулированным выше, а именно через сеть крупномасштабных взаимодействий в человеческом

мозге. Эти взаимодействия будут опосредованы временной когерентностью для различных подмножеств нейронных ответов и в различных частотных диапазонах. Таким образом, можно сформулировать цели будущих исследований для ограничения 4.

3.2.5 Динамичность

Ограничение 5 справедливо в отношении того, что феноменальные состояния лишь в редких случаях несут в себе статичные или в высшей степени инвариантные формы ментального содержания, и они не являются результатом пассивного, нерекурсивного репрезентативного процесса. Физически действующий субъект - включая свойства когнитивной, аттенциональной и волевой агентности (см. разделы 6.4.4, 6.4.3 и 6.4.5) - играет существенную роль в их конституировании. И в определенном смысле то, что только что было описано как свернутый холизм, также проявляется в феноменологии опыта времени: Наша сознательная жизнь возникает из интегрированных психологических моментов, которые, однако, сами интегрированы в поток субъективного времени.

Феноменология динамичности

Понятие "свернутого холизма" стало естественным продолжением третьего ограничения, ограничения глобальности. Пятое ограничение является естественным продолжением второго ограничения, ограничения презентабельности. Если наш целевой феномен - это полноценный сознательный опыт человека, то мы должны отдать справедливость высокодифференцированной природе темпорального опыта, сопутствующего ему. Наиболее важными формами темпорального содержания являются

присутствие (как уже требует ограничение 2), длительность и изменение. Ограничение динамичности вводит длительность и изменение как важные формы феноменального содержания, которые должны быть концептуально проанализированы и эмпирически объяснены. И снова важно отметить, что ограничение динамичности не является необходимым условием для приписывания феноменального опыта в целом. Нет логического противоречия в том, чтобы представить себе класс сознательных систем (например, некоторые примитивные типы организмов на нашей планете или человеческие мистики, покоящиеся в сознательном переживании "вечного Сейчас"), которые обладают феноменальным опытом темпоральности только в терминах присутствия, но лишены какого-либо феноменального представления длительности или изменения. Точно так же, как в принципе может существовать глобальный холизм без дифференцированной структуры, подразумевающей специфическое понятие свернутого холизма, о котором шла речь в последнем разделе, может существовать класс сознательных систем, живущих в вечном, а значит, вневременном Сейчас, наслаждающихся только фундаментальным аспектом присутствия, но никогда субъективно не переживающих длительность и изменение. Если мы ищем минимальное понятие сознательного опыта, динамичность не является необходимым условием. Однако если наша эпистемическая цель - понимание обычного человеческого сознания во всем его временном богатстве, ограничение динамичности должно лежать в основе нашей теории. Также трудно представить, как нетемпоральное сознание могло иметь эволюционную историю или быть адаптивной формой феноменального содержания (см. раздел 3.2.11), поскольку биологические организмы почти неизбежно должны были внутренне моделировать временную структуру своей области каузального взаимодействия, то есть то, как меняется их экологическая ниша. Давайте сначала кратко рассмотрим феноменологию переживания времени.

Исследуя феноменологию восприятия времени, мы заметили следующую глобальную особенность: временной мир, состоящий из дискретных, похожих на строительные блоки элементов, может образовывать единое целое, но никогда - целое.⁹ В очередной раз я обнаруживаю, что в отношении таких специфических феноменальных содержаний, как одновременность, присутствие, последовательность и длительность, мой эмпирический мир от первого лица не является миром строительных блоков. Это прожитая реальность в смысле квазиорганического и целостного взаимодействия ее временных составляющих в рамках "исполненной" феноменальной биографии воспринимающего субъекта. Мы имеем дело не только не с "острием ножа" настоящего, но и с расширенным "умозрительным настоящим" в смысле Уильяма Джеймса. Франсиско Варела (1999, с. 268) показал, что феноменальная репрезентация времени также обладает сложной текстурой.

Из всех представленных здесь ограничений на понятие феноменальной репрезентации ограничение динамичности, безусловно, является тем, для которого строгий подход снизу вверх особенно перспективен. Как показали прошлые дискуссии в философии сознания, интроспективный доступ к текстуре временного опыта, упомянутой Варелой, настолько слаб и особенно ненадежен, что кажется почти невозможным достичь консенсуса даже по феноменологическим ограничениям от первого лица, которые могли бы превратить его в надлежащий объект исследования. В интроспективном плане время - это загадка. Это отражается в ставшем уже почти традиционным факте, что философы на этом этапе обычно цитируют отрывок из четырнадцатой главы одиннадцатой книги "Исповеди" святого Августина, где он знаменито замечает, что пока никто не спрашивает его о природе времени, он знает, что это такое, но как только он должен объяснить это вопрошающему, он больше не знает этого. Феноменальная текстура времени - это парадигматический пример характеристики, управляемой

"принципом уклончивости". Она мгновенно исчезает или растворяется, если на нее направлена интроспективная, когнитивная или даже аттенционная обработка. Собственно говоря, многие из упомянутых выше мистиков, то есть людей, заинтересованных в растворении всей временной текстуры, которая заслоняет чистое присутствие сознательного Сейчас, обычно используют медитативные техники управления вниманием, чтобы заставить эту текстуру исчезнуть. Поэтому, если вы заинтересованы в теоретическом прогрессе в области опыта времени, вам неизбежно придется обратиться к способам моделирования целевого феномена от третьего лица. Прежде чем приступить к обсуждению феноменологических ограничений, управляющих сознательным переживанием времени, я тем самым полностью признаю, что не в состоянии дать даже отдаленно убедительный концептуальный анализ того, что именно создает философскую загадку.

Время течет. Здесь присутствует не только основная черта феноменального опыта, неизменная интеграция эмпирических содержаний в проживаемое настоящее, описанная ранее; на этот опыт присутствия накладывается опыт длительности и опыт изменения. Внешние объекты или телесные элементы внутри самосознания иногда остаются неизменными, они сохраняются. Другие объекты или определенные высокоуровневые аспекты нашего самосознания меняются, например, приобретая и теряя определенное сознательно переживаемое свойство. В феноменальном "я" также течет время. Однако переживание течения, длительности и изменений органично вписывается во временной фон присутствия, все время, так сказать. То, что так трудно описать, - это сильная степень интеграции между опытом присутствия и непрерывным сознательным представлением изменений и длительности. Это не то же самое, как если бы вы видели облака, дрейфующие через окно, окно Сейчас. Здесь нет оконной рамы. Это не так, как если бы Сейчас было островом, возникающим в реке, в

непрерывном потоке сознательно переживаемых событий - странным образом остров является частью самой реки.

Собственно говоря, один из аспектов требуемой здесь динамичности фактически отражается в отчасти автономной динамике феноменальных состояний через хорошо известную взаимозависимость на уровне субъективного опыта: Скорость течения субъективного времени и длительность психологического момента сильно зависят от общего контекста (вспомните восприятие времени в чрезвычайных ситуациях по сравнению с ситуациями с максимально позитивным эмоциональным тоном).

Внимание также увеличивает временное разрешение и тем самым приводит к "феноменальному замедлению времени". С другой стороны, разрешающая способность временного восприятия всегда на порядок выше визуальной конституции объекта. Поэтому процесс, в котором возникают сознательно переживаемые объекты, никогда не может быть тронут (см. раздел 3.2.7). По отношению к уже активным сознательным содержаниям разрешающая способность внимания, как во времени, так и в пространстве, всегда довольно груба. При этом следует отметить, что индивидуализация событий может быть очень пластичной, а воспринимаемая скорость таких цепочек событий сильно варьируется. Еще один принцип, определяющий феноменологию динамичности, заключается в том, что она может быть ограничена субрегионами феноменального пространства, например, динамикой внутри феноменального "я". Мы можем быть отстраненными свидетелями: Степень, в которой феноменальный субъект переживает себя как присутствующего, как реального и как полностью погруженного во временную эволюцию сознательно переживаемой ситуации, может сильно варьироваться (см. главу 7, разделы 7.2.2 и 7.2.5). Короче говоря, существует также внутренняя динамика феноменального самосознания (ограничение 6; раздел 6.2.5). И последнее, что следует отметить: свернутый холизм, описываемый ограничением 4,

распространяется на временное измерение, поскольку мир сознания состоит из динамических отношений "часть-целое". Сложная временная текстура феноменального опыта не только взаимозависима с запутанной, вложенной структурой его репрезентативного содержания, она может быть просто особенно рельефным аспектом одной и той же характеристики.

Динамичность как свойство репрезентативности

Как отмечали многие философы, начиная с Августина, основная трудность репрезентационистского анализа временного опыта заключается в том, что крайне сложно прийти к убедительной феноменологии восприятия времени. Поэтому заманчиво рассматривать не содержание, а возможные свойства "транспортных средств" репрезентации времени. Динамистская когнитивная наука обещает предоставить большое количество новых концептуальных инструментов, с помощью которых мы сможем анализировать объективные, динамические свойства репрезентативных средств (хороший пример см. в Van Gelder 1999). Однако, возможно, именно динамистская когнитивная наука заставит нас в конце концов обойтись без традиционного разграничения "транспортное средство - содержание". Но давайте пока останемся на уровне содержания.

Феноменальная динамика интегрирует прошлое и будущее в проживаемое настоящее. В разделе 3.2.2 мы назвали ряд шагов: Во-первых, события должны быть индивидуализированы, то есть должен существовать механизм репрезентации событий как отдельных событий. Следующий шаг - формирование паттернов из таких отдельных событий, процесс репрезентативной "секвенции"

или привязки ко времени. Таким образом может быть создано то, что Ева Рунау (1995) назвала "Zeit-Gestalt" ("гештальт времени"). Если бы существовал репрезентативный механизм для непрерывной интеграции таких гештальтов времени, то можно было бы предположить генерацию непрерывного потока субъективного времени как новой формы репрезентативного содержания. Однако этот шаг уже является спорным, и философские интуиции наверняка разойдутся.

Основная проблема, по которой у меня нет предложений, очевидно, состоит в репрезентативном определении длительности, во внутреннем представлении постоянства уже активных феноменальных целостностей. Кажется, можно с уверенностью заключить, что необходимо предположить наличие функционального механизма, который конституирует и репрезентирует транстемпоральную идентичность объектов для системы. Вопрос о том, существует ли нечто подобное объектам на самом деле, является классической проблемой философской онтологии. Но теоретическая онтология не является проблемой. Здесь важны субсимволические допущения существования, присущие тому, как мозг субличностно моделирует реальность. Как мы уже видели, феноменальная онтология человеческого мозга предполагает существование невыразимых нюансов, категоризируемого простого содержания, интегрированных комплексов таких простых форм содержания (перцептивных объектов), и после этого этапа он знает сцены и ситуации, составленные из мультимодальных объектов, плюс феноменальное Я, действующее в этих ситуациях.

В определенном смысле перцептивные объекты действительно являются фундаментальными компонентами феноменального опыта. Такая позиция может быть принята, поскольку они обладают определенного рода

репрезентативной автономией: презенты (Raffman qualia) и свойства (Lewis qualia) никогда не существуют изолированно, и временная эволюция содержания, отображаемого презентами и когнитивно доступными свойствами, всегда может быть пережита только как таковая у объектов. Феноменальные объекты, таким образом, функционируют как носители, как интегративный контекст для нюансов и свойств, для всего того, что я подводил под понятие "презентативное содержание" в предыдущей главе. Таким образом, именно объектный уровень впервые по-настоящему ставит нас перед вопросом о репрезентативных и функциональных ресурсах, с помощью которых система может репрезентировать для себя одинаковость объектов во времени: Как свойства или невыразимые аспекты эмпирически представленного объекта могут меняться со временем таким образом, что мы по-прежнему можем воспринимать этот объект как тот же самый объект? Интроспекция молчит по этому вопросу, и концептуальные спекуляции на данный момент представляются бесплодными. Что бы ни оказалось эмпирическим ответом на эти вопросы, мы получим важное ограничение для концепции динамической феноменальной репрезентации.

Динамичность как информационно-вычислительная стратегия

С эволюционной точки зрения можно предположить, что одна из основных функций сознания заключается в повышении гибкости нашего поведенческого репертуара. Очевидно, что одним из необходимых условий для этого было все более точное представление временной структуры нашего поведенческого пространства. Окружающая среда биологических систем, область их каузального взаимодействия, является высокодинамичной средой. Часто

происходят внезапные и непредсказуемые изменения, и феноменальные состояния, по-видимому, отражают этот динамизм в своих собственных реляционных свойствах и в своей временной тонкой структуре. Феноменальная репрезентация делает информацию о временных свойствах мира и самой системы глобально доступной для управления действиями, для познания и направленного внимания. Это первый важный шаг на пути к телеофункционалистскому анализу феноменальной динамичности: она делает динамические свойства экологической ниши организма, его поведенческого пространства, доступными для множества систем обработки одновременно, выводя темпоральную информацию "в сеть".

Динамичность как функциональное свойство

Динамичность здесь может быть проанализирована не как содержательное свойство определенных репрезентатов, а как аспект функционального профиля репрезентативных средств. В зависимости от теории репрезентации, свойства транспортных средств могут даже отражаться в свойствах содержания. Если, опять же, дополнительно интегрировать эволюционный контекст, приведший к феномену сознательной репрезентации, и принять телеофункционалистскую перспективу, можно обнаружить, что как внутренняя, так и внешняя среда, в которой функционируют организмы, сложна и очень динамична. Для каждого класса организмов существует минимальная степень точности, с которой временная структура этой каузальной области должна быть внутренне смоделирована для достижения выживания. Чтобы быть функционально адекватными, феноменальные модели должны каузально управлять поведением с такой минимальной степенью точности. Если феноменальные репрезентанты должны быть эффективными инструментами в борьбе за выживание и потомство, они должны внутренне имитировать те

каузальные свойства, которые имеют отношение к восприятию информации - в определенной степени они сами должны быть динамическими состояниями.

Обратите внимание, что динамические представления также могут быть полезны для создания непредсказуемости. Способность генерировать хаотическое поведение может быть очень полезной чертой в определенных эволюционных контекстах. Например, подумайте о хаотичном двигательном паттерне, генерируемом кроликом, когда он убегает от хищной птицы: Моторный паттерн настолько хаотичен, что хищник просто не может его выучить. Поколения хищных птиц, преследовавших кроликов, не смогли предсказать модель бега своей жертвы. С точки зрения телеофункционализма, способность создавать хаотическую динамику по своему желанию, безусловно, является важным свойством.

Нейродинамика

На субличностном уровне описания мы видим, что нейронные репрезентации могут быть интересно охарактеризованы примером сложной, нелинейной динамики. Однако сегодня почти ничего нельзя сказать о конкретных, минимально достаточных нейронных коррелятах для только что описанных репрезентативных функций.

3.2.6 Перспективность

Доминирующая структурная особенность феноменального пространства заключается в том, что оно привязано к индивидуальной перспективе. Феноменальные репрезентанты должны не только обеспечивать

формирование объектов, сегментацию сцен и глобальное моделирование сложных ситуаций, но и формирование феноменального субъекта. Сознательная Я-модель еще не является феноменальным субъектом, потому что, возможно, существуют патологические конфигурации (как при акинетическом мутизме), где рудиментарное сознательное Я появляется без субъективности, в отсутствие феноменальной перспективы первого лица. Для того чтобы соответствовать этому ограничению, необходима детальная и эмпирически правдоподобная теория того, как система может внутренне представлять себя для себя, и как загадочный феномен, который философы сегодня называют "перспективой первого лица", может возникнуть в естественно развивающейся системе обработки информации. Субъективность, рассматриваемая как феномен, находящийся на уровне феноменального опыта, может быть понята только в том случае, если мы найдем исчерпывающие теоретические ответы на следующие два вопроса. Во-первых, что такое сознательно переживаемое феноменальное "я"? Во-вторых, что такое сознательно переживаемая феноменальная перспектива первого лица? Поскольку самость и перспективность являются основной темой этой книги, я могу быть очень краток на этом этапе (более подробное описание ограничения перспективности см. в главах 1 и 6).

Опять же, следует отметить, что перспективность не является необходимым условием для приписывания сознательного опыта данной системе. Существует ряд классов феноменальных состояний; например, духовные и религиозные переживания определенного рода или полностью деперсонализированные состояния при тяжелых психических расстройствах, в которых умозаключение к наиболее правдоподобному феноменологическому объяснению говорит нам об отсутствии сознательного "я" и сознательно переживаемой перспективы от первого лица. Такие состояния важны и имеют большое значение для современной теории разума, и они случаются чаще, чем

многие думают. Я принимаю такие глобальные эмпирические состояния за случаи бессубъектного сознания. На уровне своего феноменального содержания они больше не привязаны к индивидуальной, сознательно переживаемой перспективе первого лица. Это не означает, что в рамках нефеноменологической, например эпистемологической, концепции субъективности они не могли бы по-прежнему правдиво описываться как слабо субъективные состояния, например, в терминах исключительно внутренних моделей реальности, генерируемых индивидуальными системами. В стандартных ситуациях эпистемический доступ к своим ментальным состояниям осуществляется через сознательно переживаемую перспективу первого лица, но это не обязательно должно быть так во всех случаях. Даже если феноменальная перспективность не является необходимым условием для приписывания сознательного опыта данной системе, она, вероятно, является наиболее яркой и захватывающей характеристикой нашего целевого феномена - обычного состояния бодрствования человеческих существ. Ограничение перспективности - самая интересная тема с философской точки зрения, потому что более пристальный взгляд на это ограничение может помочь нам понять, как субъективность нашего целевого феномена (порождающая столько концептуальных и эпистемологических проблем для исследований сознания) в конечном счете коренится в глубинной структуре феноменальной репрезентации.

Феноменология перспективности

Феноменология перспективности разворачивается на нескольких различных уровнях, что приводит к целому подмножеству потенциальных феноменологических ограничений. Во-первых, феноменология перспективности - это феноменология бытия кем-то. Первое феноменальное

целевое свойство здесь - это свойство сознательно переживаемой "самости". Эмпирическая перспективность собственного сознания конституируется тем, что феноменальное пространство центрировано феноменальным "я": оно обладает фокусом опыта, точкой зрения. Загадка состоит в том, чтобы - при переходе от описания от третьего лица к описанию от первого лица - понять, что для каждого из нас означает сказать, что я сам являюсь этим центром. По-видимому, существует примитивная и дорефлексивная форма феноменального самосознания, лежащая в основе всех более высоких и концептуально опосредованных форм самосознания (см. разделы 5.4 и 6.4), и эта неконцептуальная форма самосознания является источником перспективы от первого лица. Феноменальная самость - это то, что делает нас эмпирическим субъектом. В немецком языке это свойство иногда называют *präreflexive Selbstvertrautheit* ("дорефлексивная самоинтимность"; например, см. Frank 1991). Это очень базовый и, казалось бы, спонтанный, не требующий усилий способ внутреннего знакомства, "быть в контакте с собой", а феноменально - быть "бесконечно близким к себе". Короче говоря, это субъективно непосредственная и фундаментальная форма неконцептуального самопознания, предшествующая любым высшим формам когнитивного самосознания. Впервые оно представляет собой сознательно доступную границу мира "я" и вместе с ней порождает подлинно внутренний мир. Однако важно отметить, что центральной частью феноменологии самосознания является тот простой факт, что феноменальное "я" конституируется на этом самом фундаментальном уровне превнимательно и автоматически.

Как отмечалось выше, с философской точки зрения феноменальное самосознание вполне может быть наиболее важной формой феноменального содержания. На уровне логической структуры мы находим эту базовую репрезентативную архитектуру отраженной в логической структуре феноменологических предложений, в том, что

было названо "субъектной пресуппозицией" (например, см. Nida-Rümelin 1997). Каждое конкретное приписывание ментального свойства всегда предполагает существование субъекта, чьим свойством это свойство является. Верно, что правильный анализ большинства ментальных терминов (а не только qualia) предполагает объяснение возникновения субъектов опыта, но, очевидно, не верно, что все ментальные термины подчиняются этой субъектной пресуппозиции. На самом деле, как мы уже видели, эмпирически правдоподобно предположить, что бессубъектные состояния сознания действительно существуют. Важный вопрос, конечно, заключается в том, может ли предложенное здесь понятие субъекта в принципе быть определено в нементалистских терминах. Как мы увидим в ходе работы над этой книгой, такая возможность в принципе не исключена.

Второй момент, представляющий философский интерес, заключается в том, что эпистемическая асимметрия (Jackson 1982) возникает только на этом уровне репрезентативной организации, поскольку обладание феноменальным "я" является необходимым условием для обладания сильной эпистемической перспективой первого лица (см. раздел 8.2). Вполне вероятно, что возникновение феноменальной перспективы первого лица является теоретическим ядром проблемы "разум-тело", а также большинства вопросов, касающихся ментального содержания. Даже если мы убеждены, что феноменальное содержание может быть онтологически сведено к некоторому набору функциональных свойств мозга, нам все равно нужен ответ на вопрос, почему оно, очевидно, остается эпистемически несводимым. Что это за знание - перспективное, знание от первого лица? Последний момент, имеющий философское значение, - это эмпирически правдоподобное предположение о том, что некоторые глобальные феноменальные состояния обладают феноменальным "я", не проявляя при этом сознательно переживаемой перспективы первого лица (например, при таких неврологических состояниях, как

акинетический мутизм). Другими словами, феноменальное "я" является необходимым, но не достаточным условием для того, чтобы данная система развила полноценную, осознанно переживаемую перспективу первого лица.

Второй уровень, на котором ограничение перспективности имеет высокую значимость, - это не самость, а само феноменальное свойство перспективности. Перспективность в этом смысле - структурная особенность феноменального пространства в целом. Она заключается в существовании единой, связной и темпорально стабильной модели реальности, которая репрезентативно сосредоточена на едином, связном и темпорально протяженном феноменальном субъекте (Metzinger 1993, 2000c). Феноменальный субъект, в отличие от простого феноменального "я", представляет собой модель системы как действующей и переживающей. Необходима теория о том, как отношение интенциональности, отношение между субъектом и объектом, само отображается на уровне сознательного опыта. Необходима теория того, что в предыдущих публикациях я назвал "феноменальной моделью отношения интенциональности" (Metzinger 1993, p. 128 ff.; 2000c, p. 300; но см., в частности, раздел 6.5). Как убедительно подчеркнул Антонио Дамасио (например, 1999, 2000), основной мишенью эмпирического исследования сознания является специфическая, сложная форма феноменального содержания, которая может быть лучше всего описана как "Я в акте познания", "Я в акте восприятия", "Я в акте принятия решения о конкретном действии" и так далее. Полное соответствие этому феноменальному ограничению приводит к сильному сжатию пространства концептуальных и эмпирических возможностей. Каковы репрезентативные, функциональные, нейронаучные и логические ограничения любой системы, демонстрирующей сознательно переживаемую внутреннюю перспективу?

Следует кратко остановиться на третьем уровне феноменологии перспективности. Обладание феноменальной самостью является важнейшей предпосылкой не только для рефлексивного самосознания высшего порядка, но и для социального познания. Сознательно переживаемая перспектива первого лица (непередаваемое "я") является необходимой предпосылкой для возникновения феноменального множественного первого лица (непередаваемое "мы"). Феноменальная субъективность делает возможной феноменальную интерсубъективность, а именно, во всех тех случаях, когда объектный компонент индивидуальной перспективы первого лица формируется другим субъектом. Я вернусь к этому вопросу в разделе 6.3.3. На данный момент следует лишь отметить, что сознательно переживаемое социальное познание - это третья область, на которую распространяется ограничение перспективности.

Перспективность как свойство репрезентативного пространства

Перспективность - это структурная особенность определенного класса репрезентативных пространств и действующих в них моделей реальности. По сути, она заключается в том, что эти пространства функционально центрированы внутренней саморепрезентацией самой репрезентативной системы. В главах 5, 6 и 7 я предлагаю более обширный репрезентативный анализ перспективности сознания и пытаюсь сузить круг условий, при которых феноменальная перспектива от первого лица обязательно возникнет. Я ввожу две новые теоретические сущности для репрезентативных структур, несущих феноменальное содержание: феноменальную Я-модель (PSM) и феноменальную модель отношения интенциональности (PMIR).

Перспективность как информационно-вычислительная стратегия

Перспективно организованное репрезентативное пространство впервые делает глобально доступной определенную, весьма специфическую информацию: информацию, обусловленную фактом существования границы "система-мир", которая, однако, постоянно претупается в результате установления причинно-следственных субъектно-объектных отношений преходящего и весьма разнообразного характера. Обладание активной и интегрированной саморепрезентацией позволяет системе представлять определенные свойства мира как свои собственные. Важно, что эти свойства становятся доступными для репрезентативных процессов более высокого порядка, таких как внимание или познание, а также для самонаправленного поведения. Любая система, обладающая базовой само моделью, может стать объектом собственного внимания, формирования собственных понятий, а также собственных, самонаправленных действий. Любая вычислительная система, работающая в рамках модели мира, в центре которой находится согласованная Я-модель, ввела наиболее фундаментальное разделение своего информационного пространства: разграничение между обработкой информации, связанной с окружением, и информации, связанной с системой.

Аналогичное преимущество имеет система, обрабатывающая информацию с позиции первого лица. Она впервые может внутренне представить и обработать всю информацию, связанную с субъектно-объектными отношениями, в частности с переходными взаимодействиями между системой и окружающей средой. Например, если эта система связана с сенсомоторными петлями, то теперь она может внутренне

моделировать и, возможно, предсказывать развитие таких петель. С другой стороны, интересно отметить, что чистые рефлексы и поведение, не предполагающие сознания, также не предполагают наличия субъект-объектной дихотомии для организма. Возможно, при рассмотрении природы чистых рефлексов просто не имеет смысла (или не создает объяснительного потенциала) предполагать такую дихотомию на репрезентативном уровне описания (Feinberg 1997, p. 87 f.).

Центрированность как функциональное свойство

Центрированность нашего внутреннего репрезентативного пространства соответствует, во-первых, центрированности поведенческого пространства. Тривиально, область каузального взаимодействия физических существ также обычно центрирована, поскольку сенсоры и эффекторы таких существ обычно сосредоточены в определенной области физического пространства и имеют ограниченный радиус действия. Этот базовый факт часто упускается из виду: Распределенные существа, чьи органы чувств и возможности генерировать двигательный результат широко разбросаны по области их каузального взаимодействия в физическом мире, могут иметь мульти- или даже нецентрированное поведенческое пространство (возможно, Интернет в конечном итоге сделает некоторых из нас похожими на таких существ; забавный ранний мысленный эксперимент см. в Dennett 1978a, p. 310 ff.). Я бы утверждал, что у таких существ в конечном счете появятся и совершенно иные, нецентрированные феноменальные состояния. Короче говоря, эмпирическая центрированность нашей сознательной модели реальности имеет свое зеркальное отражение в центрированности поведенческого пространства, которое человеческие существа и их

биологические предки должны были контролировать и ориентироваться в ходе бесконечной борьбы за выживание. Это функциональное ограничение настолько общее и очевидное, что его часто игнорируют: в человеке и во всех известных нам системах сознания сенсорные и моторные системы физически интегрированы в теле одного организма. Это единственное "ограничение воплощения" тесно локализует все наши сенсоры и эффекторы в очень маленькой области физического пространства, одновременно устанавливая плотную причинно-следственную связь (см. раздел 3.2.3). Важно отметить, что все могло бы быть иначе - например, если бы мы были сознательными межзвездными газовыми облаками, которые развили феноменальные свойства. Аналогичные соображения могут быть применимы и на уровне социального познания, где все происходит иначе, поскольку имеет место, пусть и неосознанная, форма распределенного моделирования реальности, обладающая множеством функциональных центров.

Во-вторых, в нашем случае Я-модель функционально привязана к внутренне генерируемому входу (см. раздел 5.4 и главу 6). Это меняет и функциональный профиль глобальной, сознательной модели реальности (см. раздел 6.2.3): сознательная модель мира теперь не только феноменально, но и функционально центрирована, поскольку привязана к мозгу порождающего ее организма через устойчивую функциональную связь. Эту устойчивую функциональную связь с самым глубоким ядром мозга организма обеспечивает Я-модель. Происхождение перспективы от первого лица теперь фиксируется через специфическую каузальную роль, создавая область максимальной стабильности и инвариантности. Обратите внимание, как понятие функционально "центрированной феноменальной модели мира" может быть тесно связано с понятием "центрированного мира" в работах Куайна (1969, р. 154) и Д. К. Льюиса (1979), а именно как более точное и эмпирически прослеживаемое описание того, что на самом

деле является объектом эгоцентрических пропозициональных установок (например, в терминах классов возможных миров, выделенных паттерном нейронной стимуляции индивидуального организма). Только что упомянутая устойчивая функциональная связь имеет много теоретически значимых аспектов. Один из них заключается в том, что она прочно связывает все действия организма (будь то когнитивные, аттенционные или поведенческие) с внутренним контекстом, а именно с элементарной биорегуляцией.

Работа с моделью реальности, организованной перспективно, чрезвычайно обогащает и дифференцирует функциональный профиль системы обработки информации, позволяя ей генерировать совершенно новый класс действий - действий, направленных на себя (например, вспомните множество новых моделей самоисследующего поведения, демонстрируемых шимпанзе после того, как они узнают себя в зеркале).

С определенного уровня сложности репрезентативные пространства, центрированные на самомодели, также позволяют приписывать психологические свойства как самой системе, так и другим системам в окружающей среде, и тем самым открывают путь к концептуально опосредованной, рефлексивной субъективности и социальному познанию, например, путем внутренней эмуляции других сознательных агентов. В частности, центрированное репрезентативное пространство позволяет внутреннюю, феноменальную репрезентацию самого отношения интенциональности. Я подробно вернусь ко всем этим моментам в последующих главах.

Нейронные корреляты центрированности репрезентативного пространства

С одной стороны, существуют эмпирические данные - например, факт повторного появления фантомных конечностей после иссечения соматосенсорной коры (Gybel's and Sweet, 1998, цит. по Melzack, Israel, Lacroix, and Schultz 1997), - указывающие на то, что нейронный коррелят нашего феноменального "я" сильно распределен. С другой стороны, существует множество эмпирических результатов, указывающих на механизмы, представляющие собой устойчивую функциональную связь между определенными локализованными процессами мозга и центром репрезентативного пространства. К таким механизмам, например, относятся активность вестибулярного аппарата, пространственная "матрица" схемы тела, висцеральные формы самопрезентации и, в частности, вход ряда специфических ядер в верхней части ствола мозга, участвующих в гомеостатической регуляции "внутренней среды" (см. Parvizi and Damasio 2001; Damasio 1999, глава 8; Damasio 2000). В главах 6 и 7 я более подробно рассматриваю эти механизмы, которые на самом деле, благодаря тому, что они не только функционально интегрированы, но и анатомически характеризуются близостью, могут даже образовывать нечто вроде пространственного центра на уровне нейробиологической реализации. Их функция заключается в создании высокой степени инвариантности и стабильности, обеспечивая систему непрерывным внутренним источником входных данных. Как я объясняю в главе 6, любая система, развивающая подлинную перспективу от первого лица, должна обладать феноменальной моделью отношения интенциональности, чтобы функциональное свойство центрированности могло внести вклад в феноменальное свойство перспективности. О нейронных коррелятах этого репрезентативного ограничения сегодня почти ничего не известно (но см. Дамасио 1994, 1999; Damasio and Damasio 1996a, p. 172, 1996b, p. 24; Delacour 1997,

р. 138; D. LaBerge 1997, pp. 150, 172). Однако, как мы увидим, крайне важно, чтобы эта внутренняя модель отношений между субъектом и объектом была прозрачной. Если удовлетворение ограничения перспективности поможет нам понять, что значит для сознательной модели реальности быть субъективным феноменом, то удовлетворение ограничения прозрачности позволит нам продвинуться в понимании того, как действительно имеет смысл говорить о реальности, возникающей вместе с этой моделью.

3.2.7 Прозрачность

Это ограничение, опять же, охватывает только подмножество феноменальных репрезентаций. Феноменальная прозрачность не является необходимым условием для осознанного опыта в целом. Существуют и феноменально непрозрачные состояния. Тем не менее, прозрачность, безусловно, является одним из (если не самым) важным ограничением, если мы хотим достичь теоретического понимания того, чем на самом деле является феноменальный опыт. С систематической точки зрения, и в частности для основного аргумента здесь, ограничение прозрачности имеет наивысшую значимость. Поэтому, чтобы избежать путаницы с существующими представлениями о "прозрачности", мне придется сделать несколько более длинное введение на этом этапе.

Классическим местом для понятия феноменальной прозрачности обычно называют работу Г. Э. Мура "Опровержение идеализма":

. ...тот факт, что когда мы обращаемся к интроспекции и пытаемся выяснить, что такое ощущение синего цвета, очень легко предположить, что перед нами только одно понятие.

Термин "синий" достаточно легко различить, но другой элемент, который я назвал "сознанием" - то, что ощущение синего имеет общего с ощущением зеленого, - чрезвычайно трудно зафиксировать. . . . И вообще, то, что делает ощущение синего цвета психическим фактом, кажется, ускользает от нас; оно кажется, если можно использовать метафору, прозрачным - мы смотрим сквозь него и не видим ничего, кроме синего; мы можем быть убеждены, что что-то есть, но что именно - ни один философ, я думаю, еще четко не распознал". (Moore 1903, p. 446)

Сегодня широкое определение феноменальной прозрачности, с которым, вероятно, согласится большинство философов, состоит в том, что она, по сути, заключается в том, что для интроспекции доступны только содержательные свойства ментальной репрезентации, но не ее неинтенциональные или "транспортные свойства". Обычно предполагается, что прозрачность в этом смысле является свойством всех феноменальных состояний.

Определение 1

Феноменальные состояния прозрачны в том смысле, что субъекту опыта интроспективно доступны только их содержательные свойства.

Ниже я утверждаю, что это определение неудовлетворительно, поскольку нарушает важные феноменологические ограничения. Свойства транспортных средств часто доступны для интроспекции. Поэтому, возможно, будет интересно вспомнить, что Мур в своей оригинальной работе придерживался той же философской интуиции:

. ...что в тот момент, когда мы пытаемся зафиксировать наше внимание на сознании и увидеть, чем, собственно, оно является, оно как бы исчезает: кажется, будто перед нами просто пустота. Когда мы пытаемся проанализировать ощущение синего цвета, мы видим только синий цвет: другой элемент как будто пеленается. И все же его можно различить, если смотреть достаточно внимательно и если мы знаем, что есть что искать". (Moore 1903, p. 450)

В § 275 "Философских исследований" Витгенштейн (1953) указал на наивный реализм, неизбежно порождаемый прозрачным, феноменальным опытом. Интересно, что сегодня многие авторы возвращаются к понятию прозрачности, используя его в качестве полезного концептуального инструмента. Роберт ван Гулик разработал функционалистский анализ прозрачности в терминах скорости, надежности и глобальной взаимозависимости феноменальных репрезентаций в сочетании с сопутствующим отсутствием доступа к более ранним стадиям обработки. Что касается qualia, Сидни Шумейкер указал, что у нас нет интроспективного доступа к неинтенциональным характеристикам опыта, которые кодируют это содержание; Гилберт Харман определил прозрачность опыта как неосознанность присущих ему неинтенциональных особенностей; а Майкл Тай теперь использует это понятие во многих местах своих работ, делая сильное и интересное утверждение, что феноменальный характер фактически идентичен интенциональному содержанию.

Позвольте мне теперь представить мое собственное рабочее определение феноменальной прозрачности - определение, с которым я хочу работать в дальнейшем. Прозрачность в этом смысле - это свойство активных ментальных репрезентаций, уже удовлетворяющих минимально достаточным ограничениям для возникновения сознательного опыта. Например, феноменально прозрачные репрезентации всегда

активируются в пределах виртуального окна присутствия и интегрируются в единую глобальную модель мира. Вторая определяющая характеристика постулирует, что прозрачными их делает аттенциональная недоступность более ранних стадий обработки для интроспекции.

"Интроспективное внимание" здесь используется в терминах концепций интроспекции¹ и интроспекции³. Что такое внимание? Вкратце, внимание - это форма неконцептуальной метарепрезентации, действующая на определенные части активной в данный момент внутренней модели реальности. Оно "выделяет" эти части, поскольку представляет собой процесс субсимволического распределения ресурсов. Чем раньше этапы обработки, чем больше аспектов процесса внутреннего конструирования, ведущего к окончательному, явному и недвусмысленному феноменальному содержанию, доступны для интроспективного внимания, тем больше система сможет распознать эти феноменальные состояния как внутренние, самогенерируемые конструкторы. Полная прозрачность означает полную недоступность для внимания более ранних стадий обработки. Степень непрозрачности соответствует степени доступности внимания.

Определение 2

Для любого феноменального состояния степень феноменальной прозрачности обратно пропорциональна интроспективной степени доступности внимания на более ранних этапах обработки.

Это определение отличается от более ранних представлений о феноменальной прозрачности тем, что позволяет нам описать два важных факта о феноменальном сознании, которые философы часто упускали из виду. Во-первых, когнитивная доступность того факта, что активные в данный

момент феноменальные содержания являются конечными продуктами внутренних репрезентативных процессов, недостаточна для того, чтобы растворить или ослабить феноменальную прозрачность. Если вы просто мысленно представляете себе книгу, которую держите в руке, как особую форму репрезентативного содержания, это почти не меняет характер вашего феноменального опыта - по крайней мере, не так, как это было бы уместно в текущем контексте. Однако, похоже, существует релевантное различие между когнитивной и аттенциональной обработкой, между концептуальной и неконцептуальной метарепрезентацией феноменальных состояний первого порядка. Только если бы вы действительно могли присутствовать при самом процессе конструирования, вы бы испытали сдвиг в субъективном опыте, а именно добавление нового и неконцептуального содержания к вашей текущей модели реальности.

Во-вторых, это определение отходит от классического различия между транспортным средством и содержанием. Стандартный способ определения прозрачности заключается в том, что системе интроспективно доступны только содержательные свойства феноменальных репрезентатов, но не свойства транспортных средств. Различие между транспортным средством и содержанием - очень полезный концептуальный инструмент, но он содержит тонкие остатки картезианского дуализма, поскольку всегда искушает нас переоценить транспортное средство и содержание, представляя их как разные, независимые сущности. Более эмпирически правдоподобная модель репрезентативного содержания должна описывать его как аспект продолжающегося процесса, а не как некий абстрактный объект. Нам нужно воплощенное содержание, так сказать, - непрерывный и физически реализованный процесс содержания, а не "содержание" (см., например, P. M. Churchland 1998, неопубликованная рукопись; Clark 1997; Opie and O'Brien 2001). В частности, описание феноменальной прозрачности в терминах аттенциональной

доступности более ранних стадий обработки имеет то преимущество, что позволяет разработать множество различных, тонких понятий о степени прозрачности и непрозрачности. Для различных классов феноменальных состояний, возникающих в результате функционально различных типов обработки, также может быть возможно описать не только различные степени, но и различные виды прозрачности и непрозрачности. Это позволяет гораздо более реалистично описать некоторые феноменологические особенности, относящиеся к различным классам состояний сознания.

Позвольте мне сначала описать три наиболее важные двусмысленности или потенциальные недоразумения, связанные с понятием "феноменальная прозрачность", как оно представлено в определении 2. Такие недоразумения существуют, они довольно распространены, но их прояснение также может быть использовано для дальнейшего обогащения целевого понятия. Существует три различных, но хорошо зарекомендовавших себя употребления понятия "прозрачность": два в философии и одно в теории коммуникации.

Во-первых, прозрачность - это не эпистемологическое, а феноменологическое понятие. В частности, она не имеет ничего общего с картезианским понятием эпистемической прозрачности - философской интуицией, согласно которой я в принципе не могу ошибаться относительно содержания собственного сознания, что представление о незамеченной ошибке при интроспективном доступе к содержанию собственного разума является бессвязным. Декарт знаменито выразил эту идею в последнем абзаце своей Второй медитации, а прогресс клинической нейропсихологии сегодня делает это классическое философское предположение о человеческом разуме несостоятельным (примеры см. в главе 7). Современная концепция

феноменальной прозрачности, однако, систематически связана с картезианским проектом в той мере, в какой она представляет собой важный строительный блок для теории, которая пытается сделать понятной подавляющую интуитивную силу, стоящую за этим ложным предположением. Картезианское утверждение об эпистемической прозрачности самосознания само по себе не может быть эпистемически оправдано, но оно имеет большое преимущество в том, что правильно описывает феноменологию уверенности, сопутствующую этому явлению.

Во-вторых, прозрачность здесь понимается как свойство феноменальных репрезентатов в субсимволической среде, то есть нелингвистических сущностей в рамках эмпирически правдоподобной теории ментальных репрезентаций, а не как свойство контекста. Вторая эквивокация - это эквивокация экстенциональности: "Феноменальная прозрачность" используется не как понятие, принадлежащее к области формальной семантики, а скорее как новое понятие в философской нейрофеноменологии. Прозрачность как свойство контекстов - это нечто совершенно иное. Экстенциональные (т.е. референциально прозрачные) контексты образуются предложениями, характеризующимися взаимозаменяемостью кореферентных выражений *salva veritate* и импликацией существования упоминаемых в них сущностей. Интенциональные (т.е. референциально непрозрачные) контексты образуются предложениями, характеризующимися взаимозаменяемостью выражений с идентичным значением *salva veritate*. Такие контексты не сохраняют одного и того же истинностного значения, если кореферентные выражения при индивидуальной переменной *x* или на месте, занимаемом предикатной буквой *F*, заменяют друг друга. Непрозрачные контексты образуются, например, путем отсылки к пропозициональным установкам, временным и модальным выражениям или косвенной речи. Тот, кто на

основании того, что определенное выражение x не может быть заменено кореферентным выражением y *salva veritate* в интенциональном контексте, делает вывод, что x и y не относятся к одному и тому же аспекту реальности, совершает то, что философы называют "интенциональным заблуждением".

Прозрачность как свойство контекстов - это не то, о чем я здесь говорю. Феноменальная прозрачность может существовать у нелингвистических существ, лишенных какой-либо формы когнитивной референции. Феноменально прозрачные репрезентации могут быть супервизированы мозгом в чане, тогда как референциально прозрачные, вероятно, не могут. Однако некоторые сложные феноменальные содержания потенциально могут составлять определенные типы лингвистических контекстов; в частности, непрозрачные феноменальные содержания, способствующие ментальной саморепрезентации более высокого порядка (см. раздел 6.4.4). Интересно отметить, что между референциальной и феноменальной прозрачностью снова существует связь: в обоих случаях мы имеем нечто вроде импликации существования представленных сущностей. Предложения, составляющие экстенциональные контексты, подразумевают существование упомянутых в них сущностей. Полностью прозрачные феноменальные репрезентации заставляют сознательную систему функционально стать наивным реалистом в отношении их содержания: все, что прозрачно представлено, переживается как реальное и несомненно существующее для этой системы.

Существует и третье распространенное употребление понятия "прозрачность", которое не следует путать с понятием, подразумеваемым здесь, но которое в то же время демонстрирует третью интересную семантическую параллель. Это тоже устоявшееся понятие. Прозрачность можно представить как свойство медиа. Например, в

технических системах телекоммуникаций прозрачность может быть свойством канала или системы передачи информации в целом. Для примера, прозрачность в этом смысле может быть свойством сервера в Интернете. Три определяющие характеристики такого понятия прозрачности: во-первых, на вход принимается немодифицированная пользовательская информация; во-вторых, на выходе выдается немодифицированная по форме и информационному содержанию пользовательская информация; в-третьих, пользовательская информация вполне может быть внутренне изменена и переработана самыми разными способами, но всегда преобразуется в исходный формат, прежде чем попадет на выходной этап без каузального взаимодействия с пользователем. Очевидным примером является электронная почта. Одно сообщение, которое вы отправляете своему другу, может быть разбито на множество различных частей, каждая из которых проходит множество различных дорог и "прыжков" по сети, прежде чем вновь собирается на другом конце. Пользователь не имеет доступа к субличностным механизмам, лежащим в основе успешной коммуникации на персональном уровне. Очевидно, что феноменальная прозрачность в том смысле, который здесь подразумевается, не является свойством технических систем. Однако интересно еще раз отметить параллель, которая возникает, если мы рассматриваем нейронный коррелят сознания или сознательную модель реальности как медиум: Этот медиум прозрачен в той мере, в какой субличностные механизмы обработки, способствующие его активному в данный момент содержанию, недоступны для интроспективной обработки высокого уровня. Феноменальное цветовое зрение прозрачно, потому что мы не можем направить наше внимание на личном уровне на текущую активность соответствующих механизмов обработки в нашей зрительной коре. Все, что мы получаем, - это конечный результат, осознанное ощущение голубого цвета, полученное Г. Э. Муром. Позвольте мне привести прекрасный, но гораздо более сложный пример,

предложенный Джонатаном Коулом (1998): сознательно воспринимаемые лица тоже могут быть прозрачными. Глядя друг другу в лицо, мы часто непосредственно видим выражаемые эмоции, потому что, по словам Коула, человеческое лицо - это "воплощенная область коммуникации". При кажущейся непосредственной эмоциональной коммуникации мы не воспринимаем лицо как репрезентацию эмоционального состояния другого человека - лицо, хотя и остается сенсорной репрезентацией, становится прозрачным. Для аутистов визуально воспринимаемые лица окружающих людей могут быть просто сложными визуальными паттернами, подобными "мячам, отскакивающим от стены", за которыми не стоит эмоциональное "я" (см. Cole 1998, глава 7). Хотя эти лица феноменально прозрачны (на уровне их чисто сенсорного содержания), они эпистемически непрозрачны (на уровне эмоционального содержания или знания, обычно передаваемого через них), поскольку из-за дефицита бессознательных, субличных механизмов обработки информации это содержание недоступно на сознательном, личностном уровне. Восприятие лица - это не только фундаментальный строительный блок социального интеллекта человека, но и многослойный феномен, охватывающий весь диапазон от сознательной до бессознательной обработки.

Опять же, следует отметить, что прозрачность не является необходимым условием для приписывания сознательных состояний. Феноменальная прозрачность сильно варьируется среди различных подклассов феноменальных состояний, поскольку она является постепенным свойством таких состояний. Короче говоря, я бы утверждал, что распределение прозрачности и непрозрачности в феноменальном пространстве имеет интересную вариативность.

С другой стороны, следует отметить, что применение ограничения прозрачности сейчас и впервые позволяет нам сформулировать минимальную концепцию феноменального опыта: сознательный опыт, по своей сути, есть "присутствие мира". Феноменальное присутствие мира - это активация когерентной, глобальной модели реальности (ограничение 3) в виртуальном окне присутствия (ограничение 2), оба из которых прозрачны в только что введенном смысле (ограничение 7). Соединение удовлетворенных ограничений 2, 3 и 7 дает самую элементарную форму сознательного опыта, которую только можно себе представить: присутствие мира, содержание модели мира, которая не может быть распознана как модель системой, порождающей ее внутри себя. Ни богатой внутренней структуры, ни сложной текстуры субъективного времени или перспективности в этой точке не существует. Все, что ощущала бы такая система, - это присутствие одного единого мира, однородного и застывшего во внутреннем "Сейчас". Короче говоря, прозрачность репрезентативных структур является решающим критерием для превращения модели в видимость, в кажущуюся реальность. Мы не переживаем окружающую нас реальность как содержание репрезентативного процесса и не представляем ее компоненты в качестве внутренних носителей, каузальных ролевых игроков, так сказать, другого, внешнего уровня реальности. Мы просто переживаем ее как мир, в котором мы живем. Я возвращаюсь к этому вопросу в конце раздела 3.2.11, а в конце этой главы ввожу более общее понятие "феноменальной ментальной модели".

Феноменология прозрачности

Прозрачность - это особая форма темноты. Применительно к феноменологии визуального опыта прозрачность означает, что мы не можем увидеть что-то, потому что оно прозрачно.

Мы не видим окно, а только пролетающую мимо птицу. Феноменальная прозрачность в целом, однако, означает, что субъективному опыту недоступно нечто особенное, а именно - репрезентативный характер содержаний сознательного опыта. Этот анализ относится ко всем сенсорным модальностям и к нашей интегрированной феноменальной модели мира в целом в частности. Сами инструменты репрезентации больше не могут быть представлены как таковые, и, следовательно, переживающая система по необходимости оказывается втянутой в наивный реализм. Это происходит потому, что теперь она по необходимости должна переживать себя как находящуюся в непосредственном контакте с текущим содержанием собственного сознания. Феноменология прозрачности - это феноменология очевидно прямого восприятия. Что же такое система не может пережить? То, что недоступно сознательному опыту, является простым фактом того, что этот опыт происходит в среде. Таким образом, прозрачность феноменального содержания приводит к еще одной характеристике сознательного опыта, а именно к субъективному впечатлению непосредственности. Важно отметить, что наивный реализм, обусловленный феноменальной прозрачностью, не является философской установкой или видом веры. Это глобальный вид феноменального характера, которым могло бы обладать и нелингвистическое животное, совершенно неспособное формировать убеждения. С другой стороны, многие плохие философские аргументы относительно непосредственного знакомства, безошибочного знания от первого лица и прямого доступа явно основаны на эквивокации между эпистемической и феноменальной непосредственностью; из того факта, что сознательный опыт, например, цвета объекта, несет в себе характеристики феноменальной непосредственности и непосредственной данности, не следует, что речь идет о каком-либо неопосредованном или непосредственном виде знания. Феноменальное содержание как таковое не является эпистемическим содержанием, и

широко распространено и правдоподобно предположение, что оно локально зависит от свойств мозга. Согласно принципу локального супервентрирования, для каждого вида феноменального содержания у человека найдется по крайней мере один минимально достаточный нейронный коррелят. Феноменальное содержание может быть отделено от интенционального содержания. Мозг в чане может обладать состояниями, субъективно представляющими цвета объектов как немедленно и непосредственно данные. Любая полностью прозрачная феноменальная репрезентация характеризуется механизмами порождения, которые привели к ее активации, плюс факт конкретного внутреннего состояния, которое теперь существует и несет свое содержание, не будучи больше интроспективно доступным. Феноменология прозрачности, таким образом, является феноменологией наивного реализма.

Конечно, существуют и непрозрачные феноменальные репрезентации. Непрозрачность появляется именно тогда, когда темнота становится явной - в тот момент, когда мы сознательно представляем, что нечто на самом деле является репрезентацией, но не посредством пропозиционального знания или сознательной мысли, а в первую очередь благодаря тому, что наше внимание привлекает тот факт, что то, что известно в данный момент, известно через внутренний носитель. Если окно грязное или имеет трещину, мы осознаем, что видим пролетающую мимо птицу через окно. Вот несколько первых примеров классов непрозрачных состояний: прежде всего, сознательно переживаемые мысли, а также некоторые виды эмоций, псевдогаллюцинации или люцидные сны субъективно переживаются как репрезентативные процессы. Такие процессы иногда представляются нам как сознательно инициированные когнитивные или репрезентативные процессы, а иногда как спонтанно возникающие, ограниченные или даже глобальные феноменальные симуляции, часто не контролируемые субъектом опыта. В таких случаях мы знаем,

что они не представляют нам реальности, а только возможности: информация о том, что они являются репрезентативными процессами, содержание которых может или не может правильно отображать внешнюю реальность, глобально доступна для внимания, познания и поведенческого контроля. Многие авторы описывают феноменальную прозрачность как феномен "все или ничего". Однако феноменологическая справедливость по отношению к сознательному опыту требует более дифференцированного описания.

Давайте рассмотрим феноменологические примеры, в которых ограничение прозрачности соблюдается в разной степени. Сенсорный опыт - парадигматический пример полностью прозрачного феноменального содержания. Однако существуют примеры сенсорной непрозрачности, например, во время чрезвычайно коротких переходных фаз в бистабильных феноменах, например, в задачах на бинокулярное соперничество или при переключении сознательно переживаемого куба Неккера с одной интерпретации на другую и обратно (см., например, Leopold and Logothetis 1999). Кроме того, существует феномен псевдогаллюцинации (см. раздел 4.2.4), который демонстрируют все люди, знающие, что они галлюцинируют, в то время как они галлюцинируют. Если испытуемый в лабораторном эксперименте под воздействием галлюциногенного препарата типа ЛСД или 2-КБ наблюдает абстрактные геометрические узоры на стене, дышащие и медленно эволюционирующие во все более глубокие формы невыразимой красоты, он часто будет осознавать репрезентативный характер своего визуального опыта в этой субрегиональной области своего феноменального пространства. Как правило, субъект тут же усомнится в правильности своего эмпирического состояния и возьмет назад "предположение о существовании", без труда соглашаясь с визуальным опытом в стандартных ситуациях. Я утверждаю, что то, что осознает этот субъект, - это более

ранние стадии обработки в его зрительной системе: движущиеся паттерны просто являются этими стадиями (см. также раздел 4.2.4; математическую модель зрительных галлюцинаций см. в Ermentrout and Cowan 1979; Bressloff, Cowan, Golubitsky, Thomas, and Wiener 2001). Этот первый пример простых, абстрактных галлюцинаций также дает новый интересный способ описания феноменологии прозрачности и непрозрачности: прозрачный опыт - это *conscientia*,¹⁵ опыт не только знания, но и знания того, что вы знаете, пока вы знаете; непрозрачный опыт - это опыт знания, когда вы также (неконцептуально, аттенционально) знаете, что вы можете ошибаться. Конечно, существуют и сложные галлюцинации, которые полностью прозрачны и в которых переживающий субъект теряется в альтернативной модели реальности (см., например, Siegel and West 1975). Важно, однако, что парадигматическими примерами полностью непрозрачных состояний являются намеренно инициированные процессы сознательного мышления. В этих случаях мы действительно переживаем себя как сознательно конструирующих и оперирующих абстрактными представлениями, которые мы сами сгенерировали и которые в любой момент могут оказаться ложными. Мы одновременно являемся когнитивными и эпистемическими агентами, мыслящими субъектами, активно пытающимися достичь расширения знаний. В частности, мы интроспективно осознаем этапы обработки, формирования мыслей. Сознательная когнитивная референция феноменально непрозрачна.

Следует отметить, что существуют также формы мышления, локализованные на другом конце спектра, между феноменальной прозрачностью и феноменальной непрозрачностью. Если мы погружаемся в манифестные дневные грезы, то часто переживаем когнитивную обработку уже не как когнитивную обработку. Еще один момент, который следует отметить при обсуждении феноменологии прозрачности и непрозрачности: не только отдельные

феноменальные содержания могут демонстрировать переменную степень прозрачности; то же самое справедливо и для глобальных феноменальных моделей мира. Сразу после дорожно-транспортного происшествия весь мир может казаться нам "нереальным" или "сновидческим". Тот же феномен известен в стрессовых ситуациях и в переходных фазах при некоторых психиатрических синдромах. Однако самым лучшим и основным примером почти полностью непрозрачного, глобального феноменального состояния является люцидный сон (см. LaBerge and Gackenbach 2000; Metzinger 1993; и раздел 7.2.4 в частности). Между обычными и люцидными снами существуют интересные переходы, поскольку существуют степени люцидности. Например, можно, будучи пассивным свидетелем, очень четко осознавать, что все это сон (аттенционная и когнитивная доступность информации о репрезентативном характере общего состояния), не обязательно также знать о своей свободе воли, не осознавая, что являешься агентом, который может начать летать или проходить сквозь стены (доступность информации о репрезентативном характере общего состояния для контроля поведения). Подробнее об этом позже.

Возвращаясь от глобальных классов феноменальных состояний к конкретным примерам, большой интерес представляет исследование прозрачности и непрозрачности эмоций. В отличие от сенсорных и когнитивных состояний, эмоции не являются парадигматическим примером ни прозрачности, ни непрозрачности. Наши эмоциональные состояния часто кажутся непосредственно данными формами субъективной саморепрезентации. В их содержании мы не сомневаемся, а просто воспринимаем как достоверную, непосредственно данную информацию о нашем собственном текущем состоянии и о нашем отношении к другим людям и их состояниям. Однако иногда мы вдруг осознаем, что наша эмоциональная реакция может оказаться неуместной в текущем социальном окружении. Возьмем, к примеру,

ревность: мы можем внезапно осознать репрезентативный характер нашей собственной ревности, если поймем, что на самом деле все это может быть искажением - например, тех людей в нашем социальном окружении, к которым мы ревнуем. То, что переживалось как очевидное свойство другого человека (пролетающая птица), вдруг становится состоянием меня самого (в окне трещина!). В эмоциях мы часто колеблемся между уверенностью и неуверенностью, между непосредственностью очевидного восприятия и сомнениями. Это простое феноменологическое наблюдение указывает на еще одну важную характеристику непрозрачных феноменальных репрезентаций. Они делают возможность того, что они на самом деле могут быть искажениями, глобально доступной для познания, внимания и поведенческого контроля.

Прозрачность как свойство сознательных репрезентаций

Феноменальные репрезентации прозрачны, поскольку их содержание кажется неизменным во всех возможных контекстах: Книга, которую вы сейчас держите в руках, всегда будет оставаться именно этой книгой в соответствии с вашим субъективным опытом, независимо от того, насколько изменится внешняя перцептивная ситуация. То, что вы сейчас переживаете, - это не "активный эмулятор объекта", который только что был встроен в вашу глобальную модель реальности, а просто содержание лежащей в основе репрезентативной динамики: эта книга, как здесь (ограничение 3) и сейчас (ограничение 2) без усилий данная вам (ограничение 7). На этом уровне, возможно, будет полезно прояснить понятие прозрачности применительно к текущему теоретическому контексту, вернувшись к более традиционным концептуальным инструментам, вновь проводя различие между средством и содержанием репрезентации, между носителем репрезентации и ее репрезентативным содержанием.

Репрезентативным носителем вашего феноменального опыта является определенный процесс в мозге. Этот процесс, который ни в коем случае не обладает ничем "книжным", не переживается вами сознательно; он прозрачен в том смысле, что вы смотрите сквозь него. То, на что вы смотрите, - это его репрезентативное содержание, существование книги здесь и сейчас, как оно дано через ваши органы чувств. Это содержание, таким образом, является абстрактным свойством конкретного репрезентативного состояния в вашем мозгу. Однако, как мы уже видели, существует по крайней мере два вида содержания. Интенциональное содержание соответствующих состояний в вашей голове зависит от того, существует ли эта книга на самом деле и является ли соответствующее состояние надежным инструментом для получения знаний в целом. Если этот репрезентативный носитель является хорошим и надежно функционирующим инструментом генерации знаний о внешнем мире, то в силу самой своей прозрачности он позволяет вам как бы напрямую смотреть "сквозь него" прямо на книгу. Она делает информацию, которую она несет, глобально доступной (ограничение 1), при этом вам не нужно заботиться о том, как достигается это маленькое чудо. Феноменальное содержание вашего активного в данный момент представления книги - вот что остается неизменным, независимо от того, существует книга или нет. Оно определяется исключительно внутренними свойствами нервной системы. Если ваше текущее восприятие, незаметно для вас, на самом деле является галлюцинацией, то вы, как система в целом, больше не смотрите "сквозь" состояние в вашей голове на мир, а только на само средство репрезентации - без того, чтобы сам этот факт был вам доступен в глобальном масштабе. Специфической и крайне интересной характеристикой феноменального варианта репрезентации теперь является тот факт, что это содержание, даже в только что описанной ситуации, неизменно переживается как максимально конкретное, как абсолютно однозначное, как максимально детерминированное и

недвусмысленное, как непосредственно и немедленно данное вам. Его каузальная история аттенционально недоступна. Феноменальные репрезентации - это те, для которых мы не в состоянии обнаружить различие между репрезентативным содержанием и репрезентативным носителем на уровне самого субъективного опыта.

Конечно, существуют контрпримеры, и они очень полезны для более глубокого понимания понятия "прозрачность". Например, непрозрачные феноменальные репрезентаты возникают, если информация о том, что их содержание является результатом внутреннего репрезентативного процесса, внезапно становится общедоступной. Представьте, что вы вдруг обнаруживаете, что книга в ваших руках не существует в реальности. Галлюцинация теперь становится псевдогаллюцинацией. На уровне феноменального опыта становится доступной дополнительная информация о том, что вы смотрите не прямо на мир, а "на" внутреннее репрезентативное состояние, которое на мгновение кажется не лучшим инструментом для получения знаний. Феноменальное состояние книги становится непрозрачным. Трещина в окне привлекает ваше внимание. Вы теряете сенсорную прозрачность; вы начинаете осознавать тот факт, что восприятия генерируются органами чувств и что эти органы не функционируют абсолютно надежно во всех ситуациях. Однако существуют и более полные виды феноменальной непрозрачности.

Сделаем второе предположение. Вы вдруг обнаруживаете, что не только восприятие этой конкретной книги, но и все ваши философские размышления о проблеме сознания происходят в данный момент во сне. Затем этот сон становится люцидным сном (см. раздел 7.2.5). Тот факт, что ваша феноменальная жизнь разворачивается не в мире, а только в мире-модели, теперь становится глобально доступным. Вы можете использовать эту информацию для

управления действиями, для дальнейшей когнитивной обработки или для управления своим вниманием. Что вы теряете, так это глобальную прозрачность. Интересно отметить, что одной когнитивной доступности недостаточно, чтобы прорваться сквозь реализм, характеризующий феноменальный опыт. Вы не можете просто "выдумать себя" из феноменальной модели реальности, изменив свои убеждения относительно этой модели. Прозрачность феноменальных репрезентаций когнитивно непроницаема; феноменальное знание не тождественно концептуальному или пропозициональному знанию.

Классическими философскими примерами непрозрачных ментальных репрезентаций, конечно, являются старые добрые пропозициональные установки. Из-за своей связи со способом представления убеждения и другие пропозициональные установки семантически непрозрачны, поскольку они могут представлять свои объекты по-разному - по крайней мере, это фоновое предположение, разделяемое многими философами (которое я не намерен обсуждать в дальнейшем на данном этапе). Ваше убеждение, что вы сейчас держите в руках книгу, отличается от вашего убеждения, что вы сейчас держите в руках книгу о "Я-модельной теории субъективности", потому что вы могли бы знать содержание одной из этих двух пропозиций, не зная содержания другой. Убеждения позволяют нам представлять один и тот же объект разными способами; они создают возможное различие между содержанием ментальной репрезентации и способом, которым это содержание представлено. Чисто феноменальные репрезентации не обладают такой двусмысленностью. Мы переживаем их содержание таким образом, что не возникает никаких вопросов о том, как это содержание нам дано. Только во взаимодействии с теоретической рефлексией, только с появлением когнитивных ментальных репрезентаций в узком смысле, феноменальный опыт вообще становится проблемой.

Прозрачность как информационно-вычислительная стратегия

Семантическая прозрачность внутренних структур данных - это, с двух точек зрения, большое преимущество для любой биосистемы, вынужденной работать с ограниченными временными и нейронными ресурсами. Во-первых, она минимизирует вычислительную нагрузку. Во-вторых, она создает важнейшую "архитектурную" предпосылку для планирования процессов.

Во-первых, прозрачность - это синоним отсутствия информации: те сложные процессы обработки информации, которые приводят к активации нашей феноменальной модели мира, систематически убираются из поля зрения. Это означает, что почти всю информацию о сложной каузальной истории этой модели не нужно перерабатывать, и с эволюционной точки зрения это, безусловно, является преимуществом. Транспарификация более ранних этапов обработки информации ограничивает целевую область для attentionной и когнитивной обработки, а также для селективного моторного контроля, и это важная стратегия распределения ресурсов. Иногда мне нравится смотреть на это так, в терминах старомодной метафоры вычислительной техники: Сознательный опыт для биологической системы создает просто структурированную пользовательскую поверхность для ее собственной нервной системы. Наивный реализм, неизбежно сопровождающий закрытость ее поверхности (ограничение 10), является преимуществом. Он сталкивает систему только с конечными результатами ее собственной деятельности по обработке информации, делая их доступными для управления действиями и одновременно защищая систему от потери контакта с внешней реальностью, заблудившись в интроспективном исследовании лежащих в

ее основе механизмов. Таким образом, наша репрезентативная архитектура позволяет лишь очень ограниченный интроспективный доступ к реальной динамике мириад отдельных нейронных событий, из которых наш феноменальный мир в конечном итоге возникает, казалось бы, без усилий. Я уже подчеркивал этот факт на эпистемологическом уровне, вводя понятие "автоэпистемической закрытости": сознательный опыт сильно ограничивает наши возможности получения знаний о себе. Субъективный опыт не был развит в стремлении к старому философскому идеалу самопознания, но он оказался эволюционно успешным, поскольку позволил создать более гибкую форму контроля действий. Феноменальная непрозрачность - это просто степень доступности для внимания более ранних стадий обработки, и эта степень зависит от того, насколько адаптивным было сделать эти более ранние стадии обработки глобально доступными.

Во-вторых, если отвлечься от наивного реализма, прозрачность нашей феноменальной модели мира - это элегантный и простой способ создать референтную основу для процессов планирования. Она предполагается гипотезой нулевого мира, представленной ранее. Преднамеренные симуляции всегда являются непрозрачными репрезентациями, и они могут выполнять свою функцию для организма только в том случае, если они встроены в прозрачную фоновую модель. Прозрачные модели мира - необходимый инструмент для измерения расстояния от реального мира до определенных внутренне симулированных моделей мира, которые одновременно распознаются как симуляции.

Прозрачность как функциональное свойство

Прозрачность приводит к появлению новых функциональных свойств. Это справедливо как для отдельных репрезентатов, так и для систем в целом. Системы, впервые действующие в рамках прозрачной модели мира, живут в реальности, которую для них невозможно трансцендировать; на функциональном уровне они становятся реалистами. Опять же, это не означает, что они должны обладать определенными убеждениями или даже быть в состоянии их сформировать. Это означает, что предположение о фактическом наличии мира становится каузально эффективным. Если их модель реальности содержит границу система-мир, то лежащая в ее основе дифференциация становится для них реальным различием; поскольку фактический характер содержания их феноменальных репрезентаций не может быть ими трансцендирован, каузальная действенность информации, отображаемой в этом режиме, возрастает. Для телеофункционалистского анализа прозрачности и непрозрачности важно увидеть, как оба репрезентативных феномена приобретают различные преимущества для организма.

Прозрачная модель мира полезна тем, что впервые позволяет внутренне представить фактичность. Она позволяет системе относиться к информации как к фактам. Прозрачность заставляет организм серьезно относиться к миру. В этом контексте может быть интересно отметить, что человеческие дети начинают явно представлять фактичность только в возрасте 11/2 лет. Имплицитное представление фактичности, обеспечиваемое феноменальной прозрачностью, является главным необходимым условием для способности впоследствии эксплицитно и когнитивно представлять тот факт, что нечто действительно имеет место быть.

Как только становится доступной определенная степень непрозрачности, появляется второе важное функциональное

преимущество: Различие между видимостью и реальностью теперь может быть представлено. Тот факт, что некоторые элементы непрерывного потока сознательного опыта на самом деле являются репрезентативными содержаниями, а значит, могут быть ложными, становится глобально доступным. Различие между видимостью и реальностью само становится элементом реальности, и теперь с ним можно действовать или думать о нем, обращать на него внимание и делать объектом пристального изучения. Как известно из психологии развития, появление различия между внешностью и реальностью является решающим шагом в становлении ребенком собственной субъективной реальности.

Это открывает новый потенциал для самопрезентации, значимость которого трудно недооценить: возникновение подлинно когнитивного субъекта (см. раздел 6.4.4) связано с существованием непрозрачных феноменальных репрезентаций. Именно взаимодействие между непрозрачными и прозрачными репрезентациями позволяет добиться новых и специфических когнитивных достижений. Позвольте мне привести типично философский пример. Дерреференция - это то, что не только должно иметь место, но и то, что должно быть внутренне смоделировано самим когнитивным субъектом, чтобы быть успешным. При отсылке к уже внутренне представленному объекту как к объекту содержание внутреннего состояния должно быть надежно закодировано как внешнее, конкретное, а не как содержание. Объектный компонент этого акта отсылки, таким образом, должен быть мысленно представлен прозрачным образом, тогда как сам акт отсылки, репрезентативная деятельность, сопровождающая этот шаг, должна быть мысленно смоделирована как репрезентативная деятельность, и, следовательно, должна быть представлена непрозрачно. Мы вернемся к этим вопросам в главе 6.

Для функционального анализа отдельных состояний, однако, вытекает сильное общее утверждение о необходимых свойствах феноменальных средств репрезентации. Они создаются функциональной архитектурой, которая делает в целом невозможным для аттенционных нисходящих механизмов доступ к их каузальной истории. Различные субограничения и различные степени удовлетворения ограничений дают различные классы феноменальных транспортных средств.

Нейронные корреляты прозрачной репрезентации

Прозрачность можно осмысленно прочесть и на нейронаучном уровне описания: мозг - носитель субъективного опыта, и как носитель он недоступен для этого самого опыта. Наш собственный мозг - слепое пятно сознательного опыта, потому что в нем нет никакого саморепрезентативного содержания (раздел 5.4), вызванного им. Например, когда мы сознательно подвергаемся нейрохирургической операции, при которой только местная анестезия блокирует боль в коже, которую нужно разрезать и оттеснить, чтобы вскрыть череп, мы не можем чувствовать боль в мозге, потому что "нет "мозга-кожи", которая чувствует нож нейрохирурга" (Feinberg 2001, p. 157). Это действительно подразумевает функциональное разнообразие прозрачности. Как выразился Тодд Фейнберг:

Еще со времен Аристотеля было известно, что мозг нечувствителен. Например, разрез коры головного мозга сам по себе не вызывает боли. Кроме того, мозг не имеет сенсорного аппарата, направленного на самого себя. Субъект "изнутри" никак не может осознать свои собственные нейроны "изнутри". Их можно познать только объективно, "снаружи". Не существует внутреннего глаза, наблюдающего

за самим мозгом, воспринимающего нейроны и глию. Мозг "прозрачен" с точки зрения субъекта, но не с точки зрения внешнего наблюдателя. Поэтому можно сказать, что нейронное состояние, инстанцирующее сознание, не отсылает к самому себе. Сознательное нейронное состояние влечет за собой смысловое состояние, которое, с точки зрения субъекта, отсылает к чему-то, что материально не является этим состоянием". (Feinberg 1997, p. 87)

Однако нейронное состояние, несущее интенциональное содержание ("смысловое состояние"), может быть и бессознательным состоянием, то есть нефеноменальным смысловым состоянием. Поэтому для того, чтобы атаковать объяснительную цель феноменальной прозрачности, необходимы дополнительные ограничения на другие уровни описания. В принципе, можно представить, что бессознательное нейронное состояние, по сути дела, будет ссылаться на себя как на средство репрезентации - но это еще не означает, что оно станет феноменально непрозрачным. Феноменальная непрозрачность и прозрачность определяются степенью, в которой система в целом имеет аттенционный доступ к более ранним стадиям нейронной обработки.

К сожалению, сегодня почти ничего не известно о нейронной основе феноменальной прозрачности. Однако как только будут получены минимально достаточные нейронные корреляты для конкретных форм феноменального содержания, мы сможем исследовать степень доступности более ранних этапов обработки, ведущих к установлению этих коррелятов в системе. Такая исследовательская программа должна быть ориентирована на "принцип аттенциональной доступности", который я представил выше: степень феноменальной прозрачности обратно пропорциональна степени аттенциональной доступности более ранних стадий обработки. Прозрачность, таким

образом, можно рассматривать как функциональное свойство нейронного процесса, несущего соответствующее феноменальное содержание. Особый интерес может представлять более тщательное исследование временного разрешения аттенциональной обработки по отношению к таким более ранним фазам динамической нейронной самоорганизации.

Также может оказаться полезным применить дополнительное "ограничение на приобретение" (см. Bermúdez 1998) к филогенетической и онтогенетической истории феноменальной прозрачности. Нейробиологическая теория прозрачности должна быть способна объяснить, как мы приобрели прозрачные и непрозрачные феноменальные репрезентации в несколько этапов. Чтобы проиллюстрировать эту идею, позвольте мне кратко указать на очевидную особенность трех классов феноменальных состояний, которые я первоначально различал, а именно: сенсорная обработка, эмоциональная обработка и когнитивная обработка. Очевидно, что сенсорная обработка является очень старой, очень быстрой и высоко интегрированной с другими репрезентативными ресурсами в системе. Она также, как правило, очень надежна и хорошо адаптирована к нашей текущей среде. Интересно отметить, что сенсорное содержание также является нашим парадигматическим примером прозрачности. Если философы ищут пример прозрачности, они обычно выбирают сенсорную квалию, как Г. Э. Мур выбрал визуальную цветовую квалию синего цвета. Сенсорные квалии - это пример прозрачности. Интересно отметить, что эмоции появились гораздо позже в эволюционной истории и что эмоции обычно требуют больше времени на обработку; они часто не так хорошо адаптированы и не так надежны по отношению к нашей быстро меняющейся современной социальной среде. Получается, что эмоции занимают среднее место в феноменальном спектре между прозрачностью и непрозрачностью: иногда мы осознаем их

репрезентативность, чаще - нет. С эволюционной точки зрения, когнитивная обработка - в смысле внутреннего моделирования основанных на правилах операций с дискретными символами, композиционность, синтактичность, простота и так далее - это нечто очень и очень новое. Сознательное мышление, безусловно, имеет самый короткий период для эволюционной оптимизации; оно медленное и, как все мы знаем, очень ненадежное. Когнитивная обработка настолько медленная, что позволяет нам интроспективно наблюдать за процессом создания ее содержания. Эволюционная перспектива может помочь сделать первые шаги на пути к нейробиологически обоснованной теории феноменальной прозрачности (см., например, Roth 2000).

Однако в конечном счете феномены прозрачности и непрозрачности можно будет объяснить и на гораздо более коротком временном масштабе. Если существует постепенное распределение прозрачности в феноменальном пространстве, определяемое как градиент доступности внимания для более ранних стадий обработки, то этот градиент может иметь прямое объяснение в терминах временного разрешения и времени обработки целевых состояний первого порядка в мозге.

При поиске нейронных коррелятов определенных состояний сознания важно выделить минимально возможный набор условий, достаточный для активации конкретной формы феноменального содержания. Особый интерес представляют все экспериментальные установки, в которых удается отделить интенциональное содержание репрезентативного состояния от его феноменального содержания. Другими словами, мы должны искать общий набор минимально достаточных условий идентичных переживаний, которые иногда являются галлюцинациями, а иногда -

верифицированными восприятиями (хороший пример см. в Düzel, Yonelinas, Mangun, Heinze, and Tulving 1997).

3.2.8 Автономная активация

Как мы только что увидели, некоторые ограничения имеют значительную феноменологическую специфику. Степень удовлетворения ограничений может сильно варьироваться от одного класса феноменологических состояний к другому. Следующее ограничение справедливо не для всех, но для значительного числа различных форм феноменального содержания. Как объяснялось в главе 2, презентативное содержание всегда коррелирует со стимулом.

Репрезентативное содержание всегда отсылает к реальному состоянию мира. Феноменальные симуляции (см. раздел 2.3), однако, генерируются таким образом, что в значительной степени не зависят от текущего сенсорного ввода. Высшие порядки, то есть, в частности, подлинно когнитивные варианты сознательных содержаний, могут таким образом входить в сложные симуляции: они порождаются такими симуляциями. Интересно отметить, в контексте только что рассмотренного ограничения прозрачности, что когнитивное феноменальное содержание, активируемое автономным способом, обычно непрозрачно.

Феноменология моделирования

Однако сначала нужно рассмотреть состояние сна, поскольку оно демонстрирует максимальную степень удовлетворения ограничения 8: сны - это глобальные автономные состояния. Во сне мы сталкиваемся с очень большим, глобальным классом состояний, который возникает именно потому, что

мозг постоянно интерпретирует внутренне генерируемые стимулы, интегрируя их в динамичную, прозрачную модель мира. Как и в обычном состоянии бодрствования, эта модель не осознается как модель, и в этом случае даже информация о том, что эта модель не относится к актуальному миру, недоступна субъекту опыта. К более подробному анализу феноменальных сновидений и их значимости для общей теории сознания я вернусь в главе 4 (раздел 4.2.5). Здесь же мы рассматриваем только феноменально переживаемые состояния, не связанные напрямую со стимулами. В основном существует два вида таких состояний.

Вы когда-нибудь читали философские тексты, которые вызывали в вас спонтанный внутренний диалог с автором? Дневные сны, ассоциативные фантазии, спонтанно возникающие последовательности воспоминаний или кажущиеся бесполезными внутренние монологи - это ненамеренные симуляции. Иногда эта первая категория состояний даже открывает магическое измерение: ею управляют образы, переживаемые как автономные и как образы. В ненамеренных симуляциях мы субъективно переживаем себя как существа, не привязанные к эмпирическому Сейчас, которое в данный момент дается через органы чувств. Интенциональное содержание наших текущих ментальных процессов простирается в прошлое и будущее, но в то же время остается верным, что как содержимое рабочей памяти они подчиняются принципу презентативности (ограничение 2). Я могу мечтать о далеком будущем или удивляться внезапному появлению приятного детского воспоминания, но в то же время эти внутренние симуляции всегда происходят на фоне того, что я вижу эти мечты или удивляюсь сейчас. Этот новый уровень субъективного опыта можно проанализировать следующим образом: Разница между возможной и реальной ситуацией становится глобально доступной (ограничения 1 и 3). Прошлое и будущее теперь могут быть представлены в виде эксплицитных эпизодов, которые, тем не менее, всегда

привязаны к единичной, индивидуальной перспективе (ограничения 5 и 6) на уровне феноменального опыта. Индивидуальная перспектива порождается феноменальным присутствием расположенного, полностью воплощенного "я" (см. раздел 5.4). Если интенциональное содержание этих эпизодов формируется прошлыми состояниями организма, возникает автобиографическая память, и феноменальная самость обогащается новым измерением содержания, теоретическое значение которого трудно недооценить. Историчность собственной личности теперь когнитивно доступна в самом сознательном опыте. Если же спонтанно возникающие симулятивные эпизоды отсылают к возможным ситуациям и потенциальным будущим состояниям феноменального "я", неопределенность собственной биографии становится доступной на уровне сознательного опыта. Эта информация является одной из важнейших предпосылок для запуска процессов планирования и выбора целей. Короче говоря, способность генерировать глобально доступные автономные симуляции особенно интересна в тех случаях, когда эти феноменальные симуляции являются феноменальными симуляциями себя (см. раздел 6.2.7).

Еще более богатая форма сознательного опыта появляется, если в общий процесс дополнительно интегрировать еще один вид феноменального содержания - феноменальное свойство агентности (см. раздел 6.4.5). Тогда симуляции становятся намеренными симуляциями. Преднамеренные симуляции - это второй тип объяснительных целей, которые должны быть исследованы в рамках ограничения автономной активации. Феноменология предполагаемых симуляций - это феноменология автономного когнитивного субъекта. В таких состояниях мы ощущаем себя ментальными агентами. В этом контексте ментальные агенты - это не только существа, способные добровольно направлять свое внимание на объект. Ментальные агенты - это системы, сознательно генерирующие феноменально непрозрачные

состояния внутри себя, системы, способные инициировать и контролировать упорядоченные цепочки ментальных репрезентаций и для которых сам этот факт опять же когнитивно доступен. Ментальные агенты - это системы, переживающие себя как мыслители своих собственных мыслей. Они могут сформировать понятие "рациональный индивид", которое, в свою очередь, является историческим корнем понятия "человек". Затем мы делаем шаг от существа с феноменальной перспективой первого лица к существу с сознательно переживаемой когнитивной перспективой первого лица, потому что теперь мы способны мысленно моделировать тот факт, что на самом деле являемся системами, способными активировать ментальные репрезентации внутри себя целеустремленным образом. Наша собственная рациональность становится частью реальности. Затем мы можем интегрировать эту новую информацию в наше феноменальное "я", впервые осознанно переживая себя как рациональных индивидов, как личностей (я вернусь к этому моменту в разделе 6.4.4; см. также Baker 1998). Короче говоря, мы испытываем рефлексивность самосознания; наша способность к рациональной когнитивной самореференции теперь стала глобально доступным фактом. На нашей планете эта феноменология может быть ограничена человеком и некоторыми высшими приматами. Ограничение автономной активации - важное ограничение для выяснения того, какие виды репрезентативных структур сделали это развитие возможным.

Автономное моделирование как свойство репрезентативности

Для примитивных биосистем может оказаться верным, что существует только интегрированное феноменальное

представление, или ядро сознания (Damasio 1999). Такие организмы были бы пойманы внутри вечного Сейчас, поскольку содержание их феноменальных состояний относилось бы только к данным в данный момент источникам стимулов. Если, однако, мы заинтересованы в объяснении памяти и высших когнитивных способностей, таких как внутренняя репрезентация состояний цели ("планирование будущего"), как биологического, а также субъективно переживаемого феномена, то мы должны предположить возможность для системы генерировать сложные ментальные репрезентации независимо от непрерывного потока входных данных. Тот простой факт, что днем видеть сны гораздо сложнее, чем ночью, показывает, что, с функциональной точки зрения, на заднем плане существует реальная вычислительная проблема: Хотя с нейробиологической и чисто функционалистской точки зрения значительная часть активности, лежащей в основе сознательной модели реальности, может быть основана на внутренней, автономной деятельности мозга, давление непрерывного сенсорного ввода, безусловно, накладывает сильные ограничения на содержание этой модели мира. Феноменальные модели реальности тем пластичнее, чем меньше они определяются фактическим входом и более специфическими аспектами функциональной архитектуры системы. Пример ночных сновидений также показывает, что высокая степень пластичности часто эквивалентна нестабильности, потере глобальной связности и низкому эпистемическому содержанию: Система сновидений не может получить доступ к информационному потоку от сенсорных модулей; она может прибегнуть только к реляционной структуре внутренне доступных структур данных (ограничения 4 и 5). Феноменальные репрезентаты должны обеспечивать внутреннее моделирование сложных контрфактических ситуаций, как бы предлагая системе реляционную структуру, которая может быть использована во внутренних "пробах". Может быть, хороший способ представить себе специфический процесс внутреннего

моделирования под руководством феноменальных репрезентатов - это то, как некий интересный репрезентатум в ходе внутреннего эксперимента встраивается в текущую общую модель мира. Процесс метарепрезентации мог бы затем исследовать общую "пригодность" этой модели, а также то, как изменится содержание других репрезентатов при полном включении этой новой реляционной структуры. Для того чтобы такие внутренние симуляции были реалистичными и биологически успешными, они должны генерировать критическую степень структурной эквивалентности с данной целевой ситуацией. Это, в свою очередь, зависит от того, что феноменальные репрезентанты отражают в своей собственной реляционной структуре как можно больше реляционных свойств своих внешних репрезентантов, которые необходимы для выживания. Еще одно дополнительное ограничение может быть сформулировано для тех феноменальных автономных симуляций, которые субъективно переживаются как сознательные акты мышления, как целевые феноменальные симуляции: Они должны быть объектами процесса отбора, действующего на них, а сам процесс отбора должен быть интегрирован в глобально доступный раздел активной в данный момент Я-модели. Это не значит, что процессы отбора не действуют на ненамеренные симуляции, такие как дневные сны или свободно распространяющиеся ассоциативные фантазии. Это лишь означает, что сами эти процессы отбора не представлены на уровне глобальной, осознанной модели реальности. Система не представляет себя как выбирающую.

Автономное моделирование как информационно-вычислительная стратегия

Я уже указывал на то, что автономные симуляции делают новые формы интенционального содержания (то есть важное различие между возможностью и реальностью) доступными

для системы в целом и что они также открывают новые источники информации (то есть темпоральную или модальную информацию). В целом, глобально доступные процессы моделирования являются мощным инструментом для придания системе интеллектуальности. Во-первых, симуляции являются полезными инструментами, когда необходимо более детально изучить временную структуру внутренне представленных событий: они делают возможные миры и жизнеспособные траектории, ведущие в такие миры, когнитивно доступными. Интересно отметить, что в научной практике симуляции целевых явлений (например, на большом компьютере в отделе метеорологии) обычно используются для изучения временной тонкой структуры и динамической эволюции целевого явления. С нейрокомпьютерной точки зрения многие ментальные симуляции, особенно те, которые переживаются сознательно, могут выполнять эту функцию. Во-вторых, автономные симуляции могут поддерживать социальное познание. Конечно, очень важную роль в этом контексте играет симуляция перспективы от первого лица (как в социальном познании и так называемых задачах теории разума; для примера см. Gallese and Goldman 1998; Gallese 2000). В-третьих, автономные состояния вносят вклад в общий интеллект системы, позволяя осуществлять самосимуляцию, то есть планирование возможных будущих состояний системы (см. разделы 5.3 и 6.3.3 и главу 7). Такие самосимуляции представляют собой не только потенциальные перцептивные перспективы и возможные сенсорные состояния, но и изображают способ, которым они могут быть интегрированы с имеющимися моделями моторного выхода. В-четвертых, адаптивный моторный контроль представляет собой еще один пример, но, что интересно, пример, в котором мы видим сложное взаимодействие между онлайн и офлайн симуляциями. Моделирование возможных движений тела и собственных стратегий действий может служить для минимизации рисков, которые всегда связаны с внешним исследовательским

поведением в реальном мире. В этом контексте центральное значение имеет перспективная модель собственного тела (например, см. Wolpert, Ghahramani and Jordan 1995; Wolpert and Ghahramani 2000), которая может имитировать причинный поток процесса движения, предвидеть результаты и сенсорную обратную связь моторной команды, и которая может быть использована для минимизации ошибок или задач оценки, в процессах обучения и мысленного моделирования альтернативных моделей движения. Для реализации полноценного сенсомоторного контура необходимы прямая динамическая модель, внутренне моделирующая трансформацию моторных и сенсорных действий и их телесных последствий; прямая сенсорная модель, внутренне моделирующая ожидаемые внешние сенсорные последствия конкретного действия; и обратная модель, реализующая обратные трансформации от "желаемых последствий к действиям" (Wolpert and Ghahramani 2000, p. 1212). Они являются прекрасными примерами таких структур. Инверсная модель, в частности, является примером ментального процесса, который делает возможным интеллектуальное и селективное моторное планирование. Она делает это, не коварируя больше с реальным состоянием мира, представляя возможные действия, ведущие к определенному состоянию цели. Однако, чтобы сделать ментальные симуляции целеустремленного поведения эффективными, необходимо обеспечить перевод от "высокоуровневых" задач к "низкоуровневым" (Wolpert and Ghahramani 2000, p. 1212 f.), от симуляции к детальным структурам, реально представляющим текущее состояние организма системы. Моделирование и представление должны идти рука об руку.

Автономное моделирование как функциональный процесс

Феноменальные симуляции строятся из последовательности состояний, не коррелирующих со стимулом. Это отсутствие ковариации с текущим окружением является существенной чертой их каузальной роли. Таким образом, наше предыдущее ограничение на то, что феноменальные состояния являются динамическими состояниями (ограничение 5), теперь может быть интерпретировано следующим образом: Многие феноменальные состояния могут быть активированы независимо от окружения системы или текущего потока входных данных, поскольку они интегрированы во всеобъемлющую, продолжающуюся внутреннюю динамику. Они управляются исключительно этой динамикой, и в данном конкретном случае - не связанной динамикой мира, тела и нервной системы. Одним словом, автономные симуляции значительно обогащают функциональный профиль любой феноменальной системы. Они генерируют новые наборы функциональных свойств, делая новые типы информации и репрезентативного контента доступными для быстрой и гибкой обработки на уровне глобальной модели реальности.

Нейробиологические корреляты феноменальных автономных симуляторов

Большое количество данных сканирования сегодня подтверждает гипотезу, изложенную выше. Человеческий мозг, моделируя возможные перцептивные ситуации, часто использует те же анатомические структуры, которые активны и во время реального сенсорного контакта с текущей средой. То же самое справедливо и для двигательных симуляций. Интересно, что большое количество новых результатов, касающихся нейронных коррелятов социального познания, позволяет предположить, что ментальная репрезентация целей действий других агентов функционально закреплена в рамках бессознательной онлайн-симуляции их воспринимаемого моторного поведения, например, в области

F5 премоторной коры (см. раздел 6.3.3). Это означает, что сознательная реализация цели, движущей действиями другого человека, вызвана, во-первых, тем, что в его мозгу активируется бессознательная репрезентация его реального моторного профиля. На втором этапе это привело бы к глобально доступной, абстрактной и аллоцентрической симуляции этого воспринятого моторного профиля. Репрезентативным содержанием этой симуляции будет моторная эквивалентность между наблюдателем и наблюдаемым агентом, то есть то, что на феноменальном уровне представляется как предполагаемая цель действия. Таким образом, наиболее важными нейробиологическими процессами симуляции могут быть те, которые обеспечивают переход от онлайн-симуляции к офлайн-симуляции в социальном познании, позволяя агенту осознанно воспринимать намерения другого агента (см. Gallese and Goldman 1998). Интересно отметить, что даже такие сложные механизмы, как двигательные симуляции, характеризуются тем, что я бы назвал "принципом разделения субстрата". Если организм разработал субстрат для осознанного видения, то он в принципе может - как только коррелирующий набор феноменальных состояний удовлетворит ограничению 8 - научиться переносить этот субстрат в автономный режим. Он может воображать, мечтать или даже галлюцинировать визуальный опыт. Если организм обладает самосознанием (ограничение 6), то он в принципе может воображать, мечтать или галлюцинировать другие разумы (см. раздел 6.3.3).

3.2.9 Представление интенсивностей

Квалиа Льюиса, квалиа Раффмана и квалиа Метцингера объединяет то, что они варьируются по непрерывному измерению интенсивности. Эта вариативность на уровне

простого содержания является характерной и существенной чертой самого сознания. Однако область, к которой применимо ограничение интенсивности, - это только область сознательного, презентативного содержания, как было представлено в главе 2. Однако существуют многочисленные и важные смыслы, в которых можно сказать, что формы феноменального содержания более высокого порядка также обладают субъективной интенсивностью: Качества присутствия и реалистичности, лежащие в основе сознательно переживаемой ситуации в целом, могут быть более или менее интенсивными; сознательно переживаемая эмоциональная связь с другим человеком может быть более или менее интенсивной; наличие явной контекстной информации во время определенного когнитивного эпизода может быть более или менее выраженным, и так далее. Однако ни одно из этих более метафорических применений понятия феноменологической интенсивности не входит в сферу действия ограничения интенсивности. Оно выполняется только в области простых и непосредственно коррелирующих со стимулом сознательных содержаний.

Феноменология интенсивности

Сенсорный опыт бывает разной интенсивности. В разделе 2.4 главы 2 мы увидели, что можно концептуализировать презентационное содержание в терминах различных степеней глобальной доступности, например, как "квалиа Льюиса", "квалиа Раффмана" или "квалиа Метцингера". Интересно, что на уровне аттенциональной доступности возможны дальнейшие дифференциации в плане содержания, которое может быть различаемо в интроспективном внимании. Давайте сначала рассмотрим стандартный пример простого сенсорного содержания, а именно феноменально переживаемый цвет. Мы видели, что

цвета не могут существовать сами по себе, если они не интегрированы в хроматический контекст. Согласно стандартной точке зрения (но см. Mausfeld 2002), феноменальный цвет может варьироваться в трех измерениях: оттенок, насыщенность и яркость. Для примера феноменального цвета яркость - это тот аспект, о котором идет речь, поскольку она является сознательным коррелятом физической силы стимула. Феноменальная яркость - это способ, с помощью которого человек сознательно ощущает интенсивность физического стимула на своей сетчатке. Феноменальные тона могут различаться по высоте тона, тембру и громкости. И снова громкость - это тот аспект, который воспринимается ограничением интенсивности. Как отмечает Шон Максвелл (Maxwell, submitted, p. 4), хотя вариации в любом из этих измерений аттенционны отличимы друг от друга у нормальных людей, члены каждого трехстороннего набора не могут существовать независимо. Как правило, нельзя, например, ощутить высоту тона, не ощутив также, по крайней мере, громкость. Однако, если вспомнить эксперименты Ганцфельда, обсуждавшиеся в главе 2, кажется, что для нормального испытуемого при однородной гомогенной стимуляции, по крайней мере, возможно на сознательном уровне воспринимать интенсивность как таковую в визуальной области. Например, вспомните сообщения о бесцветных, бесформенных зрительных ощущениях, описываемых как "плавание в тумане света, который становится более сгущенным на неопределенном расстоянии", или об ощущениях "моря света" (Metzger 1930; и Gibson and Waddell 1952, цитируется в Avant 1965, p. 246). То, что остается у испытуемого в Ганцфельде после того, как все оттенки и насыщенность исчезают из поля зрения, адекватно называется "ахроматическим уровнем яркости". То есть после полного исчезновения феноменального цвета в эксперименте Ганцфельда чистая интенсивность стимула как таковая, чистая яркость без оттенка, все еще может быть представлена на феноменальном уровне. Это важное феноменальное

ограничение для любого дальнейшего теоретизирования о простом сенсорном содержании. Во-первых, измерение интенсивности, по-видимому, является наиболее фундаментальным феноменальным измерением, в котором может варьироваться сознательный опыт. Оно делимо. Во-вторых, поскольку это измерение является непрерывным, феноменальная репрезентация, на самом фундаментальном уровне, является аналоговой репрезентацией.

Все простые формы презентационного содержания обладают параметром интенсивности; этому принципу нет противопоставления. Боль, зрительные ощущения, цвета, тона и так далее - все они проявляются с разной интенсивностью на феноменальном уровне. Интересный вопрос: существуют ли формы доступного вниманию и базового презентационного содержания, которые различаются только по еще одному единственному измерению, а именно по измерению интенсивности? Максвелл указывает, что наши самые старые сенсорные каналы, те, которые представляют химические свойства мира переживающему субъекту, могут быть главными кандидатами на эту позицию в любой теории феноменологии интенсивности:

Возможно, наиболее убедительные примеры таких базовых квалиа относятся к вкусовой модальности. Например, хотя сладость не может быть унитарным ощущением... вероятно, ни соленость, ни кислотность, ни горечь не допускают никаких феноменальных измерений вариативности, кроме интенсивности. По-видимому, нет примеров фундаментальных квалиа, которые имели бы какую-либо вариативность, кроме вариативности интенсивности".
(Maxwell, submitted, p. 4)

Феноменальное обоняние - особенно интересный пример. При создании обонятельного презентационного контента

связывание происходит однородно по всей сенсорной поверхности организма. Другими словами, феноменология запаха говорит нам, что не существует обонятельной сцены; нет такого понятия, как сегментация сцены, а есть только представление интенсивности плюс последовательная, временная эволюция презентационного содержания как такового. Тот факт, что даже для самых примитивных форм сенсорного сознания, форм, которые даже не сегментируют феноменальное пространство на объекты и фон, феноменальный параметр интенсивности неизменно присутствует, является еще одним сильным аргументом в пользу того, что ограничение интенсивности является очень фундаментальным и значимым ограничением в своей соответствующей области.

Интенсивность как свойство презентационного контента

Одной из определяющих характеристик презентационного содержания является то, что функционально оно коррелирует со стимулом. Теперь мы можем увидеть, как эта определяющая характеристика отражается на уровне содержания: Стимул присутствует в виде непрерывной репрезентации своей собственной интенсивности. Интенсивность голода и боли, громкость сознательного звукового опыта, непрерывное разворачивание субъективной силы в обонятельном или вкусовом опыте, степени яркости в сознательном цветовом опыте - все эти феноменологические примеры демонстрируют специфическую форму феноменального содержания, которое не просто изменяется, а непрерывно изменяется. Непрерывный характер упомянутой интенсивности - это то, на что мы можем интроспективно направить наше внимание: это не когнитивно, а аттенционнo доступная характеристика текущего потока феноменального опыта. Очевидно, что

ограниченная когнитивная доступность тонких сдвигов и изменений феноменальной интенсивности лежит в основе трудностей, с которыми мы сталкиваемся, пытаясь передать силу или субъективную "мощь" сенсорного опыта на обычном языке. Как мы видели, существуют простые формы презентационного содержания, которые характеризуются только их размерным положением в сенсорном порядке ("качеством") и текущим значением интенсивности. Как показывают эксперименты Ганцфельда, кроме того, одно значение интенсивности может быть глобально доступно как таковое, то есть активация презентативного содержания, которое отражает только физическую силу стимула, с которым оно соотносится, и больше не имеет никакой размерной позиции, номологически возможна у человека. Теоретически интересным моментом является то, что презентационное содержание имеет не только размерную позицию и определенную временную тонкую структуру, задаваемую его динамикой (ограничение 5), но и фундаментальное количественное измерение, в котором может быть отражена интенсивность сенсорного стимула. Интересно отметить наличие количественного аспекта в простой форме феноменального содержания, которое традиционно обсуждалось только как качественное содержание. Я предполагаю, что именно этот аспект закрепляет презентативное содержание в физическом мире. Более глубокое исследование может помочь нам построить концептуальные мосты от феноменологического к функциональному и физическому уровням описания. Важно отметить, что этот количественный аспект простого феноменального содержания может быть отделен от "качественного" компонента во время полноценного осознанного опыта у непатологических субъектов, просто выбрав необычную конфигурацию стимулов (например, в эксперименте Ганцфельда). С другой стороны, осознанное представление размерной позиции в сенсорном ряду (то, что мы традиционно называем качественным компонентом этого содержания) не может существовать без определенного

значения по измерению интенсивности. Назовем это "принципом силы стимула". Все формы презентативного содержания обязательно интегрированы с аналоговой репрезентацией лежащей в основе стимула интенсивности.

Представление интенсивности как информационно-вычислительного свойства

С информационно-вычислительной точки зрения роль ограничения интенсивности довольно тривиальна и проста. На самом базовом уровне обработки входных данных извлекается информация о фактической интенсивности стимула и передается на последующие уровни внутренней иерархии. Сознательное, то есть глобально доступное, представление информации об интенсивности стимула, о котором шла речь выше, достигает этой вычислительной цели очень экономичным и прямым способом.

Моделирование феноменальной интенсивности как функционального свойства

С телеофункционалистской, эволюционной точки зрения ясно, как такая информация была максимально релевантной для биологических организмов, и также очевидно, как представление интенсивности описанным способом было бы адаптивным: оно делает информацию об интенсивности стимула доступной для быстрых, прямых и некогнитивно опосредованных форм контроля действий. С функциональной точки зрения, она также может играть важную роль в автоматическом управлении фокусом внимания, то есть в фиксации внимания быстрым и прямым способом. В качестве конкретного примера можно привести биологическую функцию осознанно переживаемой боли, которую убедительно можно интерпретировать как "фиксацию внимания" - она фиксирует внимание организма на той части тела, которая была повреждена. Важно

отметить, что эту функциональную роль играет не конкретное "качество", не размерное положение болевого презенса. Это глобально доступная интенсивность болевого переживания, которая делает все труднее и труднее направлять наше внимание куда-либо еще и в конечном итоге фиксирует наш аттенциональный фокус на поврежденной части тела. С точки зрения телеофункционализма, важным вторичным эффектом является максимизация мотивационной силы, стоящей за поведенческой реакцией.

Но какова каузальная роль презентационного контента в целом? В предыдущих публикациях (например, см. Metzinger 1993) я концептуально анализировал каузальную роль презентативного содержания как роль "аналогового индикатора". Давайте сначала рассмотрим роль индикаторов, индексальных выражений, в естественных языках.

Какова соответствующая функция в естественных языках? Индикаторы - это такие выражения, как "я", "здесь", "это" или "сейчас", и они часто используются. Их референция зависит от пространственного, временного или ментального контекста и положения говорящего в этом контексте. Они помогают говорящему сориентироваться и локализовать себя в этом контексте. В содержательных предложениях индикаторы могут пропустить свой референт. Поэтому я бы назвал их "цифровыми индикаторами" - они порождают истинность и ложность.

Аналоговые индикаторы - то, что я назвал ментальными презентатами, - напротив, сигнализируют о чистом присутствии стимула, являясь внутренними состояниями системы. Функциональные состояния, о которых идет речь, могут быть проанализированы как аналоговые индикаторы. Однако они играют каузальную роль неконцептуального индикатора, и их содержание является неконцептуальным

содержанием. Они представляют свое содержание не как истинное или ложное, не как показанное или не показанное свойство, а как более или менее похожее. Такое специфическое презентативное содержание, как red31, связано с внешним миром не по принципу сопоставления один к одному, а через очень сложную и несистематическую статистическую зависимость. Если бы мы хотели представить содержание визуального цветового презенса на уровне естественного языка, нам пришлось бы использовать цифровые индикаторы, например, сказав: "красный31-теперь-здесь!". "Красный31" обозначает активное в данный момент содержание презенса и его размерную позицию в сенсорном порядке, который почти во всех случаях доступен только вниманию и поэтому невыразим. Оно лингвистически указывает на это внутренне активное содержание, ложно предполагая наличие у него критериев транстемпоральной идентичности (см. раздел 2.4). Компонент "сейчас" в этом выражении относится к ограничению презентативности, то есть к de puncto характеру этой особой формы ментального содержания, а компонент "здесь" - к ограничению глобальности, то есть к тому факту, что это содержание находится в определенной позиции в когерентной модели мира. Функционально говоря, это может проиллюстрировать внутреннюю функцию индикаторов с точки зрения внешней перспективы - по формулировке Ричарда Грегори, они "отмечают опасное настоящее". Но почему именно аналоговые индикаторы? Теперь мы знаем второй аргумент в пользу такого способа концептуализации презентов на функциональном уровне: потому что феноменальные презенты делают определенный диапазон интенсивности или силы сигнала, характеризующего презентум (то есть информацию о физическом свойстве стимула), внутренне доступным, интегрируя его с тем, что мы традиционно описываем как его "качественную" составляющую. Для примера цветового зрения количественный компонент функционально более фундаментален, поскольку - в отличие от оттенка - он может существовать сам по себе на

феноменальном уровне. Это "отдельная характеристика". Это аналоговая форма очень фундаментального феноменального содержания, потому что она изменяется не дискретными шагами, а по непрерывному измерению. Второй компонент также является аналоговой формой содержания, поскольку он изменяется по непрерывному измерению оттенка. Функциональное свойство, общее для обоих компонентов, состоит в том, что тонкие вариации и все сознательные события, включающие лишь заметные различия в изменениях по обоим измерениям, обычно невыразимы, поскольку в большинстве случаев они не когнитивно, а только attentionно доступны субъекту опыта.

Нейронные корреляты переживания феноменальной интенсивности

В большинстве случаев простого феноменального содержания интенсивность стимула просто кодируется средней частотой срабатывания специфических детекторов признаков. В психологии восприятия и психофизике сегодня накоплен большой и хорошо обеспеченный объем знаний об абсолютных и различных порогах интенсивности стимулов, а также о взаимосвязи между психофизическими и нейронными функциями интенсивности.

3.2.10 "Ультрагладкость": Однородность простого содержания

Как и ограничение интенсивности, вводимое сейчас ограничение однородности выполняется только в области феноменальных презентов. С философской точки зрения однородность простого феноменального содержания, часто интерпретируемая как однородность феноменальных свойств, имеет особое теоретическое значение, поскольку она

порождает концептуальные предикаты, которые могут не поддаваться определению. Может ли такой цветовой предикат, как International Klein Blue (см. Metzinger 1995b, p. 431 и далее) или red₃₁, иметь преемственный предикат в рамках научного мировоззрения, например, в научной теории феноменального цветового зрения, или же такие предикаты являются примитивными предикатами? Для Уилфрида Селларса, который первоначально сформулировал теоретическую головоломку, известную как "проблема зерна" (Sellars 1963, 1965),¹⁶ примитивный предикат относится к свойствам, приписываемым вещам, состоящим исключительно из вещей, которые, в свою очередь, обладают этим свойством. Если мы останемся на примере знаменитого цвета International Klein Blue, то для некоторых философов-ондуалистов это будет означать, что отдельные молекулы родопаса, винилхлорида, этилового спирта и этилацетата (из которых делают этот цвет) сами обладают цветом International Klein Blue. Другие философы-ондуалисты пришли бы к выводу, что определенное количество нервных клеток, которые стреляют в нашей зрительной коре, когда мы смотрим на одну из монохромных картин Ива Кляйна, на самом деле являются International Klein Blue. Конечно, это предположение абсурдно в обоих случаях.

То есть феноменологические предикаты, отсылающие к однородному презентативному содержанию, как если бы они отсылали к когнитивно доступному свойству, похоже, вводят еще одно простое свойство, которое, очевидно, не может быть редуکتивно объяснено. Именно внутренняя, бесструктурная плотность простых феноменальных цветовых переживаний и т. п. традиционно поддерживала антиредуктивные теоретические интуиции. Возможно, будет полезно обратиться к классическому примеру Уилфрида Селларса - розовому кубику льда:

Розовый цвет не кажется состоящим из неосязаемых качеств, как лестница состоит из цилиндрических (перекладины), прямоугольных (рама), деревянных и т. д. Проявленный кубик льда предстает перед нами как нечто розовое насквозь, розовый континуум, все области которого, какими бы маленькими они ни были, розовые. Он предстает перед нами как в конечном счете однородный; и кубик льда, пестрый по цвету, хотя и не однороден по своему специфическому цвету, "в конечном счете однороден", в том смысле, на который я обращаю внимание, в отношении родового признака - быть цветным". (Sellars 1963, p. 26)

Для Селларса центральный вопрос проблемы зерна заключался в том, возможно ли в принципе в концептуальных рамках нейрофизиологии определить состояния, которые по своему внутреннему характеру демонстрируют достаточное сходство с ощущениями. Только такие состояния, считал Селларс, могут сделать редуктивное решение проблемы "разум-тело" (в смысле ранней теории тождества) правдоподобным.

Ответ кажется очевидным - нет. Это не значит, что нельзя определить (в принципе) нейрофизиологические состояния, которые имеют высокую степень аналогии с ощущениями от проявленного образа. То, что это можно сделать, - элементарный факт психофизики. Проблема, скорее, в том, что свойство, которое мы назвали "предельной однородностью" и которое характеризует воспринимаемое качество вещей, например, их цвет, похоже, в значительной степени отсутствует в области определяемых состояний нервов и их взаимодействий. Грубо говоря, цветовые просторы в явном мире состоят из областей, которые сами являются цветовыми просторами, а те, в свою очередь, состоят из областей, которые являются цветовыми просторами, и так далее; тогда как состояния группы нейронов, хотя и имеют области, которые также являются

состояниями групп нейронов, имеют конечные области, которые не являются состояниями групп нейронов, а скорее состояниями одиночных нейронов. То же самое верно, если мы перейдем на более тонкий уровень биохимического процесса". (Sellars 1963, p. 35)

По теоретическим причинам ограничение однородности, которому удовлетворяет сознательное презентационное содержание, представляет большой теоретический интерес. Оно может создать принципиальное препятствие для натуралистических теорий субъективного опыта. Во-вторых, оно имеет тесную связь с уже обсуждавшимся ограничением прозрачности. Поэтому давайте снова начнем с позиции первого лица, рассматривая однородность как феноменологическое ограничение, налагаемое на понятие сознательной презентации.

Феноменология однородности

То, что Селларс называл "предельной однородностью", само по себе может быть еще одним парадигматическим примером невыразимости (см. раздел 2.4; Metzinger and Walde 2000). С другой стороны, однородность характеризуется явным отсутствием чего-либо (а именно внутренней структуры), и это отсутствие, безусловно, доступно для направленного, интроспективного внимания. На этот раз речь идет о характеристике более высокого порядка презентативного содержания, для которой трудно сформировать концепцию, поскольку, возможно, эта характеристика также доступна только аттенционально, но не когнитивно. По этой причине я попытаюсь предложить метафорическое описание рассматриваемой феноменологической характеристики, которое я заимствую из физики и математики. Что значит сказать, что субъективное цветовое переживание, такое как красный³¹ или международный синий Кляйна (см. Metzinger 1995b, e),

является однородным? Первичное феноменальное свойство характеризуется своего рода дополнительным "качеством поля", порождающим субъективный континуум в определенной субрегиональной области нашего сознательного пространства. Если, например, мы визуально воспринимаем объекты, обладающие свойством International Klein Blue, то следующее утверждение всегда кажется верным: в феноменальном пространстве всегда существует конечная область, в которой не происходит никаких изменений относительно данного качества.¹⁷ Нет временной текстуры. Нет никакой внутренней структуры. Есть только это, сейчас. Я считаю, что именно по этой причине мы воспринимаем низкоуровневые субъективные качества как непосредственно данные. Они никогда не становятся тем, что они есть, они всегда уже есть то, что они есть. Бесструктурный характер презентативного содержания придает ему аисторический характер. Интроспективно мы не можем выяснить, как этот контент мог появиться, потому что ничто в его доступных вниманию свойствах не указывает на процесс, который мог его вызвать, породить или сформировать. Метафора континуума - это немеханистическая метафора на самом простом уровне феноменального содержания, потому что она больше не включает в себя части и их отношения.

Теперь обратимся ко второй, математической метафоре. Возможно, ограничение однородности презентационного содержания можно описать как его субъективную "плотность". Кажется, что для любых двух точек (независимо от того, насколько они близки друг к другу) в соответствующей области моего эмпирического пространства всегда существует третья точка, которая лежит между ними. Математической аналогией этой текучей плотности является континуум вещественных чисел. По крайней мере интуитивно остается совершенно непонятным, как эта плотность презентационного содержания может быть доступна механистической стратегии объяснения, то есть как

мы можем анализировать ее как результат мириад причинно взаимосвязанных сингулярных событий на нейронном уровне. Как исчезает "зернистость"? Что трудно объяснить, так это очевидную корреляцию между однородным презентационным содержанием и лежащей в его основе нейронной активностью. Для ряда известных концепций научного объяснения в целом объяснение закономерности, заключающейся в корреляции между однородным презентативным содержанием и определенными наборами объективных условий в мозге, может быть достигнуто только в том случае, если в обеих сравниваемых сущностях могут быть описаны две внутренние структуры. Это должно быть сделано таким образом, чтобы продемонстрировать изоморфизм между этими внутренними структурами. Если самая простая форма феноменального содержания на самом деле не имеет внутренней структуры, то такой тип научного объяснения для нее не сработает (подробное обсуждение см. в готовящейся статье Максвелла). Поэтому многие антиредукционистские интуиции философов-дуалистов могут корениться не столько в размерности, которая могла бы описать само презентное содержание (например, специфический оттенок), поместив его в подходящее пространство состояний, сколько в том, что оно управляется ограничением однородности. Я утверждаю, что именно по этой причине такие субъективные качества, как красный³¹ или голубой оттенок от International Klein Blue, выглядят оторванными от любого возможного функционалистского анализа и поддаются описанию как внутренние и нереляционные: если бы они действительно были идентичны танцующему узору микрособытий в вашем мозгу, они должны были бы обладать чем-то вроде зернистости, их субъективная "поверхность" не была бы такой бесконечно гладкой. Майкл Локвуд иллюстративно назвал этот эффект "наведением лоска" (Lockwood 1993, p. 288 p.).

Проблема редуктивного объяснения максимально простых и детерминированных форм феноменального содержания,

таким образом, может заключаться в том, что эти состояния, в силу их феноменальной однородности, также поддаются интерпретации как атомы опыта (см., например, Jakob 2000). Позвольте мне еще раз предположить, что, возможно, не то, что мы привыкли называть феноменальными свойствами первого порядка (аттенционально доступное содержание ментальных презентов), заставляет qualia по необходимости казаться многим людям нередуцируемыми, а скорее свойство высшего порядка качества феноменального поля, а именно плотность или ультрагладкость; настоящая проблема заключается не в International Klein Blue (который может быть формально описан его размерным положением в сенсорном порядке), а в однородности International Klein Blue. То, что сопротивляется анализу, - это не оттеночное измерение, не субъективный характер синего как такового, а его бесструктурная плотность. С другой стороны, понятие негомогенной формы презентативного содержания кажется бессвязным. По крайней мере, для человека оно обозначает феноменальную невозможность. Тогда мы будем думать о наборе феноменальных свойств или вообще о нефеноменальных свойствах. Подводя итог, можно сказать, что с точки зрения внутренней перспективы переживающего субъекта фундаментальные характеристики сенсорного восприятия мира и себя являются сверхгладкими: они лишены процессуальности и не содержат внутренней структуры, они беззернисты и просты. Это одна из причин, почему эти характеристики выглядят как непосредственно данные и предлагают себя для интерпретации как внутренние, нередуцируемые свойства первого порядка. Любой удовлетворительный рассказ о сенсорном сознании, работающий на репрезентативном, функционалистском или нейронаучном уровнях описания, должен удовлетворять ограничению однородности, концептуально перемещая феноменальную ультрагладкость на эти уровни.

Однородность как характеристика презентационного контента

Однородность может быть проанализирована как репрезентативная атомарность: Какими бы ни были метарепрезентативные инструменты, используемые системой для проверки своих собственных активных перцептивных состояний, они могут генерировать только определенное разрешение. В реальных физических системах разрешение никогда не бывает бесконечным. Разрешающая способность всегда соотносится с механизмом считывания. Разрешающая способность когнитивной обработки не такая тонкая, как, например, разрешающая способность обработки внимания. Различные эффекты фильтрации сопровождаются различными видами метарепрезентативных механизмов. Поэтому на самом низком уровне гранулярности репрезентации будут автоматически генерироваться формы содержания, которые по концептуальной необходимости должны казаться самой системе структурно простыми. Гомогенность простого сенсорного содержания, таким образом, не является абсолютным свойством, а всегда относительна к определенному классу репрезентативных архитектур. Одно и то же состояние первого порядка может привести к единому, гомогенному *presentatum* в одном классе систем, но при этом распадаться на большее количество гомогенных *presentata* в другом классе систем. Важно отметить, что одна и та же система может обладать интроспективными способностями, проявляющимися с разной степенью разрешения на разных этапах ее развития. Например, она может обнаружить в собственных перцептивных состояниях тонкие качественные структуры, недоступные ей в прошлом. В этом случае новая и более тонкая информация о размерном положении этих состояний в определенных пространствах свойств станет для него глобально доступной, например, в виде новых интроспективных субрегионов цветового пространства. Однако, поскольку эта информация всегда будет даваться в

виде ряда новых репрезентативных атомов, свойство однородности как таковое будет сохранено.

Важно отметить, что презентативное содержание не может быть феноменальным отражением абсолютно простых свойств в строгом смысле слова, хотя оно феноменологически однородно. Если бы эти свойства были действительно строго простыми, то мы не смогли бы обнаружить сходства между ними, поскольку не существовало бы никаких общих для них аспектов. Это, однако, явно противоречит феноменологии. Представления, хотя и однородные, обладают имплицитной глубинной структурой на уровне их содержания: мы именно ощущаем эту глубинную структуру в отношениях сходства, переживая оранжевый как более похожий на желтый, чем на синий. Ошибка может заключаться в том, что мы воспринимаем эти отношения сходства как внешние, не внутренние характеристики. Они являются внутренними, внутренними характеристиками феноменального цветового пространства в целом, и, как показывает ранее рассмотренный эксперимент Ганцфельда, не имеет смысла представлять себе презентативное цветовое содержание в отрыве от этого всеобъемлющего контекста.

И последнее замечание о феноменологии однородности. Мы определили ограничение прозрачности, сказав, что степень феноменальной прозрачности обратно пропорциональна степени аттенциональной доступности более ранних стадий обработки. Теперь интересно отметить, что для всех однородных, простых форм сенсорного контента строго верно, что более ранние стадии обработки полностью недоступны для интроспективного внимания. Однородный сенсорный контент всегда является полностью прозрачным контентом. Ограничение прозрачности максимально удовлетворяется для сенсорных примитивов. Выше я метафорически назвал прозрачность "закрытостью" нашей внутренней пользовательской поверхности и, с

эпистемологической точки зрения, ввел понятие автоэпистемической закрытости для описания этой особенности человеческого сознания. В феноменальной однородности мы переживаем закрытость нашей собственной пользовательской поверхности максимально конкретно. Именно эта однородность делает недоступной для внимания каузальную историю соответствующего презентационного контента в системе, более ранние этапы обработки, которые привели к его активации. Поэтому можно заключить, что на самых фундаментальных уровнях феноменологического и репрезентационистского анализа именно непрерывная, репрезентационно атомарная природа простого сенсорного содержания порождает всепроникающую прозрачность сенсорного сознания.

Однородность как информационно-вычислительная стратегия

Однородность простого феноменального содержания возникает потому, что глобальная доступность информации о каузальной истории стимула ограничена. Как и прозрачность в целом, гомогенность - это особая форма автоэпистемической закрытости: Перцептивные состояния, являясь результатом сложных динамических процессов с очень запутанной каузальной тонкой структурой, на уровне нашей глобальной модели мира выглядят простыми и непосредственно данными в своей простоте. Это главный и существенный фактор в возникновении прозрачной (ограничение 7) феноменальной модели мира. Однородность порождает закрытость внутренней пользовательской поверхности. Этот факт также является центральной частью каузальной роли, реализуемой простыми сенсорными состояниями, несущими презентационное содержание. Плотность этой внутренней пользовательской поверхности

также является функциональным видом закрытия. Без гомогенности мы могли бы интроспективно проникнуть в стадии обработки, лежащие в основе активации сенсорного содержания. Одним из очевидных следствий этого было бы то, что мультимодальная, высокоразмерная поверхность нашего феноменального мира начала бы растворяться. Тогда мы феноменально переживали бы модель как продолжающуюся глобальную симуляцию, постоянно создаваемую, так сказать, с нуля, и тем самым она неизбежно утратила бы феноменальный характер нетрансцендируемой реальности. Мы будем переживать ее как возможность, как лишь одну из бесчисленных гипотез, активно и непрерывно конкурирующих в системе. Очевидно, что это привело бы к резкому изменению целого ряда вычислительных и функциональных свойств системы. Однородность презентационного контента снижает вычислительную нагрузку на систему в целом и создает эталонную модель реального мира, прочно привязанную к сенсорному вводу.

Однородность как функциональное свойство

Позвольте мне теперь предложить спекулятивную гипотезу: каузальная роль сознательно переживаемых презентативных состояний реализуется не тем, что мы традиционно называем их "качественным характером" (размерностью положения в подходящем пространстве состояний), а однородностью этого качественного характера. И в системах, подобных нам, это и есть реализация его каузальной роли. Позвольте мне объяснить.

Интроспективное выделение конкретной формы презентационного контента означает, что этот контент глобально доступен для внимания. Глобальная доступность сопровождается удовлетворением ограничений 2 и 3,

интеграцией информации в окно присутствия и в глобальную модель мира. В частности, простое сенсорное содержание обычно также регулируется ограничением 4, ограничением свернутого холизма. В стандартных ситуациях презентационное содержание всегда интегрируется в перцептивный объект до того, как он переходит на феноменальный уровень. Прежде чем эта стадия будет достигнута, система должна решить множество проблем связывания, некоторые из которых связаны с сознанием, а некоторые - с бессознательным (отличный обзор см. в Cleeremans 2002; ср. также Engel and Singer 2000). Поэтому важным исходным предположением является то, что субъективно переживаемая однородность является выражением успеха интеграционных процессов в мозге, приводящих к активации целостного восприятия, связующего механизма, действующего на уровне простых признаков. То есть информация, выраженная в текущей активности детекторов признаков, например, для конкретного представления цвета, достигает уровня доступности для интроспективного внимания только после того, как эта активность была успешно связана в феноменальное целое. Поэтому само связывание прозрачно для субъекта опыта.

В конце главы 2 я предложил спекулятивную гипотезу: Каузальная роль презентативных состояний реализуется не тем, что мы сегодня называем их "качественным характером", а тем, что мы сегодня называем однородностью этого качественного характера. Что действительно позволяет мне интроспективно выделить красноту¹, так это тот факт, что она однородна, и именно в этом заключается реализация ее каузальной роли. Поэтому важным исходным предположением является то, что субъективно переживаемая однородность - это глобально доступный, феноменальный аспект успешности интеграционных процессов в мозге, приводящих к активации когерентного восприятия.

Если, как это теперь эмпирически правдоподобно для человека, такие процессы связывания используют синхронность нейронных ответов для того, чтобы обозначить определенные воспринимаемые признаки как принадлежащие одному и тому же объекту, то можно сказать следующее: На уровне простого содержания однородность является сознательным коррелятом синхронности активности соответствующих детекторов признаков, и именно благодаря этой синхронности эта активность может стать функционально активной на уровне глобальной модели мира и тем самым субъективно доступной для системы в целом (см. также Metzinger 1995e, p. 446 ff.). С точки зрения нейродинамики синхронность можно интерпретировать как маркер достижения стабильного состояния (Pollen 1999). Стабильное состояние - это состояние, которое может быть охарактеризовано как играющее единую каузальную роль для системы. И именно это означает, что ее компоненты становятся функционально активными: То, что было более или менее дизъюнктивным набором причинно-следственных связей между микрособытиями в системе, теперь становится одним дискретным набором причинно-следственных связей, единой и реализуемой в данный момент причинно-следственной ролью. Ультрагладкость - это выражение функциональной когерентности. Короче говоря, то, что я испытываю, когда интроспективно обращаю внимание на однородность красного³¹ в сознательно просматриваемом цветовом пространстве, - это синхронность соответствующих детекторов признаков в моем мозгу, вносящих свой вклад в текущее сенсорное восприятие.

Нейронные корреляты однородности простых признаков

Если мы держим в руке красное яблоко, то, рассматривая его, можем обращать внимание на разные признаки. Мы можем

обратить внимание на феноменальную целостность, присущую объекту в целом (см. раздел 3.2.4). Мы также можем обратить внимание на однородность определенного цветового пятна на поверхности этого яблока. То, на что мы обращаем внимание в обоих случаях, может быть двумя различными аспектами одного и того же физического процесса, лежащего в его основе, на разных уровнях репрезентативной иерархии (на разных уровнях "феноменальной гранулярности", так сказать). Если бы субъективно переживаемое яблоко в нашей руке было идентично специфическому паттерну нейронной активации в лейбницеvском смысле (т. е. если бы оно разделяло с этим паттерном все свои неинтенсивные и немодальные свойства), то каждая область этого паттерна активности должна была бы инстанцировать свойство гомогенности для всех различных типов презентационного содержания, интегрированного этим объектом. Согласно этому анализу, "однородность" была бы свойством функционально активного репрезентативного целого; не структурным свойством, а свойством содержания более высокого порядка. Одна из спекулятивных возможностей, предлагаемых здесь для обсуждения, заключается в том, что однородность может быть также свойством транспортного средства (опять же с использованием полезного, но в конечном счете ограниченного различия между транспортным средством и содержанием) или, скорее, в соответствии с эмпирически более правдоподобной теорией репрезентации, формой полностью воплощенного феноменального содержания. Я не буду здесь прямо доказывать этот тезис, но простые сенсорные состояния могут быть именно тем местом, где мы впервые обнаруживаем специфическое для данной области тождество между феноменальным содержанием и феноменальным транспортным средством. Теперь мы впервые можем отождествить исследуемое свойство с физическим свойством: Однородность субъективно переживаемых качеств - это временная однородность коррелированных нейронных состояний в человеческом

мозге. На самом деле существует сложное физическое свойство, которое можно обнаружить во всех рассматриваемых пространственно-временных областях, а именно синхронность нейронной активности. Другими словами, должно быть возможно систематическое отображение этого аспекта феноменального пространства состояний на соответствующее нейронное пространство состояний. То есть сознательно переживаемое презентационное содержание не является "бесконечно" однородным; однородность не идет до конца - скорее это функционально-репрезентативный феномен, возникающий на определенном уровне сложности. Синхронность может переживаться как гомогенность именно в тех случаях, когда механизм интеграции обладает более низким временным разрешением, чем состояния системы, которые он унифицирует, преобразуя их в низкоуровневые репрезентативные атомы. Тогда система представляет временную согласованность как гладкость. На более высоком уровне репрезентации, например, на уровне обработки внимания и доступности внимания для интроспекции, синхронная активность детекторов признаков определенного типа должна, следовательно, по номологической необходимости, выглядеть как бесструктурная и плотная. Каузальная роль аттенциональной доступности реализуется не через само презентное содержание, через размерное положение в определенной области феноменального пространства состояний, а через однородность этого качественного характера. Это, в свою очередь, может быть определено как "аттенциональная непроницаемость" соответствующей области. Мы интроспективно выделяем красноту в силу однородности, и именно это является реализацией каузальной роли. Таким образом, или так гласит моя спекулятивная гипотеза простого феноменального содержания, однородность является субъективным коррелятом синхронности активности детекторов признаков, и, как это эмпирически правдоподобно, именно благодаря этой синхронности эта

активность может стать функционально активной и субъективно доступной для интроспективного опыта. Из моей философски мотивированной гипотезы следует прямое эмпирическое предсказание: Если можно экспериментально нарушить временную когерентность конкретного нейронного блока, лежащего в основе активного в данный момент простого сенсорного восприятия, то есть если можно устранить только его синхронность высокоселективным образом, то оно немедленно утратит функциональное свойство аттенциональной доступности, а его содержание полностью исчезнет из феноменальной реальности субъекта. Однако в примере с цветом, как и в случае со слепым пациентом, чувствительность к длине волны должна быть сохранена. Она все еще может быть доступна для поведенческого контроля.

Однако мы должны помнить, что эта гипотеза не только весьма спекулятивна, но и делает сильное предположение о том, как соответствующий уровень связывания на самом деле реализуется в человеческом мозге - набор предположений, которые, однако, в настоящее время весьма правдоподобны (см. разделы 3.2.3 и 3.2.4). Что же тогда будет точным физическим коррелятом феноменального целевого свойства, физического свойства, которое реализует каузальную роль, делая презентационный контент доступным для внимания и помогая интегрировать его в глобальную модель мира? Это равномерность временного отклика определенного подмножества детекторов признаков в мозге. Формально эта равномерность может быть выражена временной константой в нейронном алгоритме. Это функциональный вид инвариантности. Именно эта временная равномерность, физическое свойство минимально достаточного нейронного коррелята соответствующей формы презентативного содержания, проявляется как ультрагладкость, если считается репрезентативным механизмом более высокого порядка (например, вниманием) с меньшей мощностью временного разрешения. Этот механизм не в состоянии

представить временную тонкую структуру нейронной обработки, а только тот факт, что временная однородность как таковая только что была достигнута. Если мы перейдем к более крупной нейронной совокупности, составляющей перцептивный объект в целом, то та же самая временная согласованность может быть прочитана как целостное свойство этого перцептивного объекта (ограничение 4).

3.2.11 Адаптивность

В главе 2 мы использовали ограничение третьего лица, ограничение "глобальной доступности", в качестве яркого примера того, как общее понятие ментальной репрезентации может быть обогащено и постепенно уточнено до понятия, включающего феноменальное содержание. В начале этой главы мы увидели, что это ограничение на самом деле является лишь частным случаем того, что я затем представил как "ограничение глобальности", ограничение 3. Глобальная доступность, в ее трех дифференцированных вариантах доступности для управляемого внимания, для познания и для контроля действий, - это просто эквивалент третьего лица феноменологического ограничения глобальности, как оно вновь появляется на функциональном уровне описания. В этой главе ограничения со 2 по 10 имели один общий аспект: они были феноменологическими ограничениями. Это означает, что эти ограничения, которые в конечном итоге должны были быть наложены на дескриптивно правдоподобную концепцию феноменальной репрезентации, были разработаны преимущественно с использованием позиции первого лица. Всегда начиная с феноменологических ограничений, я пытался отнестись к целевому феномену - сознательному опыту - настолько серьезно, насколько это возможно, чтобы максимизировать феноменологическое правдоподобие. Затем я предпринял

дальнейшие попытки, с позиции третьего лица, семантически обогатить эти ограничения на четырех различных субличностных уровнях описания. Репрезентативный, вычислительный, функциональный и нейронаучный уровни анализа служили для того, чтобы придать нашей рабочей концепции сознательной репрезентации специфичность и экспериментально достижимые предсказания. Последнее и последнее ограничение, которое я хочу предложить, соответствует моему эволюционному предположению, представленному в главе 2. Если мы хотим понять, как сознательный опыт, феноменальное "я" и перспектива от первого лица могли быть приобретены в течение миллионов лет биологической эволюции, мы должны предположить, что наш целевой феномен обладает истинным телеофункционалистским описанием. Адаптивность - по крайней мере, на первый взгляд - является полностью объективным ограничением от третьего лица. *Prima facie* кажется, что нет прямого сознательного коррелята адаптивности или дезадаптивности конкретных ментальных репрезентаций. Это также является причиной того, что первый, феноменологический уровень анализа все еще отсутствует: Переживаем ли мы когда-нибудь субъективно эволюционное происхождение наших сознательных ментальных состояний как таковых?

Однако, если подумать, очень интересно отметить, что структура наших феноменально переживаемых эмоций очень часто просто содержит информацию о "логике выживания" (Damasio 1999, p. 54 ff.). Они делают эту информацию глобально доступной для гибкого поведенческого контроля, для познания и памяти, а также для обработки внимания. Эмоциональная обработка, возможно, не раскрывает сознанию эволюционное происхождение наших сознательных ментальных состояний как таковых, но она постоянно оценивает конкретные (а у высших животных даже когнитивно смоделированные) ситуации. Если анализировать эмоции как репрезентативные сущности, то

их особенность заключается в том, что они структурированы по оси валентности. То есть одной из определяющих характеристик эмоций является то, что они обладают нормативным характером; они представляют собой биологическую или социальную ценность определенного положения дел для организма в целом (см. также раздел 6.2.8). Эта особенность отличает их от всех других сознательных репрезентаций - хотя, что интересно, феноменология эмоций говорит нам, что они могут наделять перцептивные и когнитивные состояния определенным "аффективным тоном". Интенциональное, репрезентативное содержание сознательно переживаемых эмоций обычно связано с адаптивностью определенной ситуации, адаптивной ценностью другого человека или потенциального поведения, или формой самопрезентации, феноменально отображающей биорегуляторные аспекты собственного телесного состояния организма. Функция эмоций заключается в надежной регуляции и запуске ориентированных на выживание моделей поведения. У людей эмоции сильнее проявляются в группах (простой факт, указывающий на их существенную роль в социальном познании). Эволюционное давление на человеческий разум было постоянным ограничением окружающей среды с момента зарождения сознания на нашей планете, и эмоции - очень древнее состояние. Адаптивное давление на наших предков включало в себя одни и те же типы вызовов снова и снова, на протяжении миллионов лет, и интересно отметить, что базовые эмоции характеризуются высокой степенью культурной инвариантности у человека. Однако верно не только то, что некоторые состояния сознания могли представлять ценность для выживания, но и то, что все они должны были на функциональном уровне обладать ценностью для выживания.

С другой стороны, в интроспективном плане совсем не очевидно, что в эмоциях "эволюция говорит с нами". Интересно также отметить, каков самый популярный ответ

большинства людей, когда они сталкиваются с вопросами о возможности машинного сознания или самосознания: "Но, - гласит традиционный ответ, - ни одна из этих вещей никогда не будет иметь настоящих эмоций!" Этот интеллектуальный рефлекс не только политкорректен, но и может содержать важную мысль: искусственные системы, известные сегодня, не обладают подлинно воплощенными представлениями целей, потому что они не являются "эволюционно обоснованными" - ни их аппаратное, ни программное обеспечение не развилось в результате эволюционного процесса оптимизации. У них могут быть представления целей, но они не отражаются напрямую в состояниях тела и телесном самосознании (см. заключительную часть раздела 8.2).

Если различные формы феноменального содержания обладают биологической функцией (Millikan 1989), то функциональный профиль средства репрезентации, несущего это содержание, должен каузально объяснять существование или поддержание этого содержания в данной популяции организмов под давлением естественного отбора. Таким образом, мы должны рассматривать функционально активное феноменальное содержание как черту, которая может передаваться из поколения в поколение, черту, которая может появиться в результате естественной вариации и которая может поддерживаться в определенной группе систем. Сегодня широко распространено предположение, что сознание - включая его социальные корреляты (см. раздел 6.3.3) - является полностью биологическим феноменом; его функциональный профиль должен полностью состоять из собственно биологических функций. Если это так, то мы можем исследовать, как определенный тип сознательного опыта, скажем, цветовое зрение или глобальная доступность информации о психических состояниях сородичей, изначально начал распространяться в популяции. Мы также можем исследовать этиологию, историю ниши, которая в прошлом

сделала организмы, обладающие этим особым видом субъективного, эмпирического содержания, более успешными. Было ли замечательно равномерное трихроматическое красно-зеленое цветовое зрение высших приматов развито для поиска богатых витаминами спелых фруктов, или их истинное преимущество заключалось скорее в обнаружении вкусных молодых красных листьев на фоне зеленой зрелой листвы, поскольку молодые листья легче перевариваются из-за меньшего количества клетчатки, а у некоторых видов богаче белком (Dominy and Lucas 2001)? Помог ли им социальный интеллект успешно выслеживать и защищаться от гораздо более сильных, физически превосходящих животных? Однако мы также можем рассматривать феноменальное содержание как диспозиционное свойство и попытаться предсказать сохранение этого репрезентативного признака в будущем в определенной популяции. Если, например, рассматривать историю феноменального опыта в целом, то нам, прежде всего, нужно уметь рассказать внятную историю развития феноменальных репрезентаций. Нам нужна убедительная история о том, как получилось, что обладание такими "виртуальными органами" действительно повысило общую приспособленность биосистем и почему после появления достаточных нейробиологических условий для их активации они не были просто вновь утрачены в результате генетического дрейфа. Иными словами, на определенном уровне формирования теории история феномена сознания должна быть включена в объяснительную базу. Конечно, остается верным, что феноменальное содержание как таковое, скорее всего, лишь локально супервентурируется, то есть у данного индивида оно всегда определяется внутренними и современными свойствами его нейронной системы. Однако для того, чтобы вписать историю о феноменальном содержании в более широкую историю о репрезентативном (т.е. интенциональном) содержании, мы должны разработать некоторую подходящую версию телеофункционализма и рассмотреть эволюционную

историю нашего целевого феномена. Объективная история конкретных нейронных "транспортных средств", образующих минимально достаточные органические и функциональные корреляты определенных типов феноменального содержания, сама по себе является весьма релевантным ограничением для нашей концепции сознания. Поэтому возникает вопрос: что именно в сознательном опыте сделало обладание этой новой чертой преимуществом для обеспечения индивидуального выживания и выживания своего вида? Почему развитие феноменальной модели реальности и субъективной перспективы от первого лица было адаптивным?

Адаптивность феноменальных репрезентаций

Эволюционная психология сознания будет анализировать обладание феноменальными состояниями в основном как обладание новыми функциональными свойствами. Это могут быть именно те свойства, которые помогают организму дифференцировать и оптимизировать свой поведенческий профиль на разных временных масштабах. Сознание, во-первых, является инструментом для генерации успешного поведения; как и сама нервная система, это устройство, эволюционировавшее для моторного контроля и сенсомоторной интеграции. Разные формы феноменального содержания - это ответы на разные проблемы, с которыми сталкивались организмы в ходе своей эволюции. Цветовое зрение решает другой класс проблем, чем осознанное переживание собственных эмоций, поскольку делает доступным другой вид информации для гибкого управления действиями. Особенно полезным способом иллюстрации этого факта является описание феноменальных состояний как новых органов, которые используются для оптимизации

сенсомоторной интеграции информационного потока внутри биосистемы.

Существует два вида органов: постоянно действующие органы, такие как печень или сердце, и "виртуальные органы". Виртуальные органы - это когерентные совокупности функциональных свойств, реализуемые лишь преходяще, как правило, центральной нервной системой. Классы интегрированных форм феноменального содержания - это классы виртуальных органов. Феноменальная книга, которую вы сейчас держите в своих феноменальных руках, является одним из таких виртуальных органов. Вы функционально воплощаете ее: ее нейронный коррелят - это часть вашего тела. В настоящее время эта часть вашего тела работает на вас как эмулятор объекта. Сознательное восприятие цвета, привязанное к феноменально переживаемому визуальному объекту, - это переходно активируемый орган, функция которого состоит в том, чтобы сделать определенные инварианты в свойствах поверхности объектов глобально доступными максимально надежным образом (ограничение 1). Объектами зрительного опыта часто являются объекты в пределах досягаемости, объекты в непосредственном поведенческом пространстве организма. Информация о ремиссии и других поверхностных свойствах этих объектов, как только она становится осознанной информацией, доступна для гибкого контроля действий, а также для управления вниманием и дальнейшей когнитивной обработки.

Но не только простые презенты, феноменальные репрезентаты также являются виртуальными органами: Сознательно переживаемые объекты (ограничения 3, 4 и 7) - это отдельные, функционально активные части организма, которые в данный момент делают глобальными свойствами стимула и высокую силу внутренней корреляции, то есть когерентность перцептивно заданного набора свойств. При

этом эти объектные эмуляторы образуют функциональный кластер, то есть каузально плотную, дискретную субрегиональную область внутри глобального функционального кластера, составляющего модель мира организма (см. раздел 3.2.3). Феноменальная сегментация сцены - необходимое условие для того, чтобы сделать возможными волевые и дифференцированные движения дотягивания и пространственную память. Это тоже динамическое свойство преходящего органа, который мы называем нашей моделью мира.

Феноменальные симуляции (ограничение 8), однако, сами по себе могут быть интересно интерпретированы как новая форма поведения. По крайней мере, предполагаемые симуляции - это внутренние формы поведения (ограничение 6), позволяющие осуществлять процессы планирования и сопровождающиеся феноменальным опытом агентства (см. раздел 6.4.5). Они позволяют организму овладеть собственной внутренней когнитивной деятельностью, впервые представить себя в качестве когнитивного агента (см. раздел 6.4.4). Те нейронные корреляты, которые эпизодически активируются в ходе таких симуляционных процессов, являются - пока они существуют - конкретными органами, играющими отчетливую, модульную каузальную роль в системе, делая глобально доступным когерентный набор информации, относящейся к определенным типам возможных ситуаций или действий. Обладание целостной, прозрачной моделью мира (ограничения 3 и 7) - нормальное бодрствующее сознание - также может быть проанализировано как преходящее обладание определенным органом. Этот орган предоставляет системе интегрированную и постоянно обновляемую репрезентацию своего поведенческого пространства. Будучи прозрачной репрезентацией поведенческого пространства, возможно, включающей в себя встроенную саморепрезентацию (ограничение 6), он впервые представляет фактичность и тем самым становится миром организма. Одновременно

содержание этого поведенческого пространства становится доступным для когнитивных операций и обработки внимания; впервые оно позволяет существу осознать, что оно действительно расположено (ограничения 2 и 3).

Сознание как информационно-вычислительная стратегия

Феноменальные состояния также являются вычислительными органами, делающими информацию, имеющую отношение к выживанию, глобально доступной в пределах окна присутствия. Таким образом, на вычислительном уровне описания одним из способов индивидуализации феноменальных состояний было бы изучение типа информации, которую они интегрируют в феноменальный уровень репрезентации в целом. Конкретные примеры этой исследовательской программы должны быть представлены ответами на вопросы следующего типа: Какого рода информация становится глобально доступной только благодаря вкусовому опыту (т. е. активным вкусовым презентациям)? Какого рода информация становится глобально доступной только благодаря спонтанно возникающим моторным фантазиям (т. е. ненамеренным моторным самосимуляциям)? Какая информация, с другой стороны, становится доступной только благодаря сознательно переживаемому абстрактному мышлению (т. е. целенаправленным когнитивным симуляциям)? Какого рода информация в принципе может быть представлена только в пространстве, которое, к тому же, демонстрирует перспективную организацию, поскольку относится к динамическим субъектно-объектным отношениям (см. раздел 6.5)? С учетом набора ограничений, разработанных в этой главе, очевидно, можно составить целый каталог систематизированных исследовательских

программ на информационном и вычислительном уровне. Однако сейчас я не буду углубляться в этот вопрос.

Другая возможность более пристально исследовать адаптивный характер определенных типов феноменальной обработки заключается в моделировании определенных аспектов их вычислительной роли: как долго такие состояния обычно активны? Какие механизмы на выходе обычно получают доступ к феноменально представленной информации особым образом? Языковые центры? Моторная кора? Процессы, консолидирующие долговременную память? При каких условиях эта вычислительная роль снова будет "выведена" из феноменальной модели мира и передана, так сказать, функционально изолированным и потому неосознаваемым формам обработки? В стрессовых ситуациях? После успешно завершенных фаз обучения? В глубоком сне? Важным общим вопросом при разработке эволюционного взгляда на вычислительную нейроэтологию феноменального сознания является следующий: Какова метаболическая цена для организма за принятие конкретной вычислительной стратегии?

Адаптивность как функциональное свойство феноменальных состояний

Поскольку я решил сделать телеофункционализм одной из исходных посылок этой книги, а не предлагать собственную подробную аргументацию, мне придется быть кратким в этом разделе. Однако позвольте мне хотя бы указать на один конкретный и интересный набор теоретических вопросов. Если мы примем ограничение 11, которое только что было введено, то в соответствии с этим дополнительным ограничением мы можем переосмыслить функциональный уровень описания, предлагаемый для всех предыдущих

ограничений. Ограничение адаптивности требует, чтобы все функциональные свойства, которые я набросал при обсуждении этих ограничений на соответствующем уровне описания, всегда имели правдоподобное прочтение как постепенно приобретаемые свойства. То есть на этом уровне анализа должны действовать дополнительные телеофункционалистские ограничения. Тогда мы должны предположить, что такие состояния не просто должны быть индивидуализированы только по их каузальной роли, но что необходимо ввести общее предположение, что они всегда играют эту роль для системы: они помогают организму в достижении его индивидуальных целей - или целей его предков. В долгосрочной перспективе особый новый вид феноменальной ментальной модели (см. следующий раздел), особый класс феноменального содержания, сопровождаемый особым новым видом нейронного "транспортного средства", может выжить только в том случае, если он поддерживает биологическую систему, в которой он возникает, в достижении выживания и деторождения. Важно отметить, что приписывание целей не обязательно должно сопровождаться реалистической позицией; оно может быть интерпретировано инструменталистски, как предварительная исследовательская программа (Dennett 1987b; типичный пример общей стратегии приводится в Gallup 1997). Затем мы расширим рамки исследования, рассмотрев историю этих причинных свойств, их связь с селективным давлением, оказываемым конкретной и меняющейся средой на предков рассматриваемого организма, и так далее. Интересно отметить, что такой телеофункционалистский анализ впервые вводит в наше исследование нормативный аспект: Феноменальные репрезентанты являются хорошими репрезентантами тогда и только тогда, когда они успешно и достоверно отображают те причинные свойства области взаимодействия организма, которые были важны для репродуктивного успеха.

Сознание как этап нейробиологической эволюции

В коротком временном масштабе интересный подход состоит в том, чтобы рассматривать феноменальный опыт как уровень организации в индивидуальном мозге (Revonsuo 2000a). Однако, когда мы ищем психофизические корреляции между конкретными формами феноменального содержания и состояниями нервной системы, мы озабочены не только выделением минимально достаточных нейронных коррелятов, на которые накладываются синхронные феноменальные свойства систем. Теперь нам приходится рассматривать гораздо большие отрезки времени, поскольку мы фокусируемся на эволюционной истории сознания как специфической формы интенционального содержания, более всего, однако, на генезисе анатомического субстрата. Базисный набор свойств для объяснительного отношения темпорально расширяется; предлагая телеофункционалистские объяснения ныне существующих феноменальных свойств, мы теперь можем обращаться к прошлым нейронным коррелятам и окружению (пример см., например, Roth 2000). Отношения между типами феноменальных содержаний и наборами нейрофункциональных свойств - это не простые, асимметричные отношения детерминации, как в отношениях локального супервидения, а действительно объяснительные отношения. Любое удовлетворительное объяснение сознания, феноменального "я" и перспективы от первого лица должно быть справедливым по отношению к истории целевого феномена на нашей планете.

Теперь мы подошли к концу нашего первого набора ограничений. Эти ограничения помогут нам в дальнейшем отточить концептуальные инструменты, разработанные в главе 2 и в главе 4 для оценки некоторых нейрофеноменологических примеров, когда мы будем преследовать ту же цель под другим углом. Из того, что было сказано до сих пор, должно быть очевидно, что этот набор ограничений - только начало. В крайнем случае, это прелюдия к гораздо более систематическому каталогу

анализов и объяснений, который будет составлен в будущем. Однако прежде чем двигаться дальше, будет интересно посмотреть, как даже этот простой набор ограничений может помочь нам сформулировать ряд совершенно разных понятий феноменального сознания. Исследуемый феномен и связанные с ним концептуальные инструменты имеют множество различных оттенков и вариаций. Как я уже отмечал, феноменальный опыт - настолько тонкое и сложное явление, что в настоящее время невозможно провести резкие и абсолютные границы на концептуальном уровне. Исключения из правил будут существовать всегда. Тем не менее, сейчас мы можем описать наш целевой феномен в нескольких различных вариациях.

Минимальное сознание

Минимальная степень удовлетворения ограничений для того, чтобы вообще говорить о феномене "появления", феномене сознания, включает ограничения 2 (презентационность), 3 (глобальность) и 7 (прозрачность). Сознательный опыт заключается в активации когерентной и прозрачной модели мира в окне присутствия. На уровне феноменального содержания это просто эквивалентно "присутствию мира". Обратите внимание, что такая минимальная версия сознательного опыта не является субъективным опытом в смысле привязки к сознательно переживаемой перспективе первого лица (она субъективна только в очень слабом смысле - как внутренняя модель внутри индивидуального организма), и что это понятие все еще очень упрощенное (и, вероятно, эмпирически неправдоподобное), поскольку оно совершенно недифференцировано в своем представлении причинности, пространства и времени. Система, обладающая минимальным сознанием, которое описывается исключительно связкой ограничений 2, 3 и 7, была бы

заморожена в вечном Сейчас, а мир, представляемый этим организмом, был бы лишен всякой внутренней структуры.

Дифференцированное сознание

Если мы добавим внутреннюю мерологическую структуру в терминах ограничения 4 (свернутый холизм), мы позволим сегментировать сцену и возникнуть сложной ситуации. Возникает вложенная иерархия содержаний. Однако, если мы не хотим допустить маловероятный случай "моментального сознания", когда одна единственная, заранее сегментированная сцена застывает в вечном Сейчас на феноменальном уровне, мы должны добавить временную структуру в терминах ограничения 5 (динамичность). На этом этапе становится возможным феноменальный опыт как динамически развивающийся феномен на уровне содержания, как взаимосвязанная иерархия различных содержаний, разворачивающихся во времени и обладающих динамической структурой. Дифференцированное сознание, таким образом, возникает в результате добавления внутреннего контекста и богатой временной структуры.

Субъективное сознание

Это уровень, на котором сознание начинает приближаться к той сложности, которую мы находим на человеческом уровне организации, и уровень, на котором оно становится действительно теоретически интересным феноменом. Добавив ограничение 6 (перспективность) к ограничениям 2, 3, 4, 5 и 7, мы вводим в феноменальное пространство сознательно переживаемую перспективу от первого лица. Теперь пространство опыта всегда сосредоточено на

активной саморепрезентации. Если мы потребуем удовлетворения этого ограничения, мы выберем гораздо более интересный класс репрезентативных систем: класс систем, о которых можно сказать, что они действительно наслаждаются феноменально-субъективным опытом в подлинном смысле этого слова. Тем не менее, такие системы - хотя субъективно переживаемый поток времени, включающий длительность и изменение на фоне умозрительного настоящего, уже доступен для них - еще не имеют эксплицитной феноменальной репрезентации прошлого и будущего, возможных миров и возможных "я".

Когнитивное, субъективное сознание

Если мы добавим ограничение 8 (автономная активация) и предположим спектр от прозрачных до непрозрачных репрезентаций (см. раздел 3.2.7), мы получим еще более специфический класс феноменальных систем. Эти системы будут способны избирательно активировать глобально доступные репрезентативные структуры независимо от текущего внешнего входа, и, учитывая, что эти структуры будут демонстрировать определенную степень непрозрачности, тот факт, что они сейчас работают с репрезентациями, будет глобально доступен для них и может быть интегрирован в их самомодель. Иными словами, такие системы в принципе могли не только заниматься планированием будущего, пользоваться явными эпизодическими воспоминаниями или запускать подлинные когнитивные процессы, такие как мысленное формирование понятий; эти системы впервые могли представлять себя как репрезентативные системы, пусть даже в минимальном масштабе. Они стали бы мыслителями мыслей. Запуская феноменально непрозрачные симуляции, они смогли бы окончательно избавиться от наивного реализма, ранее порожденного полным удовлетворением ограничения прозрачности на всех уровнях содержания. Для таких систем

разница между реальностью и видимостью впервые станет доступной для внимания и метапознания. Вполне возможно, что люди - единственные биологические существа на нашей планете, выполняющие это дополнительное условие в сколько-нибудь интересной степени.

Биологическое сознание

Может ли существовать класс систем, которые одновременно удовлетворяют всем упомянутым до сих пор ограничениям, но при этом не являются результатом биологической эволюции? Иначе говоря, существуют ли феноменальные реальности, которые не являются живыми реальностями? Могут ли существовать системы, которые наслаждаются всеми различными видами все более богатого феноменального содержания, о которых только что говорилось, и при этом не имеют правильной истории?

Приведу два примера такой "исторической некорректности". Первый - это знаменитый рассказ Дональда Дэвидсона "Болотоход" (см. Davidson 1987, p. 46 f.). Молния ударила в мертвое дерево на болоте, когда Дэвидсон стоял неподалеку. Его тело распадается на элементы, а дерево совершенно случайно (и из разных молекул) превращается в его физическую копию. Эта копия, Болотник, является физическим и функциональным изоморфом Дэвидсона; он двигается, думает, говорит и спорит так же, как и оригинальный Дональд Дэвидсон. Очевидно, что он обладает точно таким же феноменальным опытом, как и Дональд Дэвидсон, поскольку феноменальное содержание локально зависит от свойств мозга реплики. С другой стороны, интенциональное содержание ментального состояния Болотника не такое же - например, у него много ложных воспоминаний о собственной истории, независимо от того, насколько они осознанны. Активные феноменальные репрезентации в мозгу Болотника были бы вполне

осознанными с точки зрения всего набора ограничений, перечисленных до сих пор, но они не удовлетворяли бы ограничению адаптивности, поскольку эти состояния имели бы неправильную историю. Они не возникли в результате процесса эволюции, длившегося миллионы лет. Они возникли по абсурдному невероятному стечению обстоятельств; они появились чудом. И именно поэтому мы не можем связать с этими датами более глубокую объяснительную историю: Мы не можем расширить объяснительный набор базовых свойств в прошлое и включить в него историю предков системы - у этой системы нет предков. Она могла бы наслаждаться богатой, дифференцированной когнитивной версией сознательного опыта, привязанной к перспективе от первого лица, но это все равно было бы сознанием в слабом смысле, потому что оно не удовлетворяло бы ограничению адаптивности, действующему для обычного биологического сознания.

Второй пример концептуально более слабой и "исторически неверной" формы феноменального опыта может быть несколько более реалистичным. Представьте, что человечество в конце концов создает постбиотические системы, сложные системы обработки информации, которые не являются ни полностью искусственными, ни полностью биологическими. Эти системы могут быть сильно сознательными, феноменальными системами, максимально удовлетворяющими ограничениям со 2 по 10 на всех небιологических уровнях описания. Мы часто предполагаем, что концептуальное различие между искусственными и естественными системами является исключительным и исчерпывающим. Это предположение неверно, поскольку уже сегодня мы имеем, например, гибридные биороботы, использующие органическое оборудование, и полуискусственные информационно-процессорные системы, использующие биоморфные архитектуры, но при этом подвергающиеся квазиэволюционному процессу индивидуального развития и групповой эволюции со

стороны создающих их ученых-людей. Таким образом, в будущем мы можем даже получить системы, отвечающие всем упомянутым ограничениям, но возникающие в результате квазиэволюционной динамики, созданной, например, исследователями в области искусственной жизни. Однако эти системы будут удовлетворять ограничению адаптивности совершенно иначе, чем люди или любые другие сознательные животные на этой планете. Они возникли в результате эволюционного процесса второго порядка, инициированного биологическими системами, уже обладающими сознанием. Из того, как я изложил первоначальный набор концептуальных ограничений для понятия "сознательная система", все равно следует, что эти постбиотические феноменальные системы будут сознательными лишь в несколько более слабом смысле, чем человек, поскольку человек был необходим для запуска эволюционного процесса второго уровня, в результате которого эти существа смогли развить свою собственную феноменальную динамику. С человеческой точки зрения, как и Болотник, они могут не обладать нужной историей, чтобы считаться максимально сознательными агентами.

Однако легко представить себе постбиотического философа, указывающего, что все аргументы об "исторической неправильности" неизбежно представляют собой генетическое заблуждение и что на самом деле такая сознательная система, как он сам, система, удовлетворяющая ограничению адаптивности совершенно другим, постбиологическим способом, является сознательной в концептуально и теоретически гораздо более интересном смысле, просто потому, что ее вид феноменального опыта возник в результате эволюции второго порядка, автоматически интегрирующей человеческую форму интенциональности, которая, следовательно, внутренне более ценна. Оптимизация второго порядка всегда лучше, чем оптимизация первого порядка. Например, такая система могла бы утверждать, что бремя эмоций приматов,

отражающих древнюю логику выживания, - это то, что делает вас менее сознательными с теоретической точки зрения. Если сознание - это то, что максимизирует гибкость, мог бы утверждать наш постбиотический философ, то эмоции животных во всей их жестокости и случайности, безусловно, являются тем, что делает вас менее гибкими. Ни сознание, ни интеллект не должны быть связаны со способностью страдать или страхом смерти. Искусственная субъективность лучше биологической, потому что она удовлетворяет ограничению адаптивности в более чистой форме, чем жизнь, и потому что она уменьшает общее количество страданий во Вселенной - так мог бы утверждать наш исторически неверный философ.

К сожалению, мы должны вернуться к работе. Уже сейчас должно быть очевидно, как десять ограничений, предложенных в предыдущих разделах (и более дифференцированные будущие версии, которые, надеемся, будут разработаны в ближайшее время), могут служить для разбивки наивного народно-психологического понятия "сознание" на более конкретные понятия, описывающие более богатые и специфические варианты целевого феномена. Теперь попробуем кратко интегрировать только что развитые соображения в рабочую концепцию сознательно переживаемых содержаний в целом.

3.3 Феноменальные ментальные модели

Давайте теперь введем гибкую рабочую концепцию, сказав, что сознательно переживаемое содержание является содержанием "активных феноменальных моделей". Понятие "ментальная модель" является центральным элементом теории ментальной репрезентации, которую называют кембриджской теорией ментальной репрезентации (со ссылкой на Крейка и Витгенштейна; см. McGinn 1989a, p.

178). Кеннет Крейк может считаться главным основателем этой теории. В 1943 году он опубликовал книгу под названием "Природа объяснения", которая по своим утверждениям совершенно не вписывалась в бихевиористскую эйфорию, характерную для тех дней. При объяснении когнитивных и поведенческих достижений Крейк сделал сильные предположения относительно внутренних структур. Задолго до появления компьютера как технико-теоретической метафоры человеческого разума Крейк уже предполагал, что человеческие существа преобразуют события окружающей среды во внутренние структуры, затем манипулируют этими структурами определенным образом, только чтобы затем вновь преобразовать их во внешние действия.¹⁹ Согласно этой теории, существуют также ментальные модели чисел или пропозиций. Ранняя теория Крейка не только вдохновлялась нейронаучными знаниями, но и интуитивно напоминала некоторые идеи современной динамистской когнитивной науки - например, представление о репрезентативной динамике как о непрерывном процессе сборки динамических моделей с нуля.²⁰ Наиболее ярким представителем теории ментальных моделей сегодня является Филипп Джонсон-Лэрд, который первоначально также работал в Кембридже. Он продолжает развивать концепцию ментальной модели (например, см. Johnson-Laird 1983, 1988, 1995) и проводит различие между рядом различных приложений в разных областях формирования теории.

Для нынешних целей нет необходимости углубляться в конкретные дебаты о ментальных моделях. Джонсон-Лэрд сам формулирует основную мысль в отношении феноменальных ментальных моделей, в которых доминирует сенсорная информация:

Наше феноменологическое восприятие мира - это триумф естественного отбора. Кажется, что мы воспринимаем мир

непосредственно, а не как его репрезентацию. Однако эта феноменология иллюзорна: то, что мы воспринимаем, зависит как от того, что есть в мире, так и от того, что есть в наших головах - от того, что эволюция "заложила" в нашу нервную систему, и от того, что мы знаем в результате опыта. Пределы наших моделей - это пределы нашего мира". (Johnson-Laird 1989, p. 470 f.)

Джонсон-Лэрд также предполагает, что ментальные модели могут представлять пропозициональные установки, что они играют важную роль в силлогистических рассуждениях, а также в построении и сохранении сложных структур знаний.²¹ Теория ментальных моделей разрабатывалась преимущественно для понимания рассуждений или восприятия в конкретных репрезентативных рамках. Она никогда не развивалась в направлении теории феноменального опыта или перспективы первого лица как таковой. Однако ментальные модели обладают целым рядом характеристик, которые представляют интерес для любой натуралистической теории феноменальной репрезентации. Одно из этих свойств - способ, которым они могут поддерживать систему в активации ментальных симуляций, то есть во внутренних "прогонах" виртуальных процессов репрезентации. Второе важное свойство заключается в том, что ментальные модели представляются как структуры, оптимизированные в ходе эволюции. В-третьих, как мы уже видели, они часто могут быть поняты как прозрачные. Еще одна очень важная характеристика представлена идеей о том, что ментальные модели встраиваются друг в друга на все более высоких, вложенных уровнях содержания. Поэтому в принципе - в соответствии с самыми первыми мыслями Крейка, процитированными ранее, - можно представить себе, как таким образом могут возникнуть всеобъемлющие модели реальности в целом или даже единая феноменальная модель мира.

Если мы теперь обогатим понятие ментальной модели, применив ограничения, разработанные в разделе 3.2, это даст нам рабочую концепцию типичного "транспортного средства" феноменальной репрезентации, которая феноменологически правдоподобна и открыта для будущего развития. Феноменальные ментальные модели будут теми ментальными моделями, которые, говоря функционально, глобально доступны для познания, внимания и непосредственного контроля поведения. Любая индивидуальная феноменальная модель в принципе доступна для ментальной категоризации и формирования концептов, поскольку феноменальное моделирование начинается на уровне объекта. Феноменальные ментальные модели всегда являются интегрированными комплексами более простых видов содержания (они представляют собой то, что я назвал феноменальным "голоном" в Metzinger 1995c). Как правило, феноменальные ментальные модели представляют собой супрамодалные структуры, возникающие в результате интеграции различных источников сенсорной информации. Если вы сейчас одновременно чувствуете и видите книгу в своей руке, вы переживаете ее как единичный объект во внешней реальности, предоставленный вам двумя разными органами чувств. Единая феноменальная модель книги по-прежнему содержит информацию о том, что она была дана двумя разными способами, через две каузально различные цепочки событий, поскольку она является результатом интеграции визуального и тактильного презентационного содержания.

Феноменальные ментальные модели должны быть активированы в пределах окна присутствия. Это, конечно, не означает, что мы не можем сознательно переживать ментальные модели прошлого или будущих ситуаций. Но это означает, что все феноменальные ментальные модели должны быть интегрированы в единый, всеобъемлющий процесс моделирования текущего настоящего. Одним из способов конкретизировать ограничение 2 было бы

предположение о существовании постоянно активной, динамической модели восприятия времени, а именно ментальной модели "Сейчас", а затем добавить предположение о том, что феноменальные ментальные модели - это именно те структуры, которые постоянно встроены в непрерывный рекуррентный цикл этой структуры высшего порядка.

В-третьих, содержание субъективного опыта - это содержание модели мира (ограничение 3; см. также Yates 1985). Поэтому феноменальными ментальными моделями будут все те структуры, которые в данный момент встроены в целостную, высшего порядка ментальную модель мира в целом. Очевидно, что одним из важнейших проектов является поиск механизма интеграции, способного реализовать "отношения встраивания" между различными ментальными моделями, о которых часто говорит Джонсон-Лэрд (это было бы важно как для удовлетворения ограничения глобальности, так и для ограничения convolved-holism). Сам Джонсон-Лэрд постулирует рекурсивные функции, встраивающие модели друг в друга (Johnson-Laird 1983, 1989).

Наконец, есть два основных компонента, в которых феноменальные ментальные модели способствуют возникновению перспективы от первого лица, удовлетворяя ограничению перспективности (см. также главы 5, 6 и 7). Во-первых, необходимо увидеть, что система, очевидно, может не только обладать феноменальной ментальной моделью мира, но и начать моделировать свои собственные свойства. Джонсон-Лэрд, надо заметить, на очень раннем этапе прямо указал на возможность обладания системой моделью возможностей своей собственной операционной системы.²² Короче говоря, теперь можно представить, что система не только активирует ментальную Я-модель, но и - при соблюдении обсуждаемых сейчас ограничений - феноменальную Я-модель. Однако моделирования границы

"я-мира" само по себе недостаточно. Как мы увидим в разделе 6.5, перспектива первого лица возникает только при условии активного процесса моделирования текущих субъектно-объектных отношений. Теоретическим ядром любой теории о перспективе первого лица (или так я бы утверждал) должна быть феноменальная модель таких субъектно-объектных отношений. Существование Я-модели, встроенной в модель мира, является необходимым условием для активации такого рода ментального содержания.

О критерии прозрачности не нужно много говорить, поскольку он уже подразумевается в исходной концепции перцептивно управляемой ментальной модели. Просто напомним, что подавляющее большинство феноменальных ментальных моделей должно быть прозрачным в том самом смысле, который был представлен в разделе 3.2.7: информация о том, что они являются структурами, моделирующими реальность, не является глобально доступной для обработки вниманием. Интересно, однако, что существует подмножество глобально доступных структур, а именно те структуры, которые составляют основной фокус оригинальных исследований ментальных моделей - то есть процессов рассуждения - и которые представляют собой непрозрачные феноменальные ментальные модели. Очевидно, что, поскольку эти структуры являются аналоговыми репрезентациями лингвистических или логических сущностей, они должны вновь ввести различие между формой и содержанием на уровне их содержания. Поэтому они делают доступной информацию о том, что в данном конкретном случае система действительно оперирует репрезентативными структурами.

Теперь мы пришли к более общей рабочей концепции. Она очень гибкая, поскольку способна в разной степени удовлетворять концептуальным, феноменологическим, информационно-вычислительным, функциональным и

нейробиологическим ограничениям, обсуждавшимся в двух последних главах. Очевидно, что наша рабочая концепция феноменальной ментальной модели не является полностью определенной в своем семантическом содержании. Однако сила ее обобщенности заключается в ее открытости для семантических преобразований, обусловленных данными, и в том, что мы можем адаптировать ее к различным нейрофеноменологическим областям. Как я уже отмечал в самом начале, не следует стремиться к схоластическому априорному философствованию или максимизации аналитической точности любой ценой. Напротив, целью должно быть достижение как можно большего при минимальных усилиях путем разработки простого набора инструментов, способных облегчить междисциплинарное сотрудничество между философией и эмпирическими науками о разуме. Однако с аргументативной и методологической точки зрения даже простой набор инструментов должен быть тщательно проверен. В следующей главе я подвергаю его всесторонней проверке на реальность.

Глава 4. Нейрофеноменологические случаи

4.1 Испытание реальностью: Концепция феноменальной модели реальности

Возможно, сознательный опыт - самая сложная область научного и философского исследования из всех существующих. Поэтому было бы методологически наивно предполагать, что в ближайшем будущем мы сможем прийти к узко очерченным наборам необходимых и достаточных условий для приписывания сознания на одном единственном уровне описания. Одна из возможностей, которую всегда следует иметь в виду, - это отсутствие единой концептуальной

"сущности" феномена. То, что мы можем обнаружить в течение этого столетия, может быть лишь слабо перекрывающимися, но сложными и специфическими для данной области наборами достаточных условий для возникновения сознательного опыта, расположенных на разных уровнях описания, которые сопротивляются полным редуктивным объяснениям в гораздо большей степени, чем кто-либо мог бы ожидать, учитывая нынешнюю скорость генерации данных на эмпирическом фронтире.

Сознание может оказаться "кластерным понятием". То же самое можно сказать о феноменальном "я" и понятии "перспектива от первого лица". Большие объемы данных еще не являются знанием, а для особенно богатых доменов и целевых феноменов концептуальный ландшафт, соответствующий этим данным, может оказаться не только сложным логическим рельефом, но и в конечном итоге разложиться на довольно беспорядочный пучок субрегионов. Поэтому важно иметь эффективное лекарство от того, что Дэниел Деннетт назвал "синдромом философа" - ошибочного принятия провала воображения за понимание необходимости (Dennett 1991, p. 401).

Если мы заинтересованы в лучшем понимании сложной области феноменов - особенно на начальном, подготовительном этапе формирования теории - анализ пограничных случаев и ограниченных ситуаций часто оказывается очень эвристичным в отношении общей интерпретации стандартного феномена. В нашем случае стандартный феномен представляет собой то, что я назвал "непатологическими состояниями бодрствования" человека. Более внимательное изучение пограничных случаев сложных явлений выявляет неявные предположения, помогает избавиться от интуитивных заблуждений и делает концептуальные недостатки существующих теорий

очевидными. Это первая цель, которую я преследую в главах 4 и 7 этой книги.

В начале главы 3 я кратко ввел понятие феноменальной модели реальности (см. разделы 3.2.1 и 3.2.3, и в особенности понятия минимального, дифференцированного и субъективного сознания, выдвинутые в конце раздела 3.2.11). Минимальная степень удовлетворения ограничений для того, чтобы говорить о феномене "видимости", феномене сознания вообще, включает ограничения 2 (презентационность), 3 (глобальность) и 7 (прозрачность). Сознательный опыт, таким образом, состоит в активации когерентной и прозрачной модели мира в окне присутствия. Феноменальная модель реальности - это феноменальная модель мира, и, как теперь соглашаются многие исследователи из разных дисциплин, содержание субъективного опыта - это содержание модели мира (Yates 1985). Наша сознательная модель мира - это динамическая, постоянно меняющаяся мультимодальная карта той части реальности, которая доступна таким существам, как мы. Чем выше ее детализация и чем сильнее внутренняя согласованность, тем более реальной она представляется субъекту феноменального опыта. Обычная карта, как мы видим ее на стене в классе, - это двумерный внешний аналог репрезентатума. Она не связана с ландшафтом, который изображает, и использует только одну "модальность". Феноменальная же модель мира, внутренне генерируемая нашим мозгом, - это полноценная пространственная модель, обладающая временным измерением (это "4D-модель"). Реализуя чрезвычайно большое количество измерений для того, что я назвал презентативным содержанием, она также воспроизводит часть реляционной структуры мира. Важнейшей особенностью этой феноменальной модели реальности является то, что она объединяет информацию и другие феноменальные ментальные модели, уже действующие в системе, в глобальную надстройку. При этом она связывает информацию из множества функционально

инкапсулированных модулей в постоянно меняющуюся, вложенную иерархию репрезентативных содержаний. Эти содержания подвергаются постоянному обновлению за счет информационного потока от органов чувств и постоянно ограничиваются нисходящими влияниями (например, представленными когнитивными операциями высшего порядка).

Вторая основная цель этой главы - глубже понять, что означает, что драма нашей субъективной жизни разворачивается в рамках такой феноменальной модели реальности. А для этого будет полезно обратить внимание на патологические или отклоняющиеся феноменальные модели реальности. Безусловно, некоторые читатели сочли многие идеи, представленные в предыдущих двух главах, слишком абстрактными и оторванными от сложности, тонкости и феноменологической яркости реального сознательного опыта. Поэтому давайте, наконец, рассмотрим некоторые реальные ситуации.

4.2 Девиантные феноменальные модели реальности

Если определить непатологическое бодрствующее сознание как норму, то сразу же появляется набор критериев для систематизации отклоняющихся феноменальных состояний. В любой момент времени любую глобальную феноменальную модель реальности можно описать ее минимально достаточным нейронным коррелятом. Можно также присмотреться к ее функциональному и вычислительному профилю: Ограничивает ли этот глобальный тип состояния внутренний или внешний репертуар действий, доступных человеку? Расширяет ли он этот репертуар? Какого рода информация доступна для внимания? Есть ли информация, которая теперь недоступна для познания? Философов, с

другой стороны, может интересовать классификация феноменальных моделей мира в соответствии с их фактическим интенциональным или эпистемическим содержанием: Выше или ниже общая плотность информации по сравнению с нормальным состоянием сознания? Каких источников знаний, неконцептуальных или концептуальных, непропозициональных или пропозициональных, лишает человека это состояние сознания? Существуют ли отклоняющиеся глобальные классы феноменальных состояний, открывающие человеку новые источники знаний?

Однако можно проанализировать и структуру самого феноменального содержания, чем я и займусь. В нашем сегодняшнем контексте важными вопросами являются: Какие феноменальные "качества", то есть какие типы презентативного содержания, теряются? Возникают ли новые формы простого содержания? Изменилось ли содержание феноменального "я"? Как глобальное качество сознания "как такового" (т. е. с точки зрения аттенциональной или когнитивной доступности) распределяется по спектру репрезентативных содержаний? Появляются ли новые содержания и какие элементы непатологической модели реальности больше не могут быть интегрированы в субъективный опыт? Другими интересными характеристиками могут быть градиент прозрачности, доступность автобиографической памяти, типоспецифическая дисперсия, сдвиги в восприятии времени и степень феноменальной центрированности. Здесь я не буду систематически рассматривать ни один из этих проектов. Все, что я могу предложить, - это беглый и неполный набор примеров. Я надеюсь, что даже эти краткие примеры могут послужить иллюстративным доказательством моей исходной гипотезы. Она гласит, что содержание субъективного опыта - это содержание интегрированного, глобального процесса моделирования реальности, происходящего в виртуальном окне присутствия, создаваемом человеческим мозгом. Эта гипотеза не так тривиальна, как кажется. Она способна

объединить нестандартные случаи нашего целевого феномена в объяснительном ключе. Общим для всех примеров, которые будут представлены, является тот простой факт, что ни народная психология, ни классические философские теории сознания не могут предложить их адекватного объяснения.

4.2.1 Агнозия

Представьте себе, каково это - не узнать в зеркале свое собственное лицо? Окружное кровоизлияние в определенную область мозга может навсегда и выборочно изменить вашу модель реальности таким образом, введя вас в столь специфическое, агностическое состояние.

"Это должна быть я, потому что я здесь!" Так осторожно сказала Эмили, разглядывая лицо в зеркале перед собой. Это должна быть она; она сама, по собственной воле, оказалась перед зеркалом, так что это должна быть она; кто же еще может быть? И все же она не могла узнать свое лицо в зазеркалье; это было женское лицо, все верно, но чье? Она не думала, что это ее лицо, и не могла подтвердить, что оно ее, поскольку не могла вернуть свое лицо в сознание. Лицо, на которое она смотрела, не вызывало в ее сознании ничего определенного. Она могла поверить в то, что оно принадлежит ей, из-за обстоятельств: Я привел ее в эту комнату и попросил подойти к зеркалу и посмотреть, кто там. Ситуация однозначно говорила ей, что это не может быть кто-то другой, и она приняла мое утверждение, что это, конечно же, она.

Однако, когда я нажал кнопку "play" на магнитофоне и дал ей послушать аудиозапись собственного голоса, она сразу же узнала его как свой. Она без труда узнала свой уникальный

голос, даже если больше не могла узнать свое уникальное лицо. Такое же несоответствие было и с лицами и голосами других людей. Она не могла узнать лицо мужа, детей, родственников, друзей и знакомых. Однако она легко узнавала их характерные голоса. (Damasio 1999, p. 162)

Пациенты, страдающие агнозией, часто не могут распознать стимулы, ранее известные им как таковые. Хотя перцептивные функции не нарушены и нет никаких нарушений высших когнитивных способностей - включая обработку речи - пациент не в состоянии осознанно понять значение определенного осознанного восприятия (см., например, Teuber 1965; Damasio 1987). Частыми причинами такого дефицита являются специфические поражения определенных областей мозга, вызванные инсультами. В случае зрительной агнозии это может быть двустороннее поражение затылочных височных областей, относящихся к нижним зонам зрительных ассоциаций, в том числе зон Бродмана 18 и 19. Существует множество различных видов зрительной агнозии (Farah 1990), например, объектная агнозия (неспособность называть, распознавать и использовать объекты), агнозия рисования (дефицит, заключающийся в отсутствии способности распознавать нарисованные объекты), цветовая агнозия (ассоциация цветов с объектами), ахроматопсия (неспособность различать различные оттенки; см. ниже) и визуопространственная агнозия (неспособность к стереовидению и формированию топографических понятий). В соответствии со специфической потерей сознательно переживаемого содержания обнаруживается специфическая локализация поражений, включая, например, области 20, 21 слева или справа, мозолистое тело, двустороннее повреждение области 37, а также области, отвечающие за обработку речи.

Редкой, но часто отмечаемой формой зрительной агнозии является прозопагнозия (Damasio, Damasio, and van Hoesen

1982; Tranel and Damasio 1985, 1988; см. также Dennett 1991, глава 11). Интересно, что прозопагнозия очень узко очерчена на феноменологическом уровне описания. Она заключается в неспособности распознавать лица, включая, в некоторых случаях, собственное лицо, отраженное в зеркале. Во всех остальных аспектах визуальный мир пациентов с прозопагнозией не ограничен. Однако с функциональной точки зрения определенный стимул на высокоспецифичном, контекстно-зависимом уровне не может быть интегрирован с внутренне существующей структурой знаний. Пациенты с такими поражениями без труда узнают своих друзей и родственников по голосу. Однако они не в состоянии понять идентичность людей (в некоторых случаях и свою собственную), активируя определенный, очень специфический компонент своей феноменальной модели реальности. Ограниченный дефект на "аппаратном уровне", предположительно, препятствует использованию определенных способностей к интеграции репрезентативного содержания (например, встраиванию определенной актуальной, визуально данной модели конкретного человека в уже существующую структуру памяти). Одним из следствий этого является то, что внутренняя модель мира не только функционально ограничена, но и феноменально лишена. Некий узко очерченный аспект сознательной реальности - а именно, персональная идентичность как визуально данная - навсегда исчезает из эмпирического мира субъекта.

Чисто случайно, когда мы использовали длинную последовательность фотографий, чтобы проверить, как она узнает разных людей, мы заметили, что, взглянув на фотографию незнакомой женщины, у которой один верхний зуб был немного темнее остальных, Эмили решила, что перед ней ее дочь.

"Почему вы думаете, что это ваша дочь?" помню, я спросил ее.

"Потому что я знаю, что у Джули темный верхний зуб", - сказала она. "Наверняка это она".

Конечно, это была не Джули, но ошибка показала, на какую стратегию теперь должна была опираться наша умная Эмили. Не имея возможности распознать личность по глобальным признакам и наборам локальных черт лица, Эмили ухватилась за любой простой признак, который мог напомнить ей о чем-то, потенциально связанном с человеком, которого можно было бы обоснованно попросить узнать. Темный зуб напомнил ей о дочери, и на этом основании она сделала обоснованное предположение, что это действительно ее дочь". (Damasio 1999, p. 164)

Конечно, реальная феноменология этого дефекта может быть описана более тонко, и в разных случаях возможны значительные вариации. Например, может наблюдаться потеря способности распознавать лица без потери способности вызывать образы запомнившихся лиц (Weiskrantz 1997, p. 224). Теперь мы можем потихоньку начать использовать наш первый набор инструментов. Точнее, существуют феноменальные конфигурации, в которых ограничение презентативности и ограничение глобальности не выполняются системой в отношении определенного вида репрезентативного контента (идентичности людей через их лица как присутствующие в текущем визуальном окружении), в то время как соответствующий "нисходящий компонент" данного контента все еще доступен для активации в автономном режиме (тем самым удовлетворяя ограничению 8, поскольку феноменальные симуляции все еще возможны). Несомненно, в будущем нейропсихология придет к более точному разделению переменных, даже в отношении таких узко очерченных феноменальных потерь, как при прозопагнозии. В конце концов, возможно, окажется, что это не единое нарушение восприятия, а несколько отдельных этапов

обработки информации. Явное распознавание и категоризация лиц происходят автоматически и без усилий, но становится все более очевидным, что существуют различные стадии представления лица без сознательной обработки (Khurana 2000). Однако феномен прозопагнозии наглядно демонстрирует, как у таких воплощенных существ, как мы, отдельные аспекты сознательной модели мира могут исчезать крайне избирательно. Например, существуют слуховые агнозии, такие как амузия (избирательная неспособность распознавать и осознанно воспринимать тона и мелодии; нарушения ритма и темпа) и звуковая агнозия (неспособность распознавать и осознанно воспринимать значение невербальных звуков). Существует астероagnoзия (неспособность сознательно распознавать объекты, прикасаясь к ним, обычно связанная с поражением зон Бродмана 5 и 7) и аутоагнозия (неспособность идентифицировать и называть части тела, связанная с поражением зоны 7, возможно, также левой части зоны 40). Существуют и более высокие формы агнозии, включающие неспособность осознать существующую болезнь или дефицит (анозогнозия) и анозодиафорию (неспособность эмоционально реагировать на существующую болезнь или дефицит). Интересно, что такие дефициты высшего порядка также касаются сознательной саморепрезентации, и поэтому мы вернемся к таким случаям во второй серии нейрофеноменологических исследований в главе 7.

Что больше всего поражает в агнозии, так это избирательность отдельных случаев. Эта избирательность сразу же приводит к выводу, что должен существовать отдельный микрофункциональный модуль, лежащий в основе данного вида феноменального содержания. Теперь мы можем вспомнить наше телеофункционалистское предположение и спросить, почему этот вид сознательного содержания - личная идентичность, передаваемая через визуально воспринимаемые лица, - очевидно, был настолько важен для таких существ, как мы, что развился отдельный

функциональный модуль для вычисления такого рода информации, модуль, который мы сегодня можем выборочно потерять. Очевидно, что информация, доступная при осознанном восприятии лиц, должна была играть важную роль в социальном познании. Возможно, распознавание лиц заняло место обоняния по мере того, как экологическая ниша человека становилась все более сложной (Adolphs 1999). В частности, распознавание лиц позволяет гораздо лучше понять текущее эмоциональное и мотивационное состояние сородича, чем простое вычленение свойств, необходимых для взаимодействия с другим организмом или человеком, путем изучения его запаха. Представители собственного вида визуально очень похожи, но их потенциальное социальное поведение сильно различается. Поэтому особый механизм считывания текущего психического состояния и персональной идентичности из текущего визуального восприятия лица сородича приобрел бы особую важность, как только социальная реальность, окружающая систему, стала бы все более сложной. Прозопагнозия, в тяжелых случаях нарушенного зеркального самоосознания, также разрушает общие феноменологические интуиции о непосредственности самосознания: Как и в исследованиях зеркального самоосознания у приматов, теперь мы обнаруживаем, что эта феноменальная особенность отнюдь не является необходимой чертой любого зрячего, самосознающего существа, и что она имеет историческое измерение. Мы приобрели этот вид феноменального содержания по совершенно случайным причинам в истории нашего вида, и, будучи индивидуумами, мы можем потерять его по совершенно случайным причинам, связанным с простыми фактами, касающимися нашего внутреннего физического строения. Во многих случаях мы теряем даже не само репрезентативное содержание, а лишь доступность внимания.

Давайте остановимся на области зрительной агнозии. Зрительная агнозия характеризуется нарушениями в

представлении и распознавании объектов. Хотя феноменологический ландшафт этого вида дефицита сложнее, чем считалось ранее, очень грубая категоризация позволяет разграничить ассоциативную агнозию и апперцептивную агнозию. В целом, ассоциативная агнозия заключается в неспособности интегрировать существующую память с активной феноменальной моделью в визуальной области. Однако встречаются и случаи апперцептивной агнозии, при которой на уровне сознательного опыта вообще не возникает когерентной визуальной модели, несмотря на то, что все низкоуровневые зрительные процессы не нарушены. Пациент с апперцептивной агнозией, как правило, имеет полностью интактное зрительное поле, которое воспринимается сознательно, но при этом не способен распознавать объекты. Такой нейрофеноменологический класс состояний важен, поскольку для зрительной области он показывает возможность диссоциации между вторым и четвертым ограничениями, предложенными в главе 3. Можно иметь когерентную глобальную модель зрительного мира, не удовлетворяя ограничению холизма. Важно отметить, что неповрежденные зрительные функции включают остроту зрения, различение яркости, восприятие цвета и пространственное внимание (интересное обсуждение и симуляционное исследование см. в Vecera and Gilds 1997, p. 240; более подробный пример см. в Vecera and Behrmann 1997). Испытуемые, страдающие апперцептивной агнозией, обычно страдают от недостатка кислорода в мозге, например, в результате отравления угарным газом. Они осознанно видят цвет (т. е. все презентативное содержание активно, поскольку низкоуровневая визуальная обработка не затронута), у них есть целостная, интегрированная модель мира (ограничение 3), но визуальная информация больше не доступна для контроля действий. Например, они не могут сопоставлять фигуры или копировать визуально представленные фигуры. На функциональном уровне они не могут использовать гештальт-группировочные подсказки или

подсказки "фигура-земля" для организации своего зрительного поля (Vecera and Gilds 1997, p. 240). Их феноменальный зрительный мир не содержит субглобальных целостностей, и по этой причине для него не характерен феномен свернутого холизма (ограничение 4). Короче говоря, хотя низкоуровневые перцептивные механизмы работают отлично, у таких пациентов нарушена преаттентивная группировка, и поэтому информация, связанная с объектом (информация о силе внутренней корреляции между различными наборами визуально воспринимаемых признаков), не может быть глобально доступна для внимания, познания и поведенческого контроля. Поэтому соответствующий вид феноменального контента просто выпадает из их мира. Он больше не является частью их феноменальной реальности-модели. И снова важно отметить, насколько избирательным является это лишение феноменального содержания; оно относится только к неудовлетворению ограничения свернутого холизма относительно визуальной области.

Значительная часть философских дискуссий о том, что я назвал презентационным содержанием, сосредоточена на осознанном цветовом опыте (яркие недавние примеры см. в Clark 2000; Tye 2000). Оказывается, цветовой опыт может быть выборочно утрачен. При церебральной ахроматопсии мы обнаруживаем избирательное исчезновение цветов из сознательной модели мира (Zeki 1990). Мы имеем ситуацию, в которой локализованные поражения мозга специфически разрушают сознательное восприятие цвета, не обязательно сопровождаясь объектной агнозией. Однако и в этом, и во многих других случаях ситуация вскоре усложняется. Коуи и Хейвуд сообщают о феноменально дальтоническом пациенте М.С., который все еще может определять хроматические границы, воспринимать форму по цвету и различать направление, в котором движется полосатый узор, когда определение направления требует от зрителя "знать", какие полосы имеют определенный цвет (Cowey and Heywood 1997).

Такие случаи цветовой слепоты, несмотря на сохранившуюся способность к обработке длины волны, не только еще раз показывают, как базовая категория феноменального содержания может быть выборочно удалена из сознательной модели мира, но и демонстрируют, насколько сильно могут быть разделены интенциональное и феноменальное содержание, активное в системе. Этот пациент, живущий в бесцветном мире, по-прежнему обрабатывает информацию о длинах волн и успешно использует ее в суждениях о перцептивно неокрашенных событиях. Как выразились Коуи и Хейвуд, их пациент "сознательно воспринимает зрительные события, на которые влияет длина волны; только их цвет исчез. Как будто... сознательное осознание цвета было выборочно удалено, что позволило оставшимся событиям нормально участвовать в создании формы и движения, которые теперь воспринимаются в основном в оттенках серого" (Covey and Heywood 1997, p. 37). Этот пример еще раз показывает, почему первоначальный критерий Баарса-Чалмерса "глобальной доступности" должен был быть дифференцирован на когнитивную, аттенционную и поведенческую доступность. Нам представляется, что информация, связанная с длиной волны, может быть когнитивно доступна, а именно, стать возможным содержанием суждений о перцептивно неокрашенных событиях. Однако эта информация не доступна для внимания: Пациент не может сознательно направить свое внимание на интегрированную репрезентацию, феноменально отображающую эту информацию. Коуи и Хейвуд также спросили, может ли такой пациент скрыто обрабатывать феноменальный цвет (а не только длину волны). Может ли он, например, различать цвета путем принудительного выбора, как некоторые пациенты с прозопагнозией различают идентичность или знакомость лица?

Можно с уверенностью сказать, что для этого пациента цвет исчез из феноменальной модели реальности. Однако

соответствующая информация, очевидно, доступна для формирования суждений, умозаключений и контроля речевых актов. Как будто она по-прежнему является элементом "когнитивной" модели мира и причинно связанного с ней поведенческого пространства. Поэтому было бы очень интересно исследовать, существуют ли соответствующие несоответствия на уровне феноменальной саморепрезентации. В любом случае, центральный философский урок очевиден: неосознаваемое презентационное содержание может быть функционально активным в системах, подобных нам, не будучи интроспективно¹, то есть аттенционально, доступным, и в то же время сохраняя значительную часть своей каузальной роли, включая определение содержания других, более высокого порядка феноменальных состояний, одновременно активных (см. пример, приведенный ниже в разделе 4.2.4). Другой концептуальный вывод, естественно вытекающий из этих первых примеров, состоит в том, что понятие "границы" для нашей феноменальной модели мира в будущем придется использовать с особой осторожностью. Агнозия важна, потому что она может послужить разрушению философских интуиций о том, чем на самом деле являются примитивы феноменального пространства.

Обычно философы говорят о звуках, запахах, тактильных ощущениях и цветах так, как будто это очевидные атомы опыта. Оказывается, осознанное восприятие движения - это еще один "примитивный" аспект нашей сознательной модели реальности, который может быть выборочно утрачен (Zihl, Cramon, and Mai 1983; Zihl, Cramon, Mai, and Schmid 1991). Эту ситуацию можно описать изолированным неудовлетворением ограничения 5, ограничения динамичности, в визуально-пространственной области. Это показывает, что восприятие движения в пространстве на феноменальном уровне является еще одним хорошим кандидатом для такого примитива. Однако феноменологические ограничения, накладываемые на

любую теорию сознания, которая может быть выведена из слепоты движения, более контринтуитивны. Кто бы мог подумать, что сознательное переживание движения как такового может исчезнуть из реальности человека, оставив все остальное в прежнем виде? Из изучения агнозии мы узнаем, что глубинная структура феноменального опыта часто сильно отличается от того, что мы интуитивно считаем таковой с позиции первого лица. Что является диссоциируемым элементом, а что нет, нельзя определить только с помощью интроспекции и концептуального анализа. Это также показывает, что нам, возможно, придется вообще отказаться от понятия "атома субъективного опыта": Что такое "граница сознания" или "низший уровень", зависит от механизмов считывания и может сильно различаться в разных случаях.

4.2.2 Пренебрежение

Пренебрежение - это избирательное нарушение внимания, то есть целевого направления сознательного опыта. Пациенты с соответствующими синдромами не могут направить свое внимание на определенные участки своей ментальной модели реальности, что, в свою очередь, имеет перцептивные, моторные и мотивационные последствия (Mesulam 1987; Bisiach and Vallar 1988). Одна из наиболее известных форм, геминеглект, возникает после односторонних поражений или опухолей, преимущественно в правом полушарии. Некоторые из этих пациентов больше не способны читать левую половину предложения или феноменально представлять события в левой половине своего перцептивного поля. Они могут опускать детали с левой стороны при копировании картинок или игнорировать людей, приближающихся к ним слева (Driver and Mattingley 1998, p. 17; краткое философское обсуждение см. в Tye 1995).

Многие из них не моются и не одеваются на левую сторону тела; некоторые пациенты-мужчины перестают брить левую сторону лица (см. также раздел 7.2.1). Обратимся к современной классике. Оливер Сакс описывает пациента, страдающего от последствий поражения правого полушария:

Иногда она жалуется медсестрам, что они не поставили ей на поднос десерт или кофе. Когда они говорят: "Но, миссис С., это же вон там, слева", она, кажется, не понимает, что они говорят, и не смотрит влево. Если осторожно повернуть ее голову так, чтобы десерт оказался в поле зрения в сохранившейся правой половине, она говорит: "О, вот оно - раньше его там не было". Она полностью утратила понятие "лево" как по отношению к миру, так и по отношению к собственному телу. Иногда она жалуется, что ее порции слишком малы, но это потому, что она ест только с правой половины тарелки - ей и в голову не приходит, что у нее есть еще и левая половина. Иногда она наносит помаду и красит правую половину лица, оставляя левую половину совершенно без внимания: лечить такие вещи почти невозможно, потому что ее внимание невозможно привлечь ("геми-внимательность" - см. Battersby 1956), и она не понимает, что это неправильно. Она знает это интеллектуально, может понимать и смеяться; но она не может знать это непосредственно". (Sacks 1998, p. 77)

Этот пациент утратил не понятие "левого", не способность активировать определенные квазипозициональные ментальные модели или специфические лингвистические функции. Все презентативные аспекты левой стороны ее сознательной модели мира, ее перцептивного поля, похоже, утрачены - левая сторона просто не присутствует, она не является частью реальности для этих пациентов. Что же теряет пациентка - визуальную модель реальности как таковую или особый вид доступа, который связывает ее с ее индивидуальной, сознательной точкой зрения?

Эмпирические данные показывают, что значительный объем бессознательной обработки действительно имеет место для игнорируемых стимулов. Во многих ситуациях действительно происходит сегментация фигуры и земли, визуальное завершение, мысленное представление идентичности объекта и даже "значение", то есть семантические свойства таких объектных представлений (обзор см. в Driver and Mattingley 1998). Таким образом, мы снова можем столкнуться с проблемой, связанной с доступностью внимания. Является ли геминеглект нарушением управления вниманием? На репрезентативном уровне анализа не хватает возможности построить эксплицитную модель определенного субъектно-объектного отношения как существующего в данный момент, модель самой пациентки как внимающей в данный момент определенному визуальному объекту (см. раздел 6.5 о понятии "феноменальная модель отношения интенциональности", или ФМОИ). Возможно, нам придется подождать, пока не появится второй набор инструментов, прежде чем мы сможем адекватно описать недостающий вид содержания.

Однако базовая репрезентация эгоцентрического пространства как такового, по-видимому, не нарушена, ведь, в конце концов, как можно систематически игнорировать одну половину вещей (см. Grush 2000, p. 76 и далее), не имея функционального доступа хотя бы к бессознательной модели мира в целом? Как отмечают Драйвер и Вилье (Driver and Vuilleumier, 2001, p. 75), игнорирование демонстрирует интересную нейрофеноменологическую асимметрию по сравнению с дефицитами, рассмотренными в предыдущем разделе, а именно: потеря "пространственного сознания, как при игнорировании, неизменно приводит к потере, скажем, "цветового сознания" или "сознания лица" в пострадавших местах для игнорируемых там стимулов. Но потеря осознания цвета или лица (как при церебральной ахроматопсии или прозопагнозии), по-видимому, никогда не приводит к потере пространственного осознания для

затронутых цветов или лиц". Интересно, что вышеупомянутый пациент может компенсировать потерю феноменально доступного содержания, используя неявные, структурные особенности своей модели реальности.

Если порции покажутся ей слишком маленькими, она повернется вправо, не отводя глаз, пока в поле зрения не попадет ранее пропущенная половина; она съест ее, вернее, половину, и почувствует себя менее голодной, чем прежде. Но если она все еще голодна или если она задумается и поймет, что, возможно, она восприняла только половину недостающей половины, она сделает второй поворот, пока оставшаяся четверть не появится в поле зрения, и, в свою очередь, снова разделит ее на части. Обычно этого бывает достаточно - ведь теперь она съела семь восьмых порции, - но если она чувствует себя особенно голодной или одержимой, она может сделать третий оборот и получить еще шестнадцатую часть своей порции (оставив, конечно, оставшуюся шестнадцатую, левую шестнадцатую, на своей тарелке). "Это абсурд, - говорит она, - я чувствую себя как стрела Зенона - я никогда не попаду туда. Это может выглядеть смешно, но в данных обстоятельствах что еще я могу сделать". (Sacks 1998, p. 78)

Пациенты с гемивниманием или экстинкцией левого полушария не испытывают сознательного разрыва доступного ментального содержания в перспективе от первого лица. Но насколько она очевидна на самом деле? Вы сейчас, когда читаете это, осознанно переживаете драматическую неполноту своей собственной визуальной модели мира? Осознанно ли вы ощущаете простор небытия за своей головой? Многие великие философы сознания традиционно, дойдя до этого момента, подчеркивали, что отсутствие информации - это не то же самое, что информация об отсутствии (см., например, Franz Brentano ([1874] 1973, p. 165f.) и Daniel Dennett: "...отсутствие представления - это не

то же самое, что представление отсутствия. А репрезентация присутствия - это не то же самое, что присутствие репрезентации" [Dennett 1991, p. 359]). Патриция Черчланд отметила, как все мы наивно полагаем, что визуальное сознание не ограничено никакими пространственными ограничениями (P.S. Churchland 1988, p. 289); если мы визуальны сознательно, то мы просто визуальны сознательно. Мы не переживаем явно нерепрезентируемую часть мира за спиной как феноменальную дыру в нашей субъективной модели реальности. Однако сегодня стало технологически возможным создавать явные, ограниченные дыры в визуальной модели мира. Искусственные скотомы могут быть созданы путем подавления определенных областей зрительной коры с помощью транскраниальной магнитной стимуляции (см. Kamitani and Shimojo 1999; Morgan 1999). Но для нас это обычно не так, потому что отсутствие информации представлено лишь неявно. Как и для многих пациентов с игнорированием, мир кажется нам полным, несмотря на этот очевидный дефицит.

Описанный выше патологический пример интересен с философской точки зрения, поскольку, во-первых, он показывает, что расширенное пространственное ограничение феноменальной модели мира не обязательно должно сопровождаться осознанием этого дефицита (Bisiach 1988; см. также раздел 7.2.1). Случаи игнорирования и неосознания дефицита проливают важный свет на ограничение 7, ограничение прозрачности, для феноменальной модели реальности. Значительные части этой модели могут исчезнуть, став функционально недоступными; они просто перестают существовать, и в таких ситуациях инициирование интроспективного, исследовательского или самоисследовательского поведения становится очень трудным для систем вроде нас - потому что, так сказать, оно предполагает невозможную ситуацию. Как система может искать то, что не является частью реальности, даже не является частью возможной реальности? Еще один

интересный момент - пациенты с игнорированием не способны даже генерировать феноменальные симуляции, то есть предполагаемые репрезентации возможных положений дел или возможного перцептивного опыта в игнорируемой части их мира. Таким образом, одностороннее игнорирование нельзя просто свести к расстройству, ограниченному "механизмом ввода-вывода организма" (Bisiach and Luzzatti 1978, p. 132). Должны играть роль и не связанные со стимулами аспекты репрезентативной архитектуры. В этот момент мы также видим, как связаны между собой феномен эмпирической прозрачности и философская концепция эпистемической прозрачности: Фундаментальное предположение Декарта о том, что я не могу ошибаться относительно содержимого моего собственного разума, оказывается эмпирически ложным. Важной особенностью человеческого сознательного опыта (и центральным ограничением для любой правдоподобной философской теории) является то, что незаметные и неощутимые потери ментального содержания могут, в принципе, произойти в любой момент. Это особенно очевидно на примере нейропсихологических исследований анозогнозии, к которым мы вернемся в главе 7 (краткие примеры сосуществования эпистемической непрозрачности и феноменальной прозрачности см. в разделах 7.2.1, 7.2.2, 7.2.3.3 и 7.2.4, в частности). Как показывает феномен пренебрежения, не только наш разум как таковой, но и наша феноменальная модель мира характеризуется значительной степенью уязвимости (Bisiach, Luzzatti, and Perani 1979, p. 615 f.).

Важно отметить, что ни пренебрежение, ни внимание не являются единым теоретическим объектом. Как отмечают Халлиган и Маршалл (Halligan and Marshall, 1998), в большинстве исследований, посвященных пренебрежению, изучались оставшиеся после дефицита способности пациенты, но лишь в редких случаях ставился вопрос о самом зрительном опыте. Как указывалось выше, важной

феноменологической особенностью пренебрежения является отсутствие намеренного игнорирования пациентом левой части пространства. Эта часть пространства просто не существует. В стандартных ситуациях то же самое происходит и с симулятивным пространством, доступным пациенту, страдающему игнорированием. Обычно такие пациенты даже не в состоянии представить себе эту часть мира (Bisiach and Luzzatti 1978; см. также Bisiach, Capitani, Luzzatti, and Perani 1981). Отрицание информации не удовлетворяет ограничению 8, ограничению автономной активации. Одно из интересных предложений состоит в том, что игнорирование может быть потерей важных частей функциональной архитектуры, обеспечивающей то, что я здесь сформулировал как ограничение свернутого холизма (ограничение 4, раздел 3.2.4), а именно, в терминах разделения процессов связывания. Критические процессы связывания реализуются теми аттенционными механизмами, которые необходимы для интеграции глобальных и локальных механизмов обработки, коактивируя глобальные и локальные формы репрезентативного содержания. Игнорируемый феноменальный контент не только теряет глобальную доступность в смысле исчезновения из восприятия и перестает быть элементом текущего окна присутствия, но и не имеет шансов на автономную активацию (ограничение 8): он исчезает из памяти, а также из пространства предполагаемого воображения. Если функциональная гипотеза Халлигана и Маршалла указывает в правильном направлении, то пациенты, страдающие пренебрежением, могут испытывать трудности не с формированием глобальной репрезентации мира как таковой, а с возвращением от сфокусированной, локальной обработки к исходной глобальной репрезентации, формирующей фоновую модель. Они теряют "нулевой мир". Поскольку им не хватает способности интегрировать сцену и поскольку явное феноменальное переживание отсутствия, как уже говорилось, невозможно, фокус внимания не может вернуться из правосторонней половины мира. Поэтому

пациент, возможно, утратил способность позволить своему зрительному вниманию блуждать без потери имплицитной системы пространственных отношений, формирующей основу для упорядоченной генерации глобально доступного феноменального содержания (Halligan and Marshall, p. 377). Изучение игнорирования, по-видимому, показывает, что для таких систем, как мы, явное, глобально доступное представление отсутствия может быть необходимым для того, чтобы сделать потери любого рода функционально доступными для нас.

В самом начале я утверждал, что пациент с игнорированием теряет не понятие "лево". Однако в некоторых случаях тяжелого игнорирования может оказаться, что информация о левой стороне мира пациента не только недоступна для сознательного внимания высокого уровня, но и стала действительно когнитивно недоступной для пространственных рассуждений (см. также Visiach et al. 1979, p. 614). Один из аспектов когнитивной недоступности заключается в том, что больше не может быть сформировано никаких ожиданий, что исключает поиск определенных классов решений. Другой заключается в том, что пациент внезапно оказывается под давлением, вынуждающим его разрабатывать альтернативные гипотезы. Рассмотрим следующий отрывок из популярного исследования случая Рамачандрана, в котором он сталкивает пациентку с игнорированием с зеркалом, которое в принципе могло бы помочь ей "преодолеть" игнорирование, позволив ей генерировать дотягивающиеся движения к игнорируемой области.

Эллен посмотрела в зеркало и моргнула, любопытствуя, что мы задумали. Ей должно было быть очевидно, что это зеркало, поскольку у него была деревянная рама и пыль на поверхности, но, чтобы быть абсолютно уверенным, я

спросил: "Что это я держу в руках?" (Помните, я стоял за зеркалом и держал его).

Она, не задумываясь, ответила: "Зеркало".

Я попросил ее описать свои очки, помаду и одежду, глядя прямо в зеркало. Она сделала это без труда. Получив сигнал, один из моих студентов, стоявший слева от Эллен, протянул ручку так, чтобы она была в пределах досягаемости ее хорошей правой руки, но полностью в игнорируемом левом поле зрения. (Эллен могла видеть руку моего студента и ручку в зеркале, так как не было намерения обмануть ее относительно наличия зеркала.

"Вы видите ручку?"

"Да".

"Хорошо, пожалуйста, протяните руку, возьмите его и напишите свое имя на этом листе бумаги, который я положил вам на колени".

Представьте себе мое изумление, когда Эллен подняла правую руку и, не раздумывая, направилась к зеркалу и начала многократно стучать по нему. Она буквально царапала его когтями около двадцати секунд и сказала, явно расстроившись: "Оно мне не по зубам".

Когда через десять минут я повторил тот же процесс, она сказала: "Это за зеркалом", - и, протянув руку, начала ощупывать пряжку моего ремня.

Чуть позже она даже попробовала заглянуть за край зеркала в поисках ручки. (Ramachandran and Blakeslee 1998, p. 123)

Рамачандран назвал это явление "зеркальной агнозией". 6 или, в честь Льюиса Кэрролла, "синдромом зазеркалья". В этом тяжелом случае игнорирования утрачивается знание о том, что определенный сегмент визуально воспринимаемого зеркального изображения представляет собой репрезентацию внешней реальности, и способность делать выводы на основе этого знания. Помните, что факт того, что экспериментатор держит зеркало, был когнитивно доступен пациенту (как было показано в ходе интервью). Он был доступен и в поведенческом плане (что подтверждается описанием очков, помады и одежды, когда она смотрела прямо в зеркало). Это исключительно особый вид пространственных рассуждений - умозаключение о том, что, поскольку отражение находится справа и является репрезентацией, его причинный объект должен находиться слева, что невозможно для данного пациента. Левая часть пространственной модели реальности недоступна в качестве рамки отсчета для ментальной симуляции, которая была бы необходима для создания феноменальной ментальной модели причинно-следственной связи между объектом и зеркальным отражением. Модель объекта-как-отражения-в-зеркале, таким образом, становится "гиперпрозрачной" и коллапсирует в неверифицируемую модель объекта-как-есть, на правой стороне. Теоретический интерес этой специфической феноменальной конфигурации состоит в том, что она показывает, как некоторые очевидные факты о внешнем мире могут стать когнитивно недоступными для человеческого субъекта опыта в максимально строгом и совершенно абсолютном смысле, поскольку исчезла система отсчета, необходимая для осуществления соответствующих форм глобально доступных, то есть осознанных, симуляций. Теряется целое пространство возможностей.

Конечно, интригует вопрос, существуют ли даже для "нормальных" людей простые факты - например, об отношениях между разумом и телом или о природе феноменального "я", - которые в принципе недоступны для

познания, поскольку наш мозг не в состоянии обеспечить систему координат, необходимую для проведения когнитивных симуляций, приводящих к убедительному теоретическому решению. Страдаем ли мы, подобно Эллен, от теоретической версии синдрома зазеркалья? Некоторые философы утверждают, что сама загадка сознательного опыта относится к этому классу проблем (McGinn 1989b, 1991). Являемся ли мы когнитивно закрытыми, потому что мы автоэпистемически закрыты? Как я уже отмечал в главе 2, "автоэпистемическая закрытость" не обязательно означает когнитивную закрытость в смысле недоступности теоретического, пропозиционально структурированного самопознания. И в прошлом мы решали многие теоретические головоломки (например, в теоретической физике) неожиданными и, вероятно, никем не ожидаемыми способами - просто с помощью математических и других intersubъективных, нефеноменальных средств репрезентации. Сообщество пациентов, страдающих пренебрежением, несомненно, могло бы узнать о природе зеркал и репрезентативных корнях синдрома зазеркалья. Тот простой факт, что мы можем превратить нейрофеноменологию пренебрежения в философскую метафору, при этом понимая, что это всего лишь метафора, сам по себе показывает, что мы не ограничены в этом плане. Истина в аргументе скептика может заключаться скорее в том, что хорошая теория об отношениях между разумом и телом или о природе феноменального "я" может прийти к нам не только совершенно неожиданным образом, но и в такой форме, которая делает ее истину феноменально невозможной, невообразимой для нас, а значит, контринтуитивной. То же самое можно сказать и о таких патологических конфигурациях, как тяжелое зрительное пренебрежение. Их феноменологические корреляты кажутся невозможными; они также невообразимы для нас, а потому контринтуитивны. Однако никто не станет утверждать на этих основаниях, что убедительная теория невнимания не может быть разработана.

4.2.3 Слепое зрение

Все те девиантные модели мира, в которых вы обнаруживаете четко выраженные диссоциации между функциональными свойствами и доступным феноменальным содержанием, представляют особый теоретический интерес. Они помогают изолировать или "отгородить" сознательную обработку от бессознательной. Весьма поучительны все те конфигурации, в которых функциональный анализ системы, в частности количество внутренне доступной информации, которая может быть использована для поддержания производительности, остается практически неизменным, в то время как в феноменальной модели реальности происходят потери или реструктуризация. Слепое зрение, вероятно, является наиболее ярким примером такой ситуации.⁷

Пациенты с поражением геникулостриатной проекции зрительной коры отмечают скотому - эмпирическое "слепое пятно" в соответствующей области зрительного поля. Эта область их субъективного мира как бы обладает феноменальной дырой: в сознании отсутствуют визуальные содержания, относящиеся к этой области мира. Однако некоторые из этих пациентов, как было экспериментально показано в большом количестве различных установок, способны осуществлять сложную обработку визуальной информации. Они с удивительным успехом "угадывают" наличие или отсутствие целевых объектов в этой скотоме, а также различают цвета и узоры, представленные в этой области. Согласно рассказам таких пациентов от первого лица, все эти способности существуют без какого-либо феноменального визуального опыта. Возможно, отсюда и пошло название этого дефицита. Ведь в немецкой литературе в прежние времена зрительную агнозию называли *Seelenblindheit*, "слепота души". Слепота - еще более

специфический случай. При слепоте мы можем не только ясно наблюдать, как очень узко очерченная часть феноменального содержания выпадает из модели реальности пациента, но и становится поразительно очевидным, как это приводит к соответствующему повреждению "души", сознательного "я": для очень ограниченной части своей реальности пациенты со слепотой не способны переживать себя как "я-в-акте-знания" (см. раздел 6.5.2 и Damasio 1999). Некоторые испытуемые описывают свой субъективный опыт во время успешных экспериментов по "нефеноменальному видению" как догадки; другие даже протестуют против того, что экспериментатор просит их произнести ложь (Weiskrantz 1988, p. 188 и далее).

Многие испытуемые, и, несомненно, экспериментаторы тоже, считают неловким притворяться, что они могут гадать о том, чего не видят. Действительно, некоторые испытуемые отказываются наотрез. Один пациент сказал мне, когда ему предложили угадать, как если бы он ставил на лошадь: "Я не играю в азартные игры!" Другой пациент настаивал: "Мой мозг просто не настроен на угадывание!" Другой сказал: "Я знаю, что 50 на 50 - то или другое. Но я не могу угадать". (Weiskrantz 1997, p. 66)

Нейропсихологическое исследование феномена слепого зрения стало прорывом в междисциплинарной коммуникации, например, благодаря тому, что наконец-то привлекло внимание большого количества лучших философов разума к богатству теоретически значимого материала, созданного другими дисциплинами. Сам феномен теперь зафиксирован и в других модальностях, например, в тактильной области презентативного содержания ("слепое осязание" или "оцепенение"; ср. Paillard, Michel и Stelmach 1983; Rossetti, Rode и Boisson 1995; Rossetti 2001, p. 151 и далее), в слуховой области ("глухой слух"; Michel и Peronnet 1980) и, возможно, в обонятельной области ("слепой запах";

напр, Sobel, Prabhakaran, Hartley, Desmond, Glover, Sullivan, and Gabrieli 1999). Однако концептуально убедительная интерпретация эмпирического материала сопряжена с рядом трудностей. Хотя феномен порождает ряд феноменологических ограничений, которые надежно разрушают миф о простой и самораскрывающейся феноменологии, можно упустить из виду сильные функциональные ограничения, которые заставляют феномен цели возникать в первую очередь (например, узкий диапазон возможных целей, подсказки экспериментатора в очень специфической экспериментальной установке, меньшие подмножества сенсорных целей, как в типичной перцептивной ситуации для осознанного зрения, и волевая недоступность фактического ответа, требуемого экспериментальной задачей, для обычного воления). Существует реальная опасность перехода к конкретным заблуждениям. Например, существование остаточной и бессознательной визуальной обработки у пациентов со слепым зрением не означает, что это нормальный вид обработки, из которой возникает изолированный эпифеномен, феноменальное содержание как таковое. Например, одна из ошибок, присущих концептуальному различию между сознанием доступа и феноменальным сознанием Неда Блока (см. Block 1995), заключается в том, что слепота может быть вовсе не дефицитом изолированной формы сознательной обработки, феноменального сознания, но также может быть результатом функционального дефицита (или комбинации таких дефицитов) в бессознательной обработке. В частности, феноменологически трудно оценить сообщения этих пациентов о "предчувствиях" или диффузных эмоциональных содержаниях сознания, предшествующих успешному акту угадывания.

Кажется, можно с уверенностью сказать, что в соответствующих областях происходит обширная перцептивная обработка, в то время как никакая форма презентативного содержания не активируется и не

связывается в феноменально доступный мультимодальный объект. Я проанализировал функциональную роль презентативного контента как индексальную: он указывает на часть реальности, демонстрируя, что это сейчас здесь. Именно этот аспект функционального профиля презентативного содержания исчез в скотоме. Первый интересный вывод о функции феноменального опыта можно сделать из того простого факта, что для того, чтобы сделать перцептивную информацию функционально эксплицитной, необходимо было использовать парадигмы принудительного выбора. Глобальная доступность информации необходима не только для того, чтобы инициировать целевые акты направления внимания или когнитивной обработки, но и для того, чтобы иметь возможность инициировать внешнее моторное поведение (например, речевое поведение, нажатие кнопки и т. д.), направленное на целевые объекты, воспринимаемые только в пределах феноменальной слепой зоны. Пространство сознания - это пространство избирательного действия. Однако любая серьезная нейрофеноменологическая оценка должна будет также ввести "предчувствия" как новый класс феноменального содержания, индуцируемого в этих ситуациях.

L. W.: Г., вы помните эксперимент, который вы проводили в ПЭТ-сканере - с движущейся полосой? Можете ли вы рассказать мне, что за опыт вы испытали в той ситуации? Что вы чувствовали? На что это было похоже?

Г. Й: На самом деле вы никогда ничего не чувствуете и не видите. Вот тут-то и возникает путаница, потому что ощущения, которые я получаю, я пытаюсь выразить словами. Это скорее осознание, но вы его не видите [выделено мной].

L. W.: Вы знали, что это было?

G. Y.: Форма или движение?

L. W.: The shape.

Г. Й.: Нет. Приблизительно, но точно не знаю.

L. W.: Направление?

Г. Й.: Да.

L. W.: Как вы думаете, какие слова вам приходится использовать? Похоже ли это на что-то в вашем обычном поле зрения?

Г. У.: Самое близкое сравнение, которое я когда-либо получал, и это не совсем корректное сравнение, - это махание рукой перед глазами, когда они закрыты. Вы как бы осознаете, что что-то произошло, но не совсем видите это. Вы знаете, что что-то сдвинулось с места. Но это несправедливое сравнение.

L. W.: Ближайшее, что вы можете получить, - это ощущение, что что-то происходит, но вы не знаете, что именно?

Г. Й.: Да.

L. W.: Что-нибудь еще вы можете придумать, чтобы описать это?

Г. Й.: Нет, потому что это чувство, которого у меня нет, если это имеет смысл. Если вы скажете что-то, чтобы попытаться описать зрение слепому человеку, у нас не будет слов, чтобы сделать это, потому что у него нет рецепторов или восприятия, и со мной то же самое. То есть я не могу описать то, чего не понимаю сам". (Weiskrantz 1997, p. 144 f.)

Во-первых, сообщения такого рода подтверждают представленную выше идею о том, что движение, если мы действительно допускаем существование чего-то вроде феноменальных "примитивов", является хорошим кандидатом: похоже, что движение можно воспринимать как таковое. Пациенты со слепым зрением особенно чувствительны к движущимся стимулам и способны различать направления в своих скотоматах, но эта чувствительность зависит от сложности стимулов. Выбор стимула может иметь решающее значение, и можно предположить, что в скотоме нарушена обработка движения (Azzopardi and Cowey 2001). В поисках дальнейших характеристик можно с уверенностью сказать, что феноменальное содержание, выраженное в этом невыразимом "предчувствии", соответствует понятию презентационного содержания, введенному в главе 2, поскольку (а) оно четко коррелирует со стимулом и (б) удовлетворяет ограничению презентационности, поскольку переживается как диффузное событие, происходящее сейчас. Однако это диффузное, невыразимое восприятие движения является частью модели мира пациента лишь в слабом смысле, поскольку оно доступно только вниманию и поведенческому контролю, но, как можно заключить из только что приведенного аутофеноменологического отчета, оно явно когнитивно недоступно. Как ясно из последнего процитированного отрывка, ни ментальное, ни лингвистическое концептообразование не работает в отношении феноменального содержания, о котором идет речь. На этом этапе у нас уже есть два новых вида феноменального содержания: невыразимый опыт движения и эксплицитный сознательный опыт когнитивной недоступности. Майкл Тай (Michael Tye, 2000, p. 63) отметил, что, поскольку при слепоте нет полной, единой репрезентации зрительного поля, содержание соответствующей части зрительного поля не оказывает прямого влияния на убеждения, как видно из того, что слепоглухие испытуемые не верят в свои собственные

догадки. Однако мы также видим, как слепоглухие испытуемые косвенно формируют убеждения более высокого порядка, а именно о фактической когнитивной доступности (т.е. "правдоподобности") их собственного сознательного опыта. Райнхард Верт (1998) интересно проводит различие между "слепым полем" и "полем угадывания". Если стимул предъявляется в "поле угадывания", возникает феноменальный коррелят: например, диффузное переживание "предчувствия". Согласно Верту (Werth, 1998, p. 98), стимул действительно бессознателен, если сам испытуемый зависит от того, увидит ли он результаты экспериментов, чтобы узнать, действительно ли его мозг отреагировал на стимул, например, когда он запускает движение нажатия кнопки. Стимул является осознанным, если сам испытуемый может самостоятельно предсказать результат эксперимента.

Давайте ненадолго вернемся к стандартному примеру - осознанному восприятию цвета. Оказывается, в слепом поле испытуемых даже существует чувствительность к длине волны (но только для света, а не для поверхностей). Поскольку осознанный цвет является для философов парадигматическим примером квала, это открытие действительно восхищает, хотя, опять же, мы должны быть осторожны и не делать поспешных выводов. Как я уже отмечал в главе 2, восприятие бессознательной чувствительности к информации о длине волны в области, соответствующей скотоме, в точности повторяет кривую чувствительности сознательного зрения. Если в грубозернистой ситуации принудительного выбора просто угадать, является ли конкретный стимул красным или синим, слепоглухие испытуемые могут даже успешно применять критерии идентичности к их бессознательному презентационному содержанию, активному в данный момент (Stoerig and Cowey 1992; для дальнейшей ссылки см. Weiskrantz 1997, p. 136). Аргумент, представленный в разделе 2.4, предсказывает, что такая успешная слепая

дискриминация по длине волны не будет работать на уровне максимальной детерминации, на уровне просто заметных различий в оттенке, как, например, в эксперименте с принудительным выбором, когда испытуемого спрашивают, является ли стимул красным³¹ или красным³². Интригует то, как слепоглухой испытуемый понимает и использует цветовые предикаты, которые он ранее приобрел в нормальном, непатологическом контексте. Применение этих предикатов к бессознательным презентационным состояниям и их содержанию, вызванное информацией о длине волны, поступающей из сетчатки, паразитирует на обычном использовании: врожденно дальтоник, даже если бы функционально обладал той же формой кривой чувствительности, не смог бы участвовать в экспериментах такого типа, поскольку не смог бы понять, о чем будет идти речь в задании. Однако наш новый набор инструментов позволяет нам красиво описать то, что надежно демонстрируют имеющиеся данные о чувствительности к длине волны при слепоте, а именно: как мы можем применить различие между ментальным и феноменальным представлением, которое было представлено в конце главы 2. Судя по функциональному, реляционному профилю, именно такая информация, коррелированная со стимулом, представленная в виде простого признака, активна в слепом поле. Однако этот активный ментальный презентум не является глобально доступным, поскольку он не встроен в когерентное глобальное состояние, и не переживается как присутствующий, поскольку он не является элементом содержания, отображаемого в данный момент в окне присутствия, открытом мозгом (ограничения 3 и 2). Следовательно, не выполняются и некоторые другие подограничения. Свойства более высокого порядка, такие как вариативность одного измерения интенсивности (например, яркости) и беззернистость, однородность, порождаемые атомарностью репрезентации (см. разделы 3.2.9 и 3.2.10), не проявляются, поскольку информация о длине волны, представленная в скотоме, не встроена в целостные объекты

более высокого порядка (как, например, Мультимодальное восприятие), она не связана в свернутую иерархию феноменальных целостностей (ограничение 4) и, очевидно, не интегрирована в феноменальную перспективу первого лица (ограничение 6). С точки зрения пациента, в неэкспериментальной ситуации эта информация просто не является частью его мира.

На функциональном уровне описания важным является вопрос о том, может ли слепое зрение быть лишь количественно ослабленной формой нормального зрения. Этот аспект обсуждается уже довольно давно, например, как возможность постепенного перехода слепого угадывания к тому, что Вайскранц однажды назвал "неверридическим зрением" (Weiskrantz 1988, p. 189). Также предпринимались попытки исследовать феномен искусственно вызванной слепоты у нормальных наблюдателей (например, Kolb and Braun, 1995; см. также Azzopardi and Cowey 1998). Один из очевидных уроков исследований слепого зрения заключается в том, что презентационное содержание может быть функционально или каузально активным на нефеноменальной стадии обработки, тем самым влияя на содержание эксплицитных феноменальных репрезентаций (пример см. в Schmidt 2000). С точки зрения телеофункционализма, мы можем ясно видеть преимущество, которое имеет сознательное презентативное содержание, пока оно интегрировано в объекты и общую модель мира. Только в качестве осознанного содержания оно может стать непосредственной целью целенаправленных действий и внести свой вклад в содержание намеренных феноменальных симуляций, например, при планировании или запоминании. Назовем это "принципом избирательности и гибкости".

За образование "феноменальной дыры" в модели мира этих пациентов может отвечать более чем один гипотетический

механизм. В то время как в принципе существует два пути объяснения - недостаточная интенсивность или длительность "сигнального аспекта" активного ментального презентума или ограниченный дефицит дискретной метареферентивной функции, интегрирующей его в глобальную модель мира, - простой факт того, что некоторые пациенты со зрением способны различать цветовую информацию (Pöppel 1987; Stoerig and Cowey 1990; Dennett 1991, p. 326 ff.), кажется, указывает на вторую возможность.

Интересно отметить, что такие диссоциативные конфигурации, как слепое зрение, также теоретически значимы, поскольку демонстрируют контринтуитивные конфигурации в функциональной глубинной структуре сознательного опыта - как видно из наших трудностей с интерпретацией феноменологического материала. Возможно ли концептуально "бессознательное цветовое зрение"? Может ли существовать нечто, что действительно считается оттенком без наличия внимания? Наши интуиции всегда формируются под влиянием тех феноменальных моделей реальности, которые мы пережили в течение своей жизни. Однако, как отмечал Дэниел Деннетт, любая теория, добившаяся реального прогресса, обязательно будет изначально контринтуитивной (Dennett 1987b, p. 6). В метафорическом смысле мы можем интерпретировать феноменальные модели реальности как непубличные теории о структуре реальности, внутренне генерируемые мозгом с помощью непропозициональных форматов репрезентации. Феноменальная модель реальности хороша, если она помогает ее обладателю выжить. Мыслительные эксперименты - это особый вид феноменальной модели. Мыслительные эксперименты в философии сознания являются важными эвристическими инструментами. Они хороши, если подготавливают длительное понимание того, что необходимо и что возможно. Однако в философии разума они особенно опасны, потому что многие из их неявных предпосылок обычно получаются путем нерелексивной

интроспекции в сочетании с постоянной опасностью смешения различий между феноменальной и логической возможностью (см. раздел 2.3 и Wilkes 1988a, глава 1). Чувствительность к длине волны при слепом зрении хорошо демонстрирует этот основополагающий принцип.

В каком-то смысле слепцы, похоже, видят людей, которые - в узкой области - не представляют себя видящими людей на уровне феноменального опыта. Другими словами, в этом феномене может присутствовать неявный саморепрезентативный компонент. Поэтому давайте рассмотрим причудливое зеркальное отражение слепого зрения: синдром Антона (Anton 1898, 1899; Benson and Greenberg 1969). Пациенты, внезапно полностью ослепшие из-за поражения зрительной коры, в некоторых случаях продолжают настаивать на том, что они все еще видят. Утверждая, что видят людей, они натываются на мебель и демонстрируют все остальные признаки функциональной слепоты. Тем не менее, они ведут себя так, как будто феноменальное исчезновение всех визуальных данных аспектов реальности не является для них феноменально доступным. Например, когда им задают вопросы, касающиеся их окружения, они выдают ложные, но последовательные конфабуляции. Они рассказывают истории о несуществующих феноменальных мирах, в которые, похоже, верят сами, отрицая при этом какой-либо функциональный дефицит в отношении своей способности видеть.

На философском уровне синдром Антона, как классический пример неосознанности зрительных нарушений (см. McGlynn and Schacter 1989 и раздел 7.2.1), представляет собой еще один яркий контрпример картезианского понятия эпистемической прозрачности или любого сильного трансценденталистского представления о феноменальном самосознании. Я до сих пор отчетливо помню одну жаркую

дискуссию на междисциплинарной конференции в Германии несколько лет назад, в ходе которой один философ в присутствии видных нейропсихологов настаивал на том, что синдрома Антона не существует, потому что его априори не может быть. Синдром Антона показывает, как правдивые сообщения о текущем содержании собственного самосознания могут быть кардинально неверными. Это также было бы идеальной отправной точкой для философских дебатов о неисправимости менталистических самоописаний (например, см. Rorty 1965, 1970). Если взять более свежий пример, то эмпирическая возможность синдрома Антона, похоже, также значительно ослабляет интуитивную силу, стоящую за редукцией аргумента "отсутствующая квалия" Дэвида Чалмерса. В своем мысленном эксперименте "Угасание квалий" Чалмерс предполагает, что отсутствующие квалии эмпирически возможны, чтобы показать, какие абсурдные последствия могли бы последовать (Chalmers 1995, p. 313 ff.). Конечно, пациенты, страдающие от синдрома Антона, не являются функциональными изоморфами. Тем не менее, их суждения настолько причудливы, что само их существование опровергает многие традиционные теории разума. Если исходить из функциональной трактовки суждений, могут ли существовать рациональные, разумные существа, страдающие от столь сильной диссоциации между сознанием и познанием, что они систематически оказываются вне связи со своим собственным сознательным опытом? Ну, в специфической области, ограниченной внутренней саморепрезентацией и метакогницией, могут. Синдром Антона дает нам веские эмпирические основания полагать, что самосознание действительно является "таким плохо управляемым феноменом" (Chalmers 1995, p. 317). Пациенты, страдающие от синдрома Антона, безусловно, обладают соответствующей концептуальной изошренностью, чтобы формировать рациональные суждения о своем текущем визуальном опыте. Эмпирический материал интересно показывает нам, что они просто не обладают, и это, при всей своей специфичности, является важным и

ценным ограничением для философских теорий сознания. Например, он также обращает наше внимание на то, что убедительная нейрофеноменологическая интерпретация таких классов состояний, как синдром Антона, в конечном итоге должна будет включать концепцию феноменальной саморепрезентации. (Поэтому мы должны вернуться к этим вопросам в главе 7.) Очевидно, что пациент, страдающий от синдрома Антона, имеет ложные убеждения о себе, потому что он страдает от того, что можно назвать "рекурсивным игнорированием" или "мета-агнозией". Конечно, анозогнозия, отсутствие феноменально представленного понимания существующего дефицита, как это часто бывает при поражении недоминантной теменной области, не является агнозией в строгом смысле этого слова (Damasio 1987). Однако и у этих пациентов в феноменальной модели реальности есть две "дыры": первая дыра полностью покрывает зрительную модальность в целом, а вторая - это дыра, отсылающая к этой дыре.

Вот моя собственная интерпретация: Резкая потеря глобально доступной информации на некоторое время становится недоступной для вычислительных процессов, генерирующих и обновляющих феноменальную модель Я, что, в свою очередь, заставляет пациента генерировать массивные конфабуляции, чтобы сохранить общую согласованность его поведения и его феноменальной модели реальности. Моя собственная гипотеза о синдроме Антона заключается в следующем: В человеческом мозге потеря визуальной феноменальной модели мира не приводит к немедленному и автоматическому обновлению феноменальной Я-модели (см. главу 6). То, на что эти пациенты, по правде говоря, ссылаются в своих аутофеноменологических отчетах, - это текущее содержание их феноменальной Я-модели. В течение определенного периода функциональная слепота может существовать одновременно с прозрачной моделью себя как видящего, не имеющего проблем со зрением человека. Янг и де Хаан

цитируют описание Рани и Нильсена (Young and de Haan 1993, p. 69; Raney and Nielsen 1942, p. 151) пациентки, которая после целого года очевидного отсутствия понимания своей серьезной проблемы с осознанным зрением воскликнула: "Боже мой, я слепа! Подумать только, я потеряла зрение!". Таким образом, реальный объяснительный вопрос, поставленный синдромом Антона, заключается в следующем: Почему в этих случаях процесс обновления феноменальной Я-модели задерживается и каковы функциональные механизмы, лежащие в основе этого процесса?

Возможно, феноменологический материал позволяет нам сделать некоторые общие выводы о силе связи базовых функциональных модулей или, более конкретно, о временных окнах, в которых они работают. Антонио Дамасио (1999, с. 269) предложил интересное частичное объяснение. Было отмечено, что глаза пациентов, хотя и не вносят больше вклада в феноменальное зрение, все еще способны вертеться в сторону объектов и фокусироваться на них. То есть определенная часть перцептивного механизма все еще отдает моторные команды, которые приводят к корректировке и изменению положения глаз. Можно предположить, что это остаточное, продолжающееся поведение корректировки создает непрерывную обратную связь, например, как указывает Дамасио, с такими структурами, как верхняя колликула и теменная кора. Теперь обратите внимание на то, как, очевидно, эта информация обратной связи о фактических текущих двигательных корректировках будет способствовать бессознательной части Я-модели пациента. Другими словами, Я-модель обновляется таким образом, что напоминает процесс непрерывной моторной обратной связи, генерируемой истинным сознательным зрением. В течение короткого периода времени, или так я бы предположил, может быть возможно, что продолжающееся успешное согласование выданной двигательной команды глазным яблокам и полученной обратной связи подавляет обновление феноменальной части Я-модели. Если эта умозрительная

гипотеза направлена в нужную сторону, мы можем вывести из нее общий принцип. Я назову его "принципом феноменальной самореференции": В правдивых аутофеноменологических отчетах как испытуемые, так и пациенты никогда не могут сообщать о чем-то ином, кроме содержания своей активной в данный момент Я-модели. То есть, чтобы глубже понять феноменальные "предчувствия" пациентов со зрением или причудливые конфабуляции, характерные для синдрома Антона, нам придется распространить наше обсуждение на дефицит саморепрезентации. Это будет сделано в главе 7.

До сих пор мы рассматривали феноменально ограниченные модели реальности. Однако существует большое количество гипертрофированных моделей реальности. Гипертрофированные модели реальности - это глобальные репрезентативные состояния, сопровождающиеся расширением или экспансией феноменального мира, которая обычно неконтролируема и нежелательна.

4.2.4 Галлюцинации

Как известно всем философам, одним из важных критериев психического здоровья для таких существ, как мы, является соотношение феноменальной репрезентации и феноменальной симуляции. Ряд девиантных состояний сознания вызван тем, что система внутренне наводнена большим количеством ментальных симулякров, что, в свою очередь, приводит к резкому изменению общего соотношения между репрезентацией и симуляцией в феноменальной модели мира. В крайних случаях система может потерять связь с нулевым миром, эталонной моделью реальности. Зачастую феноменальные симулякры, генерируемые в таких состояниях, являются чистыми

артефактами. Они не являются элементами эпистемического или когнитивного процесса, то есть не выполняют никакой функции для системы. Подлинно телеофункционалистского описания таких феноменальных ситуаций не существует (т. е. ограничение адаптивности не выполняется). С другой стороны, именно сложные галлюцинации и бред, в частности, могут быть интересно интерпретированы как отчаянная попытка системы, столкнувшейся с неконтролируемыми внутренними источниками сигналов и репрезентативными артефактами, продолжать пытаться максимизировать глобальную когерентность. Человеческий мозг жертвует верификацией, чтобы сохранить согласованность даже в этой ситуации, строя внутреннюю модель реальности, максимально непротиворечивую и богатую содержанием (т. е. такую, которая все еще удовлетворяет ограничению глобальности).

Важным концептуальным различием является различие между сложными галлюцинациями и псевдогаллюцинациями. Сложные галлюцинации не трансцендируемы. Они прозрачны в смысле ограничения 4 - того факта, что галлюцинаторное содержание - это просто (неверифицируемое) искаженное содержание, недоступное субъекту опыта. Конечно, с эпистемологической точки зрения, это интересная общность между галлюцинациями и многими феноменальными состояниями в целом. Псевдогаллюцинации, однако, непрозрачны. Не только их содержание признается неверифицируемым (т.е. выражающим возможность, но не актуальность), но и лежащая в основе феноменального опыта динамика неожиданно признается всего лишь искаженной, симулятивной. Однако в одних случаях феноменальная непрозрачность, похоже, связана с очевидными особенностями самих галлюцинаторных перцептов (т.е. с обнаружением свойств транспортных средств), тогда как в других случаях тот факт, что феноменальное содержание, передаваемое через галлюцинаторный процесс, должно

иметь полностью внутреннюю причину, скорее когнитивно доступен (т.е. является умозаключением), чем просто доступен для внимания. Первый вывод заключается в том, что существуют различные виды феноменальной непрозрачности, и что феноменология галлюцинаций может стать отличной дорогой к более глубокому пониманию ограничения прозрачности, введенного в главе 3.

Прежде чем углубиться в нейрофеноменологический анализ, давайте вкратце рассмотрим два примера, приведенных Вилаянуром Рамачандраном. Оба примера относятся к пациентам, страдающим синдромом Шарля-Бонне (Bonnet 1769; Fluornoy 1902; de Morsier 1967). Пациенты с синдромом Шарля-Бонне испытывают спонтанные зрительные галлюцинации, которые обладают многими яркими чертами нормального зрения, не поддаются добровольному контролю и, в отличие от образов, проецируются во внешнее феноменальное пространство. Конечно, спонтанный зрительный опыт в отсутствие специфического сенсорного ввода представляет большой интерес для сужения минимально достаточного коррелята для осознанного видения (новую категоризацию галлюцинаций см. в ffytche, Howard, Brammer, David, Woodroff, and Williams 1998; ffytche 2000; обзор клинических и нейробиологических деталей см. в Manford and Andermann 1998). Например, как и следовало ожидать из феноменологии, корреляты цветовых галлюцинаций ближе к истинному восприятию цвета, чем к цветовым образам. Специфические галлюцинации цвета, лиц, текстур и объектов четко коррелируют с мозговой активностью в вентральной экстрастриатной зрительной коре, отражая при этом соответствующую функциональную специализацию этих областей. Нейровизуализация зрительного восприятия в норме и в аномальных состояниях дает нам массу данных о нейронных коррелятах специфического содержания, а также глобальных фоновых состояний, дополняя электрофизиологические,

нейропсихологические и нейрофеноменологические наблюдения (Rees 2001). Рассмотрим два примера:

"Самое необычное, что я вижу изображения внутри скотомы", - сказала Нэнси, усаживаясь в то же кресло, которое ранее занимал Ларри. "Я вижу их десятки раз в день, но не постоянно, а в разное время, по несколько секунд".

"Что вы видите? "

"Мультфильмы".

"Что?"

"Мультфильмы".

"Что вы имеете в виду под мультфильмами? Вы имеете в виду Микки Мауса?"

"В некоторых случаях я смотрю диснеевские мультфильмы. Но чаще всего нет. В основном я вижу просто людей, животных и предметы. Но это всегда линейные рисунки, залитые равномерным цветом, как в комиксах. Это очень забавно. Они напоминают мне рисунки Роя Лихтенштейна".

"Что еще вы можете мне сказать? Они двигаются?"

"Нет. Они абсолютно неподвижны. Другое дело, что в моих карикатурах нет глубины, нет тени, нет кривизны".

Так вот что она имела в виду, когда говорила, что они похожи на комиксы.

"Это знакомые люди или те, кого вы никогда не видели?" спросил я.

"Они могут быть любимыми", - говорит Нэнси. "Я никогда не знаю, что будет дальше". (Ramachandran and Blakeslee 1998, p. 108 ff.)

Из этого доклада можно сразу же сделать несколько выводов. Во-первых, галлюцинации типа Шарля-Бонне не удовлетворяют ограничению динамичности. Во-вторых, очень интересно отметить, что они часто характеризуются "мультипликационным" характером. Что такое карикатура? Как отметил Пол Черчленд (см. Р. М. Churchland 1995, p. 29 и далее), коннекционистские модели векторного кодирования лиц дают нам формально точное представление о средних или прототипических представлениях, а также о преувеличенных или гиперболических представлениях лиц. Короче говоря, если в векторном пространстве лица есть центральная "средняя точка" с точки зрения прототипического лица, то можно провести линию через любое конкретное лицо, которое может стать активированным, и продлить эту линию за пределы верифицированного представления лица. Все лица на этом расширенном отрезке линии в пространстве репрезентативных состояний будут карикатурами на это лицо. Это так, потому что карикатура или карикатурное лицо, по выражению Черчленда, "менее двусмысленно, чем" лицо самого репрезентируемого человека. Его расстояние до любых альтернативных реальных лиц в векторном пространстве больше, поэтому карикатура, опять же по словам Пола Черчленда, "не может быть никем, кроме него" (Р. М. Churchland 1995, p. 32 и далее). Это может быть вычислительно-нейрофеноменологической причиной того, что во всех культурах мультфильмы нравятся не только детям. Мультфильмы соответствуют отчетливой репрезентативной возможности в нашем пространстве сознательного опыта, минимизируя двусмысленность за пределами верификации, и они позволяют нам ощутить эту возможность без понимания того, что именно мы находим привлекательным или смешным в этих изображениях. Таким

образом, карикатурные галлюцинаторные содержания могут быть результатом чрезмерного процесса минимизации двусмысленности, происходящего в некоторых областях галлюцинирующего мозга. Интересно отметить, что некоторые авторы ставят под сомнение редкость синдрома Шарля-Бонне и предполагают, что многие пациенты не сообщают о своих галлюцинациях из страха быть признанными сумасшедшими (Teunisse, Cruysberg, Hoefnagels, Verbeek and Zitman 1996, p. 794). Такой страх пациентов может быть совершенно необоснованным; прототипические образы животных, растительные архетипы или "мультишные" формы чрезмерного уменьшения двусмысленности могут быть результатом совершенно аналогичных особенностей функциональной архитектуры, лежащей в основе генерации доброкачественной формы феноменального содержания в галлюцинациях. Собственно говоря, одна из причин, по которой я выбрал синдром Шарля-Бонне в качестве примера из большого класса очень разных феноменальных состояний (хороший обзор см. в Siegel and West 1975; недавний обзор см. в Manford and Andermann 1998), заключается в том, что пациенты, страдающие синдромом Шарля-Бонне, имеют сложные зрительные галлюцинации, которые нельзя объяснить наличием психического расстройства. Они являются пациентами, которых меньше всего беспокоят их собственные галлюцинации (Manford and Andermann 1998, p. 1820). Большинство пациентов галлюцинируют с открытыми глазами, обычно воспринимая людей, животных, растения и различные неодушевленные предметы. Семьдесят семь процентов пациентов с синдромом Шарля-Бонне не смогли обнаружить никакой личной значимости в своих галлюцинациях, в отличие от ночных сновидений (Teunisse et al. 1996, p. 796). В отличие от синдрома Антона, при котором пациенты часто испытывают дезориентацию, сопровождающуюся нарушениями внимания и памяти (Schultz and Melzack 1991, p. 819; Hecaen and Albert 1978), пациенты с синдромом Шарля-Бонне определенно не

демонстрируют никаких нарушений других психических способностей. Зрительные галлюцинации типа Шарля-Бонне полностью непрозрачны. В любой момент времени пациент знает, что он галлюцинирует.

Очевидно, что здесь перцепты лишены характерных признаков и просто накладываются на феноменальную модель внешней реальности, но не встраиваются в нее семантически, и этот факт лишает их прозрачности. Их феноменальное содержание интегрировано в текущую модель реальности, тогда как их интенциональное содержание - нет. Именно это сразу делает их непрозрачными феноменальными состояниями: субъективный опыт похож на созерцание автономных образов, а не на непосредственный контакт с внешней реальностью. Рассмотрим второй пример синдрома Шарля-Бонне.

"Раньше, в больнице, цвета были гораздо ярче, - говорит Ларри.

"Что вы видели?" спросил я.

"Я видел животных, машины и лодки, знаете ли. Я видел собак, слонов и всякую всячину".

"Ты все еще видишь их?"

"О, да, я вижу их прямо сейчас, здесь, в комнате".

"Вы видите их сейчас, когда мы разговариваем?"

"О, да!" - сказал Ларри.

Я был заинтригован. "Ларри, вы сказали, что при обычном наблюдении они обычно закрывают собой другие предметы в комнате. Но сейчас вы смотрите прямо на меня. Ты же не видишь, что меня что-то закрывает?"

"Когда я смотрю на тебя, у тебя на коленях сидит обезьянка", - объявил Ларри.

"Обезьяна?"

"Да, прямо здесь, у тебя на коленях".

Я подумал, что он шутит. "Расскажите мне, как вы узнали, что у вас галлюцинации".

"Не знаю. Но вряд ли здесь будет профессор с обезьянкой на коленях, поэтому я думаю, что, скорее всего, его нет". Он весело улыбнулся. "Но выглядит она очень живо и реально". Должно быть, я выглядел потрясенным, потому что Ларри продолжал: "Во-первых, они исчезают через несколько секунд или минут, поэтому я знаю, что они не настоящие. И хотя иногда изображение очень хорошо вписывается в окружающую обстановку, как, например, обезьянка у вас на коленях, - продолжал он, - я понимаю, что это крайне неправдоподобно, и обычно не рассказываю об этом людям". Лишившись дара речи, я опустил взгляд на свои колени, а Ларри лишь улыбнулся. "Кроме того, в изображениях есть что-то странное - они часто выглядят слишком хорошо, чтобы быть правдой. Цвета яркие, необычайно яркие, и изображения выглядят более реальными, чем реальные объекты, если вы понимаете, о чем я".

"Являются ли образы, которые вы видите, например эта обезьяна у меня на коленях, тем, что вы уже видели в своей жизни, или галлюцинации могут быть совершенно новыми?"

Ларри немного подумал и сказал: "Я думаю, это могут быть совершенно новые образы, но как это может быть? Я всегда считал, что галлюцинации ограничиваются тем, что ты уже видел где-то в своей жизни. Но ведь часто образы бывают совершенно обычными. Иногда, когда я утром ищу свою обувь, весь пол вдруг оказывается усыпан туфлями. Трудно найти свои собственные туфли! Чаше видения приходят и уходят, как будто у них есть своя жизнь, хотя они не связаны с тем, что я делаю или о чем думаю в данный момент". (Ramachandran and Blakeslee 1998, p. 107 ff.)

В этих спонтанных зрительных галлюцинациях мы видим однородное, презентативное содержание, иногда характеризующееся необычной интенсивностью. Это общая черта феноменологии сенсорных галлюцинаций. Например, цвета могут восприниматься с такой степенью яркости, которая неизбежно ослепила бы человека, если бы была вызвана интенсивностью внешнего физического стимула, воздействующего на сетчатку. Однако галлюцинации явно соответствуют критерию автономной активации, поскольку их каузальная история возникает исключительно внутри системы. Разные исследователи, изучавшие нейронный субстрат различных видов галлюцинаций, обнаружили, что он ближе к нейронному субстрату истинного (негаллюцинированного) восприятия, чем к образному, то есть физическому корреляту намеренной симуляции, в которой субъект осознает, что каузальная история его текущего сознательного опыта на самом деле происходит из внутреннего источника. Например, Доминик Ффитче и коллеги (ffytche et al. 1998), используя функциональную магнитно-резонансную томографию (фМРТ), изучали пациентов с синдромом Шарля-Бонне и обнаружили, что галлюцинации цвета, лиц, текстур и объектов коррелируют с активностью мозга в вентральной экстрастриатной зрительной коре и что содержание таких галлюцинаций отражает функциональную специализацию этой области. Они обнаружили, что зрительные галлюцинации "трудно

отбросить как переживания ярких образов, поскольку они отличаются качественно... и, по крайней мере, для цветковых галлюцинаций, нейробиологически" (с. 740).

Сехтманн и его коллеги (Szechtmann, Woody, Bowers, and Nahmias 1998) исследовали слуховые галлюцинации. Как и зрительные галлюцинации, слуховые галлюцинации разделяют свойство каузально возникать исключительно в мозге со случаями намеренной, сознательной симуляции, как в имагинальном слушании. С другой стороны, они разделяют свойство быть "помеченными" как происходящие из внешнего мира с обычным сознательным слуховым восприятием на уровне феноменального содержания. Томас Диркс и его коллеги с помощью позитронно-эмиссионной томографии (ПЭТ) выявили область в правой передней поясной извилине (область 32 Бродмана), которая активировалась как при реальном слушании, так и при галлюцинаторном слушании, но не тогда, когда испытуемые просто представляли себе слуховой опыт. Они определили области коры, в которых наблюдалось усиление кровотока во время кратковременного, преходящего слышания голосов у трех параноидальных шизофреников, которые были в состоянии указать начало и конец своих вербальных галлюцинаций (Dierks, Linden, Jandl, Formisano, Goebel, Lanfermann, and Singer 1999). Здесь мы видим еще одну вариацию упомянутого выше принципа деления субстрата. Основной активируемой областью является извилина Хешля в доминантном полушарии, в первичной слуховой коре, той же самой области, которая активна в непосредственном сенсорном восприятии голосов. Внутренняя речь, как сознательно и преднамеренно инициированная, феноменально не представлена как реальная или как вызванная извне (см. также раздел 5.4). Хотя, что интересно, в обеих формах осознанного опыта задействованы классические зоны производства речи, внутренняя речь не активирует извилину Хешля. Короче говоря, галлюцинации принадлежат к классу

феноменальных симулякров и удовлетворяют ограничению автономной активации, поскольку их каузальная история возникает исключительно внутри системы. Они обычно не имеют общего нейроанатомического субстрата с предполагаемыми симуляциями того же типа. Они привязаны к перспективе от первого лица, характеризуются различной степенью динамичности и встроены в когерентное глобальное состояние. Однако в первом из представленных случаев степень интеграции в визуальную сцену настолько мала, что контент, предъявляемый эмпирическому субъекту в ходе этих эпизодов, сразу же распознается как таковой, становясь непрозрачным. В случае Ларри, однако, мы видим, как галлюцинаторный характер (феноменально смоделированное отсутствие интенционального содержания) должен быть выведен из контекста. Обезьяна, сидящая на коленях у Рамачандрана, полностью связана с общей визуальной сценой. Лишь в некоторых случаях зрительные галлюцинации Ларри открывают ему свою неverifiedируемость благодаря своим квазисенсорным особенностям. В других случаях в результате когнитивной деятельности он вынужден прийти к выводу, что эти переживания не приводят его в непосредственный контакт с внешней реальностью. В этом случае их сознательно осознаваемый репрезентативный характер является инференциальным видом знания. Поэтому они не являются непрозрачными в смысле нашего первоначального определения.

Если понимание происхождения галлюцинаторного содержания утрачивается, мы вскоре переходим границу "настоящих", сложных галлюцинаций и явного бреда (дополнительные примеры см. в Halligan and Marshall 1996; Cahill and Frith 1996; Siegel 1992). Даже в системе, все еще способной распознавать галлюцинаторную активность как таковую, может возникнуть ситуация, в которой симулятивная активность временно становится автономной. Она, так сказать, полностью вышла из-под контроля. В таких

случаях феноменальная модель реальности может преходяще обогатиться потоком более или менее стабильных феноменальных артефактов. Даже если система способна феноменально представить их как афункциональные симулякры, как лишние ментальные структуры, не играющие никакой функциональной роли для общей психологической экологии системы, они, как правило, остаются прозрачными на уровне презентационного содержания и элементарной объектной конституции. Именно когнитивно доступное контекстное знание, а не феноменальная непрозрачность, заставляет нас классифицировать их как псевдогаллюцинации. Однако существуют и другие, менее сложные нейрофеноменологические классы состояний, в которых более ранние стадии обработки, по сути, доступны интроспективному вниманию. Если галлюцинации вызываются фармакологическими стимулами (например, приемом внутрь классических галлюциногенов, таких как ЛСД, мескалин, или инъекцией ДМТ), возникает довольно неспецифическое растормаживание нейронной активности в различных областях мозга (Aghajanian, Foot, and Sheard 1968, 1970; Aghajanian, Haigler, and Bennett 1975; Aghajanian 1994; Gustafson and Tapscott 1979; Siegel and Jarvik 1975). Многие галлюциногены действуют на те ядра ствола мозга, которые контролируют общий уровень возбудимости коры. Например, ЛСД оказывает тормозящее действие на нейроны ядра Рафе (Aghajanian et al. 1970). Возникающее состояние повышенной функциональной возбудимости приводит к дестабилизации ранее существовавшего динамического состояния, что, вероятно, является центральным необходимым условием для возникновения галлюциноза. На феноменологическом уровне описания это обычно приводит к увеличению параметра чистой интенсивности презентативного содержания, что сначала приводит к интенсификации простых форм "качественного" содержания на феноменальном уровне. В качестве примера можно привести феноменальные цвета, которые могут быть ярче, чем все, что можно увидеть невооруженным глазом.

Функционально презентное содержание все еще коррелирует со стимулами, но, как и в сновидениях, теперь это внутренний источник стимулов, который почти полностью управляет феноменальным содержанием соответствующего аспекта. Если закрыть глаза, это мало что изменит; внешний вход лишь слабо модулирует степень удовлетворения ограничения 9 в сильно возбужденном, галлюцинирующем мозге. ЛСД достоверно вызывает зрительные галлюцинации у большого числа слепых испытуемых (Krill, Alpert, and Ostfield 1963). Первый сложный вид феноменального содержания, который часто появляется, - это бесконтекстные геометрические паттерны, демонстрирующие четыре различные категории "констант формы" (например, парадигматические решетки, паутины, туннели и спирали; подробнее см. Klüver 1967). Поскольку все наблюдатели отмечают константы формы Клювера, эти абстрактные и довольно инвариантные феноменальные свойства потенциально содержат информацию о функциональной архитектуре человеческого мозга, например, об области V1 (отличное недавнее обсуждение см. в Bressloff, Cowan, Golubitsky, Thomas, and Wiener 2001, p. 301). Уже некоторое время существуют подробные математические модели таких низкоуровневых сенсорных галлюцинаций, предполагающие, что они возникают из-за нестабильности состояния покоя вследствие сочетания возбуждающей модуляции и пониженного торможения, что, в свою очередь, выражается в определенных дважды периодических пространственных паттернах, соответствующих только что упомянутым константам формы (напр, Ermentrout and Cowan 1979, pp. 138, 149; см. также Kistler, Seitz, and van Hemmen 1998; расширенную и более конкретную версию оригинальной модели Ermentrout-Cowan см. в Bressloff et al. 2001).

Глобальная доступность более ранних стадий обработки плюс полная диссоциация феноменального и интенционального содержания: Абстрактные геометрические галлюцинации в визуальной области. (Из Bressloff et al. 2001.)

Абстрактные геометрические галлюцинации интересны не только с точки зрения исторического возникновения новой и важной научной дисциплины - феноматематики, но и с философской точки зрения, поскольку они демонстрируют возможность разделения феноменального и интенционального содержания. Представленные выше паттерны - это чисто феноменальные формы ментального содержания. Они появляются в сознательном опыте, но у них нет никакой функции для организма и нет объекта, на который они направлены. Функциональный процесс галлюцинации, как таковой, конечно, имеет такую функцию. Как для сложных, так и для простых абстрактных галлюцинаций основополагающим принципом, по-видимому, является непрерывная "попытка" системы установиться в стабильное, низкоэнергетическое состояние, которое, учитывая неожиданные причинные ограничения, все же максимально увеличивает общую согласованность, насколько это возможно. Иногда этот процесс "самокогеренции" происходит в условиях повышенного возбуждения; он замедляется при патологических состояниях, и то, что я назвал выше более ранними стадиями обработки, теперь становится доступным для интроспективного внимания. В сознании появляется новый вид неконцептуального, феноменального содержания, но можно предположить, что сопутствующее состояние не обладает функцией, позволяющей сделать глобально доступной продолжающуюся попытку рестабиллизации. Однако давайте будем осторожны: Интересная

альтернативная гипотеза может говорить о том, что на самом деле процесс осознанных галлюцинаций был эволюционно выгоден, а именно: он позволяет организму реагировать на тот факт, что некоторые части его субличного ментального механизма прямо сейчас отчаянно борются за согласованность, более сфокусированным и гибким образом.

Разумеется, существуют и более сложные эффекты, зависящие от контекста. Под действием классических галлюциногенов скорость высших когнитивных операций может ускоряться, что в конечном итоге приводит к полету мыслей и сильной дезориентации. Если количество и скорость активации феноменальных симулякров, наводняющих глобальную феноменальную модель мира, превышают определенный порог, система может оказаться не в состоянии интегрировать их в унитарную модель мира и себя в нем, организуя эти различные галлюцинации в единую "историю". В таких ситуациях могут возникать диссоциативные состояния. Возникают параллельные реальности. Глобальная связность может быть утрачена, поскольку феноменальная модель реальности перегружена таким количеством контента, что начинает расщепляться или растворяться. Коннекционистская метафора для подобной ситуации - это система, которая после искусственного "разогрева" проходит через все большее количество внутренних состояний в единицу времени, которые, однако, становятся все менее стабильными.

Интересно сравнить галлюцинаторное феноменальное содержание с содержанием, возникающим в мультстабильных явлениях. Леопольд и Логотетис (1999) утверждают, что есть три фундаментальных свойства, которые можно найти во всех мультстабильных явлениях: исключительность, неизбежность и случайность. Исключительность - это принцип разграничения, который обсуждался при введении понятия феноменальной

ментальной модели. Фундаментальный принцип кодирования перцептивных феноменальных моделей заключается в том, что конфликтующие репрезентации никогда не присутствуют в системе одновременно; уникальное существование только одного перцептивного решения, по-видимому, является основной особенностью функциональной архитектуры, лежащей в основе сознательного опыта. Неизбежность перцептивного чередования, скажем, кубика Неккера может быть результатом постоянного воздействия механизмов "сверху вниз", настойчиво влияющих на текущий поток сенсорного ввода. Таким образом, мультистабильные явления - это те состояния сознательного опыта, в которых из-за неоднозначности, присущей набору данных, множество гипотез "сверху вниз", автоматически и непрерывно генерируемых системой, никогда не сходятся в единое, согласованное решение. Этот второй принцип Леопольда и Логотетиса (Leopold and Logothetis 1999, p. 260 и далее) представляет интерес в контексте галлюцинаций. То, что мы испытываем во время галлюцинаторных эпизодов, может быть просто чрезмерно активным процессом "внутреннего порождения гипотез". Этот процесс постоянно активно ограничивает сенсорный вход, но мы никогда не испытываем его сознательно в стандартных ситуациях. Идея заключается в том, что обычный феноменальный опыт постоянно возникает в результате взаимодействия процессов "сверху вниз" и "снизу вверх". Гипотезы "сверху вниз" реализуются в постоянном, непрерывном процессе внутреннего моделирования возможных миров (так сказать, непрерывно генерируемые кантовские категории в поисках нужного эмпирического содержания), которые в конце концов фиксируются в нужном виде активного презентационного содержания для создания эксплицитной феноменальной ментальной модели. Рамачандран и Хирштейн (1997, с. 442) ярко проиллюстрировали общую картину, постепенно вырисовывающуюся из этих рассуждений, следующим образом: "Если намеренно преувеличить, то при взгляде

даже на самую простую визуальную сцену возникает бесконечное число галлюцинаций, и выбирается та, которая наиболее точно соответствует текущему входному сигналу - то есть входной сигнал, похоже, выбирается из бесконечного числа галлюцинаций". Если этот процесс отбора больше не работает, то постоянный процесс автоматического формирования огромного количества внутренних гипотез о возможном текущем состоянии мира может начать доминировать над феноменальным опытом в целом. Леопольд и Логотетис отмечают, что случайность характерна для всех форм мультистабильного зрения. Случайность вносит изменчивость в способ взаимодействия организма с окружающей средой. В частности, постоянный процесс "встряхивания" организации входного сигнала позволит находить новые решения, "решения, которые не являются наиболее вероятными, учитывая функциональные/анатомические ограничения, накладываемые зрительными путями" (Leopold and Logothetis 1999, p. 261). Интересно отметить, что этот процесс "встряхивания" или "разогрева" базовой нейронной динамики является тем, что можно с полным основанием считать причиной многих галлюцинаций (фармакологическое действие галлюциногенных препаратов, как правило, приводит к довольно глобальному и неспецифическому растормаживанию). В мультистабильных явлениях шумные или слабые стимулы, для которых не существует правильного "ответа", часто приводят к субъективному переживанию значимых, завершенных паттернов, которые теперь можно представить себе как полностью возникшие из успешной нисходящей гипотезы. Как говорил Кант, понятия без интуиции не порождают знания - они пусты. Галлюцинации, возникающие в результате того, что нисходящие процессы становятся доминирующими и поработают области феноменальной модели реальности, именно таковы: они пусты, поскольку не имеют интенционального содержания, не связаны каузально с внешней средой (отметим, что в случаях

саморепрезентации это может быть иначе; см. п. 12). Все, чем они обладают, - это феноменальный характер. Теперь мы можем также понять, что значит сказать, что феноменальная репрезентация, в случае галлюцинаций, стала "гипертрофированной". Модель реальности обогащается феноменальным содержанием, которое совершенно не зависит от внешних стимулов и не существовало ранее, например, в терминах "позитивных патологий зрения" (ffytche and Howard 1999) или "фантомных зрительных образов" (Schultz and Melzack 1991). Интересно отметить, как идентичные патологии зрения приводят к удивительно сходным стереотипам галлюцинаторного феноменального содержания в широком диапазоне экспериментальных и клинических условий и как они позволяют делать выводы об инвариантных свойствах их функционального профиля и нейронных коррелятов (раннее исследование констант формы, цвета и движения см. в Siegel and Jarvik 1975, p. 109 и далее; новую категоризацию галлюцинаторного визуального содержания, включая полезные ссылки, см. в ffytche and Howard 1999).

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению следующего примера, позвольте мне отметить еще два общих вопроса, представляющих преимущественно философский интерес. Во-первых, феноменальное содержание галлюцинаций - если это не чисто абстрактный геометрический паттерн - обычно феноменально прозрачно на уровне его интегрированной природы как изолированного перцепта и в отношении его чисто презентационных аспектов. Мы уже касались этого момента выше: псевдогаллюцинации характеризуются знанием контекста, которое, в отличие от низкоуровневых механизмов обработки, не является культурно инвариантным. Поэтому галлюцинаторный опыт может быть культурно встроен через процесс когнитивного осознания его симулятивного характера в рамках ранее существовавшей теории. На примере Ларри мы уже видели, как прозрачное визуальное восприятие может стать непрозрачным, будучи

подвергнутым когнитивному исследованию, то есть будучи встроенным во внутренний контекст, маркирующий его как галлюцинаторное содержание. Однако может существовать непрозрачное содержание, как в нашем первом примере с синдромом Шарля Бонне, которое в конечном итоге может вновь обрести субъективное свойство эпистемической прозрачности, будучи включенным в соответствующий культурный контекст. Оно может быть закодировано как знание. Если поискать и изучить различные определения того, чем на самом деле являются галлюцинации, то можно обнаружить общий знаменатель во всех этих определениях: Галлюцинации - это сходные с восприятием переживания, возникающие в отсутствие соответствующего внешнего стимула. Они возникают в результате активации квазиперцептивного содержания, которое обладает всей силой соответствующего реального восприятия, не вызывается органами чувств и в то же время не находится под волевым контролем. Другими словами, галлюцинации - это экстрасенсорное восприятие. Они имитируют перцептивную обработку. Если вы живете в культуре, которая предполагает существование более чем одного мира и более чем одного уровня реальности, то вы можете интерпретировать внезапное появление нежелательного и непредвиденного перцептивного содержания в вашей феноменальной модели реальности как окно в другую реальность. Для одного человека нежелательный артефакт - это окно для другого. Скотома, эпизодически заполняемая спонтанными зрительными галлюцинациями, может быть одним из очень простых примеров такого нейрофеноменологического окна. Очевидно, что большая часть так называемых паранормальных переживаний, например, ясновидение или потусторонние видения, может быть легко объяснена галлюцинаторными синдромами, подобными синдрому Шарля-Бонне. На самом деле у многих пациентов, страдающих от сложных галлюцинаций, развивается убеждение, что они внезапно обрели паранормальные способности (пример из практики см. в

Halligan and Marshall 1996; см. также Coltheart and Davies 2000). Если вы живете в культуре, где не существует альтернативных моделей объяснения, и если вы внезапно столкнулись со спонтанно возникающим "внутренним телевидением", вы вполне можете сделать вывод о наилучшем объяснении, доступном в вашей культуре. Конечно, нейрофеноменология галлюцинаций - это чрезвычайно богатая и сложная область, и я выбрал лишь один простой пример для иллюстрации. Но, как выяснилось недавно, синдром Шарля-Бонне встречается гораздо чаще, чем предполагалось до сих пор (Teunisse et al. 1996). Он довольно часто встречается у пожилых людей с культурно инвариантными повреждениями внешней зрительной системы, такими как катаракта, повреждение роговицы, макулярная дегенерация и диабетическая ретинопатия. Конечно, в западных культурах многие пожилые люди не сообщают о спонтанных зрительных галлюцинациях из-за страха социальной изоляции. Поэтому ряд рецензентов отмечают, что частота встречаемости этого явления может быть значительно выше, поскольку многие пациенты не хотят рассказывать о своих переживаниях, "опасаясь, что на них навесят ярлык эмоционально расстроенных" (Schultz and Melzack 1991, p. 813). Конечно, в другой культурной среде (например, в преднаучных культурах) такие феноменальные состояния вполне могут интерпретироваться как эпистемически прозрачные, как обеспечивающие надежное и прямое знание о существующих объектах, сценах или слоях реальности. Поэтому вполне можно предположить, что сказки, мифический фольклор о гномах, духах животных или невидимых высших существах, а также "эзотерические" сообщения о параллельных мирах, астральных плоскостях, эфирных элементах окружающей нас реальности и так далее изначально развивались именно таким образом. Определенная логика в этом есть и в том, что первые проблески этого мира начинают получать, в частности, пожилые люди, которые, согласно многим культурным традициям, готовятся к окончательному переходу в

невидимый мир. Поэтому тот, кто заинтересован в строгой программе исследований в области парапсихологии, должен быть также заинтересован в том, чтобы выделить все случаи, в которых нейрофеноменологическая редукция целевого феномена является правдоподобной и разумной. При анализе паранормального опыта в очень большом большинстве случаев приходится сталкиваться с правдивыми аутофеноменологическими отчетами. Всеобъемлющая, нейробиологически обоснованная теория галлюцинаций могла бы помочь отличить сообщения, которые относятся только к прозрачному феноменальному содержанию некоторых неординарных переживаемых состояний, от тех, которые на самом деле обладают информационным или интенциональным содержанием неизвестного причинного происхождения (увлекательное обсуждение взаимосвязи между верой в паранормальные явления и их возможными нейронными причинами см. в Brugger 2000).

Во-вторых, очевидная истина о галлюцинаторных типах феноменального опыта, спонтанных или намеренно индуцированных, заключается в том, что феноменальная гипертрофия не эквивалентна эпистемическому прогрессу. Если те дополнительные феноменальные симулякры, которые проникают в уже активную феноменальную модель реальности во время галлюцинаторных эпизодов, действительно являются афункциональными артефактами, то система в целом обогащается феноменально доступным ментальным содержанием, но не получает никаких дополнительных знаний или информации о мире. С другой стороны, если бы псевдогаллюцинации были доступны в контролируемой и защищенной экспериментальной обстановке, они были бы очень интересны с точки зрения теоретического вопроса, который я представил под заголовком "автоэпистемическое закрытие" в главе 2 и который мы повторно рассмотрели как "ограничение прозрачности" в главе 3. Контролируемый опыт псевдогаллюцинаций в научной обстановке может дать шанс

интроспективно наблюдать за процессом конструирования, активации и динамической самоорганизации феноменальных репрезентаций, когда они изменяются по градиенту от прозрачности к непрозрачности. Если помнить, что "наблюдение" само по себе является процессом феноменальной репрезентации, это может быть весьма плодотворным. Почему бы не увеличить доступность внимания на более ранних стадиях обработки для таких состояний? Состояния системы, которые "нагреваются" или "встряхиваются", кажутся идеально подходящими для экспериментальных парадигм, нацеленных на вышеупомянутый градиент. Другими словами, это может позволить нам сделать процесс, посредством которого в некоторых случаях мы распознаем их как репрезентаты, как внутренне генерируемые симулякры, глобально доступными для внимания и, возможно, даже для познания. Это также может пролить новый свет на непрекращающийся процесс автоматического "порождения гипотез", о котором говорилось выше. Переходы от прозрачности к непрозрачности могут стать объектом тщательного исследования, но не с точки зрения теоретических или эмпирических стратегий, а используя в качестве отправной точки сам феноменальный вариант репрезентации. На втором этапе доступность внимания на более ранних этапах обработки может стать переменной в контролируемых экспериментах, что в итоге приведет к новым открытиям относительно самого понятия феноменальной прозрачности.

Позвольте мне обратить внимание на последний и более общий философский момент. Существует определенная перспектива, с которой можно анализировать все феноменальные состояния как переносящие галлюцинаторное содержание. Это перспектива эпистемологии. Вспомним, что наше минимальное понятие сознательного опыта формируется путем удовлетворения ограничений глобальности, презентационности и, в некоторой степени, прозрачности. Во-первых, до тех пор,

пока феноменальный опыт привязан к в значительной степени прозрачной части модели реальности, он всегда будет характеризоваться наивным реализмом. Теперь этот реализм можно интерпретировать как разновидность галлюцинаций, которые оказались адаптивными для таких систем, как мы сами. Феноменальная прозрачность - это не то же самое, что эпистемическая прозрачность, но в таких системах, как мы, содержание феноменально прозрачной репрезентации переживается как эпистемически прозрачное. Видеть - значит знать. На более общем уровне анализа это можно описать как фундаментальную галлюцинаторную особенность нашего собственного типа сознательного опыта. Для человека парадигматическим примером непрозрачного феноменального состояния является осознанная мысль. Только если наша феноменальная модель мира в целом становится непрозрачной (см. раздел 7.2.5), мы можем пережить ее как глобальную псевдогаллюцинацию; отныне она будет переживаться как одна большая и всеобъемлющая мысль. Мир в целом внезапно стал бы единым репрезентативным или даже когнитивным событием, и, возможно, именно такое интуитивное видение двигало многими философами-идеалистами в прошлом. Обратите внимание, что для нас такое полностью непрозрачное, глобальное состояние больше не будет считаться сознательным состоянием, поскольку оно не удовлетворяет ограничению прозрачности.

Второй способ сформулировать утверждение о том, что на определенном уровне описания весь феноменальный опыт имеет фундаментально галлюцинаторный характер, можно развить, указав на то, как ограничение презентативности делает все подобное содержание эпистемически неоправданным на очень фундаментальном уровне. Физическая теория Вселенной никогда не скажет нам, что такое время "сейчас". "Явленность" - это вид ментального содержания, которое появляется только в феноменальных репрезентациях реальности. Как подробно обсуждалось

выше, наше эмпирическое настоящее всегда является симуляцией настоящего, потому что по своему расширенному характеру (феноменальное Сейчас - это расширенная или "размазанная" форма времени, в отличие от времени физики) оно является чистой фикцией. Эта фикция оказалась биологически адаптивной, потому что она приближалась к реальной временной структуре нашей среды, нашей экологической ниши, нашей физической области взаимодействия таким образом, что была эффективной и достаточно хорошей. Тем не менее следует отметить, что феноменальное окно присутствия - это виртуальное окно присутствия, поскольку оно представляет собой возможность, а не актуальность. Таким образом, с точки зрения строгого третьего лица, все феноменальное содержание является галлюцинаторным, поскольку то, что я назвал его характером *de puncto* (см. разделы 2.4.4 и 3.2.2), есть не что иное, как симулятивная фикция, которая оказалась функционально адекватной. С эпистемологической точки зрения она не является формой знания. Отсюда следует, что существует по крайней мере два концептуально ясных способа, с помощью которых можно утверждать, что все сознательно переживаемое содержание является галлюцинаторным содержанием.

Однако нейрофеноменологические исследования галлюцинаций, слишком кратко представленные в предыдущих разделах, были примерами состояний, которые всегда были интегрированы в глобальные феноменальные модели реальности, модели, которые все еще воплощали значительное количество достоверной информации о мире. Теперь естественным и логичным шагом будет спросить, существуют ли классы феноменальных состояний, которые совершенно пусты с эпистемологической точки зрения, но при этом обладают богатым эмпирическим содержанием. Существуют ли глобальные феноменальные состояния, которые обладают только феноменальным характером, но не имеют интенционального содержания?

4.2.5 Сны

Сны были предметом философских исследований с самого начала и на протяжении всей истории западной мысли (Dreisbach 2000). Декарт знаменито утверждал, что, поскольку сенсорный опыт сам по себе имитируется в состоянии сна, никогда не удастся отличить сон от реальности только на эмпирических основаниях (Descartes [1642] 1911). Однако философский интерес к снам несколько снизился после антикартезианского аргумента Малкольма (1959) о том, что сны вообще не являются опытом, поскольку не предполагают когнитивной доступности и лингвистического доступа в терминах публично декларируемого метазнания. Сегодня, учитывая наши новые концептуальные инструменты и богатый набор эмпирических ограничений, можно разработать гораздо более дифференцированную перспективу.

В разделе 3.2.7 мы увидели, что понятие "сознательный опыт" может быть разной силы и что существование полноценной когнитивной перспективы от первого лица (подробнее см. разделы 6.4.4 и 6.5.2) не является необходимым условием для сознательного опыта как такового. Сны являются осознанным опытом, поскольку они удовлетворяют ограничениям 2 (презентативность), 3 (глобальность) и 7 (прозрачность). С чисто феноменологической точки зрения сон, безусловно, является присутствием мира. На репрезентационистском уровне описания сны интересны тем, что - по крайней мере, для человека - они приводят к наиболее общему концептуальному различию между классами моделей феноменальной реальности, к наиболее фундаментальной возможной категоризации. С точки зрения репрезентативного содержания, сны и состояния

бодрствования - два наиболее важных класса глобальных состояний. Однако с точки зрения функционалистов от третьего лица сны представляют собой еще более интересные явления, например, потому, что они являются всеобъемлющими автономными моделями мира (ограничение 8), и потому, что до сих пор неясно, имеют ли они какую-либо адаптивную функцию для организма сновидящего (ограничение 11). Наконец, за последние два-три десятилетия когнитивная нейронаука сновидений достигла значительного прогресса, что повышает привлекательность этой области исследований для междисциплинарных подходов (отличный обзор см. в Hobson, Pace-Schott и Stickgold 2000). Поскольку все мы видим сны и большинство из нас хотя бы немного помнит о них, я не буду приводить здесь пример феноменологии сновидений.

Однако более систематическое изучение сновидений на феноменальном уровне описания часто приводит к удивительным результатам. Например, замечали ли вы, что не можете контролировать перемещение фокуса внимания во сне? Замечали ли вы, что некоторые классы сенсорных переживаний редко возникают во сне - например, переживания боли, запаха и вкуса? Отсутствие определенных видов презентационного содержания - это первичная и очень базовая феноменологическая особенность состояния сновидения. Внимание высокого уровня, в смысле феноменального качества "аттенционального агентства" (см. раздел 6.4.3), сознательного переживания возможности контролировать траекторию аттенциональной обработки, обычно отсутствует. То же самое можно сказать и о волевом контроле поведения в сновидении, который в целом сильно ослаблен. Феноменологически сновидец редко является агентом (см. раздел 6.4.5). Сновидец не является когнитивным субъектом в сильном смысле этого слова, поскольку он сильно дезориентирован относительно места, времени и людей и постоянно производит специальные

объяснения событий, с которыми он сталкивается. Феноменальное сновидение-самость практически не способно к сознательной саморефлексии и метакогниции, которые могли бы сделать отсутствие интеллектуальной последовательности осознаваемым фактом для него самого. Кроме того, кратковременная память значительно ослаблена и в целом ненадежна. Таким образом, сновидец - это лишь когнитивный субъект в слабом и, возможно, философски неинтересном смысле (см. раздел 6.4.4).

С другой стороны, как почти все мы знаем, долговременная и семантическая память может быть значительно расширена на стадии сновидения: внутренние онейрические состояния могут быть гипермнестическими - например, заставлять детские воспоминания появляться с большой живостью, воспоминания, которые никогда не были бы доступны в обычном состоянии бодрствования. Внешне, если смотреть назад с точки зрения обыденного сознания, амнезия является доминирующей чертой сновидческого сознания. Для многих людей воспоминания о снах очень слабы. Есть и другие примеры репрезентативного обогащения. Галлюцинаторные перцептивные переживания в состоянии сновидения эпизодически сопровождаются интенсивными эмоциональными эпизодами, которые, опять же, могут быть более интенсивными, чем большинство эмоций, знакомых нам по обычному состоянию бодрствования. Интересно отметить, что не все эмоции сновидений одинаково заряжены, но преобладают негативные эмоции, такие как страх и тревога (гипотеза происхождения сновидений, связанная с "симуляцией угрозы", см. Revonsuo 2000b). Наконец, глобальной феноменологической особенностью состояния сновидения является его бредовая природа, тот факт, что не существует сознательного опыта от первого лица, который мог бы раскрыть истинную природу состояния (два отличных обзора, которые также предлагают множество интересных наблюдений и дополнительных ссылок относительно феноменологического ландшафта состояния

сновидения, см. в Kahn, Pace-Schott, and Hobson 1997; Hobson, Pace-Schott, and Stickgold 2000. В частности, см. Hobson 1988, 1999; Jouvet 1999). Только что описанный феноменальный ландшафт сновидений хорошо отражен в более конкретном определении состояния сновидения, которое взято из работы Hobson et al. (2000) и имеет то преимущество, что кратко объединяет ряд ограничений от первого и третьего лица:

Психическая деятельность во сне, характеризующаяся яркими сенсомоторными образами, которые переживаются как реальность бодрствования, несмотря на такие ярко выраженные когнитивные признаки, как невозможность или невероятность времени, места, человека и действия; эмоции, особенно страх, восторг и гнев, преобладают над грустью, стыдом и виной и иногда достигают достаточной силы, чтобы вызвать пробуждение; память даже на очень яркие сны неуловима и имеет тенденцию быстро исчезать после пробуждения, если не предпринимать специальных мер для ее сохранения.

В контексте поиска общей теории феноменальной репрезентации и перспективы первого лица сновидения представляют особый интерес по ряду причин. Многие из них станут более очевидными, когда мы откроем наш концептуальный набор инструментов, чтобы кратко расширить наш нейрофеноменологический анализ до репрезентативного, функционального и нейронного уровней описания.

Позвольте мне начать с первого интересного аспекта: Хотя сны, безусловно, можно анализировать как глобальные, интегрированные модели мира (ограничение 3), они, похоже, не удовлетворяют функциональным ограничениям, предлагаемым концепциями доступности для внимания, познания и контроля действий (ограничение 1), которые оказались функционалистским прочтением или аналогом

более всеобъемлющего ограничения 3 в нашей предыдущей дискуссии. Один из способов анализа этой своеобразной диссоциации репрезентативного содержания и функциональной роли заключается в том, что сновидения представляют собой внутренние симуляции полного поведенческого пространства, включающего целевые объекты, сложные, продолжающиеся формы поведения и других агентов, но при этом они не связаны каузально с реальным поведенческим пространством сновидящего организма. Сновидцы не являются телесными агентами. Содержание сновидений, безусловно, является феноменальным содержанием, но оно никогда не используется непосредственно для контроля действий или для руководства внешним поведением. Если оно и доступно для внешнего поведения, то эта доступность никогда не реализуется в непатологических ситуациях. Однако в непатологических ситуациях феноменальное содержание сновидений явно доступно для спонтанного внутреннего поведения, то есть оно может управлять таким поведением, которое является лишь симуляцией поведения, хотя на данном этапе нашего исследования совершенно неясно, могут ли сновидцы считаться агентами в каком-либо интересном смысле (см. разделы 6.4.5 и 7.2.3.3). Интересно отметить, что существует подкласс феноменальных сновидцев, для которых это первое функциональное ограничение не выполняется, хотя сам этот факт, к сожалению, когнитивно им не доступен. Торможение спинальных моторных нейронов обычно препятствует возникновению реального макроповедения во время REM-фазы. Это не относится к ситуациям, когда из-за сбоя моторного торможения люди страдают от поведенческого расстройства REM-сна (RBD). Эти пациенты фактически вынуждены физически реализовывать свое поведение во сне (Hobson 1999, p. 136 f.; Hobson et al. 2000; Mahowald and Schenck 1999; Schenck and Mahowald 1996; Revonsuo 1995, 2000a, p. 66; пример из практики см. в Dyken, Lin-Dyken, Seaba, and Yamada 1995). Существует хорошо известный

неврологический синдром под названием "эхопраксия", при котором пациенты неизбежно вынуждены воспроизводить наблюдаемое поведение других людей в состоянии бодрствования. Похоже, что здесь мы имеем схожую ситуацию, когда внутренняя система симуляции поведения (вероятно, функционирующая как детектор интенциональности; см. Gallese 2000; Gallese and Goldman 1998) соединяется с двигательной системой. Она заставляет пациента выполнять действия, которые он в данный момент мысленно моделирует (поскольку воспринимает их визуально). Пока что РБД можно рассматривать как функциональный вариант этого процесса: пациент с РБД, исполняющий свои сны, вовсе не действует, он просто эхопрактичен по отношению к текущему сну-самому себе.

Во-вторых, феноменальное содержание сновидений не доступно для внимания. Способность сознательно фокусировать внимание просто не существует в обычных снах. Все, что там есть, - это низкоуровневое внимание, управляемое салиенсом. И в-третьих, поскольку сны характеризуются сильной дезориентацией и причудливыми формальными нарушениями мышления, содержание снов не является когнитивно доступным в смысле процессов, которые с внешней точки зрения могли бы быть описаны как приближенные к формированию рациональных ментальных концепций. Хотя с феноменологической точки зрения кажется безопасным утверждать, что сновидения разворачиваются в рамках интегрированной феноменальной модели мира, добавив эти дополнительные ограничения на функциональный уровень описания, становится гораздо менее ясно, в каком смысле содержание сновидений действительно является субъективным сознательным содержанием. Сны - это состояния сознания. У снов есть феноменальные "я". Но действительно ли сны демонстрируют перспективу от первого лица? Причина этой неопределенности заключается в том, что важный тип репрезентативного содержания лишь слабо выражен в

состоянии сновидения. Этим репрезентативным содержанием является феноменальная модель отношения интенциональности (см. раздел 6.5). Репрезентативное содержание, отсутствующее в обычных сновидениях, - это содержание Я-акта принятия решения о совершении определенного действия (волевой субъект), Я-акта сознательного внимания к определенным перцептивным или когнитивным состояниям (аттенциональный субъект) и Я как рациональное мышление о событиях, происходящих в данный момент во сне (когнитивный субъект). Теперь есть простой и элегантный способ описать все эти феноменологические, репрезентативные и функциональные недостатки - сказать, что сны лишь в слабой степени удовлетворяют ограничению перспективности (ограничение б).

Рассмотрение оставшихся многоуровневых ограничений в нашем концептуальном инструментарии также позволяет выявить дополнительные характеристики состояния сна, которые делают его интересным для общей теории репрезентации сознания. Хотя рабочая память сильно нарушена (когнитивный субъект, так сказать, не полностью присутствует), мир сновидений в целом, безусловно, активизируется в пределах окна присутствия. Состояния сновидения подчиняются принципу презентативности; феноменологически их можно описать как присутствие мира, хотя и обладающего очень разными характеристиками. В частности, очень поучительно рассмотреть онейрические модели реальности с точки зрения ограничения свернутого холизма и ограничения динамичности.

Сновидения - это глобальные галлюцинаторные процессы, характеризующиеся принципиально бредовым характером. С этим фактом тесно связаны две феноменологические особенности (которые отмечались поколениями исследователей сновидений, начиная с Фрейда):

гиперассоциативность и странность. Содержание сновидений гиперассоциативно в том смысле, что тенденция к обнаружению "сходств" и переходу к структурно связанным интерпретациям ситуаций или людей в состоянии сновидения гораздо сильнее, чем в состоянии бодрствования. Дополнительной феноменологической особенностью является нестабильность. С функциональной точки зрения, система сновидений напоминает другие виды систем, которым приходится справляться с галлюцинациями (например, вызванными наркотиками), поскольку она ведет себя как система, которая была "разогрета" и теперь проходит через большое количество слабо связанных состояний с повышенной скоростью, делая общее репрезентативное содержание все более недолговечным и менее стабильным. В терминах ограничения свернутого холизма мы можем теперь увидеть, как многоуровневые функциональные связи, предполагаемые в непрерывном порождении феноменальных целых и их встраивании в гибкую, вложенную иерархию репрезентативных содержаний, развивающихся во времени, могут помочь в понимании гиперассоциативности сновидений. В единицу времени образуется все больше таких связей, и поскольку эти интеграционные процессы не ограничены стабильностью и неизменностью, обычно обеспечиваемыми реальным восприятием внешнего мира, они становятся все менее и менее стабильными. Кан и коллеги (Kahn, 1997, p. 21) предположили, что решающую роль может играть дефектное связывание с течением времени. Можно предположить, что операции связывания происходят на многих уровнях в сновидящем мозге. Они являются частью непрерывной динамики самоорганизации, "стремящейся" к созданию максимально когерентного глобального состояния в любой момент времени, учитывая имеющиеся на данный момент информационные ресурсы. Однако никакие глобальные свойства стимулов не могут быть извлечены из текущей перцептивной обработки внешнего мира, и поэтому система полностью зависит от внутренних ресурсов. Возникающую

при этом нестабильность можно описать в терминах ограничения динамичности, введенного в последней главе. Сновидения более динамичны, чем состояние бодрствования, поскольку скорость изменения репрезентативного содержания в единицу времени выше, чем в состоянии бодрствования. С точки зрения ограничения свернутого холизма, интегрированная природа отдельных объектов, людей или сцен в мире сновидений - свойство холизма как такового - на самом деле выражена слабее. Однако из-за увеличения динамичности, то есть непрерывных и быстрых изменений в репрезентативном содержании, свернутый характер - степень "вложенности" различных репрезентативных содержаний друг в друга - может быть более значительным. Феноменологически такой анализ вполне правдоподобен. Содержание сновидений не только недолговечно и гиперассоциативно, но и может на короткие периоды оказаться совершенно сложным, заведя переживающего субъекта, так сказать, в феноменологические джунгли. Кан и его коллеги отмечают, что "такая гиперассоциативность помогает создать видимость единства среди большого разнообразия и богатства образов, а также способствует тем несоответствиям и прерывистости, которые характерны для сновидческого сознания" (там же, р. 17).

Что насчет странности? В последние годы появилось множество очень подробных и тщательных работ, посвященных странности сновидений (например, см. Mamelak and Hobson 1989; дальнейшие ссылки см. в Kahn et al. 1997, р. 18; Hobson et al. 2000; Revonsuo and Salmivalli 1995). Например, была разработана шкала странности, разделяющая феноменологический признак на количественно измеримые категории, такие как прерывистость, неконгруэнтность, неопределенность и наличие специальных объяснений (см. также Kahn et al. 1997, р. 18). Очевидно, как, например, прерывистость, обнаруженная в эволюции феноменального содержания с течением времени, может быть правдоподобно объяснена в

терминах дефицита связывания с течением времени на функциональном уровне описания. Кан и его коллеги, например, определили возникающий функциональный дефицит как "перерыв в ориентационной стабильности". Однако сейчас я не буду вдаваться в дальнейшие подробности.

Мы уже касались вопроса о том, что репрезентативная глубинная структура сновидения характеризуется слабым и неустойчивым удовлетворением ограничения перспективности и что прозрачность состояния сновидения приводит к глобальной потере понимания природы этого состояния. Интересно отметить параллель с состоянием бодрствования: системы, не имеющие в своей модели реальности феноменально непрозрачных участков (например, простые организмы на нашей планете, работающие в рамках простой, полностью прозрачной модели реальности), также будут полностью заблуждаться относительно истинной природы своего текущего состояния. Для них (как и для сновидца) не будет существовать явного различия между видимостью и реальностью. Они не будут знать о том, что в данный момент проживают свою сознательную жизнь с помощью глобальной онлайн-симуляции. Очевидно, что сны характеризуются тем, что это единственный глобальный тип феноменального состояния, доступный человеческим существам, который почти полностью удовлетворяет ограничению 8, ограничению автономной активации. Конечно, есть исключения, в которых слабые подсознательные стимулы могут напрямую влиять на сознательно переживаемое содержание сновидений. Например, это случилось со мной, когда я экспериментировал с одним из известных устройств для индукции люцидных снов. После того как такое устройство регистрирует наступление фазы REM, оно с определенной задержкой начинает мигать мягким красным светом на закрытых веках сновидца. Часто, однако, это приводит не к люцидности (см. раздел 7.2.5), а к сновидениям о

приближающихся полицейских машинах, мигающих сигнальных лампочках на панели управления вашего космического корабля, который только что взлетел, и тому подобному. Важнее отметить, как нейрофеноменологический пример состояния сновидения релятивизирует ограничение автономной активации. Чтобы прояснить этот момент, давайте обратимся к грубому функциональному анализу сновидений. Он показывает, что они представляют собой очень специфический тип реальности-модели, характеризующийся особыми функциональными свойствами. Вот три наиболее важные функциональные особенности феноменальной реальности-модели под названием "сон":

1. Блокада выхода: Сновидцы не являются функционально воплощенными агентами. Когда человеческий мозг находится в состоянии, необходимом для генерации реальности-модели категории "сон", он не способен генерировать моторный выход. Центральный нейронный коррелят этой функциональной ситуации заключается в постсинаптическом торможении, относящемся к последней области общего пути всех моторных нейронов в стволе мозга и спинном мозге (недавний обзор нейробиологических деталей см. в Hobson et al. 2000). В силу физических ограничений сновидящие системы не способны инициировать сложные модели внешнего поведения или целенаправленные действия. Однако существуют специфические формы микроповедения, такие как REM, которые у человека обычно сопровождают фазы сновидений и из-за которых эти фазы получили название фаз REM-сна. Таким образом, сновидения - это модели мира, которые не имеют функции в отношении фактического и внешнего контроля поведения. Если, как в РБД или пограничных случаях неполного моторного торможения - например, при разговоре во сне - возникают непреднамеренные, сложные формы поведения, то это не действия, а "поведенческие артефакты" (спонтанные моторные галлюцинации,

связанные с моторной системой, но не привязанные к волевой перспективе от первого лица). Они не удовлетворяют ограничению 11, ограничению адаптивности. У них нет настоящего телеофункционалистского описания, потому что они дезадаптивны и не выполняют никакой функции для системы.

Интересно отметить, что на феноменальном, тонком функциональном уровне анализа обычные сновидения вполне могут быть состояниями, выполняющими важную и существенную функцию для отдельного организма, например, позволяющими тонко настраивать относительные уровни нейротрансмиттеров или консолидировать долговременную память (критическое обсуждение последнего утверждения см. в Vertes and Eastman 2000).

2. Входная блокада: Сон - это состояние, в котором периферические сенсорные сигналы лишь в очень редких случаях могут проникать в центральные механизмы обработки информации. Например, ствол мозга, зрительная система и передний мозг в состоянии сновидения в основном деафферентированы. Это является главной причиной того, что сны эпистемически пусты, по крайней мере, в отношении текущего состояния окружающей системы.

Информационный поток, обеспечивающий их феноменальное содержание, является исключительно внутренним потоком информации. По этой причине некоторые философы называют сны виртуальными феноменальными реальностями и используют для описания этих состояний современную технологическую метафору: киберпространство (Revonsuo 1995, 1997, 2000; Metzinger 1993, pp. 146 ff., 194 ff., 241 ff.; см. также раздел 8.1).

Существуют две хорошие гипотезы относительно нейробиологической реализации этого функционального свойства в человеческом мозге, предполагающие пресинаптическое торможение определенных афферентных

нервных терминалей, а также определенных ядер в стволе мозга или таламусе, с одной стороны, и "глушение" или "затопление" высшей сенсорной коры внутренней активацией, с другой стороны. Важное, более позднее, развитие в описании временной эволюции нейронного субстрата, лежащего в основе феноменального сновидения, заключается в введении самоорганизации в качестве объясняющей переменной, например, при описании сдвигов от контролируемой вводом глобальной модели реальности состояния бодрствования к разделенной вводом модели реальности, разворачивающейся в REM-фазах (см. Kahn and Hobson 1993; Kahn et al. 1997, p. 30 и далее; последнюю версию модели пространства состояний AIM, а также описание различных исторических этапов развития теории от первоначальной "модели активационного синтеза" Хобсона и МакКарли в 1977 году см. в Hobson et al. 2000).

3. Внутреннее генерирование сигналов: Мозг сновидящего обрабатывает самостоятельно генерируемые стимулы, как если бы они были внешним входом, а затем интегрирует их в глобальное состояние. Философски значимый вопрос в этом контексте заключается в том, можно ли осмысленно описать это генерирование внутренних стимулов как источник информации или только как последовательность случайных событий на физическом уровне. Представляют ли сны? Я вернусь к этому вопросу позже. Хорошим предварительным кандидатом на роль источника сигнала, лежащего в основе активации феноменального содержания сновидений, являются понто-геникуло-окципитальные волны ("ПГО-волны"). В соответствующих областях ствола мозга мы обнаруживаем взаимное взаимодействие между аминергическими и холинергическими нейронами (подробности см. в Hobson et al. 2000). Начало фазы сна инициируется периодическим прекращением активности в аминергических системах, что, в свою очередь, приводит к растормаживанию функционально связанных с ними единиц и генерации волн ПГО в ретикулярной формации понтин.

Эти мощные импульсы передаются в таламус, а затем в зрительную и ассоциативную кору, что приводит к четко выраженным, упорядоченным и скоординированным паттернам активности в глазодвигательной, вестибулярной и зрительной областях мозга. Интересной деталью является то, что этот внутренне генерируемый вход обладает, по крайней мере, очень сильной пространственной специфичностью: клеточная активность, лежащая в основе генерации волн PGO, отражает пространственно ориентированную активность движений глаз в реальном мире на уровне ствола мозга. Это позволяет сделать осторожный вывод о том, что сны не являются полностью бессмысленными, поскольку моделируемые ими физические процессы отчасти являются упорядоченными, внутренними системными процессами (обратите внимание на неявные параллели с синдромом Антона и синдромом Шарля-Бонне).

Теперь вернемся к ограничению 8 и к тому, как пример со сновидениями его релятивизирует. Эмпирически правдоподобно предположить, что феноменальная динамика процесса осознанного сновидения является результатом самоорганизационных процессов в базовой нейродинамике, которая разворачивается, когда мозг сталкивается с сильным внутренним источником стимулов. Сложный конфабуляторный нарратив сновидения - это способ мозга интерпретировать этот сильный внутренний источник стимулов, который, в свою очередь, является результатом массивных сдвигов в его внутреннем химическом ландшафте. Интересно также отметить, что микроинъекции холинергических агонистов или ингибитора холинэстеразы во многие области парамедианной понтинной ретикулярной формации непосредственно вызывают REM-сон (ссылки на последние данные, подтверждающие гипотетические холинергические механизмы, запускающие REM-сон, см. в Hobson et al. 2000). Таким образом, существует важный смысл, в котором ни одна форма феноменального содержания не активируется по-настоящему автономно.

Тривиально, все феноменальное содержание зависит от возбуждения. Как локально супервизорный феномен он физически определяется зависимостью от подходящего источника стимулов, который в конечном итоге может привести к активации прозрачной, когерентной модели мира в виртуальном окне присутствия. Нейрофеноменология сновидений демонстрирует, как полноценные, сложные модели реальности могут развиваться из исключительно внутреннего источника стимулов.

Ограничение интенсивности для простого сенсорного содержания, безусловно, выполняется и в состоянии сна. Однако общий ландшафт удовлетворения ограничений сильно отличается от состояния бодрствования. Как отмечалось выше, для ноцицепции, запаха и вкуса феноменальная репрезентация интенсивности либо слаба, либо отсутствует. Для других классов состояний - таких как страх, паника, внезапное возбуждение или эмоционально заряженные эпизоды памяти - заманчиво указать на то, что они часто сопровождаются гораздо более сильными интенсивностями. Однако мы не должны забывать, что ограничение интенсивности может быть применено к простому сенсорному содержанию только неметафорическим способом. А как насчет сверхгладкости простого сенсорного содержания? Является ли сознательно переживаемое презентативное содержание в состоянии сновидения однородным? При рассмотрении этого вопроса мы сталкиваемся с центральной трудностью в феноменологии сновидений, центральной трудностью в разработке и оценке ограничений уровня первого лица для состояния сновидения: интроспекция³ практически невозможна в состоянии сновидения, поскольку внимание высокого уровня отсутствует. Вы не можете интроспективно присутствовать даже при самых простых сенсорных восприятиях в состоянии сна, потому что вы не являетесь аттенциональным субъектом. Поэтому вся феноменология сновидений может быть раскрытирована как феноменология бодрствования,

связанная с воспоминаниями о снах (см. Dennett 1976). Поэтому любой феноменолог, серьезно заинтересованный в строгом и систематическом описании содержания сновидений, должен сначала овладеть искусством люцидного сновидения (см. раздел 7.2.5). Однако в таком случае можно утверждать, что существует только два вида феноменологии сновидений: феноменология люцидных снов и феноменология памяти о снах в состоянии бодрствования. Настоящий подход пытается решить эту проблему, вводя различные сильные стороны для целевого феномена сознательного опыта, тем самым делая первые шаги к будущему каталогу многоуровневых ограничений, который, в свою очередь, допускает очень разные степени удовлетворения ограничений. Прежде чем мы сможем перейти к более серьезным философским выводам (например, о невозможности некоторых ограничений первого лица в теории сновидений), нам нужно гораздо лучше описать целевой феномен.

Более глубокая структурная причина, по которой феноменология сновидений является трудной задачей, кроется в особенности их глубинной репрезентативной структуры: ограничение перспективности в сновидении выполняется лишь слабо, прерывисто и с большой степенью вариативности. Поэтому подходы к содержанию сновидений от первого лица могут быть в лучшем случае лишь слабо, прерывисто и вариативно успешными. Иными словами, если верить в эвристическую ценность феноменологических подходов, дополняющих усилия когнитивных нейронаук, то придется признать, что разные виды сознательных состояний в принципе могут быть более или менее подходящими для такого рода подходов. Будут существовать классы феноменальных состояний - такие, как невыразимое презентационное содержание, обсуждавшееся в главе 2, или осознанные сновидения, лишённые стабильного аттенсионально-когнитивного субъекта, - о которых мы в конечном итоге сможем получить более глубокие знания,

исследуя только их микрофункциональный профиль и их минимально достаточные нейронные корреляты. Конечно, увлеченный нейрофеноменолог может попытаться усилить свои возможности по извлечению информации от первого лица даже для таких состояний. Это можно сделать, тренируя свое цветовосприятие, чтобы сделать более широкий диапазон сознательно переживаемых цветов когнитивно доступным, или став люцидным сновидцем. Однако, надо заметить, все эти усилия существенно изменят сам целевой феномен.

Являются ли сны, как и галлюцинации, феноменальными артефактами, не выполняющими никакой биологической функции для сновидящего организма? Обладают ли они каким-либо интенциональным содержанием, выходящим за рамки их феноменального характера? Или это атавизмы, оставшиеся виртуальные органы с древней фазы эволюции мозга? Являются ли они остаточными нейрокомпьютерными последствиями определенной стадии эмбрионального развития, на которой еще не родившийся ребенок начинает медленно конфигурировать свою собственную внутреннюю модель поведенческого пространства и способ, которым образ его тела встраивается в это пространство (Winson 1991)? Являются ли осознанные сновидения лишь эпифеноменальными коррелятами элементарных биорегуляторных процессов, лучше всего описываемых на молекулярном уровне? Я не буду пытаться дать здесь ответы ни на один из этих вопросов, поскольку они кажутся мне классическими примерами подмножества проблем, которые должны быть эмпирически исследованы, а не философски обсуждены. Однако позвольте мне добавить одно краткое концептуальное замечание. До сих пор мы сталкивались с тремя потенциальными классами феноменальных состояний, которые могут не удовлетворять нашему последнему ограничению, ограничению адаптивности. Первый класс состоит из патологических состояний, таких как агнозия, игнорирование, слепота и галлюцинации. Второй класс

определяется всеми формами машинного сознания, если оно не возникло в результате собственного эволюционного процесса, а является действительно "искусственным" сознанием в строгом смысле слова. Сны могут составлять третий класс. Если мы получим утвердительный ответ на этот вопрос на эмпирических основаниях, то сможем разработать новые концептуальные аналогии, либо описывающие сновидцев как особый вид машины, как феноменальные автоматы без стабильной перспективы первого лица, либо как регулярно встречающиеся, но патологические формы обработки сознания. Например, сны можно было бы охарактеризовать как особый тип органического бреда, характеризующийся амнезией, дезориентацией, конфабуляцией и галлюцинозом. Собственно говоря, ведущие исследователи сновидений сегодня, похоже, приближаются именно к такого рода гипотезе (см., например, Hobson 1999; Kahn et al. 1997, p. 18). Интересно отметить на чисто концептуальном уровне, что сновидения, если окажется, что нозологический анализ (т. е. анализ, основанный на понятии патологического дефицита) верен, также являются анозогнозическим состоянием: это состояния, в которых информация о существующем дефиците не может быть интегрирована в сознательную Я-модель. Машина сновидений также должна быть определена как имеющая специфический дефицит во внутренней репрезентации себя, как автомат, поскольку она не способна поддерживать стабильную перспективу от первого лица. Другими словами, полноценная теория сновидений в конечном итоге должна будет стать и теорией самопрезентации.

Вернемся к нашему первоначальному вопросу: Являются ли сны источником самопознания или серьезной формой заблуждения? Являются ли сны бессмысленными артефактами или это состояния, имеющие осмысленное толкование (см. Фланаган 1995, 1997)? Как это часто бывает, истина, по-видимому, лежит где-то посередине. Как я уже

отмечал в другом месте (Metzinger 1993, p. 149), даже если внутренние причины содержания сновидений не могут быть распознаны как таковые и даже если на феноменальном уровне мы наблюдаем лишь причудливую цепь феноменальных симулякров, это, похоже, не совсем чистая деятельность некоего "внутреннего рандомизатора" (Crick and Mitchison 1983; Hobson and McCarley 1977; Hobson 1988), которая затем глобально моделируется в процессе сновидения. Предшествующий внутренний контекст (например, положение системы в весовом пространстве), используемый нашим мозгом в качестве интерпретационного механизма для создания модели мира, максимально согласованной при столкновении с непрерывным внутренним источником сигналов, действительно несет информацию - например, о том, что в психоаналитическом или народно-психологическом контексте можно назвать "личностью" сновидца. Выше мы уже видели, что некоторая активность ствола мозга, то есть моторная траектория, направляющая пространственное поведение глаз, непосредственно отражается в движениях глаз феноменального сновидения-самого-себя. С философской точки зрения, феноменальное сновидение-самость не является полностью развоплощенным, поскольку, реализуя свой специфический функциональный профиль, оно частично разделяет анатомический субстрат бодрствующего-самости. Вы можете намеренно пробудиться от люцидного сна, упорно фиксируя, например, собственные руки, потому что таким образом вы прерываете физический механизм REM-сна (см. раздел 7.2.5). Вы даже можете использовать корреляцию между феноменальными смещениями взгляда во сне и физическими движениями глазного яблока для коммуникации между двумя совершенно разными феноменальными моделями реальности (LaBerge, Nagel, Dement, and Zarcone 1981a; LaBerge, Nagel, Taylor, Dement, and Zarcone 1981b). Конечно, эпистемологический статус психоанализа напоминает религию, и сомнительно, какой вклад он может внести в формирование более рациональных

форм теории, касающейся сознания и феноменального "я". Но даже если верно, что широко распространенная аминергическая демодуляция и холинергическая аутоstimуляция являются пусковыми причинами, приводящими к масштабным изменениям в микрофункциональном профиле сновидящего мозга, общая связность нейронов все равно представляет собой большую часть внутреннего ландшафта, отражающего индивидуальную историю этой системы. В том числе и ее историю в бодрствующей жизни. Не стимул, а стиль его обработки может раскрыть некоторые аспекты этой истории.

Мне нравится смотреть на сны как на высокоразмерные тесты Роршаха, в ходе которых мозг сновидца собирает самогенерирующиеся случайные фигуры в сложный внутренний нарратив, превращая их во "внутреннюю сказку". В этой сказке, как в цепи конкретных субъективных переживаний, проявляется история и актуальная конфигурация системы, то, как она обычно интерпретирует мир, снова и снова пытаюсь прийти в стабильное состояние. В силу специфических функциональных ограничений сознательная обработка информации, как правило, ошибочна, неустойчива и нестабильна. Тем не менее, некоторые аспекты возникающей глобальной внутренней симуляции могут рассматриваться как реальные случаи самопрезентации. Даже если они изображаются как части внешней реальности, некоторые аспекты феноменального содержания сновидений неизбежно отражают свойства внутренней нейродинамики. В конце концов, они являются локальным супервизором, и необоснованно предполагать, что они могут отменить всю предшествующую функциональную архитектуру, воплощенную в мозге сновидящего. Поэтому сны, вероятно, не являются эпистемически слепыми, пустыми артефактами без какой-либо биологической функции, а представляют собой исключительно внутренний тип реальности-модели. Эта модель не может быть распознана как таковая. Более

интересным фактом, пожалуй, является то, что сны полностью прозрачны.

При этом феноменальный мир сновидения гораздо более неустойчив, чем мир бодрствующего сознания. Это приводит к высокой степени внутренней несогласованности, компоненты, из которых он возникает, на самом деле кажутся хаотично динамичными, беззаконными сущностями, по крайней мере, с точки зрения их отношений с другими формами активного феноменального содержания. Поэтому поразительно, что их симулятивная природа так редко бросается нам в глаза. Содержание нашего сновидческого опыта постоянно меняется, непредсказуемым и часто причудливым образом. Такие свойства, как устойчивый сбой в феноменальном познании, сложные галлюцинации, амнезия и гиперэмоциональность, делают сновидение состоянием, которое феноменологически, а также нейробиологически может служить интересной моделью для ряда других измененных состояний сознания. На уровне концептуального анализа очевидно, что теме сновидений как философской интерпретации измененных состояний сознания и девиантных феноменальных моделей реальности в целом явно уделялось слишком много внимания. В частности, методологически плодотворным может оказаться введение состояния сновидения в качестве модельной системы для фундаментальных аспектов "нормальных", не измененных состояний сознания (Revonsuo 2000a). Философская онейрология, безусловно, могла бы внести ценный вклад в общую теорию феноменальной репрезентации. Однако видные философы аналитической традиции в прошлом иногда даже отрицали, что сны вообще являются сознательным опытом (см. Малкольм 1956, 1959; Деннетт 1976; обсуждение см. в Metzinger 1993, p. 146 и далее, p. 194 и далее, p. 241 и далее; Revonsuo 1995, p. 36 и далее). Новые эмпирические данные теперь явно фальсифицируют такие чисто концептуальные аргументы.

Интересно, что некоторые из этих новых материалов указывают на возможность существования общего функционального субстрата сновидений и бодрствующего сознания (Llinás and Paré 1991; Llinás and Ribary 1993, 1994; Kahn et al. 1997). Это направление исследований, с чисто методологической точки зрения, обладает большой актуальностью. Почему? Потому что сон и бодрствование - это два наиболее общих, глобальных класса состояний целевого феномена. Если удастся выделить общий знаменатель на функциональном уровне, это будет иметь большое значение для сужения круга минимально достаточных нейронных коррелятов, соответствующих ограничению 3 - глобальности феноменального опыта. Например, глобальные модели реальности в состоянии сна и бодрствования в обоих случаях могут рассматриваться как функциональные кластеры или динамические ядра в терминах оригинальной гипотезы Эдельмана и Тонони (Edelman and Tononi 2000a, b; Tononi and Edelman 1998a). Если бы были доступны две всеобъемлющие математические модели для каждого из двух классов глобальных состояний, то "вычитание" одной модели из другой могло бы дать высокоинформативное и точное описание не только нейронной динамики, лежащей в основе сознательного опыта в целом, но - при определенном допущении изоморфизма в отношении транспорта и содержания - также и гораздо более тщательный анализ репрезентативной глубинной структуры феноменального опыта, чем тот, который был представлен в этой главе. Очевидно, что для этого еще слишком рано. Однако я уже упоминал, как эта линия атаки приводит к прекрасной феноменологической метафоре, а именно к тому, что обычное состояние бодрствования является своего рода сновидением в режиме онлайн. Ограничения, накладываемые информационным потоком от органов чувств на автономную деятельность этого функционального субстрата в течение дня, помогают активировать феноменальную реальность бодрствующего сознания. Этот взгляд, в свою очередь, придает

убедительность метафоре виртуальной реальности для сознания в целом (см. раздел 8.1), интерпретируя сознание как глобальную феноменальную симуляцию, в которой создается интегрированная модель мира и "я" в нем. В некоторых случаях эта глобальная симуляция используется как инструмент (т. е. "виртуальный орган") для управления поведением, в других ситуациях это не так. В некоторых ситуациях эта глобальная симуляция полностью прозрачна; в других ситуациях у нас есть шанс сделать ее феноменальностью, тот простой факт, что она является лишь видимостью, когнитивно доступной. Как мы увидим в разделе 7.2.5, существуют также классы глобальных феноменальных состояний, в которых эта информация становится доступной для внимания совершенно неограниченным образом.

Очевидно, что наиболее интересной для философской теории особенностью глобального класса состояний сновидений является тот факт, что сны характеризуются особым метакогнитивным дефицитом. Во время нормальных сновидений феноменальный субъект не имеет никакого представления о природе состояния. Это означает, что глобальное состояние само по себе феноменально не представлено как принадлежащее к определенному классу в терминах интроспекции² и интроспекции⁴. Определенный вид контекстуального знания отсутствует во время сновидений, и эта особенность называется по-немецки *Zustandsklarheit* ("ясность состояния"; Tholey 1984, 1987; см. также Tholey 1983; Kahan and LaBerge 1994). Интересно, что нам известны сны, в которых только что упомянутый метакогнитивный дефицит отсутствует. Ограничение прозрачности для этого класса состояний не выполняется: Во время таких сновидений мы полностью помним нашу предыдущую жизнь в бодрствовании и во сне, и феноменальные свойства агентности на attentionном, когнитивном и поведенческом уровнях внезапно инстанцируются. Такие состояния сознания называются

люцидными снами. Во время таких сновидений субъект опыта осознает тот факт, что он видит сон; он знает, в каком состоянии сознания он сейчас находится. Хотя это дополнительное феноменальное свойство "ясности" встречается довольно редко, оно представляет большой интерес для общей теории феноменальной репрезентации. Оно открывает новый путь к исследованию и росту знаний в направлении более дифференцированного понимания феноменальной непрозрачности и эпистемологических вопросов, связанных с понятием автоэпистемической закрытости. В частности, феноменальное "я" характеризуется гораздо более высокой степенью связности и стабильности во время люцидного сна. Для того чтобы найти концептуально убедительный анализ таких глобальных переходов состояния, из которого мы могли бы затем вывести четкие описания возможных экспланансов для использования в поисках их нейронных коррелятов, нам, очевидно, необходимо разработать дифференцированную теорию ментальной, а также феноменальной саморепрезентации. Поэтому в следующей главе я снова разрабатываю ряд простых концептуальных инструментов, с помощью которых можно достичь этой цели.

4.3 Концепция центрированной феноменальной модели реальности

В главе 2 мы открыли первый концептуальный набор инструментов. В главе 3 мы ввели ряд многоуровневых ограничений для описания репрезентативной глубинной структуры феноменального опыта и закончили введением рабочей концепции феноменальной ментальной модели. Все это время я использовал и постоянно обогащал понятие всеобъемлющей феноменальной "модели реальности". Применяя ограничение перспективности (ограничение 6) к

понятию модели реальности, мы естественным образом приходим к понятию субъективного опыта и понятию централизованного типа сознательного опыта. Во всех рассмотренных до сих пор примерах речь шла о феноменальных мирах, которые в некоторых аспектах были девиантными, но всегда были сосредоточены на переживающем "я". Первая определяющая характеристика централизованной феноменальной модели реальности заключается в том, что она обладает одной единственной, темпорально стабильной феноменальной саморепрезентацией. Второй определяющей характеристикой является то, что эта саморепрезентация функционально привязана. Она должна быть не только эмпирическим, но и каузальным ядром в том, как система эмулирует свое собственное поведенческое пространство.

Тем не менее, обратите внимание, что существует, по крайней мере, логическая возможность существования репрезентативных систем, которые работают в рамках функционально централизованной модели реальности (например, используя эгоцентрическую внутреннюю симуляцию своего поведенческого пространства для управления своим поведением), не демонстрируя феноменального опыта самости или сознательно переживаемой перспективы от первого лица. Сомнамбулизм может быть одним из примеров такого рода конфигурации. Сомнамбула вполне успешно перемещается в окружающей среде, очевидно, обладая внутренней моделью этой среды, берущей начало в точной и постоянно обновляемой репрезентации ее тела. Тем не менее, она не является субъектом опыта.

Для развития полноценной сознательно переживаемой перспективы от первого лица необходимо добавить третий компонент: репрезентацию более высокого порядка не только самой системы, но и системы, взаимодействующей в

данный момент с различными аспектами мира (или самой себя). Чтобы прийти к более богатому и всестороннему пониманию исследуемого феномена, необходима теория сознательной саморепрезентации и концептуально убедительная и эмпирически правдоподобная теория о репрезентативной глубинной структуре самой феноменальной перспективы первого лица. Во второй половине этой книги я предпринимаю попытку разработать такую теорию. Итак, теперь нам предстоит перейти от понятия функционально центрированной модели реальности к подлинно субъективному уровню опыта. Для начала нам придется ввести несколько очень простых концептуальных инструментов.

Глава 5. Инструменты

II

5.1 Обзор: Психическая саморепрезентация и феноменальное самосознание

Значительная часть этой и двух следующих глав параллельна обсуждениям в главах 2, 3 и 4. В этой главе мы продолжаем разрабатывать четко структурированный и максимально простой набор концептуальных инструментов, направленных на поиск ответа на проблему феноменальной перспективы от первого лица. После этого мы более подробно рассматриваем конкретные репрезентативные средства, обеспечивающие феноменальное самосознание. Во второй раз представлен набор нейробиологических, функциональных, вычислительных и феноменологических ограничений. При этом я пытаюсь наполнить понятие "феноменальная самодекаль" таким смысловым содержанием, какое только возможно на данный момент. Глава 6 - центральная глава

этой книги, поскольку в ней представлены две наиболее важные теоретические сущности: "феноменальная Я-модель" (ФЯ-модель) и "феноменальная модель отношения интенциональности" (ФМОИ). В главе 7 используется второй набор нейрофеноменологических примеров, чтобы завершить обсуждение еще одной серией кратких тестов реальности. К счастью, поскольку общая структура аргументации уже была изложена в предыдущих главах, теперь мы можем двигаться дальше в гораздо более быстром темпе.

5.2 От ментальной к феноменальной саморепрезентации: Мереологическая интенциональность

Ментальная саморепрезентация - наиболее интересный частный случай ментальной репрезентации. Она эквивалентна ситуации, в которой система, уже вовлеченная в процесс внутренней репрезентации, внезапно создает дополнительный внутренний образ самой себя, так сказать. Она создает новое внутреннее состояние - саморепрезентатум, - с помощью которого генерирует лингвистическое описание себя, которое на более позднем этапе может использоваться для управления самонаправленным поведением, стать объектом собственного внимания и когнитивно отнестись к себе как к целому. В этом случае репрезентатум формируется самой системой, порождающей в себе эту ментальную саморепрезентатум. Однако реализация этого особого варианта хорошо известного нам трехместного репрезентативного отношения приводит к ряду новых логических, функциональных, репрезентативных и феноменальных свойств. Для более четкого понимания этих свойств будет полезно начать с того, чтобы еще раз взглянуть на простую, фундаментальную схему нашего телеорепрезентативного отношения.

Вставка 5.1

Ментальная репрезентация: $RepM(S, X, Y)$

S - это индивидуальная система обработки информации.

Y - это аспект текущего состояния мира.

X представляет Y для S.

X - это функционально внутреннее состояние системы.

Интенциональное содержание X может стать доступным для интроспективного внимания. Оно обладает потенциалом стать репрезентантом субсимволических репрезентативных процессов высшего порядка.

Интенциональное содержание X может стать доступным для когнитивной референции. В свою очередь, оно может стать репрезентантом символических репрезентативных процессов более высокого порядка.

Интенциональное содержание X может стать глобально доступным для избирательного контроля действий.

Для сравнения давайте посмотрим на логическую структуру рассматриваемого нами частного случая. Прежде чем более подробно рассмотреть этого нового родственника нашего старого друга, трехместного отношения, представленного в главе 2, позвольте мне сделать несколько вводных замечаний. Ментальная саморепрезентация - это процесс, с помощью которого некоторые биосистемы генерируют внутреннее, нелингвистическое представление о себе.

Состояния, генерируемые в этом процессе, являются внутренними репрезентациями, поскольку их содержание доступно только самой соответствующей системе, и только специфическим образом - через процесс, который сегодня мы называем феноменальным самосознанием. Мы можем с уверенностью предположить, что этот процесс снова является репрезентативным процессом более высокого порядка, который сам по себе оперирует только физически внутренними свойствами системы. Отсюда следует, что важно различать три уровня концептуального анализа: Внутренность может быть описана как феноменальное, функциональное или физическое свойство определенных состояний системы.

Вставка 5.2

Ментальная самопрезентация: S-RepM (ST, X, SR)

S - это индивидуальная система обработки информации.

ST - это система в целом, в соответствии с истинным телеофункционалистским описанием.

SR - это система как репрезентант, то есть подмножество тех свойств системы, которые в данный момент доступны для ее собственных репрезентативных возможностей.

X представляет SR для ST.

X - это функционально внутреннее состояние системы.

Интенциональное содержание X может стать доступным для интроспекции³. Оно обладает потенциалом стать

репрезентантом субсимволических процессов саморепрезентации более высокого порядка.

Интенциональное содержание X может стать доступным для интроспекции⁴. Оно может стать доступным для когнитивной самореференции, то есть, в свою очередь, может стать репрезентантом символических процессов саморепрезентации более высокого порядка.

Интенциональное содержание X может стать доступным для селективного управления самонаправленными действиями.

Теперь мы впервые можем сформировать более четкую концепцию феноменологической интернальности.

Феноменологическая интернальность - это сознательно переживаемое качество "внутренности", сопровождающее телесные ощущения, такие как приятное чувство тепла; эмоциональные состояния, такие как удовольствие или симпатия; когнитивные содержания, такие как мысль о философском аргументе Декарта в пользу дуализма. Все эти формы ментального содержания субъективно переживаются как внутренние события и, в стандартных ситуациях, как собственные состояния. Внутренность сопровождается дорефлексивным чувством собственности (не путать с феноменальной агентностью; см. раздел 6.4.5).

Феноменологическая интернальность - это сознательно переживаемая "минность". Она является характерной чертой всех содержаний, интегрированных в феноменальный уровень самопрезентации, непрерывно, автоматически и независимо от каких-либо когнитивных операций высокого уровня.

Внутренность в этом смысле - это то, что некоторые философы (например, Frank 1991) называют "дорефлексивной самоинтимностью". Она порождает базовое, неконцептуальное содержание самосознания, на

которое неизбежно должны опираться все более высокие формы рефлексивного самосознания, чтобы избежать бесконечного регресса (см. Bermúdez 1998; мы вернемся к этому вопросу в разделах 5.4, 6.4.2 и 6.4.4 на сайте).

Функциональная интернальность на уровне саморепрезентации эквивалентна набору каузальных свойств, ответственных за то, чтобы содержание процесса саморепрезентации было доступно для сознательного опыта только одного человека или организма (но см. раздел 6.3.3).

Функциональная интернальность может быть реализована и бессознательно. Она вносит вклад в эмпирическую интернальность лишь косвенным образом. Первое прочтение функциональной интернальности связано с личностным уровнем описания. Только один человек во вселенной обладает способностью сделать это специфическое содержание доступным для сознательной саморепрезентации (см. Nagel 1986; Metzinger 1993). Только вы можете осознать содержание вашего собственного, продолжающегося и субличного процесса ментальной саморепрезентации как пример ваших собственных свойств. Только вы обладаете уникальными прямыми причинно-следственными связями, и именно это делает вашу саморепрезентацию индивидуальной саморепрезентацией. Даже если бы в научно-фантастическом сценарии мозг другого человека был подключен к вашему мозгу так, чтобы он мог напрямую считывать содержание вашей текущей ментальной саморепрезентации, этот человек никогда не смог бы эпистемически саморепрезентировать это содержание как свои собственные свойства. Этот сценарий, возможно, сработает на уровне феноменального содержания, если включить каузальные свойства вашего мозга в функционально внутренний набор свойств, над которыми надзирает самосознание этого другого человека, и тем самым позволить ему просто феноменально владеть вашими мыслями и чувствами, но это, вероятно, разрушит личную идентичность субъекта. Проблему Нагеля нельзя решить, сделав феноменальное содержание летучей мыши доступным

для вас на уровне сознательного опыта - более глубокий вопрос заключается в том, каково быть летучей мышью для самой летучей мыши.

Существует и второе, субличностное прочтение функциональной интернальности. Как объясняется в главе 2 и в разделе 3.2.2 главы 3, она возникает вместе с конституированием индивидуального виртуального окна присутствия. Сознательное самореферентивное содержание является внутренним в том смысле, что оно функционально определено как темпорально внутреннее самой системой: оно всегда изображает свое содержание как текущее, актуальное состояние самой системы. Как правило, функционально внутренние свойства реализуются физически внутренними свойствами системы. Отсюда вытекает третье прочтение "внутренности": Феноменальный самореферентивный феномен, в почти тривиальном и прямолинейном смысле физически простой, пространственно-временной интернальности, - это внутреннее состояние системы, возникающее в индивидуальном организме или человеке. Оно локально супервизируется. Если все три формы феноменальной, функциональной и физической интернальности реализуются одновременно, результатом является воплощенная, индивидуальная и присутствующая феноменальная самость.

И снова мы сталкиваемся с проблемой экстернализма и интернализма, а также отношения между интенциональным и феноменальным содержанием. Интенциональное содержание ментальной самореферентивности может быть сформировано свойствами системы, включая все ее реляционные и диспозиционные свойства. Поэтому оно часто будет фиксироваться фактами, внешними по отношению к физическим границам системы, а также возможными состояниями этой системы. Однако наиболее фундаментальным уровнем для индивидуации ментальных

состояний, обеспечивающих самосознание, является не их интенциональное содержание или каузальная роль, которую они играют в порождении внутреннего или внешнего поведения (актуального или возможного). Важен уровень феноменальной саморепрезентации. Всякий раз, когда мы говорим о "субъекте" или "самости" (совершая "ошибку феноменологической реификации"), мы говорим о содержании феноменальной самости. Это содержание непрерывного процесса саморепрезентации. Народная психология самосознания наивно, успешно и последовательно говорит нам, что самость - это просто то, что я субъективно переживаю как себя. Возможно, народная феноменология самости является конечным корнем всех теорий о самосознании. Вот почему мы должны начать с уровня феноменального содержания. Сегодня мы также знаем, что большое количество неосознаваемой, но функционально активной, системной информации влияет не только на наше поведение, но и на наше мышление и внимание. И снова нам предстоит ответить на вопрос, чем отличаются друг от друга ментальная и феноменальная саморепрезентации. Для начала давайте рассмотрим понятие ментальной саморепрезентации.

Понятие "ментальная саморепрезентация" может быть проанализировано как трехместное отношение между единым репрезентантом (системой в целом, с точки зрения тех аспектов, которые она может охватить с помощью собственных репрезентативных ресурсов) и репрезентатумом (различными, интегрированными в данный момент внутренними состояниями системы) по отношению к той же системе (система в целом, при телеофункционалистском описании как встроенная в определенный каузально-телеологический контекст). Саморепрезентация - это процесс достижения интегрированной репрезентации системы для самой себя путем генерации сингулярного, когерентного и адекватного внутреннего состояния, функционирующего как текущий саморепрезентатум. Обратите внимание, что на

уровне внутренней (т. е. нементальной) саморепрезентации, скорее всего, существует множество различных функциональных модулей, представляющих отдельные аспекты, такие как температура тела или уровень сахара в крови, изолированно, неинтегрированно. Психическая саморепрезентация начинается на уровне единой, интегрированной саморепрезентации, отслеживающей всю систему в целом. Если эта структура удовлетворяет определенным дополнительным ограничениям, она может стать сознательной.

Простой и понятный способ экспликации понятия самопрезентации заключается в введении понятия эмуляции с выделением трех случаев. Информационно-процессорная система S может представлять физический объект в своем окружении. Назовем этот процесс "репрезентацией объекта". В некоторых случаях объектным компонентом будет другая информационно-процессорная система: информационно-процессорная система S_1 может представлять другую информационно-процессорную систему S_2 в своем окружении. Назовем это "эмуляцией". Если $S_1 \equiv S_2$, то мы имеем случай, когда одна информационно-процессорная система внутренне эмулирует саму себя. Назовем этот процесс "самопрезентацией". В идеале, содержательные свойства генерируемого в этом процессе самопредставления должны улавливать соответствующие целевые свойства системы. На продвинутых стадиях это может включать представление системы как объекта.

Асимметрия" относится ко второму и третьему местам аргументов отношения $S\text{-RepM}$ (ST, X, SR). Опять же, трехместное отношение ментальной саморепрезентации может быть разложено на ряд двухместных отношений. Отношение между ST и X - это отношение "часть-целое". Система S использует физическую часть X самой себя для достижения определенных целей. Это то, что

подразумевалось под "мерологической интенциональностью" в заголовке данного раздела. Двуместное отношение между ST и SR - это отношение самопознания или, в его феноменальном варианте, самосознания. Система эпистемически или сознательно переживает определенные аспекты себя (а именно те, которые доступны ее собственным репрезентативным ресурсам) для достижения своих собственных целей или удовлетворения ограничения адаптивности на субличностном уровне. Он становится объектом для самого себя, являясь теперь субъектом и объектом одновременно. Однако этот красивый, но слишком метафоричный способ говорить опасен. Отношения между X и SR, между self-representatum и self-representandum, являются асимметричными, как объясняется в главе 2. Во-первых, SR и X всегда мыслятся как разные теоретические сущности. Во-вторых, это отношение направлено только в одну сторону; не существует ситуации, в которой оно было бы тождественно своему обратному отношению. В-третьих, самопрезентация отдельных аспектов системы в целом с помощью отдельной подсистемной части является интранзитивной. Поэтому мы никогда не имеем ситуации, когда система как целое представляет систему как целое, и уж тем более не с помощью системы как целого. Именно конкретный аспект (субличностная часть системы) выступает в качестве инструмента представления подмножества бесконечно многих свойств системы (т.е. части этих свойств) в рамках определенного теоретического представления этой системы (определенного набора ее аспектов). Важно отметить, каким образом предлагаемая здесь концептуальная структура исключает идеалистические представления о самосознании, а также их проблемы. Кардинальной проблемой классических моделей "рефлексивного" самосознания, например, у Фихте, была проблема тождества субъекта и его эпистемичности: Как то, что строго тождественно самому себе, может быть выделено в отношении знания? Рефлексивное отношение (как, например, сходство) - это отношение, которое все несет к

самому себе. Обратите внимание, что отношение между self-representatum и self-representandum, между X и SR в предложенной здесь структуре - это не рефлексивное, а мерологическое отношение. Это часть системы - например, минимально достаточный физический коррелят саморепрезентатума, - которая функционирует для системы в целом, изображая, так сказать, подмножество объективных свойств этой системы. Два термина ST и SR относятся к совершенно разным аспектам системы: система в целом, теоретически описываемая как встроенная в причинно-телеологический контекст, и то подмножество ее свойств, которое эпистемически доступно ей благодаря использованию ее собственных внутренних ресурсов для самопрезентации. Введем отныне понятие "ST" для системы в целом, обладающей истинным телеофункционалистским описанием, и "SR" для системы как объекта, то есть как потенциального репрезентанта своих собственных саморепрезентативных возможностей. Опять же, можно отметить, что поскольку саморепрезентатум является физической частью системы, система в целом непрерывно изменяется в процессе саморепрезентации: она постоянно порождает в себе новые физические свойства, чтобы репрезентативно охватить подмножество своих собственных объективных свойств. Существует не один жесткий объект (содержание саморепрезентации), а непрерывный, динамический процесс самосодержания. Это вторая причина, по которой я вынес понятие "мерологическая интенциональность" в заголовок данного раздела. Один из аспектов философской интуиции, лежащей в основе такого способа формулирования логической структуры, лежащей в основе ментальной саморепрезентации, заключается в том, что в своей основе самосознание не является полностью рефлексивным отношением в традиционном смысле. Скорее, это очень интересная разновидность отношения "часть-целое": часть системы функционирует как репрезентативный инструмент, выделяющий определенные аспекты системы для системы в целом. Почти во всех случаях ментальное

содержание, генерируемое в этом событии, будет неконцептуальным содержанием.

Позвольте мне вкратце остановиться на интересном вопросе, который, однако, я не буду рассматривать далее в этой книге. Если мы предположим, что в основе репрезентативного отношения лежит некий изоморфизм, который оправдывает нас, говоря о знании по сходству (в отличие от знания по истине), то есть если мы предположим, что *self-representatum* и *self-representandum* находятся в подходящих отношениях сходства друг с другом (которые вполне могут быть основаны на сложном, более высокого порядка, функциональном изоморфизме; см. S. E. Palmer 1978) и в то же время сохраняя, что репрезентатум, осуществляющий репрезентацию, является физической частью системы, тогда очевидно, что процесс внутренней саморепрезентации превращает систему в самоподобную систему. Интересный вопрос заключается в том, насколько эта внутренняя, репрезентативная концепция самоподобия может быть связана с более строгими и формализованными концепциями самоподобия, например, в физике или математике.

Следующий шаг должен заключаться в исключении феноменологического заблуждения (о котором я говорил в главе 2). Ментальная саморепрезентация - это непрерывный процесс. Порождаемый в ходе этого процесса саморепрезентатум - это временной срез, содержание процесса саморепрезентации в момент t . В принципе, мы могли бы сейчас снова совершить типичную грамматическую ошибку, характерную для народной психологии самосознания, рассматривая содержание единичного временного среза процесса саморепрезентации как объект. Иными словами, существует особый вариант феноменологического заблуждения, связанного с самосознанием: описывать содержание феноменальной

саморепрезентации как буквальные свойства внутреннего и нефизического объекта, а именно субъекта.

Опять же, мы должны различать два уровня, на которых может происходить этот незаметный переход от ментального процесса к вмняемой личности, от последовательности событий к неделимому ментальному объекту. Первый уровень образуется языковой референцией к феноменальным состояниям самосознания. Второй уровень формируется самим феноменальным самоощущением. Я утверждаю, что между обоими этими уровнями существует тесная связь и что аналитическая философия разума не должна ограничиваться исследованием только первого уровня содержания. Оба феномена являются феноменами репрезентации, и они взаимозависимы. Упомянутая выше грамматическая ошибка, ведущая к овеществлению "я", в конечном итоге закреплена в функциональной архитектуре нашей нервной системы. Логическая структура концептуальной самореференции тесно связана с глубинной репрезентативной структурой феноменальной перспективы первого лица и феноменальной самости. Как мы увидим в следующей главе, феноменальная саморепрезентация - а это единственный вид саморепрезентации, генерирующий содержание, доступное для самонаправленных суждений (назовем это "принципом феноменальной самореференции"), - должна также удовлетворять ограничению 2, то есть презентабельности феноменального содержания. Феноменальные саморепрезентации образуют класс состояний, которые характеризуются тем, что активируются в течение определенного времени присутствия. Если это временное окно больше, чем базовые нейронные процессы, ведущие к активации когерентной феноменальной саморепрезентации, то значительная часть фундаментальной, лежащей в основе процессуальности в мозге, как было подробно объяснено ранее, была "поглощена". Например, то, что в телесном сознании мы сейчас переживаем как транстемпорально стабильную,

немедленно данную часть нашего "собственного" "я" в терминах довольно инвариантных и однородных фоновых ощущений, образовано функциональным процессом, который систематически делает его собственные временные свойства недоступными для интроспекции³, для обработки внимания, направленной на текущую субличную саморепрезентацию (я подробно возвращаюсь к этому моменту в разделе 6.2.6). Во-вторых, то, как мы обозначаем феноменальное содержание самосознания с помощью лингвистических средств, часто игнорирует лежащую в основе динамику обработки информации во второй раз. Если мы наивно говорим о "содержании самосознания" или "содержании феноменальной саморепрезентации", то мы овеществляем эмпирическое содержание непрерывного репрезентативного процесса. Этот процесс теперь застывает в объекте, который на этот раз является нашим "собственным" "я", то есть субъект-объектом. Мы автоматически порождаем феноменального индивида и тем самым рискуем повторить феноменологическое заблуждение. Суть заблуждения заключается в неоправданном использовании экзистенциального квантификатора в рамках психологического оператора, на этот раз при упоминании самосознания. Все, что мы можем обоснованно сказать, это то, что мы находимся в состоянии, которое обычно вызывается присутствием, например, собственного тела. Ранее мы видели, что феноменальное содержание - это именно то содержание, которое полностью зависит от внутренних и актуальных свойств нервной системы человека. Мозг в чане, таким образом, может в любой момент породить полноценное феноменальное содержание сознательной саморепрезентации. Откуда вы знаете, что находитесь в контакте со своим телом? Что именно делает его вашим телом? Кроме того, в особом случае саморепрезентации верно, что такие описания феноменального содержания не относятся к привилегированной феноменальной личности - например, к "Я", - но только к интроспективно доступному временному срезу фактического процесса репрезентации - то

есть к содержанию этого процесса в момент t . Средство, несущее это содержание, отмеченное временным индикатором, я буду впредь называть саморепрезентатумом.

Что является объектом, *representandum*, саморепрезентации? Наиболее базовый и достаточно инвариантный набор свойств, выделяемых внутренней саморепрезентацией, очевидно, составляют свойства физического организма (см. раздел 5.4 ниже). Это могут быть, в частности, свойства его внутреннего химического профиля (см., например, Damasio, 1999), а также состояния его внутренних органов, пространственные и кинестетические свойства или реляционные свойства по отношению к другим объектам и агентам в его окружении. Репрезентант S-RepM, SR, формируется текущими свойствами системы.

Именно на этом этапе исследования наши простые концептуальные инструменты впервые начинают давать весьма интересные результаты. И снова мы обнаруживаем, что для того, чтобы говорить о самопрезентации в "реальном времени", всегда нужно предполагать определенную временную рамку отсчета. Без указания этой временной системы отсчета выражение типа "текущее состояние системы" лишено содержания. Очевидно, что физически реализуемые процессы проведения и обработки информации в мозге будут занимать определенное количество времени, как для процесса самопрезентации, так и для любой другой формы ментальной репрезентации. Информация о себе, имеющаяся в центральной нервной системе, в определенном, весьма радикальном смысле никогда не является актуальной информацией. Простой факт расхождения скоростей проведения для множества различных внутренних датчиков, таких как вестибулярный орган, проприоцепторы в мышцах и суставах (например, рецепторы в мышечных веретенах и сухожильных органах Гольджи), тактильные рецепторы (например, тельце Руффиниса, В результате система должна

определить элементарные пороги упорядочивания и окна одновременности, чтобы интегрировать эти многочисленные внутренние источники информации в мультимодальную саморепрезентацию. Мы уже видели, что многие эмпирические данные показывают, что осознанное настоящее - это запомненное настоящее. Однако если само феноменальное Сейчас является репрезентативной конструкцией, то эмпирическое присутствие Я в феноменальном мире, субъективно переживаемая актуальность, "реальность" и временная непосредственность, интегрирующая его в сложную мультимодальную сцену, сама по себе является виртуальным видом присутствия. В этом более строгом смысле содержание сознательной саморепрезентации, на всех уровнях (см. раздел 6.4), является лишь возможной реальностью. Телесное само моделирование не является процессом реального времени; темпоральная интернальность в строгом аналитическом смысле никогда не достигается. Поэтому предельный реализм феноменального самосознания порождается тем, что возможность (наилучшая из имеющихся гипотез о текущем состоянии системы) прозрачно представлена как реальность (немедленно данный факт). Короче говоря, ментальная саморепрезентация - это процесс, функция которого для системы заключается в приблизительном изображении ее собственного актуального состояния в определенных, узко определенных временных рамках и с биологически достаточной степенью точности. Это не процесс, с помощью которого мы действительно "бесконечно близки" к самим себе.

Если состояние, описываемое как саморепрезентативное, выполняет какую-то функцию для системы, мы неявно предполагаем контекст целей и возможных действий. В начале этой книги я назвал телеофункционализм одним из фоновых предположений, для которого я не предлагаю явных аргументов. Это предположение гласит, что саморепрезентативные состояния также обладают

каузальными свойствами, которые являются историческими сущностями, лежащими в основе социальных и эволюционных ограничений. Они могут быть более или менее адекватными в определенной группе людей или под селективным давлением, оказываемым конкретной биологической средой. Например, определенные формы самопрезентации могут делать успешное сотрудничество с другими людьми более или менее вероятным, что приводит к различным показателям воспроизводства. В конце концов, это приводит нас к новой и очень неромантичной, но показательной метафоре. Впервые ее придумал Энди Кларк (Clark 1989, p. 61): Феноменальное "я" теперь можно рассматривать как оружие, разработанное в когнитивной гонке вооружений. Сознательные "я" похожи на инструменты или абстрактные органы, изобретенные и постоянно оптимизируемые биологическими системами. Если бы искусственная система разработала богатую и гибкую форму саморепрезентации, которая, однако, не выполняла бы для нее никакой функции, то она не генерировала бы тот тип ментального содержания, который составляет эпистемическую цель данного исследования (см. раздел 6.2.8). Однако, как мы видели выше, концептуальное различие между искусственными и естественными системами уже перестало быть исключительным и исчерпывающим.

А как насчет интернальности, следующей определяющей характеристики ментальной саморепрезентации? Очевидно, что интенциональное содержание ментальной саморепрезентации во многих случаях будет включать внешние, реляционные свойства системы. С другой стороны, ментальная саморепрезентация, в том смысле, который подразумевается здесь, генерирует состояния, которые являются внутренними во временном смысле. Оно отображает текущие свойства системы исключительно для системы. Однако она делает это только в рамках референции, определяемой самой системой, - в окне присутствия.

Содержание ментальной саморепрезентации, таким образом, является темпорально внутренним содержанием не в строго физическом, а лишь в производном функциональном смысле, связанном с архитектурой системы, с ее самогенерируемым "Сейчас". И снова мы приходим к следующей философской интуиции: Феноменальная саморепрезентация может быть эквивалентна порождению тех содержательных свойств, которые дополнительно надстраиваются над внутренне реализованными функциональными свойствами системы в пространственном смысле. В главе 2 нашим вторым концептуальным исходным предположением было локальное наложение феноменального содержания на внутренние и современные свойства системы. Для случая саморепрезентации высшего порядка это означало бы, что активное саморепрезентационное содержание может быть доступно только внутренним, очень специфическим образом. Феноменальная саморепрезентация, таким образом, имеет в качестве репрезентанта только активные в данный момент состояния самой системы, но достигает цели сделать связанное с системой интенциональное содержание глобально доступным для быстрого и гибкого управления действиями, для познания и внимания.

Теперь существует три прочтения понятия "внутренность", а также три различных интерпретации понятия "граница системы и мира". Как правило, кожа представляет собой физическую границу системного мира. Однако понятие функциональной границы системы-мира - это гораздо более интересный вопрос, который, возможно, сложнее проанализировать. Приведем два примера. Используя концепцию "активного экстернализма", мы видели, как система может функционально расширяться за пределы своих физических границ, например, за счет временного образования сенсомоторных петель. Второй пример динамичной и функционально активной границы "я-мир", которая физически находится внутри системы, представляет

собой наша иммунная система. Иммунная система, действующая в нашем теле, постоянно занимается проведением и энергичной защитой границы "я-мир", например, уничтожая микробов или злокачественные клетки. Таким образом, она создает иммунологическую форму "внутренности" или "минности". Третье прочтение понятия "граница "я-мир"" - это, конечно же, феноменологическое прочтение. Интересно, что сознательная самореферентация, очевидно, является необходимым условием для возникновения эмпирической границы "я-мир" и для появления репрезентативного содержания более высокого порядка, такого как субъект-объектные отношения (см. раздел 6.5) или подлинно когнитивная самореференция (см. разделы 6.4.4 и 6.5.2).

Теперь нам доступен целый набор концептуальных ограничений, позволяющих ввести семантические различия между ментальной и феноменальной самореферентацией. Как вы помните, в главе 2 я представил уточненную версию оригинального критерия Баарса-Чалмерса "глобальной доступности". Это ограничение послужило первым и простым примером того, как многоуровневые ограничения могут быть применены к концепции ментальной репрезентации, чтобы получить самую первую рабочую концепцию феноменальной репрезентации. Позже мы увидели, что это ограничение на самом деле было семантически "обедненной" версией ограничения 3, глобальности феноменального содержания. Это оказалось формулировкой ограничения глобальности на функциональном уровне анализа. Теперь я снова воспользуюсь этой тройной концепцией глобальной доступности для внимания, познания и контроля поведения, *pars pro toto*, так сказать, чтобы прийти к предварительной концепции феноменальной самореферентации. Процедура точно такая же, как и в главе 2, только гораздо короче. В следующей главе я применяю второй набор многоуровневых ограничений, чтобы прийти к гораздо более богатому и

реалистичному понятию феноменального само моделирования.

Доступность внимания

Феноменальная саморепрезентация порождает содержание, которое может стать объектом аттенциональной обработки. Этот тип внимания эквивалентен понятию интроспекции³, которое мы сформировали в разделе 2.2, в терминах феноменального понятия "внутреннего внимания": феноменальная репрезентация внутреннего состояния системы, направляемая вниманием, интенциональное содержание которого теперь составляет часть мира, представленная как внутренняя. Очевидно, что существует по крайней мере два способа, которыми внимание может работать с активным саморепрезентатумом. Во время пассивных, ориентированных на процесс типов неселективной интроспекции³ - например, во время "внутренней" дневной грезы или без усилий и исключительно интроспективных типов медитации - мы обнаруживаем свободно блуждающее внутри внимание, так сказать, потому что феноменальное свойство агентности, исполнительного сознания, связанного с текущим аттенциональным процессом, отсутствует. Второй феноменологический класс состояний, связанный с переменным, но постоянно контролируемым фокусом сознательного опыта, не кажется спонтанно разворачивающимся, потому что он контролируется феноменальным агентом, субъектом внимания. В этих ситуациях мы сознательно переживаем себя как намеренно направляющих фокус внимания на наш разум или тело. Важной феноменальной характеристикой этого второго набора состояний является то, что они всегда сопровождаются субъективным ощущением усилия.

Внутренние аттенционные процессы, действующие на уже активную саморепрезентацию, формируют основу для самого базового и простого вида феноменальной субъективности. На вычислительном уровне мы ввели понятие "функциональной субъективности" в разделе 2.2. Субъективность в этом смысле - функциональное свойство информации, активной в системе, эквивалентное тому, что эта информация доступна системе только как содержание нефеноменального самопредставления, и в терминах уникально прямых причинно-следственных связей между этой информацией и аттенционными или когнитивными процессами высшего порядка, оперирующими с ней. Более интересное понятие "феноменальной субъективности" возникает, если такие связи являются связями с содержанием самосознания. Внутреннее внимание - простейшая форма феноменальной субъективности. Оно интроспективно³ представляет субъективную информацию таким образом, что не приводит ни к внешнему поведению ("феноменальная агентность"), ни к ментальной аппроксимации формирования понятий ("когнитивное самосознание"). Внимание, оперирующее субличностным саморепрезентатумом, порождает то, что философы называют дорефлексивным самосознанием. В последние годы становится все более очевидным, что полноценная феноменальная субъективность коренится в таких неконцептуальных формах самосознания (например, см. Bermúdez 1998; Metzinger 1993). Внимание, действующее на уже активный саморепрезентатум, порождает именно такую форму неконцептуального ментального содержания. Интересно, что существует также эпистемологическое прочтение функциональных понятий интроспекции¹ и интроспекции³, которым соответствуют феноменологические понятия феноменальной объективности ("эмпирическая внешность") и феноменальной субъективности ("эмпирическая внутренность"). Типы дорефлексивного эпистемического доступа и - в случаях, когда когнитивная доступность реализуется - типы концептуальной самореференции соответствуют двум различным

функциональным режимам презентации, в которых информация может быть доступна в рамках индивидуальной системы.

Когнитивная доступность

Я могу формировать мысли только о тех аспектах себя, которые даны мне на уровне самосознательного опыта. Назовем это "принципом когнитивной и феноменальной самореференции". Только информация, представленная на феноменальном уровне самопрезентации, может на более позднем этапе стать объектом явной когнитивной самореференции и тем самым инициировать процесс самонаправленного рассуждения. Если существует фундаментальный уровень сенсорного самосознания, который не доступен для когнитивного восприятия, то этот уровень информации представляет собой аспект меня самого, который я могу исследовать только в интроспективном внимании, так сказать, медитативным образом, но который никогда не сможет стать объектом подлинно концептообразующего когнитивного самопознания. Тогда это будет невыразимое содержание самопрезентации (см. раздел 5.4). Информация, данная через самопрезентацию, однако, может быть категоризирована и доступна для долговременной памяти. Это информация, которую можно классифицировать, переидентифицировать и сохранить. Это информация, составляющая основу автобиографической памяти. В той степени, в какой мы приближаемся к синтаксически структурированным формам ментальной саморепрезентации, нас можно назвать когнитивными агентами в классическом смысле. Феноменальная, саморепрезентативная информация - это именно та информация, которая позволяет сознательно инициировать формы самонаправленного мышления.

Самоинициированное, эксплицитное и самонаправленное познание может оперировать только содержанием уже существующей саморепрезентации. Если я хочу рассуждать о возможных свойствах самого себя или о свойствах, которыми я обладал в далеком прошлом, я могу сделать это только в том случае, если сознательно моделирую пример этих свойств сейчас. Именно этот вид гибридной, то есть непрозрачной и прозрачной, саморепрезентации можно назвать тем, что действительно преодолевает пропасть между субличным и личностным содержанием.

Доступность для контроля самостоятельных действий

Феноменальная, саморепрезентативная информация характеризуется тем, что позволяет реализовать особый класс высокоизбирательного поведения: действия, направленные на самого агента. Наша автономная нервная система постоянно обрабатывает большое количество информации, связанной с организмом, например, при регулировании пищеварения, температуры тела и нашего внутреннего химического профиля. Безусловно, это своего рода самопрезентация. Однако, поскольку значительная часть этой информации недоступна для контроля действий, такая форма самопрезентации не является феноменальной самопрезентацией. При одностороннем геминеглекте (см. разделы 4.2.2 и 7.2.1) пациенты, как правило, не могут перенаправить внимание на левую сторону тела. Это делает невозможными некоторые действия, направленные на себя, например, бритье левой стороны лица или мытье и одевание левой стороны тела. Как будто уменьшение феноменального содержания приводит к сжатию поведенческого пространства.

Мы уже видели, что готовность к управлению действием имеет много общего с сенсомоторной интеграцией, а также с гибким и разумным размыканием сенсомоторных контуров. Активация тех моторных репрезентаций и симуляций, которые предшествуют основным действиям, очевидно, является своего рода самопрезентацией. Интересно отметить, что любая моторная репрезентация (будь то прямая модель или проприоцептивная обратная связь) неизбежно является формой саморепрезентации. Моторная система обязательно является частью организма в целом. Вообще говоря, феноменальная информация - это информация, которая может быть непосредственно интегрирована в текущий процесс моторной саморепрезентации. Что превращает ментальные репрезентации текущих телесных движений в сознательный опыт? Можно ли применить критерий доступности для избирательного действия и прекращения действия к ментальной саморепрезентации в качестве действующего субъекта? Очевидно, что понятие "агентности" должно быть дифференцировано, и, похоже, мы нуждаемся в концепции саморепрезентации более высокого порядка (см. разделы 6.4.3, 6.4.4, 6.4.5). На данный момент я предлагаю следующее: Ментальная репрезентация текущего телесного движения, моторная саморепрезентация, является осознанной, если она может быть прекращена, то есть если система в целом может наложить вето не только на порождающий ее репрезентативный процесс, но и на его каузальное следствие, само открытое действие. Другими словами, на функциональном уровне описания осознанное действие - это именно то поведение, на которое можно наложить вето или прекратить его практически в любой момент. Феноменальная саморепрезентация себя как того, кто сейчас или в данный момент действует, делает содержание этой феноменальной репрезентации глобально доступным, например, для прекращения этого действия с помощью формы контроля более высокого порядка.

Применив наше первое функциональное ограничение глобальной доступности в качестве примера первого ограничения, мы можем теперь снова сформулировать предварительную, очень простую концепцию феноменальной саморепрезентации. В следующих двух разделах я развиваю эту предварительную рабочую концепцию дальше, в двух направлениях, постепенно обогащая ее содержанием. Однако следует сделать одно заключительное эпистемологическое замечание. Согласно исходным предположениям текущей теории, внутренние саморепрезентации, порождаемые физическими системами, обладают свойством, отделяющим их от всех элементов внутренней модели внешнего мира: в плане содержания они никогда не могут быть полностью пустыми. Помните, что мы исключили из предполагаемого класса систем не только муравейники и звездные облака, но и ангелов и других нефизических существ.

Вставка 5.3

Феноменальная саморепрезентация: S-RepP (ST, X, SR)

S - это индивидуальная система обработки информации.

ST - это система в целом, в соответствии с истинным телеофункционалистским описанием.

SR - это система как репрезентант, то есть подмножество тех свойств системы, которые в данный момент доступны для ее собственных репрезентативных возможностей.

X феноменально представляет SR для ST.

X - это физически внутреннее состояние системы, которое функционально определено как временное.

Интенциональное содержание X в настоящее время доступно для интроспекции³. Оно доступно в качестве репрезентанта для субсимволических процессов саморепрезентации более высокого порядка.

Интенциональное содержание X в настоящее время доступно для интроспекции⁴. Оно может стать доступным для когнитивной самореференции, то есть, в свою очередь, может стать репрезентантом символических процессов саморепрезентации более высокого порядка.

Интенциональное содержание X в настоящее время доступно для селективного управления самонаправленными действиями.

Тривиально, если внутренняя репрезентация самой системы существует, то в соответствии с фундаментальными предположениями любой натуралистической теории разума должна существовать и физическая система, которая ее породила. Я называю это "натуралистическим вариантом картезианского cogito". Патологические или систематически пустые саморепрезентации могут существовать (см. главу 7), но лежащее в их основе предположение о существовании никогда не будет ложным, поскольку должна существовать некая конструирующая система. Даже если я - мозг в чане или сон марсианина, с точки зрения телеофункционализма феноменальные саморепрезентации даны только в историческом контексте порождающей системы. Более слабые формы феноменального сознания, не имеющие истинного телеофункционалистского описания (поэтому не удовлетворяющие ограничению адаптивности; см. разделы 3.2.11 и 6.2.8), конечно, представляют собой интересные концептуальные возможности - например, при обсуждении машинной субъективности. Но даже для слабо самосознающей машины было бы оправданно предположить, что она обладает каким-то аппаратным

обеспечением. Все детали ее текущей сознательной саморепрезентации могут быть ложными, но базовое предположение о существовании всегда оправдано. Конечно, натурализм как таковой должен был бы отстаиваться этой машиной на независимых основаниях.

Ментальные и феноменальные модели внешнего мира, однако, всегда могут оказаться результатами полностью искаженных процессов или чистых, ненамеренных симуляций. В конечном счете, система не обладает никаким эпистемическим якорем в экстрадермальной реальности, не позволяющим ей ошибочно приписывать референциальный характер некоторым из своих внутренних состояний. Саморепрезентация, с другой стороны, в принципе обладает более высокой степенью эпистемической достоверности, и это современная натуралистическая формулировка картезианской интуиции об эпистемической прозрачности когнитивного субъекта для самого себя. В отличие от Декарта, который в восьмом параграфе "Второй медитации" обнаружил мысль неотделимой от эго, с точки зрения современной теоретической модели эго теперь само становится мыслью, особым видом ментальной репрезентации, функционально неотделимой от физической системы, непреднамеренно ее мыслящей. Именно эта система, например, центральная нервная система биологического организма, на самом деле является мыслящей. Она генерирует мысли в виде того, что я назвал в главе 3 феноменальными ментальными моделями. Однако, поскольку она не способна внутренне репрезентировать эти модели как модели (см. раздел 6.2.6), она не способна распознать свое феноменальное "я" - то есть ментальную модель *res cogitans* - как продукт своей собственной, продолжающейся внутренней репрезентативной динамики, но "путает себя" с содержанием этой модели. Это приводит нас к открытию фундаментальной эпистемической непрозрачности (не путать с феноменальной непрозрачностью), лежащей в основе генерации

феноменальной перспективы от первого лица (см. раздел 6.5), того, что я люблю называть "наивно-реалистическим самонепониманием", автоматически и сублично производимым само моделирующей физической системой. В следующей главе мы углубимся в этот основной вопрос. Однако на данном этапе необходимо указать на то, что саморепрезентация порождает более высокую степень эпистемической уверенности, чем репрезентация внешнего мира. Теперь давайте обратимся к логической структуре двух других вариантов самонаправленной обработки ментальной информации. К счастью, теперь мы можем быть еще более краткими, поскольку мы уже столкнулись с большинством существенных вопросов.

5.3 От ментальной к феноменальной самосимуляции: Самоподобие, автобиографическая память и конструирование будущего себя

Как и ментальные самопредставления, ментальные самосимуляторы являются вычислительными инструментами, используемыми человеческим мозгом. Эти инструменты используются биологическими системами для обработки как можно большего количества информации, имеющей отношение к репродуктивному успеху и выживанию, как можно более быстрым и эффективным способом. Однако самосимуляторы - это именно те инструменты, функция которых состоит в том, чтобы не достигать высокой степени ковариации с реальным состоянием системы. Их содержание формируют возможные "я". Функционально говоря, это состояния системы, которые могут быть активированы независимо от актуального, внутреннего входа и встроены в репрезентативные состояния, феноменально моделирующие возможные миры.

Однако интересно отметить одно конкретное исключение, формирующее дальнейшее феноменологическое

ограничение для любой убедительной теории самосимуляции: существуют ситуации, в которых феноменальные репрезентации возможного "я" накладываются на активную в данный момент модель реального мира. Например, пассивно наблюдая за действиями других игроков в футбольной игре, в которой вы не участвуете, вы можете постоянно накладывать возможные движения и сложные телесные действия себя на эту перцептивную сцену, которая все время феноменально переживается как в конечном счете реальная. То есть, похоже, существует интересный класс феноменальных самосимуляций, где возможные "я", так сказать, встраиваются не в возможные миры, а в то, что феноменально воспринимается как существующий мир. И, как всем известно, такие процессы (напоминающие РБД или эхопраксию) также могут выходить из-под контроля. Тем не менее, парадигматическим примером ментальной самосимуляции как преднамеренного создания контрфактических феноменальных "я" является, конечно же, их использование в качестве инструментов в когнитивных операциях. Они могут помочь системе в планировании собственного будущего, в оценке будущих, связанных с собой целевых состояний и в генерировании адекватных паттернов телесных действий. Самосимуляторы также появляются в качестве агентов во внутренних монологах, в фантазиях и дневных снах. Все эти случаи объединяет то, что они не только содержат воображаемые самосимуляторы, но и то, что репрезентация контрфактического "я" является лишь одним из компонентов всеобъемлющей, сложной ментальной симуляции возможного мира. На уровне феноменальной самосимуляции функциональной целью, очевидно, является глобальная доступность фактов о потенциальных состояниях системы относительно определенных ситуаций. Правдоподобно предположить, что ментальные операции, о которых идет речь, не управляются непосредственно проприоцептивным входом, а скорее, например, премоторной корой. Очевидно, что телесные события любого

рода могут вызывать процессы самостимуляции, но они не являются стимул-коррелированными процессами в узком смысле, как это было представлено ранее. Опять же, спонтанные фантазии, связанные с самим собой, часто возникают, когда тело отдыхает, занимается рутинной деятельностью, в ситуациях, когда нет необходимости фокусировать большое количество внимания на текущем состоянии тела или когда мы не направляем на него когнитивную обработку высокого уровня. Давайте вкратце рассмотрим новую концепцию ментальной самосимуляции. Отметим интересную особенность процесса самостимуляции. Связанные со стимулом качества сенсорного сознания - боль, чувство голода или головокружение, вызванное нарушениями в вестибулярном аппарате, - как правило, не могут участвовать в процессах самостимуляции (см. также следующий раздел). Очень трудно вызвать реальное болевое ощущение, или фундаментальный, презентирующий аспект голода, или головокружение только путем генерирования образов, связанных с собой. Опять же, исключения составляют все ситуации, в которых внутренние источники сигналов достаточной силы противостоят системе. Это может быть, например, в сновидениях или других типах галлюцинаций, связанных с самим собой. Однако несенсорные содержания ментальной саморепрезентации могут активироваться и независимо от стандартных конфигураций стимулов, а затем использоваться в ментальных операциях. Теперь они как бы не отслеживают текущее "я", а являются лишь возможным состоянием системы, неким подмножеством ее возможных аспектов или свойств. Их содержание лишь слабо коварирует с состоянием системы. Образы, связанные с собой, лишены качественного "сигнального аспекта", характерного для самопрезентаций (см. следующий раздел). Вычитая коррелирующий со стимулом компонент самопрезентации, мы подходим к тем аспектам содержания, связанного с системой, которые в принципе могут быть доступны в автономном режиме. Что касается возможных исключений, то в главе 2 мы отмечали,

что некоторые люди являются эйдетиками от рождения или натренировали свой мозг упражнениями по визуализации. Такие люди в непатологических ситуациях могут быть способны внутренне активировать полный презентационный аспект представления объекта, например, с закрытыми глазами представить клубнику "на самом деле" красной. Несомненно, существуют аналогичные случаи способности к феноменальной самосимуляции. Высокие прыгуны в воду или гимнасты могут быть способны фактически эмулировать эффекты вестибулярного воздействия в феноменальном образе тела, мысленно моделируя серию спиральных погружений, кувыркков или стремительных прыжков. Аналогичные соображения могут быть применимы и к кинестетическим качествам, активируемым одаренными танцорами, мысленно моделирующими возможные движения; как мы уже неоднократно отмечали, в очень сложной области феноменального опыта любые попытки провести абсолютные концептуальные линии опасны. Исключения будут существовать всегда.

Вставка 5.4

Ментальная самосимуляция: S-SimM (ST, X, SR)

S - это индивидуальная система обработки информации.

ST - это система в целом, обладающая истинно телеофункционалистским описанием.

SR - это контрфактическое состояние системы, доступное для ее собственных симуляционных возможностей.

X моделирует SR для ST.

X - это физически внутреннее состояние системы, которое функционально определено как временно-внешнее.

Интенциональное содержание X может стать доступным для интроспекции³. Оно обладает потенциалом стать репрезентантом субсимволических репрезентативных процессов высшего порядка.

Интенциональное содержание X может стать доступным для интроспекции⁴. Оно, в свою очередь, может стать репрезентантом символических репрезентативных процессов высшего порядка.

Интенциональное содержание X может стать глобально доступным для избирательного контроля действий.

Что делает продолжающуюся ментальную самосимуляцию феноменальной самосимуляцией? Давайте теперь применим наше первое стандартное ограничение для процесса осознанного опыта. Теперь мы видим, что каждая саморепрезентация одновременно является самосимуляцией, поскольку, с эпистемологической точки зрения, фактическое состояние системы представляет нам по крайней мере одно возможное состояние системы, то, в котором репрезентант SR действительно дан. С точки зрения, создаваемой только логической структурой, самосимуляция является более всеобъемлющим феноменом, тогда как саморепрезентация - лишь ограниченный частный случай. Саморепрезентанты - это такие самосимуляты, функция которых для системы состоит в том, чтобы приближенно представлять реальные свойства системы достаточно точным образом, используя адаптивную систему отсчета. Если мы включим в наше исследование генетическую перспективу, то саморепрезентация окажется более ранним феноменом, поскольку только воспринимая текущее состояние собственного тела, биологические организмы могли

постепенно развивать те модули в функциональной архитектуре своей нервной системы, которые на более позднем этапе могли быть использованы для нерепрезентативной автономной активации связанных с собой ментальных состояний. Мы снова обнаруживаем, как самовосприятие предшествовало аттенциональному и когнитивному самосознанию, как перцептивные феноменальные само модели были предшественниками коммуникативно структурированных феноменальных моделей системы (см. раздел 6.3.3), как неконцептуальная саморепрезентация формирует якорь для типов абстрактной самосимуляции более высокого порядка. Только если вы можете чувствовать себя, вы можете думать, только если вы можете чувствовать себя, вы можете видеть сны о себе и других (Cruse 1999).

Вставка 5.5

Феноменальная самосимуляция: S-SimP (ST, X, SR)

CP - это индивидуальная информационно-процессорная система.

ST - это система в целом, обладающая истинно телеофункционалистским описанием.

SR - это контрфактическое состояние системы, доступное для ее собственных симуляционных возможностей.

X моделирует SR для ST.

X - это физически внутреннее состояние системы, которое функционально определено как внешнее.

Интенциональное содержание X в настоящее время интроспективно³ доступно; то есть оно располагает к тому, чтобы стать репрезентантом субсимволических репрезентативных процессов высшего порядка.

Интенциональное содержание X в настоящее время интроспективно⁴ доступно для когнитивной самореференции; оно располагает к тому, чтобы стать репрезентандом символических репрезентативных процессов высшего порядка.

Интенциональное содержание X в настоящее время доступно для избирательного управления действием.

Позвольте мне кратко указать на важное феноменологическое различие. На функциональном уровне описания мы можем легко провести различие между намеренными и ненамеренными самосимуляциями. Есть два интересных феноменальных свойства высшего порядка, которые могут избирательно инстанцироваться в ходе феноменальных самосимуляций: "минимальность" и "агентность" (см. раздел 6.5). В непатологических ситуациях я всегда переживаю феноменальные самосимуляты как свои собственные состояния (однако, см. разделы 7.2.1 и 7.2.2). Миниатюрность - интересная форма феноменального содержания высшего порядка. Фантазируя о будущем себе, полностью погружаясь в дневной сон, связанный с воспоминаниями детства, или автоматически и внутренне разговаривая с собой, мы всегда переживаем эти спонтанные феноменальные самосимуляции как свои собственные. С другой стороны, когда мы сознательно работаем над разработкой плана будущей жизни, думаем об ошибках, допущенных в прошлой любовной жизни, или пытаемся создать в себе нагелевское объективное Я (Nagel 1986, глава 4), феноменальные самосимуляции сопровождаются дополнительным опытом агентности: Сознательно мы

переживаем такие самосимуляции как задуманные, как сознательно инициированные, как сопровождаемые чувством усилия и как выполненные нами самими.

Важно отметить, что феноменальные самосимуляции всегда разворачиваются на фоне стабильной и прозрачной феноменальной саморепрезентации, на фоне субъекта, переживаемого как реальный, как мыслящий, воображающий человек, тем не менее постоянно переживаемый как присутствующий в мире. Конечно, существуют девиантные и исключительные феноменальные конфигурации. В сновидениях, психических расстройствах и сложных галлюцинациях мы можем потерять себя, потому что в таких состояниях система, которой мы являемся, дает о себе знать только в виде полностью контрфактической самодеи, пустой самосимуляции. Один из отрезвляющих выводов, сделанных современной когнитивной нейробиологией, заключается в том, что эта критическая дистанция по отношению к нашим внутренним образам самих себя может быть полностью уничтожена простыми событиями на физическом уровне. Если мы теряем феноменальный якорь воплощения (см. следующий раздел) или уносимся в виртуальность чисто феноменальной самосимуляции, мы "теряем себя". Функционально говоря, наши собственные ментальные образы себя не являются нашими собственными образами себя.

Если мы применим ограничение прозрачности к процессу феноменальной саморепрезентации, формирующему фон, на котором могут быть запущены феноменально непрозрачные самосимуляции, мы снова столкнемся с возможностью того, что феноменальный опыт "симулятивного агента", системы, сознательно инициирующей и вызывающей феноменальные самосимуляции, может быть функционально адекватной фикцией, которую нельзя эпистемически обосновать. Обратите внимание, что это как раз может быть способом

предложить натуралистический анализ инсайта, лежащего в основе кантовской концепции трансцендентального единства апперцепции (см. также раздел 6.4.4).

Если интенциональное содержание феноменальной самосимуляции представлено как темпорально внешнее, как не лежащее внутри окна присутствия, уже функционально конституированного системой, оно будет переживаться как симуляция. Во всех остальных случаях она будет переживаться как саморепрезентация. И снова имеет место не только функционалистское, но и эпистемологическое и феноменологическое прочтение понятия "самосимуляция": То, что с функционалистской и эпистемологической точек зрения всегда является симуляцией, на феноменологическом уровне описания может предстать либо как саморепрезентация, либо как самосимуляция. В строго эпистемологической перспективе мы видим, что феноменальное самосознание ни в коем случае не вводит нас в прямой и непосредственный контакт с собой. Самопознание посредством самосимуляции всегда является приблизительным самопознанием, отступающим от реальной временной динамики, характеризующей систему с точки зрения ее реальных физических свойств. На уровне феноменальной саморепрезентации этот факт систематически вычеркивается из общей картины. Содержание некогнитивных форм сознания (может быть, за исключением некоторых эмоций) всегда характеризуется феноменальным качеством "данности", обусловленным их прозрачностью. Используя имеющиеся сегодня концептуальные инструменты "саморепрезентации" и "самосимуляции", мы можем избежать еще одного типичного варианта феноменологического заблуждения: заключения от феноменальной непосредственности саморепрезентации к эпистемической непосредственности или даже "прямой референции", связанной с сознательным самопознанием. В реальном мире не существует такой вещи, как прямая референция - все, что есть, это феноменально прямая

самореференция. Избежать соответствующего заблуждения можно, сохраняя различие между описательным и эпистемологическим контекстами употребления, тем самым соблюдая справедливость в отношении очевидного различия между феноменальным и эпистемически обоснованным содержанием.

При телеофункционалистском анализе феноменальной самосимуляции мы снова обнаруживаем, что таким существам, как мы, гораздо легче представить себе состояния и действия системы, которые способствуют нашему выживанию и деторождению; это знакомый нам момент о сексуальных и насильственных фантазиях. Итак, давайте, с точки зрения телеофункционализма, снова выделим три различных типа феноменальных самосимуляций: те, функция которых состоит в генерации глобально доступных и достаточно вероятных внутренних гипотез об актуальном состоянии системы (феноменальная саморепрезентация); те, функция которых состоит в генерации глобально доступных образов и пространственных портретов возможных состояний системы в действии, в частности с учетом ограничений, задаваемых ее поведенческим пространством (напр, Живописная саморепрезентация и системные образы, перспективные модели тела и пространственные рассуждения при планировании моторного поведения и т.д.); и, редко, феноменальные самосимуляции системы как мыслящего субъекта. Способность феноменально моделировать себя как мыслящего субъекта, то есть как систему, обладающую рациональными убеждениями, знаниями и целями, как я утверждаю, была важнейшим строительным блоком для социального познания, то есть для развития культуры и сложных обществ. Именно этот особый вид глобально доступного репрезентативного содержания привел к сознательной интерсубъективности. Он также привел к тому, что мне нравится называть ментальной репрезентацией "первого лица множественного числа" (см. раздел 6.3.3). Только на этом относительно богатом и

сложном уровне ментального содержания может возникнуть феноменальная множественная перспектива первого лица, как в сознательном опыте взгляда в глаза другого человека и внезапного ощущения, что мы понимаем друг друга прямо сейчас.

Интересно, что все, что я сказал о возможной функции сознательного опыта в разделе 2.3 - в терминах гипотезы нулевого мира, - теперь применимо и к функции прозрачного раздела феноменального "я". Не единственным, но, безусловно, центральным эволюционно значимым свойством взаимодействия между саморепрезентацией и самосимуляцией является то, что оно позволяет оценить расстояние между двумя внутренними репрезентациями состояний самой системы. Чтобы когнитивная система не заблудилась в собственных самосимуляциях, ей необходим надежный якорь на уровне саморепрезентации. Моя гипотеза состоит в том, что феноменальный вариант саморепрезентации создает именно тот якорь и тот непередаваемый фон, на котором можно анализировать и сравнивать расстояние между разными моделями себя и разные пути от одной возможной модели себя к другой. Для того чтобы быть биологически адаптивной, одна из двух активных системных репрезентаций должна быть определена как актуальная, как реальная. Я не буду повторять все, что было сказано в разделе 2.3, а просто повторяю эту гипотезу в виде особого нового варианта - "гипотезы нулевого Я". Важным фактором, делающим содержание текущей саморепрезентации функциональным якорем и референтной основой для сопутствующих феноменальных самосимуляций, является то, что, в отличие от феноменальных самосимуляций, оно не только прозрачно, но и изображается как присутствующее (см. разделы 6.2.2 и 6.2.6).

5.4 От ментальной к феноменальной самопрезентации: Воплощение и непосредственность

К настоящему моменту уже более чем очевидно, какими будут два последних инструмента из набора двенадцати разработанных мною простых концептуальных инструментов: ментальная самопрезентация и феноменальная самопрезентация. И снова анализ, предложенный в главе 2, будет в значительной степени применим к этому особому случаю. Однако здесь нам не придется совершать еще один длинный обходной маневр, касающийся невыразимости и когнитивной недоступности простого феноменального содержания. Очевидно, что одна из прелестей человеческой разновидности телесного самосознания состоит в том, что его содержание в значительной степени невыразимо. Все, что я сказал, например, о понятиях "квалиа" Льюиса, "квалиа" Раффмана и "квалиа" Метцингера в разделе 2.4 главы 2, теперь также применимо. Будут существовать как категоризируемые формы телесных ощущений, так и тонкие, невыразимые, "оттенки" и нюансы во множестве способов, которыми мы воспринимаем свое собственное тело изнутри. Также могут существовать формы простого телесного самосознания, которые настолько мимолетны, что не только недоступны для познания и перцептивной памяти, но даже для самонаправленных действий. Это первый набор феноменологических ограничений для каждой будущей теории.

Однако методологические трудности могут оказаться более значительными. Для внутренне генерируемых стимулов будет гораздо сложнее сделать разницу между доступностью внимания и доступностью когнитивных способностей эмпирически достижимой характеристикой. Какого рода эмпирические эксперименты мы могли бы использовать для точного определения дискриминационных способностей,

действующих на висцеральную самопрезентацию, или на тонкости диффузного эмоционального самоощущения, связанного с легкими колебаниями уровня гормонов, или на тончайшие оттенки восприятия движения в проприоцептивном сознании? Я не говорю, что такие эксперименты невозможны. Но мне трудно представить себе стратегию, работающую с той же степенью надежности, которую мы, например, наблюдаем в научных исследованиях осознанного восприятия цвета или в психофизике в целом. Как сделать квалиа Раффмана и Метцингера, составляющие дорефлективное телесное самосознание во всем его богатстве и неуловимой тонкости, объектом строгой, эмпирической исследовательской стратегии? Тем не менее, кажется достаточно правдоподобным предположить, что очень важный компонент человеческого самосознания образуется специфической формой или подмножеством неконцептуального содержания, которое само строго соотносится исключительно с внутренними стимулами и лишь в редких случаях доступно для категориального восприятия, формирования понятий и памяти. Можно предположить, что все, что было сказано о квалиа Льюиса, квалиа Раффмана и квалиа Метцингера в разделе 2.4.4, будет применимо и к телесному самоощущению.

Первоначальный вопрос остается открытым: Если мы вычтем феноменальное содержание данной самосимуляции из идентичной саморепрезентации, с каким компонентом содержания мы останемся? Мы видели, что телеофункционалистское и эпистемологическое использование понятия "саморепрезентация" может быть сведено к понятию "самосимуляция". Саморепрезентации, в обоих этих прочтениях, являются подклассом самосимуляций. Однако на феноменологическом уровне описания саморепрезентация образует отдельный класс переживаний, противоположный феноменальной самосимуляции. Что же представляют собой элементарные сенсорные компоненты, которые в своем специфическом

качественном характере могут возникнуть только в результате непосредственного сенсорного контакта с собственным телом? Это те состояния, функция которых состоит в том, чтобы постоянно сигнализировать системе в целом о реальном присутствии тела (или определенных его аспектов).

Вставка 5.6

Психическая самопрезентация: S-PreM (ST, X, SP)

S - это индивидуальная система обработки информации.

ST - это система в целом, в соответствии с истинным телеофункционалистским описанием.

SP - это система как presentandum, то есть аспект текущего состояния системы, доступный для ее собственных презентационных возможностей.

X представляет SP для ST

X - это физически внутреннее состояние системы, строго коррелирующее с внутренними стимулами.

Интенциональное содержание X может стать доступным для интроспекции³. Оно обладает потенциалом стать репрезентантом субсимволических процессов саморепрезентации более высокого порядка.

Интенциональное содержание X не может стать доступным для интроспекции⁴. Оно недоступно в качестве

репрезентанта символических саморепрезентативных процессов высшего порядка.

Интенциональное содержание X может стать доступным для избирательного контроля действий.

Мы уже видели, что содержание самопрезентации обычно является неконцептуальным, когнитивно недоступным и, следовательно, субдоксальным содержанием. Оно также является индексальным содержанием в двух интересных отношениях. Во-первых, во всех феноменальных контекстах оно постоянно указывает на предмет опыта (возможное исключение см. в разделе 7.2.3), на саму сознательную систему; во-вторых, если это феноменальная форма самопрезентации, то она обладает уже упомянутым характером *de nunc*. Она указывает на феноменальное Сейчас, неизменно удовлетворяя ограничению презентативности, сформулированному в конце главы 2 и в разделе 3.2.2. Однако на данном этапе нашего исследования неясно, корректно ли говорить, что содержание самопрезентации "привязано к перспективе первого лица". Оно, конечно, помогает формировать перспективу первого лица, но пока неясно, может ли оно само стать объектом перспективного опыта более высокого порядка (см. главу 6). Это узкая форма содержания, надзирающая только над внутренними фактами, и она функционально обоснована в физических границах самой системы. Давайте еще раз, *paris pro toto*, обогатим это понятие тремя стандартными ограничениями.

Вставка 5.7

Феноменальная самопрезентация: S-PreP (ST, X, SP)

S - это индивидуальная информационно-процессорная система.

ST - это система в целом, в соответствии с истинным телеофункционалистским описанием.

SP - это система как *presentandum*, то есть аспект текущего состояния системы, доступный для ее собственных презентационных возможностей.

X представляет SP для ST.

X - это функционально внутреннее состояние системы, строго коррелирующее с внутренними стимулами.

Интенциональное содержание X в настоящее время интроспективно³ доступно для внутреннего внимания. Оно располагает к тому, чтобы стать репрезентантом субсимволических саморепрезентативных процессов высшего порядка.

Интенциональное содержание X в настоящее время не является интроспективно⁴ доступным для когнитивной референции. Оно недоступно в качестве репрезентанта символических процессов саморепрезентации высшего порядка.

Интенциональное содержание X в настоящее время доступно для избирательного управления действием.

Сознательный контент самопрезентации интересен по целому ряду причин. Оно генерирует неконцептуальное знание о присутствии и текущем состоянии собственного тела. Это знание не является эпизодическим, оно постоянно (пока мы в сознании), но в больших порциях доступно только

для самонаправленного внимания и самонаправленного действия. Если мы готовы оперировать узкой концепцией знания, требующей пропозициональных и концептуальных форматов для ментальной репрезентации, мы могли бы (снова ссылаясь на Dretske 1969) назвать непрерывный процесс феноменальной самопрезентации "неэпистемическим чувством". Ментальная самопрезентация, рассматриваемая как процесс, который может быть как сознательным, так и бессознательным, является наиболее фундаментальной формой знания о себе, наиболее базовой формой внутренней самоотнесенности. На функциональном уровне генерация самопрезентации позволяет системе ощущать себя с помощью самогенерируемого внутреннего состояния, активной в данный момент самопрезентации.

Самопрезентации бывают разных форматов. Как отмечает Холк Крузе (1999, с. 167), тактильная самопрезентация может иметь особое значение для создания границы "я-мир". Наше тактильное чувство, если оно направлено на собственное тело, является единственной сенсорной модальностью, позволяющей коррелировать и одновременно стимулировать его. Оно также обладает тонким аффективным тоном. В отличие, например, от ощущения температуры или висцерального самоощущения, оно помогает создать точную пространственную систему отсчета и детерминированную границу для сознательно переживаемого "я" (Cooney 1979, p. 22). Очевидно, что для человека также существует множество способов, с помощью которых мы бессознательно, но постоянно ощущаем себя (как могут заметить некоторые читатели, такой способ изложения связан с концепцией Антонио Дамасио о бессознательном "прото-самом"; см. Дамасио 1999). На досознательном, чисто функциональном уровне самопрезентации мы находим целый ряд внутренних преобразователей, внутренних органов чувств, трансформирующих физически внутренние события в границах системы в события, которые затем представляются

как внутренние. Будучи представленными как внутренние, они приобретают потенциал интеграции в поведенческое пространство организма. Информация об этих событиях теперь может стать доступной для процессов отбора, управляющих самонаправленным поведением. Поскольку функциональная интернальность не тождественна феноменальной интернальности, это может быть не обязательно так. Легко представить себе конфигурации, в которых внутренне сгенерированное содержание самопрезентации - вот два примера: неприятное ощущение, вызванное протрузией диска, или неосознанное раздражение кишечника - на феноменальном уровне интегрируется в сознательный опыт другого человека, в феноменальную модель человека как внешнего. Тогда мы прозрачно переживаем этого другого человека как нечто "неприятное" или "раздражающее" и, вероятно, ищем объяснение на когнитивном уровне.

Если мы перейдем на подлинно феноменальный уровень самопрезентации, введя дополнительные ограничения (например, глобальную доступность для внимания и контроля действий), то столкнемся с рядом сложных вопросов: Является ли содержание самопрезентации, как и содержание презентации, модально-специфическим? Имеет ли смысл называть элементарный феноменальный образ тела супрамодалной или мультимодальной репрезентативной сущностью? Как мы придем к консенсусу, если наши феноменологические описания телесного самоощущения окажутся противоречивыми? При обсуждении функциональных свойств, приводящих к ограничению глобальности, в разделе 3.2.3 мы столкнулись с понятием "каузальной плотности". Самопрезентационное содержание может быть той частью нашей сознательной модели реальности, которая (с точки зрения "свойств машины") характеризуется наивысшей степенью каузальной плотности и которая (с точки зрения ее "свойств содержания") характеризуется наивысшей и наиболее

надежной степенью ковариации с определенными физическими свойствами системы, которую она постоянно отслеживает и контролирует. Если мы рассмотрим телесное сознание в целом, то обнаружим две поразительные особенности: Во-первых, телесное самовосприятие кажется единственным видом сенсорного восприятия, которое постоянно обладает только одним и тем же объектом (см. философское понятие "единственно-объектного взгляда" на телесное самосознание, введенное Мартином 1995, с. 273). Во-вторых, количество interoцепторов и внутренних преобразователей гораздо выше, чем в любой другой сенсорной модальности. Большое количество тактильных механорецепторов и проприоцепторов, ноцицепторов, лежащих в основе болевых ощущений, висцеральных рецепторов и активности вестибулярного аппарата, а также целый ряд специфических ядер ствола мозга (подробнее об их функциональной нейроанатомии см. в Parvizi and Damasio 2001), постоянно сигнализирующие организму о состоянии внутренней химической среды, вносят свой вклад в презентативный аспект сознательного восприятия собственного тела (Damasio 1999, глава 8; Damasio 2000). Марсель Кинсборн назвал иллюстративную концепцию "фоновым "гулом" соматосенсорного ввода" (см. Kinsbourne 1995, p. 217), которая указывает на один из важных аспектов этой ситуации. Однако важно понимать, что этот процесс - не просто восходящий поток, а тот, который задает стабильный функциональный контекст, связывая модуляцию корковой активности с конечной физиологической целью - гомеостатической стабильностью (Parvizi and Damasio 2001, p. 152). Этот контекст является исключительно внутренним. Он подчиняет даже "высшие" (например, когнитивные) формы обработки информации цели биологического самосохранения. Телесное самосознание, как феноменологически, так и функционально, является важнейшим источником инвариантности, которым обладают человеческие существа.

Ретикулярные ядра ствола мозга - центральный аспект функционального и физического закрепления сознательного "я". Серое вещество ствола мозга, включая область, традиционно называемую ретикулярной формацией, организовано в ядра. Ядро - это трехмерное скопление нейронов, которое обычно расположено параллельно длинной оси ствола мозга. Существует два набора ядер, один на правой, другой на левой стороне ствола мозга. Здесь показано только собрание ядер с одной стороны ствола мозга. Как показано на рисунке, каждое ядро имеет свое собственное идиосинкразическое расположение в стволе мозга. Некоторые из них простираются по всему стволу мозга (например, сенсорное тройничное ядро, 5s), в то время как другие (например, *area postrema*, AP) занимают небольшую область и простираются всего на несколько миллиметров или меньше. Размер и форма колонок, как показано здесь, отражают относительную площадь ствола мозга, занимаемую ядром. Например, размер ядра рапы варьирует в зависимости от каудоростральной протяженности ствола мозга. Наибольший размер оно имеет на стыке между понами и продолговатым мозгом или между понами и средним мозгом. Наименьший размер ядра наблюдается на уровне нижних отделов ствола. Сокращения: 3 - глазодвигательный; 4 - трохлеарный; 5 - тройничный двигательный; 6 - абдукционный; 7 - лицевой; 8 - вестибулохолеарный; 12 - гипоглоссус; Amb - *ambiguus*; CU & GR - клиновидный и грацильный; CUN/DMN - клиновидный и глубокий мезенцефалический; DMV, дорсальное моторное ядро вагуса; DRN, дорсальный медулярный ретикулярный комплекс, включая область *subnucleus reticularis dorsalis*; GC, *gigantocellularis*; ICol, *inferior colliculus*; Int, *intercollicular*; LC, *locus caeruleus*; LDT, *laterodorsal tegmental nucleus*; NTS, *nucleus tractus solitarius*; OLIVE, *olivary complex*; PAG, *periaqueductal gray matter*; PBN, *parabrachial*; PC, *parvocellular*; PG, *paragigantocellular*; PoC, *pontis caudalis*; PoO, *pontis oralis*; PPTg, *pedunculopontine tegmental nucleus*; RN, *red nucleus*;

SCol, superior colliculus; SN-pc, substantia nigra pars compacta, SN pr, substantia nigra pars reticulata; TG, sensory trigeminal nucleus; VRN, ventral reticular complex. (Адаптировано из Parvizi and Damasio 2001, p. 143.)

В результате направленной на тело обработки внимания на этом фоне возникают "островки" повышенного доконцептуального самосознания. Тривиально, когда возникает феноменальное самосознание, тело тоже существует. Тело - единственный перцептивный объект, который постоянно дан. На философском уровне анализа наиболее актуальным вопросом является демонстрация того, как переживаемый объект должен переживаться субъектом как он сам (Martin 1995, p. 283; см. раздел 6.2.6). На нейрокомпьютерном уровне это является важным источником не только инвариантности, но и функциональной стабильности системы, что в конечном итоге приводит к тому, что мы сознательно переживаем как центрированность феноменального пространства. Интересно, что существуют формы самосознания, в которых полностью отсутствует телесное осознание - "картезианские конфигурации" (см., в частности, раздел 7.2.2, а также 7.2.3.2). Важно также отметить, что в непатологических конфигурациях телесное самоощущение часто полностью отступает на задний план феноменального опыта. Оно будет доступно для внимания, но часто вообще не будет присутствовать. Очевидно, что, поскольку феноменальная самопрезентация представляет собой наиболее инвариантную форму феноменального содержания, она часто будет почти неявной формой содержания, выраженной лишь в виде едва заметного фонового присутствия. Кажется, можно с уверенностью сказать, что феноменальное восприятие тела в любой момент времени представляет собой интегрированное феноменальное целое, как и другие

мультимодальные восприятия, возникающие при сенсорном восприятии внешнего мира (Metzinger 1995c). Это то, что мы назвали феноменальной ментальной моделью.

Интроспективное внимание, однако, будет способно различать различные аспекты презентативного содержания, которые интегрированы в это целое. Этот вид интроспективного опыта соответствует понятию интроспекции³ (субсимволической метарепрезентации, оперирующей с уже существующей и согласованной Я-моделью), введенному в главе 2. Опять же, интроспективно различаемое содержание самопрезентации характеризуется репрезентативной атомарностью, а потому предстает как гомогенное и непосредственно данное. Пожалуй, парадигматическим примером гомогенности является внутреннее ощущение собственного тела. Феноменальная interoцепция действительно является сверхгладкой.

Процесс самопрезентации реализует уникальное функциональное свойство, имеющее большое теоретическое значение для понимания того, как феноменальное "я" может быть центром нашей сознательной модели мира (см. разделы 6.5 и 6.3.1): Самопрезентационное содержание реализует устойчивую функциональную связь, которая непрерывно закрепляет репрезентационный аппарат (а значит, и его содержание) в физической основе системы. Персистентность не исключает динамической структуры. Важно отметить, насколько тонко проработаны микрофункциональные свойства, способствующие феноменальному воплощению, у человека (и, вероятно, у многих других животных). Важный и инвариантный компонент физического коррелята этой части Я-модели образуют нейрогематические органы.

Нейрогематические органы - это те области мозга, где он находится в непосредственном причинно-следственном контакте с молекулярной динамикой жидкостей организма, с уровнем гормонов, временной эволюцией количественных соотношений между различными передатчиками и так далее. Огромная тонкость и богатство невыразимых нюансов,

связанных с самопрезентацией человека, берут начало в тонкости и богатстве физического мира, в низкоуровневых процессах биохимической самоорганизации. Эти совершенно бессубъектные, но самостабилизирующиеся процессы постоянно модулируют внутренний информационный поток, лежащий в основе сознательной Я-модели. Интересно отметить, что все нынешние технологические попытки создания по-настоящему воплощенных искусственных агентов, например, в робототехнике, на много порядков гранулярности удалены от того решения, которое давно нашла мать-природа на пути к физически реализованной субъективности.

В живой, эволюционирующей системе нечто подобное абсолютной инвариантности никогда не существует. Однако репрезентативные структуры, порождающие самосознание, отличаются от всех других феноменальных репрезентаций тем, что обладают устойчивым ядром самопрезентации. Оно создает в высшей степени неизменяемую форму содержания, глобально доступную для внимания и действия, в свою очередь порождая феноменальный опыт уверенности в собственном существовании: Я существую, потому что я чувствую себя. Если это так, то я готов предсказать, что эмпирические субъекты, совершенно неспособные ощутить себя через глобально доступное самопрезентационное содержание, могут на когнитивном уровне прийти к неизбежному выводу, что на самом деле они не существуют (см. раздел 7.2.2). Эта устойчивая функциональная связь является одной из определяющих характеристик концепции феноменальной Я-модели, к которой мы обратимся в следующей главе. Позвольте заметить, что это может быть именно та каузальная связь между разумом и телом, которую философы интуитивно искали на протяжении веков. Если метафорически интерпретировать сознательную самомодель системы как ее "душу", то это то место, где душа наиболее тесно связана с телом. Это не шишковидная железа Декарта, а скорее верхняя часть ствола мозга и гипоталамус. Конечно,

с точки зрения третьего лица объективные психофизические корреляции - это нечто гораздо более запутанное и сложное (см. Metzinger 2000a,b). И НСС феноменального "я" очень сильно распределена. Однако структура, которую я описал как самопрезентацию, является каузальным якорем феноменального "я" в человеческом мозге. Ее содержательные свойства тесно связаны с ее каузальными свойствами благодаря стабильности, достигаемой элементарной биорегуляторной динамикой, из которой она вырастает.

Важные аспекты устойчивой причинно-следственной связи, создаваемой непрерывным источником внутренних входных сигналов: афферентами к ретикулярным ядрам ствола мозга. Ретикулярные ядра ствола мозга получают афференты из различных источников. Состояние организма отображается в его многочисленных измерениях входящими афферентами, сигнализирующими о текущем состоянии внутренней среды и внутренних органов, включая афференты от ламины I спинного мозга (пунктирные линии), а также вестибулярной системы и опорно-двигательного каркаса (пунктирные линии). Также имеются афференты из более глубоких зон спинного мозга, передающие сигналы о происходящих изменениях в состоянии организма при взаимодействии с объектом (пунктирные линии). Сплошные линии обозначают локальные связи в ядрах ствола мозга. Сокращения см. на рисунке (Адаптировано из Parvizi and Damasio 2001, p. 148).

В разделе 3.2.7 мы обсудили понятие "феноменальной прозрачности", а в разделе 6.2.6 главы 6 мы применим уже разработанные концептуальные инструменты к идее сознательной саморепрезентации. Один из центрально важных аспектов феноменальной прозрачности - неспособность данной системы ощущать, то есть сознательно

представлять, различие между транспортным средством и содержимым с точки зрения первого лица. Прозрачность создает иллюзию наивного реализма: невозможность признать самогенерируемое представление как представление. На данном этапе нашего исследования важно обратить внимание на то, что существуют также важные свойства человеческой Я-модели, для которых различие транспортного средства и содержания не может быть интересно проведено, но на концептуальном уровне и с позиции третьего лица. Устойчивая функциональная связь, закрепляющая нашу саморепрезентацию в мозге, является парадигматическим примером такого свойства: При разработке адекватной, всеобъемлющей теории об этой связи мы должны перейти от репрезентативного к функциональному уровню описания. На этом уровне сознательное "я" должно быть понято как нечто, полностью интегрированное в каузальную сеть, составляющую физический мир. Иными словами, существует не только репрезентативная, но и функциональная Я-модель. Многие важные свойства, определяющие сознательный опыт воплощения, являются не свойствами содержания, а каузальными свойствами. Существует уровень элементарной биорегуляции, возможно, уровень молекулярного уровня, биохимической самоорганизации, на котором просто необходимо - с концептуальной точки зрения от третьего лица - поддерживать различие между содержанием и средством. На этом уровне разум закреплен в жизни, самопрезентацию лучше называть саморегуляцией, и гораздо плодотворнее говорить о функциональном самосохранении или физической самоорганизации, чем о ментальной самопрезентации или самосимуляции. К сожалению, сегодня этот вопрос трудно решить. Как только появится больше эмпирических данных, перед философией встанет задача демаркации более тонкого уровня описания, на котором можно будет предположить полное соответствие между содержанием и каузальной ролью, то есть тождество средства и содержания. На этом уровне мы можем достичь более

глубокого понимания разницы между переживанием себя как воплощенного и тем, чтобы быть воплощенным. Естественной отправной точкой для такого рода исследований является самопрезентационное содержание.³

В этом контексте также интересно отметить, что есть одна решающая часть нашего тела, которая слепа в самовосприятии. Эта часть - сам мозг. Он вообще не обладает никакими самонаправляемыми сенсорными механизмами. Например, из нейрохирургических операций, проведенных на пациентах в сознании, мы знаем, что он нечувствителен к боли. Тело может ощущать себя с помощью мозга, но мозг не способен непосредственно ощущать себя. Это так называемая слепая зона самопрезентации. Как носитель информации он функционально прозрачен для организма, который он поддерживает, например, в функциональном присвоении и владении собой с помощью сознательной самопрезентации. Таким образом, самопрезентационный контент надежно закреплен в медиуме, который никогда не вмешивается в порождение этого контента как такового, поскольку он никогда не может стать интенциональным объектом порождаемой им презентационной динамики.

Вспомните, пожалуйста, что я представил презентационное содержание как содержание неконцептуального индикатора. Самопрезентационное содержание - это содержание постоянно активного аналогового индикатора, указывающего прямо на физическую основу репрезентативной системы в любом данном контексте, тем самым однозначно определяя, кто является агентом, кто является владельцем телесных ощущений, кто является репрезентативной системой, а кто - переживающим субъектом. С первых мгновений пробуждения и до последнего мерцания угасающего сознания ночью мы всегда являемся воплощенными эмпирическими субъектами, поскольку постоянный источник внутренних сигналов, составляющих основу

телесного сознания, непрерывно активен. Функционально говоря, набор микрофункциональных свойств, реализуемых минимально достаточным нейронным коррелятом сознательного самопрезентационного содержания, не будет полностью неизменным. Конечно, телесный опыт и наша способность ощущать себя могут, например, претерпевать значительные изменения в течение жизни, но он все равно будет иметь самую высокую силу внутренней корреляции по сравнению со всеми другими релевантными наборами микрофункциональных свойств - по крайней мере, это одно эмпирическое предсказание, вытекающее из моего анализа. В терминах "гипотезы динамического ядра" Тонони и Эдельмана утверждается, что существует один и ровно один динамический субкластер с CI-значением выше, чем у общего динамического ядра. Феноменологически говоря, этот обнадеживающий, в высшей степени инвариантный источник связанной с телом "реальности" приводит к феноменальному качеству уверенности в себе, интуитивной уверенности в согласованности, присутствию и стабильности элементарных биорегуляторных процессов и тела в целом. Соответственно, любые нарушения в базовых нейронных функциях переживаются как особо угрожающие (примеры см. в разделах 7.2.2 и 7.2.3).

Однако с эпистемологической точки зрения субъективный опыт уверенности, переносимый таким феноменальным содержанием, необоснован. Как мы видели, феноменальное содержание зависит от внутренних и актуальных свойств человеческого мозга. Поэтому развоплощенный мозг в чане, в принципе, мог бы реализовать точно такую же степень эмпирической уверенности, как и наш обычный сознательный опыт воплощения. Минимально достаточный нейронный коррелят телесного сознания мог бы существовать, не выполняя никакой функции для системы (потому что системы не было), а порождаемое им индексальное, неконцептуальное содержание могло бы указывать "в никуда" (потому что не было бы расширенной

физической основы, "на которую" оно могло бы указывать). Тогда феноменальная самопрезентация обладала бы качественным характером, но не имела бы интенционального содержания. Если бы его информационный поток был смоделирован в искусственной системе, полученное феноменальное содержание было бы лишь слабо осознанным, поскольку оно не удовлетворяло бы ограничению адаптивности, сформулированному в разделе 2.3.11 (см. также раздел 6.2.8).

В главах 2 и 3 мы столкнулись с феноменальным качеством "мгновенности". Для презентативного содержания, в частности, верно то, что процесс, посредством которого оно активизируется, и временные аспекты его каузальной истории не подвергаются феноменальному моделированию. На феноменальном уровне обработки это приводит к такому виду ментального содержания, которое переживается как темпорально непосредственное, как просто данное прямым, мгновенным образом. Это, в свою очередь, приводит к прозрачности феноменальных репрезентатов, которые мы уже использовали в качестве центрального важного концептуального ограничения в разделе 3.2.7.

Феноменальная мгновенность, непосредственность и прозрачность ведут к неявному эпистемологическому допущению, а именно к наивному реализму. Интересно - и максимально теоретически релевантно - теперь применить эти соображения и к сознательно переживаемому самопрезентационному содержанию.

Феноменологически ощущение своего тела не кажется процессом, требующим времени. Направление нашего интроспективного внимания на конкретные качества телесного опыта может занимать определенное время, но преаттентивный опыт, безусловно, представляет их как немедленно данные. Содержание самопрезентации прозрачно: Мы не знаем, в какой среде оно активизируется и

какой внутренний носитель его несет; мы просто "смотрим в свое тело". Как агенты, мы живем своим телом. Самопрезентационное содержание подобно окну, через которое мы смотрим на внутреннюю динамику нашего собственного тела, но никогда не видим стекла самого окна. Этот тип репрезентативного отношения можно интересно описать как мерологическое отношение на уровне функционального анализа: Часть организма - "окно", в основном реализуемое структурами в стволе мозга и гипоталамусе (см., например, Parvizi and Damasio 2001) - функционирует как эпистемический инструмент для системы в целом в получении неконцептуального знания о себе. Временная непосредственность приводит к тому типу феноменальной уверенности в существовании собственного тела, который я только что описал. Поэтому мы обязательно попадаем в ловушку наивного реализма и в отношении присутствия собственного тела. Как обычно, феноменальная непосредственность не подразумевает эпистемического обоснования. Вера в то, что наше собственное тело действительно существует, не может быть оправдана внутренней доступностью феноменального самопрезентационного содержания. Если мы являемся мозгом в чане, это убеждение может быть ложным, в то время как идентичная форма феноменального самопрезентационного содержания активна. Интересно, что какая-то репрезентативная система должна существовать в соответствии с нашим исходным предположением о натурализованном картезианском *cogito*. Наши конкретные содержания убеждений о наличии и существовании наших собственных тел всегда могут быть ложными. Должная функция саморепрезентативного содержания (например, указание на текущее присутствие собственного тела для организма) может больше не реализовываться, *presentandum* может отсутствовать, но более обобщенное предположение о существовании все равно будет оправдано. Вопрос только в том, как мозг в чане может найти независимые теоретические аргументы, оправдывающие это

предположение. Как можно быть реалистом, не будучи воплощенным членом научного сообщества? Мы вернемся к философской проблеме иммунитета к неудаче ошибочной идентификации в главе 8.

Теперь мы гораздо яснее понимаем различные понятия "интроспекции" и "субъективности", которые были введены в главе 2. Кроме того, мы увидели, как три различные версии понятий "глобальная доступность" и "презентативное содержание" могут быть с пользой применены к специальной проблеме самосознания. Мы также завершили наш первоначальный набор простых концептуальных инструментов, введя саморепрезентацию, самосимуляцию и самопрезентацию, каждую в менталистическом и феноменалистическом варианте. Наш набор инструментов завершен. Таким образом, мы приближаемся к стадии, когда можно начать давать более конкретные ответы на наш основной вопрос о возможном репрезентационистском анализе не только сознания как такового, но и феноменальной самости и перспективы первого лица. Чтобы избежать пустой, искусственной схоластики, нам необходимо более глубокое понимание механизмов, с помощью которых информационно-процессорная система может генерировать подобные структуры. Нам нужно взглянуть на репрезентативную глубинную структуру самосознания и феноменальной перспективы от первого лица. Теперь необходимо более глубокое понимание конкретного нейрокompьютерного инструмента, способного интегрировать все три функции, которые я концептуально описал как самопрезентация, самосимуляция и самопрезентация, фактического инструмента, позволяющего человеческому мозгу транзитивно генерировать подлинное, феноменальное "я". Мы должны сформировать рабочую концепцию особого виртуального органа - феноменальной Я-модели. В следующей главе я представлю две очень интересные теоретические сущности: феноменальную Я-

модель и феноменальную модель отношения интенциональности.

Глава 6. Репрезентативная глубинная структура феноменальной перспективы от первого лица

6.1 Что такое феноменальная самомодель?

В главе 3 я представил рабочее понятие феноменальной ментальной модели. Мой первый шаг в этой главе - введение гипотетического понятия феноменальной самомодели (ФСМ). Для этого я снова, но уже кратко, обогащу это новое понятие специализированными версиями ограничений, уже встречавшихся в главе 3. Начиная с раздела 6.5 и далее я буду исследовать, как ПСМ, интегрированная в еще более сложную, более высокого порядка форму репрезентативного содержания, формирует центральное необходимое условие для возникновения сознательной перспективы от первого лица как на репрезентативном, так и на функциональном уровне описания. После того как мы разработали два набора базовых концептуальных инструментов, настало время представить две центральные теоретические сущности, характеризующие данный подход: ПСМ и "феноменальную модель интенциональности-отношения" (ФМИО). Позвольте мне начать с того, чтобы сделать концепцию ПСМ интуитивно правдоподобной для вас, выделив ряд ее определяющих характеристик. Затем в разделе 6.5 будет дано определение гипотетическому термину РМІR.

Содержание ПСМ - это содержание сознательного "я": ваши текущие телесные ощущения, ваша текущая эмоциональная ситуация, а также все содержание вашей феноменально переживаемой когнитивной обработки. Они являются составными частями вашей ПСМ. Интуитивно и в

определенном метафорическом смысле можно даже сказать, что вы и есть содержание вашей ПСМ. Все те свойства себя, на которые вы можете сейчас направить свое внимание, образуют содержание вашей текущей ПСМ. Ваши мысли, направленные на себя, оперируют текущим содержанием вашей ПСМ: они не могут оперировать ничем другим. Когда вы формируете мысли о своем "бессознательном Я" (т. е. о содержании вашей ментальной Я-модели), эти мысли всегда относятся к сознательной репрезентации этого "бессознательного Я", которая только что была интегрирована в вашу активную ПСМ. Если вы хотите инициировать действие, направленное на какой-то аспект себя - например, расчесать волосы или побриться - вам нужна сознательная Я-модель, чтобы сознательно инициировать эти действия. Конечно, существует и бессознательное поведение, такое как почесывание или автоматическая самозащита - например, когда мяч внезапно летит к вам на большой скорости. Мы также можем представить себе лунатика, который чешет себя или даже избегает мяча, или больного эпилепсией с отсутствующим автоматизмом, который расчесывает волосы или бреется. Все это не самонаправленные действия, это самонаправленное поведение; сознательный процесс выбора цели им не предшествует. ПСМ отсутствует. Другими примерами неосознаваемых, но функционально активных областей в Я-модели являются схема тела (см. раздел 7.2.3) и низкоуровневые резонансные механизмы, реализуемые системой зеркал у многих нелингвистических существ (см. раздел 6.3.3). Бессознательная схема тела позволяет автоматически сохранять телесную позу, казалось бы, без особых усилий. Стая птиц на пляже, внезапно, словно "телепатически связанная", начинающая улетать в одном направлении, или большие косяки рыб, быстро меняющие направление движения при обнаружении хищника одним из них, - примеры успешного и высокоинтеллектуального социального познания, опосредованного бессознательной Я-

моделью, поэтому не предполагающего феноменального типа представления цели.

Существует также множество ситуаций, когда ранее неосознаваемый раздел Я-модели внезапно становится осознанным, то есть глобально доступным. Это также может быть постепенным процессом. Например, Джонатан Коул (Cole 1997, p. 470 f.; см. также Hull 1992) описывает случай пациента, который ослеп и для которого из-за отсутствия обратной связи, например, осознанного опыта улыбок других людей в ответ, ранее неосознаваемые двигательные программы постепенно интегрировались в его сознательную Я-модель. Этот пациент начал осознавать свое поведение, движение лицевых мышц, когда улыбается другим людям. Теперь он даже обнаружил ощущение мышечных усилий, затрачиваемых на то, что для нас является легким, прозрачным и, казалось бы, автоматическим способом социальной коммуникации. Другими словами, поведение лица теперь превратилось в целенаправленное действие.¹ Мы увидели, что один из интересных способов рассмотрения феноменальных ментальных моделей - это анализ их как вычислительных или репрезентативных инструментов, делающих интегрированную информацию глобально доступной для системы в целом. Классы феноменальных ментальных моделей - это классы вычислительных инструментов, в своей деятельности обслуживающих различные типы феноменального содержания. PSM являются специфическим и очень интересным примером такого класса. Их функция заключается в том, чтобы сделать информацию, связанную с системой, глобально доступной в интегрированном виде.

С логической и эпистемологической точки зрения полезно провести различие между симуляцией и эмуляцией, чтобы еще больше обогатить понятие ПСМ. Затем, на втором этапе, мы можем концептуально проанализировать ПСМ как

особый вариант, а именно самоэмуляцию. Информационно-процессорная система может внутренне имитировать внешнее поведение целевого объекта (см. раздел 2.3). Типичный пример - компьютер, используемый для метеорологического прогнозирования, генерирующий прогноз погоды путем моделирования движения облаков, температурных сдвигов в атмосфере и т. д. В более общем случае моделирование целевой системы заключается в представлении тех ее свойств, которые доступны для сенсорной обработки, и того, как они, вероятно, развиваются со временем. Некоторые системы обработки информации, однако, представляют собой особые случаи, поскольку они также могут имитировать поведение другой системы обработки информации. Они делают это, внутренне имитируя не только наблюдаемый выход, но и скрытые аспекты внутренней обработки информации. Такие скрытые аспекты могут заключаться в абстрактных свойствах, таких как функциональная архитектура или программное обеспечение, которое в данный момент запущено. Абстрактные свойства также могут быть свойствами содержания определенных представлений, которые в настоящее время активны в целевой системе. Например, в социальном познании может даже потребоваться внутренняя эмуляция того, как в данный момент меняется содержание определенных представлений о цели у собеседника (см. также раздел 6.3.3). Примером такой ситуации может служить "умная" машина Тьюринга, притворяющаяся "глупой" машиной Тьюринга, или хороший человеческий актер. Тогда эмуляция становится имитацией не только наблюдаемых, но и абстрактных, функциональных и репрезентативных свойств данной целевой системы. Именно третья возможность представляет особый интерес с философской точки зрения - возможность рефлексивной или самонаправленной эмуляции. Самомоделирование - это тот особый случай, когда целевая система и имитирующая система идентичны: Самомоделирующаяся система обработки информации внутренне и непрерывно моделирует

свой собственный наблюдаемый выход, а также эмулирует абстрактные свойства своей собственной внутренней обработки информации - и делает это для себя. Используя термин из компьютерных наук, мы могли бы метафорически описать само моделирование в сознательном агенте как "внутреннее моделирование пользователя". У человека особенно интересно отметить, как само модель одновременно относится к целевой системе "как к объекту" (например, используя проприоцептивную обратную связь при внутреннем моделировании текущих телесных движений) и "как к субъекту" (например, эмулируя собственную когнитивную обработку таким образом, что она становится доступной для сознания). Вот что означает "воплощение" и что в то же время порождает интуитивные корни проблемы "разум-тело": человеческая само модель рассматривает порождающую ее целевую систему как субъект и объект одновременно. Интересно отметить, что такая само модель может быть либо осознанной, либо неосознанной. Только если формируется когерентная репрезентативная структура, удовлетворяющая ограничениям для сознательных содержаний, возникает ПСМ.

Рассматривая репрезентативный контент, переносимый ПСМ, мы обнаруживаем, что он объединяет большое количество различных форматов данных. Например, содержание сознательной Я-модели тела состоит из богатого, диффузно интегрированного меланжа телесных ощущений. Множество различных типов самопрезентаций (см. раздел 5.4), таких как висцеральные ощущения, чувство голода, боли или жажды, проприоцептивные и кинестетические форматы, тактильные и температурные ощущения, а также вестибулярная информация, постоянно интегрируются в супрамодалный, осознанный образ тела. Вы никогда не находитесь в контакте с собственным телом - как воплощенная, сознательная сущность вы являетесь содержимым образа, динамического образа, который постоянно меняется в очень большом количестве различных

измерений. Однако этот образ в то же время является физической частью вашего тела, поскольку неизменно обладает истинным нейробиологическим описанием. Разумеется, в Я-модели существует также большое количество самосимулятивных содержаний: спонтанно возникающие биографические воспоминания или содержание подлинно интеллектуальных операций, таких как планирование будущего. Кроме того, существует саморепрезентативное содержание. Это сложная реляционная информация, например, ваше текущее положение тела, специфические, эпизодически возникающие эмоции и то, как вы ощущаете себя социально расположенным в группе других людей.

Саморепрезентативная часть ПСМ всегда нацелена на текущее состояние системы в целом. Короче говоря, самомодель - это модель той самой репрезентативной системы, которая в данный момент активирована в себе. Как правило, она имеет восходящий компонент, обусловленный сенсорным входом (самопрезентацией). Этот вход возмущает или модулирует непрекращающуюся активность нисходящих процессов, постоянно генерирующих новые гипотезы о текущем состоянии системы (самосимуляция), и таким образом приходит к функционально более или менее адекватному внутреннему образу общей, актуальной ситуации системы (саморепрезентация). Однако главный вопрос заключается в том, что оправдывает рассмотрение всех этих весьма разнообразных видов информации и феноменального репрезентативного содержания как принадлежащих одной сущности?

То, что объединяет эти различные формы феноменального содержания, - феноменальное свойство более высокого порядка: свойство минности. Минесс - это свойство особой формы феноменального содержания, которое в нашем случае интроспективно³ доступно как на уровне внутреннего внимания, так и на уровне самонаправленного познания, то есть в терминах интроспекции⁴. Вот несколько типичных

примеров того, как мы, лингвистически, обозначаем это особое феноменальное качество высшего порядка в народно-психологических контекстах: "Я переживаю свою ногу субъективно как всегда принадлежащую мне"; "Я всегда переживаю свои мысли, свое фокусное внимание и свои эмоции как часть своего собственного потока сознания"; "Добровольные действия инициируются мной самим". В следующей главе я представляю ряд нейрофеноменологических примеров, которые демонстрируют, что, вопреки традиционным философским предположениям, распределение этого свойства в феноменальном пространстве может сильно варьироваться и что практически все только что приведенные примеры не являются необходимыми предпосылками феноменального опыта. Минусность бывает разной степени. Феноменальное свойство минимальности, объединяющее самые разнообразные содержания, из которых строится наше сознательное "я", тесно связано с собственно феноменальным свойством цели.

Это свойство феноменальной самости. Снова рассмотрим несколько примеров того, как мы часто пытаемся указать на феноменальное содержание внутренних репрезентативных состояний, лежащих в основе этого свойства, используя лингвистические инструменты из публичного пространства: "Я есть кто-то"; "Я переживаю себя как идентичного во времени"; "Содержание моего феноменального самосознания образует связанное целое, прежде чем инициировать какие-либо интеллектуальные или аттенционные операции, и независимо от них я уже немедленно и "непосредственно" знаком с фундаментальным содержанием моего самосознания". То, что мы часто, наивно, называем "самостью" в народно-психологических контекстах, - это феноменальная самость, содержание самосознания, данное в феноменальном опыте. Пожалуй, эта форма феноменального содержания, порождаемая сознательным самоощущением, теоретически является наиболее интересной формой

феноменального содержания. Она наделяет наше ментальное пространство двумя весьма интересными структурными характеристиками: центрированностью и перспективностью. Пока существует феноменальное "я", наша сознательная модель мира является функционально центрированной и обычно связана с тем, что в философии сознания называется "перспективой первого лица" (см. раздел 6.5). Это представление, в свою очередь, лежит в основе самых сложных эпистемологических и метафизических проблем в философии сознания. Например, оно порождает "эпистемическую асимметрию" между описаниями сознательных состояний с позиций первого и третьего лица. Очевидно, что вы не можете иметь перспективу от первого лица без сознательного "я". И, конечно, для любой данной ПСМ мы можем задавать вопросы типа: "Каков ее минимально достаточный нейронный коррелят? Какими необходимыми и достаточными функциональными и репрезентативными свойствами должна обладать любая система, активирующая такую Я-модель?"

Важно отметить, что самомодель - это сущность, охватывающая множество различных уровней описания. У таких существ, как мы, ПСМ будет иметь истинное нейробиологическое описание, например, как сложный паттерн нейронной активации с определенной временной тонкой структурой, претерпевающий калейдоскопические изменения от мгновения к мгновению. Также будут существовать функциональные и вычислительные описания самомодели на разных уровнях гранулярности. Создание вычислительной модели ПСМ человека - одна из самых увлекательных исследовательских задач, которые только можно себе представить. Например, мы можем описать ее как вектор активации или как траекторию в некотором подходящем пространстве состояний. Можно даже встать на классическую когнитивистскую точку зрения. Тогда самомодель можно было бы описать как переходный вычислительный модуль, эпизодически активируемый

системой для регулирования взаимодействия с окружающей средой. Далее следует репрезентативный уровень описания, на котором содержание ПСМ предстает как сложная интеграция глобально доступной саморепрезентативной, самосимулятивной и самопрезентативной информации (см. главу 5). Представляя рабочую концепцию ПСМ, я утверждаю, что она представляет собой отдельную теоретическую единицу. То есть я утверждаю, что это не только то, что может быть осмысленно описано на ряде различных уровней описания, зеркально отражающих друг друга эвристически плодотворным образом, но и то, что это то, что может быть найдено с помощью соответствующих программ эмпирических исследований. И оно может быть найдено на каждом уровне описания.

Позвольте мне также отметить, что концепция PSM является отличным концептуальным приемом для формулирования исследовательских программ. Она помогает выделить классы систем, а также классы состояний. Предполагаемыми классами само моделирующихся систем могут быть младенцы, взрослые сновидцы или психиатрические пациенты во время яркого приступа шизофрении, а также мыши, шимпанзе и искусственные системы. С объективной точки зрения от третьего лица мы можем принципиально выделить определенные классы, например, младенцев, шимпанзе и искусственных систем по типу используемых ими ПСМ. ПСМ являются специфическими для данной области сущностями и могут быть использованы для создания гибких таксономий. В качестве примера можно привести эволюцию моделей сознательного "я" - тему, представляющую особый интерес для эволюционной психологии. Феноменально доступное содержание Я-модели является отличным ограничением для разграничения различных фаз детского развития, определенных нозологических стадий психиатрических заболеваний или становления социальной компетентности в животном царстве. При попытке классифицировать предполагаемые

классы состояний нам (как уже говорилось в главе 2) придется использовать определяющие характеристики, разработанные преимущественно с позиции первого лица - по крайней мере, на начальном этапе. Однако внимание к attentional и когнитивно доступным аспектам ПСМ - отличный способ сформировать таксономию классов феноменальных состояний. Мы можем исследовать, как меняется содержание ПСМ при переходе от обычного к люцидному сну (см. раздел 7.4.4), или какие изменения в содержании феноменального "я" сопровождают старческое слабоумие. Мы можем, опять же, объединить классы систем и состояний, исследуя эмоциональное само моделирование у молодых людей на определенном этапе подросткового возраста или динамику самопрезентации, связанную с восприятием ультразвука у летучих мышей. Однако самое важное, что концепция ПСМ может помочь нам по-новому взглянуть на центральную теоретическую проблему исследования сознания: Она обещает предложить теорию о том, чем на самом деле является индивидуальная эмпирическая перспектива. Как согласится большинство, нам срочно нужна убедительная теория о субъективности субъективного опыта как такового, и, очевидно, концепция ПСМ сможет сыграть центральную роль в разработке теоретической стратегии. Я вернусь к этому вопросу во второй половине данной главы. Сейчас давайте рассмотрим возможные семантические ограничения для понятия ПСМ.

Опять же, существует множество уровней описания и анализа, на которых могут быть обнаружены такие ограничения. На нашем текущем этапе нам нужны все эти уровни. Давайте посмотрим на них еще раз:

Феноменологический уровень описания. Какие утверждения о содержании и внутренней структуре феноменальной самости можно сделать на основе самого интроспективного

опыта? Когда такие утверждения будут эвристически плодотворными? Когда они будут эпистемически оправданы?

Репрезентационистский уровень описания. Каковы особенности интенционального содержания, порождаемого феноменальным вариантом ментальной саморепрезентации? Например, каковы отношения между "транспортным средством" и содержанием для ПСМ? Существуют ли отдельные уровни содержания внутри ПСМ?

Информационно-вычислительный уровень описания. Какую вычислительную функцию выполняет феноменальный уровень само моделирования для организма в целом? Какова вычислительная цель самосознания? Какая информация является информацией самосознания?

Функциональный уровень описания. Какими причинно-следственными свойствами должен обладать физический коррелят самосознания, чтобы преходяще генерировать переживание единого "я"? Существует ли мультиреализуемый "функциональный" коррелят самосознания?

Физико-нейробиологический уровень описания. Вот примеры вопросов, специфичных для данной области: Какова роль ствола мозга и гипоталамуса в формировании феноменального "я"? Каков прямой нейронный коррелят феноменального самоощущения? Существуют ли аспекты феноменального самосознания, которые не являются инвариантными для среды?

Пройдя во второй раз через наш контрольный список из десяти многоуровневых ограничений для различных типов феноменального репрезентативного содержания, мы вскоре обнаружим, как применение его к понятию PSM помогает быстро обогатить это новое понятие содержанием. Мы

можем наполнить его содержанием одновременно на многих разных уровнях. Напомним, что, если не сказано иначе, предполагаемый класс систем всегда формируется людьми в непатологических состояниях бодрствования.

6.2 Многоуровневые ограничения для самосознания: Что превращает нейронную систему-модель в феноменальное "я"?

6.2.1 Глобальная доступность информации, связанной с системой

Начнем с дифференцированного критерия Баарса-Чалмерса, который мы на протяжении глав 2 и 5 использовали в качестве "временной прокладки", как парадигматический первый пример одного важного ограничения в сужении понятия сознательной репрезентации.

Феноменология глобальной доступности системной информации

Содержание моего феноменального самосознания непосредственно доступно, кажется, множеству моих умственных и физических способностей одновременно: Я могу направить интроспективное³ внимание на приятное ощущение в кишечнике, на тонкую фоновую эмоцию, тихо мерцающую на границе моего сознательного пространства, или на то, как я в данный момент пытаюсь когнитивно сформулировать определенную философскую проблему ("аттенциональная доступность"). Я также могу рассуждать, например, о текущей меланже фоновых эмоций. Я могу предпринять сознательную попытку найти для них концепцию ("доступность для феноменального познания"), которая позволит мне увидеть их в связи с более ранним

эмоциональным опытом ("доступность для автобиографической памяти"), и я могу попытаться использовать эту информацию в производстве речи при общении о своих эмоциях с другими человеческими существами ("коммуникативная доступность"). Я могу попытаться контролировать свои висцеральные ощущения, фоновые эмоции или способность к ясному мышлению, например, совершить пробежку, принять горячую ванну или холодный душ ("доступность для контроля действий"). Последовательная и ясная саморепрезентация является необходимой предпосылкой сознательно инициированного саморегулируемого поведения. Я действительно переживаю общую глобальную доступность содержаний моего самосознания как собственную гибкость и автономию в обращении с этими содержаниями и, в частности, как субъективное ощущение непосредственности, в котором они мне даны. Однако важно отметить три более специфические феноменологические характеристики. Во-первых, степень гибкости и автономии в работе с содержаниями самосознания может сильно варьироваться: на эмоции, ощущения боли и голода повлиять гораздо сложнее, чем, например, на содержания когнитивного Я. Существует градиент функциональной ригидности, и степень этой ригидности сама по себе доступна для феноменального опыта.

Во-вторых, феноменальный опыт непосредственности также является градуированной характеристикой. Как правило, мысли - это нечто такое, что может быть даже не определено в своем полном содержании до того, как будет произнесено вслух или записано на листе бумаги, в то время как телесные ощущения, такие как боль или жажда, непосредственно даны как явные и "готовые" элементы феноменального "я" в гораздо более сильном смысле. Самоконструируемый характер, сопровождающий различные содержания сознательного "я", весьма вариативен (см. ограничение 7). В-третьих, интересно отметить, что состояния первого порядка,

интегрированные в ПСМ, а также аттенционные или когнитивные состояния второго порядка, оперирующие этими содержаниями, оба характеризуются феноменальным качеством минности. Сознательные содержания вашего текущего образа тела переживаются не как репрезентативные содержания, а наделены феноменальным чувством собственности: в любой момент времени это ваше собственное тело. Сознательно рассуждая о текущем состоянии своего тела, вы, как правило, хорошо осознаете репрезентативный характер возникающих при этом когнитивных конструкций, и в то же время такие мысли о текущем телесном состоянии характеризуются сознательным переживанием "малости", тем же самым непосредственным чувством собственности. Именно таким образом существа, подобные нам, переживают репрезентативную структуру как интегрированную в ПСМ.

С чисто философской точки зрения, доступность феноменального познания может быть самой интересной особенностью всей информации, интегрированной в PSM (см. раздел 6.4.4). Сознательные человеческие существа направляют свое внимание не только на телесные ощущения, они также могут формировать мысли *de se*. Содержание мыслей *de se* формируется моими собственными когнитивными состояниями о себе. Интересно отметить, что в одних случаях генерация этих мыслей будет сопровождаться ощущением усилия и феноменальной агентности, тогда как в других, например, в спонтанных, кратковременных эпизодах рефлексивного самосознания или в дневных снах о себе, этого не будет. Рефлексивное, концептуально опосредованное самосознание делает системную информацию когнитивно доступной, и, очевидно, делает это путем генерирования феноменального содержания более высокого порядка. Это содержание, однако, не появляется как изолированная сущность, но рекурсивно встроено в ту же самую, единую феноменальную дыру, в самомодель. Аналогичное наблюдение можно сделать

и для интроспективного³ самонаправленного внимания. Существование когерентной PSM порождает границу преаттентивного Я-мира и тем самым реализует центральное необходимое условие для развития подлинной интроспекции, как на репрезентативном, так и на феноменологическом уровне описания. Информация о себе теперь доступна для процессов более высокого порядка, которые не приближаются к квазиконцептуальному, синтаксически структурированному формату ментальной репрезентации, а гораздо более подвижны, служа преимущественно для выделения конкретного и уже существующего аспекта феноменальной самости путем локального увеличения способности к обработке. Опять же, феноменальная интроспекция³ может сопровождаться ощущением усилия и агентностью внимания; она также может переживаться как легкое блуждание или даже отдых в определенной области ПСМ. Это различие должно быть объяснено. Опять же, интересно отметить, как феноменальное качество минности в таких случаях аттентивного доступа относится к содержанию первого порядка и к содержанию высшего порядка: Это мое собственное внимание, направленное на какой-то аспект меня самого. Обработка внимания, направленная на феноменальное "я", порождает рекурсивно встроенную форму сознательного содержания более высокого порядка, при этом всегда сохраняя общую связность ПСМ. Преднамеренный сознательный акт интроспекции сам по себе может быть парадигматическим примером интенционального действия в его чистом виде (Jack and Shallice 2001, p. 170). Теоретическая проблема состоит в том, чтобы провести свободный от гомункулуса репрезентационистско-функционалистский анализ феноменального целевого свойства аттентивной агентности, не вводя при этом нечто вроде "главного исполнительного директора (СЕО) мозга", то есть метафорической сущности личного уровня, которая осуществляет "окончательный высокоуровневый контроль

над потоком внимания" (Kilmer 2001, p. 279). Исследования сдвигов в развитии способности к телесной, эмоциональной и поведенческой саморегуляции могут дать нам прослеживаемую поведенческую модель того, как молодой человек может обрести не только контроль над собственным поведением, но и ментальный контроль в управлении вниманием (Posner and Rothbart 1998). Например, интересно отметить, что взрослые, обладающие лучшими способностями к управлению и фокусировке внимания, в то же время сообщают, что испытывают меньше негативного эмоционального содержания.

Я уже отмечал, что ограничение "глобальной доступности" на самом деле является лишь ограниченным функциональным аспектом ограничения 3, ограничения глобальности для феноменального содержания. Феноменологически информация, связанная с самостью, является лишь одним из подмножеств глобально доступной информации, поскольку, хотя сама она высоко дифференцирована и в любой момент времени образует интегрированное целое, она сама связана в высоко дифференцированное, но в любой момент времени интегрированное феноменальное целое высшего порядка. Короче говоря, феноменальное "я" всегда встроено в феноменальный мир, органично и превнимательно. Быть самосознательным - значит быть в мире.

Глобальная доступность самопрезентационного контента

Существование целостного самопредставления впервые вводит границу "я-мир" в модель реальности системы. Впервые информация, связанная с системой, становится глобально доступной как информация, связанная с системой. С другой стороны, информация, связанная с окружающей средой, теперь может быть названа несамостоятельной. Объективность возникает вместе с субъективностью. Важность такого способа генерации фундаментального

разделения репрезентативного содержания на два очень общих класса заключается в том, что он формирует необходимую предпосылку для активизации более сложных форм феноменального содержания: Отношения между организмом и изменяющимися объектами его окружения теперь впервые могут быть сознательно представлены. Система, не обладающая связным, стабильным саморепрезентативным, не способна внутренне представить все те аспекты реальности, которые связаны с отношениями "я-мир", "я-объект" и, что очень важно, "я-себя" и "я-другой". Наличие базовой формы саморепрезентативного содержания является необходимым условием для внутренней обработки информации о перцептивных и социальных отношениях. Назовем это "принципом феноменальной интенциональности-моделирования": сложная информация, относящаяся к динамическим субъект-объектным отношениям, может быть извлечена из реальности и использована для избирательной и гибкой дальнейшей обработки только при наличии осознанной Я-модели.

Информационно-вычислительная доступность информации, связанной с системой

Феноменальная информация, связанная с самим собой, эквивалентна глобально доступной информации, связанной с системой. Одна из удивительных особенностей человеческой Я-модели заключается в том, что эта информация варьируется от молекулярной до социальной. Например, ПСМ важна для обработки внутренней информации, относящейся к элементарной биорегуляции (Damasio 1999). Она также важна для того, чтобы информация о том, что сама система постоянно участвует в обработке информации и моделировании реальности (включая моделирование других агентов), была доступна большому количеству различных метареферентивных процессов (см. выше).

Глобальная доступность информации о себе как функциональное свойство

Согласно функционалистскому анализу, ПСМ - это дискретный, связный набор причинно-следственных связей. В главе 3 мы увидели, что, если рассматривать систему в целом, обладание феноменальными состояниями явно повышает гибкость ее поведенческого профиля, добавляя чувствительность к контексту и возможность выбора. Теперь мы видим, что ПСМ не только позволяет системе делать выбор относительно себя, но и добавляет внутренний контекст к общей сознательной модели реальности, в рамках которой функционирует система. Во-первых, самопрезентация является важным инструментом для оптимизации гомеостаза и элементарной биорегуляции, предлагая информацию, связанную с системой, большому количеству других функциональных модулей, которые теперь могут дифференцированно реагировать на внезапные вызовы, бросаемые внутренним контекстом. Элементарная биорегуляция может быть просто саморепрезентацией, поскольку, как отмечают Конант и Эшби (1970), каждый регулятор сложной системы автоматически и по необходимости становится моделью этой системы. Мне нравится рассматривать эту элементарную форму само моделирования как "внутреннее управление выходом": Она появилась потому, что необходимо было точно настроить внутреннее производство организмом определенных молекул (гормонов, нейротрансмиттеров и т. д.). Управление выходом - важная способность как на уровне молекулярного микроповедения, так и на уровне явного, моторного макроповедения.

ПСМ также оказывает важное каузальное влияние, не только дифференцируя, но и интегрируя поведенческий профиль

организма. Когда собственные телесные движения впервые становятся глобально доступными в качестве собственных движений, закладываются основы для агентности и автономии. Специфическое подмножество событий, воспринимаемых в мире, теперь впервые может рассматриваться как систематически коррелирующие самогенерируемые события. Тот факт, что в мире могут происходить события, которые одновременно являются самогенерируемыми и самонаправляемыми, можно открыть и сделать глобально доступным. Проще говоря: Генерируя когерентную самомодель, система впервые становится отдельной сущностью в своем собственном поведенческом пространстве и тем самым впервые становится частью своей собственной реальности. Мы еще неоднократно будем возвращаться к этому и другим вопросам. Сейчас важно лишь отметить, что самый главный аспект каузальной роли ПСМ может заключаться в том, что впоследствии она позволяет системе стать и относиться к себе как к интенциональной системе второго порядка (Dennett 1978b, pp. 273-284; 1995), тем самым превращая ее из системы поведения в агента. На функциональном уровне описания Деннетт, очевидно, выделил важное концептуальное условие личности. Однако читатели могут не удивляться, что мой собственный интерес состоит в том, чтобы пролить свет на вопрос о том, что такое феноменальная система второго порядка - система, которая сознательно переживает себя как наделенную сознательным опытом.

Нейронные корреляты для глобальной доступности информации, связанной с системой

В настоящее время почти ничего не известно о необходимых нейронных коррелятах для ментальной Я-модели, равно как и о достаточных коррелятах для феноменальной ментальной

Я-модели. Известен ряд участвующих подсистем, таких как соматосенсорная и префронтальная кора, гипоталамус и верхние отделы ствола мозга, но по существу неизвестно, на каком уровне обработки происходит функциональная интеграция и насколько высока степень целостности и распределения на этом уровне. У нас нет хорошей нейробиологической теории о взаимосвязи между когерентной, бессознательной саморепрезентацией и ее отношением к феноменальному разделу Я-модели человека. Однако существует ряд многообещающих гипотез и умозрительных идей относительно возможных программ эмпирических исследований. Одним из типичных примеров может быть различие между прото-самостью и основной самостью, представленное Дамасио (Damasio 1999). Я утверждаю, что сознательное "я" является феноменальным коррелятом отдельной репрезентативной сущности характеризующегося специфическим набором функциональных свойств. Я также утверждаю, что самомодель является коррелятивным понятием, поскольку самосознание всегда подразумевает бытие-в-мире. С точки зрения, например, гипотезы динамического ядра, выдвинутой Тонони и Эдельманом (Tononi and Edelman 1998a; Edelman and Tononi 2000a, b), это приводит к предсказанию, что внутри глобального функционального кластера, описываемого набором нейронных элементов со значением CI выше 1, обычно существует один и только один субкластер, описывающий Я-модель. Современная теория SMT (self-model theory of subjectivity) предсказывает, что у людей этот субкластер будет обладать областью наибольшей инвариантности, которая, в свою очередь, коррелирует с функциональной активностью в верхней части ствола мозга и гипоталамусе. Если то, что я сказал о стойкой функциональной связи, связывающей PSM с мозгом, верно, то этот субкластер, вероятно, будет иметь значение CI , которое даже выше, чем у глобального динамического ядра. В то же время он будет демонстрировать высокие значения сложности и внутренней дифференциации, образуя свою

собственную функциональную границу в феноменальной модели мира. В то же время оно будет высоко интегрировано с информацией внутри Я-модели, то есть каузально связано с самим собой в более сильном смысле, чем с другими элементами глобального функционального кластера. Это, конечно, не означает, что Я-модель - это изолированный остров, подобный локализованной автоматической подпрограмме, которая выпала из феноменальной реальности организма и потеряла большую часть своей контекстной чувствительности и глобальной доступности. Ее следует воспринимать как сущность, которая все еще встроена в глобальный функциональный кластер, постоянно обмениваясь с ним информацией. Тем не менее в любой момент времени только группа нейронов, входящих в только что описанный функциональный субкластер, вносит непосредственный вклад в содержание самосознания.

6.2.2 Situatedness и виртуальное самоприсутствие

Ограничение презентативности, необходимое условие того, что сознательные содержания всегда активируются в виртуальном окне присутствия, было представлено в главе 3 (раздел 3.2.2). Однако если мы применим его к понятию Я-модели, это даст ряд новых интересных аспектов. Некоторые из этих аспектов имеют отчетливый философский привкус.

Рассматриваемая как феноменологическое ограничение от первого лица, презентативность снова оказывается необходимым условием: Все, что я переживаю как содержание моего феноменального самосознания, я переживаю сейчас. Дело не только в том, что мир присутствует; дело в том, что я являюсь присутствующей самостью в этом мире. Мое собственное существование обладает временной непосредственностью: ощущение

контакта с самим собой абсолютно прямым и непосредственным образом, которое невозможно вывести за скобки. Если бы можно было вычесть содержание, о котором сейчас идет речь, я бы просто перестал существовать на уровне субъективного опыта: Я не мог бы представить себя как осуществляющего это вычитание, потому что тогда я перестал бы быть настоящим "я" в своей собственной модели реальности. Я перестал бы существовать как психологический субъект и не присутствовал бы для себя и других как таковой. Только потому, что фундаментальное содержание моей феноменальной самости неизменно является содержанием de puncto, я могу переживать себя как присутствующего в мире.

Феноменология самоприсутствия и темпоральной ситуативности

Феноменальный опыт состоит не только в том, чтобы "присутствовать", но и в том, чтобы "присутствовать как Я". Как мы видели ранее, порождение Я-модели приводит к появлению границы Я-мира в феноменальной модели реальности. Теперь есть два вида событий: внутренние и внешние. Интересно, что теперь существует более конкретный смысл "внутренности" - то есть временной внутренности, - который пересекается с более общим смыслом внутренности, определяемым понятием саморепрезентации. Феноменологически говоря, я не только кто-то, но и кто-то, кто расположен во временном порядке. С точки зрения первого лица я просто переживаю это наложение двух различных видов репрезентативного содержания (саморепрезентация плюс темпоральная интернальность) как свое собственное присутствие в реальности. Если же я оказываюсь существом, способным не только к саморепрезентации, но и к самосимуляции в

терминах автобиографической памяти и внутреннего конструирования потенциальных и будущих "я", то мне становится доступно совершенно новое измерение феноменального опыта. Это историчность моей собственной личности: сознательное переживание того, что я являюсь личностью, имеющей прошлое и будущее, и в то же время локализованной в определенной точке данного временного порядка.

Мы видели, что феноменальный опыт времени конституируется через серию достижений, то есть репрезентацию временной идентичности, различия, серийности, целостности и постоянства (см. раздел 3.2.2). Теперь то же самое будет справедливо для всех событий, определяемых как внутренние события в терминах ПСМ. Внутреннее Сейчас, внутренний психологический момент возникает, когда единичные события, составляющие репрезентативную динамику Я-модели, интегрируются во временные гештальты. Если такие внутренние события не только представлены как последовательные, но и интегрированы в темпоральные фигуры, они порождают внутренний контекст и образуют целое. Примером таких темпоральных гештальтов могут служить последовательности осознанных мыслей или разворачивание различных нюансов, относящихся к одной и той же эмоциональной реакции. В каждом из этих связанных наборов единичных событий мы переживаем себя как присутствующих, например, как субъектов опыта, существующих сейчас. Если (как отмечалось ранее) верно, что феноменальный опыт в своей основе может быть именно порождением островка присутствия в непрерывном потоке физического времени, то теперь мы можем сказать, что субъективное феноменальное сознание начинается, когда само моделирующаяся система, работающая в условиях ограничения презентабельности, которое мы сейчас обсуждаем, порождает островок самоприсутствия в непрерывном потоке физического времени.

Феноменологически говоря, если умозрительное настоящее психологического момента интегрировано с самопрезентацией, то это (при соблюдении всех остальных необходимых ограничений) приведет к осознанному переживанию чьего-то существования. Как только появится теория о том, что такое перспектива первого лица и как возникает полноценная феноменальная самость, можно будет понять, как это становится содержанием моего собственного существования.

В разделе 3.2.2 мы отметили, что феноменальный временной опыт так трудно анализировать на концептуальном уровне, потому что река переживаемой последовательности не только течет вокруг возникающего из нее острова Сейчас, но и фактически проходит сквозь него, как если бы Сейчас было непрерывно накладываемым на этот поток образованием. Для особого случая самосознания это означает, что существует инвариантный фон самоприсутствия (типичным примером которого является телесное самоощущение и более инвариантные параметры сознательного соматосенсорного восприятия), который пронизывается сознательным опытом временной эволюции более кратковременных элементов феноменального "я" (как в постоянно меняющихся перцептивных состояниях, эпизодах мышления или быстрых эмоциональных реакциях).

Характер ПСМ De Nunc

Снова применимо все, что было сказано в разделе 3.2.2, но в несколько иной манере. Даже когда мы осуществляем феноменальную самосимуляцию, например, строим планы относительно своего далекого будущего, или спонтанно симулируем прошлые состояния себя, например, когда меня преследуют спонтанные автобиографические воспоминания,

всегда ясно, что я строю эти планы сейчас и что эти воспоминания у меня сейчас. Интересно, что наша способность к мысленному путешествию во времени никогда не бывает полной. В стандартных ситуациях презентационный компонент Я-модели функционирует как стабильный якорь для самосимуляционных процессов разного рода. Временно наше внимание может быть полностью поглощено симулятивным контентом, порождающим будущих себя или воссоздающим легенду о предполагаемом прошлом, но при этом остается тонкое феноменальное присутствие телесного осознания, которое никогда не теряется полностью. Оно закрепляет нас внутри феноменального окна присутствия, создаваемого системой, которой мы являемся. Фактически, это может быть одним из величайших достижений человеческой Я-модели: Она объединяет репрезентативное содержание, составляемое базовой, биорегуляторной обработкой информации, осуществляемой в настоящее время для поддержания стабильного физического состояния организма, с когнитивным содержанием более высокого порядка, моделирующим возможные состояния организма. Именно Я-модель, так сказать, преодолевает пропасть от актуального к возможному, от телесного к когнитивному. Она связывает саморепрезентации и самосимуляции общим феноменальным свойством минности. При этом ПСМ позволяет организму постоянно ощущать собственное существование и временную расположенность, одновременно владея процессом, посредством которого он вспоминает прошлые события и конструирует себя. Важно отметить, что такое сочетание различных и весьма специфических форм репрезентативного содержания представляет собой высокоразвитый уровень интеллекта.

Самоприсутствие как информационно-вычислительное свойство

В этот момент я вынужден вернуться к своей старой любимой метафоре виртуальной реальности. Для любой системы, использующей самогенерируемую виртуальную реальность для управления своим поведением, будет оптимально, если модель самого агента будет полностью погружена в эту виртуальную реальность (см. также следующий раздел). Мы уже видели, что с эпистемологической точки зрения любое самопредставление должно быть также самосимуляцией, поскольку с точки зрения третьего лица оно никогда по-настоящему не моделирует и не "схватывает" текущее физическое состояние системы. Однако если оно приближенно воспроизводит целевые свойства, образующие интенциональное содержание его симуляции, функционально адекватным образом, если оно достаточно хорошо моделирует свою собственную физическую динамику, оно может рассматривать такое содержание как темпорально внутреннее. При этом он может вести себя так, как если бы он действительно был полностью погружен в реальность, которую он моделирует.

Самоприсутствие как функциональное свойство

Система, непрерывно моделирующая себя в окне присутствия, тем самым приобретает ряд новых функциональных свойств. Она создает референтную основу для феноменальной самосимуляции. Например, автобиографические воспоминания теперь могут быть сопоставлены и соотнесены с текущим состоянием системы. В контексте гипотезы самообнуления мы уже видели, как с телеофункционалистской точки зрения самосимуляции, не коварирующие с реальными свойствами системы, могут быть превращены в полезные инструменты (например, для перспективного моделирования моторного поведения или

построения планов на будущее) только при наличии репрезентации текущего состояния системы как текущего состояния этой системы. Само моделирование в окне присутствия достигает именно этого. Во-вторых, существование преаттентивной границы мира Я и когерентной саморепрезентации как текущего состояния позволяет генерировать более высокоуровневые формы аттенционной или когнитивной саморепрезентации, оперируя ими. Например, факт того, что система в данный момент является частью объективного порядка, на который, однако, она имеет индивидуальную перспективу, становится когнитивно доступным. Как только система внутренне репрезентируется как воспринимающая мир из особой, постоянно меняющейся точки на линейном временном порядке, ее собственная историчность становится когнитивно доступной. Принцип презентативности, примененный к Я-модели, создает необходимую предпосылку для развития автобиографической памяти: Автобиографическая память может функционировать только на фоне настоящего Я. Очевидно, что такие функциональные свойства будут весьма адаптивными во многих биологических средах (см. раздел 6.2.8).

Нейронные корреляты самоприсутствия

Насколько мне известно, об этом моменте можно сказать так мало, что я просто пропущу его.

6.2.3 Бытие-в-мире: Полное погружение

Я-модель как раз и возникает из проведения границы мира-Я. Если эту границу спутать с границей мира-модели, то такие феноменальные свойства, как минность, самость и перспективность, исчезнут. Однако (оставаясь пока в

стандартном случае) феноменальные события, интегрированные в Я-модель, будут, что интересно, одновременно переживаться как происходящие в мире и внутри моего собственного Я. Феноменологически говоря, они связаны как с глобальным ситуационным контекстом, так и с внутренним, психологическим контекстом. Феноменальные "я" - это расположенные "я", и их содержание наследует эту характеристику, будучи привязанным не только к феноменальному субъекту, но и к феноменальному субъекту-в-мире. С позиции третьего лица мы можем сказать, что любая система, встраивающая ПСМ в свою феноменальную модель реальности, не только переживает мир, но и является частью этого мира. Теперь это система, для которой этот факт когнитивно доступен и которая может использовать его для избирательного управления своими действиями.

Интересно отметить, как самомодель становится миром-в-мире, субъективной вселенной, встроенной в объективную вселенную. Вторым фактом, который становится когнитивно доступным для феноменально расположенного существа, заключается в том, что некоторые состояния реальности являются частями мира и в то же время частями себя. Поэтому для понимания ограничения глобальности на уровне саморепрезентации необходимо решить два общих класса связующих проблем. Во-первых, как сознательные содержания интегрируются в ПСМ? Во-вторых, как ПСМ интегрируется в активную в данный момент модель мира?

Феноменология субъективной, неэпистемической ситуативности

Если интегрированная ПСМ построена во всеобъемлющее репрезентативное состояние высшего порядка, то это переводит феноменальное качество "минности", характеризующее ее содержание, в новый, глобальный

контекст. Эмпирическая модель реальности теперь характеризуется фундаментальной дихотомией "я" и "другой". Поскольку само глобальное состояние повсеместно характеризуется автоэпистемической закрытостью, тем, что система не может распознать это представление как представление, ограничение прозрачности, фундаментальная дихотомия "субъект - Я - мир", характеризуется той же феноменологической особенностью. Существование границы между собой и миром, а также сопутствующее ей отношение "часть-целое" между собой и миром переживается в режиме наивного реализма. Иными словами, для таких существ, как мы, тот факт, что между нами и окружающей средой существует необратимая граница, и в то же время мы до любой когнитивной деятельности органично встроены в эту среду, является просто фундаментальным свойством самой реальности, сомневаться в котором бесплодно. Это феноменальная необходимость. В главе 7 мы увидим, как было бы очередным феноменологическим заблуждением заключать, что это должно быть необходимой чертой всего сознательного опыта.

Опять же, тот факт, что система переживает себя как неэпистемически расположенную описанным выше способом, не означает, что этот факт также доступен ей в аттенционном или когнитивном плане. Вероятно, многие из наших биологических предков прожили свои жизни в прозрачных моделях реальности, характеризующихся фундаментальной дихотомией "я-мир", не будучи в состоянии ни сознательно направить стабильную форму интроспективного внимания высокого уровня, ни даже познания на эту особенность своей реальности. Учитывая существующий каталог ограничений, можно представить себе стадию, на которой биологические системы просто функционировали в условиях этой дихотомии, делая ее глобально доступной для обогащения своего поведенческого профиля, но еще не имея возможности сознательно направлять на нее свое внимание. И кажется весьма

вероятным, что только человеческие приматы начали делать субъектно-объектную дихотомию когнитивно доступной, со временем превратив ее в объект явных интеллектуальных операций.

Дихотомия "субъект - объект" как свойство репрезентации

На репрезентативном уровне описания нам необходимо достичь лучшего понимания трех фундаментальных шагов. Во-первых, должна быть построена когерентная ПСМ, обладающая трансвременной идентичностью и однозначно характеризующаяся как Я-модель. Что касается ее согласованности, то уже существуют правдоподобные эмпирические модели связывания признаков, а в разделе 5.4 мы видели, как Я-модель выделяется исключительно тем, что является единственной феноменальной моделью, которая закреплена в постоянном потоке репрезентативного содержания, обладающего в высшей степени инвариантным ядром. Во-вторых, необходимо определить стабильную границу Я-мира. И в-третьих, должна быть достигнута связь "часть-целое" между активной в данный момент саморепрезентацией и общей моделью реальности. Последний пункт, по-видимому, требует динамической и непрерывной интеграции Я-модели в модель мира. На репрезентационистском уровне анализа все три шага эквивалентны порождению новой формы репрезентативного содержания.

Легко понять, как субъективно переживаемая числовая идентичность "я" может возникнуть на основе высокой степени внутренней согласованности. Как я уже отмечал ранее, эмпирический проект заключается в поиске подходящего механизма, способного обеспечить непрерывную интеграцию саморепрезентативного содержания. Что касается субъективно переживаемой трансвременной идентичности самости, то здесь,

очевидно, принципиальное значение имеют два фактора: транстемпоральная непрерывность и инвариантность возвращающихся содержаний самосознания (например, опыта агентства), а также возникновение автобиографической памяти. В этот момент важно не путать теоретический вопрос о транстемпоральной идентичности личности с нейрофеноменологическим вопросом о том, как генерируется реальный опыт обладания такой идентичностью - верически или нет. Феноменальная персональность может существовать в мире без персон. В главе 7 мы рассмотрим ряд интересных конфигураций, в которых соответствующий вид феноменального содержания был утрачен.

Интересно также отметить, что то, что на феноменологическом уровне описания выглядит как дихотомия "я-мир", должно опираться на самое фундаментальное разбиение репрезентативного пространства, которое только можно себе представить. Для таких существ, как мы, репрезентация границы "я-мир" является наиболее фундаментальной характеристикой нашего репрезентативного пространства: все остальные формы репрезентативного содержания всегда принадлежат по крайней мере к одной из этих двух категорий, которые в стандартных ситуациях образуют исчерпывающее различие внутри самой реальности. Все принадлежит либо "я", либо миру. Третья фундаментальная категория не дана - более того, основополагающее разделение нашего репрезентативного пространства настолько фундаментально и жестко, что очень трудно даже представить себе что-либо иное. Нам просто очень трудно проводить соответствующие ментальные симуляции.

Однако существует множество репрезентативных содержаний, которые одновременно принадлежат и миру, и "я". Представленное выше концептуальное разграничение

является исчерпывающим, но не исключительным. Наиболее важный с философской точки зрения пример репрезентативного содержания, преодолевающего пропасть между субъектом и объектом в феноменальном опыте, образуют различные разновидности ПМИР, сознательной модели отношения интенциональности (см. раздел 6.5). Простой пример дает визуальное внимание: Если вы визуально обращаете внимание на книгу в своих руках как на перцептивный объект, то сам процесс внимания моделируется на уровне сознательного опыта. Это как невербальная стрелка, направленная от вас к книге, объединяющая субъект и объект. Важно отметить, что то, что вы испытываете, - это не внимание "как таковое", а особая форма репрезентативного содержания, способ, которым текущая обработка внимания моделируется на феноменальном уровне.

Есть и второй способ, в котором различие между состояниями "я" и состояниями мира является исчерпывающим, но не исключительным. Это дается тем, что я ранее назвал мерологическим отношением между различными формами репрезентативного содержания. Интересно, что если мы зададимся вопросом, все ли содержания феноменальной самости одновременно переживаются как находящиеся в мире, мы столкнемся с сильно расходящимися философскими интуициями. Существует почтенная философская традиция, утверждающая, что определенная часть нас самих, та, которая обладает только временными, но не пространственными характеристиками ("мыслящее Я"), точно не встроена в мир. Самосознательное мышление, можно думать, является именно той частью феноменального "я", которая не встроена в модель мира. В разделе 6.3 я объясняю, почему эта классическая картезианская интуиция неизбежно должна появиться у существ, обладающих репрезентативной архитектурой, как мы.

В заключение можно сказать, что если мы хотим смоделировать центрированную версию ограничения 3 в рамках определенного класса репрезентативных систем, например, в рамках воплощенной, расположенной и коннекционистской модели, то три основные цели, которые должны быть достигнуты, будут заключаться в (1) моделировании активации когерентной Я-модели, обладающей инвариантным ядром внутренне сгенерированного ввода и элементом, соответствующим психологическому понятию автобиографической памяти; (2) разделении пространства состояний, отображающем дихотомию "я-мир"; и (3) реализации отношения "часть-целое" между "я-моделью" и общим репрезентативным состоянием.

Порождение себя в мире как информационно-вычислительная стратегия

И здесь снова применимы многие замечания, сделанные в разделе 3.2.3. Создание единой и целостной Я-модели - это стратегия уменьшения двусмысленности. Количество информации, которая глобально доступна для интроспективного внимания, самонаправленного познания и действия, минимизируется, и тем самым снижается вычислительная нагрузка на все механизмы, работающие с ПСМ. Следовательно, если существуют механизмы для отбора уже активных репрезентаций и их встраивания в сознательную Я-модель, избирательность и гибкость, с которой система может реагировать на новый тип информации, связанной с собой, повышается. Если, например, организм внезапно получает травму и автоматически генерирует быструю и преимущественно жесткую реакцию на нее - например, быстрое защитное движение конечности или направление внимания низкого

уровня на травмированную часть тела, - то может не быть необходимости в том, чтобы функционально релевантная информация, уже активная в системе, также была компонентом ее сознательной Я-модели. Однако конечный результат бессознательно инициированной двигательной реакции или переключения внимания вполне может быть осознанным. Если эта информация о новом состоянии системы должна быть одновременно и постоянно доступна множеству механизмов, то стратегическим преимуществом будет сделать ее содержанием сознательного "я".

Важно отметить, что введение границ "я-мира", хотя и не приводит к их автоматической реализации, является необходимым условием для большого числа вычислительных функций более высокого порядка. Формы самопрезентации высшего порядка, в свою очередь являющиеся предпосылкой для социального познания, теперь становятся возможными. Впервые может быть обработана вся информация, связанная с взаимодействием системы и мира, включая отношения с другими агентами. Как отмечалось ранее, внутренняя симуляция возможных "я" теперь имеет твердую референтную основу, поскольку центральная часть общей внутренней саморепрезентации - а именно, прозрачный раздел PSM - безвозвратно определена как часть реального мира.

Феноменальное само моделирование как функциональное свойство

Активация ПСМ порождает столько новых функциональных свойств и возможностей, что их изучение потребовало бы отдельной книги. Давайте рассмотрим простой, первый пример. Стандартное рабочее определение самосознания в литературе по приматам - это то, что в контексте текущей теории можно назвать аттенциональной доступностью целостной модели себя (например, см. Gallup 1970, 1991, 1997;

Kitchen, Denton, and Brent 1996). Самосознание - это способность стать объектом собственного внимания. Как только появляется целостная модель себя, становится возможным зеркальное самоосознание. На репрезентационистском уровне описания достаточное условие заключается в способности встроить визуальную репрезентацию тела как внешнего объекта в мультимодальную ПСМ. Как я уже утверждал в другом месте (Metzinger 1994, p.49 f.), точный момент зеркального самоосознания происходит, когда система обнаруживает частичную реляционную гомоморфию между временной и пространственной динамикой визуального перцепта (увиденного зеркального образа) и определенными проприоцептивными и кинестетическими аспектами одновременно активной Я-модели, что приводит к преходящей интеграции того, что ранее было лишь компонентом феноменальной модели мира ([другой шимпанзе,двигающийся передо мной взад-вперед]), в прозрачную Я-модель ([я]). Объектно-репрезентативное содержание теперь может стать новым элементом для продолжающегося субъектно-репрезентативного содержания. Зеркальный образ и Я-модель сливаются. Обнаруживается определенное "соответствие" между двумя одновременно активными структурами данных, что приводит не только к преходящему субъект-объектному отношению (см. раздел 6.5), но и к феноменальному "субъект-субъектному отношению", когда содержание зрительного восприятия становится актуальным компонентом меня самого. После того как шимпанзе обнаружил себя в зеркале, он часто начинает осматривать и манипулировать частями своего тела, которые до этого были визуально недоступны, например, поясницей или зубами. Очевидно, что доступность внимания приводит к появлению ряда новых функциональных свойств, некоторые из которых могут иметь большое значение для выживания. Например, теперь можно представить, как доступная вниманию модель себя может быть использована для предсказания собственных будущих

состояний сознания или для разработки социальных стратегий.

В аналогичном смысле для существ, способных к формированию ментальных концептов и речи, феноменальная сегрегация когерентной Я-модели на фоне модели мира позволяет осуществлять самонаправленное познание, а также произносить самореферентные высказывания на общедоступном языке. Таким образом, когнитивная доступность интегрированной, когерентной и системной информации может реализоваться как рефлексивное самосознание (см. раздел 6.4.4). Глобальная доступность системной информации для обработки речи порождает то, что я ранее назвал "коммуникативной доступностью", и может быть реализована как интроспективное⁴ сообщение о текущем содержании своей Я-модели другим людям (см. раздел 6.3.3). Это приводит нас к еще одному большому набору новых функциональных свойств. Этот набор формируется не за счет того, что целостная Я-модель как таковая становится доступной для операций более высокого порядка, а за счет того, что для таких операций становится доступным тот факт, что Я-модель органично интегрирована во всеобъемлющую модель мира. Теперь система может эксплицитно представлять себя как находящуюся в определенных отношениях с внешними объектами. Простое моторное поведение, например, хватательное движение, направленное на визуально воспринимаемый объект, теперь может быть внутренне представлено как движение, направленное на достижение цели, а действия теперь могут быть внутренне представлены как отношения к объектам внешнего мира. В свою очередь, сами объекты могут быть закодированы в терминах возможных моторных траекторий (см. Gallese 2001).

Если репрезентация собственного движения как по сути целеустремленного в плане установления связи с внешним

объектом или множеством таких объектов становится аттенционально или когнитивно доступной, репрезентативные основы для когнитивной агентности уже заложены (см. раздел 6.4.5). Важно отметить, что то же самое справедливо и для перцептивных объектов. Разница между воспринимаемым объектом и субъективным опытом этого объекта может стать когнитивно или аттенционо доступной только при наличии когерентной Я-модели и стабильной границы Я-мира. Объект будет представлять собой связный, преаттентивно интегрированный набор воспринимаемых признаков. Переживание этого объекта является репрезентацией перцептивного процесса, который был интегрирован в Я-модель. Различие между перцептивным объектом и возмущением в перцептивных состояниях самой системы позволяет внутренне приписать причинно-следственную связь между обоими событиями - появлением перцептивного объекта и изменением в Я-модели. Первое функциональное свойство, вытекающее из этого, - доступность внимания: объект теперь можно сделать более рельефным, сфокусировав на нем внимание. Во-вторых, общая связь между объектом и воспринимающей системой теперь может стать глобально доступной, тем самым превращаясь в потенциальный объект для процессов более высокого порядка, работающих с ним. Это функционально значимо, поскольку различие между внешним объектом и внутренней репрезентативной активностью, связанной с объектом, теперь может быть не только когнитивно осознано, но и использовано в управлении действием. Простой способ использовать это новое различие в управлении действием - попытаться "лучше понять" объект, улучшив само сенсорное восприятие. Более интересный способ использования этого нового доступного различия - предположить его у других конспецификов (см. раздел 6.3.3).

Позвольте мне указать на третье существенное изменение в глобальном функциональном профиле систем, встраивающих самомодель в свою модель реальности. В

разделе 5.4 мы увидели, что ПСМ является привилегированной по отношению ко всем другим формам феноменального содержания, активным в системе, поскольку обладает устойчивой функциональной связью с определенной частью ее физической основы. ПСМ прочно закреплена в стволе мозга и гипоталамусе постоянным источником того, что я назвал "самопрезентационным содержанием". Функциональный уровень описания приводит к важной особенности нашей феноменальной модели мира: это "центрированная" модель реальности. Дело не только в том, что граница "я-мир" представляет собой фундаментальный способ разделения нашего репрезентативного пространства. Дело в том, что одна часть репрезентативного пространства - та, что занята постоянной обработкой информации, связанной с системой, - функционально привилегирована, поскольку привязана к источнику максимальной инвариантности - телу. Я-модель, будучи прозрачной, привязанной к телу и индексальной репрезентацией, обеспечивает контекстную привязку для порождающей ее системы: она привязывает систему к ее собственной сознательной модели реальности, позволяя ей жить как в этой модели, так и с ней (о смежной перспективе см. также Brinck and Gärdenfors 1999). Короче говоря, мы - существа, у которых сформировалась весьма значимая глобальная особенность способа обработки информации: Мы сознательно оперируем эгоцентрическими моделями реальности.

Это не означает, что множество наших самых успешных ментальных симуляций не происходят в подпространствах, обладающих аллоцентрическим кодированием. В качестве примера можно привести тот факт, что мы обнаруживаем цели и намерения, стоящие за воспринимаемым поведением людей, автоматически запуская бессознательную симуляцию их моторного поведения. Одновременно мы можем произвести "ретроспекцию" их психических состояний, создав абстрактную аллоцентрическую репрезентацию цели,

связанную с этим воспринимаемым поведением, которую мы, так сказать, сначала "реализуем" в терминах бессознательной, эгоцентрической двигательной симуляции (например, см. Gallese and Goldman 1998; см. также раздел 6.3.3). Другой пример ментальной симуляции нецентрированной модели реальности можно найти в книге Томаса Нагеля "Взгляд из ниоткуда" (Nagel 1986, глава 4; Metzinger 1993, 1995c; Malcolm 1988; Lycan 1987). Условием возможности всех этих предполагаемых симуляций является то, что они происходят на фоне центрированной модели реальности. Развитие и функционирование в рамках эгоцентрической модели реальности может оказаться адаптивным только потому, что наше поведенческое, а также перцептивное пространство центрировано. Тривиально, мы - существа, сосредоточившие все свои сенсоры и эффекторы в очень узкой области нашего взаимодействия. У нас одно единственное тело. Как отметил Хосе Луис Бермудес (1997, p. 464 f.; 1998), в конечном счете, мышление от первого лица и лингвистическая самореференция, по сути, основаны на непрерывности единственного пути через пространство-время. Более того, пространственно-временная непрерывность единого, непреходящего тела составляет не только важную часть содержания восприятия, но и каузально лежит в основе точки отсчета, выражающейся во внутренней когерентности перцептивно обусловленных состояний. Конечно, это не является логической необходимостью, но делает определенные формы моделирования реальности более практичными, чем другие. Однако в конечном итоге, на более высоком уровне, это важный шаг к созданию подлинной перспективы первого лица в плане феноменального моделирования самого отношения интенциональности. Я вернусь к этому вопросу в разделе 6.5.

Нейронные корреляты полного погружения

Сегодня мы имеем первые умозрительные представления о необходимых нейронных коррелятах для конкретных содержаний, составляющих Я-модель человека, например эмоций или проприоцепции (см., например, Damasio 1999, глава 8). Однако почти ничего не известно о достаточных коррелятах или необходимом интегративном механизме, объединяющем эти различные содержания в целостную феноменальную саморепрезентацию. Все, что можно предположить, - это то, что они будут широко распространены в мозге.

6.2.4 Конволютивный холизм феноменального Я

Пространство нашего сознательного опыта обладает целостным характером, и этот холизм является всеобъемлющим, поскольку он распространяется и на множество различных форм постоянно меняющегося феноменального содержания, из которого оно состоит. Это справедливо и для той субрегиональной области, которая феноменально переживается как внутренняя, - области, составляющей Я-модель. Сознательное "я" - это парадигматический случай феноменального холона. В главе 3 мы коснулись того, что каждый феноменальный холон может быть проанализирован как функциональное окно, каузально опосредующее связь между частями внутренней структуры организма и остальной частью вселенной, позволяя этим частям действовать как единое целое. В 1967 году Артур Кестлер, который ввел понятие холона, написал: "Каждый холон имеет двойную тенденцию - сохранять и утверждать свою индивидуальность как квазиавтономное целое; и функционировать как интегрированная часть (существующего или развивающегося) большего целого" (с. 343). Это утверждение, хотя и сделанное в другом контексте, очевидно, справедливо и для феноменальной Я-модели.

Однако содержание, активное в этой специфической области пространства состояний, не только целостно, но и демонстрирует переменную степень внутренней согласованности, а также богатую и динамичную внутреннюю структуру.

Конволютивный холизм как феноменальная особенность самосознания

Важным фактором, порождающим субъективность феноменального опыта, является непередаваемое присутствие "я" в мире. Феноменальное "я" представляет собой субглобальное целое ("мир внутри мира"), а информация, отображаемая в этом целом и интегрированная в него, глобально доступна для системного познания, внимания и контроля действий. Общий холизм феноменального "я" обусловлен тем, что интроспективно различаемые аспекты опыта, формируемые им, не могут быть адекватно описаны как изолированные элементы множества. Они не являются отдельными компонентами класса, а представляют собой мерологическое отношение между частями и целым. За исключением особых ситуаций, таких как яркая шизофрения (см. раздел 7.2.2), всегда верно, что деконтекстуализированные феноменальные атомы никогда не существуют внутри сознательного Я. Самость - это контекст, определяющий их значение, связывая их во всеобъемлющую репрезентацию системы в целом. Что атомистический анализ никогда не сможет понять, так это субъективно переживаемую силу, с помощью которой интегрируются различные аспекты нашего феноменального "я". Вторым феноменологическим ограничением является изменчивость этой силы. Различные аспекты нашего феноменального "я" демонстрируют разную степень относительной взаимосвязанности, например, в когнитивной

и эмоциональной саморепрезентации - ценность, которую мы приписываем себе как мыслящим субъектам, может быть совершенно изолирована от соответствующих эмоциональных отношений, которые мы имеем с собой. Эта изменчивость когерентности сама по себе является содержанием субъективного опыта. Следовательно, она является и объяснением.

Опять же, неизвестный субличностный механизм, автоматически и непрерывно составляющий феноменальную самость, гораздо сильнее, чем механизм, лежащий в основе формирования классов или ментальных предикаций, как мы их находим, например, в когнитивных процессах. Обладание феноменальной самостью является необходимым условием познания, а не его результатом. Феноменальная перспектива первого лица, как генетически, так и концептуально, предшествует когнитивной перспективе первого лица (см. раздел 6.4.4). Переживание самости отличается от мысли о себе или представления о себе как о субъекте. Я, состоящее из отдельных частей, может образовать единство, но никогда не станет феноменальным целым. Все части меня органично интегрированы в феноменальный гештальт - этимологически немецкое слово "гештальт" возникло на личностном уровне описания. Феноменальное "я" на субглобальном уровне феноменальной гранулярности обладает органической структурой, а его содержания связаны между собой подобно тонкой сети, создавая квазижидкую динамику, включая быстрые и плавные переходы в их содержании. Мы все можем направить свое интроспективное внимание на эту особенность нашего феноменального "я". В этот момент также становится неизбежным отметить, что целевой объект, внутренне моделируемый феноменальным "я", обладает органической структурой (поскольку он является организмом). Нейронные элементы в его мозге связаны между собой в виде тонкой сети (потому что его мозг - это сеть), и не только информационная динамика в мозге организма, но и биохимический уровень обработки

информации, происходящий в виде уровня гормонов, сахара в крови и так далее во всех внутренних жидкостях организма, является жидкой динамикой в еще более буквальном смысле (потому что все это в конечном итоге заложено в жидкостях организма). Тонкий, элегантный и плавный способ, которым происходят изменения в нашем самосознании, на самом деле может отражать объективные физические свойства нашего тела на многих уровнях и в гораздо более буквальном смысле, чем мы когда-либо думали. Увлекательно отметить, как такие свойства могут даже "перетекать" или заражать то, как мы внутренне моделируем внешний мир. В конце концов, по крайней мере, феноменальное содержание нашей внутренней модели мира полностью зависит от синхронных и внутренних свойств нашего тела.

Механизм, приводящий к этой гибкой субсимволической динамике, однако, не поддается когнитивному проникновению и не доступен ни для внимания, ни для прямого волевого вмешательства. Например, я не могу сознательно расщепить или растворить свое феноменальное "я". А вы когда-нибудь пробовали это сделать? С другой стороны, сознательное содержание саморепрезентации само по себе очень избирательно, и, направляя интроспективное внимание, я могу выделить самые разные аспекты моего текущего самосознания. Его содержание может быть модулировано, усилено или подавлено. Я также могу сознательно добавлять в него новое содержание, то есть запускать феноменальные самосимуляции разного рода. Интересно, что степень реализации аттенциональной доступности может сильно варьироваться: Внимание обычно привлекают внезапные изменения эмоционального ландшафта или когнитивного содержания, в то время как большинство людей практически никогда не обращают внимания на наиболее инвариантные области в ПСМ, то есть на те самые стабильные особенности телесного самосознания, которые, например, представлены проприоцепцией, чувством равновесия и висцеральной

чувствительностью. Феноменологически само тело может быть во многих случаях представлено лишь как тихо мерцающее фоновое присутствие или в виде смещающихся, но изолированных "островков внимания". Блуждание таких островков внимания можно, например, представить как систематическое привлечение областей, в которых разница между сенсорным входом и фактическим выходом Я-модели велика (Cruse 1999, p. 168 f.). Тем не менее, даже когда мы находимся в расслабленном и статичном состоянии (то есть когда модель тела подходит, потому что разница между ее выходом и сенсорным входом равна нулю), наше телесное самосознание как таковое не просто исчезает.

Аттенциональный ландшафт может быть плоским, но мы определенно не чувствуем себя развоплощенными. Это еще одно феноменологическое ограничение для вычислительного моделирования: похоже, что в ПСМ существует базовый и функционально автономный уровень, который активен независимо от аттенциональной или когнитивной обработки, действующей на нем.

Почему холизм Я-модели является свернутым видом холизма? Конкретная целостность моего собственного "я", проявляющаяся в сознательном опыте, характеризуется множеством внутренних отношений "часть-целое". Эти отношения являются динамическими (ограничение 5): они могут претерпевать быстрые и калейдоскопические изменения. Не только общая феноменальная модель реальности, но и самомодель не складывается из мешка, содержащего атомарные элементы, а возникает из упорядоченной иерархии отношений "часть-целое". Однако любая реалистичная феноменология должна учитывать тот факт, что эта иерархия очень гибкая, "жидкая". Рассматриваемый как перцептивный объект, феноменальный образ тела объединяет в единое целое ряд самых разных свойств, таких как ощущаемая температура, эмоциональное содержание, пространственное восприятие и восприятие движения и так далее. Он представляет собой нечто вроде

внутренней сцены, сцены, исключительно внутреннего мультимодального ситуационного контекста. На этом едином фоне можно постоянно выделять множество различных форм эмпирического содержания. Другой способ взглянуть на феноменальную самость - не как на перцептивный, а как на когнитивный объект (см. раздел 6.4.4), который, однако, также закреплен в этом постоянном феноменологическом субконтексте. Хотя требуется очень тщательная интроспекция, чтобы обнаружить, что даже когнитивная деятельность обладает эмпирическими моторными аспектами, и хотя когнитивная деятельность, кажется, не обладает никакими сенсорными или пространственными компонентами, она постоянно связана с фоном телесной самости, порождающей феноменальное качество "минности", о котором я уже упоминал. Ощущения жары или жажды, различные эмоции, а также результаты рассуждений и других чисто интеллектуальных действий - все это переживается как мои собственные состояния. Даже когда на постоянный феноменальный опыт актуального состояния тела накладываются предполагаемые феноменальные симуляции возможных "я", всегда ясно, что эти фантазии и планы на будущее являются моими собственными в том же смысле, что и мои текущие телесные ощущения. Как бы ни перемещался фокус моего интроспективного внимания, всеобъемлющая целостность никогда не подвергается угрозе. Однако что постоянно меняется, так это способ, которым телесные, эмоциональные и когнитивные содержания опыта вложены друг в друга.

Конволютный холизм как свойство самопрезентации

Вопрос о единстве сознания тесно связан с вопросом о единстве самосознания. Может ли первое существовать без второго? Трудность лежит на уровне интуиции: Мы не можем

феноменально смоделировать ситуацию, в которой существовало бы единое сознание без единства самосознания. Для существ, подобных нам, такая конфигурация феноменально невозможна, и многие философы пришли к сомнительному выводу, что наличие единой самости каким-то образом представляет собой концептуальную необходимость. Но как конституируется единство самости? Если наш феноменологический анализ сознательной модели реальности как проявляющей абстрактную особенность свернутого холизма верен, то должно быть возможно обнаружить соответствующую особенность на уровне репрезентативной глубинной структуры и на уровне базовой функциональной структуры (см. раздел 3.2.4). То же самое должно быть верно и для феноменальной модели самости. Как только мы сузим круг минимально достаточных нейронных коррелятов для феноменального "я", которые, несомненно, будут сильно распределены, нам придется искать набор абстрактных свойств, объясняющих вышеупомянутые особенности. Это может происходить, например, на уровне математических моделей, описывающих соответствующие части нейронной динамики. Очевидно, что сейчас еще слишком рано делать какие-либо четкие заявления в этом направлении. Все, что мы можем сделать в настоящее время, - это сформулировать два важных репрезентативных ограничения: Репрезентативный анализ феноменального "я" должен будет предложить, во-первых, кандидата на специфическую интегративную функцию, порождающую феноменальное качество "минности", характеризующее все черты, связанные с Я-моделью, и, во-вторых, всеобъемлющую теорию, описывающую множество внутренних, динамических отношений "часть-целое".

Конволютный холизм как информационно-вычислительная стратегия самопрезентации

И в этом случае применимы многие наблюдения, сделанные в главе 2. Системная информация, представленная в целостном формате, - это когерентная информация. Системная, феноменальная информация - это та информация, которая доступна системе как единственно возможный объект целенаправленного познания и фокусировки внимания. В то же время информация, интегрированная в свернутую целостную самомодель, порождает внутренний вид взаимозависимости. Поскольку отдельные характеристики, например, фоновые эмоции и когнитивные состояния, непосредственно влияют друг на друга в рамках этой модели, она обеспечивает новый способ представления сложной причинно-следственной структуры, управляющей внутренней динамикой самой системы.

Конволютный холизм в самопрезентации как функциональное свойство

Очевидно, что это большое преимущество - иметь все те свойства системы, которые необходимо постоянно отслеживать, в одном интегрированном формате, поскольку система должна быть способна быстро и гибко реагировать на них. Именно такой интегрированный формат данных для самопрезентации, самопредставления и самосимуляции может оказаться наиболее значимым фактором в понимании вычислительной роли PSM. Если верно, что свернутый характер феноменального содержания, задаваемого в режиме само моделирования, отражается на функциональном уровне, то для системы должен быть возможен прямой доступ к аспектам ее собственной внутренней каузальной структуры. Например, выполняя предполагаемую самосимуляцию определенных возможных когнитивных состояний, система могла бы попытаться напрямую "считать", как, вероятно,

изменилось бы ее собственное эмоциональное состояние в этой ситуации. ("Каково это - быть убежденным в этом?") То есть во время феноменальной самосимуляции система может использовать тот факт, что все компоненты феноменальной самосимуляции могут обновляться быстро, гибко и контекстно-чувствительно, в зависимости от содержания других саморепрезентативных частей, которые могут быть либо активны в данный момент, либо заложены как имплицитные характеристики, присущие функциональному ландшафту системы.

Нейронные корреляты конволютного холизма в самопрезентации

Опять же, верно, что в настоящее время почти ничего не известно о возможных нейронных коррелятах феноменологических особенностей и субличных ограничений, которые я только что описал.

6.2.5 Динамика феноменального "Я"

Существует существенная часть ПСМ, функция которой заключается в формировании стабильности и инвариантности (см. раздел 5.4). Однако многие формы саморепрезентативного содержания, возникающие в результате активных конструктивных процессов, претерпевают частые изменения. Мы являемся не только воспринимающими, внимающими и мыслящими субъектами, но и агентами. Как когнитивные, аттенционные и волевые агенты мы постоянно генерируем изменения в содержании феноменального самосознания. Как воплощенные агенты, перемещающиеся по миру, мы постоянно генерируем проприоцептивную и кинестетическую обратную связь. Изменения в нашем ПСМ

связаны с внутренним временным порядком, который - как мы иногда испытываем, занимаясь очень приятной деятельностью или во время чрезвычайных ситуаций - может значительно отличаться от того, что мы субъективно ощущаем как "внешнее" или "физическое" время. Короче говоря, временная эволюция сознательного "я" - явление с богатой текстурой.

Феноменология динамического Я

Какова бы ни была моя истинная природа, я - существо, которое претерпевает изменения. Некоторые из этих изменений, например приступы ревности, происходят очень быстро. Другие происходят слишком медленно, чтобы их можно было заметить. Так, определенные эмоциональные нюансы или субъективные "энергетические уровни" на заднем плане телесного сознания претерпевают медленные трансформации, которые едва уловимы и могут длиться многие десятилетия. Я могу интроспективно обнаружить в себе все феноменологические аспекты переживания времени, подробно описанные в разделе 3.2.5: одновременность телесных ощущений; последовательность и серийность, парадигматически переживаемые в сознательных рассуждениях; переживание себя как части и контакта с реальностью благодаря присутствующему "я"; и, наконец, феноменология самосознания, характеризующаяся сильным элементом длительности. Последний аспект особенно интересен, поскольку связность и длительность феноменального "я", как ни банально, весьма прерывиста, например, неоднократно и достоверно прерывается фазами глубокого и сновидческого сна. Именно неизменность телесного самосознания, агентности и автобиографической памяти составляет сознательный опыт непреходящей самости. Концептуальная реификация того, что на самом деле является очень нестабильным и эпизодическим процессом, повторяет феноменологическое заблуждение,

пронизывающее почти весь народно-психологический и значительную часть философского дискурса о самосознании. Но оно даже феноменологически ложно: мы - не вещи, а процессы.

Аспект прожитого опыта, то, что в немецкой традиции философской феноменологии называется *Erleben*, становится наиболее рельефным на уровне феноменального "я": Я - живой человек, не машина, сконструированная из атомистических элементов, а целостное существо, создающее феноменальную биографию, будучи контекстуально связанным, активным субъектом. Чтобы вновь избежать классического феноменологического заблуждения, важно отметить, что в этом описании нет никакой концептуальной необходимости. Для того чтобы быть сознательным, не обязательно переживать себя как живого человека. Существуют нейропсихиатрические расстройства, при которых пациенты утрачивают именно этот и только этот аспект своего феноменального "я", не теряя при этом сознательного опыта или перспективы первого лица. При синдроме Котара пациенты переживают себя как мертвых, как не являющихся больше живыми существами (см. раздел 7.2.2). У таких пациентов формируется твердое и стойкое убеждение, что они больше не являются живыми людьми, и они сознательно переживают именно этот факт. При тяжелых формах деперсонализации пациент, как правило, приходит к психиатру, потому что переживает, что превращается в машину или в марионетку с дистанционным управлением. Одной из самых больших опасностей в философии сознания и в традиционных теориях субъективности в частности является недооценка богатства и сложности исследуемого феномена, например, путем абсурдных утверждений о необходимых априорных характеристиках. На самом деле существует множество различных видов девиантного феноменального само моделирования (см. главу 7). Они даже не обязательно должны быть патологическими. Как мы все знаем, степень, в

которой мы переживаем себя как реальных и полностью присутствующих, - это еще один аспект динамического самосознания, который может сильно варьироваться даже в непатологических ситуациях. Представьте себе, что вы полностью поглощены игрой в шахматы, или ощущение "нереальности", которое вы можете испытывать во время несчастного случая или во сне. В медитации, после того как вся когнитивная деятельность без усилий завершается и внимание переходит в стабильное, глобальное состояние, специфические аспекты феноменального самосознания, такие как автобиографическая память, когнитивная и аттенциональная агентивность и эмоциональное само моделирование, могут быть временно приостановлены. Феноменологически это может привести к заметной потере в плане удовлетворения ограничений динамичности, в то же время создавая опыт повышенного и максимально интегрированного телесного присутствия. Эти примеры показывают, как свернутый холизм феноменального самосознания расширяется во временное измерение путем простого конструирования и реконструкции определенных аспектов сознательного "я" из сети динамических отношений "часть-целое". Они также демонстрируют богатство феноменального само моделирования: Очевидно, что даже субклиническая изменчивость, связанная с темпоральными свойствами сознательного само моделирования, очень высока.

Динамичность как свойство феноменальной саморепрезентации

Один из важных аспектов в понимании того, чем на самом деле является ПСМ, заключается в анализе ее как репрезентативного инструмента, позволяющего системе предсказывать свое собственное поведение. Не только мозг,

но и весь организм в целом можно описать как нелинейную динамическую систему. Адаптивное поведение является результатом непрерывного взаимодействия трех динамических систем, обладающих богатой, сложной и высокоструктурированной динамикой: нервной системы, организма и окружающей среды (Chiel and Beer 1997).

Нервная система, согласно этой концептуальной системе отсчета, не отдает команды телу, а делает "предложения" физике системы, которая, в свою очередь, генерирует свою собственную функциональную структуру. Нервная система, и это будет справедливо и для частного случая самопрезентации, является не столько контролером сверху вниз, сколько системой, задача которой состоит в генерации адекватных паттернов в рамках общей динамики. Интересно, что новые поведенческие паттерны теперь являются свойствами этой тройной, связанной системы. Наш поведенческий профиль богат и гибок, и минимальные изменения в начальных условиях могут привести к драматическим изменениям в явных паттернах нашего поведения. Младенцам и детям младшего возраста трудно предугадать, что они будут делать дальше: Они часто удивляются собственным поведенческим реакциям и еще не способны к долгосрочному планированию своего поведения. Будучи взрослыми, мы в гораздо большей степени способны предсказывать свои будущие действия, тем самым достигая биографической последовательности и закладывая основы стабильных социальных отношений. В общем, легко понять, что способность прогнозировать собственное поведение обладает высокой адаптивной ценностью и является необходимым условием для восприятия себя как агента.

В принципе, существует два важных класса стратегий прогнозирования для сложных нелинейных систем. Первый класс работает с внешней, третьей точки зрения. Например, мы можем разработать теоретический подход и использовать

определенные математические инструменты, чтобы сделать поведение системы формально объяснимым. Математическое моделирование, вероятно, является лучшим примером такой внешней стратегии. Однако мысленное моделирование динамики поведения определенной целевой системы - это еще одна, не менее валидная, стратегия от третьего лица для достижения той же цели. Отдельные системы, если они обладают необходимыми и достаточными репрезентативными ресурсами для активации ментальных моделей (см. раздел 3.3.1), могут внутренне моделировать поведение другой отдельной системы. Если они удовлетворяют необходимым и достаточным условиям для создания феноменальных ментальных моделей (см. раздел 3.3.2), они могут даже развить сознательный опыт попытки мысленно предсказать поведение, например, своего товарища. Другими словами, они могут разработать феноменальные симуляции вероятного будущего поведения другой системы.

Важно отметить, что существует второй класс стратегий предсказания поведения очень сложной, нелинейной динамической системы с помощью феноменальной модели - но на этот раз с позиции первого лица. Он заключается во внутреннем моделировании будущего поведения системы самой системой - активизации внутренней само модели и использовании ее в качестве инструмента для предсказания собственного поведения. Опять же, если такая система удовлетворяет необходимым и достаточным условиям для развития сознательной само модели, она теперь способна субъективно переживать себя как существо, которое предпринимает попытки предсказать свое собственное будущее поведение. Непрерывная попытка разработать последовательную, темпорально структурированную и хорошо интегрированную последовательность поведения, простирающуюся в будущее, теперь является свойством системы, которое стало глобально доступным. Тот факт, что эта самая система делает предсказания о своем собственном

будущем поведении, в свою очередь, становится доступным для самонаправленного внимания и познания. Очевидно, что только что описанная репрезентативная структура является центральным необходимым условием для возникновения того феноменального свойства высшего порядка, которое мы обычно называем "агентностью" (см. раздел 6.4.5).

Более того, для того чтобы внутренняя Я-модель была успешным инструментом предсказания будущей поведенческой динамики индивидуальной системы, она должна каким-то образом зеркально отражать важные функциональные характеристики именно той части ее внутренней динамики, которая в конечном итоге и будет вызывать соответствующие открытые действия. Таким образом, становится очевидным, насколько многие замечания о динамичности феноменальных репрезентаций, высказанные в разделе 3.2.5, теперь применимы и к ПСМ. Одна из важных идей, присущих динамистской когнитивной науке, состоит в том, чтобы представлять себе интенциональность не как жесткое, абстрактное отношение, направленное от субъекта к интенциональному объекту, а как динамический физический процесс. Точно так же и рефлексивность теперь будет не жестким, абстрактным отношением, в котором субъект противопоставлен самому себе, а конструктивным, динамичным физическим процессом, генерирующим постоянно обновляемую Я-модель, которая, как мы только что видели, может быть расширена до четвертого измерения. Оба момента особенно важны для описания феноменального содержания, которое на самом деле лежит в основе возникновения сильного когнитивного субъекта и сознательной модели отношения интенциональности (см. разделы 6.4.4 и 6.5). Обе формы должны удовлетворять ограничению динамичности.

Динамичность как информационно-вычислительная стратегия самопрезентации

Когерентная самомодель приводит к наиболее фундаментальной сегментации репрезентативного пространства, генерируя преаттентивную границу "я-мир". Следовательно, это позволяет системе взглянуть на свое поведенческое пространство, область прямого каузального взаимодействия с физическим миром, с новой точки зрения. В частности, становится возможным самонаправляемое поведение: Информация, связанная с системой, может быть глобально доступна для управления действиями. Вторым моментом, с которым мы уже неоднократно сталкивались, заключается в том, что можно предположить, что биологическая ценность сознания отчасти заключается в повышении гибкости поведенческого репертуара организма. Очевидно, что одним из важных факторов в достижении этого свойства должно было стать более точное моделирование временной структуры области каузальных взаимодействий и текущих сенсомоторных петель. Это особенно актуально для той части поведенческого репертуара, которую составляют самонаправленные действия: сама биологическая система может характеризоваться внезапными, а иногда и непредсказуемыми изменениями. Поэтому этот динамизм должен быть отражен в реляционных свойствах и тонкой временной структуре PSM. Короче говоря, самомодель будет хорошим вычислительным инструментом только в том случае, если она успешно имитирует соответствующие аспекты физической динамики, характеризующей систему, в которой она создается.

Кроме того, интересно отметить, что фактическая ковариация репрезентации с физическим миром, установленная с помощью Я-модели, может быть весьма изменчивой, и этот факт может непосредственно отражаться в определенных содержаниях, колеблющихся в сознательном ПСМ и вне его. Как отметил Дзюн Тани (1999), интересный способ представить ПСМ в динамистской перспективе - это сущность, которая имеет как заземленные, так и

незаземленные компоненты и которая время от времени более или менее "взлетает", отступая от своей связи с текущим состоянием тела. Полностью заземленная Я-модель просто исчезла бы. В принципе, феноменальная самость возникает до тех пор, пока существует конфликт или несогласованность между процессами "снизу вверх" и "сверху вниз", между ожиданием и реальным восприятием. Согласно этой модели, самосознание существенно снижается во время устойчивых фаз, не требуя дополнительной обработки внимания (Тані 1999, р. 172; см. также Cruse 1999). Это феномен, возникающий в открытой динамической системе, взаимодействующей с внешним миром. В ходе собственной временной эволюции целеустремленность функционирует как источник стабильности этой системы, в то время как физическое воплощение представляет собой постоянные возмущения и нестабильности. Сознательное "я" возникает именно в те моменты, когда возникает несогласованность, которая должна быть разрешена путем обработки на уровне глобальной доступности.

Динамичность как функциональное свойство сознательной саморепрезентации

Одно из самых прекрасных свойств человека - способность удивляться самому себе. Как мы видели, маленькие дети постоянно удивляют самих себя. По мере развития их "я-модели" растет и их способность к самопредсказанию. Интересно отметить, что способность преднамеренно удивлять других была очень выгодным свойством с эволюционной точки зрения. Для животных, постоянно сталкивающихся с угрозой хищников, создание хаоса и непредсказуемости будет иметь максимальное значение. Кролик, которого преследует ястреб, создаст наилучшие шансы на собственное выживание и выживание своего потомства, если сможет генерировать хаотичное двигательное поведение - непредсказуемый способ бега,

которому невозможно научиться на основе наблюдения. Таким образом, с точки зрения телеофункционализма, будет высокоадаптивным, если самомодель позволяет генерировать непредсказуемый двигательный результат в определенных ситуациях. Динамичность можно интерпретировать как содержательное свойство Я-модели, например, оценивая временные свойства системы Я-моделирования. Интересно рассматривать ее и как функциональное свойство средства самомоделирования. Оно реализует определенную каузальную роль - например, делает глобально доступной когерентную, связанную с системой информацию в виртуальном окне присутствия - весьма специфическим образом. Во-первых, он имитирует временной профиль определенных аспектов самой системы. Во-вторых, как физически реализованный носитель репрезентативного содержания, он, конечно же, причинно встроен в саму физическую динамику системы, определенные аспекты которой он внутренне моделирует для системы.

Нейродинамика феноменальной саморепрезентации

На момент написания этой статьи почти ничего не известно о конкретной нейродинамике, лежащей в основе процесса феноменального самомоделирования.

6.2.6 Прозрачность: От системы-модели к феноменальному Я

В главе 3, представляя наш первоначальный набор из десяти многоуровневых ограничений, в разделе 3.2.6 мы обсудили ограничение перспективности. Поскольку перспективность сама по себе является главным компонентом в понимании репрезентативной глубинной структуры феноменальной перспективы первого лица, я пропущу соответствующий

раздел и подробно обращусь к этому вопросу в конце этой главы (раздел 6.5). Однако позвольте мне сразу же отметить, что существует весьма специфический и уместный смысл, в котором исходное ограничение перспективности (ограничение 6) может быть удовлетворено не только моделью мира, но и моделью "я". Если мы обращаем внимание на себя или думаем о себе, то процесс само моделирования второго порядка направлен на уже существующую само модель. Как будто перспектива первого лица обращена вовнутрь, а ее целевой объект теперь является аспектом самого субъекта. Эти саморепрезентативные структуры более высокого порядка я рассматриваю во второй половине этой главы. Сначала мы должны понять, как они возможны. Они возможны потому, что один решающий раздел Я-модели неизменно остается прозрачным.

В самом начале этой главы я выделил три феноменальных целевых свойства: "минность", "самость" и "перспективность". Некоторое время назад, в разделе 3.2.7 главы 3, мы разработали ограничение прозрачности для феноменальных репрезентатов. Применение этого ограничения к концепции сознательной Я-модели является решающим шагом в понимании того, как второе из наших целевых свойств - сознательный опыт самости - может быть редуکتивно объяснен, используя репрезентационистский уровень описания в качестве отправной точки.

Когда речь заходит о самости, антиредукционистский ответ на разработанную здесь репрезентационистско-функционалистскую стратегию очевиден и прост. Оппонент будет утверждать, что просто не существует концептуально необходимой связи между функциональными и репрезентативными ограничениями, разработанными до сих пор, и феноменальным целевым свойством самости. Репрезентативный процесс ментального само моделирования в рамках когерентной модели мира и виртуального окна

присутствия, холизм и динамика которого также признаются, не обязательно ведет к существованию полноценной феноменальной самости. Типичный дуалист свойств мог бы утверждать, что биологические информационно-процессорные системы открывают функционально центрированные репрезентативные пространства и всегда встраивают модель себя в модель реальности, действующую в этом пространстве, не порождая тем самым автоматически феноменальную самость. Активная, динамическая "Я-модель", при ближайшем рассмотрении, оказывается всего лишь репрезентацией системы; это система-модель, а уж никак не Я. Особо злобный оппонент может даже заявить, что, введя понятие "Я-модель", я фактически обманул, установив насос интуиции, который в конечном итоге опирается на двусмысленность, тайно введенную с помощью понятия "Я". Система-модель просто не является самомоделью. Любая машина может сделать это, и, фактически, многие машины делают это сегодня. Тот факт, что система-модель является внутренней моделью, и даже идентичность целевой и эмулирующей системы и удовлетворение наших трех минимальных ограничений для любого типа феноменальной репрезентации (презентационность плюс глобальность плюс прозрачность) не определяют, что подлинный опыт бытия кем-то, феноменальной самости, будет существовать. Что необходимо - по концептуальной необходимости - сделать шаг от функционального свойства центрированности и репрезентативного свойства само моделирования к сознательно переживаемому феноменальному свойству самости?

В этом разделе я утверждаю, что то, что в философии сознания называется "феноменальной самостью", а в научном или народно-психологическом контексте часто называется просто "самостью", является содержанием феноменально прозрачной Я-модели. Как мы уже видели, существуют и другие необходимые условия для того, чтобы

бессознательная, просто ментальная Я-модель стала сознательным Я, ПСМ. Однако я считаю, что ограничение прозрачности, по ряду причин, является решающей определяющей характеристикой. В главе 3 я указал, что концепция прозрачности отнюдь не нова и в последнее время стала популярной среди большого числа философов, участвующих в текущих дебатах. Ранее, как читатели, возможно, помнят, я представил свое собственное, несколько уточненное понятие прозрачности, явно не связывая его напрямую с другими современными употреблением. Прежде чем перейти к нашим четырем уровням описания, давайте применим центральную мысль к понятию само модели: Феноменальный саморепрезентатум, таким образом, эквивалентен тому, который не может быть признан таковым системой, активирующей его в себе. Мы переживаем содержание нашего самосознания не как содержание репрезентативного процесса, и мы переживаем его не как некий каузально активный внутренний носитель системы в ее всеохватывающей модели реальности, а просто как себя, живущих в мире прямо сейчас.

Феноменология прозрачного само моделирования

Прозрачность Я-модели - это особая форма внутренней темноты. Она заключается в том, что репрезентативный характер содержаний самосознания недоступен субъективному опыту. Это утверждение относится ко всем различным сенсорным модальностям, составляющим внутренние источники информации, из которых формируется ПСМ: висцеральная чувствительность, кинестетические и проприоцептивные, тактильные и осязательные, и даже вестибулярные стимулы. Однако это справедливо и для самонаправленного зрительного, слухового, внешнеосязательного, обонятельного и вкусового

опыта, для самовосприятия через экстрадермальные источники информации. В частности, это касается интегрированной феноменальной модели организма в целом: Инструмент саморепрезентации не является глобально доступным как таковой, и это также является причиной того, что переживающая система по необходимости запутывается в наивном реализме в отношении содержания своей собственной ментальной саморепрезентации. Для многих форм сознательной саморепрезентации более ранние стадии обработки недоступны для внимания. Благодаря контингентному свойству своей репрезентативной архитектуры, такая система просто вынуждена переживать себя как находящуюся в непосредственном контакте с содержанием своего самосознания. Факт, недоступный системе, использующей свои встроенные репрезентативные ресурсы, заключается в том, что ее самоощущение происходит внутри среды. Полностью прозрачная саморепрезентация характеризуется тем, что механизмы, приведшие к ее активации, и дополнительно факт существования конкретного внутреннего состояния, выступающего носителем их содержания, уже не могут быть осознаны. Таким образом, феноменология прозрачного само моделирования - это феноменология самости. Это феноменология системы, оказавшейся в наивно-реалистическом самонепонимании.

Опять же, непрозрачная феноменальная саморепрезентация действительно существует. Намеренные феноменальные симуляции, определенные эмоции и сознательно переживаемые когнитивные процессы, в частности, являются стандартными примерами текущих процессов само моделирования, переживаемых как репрезентативный процесс. Когнитивное само моделирование в целом непрозрачно, хотя в нем всегда присутствует прозрачный компонент. Поскольку вопрос о том, как полноценное когнитивное, рефлексивное самосознание может быть закреплено в неконцептуальных формах самосознания,

имеет большое значение для философской дискуссии, я посвятил этой проблеме ряд специальных разделов и могу смело пропустить вопрос о непрозрачном само моделировании на данном этапе (см. разделы 6.4.1, 6.4.4, и 6.5.2). В данный момент, чтобы отдать должное феноменологии прозрачного само моделирования, важно отметить лишь два наиболее интересных аспекта. Во-первых, в самосознании существует тонкий континуум от прозрачного к непрозрачному содержанию. Есть аспекты нас самих, например, конкретность и непосредственность телесного присутствия и некоторые элементарные эмоции, которые мы никогда не переживаем как психические (в том смысле, что они являются результатом по сути репрезентативно-симулятивной деятельности). Существуют и другие формы самопрезентации, в которых нас начинает осеять, что мы, возможно, искажаем реальность, в частности наше социальное окружение. Однако иногда мы внезапно осознаем, что наша эмоциональная реакция может быть неадекватной нашему текущему социальному окружению. Возьмем, к примеру, ревность. Мы можем внезапно осознать репрезентативный характер нашей собственной ревности, если поймем, что на самом деле все это может быть искажением - например, тех людей в нашем социальном окружении, к которым мы ревнуем. В эмоциях мы часто колеблемся между уверенностью и неуверенностью, между непосредственностью очевидного восприятия и сомнениями. В начале ревности она вполне может переживаться как нечто неоспоримое, конкретное и непосредственно данное, как прямое восприятие того, как ведет себя ваш муж или жена в данный момент. Со временем вы вполне можете обнаружить, что переживаете собственное эмоциональное состояние, определенный участок вашего ПСМ, как простое представление, которое, по сути, может оказаться ложным. То, что было свойством другого человека, вдруг становится свойством вас самих. Медиум становится видимым, так сказать. Ревность, кстати, является хорошим примером того, как феноменальное искажение может обладать истинным

телеофункционалистским описанием: очевидно, что страдать от ревнивой паранойи очень выгодно с биологической точки зрения.

Есть и такие участки ПСМ, которые всегда остаются непрозрачными. В то время как формы само моделирования более высокого порядка, такие как самонаправленное внимание, все еще могут быть полностью захвачены наивно-реалистическим самопониманием - вы просто "смотрите" или "чувствуете" ту часть себя, с которой, как вам кажется, вы все равно находитесь в прямом контакте, - самонаправленное познание обычно характеризуется феноменологией инсайта. Вы просто как бы знаете, что все это - непрерывный процесс самопрезентации, и в то же время уверены, что сами являетесь инициатором этого процесса. Это, конечно, классическая интуиция Декарта, и позже я вернусь к вопросу о том, в какой степени это просто еще одна версия феноменологического заблуждения - неоправданного использования экзистенциального квантификатора в психологическом операторе.

Важна вторая феноменологическая характеристика. Существуют большие классы феноменальных состояний, в которых наша Я-модель полностью прозрачна, и мы не думаем и не участвуем в процессах само моделирования более высокого порядка, таких как самонаправленное внимание и познание. Если мы не ревнуем или полностью погружены в физическую деятельность, будут фазы, в которых наша ПСМ лишена какого-либо непрозрачного содержания. В определенном, не менее важном, смысле мы в таких ситуациях "едины с собой". Мы не отдаляемся от самих себя, генерируя саморепрезентационное содержание более высокого порядка, и философская проблема "разум-тело" никогда бы не возникла перед нами. Феноменальная самопрозрачность может существовать без непрозрачных компонентов. Многие животные и большинство

человеческих младенцев могут находиться на этой стадии. Однако феноменологически обратная ситуация никогда не существует: просто не существует классов феноменальных состояний, в которых мы переживаем себя как чистые, развоплощенные духи, не имеющие никакого местоположения в физическом или поведенческом пространстве (см. раздел 7.2.3.2). Мыслящий субъект нуждается в телесном "я", и эта ситуация четко отражается на уровне феноменального само моделирования. Просто не существует сознательной саморепрезентации, характеризующейся непрозрачным содержанием во всей своей полноте; когнитивная самореференция всегда происходит на фоне прозрачного, доконцептуального само моделирования. Подробнее об этом позже.

Феноменологические ограничения - это ограничения от первого лица. К этому моменту должно было стать очевидным, что существование прозрачной Я-модели является одним из центральных условий, необходимых для объяснения того, что мы на самом деле подразумеваем под таким понятием, как "ограничения от первого лица". В разделе 6.5 я вернусь к этому вопросу, и тогда мы сможем глубже понять природу соответствующих концептуальных ограничений как таковых.

Прозрачность как свойство самопрезентации

Феноменальная саморепрезентация прозрачна, поскольку ее содержание кажется фиксированным во всех возможных контекстах: руки, которыми вы сейчас держите книгу, которую читаете, всегда будут оставаться вашими собственными руками, частями вас самих, независимо от того, насколько сильно изменится ваша внутренняя или внешняя перцептивная ситуация. Разумеется, это убеждение

эпистемически необоснованно. В главе 7 мы рассмотрим ряд нейрофеноменологических примеров, демонстрирующих, что именно это феноменальное качество "минности" или телесной "самости" отнюдь не является необходимой предпосылкой сознательного опыта и что распределение этих свойств в феноменальном пространстве обладает значительной вариативностью. Однако если пока оставить в стороне девиантные феноменальные модели "я", то, что вы сейчас испытываете, - это не "активный эмулятор тела", который только что был интегрирован в вашу глобальную модель реальности, а просто содержание лежащего в основе процесса самопрезентации. То, что вы чувствуете, - это просто ваши собственные руки как интегрированные части вас самих, без усилий отданные в Здесь и Сейчас. Ваши тактильные ощущения, тонкое чувство мышечного усилия, почти неявная информация о положении тела в пространстве и почти бессознательное ощущение температуры рук (на которое, однако, вы можете в любой момент направить свое внимание) столь же непосредственны, сколь и конкретны. Они представляют собой интегрированную форму презентативного содержания, которое феноменологически не имеет ничего репрезентативного, инференциального или когнитивного. Давайте еще раз проведем различие между средством и содержанием самопрезентации.

Репрезентативным средством вашего сознательного опыта рук является определенный процесс в вашем мозге, сложный нейронный паттерн активации. Этот процесс телесной саморепрезентации, который может выполнять свою функцию посредством абстрактных изоморфизмов высшего порядка и, следовательно, не может обладать ничем "книжным" в какой-либо конкретной манере, не переживается вами сознательно. Она не доступна для внимания в глобальном масштабе и прозрачна в том смысле, что в данный момент вы смотрите сквозь нее. Однако в этом особом случае то, на что вы смотрите сквозь него, - это вы сами: То, на что вы смотрите и что чувствуете, - это

саморепрезентативное содержание, существование ваших рук здесь и сейчас, переданное через множество внутренних и внешних сенсорных каналов. Это содержание - абстрактное свойство конкретного саморепрезентативного состояния, активного в данный момент саморепрезентатума в вашей голове.

Напомним, что существует как минимум два вида ментального содержания. Интенциональное содержание состояния в голове зависит от того, действительно ли существуют ваши руки, или от того, является ли это состояние надежным инструментом для получения знаний о себе в целом. Если саморепрезентативный аппарат (например, "нейроматрица образа тела"; см., например, Melzack et al. 1997 и раздел 7.2.3.1) в настоящее время является хорошим и надежно функционирующим инструментом самопознания, то он позволяет вам, именно благодаря своей прозрачности, непосредственно смотреть и чувствовать "сквозь него" на свои собственные руки. Он делает информацию, которую он несет, глобально доступной в интегрированном виде, и вам не нужно заботиться о том, как это происходит на самом деле. Феноменальное содержание репрезентации вашей руки, однако, является одним из компонентов, который остается неизменным, независимо от того, существуют ваши руки или нет (реальные примеры таких классов состояний см. в разделах 7.2.3.1, 7.2.3.2 и 7.2.5). Неважно, сон это или внетелесный опыт, или вы используете две фантомные конечности, чтобы держать галлюцинированную книгу прямо сейчас, потому что феноменальное содержание вашей телесной саморепрезентации в принципе может оставаться неизменным. Лишенный тела мозг в чане, безусловно, мог бы наслаждаться феноменальным опытом держания книги, подобной этой, в своих собственных руках прямо сейчас. Феноменальное содержание вашей телесной саморепрезентации полностью определяется внутренними свойствами вашего мозга. Если, читая эти предложения, вы

на самом деле являетесь мозгом в чане, то вы, так сказать, уже не "намеренно" или "эпистемически" смотрите через состояние в вашей голове на ваши руки, а только на само это состояние - без того, чтобы этот факт был глобально доступен вам на уровне феноменальной репрезентации. Как ясно показывает феноменология фантомных конечностей, особенность феноменальной саморепрезентации состоит в том, что этот аспект ее содержания будет максимально конкретным, абсолютно однозначным, непосредственно и немедленно данным, даже если тот факт, что он на самом деле является результатом процесса искажения или афункциональной симуляции, когнитивно доступен. Она публична и автоматична. Прозрачная феноменальная саморепрезентация, опять же, характеризуется тем, что мы не можем обнаружить разницу между саморепрезентационным содержанием и саморепрезентационным средством на уровне самой феноменальной репрезентации.

Можете ли вы представить, что внезапно осознаете, что ваше собственное тело - это просто мысль? С философской точки зрения это может оказаться привлекательной стратегией: Является ли ваше тело на самом деле фиксированной мыслью, прозрачной формой чего-то, что в конечном итоге должно быть проанализировано как форма когнитивного содержания, чем-то вроде автоматической мысли - как предрассудок, который вы давно забыли? Является ли воплощение философским предрассудком? Легко представить себе ситуацию, в которой ваши руки, держащие книгу прямо сейчас, могли бы быть на самом деле галлюцинациями, и в которой эта галлюцинация внезапно превратилась бы в псевдогаллюцинацию: Ваша феноменальная репрезентация рук внезапно стала бы непрозрачной, потому что информация о том, что руки являются результатом внутреннего, искаженного состояния, которое в настоящее время не является хорошим инструментом для получения самопознания, внезапно стала бы глобально доступной. Ваши феноменальные руки вполне

могут потерять свою прозрачность. Проприоцепция и текущее нейронное моделирование текущего положения ваших конечностей и их кинематической геометрии, например, в верхней теменной доле (область PE) и части рострально прилегающей коры, окружающей самую переднюю часть интрапариетальной борозды (область PF) в вашем мозге (см. Bonda, Petrides, Frey, and Evans 1995, p. 11180 и далее), могут просто оказаться крайне ненадежными. Но если вы осознаете, что не только книга и ваши руки, но и вся ваша текущая реальность происходит во сне, что произойдет, если вы вдруг станете люцидным (см. раздел 7.2.5)? Смогли бы вы осознать, что ваше тело, целиком и полностью, является искажением, которому ничто в мире не соответствует? Кажется невозможным представить себе такую ситуацию. Всегда есть самопрезентационное содержание, всегда есть эмоции и интуиция, например, а презентационное содержание всегда полностью прозрачно. Как может ваш феноменальный образ тела, во всей его полноте, стать непрозрачным? Можно ли потерять внутреннюю сенсорную прозрачность? Очевидно, что мозг в чане может создать полноценный образ тела, не имея ни тела, ни рук, ни кишок, если уж на то пошло. Но что бы значило для обычного человеческого существа, такого как читатель этой книги, сделать общедоступным тот факт, что в настоящее время она является самомоделирующейся системой, попавшей в наивно-реалистическое заблуждение не только в когнитивном плане с точки зрения интроспекции⁴, но и в аттенционном плане с точки зрения интроспекции³? Что означало бы быть в состоянии сделать тот факт, что содержание вашего сознательного "я", во всей своей полноте, является содержанием интегрированной самосимуляции, доступным для контроля действий, для когнитивной обработки более высокого порядка и для управления вниманием? Это ситуация, которую вы просто не можете себе представить.

Вспомните, пожалуйста, как феноменальная возможность (или невозможность) не подразумевает логической или номологической возможности (или невозможности). Есть причина, по которой вы не можете представить себе ситуацию, в которой прозрачность вашей Я-модели полностью растворилась. Современная теория делает четкое предсказание для этого класса феноменальных конфигураций: феноменальное свойство "самости" исчезнет. Тот факт, что вы не можете представить себе бескорыстное глобальное феноменальное состояние, не означает, что такие классы состояний или системы немислимы или нейробиологически невозможны. Тот факт, что совершенно непрозрачные, феноменальные процессы само моделирования не являются для вас феноменальной возможностью прямо сейчас, не означает, что они логически или номологически невозможны. И опять же, это просто еще один случай того, что Дэниел Деннет назвал синдромом философа: ошибочное принятие провала воображения за прозрение необходимости.

В частности, учитывая имеющиеся в нашем распоряжении концептуальные инструменты, мы можем ясно представить себе возможность систем, которые функционально работают в эгоцентрической системе отсчета (в центре которой находится модель тела как источника объектного и поведенческого пространства), и в то же время феноменально работают в немоцентрической.6 моделью реальности (центрированной на глобально доступной, но полностью непрозрачной Я-модели, встроенной в текущее виртуальное окно присутствия). Немоцентрическая модель реальности - это модель, которая удовлетворяет достаточно богатому набору ограничений для сознательного опыта (см. раздел 3.2.7), но в то же время не является примером феноменальной самости. Она может быть функционально эгоцентричной, но феноменологически бескорыстной. Она, оставаясь функционально центрированной репрезентативной структурой, не будет сопровождаться феноменальным

опытом бытия кем-то. Обратите внимание, что такая модель реальности также будет богаче по информационному содержанию, чем "обычный" сознательный опыт, потому что в ней будет доступно больше информации в глобальном масштабе, то есть информация о более ранних стадиях обработки Я-модели (см. раздел 3.2.7). Для любой феноменальной репрезентации степень ее феноменальной непрозрачности определяется степенью доступности для внимания более ранних стадий обработки.

Теперь мы сформулируем первый главный аргумент этой книги: Если все остальные необходимые и достаточные ограничения для возникновения феноменального опыта удовлетворяются данной репрезентативной системой, добавление прозрачной Я-модели с необходимостью приведет к возникновению феноменальной самости. Феноменальная самость является результатом автоэпистемической закрытости в саморепрезентирующей системе; это недостаток информации. Дорефлексивное, довнимательное переживание того, что кто-то есть, непосредственно вытекает из прозрачности содержания активной в данный момент Я-модели. Любая система, действующая в рамках прозрачной Я-модели, при наличии всех прочих необходимых условий для возникновения феноменального опыта в области, образуемой данным классом систем, по необходимости будет переживать себя как находящуюся в прямом и непосредственном контакте с собой. Феноменальное свойство самости конституируется прозрачной, неэпистемической саморепрезентацией, и именно на этом уровне репрезентационистского анализа опровержение соответствующего феноменологического заблуждения становится поистине радикальным, поскольку оно имеет прямую онтологическую интерпретацию: в мире не существует таких вещей, как самости. В соответствии с общим принципом онтологической парсимонии нет необходимости (или рациональности) предполагать существование "я", поскольку как теоретические сущности

они не выполняют никакой необходимой объяснительной функции. Что существует, так это информационно-процессорные системы, вовлеченные в прозрачный процесс феноменального само моделирования. Все, что можно объяснить с помощью феноменологического понятия "я", можно объяснить и с помощью репрезентационистского понятия прозрачной само модели.

Прозрачное само моделирование как информационно-вычислительная стратегия

Ранее мы несколько метафорически использовали полезное концептуальное различие Дрекке между неэпистемическим (прозрачным) и эпистемическим (непрозрачным) видением, например, при разработке нового понятия "неэпистемическая расположенность" (см. раздел 3.2.3). Соответственно, теперь мы можем описать процесс прозрачного само моделирования как неэпистемическое самосознание. Таким образом, важно отметить, что даже если эта непропозициональная форма феноменальной саморепрезентации не породила истинность и ложность, она, безусловно, представляет системе подавляющее количество информации. Феноменальное "я", говоря вычислительным языком, представляет собой исключительно богатую структуру с точки зрения информации, которую оно делает глобально доступной для системы. Какую именно информацию несет в себе сознательная Я-модель? ПСМ делает информацию, связанную с системой, глобально доступной для внимания, познания и контроля действий. Она делает это в рамках окна присутствия - информация, связанная с собой, отображается как *de nunc* - и как ПСМ она встроена в глобальную модель мира как интегрированная, когерентная структура. Информация, интегрированная в прозрачные разделы Я-модели, опять же (см. раздел 3.2.7), систематически лишена контекстуальной информации о своей собственной внутренней каузальной истории. В

терминах автоэпистемической закрытости теперь можно предложить более точную формулировку: не только субъективный опыт в целом, но и субъективность этого опыта, то, как он связан с феноменальной самостью, не развивались в стремлении к классическому философскому идеалу максимизации самопознания. С эволюционной точки зрения, это была стратегия, которая на определенном этапе оказалась успешной, например, за счет дифференциации репрезентативного пространства и создания более гибкой формы самонаправленного действия и познания. По всей видимости, сознательное само моделирование сильно ограничивает возможности системы получать знания о себе за счет "бортовых" ресурсов. И только непрозрачная, эпистемическая форма феноменального само моделирования в конечном итоге открывает путь к социальному познанию, к формированию научных сообществ и построению теорий. Однако, как мы увидим, прозрачный процесс само моделирования является необходимым условием возможности более высокопорядковых, когнитивных форм само моделирования.

Очевидно, что прозрачное само моделирование, рассматриваемое как вычислительная стратегия, резко снижает вычислительную нагрузку. В частности, оно предотвращает попадание системы в бесконечный регресс само моделирования. Почему? Важно отметить, что само моделирование, с точки зрения его логической структуры, является бесконечным процессом: Система, которая будет моделировать себя так, как она моделирует себя в данный момент, тем самым начнет генерировать цепочку вложенных друг в друга связанных с системой ментальных контентов, бесконечную прогрессию "самосодержания", сознательного само моделирования, которая быстро поглотит все ее вычислительные ресурсы и парализует ее для всех практических целей. Я называю это "принципом необходимой саморефлексии": Любая само моделирующаяся система, действующая в условиях

ограничений реального мира и эволюционного давления, должна постоянно минимизировать вычислительные ресурсы, необходимые для того, чтобы сделать связанную с системой информацию доступной на уровне сознательного опыта. Поскольку, как я только что отметил, само моделирование обладает потенциально бесконечной и круговой логической структурой, оно должно найти эффективный способ разорвать рефлексивную петлю. Одним из простых и эффективных способов прервать круговую структуру является введение непередаваемого объекта. Моя гипотеза состоит в том, что феномен прозрачного само моделирования развился как эволюционно жизнеспособная стратегия, потому что он представляет собой надежный способ сделать информацию, связанную с системой, доступной, не запутывая систему в бесконечных внутренних циклах само моделирования более высокого порядка. Любая биологическая система на пути к самосознанию должна найти решение этой проблемы, иначе она значительно снизит свой репродуктивный успех. Одна из причин, по которой у философов не бывает много детей, может заключаться в том, что они слишком много думают о себе. В любом случае, аргумент саморефлексии предполагает, что то, что мы ощущаем как наше феноменальное "я" на самом фундаментальном уровне, является именно тем прозрачным репрезентативным объектом, который блокирует петлю саморефлексии. Интересно, что при ближайшем рассмотрении этот процесс приводит не к формированию объекта, а к формированию субъекта (см. раздел 6.5). Короче говоря, прозрачное само моделирование, рассматриваемое как вычислительная стратегия, создает просто структурированную и надежно закрытую пользовательскую поверхность для тех частей нервной системы организма, которые занимаются обработкой информации о самом организме.

Во-вторых, как мы уже отмечали при введении гипотезы "мир-нуль" и гипотезы "я-нуль", генерация прозрачного PSM

- это эффективное и элегантное средство создания эталонной модели для планирования будущих состояний системы. То, что я назвал наивно-реалистичным самопониманием, является необходимым условием для сравнения возможных "я" с актуальным "я". Говоря это, важно отметить, что прозрачная Я-модель не только может функционировать как внутренняя система отсчета, но и будет необходимым условием для успешного социального познания. Например, у больного шизофренией (см. раздел 7.2.2) сознательная репрезентация социального окружения часто будет патологически обогащена услышанными голосами и вставленными мыслями, потому что продолжающийся процесс когнитивной самосимуляции не может быть больше интегрирован в фон прозрачной Я-модели. У таких пациентов социальное познание постоянно искажается социальными галлюцинациями. Для того чтобы развивать и поддерживать социальный интеллект, вам необходима система "кто" (см. Georgieff and Jeannerod 1998), позволяющая понять, кто в данный момент мыслит и кто в действительности является агентом. Вам нужно знать, кто вы: Восприятие действий и внутренние симуляции текущих мыслительных процессов должны быть успешно привязаны к моделям агентов и моделям мыслителей. Чтобы достичь этого, вам нужна прозрачная самомодель.

Прозрачное само моделирование как функциональное свойство

Если система удовлетворяет всем остальным ограничениям, необходимым для осознанного опыта, она будет инстанцировать феноменальное свойство самости, как только у нее появится прозрачная Я-модель. Очевидно, что функциональный профиль системы значительно обогащается, если она обладает постоянным, глобально

доступным источником информации, связанной с системой (см. раздел 6.2.1). Здесь я хочу лишь отметить более общий аспект этого развития: Системы, работающие в рамках прозрачной самодепли, постоянно предполагают свое существование в качестве индивидуальной, целостной сущности. Они генерируют "я" как фиктивную фиксированную точку в своей гибкой внутренней онтологии (см. также Vlau 1986). Они становятся реалистами - нативными реалистами - в отношении самих себя, и это, очевидно, будет иметь функциональные последствия. Мне нравится выражать эту мысль, говоря, что обладание прозрачной PSM делает систему максимально эгоистичной. Вновь появившееся различие между системой и ее окружением, а также различие между системой и другими агентами в ее окружении, теперь становится необратимым, в конечном счете реальным различием. Поскольку прозрачность Я-модели в стандартных ситуациях не может быть преодолена, репрезентативная сегрегация системы от ее физического и социального окружения является преакцентированной, прекогнитивно фиксированной структурной особенностью ее модели реальности. Поэтому она будет характеризоваться максимальной каузальной эффективностью. Репрезентативная сегрегация ведет к функциональной сегрегации. Прозрачное самодеплирование превращает нас в ментально изолированные, индивидуальные существа на уровне сознательного опыта. Именно непрозрачная, когнитивная саморепрезентация гораздо позже позволяет философски сомневаться в необратимой природе дихотомии субъект-объект или таких феноменов, как социальное познание и солидарность. Подробнее об этом позже.

Вводя понятие феноменальной прозрачности в разделе 3.2.7, мы выделили три различных возможных заблуждения: прозрачность как эпистемическая характеристика разума вообще и самосознания в частности (картезианская интуиция, оказавшаяся эпистемически необоснованной, но

феноменологически адекватной); семантическое представление о прозрачности как свойстве экстенциональных контекстов (не применимое к лингвистическим сущностям типа феноменальных состояний, но предполагающее аналогичное допущение существования); и представление о прозрачности как свойстве медиа (используемое в теории телекоммуникации). С точки зрения новых функциональных свойств, приносимых прозрачной Я-моделью, весьма интересно отметить, что (а) Я-модель - это сущность, полностью расположенная на субличностном уровне описания, и в то же время (б) она является решающим звеном в обеспечении коммуникации на личностном уровне между людьми и внутри больших групп. Вы становитесь личностью, обладая правильной субличностной Я-моделью, которая функционально позволяет вам вступать во взаимные отношения признания личности друг друга в социальном контексте. Как и в примере с электронной почтой, приведенном в разделе 3.2.7, коммуникация на личностном уровне и обработка интерсубъективной информации в обществах происходят, казалось бы, без усилий и напрямую, но при этом облегчаются прозрачным субличностным механизмом. Как функциональное свойство, прозрачность больших частей нашей Я-модели была важна, поскольку Я-модель могла стать средством, с помощью которого человеческие существа могли бы стать каузально связанными в культурных контекстах.

Нейронные корреляты прозрачного само моделирования

Опять же, в настоящее время не так много известно о нейронных основах прозрачного Я-моделирования у людей. Мы вернемся к этому вопросу в разделе 6.3.1 на сайте, а в главе 7 мы изучим ряд неврологических дефицитов,

приводящих к девиантным формам прозрачного, феноменального само моделирования. Однако позвольте мне кратко отметить, что концепция прозрачной ПСМ имеет, по крайней мере, некоторое сходство с понятием "ядро-самость" Антонио Дамасио (см. Дамасио 1999, 2000).

6.2.7 Виртуальные феноменальные личности

Подобно тому, как существуют прозрачная и непрозрачная части само модели человека, дополняющие друг друга, существует и постоянный онлайн-компонент наряду с более или менее преходящими формами самосимулятивного контента. Они активируются в автономном режиме. Я-модель человека ориентирована не только на текущее состояние организма, но и на возможные "я". Биографические воспоминания являются прекрасными примерами таких феноменальных самосимуляций, равно как и сексуальные фантазии или мысли о жизни после смерти. Очевидно, что с эпистемологической точки зрения любая ПСМ - это симуляция; во всей своей внутренней сложности она представляет собой лишь гипотезу о текущем состоянии системы, которая сама никогда не находится в абсолютном контакте со своей текущей физической реальностью. Однако, отталкиваясь от феноменологического уровня описания, можно разработать ряд дальнейших и интересных ограничений для понятия PSM, используя известные концептуальные инструменты, представленные в главе 5.

Феноменология феноменальной самосимуляции

Феноменальные самосимуляции бывают двух видов: те, которые сопровождаются феноменальным свойством высшего порядка - агентностью (см. разделы 6.4.3, 6.4.4 и 6.4.5), и те, которые возникают как спонтанное явление на

уровне сознательного опыта. Общим для обоих классов феноменологических процессов является то, что они эмпирически отдаляют нас от самих себя. Теперь у нас есть четкое концептуальное понимание того, почему имеет смысл использовать эту метафору: в глобальной модели реальности, активируемой системой в данный момент, действительно существует дистанция, а именно репрезентативная дистанция между текущим Я-репрезентатумом и текущим Я-симулятумом, которые оба интегрированы в одну сингулярную ПСМ (см. раздел 3.2.8). Как репрезентативные сущности, они обе могут быть описаны как векторы активации в нейронной сети, а их расстояние может быть точно описано в терминах траекторий, соединяющих обе точки в пространстве состояний, или в терминах угла, удерживаемого между ними. Хотя их репрезентативное содержание можно сравнивать, они, тем не менее, функционально интегрированы, поскольку нейронная активность, описываемая одним вектором (самосимулятором), связана с текущей активностью большей части, описываемой другим вектором (саморепрезентатором). Оба вектора каузально пересекаются, и между непересекающимися частями может быть объективно описано (и интроспективно обнаружено в некоторых типах систем) отношение сходства. Хотя феноменальная самость по-прежнему образует единую, интегрированную структуру, как видно из того, что саморепрезентативное, равно как и самосимулятивное содержание, интегрировано всеобъемлющим феноменальным свойством "минности", увеличивается часть само модели, которая репрезентативно не коварирует и функционально не отслеживает текущее состояние организма. Давайте рассмотрим несколько примеров.

Если во время поездки в поезде, глядя в окно в состоянии глубокого расслабления, вы вдруг погружаетесь в приятные детские воспоминания, фокус вашего внимания теперь связан со спонтанным процессом реконструкции прошлых

феноменальных "я". Ваше нынешнее телесное "я" остается глобально доступным для внимания и познания, но в настоящий момент эта доступность не осознается. Тонкое саморепрезентативное содержание всегда активно в фоновом режиме, составляя ваш феноменальный образ тела, но наиболее полная часть вашего ПСМ сейчас состоит из реконструкции эмоций, которые вы испытывали в тот день, когда дедушка взял вас на рыбалку и вы поймали свою первую щуку. Вы можете заново пережить значительную часть эмоционального опыта, но вам трудно проникнуться реальными вибрационными ощущениями, которые вызывала удочка в вашей руке, сражаясь с большой рыбой, которую вы еще не видели и которая билась там, на глубине. Проводник, внезапно войдя в ваше купе, нарушает вашу задумчивость, и вы вдруг оказываетесь в настоящем - крепко прикованы к своему телу, занятые поиском билета. Смутившись, вы начинаете прокручивать в голове задуманную симуляцию: Каковы были мои дальнейшие действия после того, как я забрал билет, полученный от продавца на вокзале? Оставил ли я его в телефонной будке?

Существует интересное различие между намеренными и ненамеренными феноменальными симуляциями: Субъективно они могут сопровождаться сознательным ощущением усилия, как при намеренном конструировании последовательности изменений в феноменальном "я" после покупки билета. Или же они могут происходить, казалось бы, без усилий, без феноменального качества когнитивного агентства или целеустремленности. Интересно, что у всех феноменальных самосимуляций есть общее превнимательное, прекогнитивное свойство: они представляют собой ваши собственные образы о себе.

Феноменальная самосимуляция как репрезентативное свойство

В стандартных ситуациях ПСМ объединяет содержание самопрезентации, самопредставления и самосимуляции. Что особенного в самосимулятивном содержании, активированном на уровне сознательного опыта? Как мы уже видели, феноменальные симуляции наделяют организм способностью к контрфактичности и позволяют ему дистанцироваться от того, что он переживает как непосредственное настоящее. Таким образом, становится доступным различие видимости и реальности (на уровне субъективного опыта); различие между актуальностью и потенциальностью, различие между тем, что реально, и тем, что только возможно, само вводится в модель реальности организма. Впервые появляется возможность искажения. Настоящий фокус, однако, состоит в том, что в стандартных ситуациях феноменальная симуляция возможных миров или ситуаций всегда прочно увязана со всеобъемлющей, прозрачной моделью мира.

Если мы применим эти общие идеи к частному случаю феноменальной самосимуляции, то сможем понять, почему это такое интересное явление. Поскольку предполагаемые феноменальные симуляции всегда интегрированы в предсуществующую, прозрачную PSM, которая не признается системой в качестве модели, они могут принадлежать этой самой системе. Что это значит? Для предполагаемых феноменальных самосимуляций мы всегда находим два прозрачных феноменальных свойства, а именно, минность и агентность, которые приводят к общему состоянию, в котором содержание этих состояний четко обозначено как моя собственная ментальная активность, сознательно созданная мной самим. Мысли о будущем этого организма теперь однозначно становятся моими собственными мыслями о моем собственном будущем. Мысленные образы, восходящие к тем сказочным рыбалкам с дедушкой, которыми я так наслаждался в далеком прошлом, могут принадлежать мне самому. Они могут быть представлены как части целостной биографии, которая является моей

собственной. Это, безусловно, новое достижение. Оно позволяет любой системе, способной на это, не только наделить некоторые результаты внутренней обработки информации свойством глобальной доступности, но и впервые позволит ей представить себя в качестве сохраняющегося когнитивного агента (см. раздел 6.4.4).

Однако сновидение, связанное с самим собой, - это не то же самое, что когнитивное агентство. Важно отметить, что в достижении уровня действительно намеренной феноменальной самосимуляции участвуют как минимум три существенных фактора: во-первых, генерация возможных феноменальных "я" как таковых (что может происходить и в простом сновидении); во-вторых, встраивание этих непрозрачных самосимуляций в фон уже существующей прозрачной самодеи (как, например, при взгляде из окна поезда, медленно уплывающего в воспоминания детства, которые принадлежат ему, но переживаются как спонтанно возникающие); и, в-третьих, Я-модель, включающая репрезентацию фактического процесса выбора определенных ментальных образов для обработки вниманием в противовес другим (как при полной когнитивной агентности, когда вы сознательно пытаетесь вспомнить, когда вы видели свой билет на поезд в последний раз; см. также разделы 6.4.3 и 6.4.4).

Феноменальная самосимуляция как информационно-вычислительная стратегия

Глобально доступные самосимуляции делают возможными новые формы познания, например, позволяя системе понять разницу между самопредставлением и самоискажением. Они позволяют использовать новые источники, например, биографической информации, делая ее глобально доступной, и тем самым повышают общий уровень интеллекта системы. Интересно отметить, что прозрачный процесс

само моделирования, лежащий в основе самосимуляционных эпизодов, переживаемых как легкие и спонтанные, оказывается очень прочным в психологическом смысле, в то время как подлинно когнитивная обработка информации в только что описанном смысле для таких существ, как мы, является эпизодическим предприятием, переживается как трудоемкое и ненадежное, и в целом оказывается гораздо более хрупкой. Это явный показатель относительного эволюционного возраста и элементарной значимости для выживания, соответствующей этим процессам. Сознательное мышление - дорогая роскошь. Для таких существ, как мы, непрозрачное само моделирование кажется гораздо более требовательным к вычислительным ресурсам, которые может предложить наша центральная нервная система.

Намеренные феноменальные самосимуляции как функциональные состояния

Каузальная роль феноменальных самосимуляций обладает двумя существенными характеристиками, с обеими из которых мы уже сталкивались. Самосимуляции могут активироваться независимо от устойчивой функциональной связи с физической основой системы, характерной для самопрезентационного содержания. Однако, во-вторых, они всегда интегрированы в фон уже существующей, прозрачной Я-модели. С точки зрения телеофункционализма, преимущества сознательной самосимуляции, очевидно, заключаются в том, что она делает информацию о себе, которая не является информацией о текущем состоянии системы, глобально доступной для управления вниманием, познания и контроля внешнего поведения. В частности, они не только генерируют когнитивные агентства, но и в конечном итоге могут сделать глобально доступным тот факт, что человек в данный момент является когнитивным агентом. Очевидно, что существует множество ситуаций - например, в социальном познании и задачах "теории

разума", - в которых это новое функциональное свойство служит для повышения репродуктивного успеха.

Нейронные корреляты феноменальной самосимуляции

В настоящее время мы являемся свидетелями активизации поиска физиологических коррелятов феноменального содержания, активируемого сознательными, целенаправленными самосимуляциями. Например, на уровне эмоциональной Я-модели недавние данные сканирования показывают, какие виды подкорковой и корковой активности мозга соответствуют сознательному переживанию самогенерируемых эмоций (Дамасио, Грабовски, Бечара, Дамасио, Понто, Парвизи и Хичва 2000; другие примеры см. в разделе 6.3.1). Но давайте перейдем к вопросу о том, как система может использовать сознательную самомодель для удовлетворения ограничения адаптивности, последнего из десяти ограничений, разработанных в главе 3. Обратите внимание, что на данном этапе я также пропускаю вопросы о том, как интенсивность содержания самопрезентации и однородность "атомарного" содержания самопрезентации вносят вклад в общий профиль самомодели. Я делаю это просто потому, что убежден: того, что было сказано в разделах 3.2.9 и 3.2.10, уже достаточно для моих нынешних целей.

6.2.8 Адаптивность: Самомодель как инструмент и как оружие

В заключение первой части этой главы рассмотрим некоторые определяющие характеристики концепции ПСМ, которую можно разработать с позиции третьего лица. Какие

выводы можно сделать, рассматривая ПСМ как исторические образования, сформировавшиеся в ходе биологической эволюции? Какие функции могут выполнять ПСМ на разных этапах онтогенетического развития? Применение нашего телеофункционалистского исходного предположения к концепции сознательной Я-модели позволяет еще больше обогатить эту концепцию: Самомодели - это нейрокогнитивные инструменты, которые можно открывать и оттачивать, которые могут функционировать изолированно или, подобно инструментам в большом социальном оркестре, образовывать слаженные ансамбли. Они представляют собой новые виды виртуальных органов, и некоторые аспекты их содержания могут даже передаваться будущим поколениям. В определенном контексте они могут выполнять определенную функцию для организма. Если мы хотим воспринимать их всерьез, как психологически реальные когнитивные способности, мы должны принять то, что Хосе Луис Бермудес назвал "ограничением на приобретение": Должно существовать объяснение того, как возможно для отдельного человеческого существа в ходе нормального развития приобрести способность к сознательному самомоделированию (Bermúdez 1998, p. 19 и далее).

Начнем со стимул-коррелированной части Я-модели. Прозрачное содержание самопрезентации (см. раздел 5.4) позволяет организму ощущать себя самим собой. Как физическая система, постоянно вовлеченная в процесс самоорганизации и саморегуляции, организм должен поддерживать надежную функциональную границу с окружающей средой и сохранять большое количество внутренних параметров стабильными и инвариантными. Большой раздел самопрезентационного контента как раз и генерирует непрерывный поток информации о степени инвариантности, которая достигается в данный момент. Одна из заслуг эмпирических исследований Антонио Дамасио, касающихся физических основ и функций феноменального Я, заключается в том, что он подчеркнул, что этот поток,

скорее всего, коренится в элементарных биорегуляторных процессах - процессах, связанных с поддержанием стабильности внутренней химической среды организма в условиях постоянно меняющейся окружающей среды. Вот краткий отрывок, указывающий на то, как само моделирование более высокого порядка, вероятно, выросло из элементарной гомеостатической динамики. Он также дает представление о том, как наиболее фундаментальное содержание само модели может быть надстроено над исключительно внутренней каузальной ролью и тесно связано с продолжающейся попыткой остаться в живых.

Спецификация выживания, которую я описываю, включает в себя: Граница; внутренняя структура; диспозиция для регулирования внутренних состояний, которая включает в себя мандат на поддержание жизни, узкий диапазон изменчивости внутренних состояний, чтобы эти состояния были относительно стабильными. Теперь рассмотрим эти спецификации. Описываю ли я просто список спецификаций для выживания простого живого организма, или может быть, я также описываю некоторые из биологических предшественников чувства собственного достоинства - чувства единого, ограниченного, живого организма, нацеленного на поддержание стабильности для сохранения жизни? Я бы сказал, что, возможно, я описываю и то, и другое. Интригует мысль о том, что постоянство внутреннего окружения необходимо для поддержания жизни и что оно может быть планом и якорем для того, что в конечном итоге станет "я" в сознании". (Damasio 1999, p. 136)

Если бы само моделирование могло способствовать выполнению элементарных функций управления жизнью, как это, например, реализовано в некоторых структурах ствола мозга (см. раздел 6.3.1), то это, очевидно, было бы эволюционным преимуществом, которое могло быть

отобрано. Сознательное самопрезентационное содержание, указывающее на внутреннее состояние организма и предоставляющее информацию о голоде, жажде, уровне гормонов и трансммиттеров, состоянии кишечника и температуре кожи, делает именно это: Он интегрирует большое количество непрерывных сигналов в единую структуру и делает ее содержание глобально доступным для внимания, познания и, в частности, для самонаправленного действия. Интероцептивный компонент осознанного самовосприятия позволяет нам сделать угрозы целостности общей функциональной структуры, образованной сложной сетью базовых биорегуляторных механизмов, немедленно доступными не только для интроспективного внимания, но и для целого ряда других механизмов обработки. Теперь эта информация глобально доступна для гибкого контроля. Если информация о самопрезентации доступна для познания, она может быть классифицирована и сопоставлена с более ранним опытом того же рода, представленным в автобиографической памяти. Внутреннее поведение теперь может быть выбрано из большого количества различных возможностей для поддержания стабильности и возвращения к оптимальному внутреннему состоянию. Таким образом, сознательное самопрезентационное содержание - это просто новая стратегия управления динамикой внутренней химической среды, поддержания максимально гладкого течения элементарной биологической динамики. Очевидно, что у этого достижения есть предшественники на уровне бессознательной обработки. Например, то, что в моей терминологии является ментальной или просто внутренней (т. е. обязательно нефеноменальной) самопрезентацией, имеет близкое сходство с концепцией бессознательного прото-Я Дамасио (например, Damasio 1999, p. 153 и далее).

Важно видеть, как бессознательное само моделирование является непрерывным процессом, направляющим организм через такие фазы, как глубокий сон, когда он не является

феноменальным субъектом. Что именно добавляет феноменальный уровень репрезентации, теперь можно вывести из ограничений, разработанных в главе 3: он делает просто нейронную коллекцию паттернов, непрерывно отображающих состояние организма, глобально доступной для организма; он позволяет организму воспринимать эти состояния как настоящие состояния; как часть более всеобъемлющей реальности, в которую встроен организм, владеющий этими состояниями; он интегрирует информацию из многих различных источников в многомерное целое, сохраняя при этом возможность определенной степени дифференциации. Она позволяет организму направить свое внимание на свернутую природу собственных внутренних состояний тела, то есть на их динамический, временной профиль и взаимодействие. Если организм способен к фокусированному вниманию и целенаправленному познанию, он делает эти состояния доступными из перспективы первого лица более высокого порядка, направленной на них как на простые, по-видимому, самостоятельные первого порядка; представляя их организму в прозрачной манере, он, что важно, заставляет их выглядеть абсолютно реальными и непосредственно данными; и хотя будет существовать фундаментальный уровень репрезентативной атомарности, порождающий характерную черту однородности и беззернистой "ультрагладкости" простых телесных ощущений, он предлагает важную возможность представления интенсивностей для отдельных параметров. Очевидно, что разные классы систем сознания будут в разной степени удовлетворять этим ограничениям. Но теперь можно предположить, что даже самая элементарная форма сознательного само моделирования будет обладать очевидным биологическим преимуществом. А осознание того, как самые фундаментальные формы человеческого самосознания удовлетворяют ограничению адаптивности в сильной степени, имеет более глубокий философский привкус: Для таких существ, как мы, более сложные формы бытия кем-то неразрывно связаны с

реальной борьбой за сохранение существования. Вот откуда мы родом. Интересно отметить, что для искусственных или постбиотических систем, не удовлетворяющих ограничению адаптивности с точки зрения их самомоделей, может возникнуть совершенно другой вид феноменальной идентичности.

Один из интересных способов взглянуть на мозг - как на систему, предсказывающую события, связанные с вознаграждением, в будущем. PSM будет важным и необходимым вычислительным инструментом для любой такой системы. Почему? Сейчас хорошо известно, что дофаминергическая система - это часть мозга, которая постоянно вносит вклад в самомодель, отмечая определенные события как более или менее полезные. Что добавляет ПСМ, так это интеграцию этой информации в контекст организма в целом, делая их событиями вознаграждения для самой системы. Дофаминергическая система функционирует как экономический оценщик и как лицо, принимающее решения. Будучи очень древней системой (она существовала еще у медоносной пчелы), она диффузно проецируется в префронтальную кору. Она модулирует процессы когнитивной обработки и выбора, например, решения об определенных поведенческих моделях. Таким образом, мозг отчасти можно рассматривать не только как корреляционно-представляющую систему, но и как систему, производящую предсказания об окружающей среде путем представления событий с точки зрения их потенциала самовознаграждения. Можно предположить высокую адаптивную ценность такого механизма, особенно если он делает вышеупомянутый тип информации глобально доступным, если он приносит дополнительные автобиографические знания о прошлых событиях, приносящих вознаграждение, и так далее. Владение PSM будет необходимо и крайне важно для реализации или дальнейшего развития такого механизма.

Давайте рассмотрим еще один пример, на этот раз на уровне самопрезентации, на уровне сознательного представления сложных, реляционных характеристик текущего состояния организма. Очевидно, что для движущихся, охотящихся, убегающих, спаривающихся организмов должно было быть очень важно иметь хорошее представление о собственном теле - например, для планирования двигательного поведения, а также, что более просто, для восприятия собственных границ. Любой организм, выполняющий сложные движения в среде, где за ошибки придется дорого заплатить, нуждается в онлайн-представлении не только внутреннего состояния собственного тела, но и его текущей формы, импульса и скорости, его "свойств столкновения" и так далее. В качестве примера можно привести одну весьма спекулятивную, но интересную гипотезу в области приматологии (Povinelli and Cant 1995), согласно которой интегрированная Я-концепция первоначально развилась из дендропластики орангутанов. Из-за веса тела и большой высоты, на которой орангутанги лазают по деревьям, им, возможно, было необходимо поддерживать интегрированную и постоянно обновляемую модель тела, чтобы успешно координировать свое поведение. Очевидно, что только осознанная модель тела может сделать доступным текущее состояние тела в целом, с точки зрения потенциального объекта внимания и быстрых процессов обучения. Какими бы ни были достоинства этой конкретной теории, Повинелли и Кант интересно отмечают, что метаболическая цена, которую приходится платить за самосознание, и объем необходимого нейронного оборудования, скорее всего, велики. Поэтому, если бы не было соответствующего репродуктивного преимущества от обладания этой особенностью, она, скорее всего, исчезла бы в результате генетического дрейфа, причем за короткий промежуток времени. После того как орангутаны покинут деревья, им придется либо найти новую, например социальную, функцию для своей рудиментарной самомодели, либо они окажутся под постоянной угрозой ее утраты. И это еще одно важное телеофункционалистское

ограничение на развитие сознательных Я-моделей: Либо вы используете ее, либо вы ее теряете. Гориллы, возможно, уже утратили способность к самомоделированию, потому что у них развились другие социальные структуры и они больше не используют ее. Шимпанзе, возможно, в настоящее время находятся в процессе ее утраты, в то время как человек сосредоточился на этом новом виртуальном органе, превратив его в источник своего превосходного интеллекта. (Однако важно отметить, что использование сознательных самомоделей в социальном познании - это лишь один из способов проявления интеллекта. С точки зрения общей плотности информации и вычислительной производительности, некогнитивная, телесная Я-модель, скажем, дельфина может демонстрировать сравнительно превосходную форму интеллекта - ту, которая была тонко настроена на другую нишу и поэтому вложила всю доступную нейрокомпьютерную мощь в другой "формат"). Гордон Гэллап (1997) утверждает, что орангутаны, возможно, разработали первую онлайн-модель себя как агента, включая определенную степень контроля над собственными действиями, потому что их заставили разработать нестереотипные модели лазания по высоким деревьям. И снова мы видим, что шаг от бессознательной к сознательной репрезентации - это шаг от жесткости к гибкости: Сознательная модель себя или тела необходима, если телесное поведение должно преодолеть определенный порог гибкости. Как отмечает Гэллап, только 50 % всех шимпанзе демонстрируют убедительные признаки зеркального самоосознания. Поэтому, возможно, они действительно находятся в процессе утраты определенных способностей к самопрезентации. Интересно отметить, как одни виды развивались, ориентируясь на конкуренцию, а другие (например, социальные насекомые) - на сотрудничество. Должно существовать оптимальное сочетание обеих стратегий, и это могло стать основной причиной того, что более развитая самомодель стала преимущественным инструментом: Она позволяла интроспективно получать

доступ к симуляциям опыта и интенциональных состояний других существ.

Обладание интегрированной, осознанной само моделью также позволяет обнаружить изоморфизмы между собственным движением и формами и движениями, воспринимаемыми во внешней среде. Это может быть важно, например, для распознавания сородича, имитирующего ваше поведение, или хищника, следящего за вашей траекторией. Более абстрактно мы можем представить себе эту способность как динамическое сопоставление паттернов в области кинематической геометрии. Однако есть особый случай этой способности, который привлек к себе широкое внимание со времен оригинальной работы Гордона Гэллапа 1970 года: способность некоторых, но не всех приматов узнавать себя в зеркале (Gallup 1970, см. также Metzinger 1994). Что именно представляет собой момент зеркального самоосознания, согласно предлагаемой здесь теории? Успешная репрезентационистская теория сознательной перспективы от первого лица должна быть способна указать на этот момент в терминах нового вида репрезентативного содержания, появляющегося в сознании субъекта. Она также должна учитывать динамический характер всего процесса. Какого рода содержание характеризует исключительно этот момент? Это момент, когда визуальная феноменальная ментальная модель конспецифического существа, движущегося передо мной взад-вперед, встраивается в активную в данный момент мультимодальную Я-модель. Первый этап этой ситуации состоит из прозрачной Я-модели, которая в данный момент интегрирована с прозрачной, визуальной моделью конспецифического объекта, изображенного как внешний: [Я сейчас смотрю на другого представителя своего вида] (см. также раздел 6.5). На этом этапе животное, как правило, демонстрирует социальное поведение, а затем - незаинтересованность. На втором этапе система обнаруживает частичную реляционную гомоморфию между компонентом движущегося объекта во внешней

модели реальности, заданной через зрение, и многомерной динамикой собственной кинематической геометрии, доступной через различные каналы проприоцепции. Момент зеркального самоосознания - это именно тот момент, когда система вдруг осознает, что она может успешно встроить "внешнюю" модель в активную в данный момент Я-модель: она может идентифицировать себя с феноменальным содержанием, данным в режиме внешнего восприятия. Самосохранение возможно. В самом буквальном смысле эта интеграция репрезентативного содержания приводит, мимолетно, к инстанцированию феноменального свойства "минности", которое я представил в качестве одного из наших объяснительных целевых свойств в начале этой главы. В этот самый момент содержание сознательного опыта таково: ["Это я сам двигаюсь!"]. Впервые я предложил этот репрезентационистский анализ для феноменального коррелята зеркального самоосознания в 1994 году (р. 49 f.). Теперь мы начинаем видеть доказательства того, что соответствующие части самомодели обезьян бимодально кодируются соматосенсорными и зрительными нейронами в интрапариетальной коре обезьян, которая обладает мультимодальными репрезентациями тела и периперсонального пространства, используемыми в моторном планировании направленных действий, В свою очередь, эта способность может распространяться, например, на видеоизображение руки обезьяны, перестраивая ее зрительное рецептивное поле вокруг изображения руки на видеоэкране (Iriki, Tanaka, Obayashi, and Iwamura 2001). В процессе обучения обезьяны научились распознавать изображение частей своего тела на видеомониторе как часть своего собственного тела. Нейронный коррелят такого типа самоосознания в "электронном зеркале" теперь можно предположить как преходящий сдвиг в определенных зрительных рецептивных полях, функционально интегрирующий их с ранее активной мультимодальной саморепрезентацией, в которой доминирует соматосенсорный вход. Интересно также проследить, как

вышеупомянутые исследователи на основании этих данных предлагают ПСМ, а именно концепцию "субъективного самовосприятия" (с. 170).

Обратите внимание, что ПСМ человека может распространяться даже на визуальное представление собственного зеркального отражения, например, при ощущении тактильных ощущений, сопровождающих процесс бритья в визуально воспринимаемом зеркальном отражении. Вы когда-нибудь пробовали это делать? Тот факт, что шимпанзе также способны узнавать себя в зеркалах, создающих искаженные или умноженные самообразы, показывает, что они делают это не путем распознавания отдельных свойств, а, скорее всего, благодаря временной смежности волевого восприятия, проприоцепции и визуального представления (Kitchen et al. 1996). Они используют свернутую целостность своей модели реальности. Очевидно, что интегрированная мультимодальная модель тела, отображающая временные характеристики определенных движений и, возможно, даже реализующая свойство высшего порядка феноменальной агентности, является необходимым предварительным условием для того, чтобы приматы могли узнавать себя в зеркалах. У людей недавно были обнаружены кандидаты на отдельный нейронный коррелят сознательного зеркального самоосознания собственного лица (см. Kircher, Senior, Phillips, Rabe-Hesketh, Benson, Bullmore, Brammer, Simmons, Bartels, and David 2001). Однако я предлагаю здесь краткий репрезентационистский анализ целевой способности, поскольку считаю ее гораздо более универсальной, не зависящей от аппаратуры особенностью некоторых классов самосознающих систем. В конечном счете необходима вычислительно-репрезентативная модель зеркального самоосознания, которая дополнила бы эти данные. Нейроанатомические субстраты могут быть весьма разнообразны. В качестве примера можно привести убедительные доказательства существования зеркального

самоосознания у китообразных, а именно у бутылконового дельфина (Reiss and Marino 2001). Дельфины и шимпанзе филогенетически далеки друг от друга, и цитоархитектура коры их головного мозга значительно отличается, поскольку предковые линии китообразных и приматов разошлись по меньшей мере 65-70 миллионов лет назад (Reiss and Marino 2001, p. 5942). Поэтому необходим более абстрактный уровень анализа. Иначе мы не сможем описать эволюционную конвергенцию как конвергенцию в сторону одной когнитивной способности. Хотя с эволюционной точки зрения преимущество, которое дает эта специфическая способность, может быть довольно незначительным, интересно посмотреть, как эта новая способность к репрезентации сразу же обогащает как внутренний, так и внешний поведенческий профиль шимпанзе и бутылконового дельфина. Шимпанзе теперь способен обращать внимание на части своего тела и проявлять самонаправленное поведение по отношению к этим частям тела, о которых он раньше не знал, что можно видеть, когда он осматривает перед зеркалом свои зубы, ноздри или нижнюю часть спины. Дельфин, которому мнимо пометили правый грудной плавник, может продемонстрировать непрерывную последовательность из двенадцати переворотов тела со спины на брюхо перед отражающей поверхностью, чтобы правый грудной плавник оказался в зоне видимости, или, будучи впервые помеченным на язык, немедленно подплыть к зеркалу и начать открывать и закрывать рот (там же, стр. 5941). Новая информация, связанная с системой, стала глобально доступной; феноменальная модель реальности была расширена.

Бессознательный образ тела - важный нейрокомпьютерный инструмент для сенсомоторной интеграции: Тело - это место, где соединяются перцептивные состояния и моторные реакции. Рудиментарный, врожденный образ собственного тела, возможно, также позволил вам узнать себя в зеркале, где отразилось лицо вашей матери. Новорожденные дети

способны подражать выражениям лица и движениям головы взрослых через несколько часов после рождения, а иногда уже через 40 минут после рождения (Berlucchi and Aglioti 1997). Младенец никогда не видел своего лица и не способен к зеркальному самоосознанию. Ему приходится переводить визуально воспринимаемый жест лица в моторную имитацию тех же движений собственными лицевыми мышцами. Опять же, изоморфизм должен быть создан и поддерживаться во всех модальностях. Я говорю, что интегрированная Я-модель - это репрезентативный инструмент, необходимый для достижения этой цели. Способность устанавливать прочный эмоциональный контакт с родителями вскоре после рождения, создавая межличностную связь, - еще один пример адаптивной ценности, которой может обладать целостная саморепрезентация на самом раннем этапе жизни. Однако, хотя обладание врожденной схемой тела, обеспечивающей раннюю социальную коммуникацию и межмодальную интеграцию информации, несомненно, имеет высокую ценность с точки зрения телеофункционализма, это не гарантирует существования ПСМ на столь раннем этапе. Очевидно, что, поскольку автобиографическая Я-модель возникает только в возрасте двух лет, у нас нет интроспективного доступа к этим ранним этапам нашей жизни и, следовательно, нет знания от первого лица о существовании опыта первого лица на этом этапе. Галлахер и Мельтцгофф (1996) представили две независимые линии аргументов в пользу врожденного образа тела. Я вернусь к их предложениям относительно фантомных конечностей в разделе 7.2.3. В нашем контексте очень интересно отметить, как эти авторы указывают на возможность того, что феноменальная связь между собой и другими может существовать с самого рождения. Как мы уже видели, ряд новых исследований подражательного поведения новорожденных подтверждает вывод о том, что вычислительная модель, преобразующая визуальную информацию в двигательные команды, должна существовать

уже при рождении. Интересно, что если движения рта временно подавляются пустышкой, то даже временно отсроченное подражание жестам лица становится возможным. Это может оправдать вывод о том, что младенцы обладают не только врожденным образом тела, но и глобально доступной, то есть осознанной, проприоцептивной само моделью собственного лица, которую они могут хранить в рабочей памяти. Ранее Мельтцгофф и Мур ввели понятие супрамодалной перцептивной системы - идея, которая, очевидно, тесно связана с предлагаемой здесь теорией. Концепция такого супрамодалного кода означает, что зрительная и моторная системы с самого рождения говорят на одном и том же "языке" (Gallagher and Meltzoff 1996, p. 225). Этот язык - язык само модели. Галлахер и Мельтцгофф предполагают, что образ тела и проприоцептивная Я-модель могут быть связаны с образом других людей с самого рождения, предлагая, так сказать, общий формат или окно для межличностной коммуникации. Это, конечно, было бы открытием, представляющим высочайший философский интерес, но, похоже, для прочного утверждения этой идеи необходимы дальнейшие тщательные эмпирические исследования. Возражая Мерло-Понти, Галлахер и Мельтцгофф пишут:

Напротив, концепция уже состоявшейся, врожденной, супрамодалной визуально-моторной/проприоцептивной связи предполагает, что трансгрессия происходит немедленно и что эмпирически, а не только объективно, мы рождаемся в мире других. (Gallagher and Meltzoff 1996, p. 226)

К роли само моделей в переходе от биологической к культурной эволюции я вернусь позже. В данный момент важно лишь отметить, что обладание осознанной Я-моделью, очевидно, было адаптивным для социального познания и построения межличностных отношений.

В заключение позвольте мне упомянуть еще два аспекта ПСМ, которые, очевидно, обладают большой адаптивной ценностью и могут выполнять широкий спектр функций для организма. Генерация виртуальных "я", как обсуждалось в разделах 5.3 и 6.2.7, открывает совершенно новую вселенную: вселенную планирования собственного поведения и воспоминаний о собственном прошлом. Это начнется на уровне симуляции телесных движений, тем самым минимизируя ошибки несоответствия, поддерживая процессы обучения и делая возможным целый ряд внутренне моделируемых альтернатив. Например, процесс предполагаемой феноменальной самосимуляции на уровне пространственной модели собственного тела позволяет создать перспективные модели, имитирующие развитие от движения к восприятию: Какое проприоцептивное восприятие будет вызвано этим движением тела? Это также позволяет использовать обратные модели, моделирующие развитие от восприятия к движению: Какое движение приведет к восприятию определенного, желаемого положения тела? Хорошие вычислительные модели для сенсомоторной интеграции, внутренне имитирующие причинный поток моторной команды и предвосхищающие сенсорную обратную связь, уже существуют (см., например, Wolpert et al. 1995; Wolpert and Ghahramani 2000). Очевидно, каким будет преимущество перевода таких вычислительных процессов на феноменальный уровень репрезентации. Они стали бы доступны для обработки вниманием, непрерывного уточнения и немедленной остановки путем наложения "вето". Очевидно, что более абстрактные и утонченные версии таких первоначальных симуляций, использующие телесную Я-модель, например, при моделировании "схватывания" концепции (см. Gallese 2001; Rizzolatti and Arbib 1998; и раздел 6.3.3), стали бы серьезным эволюционным преимуществом, обеспечив более высокое познание, использование языка и возникновение сложных обществ. Сейчас я не буду углубляться в эти вопросы. Скорее, я хочу отметить, что одна из важнейших биологических

функций Я-модели человека заключается в интеграции всех различных способностей, развившихся в ходе его долгой биологической истории. Она не только позволяет организму "владеть" определенными ментальными репрезентациями и симуляциями, активируемыми его центральной нервной системой, но и обеспечивает связь высших, подлинно когнитивных форм самосимуляции - например, рассуждений и ментальной симуляции использования символов - с элементарными биорегуляционными процессами, то есть с презентующим Я, закрепленным за interoцепцией и элементарным гомеостазом, о котором говорилось в начале этого раздела. Сознательное создание виртуальных "я", таким образом, всегда в конечном итоге связано с физическими потребностями и низкоуровневой функциональной самоорганизацией организма, в котором оно возникает. Таким образом, интегративная функция Я-модели человека достигает еще одного адаптивного преимущества. Она заключается в том, что все процессы самопрезентации и самосимуляции привязываются к логике выживания, вписываются в эмоциональный контекст и накладываются на все процессы самопрезентации и самосимуляции неявную нормативную структуру ("валентную ось"). Таким образом, все уровни феноменальной саморепрезентации в конечном счете основаны на телесном самоуправлении и саморегуляции основного жизненного процесса. Еще одна цитата из Антонио Дамасио проиллюстрирует этот момент:

Существа, обладающие сознанием, имеют некоторые преимущества перед теми, у кого его нет. Они могут установить связь между миром автоматической регуляции (мир базового гомеостаза, который переплетается с прото-Я) и миром воображения (мир, в котором образы различных модальностей могут быть объединены для создания новых образов ситуаций, которые еще не произошли). Мир воображаемых творений - мир планирования, мир формулирования сценариев и предсказания результатов - связан с миром прото-самости. Самоощущение связывает

предвидение, с одной стороны, с предсуществующим автоматизмом, с другой.

Сознание - не единственное средство, позволяющее генерировать адекватные реакции на окружающую среду и тем самым достигать гомеостаза. Сознание - лишь новейшее и наиболее совершенное средство для этого, ...

Я бы сказал, что сознание, как оно устроено в настоящее время, ограничивает мир воображения, который в первую очередь касается индивидуума, индивидуального организма, "я" в широком смысле этого слова. Я бы сказал, что эффективность сознания проистекает из его бессознательной связи с бессознательным прото-Я. Именно эта связь гарантирует, что должное внимание уделяется вопросам индивидуальной жизни, создавая беспокойство". (Damasio 1999, p. 303 ff.)

6.3 Описательные уровни Я-модели человека

Применение ограничений, разработанных для концепции феноменальной репрезентации в главе 3, позволило получить еще одну полезную рабочую концепцию - концепцию PSM. Давайте теперь строго ограничим предполагаемый класс систем человеческими существами в непатологических состояниях бодрствования. Сознательная Я-модель человека, концептуально, представляет собой сущность, которая может быть одновременно описана на нескольких субличностных уровнях описания.

Феноменальное содержание надстраивается над внутренними свойствами системы. Поэтому для дальнейшего развития понятия ПСМ и его применения в междисциплинарном сотрудничестве философии и

нейронауки важно искать нейронные корреляты сознательного "я".

6.3.1 Нейронные корреляты

Возможно, сознательная Я-модель представляет собой наиболее сложную форму индивидуального феноменального содержания из всех известных нам. Это делает поиск нейронных коррелятов феноменального самосознания чрезвычайно трудным, поскольку по ряду теоретических и эмпирических причин приходится предполагать, что в любой момент времени нейронный коррелят самосознания (NCSC) будет сильно распределен. Стратегически существует по крайней мере два важных способа справиться с этим общим препятствием: во-первых, сосредоточиться на инвариантных разделах Я-модели, а именно на тех аспектах, которые являются самопрезентационными в смысле непосредственной корреляции с внутренними стимулами; во-вторых, сосредоточиться на очень специфических формах ментального Я-моделирования, сохраняя постоянными как можно больше других функциональных факторов. Тем не менее, общая задача представляет собой непреодолимую трудность и, несомненно, останется главной целью нейронауки на многие десятилетия. Однако позвольте мне отметить, что в эмпирическом поиске NCSC есть и положительный аспект.

Поиски нейронного коррелята сознания (НКС) начались только в начале этого тысячелетия (см., например, Metzinger 2000). Как станет очевидно в конце этой главы, очень большой класс активных феноменальных состояний может быть определен именно тем, что они становятся эпизодически интегрированными с текущей Я-моделью на очень малом временном масштабе, поскольку внимание,

механизмы волевого выбора и познание блуждают в репрезентативном пространстве и создают преходящие феноменальные репрезентации субъектно-объектных отношений. Это прямое эмпирическое предсказание, вытекающее из теоретических соображений, развитых в этой главе. Глобальная доступность информации всегда означает доступность для преходящей, динамической интеграции с активной в данный момент Я-моделью. Разработанная здесь теория Я-модели субъективности может послужить ценным инструментом для выделения особого и, возможно, наиболее интересного класса НКК: тех сознательных переживаний, которые явно привязаны к перспективе первого лица. И именно поэтому поиск НКК, даже если мы находимся в самом начале этого трудного пути, имеет высокую методологическую значимость. Только если мы найдем нейронные и функциональные корреляты того, что философы называют "феноменальным Я", мы сможем открыть более общую теоретическую рамку, в которую можно будет вписать все данные. В конечном счете, только этот эмпирический проект позволит нам понять, что именно означает, что наш целевой феномен, феноменальный опыт, является субъективным явлением. Назовем это "принципом перспективной интеграции" (ППИ). Я вернусь к нему в разделе 6.5.

Каковы наиболее инвариантные части сознательной модели реальности? Ответ теперь очевиден: Это феноменальное содержание, составляемое презентативной частью телесной Я-модели. Наиболее инвариантная часть сознательной модели реальности в стандартных ситуациях тождественна наиболее инвариантной части Я-модели. Эта часть обладает как феноменальным, так и бессознательным, нефеноменальным разделом. Согласно концептуальным инструментам, разработанным в главе 2 и, в частности, в разделе 5.4 главы 5, существует как ментальная, так и феноменальная саморепрезентация. Вы, возможно, помните, что согласно используемой здесь простой терминологии,

существует три различных вида структур, несущих содержание: внутренние репрезентации (которые никогда не осознаются), ментальные репрезентации (которые иногда могут стать осознанными) и феноменальные репрезентации (которые всегда осознаются). Человеческая Я-модель уникальна тем, что создает в высшей степени инвариантную и устойчивую функциональную связь между феноменальной, ментальной и внутренней саморепрезентацией. Феноменальная самопрезентация укоренена в ментальной самопрезентации, которая, в свою очередь, укоренена в чисто внутренних, саморегулируемых состояниях чисто функционального характера. Таким образом, мы должны искать все те процессы, которые, во-первых, генерируют строго коррелирующее со стимулом репрезентативное содержание, во-вторых, внутренне обрабатывают только системную информацию и, в-третьих, могут быть выделены по разным уровням глобальной доступности для обработки вниманием.

Например, если говорить о конкретных кандидатах в фокусные точки в рамках, несомненно, сложной и распределенной сети, то здесь присутствует бессознательный компонент процесса постоянного отображения сигналов тела. Дамасио предлагает три различные структуры мозга для реализации этого элементарного уровня само моделирования (которые, в его терминологии, составляют "прото-самость"): Некоторые ядра ствола мозга, гипоталамус и базальный отдел переднего мозга, а также определенная часть соматосенсорной коры, а именно: инсулярная кора, S2 и медиальная теменная кора, расположенная за сплениумом мозолистого тела (Damasio 1999, p. 155 и далее). Функционально эти области мозга служат для регуляции состояний организма и постоянно сигнализируют об общем текущем состоянии организма. В частности, их функция заключается в представлении аспектов внутренней среды, таких как, например, концентрация гормонов или ионов, значение рН, уровень

питательных веществ и так далее, а также инвариантных аспектов опорно-двигательного каркаса. Согласно текущей модели, сознательный компонент формируется подмножеством текущей активности этих структур, которое интегрируется в окно присутствия и глобальную модель мира. Например, элементами этого подмножества будут все нейронные процессы, которые функционально проникают в рабочую память.

В разделе 6.5 мы рассмотрим третью характеристику ПСМ, которая присутствует почти во всех классах сознательного опыта: она связана с феноменальным субъект-объектным отношением. Дамасио также предлагает три нейроанатомических кандидата на роль основных компонентов, вносящих вклад в сложную и постоянно меняющуюся сеть, которая может лежать в основе внутренней репрезентации этого субъектно-объектного отношения. Они обеспечивают то, что, по его собственной терминологии, является процессом "отображения второго порядка": поясную кору, некоторые ядра таламуса и верхнюю ключицу (Damasio 1999, p. 260 и далее). Поясная кора, будучи вовлеченной в обработку внимания и эмоций, вносит вклад в формирование сложного поведения, одновременно являясь массивной соматосенсорной структурой, управляемой сигналами из многих различных источников, включая сигналы, вызванные опорно-двигательными аспектами тела, внутренностями и внутренней средой. Высшие ключицы могут играть важную роль в интеграции активности, связанной с ориентировочными движениями, связанными с вниманием к источнику визуального или слухового стимула. Таламус, наконец, может служить для имплицитного обозначения отношений между объектом и организмом (Damasio 1999, p. 265) и вызывать появление более явных нейронных паттернов в поясной коре и соматосенсорной коре. Интересно, что данные метаболической визуализации (Chugani 1999) свидетельствуют о том, что четыре структуры,

представляющие собой нечто вроде моста от ядра психического к ПСМ - а именно, ствол мозга и гипоталамус, соматосенсорная кора и поясная кость - функционально предшествуют развитию нейронных коррелятов для форм саморепрезентации более высокого порядка. Проводя нейровизуализационные исследования с помощью позитронно-эмиссионной томографии (ПЭТ) новорожденных, ученые обнаружили именно эти структуры, которые уже при рождении характеризуются сильной активностью.

Второй важной теорией, касающейся нейронных коррелятов телесного "я", особенно феноменальной саморепрезентации в терминах пространственных свойств, является нейроматричная теория Рональда Мелзака (см. Melzack 1989, 1992; Katz and Melzack 1990; Melzack et al. 1997). Результаты исследований болевого опыта при фантомных конечностях могут, по сути, указывать на существование генетически обусловленной нейроматрицы, входно-независимый автономный паттерн активации которой может составлять функциональную основу наиболее инвариантных разделов феноменального образа тела (т. е. "филоматрицы схемы тела"). Обратите внимание, что сейчас мы говорим не о саморегуляции внутренней среды, образуемой телом, а о проблеме, касающейся пространственной репрезентации. Как тело представляет себя в качестве пространственной сущности, используя свой собственный мозг? Существует ли врожденный компонент само модели, встроенный образ организма в целом, занимающий определенную область в пространственной системе отсчета?

Многие исследователи склонны считать, что элементарное восприятие тела закрепляется только в процессе социальных взаимодействий после рождения или во время раннего двигательного поведения в утробе матери.⁷ С другой стороны, устойчивая функциональная связь между

областями первичной соматосенсорной коры и определенными областями телесной Я-модели была доказана с помощью прямой электрической стимуляции во время нейрохирургических операций под местной анестезией. В соматосенсорной коре области тела, способные к более тонкой дискриминации прикосновений (например, ладони и рот), имеют большую площадь представительства, чем области, способные только к грубой дискриминации (например, спина или ступни). Электрическая стимуляция любой из этих областей приводит к осознанному ощущению прикосновения к представленной части тела. Конечно, сенсорные карты тела и моторные карты очень пластичны и подвержены влиянию опыта, даже во взрослом организме. И, конечно же, с теоретической точки зрения следует признать, что в таких сложных, динамических системах, как человеческий мозг, вероятно, не существует абсолютной инвариантности или функциональной жесткости. Однако есть интересные свидетельства существования некоего врожденного или хотя бы частично генетически обусловленного "прототипа тела". Мы уже сталкивались с работой Мельтцоффа по имитационному поведению у новорожденных, которая определенно указывает в этом направлении. Еще одна линия доказательств связана с фантомными ощущениями, о которых сообщают дети, родившиеся без одной или нескольких конечностей (фокомелия). Я подробно вернусь к теме фантомных конечностей в разделе 7.2.3. Пока же позвольте мне лишь отметить, что хорошо задокументированные данные сегодня показывают, что даже люди, родившиеся без конечностей, развивают сложные телесные само модели, включающие эти конечности - даже если у них никогда не было источника входного сигнала. Например, Мелзак и его коллеги в серии недавних (1997 г.) исследований случаев убедительно доказывают, что фантомные конечности испытывают по меньшей мере 20 % людей с врожденным дефицитом конечностей, а также 50 % тех, кто перенес ампутацию в возрасте до 6 лет. Если бы все эти врожденные случаи не

имели фантомных переживаний, было бы правдоподобно предположить, что все телесное само моделирование основано только на опыте, но вместе с тем фактом, что некоторые из этих пациентов не теряют соответствующие части ПСМ даже во взрослом возрасте, это кажется правдоподобным доказательством того, что нейронный коррелят пространственной модели Я частично невосприимчив к локальной нейронной пластичности в соматосенсорной коре. В совокупности эти данные показывают, что для активации феноменальной модели определенных частей тела не требуется непрерывный поток периферического сигнала, что врожденный компонент в рамках высокораспределенной сети может действительно существовать, и что крайне маловероятно, что материал, существующий в настоящее время в виде эмпирических отчетов пациентов, в полном объеме является результатом конфабуляций. Еще одна интересная деталь, на которую указывает Мелзак, связана с опытом нейрохирургов. Существует множество случаев, когда иссечение соматосенсорной коры не предотвращало повторного появления фантомной конечности при последующем наблюдении (Gybels and Sweet 1989, цит. по Melzack et al. 1997, p. 1619). Вот как Мелзак формулирует основную идею:

По сути, я постулирую, что мозг содержит нейроматрицу, или сеть нейронов, которая, помимо реакции на сенсорную стимуляцию, постоянно генерирует характерный паттерн импульсов, указывающий на то, что тело является неповрежденным и однозначно собственным. Я называю этот паттерн нейросигнатурой. Если бы такая матрица работала в отсутствие сенсорных входов с периферии тела, она создавала бы впечатление наличия конечности, даже когда эта конечность была бы удалена". (Melzack 1992, p. 123)

Идея теории нейроматриц заключается в том, что большая часть феноменального тела-самости просто является

результатом автономной деятельности этой нейроматрицы. Конечно, такая матрица будет пластичной - будет онтоматрица, которая меняется в процессе жизненного опыта индивида, и будет нечто вроде филоматрицы, элементарного аспекта модели тела-Я, который, с небольшими вариациями, разделяют все представители вида. В контексте понимания осознанных болевых ощущений, возникающих в фантомных конечностях, до сих пор назывались три конкретных компонента (недавний тщательный обзор феноменологии и литературы о потенциальных механизмах см. например, Hill 1999): сенсорный путь, проходящий через таламус к соматосенсорной коре, путь, проходящий через ретикулярную формацию к лимбической системе, и теменная доля (повреждение которой приводит к типичным нарушениям в ПСМ, как мы увидим в главе 7). Однако нейроматричная теория подвергается критике, поскольку предполагаемая нейронная структура охватывает столь обширную и диффузную область мозга, что "предложенные механизмы практически невозможно операционализировать и проверить" (Hill 1999, p. 130). Конечно, это не вина теории, если теоретическая сущность, которую она считает себя вынужденной предложить, согласно существующим методологиям, не может быть операционализирована или легко разложена на изолируемые функциональные субкомпоненты. Вполне возможно, что поиск НЦК окажется крайне сложной задачей именно в силу трудноудовлетворимых феноменологических и репрезентативных ограничений "свернутого холизма", которые были представлены ранее. Даже ядро более инвариантных частей ПСМ может оказаться настолько плотно вложенным, что любая прямая механистическая стратегия редуктивного объяснения окажется просто невыполнимой по техническим причинам.

Давайте теперь обратимся к некоторым "более высоким" уровням содержания в ПСМ. Дональд Стасс (1991) отметил, что различные репрезентации себя будут связаны с

определенными структурами или областями мозга и что лобные системы, по-видимому, важны для этих более высоких уровней саморепрезентации (см. также Stuss and Benson 1986). Он заметил, что способность сохранять и организовывать информацию в значимые последовательности, а также способность инициировать и управлять поведением, похоже, имеет анатомическую основу в задних дорсолатеральных и медиальных лобных областях (Stuss 1991, p. 258; дальнейшее обсуждение см. также Vogeley, Kurthen, Falkai, and Maier 1999; Vogeley 2000). Еще две важные функции, связанные с самим собой, можно найти в лобной коре: исполнительный контроль и осознанное метакогнитивное мышление, способность осознавать себя и свое отношение к окружающей среде, обладая при этом рефлексивной способностью "знать о знании". В когнитивной нейропсихиатрии префронтальная кора уже давно является кандидатом на выявление расстройств, связанных с дефицитом исполнительных и контролирующих функций Я-модели.

Некоторые исследования, однако, дают нам представление о том, какими могут быть корреляты преходящих, высокоуровневых содержаний, интегрированных в ПСМ. Особенно интересен постоянный феноменальный опыт агентности: волевая Я-модель, которая генерируется путем кратковременной интеграции специфического феноменального содержания, а именно объектного компонента "волевого акта" (см. раздел 6.4.5). Патрик Хаггард и Мартин Эймер исследовали связь между потенциалами мозга и осознанием добровольных движений. Они повторили классические исследования (Libet, Gleason, Wright, and Pearl 1983), пытаясь определить нейронные события, соответствующие воспринимаемому времени волевых действий или воспринимаемому времени их начала. Испытуемые сообщали о моменте, когда определенное репрезентативное содержание в рамках ранее неосознаваемой Я-модели становилось глобально доступным

для интроспективного внимания - времени, когда они впервые "почувствовали побуждение" совершить свободное волевое и эндогенное движение (Haggard and Eimer 1999, p. 128.). В среднем осознание этого побуждения к движению происходило за 296 мс до начала электромиографической активности. Хаггард и Эймер, однако, измеряли латерализованные потенциалы готовности как дополнительный индикатор выбора движения и затем исследовали их временную связь с фактическими вербальными отчетами испытуемых, которые, очевидно, могли основываться только на феноменальном содержании их Я-моделей.⁸ Хаггард и Эймер воспроизвели временные закономерности в данных, полученных в более ранних исследованиях Либет, но их исследования имеют то преимущество, что они допускают предположения о содержании, которое сообщается в самонаправленных суждениях испытуемых. Этот вопрос представляет философский интерес: Каково психическое содержание, формирующее компонент объекта, на который "намеренно направлен" волевой акт?

Интересный вопрос, конечно, заключается в том, какой именно компонент довольно расширенного потенциала готовности непосредственно коррелирует с феноменальным содержанием побуждения или воли к движению. Более поздние исследования, похоже, показывают, что фактическое осознание инициации движения должно основываться на прозрачной феноменальной самосимуляции, то есть на содержании внутреннего предсказания состояния системы, которое следует ожидать (см. Frith, Blakemore, and Wolpert 2000, p. 1776; Haggard, Newman, and Magno 1999, p. 302; Haggard and Magno 1999).⁹ Феноменальное содержание инициации движения определяется не сигналами, возникающими при реальном физическом движении конечности, а текущим состоянием определенных предикторов, которые рассчитывают потенциальные последствия конкретного двигательного действия. Теперь

можно сделать вывод, что то, что мы осознаем, - это текущая симуляция конкретной, заданной симуляции движения ("обратная модель"; см. Wolpert and Ghahramani 2000). Однако эта симуляция движения всегда интегрирована в фон текущего представления системы в целом. Более важно, однако, что этот тип функциональной архитектуры представляет собой еще один весьма поучительный пример того, чем на самом деле является феноменальная прозрачность, функционально ограничивающая процесс сознательного само моделирования. Возможность изображается как реальность на феноменальном уровне репрезентации; то, что на субличностном уровне является лишь моделью потенциальной проприоцептивной обратной связи, становится субъективным опытом [я в данный момент и фактически иницирую это движение рукой]. Этот переход достигается путем интеграции в PSM, и о лежащем в основе изменения свойств системы теперь можно сообщить с помощью предикатов личностного уровня.

Новое исследование предполагает, что само модель дает нам доступ только к тем стадиям премоторных процессов, которые происходят после состояния фактического выбора движения (Haggard and Eimer 1999, p. 132). Другими словами, то, что мы можем сообщить, направив внутреннее внимание на содержание нашей текущей Я-модели, - это не абстрактные высшие уровни премоторной обработки, предшествующие выбору актуального движения, а реальное феноменальное содержание, которое позже активируется функциональным процессом подготовки конкретного телесного движения. Конечно, интересен вопрос, могут ли абстрактные, обычно неосознаваемые этапы обработки, предшествующие волевому и феноменально само моделируемому выбору движения, уже считаться эгоцентрическими репрезентациями, или же это именно тот шаг, на котором эти вычисления интегрируются в саморепрезентацию, что также делает их осознанными.

В любом случае теперь кажется правдоподобным предположить, что то, что интегрируется в ПСМ организма как ныне рассуждающего субъекта, является детерминированной, единственной и конкретной репрезентацией определенного поведения. Авторы отмечают, что латерализованные потенциалы готовности вполне могут иметь причинную связь с сообщением о текущем содержании ПСМ, но в то же время это довольно позднее событие в цепи физиологических событий, ведущих к действию. К вопросу о свободе воли я вернусь позже. Однако позвольте мне кратко указать на то, что представляется основным вопросом с философской точки зрения: Безусловно, существует минимально достаточный нейронный коррелят для активации определенного вида сознательного содержания, которое, будучи встроенным в прозрачную Я-модель, сообщается субъектами как их "собственное сознательное воление". Очевидно, что будет существовать и минимально достаточный нейронный коррелят, вызывающий последующее внешнее действие. Оба минимально достаточных нейронных коррелята могут, хотя и пересекаться, значительно расходиться при более тщательном исследовании с объективной, третьей стороны, и именно такие исследования, проведенные Хаггардом и Эймером, позволят добиться прогресса в решении этих вопросов. Однако народная психология обычно рассматривает сознательный опыт воления, то есть феноменальную репрезентацию специфического процесса выбора, мимолетно интегрированную в PSM и тем самым ставшую доступной для публичного отчета, как единственную и непосредственную причину наблюдаемого поведения. Важно отметить, что это отражает способ, которым вещи прозрачно представлены на уровне ПСМ. Такая атрибуция причинно-следственной связи теперь становится несостоятельной, и дело не только в том, что народная психология ложна, а в том, что содержание сознательной Я-модели на самом деле приписывает причинно-следственную связь между двумя событиями,

представленными в ней. Однако то, что является ложью или галлюцинацией с точки зрения строгого, научного взгляда от третьего лица, может быть функционально адекватным для биологического организма. Подробнее об этом позже.

Теперь давайте вкратце рассмотрим возможные корреляты процесса феноменальной самосимуляции, реализуемого сознательным осознанием при извлечении эпизодической памяти. Дюзель и его коллеги провели исследование, касающееся коррелятов связанных с событиями потенциалов мозга для двух различных состояний сознательного осознания в задачах на запоминание. (Düzel et al. 1997). Они различают аутоноэтическое осознание (запоминание) и ноэтическое осознание (знание). Аутоноэтическое осознание - это вид сознательного опыта, характеризующий мысленное "оживление" событий из личного прошлого, способность, которую эти авторы также называют "путешествием в прошлое" в собственном сознании, хорошо известным всем здоровым людям. Очевидно, что это именно то, что ранее было названо феноменальной самосимуляцией: активное, глобально доступное моделирование прошлых состояний системы в эгоцентрической системе отсчета. Ноэтическое осознание аллоцентрично и более абстрактно, оно расширяется до общих знаний, заложенных в семантической памяти. Как и следовало ожидать, в задаче на распознавание истинности и ложности испытуемые давали ложноположительные ответы на вновь предъявленные предметы. Авторы указывают на то, что совершенно нормальные и умные люди часто не только утверждают, что знают о наличии ложных целей в предъявленном учебном списке, но и действительно помнят события появления ложных целей (Düzel et al. 1997, p. 5974). Другими словами, феноменальные самосимуляции типа извлечения памяти могут происходить как с намеренным содержанием, так и без него. Они могут быть искажениями. Сознательно пережитый эпизод памяти может быть пустым, а может относиться к реальному событию в прошлой биографии субъекта. Два

важных предположения, лежащих в основе логики эксперимента, заключались в том, что аутоноэтическое осознание испытуемых, коррелирующее с суждениями о запоминании, одинаково для истинных и ложных целей, и что активность мозга, коррелирующая с аутоноэтическим осознанием и извлечением, по сути, одинакова независимо от того, вызвана она истинной целью или ложной. Другими словами, в исследовании была предпринята попытка отделить интенциональное от феноменального содержания целевого типа феноменальной самосимуляции и сделать попытку найти достаточные нейронные корреляты для общих феноменальных аспектов обоих видов процессов. Одним из результатов исследования стало то, что два различных типа феноменального содержания, связанного с извлечением памяти - феноменальная самосимуляция, вызывающая сознательный опыт "вспоминания" фактического биографического события, в отличие от феноменальной саморепрезентации, вызывающей сознательный опыт "знания" представленного предмета - во-первых, имели различные нейронные корреляты, а во-вторых, не были чувствительны к различиям в предшествующей каузальной истории внутри системы, то есть в предварительной обработке представленных и непредставленных целей. В первом случае электрофизиологический коррелят состоял в поздней, широко распространенной, бифронтальной и височно-теменной позитивности во временном окне от 600 до 1000 мс, тогда как во втором случае коррелятом была лобно-центральная негативность в том же временном окне, которой предшествовала билатеральная височно-теменная позитивность во временном окне от 300 до 600 мс (Düzel et al. 1997, p. 5977). Это исследование служит прекрасным примером того, как мы в настоящее время делаем первые шаги в сужении круга нейронных коррелятов специфических аспектов сознательного само моделирования, в данном случае в отношении феномена самосимуляции.

6.3.2 Когнитивные корреляты

Поиск нейронных коррелятов феноменального самосознания должен быть полезно дополнен поиском вычислительных коррелятов феноменального самосознания (Atkinson, Thomas, and Cleeremans 2000). В более общем смысле НСС может быть параллелен вычислительному корреляту сознания (ССС) в том смысле, что он может обладать чисто абстрактным и чисто функциональным описанием, которое оказывается весьма релевантным для понимания того, чем на самом деле является сознательный опыт. Вычислительные корреляты, прежде всего, следует отметить, не являются коррелятами в строгом смысле слова, поскольку они многократно реализуемы: это гораздо более абстрактные описания, лишенные специфики области, которая приходит вместе с деталями реализации. Поэтому любое отображение ССС на НКК (или физические корреляты в целом) будет отображением один-ко-многим, а не один-к-одному. Второй важный аспект заключается в объединении исследования каузальных ролей с исследованием репрезентативного содержания. Говоря в более широком смысле о "когнитивных коррелятах" феноменального Я, мы объединяем два уровня описания, которые были наиболее важны в прошлом: концептуальные уровни функционалистского и репрезентационистского анализа. Оба они относятся к области более классически понятой когнитивной науки, и в этом смысле поиск когнитивных коррелятов ПСМ означает требование когнитивно-научного подхода к самосознанию.

Философов традиционно привлекает проект универсальной теории разума, не зависящей от аппаратуры. Самым последним плодом этого влечения стал философский машинный функционализм, использующий понятие таблицы машины Тьюринга в качестве модели для анализа ментальных состояний (Putnam 1975). Философы, как правило, также заинтересованы в максимальном увеличении

концептуальной точности и степени общности одновременно. Для них более абстрактные уровни описания являются более релевантными - до тех пор, пока они все еще могут считаться информативными. Это также одна из причин, по которой я сосредоточился на репрезентационистском и функционалистском уровнях описания при разработке ограничений для понятий "сознательный опыт" и "феноменальное само моделирование" в разделах 3.2 и 6.1. Поэтому на данном этапе я могу быть очень краток, поскольку многое из того, что необходимо было сказать, уже было сказано, особенно в предыдущих разделах этой главы. Короче говоря, необходима вычислительная модель феноменального самосознания, которая напрямую соотносится с конкретным содержанием и конкретной каузальной ролью, которую это содержание играет для системы, в одно и то же время. Хотя в настоящее время неясно, каким будет этот уровень в такой специфической области, как сознательные человеческие существа, это описание также определит соответствующий уровень описания нейронной активности как таковой, в терминах определенного уровня организации в мозге (Revonsuo 2000a).

6.3.3 Социальные корреляты

Приходилось ли вам видеть, как ребенок, только что научившийся ходить, слишком быстро бежит к двум-трем ступенькам, а затем падает на лицо незащищенным способом, который мог бы нанести значительные травмы, если бы это был взрослый? Ребенок, лежащий теперь лицом вниз, поднимает голову, поворачивается и ищет мать. Он делает это с абсолютно пустым выражением лица, не показывая никакой эмоциональной реакции. Он вглядывается в лицо матери, чтобы понять, как на самом

деле сейчас чувствует себя он сам. Насколько все было плохо на самом деле? Плакать или смеяться?

Мы все сталкивались с такой ситуацией. Она показывает, что феноменальное содержание Я-модели малыша, в частности его эмоциональной Я-модели, еще не зафиксировано. Он еще не знает, как он должен себя чувствовать. Поэтому он смотрит в лицо матери, чтобы определить эмоциональное содержание своего собственного сознательного самоощущения. Интересно отметить, что с точки зрения третьего лица мы имеем две биологические системы, которые раньше были единым целым, которые были физически разделены в течение многих месяцев, но все еще тесно связаны на функциональном уровне само моделирования. Их само модели управляют друг другом. И для взрослых, как отмечал Мерло-Понти, часто действует аналогичный принцип: Я живу перед лицом другого. Переходя с перцептивного на эмоциональный уровень, социальное познание сопровождается тем, что можно назвать "аффективным растворением Я".¹⁰ Очевидно, что подобные тонкие открытия не являются делом одной лишь философской феноменологии, но они должны быть отражены в любой серьезной нейрокомпьютерной теории сознательной перспективы первого лица или перспективы второго лица, феноменальной репрезентации "ты". Существуют значительные и весьма релевантные части человеческой Я-модели, которые в стандартных ситуациях обусловлены восприятием других людей как когнитивных агентов, как объектов внимания и так далее. Существуют виды самосознания, которыми изолированный человек никогда не мог бы обладать. В определенные разделы феноменального пространства состояний мы можем войти только с помощью других людей. Важно отметить, что это не затрагивает принцип локального подчинения феноменального содержания самопрезентации внутренним свойствам нервной системы. Переход в ПСМ малыша, когда он смотрит в лицо матери и начинает облегченно улыбаться,

внезапно обнаруживая, что на самом деле ничего не болит и что единственное, что произошло, - это большой сюрприз, конечно, в принципе может быть сгенерирован злым ученым, манипулирующим мозгом в чане. Феноменальный опыт межличностной связанности или совместного внимания всегда может быть галлюцинацией - он может иметь место без существования каких-либо других человеческих существ в мире; он может даже иметь место без существования тела или органов чувств. Другими словами, будет минимально достаточный нейронный коррелят даже для феноменальной интерсубъективности, для тех видов сознательных переживаний, которые мы испытываем, когда внезапно понимаем чей-то аргумент или когда за долю секунды вдруг обнаруживаем блеск в глазах другого человека, который говорит нам, что мы ему нравимся. Однако, чтобы понять, как эти специфические, высокоуровневые содержания, генерируемые в процессе взаимного, социального само моделирования, могли появиться и какую функцию они выполняют для таких систем, как мы, нужно посмотреть на стандартные условия их появления. Чтобы расширить наше понимание до дальнейших уровней описания, мы должны предположить и соответствующий вид интенционального содержания. Действительно, существуют ситуации, в которых они обусловлены своими социальными коррелятами. Как правило, они представляют собой знание, а не только опыт. Кроме того, телеофункционалистский анализ, использующий ограничение адаптивности, представленное в разделах 3.2.11 и 6.2.8, должен предполагать, что это процессы с длительной биологической историей.

Рассмотрим несколько примеров, в которых содержание ПСМ обусловлено социальными коррелятами. На самом низком феноменологическом уровне осознанные телесные ощущения могут быть вызваны непосредственно сородичами, как, например, при драке, груминге или брачном поведении. Так, было показано, что даже эмоции, распознаваемые по визуальным представлениям

лица, задействуют не только зрительную систему, но и значительные участки соматосенсорной коры, а также дополнительные области, связывающие их между собой. Поэтому осознанное социальное познание, вероятно, закреплено в пространственно кодированных слоях ПСМ, которая функционирует как решающее звено в "составной визуосоматической системе" (Adolphs, Damasio, Tranel, Cooper, and Damasio 2000, p. 2689). Часто сдвиги в сознательном фокусе и содержании восприятия могут быть вызваны другими сознательными агентами. Существуют также важные классы презентационного контента, интегрированного в сознательную Я-модель, которые обычно вызываются сородичами: кормление, поглаживание, груминг и т. д. являются примерами таких классов феноменальных состояний. Кроме того, существует большое количество эмоций, которые, в нашем случае, просто невозможно ощутить без присутствия другого человека, вызывающего их. Более того, если ребенок не научится активировать соответствующие части своей эмоциональной Я-модели в определенный, решающий период своего психологического развития, он не сможет испытывать эти чувства позже, будучи взрослым. В такой период становления эмоциональной Я-модели необходимо присутствие определенных социальных коррелятов, запускающих соответствующие состояния, иначе соответствующие разделы пространства сознательного опыта могут навсегда остаться закрытыми для ребенка. В основе многих из приведенных примеров, по-видимому, лежит важный функциональный принцип. Эмоциональные слои Я-модели - это репрезентативные окна, через которые внутренний (например, метаболический) контекст может взаимодействовать с внешним (например, межличностным). Однако наиболее интересны все ситуации, в которых Я-модель используется как инструмент в явном, подлинном социальном познании.

Все ситуации, в которых необходимо представлять цели и намерения другого агента, могут привести к появлению особенно интересных форм саморепрезентативного контента. Вот несколько примеров: [Я сам в акте понимания цели другого человека], [Я сам в акте понимания того, что другой человек понял мою собственную цель], [Я сам в акте обнаружения того, что другой человек пытается меня обмануть, то есть в данный момент пытается установить во мне ложное убеждение], [Я сам в акте попытки помешать другому человеку обнаружить истинное содержание моей текущей сознательной Я-модели]. Этот список можно продолжать до бесконечности.

Такие состояния интересны по нескольким причинам. Во-первых, они представляют нам сложные, вложенные формы интенционального содержания, которые жизненно важны для понимания интерсубъективности и логики, лежащей в основе социального познания. Они являются парадигматическим примером интеллекта в социальной сфере. Во-вторых, они имеют четкое отражение в ПСМ. Они сопровождаются отдельными классами сознательных переживаний. Эти переживания интересны, поскольку не удовлетворяют ограничению прозрачности. Размышляя о ментальных состояниях других людей таким образом, мы субъективно переживаем себя как манипулирование ментальными репрезентациями. С другой стороны, вся эта деятельность интегрирована в прозрачный фон феноменального Я, как воплощенного и как являющегося инициатором этой когнитивной деятельности. Кроме того (как, например, интересно показывают исследования виртуальной реальности; см. Heeter 1992), феноменальная реальность как таковая становится тем более реальной - в смысле субъективного опыта присутствия, - чем больше агентов, узнающих человека и взаимодействующих с ним, содержится в этой реальности. Феноменологически, продолжающееся социальное познание повышает степень "реальности" как этой реальности, так и самости. В-третьих,

интересно отметить, что существует базовое содержание, общее для всех подобных состояний. Ссылаясь на работы Мартина Бубера, мы могли бы назвать это феноменальной "структурой Я-Ты": сознательное переживание того, что в данный момент мы сталкиваемся с другим сознательным агентом, феноменальное представление того, что в данный момент мы взаимодействуем с существом, обладающим подлинной феноменальной перспективой первого лица - тем самым представляя собой перспективу первого лица во множественном числе.

Существует множество ситуаций, в которых этот тип опыта является чисто галлюцинаторным. Например, мы просто не можем не приписать сознательную перспективу от первого лица пациенту в стойком вегетативном состоянии (ПВС; ср. Jennett and Plum 1972; три случая, демонстрирующие стереотипное, но скоординированное поведение хронически бессознательных людей, см. в Plum, Schiff, Ribary, and Llinás 1998). Мы все знаем, как дети и некоторые представители незападных культур иногда приписывают неодушевленным объектам в своем окружении сознательный опыт и внутреннюю перспективу, и все мы, в состоянии стресса или опьянения, в состоянии сна, при психических заболеваниях, включая галлюцинаторные эпизоды, можем погрузиться в "магическое мировоззрение", феноменальную модель реальности, в которой мы просто не можем не воспринимать объекты в нашем окружении как обладающие психологическими свойствами, как имеющие собственные намерения и как обладающие собственной сознательной перспективой от первого лица. Структура "Я-Ты" может быть основана на врожденном механизме (часто называемом "модулем теории разума"), который может выйти из-под контроля и проявить автономную функцию в ситуациях, когда он функционально неадекватен, или составлять его специфический аспект.

В обычных ситуациях интересна возможность того, что именно бессознательная Я-модель обладает социальными коррелятами и фактически обеспечивает сознательный опыт бытия Я, "сразу" понимая цели и внимание других Я. Чтобы выработать успешные социальные стратегии, человек должен внутренне моделировать те свойства социальной среды, те свойства других существ, которые недоступны "онлайн", то есть через сенсорное восприятие. Поскольку эпистемической целью является содержание Я-модели другого агента, задача состоит не только в симуляции, но и в эмуляции (см. раздел 6.1). На втором этапе необходимо приписать себе эту самую репрезентативную деятельность. Поскольку то, что должно быть представлено, - это вы сами в акте эмуляции; целевая эмуляция и самоэмуляция должны идти рука об руку. Наиболее элегантным решением было бы такое, которое использовало бы те же анатомические субстраты, но при этом не смешивало бы оба источника информации и обе формы репрезентативного содержания.¹¹ Однако может оказаться, что первая часть этого процесса начинается на бессознательном уровне, а феноменальные состояния, обусловленные феноменальными состояниями других людей, являются лишь конечным этапом довольно сложной причинно-следственной цепи.

Джакомо Риццолатти, Витторио Галлезе и их коллеги описали два разных интересных класса нейронов в области F5 вентральной премоторной области обезьяны (Rizzolatti, Fadiga, Fogassi, Gallese 2002). Эти нейроны кодируют движения абстрактным образом, не как команды отдельным группам нейронов, а как отношения между агентом и объектом его действий. Особенно интересной новой концепцией в этом контексте является "моторный словарь", состоящий из целых репрезентаций действий, включая их временные и телефункциональные аспекты (например, "захват", "точный захват" и "фаза апертуры"). С нейрокомпьютерной точки зрения такая система имеет смысл: разработка словаря действий сокращает пространство

возможностей действий до небольшого набора стереотипов, которые, например, позволяют повторно реализовать одно и то же хватательное движение в определенной ситуации. Интересно также отметить, что двигательная система эмбриона развивается задолго до органов чувств. Риццолатти и его коллеги называют только что упомянутый класс нейронов "каноническими" нейронами. Для них характерно реагирование на классы визуально воспринимаемых трехмерных объектов, кодируя их в соответствии с тем, что Гибсон мог бы назвать их "доступностью" (например, конкретного хватательного движения), то есть в зависимости от эффекта взаимодействия с агентом. Однако существует и второй класс премоторных нейронов, который был открыт некоторое время назад. Эти нейроны были названы "зеркальными нейронами". Зеркальные нейроны локализованы в той же области мозга, и их моторный профиль схож с профилем канонических нейронов. Интересно, что на функциональном уровне описания они активируются только визуально, когда наблюдается целенаправленное воздействие другого агента на объекты, например, рукой или ртом. Во многих зеркальных нейронах мы обнаруживаем строгую конгруэнтность между конкретным действием, которое наблюдается, и выполненным действием, эффективным для приведения в действие точно такой же моторной реакции, которая наблюдалась. Таким образом, зеркальные нейроны, согласно гипотезе, представляют собой нейронный коррелят системы сопоставления наблюдения и исполнения, которая, в свою очередь, может лежать в основе способности человека читать мысли, которая также встречается у некоторых нечеловеческих приматов (Gallese and Goldman 1998). Интересен вопрос, может ли существовать нечто вроде "зеркального словаря", определяющего пространство репрезентативных возможностей, которое позволяет организму внутренне отражать степень направленности цели в наблюдаемом извне действии.

Часто мы сталкивались с тем, что важная часть само модели человека, по-видимому, состоит в выполнении двигательных симуляций, как в создании внутренних моделей возможного двигательного поведения, на которые затем могут опираться процессы отбора. Гипотеза, убедительно представленная Галлезе и Голдманом, заключается в том, что способность использовать симулятивные процессы для распознавания психических состояний других людей развилась у человека из уже существовавшей системы наблюдения и сопоставления действий, нейронный коррелят которой формируется определенным классом нейронов в премоторной коре. Обратите внимание, что эти нейроны, во-первых, обязательно будут компонентом Я-модели (поскольку они представляют определенный аспект наших собственных двигательных способностей), а во-вторых, они являются элементами бессознательного раздела Я-модели (наблюдая за двигательным поведением других людей в окружающей среде, мы никогда не осознаем эти автоматические симуляции, происходящие в нас постоянно). Существуют данные сканирования, поддерживающие гипотезу прямого соответствия (например, см. Iacoboni, Woods, Brass, Bekkering, Mazziotta, and Rizzolatti 1999). Они указывают на потенциальные механизмы и нейронные корреляты человеческого подражания. Однако более глубокий и интересный вопрос заключается в том, как человек сохраняет чувство собственного достоинства во время наблюдения за действием, учитывая общую моторную репрезентацию между актером, создающим первоначальный паттерн движения, и имитатором (там же, стр. 2527). Теперь можно дать ответ, используя концептуальные инструменты, разработанные ранее: Феноменальное свойство самости (сознательно переживаемое "чувство себя") зависит от глобально доступного раздела Я-модели человека. Поэтому моторная репрезентация, встроенная в этот раздел, благодаря прозрачности ПСМ (см. раздел 6.2.6), лежит в основе сознательного переживания себя в акте подражания. Моторная репрезентация, не встроенная в ПСМ, не является

ни непрозрачной, ни прозрачной. Это функциональное свойство, возможно, даже не отраженное непосредственно на уровне феноменального опыта. Это часть бессознательной Я-модели, которая, однако, в настоящее время используется как модель определенной части внешней реальности, социальной среды, а именно как другая Я-модель. Причина, по которой она может быть использована таким образом, заключается в общности функциональной архитектуры, существующей между конспецификами. Короче говоря, гипотеза состоит в том, что в мозгу подражателя или имитатора одна моторная репрезентация интегрируется в PSM во время имитационного поведения, в то время как эфферентная копия поступает в бессознательный механизм чтения мыслей или, в качестве альтернативы, в перцептивно управляемую и сознательно переживаемую "модель актера". Важно четко понимать понятие "общая моторная репрезентация": две разные репрезентативные структуры в одном и том же мозге могут иметь общее содержание, интегрируя копии одной и той же внутренней моторной репрезентации. С другой стороны, два разных человека (или репрезентативные системы) могут разделять один и тот же тип репрезентации цели через функциональную связь их зеркальных систем.

Зеркальные нейроны, как мы уже видели, не только коррелируют с сокращениями отдельных групп мышц, но и создают эквивалентность с конкретными двигательными актами и тем самым составляют то, что было названо "моторным словарем" (Rizzolatti and Gentilucci 1988). Очевидно, что множество данных об имитационном поведении (например, Meltzoff and Moore 1977) и такие простые факты, как способность младенцев улыбаться в возрасте 3 месяцев, задолго до того, как они смогут узнать себя в зеркале, предсказывают существование функционального уровня в Я-модели, который обеспечивает это отображение от визуального входа к имитационному моторному выходу, а также облегчает все те процедуры

обучения, которые коренятся в способности к имитации, способности к выполнению намеченных, моторных самосимуляций. Однако, если применить к этой вновь открытой системе расширенный телеофункционалистский анализ, возникает интересная гипотеза, согласно которой она является рудиментарным элементом именно того механизма, который впоследствии позволил нам овладеть народной психологией и развить социальное познание. Это также имеет прямое отношение к философским теориям о том, что, собственно, значит обладать чем-то вроде народной психологии. Теория народной психологии анализирует нашу способность понимать ментальные состояния других людей как теоретическую деятельность, которая применяет теоретические умозаключения и концепции, будучи оторванной от воплощенного субъекта, то есть как чисто когнитивную деятельность. С другой стороны, симуляционная теория народной психологии - которая, очевидно, должна быть вариантом, которому отдает предпочтение предлагаемая здесь теоретическая модель - утверждает, что понимание ментальных состояний других людей основывается на бессознательной самосимуляции, внутренней, ненамеренной имитации, которая приводит к реальному "воплощению" ментальных состояний и поведенческих целей, являющихся целью этого вида репрезентативной деятельности. Я называю этот процесс "метаэмуляцией": Биосистема, обрабатывающая информацию, эмулирует саму себя, как в данный момент эмулирует другого агента. Предсказание, связанное с этой новой концепцией метаэмуляции, заключается в том, что физический субстрат и необходимый вычислительный инструмент для этого нового репрезентативного достижения идентичны определенным разделам человеческой Я-модели. Тот факт, что такое ментальное подражание другим когнитивным субъектам посредством процесса внутренней самосимуляции действительно существует, является, как отмечают Галлезе и Голдман, предсказанием теории симуляции, но не теории-теории (Gallese and Goldman 1998,

р. 497). Та часть самомодели человека, которая реализуется зеркальной системой в основном бессознательно и автоматически, активирует в человеке-наблюдателе состояние, соответствующее состоянию наблюдаемого агента, что представляет собой внутренний тип имитационного поведения на функциональном уровне, метко названный (subpersonal) "попытка воспроизвести, подражать или выдать себя за психическую жизнь агента-мишени" (там же). Таким образом, управляемая извне активность этой части не-ПСМ может служить цели "ретродикции" психического состояния целевого лица, не только активируя моторную самосимуляцию у наблюдающего субъекта, но и одновременно активную репрезентацию цели. Обратите внимание, что функциональное прочтение ограничения свернутого холизма, обсуждаемого в разделах 3.2.4 и 6.2.4, делает такое предположение правдоподобным.

Что такое действие, в отличие от поведения, с точки зрения теории самомоделей? Действие - это поведение, вызванное внутренней моторной самосимуляцией, которая дополнительно сопровождается абстрактным представлением цели, представленным, во-первых, в неэгоцентрической системе отсчета, и, во-вторых, представлением фактического процесса выбора конкретного движения (например, Haggard and Eimer 1999), которое затем интегрируется в PSM, становясь, таким образом, "моим собственным намерением действовать". Функциональная связь, которую разделяют обе части сознательной моторной Я-модели, как канонические нейроны, так и зеркальные нейроны, заключается в том, что они легко связаны с аллоцентрическими репрезентациями целей. Цель другого агента распознается наблюдателем при отображении ее на общую моторную репрезентацию. Таким образом, то, что происходит, когда мы осознанно понимаем намерение другого воспринимаемого агента, может заключаться в обнаружении абстрактного свойства, а именно "моторной эквивалентности". Если это так, то степень сходства

функциональной структуры Я-моделей двух классов систем определяет и степень успешности социального познания, успешности интерессубъективности, которая может иметь место между ними. Теория зеркальных нейронов для симулятивного чтения мыслей ценна тем, что открывает совершенно новую интерпретацию функции этой части Я-модели человека, а именно как "детектора намерений". Она помогает системе распознавать стимулы как волевые, определяя их цель в терминах внутренней самосимуляции (Gallese 2001). Еще один интересный аспект этого направления мысли заключается в том, что большинство функциональных аспектов человеческой Я-модели, обеспечивающих интерессубъективность и социальное сознание, явно неконцептуальны, дорациональны и дотеоретичны - это особый вид симулятивно-репрезентативного содержания, воплощенного в эгоцентрических аспектах моторного словаря. Те части Я-модели человека, которые можно описать как набор моторных схем, позволяют преобразовывать внешнее знание (представленное наблюдениями за моторным поведением других людей) во внутреннее знание (осознанное открытие того, что в себе самом такое поведение обычно обусловлено определенными целями) и тем самым генерировать глобально доступное знание о внутренних аспектах тех частей внешней реальности, которые на самом деле представлены другими агентами. Это знание - знание посредством воплощенной метаэмуляции.

Чтение мыслей с помощью уже существующей внутренней самомодели: Обезьяна макака использует части собственной двигательной системы для мысленного моделирования человеческого агента, направленного в данный момент к конкретной цели действия. А, Боковой вид коры головного мозга макаки с изображением лобных и теменных областей. Лобные агранулярные области коры классифицированы в соответствии с Matelli et al. (1985). Задние теменные области

классифицированы в соответствии с Von Bonin и Bailey (1947). Заштрихованные области обозначают сектора коры, в которых регистрировались зеркальные нейроны.

Сокращения: cs - центральная борозда; ias - нижняя дугообразная борозда; ips - интрапариетальная борозда; lf - латеральная борозда; SI - первичная соматосенсорная область; sas - верхняя дугообразная борозда; sts - верхняя височная борозда. В, Иллюстрация экспериментальной ситуации для проверки визуальных свойств зеркальных нейронов. (Модифицировано из diPellegrino et al. 1992.) С, Пример зрительного и моторного ответов зеркального нейрона F5. Поведенческая ситуация, во время которой регистрировалась нейронная активность, схематично показана в верхней части каждой панели. В нижней части показаны растры и гистограммы относительных перистимульных ответов. С1 - обезьяне предъявлялся поднос с куском пищи; экспериментатор брал пищу в руки, а затем двигал поднос с пищей к обезьяне, которая брала его в руки. Сильная активация присутствовала во время наблюдения за хватательными движениями экспериментатора и во время выполнения того же действия обезьяной. Обратите внимание, что нейронный разряд отсутствовал, когда пища предъявлялась и двигалась к обезьяне. С2, Как и в С1, за исключением того, что экспериментатор захватывал пищу щипцами. Обратите внимание на отсутствие реакции, когда наблюдаемое действие выполнялось с помощью инструмента. С3, Обезьяна хватала еду в темноте. Растры и гистограммы выровнены (вертикальная полоса) по моменту, когда экспериментатор (С1 и С2) или обезьяна (С3) коснулись пищи. Абсциссы: время. Ордината: шипики/с. Ширина интервала: 20 мс. (Модифицировано из Rizzolatti et al. 1996).

(D) Пример визуального и моторного ответа префронтального зеркального нейрона. D1, обезьяне был предъявлен поднос с куском пищи; экспериментатор схватил пищу и затем отпустил ее, отведя руку от пищи. Обратите внимание на сильный ответ во время наблюдения за действиями экспериментатора по захвату и отпусканию

пищи. Нейрон не реагировал во время представления пищи на подносе. D2, Имитировалось то же действие, что и в D1. Обратите внимание, что в этом состоянии нейронный ответ практически отсутствовал. D3, Обезьяна схватила еду в темноте. Растры и гистограммы выровнены (вертикальная полоса) по моменту, когда обезьяна (D3) или экспериментатор касались пищи (D1) или подноса (D2). Все остальные условные обозначения как на рисунке C2. (Изменено из Gallese et al. 2002).

Важно отметить, что сознательное переживание того, что человек понимает текущие намерения и цели других людей, может возникнуть только в том случае, если внутренне представленная цель действий будет успешно приписана внешнему, наблюдаемому в данный момент агенту и если этот довольно сложный вид ментального содержания станет глобально доступным. Например, можно предположить, что особенно чувствительное или гиперактивное "устройство обнаружения агента" может привести к осознанному переживанию присутствия невидимого агента (Barrett 2000). Важный вопрос, конечно, заключается в том, могут ли самомодели, обладающие необходимыми функциональными свойствами, приводящими к низкоуровневому моторному резонансу и подражательному поведению в группах биологических организмов, существовать без сознательной способности к чтению мыслей.

Вы когда-нибудь видели, как группа оленей поворачивает голову после того, как один из них внезапно и внимательно посмотрел в определенном направлении, например, обнаружив, что его видите вы? Интересный вопрос заключается в том, действительно ли эти олени "разделяют внимание", осознавая, что первое животное, вызвавшее групповое поведение, имело определенное психическое состояние, направленное на конкретный интенциональный объект, и все они одновременно осознают содержание

аттенционального состояния друг друга. Тот факт, что многие виды отслеживают и реагируют на визуальное внимание сородичей, не означает, что они действительно приписывают им наличие интенционального содержания. Можно предположить, что моторные аспекты Я-модели могут (как у других видов, так и у человеческих младенцев) реализовывать систему слежения за взглядом, достигая важного свойства - заставляя системы смотреть на один и тот же объект в унисон при определенных условиях. Тот факт, что люди, человекообразные обезьяны и макаки обладают способностью следить за взглядом сородичей, очень важен, поскольку позволяет предположить, что основные механизмы развития способности читать мысли являются общими для всех этих видов приматов и могут позволить нам описать непрерывный эволюционный путь, ведущий к сильному социальному познанию, например, через общие механизмы контроля действий, представления действий и, наконец, представления намерений (Gallese, Ferrari, Kohler, and Fogassi 2002; Gallese 2001). Однако, как отмечают Дэниел Повинелли и Кристофер Принс (1998, р. 59 и далее), совместное внимание не обеспечивает совместного внимания. Повинелли и Принс рассматривают данные, свидетельствующие о том, что у человеческих младенцев только на втором году жизни формируется самомодель, позволяющая им интерпретировать действия других людей в терминах состояния внимания, тогда как у человеческих детей уже развита рудиментарная система слежения за взглядом, позволяющая им отслеживать, куда, например, в данный момент смотрит их мать (если объект находится в пределах их собственного перцептивного поля). Только в возрасте 18 месяцев их самомодель позволяет им создать то, что Повинелли называет "менталистическим понятием внимания", то есть способность представлять внешнего агента как "обладающего" тем же самым интенциональным объектом, который также является фокусом их собственного визуального внимания, если они имитируют его поведение взгляда.

Теперь мы можем четко разграничить различные формы репрезентативного содержания, которые могут присутствовать или не присутствовать у определенного биологического вида. Для того чтобы быть аттенциональным субъектом (см. раздел 6.4.3), Я-модель должна быть интегрирована с объектным компонентом. В результате может возникнуть аттенционная перспектива первого лица, переходящая феноменальная репрезентация субсимволического субъект-объектного отношения (см. раздел 6.5.1). Второй уровень дается, если организм способен представить другое животное как обладающее в данный момент такой аттенциональной перспективой первого лица. Если это предполагает наблюдаемое, открытое поведение другого агента, как в случае с поведением взгляда, то вполне правдоподобно, что моторные разделы Я-модели первого животного опосредуют описанный ранее вид автоматической метаэмуляции. Главным кандидатом на анатомический субстрат могли бы стать зеркальные нейроны, открытые Риццолатти и коллегами. Однако для третьего шага к новым функциональным свойствам и новому репрезентативному содержанию мы должны, по крайней мере, различать два возможных случая. Во-первых, так же как существует низкоуровневое внимание, может существовать нечто вроде низкоуровневого механизма резонанса: зеркально отражаются только движения без репрезентации цели, в терминах объектного компонента в субъектно-объектном отношении зрительного внимания, моделируемого в настоящее время на уровне сознательного опыта. Во-вторых, высокоуровневый "механизм аттенционального резонанса" может служить для фактической фиксации первого животного в той же внутренней модели отношения интенциональности (см. раздел 6.5), включая тот же объектный компонент. Однако возможно, что даже такая форма совместного репрезентативного содержания на уровне объектного компонента не сопровождается глобально доступной моделью другого аттенционального агента как изменившего свою собственную внутреннюю репрезентацию

себя и мира соответствующим образом. Оказывается, у шимпанзе есть основания для провокационной или, по крайней мере, контринтуитивной интерпретации того, что поведение слежения взглядом не сопровождается каким-либо феноменальным пониманием того же ментального состояния внимания, которое одновременно присутствует у первого животного.

Понимают ли шимпанзе интенциональный аспект видения? Одна из центральных проблем в этом контексте - вопрос о том, как возможно, чтобы нелюди разделяли с нами так много поведенческих паттернов, которые у людей явно сопровождаются успешной метаэмуляцией других агентов ("менталистической репрезентацией", в терминологии Повинелли и Принса). Важной объяснительной мишенью является радикальное несоответствие между сходством поведенческих паттернов человека и шимпанзе и несходством в способностях к теории разума (Povinelli and Prince 1998, p. 81). Понятие Я-модели теперь позволяет нам дифференцировать различные этапы эволюции субъективности и интерсубъективности как этапы репрезентативного содержания. Функциональная Я-модель может быть вызвана социальными стимулами в низкоуровневых резонансных ситуациях, и за этим может последовать соответствующий сдвиг содержания в ПСМ. Это не означает наличия феноменальной модели отношения намерения (PMIR; см. раздел 6.5) и не позволяет сделать вывод о наличии глобально доступной метаэмуляции, полноценной, сознательной репрезентации представления цели, активной в данный момент у другого агента. Однако если основной субстрат для эмулятивных процессов, лежащих в основе эволюции "психологии Я-Другой", составляют моторные структуры, составляющие Я-модель, то можно предположить, что Я-моделирование предшествовало моделированию намерений и эволюции способности к решению задач теории разума. Если это так, то этот первый шаг мог произойти изолированно у другого биологического

вида. Поэтому на уровне репрезентативного анализа правдоподобно предположить, что некоторые животные на нашей планете представляют социальные взаимодействия только как формы поведения, а не как формы поведения плюс невидимый разум. Данные из психологии развития также, кажется, ясно показывают, что самопознание не является достаточным условием для приписывания сложных социальных свойств (Povinelli 1993, p. 503). Дети в возрасте от 18 до 24 месяцев явно обладают способностью к самопознанию, хотя еще не понимают психических состояний других людей. У шимпанзе также может быть так, что во время совместного поведения они не представляют мысленно цели других шимпанзе. Люди, однако, могут обладать системой интерпретации поведенческих гомологов, которая фактически включает в себя мысленное моделирование строго ненаблюдаемого свойства другого агента - его намерения.

Недавние визуализационные исследования показали, что когда люди наблюдают за определенными целевыми действиями, выполняемыми ртом, рукой или ногой (например, откусывают яблоко и жуют, берут маленькую чашку или пинают мяч), активируются определенные и различные участки премоторной коры (Buccino, Binkofski, Fink, Fadiga, Fogassi, Gallese, Seitz, Zilles, Rizzolatti, and Freund 2001). Воспринимаемые действия репрезентативно отображаются на соответствующую моторную область лобной доли, а целевые объекты отображаются на связанные с эффекторами репрезентации в теменной доле. Таким образом, те же нейроанатомические структуры, которые в норме были бы задействованы в реальном, добровольном выполнении того же действия, теперь привлекаются для того, что, согласно нашим концептуальным инструментам, является нефеноменальной самосимуляцией. Только конечный результат этого события становится глобально доступным на уровне ПСМ: мы осознанно переживаем понимание намерения другого агента. Интересным общим

моментом является то, что вариативность репрезентативных архитектур в животном царстве может быть выше, чем, например, представляют себе многие философы, предполагающие линейное развитие к конечной цели человеческой психологии. Как отмечает Повинелли (1993), типичная ошибка в сравнительной психологии заключается в поиске одной единственной "лестницы", филогенетической шкалы репрезентативных свойств, при этом упуская из виду тот факт, что это развитие было "частью излучения животных во всех направлениях" (Povinelli 1993, p. 193). Очевидно, что вы можете иметь самомодель, не имея сознательной самомодели. Очевидно, что вы можете использовать Я-модель в низкоуровневом резонансном механизме, не имея описанной сознательной формы метаэмуляции и обнаружения интенциональности. А иметь ПСМ себя, как в данный момент метаэмуляции другого сознательного существа, возможно, свойственно только человеческим существам. Однако важно отметить, что обладание интегрированной Я-моделью является необходимым условием для всех этих различных стадий.

Обсуждение этих вопросов в приматологии до сих пор вызывает много споров, но, как заключают Повинелли и Принс, в целом мало доказательств того, что нечеловеческие приматы рассуждают о других психических состояниях в большей степени, чем о внимании. Хотя шимпанзе явно замечали и реагировали на направление взгляда в ряде экспериментов, похоже, нет твердых оснований для вывода о том, что они действительно понимали, как определенные телесные позы связаны с внутренним состоянием внимания. Интересно, что подобные исследования у наших близких родственников так затруднены потому, что любому более жесткому анализу реальных функциональных свойств шимпанзе постоянно мешает то, что Повинелли и Принс называют "неизбежным субъективным впечатлением" (там же, с. 72), что некий "аттенционный клей" между сознательным субъектом и объектом действительно

существует. Понятие "аттенционного клея" не только интересно с философской точки зрения (см. раздел 6.5.2), но и поучительно с точки зрения феноменологии исследователя. Как и любое феноменальное содержание, "немедленно воспринимаемый аттенционный клей" всегда может быть галлюцинаторным содержанием. Это субъективное впечатление, конечно, создается автоматическими функциональными механизмами, лежащими в основе активации сознательной Я-модели человека-ученого (который, безусловно, может обладать высокой степенью "моторной эквивалентности" по отношению к Я-модели наблюдаемого шимпанзе), и это впечатление неизбежно, поскольку Я-модель человека удовлетворяет ограничению прозрачности. Однако существует множество примеров групп животных, в которых очевидно нецелелевое поведение автоматически повторяется большим количеством сородичей с большой скоростью и точностью - достаточно вспомнить косяки рыб или стаи птиц. У людей то же самое происходит с такими формами поведения, как зевота и смех. Часто группа разражается хохотом, не успев осознать, над чем именно смеются.

Очевидно, что функциональная и когнитивная преемственность между человеком, нечеловеческими приматами и другими животными существует не только в области приписывания интенциональных состояний другим агентам, анатомическим субстратом которого являются зеркальные нейроны, но и в автоматических, бессознательных паттернах взаимной самосимуляции, не сопровождающихся феноменально представленными целями или намерениями. По-видимому, существуют функционально активные разделы Я-модели, которые управляются социальными стимулами, но, тем не менее, не приводят к эксплицитной метаэмуляции и социальному познанию, отраженному на сознательном уровне Я-модели. Риццоллатти и его коллеги (Rizzolatti et al. 2002) предположили, что существует эволюционно старый

механизм резонанса, который отображает визуальные репрезентации воспринимаемого поведения непосредственно на моторные репрезентации наблюдателя. В этом случае предполагаемый изоморфизм и функциональная конгруэнтность будут наблюдаться не между наблюдаемыми и выполняемыми действиями, а только между наблюдаемыми и выполняемыми движениями, то есть поведением без сопутствующей репрезентации цели, о которой говорилось выше. Именно такой низкоуровневый резонанс может объяснить, как новорожденные младенцы на очень ранней стадии способны имитировать мимику и движения рук. Высокоуровневый резонанс, однако, отвечал бы за подлинное когнитивное подражание, реализуемое в Я-модели, и за "настоящее" подражательное поведение. Результаты экспериментов по визуализации мозга свидетельствуют о том, что нейронные корреляты низкоуровневых и высокоуровневых механизмов резонанса, реализуемых Я-моделью, не совпадают (например, см. Decety, Grèzes, Costes, Perani, Jeannerod, Procyk, Grassi, and Fazio 1997; Grèzes, Costes, and Decety 1998). Как предполагают Риццолатти и его коллеги, механизм резонанса высокого уровня может описывать цель действия, в то время как в более позднем состоянии внимание может быть сосредоточено на форме действия, повторение которого, если оно происходит, опосредовано цепью, задействованной в механизме резонанса низкого уровня.

Общая картина, складывающаяся в результате последних исследований в этой области, проливает свет на целый ряд вопросов, касающихся социальных коррелятов ПСМ у человека. Например, она позволяет понять некоторые хорошо известные психические нарушения, такие как эхопраксия и принудительное имитационное поведение. Развитие способности контролировать зеркальную систему, то есть успешно отделять ее от реальных исполнительных структур в двигательной системе, является необходимой предпосылкой для достижения волевого контроля (см. также

Rizzolatti and Arbib 1998, p. 191 и далее). Любой человек, страдающий от растормаживания той части своей бессознательной Я-модели, которая реализуется низкоуровневым механизмом резонанса, будет вынужден имитировать визуально наблюдаемое поведение в своем социальном окружении. Эхопраксия - нарушение, встречающееся при целом ряде психических расстройств, например, при аутизме. Фактически, один из способов интерпретации конфигураций такого типа - это конфигурации, в которых ранее не существовавшая ПСМ "зеркально" отражается в пациенте или "проецируется" на него. То есть у таких пациентов их бессознательная Я-модель управляется другим человеком в их окружении, и только потом активируется сознательная Я-модель, соответствующая их текущему, непроизвольному поведению. Но чье это поведение? Кто является агентом? Одна из таких пациенток описывает свою феноменологию:

Еще одна помеха в разглядывании людей заключалась в том, что эхопраксия, непроизвольно перенимая их позы и мимику, мешала мне, а иногда и им. . . . Это беспокоило меня, потому что я просто хотел сохранить связь с собственным телом и не допустить, чтобы оно вот так, как дикая лошадь, уходило в сторону. Иногда другие контролировали мое тело больше, чем я, и мне не нравилось переживать это, когда я понимал, что невольно подражаю им".

Очевидно, что PSM - это вычислительный инструмент для достижения "телесной связанности" организма. Она также играет центральную роль в установлении или прерывании процессов социального познания на личностном уровне. Вполне возможно, что процесс сознательного само моделирования необходим для того, чтобы сделать такие процессы глобально доступными для контроля со стороны системы в целом, например, путем фактической остановки и подавления их поведенческих последствий. Однако можно

также предположить наличие дополнительной низкоуровневой, "инвертированной зеркальной системы" на уровне спинного мозга (на самом деле зеркальная система может действовать по-разному на корковом и спинальном уровнях, причем на спинальном уровне могут действовать даже два разных механизма - "подпороговая подготовка к движению и наложенное подавление явного движения"; см. Baldissera, Cavallari, Craighero, and Fadiga 2001, p. 193). Такая система могла бы дополнить сознательный контроль на бессознательном и субличностном уровнях обработки информации. Она предотвратила бы эхопраксию, то есть необходимость действовать в соответствии с каждым воспринятым поведением. Как мы уже видели, феноменальное само моделирование - это процесс, который не является глобально доступным для внимания, познания и самонаправленного контроля. Самостоятельность начинается только на феноменальном уровне, и зеркальная система может сыграть решающую роль в этом переходе (Gallese 2000, 2001; Metzinger and Gallese 2003). В этом расширенном контексте также интересно отметить, что новые открытия в психологии развития показывают, что способности к теории разума появляются одновременно со способностями к контролю действий на четвертом году жизни. Способности к чтению мыслей появляются одновременно со способностью подавлять спонтанные действия (Perner and Lang 1999). Интересно также отметить, как обе способности одновременно нарушаются при аутизме и шизофрении. Обе ситуации характеризуются необходимостью успешно представлять факт того, что действия каузально опосредованы внутренними репрезентациями, активными в другом агенте.

Возможно, впервые была нарушена функциональная связь между моторной репрезентацией и моторным поведением. Это сделало доступными три класса нового содержания: моторные симуляции, моторные самосимуляции и моторные самосимуляции, используемые в качестве нового

вычислительного инструмента в социальном познании. На уровне репрезентативного анализа содержание таких состояний всегда представлено возможными действиями. На уровне нейронной реализации тот факт, что рассматриваемые нейронные системы могут быть активированы как зрительной, так и моторной системой, является эмпирическим аргументом в пользу того, что они представляют потенциальные действия. Интересно отметить, что такие внутренние симуляции действий могут быть концептуально проанализированы как крайне слабые действия, что может оказаться эвристически плодотворным. Выполнение мысленных двигательных симуляций - это вид внутреннего поведения, не связанный в настоящее время с эффекторной системой. При подключении самосимуляции к двигательной системе скрытое действие может превратиться в открытое. Таким образом, подражание - это пограничный случай ментальной симуляции с помощью метаэмуляционной самомодели. Основная вычислительная проблема заключается в том, как сгенерировать моторную эмуляцию динамики телесного действия на основе чисто визуального восприятия кинематики этого действия. Если существует супрамодалный уровень репрезентации действий, например, в рамках гипотезы "активного интермодалного соответствия" Мельтцофа, это может помочь решить проблему. Я предполагаю, что человеческая Я-модель предоставляет нам именно такой супрамодалный уровень вычислительных репрезентаций действий. Следующий вопрос - можно ли превратить такую воплощенную систему понимания в воплощенную систему коммуникации, предоставив общий нейронный субстрат для имитации и языка.

Направление исследований, переживающее сегодня столь бурное возрождение, восходит к давней традиции философских попыток проанализировать, что же такое эмпатия на самом деле (например, Lipps 1903), а также к многочисленным попыткам экспериментальной психологии

конца XIX и первой половины XX века достичь лучшего понимания "идеомоторных" эффектов и явлений (Carpenter 1875; обзор см. в Richter 1957). В 1903 году Теодор Липпс в работе, посвященной эмпатии, внутреннему подражанию и органным ощущениям, проанализировал репрезентативное содержание эмпатии ("Einfühlung") как не ощущение чего-то в собственном теле, а как ощущение себя в объекте (с. 202). Для него, что интересно, объектами могут быть не только воспринимаемые человеческие движения или позы тела, но и архитектурные формы. Всего несколько десятилетий назад в социальной психологии уже обсуждались такие понятия, как "моторная мимикрия", "виртуальные движения тела" и "моторное заражение". Сегодня особенно интересным представляется открытие того, что коммуникация, как и рассуждения, может быть весьма утонченной версией моторного поведения (о более ранней моторной теории языка см. Libermann and Mattingly 1985). Согласно существующим предложениям, она состоит из абстрактных, аллоцентрических репрезентаций целей и намерений, встроенных в сознательное разделение Я-модели человека, что порождает появление когнитивного субъекта (см. раздел 6.4.4). Однако когнитивная и языковая субъективность могут быть связаны между собой более тесно, чем считалось ранее. Как отмечают Риццолатти и Арбиб (1998), система сопоставления наблюдения или исполнения может стать мостом от "делания" к "общению". Весьма интересная и широко распространенная интерпретация заключается в том, что ростральная часть вентральной премоторной коры обезьян является гомологом области 44 Брока в мозге человека (ссылки см. в Rizzolatti and Arbib 1998, p. 189). У человека область Брока рассматривается как область, отвечающая за речь, в то время как F5 часто считается ответственной за движения рук, которые имеют соматотопическую структуру, где одна часть представляет движения рук, а другая - движения рта и гортани. Интересно, что область Брока у людей, как показали последние данные

ПЭТ, не только связана с речью, но и участвует в мысленном представлении хватательных движений рук.

Что такое мысленно представляемое движение руки? Это намеренная, феноменальная самосимуляция. В частности, это самосимуляция, предполагающая превращение внешнего объекта в свой собственный. В этот момент интересно вспомнить, что латинское понятие *conspicere* - брать что-то и крепко держать - является этимологическим корнем нашего сегодняшнего понятия формирования концепции, то есть когнитивного присвоения ее в рамках единой и интегрированной репрезентации. Риццолатти и Арбиб также указывают на тот факт, что область Брока активизируется у пациентов, восстанавливающихся после подкорковых инфарктов, когда их просят использовать парализованную руку. Короче говоря, ряд эмпирических данных показывает, что прямые нейронные корреляты тех частей Я-модели человека, которые функционально обеспечивают выполнение и распознавание наблюдаемых действий, пересекаются с теми частями, которые задействованы в лингвистической компетенции, то есть в представлении себя как индивида, постигающего в данный момент определенные понятия. Я не буду здесь вдаваться в подробности теорий, касающихся развития речевой продукции. Я лишь хочу отметить, что два элемента ПСМ, которые, очевидно, имеют перекрывающиеся физические корреляты, могли бы, конечно, представлять собой две последовательные стадии психологической эволюции. Это открытие пролило бы новый свет на древние вопросы, разделяемые учеными и философами, интересующимися социальными коррелятами самосознания. Оно придает совершенно новый и богатый смысл не только понятию "схватывание" и понятию "мысленное схватывание намерения другого человека", но, что очень важно, и понятию "схватывание концепции".

6.4 Уровни содержания в модели человеческого "Я"

В 1911 году Эдвард Титченер, оценивая набор отчетов, подготовленных выпускниками Корнелла, прошедшими необычайно тщательную подготовку по "систематической экспериментальной интроспекции", пришел к выводу, что "самосознание во многих случаях является прерывистым и даже редким опытом" (Titchener 1911, p. 550). Это важное феноменологическое ограничение. Человеческая само модель состоит из множества различных слоев репрезентативного содержания. Доступ к этим слоям осуществляется различными механизмами считывания в зависимости от задачи, и поэтому степень их феноменальной эксплицитности может значительно различаться. Феноменологическое ограничение Титченера актуально и сегодня, и концептуальной путаницы можно избежать только в том случае, если перестать делать широкие заявления о "самости" в наивно-реалистическом ключе.

В следующих пяти разделах я кратко продолжу обогащать концепцию ПСМ, указывая на пять различных уровней системной информации, которая становится глобально доступной благодаря сознательной Я-модели и которая, в свою очередь, составляет пять различных классов феноменального содержания. Конечно, возможно множество других классификаций. Любая полноценная нейрофеноменология феноменального самосознания должна будет разработать их в деталях и гораздо более систематическим образом. Я, однако, набросаю лишь ограниченное число дополнительных различий, поскольку они имеют особое значение для традиционных философских вопросов, связанных с феноменальной перспективой первого лица.

6.4.1 Пространственный и непространственный контент

Почему различие Декарта между *res extensa* как протяженными, материальными объектами и *res cogitans* как непространственными, мыслящими субъектами, после столетий философской критики и бесконечной череды контраргументов так и не утратило интуитивной привлекательности? Почему так трудно избавиться от классической картезианской интуиции, согласно которой наш разум, в каком-то важном смысле, не расположен в физическом пространстве? Ответ можно найти во внутренней структуре человеческой Я-модели. Сознательная Я-модель, та часть нашей внутренней саморепрезентации, о которой мы можем рассуждать и сообщать, поскольку она интроспективно⁴ доступна, на самом деле состоит из двух частей - одной, которая кодируется как обладающая пространственными свойствами, и другой, которая кодируется как не обладающая пространственными свойствами. Человеческая субъективность - это воплощенная субъективность, поскольку она всегда разворачивается на фоне устойчивой телесной модели себя. В феноменальном самосознании мы функционально укоренены в interoцепции и в непрерывной активности нейроматрицы образа тела. Более поздние формы когнитивной самосимуляции в стандартных условиях всегда сопровождаются пространственной моделью себя. Однако шаг за шагом они становятся все менее и менее пространственными. Наши самые высокие и абстрактные когнитивные операции характеризуются лишь последовательной, временной "упорядоченностью". Человеческие существа представляют интеллектуальные операции только в модусе последовательности - одна за другой - на уровне сознательного опыта, но не в режиме пространственного распределения и локализации - одна рядом с другой. Этот факт в нашем случае создает то, что я называю "дофилософской проблемой "разум-тело"

Предфилософская проблема "разум-тело" опирается на интуитивный диссонанс, присущий нашему сознательному самоощущению, который, в свою очередь, позволяет нам ощутить актуальность теоретической проблемы психофизической причинности. Она уходит корнями в "техническую" проблему, связанную с процессом само моделирования человека: Как человеческому мозгу удастся интегрировать самогенерируемые феноменальные ментальные модели без пространственных свойств (например, осознанную мысль "я - мыслящая вещь") в Я-модель, которая по причинам своего биологического происхождения развилась из пространственной модели системы? И как она может внутренне моделировать причинно-следственные связи между такими чисто когнитивными событиями и телесными переходами, неизбежно кодируемыми как происходящие в пространственной системе отсчета? Различие Декарта между мыслящими и протяженными субстанциями, как я утверждаю, является правдоподобным концептуальным различием для нас, человеческих существ, поскольку оно отражается в репрезентативной структуре наших Я-моделей.

Различие между феноменальной, номологической и логической возможностью, введенное в главе 2, теперь поможет прояснить этот момент. Картезианство философски привлекательно, потому что оно интуитивно правдоподобно. Оно интуитивно правдоподобно для таких существ, как мы, потому что нам легко провести феноменальную самосимуляцию, соответствующую философскому утверждению. Картезианский дуализм для существ с такими само моделями, как у нас, безусловно, мыслим. Что часто упускается из виду в философской традиции, так это то, что, поскольку между феноменальными симуляциями и пропозициями не существует импликаций, феноменальная возможность невоплощенного существования не влечет за собой никаких модальных утверждений. В чем корень интуитивного диссонанса между пространственным и

непространственным содержанием в ПСМ? Мы - системы, которые должны объяснить себе, как стало возможным, что мы можем выполнять абстрактные, когнитивные операции, используя несенсорные симулякры второго порядка. Мы достигаем этой цели, генерируя то, что можно назвать метакогнитивной само моделью: Мы генерируем ментальную модель себя как существа, производящего мысли и концептуальные знания (см. раздел 6.4.4). Рождается мыслящее "я". Оно вносит фундаментальную пропасть в сознательное "я", поскольку является непрерывным источником фрагментации. Что делает его весьма успешным новым виртуальным органом, так это тот факт, что он выполняет совершенно иную функцию для системы, чем телесная модель "я": Она должна сделать те когнитивные процессы, которые необходимо постоянно контролировать, доступными для самонаправляемого внимания и познания высшего порядка. Прежде этот раздел бессознательной модели Я (см. Crick and Koch 2000) не может быть напрямую связан с феноменальным образом нашего тела на уровне сознательного опыта, а значит, организм не может им владеть. Если определенная мысль заставляет нас поднять руку, то причинно-следственная связь между этими элементами Я-модели, так легко приписываемая народной психологией, - это то, что мы не можем интроспективно наблюдать в себе. Интересно, что эта широко игнорируемая феноменологическая особенность невозможности интроспекции из действительного модуса ментальной, нисходящей причинности, как она изображается сознательной Я-моделью, находит прямое отражение в трудностях попытки самого Декарта решить только что созданную им проблему "разум-тело". Собственная модель психофизического взаимодействия в шишковидной железе Декарта терпит логический крах. Нечто, не обладающее никакими пространственными свойствами, не может причинно взаимодействовать с чем-то, обладающим пространственными свойствами, в определенном месте. Если бы Декарт серьезно относился к своим предпосылкам, он

никогда бы не пришел к такому решению, которое очевидно ложно. Если разум действительно является сущностью, не существующей в физическом пространстве, было бы абсурдно искать место взаимодействия в человеческом мозге. Интересно отметить, как ряд классических философских путаниц проистекает из наивного реализма в отношении содержания нашего самосознания, вызванного прозрачностью человеческой Я-модели, о которой мы говорили в разделе 6.2.6. В частности, пространственный характер телесного опыта принимается как должное, как будто это не репрезентативная конструкция, а нечто, к чему мы имеем прямой и непосредственный эпистемический доступ. Та же ошибка совершается и в отношении феноменального познания - внутренней репрезентации определенных когнитивных процессов на уровне сознательной самосимуляции. Даже лучшие из ныне здравствующих картезианцев (см., например, McGinn 1995) систематически проводят эквивокацию между "пространством" и "феноменальным опытом пространственности", а затем быстро переходят к обычным выводам.

Для того чтобы справедливо отнестись к феноменологии локализации, необходимо признать, что феноменальная локализация не является феноменом "все или ничего". Те содержания сознательного опыта, которые объединены субъективным качеством "минности", демонстрируют разную степень локализации в феноменальном образе тела. Тактильные ощущения или поверхностная боль обычно имеют узко ограниченное место, в котором они ощущаются. Как мы увидим в следующей главе (см. раздел 7.2.3.2), новые исследования боли в фантомных конечностях и феномена перестройки коры после ампутации конечности демонстрируют, насколько пластичными могут быть механизмы, лежащие в основе феноменальной референции определенных ощущений к определенным частям сознательной Я-модели. Некоторые ампутанты чувствуют

мозоли или обручальные кольца спустя 30 лет после хирургической ампутации конечности. Эти случаи представляют собой примеры простого сенсорного содержания, интегрированного в Я-модель, обладающего узкой и специфической феноменальной локализацией. Интероцептивные ощущения, такие как диффузные чувства, иногда связанные с процессом пищеварения или болью в желудке, гораздо более неоднозначны. Для тех внутренних состояний, которые были развиты на ранних стадиях, с филогенетической точки зрения верно, что они могут быть интегрированы в пространственную Я-модель довольно легко. В частности, это касается эмоций: Осознанное чувство благодарности может быть искренним, внезапный негативный опыт может потрясти нас до глубины души, а от размышлений о нашем политическом руководстве может вывернуть желудок. Эмоции - это всегда мои собственные эмоции, потому что они диффузно локализованы в образе тела. Что касается мыслей, то известны патологические феноменологии, например, при шизофрении (см. главу 7), при которых интеграция в Я-модель не удается и возникают "интроспективно отчужденные" сознательные мысли, которые уже не обладают качеством "полноценности". Для эмоций это кажется невозможным; мы не знаем ни одного психиатрического расстройства, при котором эмоции больше не переживались бы как собственные эмоции пациента. На самом деле Антонио Дамасио убедительно доказал, что если низкоуровневое внимание и бодрствование действительно можно отделить от сознания, то сознание и эмоции неразделимы (Damasio 1999, p. 15; главы 2, 3 и 4). Похоже, что эмоции сопровождаются локальными соматическими состояниями возбуждения (например, истощением эпинефрина или висцеральной активностью), которые отчасти становятся глобально доступными, будучи представленными в сознательной Я-модели. Эмоциональное содержание всегда является пространственным содержанием.

Эмоциональная Я-модель может быть проанализирована как интегрированный класс всех тех репрезентативных состояний, которые моделируют общее положение дел с интересами системы. В отличие от других форм репрезентативного содержания они структурированы по оси валентности. Они содержат нормативный элемент, который выражается, например, в аффективной тональности. То, что неконцептуально представлено этой аффективной валентностью или тоном, во многих случаях является ценностью выживания конкретного положения дел. То, что представляет собой ограничение адаптивности (см. раздел 3.2.11) с точки зрения третьего лица, очень напоминает роль, которую играют эмоции с точки зрения первого лица. Важно отметить, что эта эмоциональная самомодель имеет долгую эволюционную историю. Например, с нашей, млекопитающей, точки зрения, "рептильное Я" будет представлять собой нечто, лишенное всякого подлинного дружелюбия, нечто, лишенное всего богатого эмоционального содержания, которое входит в мир только через заботу о детях, уход за ними и так далее. Рептильная сексуальность покажется нам холодной и чуждой, чем-то, что в человеческом понимании может быть связано только с садизмом, с доминированием и подчинением. Сознательные чувства - исторические сущности. Для каждого типа эмоционального самосознания в эволюционной истории нашей планеты найдется время, когда оно было (или будет) впервые продемонстрировано. Эмоциональные состояния, интегрированные в ПСМ, часто обладают истинно телеофункционалистским описанием, своего рода "надлежащей функцией" (Millikan 1989). С точки зрения феноменальной локализации они представляют собой мост между элементарными телесными ощущениями и теми чисто "когнитивными операциями", которые использовал Декарт, закладывая основы своей эпистемологии. Интересная особенность, которую они разделяют с телесным "я", - это их ригидность: очень трудно эффективно влиять на содержание эмоциональной Я-модели с помощью "высших", сознательно

вызванных когнитивных операций. Эмоции приходят и уходят; они в значительной степени функционально выведены из-под контроля психологического субъекта.

Эмпатия, конечно, существует, но человеку сложно вывести свою эмоциональную самомодель в автономный режим, сознательно используя ее как эмулятор возможных ситуаций. В частности, эмоциональная самосимуляция очень трудна, как и намеренная симуляция элементарных телесных ощущений. Трудно намеренно вызвать в себе осознанное чувство сердечной благодарности, если оно не отражается в реальном профиле ваших общих интересов и реальных социальных отношений. Еще труднее сознательно активировать саморепрезентативное содержание, например, поставленное вестибулярной системой, которое вы испытываете, практикуя кувырок или прыгая с 10-метрового трамплина в бассейн. Пространственным содержанием, интегрированным в ПСМ, невозможно легко манипулировать на уровне предполагаемых симуляций. Оно сильно коррелирует с внутренними источниками стимулов и зависит от реальных свойств тела. Эмоции, в частности, сталкивают феноменальное "я" с его фундаментальной биологической природой. Эмоции не могут быть свободно вызваны внешними стимулами; для их активации необходим внутренний контекст и предсуществующая иерархия целей. Биологические системы, когда сублично моделируют свое текущее состояние и сравнивают его с определенными внутренне заданными целевыми состояниями, могут столкнуться с жесткими и трудноконтролируемыми формами феноменального содержания, такими как паника, ревность или влюбленность. Внезапное появление такого рода содержания в сознательной Я-модели, если она когнитивно доступна, демонстрирует, насколько она связана определенными биологическими императивами, такими как борьба за выживание и деторождение, то есть насколько сильно она детерминирована с точки зрения ее функциональной архитектуры. Обладая сознательной,

эмоциональной Я-моделью, мы даны себе не только как пространственно протяженные существа, но и как существа, обладающие интересами и целями, которые в значительной степени фиксированы. Как бы ни была мала степень феноменальной пластичности, связанной с нашим эмоциональным самоощущением, она позволяет нам ощутить степень собственной функциональной ригидности.

Однако мы гораздо больше, чем просто существа, обладающие телом и биологическими интересами. Мы - информационно-процессорные системы, внутренне оперирующие несенсорными репрезентациями более высокого порядка. Мы извлекаем прототипы из перцептивных моделей, когнитивно формируем классы из объектов, данных через сенсорные модули, мысленно представляем отношения между такими классами, генерируем ментальные модели пропозиций и предложений в общественных языках. Мы демонстрируем большое количество абстрактных когнитивных действий, которые иногда могут быть интегрированы в PSM и являются важными элементами нашего сознательного самоощущения. Например, Кит Оутли (1988, с. 383 и далее) утверждал, что одна из центральных функций Я-модели заключается в организации и структурировании иерархии целей системы. Общим для всех этих подлинно когнитивных компонентов Я-модели является то, что они не кодируются как пространственные. Для некоторых людей такие сознательные рассуждения являются процессом, диффузно локализованным внутри головы в виде смутного ощущения усилий, но для большинства людей они вообще не имеют никакой локализации. Этой феноменологической особенности есть простое объяснение. Высшие когнитивные процессы реализуются нейронными процессами, которые, в свою очередь, оперируют лишь паттернами активности "до" сенсорной обработки, репрезентациями, которые сами реализуются лишь сложными последовательностями событий в центральной нервной системе. Если существует

общий вычислительный принцип, лежащий в основе всех видов формирования феноменальных объектов (см. Singer 2000), то сознательное познание будет просто результатом процессов, которые итерируют репрезентативные принципы, уже найденные на уровне перцептивной обработки. Однако важно напомнить, что центральная нервная система сама по себе лишена какой-либо сенсорной чувствительности - мозг нечувствителен к боли. Это может быть фундаментальной архитектурной причиной того, что некоторые сознательные состояния не обладают феноменальной локализацией в феноменальном образе тела, но при этом полностью интегрированы в Я-модель и демонстрируют качество высшего порядка "минность". Они не интегрированы в пространственную систему отсчета перцептивного или поведенческого пространства, и в этом смысле являются функционально "развоплощенными" и "неситуативными" или "немирными" формами обработки. Возможно, это наблюдение также имеет отношение к пониманию разницы между феноменально непрозрачным и феноменально прозрачным содержанием (см. следующий раздел).

Феноменальная пространственность саморепрезентативного содержания не является вопросом "все или ничего", поскольку в действительности мы обнаруживаем континуум от непространственного до полностью детерминированного пространственного содержания с высокой степенью межиндивидуальной вариативности. Интересно также отметить, как генетически недавний когнитивный раздел Я-модели автоматически приобретает качество не-мирности, в силу своей непространственной природы. Феноменальная модель внешнего мира - это пространственная модель насквозь. Только наши собственные намерения и высшие когнитивные состояния, а также состояния других людей не обладают этим пространственным, сенсорно-опосредованным характером. Очевидно, что любая философская интерпретация этих феноменов, принимающая в качестве отправной точки наивный реализм, присущий

нашей сознательной модели мира и "я", неизбежно будет исходить из глубоко укоренившейся интуиции, согласно которой наша психическая жизнь должна быть чем-то, что в важном смысле не является элементом объективной реальности или даже мира в целом. Интуитивное ощущение невозможности, однако, является лишь феноменальной невозможностью, а не концептуально интересным вариантом. Как мы теперь видим, базовая фундаментальная структура нашей собственной Я-модели лежит в основе тех философских интуиций, которые, например, пытался эксплицировать классический немецкий идеализм. К сожалению, как мы уже видели, феноменальная необходимость не означает концептуальной необходимости.

Большая часть самомодели человека функционирует как инструмент для обработки и хранения геометрической информации, в то время как гораздо меньшая и эволюционно более поздняя часть используется для обработки и хранения более абстрактной, непространственной информации. На уровне феноменального опыта это приводит к континууму саморепрезентативного содержания, по спектру от пространственного содержания до содержания, которое переживается как обладающее только временными свойствами. Это наблюдение дает нам еще одно ограничение для любой эмпирически ориентированной (например, коннекционистской или динамистской) попытки смоделировать внутреннюю структуру сознательной Я-модели человека. Она должна отражать эту структурную характеристику.

Прежде чем закончить, давайте рассмотрим вопрос о том, как самопрезентационное содержание распределяется по ПСМ. Является ли то, что мы привыкли называть просто "qualia" (см. раздел 2.4), феноменами, которые существуют только в связи с феноменальной моделью тела как пространственно

протяженной сущности, например, как в тактильных ощущениях или в сознательно ощущаемой боли? Или же существуют и "интеллектуальные qualia"? Как известно почти всем философам, существуют вполне конкретные феноменальные качества, сопровождающие успешные интеллектуальные операции - например, "переживания ага". Феноменологически такие эмпирические переходы максимально просты и конкретны. Приняв динамическую позицию, мы могли бы сказать следующее: Если система, подобная человеческому мозгу, пройдя долгий и извилистый путь через пространство состояний, внезапно попадает в стабильное состояние, этот переход, если он глобально доступен, может сопровождаться осознанным переживанием внезапного расслабления, яркого и конкретного "интеллектуального квала". Однако было бы неадекватно вводить понятие феноменального "aha presentatum", поскольку, очевидно, то, что мы переживаем, - это не состояние, коррелирующее со стимулом, а абстрактное свойство текущей динамики системы. Что можно сказать, так это то, что репрезентативно атомарное состояние, которое не соотносится ни с каким внешним стимулом, а с весьма специфическим событием во внутренней динамике когнитивной системы, интегрируется в ПСМ и, принимая дополнительную телеофункционалистскую перспективу, теперь выполняет важную функцию для системы, сигнализируя о внезапном падении того, что, если использовать термодинамическую метафору, было бы текущим уровнем энергии соответствующей когнитивной подсистемы. Феноменальное самопрезентационное содержание (как оно было представлено в разделе 5.4) не только обладает свойством *de puncto*, характерным для всех форм презентационного содержания. Способствуя прекоцептуальному опыту воплощения, оно также является содержанием *de se*, и оно всегда обладает пространственным компонентом, поскольку интегрировано в геометрическую Я-модель.

6.4.2 Прозрачный и непрозрачный контент

В главе 3 (раздел 3.2.7) я ввел ограничение прозрачности для феноменальных репрезентатов в целом, а в разделе 6.2.6 выше мы увидели, как это ограничение, если его применить к понятию ПСМ, приводит к решающему аргументу относительно условий, при которых сознательное "я" с необходимостью возникнет в само моделирующей системе. Очевидно, что прозрачность сама по себе не является достаточным условием для превращения содержания модели внутренней системы в содержание сознательного "я". Однако при соблюдении всех прочих условий и ограничений для активации репрезентативных состояний с феноменальным содержанием она будет играть именно эту роль.

Во избежание возможных недоразумений важно подчеркнуть, что понятия "феноменальная прозрачность" и "феноменальная непрозрачность" имеют лишь косвенное отношение к хорошо известному в эпистемологии и семантике различию между интенциональными и экстенциональными контекстами. Интенциональный контекст - это референциально непрозрачный контекст. Экстенциональный контекст - это референциально прозрачный контекст. Эти контексты конституируются различными типами предложений и эпистемическими фоновыми ситуациями. Феноменальный опыт вообще не конституируется предложениями, но репрезентациями, активируемыми в непропозициональном формате. Предложение может составлять экстенциональный контекст, если кореферентные выражения в этом предложении могут быть заменены друг на друга с сохранением истинностного значения. Феноменальные репрезентации, рассматриваемые как носители феноменального содержания, не обладают истинностными значениями. Я не буду делать никаких

утверждений по вопросу о том, обладает ли истинностными значениями интенциональное содержание, которое в то же время несут некоторые феноменальные репрезентации. Второе условие для предложений, составляющих референциально прозрачный или экстенциональный контекст, состоит в том, что они влекут за собой существование сущностей, о которых они говорят, тогда как первое свойство предложений, составляющих экстенциональные контексты, можно назвать *intersubstitutivity salva veritate*. Второе ограничение - это поддержка экзистенциальной квантификации. Это, однако, свойство, которое (на уровне непропозиционального содержания) можно приписать и прозрачным сознательным содержаниям: Оно заставляет систему, переживающую это содержание, предполагать существование того, что изображено этим содержанием. По крайней мере, это верно для систем, не демонстрирующих когнитивных состояний. Для предложений, составляющих интенциональные контексты - обычно это предложения, выражающие пропозициональные установки, такие как "верить, что p" или "желать, чтобы p", - ни один из этих критериев не действует: сущности, о которых говорят такие предложения, не обязательно должны существовать, а кореферентные выражения не могут быть заменены друг на друга. В первом приближении, пытаясь понять разницу между референциальными и феноменальными версиями непрозрачности и прозрачности, может быть полезно вспомнить еще один технический термин, а именно "интенциональное заблуждение". Это заблуждение состоит в том, чтобы рассматривать интенциональный контекст как экстенциональный. Один из возможных вариантов имеет особое значение, а именно: автоматическая инференция существования сущностей, упомянутых в интенциональном контексте, как если бы это был экстенциональный контекст. Утверждая, что большая часть сознательной самодеи человека прозрачна, я хочу сказать, что человеческий мозг - это просто система, которая на субсимволическом и

нелингвистическом уровне репрезентации постоянно совершает нечто структурно напоминающее этот вариант интенционального заблуждения в отношении своей собственной, внутренне сформированной самомодели.

Прозрачная репрезентация характеризуется тем, что единственными свойствами, доступными интроспективному вниманию, являются их содержательные свойства. Это сильное утверждение относительно репрезентативной архитектуры, в которой возникают эти состояния. Она не позволяет представить различие между транспортным средством и содержанием, используя бортовые ресурсы. Если мы применим эти мысли к идее о том, что модель человеческого "Я" имеет прозрачный и непрозрачный компоненты, мы сможем получить более четкое представление о том, что это означает с точки зрения глобальной доступности для самонаправляемого внимания. Прозрачную часть сознательной Я-модели человека составляют те ее части, для которых интроспективное внимание действительно не может сделать глобально доступным различие между содержанием и средством самопрезентации. В частности, недоступными оказываются более ранние стадии обработки. Как я уже отмечал, прозрачность - это особая форма темноты. Это отсутствие информации. Для системы, работающей в рамках PSM, прозрачность порождает особый вид внутренней темноты - систематический недостаток доступа к системной информации. На этот раз мы не видим окно, а только пролетающую птицу; на этот раз мы не видим зеркало, а только себя. Что связывает это понятие феноменальной прозрачности с устоявшимся философским понятием референциальной прозрачности, так это то, что для системы, работающей в рамках такого типа репрезентативной структуры, она автоматически подразумевает существование сущности, формирующей ее содержание. "Влечение" - это не логическое отношение, а феноменологическое следствие. В частном случае феноменального само моделирования

прозрачность означает, что для системы, оперирующей этой само моделью, она автоматически и неизбежно влечет за собой существование самой себя. Что существенно отличает случай экстенционального контекста от внутреннего, субсимволического контекста, образуемого процессом прозрачного, феноменального само моделирования, так это формат и эпистемологические свойства задействованных видов репрезентаций.

Что значит сказать, что определенная часть сознательной Я-модели человека в феноменологическом смысле непрозрачна? Если я занимаюсь типичной когнитивной деятельностью, например рассуждением, и если я затем направляю свое интроспективное внимание на этот процесс, как он разворачивается, я ощущаю себя оперирующим внутренними репрезентациями, которые я сознательно конструирую сам. Они не подразумевают существования их симулянтов, и они могут быть кореферентны с другими ментальными репрезентациями меня самого без моего осознания этого факта. Самонаправленное внимание к этой части сознательной Я-модели делает глобально доступным различие между средством и содержанием. Другими словами, существует определенная часть сознательной Я-модели, для которой интроспективный доступ, то есть доступ с помощью механизма самонаправленного внимания более высокого порядка, не исчерпывается свойствами репрезентативного содержания. Доступными оказываются более ранние стадии обработки (см. раздел 3.2.7). Для моих собственных мыслей существует различие между реальностью и видимостью: Я предполагаю их существование как самогенерирующихся симулякров, но я не знаю, являются ли они на самом деле репрезентантами, в смысле наличия репрезентанта в реальном мире.

Опять же, чтобы отдать справедливость реальной феноменологии, нужно признать, что свойство

феноменальной прозрачности не является феноменом "все или ничего", а может быть в разной степени распределено по разным частям человеческой Я-модели. В целом, телесная Я-модель полностью прозрачна, в то время как высокоуровневые когнитивные процессы, такие как рассуждения, феноменально непрозрачны. Однако одна из особенно интересных особенностей феноменологии человеческого самосознания заключается в том, что существуют аспекты, например, определенные эмоциональные процессы, которые на уровне субъективного опыта могут многократно колебаться между прозрачностью и непрозрачностью. Особенно ярко это проявляется в социальных отношениях. Интересными примерами являются субъективные переживания доверия, ревности и легкой паранойи. В разделе 3.2.7 мы увидели, что феноменология прозрачного опыта - это феноменология не только знания, но и знания того, что вы знаете, пока вы знаете; непрозрачный опыт - это опыт знания, когда вы также (неконцептуально, аттенционально) знаете, что вы можете ошибаться. Доверяя другому человеку, определенная часть вашей эмоциональной само модели имеет прямое и похожее на восприятие качество: Вы просто знаете, что вы знаете, что определенный человек заслуживает доверия, и этот сознательный опыт сопровождается максимальным чувством уверенности. Если этот человек разочаровывает вас, то не только внезапно меняется ваша феноменальная модель этого человека, но и одновременно возникает определенная внутренняя декогеренция или диссоциация в вашей собственной Я-модели: Вы понимаете, что ваше эмоциональное состояние доверия было всего лишь репрезентацией социальной реальности, причем в данном случае искаженной. Она становится непрозрачной. При ревности мы можем колебаться между прозрачным, похожим на восприятие характером эмоционального состояния, например, состоянием, вызванным как бы мгновенным восприятием другого человека как неверного, и сопутствующим эмоциональным переживанием подозрительности.

Внезапные, часто повторяющиеся открытия того, что эта часть вашей эмоциональной Я-модели является результатом продолжающегося искажения, пустой симуляцией, определяемой, к сожалению, внутренними факторами, такими как ваша собственная биологическая или индивидуальная история, а не реальными фактами в вашем социальном окружении, могут снова привести к внутренней фрагментации сознательного Я. Это причиняет боль. Различие между транспортным средством и содержанием появляется там, где раньше его не было. И снова мы видим, что эмоциональный уровень самопрезентации занимает среднее положение между крайностями. Эмоциональные переживания различаются по степени своей феноменальной непрозрачности, так же как и по степени их локализации в пространственной модели Я.

Прозрачный раздел сознательной Я-модели имеет особое значение для создания феноменального свойства самости, для глобальной доступности процессов сенсомоторной интеграции и для создания внутренней пользовательской поверхности для моторного контроля. Однако если бы не непрозрачный раздел моей Я-модели, я не смог бы написать эту книгу. Но моя ли это самомодель? Именно способность внутренне моделировать себя как мыслящих субъектов, как системы, активно генерирующие абстрактные ментальные репрезентации мира (см. раздел 6.4.4), открывает окно в мир расширенного социального познания и подлинной теоретической деятельности. Для любой системы, работающей в рамках сознательной, полностью прозрачной самомодели, было бы невозможно обнаружить сам этот факт, не говоря уже о том, чтобы сформировать теорию или написать об этом книгу. Очень вероятно, что многие животные на нашей планете находятся именно в таком состоянии. Если они удовлетворяют необходимым и достаточным ограничениям для феноменального опыта, они минимально сознательны (см. раздел 3.2.7). Если, кроме того, они обладают прозрачной Я-моделью, они самосознательны -

они инстанцируют феноменальное свойство самости. Если такие животные обладают механизмами контроля действий в терминах исполнительных механизмов выбора различных моделей поведения и если они обладают механизмами внимания, то глобально доступные части их прозрачной Я-модели будут доступны для самонаправляемых действий и самонаправляемого внимания. Такие животные также могут обладать неконцептуальной перспективой первого лица в плане реализации прозрачной модели отношения интенциональности (см. раздел 6.5). Однако в отношении своей сознательной Я-модели такие животные никогда не смогут провести различие между видимостью и реальностью или развить концепцию искажения. Иными словами, принцип автоэпистемической закрытости полностью характеризовал бы их психологическую жизнь.

Эпистемологически такие системы не имели бы шансов избежать того, что я ранее назвал наивно-реалистическим самопониманием. Очевидно, что та же линия аргументации может быть использована для выделения класса возможных искусственных систем.

Что делает сознательную Я-модель человека столь уникальной и столь успешной в качестве репрезентативной связи между биологической и культурной эволюцией, так это то, что она нарушает принцип автоэпистемической замкнутости. Тот факт, что мы обладаем непрозрачной частью нашей Я-модели, позволяет нам представить себе возможность различия видимости и реальности не только для наших собственных перцептивных состояний, но и для содержания самосознания. Она позволяет нам дистанцироваться от самих себя, критически оценивая содержание любого ПСМ, а благодаря непрозрачной симуляции - представить себе некоторые возможности, например, эпистемологическую возможность того, что любая феноменальная репрезентация на самом деле может быть симуляцией, если смотреть на нее с объективной точки зрения третьего лица (см. главу 2). Она также позволяет нам

впервые представить себе возможность того, что каждая феноменальная саморепрезентация на самом деле может быть самосимуляцией. Такие когнитивные открытия, конечно, пока не меняют фундаментальную архитектуру нашего феноменального пространства. Но они позволяют нам преодолеть принцип автоэпистемической закрытости, который в нашем биологическом прошлом управлял динамикой феноменального опыта наших предков, и использовать внешние средства обработки информации - например, при формировании научных сообществ, построении эмпирических теорий об основах разума и так далее. Прозрачность - это не логическая необходимость, а лишь эпистемический дефицит. Одна из самых замечательных особенностей человеческой само модели заключается в том, что этот эпистемический дефицит является лишь частичным дефицитом. Мы вернемся к этому вопросу в ближайшее время.

Если эти наблюдения указывают в правильном направлении, то из них естественным образом вытекает еще одно ограничение для любой будущей теории феноменального самосознания. Необходимо описать, например, на уровне вычислительного или динамического моделирования, как, во-первых, континуум от феноменально прозрачного до феноменально непрозрачного содержания может быть реализован такой информационно-процессорной системой, как человеческий мозг. Второе ограничение для любой будущей теории феноменального само моделирования - это решение того, что я хочу назвать "проблемой интеграции для когнитивной субъективности": Как сознательной системе само моделирования удастся интегрировать феноменально непрозрачное ментальное содержание в уже существующую прозрачную Я-модель? Эта проблема может оказаться тесно связанной с вопросом о пространственном и непространственном кодировании, затронутым в предыдущем разделе. Нам нужна эмпирически правдоподобная история о том, как такая способность может

быть постепенно достигнута в биологически реалистичных условиях. Я считаю, что обе теоретические проблемы имеют первостепенное значение для любой теории о возникновении подлинно когнитивных субъектов. Однако я признаю, что не обладаю даже самыми первыми концептуальными инструментами, необходимыми для того, чтобы сделать первые шаги на пути к решению этих двух проблем.

6.4.3 Объект внимания

Особенно интересен тип феноменального содержания в виде "я в акте внимания к объекту". В нем есть субъектный компонент (я сам), объектный компонент (например, книга в ваших руках), и оба компонента изображаются как находящиеся в определенном, асимметричном отношении друг к другу ("стрела внимания"). Кроме того, функциональное ограничение глобальной доступности для внимания теперь вновь появляется на уровне первого лица самого сознательного содержания. Для понимания сознательного опыта внимания концепция ПСМ полезна, по крайней мере, двумя способами. Во-первых, она может помочь нам понять, почему содержание обработки внимания всегда переживается как содержание моего собственного внимания. Во-вторых, она может помочь нам понять, что значит принимать неконцептуальную перспективу первого лица по отношению к самому себе. Доступность внимания - одно из центральных ограничений для концепции сознательной репрезентации. Феноменальные репрезентации характеризуются тем, что мы всегда можем обратить внимание на их содержание. Очевидно, что это не относится к бессознательным репрезентативным структурам. Для понимания внимания и осознания объекта необходимо расширить теоретическую базу, добавив в нее компонент саморепрезентации. Правдоподобная гипотеза состоит в том,

что опыт становится моим собственным опытом только тогда, когда он одновременно активируется теми областями коры, которые соответствуют телесному ландшафту, или интегрируется с воспоминаниями когнитивного типа об определенных автобиографических эпизодах (D. LaBerge 1997; см. также D. LaBerge 1995). Если сам процесс внимания представлен на уровне сознательного опыта, то, что интересно, он неизбежно интегрирован с Я-моделью. Феноменологически мы не знаем такого понятия, как "объективное внимание", как сознательно переживаемый процесс внимания, который не является по сути моим собственным. Потенциальным исключением из этого правила могут быть некоторые виды медитативного или духовного опыта.

Однако необходимо ввести важное концептуальное различие. В то время как феноменологически все репрезентации текущей обработки внимания наделены феноменальным свойством "реальности", переживание внутренней агентности, сопровождаемое чувством усилия при направлении внимания, может либо присутствовать, либо отсутствовать. При низкоуровневом внимании процесс фокусировки на объекте инициируется на бессознательном уровне. Мы удивляемся тому, что наша собственная голова внезапно двигается, а взгляд фиксируется на определенном объекте. Однако конечным результатом такого рода событий, запускаемых на чисто функциональном уровне, является сознательная репрезентация себя в акте внимания к определенному объекту. Вторая феноменологическая разновидность - фокальное внимание. В этих случаях мы переживаем себя как инициирующее, контролирующее и поддерживающее смещение направления внимания на определенный объект. Таким образом, мы должны различать пассивный аттенциональный субъект - прозрачную Я-модель произвольного внимания к определенному перцептивному объекту или ментальному содержанию, не инициировавшую предшествующее переключение внимания, и

аттенциональную агентность, то есть существование прозрачной Я-модели, вызывающей переключение внимания и сознательно удерживающей определенный объект в фокусе. Оба класса феноменальных состояний интересны тем, что они прозрачно представляют систему как стоящую в определенном отношении к объектному компоненту. Три различные формы высокоуровневого феноменального содержания, которые мы будем обсуждать в этом и двух последующих разделах - а именно, аттенциональный субъект, когнитивный субъект и субъективный опыт агентности - объединяет то, что они представляют собой примеры того, что в разделе 6.5 я буду называть "феноменальной моделью отношения интенциональности" (ФМОИ). Они представляют субъекта как находящегося в определенном отношении к определенному объекту, например, как внимающего ему, думающего о нем или действующего по отношению к нему. То, что уже является часто игнорируемой, более глубокой феноменологической истиной о восприятии - содержание перцептивного состояния на самом деле является не частью окружающей среды, а отношением к этой части - это то, что может быть заново открыто на более высоких уровнях самосознания: Полноценное, феноменальное самосознание всегда включает в себя отношение между Я и объектным компонентом. Однако в разных формах феноменального само моделирования различаются природа объектного компонента и способ, которым феноменальное свойство прозрачности распределяется по всему содержанию.

Рассмотрим фокусное внимание. В стандартных ситуациях объектный компонент будет прозрачным. Если вы визуально обращаете внимание на обложку книги, которую сейчас держите в руках, то это не феноменальная модель книги, а просто внимание к книге. Если вы обращаете внимание на тактильные ощущения в пальцах, когда держите книгу или поворачиваете ее, чтобы поближе рассмотреть обложку, ваш сознательный опыт - это не внимание к части вашей ПСМ, а

просто выделение, так сказать, определенных телесных ощущений в кончиках пальцев. Агencia внимания, сознательный опыт инициирования переключения внимания и удержания его в фокусе на определенном аспекте реальности, также полностью прозрачна. Содержание вашего сознательного опыта - это не самопрезентация или непрерывный процесс само моделирования, не представление себя в качестве причинного агента в определенных сдвигах "коэффициента масштабирования", "разрешающей способности", "распределения ресурсов" и так далее, а просто выбор вами нового объекта для внимания. Есть еще один интересный аспект, а именно феноменально переживаемая "стрела интенциональности". Он заключается в том, что отношение между аттенционным субъектом и аттенционным объектом явно представлено как асимметричное: внимание направлено от субъекта к объекту. Мы вернемся к этому вопросу позже. Пока же важно лишь отметить, что эта особенность феноменально представленного внимания также прозрачна - она не переживается как репрезентация какого-то асимметричного отношения, существующего в данный момент, например, между вами и визуально присутствующей обложкой книги. Она просто есть.

При низкоуровневом внимании мы не испытываем феномена аттенционального агентства. Точнее, мы можем ощущать себя удерживающими внимание на определенном объекте, но переключение на новый объект внимания переживается как навязанное феноменальному "я", которое пассивно. Если во время чтения этого предложения вы вдруг слышите звук разбивающегося стекла за спиной, внезапный поворот головы, процесс визуального поиска, следующий сразу за этим событием, и внезапное обнаружение, скажем, футбольного мяча, который соседские дети забили в ваше окно, то это цепь феноменальных состояний, лишенных свойства аттенциональной агентности. Вы переживаете эту серию событий как бессознательно вызванную. Каскад физических событий, отраженных в быстро меняющемся

содержимом вашей прозрачной Я-модели, просто вызван событиями объективного порядка. Вы не инициировали его сами. Но в конце этого процесса вы являетесь аттенциональным субъектом. В начале вы им не были. Эмпирически очень правдоподобный способ представить себе этот тип репрезентативного сдвига заключается в анализе его как возмущения бессознательной Я-модели вновь активированным перцептом (напр, слуховое представление разбивающегося стекла), которое затем вызывает появление интегрированной репрезентации системы как в данный момент возмущенной новым перцептивным объектом, тем самым порождая более рельефную феноменальную ментальную модель самого объекта, а также интегрируя новую модель отношений между собой и объектом в сознательную модель реальности (см. Damasio 1999, глава 6).

Чем отличается этот процесс создания феноменального, аттенционального объекта от фокусного внимания? Внимание здесь - это процесс, который можно описать как управляемый салиенсом. Функционально говоря, оно управляется внезапным изменением во внешней среде, вызывающим резкий сдвиг в субличностных механизмах обработки внимания. Что отсутствует, так это феноменальная репрезентация процесса выбора, посредством которого объектный компонент аттенционального отношения интегрируется с последующим активированным ПСМ. Таким образом, агентность внимания - это прозрачная, феноменальная репрезентация этих процессов выбора, предшествующих фокусировке внимания на уровне само моделирования. Выше я утверждал, что в своей основе теоретическая проблема состоит в том, чтобы провести свободный от гомункулуса репрезентационистско-функционалистский анализ феноменального целевого свойства аттенциональной агентности, не вводя просто метафорически-личного уровня сущности, которая осуществляет своего рода конечный высокоуровневый

решающий контроль при переключении внимания. Мой ответ сейчас заключается в том, что, с каузальной точки зрения, не существует конечной стадии, а есть лишь феноменальная стадия непрерывного динамического процесса самоорганизации, включающего множество циклов и в высшей степени повторяющуюся форму обработки информации. Некоторые этапы осознанны, некоторые - бессознательны. В целом этот процесс демонстрирует чрезвычайно высокую степень гибкости и краткосрочной адаптивности, включая явное внутреннее моделирование альтернативных объектов для обработки вниманием. Мы любим называть это "избирательностью", но в мозгу нет маленького гомункулуса внимания, который бы занимался отбором. Что есть, так это феноменальное агентство, вовлеченное в фокусное внимание, - глобально доступная репрезентация процесса, в котором различные альтернативы сопоставляются друг с другом, и система останавливается на одном решении. Поскольку эта репрезентация является частью PSM, она является частью репрезентации системы в целом. Она находится в определенном репрезентативном контексте, который также является функциональным контекстом. Субличностные процессы выбора и поддержания внимания, представленные в PSM, - это те, которые в определенных пределах могут быть прекращены системой в целом.

Существуют ли исключения из этого принципа в отношении особого случая самонаправленного внимания? Внезапная боль в ноге может заставить вас обратить внимание на эту часть феноменального "я", но при этом общий процесс не теряет своей прозрачности. Вы просто переживаете свое внимание как внезапно вынужденное переключиться на боль в собственной ноге. Феноменологически то же самое происходит, когда вы сознательно направляете внимание на другие аспекты своего тела. Чувство аттенционального агентства полностью реализуется на уровне сознательного опыта, и раздел вашего PSM, на котором теперь начинает

работать аттенциональная обработка, не переживается как модель - это просто вы сами, ваша собственная нога, на которую вы обращаете внимание. Интересный случай, однако, возникает при исследовании тех классов феноменальных состояний, в которых объектный компонент аттенционального отношения формируется непрозрачными участками ПСМ. Что именно означает направлять интроспективное внимание на процесс активации непрозрачных когнитивных репрезентаций, например, при внимательном отношении к собственному сознательному опыту рассуждений?

Позвольте мне сначала отметить интересную феноменологическую особенность этого процесса, которую, однако, я не буду сейчас обсуждать. Как на протяжении веков постоянно сообщали практикующие медитацию представители самых разных культур, непринужденное внимание к потоку собственных когнитивных процессов является эффективным средством прекращения этих процессов. Внимание - это средство, позволяющее заставить поток сознательных мыслей в конце концов прекратиться. Естественно, сознательный опыт осознанного внимания к собственным мыслительным процессам - это метарепрезентативная деятельность, которая затем реинтегрируется в ПСМ, то есть в непрерывную деятельность по фокусированию и репрезентации феноменально непрозрачных состояний с помощью феноменально прозрачных состояний. Опять же, то, что остается прозрачным и феноменально непосредственным, - это субъектный компонент: опыт "я", выбравшего определенный аттенциональный объект и "остающегося с ним" в течение определенного времени. Объектный компонент формируется динамической цепочкой ментальных репрезентаций, предполагаемых симуляций, которые представлены как репрезентации, как то, что в принципе может быть ложным. Одна из эмпирических спекуляций относительно этой особенности состоит в предположении, что чем более

центральными являются нейронные корреляты определенных репрезентативных состояний - в смысле функционально удаленными от слоев сенсорного ввода человеческого мозга, - тем легче для обработки внимания получить доступ к свойствам репрезентативного "транспортного средства". Прозрачность означает, что интроспективный¹ доступ к феноменальной ментальной модели ограничен ее содержательными свойствами. Непрозрачные феноменальные модели, например те, которые делают процессы рассуждения глобально доступными для системы, будут, таким образом, образованы подклассом структур, для которых свойства транспортного средства также интроспективно доступны, что позволит системе изобразить различие между формой и содержанием и сделать глобально доступным различие между реальностью и видимостью в отношении этих состояний. Феноменально переживаемое познание, по-видимому, является именно таким процессом. Его содержание абстрактно, удалено от сенсорной обработки и тесно связано с деятельностью в префронтальной коре. Внимание к собственному сознательному мышлению, таким образом, представляет собой ситуацию, в которой определенные аспекты текущей динамики в непрозрачных разделах сознательной Я-модели отслеживаются системой. Результат этого процесса мониторинга затем непрерывно интегрируется в прозрачную часть сознательной Я-модели. Конечным результатом является осознанное переживание себя, внимающего своим собственным сознательно активированным ментальным репрезентациям. Важно отметить, что субъективный компонент, возникающий в результате самоприсвоения каузальной эффективности, феноменальное свойство аттенциональной и когнитивной "агентности", полностью прозрачен. Чтобы лучше понять этот интересный тип репрезентативной структуры, давайте теперь рассмотрим еще одну форму высшего порядка сознательно переживаемого саморепрезентативного содержания.

6.4.4 Когнитивный субъект

Сознательный когнитивный субъект возникает, как только глобально доступная репрезентация системы, генерирующей или оперирующей квазилингвистическими, непрозрачными ментальными репрезентациями, интегрируется в уже существующую прозрачную Я-модель. Очень важно прийти к убедительному анализу этой формы феноменального содержания, потому что это дает нам понимание того, что значит обладать когнитивной перспективой первого лица, в отличие от просто феноменальной перспективы первого лица. Феноменальная перспектива первого лица уже может быть реализована животным или примитивной искусственной системой, работающей в рамках полностью прозрачного механизма аттенциональной обработки, как описано в предыдущем разделе. Аттенциональная перспектива первого лица - это более фундаментальный феномен, на основе которого возникают более высокие уровни. Одно из многочисленных преимуществ теории субъективности (SMT) заключается в том, что она предлагает более глубокое понимание того, чем на самом деле является репрезентативно-когнитивная самореференция и что - с эпистемической точки зрения - является особенным в пропозициональных установках *de se* (Chisholm 1981; D. K. Lewis 1979). Вкратце, центральная часть ответа заключается в том, что оба эти явления являются результатом интегрированного взаимодействия прозрачного и непрозрачного содержания, опосредованного одним и тем же репрезентативным средством. Я попытаюсь проиллюстрировать этот вопрос на примере недавней философской дискуссии.

В своей важной и полезной работе (Baker 1998) Линн Бейкер указала на то, что убедительная концепция когнитивной

перспективы первого лица станет проверкой для любой надежной версии натурализма. Бейкер различает два класса феноменов первого лица. Слабые феномены первого лица - это те, в которых, например, животные могут быть представлены как действующие в рамках эгоцентрической модели мира, являющейся центром их собственной вселенной и источником их собственной перспективы. Как отмечает Бейкер, все разумные существа являются сознательными субъектами опыта, но не все из них имеют представления о себе от первого лица. По мнению Бейкера, только те, у кого они есть, обладают полным самосознанием в интересном смысле этого слова (Baker 1998, p. 328).

Учитывая концептуальные инструменты, представленные в разделе 6.2 на сайте, становится ясно, к чему приводит такое описание: Такие животные используют интегрированную, глобальную и прозрачную модель мира, функционально центрированную прозрачной Я-моделью, чтобы регулировать свое поведение. Они минимально удовлетворяют ограничению презентативности, ограничению глобальности, ограничению прозрачности и ограничению перспективности. Как верно отмечает Бейкер, можно сказать, что такие организмы решают проблемы, используя перспективные установки, хотя еще не имеют представления о себе как о субъекте.

Феномены первого лица в более сильном и интересном смысле, однако, характеризуются не только необходимым условием обладания границей собственного мира и способностью различать первое и третье лицо, но и способностью обладать этим различием на концептуальном уровне и фактически использовать его. В представленной до сих пор терминологии это означает, что существование преаттентивной границы "я-мир" и различие между атрибутами от первого и третьего лица когнитивно доступны. Как отмечает Бейкер, необходимо не только иметь мысли, которые можно выразить с помощью "я". Необходимо обладать концепцией себя как мыслителя этих мыслей, как

обладателя субъективной точки зрения. Короче говоря, необходима не только референция с точки зрения первого лица, но и способность мысленно "приписывать" себе этот акт референции, пока он происходит. Вот как Бейкер излагает эту мысль:

Сознательное существо, демонстрирующее сильные феномены первого лица, не только способно осознавать себя с точки зрения первого лица... но и способно думать о себе как о себе. Для сильных феноменов первого лица недостаточно различать первое и третье лицо; необходимо также уметь концептуализировать это различие, воспринимать себя как самого себя. Быть способным воспринимать себя как себя - значит быть способным воспринимать себя независимо от имени, описания или демонстрации от третьего лица. Это значит быть способным концептуализировать различие между собой и всем остальным, что есть. Это не просто иметь мысли, выражаемые посредством "я", но и представлять себя носителем этих мыслей. . . . Но просто иметь перспективу, или субъективную точку зрения, недостаточно для сильных феноменов первого лица. Скорее, нужно также быть способным представить себя как имеющего перспективу или субъективную точку зрения". (Baker 1998, p. 329 и далее).

Это концептуальное различие важно для когнитивной науки в целом, а также для философского понятия истинного когнитивного субъекта. Как отмечает Бейкер, эта способность может быть также важна для решения так называемых задач теории разума: Только если человек способен думать о себе как о мыслителе и субъекте мыслей от первого лица, он также способен сформировать представление о других субъектах мыслей от первого лица. Способность, о которой идет речь, также позволяет воспринимать собственные желания и хотения как свои собственные - например, в

терминах волевых актов второго порядка в смысле Гарри Франкфурта (Frankfurt 1971).

В свете предложенной здесь теоретической модели становится совершенно ясно, чего на самом деле требует Бейкер. Репрезентативная архитектура, необходимая для когнитивной субъективности, - это не только саморепрезентация, включающая определенные когнитивные действия как свои собственные, плюс ментальная репрезентация себя как инициатора этих внутренних событий, то есть когнитивного агента. На самом деле необходима репрезентативная структура, которая делает этот факт глобально доступным для познания более высокого порядка.

Важно отметить, что предлагаемая здесь концепция феноменальной само модели достигает именно этой способности. Если система интегрирует свои собственные операции с непрозрачными ментальными репрезентациями, то есть с ментальными симуляциями пропозициональных структур, которые могут быть истинными или ложными, в уже существующую прозрачную Я-модель, одновременно приписывая себе каузальную роль порождения этих репрезентативных состояний, то система в целом - при соблюдении всех остальных необходимых ограничений для феноменальной репрезентации - не только будет обладать сознательным опытом когнитивного агентства, быть мыслителем и субъектом своей собственной мысли; она также сделает это новое феноменальное содержание доступным для когнитивной обработки более высокого порядка: теперь он обладает дополнительной способностью формировать представление о себе как о когнитивном агенте. То, что раньше было субличным репрезентативным процессом, теперь присваивается на уровне всей системы, с помощью прозрачной репрезентации системы в целом. Поэтому одно из преимуществ теории субъективности на

основе самомодели заключается в том, что она предлагает более детальное и эмпирически достижимое понимание того, чем на самом деле может быть пропозициональная установка *de se* (D. K. Lewis 1979; Chisholm 1981). Однако, как пишет Бейкер:

Если я приписываю себе референцию от первого лица, мое предложение не может быть адекватно перефразировано ни одним предложением, в котором мне не приписывается референция от первого лица: Атрибуция референции первого лица к самому себе кажется неискоренимой. (Baker 1998, p. 331)

Я не согласен. Здесь я предлагаю альтернативу. Во-первых, в мире не существует таких вещей, как "я"; все, что существует, - это сознательные системы, работающие по прозрачным моделям "я". Во-вторых, нам необходимо различать содержание языковых и ментальных репрезентаций. Лингвистическая самореференция всегда относится к феноменальному содержанию Я-модели, обычно к ее прозрачной части (поскольку ПСМ - это то, что функционально обеспечивает лингвистическую самореференцию в первую очередь). Поскольку эта прозрачная часть не может быть пережита как форма репрезентативного содержания, тот факт, что лингвистическое содержание отсылает к ментальному содержанию, не может быть осознанно пережит. Этот факт, однако, должен быть отражен в нашей теории самосознания. Перефразировать это предложение в соответствии с существующей моделью можно следующим образом: "В настоящее время эта система использует предложение на общедоступном языке для обозначения определенной способности, а именно способности получать доступ к содержанию некоторых непрозрачных когнитивных симуляций, интегрированных в уже существующую прозрачную самомодель с помощью когнитивных операций

более высокого порядка, которые затем, в свою очередь, могут быть интегрированы в эту самомодель". Позвольте мне объяснить.

Согласно Бейкеру, обладание перспективой первого лица в более интересном смысле заключается в обладании определенной способностью. Это способность формировать I*-предложения или I*-мысли (звездочка здесь используется в соответствии с общепринятыми обозначениями, введенными Гектором-Нери Кастаньедой 1966). Как верно добавляет Бейкер, полное овладение "Я" включает в себя эту способность. Она пишет:

Перспектива от первого лица - необходимое условие для любой формы самосознания и достаточное условие для одной из форм самосознания. (Baker 1998, p. 333)

Далее Бейкер иллюстрирует свою мысль на особенно красивом примере:

Например, не существует способа выразить декартовскую мысль от третьего лица: "Я уверен, что я* существую". Уверенность, которую утверждал Декарт, - это уверенность в том, что он* существует, а не уверенность в том, что существует Декарт. (Baker 1998, p. 336)

В чем же на самом деле заключалась уверенность Декарта в собственном существовании? Он обладал прозрачной Я-моделью, которая превращала его в "автоэпистемически закрытое" существо: репрезентативная природа значительной части его Я-модели была ему в принципе недоступна, то есть он не мог получить интроспективное знание о ней. Автоэпистемическая закрытость, представленная ограничением феноменальной прозрачности, максимально удовлетворенным для больших фрагментов Я-модели человека, с необходимостью должна

приводить к пререфлексивному феноменальному свойству "самости", которое просто является уверенностью в собственном существовании (включая все остальные прозрачно представленные свойства). Поэтому любая репрезентативная система, удовлетворяющая ограничениям на сознательный опыт и работающая в рамках прозрачной Я-модели, должна быть уверена в собственном существовании. Это концептуальная необходимость для описанного класса репрезентативных систем во всех возможных мирах. Лингвистическое выражение "Я*" неизменно относится к этому содержанию сознательной, текущей прозрачной модели Я.

Бейкер, конечно, прав, указывая на то, что утверждение Декарта не относится к какой-либо репрезентации личности Декарта от третьего лица. Речь шла о репрезентации Декарта "в режиме самости", в "феноменальном ЭГО-режиме презентации" (см., например, Newen 1997). Этот режим презентации - субсимволический, неконцептуальный режим внутреннего, прозрачного само моделирования. Он приводит к феноменальному опыту обладания транстемпоральной идентичностью, но не предполагает никакой лингвистической самоидентификации. Содержание этой прозрачной Я-модели, в частности феноменологическая характеристика этого содержания как данного, казалось бы, прямо и непосредственно, как "бесконечно близкого" к самому себе, когнитивно доступно. Если это так, то, очевидно, может быть сформировано и когнитивное содержание более высокого порядка, относящееся именно к этому факту. Если это содержание, в свою очередь, встраивается в уже существующую феноменальную саморепрезентацию, то автоматически возникает соответствующий сознательный опыт наличия этой мысли. Возникнет дополнительное, неконцептуальное чувство собственности как новая форма активного феноменального содержания высшего порядка. Эта мысль - Я*-мысль Бейкера. Ее содержание таково:

[Я уверен, что я* существую].

Отныне я обозначаю активное феноменальное содержание с помощью квадратных скобок (как и выше), а лингвистические выражения, относящиеся к активному феноменальному содержанию, - с помощью заостренных скобок. Лингвистическое выражение $\langle I \rangle$ относится к тому факту, что данная текущая сознательная мысль является компонентом Я-модели говорящего. Однако этот факт одновременно доступен когнитивной интроспекции, оперирующей с Я-моделью в терминах интроспекции⁴. Феноменально он представлен как переживание себя как мыслителя этой мысли (подробнее ниже). $\langle I^* \rangle$, с другой стороны, относится к прозрачному разделению этой Я-модели. Уверенность, предизируемая феноменальной самости, и, в частности, неизменно сопутствующее ей предположение существования, относится к глобально доступной ментальной репрезентации феноменального качества "бесконечной близости", неопровержимого (т. е. феноменально необходимого) опыта самости, непосредственной данности-себе, обусловленной прозрачностью Я-модели.

Предложение $\langle \text{Я уверен, что я* существую} \rangle$, таким образом, относится к сложной, интегрированной и глобально доступной форме феноменального ментального содержания, а именно к активной в данный момент ПСМ соответствующего человека. При наличии необходимого устройства вывода оно может быть произнесено мозгом в чане, поскольку это содержание локально супервизируется. Содержание этой самодеи таково: [я уверен, что я* существую]. Отныне меня будет интересовать только феноменальное ментальное содержание, а не лингвистическое выражение, которое, как выражается Линн Бейкер, "указывает" на существование этого содержания. Однако, пожалуйста, обратите внимание на захватывающую

архитектуру этой структуры: Мы сталкиваемся с формой метарепрезентации, преодолевающей лингвистико-феноменальный разрыв между пропозициональным и неконцептуальным содержанием, метарепрезентацией, отвечающей дополнительному условию, что она не переживается как таковая репрезентирующей системой. Внутренняя, локально контролируемая форма феноменального содержания становится содержанием лингвистической репрезентации в публичном пространстве, причем говорящий не осознает этого факта в силу прозрачности ментального содержания первого порядка. Давайте рассмотрим это подробнее.

Я хочу обратить внимание на то, что содержание этой Я-модели имеет феноменально прозрачный и феноменально непрозрачный компонент. Степень доступности внимания на более ранних этапах обработки различна. Прозрачный компонент Я-модели (например, содержание модели тела) переживается как непосредственно и сразу данный. Непрозрачный компонент часто, но не обязательно, переживается как сознательно созданный, например, как собственная мысль. Обе формы содержания являются субсимволическим содержанием. Непрозрачный компонент, если он не состоит из пикториальных образов и тому подобного, в достаточной степени приближается к компонентной структуре, пропозициональной модульности (Ramsey, Stich, and Garon 1991) и так далее, чтобы его можно было интерпретировать как квазилингвистическую форму ментального содержания на уровне внешних аутофеноменологических отчетов. Однако оставим феноменальное содержание как таковое и начнем с прозрачного компонента картезианского мышления Бейкера.

[I*]

это содержание прозрачной Я-модели. Это содержание активируется в соответствии с упомянутым выше "принципом автоэпистемического закрытия". Любая сознательная система, функционирующая в рамках прозрачной Я-модели, с необходимостью инстанцирует феноменальное Я, к которому, с лингвистической точки зрения, она должна обращаться с помощью $\langle I^* \rangle$. Оно автоэпистемически закрыто от более ранних стадий обработки своей собственной Я-модели, поскольку не может интроспективно обнаружить ее репрезентативную природу. Другими словами, в примере Бейкера Я*-мысль конституируется содержанием прозрачной Я-модели, подмножеством ее содержательных свойств. Обратите внимание, что естественным фоновым предположением является то, что система уже удовлетворяет всем другим ограничениям, достаточным для хотя бы минимальной степени сознательного опыта.

[Я* существую].

обозначает решающее свойство прозрачной Я-модели (в данном контексте). Каковы общие конститутивные условия феноменального опыта "существования"? Определим минимальное понятие самосознания: содержание Я-модели должно быть встроено в активную в данный момент мир-модель; оно должно быть активировано в виртуальном окне присутствия; и оно должно быть прозрачным. Поэтому не только тот факт, что мир-модель является моделью, но и тот факт, что временная интернальность содержания окна присутствия является внутренним конструктом, интроспективно недоступны субъекту. Затем есть особый случай феноменального самоприсутствия, субъективного опыта *Anwesenheit*: тот факт, что Я-модель является моделью и что временная интернальность ее содержания, интегрированного в текущее окно присутствия, является внутренней конструкцией, опять же не доступен для системы

в целом. Это свойство является микрофункциональным (аттенциональная недоступность более ранних стадий обработки, т.е. определенных свойств ТС), а не содержательным.

[I]

⟨I⟩ относится к говорящему в предложении; [I] - феноменальное содержание непрозрачного компонента текущей Я-модели, мыслителя этой мысли. Тот факт, что текущее когнитивное содержание является лишь ментальной репрезентацией, интроспективно доступен как для внимания, так и для познания. Кроме того, мы также имеем структурную характеристику когнитивной агентности: Я переживает себя как мыслителя Я*-мысли. Непрозрачный компонент Я-модели представляет соответствующего субъекта как существо, которое сознательно порождает в себе данное ментальное содержание. Таким образом, [Я] внутренне моделирует систему в целом, включая содержание непрозрачного компонента, которое уже встроено в постоянно активный фон прозрачной Я-модели. Содержание [I] - это мыслитель, в данный момент представляющий себя как оперирующий ментальными репрезентациями. Обратите внимание, что упомянутое здесь содержание, как и все феноменальное содержание, не может считаться эпистемически обоснованным содержанием.

[уверен, что]

это субсимволический эквивалент того, что было бы "спецификатором отношения" (верить, что р, хотеть, что р, быть уверенным, что р и т.д.) пропозиционального отношения. Это отношение между Я и когнитивным содержанием, как оно феноменально представлено в настоящее время. Каковы конститутивные условия феноменально переживаемой уверенности? Назову две

определяющие характеристики: объектный компонент феноменальной перспективы первого лица прозрачен, и поэтому соответствующий человек на уровне феноменального опыта вынужден (эпистемически неоправданно) предполагать существование в отношении интенционального содержания объектного компонента. То же самое справедливо и для субъектного компонента. Вторая определяющая характеристика - прозрачность Я-модели, дающая феноменальное Я, изображенное как определенное. Обратите внимание, как феноменальная перспектива от первого лица теперь раскрывается как продолжающееся сознательное представление динамических субъект-объектных отношений: видеть объект, чувствовать боль, избирательно "делать мысль своей", выбирать потенциальную цель действия или быть уверенным в себе, как в существующем.

Феноменальная уверенность в себе, опять же, является особым случаем. Она возникает, если объектный компонент феноменальной перспективы первого лица формируется прозрачной саморепрезентацией, например, феноменальной моделью соответствующего человека как ныне существующего субъекта. Обратите внимание, что объектный компонент феноменальной перспективы первого лица обычно прозрачен, поскольку именно это делает его объектом - тем, что уже не может быть пережито как репрезентация. Таким образом, мы сталкиваемся с сознательно переживаемой формой саморепрезентации второго порядка. Важно отметить, что то, что мы привыкли называть "средствами" репрезентации, не является отдельными сущностями: Если из эвристических соображений хочется придерживаться различия "транспортное средство - содержание", всегда нужно помнить, что с эмпирической точки зрения нейронные носители, скорее всего, уже не являются отдельными состояниями, а характеризуются отношениями "часть-целое" в рамках динамического процесса.

На репрезентативном уровне описания сильные феномены первого лица и картезианские Я*-мысли теперь могут быть проанализированы как интеграция непрозрачной Я-модели в уже существующую прозрачную Я-модель. То, что мы не можем сознательно переживать во время когнитивной самореференции, - это тот факт, что даже в этой ситуации мы ссылаемся на содержание репрезентации, которая находится "в нас самих" (в смысле локального наложения на свойства мозга). Это необходимое следствие ограничения прозрачности для субсимволической Я-модели. Когнитивная самореференция, таким образом, на феноменальном уровне обязательно переживается как прямая и непосредственная, поскольку она не опосредована никакими сенсорными каналами (происходит в супрамодалном формате) и в силу того, что она является процессом второго порядка феноменальной репрезентации, не доступна интроспекции (наивный реализм). Поэтому возможность того, что компонент первого порядка может быть искажением, недоступна нам на уровне аттенциональной интроспекции³.

Теперь вернемся на уровень лингвистической самореференции. Общее предложение 〈Я уверен, что я* существую〉 указывает на то, что в данный момент активна определенная форма феноменального содержания. С точки зрения третьего лица это лингвистическое содержание можно проанализировать следующим образом:

〈 Говорящий это предложение в настоящее время активизирует ПСМ, в которую встроены непрозрачные саморепрезентации второго порядка. Эти репрезентации характеризуются тремя свойствами:

Во-первых, они обладают квазиконцептуальным форматом (например, через коннекционистскую эмуляцию конституент-структуры и т.д.);

во-вторых, их содержимое формируется исключительно за счет операций над прозрачными разделами активного в данный момент PSM;

В-третьих, результирующее отношение между системой в целом и содержанием феноменально моделируется как отношение уверенности"〉 .

Теперь мы видим, как именно внутренняя модель отношения между системой и содержанием порождает в данном случае когнитивную перспективу первого лица. Эта когнитивная перспектива первого лица, однако, теперь всегда может быть сведена к частному случаю феноменальной перспективы первого лица, и, как таковая, все соответствующие состояния убеждений не являются эпистемически обоснованными. Поэтому все убеждения о том, что именно ментально репрезентируется - то есть убеждения об интенциональном или эпистемическом содержании сильных феноменов первого лица и картезианских Я*-мыслей - сами по себе никак не являются эпистемически обоснованными. В частности, это относится к убеждению, что именно Я осуществляет соответствующий акт когнитивной самореференции.

Еще одно интересное следствие этого кратко репрезентационистского анализа сильных феноменов первого лица в понимании Линн Бейкер заключается в том, что феноменальная перспектива первого лица является условием возможности возникновения когнитивной перспективы первого лица. Когнитивная самореференция всегда является отсылкой к феноменальному содержанию прозрачной Я-модели. Точнее, это вариант второго порядка феноменального само моделирования, которое, однако, опосредовано одним и тем же интегрированным средством репрезентации. Способность воспринимать себя как себя* заключается в способности активировать динамическую,

"гибридную" Я-модель: Феноменально непрозрачные, квазисимволические и второго порядка репрезентации уже существующей феноменально прозрачной Я-модели активизируются и непрерывно встраиваются в нее заново. Этот процесс и есть процесс интроспекции⁴. В этом процессе не сознательная реальность-модель, а Я-модель внезапно удовлетворяет ограничению перспективности: Рефлексивное самосознание состоит в установлении субъект-объектного отношения внутри ПСМ.

Что же тогда можно сказать о концепции сознательного когнитивного субъекта? Прозрачная, субсимволическая Я-модель - это инструмент, используемый системой обработки информации для того, чтобы сделать определенный тип информации когнитивно доступным. Она делает это, позволяя непрозрачным ментальным самосимуляциям. Такие самосимуляции могут быть феноменально выражены как сознательные Я*-мысли или, лингвистически, как Я*-предложения, то есть они могут привести к когнитивной или лингвистической самоатрибуции пререфлексивной перспективы первого лица. Когнитивная самореференция - это процесс феноменального моделирования определенных аспектов содержания предсуществующей прозрачной Я-модели, которая с концептуальной позиции третьего лица может быть интерпретирована как способность представлять себя как себя*.

Бейкер совершенно права, указывая, что постулирование ментального символа, функционально играющего роль $\langle I^* \rangle$, лишь переименовывает проблему, не решая ее. Она считает, что действительно необходимым является обладание определенной способностью, способностью воспринимать себя как себя*, способностью, выходящей за рамки самолокализующих убеждений а-ля Перри (J. Perry 1979). Способность, которую она ищет, - это способность действовать в рамках феноменально прозрачной Я-модели,

которая глобально доступна не только для самонаправленного внимания и селективного контроля действий, но и для формирования ментальных концепций. Это способность применять интроспекцию⁴ к уже существующей прозрачной Я-модели. В человеческих существах естественная эволюция на нашей планете уже привела к появлению этой способности - как видно из трудов Рене Декарта. Однако когнитивное агентство, концептуально опосредованное самосознание и сильные феномены первого лица в смысле Бейкера не являются непреодолимым препятствием для натурализма. Эти явления можно учесть в эмпирически правдоподобной теории ментальных репрезентаций. Более глубокая философская проблема, однако, заключается в том, что имплицитно предполагаемое эпистемическое содержание когнитивной самореференции теперь в принципе всегда может быть сведено к чисто феноменальному виду ментального содержания. Когнитивное самосознание и обсуждаемая здесь форма самореференции нуждаются в независимом эпистемическом обосновании.

Однако позвольте мне сделать одну важную оговорку. Как указывает Бейкер, любой надежный редуктивный натурализм должен предлагать анализ конститутивных условий вышеупомянутой способности в терминах неинтенциональных и несемантических понятий. Поэтому я предложил анализ в терминах феноменологических понятий. Саморепрезентативное феноменальное содержание - это особый вид интенционального содержания, локально зависящий от свойств мозга, и как таковой он открыт для натурализации. Если верно, что феноменальное содержание локально супервентурирует, то для каждого феноменального свойства может даже существовать номологически коэкстенсивное физическое свойство; то есть программы эмпирических исследований могут обнаружить специфические для данной области идентичности для каждой отдельной формы феноменального содержания. Это

будет справедливо и для феноменального содержания когнитивной самореференции. С другой стороны, если, как считают сегодня многие философы, феноменальное содержание является лишь особым вариантом интенционального содержания, то в конечном итоге набросанная здесь модель должна быть дополнена полноценной натуралистической теорией интенционального содержания, теорией, которая дополнительно позволит нам понять отношение между феноменальным и интенциональным содержанием. Мы очень далеки от этой цели. Сегодня можно с уверенностью сказать только две вещи: Феноменальное содержание как таковое не является эпистемически обоснованным содержанием, и оно локально зависит от свойств мозга. Мозг в чане может генерировать сознательный опыт мышления [я уверен, что я* существую]. Пациенты с синдромом Котарда могут генерировать сознательный опыт мышления [я уверен, что я* не существует]. Поэтому правдоподобно предположить, что минимально достаточный нейронный коррелят для феноменального содержания, характеризующего специфический сознательный опыт мышления [я уверен, что я* существую], действительно существует. Феноменальное содержание будет накладываться на этот физический коррелят или даже будет идентично ему. Но разве не существует множество случаев, когда это содержание типично и надежно коррелирует с интенциональным, эпистемически оправданным содержанием? Интересно отметить, что даже при натуралистических фоновых предположениях какая-то репрезентативная система должна существовать, поскольку, как ни банально, прозрачные самомодели концептуально представляются как реализуемые физическими средствами. Если это фоновое предположение имеет независимое эпистемическое обоснование, то любая сознательная система оправдана в том, чтобы думать I*-мыслью, что по крайней мере какая-то физическая репрезентативная система существует, которая прямо сейчас

осуществляет акт когнитивной самореференции. Неясно только, является ли эта система на самом деле "я".

Что же тогда можно сказать о концепции сознательного когнитивного субъекта? Прозрачная, субсимволическая Я-модель - это инструмент, который может быть использован системой обработки информации для того, чтобы сделать определенный тип информации когнитивно доступным. Она делает это, позволяя непрозрачным ментальным самосимуляциям. Такие самосимуляции могут быть выражены как I*-мысли или, в лингвистическом смысле, как I*-предложения, то есть они могут привести к феноменальной или лингвистической самоатрибуции пререфлексивной перспективы первого лица. Когнитивная самореференция - это процесс феноменального моделирования определенных аспектов содержания предсуществующей прозрачной Я-модели, которая, в свою очередь, может быть интерпретирована как способность представлять себя в качестве себя*. Короче говоря, феноменальная перспектива первого лица является центральным необходимым условием для обладания когнитивной перспективой первого лица. И опять же, чтобы добиться феноменологического правдоподобия и избежать привнесения теоретических артефактов в вычислительное или нейробиологическое моделирование, важно не допустить еще одного принципиального дуализма между двумя формами ментального содержания. Как мы видели в разделе 6.4.2 на сайте, в самомодели человека на самом деле существует континуум от прозрачного до непрозрачного содержания. Эмпирически это будет отражено в том, как рефлексивное самосознание функционально закреплено в эмоциях и в телесной модели Я.

6.4.5 Агентство

Как мы видели, феноменальное переживание того, что мы являемся аттенциональным субъектом, может сопровождаться переживанием феноменальной агентности. Он также может разворачиваться без этого свойства. При низкоуровневом внимании мы не переживаем себя как добровольную причину внезапного сдвига в сознательном содержании. Однако после того, как сдвиг произошел, мы становимся субъектами внимания. Прозрачная самомодель системы в акте внимания существует. Решающее различие, по-видимому, заключается в интеграции репрезентации процесса выбора объектного компонента. В фокусном внимании мы переживаем себя как сознательно выбирающих определенную часть реальности, то есть нашей прозрачной феноменальной модели реальности, и затем фокусирующихся на этой части. Например, сейчас вы можете сосредоточить свое внимание сначала на черноте букв на бумаге перед вами, а затем на легком ощущении давления в кончиках пальцев. Представление последних стадий процесса выбора интегрируется в Я-модель и, таким образом, на уровне феноменального опыта становится нашим собственным выбором. Вы сами инициируете переход от черноты букв к давлению в пальцах. При высокоуровневом внимании автоматическая атрибуция каузального агентства немедленно сопровождает этот процесс выбора. Однако сам этот процесс является субличностным. Это бескорыстный, бессубъектный и лишенный гомункулуса процесс динамической самоорганизации в мозге.

Похоже, что аналогичный принцип действует, когда мы превращаемся в сознательно мыслящих субъектов. Существуют процессы, например, при дневном сне или при свободном ассоциировании когнитивных содержаний субъективно без усилий, когда непрозрачное содержание автоматически становится нашим собственным, интегрируясь в ПСМ, при этом мы не переживаем это содержание как сознательно отобранное и усиленное. Мечтая на скучной лекции, мы переживаем непринужденный поток

мыслей и ментальных образов как автономно разворачивающуюся репрезентативную деятельность, как принадлежащую нам самим, но агентный компонент в этих типах состояний отсутствует. Когнитивная агентность на уровне осознанного опыта возникает, когда процесс выбора когнитивного содержания для дальнейшей обработки представлен и интегрирован в ПСМ. Выбор правильных слов, логическое обдумывание мыслей, внедрение логических отношений импликации в ментальные отношения временной последовательности и т. д. сопровождаются качеством агентности и, конечно, не переживаются как не требующая усилий ментальная деятельность. Мыслить ясно - это трудно. Короче говоря, есть спонтанное когнитивное поведение и есть когнитивная агентность, отличительными феноменологическими характеристиками которой являются глобально доступная репрезентация процесса выбора и определенное ощущение усилия.

Однако большинство людей обычно ассоциируют вопрос об агентности с явным моторным поведением и контролем внешних действий. Сознательные человеческие существа - это "подвижные точки зрения" (Brinck and Gärdenfors 1999, p. 101). Мы не только моделируем объектно-объектные отношения в сознательном восприятии, но и активно создаем новые субъектно-объектные отношения, не только функционально взаимодействуя с окружающей средой, но и соответствующим образом перестраивая нашу феноменальную модель реальности. Поэтому перейдем к вопросу о том, как сознательный опыт бытия действующего субъекта может быть проанализирован с точки зрения текущей теоретической модели. Как показывает поток нейропсихологических данных (подборку примеров см. в главе 7), феноменальное свойство агентности определяется публичностными свойствами на нейробиологическом уровне описания. Феноменальная агентность локально зависит от свойств мозга: мы можем потерять способность ощущать себя агентами как прямое следствие узко ограниченного

нейробиологического дефицита. Агентность внимания - это то, что мы теряем каждую ночь, во время фаз REM-сна, а когнитивная агентность, так же как и чувство моторной агентности, может быть утрачена при психических расстройствах, таких как шизофрения. И наоборот, что многие философы-антинатуралисты упорно пытаются игнорировать, феноменальное воление также может быть галлюцинацией (см. Wegner and Wheatley 1999 и раздел 7.2.3). Как бы ни были отрезвляющи эти и многие другие эмпирические данные, они побуждают к попытке более четко проанализировать соответствующие феноменальные свойства на репрезентационистском и функционалистском уровнях описания.

Что является объектным компонентом в феноменальном опыте бытия агента? По-видимому, здесь задействован целый ряд различных феноменологических аспектов. Во-первых, должна существовать аллоцентрическая симуляция цели. Как отмечает Жоэль Пруст, финальная стадия, событие цели, связанное с действием, включает объект, по отношению к которому человек действует, а также конечное состояние организма по отношению к этому объекту (Proust 2000). С эмпирической точки зрения, феноменальные симуляции состояний достижения цели, "репрезентации цели", обычно описываются как аллоцентрические; они не локализованы в эгоцентрической системе отсчета (Gallese 2000). Очевидно, что в данной системе могут быть активны несколько симуляций возможных целей действий. Также будет существовать несколько моторных траекторий, например, в простом хватательном движении, которые все будут достигать одной и той же конечной стадии. Таким образом, в системе, предшествующей конкретному действию, могут быть одновременно активны несколько параллельных симуляций действия. Конкретный опыт агентства, однако, возникнет только в том случае, если будут активированы еще два репрезентативных состояния. Первое будет состоять в репрезентации самого процесса выбора, направленного на

одно из возможных действий, ведущих к цели, все из которых в данный момент мысленно моделируются. Обратите внимание, что это не обязательное условие для того, чтобы все эти цели процесса выбора были осознанными. Второй компонент будет иметь более проприоцептивный и кинестетический характер и будет состоять из обратной связи, информирующей систему о ходе ее собственного текущего моторного поведения. В самой модели должны быть связаны два вида информации, относящейся к системе: информация о текущем процессе выбора и информация о последующих изменениях в состоянии тела. Таким образом, телесная Я-модель, а также то, что мы называли когнитивным субъектом в предыдущем разделе, будут вовлечены в генерирование феноменального опыта полноценной агентности.

В принципе, есть два вида феноменального содержания, которые мы должны понять, чтобы описать, чем является сознательный опыт действующего субъекта на репрезентативном уровне анализа. Феноменальное воление - это сознательная репрезентация процесса выбора. Агента - это опыт, связанный с телом и, в частности, с моторным содержанием. Это то, что Пруст называл "сенсомоторным осознанием", - форма осознания, которая идентифицирует действие через его динамику, то есть через пространственные и временные свойства телесных движений, вовлеченных в действие (Proust 2000). Полноценный нейрофеноменологический анализ агентности, несомненно, должен быть более сложным, вводящим дополнительные концептуальные различия. Однако для наших сегодняшних целей давайте попытаемся описать сознательные корреляты типичного действия, используя только те концептуальные ресурсы, которые имеются в нашем распоряжении. Феноменальное воление, первый шаг, состоит в активации довольно абстрактной репрезентации цели в аллоцентрической системе отсчета. Обратите внимание, что этот процесс сам по себе не обязательно должен быть

осознанным, а его объектный компонент - как показывают эмпирические данные - скорее всего, будет нейтральным по отношению к Я и Другому. Однако абстрактная, неэгоцентрическая репрезентация цели действия может быть именно тем, что мы используем для индивидуализации действий по их интенциональному содержанию. Это открыло бы телеофункционалистский уровень анализа, классифицирующий действия в соответствии с их адаптивной ценностью и функцией, которую они играют для системы (в терминологии Пруста это было бы "осознание цели"). Феноменологически, однако, это может быть описано просто как содержание переживаемого мотива или желания. Второй шаг состоит в том, чтобы сделать этот потенциальный мотив или желание моим собственным. Он состоит в том, чтобы интегрировать уже активную репрезентацию цели в текущую Я-модель. Если первый шаг можно проанализировать как субъектно-объектное отношение, то второй шаг правильнее было бы описать как воплощение цели. На первом этапе объектный компонент, присутствующий в отношениях, - это цель действия, еще не существующая в эгоцентрической системе отсчета. Субъектный компонент формируется содержанием активной в данный момент Я-модели, феноменального Я. Он порождает опыт желания определенной цели, нахождения в "отношении практической интенциональности" (см. следующий раздел) по отношению к возможному результату действия. Второй шаг состоит в том, чтобы полностью интегрировать активную в данный момент репрезентацию цели в центрированную модель реальности. Важно отметить, что расширенный этап планирования может опосредовать переход от шага 1 к шагу 2: после определения цели может быть важно прогнать модели возможных телесных действий - намеренные самосимуляции - чтобы сравнить их и прийти к наиболее эффективному способу реализации цели, то есть сделать непрозрачную репрезентацию возможного состояния мира компонентом центрированной, прозрачной модели реальности - моего собственного мира. Другими словами,

агентность заключается в попытке сделать возможное состояние себя необратимой частью своей реальности.

Не все ментальные симулякры являются сенсорными структурами. Человек генерирует и моторные симуляции, и здесь важно помнить о нашем эпистемологическом принципе, согласно которому каждая моторная репрезентация также является моторной симуляцией. Из-за временных задержек то, что доступно процессу сознательного опыта, даже во время конкретно реализуемых, продолжающихся действий, всегда является возможным состоянием тела, наилучшей текущей гипотезой о его динамике и кинематике. Феноменологически происходит внезапный переход от феноменальной двигательной самосимуляции к феноменальной двигательной саморепрезентации, как только выбирается и воплощается одна из активных на данный момент моделей, тестируемых системой. То, что было непрозрачным, теперь становится прозрачным. Мысль становится реальностью. Функционально воплощенная моторная симуляция - это та, которая в данный момент каузально связана с эффекторами. Как мы уже видели, есть случаи, когда происходит произвольное воплощение спонтанно вызванных или управляемых извне моторных симуляций, например, при расстройстве поведения во время REM-сна или при эхопраксии. Феноменальное свойство агентности, таким образом, проявляется именно в тот момент, когда внутренняя моторная симуляция, репрезентация возможного поведения, "становится реальной". В стандартных ситуациях она "становится реальной", потому что выбирается конкретная симуляция действия, ведущая к ранее активированной репрезентации состояния цели, затем подключается к эффекторной системе и немедленно приводит к проприоцептивной и кинестетической обратной связи, подтверждающей, что действие действительно выполняется прямо сейчас. Как мы увидим в разделе 7.2.2, существуют расстройства личности, при которых феноменальное воление

больше не может быть реализовано, поскольку система не в состоянии сделать цель своей собственной, интегрировать репрезентацию цели в свою текущую Я-модель (ситуация, в которой наиболее простым объяснением для самой системы будет то, что поведение управляется чужими целями), и где агентность не может быть реализована, поскольку нарушен процесс мониторинга проприоцептивной обратной связи, что делает невозможным феноменальное воплощение намеченного действия. Важно также отметить, что опыт волевого, так же как и опыт агентности, может быть галлюцинирован. Как мы увидим в разделе 7.2.3.3, правильная настройка перцептивных параметров в социальной и перцептивной среде может привести к тому, что человек будет воспринимать пассивные движения тела как волевые действия.

При рассмотрении особого уровня содержания, реализуемого ПСМ волевого агента, становится очевидным, что перспективность феноменального пространства является не только свойством сенсорного сознания и восприятия, но и свойством поведенческого пространства. Перспектива первого лица, структурирующая это пространство, обладает как пассивными, рецептивными аспектами, так и активными, продуктивными характеристиками. Концепция поведенческого пространства, несомненно, слишком часто игнорировалась в прошлом. Например, можно показать, что важные участки моторной коры обезьян кодируют не отдельные мышцы или суставы, а координаты рабочего пространства (Cruse, Dean, and Ritter 1998, p. 106). В действии функциональные уровни Я-модели интегрируются в действующую модель реальности. Общим для всех сенсорных модальностей является наличие общего пространственного элемента: они интегрированы во внутреннюю симуляцию поведенческого пространства (Grush 1998, p. 188). Поведенческое пространство можно интересно представить как "супраэмпирический нейрокогнитивный ресурс" (Grush, неопубликованная рукопись). Эгоцентрическое пространство,

в котором действуют такие существа, как мы, может быть репрезентацией высокоспецифичного многообразия, многообразия, в котором сенсорные восприятия и моторные симуляции были согласованы последовательным и адекватным образом путем генерирования систематических отношений между ними. Внутренне моделируемое поведенческое пространство системы можно было бы представить как формирующееся из континуумов между стабилизированными многообразиями, например, тактильного и визуального пространства (Grush 2000, p. 66 ff.). Поэтому важно понимать, что уровни содержания в ПСМ, относящиеся к восприятию и действию, не являются отдельными уровнями. ПСМ - как и симулятивное пространство, в которое она встроена, - является супрамодалной, виртуальной сущностью. Функциональная роль Я-модели как центра репрезентативного пространства вытекает именно из этой интеграции сенсорных и моторных состояний: мы одновременно являемся воспринимающими и действующими субъектами. Устанавливая стабильную область непрерывности между моторными и сенсорными многообразиями, мы генерируем внутреннее пространство, которое теперь является эгоцентрическим пространством. Сознательное "я" - это та часть этого пространства, в которой текущая обработка, происходящая в соответствующей области непрерывности, становится глобально доступной для внимания, познания и селективного моторного контроля.

Еще один важный момент вытекает из применения концепции когнитивной субъективности к концепции агентности. Как только появляется прозрачная самомодель волевого субъекта и телесного агента, новая информация становится глобально доступной. В частности, эта новая информация становится когнитивно доступной. Это информация о том, что система способна активировать абстрактные репрезентации целей,²² симулировать возможные действия для достижения представленных в них целевых состояний и, наконец, выбрать и воплотить

конкретную двигательную симуляцию, теперь сама становится доступной для дальнейшей когнитивной обработки. Система, таким образом, способна сформировать представление о себе как об агенте. Этот шаг по созданию саморепрезентативного содержания более высокого порядка, однако, является очевидной необходимостью для развития теории разума. Феноменальное "я" - это не свободный пучок волевых и когнитивных аспектов; оно характеризуется полной интеграцией обоих типов репрезентативного содержания.

Сознательное переживание себя как волевого субъекта, как агента, способного на концептуальном уровне приписывать себе именно это свойство, является центральной предпосылкой развития моральной субъективности. Как уже отмечалось, в ранней философии сознания *conscientia* воспринималась как обязательно включающая в себя моральное сознание. Именно этот уровень феноменального самосознания открывает, так сказать, этическое измерение. Он заставляет нас двигаться вверх, к личностному уровню описания. Моральные агенты, безусловно, являются личностями.

Для существ, которые не только осознанно воспринимают себя как агентов, но и способны представлять действия других как действия, возникает новый класс проблем, требующих решения: Таким существам постоянно приходится проводить различие между теми действиями, которые являются их собственными, и теми, которые являются действиями других. Поскольку действие является одним из основных каналов коммуникации между индивидами, надежное определение агента действия способствует дифференциации себя от других и является центральным фактором в формировании более сильных версий самосознания (Jeannerod 1999; Proust 2000). Для быстрого и гибкого управления социальными

взаимодействиями атрибуции агентности - содержание того, что Пруст назвал "суждениями об агентности", - должны быть доступны в глобальном масштабе. Именно на этом уровне репрезентативного содержания человеческая Я-модель может быть использована в качестве инструмента для создания сложного и согласованного социального поведения. Осознанное переживание агентности в себе и других, возможно, стало решающим шагом в переходе от биологической к культурной эволюции.

6.5 Перспективность: Феноменальная модель отношения интенциональности

В начале этой главы я представил важную теоретическую сущность, "феноменальную Я-модель". Я утверждал, что эта сущность - нечто реально существующее, причем не только как отдельная теоретическая единица, но и как нечто, что будет эмпирически обнаружено в будущем - например, как конкретная стадия глобальной нейронной динамики в человеческом мозге, характеризующаяся дискретной и единичной функциональной ролью. Теперь я введу вторую теоретическую сущность, которая также имеет центральное значение для понимания репрезентативной глубинной структуры феноменальной перспективы первого лица. Это понятие "феноменальной модели отношения интенциональности", с которым мы неоднократно сталкивались в предыдущих трех разделах. Концепция PMIR, наконец, позволит нам более точно понять ограничение 6, ограничение перспективности для сознательной обработки, которое было разработано в разделе 3.2.6. Вместе с идеей прозрачной глобальной модели мира, активируемой в пределах окна присутствия, эта третья важная теоретическая единица позволит нам в конце этой главы предложить более информативную версию минимальной концепции

субъективного сознания. Она поможет нам разработать самый первый репрезентационистский и функционалистский анализ перспективного опыта, того факта, что сознание в стандартных условиях всегда привязано к индивидуальной перспективе первого лица.

Что представляет собой феноменальная модель отношения интенциональности? Это сознательная ментальная модель, и ее содержанием является непрерывное, эпизодическое субъектно-объектное отношение. Вот несколько примеров в терминах типичных феноменологических описаний рассматриваемого класса феноменальных состояний: "Я - некто, кто в данный момент визуально обращает внимание на цвет книги в моих руках"; "Я - некто, кто в данный момент постигает содержание предложения, которое я читаю"; "Я - некто, кто в данный момент слышит звук холодильника позади меня"; "Я - некто, кто сейчас решает встать и выпить еще немного сока". Первой определяющей характеристикой феноменальных моделей отношения интенциональности является то, что они изображают определенные отношения как существующие в данный момент между системой, прозрачно представленной самой себе, и объектным компонентом. Этот класс феноменальных ментальных моделей особенно богат, потому что, во-первых, число возможных компонентов объекта почти бесконечно велико. Давайте посмотрим на наши примеры с позиции третьего лица, репрезентациониста, и увидим, как может варьироваться объектный компонент.

В первой ситуации объектный компонент образован перцептивным объектом, данным через визуальную и тактильную модальности. Репрезентативное содержание может быть описано как [A self in the act of attending to a book in its hands]. Важной особенностью, продемонстрированной во втором примере, является то, что объектный компонент также может быть сформирован непрозрачным видом

сознательного содержания, как в случаях когнитивного само моделирования. Во втором примере репрезентативное содержание может быть описано как [A self in the act of understanding the semantic content of the sentence it is currently reading]. Рассматривая этот второй пример, мы можем отметить третью определяющую характеристику для класса феноменальных ментальных моделей отношения интенциональности: Субъектный компонент, образованный активной в данный момент Я-моделью, всегда прозрачен, хотя может иметь дополнительные непрозрачные разделы. Второй пример также показывает, как различные феноменальные ментальные модели отношения интенциональности делают глобально доступными различные типы отношений между субъектом и объектом, например, присутствие, мышление, желание и так далее. Конечно, все это не психология пропозициональных установок, поскольку лежащая в ее основе теория ментальных репрезентаций имеет гораздо более эмпирически правдоподобный вид, следуя коннекционистским и динамистским исходным предположениям. Однако, возможно, будет полезно отметить, что, как и в концептуальном анализе пропозициональных установок, у нас есть что-то вроде спецификатора содержания (объектный компонент), спецификатора личности (прозрачная модель системы в целом) и спецификатора отношения (вид отношения между субъектом и объектом, представленный на уровне сознательного опыта). Это станет более очевидным, когда мы рассмотрим два следующих примера.

В низкоуровневом внимании феноменально смоделированное самообъектное отношение внезапно всплывает, так сказать, без сопутствующего феноменального качества агентности. Сравните наш третий пример: [Я в действии, внезапно замечающее звук холодильника позади себя]. Здесь у нас есть прозрачная Я-модель, прозрачная объект-модель, и отношения между ними выглядят как

совершенно "неконструируемые", как немедленно данные, как без усилий и естественно возникающие в сознательной модели мира, так сказать. Разумеется, внезапной активации этой модели предшествует сложная цепь бессознательных нейронных событий. Тип осознанно переживаемых отношений - это не [сознательное присутствие], как в случае с книгой, а [обнаружение себя вынужденным автоматически присутствовать]. Не хватает аттенционального агентства, прозрачной репрезентации процесса выбора объектного компонента для внимания, интегрированного в Я-модель. Однако существует не только когнитивная и аттенционная перспектива первого лица, но и волевая перспектива первого лица. Интересно, что объектный компонент теперь может быть также образован феноменальными симулякрами, например, сознательным представлением возможных действий. С точки зрения репрезентационизма от третьего лица, четвертый и последний пример можно проанализировать как [Я в акте выбора определенного возможного действия, например, подойти к холодильнику и взять еще один напиток]. За активацией такого рода репрезентативного содержания обычно следует реальное воплощение действия, запуск сложной моторной самосимуляции, которая теперь соединена с эффекторами. До этого событие состояло в том, чтобы феноменально смоделировать ряд возможных действий, а затем как бы "дотянуться" до одного из них, сделать его своим. Это момент интеграции активной в данный момент прозрачной Я-модели с непрозрачной симуляцией действия или аллоцентрической, пока еще нейтральной по отношению к самому себе репрезентацией цели, порождая тем самым феноменальную модель отношения практической интенциональности.²³ Сознательная, волевая перспектива от первого лица возникает, если активируется феноменальная модель системы в целом как стоящей в отношении потенциального волевого компонента объекта. Пассивно желая определенного объекта, например, сока, который должен быть найден в холодильнике, мы сознательно

моделируем неволевой тип отношений, и объектный компонент не формируется возможным действием, как в подлинно волевой перспективе, а только возможной целью действия. Короче говоря, феноменальные модели отношения интенциональности состоят из прозрачного субъектного компонента и варьирующихся объектных компонентов, которые могут быть как прозрачными, так и непрозрачными, преходяще интегрируясь во всеобъемлющее, комплексное представление системы как стоящей в определенном отношении к определенной части мира. Общая картина, которая возникает, - это модель человеческого Я, непрерывно интегрирующая механизмы аттенциональной, когнитивной и волевой готовности на стабильном фоне, образованном прозрачной репрезентацией телесного Я.

Обратите внимание, что РМІR имеет феноменально опытное направление: ПМІRы подобны стрелкам, указывающим от Я-модели к объектному компоненту. Будучи феноменальными репрезентациями асимметричного двухместного отношения, они напоминают асимметричные отношения между *representata* и *representanda*, концептуально представленные в главе 2. Как только человек понял стреловидную природу РМІR, два особых случая могут быть описаны гораздо более четко. Во-первых, стрела может быть направлена не только наружу, но и вниз (феноменологически говоря, внутрь). В случаях, когда объектный компонент формируется самой ПСМ (как при внимании к себе или осознанном мышлении о себе), ПМІR внутренне моделирует отношения "система-система", а не "система-объект". Во-вторых, в сознательно переживаемом социальном познании объектный компонент может быть либо сформирован феноменальной моделью другого агента, либо стрелкой в голове другого агента (как при наблюдении за другим человеком, наблюдающим за другим человеком). Важно всегда помнить, что при обсуждении конкретного ПМІR мы говорим только о феноменальном содержании. Эмпирическое содержание локально зависит от свойств

мозга. Мозг в чане, поддерживаемый машинным интеллектом долгое время после того, как последние формы биологического или сознательного интеллекта исчезнут из Вселенной, мог бы наслаждаться рефлексивным самосознанием так же, как и яркими формами феноменальной intersubjectivity.

Другими словами, только что сделанный философский шаг заключается в феноменализации интенциональности. Феноменализация интенциональности, я бы сказал, может быть необходимым обходным путем, необходимым первым шагом в проекте натурализации интенциональности tout court. Смысл и сознательный опыт осмысленности, возможно, придется разделить. Вообще говоря, ментальные репрезентации обладают двумя видами содержания: феноменальным содержанием и интенциональным содержанием. Феноменальное содержание контролируется локально. Интенциональное содержание во многих случаях определяется внешними и нелокальными факторами. Как отмечалось выше, интенциональность как таковая не является эпистемической целью в рамках данной книги. Однако важно отметить, как интенциональность (на дорациональном уровне, вероятно, начиная с моторной системы и ранних уровней обработки внимания) сама по себе отображается на уровне феноменального содержания. И именно этим сознательным содержанием на протяжении столетий руководствовались теоретики, разрабатывая свои, ставшие уже классическими, теории интенциональности. Благодаря принципу локальной супервентности сегодня стало весьма правдоподобным, что этот аспект интенциональности может быть натурализован. Феноменальный опыт бытия интенционального агента, бытия воспринимающего, внимающего и познающего субъекта, может быть натурализован. Конечно, это ни в коей мере не исключает возможности того, что интенциональное содержание как таковое никогда не может быть натурализовано, и, возможно, даже по принципиальным

соображениям. Но устранение первого препятствия может значительно помочь в получении нового доступа к интенциональности как таковой, поскольку освобождает нас от бремени ложных интуиций, порожденных нашей собственной прозрачной моделью реальности, и помогает нам отложить в сторону вопрос о том, как мы приходим к сознательному переживанию наших ментальных состояний как осмысленных и направленных на объектный компонент. Мы можем отделить вопрос о сознательно переживаемой интенциональности от более общей проблемы того, как нечто подобное репрезентативному содержанию вообще могло развиваться в сознании человека и других животных. Если нам удастся закрепить нашу концепцию ПМИР на функциональном и нейробиологическом уровнях описания, то это понятие сможет пережить даже динамистскую революцию. Если однажды выяснится, что, строго говоря, чего-то вроде ментального содержания вообще не существует (потому что его вообще никогда не существовало), если то, что сейчас является самым важным уровнем анализа - "репрезентативная позиция" - будет в конце концов отброшено наукой о разуме, продвинувшейся дальше, чем можно себе представить сегодня, тогда у нас все еще будут заготовки для теории о том, как было возможно и необходимо, чтобы такие существа, как мы, сознательно переживали себя как обладателей "содержательных" интенциональных состояний, как это описывается классическими теориями ума.

Интересно отметить, как подлинно философская концепция сознательной модели отношений интенциональности в настоящее время появляется в ряде мест в когнитивных нейронауках. Жан Делакур (Jean Delacour) в превосходном обзоре современных идей о возможных нейронных коррелятах сознательного опыта прямо вводит понятие "структура моделирования интенциональности" (Delacour 1997, p. 138). ЛаБерж (D. LeBerge 1997, pp. 150, 172 и далее) указывает на то, насколько важным для полноценной теории

осознанного внимания должно быть понимание саморепрезентативного компонента, присутствующего в обработке внимания. Крейк и его коллеги отмечают, что эпизодическая память, конечно же, является процессом реконструкции того, что здесь было названо РМИР, поскольку одним из необходимых компонентов извлечения памяти является не просто симуляция прошлого события, а ассоциация этой симуляции с саморепрезентацией (Craik, Moroz, Moscovitch, Stuss, Winocur, Tulving, and Kapur 1999, p. 26). Это помогает наметить первых кандидатов на некоторые необходимые нейронные корреляты, например, в правой лобной доле. Формирование автобиографической памяти - это процесс кодирования, связанного с самим собой, а осознанное извлечение эпизодической памяти - процесс, обязательно включающий в себя Я-модель, поскольку реактивация ПМИР неизбежно означает реактивацию ПСМ. Наиболее примечательной, конечно, является концепция Антонио Дамасио о "сопоставлении" Я и объекта (см. Damasio and Damasio 1996a, p. 172; 1996b, p. 24 и далее) и общая схема полностью воплощенного "Я в акте познания" (Damasio 1994, 1999). В философии сознания, с другой стороны, трудно найти идею концепции Brentano ([1874] 1973) об интенциональности как о формировании содержания внутренней, прозрачной репрезентации (но см. Loar 2003).

Рассмотрев некоторые первые определяющие характеристики нашей рабочей концепции ПМИР на феноменологическом и репрезентативном уровне, позвольте мне еще раз указать на то, что, как и любая форма феноменального содержания, этот класс феноменальных состояний зависит от внутренних и актуальных функциональных свойств человеческого мозга. Ни объектный компонент, ни физическое тело, несущее человеческий мозг, в принципе не должны существовать, чтобы феноменально переживать себя как связанного с определенными внешними или виртуальными объектами. Строго говоря, любая физическая структура, функционально

изоморфная минимально достаточному нейронному корреляту общей модели реальности, структурированной ПМИР, будет реализовывать феноменологию первого лица. Мозг в чане, конечно, может - если его примерно стимулировать - активировать сознательное переживание себя как личности, обращая внимание на цвет книги в своих руках, понимая в данный момент смысловое содержание читаемых предложений или выбирая конкретное, феноменально моделируемое действие, например, поход к холодильнику. Даже проприоцептивная и кинестетическая обратная связь, которая должна быть результатом "воплощения" конкретного выбранного паттерна телесного действия, в принципе, может быть вызвана минимально достаточным нейронным коррелятом для соматосенсорного, феноменального содержания. Фактически, кандидаты на внесение элементов в нейронный коррелят ПМИР уже обсуждаются (например, поясная извилина, некоторые ядра таламуса и верхняя колликула; ср. Damasio 1999, p. 260 и далее). Что открытие коррелятов ПМИР никогда не поможет нам решить, так это вопрос о том, как мозг в чане может узнать, что он находится в этой ситуации, - или как вы можете узнать, что вы теперь не этот мозг.

Обратите внимание, что теория умалчивает о том, существует ли что-то похожее на "реальную" интенциональность. Конечно, весьма интересным представляется предположение, что философские модели интенциональности психического в конечном счете возникли из наивно-реалистической интерпретации процесса зрительного внимания, когда феноменальное "я" направляет свой взгляд на визуальный объект, тем самым делая его более рельефным, и просто возводит эту интерпретацию на уровень эпистемологии. Концепция интенциональности ментального может быть просто ошибочной попыткой теоретически смоделировать эпистемические отношения в соответствии с сознательно переживаемой моделью отношения интенциональности. Рассмотрение этого вопроса

выходит за рамки данной книги. Но позвольте мне хотя бы вкратце указать на два интересных вопроса, представляющих значительный философский интерес.

Как отмечает Герхард Рот (личное сообщение, 1998), феноменальное "я" - это виртуальный агент, воспринимающий и воздействующий на виртуальные объекты в виртуальном мире. Этот агент не знает, что у него есть зрительная кора, и не знает, что такое электромагнитное излучение: он просто видит "своими глазами", так сказать, без усилий направляя свое зрительное внимание. Конечно, феноменальная модель того, как знания попадают в систему, - это сильно упрощенная модель, своего рода сокращение, скрывающее бесчисленные сложные детали обработки информации, происходящей на нейронном уровне. Виртуальный агент не знает, что у него есть двигательная система, которая, например, нуждается во внутреннем эмуляторе для быстрых, направленных на достижение цели движений: он просто действует "своими руками". Он не знает, что такое сенсомоторная петля: он просто без усилий наслаждается тем, что исследователи в области дизайна виртуальной реальности называют "полным погружением", которое для них все еще остается далекой целью. Этот глобальный эффект достигается за счет постоянной активации динамичных и прозрачных представлений о субъектно-объектных отношениях, которые эпизодически объединяют Я-модель и те перцептивные, когнитивные или волевые объекты, которые вызывают изменения в ее содержании, рассказывая внутреннюю историю о том, как эти изменения произошли. Эта история не обязательно должна быть истинной. Она вполне может быть сильно упрощенной конфабуляцией, которая оказалась функционально адекватной. Это высокоуровневая характеристика того, что я назвал внутренней "пользовательской поверхностью", которую система создала для себя. Интересно отметить, что если феноменальная модель, например, собственных перцептивных состояний,

содержит прозрачное представление их каузальной истории (например, как видение "через" глаза), то возникают свернутые глобальные состояния, которые могут быть правдиво описаны только самой системой, например, так: "Я сам (содержание прозрачной Я-модели) сейчас вижу этот объект (содержание прозрачной объект-модели), я вижу его сейчас (перцептивное содержание интегрировано в виртуальное окно присутствия), и я вижу его своими глазами (простая история о непосредственном сенсорном восприятии, которой хватило для эволюционной цели мозга)".

Особый интерес представляет тот факт, что мозг моделирует отношения между субъектом и объектом как асимметричные. Это сознательно переживаемая "стрела интенциональности", парадигматически переживаемая в ощущении "проецирования" визуального внимания вовне, или в аттенциональном "отслеживании" объектов в окружающей среде. *Intendere arcum*, согнуть лук разума и направить стрелу знания на части мира, - интуитивно правдоподобная и популярная философская метафора, особенно в сочетании с идеей "прямой", магической интенциональности. Теперь мы можем понять, почему такая идея поражает существ вроде нас как интуитивно правдоподобная: она феноменально возможна, потому что в нашей сознательной модели реальности есть непосредственно соответствующий структурный элемент. Многие теоретические модели репрезентативных отношений имплицитно ориентированы на феноменальный опыт зрительного внимания, на направленность, присущую феноменальной модели отношения интенциональности. Зачастую теоретическая модель, которую мы конструируем о себе как о когнитивных агентах, - это модель организмов, которые *ad libitum* направляют луч своего "эпистемического фонарика" на части мира или собственной внутренней жизни, как существ, порождающих репрезентативное отношение в качестве субъектов опыта. Это может привести к заблуждению, которое Дэниел Деннетт назвал "картезианским

материализмом". Связанная с этим гипотеза заключается в том, что философское теоретизирование об отношении интенциональности в целом находится под влиянием того аспекта нашей феноменальной модели реальности, который генерируется нашей самой сильной сенсорной модальностью: Если процесс ментальной репрезентации в целом моделируется в соответствии с нашей доминирующей сенсорной модальностью (а именно, зрением), мы будем автоматически генерировать дистальные объекты, точно так же, как мы делаем это в нашей прозрачной, визуальной модели реальности. Если же объектный компонент ПМИР имеет непрозрачную природу, как в подлинно когнитивных содержаниях или в репрезентации целей, то философская интерпретация этих ментальных содержаний как нефизических, "намеренно несуществующих" объектов становится неизбежной.

Возвращаясь к проекту разработки эмпирически правдоподобной концепции, мы должны спросить: существуют ли ситуации, которые можно объяснить исключительно с помощью первой теоретической сущности, ПСМ, не привлекая вторую теоретическую сущность, ПМИР? Очевидно, что именно существование ПМИР порождает полноценное сознание, и именно эта особенность глубинной репрезентативной структуры нашей сознательной модели реальности представляется большинству из нас наиболее актуальной. Полноценный сознательный опыт - это нечто большее, чем существование сознательного "я", и это гораздо большее, чем просто наличие мира. Он является результатом динамического взаимодействия между этим "я" и миром в живом, воплощенном настоящем.

Двустороннее переднее повреждение поясной извилины и двустороннее медиально-теменное повреждение приводят к ситуации, которую можно описать, во-первых, отсутствием ПМИР, а во-вторых, сохранением целостной сознательной

модели мира, центрированной феноменальным Я. Антонио Дамасио ввел полезное концептуальное разграничение, которое является простым и понятным: Такие пациенты демонстрируют бодрствование, но не то, что он называет "основным сознанием". Ядро сознания - это минимальная форма феноменального опыта, представленная тем, что он называет "отображением второго порядка" и что является базовой феноменальной моделью отношения интенциональности с точки зрения репрезентационистского анализа, предлагаемого текущей теорией. Давайте посмотрим, как Дамасио описывает такие случаи:

Как и в случае с пациентами с двусторонним повреждением поясной извилины, пациенты с двусторонним повреждением медиальной теменной области бодрствуют в обычном смысле этого слова: их глаза могут быть открыты, а мышцы имеют соответствующий тонус; они могут сидеть или даже ходить с посторонней помощью; но они не будут смотреть на вас или на какой-либо объект с каким-либо подобием намерения [выделено мной]; их глаза могут пусто смотреть или ориентироваться на объекты без видимых мотивов. Эти пациенты не могут помочь себе сами. Они ничего не рассказывают о своей ситуации и не отвечают практически на все просьбы исследователей. Попытки вовлечь их в беседу редко бывают успешными, результаты в лучшем случае неустойчивы. Мы можем уговорить их бросить короткий взгляд на какой-либо предмет, но эта просьба не вызовет никакой другой продуктивной реакции. Эти пациенты реагируют на друзей и родственников не иначе, чем на врачей и медсестер. Представление о поведении, напоминающем зомби, вполне могло возникнуть из описания этих пациентов, но не возникло". (Damasio 1999, p. 263)

Это хорошо задокументированное состояние - акинетический мутизм, отсутствие волевых усилий после вентромедиального

повреждения или только что упомянутого двустороннего поражения передней части поясной извилины. Существует несколько различных этиологий. Это молчаливая неподвижность, единственным поведенческим проявлением которой является слежение взглядом за движениями обследуемого и, в некоторых случаях, моносиллабическая речь (три других случая, а также краткий обзор литературы см. в Ure, Faccio, Videla, Caccuri, Giudice, Ollari and Diez 1998). Феноменальное воление может отклоняться в двух направлениях. Существует гиперволевое состояние, как, например, при обсессивно-компульсивном расстройстве. Существуют также гиповолевые состояния, при которых способность генерировать опыт сознательной воли значительно снижена. Акинетический мутизм - это состояние бодрствования, сочетающееся с отсутствием речи, эмоциональной экспрессии и движений. Очевидно, что у таких пациентов существует интегрированная функциональная Я-модель, поскольку они способны кратко отслеживать объекты, натягивать покрывало или, если их заставить, произносить собственное имя (краткий пример см. в Damasio 1999, p. 101 и далее). Очевидно, что у этих пациентов сохраняется интегрированная саморепрезентация, делающая информацию о себе глобально доступной для контроля действий или управляемого внимания. Однако здесь нет волевого субъекта, который мог бы осуществлять контроль. Как показывают эти примеры, использование глобально доступной информации, связанной с системой, может быть в ограниченной степени принудительным или инициированным извне, но при этом отсутствует автономная феноменальная репрезентация Я по отношению к возможным целям действия. Интеграция субъектного компонента с тем, что ранее было описано как волевые объекты - абстрактные, аллоцентрические репрезентации целей или ментальные симуляции возможных конкретных действий в эгоцентрической системе отсчета - отсутствует. Модель реальности таких пациентов все еще функционально центрирована; они бодрствующие и воплощенные "я", но то,

чем они не обладают, - это именно феноменальная перспектива от первого лица. У них, конечно, есть феноменальный опыт, но нет сознательной репрезентации стрелы интенциональности. Их феноменальные состояния не удовлетворяют ограничению 6. Они феноменально воплощенные существа, но их сознательная реальность не является реализованной, прожитой реальностью в полном смысле этого слова. Они не направлены. То, что внешний наблюдатель воспринимает как пустой взгляд или эмоциональную нейтральность, - это полное отсутствие волевого действия или коммуникативного намерения, отсутствие глобально доступной модели субъект-объектных отношений (и, как видно из отсутствия желания говорить, субъект-субъектных отношений тоже). Функционально центрированные, но феноменологически аперспективные и самовключающие модели реальности, таким образом, являются не только концептуальными возможностями, но, в некоторых трагических случаях, реально существующими репрезентативными конфигурациями. Они очень наглядно демонстрируют, что значит утверждение, что феноменальная перспектива первого лица является решающим фактором превращения простого биологического организма в агента, в волевого субъекта.

Эпилептические автоматизмы отсутствия - еще один класс состояний, при которых возможно сложное поведение, при котором сохраняется низкоуровневое внимание и бодрствование, а весь эпизод как таковой не будет интегрирован в автобиографическую память. Кроме того, в некоторых случаях психомоторных автоматизмов можно обнаружить поразительно высокую степень интеллектуальной сложности. Короткие взрывы сложного моторного поведения, иногда следующие за припадком отсутствия в некоторых случаях эпилепсии, можно рассматривать как сложные моторные артефакты, которые, однако, не были инициированы системой, работающей в рамках модели себя как сознательного волевого субъекта.

Сложная телесная "я-модель", безусловно, должна существовать, поскольку в противном случае невозможно было бы понять общую согласованность последующего моторного поведения и успешную сенсомоторную интеграцию, достигнутую этими пациентами, хотя бы на короткий период. Низкоуровневые процессы внимания могут быть вызваны извне во время таких эпизодов, но фокальное внимание (субъект внимания, описанный в разделе 6.4.3) полностью отсутствует. Что полностью отсутствует при эпилептических автоматизмах отсутствия, так же как и при акинетическом мутизме, так это долгосрочное планирование будущего и выработка продуманных стратегий поведения. Эти наблюдения ценны, поскольку демонстрируют, для чего, вероятно, пригодна феноменальная перспектива первого лица.

6.5.1 Глобальная доступность переходных субъектно-объектных отношений

Опираясь на ряд концептуальных ограничений, введенных ранее, мы можем теперь сформулировать, в чем, с точки зрения телеофункционализма, состоит преимущество обладания феноменальной перспективой первого лица. Феноменальные ментальные модели - это инструменты, используемые для того, чтобы сделать определенное подмножество информации, активной в данный момент в системе, глобально доступным для контроля действий, фокусировки внимания и когнитивной обработки. Феноменальная модель субъектно-объектных отношений делает доступным для системы огромное количество новой информации: всю информацию, связанную с тем, что в данный момент ее возмущают перцептивные объекты, что в данный момент в ней самой происходят определенные когнитивные состояния (см. раздел 6.4.4), например, что в

данный момент активны определенные абстрактные представления целей, что существует ряд конкретных самосимуляций, связывающих текущее состояние системы с тем состоянием, которое система имела бы, если бы это состояние цели было реализовано; а также допускающих избирательное поведение и информацию о том, что это система, способная манипулировать собственным сенсорным входом, например, поворачивать голову и направлять взгляд на конкретный визуальный объект. Перспектива первого лица позволяет системе воспринимать себя как часть независимого объективного порядка, но в то же время быть привязанной к нему и способной действовать в нем как субъект (см., например, Grush 2000). В предыдущих разделах, посвященных аттенциональному, когнитивному и волевому субъекту, я описал, как эта новая доступная информация приводит к драматическим изменениям в поведении, доступном системе.

Позвольте мне теперь упомянуть об одном конкретном применении этого репрезентативного принципа, которое, хотя и выходит за рамки данной книги, является чрезвычайно актуальным. Как только система становится способной представлять преходящие субъектно-объектные отношения глобально доступным образом, становится возможным, чтобы объектный компонент в базовой репрезентативной структуре формировался намерениями других существ. Феноменальная перспектива первого лица позволяет мысленно представлять феноменальную перспективу второго лица. ПМИР - это то, что строит мост к социальному измерению. Как только полноценная субъективная перспектива установлена, за ней может последовать интерсубъективность. Если существует функциональный механизм обнаружения и феноменальной репрезентации ненаблюдаемых целевых состояний сородичей, наблюдаемое поведение других систем в окружении организма может привести к активации репрезентации цели, которая, в свою очередь, может быть

представлена как принадлежащая кому-то другому. Как мы видели, эмпирически правдоподобно, что такой механизм, возможно, основанный на зеркальных нейронах и открытии "моторных эквивалентов", действительно существует у человека. Таким образом, репрезентации намерений внешних агентов теперь могут стать объектным компонентом и феноменальной модели отношения интенциональности. Если это происходит на уровне сознательного опыта, то для системы становится глобально доступной совершенно новая и очень интересная форма информации: информация о том, что она действительно находится в определенных отношениях к целям других конспецификов. Я бы утверждал, что именно осознанная доступность такого рода информации превратила человека из действующего, внимающего и мыслящего "я" в социального субъекта. Если тот факт, что вы постоянно находитесь не только в перцептивных и поведенческих отношениях с окружающей средой, но и часто реализуете субъект-субъектные отношения, становится глобально доступным, он становится доступным и для познания. Это, в свою очередь, позволит системам, способным к формированию понятий, мысленно моделировать социальные отношения с позиции третьего лица. Такие существа смогут мысленно представлять социальные отношения между другими индивидами, изображенными как интенциональные агенты, даже если сами они в них не участвуют. Я не буду подробно останавливаться на этом вопросе, но очевидно, что эта способность к репрезентации имеет большое значение для социального познания и объединения когнитивных ресурсов.

Если перейти от репрезентационистского и телеофункционалистского уровней описания к феноменологическим изменениям, присущим возникновению полноценной феноменальной перспективы от первого лица, то легко увидеть, как она впервые позволяет системе осознанно ощущать себя не только частью мира, но и полностью погруженной в него через плотную сеть

каузальных, перцептивных, когнитивных, аттенционных и агентивных отношений. Я подробно описал эти отношения в предыдущих разделах и поэтому завершаю эту главу, выделив только две феноменологические характеристики, которые представляются наиболее значимыми.

6.5.2 Феноменальное присутствие знающего Я

Подведем понятия сознательного, аттенционального субъекта и сознательного, когнитивного субъекта под единую рубрику "знающего Я". Знающее Я возникает по необходимости, поскольку во всех различных классах феноменальных ментальных моделей отношения интенциональности большая часть субъектного компонента неизбежно представлена прозрачным образом. Интроспективно доступные свойства даже этих видов само моделирования высшего порядка исчерпываются их содержательными свойствами. Внимание и познание всегда интегрированы в прозрачный фон телесной Я-модели, порождая всепроникающую структурную особенность, описанную в разделе 6.2.6 как наивно-реалистическое Я-непонимание. Мы также должны отдать должное тому факту, что вся только что описанная структура интегрирована не только в глобальную модель мира, но и в окно присутствия, описанное в разделе 3.2.2. Теперь мы можем видеть, как при соблюдении всех упомянутых до сих пор ограничений обязательно возникнет специфическая, высокоуровневая форма феноменального содержания. Это то содержание, которое позволяет системе переживать себя как [быть знающим себя, присутствующим в мире]. Поскольку феноменальная модель теоретических субъект-объектных отношений обязательно будет характеризоваться ограничениями глобальности и присутствия, мы можем теперь увидеть, как возникнет глобальное, свернутое

репрезентативное состояние, которое, в силу лежащей в его основе прозрачности, может быть правдиво описано только самой системой (если она обладает лингвистическими способностями), например, как: \langle Я, я сам, (= содержание активной в данный момент прозрачной Я-модели) присутствую (= характер de punctis всех репрезентативных содержаний, активированных в виртуальном окне присутствия) в мире (= прозрачная, глобальная модель реальности), и я в данный момент (= характер de punctis феноменальной модели отношения интенциональности) воспринимаю, или внимаю, или думаю о (= прозрачная репрезентация типа отношения, интегрирующего субъект и объект в активной в данный момент модели отношения интенциональности) книге в моих руках (= конкретный пример одного из возможных компонентов объекта, как он представлен в феноменальной модели отношения интенциональности)

6.5.3 Феноменальное присутствие агента

Параллельный анализ возможен для феноменологических свойств волевой субъективности и агентности. Сознательное воление генерируется путем интеграции абстрактных репрезентаций целей или конкретных самосимуляций в текущую модель феноменального отношения интенциональности в качестве объектных компонентов, в процессе принятия решения или выбора. Однако давайте разграничим ряд случаев. Если мы обдумываем определенную цель действия, например, спрашиваем себя, стоит ли нам встать и подойти к холодильнику, мы переживаем себя как когнитивные субъекты. Подобные феноменально представленные субъект-объектные отношения могут быть проанализированы в соответствии с моделью, представленной в предыдущем разделе, с той лишь

разницей, что объектный компонент теперь непрозрачен. Мы знаем, что занимаем определенную позицию по отношению к самогенерируемой репрезентации цели. Совсем другая ситуация возникает, если мы интегрируем репрезентацию цели в Я-модель, тем самым делая ее частью себя, идентифицируясь с ней. Очевидно, что репрезентации целей и иерархии целей - важные компоненты Я-моделей, которые основаны не на преходящих субъект-объектных отношениях, а на длительных внутренних реорганизациях Я-модели, ее эмоциональной и мотивационной структуры и т. д., которые могут длиться всю жизнь. Волевая перспектива от первого лица - феноменальный опыт практической интенциональности - возникает при соблюдении двух условий. Во-первых, объектный компонент должен быть представлен конкретным Я-симулякром, мысленной симуляцией конкретного поведенческого паттерна, например, встать и подойти к холодильнику. Во-вторых, отношения, изображаемые на уровне сознательного опыта, - это отношения выбора в данный момент именно этого симулируемого поведенческого паттерна. Здесь снова полезно говорить о репрезентативной идентификации. Момент, следующий за волевым усилием, момент, когда происходит конкретное телесное поведение, - это момент, когда уже активная двигательная симуляция интегрируется в активную в данный момент телесную Я-модель и тем самым каузально связывается с остальными частями двигательной системы и эффекторами. Это именно тот момент, когда мы идентифицируемся с конкретным действием, превращая его из возможного в актуальный паттерн поведения, и тем самым функционально, а также феноменологически воплощаем его. Воплощение ведет к исполнению. Интересно, что момент агентирования, похоже, является моментом, когда феноменальная модель отношения интенциональности рушится. Теперь мы можем более точно описать опыт бытия волевым субъектом и опыт бытия агентом, используя уже представленные простые инструменты (см. также Metzinger 2004).

Феноменальное воление - это форма феноменального содержания, которое может быть проанализировано как репрезентативное содержание следующим образом: [Я сам (= активная в данный момент прозрачная модель Я) в данный момент (= характер de nunc общей феноменальной модели отношения интенциональности, интегрированной в виртуальное окно присутствия) присутствую в мире (= активная в данный момент прозрачная, глобальная модель реальности) и как раз собираюсь выбрать (= тип отношения, изображенный в феноменальной модели отношения интенциональности) возможный путь обхода стульев к холодильнику (= объект-компонент, представленный непрозрачной симуляцией возможного моторного паттерна в эгоцентрической системе отсчета)]. Переживание агентности следует в тот момент, когда внутренняя "дистанция", созданная между феноменальной саморепрезентацией и феноменальной самосимуляцией в ранее упомянутой структуре, сокращается до нуля: Я реализую возможную самость, воплощая ее в жизнь. Когда я ощущаю себя идущим вокруг стульев и к холодильнику, проприоцептивная и кинестетическая обратная связь позволяет мне почувствовать, в какой степени я уже отождествился с последовательностью телесных движений, выбранных мною в предыдущий момент. Помните, что прозрачные репрезентации - это именно те репрезентации, в существовании содержания которых мы не можем сомневаться. Это те, которые мы переживаем как реальные, тогда как непрозрачные репрезентации - это те, которые мы переживаем как мысли, как воображение или как галлюцинации. Реализация симулятивного "я" означает разработку стратегии превращения его в содержание прозрачной модели "я", "я", которое действительно существует на уровне феноменального опыта. Таким образом, непрерывная агентность, сознательный опыт устойчивого исполнительного контроля, может быть репрезентативно проанализирована в соответствии со следующей схемой: [я сам (содержание прозрачной Я-модели) в данный момент (=

характер de nunc феноменальной модели отношений интенциональности, интегрированной в виртуальное окно присутствия) присутствую в мире (= прозрачная, глобальная модель реальности) и в данный момент переживаю себя как выполняющего (= постоянно интегрирующего в прозрачную Я-модель) действие, которое я ранее представил и выбрал (непрозрачная Я-симуляция, образующая объектный компонент, который теперь шаг за шагом ассимилируется в субъектный компонент)]. Конечно, существуют всевозможные функциональные и репрезентативные осложнения, например, если проприоцептивная и кинестетическая обратная связь, интегрированная во внутренний эмулятор тела, не соответствует перспективной модели, все еще хранящейся в рабочей памяти. В любом случае, интересно посмотреть, как агентство, понимаемое как исполнительное сознание (Vollzugsbewusstsein в смысле Карла Ясперса), может быть проанализировано как продолжающаяся репрезентативная динамика, сворачивающая феноменальную модель отношений практической интенциональности в новую прозрачную Я-модель. Опять же, поскольку вся структура встроена в то, что в разделе 3.2.2 было описано как виртуальное окно присутствия, прозрачное, непередаваемое эмпирическое состояние для самой системы - это состояние полноценного волевого субъекта, который в данный момент присутствует в мире и действует в нем.

В заключение этого раздела рассмотрим интересный особый случай, а именно возможность субличности целеустремленности. Он может послужить введением к примерам из главы 7, а также - с другой стороны - наглядно проиллюстрировать, как феноменальная Я-модель является решающим инструментом для преобразования субличных свойств системы сознания в свойства личностного уровня. Широко распространенное философское предположение состоит в том, что приписывание целей и репрезентаций целей является

отличительной чертой анализа на уровне личности, поскольку наличие целей и действий, направляемых эксплицитными репрезентациями целей, очевидно, является характеристикой, присущей только уровню целой системы. Цели есть у человека, но не у мозга, Я-модели или других функциональных модулей организма в целом. К сожалению, философская интуиция, лежащая в основе этого предположения, оказывается ложной на эмпирических основаниях: У человека явное целеустремленное поведение может возникать на модульном уровне, причем без формирования соответствующего ПМИР. Одним из особенно ярких примеров является синдром чужой или анархической руки.

Синдром чужой руки (впервые описан Гольдштейном в 1908 году; Свитом в 1941 году; термин введен Брионом и Джединаком в 1972 году; Гольдбергом, Майером и Тоглией в 1981 году; важное новое концептуальное разграничение см. в Marchetti and Della Sala 1998) характеризуется глобальным переживанием, при котором пациент обычно хорошо осознает сложные, наблюдаемые движения, выполняемые недоминантной рукой, но в то же время не испытывает соответствующих волевых актов. Субъективно (а также функционально) рука находится "вне контроля", с ощущением межчеловеческого конфликта. Например, пациентка может взять карандаш и начать писать правой рукой, но с ужасом отреагировать, когда на этот факт обратят ее внимание. Тогда она немедленно убирает карандаш, отводит правую руку в сторону левой и показывает, что не она сама инициировала первоначальное действие (Goldberg et al. 1981, p. 684). В другом случае левая рука пациентки нащупывает и хватает близлежащие предметы, выбирает и тянет за одежду и даже хватается за горло во время сна до такой степени, что она, не отрицая телесной принадлежности, называет свою конечность автономным объектом (случай 1 в Banks, Short, Martinez, Latchaw, Ratcliff, and Boller 1989, p. 456). Здесь не только нет явной

репрезентации цели, связанной с сознательной Я-моделью, и нет феноменального чувства волевого владения, но мы даже находим атрибуцию квазиличности в терминах агентности и автономии пациентки одной из частей ее тела. Подобные конфликты между частью и целым могут распространяться и на уровень сознательной когнитивной деятельности, например, когда при игре в шашки левая рука пациента (т.е. часть тела, функционально не присвоенная в рамках волевой ПМИР) делает ход, который он не хотел делать, после чего он (т.е. Система в целом, работающая в рамках ПСМ) исправляет ход правой рукой, после чего функциональный модуль реагирует на фрустрацию пациента, повторяя ложный ход (случай 2 в Banks et al. 1989, p. 457).

Центральным моментом является то, что многие такие движения руки явно выглядят как действия, направленные на достижение цели, хотя ни на феноменальном уровне в целом, ни на уровне сознательной саморепрезентации такая репрезентация цели отсутствует. Репрезентации цели, лежащие в их основе, не являются феноменально собственными и, следовательно, не могут быть функционально присвоены. Поэтому они также могут быть открыты для каузальных влияний со стороны окружающей среды. Гешвинд и его коллеги описали случай 68-летней женщины, страдавшей от вызванного инсультом преходящего синдрома чужой руки, причем поражение ограничивалось средней и задней частями тела мозолистого тела:

На 11-й послеоперационный день медперсонал отметил у пациентки левостороннюю слабость и трудности при ходьбе. По словам ее семьи, в течение предыдущих 3 дней она жаловалась на потерю контроля над левой рукой, как будто рука работала сама по себе. Несколько раз она просыпалась от того, что левая рука душила ее, а когда она не спала, левая рука расстегивала пуговицы на платье, разбивала чашки на

подносе и дралась с правой рукой, когда отвечала на телефонные звонки. Чтобы не дать левой руке наделать бед, она усмиряла ее правой рукой. Она описывала эту неприятную ситуацию так, будто кто-то "с Луны" управляет ее рукой. (Geschwind, Iacoboni, Mega, Zaidel, Clughesy, and Zaidel, 1995, p. 803)

В данном случае функциональным коррелятом репрезентативного сдвига, вероятно, было межполушарное моторное разобщение, в то время как нейронным коррелятом этого функционального дефицита было довольно ограниченное поражение средней части мозолистого тела. В целом, необходимый или достаточный набор повреждений, определяющих этот синдром, в настоящее время неясен. На репрезентативном уровне мы видим, что триггерные события, приводящие к определенному подмножеству противоречивых, но впечатляюще сложных и очень очевидно целеустремленных паттернов моторного поведения, которые больше не могут быть изображены как мои собственные волевые акты. Другими словами, информация об этих событиях, происходящих внутри системы, не может быть интегрирована в феноменальную Я-модель или присвоена в рамках ПМИР. Это понимание, однако, приводит нас к важному выводу о том, какова на самом деле функция сознательной, волевой перспективы первого лица. С точки зрения теории контроля (см. Frith, Blakemore, and Wolpert 2000, p. 1777 f.) пациент, страдающий от чужого знака руки, сталкивается с проблемой, что его механизм спецификации движений управляется визуально воспринимаемыми объектами в ближайшем окружении, аффордансами, принимающими каузальную роль эксплицитных репрезентаций цели. При нарушенном механизме выбора эти аффордансы теперь могут каузально "взять на себя" часть его тела. Таким образом, то, что я назвал РМИР, является феноменальным отражением успешного процесса отбора, действующего на множестве возможных вариантов поведения или состояний цели. Точнее, это финальная

стадия этого процесса, ставшая глобально доступной для системы в целом. Интересно отметить интуитивное правдоподобие вырисовывающейся картины: Чем сильнее и стабильнее ваша сознательная перспектива от первого лица, тем меньше степень, в которой вы можете быть действительно движимы возможностями вашего непосредственного окружения.

Важно отметить, что в любом точном описании феноменологии будут задействованы по крайней мере два различных вида владения: владение результирующими движениями тела и владение соответствующим волевым актом, например, сознательным представлением процесса выбора, предшествующего фактическому поведению. Феноменальная собственность на телесные движения достигается ПСМ. Сознательная репрезентация волевого акта заключается в построении ПМИР, то есть репрезентации системы в целом, направленной сейчас на определенное, выбранное состояние цели. Я-модельная теория субъективности предсказывает, что одно может существовать без другого. Можно потерять право собственности на часть тела, которая иногда даже совершает движения, как при гемисоматагнозии. Это означало бы, что часть тела больше не представлена в PSM. Но можно также владеть этой частью тела, иметь неповрежденную телесную Я-модель, но быть неспособным построить ПМИР, соответствующий ее движениям. У человека не будет волевой Я-модели. Вторая возможность состоит в том, что телесное поведение феноменально принадлежит, но не может принадлежать как собственное действие. Я полагаю, что первая репрезентативная возможность может соответствовать тому, что, начиная с Бриона и Джединака (1972), называется "синдромом чужой руки"; вторая возможность может быть тем, что Делла Сала, Маркетти и Спиннлер (1991, 1994) называют "анархическим знаком руки". Анархический знак руки определяется возникновением целенаправленных и сложных движений верхней конечности, которые

переживаются как ненамеренные, хотя часть тела феноменально принадлежит. Переживание события как ненамеренного синонимично отсутствию феноменальной модели отношения интенциональности для этого события.

У пациента, страдающего от анархического знака руки, не существует глобально доступной информации о процессе выбора цели ни как свойства мира, ни как свойства самой системы. Поэтому эти события, порождающие действия, с точки зрения пациента, больше не являются частью его феноменальной биографии. Только сами визуально и проприоцептивно представленные анархические движения руки наделены феноменальной субъективностью в смысле собственности. Они, однако, не субъективны в смысле феноменальной агентивности, поскольку волевая ПМИР не может быть сконструирована. Опять же, не хватает определенной интегративной способности: способности интегрировать репрезентацию каузальной истории определенных моторных команд в феноменальную Я-модель.

6.6 Самодельная теория субъективности

В конце главы 3 мы использовали ограничения 2 (презентационность), 3 (глобальность) и 6 (прозрачность), чтобы сформулировать минимальную концепцию сознательного опыта. Это была концепция сознательного опыта как активации прозрачной, глобальной модели реальности в пределах окна присутствия. Возможно, эта концепция может быть обогащена дальнейшими эмпирическими ограничениями для описания определенных классов феноменальных состояний, таких как мистические переживания, полная деперсонализация, стойкое вегетативное состояние и другие потенциальные формы неперспективного сознания. Однако то, что эта концепция не позволяет нам сделать, - это описать субъективный опыт.

Субъективность в теоретически интересном смысле привязки к индивидуальной, сознательно переживаемой перспективе от первого лица - это то, что можно концептуально проанализировать и превратить в эмпирически достижимую характеристику сознания, только введя две новые теоретические сущности, которые я представил в этой главе, а именно прозрачную PSM и прозрачную PMIR. Теперь мы можем увидеть, как полноценное субъективное сознание развивается через три основных уровня: создание модели мира, создание модели себя и переходная интеграция определенных аспектов модели мира с моделью себя. Далее следует минимальная рабочая концепция субъективного опыта: Феноменально субъективный опыт состоит в прозрачном моделировании отношения интенциональности в рамках глобальной, когерентной модели мира, встроенной в виртуальное окно присутствия. Назовем это "самомодельной теорией субъективности" (SMT; см. также Metzinger 1993). Теперь мы проверим SMT и нашу новую рабочую концепцию сознательной субъективности на некоторых реальных данных, используя ее для анализа девиантных феноменальных моделей самости. В главе 7 мы рассмотрим второй набор нейрофеноменологических примеров.

Глава 7. Нейрофеноменологические случаи

II

7.1 Невозможные эгоисты

Существует множество состояний феноменального самосознания, которые здоровые люди - и на то есть веские причины - никогда не испытывают, потому что здоровые люди конституционально не способны проводить

соответствующие самосимуляции. Соответствующие области феноменального пространства состояний являются, так сказать, запретной территорией для таких существ, как мы. Поэтому нам трудно даже представить, как на самом деле выглядит внутренний ландшафт этих областей, определенных психологической эволюцией как "запретные". В этой второй серии примеров мое исследование посвящено вопросу о том, обладают ли концептуальные инструменты, которые сейчас полностью разработаны и находятся в наших руках, необходимой силой и точностью, чтобы описать большее разнообразие нестандартных случаев осознанного самоощущения. С методологической и аргументационной точки зрения, они функционируют как проверка только что сформулированной теории. Если эта теория сможет успешно справиться с патологическими случаями, подвергнув их функционалистско-репрезентационистскому анализу, то это будет большим преимуществом. Опять же, такие исследования случаев имеют особое значение для философии разума, поскольку они указывают на недостатки существующих теорий и не позволяют интерпретировать провалы воображения как прозрения в концептуальные необходимости. Многие классические теории разума, от Декарта до Канта, придется считать опровергнутыми даже после рассмотрения самого первого примера. Причина такого прискорбного положения дел заключается в том, что все теории оперируют предположением об "эпистемической прозрачности" самосознания: они предполагают, что внутри самого себя свет знания сияет насквозь, делая тем самым незаметные ошибки относительно содержания собственного разума логически невозможными.

7.2 Девиантные феноменальные модели самости

7.2.1 Анозогнозия

Анозогнозия заключается в потере понимания существующего дефицита более высокого порядка. Поскольку этот дефицит всегда является дефицитом самого человека, анозогнозия эквивалентна отсутствию информации на уровне самопрезентации, как правило, в терминах аттенциональной или когнитивной доступности. Парадигматическим случаем является отрицание слепоты (синдром Антона). Пациенты, страдающие корковой слепотой после двустороннего повреждения затылочных долей, не способны феноменально обрабатывать визуальную информацию и ведут себя так же, как люди, страдающие периферической слепотой (Anton 1898, 1899; Benson and Greenberg 1969). Они натываются на мебель и демонстрируют все функциональные признаки слепоты. Однако некоторые из этих пациентов отрицают свою слепоту и пытаются вести себя так, как будто у них есть зрение. Они конфабулируют зрительный опыт, делая вид, будто субъективное исчезновение зрительного мира не является чем-то, что они осознают в данный момент, и в то же время рассказывая истории о несуществующих феноменальных мирах, в которые они, похоже, верят, и отрицая любой функциональный дефицит в отношении своих зрительных способностей.

Многие пациенты с синдромом Антона имеют сопутствующие поражения теменной доли и сенсорное игнорирование. На феноменологическом уровне отрицание слепоты может быть проанализировано как дефицит второго порядка: тот факт, что нечто больше не переживается феноменально, сам по себе недоступен с точки зрения первого лица. В рамках данной теоретической модели возможны два варианта интерпретации. Либо объектный компонент когнитивной феноменальной модели отношения интенциональности (PMIR) второго порядка (в данном случае прозрачная модель себя как человека, который больше не видит) просто отсутствует. Информация о дефиците просто не существует. Это может произойти, если

постлечебный мозг не в состоянии обновить свою феноменальную самомодель (PSM). Однако существует и вторая возможность. В мозгу пациента может существовать обновленная Я-модель, но эта новая модель может быть функционально недоступна для внимания в глобальном масштабе. Тогда информация, связанная с дефицитом, будет активна в системе в целом, но она никогда не сможет стать субъективной информацией, поскольку по функциональным причинам не может быть представлена в рамках ПМИР. В контексте нынешней теории интересно отметить, как сам Антон пытался разработать терминологию для открытого им синдрома. В лекции, прочитанной им в Обществе врачей в Штирии (Австрия) 20 декабря 1879 года, он назвал своих пациентов *seelenblind für ihre Blindheit*, "душевно слепыми из-за их собственной слепоты" (перепечатано в Anton 1898, p. 227). Если заменить понятие "душа" (Seele) понятием ПСМ, понятие "душевная слепота" (Seelenblindheit) - неспособностью внутренне представить что-то в рамках ПСМ, а "слепоту" принять за это что-то, а именно за резкое изменение функциональных свойств, сопровождающее мозговую слепоту, то получится очень похожая гипотеза: Синдром Антона - это неспособность использовать ПСМ для того, чтобы сделать определенную функциональную потерю глобально доступной для сознательного опыта. Антон также исследовал ряд случаев отрицания глухоты и описал этих пациентов как "глухих душой к своей собственной глухоте" (*seelentaub für ihre Taubheit*; ср. Anton 1899, p. 119). Например, он описывает 69-летнюю женщину, которая была полностью глуха к типичным стимулам, таким как хлопки, свист и крики:

В разговорах она также никогда не осознавала, что не слышит и не понимает задаваемых ей вопросов; ее ответы были лишь продолжением текущей последовательности мыслей. Неоднократно ее письменно спрашивали, слышит ли она что-нибудь, и она бесхитростно и равнодушно заверяла, что слышит хорошо. Однажды для нее был записан

следующий вопрос: "Миссис Хохризер, вы хорошо слышите?". Пациентка прочитала его вслух, постоянно повторяя свое имя, говоря: "Да. Меня так называют, это мое имя", и никак не могла заставить себя ответить на вопрос. (Anton 1899, p. 107; перевод с английского Т.М.)

Антон также указал на то, что отрицание глухоты является результатом не только внимательного, но и когнитивного отсутствия. Он писал, что особенно трудно понять безразличие пациента, его неспособность сделать выводы или последствия из своего дефицита. Он писал: "Таким образом, все соответствующие мыслительные образования также были устранены, как если бы все акустическое было удалено из ее души. После этого дефицита перестал существовать не только исходный материал акустических ощущений, но и мысленные образы [Vorstellungen] и комбинации в душе [seelische Combinationen], которые с ним связаны" (Anton 1899, p. 229; перевод с английского Т.М.).

Интересно, что существует и зеркальное отражение отрицания корковой слепоты - "обратный синдром Антона" (Walsh and Hoyt 1969; недавнее исследование этого случая см. в Hartmann and Wolz 1991). Такие пациенты показывают, что сознательная идентификация восприятия может быть необязательной для активации связанных с ним семантических знаний. Если им показать движущийся объект, например движущуюся ткань, в зоне нечувствительного зрения, они решительно отрицают зрительное восприятие, но при этом правильно описывают целевое событие. Они не обладают сознательной само моделью себя как видящих людей, а дают аутофеноменологические отчеты следующего типа: "Я чувствую это", "Я чувствую, что там что-то есть", "Это щелкает" или "Я чувствую это в своем сознании" (Hartmann and Wolz 1991, p. 33). Авторы предположили, что в этой конфигурации когнитивная доступность достигается без

аттенциональной доступности, то есть "семантический активатор обходит аттенциональные системы и обрабатывается на семантическом уровне" (там же, р. 38). Хотя такие пациенты способны правильно называть предметы, цвета, известные лица, читать отдельные слова и распознавать выраженные лицом эмоции, они не строят РМIR для соответствующей части визуальной области: Они действительно испытывают сдвиги в своей Я-модели, но причинно-следственная связь между перцептивным объектом и этим сдвигом не может быть эксплицитно представлена как визуальная.

Синдром Антона - это одна из форм анозогнозии. Это понятие было впервые введено для обозначения потери осознания или узнавания, иногда связанной с гемиплегией (Babinski 1914). Существует более слабая форма этого типа расстройства, иногда описываемая как анозодиафория (Critchley 1953; краткое исследование случая, колеблющегося между анозогнозией и анозодиафорией при синдроме Антона, см. в T. Feinberg 2001, p. 28 f.). Пациенты, страдающие анозодиафорией, демонстрируют частичную форму инсайта, словесно признавая, что у них есть определенная инвалидность или дефицит, но на эмоциональном и мотивационном уровне оставаясь совершенно безразличными к своей текущей ситуации. Еще одна причина, по которой обширный и хорошо задокументированный класс ограниченного самосознания, представленный отрицанием слепоты при синдроме Антона, является теоретически значимым, заключается в фальсификации предположения, на котором основывались многие классические теории субъективности. Я называю это предположение "эпистемической прозрачностью" (не путать с понятием феноменальной прозрачности, рассмотренным ранее). Декарт является парадигматическим примером философа, сделавшего это предположение, следуя интуиции, что я не могу ошибаться относительно содержания моего собственного сознания. Как ясно показывает эмпирический

материал, незаметные и в принципе неощутимые формы самоискажения действительно существуют, поскольку значительные части нашей субсимволической Я-модели когнитивно непроницаемы. Рассмотрим первый пример:

"Миссис М., когда вы поступили в больницу?"

"Меня положили в больницу 16 апреля, потому что моя дочь почувствовала, что со мной что-то не так".

"Какой сегодня день и время?"

"Сейчас где-то поздно вечером во вторник". (Это был точный ответ).

"Миссис М., вы можете пользоваться руками?"

"Да".

"Вы можете использовать обе руки?"

"Да, конечно".

"Вы можете пользоваться правой рукой?"

"Да".

"Вы умеете пользоваться левой рукой?"

"Да".

"Одинаково ли сильны обе руки?"

"Да, они одинаково сильны".

"Миссис М., укажите на моего ученика правой рукой".
(Пациент указывает.)

"Миссис М., укажите левой рукой на моего ученика".
(Пациентка молчит.)

"Миссис М., почему вы не показываете?"

"Потому что я не хотел..."

Этот пример взят из исследования, проведенного Вилаянуром Рамачандраном (Ramachandran 1995, p. 24). Его пациенткой была 76-летняя женщина с недавно перенесенным инсультом, в результате которого была полностью парализована левая сторона ее тела. Как типично для такого рода анозогнозических пациентов, она упорно отрицала свой паралич и была полностью уверена в том, что находится в здоровом состоянии. В стандартных условиях не может быть никаких сомнений в искренности таких пациентов и правдивости их аутофеноменологических отчетов.

Первый вывод, который следует сделать, заключается в том, что в настоящее время активна прозрачная Я-модель пациента как непарализованного человека. Содержание этой Я-модели когнитивно доступно и может быть использовано для управления речью. Очевидно, что информация об отсутствии проприоцептивной и кинестетической обратной связи после подачи двигательной команды на левую руку должна быть активна где-то в нервной системе этого пациента. Однако из-за дефицита эта информация не является глобально доступной. Она не может быть интегрирована в активную в данный момент сознательную модель себя. Обратите внимание, что анозогнозия может быть очень тонким и специфичным для конкретной области феноменом (Stuss 1991). Например, анозогнозия может

относиться к кортикальной слепоте пациента, но не к его гемиплегии (Mohr 1997, p. 128). Как правило, это явление не является постоянным, а ограничивается ранней стадией заболевания. Однако оно может внезапно исчезнуть и после длительного периода. Рейни и Нильсен (Raney and Nielsen, 1942, p. 151; цит. по Davies and Humphreys 1993, p. 69) описали женщину, которая после года явного отсутствия осознания своего дефицита воскликнула: "Боже мой, я ослепла! Подумать только, я потеряла зрение!".

Психоаналитические интерпретации в терминах подавления неприятной информации - среди прочих причин - не выдерживают критики, поскольку анозогнозия - это асимметричное расстройство, возникающее только при повреждении правого полушария. Первое эмпирическое ограничение для любой рациональной психологической или философской теории о феномене анозогнозии заключается в том, что пациенты, у которых парализована правая сторона тела, часто сохраняют полное понимание своего состояния. Еще одной поразительной особенностью анозогнозии является то, как пациенты автоматически начинают путаться в показаниях, как будто система постоянно пытается максимизировать общую согласованность своей глобальной модели реальности, жертвуя ее верифицируемостью.¹ При конфабуляции "критерии хорошего соответствия не действуют" (Picton and Stuss 1994, p. 261), но только локально. С другой стороны, отчеты пациентов, безусловно, могут считаться правдивыми. То, что они сообщают, - это содержание их текущей, прозрачной модели реальности. Нелингвистическое существо, конечно, тоже может страдать от анозогнозии, хотя оно не сможет произнести вербальный отчет, правдивый или нет. У такого животного конфабуляторная активность может отражаться только на уровне его поведенческого профиля, что делает его похожим на существо, постоянно пытающееся разыграть странный сон. (На самом деле сновидцев можно рассматривать как анозогнозиков. Они, например, не знают о серьезных

нарушениях памяти и дефиците внимания). Интересно отметить, что традиционная философская стратегия простого истолкования таких состояний как патологии веры (прекрасное недавнее обсуждение см. в Coltheart and Davies 2000), таким образом, не может быть справедливой по отношению к репрезентативной глубинной структуре целевого феномена. Анозогнозия проявляется у существ, неспособных даже сформировать то, что сегодня мы называем "убеждениями". Это дефицит не столько в высокоуровневой когнитивной обработке, сколько в первую очередь в субличностных механизмах прозрачного само моделирования.

Посмотрите на следующий пример того, как пациентка впоследствии углубляется в более полное бредовое состояние, утверждая, что рука вообще не принадлежит ей. Становится все труднее и труднее предотвратить проникновение в сознательную саморепрезентацию информации о ее истинном телесном состоянии, полученной извне:

"Доктор, чья это рука [указывает на ее собственную левую руку]?"

"Как вы думаете, чья это рука?"

"Ну, это точно не твое!"

"Тогда чья она?"

"Это тоже не мое".

"Как вы думаете, чья это рука?"

"Это рука моего сына, доктор". (Ramachandran 1995, p. 24)

Конечно, предпринимались попытки прорваться сквозь завесу заблуждений относительно текущей физической ситуации пациента. С функциональной точки зрения, такие попытки должны были бы обеспечить обновление ПСМ, интегрируя в него уже существующую информацию, связанную с системой, тем самым делая ее глобально доступной для самонаправленного познания и вербального отчета. Эдоардо Бисиах и его коллеги (Bisiach, Rusconi, and Vallar 1992) обнаружили, что после стимуляции вестибулярной системы пациентов с анозогнозией путем вливания ледяной воды в их левое ухо, они могли заставить симптомы исчезнуть на ограниченный период времени. Эти эксперименты, которые уже неоднократно повторялись, особенно интересны. Причина в том, что они позволяют исследователям наблюдать, как при задернутом занавесе прозрение в отношении дефицита и даже правильная автобиографическая память становятся глобально доступными, и как прозрение после короткого периода времени снова исчезает, когда восстанавливается старая прозрачная модель себя. Рамачандран воспроизвел и подтвердил наблюдение Бисиаха и коллег о ремиссии анозогнозии и бреда после калорийной стимуляции и, задавая вопросы о содержании автобиографической Я-модели пациента, продемонстрировал, как продолжающийся процесс отрицания фактически не препятствует консолидации памяти, то есть непрерывному построению бессознательной, верифицированной автобиографической Я-модели (см. также Ramachandran 1994). Он провел эксперименты на той же пациентке, Б.М., 76-летней женщине, введя 10 мл ледяной воды в ее левое ухо.

Е: "Ты чувствуешь себя хорошо?"

П: "Мое ухо очень холодное, но в остальном я в порядке".

Е: "Ты умеешь пользоваться руками?"

П: "Я могу использовать правую руку, но не левую. Я хочу пошевелить ею, но она не двигается".

Е: (Держа руку перед пациентом) "Чья это рука?"

П: "Это моя рука, конечно же".

Е: "Вы можете использовать его?"

П: "Нет, она парализована".

Е: "Миссис М., как давно у вас парализована рука? Это началось сейчас или раньше?"

П: "Она парализована уже несколько дней".

После того как эффект калорийности полностью исчез, я подождал 1/2 часа и спросил:

Е: "Миссис М, вы можете использовать свою руку?"

П: "Нет, моя левая рука не работает".

Наконец, тот же набор вопросов был повторен пациенту через 8 часов, в мое отсутствие, одним из моих коллег.

Е: "Миссис М, вы можете ходить?"

П: "Да".

Е: "Ты можешь использовать обе руки?"

П: "Да".

Е: "Ты можешь пользоваться левой рукой?"

П: "Да".

Е: "Сегодня утром два врача что-то с тобой делали. Вы помните?"

П: "Да. Мне влили в ухо воду, она была очень холодной".

Е: "Помнишь, они задали несколько вопросов о твоих руках, и ты дал им ответ? Ты помнишь, что ты сказал?"

П: "Нет, что я сказал?"

Е: "Как вы думаете, что вы сказали? Попробуй вспомнить".

П: "Я сказал, что мои руки в порядке". (Ramachandran 1995, p. 34)

Этот сдвиг в содержании саморепрезентации демонстрирует ряд интересных аспектов. Во-первых, он демонстрирует, как консолидированная, существующая автобиографическая информация, хранящаяся в центральной нервной системе, не может стать глобально доступной путем ее интеграции в ПСМ по прошествии определенного времени, и как немедленно происходит процесс построения автобиографической самосимуляции, чтобы сохранить общую целостность активной в данный момент модели. Более того, этот первый пример должен сделать более яркими некоторые положения, которые я выдвинул в разделах 3.2.7 и 6.2.6, когда писал, что прозрачность - это особая форма темноты. Темнота - это недостаток информации, а феноменальная прозрачность особенна тем, что этот недостаток не представлен эксплицитно; аттенциональная недоступность более ранних стадий обработки (см. раздел 3.2.7) - это то, что мы не можем

субъективно ощутить сами. Феноменальная часть ментальной Я-модели прозрачна, потому что значительные части ее каузальной истории интроспективно недоступны. Это очень ограниченный инструмент для самопознания, особенно если оторвать его от биологического контекста, в котором он развивался.

Этот первый случай также иллюстрирует истинный смысл понятия "автоэпистемическое закрытие". Сразу после стимуляции левого уха пациентка правдиво сообщила о содержании своего ПСМ, не имея доступа к глубинным каузальным механизмам, которые привели к его активации, например, к текущей ремиссии ее состояния. Позже, отрицая свое прежнее признание паралича, она делала то же самое: правдиво сообщала текущее содержание своей Я-модели, будучи аутоэпистемически закрытой от причинных механизмов в своей собственной центральной нервной системе, которые привели к активации этой модели. В философских терминах, все убеждения *de se* обязательно являются убеждениями о когнитивно доступном содержании сознательной Я-модели, а автоэпистемическая закрытость позволяет существам вроде нас упорно принимать ложные убеждения *de se*. Это то, чего не мог представить себе Декарт и многие последующие философы, придерживавшиеся традиции априорного теоретизирования о человеческом разуме. И это также причина, по которой в разделе 3.2.7 необходимо было провести различие между эпистемической, референтной и феноменальной прозрачностью.

Феноменальная прозрачность человеческой Я-модели не только не позволяет делать выводы об эпистемической прозрачности того вида неконцептуального самопознания, который она опосредует. В нашей сознательной жизни может быть даже много ситуаций, в которых именно феноменальная прозрачность препятствует эпистемической прозрачности, в которых сознательное "я" может считаться формой темноты.

Нейронные корреляты анозогнозии хорошо известны; они включают кору в инсулярной области, цитоархитектонические области 3, 1, 2, в теменной области и в области, называемой ST (Damasio 1999, p. 211). Недавняя гипотеза (Heilman, Barrett, and Adair 1998, p. 1907) предполагает, что только что рассмотренный тип анозогнозии может заключаться в "дефиците намеренной двигательной активации", который не устанавливает гипотетическую систему монитор-сравнитель, что приводит к отсутствию ожидания движения, делая невозможным для пациента обнаружить несоответствие между ожиданием движения и фактическим сознательным восприятием телесного движения. Таким образом, эти пациенты страдают от неспособности генерировать определенную двигательную самосимуляцию для левой стороны тела. Поскольку не генерируется никакая перспективная модель, отсутствие проприоцептивной и кинестетической обратной связи от парализованной левой руки не может быть обнаружено и интегрировано в сознательную самомодель. На данном этапе я воздерживаюсь от более подробных эмпирических спекуляций. Однако позвольте мне указать на то, как прозрачная Я-модель может сделать систему неспособной обнаружить отсутствие некоторых собственных функциональных свойств, например, способности к формированию определенного типа намерений. Как мы уже отмечали ранее, всегда важно помнить о принципе Brentano-Деннета, согласно которому отсутствие репрезентации не тождественно отсутствию репрезентации. Существуют имплицитные и эксплицитные виды эпистемической темноты, а также феноменальной слепоты. Действительно, в описываемом случае может быть что-то вроде неявной слепоты намерения - дефицит, напоминающий локализованную и самонаправленную форму аутизма.

Очевидно, что самомодельная теория субъективности (СМТ) может помочь нам понять репрезентативную и функциональную архитектуру, лежащую в основе таких

дефицитов, как анозогнозия, а также дать нам указания на феноменальное содержание, активное в этих ситуациях. Позвольте мне закончить этот первый раздел замечанием исключительно философского характера. Содержание наших сознательных Я-моделей, с эволюционной точки зрения, было функционально адекватным. С эпистемологической точки зрения или при определенных нормативных идеалах, таких как, например, (если взять философскую классику), максимизация самопознания, это содержание может быть эпистемически неоправданным или откровенно ложным. Иными словами, существуют определенные мыслимые интерпретации человеческого состояния, при которых все мы анозогнозичны. Увлекательно отметить, как любой репрезентативный анализ конкретной, отклоняющейся от нормы нейрофеноменологической конфигурации всегда может быть превращен в эпистемологическую метафору.

Такие метафоры могут оказаться весьма плодотворными. Если, например, мы придем к выводу, что способ, которым мы даны самим себе на уровне сознательного опыта, должен быть интерпретирован как дефицит или даже "болезнь" с небιологической точки зрения, то мы можем внезапно оказаться существами, неспособными обнаружить свои собственные психические нарушения. Анозогнозия демонстрирует, чем на самом деле являются прозрачность и автоэпистемическая закрытость. Интересно отметить, однако, что в значительной степени мы все живем в условиях этих двух ограничений, даже в непатологических ситуациях. Мы можем быть не в состоянии воплотить определенные намерения, которые мы уже сформировали, и не в состоянии сознательно ощутить это отсутствие. Мы можем быть подвержены резким и частым перестройкам автобиографической памяти, и нам будет трудно обнаружить этот факт - из-за прозрачности наших сознательных Я-моделей. Подобно анозогнозическим пациентам, мы можем иметь устойчивые ложные убеждения *de se*, никогда не будучи в состоянии осознанно пережить этот факт, поскольку

они укоренены в глубинной структуре нашей некогнитивной модели реальности. По этой причине подходы к структуре самосознания от третьего лица ценны и важны для всех, кто всерьез стремится к классическому философскому идеалу самопознания. По этой причине теоретические интуиции о том, что возможно и что невозможно, полученные исключительно из интроспективного⁴ доступа к нашей прозрачной модели себя или из преднамеренного создания феноменальных симуляций себя, не имеют большого значения для тех, кто хочет работать в рамках строгой, рациональной методологии.

7.2.2 Ich-Störungen: Расстройства идентичности и дезинтегрирующие модели себя

В этом разделе я хочу указать на большой класс нарушений, которые из-за девиантных форм само моделирования приводят к драматическим изменениям в феноменальном опыте идентичности пациентов. Идентичность - это не вещь или свойство, а отношение. Идентичность - это самое тонкое из всех отношений, отношение, в котором все относится к самому себе. ПСМ представляет собой еще один вид стояния в отношении к самому себе, иногда представляя идентичность для организма. Но что именно репрезентируется? Обладание глобально доступной саморепрезентацией позволяет информационно-процессорной системе стоять в новых видах отношений к себе (при доступе к различным видам информации, связанной с системой, как к информации, связанной с системой), и если определенная часть этой информации в высшей степени инвариантна, то может возникнуть феноменальный опыт транстемпоральной идентичности. С философской точки зрения, неразличимость, конечно, не эквивалентна идентичности. Идентичность - это транзитивное отношение,

а неизбираемость - нет. Неразборчивость может просто вызывать определенные функциональные инварианты. Однако прозрачная репрезентация функциональной инвариантности может привести к феноменологии идентичности во времени, трансемпоральной одинаковости. Вторым семантическим элементом народно-психиатрического понятия "наличие" идентичности, которая может быть "нарушена", является когерентность: степень функциональной и репрезентативной связи между различными элементами феноменальной самости. Быть сознательной личностью предполагает минимальную степень не только когнитивной и поведенческой, но и самоэкспериментальной согласованности. Третий, более общий, аспект относится к свойству феноменальной самости - быть кем-то. Как показывает нейрофеноменология отклоняющихся форм самосознания, человеческие существа могут сознательно быть кем-то в разной степени, а также полностью утратить это свойство без потери сознательного опыта как такового.

Не существует четкого и устоявшегося перевода немецкого Ich-Störung ("нарушение эго"), используемого в заголовке этого раздела. То, что в английском языке часто называют "феноменом пассивности" и "бредом контроля", является прототипическими примерами такого рода нарушений.² Я не буду вступать здесь в терминологическую дискуссию, а просто приведу ряд наглядных примеров, используя их в качестве "теста на реальность" для концептуальной схемы, уже разработанной в этой книге. Можно ли анализировать расстройства идентичности в рамках SMT (см. раздел 6.6) более удовлетворительным образом, чем в рамках классических феноменологических и трансценденталистских подходов?

Феноменальное переживание самости и идентичности может варьироваться по очень большому числу параметров.

Существуют простые потери содержания (как в первом примере, который будет рассмотрен ниже). Существуют различные типологии феноменальной дезинтеграции, как при шизофрении, деперсонализационных расстройствах и диссоциативном расстройстве идентичности (ДРИ), сопровождающиеся умножением феноменального "я" в рамках одной и той же физической системы. В этих случаях мы сталкиваемся с серьезным перераспределением феноменального свойства "минности" в репрезентативном пространстве. В этом случае существует по меньшей мере четыре различных бреда неправильной идентификации (DM3а именно: синдром Капграса, синдром Фреголи, интерметаморфоза, обратная интерметаморфоза и редупликативная парамнезия). Поэтому важно проверить наши концептуальные инструменты хотя бы на некоторых примерах огромного феноменологического богатства исследуемого феномена - ведь, как говорил Гете, вся теория серая, а зеленое дерево - это золотое дерево нашей внутренней жизни.

Начнем с филогенетически самой старой части человеческой самомодели - модели тела в мозге. Существует множество различных расстройств, связанных с феноменальным образом тела, сознательной моделью тела в мозге. Некоторые читатели, возможно, сами сталкивались с пространственными искажениями образа тела, например, когда намеренно затягивали процесс засыпания или в первой фазе пробуждения от анестезии. Большую часть этой пространственной модели "я" составляет самопрезентационное содержание. Самопрезентационный контент - это коррелирующий со стимулом контент, берущий начало в вестибулярном органе, сложной гомеодинамической саморегуляции в верхнем стволе мозга и гипоталамусе, а также в большом количестве различных рецепторов, внешних по отношению к мозгу, но внутренних по отношению к нашему телу, которые находятся, например, в коже, мышцах, суставах и висцерах (см. раздел 5.4).

Интеграция содержания самопрезентации в единую, глобально доступную репрезентативную структуру лежит в основе нашего феноменального опыта воплощения, прямого и непосредственного контакта с собственным телом. При определенных условиях конкретные классы самопрезентаций и пространственного контента могут выборочно отсутствовать в сознательной модели "я". Оливер Сакс описывает редкий случай высокоселективной сенсорной полинейропатии, повреждающей исключительно проприоцептивные нервные волокна.

Но в день операции Кристине было еще хуже. Стоять было невозможно, если только она не смотрела вниз на свои ноги. Она не могла ничего держать в руках, и они "блуждали", если она не следила за ними. Когда она тянулась за чем-нибудь или пыталась покормить себя, ее руки промахивались или проскакивали мимо, как будто пропал какой-то важный контроль или координация.

Она с трудом могла даже сесть - ее тело "поддалось". Ее лицо было странно невыразительным и вялым, челюсть отпала, даже голос пропал.

"Случилось что-то ужасное", - пробормотала она призрачным ровным голосом. "Я не чувствую своего тела. Я чувствую себя странно - развоплощенной". (Sacks 1998, p. 45)

. . . Кристина слушала внимательно, с каким-то отчаянным вниманием.

"Тогда, - медленно произнесла она, - я должна использовать зрение, использовать глаза в любой ситуации, где раньше я использовала - как вы это называете - проприоцепцию. Я уже заметила, - добавила она задумчиво, - что могу "потерять" свои руки. Я думаю, что они в одном месте, а обнаруживаю, что они в другом. Эта "проприоцепция" - как глаза тела, то,

как тело видит себя. И если она исчезает, как это произошло со мной, тело словно слепнет. Мое тело не может "видеть" себя, если оно потеряло глаза, верно? Поэтому я должен следить за ним - быть его глазами. Верно?" (р. 47)

Затем Оливер Сакс сообщает о дальнейшем развитии ситуации с Кристиной:

Таким образом, во время катастрофы и в течение месяца после нее Кристина оставалась вялой, как тряпичная кукла, не в состоянии даже сидеть. Но три месяца спустя я с удивлением увидел, что она сидит очень хорошо - слишком хорошо, статно, как танцовщица в полупозиции. И вскоре я увидел, что ее посадка действительно была позой, сознательно или автоматически принятой и поддерживаемой, своего рода вынужденной, волевой или гистрионной позой, чтобы компенсировать отсутствие какой-либо подлинной, естественной позы. Природа не справилась, и она прибегла к "артистизму", но артистизм был подсказан природой и вскоре стал "второй натурой". (р. 49)

. . . Таким образом, хотя от неврологического восстановления (восстановления после анатомического повреждения нервных волокон) не осталось и следа, с помощью интенсивной и разнообразной терапии - она оставалась в больнице, в реабилитационном отделении, почти год - произошло очень значительное функциональное восстановление, то есть способность функционировать, используя различные замены и другие подобные уловки. Наконец-то Кристина смогла покинуть больницу, вернуться домой, воссоединиться с детьми. Она смогла вернуться к своему домашнему компьютерному терминалу, которым теперь научилась управлять с необычайной ловкостью и эффективностью, учитывая, что все приходилось делать не на ощупь, а зрением. Она научилась работать, но что она

чувствовала? Рассеялось ли в результате замены то бесплотное чувство, о котором она говорила вначале? (р. 50)

Границы глобально доступного раздела Я-модели являются границами феноменального Я. Пример "безтелесной женщины" иллюстрирует, что означает, что сознательная Я-модель является интегрированной мультимодальной структурой: она может быть лишена определенных модальностей или конкретных классов самопрезентационного контента, но в некоторых ситуациях такие потери внутренних источников информации могут быть функционально компенсированы усилением других каналов. Например, у Кристины были минимально повреждены чувства легкого прикосновения, температуры или боли - то есть другие типы самопрезентационного контента были полностью доступны. Утрачено было лишь "чувство положения", проприоцептивное осознание собственного тела - динамичная и пространственная форма самопрезентации, активируемая преимущественно непрерывным потоком информации, генерируемой датчиками в мышцах, сухожилиях и суставах. Таким образом, описанная здесь ситуация вызвана исключительно внутренней "сенсорной" потерей, без каких-либо моторных повреждений (см. также Sternman, Schaumberg, and Asbury 1980). Острый полиневрит отключает определенную входную функцию, которая постоянно активна в нормальных условиях, что, в свою очередь, приводит к ограниченной феноменальной потере. Однако это не только феноменальная потеря: Меняется не только феноменология системы, но и функциональные свойства более высокого порядка, которые должны быть перестроены, чтобы компенсировать потерю глобально доступной информации для управления действиями. Феноменальное "я" как таковое, однако, не распадается. Сначала она теряет специфический тип содержания - проприоцептивное содержание самопрезентации - а затем отражает лежащий в ее основе процесс реструктуризации:

Продолжая терять проприоцепцию, она продолжает чувствовать, что ее тело мертво, не реально, не ее - она не может присвоить его себе. Она не может найти слов для этого состояния и может использовать только аналогии, взятые из других чувств: "Я чувствую, что мое тело слепо и глухо к самому себе... оно не чувствует себя" - это ее собственные слова. (Sacks 1998, p. 51)

... "Как будто из меня что-то вычерпали, прямо в центре... Так ведь поступают с лягушками, не так ли? Они вычерпывают центр, спинной мозг, выкалывают их... Вот что я такое, выкалывают, как лягушку... Поднимитесь, подойдите и посмотрите на Крис, первого обездвиженного человека. У нее нет проприоцепции, она не чувствует себя - развоплощенная Крис, жалкая девочка!" Она дико смеется, с нотками истерики. Я успокаиваю ее - "Ну же!" - и одновременно думаю: "Неужели она права?" (p. 51 f.)

Еще один аспект, наглядно продемонстрированный в данном исследовании, заключается в том, как даже тело должно быть присвоено, как оно должно быть представлено на феноменальном уровне само моделирования, чтобы система в целом могла владеть этим телом. Чувство собственности, таким образом, представляет собой весьма специфическую форму репрезентативного содержания. Это содержание прозрачно, и оно не является вещью, а представляет собой непрерывный процесс - глобально доступный процесс самосодержания. Этот акт присвоения собственного тела на сознательном уровне само моделирования, порождающий феноменальное свойство "минности", также приводит к появлению нового важного функционального свойства: Оно позволяет репрезентативной системе владеть собственным аппаратным обеспечением, то есть гибко контролировать и управлять им, причем не модульно, а действительно как единым целым. Пространственно закодированная часть PSM (см. раздел 6.4.1) может быть разделена на ямы. В крайнем

случае, мы можем быть предоставлены самим себе как *res extensa* только через визуальное восприятие извне. С точки зрения пространственной системы отсчета внутренние состояния перестают существовать.

Синдром острой сенсорной нейропатии был интерпретирован как отдельное клиническое явление (Sternman et al. 1980). Галлахер и Коул (1995; но см. также Cole and Paillard 1995; Cole 1995) описали похожий случай. Пациент I.W. по-прежнему осознанно ощущает тепло, холод, боль и мышечную усталость, но феноменальное представление позы у него отсутствует. Первые 3 месяца он не мог контролировать свои движения, даже с помощью визуального восприятия. Вот как Галлахер и Коул описали этого пациента:

Для поддержания позы и управления движением IW должен не только держать части своего тела в поле зрения, но и концептуализировать позы и движения. Без проприоцептивной и тактильной информации он не знает, где находятся его конечности, и не контролирует свою позу, если не смотрит на свое тело и не думает о нем. Поддержание позы для него - это скорее деятельность, чем автоматический процесс. Его движения требуют постоянной зрительной и умственной концентрации. В темноте он не может контролировать движения; когда он ходит, он не может мечтать, а должен постоянно концентрироваться на своем движении. Когда он пишет, ему приходится концентрироваться на том, чтобы держать ручку и следить за положением тела. Методом проб и ошибок ИВ узнал, сколько усилий нужно приложить, чтобы поднять и удержать яйцо, не разбив его. Если его внимание направлено на другую задачу, когда он держит яйцо, его рука разбивает яйцо" (Gallagher and Cole 1995, p. 375).

Последний аспект феноменологии И.В. находит отражение в случае Кристины, которая, отвлекаясь во время еды, например, на разговор, "хватала нож и вилку с болезненной силой - ее ногти и кончики пальцев становились бескровными от давления; но если болезненное давление ослабевало, она могла безжалостно бросить их сразу же - не было никакого промежутка, никакой модуляции, ничего" (Sacks 1998, p. 50). И.В. также описывает свое тело, сидящее в кресле с опорой, как "мешок с картошкой". Он знает, что физические ограничения его костей и связок позволяют его телу сохранять определенную устойчивость, но постепенно оно сползает вниз (Джонатан Коул, личное общение, 2001). Самомодель - это информационная структура, и на функциональном уровне описания потеря информации немедленно выражается в изменении функционального профиля системы. Одним из аспектов этого является разделение сознательного воления и двигательной системы, как это наблюдалось у I.W. в первые 3 месяца его болезни. В нашем случае доступность процессов выбора, связанных с феноменальным волевым усилием, по-видимому, в значительной степени зависит от проприоцептивной обратной связи (Fournier et al. 2002). Теперь мы можем сформировать гораздо более четкое понимание ПСМ как репрезентативного инструмента, делающего информацию, связанную с системой (например, об осанке и положении конечностей), глобально доступной для контроля действий. Мы также замечаем, что глобальное феноменальное свойство воплощения, с эпистемологической точки зрения, является весьма опосредованным и непрямым процессом: Из феноменальной непосредственности, в которой геометрические и кинематические свойства нашего собственного тела даны нам на уровне сознательного опыта, нельзя сделать сильных концептуальных выводов, а феноменальный опыт бытия воплощенным "я", конечно, не может функционировать как приемник картезианского *cogito* в плане обеспечения надежного фундамента для всего

знания. Феноменальное воплощение не является надежным эпистемическим якорем в физической реальности.

Второй, функциональный, аспект, выделенный в двух последних примерах, заключается в том, что самомодель интегрирует информацию от нескольких структур в мультимодальное целое. Длительность и трудности, связанные с реабилитационными историями Кристины и пациента И.В., показывают, как трудно заменить каузальную роль проприоцепции либо другой внешней сенсорной модальностью (например, зрением), либо попыткой заменить волевою доступность когнитивной. Поскольку большая часть бессознательной телесной Я-модели лишается своего основного источника информации, она теперь должна быть интегрирована с феноменальным образом тела, который может постоянно обновляться тем, что было описано как аттенциональный и когнитивный субъект (см. разделы 6.4.3 и 6.4.4): Пререклексивный процесс телесного самоконтроля функционирует у И.В. только при условии визуального внимания к текущему положению его тела или способности "думать о своем теле" (т.е. проводить намеченную кинематическую или геометрическую самосимуляцию) - в противном случае его моторный контроль просто исчезнет (см. Gallagher and Cole 1995, p. 382). Это глобальное функциональное свойство, теперь уже не реализуемое данной конкретной системой. Конечно, поток информации от зрения также значительно уменьшается; он просто никогда не сможет компенсировать проприоцептивную обратную связь, поскольку она частична, слишком медленна и требует внимания в той или иной степени. Как отмечает Коул (личное сообщение, 2001 г.), И.В. ограничен в скорости и утрате тонких исследовательских движений пальцев - он ненавидит подбирать монеты с поверхности, не может пользоваться ручкой чашки, никогда не достает ключи из кармана или не застегивает верхнюю пуговицу рубашки. В общем, ему приходится посылать двигательные команды и доверять их выполнению. Другой интересный аспект,

наглядно проиллюстрированный этими примерами, заключается в том, как дорого в целом обходится возведение определенных частей бессознательной функциональной Я-модели на уровень сознательной модели реальности путем активной генерации PMIR.

Во-первых, существуют ограничения внимания: IW не может следить за всеми аспектами движения. Во-вторых, скорость его движений медленнее, чем обычно. Тот факт, что движение и двигательные программы осуществляются под сознательным контролем, замедляет моторику. В-третьих, общая продолжительность двигательной активности относительно невелика из-за того, что требуется умственное усилие или энергия. Наконец, сложные одиночные движения (например, ходьба по пересеченной местности), а также комбинированные или сложные движения (ходьба и переноска яйца) требуют больше энергии, чем простые движения. . . .

И все же IW приходится упрощать движения, чтобы сфокусировать на них свое командование. Его движения кажутся несколько скованными и медленными, и их невозможно принять за нормальные. . . Однако IW настаивает на том, что если двигательное поведение было выполнено, это не означает, что в дальнейшем оно требует меньшей концентрации. Его реабилитация потребовала огромного роста его способностей к концентрации внимания. Когнитивные требования этой деятельности нельзя переоценить, поскольку другим деафферентированным субъектам не удавалось добиться такого функционального восстановления". (Gallagher and Cole 1995, p. 384 f.)

Случаи Кристины и И.В. показывают, как массивная потеря входных данных может привести к серьезным нарушениям на уровне феноменального самосознания и как это в конечном итоге может привести к масштабной

реструктуризации как на феноменальном, так и на функциональном уровнях Я-модели. В отличие от анозогнозии, здесь феноменальные свойства систематически коварируют с функциональными свойствами в гораздо более очевидной форме.

Теперь перейдем к рассмотрению двух дальнейших аспектов: феноменального свойства сопричастности, эмпирической "минности", и аспекта когерентности, одновременно отраженного на функциональном и феноменальном уровне Я-модели. Опять же, чтобы прийти к дифференцированной теории субъективного опыта и отдать должное сложности феноменологии реального мира, необходимо признать, что существование феноменальной "минности" не является феноменом "все или ничего". Например, как отмечают Галлахер и Коул (Gallagher and Cole 1995, p. 386), пациент И.В. сообщил, что когда нейропатия впервые проявилась, он почувствовал отчуждение от своего тела. Сознательный опыт волевого контроля играет важную роль в прерациональном телесном опыте владения. Однако по мере того, как И.В. начал восстанавливать сознательный контроль над своим телом, его феноменология также претерпела соответствующие изменения: он восстановил то, что Галлахер и Коул (там же, с. 387) называют "ощущаемым чувством принадлежащего воплощения".

Теперь перейдем к непрозрачному разделу ПСМ - осознанному переживанию себя как мыслящего субъекта. Что произойдет, если прозрачная, геометрически закодированная часть Я-модели останется стабильной, а непространственная, когнитивная часть станет бессвязной?

". ... рядом со мной стоял священник, который уже наполовину на пенсии. Вы меня прервали. Речи о порошке уже готовы, а священник готовит наркотики и музыку. Вы собираетесь взяться за кого-нибудь еще сегодня утром, ага!,

сейчас я только подумал, что это было утром. Я был на Каппеленском мосту, поймал большую щуку. (Снаружи что-то слышно.) Ага, это, наверное, офтальмолог. Он пришел из-за стиральной машины, это точно. Миссис Х среди бела дня в ванной, однако она не хотела меня оскорблять. Мать сказала, что ее сыну стало хуже в М, а Пульвер не хотел оскорблять П. Но Клагес всегда говорит эти псевдонаучные вещи, поэтому он и занялся графологией".

В этом протоколе экспериментально вызванного психоза мы можем наблюдать, как сознательное, когнитивное "я" становится "семантически непоследовательным", в то время как его содержание все еще глобально доступно для вербального отчета. Формальные нарушения мышления и общее ослабление ассоциативного потока, как это отражено в интроспективном отчете субъекта, могут быть проанализированы как конфигурация, в которой система внутренне наводняется когнитивными ментальными моделями. Эти когнитивные модели, однако, лишь слабо связаны между собой в плане их интенционального содержания. Феноменологически такие ситуации можно описать как те, в которых когнитивный субъект начинает распадаться, в которых феноменальное "я" становится интеллектуально непоследовательным. Непрозрачные ментальные модели, обычно моделирующие операции над концептуальными и пропозициональными структурами системы, теперь активируются в более или менее хаотичной манере, но все же непрерывно интегрируются в Я-модель. Представляя термодинамическую метафору коннекционистской системы, можно попытаться описать лежащую в ее основе микрофункциональную ситуацию как общее увеличение скорости обработки информации, происходящее в системе, которая была "разогрета" и теперь следует по быстрой траектории через последовательность состояний, которые становятся все менее и менее стабильными. То, что вызвал фармакологический стимул, использованный в этом эксперименте, отчасти могло быть

довольно неспецифическим растормаживанием определенных областей мозга. Эта ситуация как раз и приводит к повышению общего энергетического уровня системы, что, в свою очередь, порождает менее стабильные симулятивные состояния, характеризующиеся повышенной скоростью смены. Систему искусственно встряхнули, и теперь она отчаянно "пытается", так сказать, расслабиться в более стабильное, низкоэнергетическое состояние.

С точки зрения первого лица этот субличностный процесс реинтеграции - если он в конце концов окажется успешным - будет переживаться как создание жизнеспособной и последовательной когнитивной модели реальности. На более грубом уровне функционального анализа очевидно, что избирательность и способность осуществлять контролируемый поиск в кратковременной памяти значительно снижены. На уровне феноменального опыта, однако, подобная ситуация также приводит к потере весьма специфического вида сознательного содержания, которое было концептуально представлено как когнитивное агентство (см. раздел 6.4.4). В крайнем случае, процесс выбора последовательностей когнитивных содержаний будет просто отсутствовать. Следовательно, процесс формирования сознательной мысли не может быть интегрирован в фон уже существующей прозрачной Я-модели, тем самым превращая ее в мой собственный мыслительный процесс с позиции первого лица. В случае, о котором здесь рассказывается, спутанное состояние все еще может быть интегрировано в Я-модель, оно может составлять содержание сознательного опыта и может быть передано вербально. Если, однако, такое спутанное состояние максимально выражено как на функциональном, так и на феноменальном уровне, мы должны будем сказать, что соответствующий человек больше не является интеллектуальным, когнитивным субъектом в смысле рационального и самосознающего мыслителя своих собственных мыслей. Кроме того, для такой системы не будет когнитивно доступен тот факт, что она на самом деле

обладает феноменальной перспективой первого лица. Существование ППМИР было бы недоступно для формирования ментальных концепций. Следовательно, она, например, больше не будет демонстрировать сильные феномены первого лица в смысле Линн Бейкер (как обсуждалось в разделе 6.4.4). Сильная когнитивная субъективность - это то, что может полностью исчезнуть в результате распада субличностей в мозге. Важно отметить, что такой процесс может в то же время оставить нетронутыми аттенциональный субъект и телесное "я".

Испытуемый в эксперименте Хеймана испытывал потерю когнитивного контроля и увеличение семантической непоследовательности, но при этом переживал свои мысли как свои собственные. Следующий логический шаг заключается в постановке следующих вопросов: Что бы значило потерять когнитивный контроль и чувство собственности на собственные мысли на уровне сознательного опыта? Что бы это значило, если бы вы вдруг столкнулись с сознательными мыслями, которые, несомненно, являются частью вашей реальности, но не являются частью вашего собственного разума?

Шизофрения, конечно же, является классическим примером ситуации, когда пациенты сталкиваются с сознательными, когнитивными содержаниями, в отношении которых они не имеют ни малейшего чувства ответственности. На уровне феноменального содержания шизофрения обычно характеризуется такими явлениями, как вставные мысли, вербально-аудитивные галлюцинации и бред контроля. Поскольку феноменология шизофрении хорошо известна, я не буду сейчас приводить конкретный пример. Переходя на шаг ниже, на репрезентативный уровень анализа, мыслевставку придется описать как ситуацию, когда содержание активных в данный момент когнитивных состояний и процессов не может быть интегрировано в Я-

модель и поэтому должно быть представлено как внешнее. Тем не менее, такие феноменологически бессубъектные мысли кодируются как элемент объективной реальности, и хотя их содержание непрозрачно - тот факт, что они являются лишь репрезентациями реальности, доступен в глобальном масштабе - их феноменальное присутствие как таковое не может быть трансцендировано субъектом опыта. Интересно отметить, что мы не можем представить себе, каково это - быть шизофреником: для таких существ, как мы, невозможно сознательно перенести свои мысли на внешнюю реальность, мы не можем добровольно разделить нашу ПСМ, и для нас невозможно экстернализовать ее когнитивное разделение (см. также раздел 8.2). Иными словами, вербальные сообщения шизофреников интуитивно неправдоподобны и трудны для понимания просто потому, что они не описывают феноменально возможные ситуации для нормальных людей (действительно, наиболее общая философская проблема, которую ставит феномен шизофрении, может касаться того, насколько возможно понимание таких пациентов, в более строгом смысле слова "понимание"; ср. Campbell 1999, p. 610 f.).

Многие классические философы разума совершили ошибку, заключив логическую необходимость из простого феноменологического факта, что наше феноменальное пространство когнитивной самосимуляции ограничено определенным образом. Яркими примерами являются "cogito" Декарта и трансцендентальное единство апперцепции Канта. Современная когнитивная нейropsихиатрия показывает, и что они могли бы узнать, если бы внимательнее прислушивались к шизофреникам своего времени, что популярный принцип, согласно которому ваши собственные мысли всегда являются вашими собственными мыслями, отнюдь не является необходимой предпосылкой всего опыта. Существуют способы ментального моделирования реальности, при которых эта предпосылка приостанавливается. Из того факта, что в

стандартных ситуациях все мы переживаем себя как инициаторов собственных мыслей или что "я думаю" может в принципе и в подавляющем большинстве феноменальных конфигураций сопровождать все состояния сознания, можно сделать вывод, что некая несводимая сущность (напр, Трансцендентальный субъект) должен существовать, является, если внимательно присмотреться, еще одной высокоуровневой и рафинированной версией того, что У.Т. Плейс (см. главу 2, п. 9) назвал феноменологическим заблуждением: перескакиванием от неизменности прозрачного феноменального содержания ("минность") или типичной структурной особенности человеческой Я-модели (постоянное наличие когнитивной ПМИР, указывающей "внутрь" на предсуществующую Я-модель первого порядка) к существованию нефизического индивида. Миниатюрность и когнитивная субъективность могут быть утрачены, при этом глобальная когерентность и феноменальный опыт как таковой сохраняются. Ограничения 2, 3 и 7 могут быть полностью удовлетворены, при этом ограничение 6 (перспективность) либо вообще не выполняется, либо выполняется слабо (т. е. на уровне обработки внимания). Однако феноменальная необходимость - невозможность того, чтобы что-то обычно не происходило в соответствии с опытом от первого лица определенного, парадигматического класса сознательных экспериментаторов - не эквивалентна логической необходимости.

Если, как в случае со слышанием голосов, моторные аспекты внутреннего производства речи не могут быть репрезентативно интегрированы в сознательное "я", возникает глобальная феноменальная модель реальности, в которой слышны внешние голоса. Как мы уже видели (раздел 5.3), как сознательное, так и бессознательное мышление включает в себя процесс, который лучше всего описывается как самосимуляция, и есть веские основания полагать, что когнитивное содержание, активируемое в этом процессе, может быть рафинированным видом моторного

содержания (см. разделы 6.3.3 и 6.4.4). Хорошим феноменологическим термином может быть "фонематическая образность": то, чем мы в конечном итоге мыслим, - это фонематические ментальные образы, соответствующие тем, которые активируются при сенсорном восприятии фонем. Однако функционально такие образы могут быть закреплены в процессе субвокализации (или, в социальных контекстах, отражены в нем), то есть двигательной самосимуляции, внутренне имитирующей собственное звукопроизводящее поведение. Легко представить, как такой процесс может выйти из-под контроля с точки зрения выхода из ПСМ. PSM - это инструмент, с помощью которого система "владеет" своими мыслями, и если этот инструмент перестает выполнять свою интеграционную функцию, процесс когнитивной самосимуляции выходит из-под контроля; тот факт, что эти мысли являются самоиницированными состояниями, уже не может быть осознан с помощью этого инструмента. По-настоящему интересным феноменом здесь представляется дополнительный "псевдосенсорный" характер таких слуховых галлюцинаций, тот факт, что они действительно кажутся соотнесенными с внешним стимулом, демонстрируя также и презентативное содержание. Возможно, они зависят от внутреннего эмулятора генерации речевых актов, который у шизофреника преобразует эфферентную копию моторных речевых команд, используемых в качестве входных данных для внутренней модели текущего процесса производства речи, в слуховой формат (Frith 1996; см. также Grush 1997, 1998).

В последние годы стало очевидно, что нейронные корреляты феноменальных симуляций часто пересекаются с нейронными коррелятами феноменальных репрезентаций. В главе 3 (раздел 3.2.8) я назвал это "принципом совместного использования субстрата". В целом, нейровизуализационные исследования, проведенные на галлюцинирующих шизофрениках, все чаще показывают, как и когда

активируются прямые корреляты отдельных галлюцинированных черт (Silbersweig and Stern 1998). Пациенты, слышащие голоса, также демонстрируют модели поведения и мозговой активности, сходные с теми, что наблюдаются у нормальных людей, занимающихся внутренней речью или слуховыми вербальными образами (Frith 1996, p. 1506). Например, известно, что напевание или пение в определенной степени подавляет слуховые галлюцинации у шизофреников - возможно, потому, что предполагаемая вокализация подавляет активность в левой лобно-теменной доле и тем самым блокирует механизмы восприятия речи. Именно эта область гиперактивна у шизофреников. Еще один факт, который может представлять интерес в данном контексте, заключается в том, что те области мозга, которые, как считается, отвечают за решение задач теории мышления, также активируются у шизофреников, если они слушают собственный голос через наушники.

Как отмечает Крис Фрит (1996, p. 1506), существует три различных типа слуховых галлюцинаций в смысле слышания голосов: (1) "перволичный" или рефлексивный тип, а именно слышание своих мыслей, произнесенных вслух (эхо мыслей); (2) переживание голосов, говорящих с пациентом (галлюцинации от второго лица); и (3) слышание голосов, говорящих о пациенте (галлюцинации от третьего лица). Во всех трех классах феноменальных состояний свойство сознательной агентности отсутствует. Структурное различие, по-видимому, заключается в способе построения ПМИР: в первом случае Я-компонент, по-видимому, остается нетронутым, тогда как объектный компонент формируется из элемента, который ранее был представлен как часть сознательной Я-модели, а теперь перенесен на модель внешней реальности. Во втором случае конструируется субъект-субъектное отношение с приписыванием агентности новому субъектному компоненту, который, однако, теперь находится во внешней реальности, в то время как прозрачная

Я-модель пациента является "объектным компонентом", пассивной частью коммуникативных отношений, слушающим субъектом. В третьем типе галлюцинаций конструируются множественные феноменальные модели intersубъективных отношений интенциональности, при этом пациент теперь полностью отстранен, просто формируя, так сказать, интенциональное содержание объектного компонента. Как отмечает Фрит, все поведенческие наблюдения указывают на то, что слуховые галлюцинации возникают в тех же системах, которые задействованы, когда люди слушают внешнюю речь или генерируют внутреннюю речь. Как отмечалось ранее, один из важных аспектов обладания само моделью заключается в перспективном моделировании, в проведении самосимуляций, которые затем можно сравнить с поступающими проприоцептивными и кинестетическими сигналами. Особенно для быстрых и направленных на достижение цели движений, такая перспективная модель может служить для того, чтобы сделать вероятные последствия действия, например, порождение речи, глобально доступными до того, как поступит фактическая сенсорная обратная связь от завершенного действия. Формирование сознательно переживаемой границы мира "я", которая лежит в основе распространения феноменального свойства "минность", может быть функционально закреплено в процессе, обнаруживающем несоответствия между процессом перспективной самосимуляции и текущей саморепрезентацией, основанной на текущей сенсорной обратной связи. В модели Фрита постоянное сравнение между текущим содержанием самосимулятивных и саморепрезентативных состояний может, если оно функционально нарушено, привести к потере глобально доступных свойств минности и агентности, к ситуации, когда система вынуждена приписать происхождение этого внезапно появившегося глобально доступного содержания какой-то части внешней реальности или другой.

Таким образом, можно представить, как несоответствия в бессознательных процессах самосимуляции и саморепрезентации могут препятствовать интеграции феноменального содержания в сознательную Я-модель. И все же, как уже говорилось ранее, самой большой сохраняющейся теоретической проблемой представляется презентный, сенсорный характер слуховых симуляций, активируемых и прозрачно изображаемых как часть внешней реальности. Однако, возможно, существует простое решение этой проблемы, заключающееся в общем повышенном внутреннем уровне возбуждения в определенных областях мозга, вызванном дезингибиторными механизмами. Объяснительная стратегия дополнительной генерации феноменального презентационного контента в этом случае была бы параллельна той, что применяется в отношении снов и других галлюцинаций (см. разделы 4.2.4 и 4.2.5): система сталкивается с мощным внутренним источником входных данных и не имеет возможности обнаружить эту ситуацию как таковую.

Давайте рассмотрим третий тип дефицита, традиционно ассоциируемый с шизофренией, а именно бред внешнего контроля. Согласно предложенной здесь модели, бред внешнего контроля обязательно возникает, если волевые акты, предшествующие внешнему моторному поведению пациента, больше не интегрированы в ПСМ. Прозрачная модель процесса выбора, доступная на уровне сознательного опыта, будет отсутствовать. В таких ситуациях двигательные намерения выполняются правильно, даже если пациента просит об этом другой человек, но они не могут быть пережиты как таковые. Типичный аутофеноменологический отчет будет таким: "Я намеревался действовать, но прежде чем я смог выбрать конкретное действие, оно уже было выполнено за меня". И намерение - абстрактная репрезентация цели, и успешное действие - каузальная связь моторной симуляции с эффекторами - существуют, но репрезентация самого волевого акта - выбора конкретного

возможного поведения, представленного в эгоцентрической системе координат (с помощью ПМИР) - глобально не доступна. Нейронные корреляты этой отклоняющейся динамики внутреннего само моделирования постепенно начинают проясняться. По-видимому, они связаны с гиперактивацией в правой нижней теменной доле (область 40 Бродмана) и поясной извилине (см., например, Spence, Brooks, Hirsch, Liddle, Meehan, and Grasby 1997). Интересно, что в реальной научной практике от репрезентативного анализа таких необычных классов состояний сознания к выделению физических коррелятов нас ведет сначала визуализация их функциональных коррелятов. Важный аспект этих функциональных коррелятов, по-видимому, заключается в нарушении способов предоставления структуры внешнего и внутреннего телесного пространства в распоряжение самой системы и в дефиците внутреннего мониторинга текущих моторных актов. В целом, изучение коррелятов различных классов галлюцинаторного контента будет важным методологическим аспектом любого систематического поиска нейронных коррелятов осознанного опыта (см. интересные примеры в Frith, Perry, and Lumer 1999; и ffytche and Howard 1999).

Теперь вернемся к репрезентативному уровню анализа. Бред внешнего контроля возникает, если волевой акт, предшествующий моторному поведению пациента, больше не может быть интегрирован в ПСМ. Следовательно, исчезают и соответствующие аспекты ПМИР. Пытаясь выяснить, какое событие, предшествующее событиям движения, демонстрируемым телесной Я-моделью, могло послужить их причиной, система теперь вынуждена делать обоснованные предположения о потенциальных компонентах внешней реальности. Приписывание таких намерений внешнему человеку, видимому или невидимому, может быть правдоподобно интерпретировано как конфабуляторная реакция мозга, все еще отчаянно пытающегося максимизировать общую согласованность

своей модели реальности. Преимущество приписывания причинности другому человеку очевидно. В тех случаях, когда другой человек переживается как причина собственного телесного поведения, это может быть просто наиболее экономичным способом по-прежнему представлять такие действия как вызванные ментальными событиями, то есть сохранять репрезентацию таких событий на личностном уровне. Репрезентации личностного уровня - это репрезентации под PMIR. Позвольте мне объяснить.

Мы уже обсуждали, что картезианский дуализм является интуитивно привлекательной философской позицией для таких существ, как мы, поскольку его онтология отражена в репрезентативной архитектуре человеческой Я-модели (подробнее об этом в разделе 8.2). Вопрос заключался в следующем: Как человеческому мозгу удастся интегрировать непространственное, когнитивное содержание в Я-модель, которая, в силу эволюционной истории, закодирована пространственно? Теперь существует разновидность этой проблемы, имеющая отношение к теоретическому анализу шизофрении: как шизофренический человеческий мозг умудрится все же интегрировать непространственные, когнитивные содержания в свою глобально доступную модель реальности - содержания, которые по функциональным причинам не могут быть интегрированы в текущую ПСМ и, тем более, в ПМИР того или иного рода? Моя гипотеза состоит в том, что приписывание его другому человеку - наиболее экономичное решение проблемы, поскольку оно сохраняет функциональный статус данного контента как объектного компонента ПМИР. Если контент должен быть глобализирован - то есть являться частью мира, но не может быть смоделирован в рамках PSM - то есть являться частью себя - какое решение будет наиболее экономичным?

Феноменологическое ограничение, связанное с частыми неправильными атрибуциями на личностном уровне, обращает наше внимание на вторую, не менее фундаментальную вычислительную проблему, которую должна решить каждая система, обладающая Я-моделью, частично обусловленной социальными коррелятами (см. раздел 6.3.3). В любой системе, способной распознавать поведение сородичей или других разумных существ в своем окружении как обусловленное целями и намерениями, то есть мысленно представлять такое поведение как действие, возникает проблема правильной атрибуции: Множественные репрезентации действия, одновременно действующие внутри, должны быть правильно ассоциированы с агентом, фактически вызывающим их (см. Jeannerod 1999). Ряд недавних эмпирических исследований показывает, что сознательная репрезентация действия не зависит от того же типа информации, которая используется при автоматическом выполнении. Информация, относящаяся к действию, кодируется в человеческом мозге как минимум на двух разных уровнях, один из которых не является глобально доступным. В частности, больные шизофренией не могут сознательно отслеживать внутренние сигналы, генерируемые их собственными движениями (см. Georgieff and Jeannerod 1998, p. 469). Способность отличать движения от первого лица от движений от третьего лица не имеет прямой функциональной связи с феноменальным уровнем представления. Такие внутренне сформированные репрезентации действия основаны прежде всего на проприоцептивных сигналах, и дифференциация между само- и несамостоятельными изменениями внешних объектов зависит от таких эндогенных сигналов. Однако сама дифференциация не осуществляется при доступе к феноменально доступной информации. Суждение" об агентности, субличностный процесс нефеноменального само моделирования, таким образом, не осуществляется при доступе к феноменально доступной информации.

Суждения об агентности с позиции первого лица основываются на состоянии компараторного модуля, который сравнивает результаты действий, воспринимаемых как внешние, с внутренними сигналами. Однако эти сигналы как таковые не могут быть осознанно пережиты. Что доступно сознанию, так это глобальное состояние компараторного модуля. Интересная гипотеза, к которой пришли Георгиев и Жаннерод (1998, р. 473 и далее), заключается в том, что может существовать особый класс галлюцинаторных феноменальных состояний, а именно "действия без агента". Вербальные и сенсорные галлюцинации, испытываемые шизофрениками, согласно этому новому направлению мысли, следует рассматривать не как перцептивное содержание без соответствующего объекта, а как репрезентации действий без агента. Согласно предложенной здесь модели, они являются свободно плавающими объектными компонентами, не связанными в ПМИР. Поэтому у существ, обладающих способностями к теории разума, таких как мы, они могут быть связаны только с РМИР, моделируемым как внешний. Они становятся объектными компонентами прозрачно смоделированной перспективы второго лица, иногда дополняемой неощутимым субъектным компонентом (как в непередаваемо реальном опыте духа, посылающего вам свои мысли или говорящего с вами). Это, я полагаю, наиболее экономичный ответ на наш первоначальный вопрос: Если содержание должно быть глобализировано - то есть как часть мира, - но не может быть смоделировано в рамках PSM - то есть как часть "я", то каким будет наиболее экономичное решение? Решение состоит в том, чтобы интегрировать его в другое "я", построив подходящий РМИР, изображаемый как часть внешней реальности. Очевидно, что бред чужого контроля может быть проанализирован в соответствии с аналогичной стратегией (а именно, путем различения практического и теоретического ПМИР, как обсуждалось в разделе 6.5), и, учитывая, что когнитивные процессы фундаментально закреплены в моторном поведении (см. раздел 6.3.3),

известные феномены вставки мыслей при шизофрении также могут быть исследованы в этом ключе.⁸ Другой, смежный, способ взглянуть на эти данные состоит в том, чтобы предположить наличие ограниченного, функционально инкапсулированного нейронного модуля для задач "теории разума", который, как можно предположить, страдает от функциональной дедифференциации (см., в частности, Daprati et al. 1997; Frith 1996; подробную философскую интерпретацию эмпирических данных см. также Proust 2000).⁹

Недавние исследования шизофрении показывают, как важна осознанная самомодель для того, чтобы система могла представлять себя в качестве агента. Кроме того, теперь становится особенно очевидным, что процесс самомоделирования также является процессом самоконструирования. Если вы больше не в состоянии сознательно ощущать себя агентом, вы теряете, как это обычно происходит с больными шизофренией, многие функциональные свойства, которые обычно ассоциируются с тем, что вы агент. Способность осознавать, что определенное внешнее телесное поведение возникло не только в вас, но и в сознательном процессе выбора возможного действия, является жизненно важным шагом в достижении согласованности внешнего поведения. Осознанная самомодель служит для превращения ведущей себя системы в агента. Агент в подлинном смысле слова - это система, которая не только обладает гибким поведенческим репертуаром, но и осознает этот факт, то есть эта информация вновь становится глобально доступной для самой системы. Поведенческая гибкость, представленная в PSM, создает селективность, а селективность - это начало агентности, возможно даже личности. Для примера, эта информация может быть впервые использована для генерации воли второго порядка (например, для того, чтобы не хотеть чего-то), и система в целом тем самым выполняет одно из важнейших традиционных условий персонификации

(Frankfurt 1971). Если наша система дополнительно обладает физическими и репрезентативными ресурсами для активации абстрактных, аллоцентрических репрезентаций действий и целей действий, она также обладает важнейшими строительными блоками для усвоения языка и социального познания (см. Gallese 2000). Короче говоря, возможен репрезентативный анализ когнитивной, волевой и интересубъективной деятельности. Актуальность тематических исследований из когнитивной нейropsychиатрии заключается в том, что они позволяют проводить "обратную инженерию": Если мы сможем разработать эмпирически правдоподобный репрезентационистский анализ расстройств идентичности, мы автоматически придем к лучшему пониманию того, что именно означает сознательно быть кем-то в стандартных ситуациях.

Еще два типа расстройств идентичности имеют непосредственное философское значение: специфические формы ДМ и синдром Котара. Начнем с обратной интерметаморфозы, обычно определяемой как "вера в то, что произошло физическое и психологическое изменение себя в другого человека" (Breen, Caine, Coltheart, Hendy, and Roberts 2000, p. 75). Как обычно, я буду утверждать, что такого рода расстройство основано на девиантной форме феноменального само моделирования и что в принципе оно может возникнуть и у нелингвистического, некогнитивного существа, неспособного сформировать что-либо похожее на "убеждения" в более узком философском смысле. Вот краткий отрывок из недавнего исследования случая пациентки Рослин З., проведенного Норой Брин и ее коллегами:

У Р. З., 40-летней женщины, было бредовое убеждение, что она мужчина. Этот бред был устойчивым в течение двух месяцев до нашей встречи с РЗ. В течение большей части

этих двух месяцев она считала себя своим отцом, но иногда заявляла, что она - бабушка. К тому времени, когда мы увидели РЗ, она приняла облик своего отца. Она откликалась только на имя отца и подписывалась его именем, когда ее просили подписать какие-либо формы. На вопросы о своей личной истории она неизменно называла историю своего отца. Например, она говорила, что ей уже за 60. . .
Следующие выдержки взяты из интервью с РЗ. На протяжении всего интервью мать РЗ, Лил, сидела рядом с ней.

Экзаменатор: Не могли бы вы назвать свое имя?

РЗ: Дуглас.

Экзаменатор: А ваша фамилия?

РЗ: В_____.

Экзаменатор: А сколько вам лет?

РЗ: Я не помню.

Экзаменатор: Сколько вам лет?

РЗ: Шестидесят с чем-то.

Экзаменатор: Шестидесят с небольшим. А вы женаты?

РЗ: Нет.

Экзаменатор: Нет. Вы были женаты?

РЗ: Да.

Экзаменатор: Как звали вашего партнера?

РЗ: Я не помню. Лил.

Экзаменатор: Лил. А у вас есть дети?

РЗ: Четыре.

Экзаменатор: И как их зовут?

РЗ: Рослин, Беверли, Шэрон, Грег. . . .

РЗ стоит перед зеркалом и смотрит на свое отражение.

Эксперт: Когда вы смотрите в зеркало, кого вы там видите?

RZ: Dougie В _____ (имя ее отца).

Экзаменатор: Как выглядит отражение?

РЗ: Его волосы в беспорядке, у него борода и усы, а глаза совсем поникли.

Эксперт: Так это мужчина или женщина?

РЗ: Мужчина.

Экзаменатор: Сколько лет Дуги?

РЗ: Шестьдесят с чем-то.

Экзаменатор: А то отражение, на которое вы сейчас смотрите, похоже на шестидесятилетнего человека?

РЗ: Да.

Экзаменатор: Он выглядит настолько старым, не так ли?

РЗ: Да.

Экзаменатор: Как вы думаете, у шестидесяти с небольшим летнего мужчины будут седые волосы?

РЗ: Ну, я не очень беспокоился в течение многих лет, поэтому мои волосы не поседели.

Экзаменатор: Значит, он не серый?

РЗ: Нет. Он коричневый.

(Breen et al. 2000, pp. 94 f., 98 f.).

Обратный интерметаморфоз имеет философское значение, поскольку он ставит под сомнение принцип Витгенштейна-Шумейкера об иммунитете к ошибкам из-за неправильной идентификации (Wittgenstein 1953, p. 67; Shoemaker 1968). Совершенно очевидно, что существуют случаи феноменальной саморепрезентации, в частности феноменальной репрезентации собственной идентичности, которые являются искажениями. Ошибочная идентификация - это симптом, а не синдром, состоящий из стабильного набора симптомов, и особая разновидность самоидентификации тесно связана с тяжелыми психотическими состояниями (Förstl, Almeida, Owen, Burns, and Howard 1991, p. 908 f.). В какой степени они могут рассматриваться как отдельные диагностические категории, остается спорным. Однако, поскольку эта проблема была одним из основных вопросов, сформулированных в главе 1, я возвращаюсь к ней в разделе 8.2 главы 8.

Наконец, необходимо обсудить второй и последний тип расстройства идентичности, поскольку он имеет особую теоретическую значимость. Это расстройство я бы назвал отрицанием существования. В 1880 году французский невролог Жюль Котар ввел термин *délire de négation* для обозначения особого вида "нигилистического" бреда, центральная определяющая характеристика которого состоит в том, что пациенты отрицают свое собственное существование, а зачастую и существование внешнего мира (см. Cotard 1880; более подробный отчет см. в Cotard 1882). С 1897 года в научной литературе это состояние стало называться "синдромом Котара" (Séglas 1897; краткий обзор литературы см. в Enoch and Trethowan 1991, p. 163 ff.). Хотя до сих пор ведутся активные дискуссии о понятии бреда как такового (см., например, Young 1999) и о концептуальном статусе "патологических" систем убеждений (см. Coltheart and Davies 2000; Halligan and Marshall 1996), большинство исследователей склоняются к тому, что синдром Котара, скорее всего, является отдельной сущностью.¹⁰ Однако здесь я буду рассматривать его просто как нейрофеноменологический класс состояний, характеризующийся специфической формой девиантного само моделирования, не вдаваясь в дальнейшие эмпирические спекуляции.

Как бред, синдром Котара, безусловно, драматичен; например, он нарушает глобальную логическую связность "паутины убеждений" пациента (см. Young 1999, p. 582 f.) и просто прекращает биографическую связность, демонстрируя при этом более или менее модульное повреждение когнитивной модели реальности, к которой пациент имеет сознательный доступ. Синдром Котарда является монотематическим расстройством (Davies, Coltheart, Langdon, und Breen 2001). Как и во многих других бредовых расстройствах, именно изолированный характер специфического содержания убеждений поначалу вызывает серьезные сомнения в статусе пациента как рационального

субъекта. Однако, как покажет более пристальный взгляд на данные, пациент с синдромом Котарда может считаться рациональным субъектом при разработке единственно возможного вывода из резкого сдвига в его субкогнитивной ПСМ. Поэтому многообещающая попытка создать проверяемую и концептуально убедительную гипотезу может начаться с предположения, что данное расстройство - это просто модульная реакция на когнитивном уровне на очень необычный перцептивный опыт (Young and Leafhead 1996). Однако следует четко отметить, что феноменология твердой веры в собственное несуществование может оказаться слишком запутанной и сложной, чтобы поддаваться классическим подходам, связанным с убеждением и желанием; например, потому, что она решительно включает патологию на непропозициональных уровнях феноменальной саморепрезентации.

Очевидно, что любая хорошая будущая философская теория разума должна быть способна включить "отрицание существования", демонстрируемое испытуемыми Котара, в качестве важного феноменологического ограничения, которое должно быть удовлетворено ее собственными концептуальными предложениями. Рассматривая анозогнозию во вступительном разделе этой главы, мы увидели, что на самом деле существует целый ряд неврологических расстройств, характеризующихся неосознанием специфических недостатков после травм мозга, и все они фальсифицируют картезианское представление об эпистемической прозрачности в связи с феноменальным самосознанием. В чистых и экстремальных вариантах синдрома Котара мы сталкиваемся с обобщенной версией этой репрезентативной конфигурации: Пациенты могут прямо заявлять не только о том, что они мертвы, но и о том, что их вообще не существует. Другими словами, то, что кажется априорной невозможностью на логических основаниях - сознательный субъект, правдиво отрицающий собственное существование, - оказывается

феноменологической реальностью. А к феноменологии нужно относиться серьезно. В этом случае первый урок, который можно извлечь, таков: Вы можете быть полностью сознательным, с точки зрения удовлетворения ограничений 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10, и, возможно, даже с точки зрения обладания полноценной ПСМ, а также ПМИР, и все же правдиво описывать содержание своего феноменального самоощущения как "несуществование". Другими словами, в человеческом мозге существуют реальные, номологически возможные репрезентативные конфигурации, которые приводят правдивых субъектов к логически бессвязным автофеноменологическим отчетам. В разделе 6.4.4 главы 6, обсуждая когнитивную субъективность как вызов натурализму, я предложил репрезентационистский анализ картезианской мысли:

[Я уверен, что я существую].

В крайних формах синдрома Котарда мы сталкиваемся с бредовым убеждением, которое можно выразить следующим образом:

[Я уверен, что меня не существует].

Более слабые формы - это бредовые убеждения, которые могут быть выражены следующим образом:

[Я уверен, что я мертв.]

Какова феноменологическая картина синдрома Котарда? Недавний анализ 100 случаев (Berrios and Luque 1995; см. рис. 2, с. 186) указывает на то, что тяжелая депрессия отмечалась у 89 % испытуемых, а наиболее частыми формами "нигилистического бреда", касающегося тела (86 %) и существования как такового (69 %). Другими очень распространенными чертами содержания ПСМ у этих

пациентов были тревога (65 %), чувство вины (63 %), ипохондрический бред (58 %) и, что еще более удивительно, бред бессмертия (55 %; см. Berrios and Luque 1995, p. 187). Во многих случаях некоторые элементы телесной Я-модели, похоже, исчезли или, по крайней мере, стали недоступны для внимания. Например, один 59-летний пациент говорит: "У меня нет крови" (Enoch and Trethowan 1991, случай 5, p. 172); другой говорит: "Раньше у меня было сердце. У меня есть что-то, что бьется вместо него". (там же, p. 173), а в другом исследовании (Ahleid 1968, цит. по Enoch and Trethowan 1991, p. 165) пациент просит "похоронить его, потому что, по его словам, он "труп, который уже воняет". Месяц спустя он сказал, что у него нет плоти, ног и туловища. Эти идеи были непоколебимы, так что клиническая картина оставалась неизменной в течение нескольких месяцев". Такие ранние стадии часто переходят в состояния, когда тело как целое отрицается, и пациент чувствует себя "живым трупом", например, когда говорит: "Я больше не жив"; "Я мертв" (Enoch and Trethowan 1991, case 1, p. 168) или заявляет: "У меня нет тела, я мертв" (ibid, (случай 2, с. 168) или, как пациент Янга и Лифхеда В.И. (Young and Leafhead 1996; см. также Young, Robertson Hellawell, de Pauw, and Pentland 1992), просто был убежден, что он мертв в течение нескольких месяцев после аварии на мотоцикле (включавшей ушиб височно-теменной области правого полушария и двустороннее повреждение лобной части), причем это убеждение постепенно прошло с течением времени.

Интересно, что существует ряд других феноменологических состояний, в которых человек может ощущать себя бесплотным или развоплощенным - от случаев, подобных случаю Кристины, до некоторых типов внетелесных переживаний (ОВЕ) и люцидных сновидений (см. разделы 7.2.3 и 7.2.5). Что кажется уникальным в синдроме Котара, так это дополнительная вера в то, что человек мертв. Пациент на уровне своей когнитивной Я-модели приобретает новое, сознательно доступное содержание - и это содержание

специфично тем, что оно крайне иррационально и функционально не поддается рациональному пересмотру. Разница в феноменальном содержании в прозрачном и субкогнитивном слоях Я-модели может быть хорошо описана с помощью традиционного концептуального различия, которое имеется в немецком языке, но отсутствует в греческом (например, Гомер использует *soma* только для обозначения трупов), латинском (с *corpus* только для обозначения тела как вещи, что является этимологическим корнем английского термина "corpse") или широко распространенных языках, таких как итальянский, французский, испанский и английский. У пациента с болезнью Котара есть телесная Я-модель как *Körper*, но не как *Leib* (см. также Ahleid 1968; Enoch and Trethowan 1991, p. 179 f.). В чем же разница? Лейб - это живое тело, связанное с душой, или, говоря более современным языком, тело как субъект, как местонахождение индивидуальной перспективы от первого лица. Тело как неодушевленный объект, с другой стороны, - это то, что изображает ПСМ в конфигурации синдрома Котара. Этот пациент имеет доступ к *Körper*-модели, но не к *Leib*-модели.

Интересно отметить, как можно прийти к лучшему пониманию лежащего в основе класса нейрофеноменологических состояний, просто следуя традиционной линии мышления. Какая потеря может сделать Лейб-модель репрезентацией чего-то неодушевленного, чего-то, что больше не связано с внутренней логикой жизни? Если логика выживания, как уже подробно обсуждалось выше, глобально обеспечивается сознательными эмоциями, то полная утрата эмоциональной Я-модели должна иметь именно такой эффект. С философской точки зрения это означает, что пациент с болезнью Котара, утверждающий, что он мертвый труп, на самом деле имеет в виду прозрачное содержание своей Я-модели, преимущественно касающееся пространственного, проприоцептивного и эмоционального слоев. Это

содержание изображает движущуюся *res extensa*, изнутри очень похожую на живую человеческую личность, но, как феноменальный факт, уже не связанную с логикой выживания. В традиционной терминологии у пациента есть вера *de se*. Поскольку неконцептуальное саморепрезентативное содержание первого порядка, лежащее в основе этого убеждения, в самом буквальном смысле просто больше не содержит информации о том, что реальная элементарная биорегуляция все еще продолжается, и больше нет никакой субъективной репрезентации текущей степени удовлетворения ограничения адаптивности (см. раздел 3.2.11), а эмоции полностью уплощены, пациент формирует гипотезу. Эта гипотеза, учитывая его текущие внутренние источники информации, абсолютно непротиворечива: он должен быть мертвым объектом, напоминающим человека. Существование этого объекта, хотя и переживается как происхождение ПМИР, аффективно не имеет для пациента никакого значения. Как пишет Филипп Герранс (Gerrans 2000, p. 112): "Бред Котара в своей крайней форме - это рационализация ощущения развоплощенности, основанная на глобальном подавлении аффекта в результате крайней депрессии". Многие пациенты с бредом Котара произносят фразы типа "У меня нет чувств" (Enoch and Trethowan 1991, case 4, p. 171) или, как пациент Янга и Лифхеда К.Х. (Young and Leafhead 1996), заявляют, что они мертвы в результате того, что "ничего не чувствуют внутри". Если именно сознательная Я-модель, как утверждалось ранее, опосредует воплощение не только на феноменальном, но и на функциональном уровне, то эти пациенты страдают от функционального дефицита, поскольку из-за серьезного нарушения ПСМ они эмоционально развоплощены. Это специфическое подмножество системной информации, которая больше не может быть доступна в глобальном масштабе. Этот факт вызывает дальнейшие изменения на когнитивном уровне само моделирования.

Как отмечает Герранс (Gerrans, 1999, p. 590), на уровне репрезентативного содержания синдром Котарда может быть неправильно классифицирован, если его описывать как СД. По крайней мере, в своих слабых формах пациент с синдромом Котара правдиво сообщает о содержании очень необычного ПСМ. По мнению Герранса, этот необычный ПСМ является результатом глобализованной потери аффекта, зеркально отражая глобальное распределение нейрхимического субстрата, вызывающего фактический дефицит, который, в свою очередь, затем когнитивно интерпретируется. Проблема заключается в том, чтобы сначала объяснить, как такая ПСМ может возникнуть. Классическая психология убеждений и желаний и традиционный философский анализ в терминах пропозициональных установок, однако, могут оказаться бесполезными для преодоления уровней описания, необходимых для более полного понимания целевого феномена. Например, кажется правдоподобным, что такое нелингвистическое существо, как обезьяна, может страдать от большинства феноменологических проявлений Котара, не будучи способным произносить бессвязные автофеноменологические отчеты. Животное может чувствовать себя мертвым и эмоционально развоплощенным, не обладая способностью самоописать этот факт для себя лингвистически или на уровне когнитивной самореференции. Особенность человеческого случая заключается в том, что формируется изолированный и функционально жесткий новый элемент на уровне когнитивной Я-модели. Как только мы придем к убедительному репрезентативному и функциональному анализу Я-модели пациента с болезнью Котара, мы сможем перейти к философскому вопросу о том, возможно ли проявлять сильные феномены первого лица в понимании Линн Бейкер (1998), одновременно пребывая в убеждении, что на самом деле человек вообще не существует. Я вернусь к этому вопросу позже.

Синдром Котарда может быть проанализирован как сочетание потери целого слоя неконцептуального, прозрачного содержания и соответствующего появления нового, квазиконцептуального и непрозрачного содержания в ПСМ пациента. Есть ли более конкретный способ описать причинную роль информации, которая теперь уже недоступна на уровне феноменальной модели реальности пациента? Что вызывает масштабную реструктуризацию его "паутины убеждений"? Второй, более конкретной гипотезой может стать предположение об "эмоциональном развоплощении": ПСМ пациента с болезнью Котара опустошается от всего эмоционального содержания, что делает, в частности, невозможным сознательное переживание знакомства с самим собой. То, что теряет пациент, может быть как раз тем феноменальным качеством "пререклексивной самоинтимности", о котором уже говорилось. Пациентка не бесконечно близка к себе, а бесконечно далека. Если, кроме того, верно, что эмоциональное содержание, вообще говоря, представляет организму логику выживания, то саморепрезентативное эмоциональное содержание, в частности, будет представлять для этого организма внутреннюю логику вегетативной саморегуляции, его собственного жизненного процесса. Для этого пациента логика выживания была приостановлена: Его жизненный процесс - хотя функционально и разворачивается как все еще непрерывно реализуемый в физическом теле - больше не принадлежит ему, будучи представленным в ПСМ. Его жизненный процесс не только больше не принадлежит ему, он может даже больше не быть частью его феноменальной реальности, в зависимости от тяжести степени психотической депрессии. Тот факт, что происходит автономная саморегуляция, непрерывный телесный процесс, направленный на самосохранение, также не является глобально доступным фактом; следовательно, этот факт больше не является частью реальности пациента. Динамический процесс само моделирования, как отмечалось выше, является процессом самосохранения. Поэтому

пациента с болезнью Котара можно описать как живую, самопредставляющуюся систему, которая не может больше удерживать тот факт, что она на самом деле является живой системой.

Однако синдром Котара - это нечто большее, чем эмоциональное развоплощение, приводящее к стойкой ложной вере по принципу феноменальной самореференции (то есть все когнитивные самореференции в конечном итоге могут относиться только к содержанию осознаваемой в данный момент модели "я"). Утверждать, что человек мертв - в смысле мертвого тела - это не то же самое, что утверждать, что он не существует. Энок и Третован пишут:

Впоследствии пациент может отрицать свое существование, даже полностью отказаться от использования личного местоимения "я". Одна пациентка даже называла себя "мадам Ноль", чтобы подчеркнуть свое небытие. Одна из пациенток Андерсона сказала, обращаясь к себе: "Это бесполезно. Заверните ее и выбросьте в мусорное ведро" [ссылка на Андерсон 1964]. . . .

Если бред полностью инкапсулируется, субъект может даже принять веселое настроение и вступить в философскую дискуссию о собственном существовании или несуществовании. (Enoch and Trethowan 1991, pp. 173, 175)

Насколько мне известно, существует еще только один класс феноменальных состояний, в которых говорящие иногда постоянно называют себя без использования местоимения "я", а именно во время длительных мистических или духовных переживаний. Общим для обоих классов является то, что феноменальное свойство самости больше не инстанцируется, в то время как когерентная модель реальности как таковой продолжает существовать. Однако пациент с болезнью Котара может выразить свое

драматическое и обобщенное эмоциональное переживание непривычности, даже отрицая существование реальности в целом. Феномен эксплицитного отрицания существования нельзя игнорировать, поскольку на уровне эксплицитно отрицаемого содержания он является вторым по распространенности репрезентативным признаком синдрома Котарда, встречающимся в 69 % случаев (Berrios and Luque 1995, p. 187). Таким образом, главный вопрос заключается в том, какая нейрофеноменологическая конфигурация может привести человека к тому, что он (а) будет отрицать свое собственное существование и (б) перестанет использовать личное местоимение "я" (или "я*", если на то пошло; см. раздел 6.4.4)?

Начнем с рассмотрения первого вопроса. Сознательная репрезентация существования кодируется через феноменальную прозрачность, как объясняется в разделах 3.2.7 и 6.2.6. Феноменально мы являемся существами, переживающими содержание определенной активной репрезентации как реальное тогда и только тогда, когда более ранние стадии обработки этой репрезентации аттенционально недоступны для нас. Отсюда следует предсказание, что если Я-модель человека станет полностью непрозрачной, то он будет переживать себя как несуществующего - феноменальное свойство самости больше не будет инстанцировано. Субъектный компонент PMIR такого существа был бы полностью непрозрачным и продолжал бы функционировать в качестве источника перспективы от первого лица только по функциональным причинам, поскольку постоянный источник непрерывного ввода делает его функциональным центром его репрезентативного пространства. Поскольку феноменального "я" как субъекта не будет, такая система не будет иметь PSM в подлинном смысле этого слова, и ее PMIR, строго говоря, будет инстанцировать только функциональную, но не феноменальную перспективу первого лица. Я считаю это естественным объяснением длительных духовных и

мистических переживаний, о которых говорилось выше, но не буду развивать эту линию мысли здесь. Вторая логическая возможность заключается в том, что в экстремальных конфигурациях Котара существование отрицается, поскольку ПСМ больше не существует. Это эмпирически неправдоподобно, поскольку пациенты с болезнью Котара, безусловно, демонстрируют высокую степень сенсомоторной интеграции, связной речи и т. д.; они определенно не находятся в коматозном состоянии или в глубоком сне.

Третья возможность, таким образом, заключается в том, что прозрачная, сознательная Я-модель существует, но это уже не субъект-модель, а только объект-модель. Что-то все еще существует, что-то, что выглядит как модель человека, но что-то совершенно незнакомое, не живое и не феноменальное "я" в акте жизни, восприятия, внимания и мышления. ПСМ утратила эмоциональный слой. ПМИР в таком случае будет не моделью субъект-объектного отношения, а только моделью объектно-объектного отношения. Она будет представлять собой не феноменальную перспективу первого лица, а скорее перспективу первого объекта. Первый объект", по чисто функциональным причинам, сохраняется как инвариантный центр реальности, поскольку он связан с инвариантным источником внутренне генерируемых входных данных. Феноменально этот функциональный центр является местом, где происходят вещи, но все они - как и сам центр - не принадлежат ему. Феноменальное свойство "минности" исчезло из реальности пациента. Как выразился Филипп Герранс (2000):

В этом случае пациентка воспринимает себя не более чем локус, но не опыта - поскольку из-за полного подавления аффекта ее восприятия и когниции не связаны с ее телом, - а регистрации хода событий. (р. 118)

Перейдем ко второму вопросу: Почему такая система перестала использовать местоимение "я", обращаясь к самой себе? Ответ на этот вопрос должен объяснить феномен для двух различных классов феноменальных состояний: духовных переживаний и синдрома Котара. В обоих случаях система по-прежнему работает в рамках функционально центрированной модели реальности. Моторный контроль, обработка внимания и когнитивная готовность находятся на месте и в принципе хорошо интегрированы. Сенсоримоторная интеграция успешно достигнута. В обоих случаях субъектный компонент ПМИР больше не является субъектным компонентом на уровне феноменального опыта. Феноменологически оба класса состояний представляют собой бессубъектные модели реальности. На репрезентативном уровне анализа мы обнаруживаем, что не существует глобально доступной репрезентации Я как субъекта. В настоящее время мы очень мало знаем о минимально достаточных нейронных коррелятах обоих типов состояний, но можно предположить, что этиология их заметно отличается: в одном классе состояний это значительное повышение степени доступности внимания для более ранних этапов обработки, способствующих формированию системной модели; во втором классе состояний это потеря определенного слоя, а именно эмоционального, который трансформирует субъектную модель в объектную, превращая состояние первого лица в состояние "первого объекта". Если это описание направлено в нужную сторону, то мы можем дать новый ответ на старый философский вопрос о том, к чему "относится" личное местоимение. "Я*" неизбежно отсылает к специфической форме феноменального ментального содержания: к прозрачному, субкогнитивному разделу активной в данный момент ПСМ, изображающему говорящего в качестве субъекта. Если этот раздел будет утрачен или станет непрозрачным, говорящие перестанут использовать "я*". Я вернусь к этому вопросу во втором разделе главы 8.

7.2.3 Галлюцинированные личности

Галлюцинированное "я" - это прозрачная Я-модель, интегрирующая ментальное содержание, которое в существенных аспектах и в значительной степени является только феноменальным, а не интенциональным содержанием. Поэтому оно искажает текущее состояние системы для системы. Это не самопознание, а чистый феноменальный характер. Как мы видели ранее, существует натуралистическая версия аргумента Декарта относительно уверенности в собственном существовании: До тех пор пока связанная самомодель активна и глобально доступна, мы должны предполагать, что существует некая физическая система, которая порождает эту модель. Это, с точки зрения третьего лица, просто "встроено" в качестве центрального теоретического предположения натуралистических версий репрезентационизма. Интересно, что есть еще один "встроенный" аспект, но на этот раз он касается функциональной архитектуры, лежащей в основе самой феноменологии самости: С точки зрения первого лица, это предположение было жестко вмонтировано в наш мозг благодаря прозрачности ПСМ. Существует нечто, напоминающее "экзистенциальный квантификатор", который, так сказать, отображается в непропозициональном формате наиболее инвариантными и полностью прозрачными разделами Я-модели (см. раздел 5.4). Это является следствием аттенциональной недоступности более ранних стадий обработки и отражается в наивном реализме, характеризующем некогнитивные формы феноменального самосознания.

Пожалуйста, помните, что одно из центральных метафизических утверждений, на которых строится это исследование, заключается в том, что в мире не существует

таких вещей, как "я". Все, что в онтологическом смысле существует, - это определенные классы информационно-процессорных систем, работающих в рамках прозрачных самомоделей. Для этих систем наличие такой самомодели - это просто новый способ доступа к самим себе. Поэтому все "я" - это либо галлюцинации (феноменологически), либо элементы неточных, реификационных феноменологических описаний. Однако то, что не поддается трансценденции в стандартных ситуациях (потенциальное исключение - синдром Котара, о котором мы говорили ранее), - это опыт реального существования прямо сейчас. И, учитывая наши исходные предположения, это тривиально неизбежно. Все остальные свойства содержания, реализуемые активной в данный момент Я-моделью, в принципе могут быть исключительно феноменальными свойствами и не нести никакой информации о реальном состоянии системы. Это касается не только простых телесных ощущений, эмоционального или когнитивного ментального содержания, но и того, как система феноменально позиционирует себя во времени и пространстве. Более того, интегрированная природа всех этих свойств, изображаемых в режиме саморепрезентации, в принципе может быть фикцией: мы можем представить себе физическую систему, состоящую из широко распределенных сенсоров и эффекторов, интегрирующих информацию через огромные расстояния в совершенно ложную, пустую самомодель системы, обладающей единым телом со всеми его сенсорными органами и эффекторами, локализованными в едином регионе физического пространства. Минимально достаточный нейронный коррелят сознательной самомодели мог бы быть реализован не только одним мозгом в чане, но, при наличии эффективных средств передачи информации, и отдельными частями этого мозга во множестве чанов в многочисленных лабораториях, разбросанных по всему миру - при условии, что будет решена проблема, которую в другом месте я назвал проблемой "связывания высшего порядка" (см. Metzinger 1995c). Но до тех пор, пока мы

придерживаемся реалистической онтологии, всегда будет оставаться верным, что некая физическая система, порождающая галлюцинированное "я", существует. И снова важно отметить, что понятие "галлюцинированного "я"" не является противоречием в терминах: то, чему приписывается галлюцинация, - это не сознательное картезианское "я", а просто физическая система в целом. Точно так же, как она может генерировать бескорыстную феноменальную модель реальности, физическая система в целом также может галлюцинировать "я".

Говоря о возможности галлюцинированных "я", интересно вспомнить концептуальное различие, которое я ввел в разделе 4.2.4. Могут быть частично непрозрачные галлюцинированные "я" и полностью прозрачные галлюцинированные "я". Существуют псевдогаллюцинации и сложные галлюцинации. Частично непрозрачным галлюцинированным "я" будет то, для которого информация о том, что определенный раздел на самом деле является субсимволическим, нетеоретическим (неверным) представлением собственной текущей реальности системы, все еще глобально доступна, например, для сознательного познания.

Наш первый пример - фантомные конечности - может служить типичным примером. Он также подчеркивает разницу между когнитивной и аттенционной непрозрачностью. Пациенты, страдающие от фантомных конечностей, знают, что эти конечности не настоящие. Феноменальное чувство собственности дано, как и когнитивная доступность искаженного характера их эмпирического содержания. Чего не дано, так это аттенциональной доступности более ранних стадий обработки. Для того чтобы справедливо отнестись к этому феноменологическому ограничению, мы могли бы немного изменить наш набор инструментов, сказав, что существует

два вида феноменальной прозрачности. Фантомные конечности сейчас - это когнитивно непрозрачные части PSM. Однако существуют также сложные и полностью прозрачные галлюцинированные "я", как у пациентов с серьезными заблуждениями. Сложные галлюцинации когнитивно и аттенционны прозрачны, тогда как псевдогаллюцинации, по крайней мере, когнитивно непрозрачны, а в некоторых случаях даже характеризуются дополнительной аттенционной доступностью более ранних стадий обработки (вспомним абстрактные геометрические паттерны некоторых зрительных галлюцинаций, обсуждавшиеся в разделе 4.2.4). Если это концептуальное различие верно, то эмпирическое предсказание состоит в том, что должны существовать случаи фантомных конечностей, сопровождаемые анозогнозией (неспособностью замечать текущий дефицит; см. раздел 7.2.1), приводящей даже нормального пациента с фантомной конечностью к полностью выраженному бредовому состоянию, заставляющему его верить, что ампутированная конечность на самом деле все еще существует. Как выяснилось, существуют редкие случаи комбинированного двойного поражения после несчастных случаев, которые приводят именно к такой нейрофеноменологической конфигурации.

Например, Рамачандран и Хирштейн (1998) сообщают об одном пациенте Д. С., "который потерял левую руку в автомобильной аварии, а также имел двусторонние лобные поражения, не только ощущал фантомную руку, как ожидалось, но и настаивал на том, что он все еще видит ее и что она не была удалена, хотя в других отношениях он был психически вполне ясен" (с. 1624). Для этого пациента искаженный характер его переживаний, связанных с "лишней" конечностью, не был ни аттенционально, ни когнитивно доступен. Поэтому его можно описать как страдающего лишь от частичной, но полностью прозрачной и, следовательно, сложной самогаллюцинации. Наша теория

также предсказывает, что когнитивная и аттенционная доступность дефицита должна быть диссоциирована для галлюцинирующих "я". Интересно отметить, что существуют и другие случаи переживания сверхнормальных конечностей в истинном смысле этого слова, в которых нет никакой степени замешательства или бреда (когнитивная доступность), в то время как, например, две дополнительные нижние конечности переживаются как существующие полностью реалистичным образом (аттенционная недоступность более ранних стадий обработки). Это прозрачно представленные части псевдосамостоятельной галлюцинации (примеры см. в Vuilleumier, Reverdin, and Landis 1997; Halligan and Marshall 1995). Однако существует множество других причин, делающих феномен фантомных конечностей особенно интересным для уточнения существующей теории на уровне эмпирических ограничений. Сознательная Я-модель человека состоит из пространственного, геометрического компонента и непространственных, более когнитивных форм содержания. Фантомные конечности явно являются галлюцинированными частями геометрических Я-моделей.

Фантомные конечности у пациентов после ампутации и аплазии

Феномены фантомных конечностей представляют собой отдельный класс феноменальных состояний. Они заключаются в осознанном переживании несуществующей части тела. Фантомные переживания конечностей обычно отмечаются после ампутации руки или ноги, и от 90 до 98 % всех пациентов после ампутации испытывают яркие фантомы (полный обзор см. в Ramachandran and Hirstein 1998, p. 1605 и далее). О фантомных переживаниях также сообщается после ампутации груди, частей лица и даже внутренностей.

Сообщалось о фантомных "язвенных болях" после частичной гастрэктомии, а также о фантомных эрекциях у пациентов, которым удалили пенис, а Рамачандран и Хирштейн даже сообщали о пациентках с фантомными менструальными спазмами после гистерэктомии (ссылки см. в Ramachandran and Hirstein 1998; ряд популярных примеров см. в Ramachandran 1998). Фантомные переживания конечностей полностью прозрачны на уровне обработки внимания, и их иногда ультрареалистичный характер часто приводит ампутантов к попыткам использовать конечность. Фантомные конечностей, знают, что эти конечности не настоящие. Феноменальное чувство собственности дано, как и когнитивная доступность искаженного характера их эмпирического содержания. Чего не дано, так это attentionальной доступности более ранних стадий обработки. Для того чтобы справедливо отнестись к этому феноменологическому ограничению, мы могли бы немного изменить наш набор инструментов, сказав, что существует два вида феноменальной прозрачности. Фантомные конечности сейчас - это когнитивно непрозрачные части PSM. Однако существуют также сложные и полностью прозрачные галлюцинированные "я", как у пациентов с серьезными заблуждениями. Сложные галлюцинации когнитивно и attentionно прозрачны, тогда как псевдогаллюцинации, по крайней мере, когнитивно непрозрачны, а в некоторых случаях даже характеризуются дополнительной attentionной доступностью более ранних стадий обработки (вспомним абстрактные геометрические паттерны некоторых зрительных галлюцинаций, обсуждавшиеся в разделе 4.2.4). Если это концептуальное различие верно, то эмпирическое предсказание состоит в том, что должны существовать случаи фантомных конечностей, сопровождаемые анозогнозией (неспособностью замечать текущий дефицит; см. раздел 7.2.1), приводящей даже нормального пациента с фантомной конечностью к полностью выраженному бредовому состоянию, заставляющему его верить, что ампутированная

конечность на самом деле все еще существует. Как выяснилось, существуют редкие случаи комбинированного двойного поражения после несчастных случаев, которые приводят именно к такой нейрофеноменологической конфигурации.

Например, Рамачандран и Хирштейн (1998) сообщают об одном пациенте Д. С., "который потерял левую руку в автомобильной аварии, а также имел двусторонние лобные поражения, не только ощущал фантомную руку, как ожидалось, но и настаивал на том, что он все еще видит ее и что она не была удалена, хотя в других отношениях он был психически вполне ясен" (с. 1624). Для этого пациента искаженный характер его переживаний, связанных с "лишней" конечностью, не был ни аттенционально, ни когнитивно доступен. Поэтому его можно описать как страдающего лишь от частичной, но полностью прозрачной и, следовательно, сложной самогаллюцинации. Наша теория также предсказывает, что когнитивная и аттенционная доступность дефицита должна быть диссоциирована для галлюцинирующих "я". Интересно отметить, что существуют и другие случаи переживания сверхнормальных конечностей в истинном смысле этого слова, в которых нет никакой степени замешательства или бреда (когнитивная доступность), в то время как, например, две дополнительные нижние конечности переживаются как существующие полностью реалистичным образом (аттенционная недоступность более ранних стадий обработки). Это прозрачно представленные части псевдосамостоятельной галлюцинации (примеры см. в Vuilleumier, Reverdin, and Landis 1997; Halligan and Marshall 1995). Однако существует множество других причин, делающих феномен фантомных конечностей особенно интересным для уточнения существующей теории на уровне эмпирических ограничений. Сознательная Я-модель человека состоит из пространственного, геометрического компонента и непространственных, более когнитивных форм содержания.

Фантомные конечности явно являются галлюцинированными частями геометрических Я-моделей.

Фантомные конечности у пациентов после ампутации и аплазии

Феномены фантомных конечностей представляют собой отдельный класс феноменальных состояний. Они заключаются в осознанном переживании несуществующей части тела. Фантомные переживания конечностей обычно отмечаются после ампутации руки или ноги, и от 90 до 98 % всех пациентов после ампутации испытывают яркие фантомы (полный обзор см. в Ramachandran and Hirstein 1998, p. 1605 и далее). О фантомных переживаниях также сообщается после ампутации груди, частей лица и даже внутренностей. Сообщалось о фантомных "язвенных болях" после частичной гастрэктомии, а также о фантомных эрекциях у пациентов, которым удалили пенис, а Рамачандран и Хирштейн даже сообщали о пациентках с фантомными менструальными спазмами после гистерэктомии (ссылки см. в Ramachandran and Hirstein 1998; ряд популярных примеров см. в Ramachandran 1998). Фантомные переживания конечностей полностью прозрачны на уровне обработки внимания, и их иногда ультрареалистичный характер часто приводит ампутантов к попыткам использовать конечность. Фантомные переживания после ампутации в 79 % случаев появляются сразу после того, как действие анестезии заканчивается и пациент вновь обретает сознание, в то время как у других пациентов они могут задержаться на несколько дней или недель. Как правило, сознательное переживание несуществующей конечности сохраняется в течение нескольких дней или недель, после чего соответствующая часть ПСМ постепенно реорганизуется и исчезает из общей сознательной модели реальности. Однако есть и сообщения о

фантомных конечностях, сохраняющихся в течение многих десятилетий.

Важным аспектом клинической значимости фантомных переживаний конечностей является тот факт, что они часто сопровождаются субъективным переживанием боли в галлюцинируемой конечности (полный обзор см. в Hill 1999). Декарт знал об этом явлении, когда в седьмом разделе Шестой медитации писал о ненадежности даже того, что он считал наиболее внутренней формой сенсорного восприятия: "И все же мне иногда сообщали люди, у которых была ампутирована рука или нога, что они все еще иногда, казалось, чувствовали боль в той части тела, которую они потеряли, - обстоятельство, которое заставило меня подумать, что я не могу быть вполне уверенным даже в том, что какой-либо из моих членов был затронут, когда я чувствовал боль в нем". Простые субъективные "качества" болевых ощущений, интегрированных фантомной конечностью - ноцицептивное презентативное содержание, которое теперь не соотносится с исходным стимулом, - иногда описываются как легкое покалывание или стянутость, или, что более типично, как "булавки и иголки" (Hill 1999, p. 128).

Другими презентативными субформатами, присутствующими в феноменологии, являются прикосновение, температура, давление и зуд. Если квазисенсорное феноменальное содержание, интегрированное в фантомную конечность, вызывает боль, пациенты часто описывают ее как "жжение" и "судороги". Хилл сообщает, что фантомная конечность также часто описывается как "онемевшая", "умная", "жгучая", "скребущая", "колющая" и "рвущая" (дополнительные ссылки см. в Hill 1999, p. 130). Поза фантомной конечности часто является привычной, при этом спонтанные изменения - обычное явление. Типичный пример, о котором также

сообщают Рамачандран и Хирштейн, - пациент просыпается утром, фантомная конечность принимает необычную и неудобную позу, но через несколько минут возвращается в привычную позу (Ramachandran and Hirstein 1998, p. 1605). В целом объем и форма фантомной конечности, ощущаемые сразу после ампутации, часто напоминают то, как конечность была смоделирована до ампутации на уровне осознанного опыта. При травматических потерях, когда конечность была деформирована в результате несчастного случая, фантом иногда будет отражать положение конечности непосредственно перед ампутацией. Болевые ощущения в фантомной конечности часто напоминают доампутационную боль не только по "формату", но и по локализации. Бейли и Моерш (1941; цит. по Hill 1999, p. 131) представили пример пациента-мужчины, перенесшего ампутацию 22 года назад. Пациент попал в аварию, в результате которой у него под ногтем осталась болезненная щепка. Через неделю ему оторвало руку в результате несчастного случая на работе. В течение 2 лет после аварии пациент испытывал боль точно такого же качества и той же феноменальной локализации, что и при наличии осколка под ногтем.

Еще одним важным аспектом феноменологии фантомных конечностей, который дал важные подсказки относительно лежащей в основе нейронной динамики, является так называемый эффект телескопирования. Примерно в 50 % случаев фантомы, как правило, верхних конечностей, не просто исчезают из сознательной модели реальности, а становятся все более короткими. Конечная стадия этого развития может заключаться в прозрачном, полностью реалистичном переживании фантомной руки, свисающей с культи, или даже возможности сжать кулак или почувствовать отдельные цифры внутри культи. Однако такие отступающие части ПСМ могут "выскочить" снова, например, если пациент захочет схватить какой-то предмет или протянет руку для рукопожатия. Рамачандран и Хирштейн (1998) рассказывают о ситуации, когда "когда мы

внезапно отодвинули чашку, он вскрикнул от боли, утверждая, что мы вырвали чашку из его фантомных пальцев, в результате чего его рука неожиданно телескопировалась" (с. 1606).

Особенно интригующими являются наблюдения, касающиеся перцептивных коррелятов соматосенсорной пластичности, лежащей в основе реорганизации телесной Я-модели у пациентов с фантомными конечностями с течением времени (см., например, Ramachandran 1993). При систематическом изучении релокализации осязания у ряда постампутированных пациентов путем проведения Q-образным наконечником по различным участкам их кожной поверхности было обнаружено, что стимулы, приложенные к точкам поверхности тела, абсолютно удаленным от места ампутации, приводили к феноменальным ощущениям, неправильно локализованным на фантомной руке. Более того, между определенными областями лица и отдельными цифрами существовала систематическая связь "один к одному". Например, прикосновение к щеке Q-образным кончиком вызывало феноменальные ощущения в несуществующем большом пальце, прикосновение к надкостнице активировало ощущения в области, моделирующей указательный палец, а расчесывание определенной области подбородка приводило к активации части ПСМ, представляющей пятый или мизинец. Мы вернемся к этому конкретному примеру ниже.

Референтные поля для галлюцинированных частей тела, интегрированные в ПСМ в ходе массивной реструктуризации соматосенсорной коры. Области на левой стороне лица пациента V.Q. вызывали точно локализованные референтные ощущения в фантомных цифрах. "Референтные поля", области, вызывающие референтные ощущения, были построены путем многократного проведения по лицу Q-образной палочкой. Область, обозначенная как T, всегда

вызывала ощущения в фантомном большом пальце; Р - в мизинце; I - в указательном пальце; В - в мяче большого пальца. Этот пациент был протестирован через 4 недели после ампутации. (Из Ramachandran 1993.)

Эти аспекты феноменологии переживания фантомных конечностей впервые наглядно иллюстрируют, что значит, что телесная модель "я" действительно является моделью. При необходимой функциональной конфигурации человеческий мозг активирует полностью прозрачную модель телесного "я", которая позволяет ощущать отдельные пальцы на части лица. Часть галлюцинированного "я" может быть феноменологически даже интегрирована в уже существующую и верифицированную модель "я". К выводам о нейронном корреляте феноменальных фантомов я кратко вернусь позже. В заключение этого первого обзора феноменологии фантомных конечностей я хотел бы отметить, что существуют и более сложные конфигурации, чем те, которые были описаны до сих пор. Например, Лакруа, Мелзак, Смит и Митчелл (1992) описали случай множественных фантомных конечностей у ребенка, у которого после ампутации стопы и врожденной короткой ноги развились три наложенных друг на друга фантома. Все три фантомные конечности у этого ребенка имеют четкий феноменологический профиль: их можно пощекотать, они чувствительны к теплу и могут различаться по степени яркости, например, когда протез снимают. Интересно отметить, что в некоторых случаях протезы не только интегрируются в новую Я-модель, но и что пользователи продвинутых миоэлектрических протезов меньше страдают от фантомных болей в конечностях - вполне вероятно, потому, что протез позволяет "заново заселить" двигательной обратной связью область феноменального или

вычислительного пространства состояний, ранее занятую моделью органической конечности.

Наложенные фантомные конечности в телесном ПСМ: глиняная фигурка, сделанная К.Г., на которой изображены три ее фантома. Первым появился фантом 1. У него пять пальцев, края стопы ощущаются, но верхняя и нижняя части отсутствуют. Фантом 2 состоит из пяти пальцев, которые ощущаются на кончике культи. Фантом 3 состоит из стопы и икры, которые заполняют протез ноги. (Из Lacroix et al. 1992.)

На феноменологическом уровне описания фантомные конечности, по-видимому, представляют собой достаточно хорошо очерченный класс девиантных феноменальных моделей "я". Если перейти к анализу каузальной истории подобных феноменов, то полезно провести различие между тремя различными типами этиологии. Во-первых, как и многие другие необычные формы феноменального содержания, обсуждаемые в этой книге, сегодня мы можем искусственно активировать их с помощью внешних средств. Даже спустя много лет после утраты входного сигнала от физической конечности микроstimуляция определенных областей в таламусе с помощью электродов может воссоздать ощущения в отсутствующей конечности (Davis, Kiss, Luo, Tasker, Lozano, and Dostrovsky 1998). Динамическая стимуляция у ампутантов с фантомной конечностью может активировать ощущения в соответствующей части ПСМ, включая боль. Если у ампутантов, не имеющих фантомных ощущений, стимуляция (значительно расширенных) областей, формирующих модель культи в мозге, может вызвать только ощущения на культе и других близлежащих участках тела, то у пациентов с фантомами функциональное стереотаксическое картирование вентрокаудального

таламуса с помощью микроэлектродов активирует покалывание, неприятные или болевые ощущения, интегрированные в пространственную модель отсутствующей конечности. Фантомные конечности также были экспериментально вызваны с помощью анестетиков, блокирующих входные сигналы от интактной конечности (Melzack and Bromage 1973). В этом контексте также интересно отметить, что фантомные конечности, которые исчезли или никогда не были активны на феноменальном уровне опыта (как у некоторых врожденных пациентов; подробные примеры см. в Melzack et al. 1997), иногда могут "выскочить" после сильной стимуляции культи.

Более важно, однако, что каузальные истории, приводящие к постоянным галлюцинациям частей тела, можно разделить на те случаи, когда фантомная конечность появляется после ампутации или травматической потери, и те ситуации, в которых фантомные переживания возникают у людей с врожденным дефицитом конечностей. Очевидно, что одним из наиболее актуальных вопросов с теоретической точки зрения является вопрос о том, существует ли при рождении врожденное ядро человеческой Я-модели, более или менее жесткая функциональная структура, из которой впоследствии может развиваться феноменальное самосознание. Последние данные могут указывать на правдоподобность этой гипотезы. Однако сначала давайте рассмотрим стандартную ситуацию - ситуацию, в которой девиантная Я-модель возникает после постнатальной потери соответствующего физического входного объекта тела.

Я уже описал типичную феноменологию, лежащую в основе стандартной ситуации постимпутационной потери конечности. Однако существуют дополнительные феноменологические ограничения, которые должны быть наложены на любую правдоподобную теорию сознательного само моделирования. Фантомные пациенты, почти

исключительно, либо принадлежат к группе тех, кто способен добровольно контролировать свои фантомные конечности, либо к группе тех, для кого добровольный контроль над феноменальной конечностью не существует. Пациенты из первой группы могут генерировать добровольные движения и испытывать обратную связь, которую естественно ожидать, например, при сжатии кулака или захвате предмета. Они также могут непроизвольно тянуться к телефону или пытаться остановить падение. Однако существует и такой феномен, как "парализованная" фантомная конечность после ампутации. Для таких пациентов фантомная конечность - это жесткая, невидимая часть тела, которой они не могут пошевелить. Виртуальная информация, лежащая в основе этой галлюцинированной части их телесного "я", глобально доступна для познания и фокусировки внимания, но не для управления действиями. Интересно отметить, что почти все пациенты, неспособные добровольно двигать своими фантомными конечностями, пережили зачастую очень травматичный период преампутационного паралича, в то время как у других пациентов этого не происходило.

Я часто отмечал, что на уровне функционального анализа очень плодотворным способом взглянуть на пространственную модель телесного "я" является интерпретация ее как внутреннего эмулятора тела, интегрирующего информацию о положении и движении в каузально активную структуру, которая может, например, обеспечивать быстрые хватательные движения. Рик Груш (1998, с. 174) предложил правдоподобную гипотезу для феномена фантомной конечности, не поддающейся волевому воздействию: Если то, что он называет "скелетомышечным эмулятором", учится и актуализирует свою собственную работу путем мониторинга активности в скелетомышечной системе, то в течение достаточно длительного периода паралича оно "научится" тому, что какая бы двигательная команда ни была подана, результатом на уровне проприоцептивной обратной связи всегда будет отсутствие

реального движения. Другими словами, предоперационный паралич навсегда изменяет функциональную структуру нейронного субстрата, лежащего в основе устойчивого сознательного опыта соответствующей конечности, таким образом, что в системе навсегда устанавливается "предположение о нулевой обратной связи".¹² Как будто во время травматического опыта неподвижность выжигается в ПСМ. Однако еще более интригующим является то, что феномен фантомного паралича руки может быть обратимым. Этот факт показывает, что самодеятельность человека в любой момент времени является результатом совокупности всех ограничений, накладываемых на информационно-процессорную деятельность нашего мозга. Поэтому давайте рассмотрим еще один пример.

Особенно яркий пример зависимости содержания всех сознательных Я-моделей от информации о перцептивном контексте продемонстрировали интригующие эксперименты Рамачандрана и его коллег по зеркально-индуцированной синестезии и иллюзорным движениям фантомных конечностей (Ramachandran, Rogers-Ramachandran, and Cobb 1995; Ramachandran and Rogers-Ramachandran 1996; см. также Ramachandran and Blakeslee 1998, p. 46 ff.). Рамачандран и его коллеги сконструировали "ящик виртуальной реальности", поместив вертикальное зеркало внутрь картонной коробки со снятой крышей. Два отверстия в передней части коробки позволяли пациенту вставлять реальные и фантомные руки. Пациента, который много лет страдал от парализованной фантомной конечности, попросили посмотреть на отражение своей нормальной руки в зеркале, тем самым на уровне зрительного восприятия создавая иллюзию, что он видит две руки, хотя на самом деле он видел только зеркальное отражение неповрежденной руки. Что бы произошло с содержанием ПСМ, если бы испытуемого попросили попробовать выполнить двусторонние, зеркально-симметричные движения?

Рамачандран описал один из типичных результатов эксперимента:

Я попросил Филиппа положить правую руку на правую сторону зеркала в коробке и представить, что его левая рука (фантом) находится с левой стороны. "Я хочу, чтобы вы одновременно двигали правой и левой рукой", - проинструктировал я.

"О, я не могу этого сделать", - сказал Филипп. "Я могу двигать правой рукой, но левая застыла. Каждое утро, вставая, я пытаюсь пошевелить своим фантомом, потому что он находится в таком смешном положении, и мне кажется, что его движение поможет облегчить боль. Но, - говорит он, глядя на свою невидимую руку, - я так и не смог вызвать в ней ни малейшего движения".

"Хорошо, Филипп, но все равно попробуй".

Филипп повернул тело, сдвинув плечо, чтобы "вставить" свой безжизненный фантом в коробку. Затем он положил правую руку на другую сторону зеркала и попытался совершить синхронные движения. Глядя в зеркало, он задышался, а затем восклицал: "О Боже! Боже мой, доктор! Это невероятно. Это умопомрачительно!" Он прыгал вверх и вниз, как ребенок. "Моя левая рука снова подключена к сети. Я как будто попал в прошлое. Все эти воспоминания многолетней давности снова нахлынули на меня. Я снова могу двигать рукой. Я чувствую, как двигается мой локоть, как двигается запястье. Все снова двигается".

Когда он немного успокоился, я сказал: "Хорошо, Филипп, теперь закрой глаза".

"О, Боже", - сказал он, явно разочарованный. "Он снова застыл. Я чувствую, что моя правая рука двигается, но в фантоме нет никакого движения".

"Откройте глаза".

"О, да. Теперь он снова двигается".

(Ramachandran 1998, p. 47 f. Клинические и экспериментальные подробности см. в Ramachandran и Rogers-Ramachandran 1996).

В этом эксперименте движется PSM. Соответствующий раздел теперь удовлетворяет ограничению динамичности, чего не было раньше. Внезапное возобновление кинестетических ощущений в деградировавшем подпространстве Я-модели стало возможным благодаря установке второго источника "виртуальной информации", восстановлению, так сказать, визуального способа самопрезентации, что сделало эту информацию волевым образом доступной. Технически говоря, то, что было вновь активировано в этой системе, является презентационным контентом, происходящим из визуальной модальности. Затем он был автоматически интегрирован в визуальную модель целой движущейся руки. Благодаря пространственному изоморфизму этой модели именно с той областью в пространстве феноменальных состояний, куда пациент посылает моторные команды, упомянутый выше эмулятор тела может фактически генерировать галлюцинаторную, проприоцептивную и кинестетическую обратную связь. Он эмулирует невизуальную обратную связь. Фрит и коллеги (Frith, 2000, p. 1779) высказали аналогичную мысль, предположив, что предиктор, который ранее был адаптирован к ситуации, в которой не возникало обратной связи от изменения положения конечности, независимо от того, какая двигательная команда была подана, теперь может

быть успешно обновлен. Обратите внимание на то, как это влияет на нейрофеноменологию инициации движения, быстрых достигающих движений и т. д. в обычных условиях. Теперь весьма правдоподобно, что то, что с точки зрения первого лица является сознательным и полностью реалистичным самопредставлением, должно быть проанализировано как прозрачная самосимуляция при репрезентационистском описании системы от третьего лица. В основе этого опять же лежит принцип достижения максимально согласованной, гармоничной интерпретации общей нейрокомпьютерной активности в системе. Временно функциональный профиль нейронного субстрата, лежащего в основе этой части сознательной Я-модели, может быть изменен, поскольку необычный перцептивный контекст предлагает второй, полностью конгруэнтный источник входного сигнала через другую сенсорную модальность. Обратите внимание, насколько прозрачен конечный результат этого быстрого процесса субличной самоорганизации: субъективное переживание движения руки не только абсолютно реалистично (тот факт, что оно изображает возможность, а не действительность, доступен только когнитивно, но не аттенционально), но и сопутствующее феноменальное переживание агентности (см. раздел 6.4.5) возникает так же быстро. Содержание телесного ПСМ - это содержание прозрачного предиктора.

Зеркально-индуцированная синестезия: Сделать часть галлюцинаторного "я" доступной для сознательного управления действиями путем установки виртуального источника визуальной обратной связи. (Предоставлено Вилаянуром Рамачандраном).

В исследовании девяти людей с ампутированными руками выяснилось, что у семи испытуемых возникали яркие

кинестетические ощущения при наблюдении за движением нормальной руки в зеркале (Ramachandran et al. 1995, p. 498f.). У одного пациента феноменальная подвижность конечности была вызвана после отсутствия каких-либо субъективных ощущений движения в течение предыдущих 10 лет. У того же пациента повторное использование зеркала в течение 3 недель привело к постепенному и в конечном итоге постоянному исчезновению галлюцинирующей руки. Интересно, что у пяти пациентов, испытывавших непроизвольные спазмы сжимания фантомной руки, оказалось, что у четырех из них эти спазмы можно было немедленно снять, посмотрев в зеркало и одновременно раскрыв обе руки, которые теперь представлялись как части ПСМ. Правдоподобная гипотеза может заключаться в том, что в некоторых конфигурациях моторные команды, которые не нейтрализуются ошибочной обратной связью от проприоцепции, генерируемой реально существующей физической конечностью, приводят не к субъективному переживанию паралича, а к завышенной двигательной активности в галлюцинированной части сознательного "я" - вгрызанию виртуальных ногтей виртуальных пальцев в виртуальную руку, вызывая тем самым прозрачное субъективное переживание болевого спазма. Опять же, сама боль переживается как полностью "презентативная"; на уровне сознательного опыта она актуальна и полностью реалистична. Однако визуальная альтернатива, предлагаемая зеркальным изображением оставшейся реальной руки, которая сама раскрывается, может помочь покончить с этим конкретным аспектом девиантного само моделирования. Интересно также отметить, что попытки применения "зеркальной терапии" в других случаях сегодня показывают хорошие результаты в реабилитации гемипарезов после инсульта (Altschuler, Wisdom, Stone, Foster, Galasko, Llewellyn, and Ramachandran 1999).

Фантомная конечность - это не саморепрезентация, а самосимуляция: ее содержание - это только возможность, а

не актуальность. Фантомные конечности - это афункциональные симулякры, которые не удовлетворяют ограничению адаптивности. Они не выполняют никакой функции для организма. Тем не менее, их феноменальное содержание глобально доступно для самонаправленного познания и интроспективного внимания, а во многих случаях даже для волевого контроля. Поскольку они встроены в окно присутствия, они переживаются как актуальные, существующие в данный момент элементы самости. "Принятые" или нет, они, безусловно, являются частью жизненной реальности индивида и вносят свой вклад в феноменальный опыт воплощения. Они встроены в когерентное глобальное состояние и могут обладать присущей им динамичностью, например, если фантомная рука непроизвольно и автоматически тянется к звонящему телефону. Что делает феноменологию фантомных конечностей особенно интригующей, так это то, как органично сочетаются псевдогаллюцинация и полностью функциональная, активная модель себя. В стандартных ситуациях пациенты знают, что их фантомные конечности на самом деле не существуют; факт того, что их рука является галлюцинацией, когнитивно доступен им. То, что объединяет репрезентацию и симуляцию, с точки зрения первого лица, - это качество высшего порядка феноменальной реальности. Фантомная конечность - даже если я не могу ее реализовать - является моей собственной фантомной конечностью, так же как и моя оставшаяся "реальная" рука. Я-модель человека - это сложный, интегрированный гештальт, состоящий из вложенных друг в друга и в основном неконцептуальных форм содержания. Вполне правдоподобно предположить, что существует отдельная форма бессознательного связывания признаков, определяющая феноменальное свойство "минности". Также можно предположить, что такая функция имеет разную степень силы корреляции, что приводит к градиенту когерентности и феноменальной степени владения.

В некоторых случаях процесс обновления феноменального "я" может быть длительным (ср. феноменологию синдрома Антона, описанную в разделе 7.2.1). Хари и коллеги описали пациента Э.П., который страдал не от постампутационного фантома, а (после операции по поводу разрыва аневризмы с последующим инфарктом правой лобной доли) от межчеловеческого конфликта, синдрома чужой руки и сверхнормативной руки-призрака, которая часто создавала феноменальную копию предыдущих положений левой руки с задержкой во времени от 30 до 60 секунд.

Несколько раз в день она ощущала третью руку и, реже, третью ногу. . . Э.П. полностью осознавала ненормальность своих восприятий и могла аналитически наблюдать за своими симптомами. Призрачные конечности всегда находились с левой стороны тела и часто казались настолько реальными, что Э.П. было трудно отличить их от настоящих конечностей. Интересно, что положение призрачной руки персеверативно копировало предыдущее положение левой реальной руки: например, если левая реальная рука раньше лежала на подлокотнике кресла, а теперь находилась на столе, то (проприоцептивно) появляющаяся призрачная рука оказывалась на подлокотнике. Когда левая рука возвращалась на подлокотник, призрачная конечность исчезала, но вскоре появлялась вновь, на этот раз на столе. Время задержки от нового положения руки до появления призрачной конечности измерялось несколько раз и обычно составляло 0,5-1 мин. Если Э.П. оставался неподвижным, восприятие призрака могло длиться десятки минут.

Е.П. иногда испытывала раздвоение тела: когда она поднималась со скамейки, ей казалось, что только правая половина тела начинает идти, в то время как левая остается на скамейке. Повторяющиеся и монотонные движения вызывали это восприятие, в то время как, например, танцы

предотвращали его появление. (Hari, Hänninen, Mäkinen, Jousmäki, Forss, Seppä, and Salonen 1998, p. 132)

Особый интерес в этом случае представляет тот факт, что призрачные конечности не находились под волевым контролем, а часто следовали за движениями правых конечностей. В то время как общее положение сверхнормального фантома определялось предыдущим положением левой руки, движение одного пальца правой руки могло в то же время вызвать соответствующее ощущение движения в части феноменальной Я-модели, сформированной призрачной рукой с левой стороны. Это показывает, что процесс обновления, лежащий в основе ПСМ, может функционально зависеть от разных источников, например, в разных полушариях, которые в патологических конфигурациях могут даже вступать в конфликт друг с другом и действовать в разных временных рамках. Получающаяся в результате феноменология телесного "я" восхитительна, поскольку она по-прежнему представляет собой единую структуру - одно феноменальное "я" - и в то же время демонстрирует значительную фрагментацию и гипертрофию, отражая обычно невидимую функциональную модульность, лежащую в основе ПСМ.

Возвращаясь к "классическим" фантомам, также утверждается, что существует параллель между фантомными конечностями и зрительными галлюцинациями, возникающими при синдроме Чарльза Бонне (CBS; как описано в разделе 4.2.4), в плане формирования полного перцептивного гештальта без сенсорного ввода (Schultz and Melzack 1991, p. 823). Другой общей чертой является наличие когнитивного инсайта, поскольку CBS, как и типичное переживание фантомных конечностей, отличается от синдрома Антона отсутствием дезориентации. Осознанное переживание фантомных конечностей также может рассматриваться как еще один пример автономной

активации сложного феноменального содержания (см. раздел 3.2.8), но без волевого компонента и во временно устойчивой манере. В фантомных конечностях мы находим типичные инстанции презентативного содержания - боль, ощущения тепла, покалывания, судороги, кинестетические ощущения и так далее - и для всех этих типов простого эмпирического содержания снова верно, что они обладают непрерывным измерением интенсивности (ограничение 9) и что они однородны (ограничение 10). Однако степень удовлетворения ограничений интенсивности может быть ниже. В стандартных ситуациях этот тип феноменального содержания строго коррелирует со стимулом. Здесь фактический источник стимула находится в другом месте системы, но сам этот факт доступен пациенту не более чем когнитивно. На уровне субъективного опыта презентный характер элементарных ощущений, интегрируемых фантомной конечностью, полностью прозрачен, то есть неинтенциональные свойства и более ранние этапы обработки актуальной репрезентативной динамики в мозге недоступны интроспективному вниманию.

Доказательства врожденного компонента ПСМ? Фантомы (заштрихованные области) у испытуемого с амелией конечностей. Цифры - оценки яркости ощущения присутствия различных фантомных частей тела по 7-балльной шкале от 0 (отсутствие осознания) до 6 (наиболее яркое впечатление). (Предоставлено Петером Брюггером, Цюрих).

Что касается нейронных коррелятов, лежащих в основе фантомных конечностей, то общая гипотеза заключается в том, что важные аспекты фантомных переживаний обусловлены врожденной "нейроматрицей" образа человеческого тела (см. ниже). Боль в фантомной

конечности, а также эффект телескопирования, при котором фантомная конечность уходит в культю, и субъективная референция тактильных стимулов, приложенных к щеке пациента и к определенным областям или цифрам фантомной кисти и руки (как обсуждалось выше; см. Ramachandran 1993, p. 10494 f.; см. также Ramachandran 1998, p. 1609 f.; Ramachandran, Rogers-Ramachandran, and Stewart 1992a; Ramachandran, Stewart, and Rogers-Ramachandran 1992b) отражают процесс перестройки в лежащем в основе нейронном субстрате.

Я не буду вдаваться во все подробности текущей нейронаучной дискуссии, которая все еще остается частично неокончательной и развивается с огромной скоростью. Однако, кажется, можно с уверенностью сказать следующее: Потеря части тела - это потеря самопрезентации. В принципе, это должно привести к потере соответствующей части ПСМ, но фактическая обработка, лежащая в основе и обновляющая эту модель, может занять некоторое время, а при особых условиях - задержаться на многие годы (например, эмулятор парализованного тела, действующий как "нулевая машина Тьюринга"). Мозг человека открывает огромное вычислительное пространство, и определенный участок этого вычислительного пространства сейчас не занят: для обработки информации, связанной с ампутированной конечностью, и активации соответствующей части Я-модели вычислительные ресурсы не требуются. Также можно с уверенностью сказать, что человеческий мозг распределяет вычислительные ресурсы в соревновательном, эволюционном стиле. Множество источников входного сигнала постоянно конкурируют за участок нейрокомпьютерного пространства, в котором они могут найти максимальное выражение. Как только часть этого вычислительного пространства покидается, соседние области начинают конкурировать за освободившуюся вычислительную мощность и "вторгаются" в эти области. Иными словами, нейрофеноменология человека в

значительной степени подчиняется эволюционному принципу "используй или потеряешь".

Потеря конечности - это не только потеря репрезентативного аппарата. Потеря конечности также приводит к сужению пространства поведенческих состояний организма. Определенные диапазоны поведения теперь стали невозможными. Поскольку они никогда больше не будут актуальными, их никогда больше не придется представлять, а поскольку их никогда больше не придется планировать, их никогда больше не придется моделировать. Поэтому с эволюционной точки зрения было бы полезно перераспределить вычислительные ресурсы. Похоже, что процесс ремаппинга коры головного мозга выполняет именно эту функцию, отражаясь на феноменальном уровне в виде субъективного переживания иногда болящей, но постепенно исчезающей фантомной конечности.

Первый урок, который необходимо усвоить в отношении нейронных коррелятов фантомных переживаний, заключается в том, что должна существовать удивительная пластичность, в частности, в соматосенсорных областях человеческого мозга. Недавние магнитоэнцефалографические (МЭГ) исследования, изучающие соматосенсорную пластичность у взрослых людей, и ряд исследований на животных представляют доказательства фактической реорганизации коры, например, после хирургического разделения врожденно перепончатых пальцев (обзор и обсуждение см. в Ramachandran 1993). На самом деле были задокументированы новые перцептивные корреляты таких процессов нейронной реорганизации. Было показано, что у ряда пациентов стимулы, приложенные к точкам на поверхности тела, удаленным от фактического места ампутации, систематически переназначаются на ту часть сознательной Я-модели, которая представляет собой фантомную руку. Например, у пациента V.Q. (Ramachandran

1993, p. 10415 f.) наблюдалось систематическое сопоставление один к одному между определенными областями на щеке и отдельными цифрами, такими как большой палец или мизинец. Через четыре недели после ампутации в его феноменологии появились отчетливые новые черты, отражающие масштабную реорганизацию нейронных и вычислительных основ ПСМ этого пациента. Вот как Рамачандран описал вновь возникшую ситуацию:

Как правило, пациент сообщал, что одновременно ощущает прикосновение Q-кончика к лицу и "покалывание" в отдельной цифре. Многократно проводя Q-кончиком по его лицу, мы даже смогли построить "рецептивные поля" (или "референтные поля") для отдельных цифр (фантомной) левой руки на поверхности его лица. Границы этих полей были удивительно четкими и стабильными в ходе последовательных испытаний. Стимулы, подаваемые на другие части тела, такие как язык, шея, плечи, туловище, подмышечная впадина и контралатеральная рука, никогда не были неправильно локализованы на фантомной руке. Однако была одна специфическая точка на контралатеральной щеке, которая всегда вызывала ощущение покалывания в фантомном локте.

Второе скопление точек, вызывавших соответствующие ощущения, было обнаружено примерно на 7 см выше линии ампутации. Здесь также наблюдалось систематическое сопоставление один к одному: большой палец был представлен медиально на передней поверхности руки, а мизинец - латерально. (Ramachandran 1993, p. 10415)

Интересно отметить, что существуют модально-специфические эффекты. Другими словами, различные форматы простого, коррелирующего со стимулом

презентационного контента могут быть связаны с галлюцинированной частью телесного "я". Это интересно, поскольку имеет отношение к лежащим в основе нейронным путям, формирующим физический коррелят соответствующего типа сознательного опыта. Рассмотрим пример с теплом:

Чтобы выяснить это, мы попробовали поместить каплю теплой воды на лицо VQ. Конечно, он почувствовал теплую воду на лице, но, что примечательно, он сообщил (без всяких подсказок), что его фантомная рука тоже ощущается теплой. Однажды, когда вода случайно потекла по его лицу, он с удивлением воскликнул, что действительно чувствует, как теплая вода стекает по его фантомной руке! Сейчас мы наблюдаем этот эффект у трех пациентов: двух после ампутации верхних конечностей и одного после перелома плечевого сплетения. Последний пациент мог использовать свою нормальную руку, чтобы проследить точный путь иллюзорной "струи" по своей парализованной руке, как капля холодной воды стекает по его лицу". (ibid., p. 10416)

Эти нейрофеноменологические исследования показывают, что феноменальное содержание Я-модели довольно быстро меняется с процессами ремаппинга в человеческом мозге, что даже сложные цепочки презентативного содержания (такие "простые" ощущения, как тепло, боль или прикосновение) могут быть перенесены, так сказать, с фактического места физического входа на удаленную феноменальную локализацию в сознательном Я; что соответствие между феноменальным Я и "новыми рецептивными полями" имеет систематический (т.е., и что общий эффект является топографически сохраняющим в плане направления, расстояния и скорости, с которой, например, феноменально представлено движение стимула, такого как теплая капля воды. Очевидно, что существует нечто вроде феноменальной системы пространственной референции, и она может быть

деформирована и развернута различными способами. Могли ли две различные области в физическом пространстве, которые сейчас проецируются в одно и то же место в PSM, на более ранней стадии быть одной областью? Увлекательная спекулятивная гипотеза может заключаться в том, что в утробе матери - когда нежное ядро Я-модели медленно начинало разворачиваться и приобретать функциональную дифференциацию - свернувшийся эмбрион держал руки на щеках (насколько мне известно, эта гипотеза была впервые предложена Мартой Фара; см. Ramachandran and Blakeslee 1998, p. 266; n. 4). Когда физическое тело начинает двигаться, отношения соседства все еще сохраняются на уровне Я-модели в мозге.

Рамачандран интересно утверждает, что причина существования двух скоплений точек, активирующих галлюцинированную часть феноменального "я" таким образом (одно на лице, другое - примерно на 7 см выше линии ампутации, на верхней части руки), заключается в том, что область руки в гипотетически релевантном разделе нейронного представления телесного "я" - в "гомункулусе Пенфилда" - "фланкирована с одной стороны лицом, а с другой - верхней частью руки, плечом и подмышечной впадиной" (ibid, p. 10449). Все это, конечно, не решает вопроса о том, каковы на самом деле необходимые и достаточные нейрокомпьютерные условия для возникновения такого типа галлюцинированных частей тела, и я не буду сейчас заниматься спекуляциями (хорошими кандидатами на место реорганизации являются проприоцептивные карты и область 3b; обзор см. в Ramachandran and Hirstein 1998, p. 1624).

Важным следующим шагом для любой философски настроенной теории самосознания было бы исследование того, существуют ли феноменологические ограничения, предоставляемые неврологическими примерами, которые

позволяют нам решить важный вопрос: приобретаются ли наиболее инвариантные части этой основной части феноменального "я" в результате социальных взаимодействий после рождения, или они, возможно, и в некоторой степени, являются врожденными и генетически "жестко запрограммированными". Начиная с функционального уровня описания, очевидно, что существует множество различных факторов, приводящих к феноменологии фантомной конечности. Важную роль играют феномены ремаппинга, остаточный вход от культуры (через "нейромы"), можно предположить, что долгосрочные аспекты самомодели человека (например, контекстуальные эффекты и автобиографические воспоминания) выполняют важную функцию в формировании глобальных свойств опыта, таких как поза фантомной конечности, и, очевидно, эфферентные копии моторных команд, добровольно отдаваемых пациентом, также обычно интегрированы в общую модель. Остается вопрос, является ли все это чисто преходящим, динамическим потоком событий в системе, или же существует довольно неизменный "фоновый чертеж", который не только служит интегрирующей схемой или функциональным шаблоном, но и закрепляет общую сознательную модель мышечно-скелетной системы непосредственно в сохраняющемся анатомическом субстрате.

В 1964 году немецкий невролог Клаус Поек опубликовал три отчета о случаях, демонстрирующих отсутствие фундаментальных качественных различий между фантомами у детей и взрослых. Давайте вкратце рассмотрим феноменологию, приведенную в первом исследовании:

Случай 1. Это одиннадцатилетняя девочка, которая родилась с врожденным отсутствием обоих предплечий и кистей (перомелия). Она никогда не носила протезы. Девочка рассказала об очень отчетливых и интенсивных фантомах, которые она впервые испытала в возрасте шести лет. Она

ощущала две совершенно нормальные руки, расположенные примерно на 15 см ниже культи. Отсутствующие предплечья она никогда не ощущала. С годами фантомы немного увеличились в размерах, но их интенсивность не уменьшилась.

Ребенок мог различать и свободно двигать всеми пальцами. В первые годы обучения в школе она научилась решать простые арифметические задачи, считая пальцами, как это делали другие здоровые дети. В таких случаях она клала свои фантомные руки на стол и считала вытянутые пальцы один за другим.

Во время обследования ребенок невозмутимо имитировал заданные движения или позы с помощью своих фантомов. Когда она приближалась своими рудиментарными руками к стене, фантомы постепенно уходили вглубь культи, не исчезая. В тот момент, когда она коснулась стены, фантомы исчезли, и она не почувствовала ничего, кроме соприкосновения культи со стеной. Об аналогичном опыте сообщили несколько взрослых испытуемых. Фантомы также исчезали, когда эксперт брал культи в руки. Напротив, когда ребенок брал руку эксперта своими фантомными пальцами, она, как и некоторые взрослые ампутанты, утверждала, что чувствует ее естественное тепло и мягкую консистенцию. . . . В своих снах девочка видела себя с "красивыми руками". (Роек 1964, p. 270 f.)

В своих рассуждениях Поэк соглашается с Сиднеем Вайнштейном и Юджином Серсеном, которые в 1961 году опубликовали содержательную работу, содержащую пять примеров, описывающих фантомные переживания конечностей у детей с врожденным отсутствием конечностей, то есть фантомы конечностей, которые никогда не существовали, что необходимо сделать предположение о "встроенном" компоненте сознательного образа тела. В 1964

году Вайнштейн, Серсен и Роберт Веттер представили доказательства наличия фантомов еще в тринадцати случаях аплазии. Интересно, что только в 16,7-18,3 % случаев фантомные переживания возникали вообще. Важно отметить, что почти во всех этих случаях гипотеза конфабуляции неправдоподобна, поскольку фантомы неизменно напоминали ампутированные части, включая их деформацию, но никогда - неповрежденную, хорошо сформированную конечность, что было бы результатом любого "принятия желаемого за действительное" со стороны пациента, будь то сознательного или бессознательного. Этот аспект был подтвержден многими последующими исследованиями. Вайнштейн и его коллеги (1964, стр. 287) пришли к выводу, что феноменологические данные "согласуются с концепцией пластичного нейронного субстрата, который может быть изменен опытом". Как выяснилось, феноменологические сообщения о фантомных переживаниях у людей с врожденным отсутствием конечностей существуют уже давно, но в основном игнорируются философами.

Первое опубликованное сообщение о фантомных ощущениях конечностей у пациентов с аплазией появилось в немецкой литературе в 1836 году (Valentin 1836, p. 330; см. также Valentin 1844, p. 609; ценный исторический обзор 27 случаев фантомных явлений у пациентов с врожденными дефектами, которые были задокументированы до 1967 года, см. Vetter and Weinstein 1967). Валентин (1844), обсуждая *Integritätsgefühle der Amputirten* ("ощущения целостности, встречающиеся у ампутантов"), утверждал, что тщательное изучение феноменологии фантомов учит нас, что мы сталкиваемся здесь не только с "подчиненной психологической иллюзией", но и с гораздо более фундаментальным и далеко идущим *Nervengesetz* ("нервным законом") (p. 606). Отбрасывая альтернативные гипотезы, он использует феноменологический факт рождения человека без конечностей при определенных условиях "интегрируется так

же, как ампутанты" (с. 609) в качестве аргумента в пользу необходимого, но пока неизвестного существования "отпечатка всех телесных органов" в нашем Centralwerkzeug (мозг, рассматриваемый как наш центральный инструмент). Вход в этот центральный отпечаток неизменно приводит к эффекту его репрезентации как локализованного в периферийной части, воспринимаемой как "симметричная дополнительная часть" соответствующей прозрачной области в Я-модели. Интересно, что гипотеза Валентина предполагала и более общий закон, названный "законом периферической реакции". Валентин (1836) подчеркивал, что то, что здесь называется телесной Я-моделью, не может быть понято как определенный вид "образа постоянной памяти" (eine Art von permanenter Erinnerungsvorstellung; p. 333), что интегрированная природа прозрачной Я-модели может порождать "субъективную видимость целостности" (subjectiven Scheine der Integrität; p. 328), обеспечивая, как показывают врожденные случаи, автономную и субличностную "тенденцию к непрерывной интеграции" (Tendenz der beständigen Integration; p. 333), которая остается полной и неизменной, даже если визуальное и тактильное восприятие одновременно демонстрируют обратное (p. 333). Кажется очевидным, что Валентин имел в виду отдельную теоретическую единицу, которая явно напоминала ПСМ.

Понятие "фантомная" конечность было впервые введено в 1871 году Сайласом Вейром Митчеллом, американским неврологом, поэтом и романистом, который, однако, не знал о существующих исследованиях фантомов врожденно отсутствующих конечностей. Он говорил о "призрачных членах" и "дробных фантомах", преследующих людей, как "невидимые призраки утраченной части", и отмечал, что "есть что-то почти трагическое, что-то ужасное в представлении о тысячах духов конечностей, преследующих столько же хороших солдат, и время от времени мучают их разочарованиями, которые возникают, когда память, на мгновение отбившись от рук, острым чувством присутствия

конечности предаёт человека какому-то усилию, неудача которого внезапно напоминает ему о потере" (Mitchell 1871, p. 565 f.). В 1961 году Вайнштейн и Серсен ввели понятие "ядро схемы взрослого тела" (op. cit., p. 911). Именно эта проблема имеет непосредственное отношение к философским вопросам, касающимся врожденности определенного подмножества тех функциональных свойств, которые составляют Я-модель человека. Он связан с гипотетическим существованием "центра относительной инвариантности", отдельного каузального компонента, который может формировать центр как поведенческого, так и феноменального пространства, и идеей сохраняющейся функциональной связи, закрепляющей сознательное "я" в физическом мире и порождающей тем самым субъективный опыт воплощения (см., например, разделы 5.4 и 6.3.1).

Существует ли генетический компонент схемы тела? Может ли этот компонент играть роль автономного и постоянно активного источника внутренней информации для ПСМ, как я предлагал ранее (например, Metzinger 1993)? Серьезная методологическая критика была выдвинута в отношении статуса фантомных конечностей у детей, которые родились без всех или части конечностей. Скойлз (1990) отметил, что дети гораздо более склонны к конфабуляторным реакциям, поскольку они "обладают низкой способностью отличать реальность от содержимого своего воображения и от предложенных им идей". Феноменология и частота возникновения фантомов у людей с врожденной аплазией явно различны, и данные о таких переживаниях плохо согласуются с существующими данными о церебральной пластичности в репрезентации конечностей. Наиболее ярким представителем идеи врожденного тела-самости является, конечно, Рональд Мелзак (Melzack 1989, 1992; Katz and Melzack 1990; см. также Saadah and Melzack 1994; и, в частности, Melzack, Israel, Lacroix, and Schultz 1997), и именно на его гипотезу были направлены эти методологические сомнения.

Saadah и Melzack (1994) представили четыре конкретных случая, наглядно демонстрирующих, что нейронный субстрат сознательных фантомных конечностей частично невосприимчив к нейропластичности. Хорошо известно, что, например, после иссечения пальца происходят изменения в корковых картах тела, которые приводят к значительной реорганизации соматотопической репрезентации и делают сохранение сознательного фантома весьма маловероятным. Однако в случаях врожденной недостаточности конечностей фантомы впервые появляются между 4 и 30 годами после рождения (что заметно отличается от фантомов после ампутации), тем самым показывая, как значительная часть нейрофункциональных аспектов самодемии человека сохраняется во взрослом возрасте. Саадах и Мелзак (1994, с. 480) обнаружили, что фантомы не могут быть простыми отражениями соматосенсорного гомункулуса. Они предположили, что важные компоненты нейронного коррелята телесного "я" должны находиться в соматосенсорном таламусе и коре головного мозга, в лимбической системе и ассоциативной коре. Очевидно, что концепция генетически обусловленной нейроматрицы не исключает модификаций, вызванных опытом обучения. С чисто логической точки зрения, однако, не исключено, что временно стабильная часть функциональной Я-модели, о которой здесь идет речь, не является генетически заложенной, а формируется во время беременности и затем полностью закрепляется при рождении.

Интересно, что Саадах и Мелзак сообщили о трех пациентах из своей выборки, которые никогда не испытывали фантомных конечностей в бодрствующем состоянии, но имели "яркие сновидения, в которых недостаточная конечность воспринималась как неповрежденная и использовалась в различных видах деятельности" (там же, р. 480). Такие феноменологические данные могут оказаться интересными, поскольку они указывают на возможность ситуаций, в которых соответствующие части Я-модели не

могут быть активированы в условиях ограничений, накладываемых реальными сенсорными входами (ограничение 8). В недавнем важном исследовании Мелзак и его коллеги (1997) сообщили о выборке из 125 человек с отсутствующими конечностями. Они зафиксировали фантомные переживания у сорока одного человека, родившегося с дефектом конечности или перенесшего ампутацию в возрасте до 6 лет. Это расширенное исследование случаев показывает, что примерно у каждого второго испытуемого, перенесшего ампутацию в возрасте до 6 лет, и по крайней мере у 20 % всех людей с врожденными аплазиями на более позднем этапе развиваются осознанные фантомные переживания конечностей. Этот тщательный набор примеров хорошо демонстрирует, как феноменологические ограничения, накладываемые на многоуровневую теорию феноменального само моделирования, не могут исключить не только предположения о локальной нейронной пластичности в соматосенсорной коре, но и альтернативные предложения, основанные на высокоуровневых психологических механизмах, таких как конфабуляция. Авторы отметили, что дети-ампутанты описывают разрывы между культей и фантомом, или (в пяти случаях) фантомы, напоминающие внешний вид, размер или способ деформации конечности до ампутации, или даже один целый фантом и второй деформированный. Они отметили, что крайне маловероятно, что появление такого рода эмпирического содержания может быть результатом чего-то, что можно описать как бессознательное желание "быть нормальным" (Melzack et al. 1997, p. 1611). Общая картина, складывающаяся из имеющихся на данный момент данных, четко поддерживает представление о нейрокомпьютерном субстрате для телесной Я-модели, который, во-первых, сильно распределен и, во-вторых, является сущностью, постоянно формирующейся под влиянием опыта.

Было высказано предположение, что сенсорный вход вплетен в непрерывный процесс, но сам по себе вход не создает выходной паттерн (в соответствии с ограничением холизма, сформулированным в главе 3). Таким образом, восприятие нашего тела является текучим, динамичным и постоянно меняющимся. Таким образом, мимолетная природа фантома раскрывает способ функционирования мозга. Мы редко осознаем все тело целиком, но чаще - "островки внимания", о которых говорилось выше. Некоторые испытуемые ощущали свой фантом (или его часть) в течение нескольких минут или часов с интервалом в несколько недель или месяцев, однако их восприятие (даже в течение таких коротких периодов, как секунды) описывалось как реальное, такое же "реальное", как и неповрежденные физические части их тела.

Однако феноменально переживаемая реальность не может быть вопросом только прозрачности. По-видимому, определенную роль играет ограничение интенсивности презентационного контента. В недавнем исследовании Брюггера и его коллег была введена оценка реальности по 7-балльной шкале, которая показала высокую согласованность оценок в разных сессиях для испытуемой А.З., 44-летней женщины с университетским образованием, родившейся без предплечий и ног. Сколько она себя помнит, у нее были мысленные образы предплечий (включая пальцы) и ног (со стопами и первым и пятым пальцами), но, как показывает рисунок, не столь реалистичные, как содержание ее негаллюцинаторных ПСМ. Функциональная магнитно-резонансная томография (фМРТ) фантомных движений рук показала отсутствие активации первичных сенсомоторных областей, но премоторную и теменную кору билатерально. Транскраниальная магнитная стимуляция сенсомоторной коры неизменно вызывала фантомные ощущения в контралатеральных пальцах и кисти (обратите внимание, что такие ощущения могут считаться презентативным содержанием, поскольку они строго коррелируют со стимулом). Кроме того, премоторная и теменная стимуляция

вызывала аналогичные фантомные ощущения, хотя и в отсутствие моторных вызванных потенциалов в культе. Эти данные наглядно демонстрируют, как части тела, которые никогда не были физически развиты, могут быть представлены в сенсорных и моторных областях коры. Являются ли они компонентами врожденной модели тела? Могли ли они быть "зеркально отражены" в самомодели пациента благодаря визуальному наблюдению за движением других человеческих существ? Интересно также отметить, что в данном случае "осознание фантомных конечностей прерывается только тогда, когда какой-то объект или человек вторгается в их ощущаемое положение или когда она видит себя в зеркале" (Brugger, Kollias, Müri, Crelieu, Nepp-Reymond, and Regard 2000, p. 6168; более подробную информацию о феноменологическом профиле см. там же; интересное экспериментальное исследование, демонстрирующее неповрежденность феноменальной модели кинестетических и постуральных свойств конечностей, см. в Brugger, Regard, and Shiffrar 2001). Фантом, как и наше физическое тело, постоянно формируется в новых позициях. Различные части тела то входят, то выходят из зоны внимания. Вот один из способов осмысления возникающей феноменологии: ПСМ первого порядка - это довольно стабильная структура, определяемая доступностью внимания. Однако фокус самонаправленного ПМИР (направленный "вниз" или, говоря феноменологически, "внутрь"), объектный компонент самонаправленного внимания, часто блуждает. Он образует attentionные островки в сознательном образе тела, актуализируя их как текущие цели attentionного ПМИР и создавая Я-модель второго порядка, "attentionный субъект", описанный в разделе 6.4.3. Я-модель первого порядка постоянно создается более инвариантным ядром соответствующей нейронной сети ("нейроматрицей") в соответствии с потребностями момента (Melzack et al. 1997, p. 1619).

Таким образом, складывается общая картина, согласно которой телесное само моделирование - это высокоактивный процесс, непрерывно обрабатывающий поступающие от тела сигналы, которые могут сильно различаться по интенсивности, направленности внимания и общим пространственно-временным свойствам, на основе более инвариантного "функционального скелета", основанного на стабильных генетических детерминантах. С нейрокомпьютерной точки зрения данные о том, что фантомные конечности часто появляются вновь даже после иссечения соматосенсорной коры (Gybels and Sweet 1989; цит. по Melzack et al. 1997), являются сильным аргументом в пользу высокораспределенной природы этого явления в целом.

Возвращаясь к более теоретическому уровню и вновь применяя наши новые концептуальные инструменты, позвольте мне отметить важную феноменологическую общность между обычным сознательным опытом нашего тела и его конечностей и феноменологией фантомных конечностей (либо в результате врожденных дефектов, либо в результате ампутации на более позднем этапе). Феноменальные свойства "минности" и "прозрачности" проявляются абсолютно одинаково и в одинаковой степени во всех случаях. Для ампутированного человека абсолютно ясно, что его фантомная рука - это его собственная фантомная рука, точно так же, как и для того, что мы предпочитаем называть "настоящей" рукой. Свойство реальности равномерно распределено по всей его сознательной Я-модели. Фантомная конечность может быть парализована, но ею не пренебрегают, как парализованной конечностью при одностороннем геминеглекте. В последнем случае, однако, парализованная конечность уже не воспринимается пациентом как своя собственная. Во-вторых, почти во всех случаях факт физического отсутствия данной конечности когнитивно доступен. Есть интересные исключения, как, например, второй пациент Д.С., о котором

вскользь упомянули Рамачандран и Хирштейн (1998, с. 1624), у которого после автомобильной аварии были двусторонние лобные поражения, и он потерял руку. Как было указано в начале, этот пациент на самом деле настаивал на том, что он все еще видит свою руку и что она не была удалена. Однако здесь мы сталкиваемся с принципиально иной этиологией. Как общий принцип, характерный для всех пациентов с фантомными конечностями, галлюцинаторный характер переживания когнитивно доступен, но полная прозрачность Я-модели сохраняется. Прозрачность внимания максимально выражена. Эта бесшовная интеграция галлюцинаторного, но полностью прозрачного элемента тела-самости в веридическую репрезентацию остающегося физического тела подтверждает вывод о том, что обе формы феноменального содержания порождаются одним и тем же механизмом, которому должна соответствовать отдельная теоретическая сущность. Это показывает, что означает утверждение, что каждая репрезентация также является симуляцией: содержание человеческой Я-модели - это возможность, которая отображается как реальность. Когда вы читаете эти слова, непередаваемая "реальность" вашего телесного опыта, ультрареалистичный характер того, как вы как воплощенный субъект ощущаете свои руки, держащие книгу, которую вы сейчас читаете, определяется точно такими же нейронными механизмами и функциональными свойствами мозга, которые порождают эмпирическую "реальность" и "реальность", сопровождающую субъективный опыт фантомной конечности.

Независимые доказательства существования "изначального" ядра или "ядрышка" Я-модели человека действительно существуют. В разделе 5.4 мы увидели, что висцеральная чувствительность, интероцепция и элементарные биорегуляторные процессы химического гомеостаза, скорее всего, играют решающую роль в функциональном закреплении Я-модели в непрерывном источнике внутренних входных данных. Знаменитые исследования

МельтцOFFа и Мура по изучению имитационного поведения у младенцев показали, что новорожденные дети могут имитировать жесты на лице вскоре после рождения (например, Meltzoff and Moore 1977, 1983, 1989). Конечно, эти совсем маленькие дети совершенно не знают, что у них есть лицо; они никогда не видели своего собственного лица и не смогли бы узнать его в зеркале. Тем не менее они способны имитировать визуально воспринимаемые движения лица, такие как открывание рта, высовывание языка и движения головы. Очевидно, что эти случаи демонстрируют процесс сенсомоторной интеграции, в ходе которого происходит надежное и успешное кросс-модальное отображение визуально воспринимаемой информации на моторные структуры, управляющие соответствующими частями тела младенца. Трудно представить, как такая интеграция может быть достигнута без существования базовой функциональной или репрезентативной структуры, формирующей среду, в которой происходит отображение визуального сигнала на кинестетическое представление движения лица младенца. Для того чтобы создать обнаруживаемое сходство между воспринимаемым и отображаемым движением лица, эта структура должна находиться в отношении сходства с телом, которое ее хранит, - короче говоря, она должна быть само моделью. Важно отметить, что процессы такого рода, конечно, не обязательно должны сопровождаться феноменальным опытом. Как всегда, важно проводить различие между функциональным и репрезентативным уровнями описания, а также между понятием ментальной и феноменальной Я-модели.

Концептуальные инструменты, которые я до сих пор разрабатывал для описания возможностей сознательного и бессознательного имитационного поведения, сенсомоторной интеграции и т. д., исторически связаны с более ранними понятиями "схема тела" и "образ тела", которые, однако, были источником значительной путаницы в литературе. Шон Галлахер (1986) предложил концептуальное разъяснение,

которое он применил в ряде публикаций (обзор предыдущих терминологических путаниц см. в Gallagher 1986; Gallagher and Meltzoff 1996; дальнейшее обсуждение см. также Gallagher 1995; Gallagher, Butterworth, Lew, and Cole 1998). Как пишет Галлахер, функциональная Я-модель, схема тела, - это бессознательное "представление", которое не обязательно должно быть объектом сознательного опыта, чтобы выполнять свою работу (1986, p. 551). ПСМ, образ тела, служит для достижения модификаций бессознательного функционирования тела. Другими словами, ПСМ делает те функциональные свойства тела, которые часто приходится изменять быстрым и гибким способом, глобально доступными для внимания и моторного контроля. Галлахер отмечает, что схема тела - это "анонимное представление", тогда как в образе тела, как он его называет, "тело теряет свою анонимность", становясь моим телом, телом, которым владеют. Такой способ описания феноменологии телесной самости подтверждает концептуальные различия, которые я представил ранее: Только ПСМ приводит к инстанцированию феноменального свойства высшего порядка "минность" и пререфлексивного, неконцептуального чувства собственности, о котором говорилось ранее. Возможно, предикаты личностного уровня могут быть применены только к системам, обладающим способностью репрезентативно владеть своим телом описанным выше способом. У младенца, имитирующего жесты матери, вполне возможно, что только функциональная, подсознательная схема тела достигает соответствующего отображения. У пациентов с фантомными конечностями, однако, многие аспекты этих врожденных функциональных структур постоянно поднимаются на уровень сознательной само модели. Цитируя Мерло-Понти (1962, с. 84), Галлахер пишет: "В качестве схемы тела тело выполняет свои обязанности, но не как "мое" тело, а как доличностное расщепление общей формы мира, анонимная и общая система, [которая] играет, ниже моей личной жизни, роль врожденного комплекса". 17 (1986, p. 551).

Схема тела - это последовательный набор функциональных свойств, которые не доступны для внимания. Образ тела, с другой стороны, представляет собой сложный набор репрезентативных содержаний, включая расширенный контекст установок и убеждений, относящихся к собственному телу, все они глобально доступны и, следовательно, являются элементами ПСМ. При обсуждении имитационного поведения и феноменологии фантомных конечностей важно проводить различие между функциональным и феноменальным уровнями описания, поскольку необходимо признать, что предсуществующий функциональный компонент или "ядро" Я-модели может быть необходимой предпосылкой для развития сознательно переживаемого Я. Галлахер обращает внимание на хорошо известный факт, что ампутанты иногда "забывают" о том, что у них нет конечности, например, когда спонтанно пытаются ходить с несуществующей конечностью или хватают чашку фантомным большим пальцем. Однако затем он указывает на то, что у испытуемых с апластическими фантомами не было зарегистрировано ни одного подобного случая забывания (Gallagher et al. 1998, p. 45; Gallagher and Meltzoff 1996, p. 218 и далее). И похоже, что у "нормальных" пациентов с фантомами конечностей функциональный моторный компонент Я-модели доступен в любой момент времени. Он не обязательно должен быть одновременно доступен для феноменального опыта в целом или интроспективного внимания в частности, в то время как у пациентов с врожденным дефицитом конечности эта структура может вообще не существовать (например, она могла отступить и исчезнуть до появления автобиографической памяти). Можно ли предположить, что пациенты с аплазией обладают исключительно ПСМ, не имеющей под собой никакой функциональной основы? Это могло бы стать интересной критикой гипотезы врожденности. Феномен забывания у нормальных пациентов с фантомными конечностями может быть обусловлен тем простым фактом, что большая часть моторного поведения просто не требует сознательного

контроля или наличия внимания (Gallagher and Meltzoff 1996, p. 218).

Второй важный эмпирический факт касается возраста начала апластических фантомных переживаний конечностей, который колеблется от 4 до 30 лет, тогда как "обычные" галлюцинации частей тела такого типа обычно возникают сразу после пробуждения пациента от анестезии. Как отмечают Мельтццофф и Галлахер,

Хотя кажется очевидным, что пациенты с аплазией действительно испытывают определенные перцептивные аспекты фантомных конечностей, остается неясным, является ли связанный со схемой опыт с реальной конечностью в какой-то момент жизни необходимым условием для возникновения таких ошибок, как "забывание, что у человека ее нет". Тот факт, что аплазики не сообщают о феномене забывания, заставляет предположить, что аплазический фантом не является частью схемы тела, хотя и является частью образа тела. . . .

Приведенные данные свидетельствуют о том, что апластический фантом - это фантомный образ, который развивается относительно поздно. На основании этих данных влияние того, что схема тела является врожденной, логически не обосновано. Конечно, это не требует от нас вывода о том, что схема тела не является врожденной. Действительно, данные об апластических фантомах не противоречат идее о том, что и схема тела, и перцептивные элементы образа тела существуют при рождении. Вполне возможно, что, как и в некоторых случаях с фантомами после ампутации, аплазические фантомы постепенно исчезают по мере адаптации и развития схемы и образа. Поскольку в случае с апластическими фантомами это происходит относительно рано, не исключено, что большинство

испытываемых не вспомнят о фантоме при последующем опросе. (Gallagher and Meltzoff 1996, p. 219)

Что касается примеров галлюцинированных феноменальных "я", которые я обсуждал в этом разделе, важно отметить, что до сих пор мы говорили только о галлюцинированных частях телесных "я". Это феноменальное свойство "минности", которое объединяет галлюцинированную часть с частью, моделирующей остальные части физического организма. Даже у пациентов, страдающих апластическими фантомами, галлюцинированная часть феноменального Я развивается на фоне уже существующей телесной Я-модели. Как мы видели, существуют независимые эмпирические доказательства существования врожденного "ядра" этого аспекта телесной Я-модели, и поэтому можно предположить, что этот компонент существует и у врожденно лишенных конечностей людей, испытывающих апластические фантомы на более поздних стадиях. Поскольку апластический фантом феноменологически хорошо интегрирован с предшествующей сознательной репрезентацией телесного "я", наиболее простая и понятная гипотеза будет заключаться в том, что это справедливо и для лежащего в основе функционального субстрата.

Прежде чем перейти к другому новому феноменологическому исследованию, в котором рассматриваются галлюцинации телесного "я", касающиеся не отдельных частей, а феноменального воплощения в целом, позвольте мне отметить еще одну интригующую идею, вытекающую из обсуждения, представленного Галлахером и МельтцOFFом. Я согласен с тем, что большинство имеющихся на сегодняшний день данных указывают на врожденный компонент Я-модели (Gallagher and Meltzoff 1996, p. 214), но, возможно, только в рамках гипотезы "слабой модульности". Это означало бы, что наиболее характерное разделение феноменального пространства человека -

нетрансцендируемая граница Я-мира - закреплено во врожденной функциональной структуре. В разделе 6.3.3 я указал, что, что важно, определенные части человеческой Я-модели будут обладать необходимыми социальными коррелятами: Вы можете наслаждаться этими видами самосознания, только если их соответствующим образом стимулирует социальная среда. Таким образом, исследование подражательного поведения у младенцев может обратить наше внимание на то, что не только граница субъект-мир, но и граница субъект-субъект функционально префигурируется при рождении. Если это так, то один из выводов для философской антропологии будет заключаться в том, что все мы рождаемся социальными субъектами, поскольку соответствующие функциональные свойства, лежащие в основе социального познания, в частности те, которые наделяют ребенка способностью использовать свою собственную Я-модель в качестве зеркала для Я-моделей других людей, присутствуют при рождении, пусть даже в рудиментарной форме.

Внетелесные переживания

Может ли существовать обобщенная версия фантомного опыта конечностей? Может ли существовать интегрированный вид телесного самоощущения, будь то подвижное тело, полностью доступное для волевого контроля, или парализованное тело, которое во всей своей полноте является феноменальной конфабуляцией - короче говоря, галлюцинацией и телесным "я" в одно и то же время? В этот момент интересно напомнить, что все девиантные модели реальности и самости, рассмотренные в этой главе в форме нейрофеноменологических кейсов, могут быть прочитаны и как онтологии, и как эпистемологические метафоры. Как феноменальные онтологии они представляют

собой непропозициональные теории - внутренние, нейробиологически реализованные модели - о том, что на самом деле существует с точки зрения мозга. Как эпистемологические метафоры они представляют собой теории о том, как организм на самом деле узнает о существовании этой реальности. Например, девиантные феноменальные модели определяют, существует ли и сколько "я" и какими свойствами они обладают. При наивно-реалистической интерпретации они могут стать теоретическими онтологиями - народная феноменология превращается в народную метафизику, так сказать. С другой стороны, если интерпретировать содержание ПМИР наивно-реалистично, можно прийти к народной эпистемологии, например, к теории, утверждающей, что определенное положение вещей действительно воспринимается органами чувств. Как мы увидим в конце этого раздела, данный контекст особенно актуален для оценки внетелесного опыта (ВТО); строго говоря, упомянутая выше возможность предполагала бы "развоплощенную" версию картезианского дуализма. Она заключалась бы в особом типе феноменального содержания, обычно составляемого телесным "я" в отсутствие тела. Очевидно, что оценить эту возможность с эмпирической точки зрения невозможно - например, никогда не удастся провести ничего похожего на нейрофеноменологическое исследование случая.

Однако существует хорошо известный класс феноменальных состояний, в которых переживающий переживает непередаваемый и очень реалистичный сознательный опыт покидания своего физического тела, обычно в виде эфирного двойника, и перемещения за его пределы. Другими словами, существует класс (или, по крайней мере, сильный кластер) тесно связанных феноменальных моделей реальности, классическими определяющими характеристиками которых являются визуальное представление собственного тела с перцептивно невозможной, экстернализированной перспективой третьего лица (например, лежащего на кровати

или на дороге под собой) плюс второе представление собственного тела, обычно (но не во всех случаях) свободно парящего над пространством или плавающего в нем. Эта вторая модель тела и есть локус феноменального "я". Она не только формирует "истинный" фокус феноменальной идентичности человека, но и функционирует как интегрированная репрезентация всех кинестетических квалиа и всех невизуальных форм проприоцепции. Такие переживания называются внетелесными переживаниями.

ОБЭ часто происходят спонтанно во время засыпания, после тяжелых аварий или во время хирургических операций. В настоящее время неясно, обладает ли концепция ОБЭ одним четко очерченным набором необходимых и достаточных условий. Возможно, в будущем понятие ОБЭ окажется кластерным понятием, состоящим из целого ряда расходящихся (возможно, пересекающихся) подмножеств феноменологических ограничений, каждое из которых образует набор достаточных, но не необходимых условий.

На уровне сознательной саморепрезентации прототипической чертой этого класса девиантных ПСМ является сосуществование (а) более или менее верифицированной репрезентации телесного "я" с внешней визуальной точки зрения, которая не функционирует в качестве центра глобальной модели реальности, и (б) второй модели "я", которая в значительной степени интегрирует проприоцептивные восприятия - хотя, что интересно, ощущения веса только в меньшей степени - и которая обладает особыми свойствами формы и очертаний, которые могут быть или не быть верифицированными. Обе модели переживающей системы находятся в одной и той же пространственной системе отсчета (именно поэтому они являются внетелесными переживаниями). Эта система отсчета - эгоцентрическая система отсчета. Первый интересный момент заключается в том, что эта вторая Я-

модель всегда образует субъектный компонент того, что я назвал "феноменальной моделью отношения интенциональности" в разделе 6.5. Сама PMIR неизменно изображается как перцептивная, то есть визуальная, природа - феноменологически вы просто видите себя. Если, например, после тяжелой аварии вы обнаруживаете себя парящим над местом происшествия и рассматривающим свое раненое тело, лежащее на дороге рядом с машиной, то существует воспринимающее Я ("объектный компонент", который, говоря техническим языком, является лишь системой-моделью, но не субъектом-моделью), неизменно образованное более или менее точной визуальной репрезентацией вашего тела с экстериоризированной перспективой, и воспринимающее Я ("субъектный компонент", ПСМ, т. е, текущая Я-модель или субъект-модель), парящая над сценой, обе из которых интегрированы в одну общую глобальную модель реальности, которая сосредоточена на второй Я-модели. Вторая Я-модель может быть либо полноценным агентом, то есть наделенным характерной формой феноменального содержания, порождающего субъективный опыт агентности (см. раздел 6.4.5), либо только тем, что Харви Ирвин (1985, с. 310) метко назвал "пассивным, обобщенным сомаэстетическим образом статичного плавающего Я". Однако, прежде чем приступить к краткому репрезентационистскому анализу ОБЭ, давайте сначала сделаем небольшой крюк и рассмотрим некоторые более частые, реальные феноменологические случаи. Случалось ли вам испытывать следующий опыт?

Автобус на вокзал уже опоздал. А теперь вы еще и отстояли очередь не в ту кассу! Тем не менее вы успеваете на поезд как раз вовремя, находите свободное купе и, совершенно обессиленный, опускаетесь на сиденье. В слегка расфокусированном и отрешенном состоянии сознания вы наблюдаете за пассажирами, сидящими в поезде на другой стороне платформы. Внезапно вы чувствуете, как ваш собственный поезд начинает двигаться, сначала очень

медленно, но с постоянным ускорением, которое вы ощущаете в собственном теле. Через две-три секунды, с той же степенью внезапности, ваше телесное ощущение исчезает, и вы осознаете, что на самом деле это другой поезд, который уже начал медленно отъезжать от вокзала (см. также Metzinger 1993, p. 185 f.).

То, что вы только что пережили, - это очень рудиментарная форма ОБЭ, галлюцинация телесного "я". Центр вашей глобальной модели реальности был на короткое время заполнен кинестетической и проприоцептивной галлюцинацией - неверуализированной моделью веса и ускорения вашего тела, ошибочно активированной вашим мозгом. Доминирующая визуальная модель вашего окружения, в значительной степени сформированная вводом, предлагаемым через "картинную раму" окна поезда, была недоопределена. Особая конфигурация входных данных, управляющая вашей зрительной системой, допускала две последовательные интерпретации: либо это другой поезд, либо это тот поезд, в котором вы сейчас сидите, и который только что начал движение. Визуальная модель реальности допускала две одинаково последовательные интерпретации. Одновременно с этим возникало состояние общего физического и эмоционального возбуждения, сопровождаемое бессознательным состоянием ожидания того, что, скорее всего, произойдет дальше, и очень скоро. Система обработки информации, которой вы являетесь, выбрала одну из двух возможных интерпретаций в соответствии с ограничениями, наложенными ранее существовавшим внутренним контекстом, и, поскольку эта система всегда старается максимизировать общую согласованность, "решила" одновременно активировать подходящую Я-модель, такую, которая может быть интегрирована в новую феноменальную модель мира без каких-либо серьезных проблем. К сожалению, выбранная модель мира оказалась неверной. Поэтому активация сопутствующей кинестетической-проприоцептивной Я-

модели привела систему к очень короткому галлюцинаторному эпизоду. Поскольку прозрачные модели реальности и самости всегда полностью интерпретируемы и нетрансцендентны для системы, работающей под их управлением, возникла галлюцинация телесной самости. Его содержание было содержанием феноменального self-simulatum, активированного ошибочным автоматизмом, сбивающим систему с пути, но не осознаваемым как таковой. Возможность изображалась как реальность. По мере обновления доминирующей визуальной модели реальности эта ненадолго "отклонившаяся" форма само моделирования, приведшая к субъективному переживанию того, что реальное тело медленно ускоряется, немедленно прекращается - и с легкой долей раздражения или веселья мы осознаем, что только что обманули сами себя.

Это может считаться минимальным случаем феноменальной самосимуляции, не выполняющей надлежащей функции для системы - в данном случае приводящей к частично пустому, иллюзорному переживанию тела как целого и находящегося в движении. Она не удовлетворяет ограничению адаптивности, и ее наиболее яркой нейрофеноменологической особенностью является внутренняя эмуляция кинестетического "движения" qualia, той формы презентативного содержания, которую мы обычно считаем строго коррелированной со стимулом. Решение этой проблемы заключается в признании того, что визуально-кинестетическая информация, в целом более богатая, чем механическая кинестетическая информация, может преобладать над вторым типом в случаях конфликта, поскольку зрение "не только экстероцептивное чувство, как это классически предполагается, но и автономное кинестетическое чувство" (Lishman and Lee 1973, p. 294). Чего все еще не хватает в этом вводном примере, так это стабильной, экстериоризированной визуальной перспективы физического тела. Теперь перейдем к рассмотрению двух классических феноменологических описаний ОБЭ,

спонтанно возникающих в обычном непатологическом контексте:

(a-d) Кинематика феноменального образа тела во время наступления ОБЭ: "Классический" паттерн движения по Малдуну и Каррингтону. (Из Muldoon and Carrington, 1929.)

Кинематика феноменального образа тела во время начала ОБЭ. (a и b) Два альтернативных, но одинаково характерных паттерна движения, описанных швейцарским биохимиком Эрнстом Ваэрти (1983).

Я проснулся ночью - должно быть, около трех часов утра - и понял, что совершенно не могу пошевелиться. Я был абсолютно уверен, что не сплю, так как находился в полном сознании. Переполненный страхом перед своим состоянием, я преследовал только одну цель - снова обрести способность двигать своим телом. Я сконцентрировал всю свою силу воли и попытался перекатиться на одну сторону: что-то покатило, но не мое тело - что-то, что было мной, всем моим сознанием, включая все его ощущения. Я перекатился на пол рядом с кроватью. В то время как это происходило, я не чувствовал себя без тела, но как будто мое тело состояло из субстанции, представляющей собой смесь между газообразным и жидким состояниями. До сих пор я не могу забыть то сочетание изумления и удивления, которое охватило меня, когда я почувствовал, что падаю на пол, но ожидаемого жесткого отскока так и не произошло. На самом деле, если бы движение разворачивалось в моем обычном теле, моя голова должна была бы удариться о край прикроватной тумбочки. Лежа на полу, я был охвачен

ужасным страхом и паникой. Я знал, что обладаю телом, и у меня было только одно огромное желание - вновь обрести способность управлять им. Внезапным толчком я вновь обрел контроль, сам не зная, как мне удалось его вернуть". (Waelti 1983, p. 18; перевод с английского Т.М.)

Распространенность ОБЭ колеблется от 10 % в общей популяции до 25 % среди студентов, с чрезвычайно высокими показателями в некоторых субпопуляциях, например, 42 % среди шизофреников (Blackmore 1986; обзор и другие ссылки см. в Alvarado 1986; 2000, p. 18 f.; Irwin 1985, p. 174 f.). Однако было бы неверно полагать, что ОБЭ обычно происходят у людей, страдающих тяжелыми психическими расстройствами или неврологическими нарушениями. Напротив, большинство сообщений об ОБЭ поступает от обычных людей в повседневных жизненных ситуациях. Поэтому давайте остановимся на непатологических ситуациях и рассмотрим еще один парадигматический пример, о котором сообщил швейцарский биохимик Эрнст Ваэрти:

В ошеломленном состоянии я лег в постель в 11 часов вечера и попытался заснуть. Я был беспокоен и часто переворачивался, что вызывало непродолжительное ворчание моей жены. Теперь я заставил себя лежать в постели неподвижно. Некоторое время я дремал, пока не почувствовал необходимость поднять руки, лежавшие на одеяле, чтобы привести их в более удобное положение. В тот же миг я понял, что совершенно не могу пошевелиться и что мое тело лежит в каком-то параличе. Одновременно я смог вытащить свои руки из своих физических рук, как будто последние были просто жесткой парой перчаток. Процесс отсоединения начался с кончиков пальцев, причем это можно было отчетливо почувствовать, почти с осязаемым звуком, своего рода треском. Это было именно то движение, которое я действительно намеревался выполнить своими

физическими руками. Этим движением я отделился от своего тела и вылетел из него, ведя за собой голову. Я принял вертикальное положение, словно теперь был почти невесомым. Тем не менее у меня было тело, состоящее из реальных конечностей. Вы, конечно, видели, как изящно передвигается по воде медуза. Теперь я мог передвигаться с такой же легкостью.

Я лежал горизонтально в воздухе и парил над кроватью, как пловец, оттолкнувшийся от края бассейна. Внутри меня возникло восхитительное чувство освобождения. Но вскоре меня охватил древний страх, присущий всем живым существам, - страх потерять свое физическое тело. Этого оказалось достаточно, чтобы загнать меня обратно в тело". (Waelti 1983, p. 25; перевод с английского Т.М.)

Сонный паралич не является обязательным условием для ОБЭ. Они часто случаются во время занятий экстремальными видами спорта, например, у альпинистов или марафонцев.

Одна шотландка написала, что, когда ей было 32 года, она получила ОБЭ во время тренировки к марафону. "Пробежав примерно 12-13 миль. . . я начала чувствовать, что смотрю не своими глазами, а откуда-то еще. . . . Я почувствовал, как будто что-то покидает мое тело, и хотя я все еще бежал, глядя на пейзаж, я смотрел на себя, бегущего также. Моя "душа" или что-то еще парила где-то над моим телом достаточно высоко, чтобы видеть верхушки деревьев и небольшие холмы". (Alvarado 2000, p. 184)

Классический ОБЭ содержит две Я-модели, одна из которых визуальна представлена с внешней точки зрения, а другая образует центр феноменального мира, из которого исходит перспектива первого лица. Концептуальный анализ ОБЭ затрудняется тем, что существует множество родственных феноменов, например, аутоскопические феномены во время

эпилептических припадков, в которых выполняется только первый критерий. Девински и коллеги различают аутоскопию в виде сложного галлюцинаторного восприятия собственного тела как внешнего, при этом "сознание субъекта ... обычно воспринимается внутри его тела", и второй тип, классический ОБЭ, включающий ощущение выхода из тела и видение его с другой точки обзора. Частота аутоскопических припадков, возможно, выше, чем признавалось ранее; авторы обнаружили 6,3 % случаев в популяции своих пациентов (Devinsky, Feldmann, Burrowes, and Bromfield 1989, p. 1085; о возможной причинно-следственной связи между эпилепсией, аутоскопией и попытками самоубийства см. Brugger, Agosti, Regard, Wieser, and Landis 1994). Вот один из их примеров, демонстрирующий, как ОБЭ может развиваться из нетипичной этиологии, например, эпилептических припадков.

Случай 7. У 29-летней женщины приступы отсутствуют с 12 лет. Приступы происходят пять раз в неделю без предупреждения. Они состоят из пустого взгляда и кратковременного прерывания текущего поведения, иногда с морганием. В возрасте 19 лет у нее был аутоскопический опыт во время единственного генерализованного тоноклонического припадка, который она когда-либо испытывала. Работая в универмаге, она внезапно упала и сказала,

В следующее мгновение я понял, что парю под потолком. Я видел себя лежащим там. Мне не было страшно, это было слишком интересно. Я видела, как дергаюсь, и слышала, как моя начальница говорит кому-то "пробить табель учета рабочего времени" и что она поедет со мной в больницу. В следующий момент я оказался в космосе и увидел Землю. Я почувствовал руку на своем левом плече, но когда я хотел повернуться, то не смог. Потом я посмотрел вниз, но у меня не было ног, я просто видел звезды. Я оставался там

некоторое время, пока какой-то внутренний голос не сказал мне вернуться в тело. Я не хотел уходить, потому что там, наверху, было великолепно, тепло - не то чтобы жара, но безопасность. В следующий момент я очнулся в отделении неотложной помощи.

При неврологическом обследовании не было выявлено никаких отклонений. КТ черепа была в норме. ЭЭГ показала генерализованные всплески спайк-волновых разрядов 3/с. (Devinsky et al. 1989, p. 1082)

Важной особенностью ОБЭ является то, что феноменальная репрезентация воспринимающего, действующего "я" является конфабуляторной, в то время как репрезентация остающегося физического тела с внешней точки зрения, как правило, является точной. Например, ОБЭ во время припадков часто четко изображают судорожные движения и автоматизмы очень точно, с точки зрения, находящейся над телом. Для многих людей, которые действительно пережили эти феноменальные состояния, это является аргументом против возможности их галлюцинаторной природы (я вернусь к этому вопросу в конце данного раздела). Однако следует отметить, что во второй Я-модели, образующей объектный компонент сознательно моделируемых субъект-объектных отношений, верификационное содержание и конфабуляторное содержание часто интегрируются в единое целое. Продолжая приводить примеры из практики Девински и коллег, один пациент отметил, что его тело, воспринимаемое с внешней точки зрения, было одето в ту же одежду, что и он сам, но любопытно, что у него всегда были расчесанные волосы, даже когда он знал, что перед началом эпизода волосы были не расчесаны (случай 4, с. 1081). Еще одно показательное феноменологическое различие заключается в том, что некоторые пациенты визуально воспринимают свое тело, увиденное сверху, как непрозрачное и фактически отбрасывающее тень (например, случай 4); в

других случаях двойник будет прозрачным, но немного меньше, чем в натуральную величину (случай 9, с. 1082); а у других пациентов тело кажется твердым, но не отбрасывает тень (случай 2, с. 1081). Уместно отметить, что даже в спонтанных ОБЭ, явно происходящих в непатологических контекстах, неверифицируемость или самопротиворечивость определенных форм эмпирического содержания вполне может быть когнитивно доступна не только после, но и во время опыта. Вспомните наш самый первый пример, отчет швейцарского биохимика Эрнста Ваэрти: "На самом деле, если бы движение разворачивалось в моем обычном теле, моя голова должна была бы столкнуться с краем прикроватной тумбочки". Феноменальная кинестетика и лежащая в ее основе пространственная система отсчета в данном случае, похоже, несколько разобщены. Сам этот факт, в свою очередь, доступен для когнитивной обработки и формирования автобиографической памяти.

Как заметил Альварадо (1997, р. 16), феноменология этого опыта практически не изучалась (см. также Alvarado 1986; 2000, р. 186 f.). С точки зрения разработанных к настоящему времени концептуальных инструментов и ограничений, содержание ОБЭ, безусловно, глобально доступно для внимания и когнитивного доступа. Волевая доступность, однако, является весьма изменчивым компонентом опыта (обзор феноменологии см. в Irwin 1985, р. 76 и далее; анализ различных примеров см. в Blackmore 1982a, р. 56 и далее; дальнейшие ссылки см. в Alvarado 2000). Во многих ОБЭ доминирует ощущение пассивного парения. Две Я-модели, которые активны во время ОБЭ, встроены в когерентное глобальное состояние, в единую мультимодальную сцену, образующую интегрированную модель реальности. Они также активируются в пределах окна присутствия, то есть опыт не имеет феноменологических характеристик воспоминаний или планирования будущего - ОБЭ - это то, что происходит сейчас. На самом деле, значительная часть ОБЭ сопровождается субъективным опытом

"гиперприсутствия" или "гиперреализма", особенно в тех случаях, когда сообщается о слиянии с религиозным экстазом или дополнительных эпизодах религиозного экстаза. Феноменальная реальность, смоделированная в ОБЭ, безусловно, является свернутой и динамичной реальностью (см. разделы 3.2.4 и 3.2.5). ОБЭ также являются состояниями от первого лица: они явно разворачиваются в единой и унифицированной перспективе от первого лица, создаваемой ПМИР. Их уникальность заключается в том, что объектный компонент ПМИР формируется Я-моделью, которая не является субъектной моделью. Вы видите свое тело и признаете его своим, но в настоящее время это не тело как субъект, не тело как локус знания и прожитого, осознанного опыта.

Конечно, в красочных отчетах и фольклоре о подобном телесном самосознании существуют многочисленные исключения, но концептуально наиболее интересной особенностью ОБЭ, пожалуй, является то, что они сопровождаются ситуациями, в которых субъектный, а также объектный компонент феноменальной модели текущих субъектно-объектных отношений занимает модель себя: вы видите собственное тело, лежащее на кровати под вами. Интересно, что это не приводит к мультицентрированному или децентрированному общему состоянию сознания. Только одна из активных в данный момент моделей Я функционирует как "локус идентификации". Как правило, только парящий над нами эфирный двойник представлен как субъект внимания (см. раздел 6.4.3), как мыслящее в данный момент "я" (см. раздел 6.4.4) и как агент, сознательно перемещающийся в пространстве (см. раздел 6.4.5 и пример с марафонцем в качестве исключения). В целом, можно с уверенностью сказать, что прототипичные ОБЭ являются полностью прозрачными состояниями в том смысле, который был определен ранее: модель реальности, создаваемая во время опыта, не переживается как модель, хотя у опытных субъектов и практиков этот факт вполне может быть

когнитивно доступен во время эпизода. Именно прозрачность ОБЭ привела поколения экспериментаторов и теоретиков во многих культурах и на протяжении многих веков к наивно-реалистическим интерпретациям этой девиантной формы феноменального само моделирования. Однако следует отметить, что многие испытуемые, пережившие ОБЭ, также сообщают о "сновидческом качестве, как будто они бодрствуют во сне". Из общих переменных сновидений, таких как распространенность летучих снов, яркость, воспоминания о снах и тому подобное, появление люцидных снов является наиболее последовательным предиктором ОБЭ (Alvarado 2000, p. 194 f.; см. также раздел 7.2.5). Сюзан Блэкмор (Susan Blackmore, 1986a) обнаружила, что испытуемые, сообщающие о преднамеренных, по сравнению со спонтанными, ОБЭ, обладают лучшей способностью контролировать и прекращать содержание сновидений и чаще видят летающие сны. Поэтому важной гипотезой, которую необходимо эмпирически проверить, является то, что ОБЭ - это лишь дополнительно ограниченное подмножество люцидных сновидений (см. также Blackmore 1982b и раздел 7.2.5). Преднамеренно переживающие ОБЭ ("ОБЭры") также, по-видимому, характеризуются особыми чертами личности. В интересном исследовании Вольфрадт и Ватцке (1999) выделили только 10,4 % испытуемых, которые сообщили, что могут покидать свое тело и возвращаться в него по желанию, и рассматривали только их как истинных ОБЭ. Они обнаружили, что "в первую очередь субшкала DP [DP = деперсонализация] "самоощущение", затем субшкала SPQ [SPQ = шизотипия] "когнитивно-перцептивные способности", субшкалы DP "самосознание" и "уверенность в себе" составляют почти всю достоверную дисперсию дискриминации между ОБЭР и не ОБЭР" (стр. 5).

Короче говоря, можно предсказать, что при более систематическом подходе к феноменологии ОБЭ будут обнаружены различные степени глобальной прозрачности и

непрозрачности, сопровождающие этот опыт, и придется исследовать взаимосвязь этой характеристики с другими переменными высокого уровня, например, глобальными содержательными свойствами Я-модели ("чертами личности"). ОБЭ, безусловно, можно функционально охарактеризовать как состояния, активируемые в автономном режиме (ограничение 8), поскольку они обычно происходят, когда тело спит, парализовано после несчастного случая или находится под наркозом. В этих ситуациях глобально доступный соматосенсорный вход будет минимальным. ПСМ теряет важный источник презентационного контента, который управляет им в обычных условиях. Харви Ирвин (Harvey Irwin, 1985, p. 308 и далее) представил теорию ОБЭ, в которой понятие "отключения от соматических процессов" играет решающую роль, либо в плане функциональной потери входа, либо в плане отсутствия внимания в результате привыкания. Наконец, интересный вопрос заключается в том, удовлетворяют ли ОБЭ адаптивному ограничению, введенному в конце главы 3: возможен ли телеофункционалистский анализ ОБЭ? Какую функцию этот тип опыта может выполнять для организма в целом? Вот спекулятивное предложение Девински и коллег:

Существует несколько возможных преимуществ, которые могут дать диссоциативные явления, такие как аутокопия. Например, когда добыча может быть поймана хищником, симулирование смерти может быть полезно для выживания. Кроме того, рассказы людей, переживших околосмертельный опыт в бою или альпинизме, говорят о том, что ясность сознания, связанная с диссоциацией, может позволить субъектам совершать удивительные спасательные маневры, которые иначе были бы невозможны. Таким образом, диссоциация может быть нейронным механизмом, который позволяет человеку сохранять спокойствие в разгар травмы, близкой к смерти. (Devinsky et al. 1998, p. 1088)

Учитывая текущую теоретическую базу, совсем не исключено, что существуют физически или эмоционально напряженные ситуации, в которых система обработки информации вынуждена вводить "репрезентативное разделение труда", распределяя различные репрезентативные функции между двумя или более различными Я-моделями (см. раздел 7.2.4). ОБЭ может быть примером переходной функциональной модуляризации, целенаправленного разделения уровней репрезентативного содержания в ПСМ. Например, при отсечении от соматосенсорного входа или при наводнении стрессовыми сигналами и информацией, угрожающими общей целостности модели "я" как таковой, может оказаться выгодным интегрировать текущее сознательное представление высших когнитивных функций, таких как внимание, концептуальное мышление и процессы волевого выбора, в отдельную модель "я". Это может позволить обеспечить высокую степень интегрированной обработки, то есть "ясность ума", функционально инкапсулируя и тем самым модулируя различные функции, такие как проприоцепция или внимание и познание, чтобы сохранить хотя бы некоторые из этих функций в ситуации, угрожающей жизни. Почти вся необходимая информация, связанная с системой, по-прежнему доступна в глобальном масштабе, и процессы более высокого порядка, такие как внимание и познание, по-прежнему могут работать с ней, поскольку она представлена в интегрированном виде, но ее распределение по конкретным субрегионам в феноменальном пространстве в целом теперь кардинально изменилось. Только одна из двух Я-моделей действительно "расположена" в общей сцене, интегрирована во внутренне моделируемое поведенческое пространство, и только одна из них непосредственно воплощена и практически самоприсутствует в смысле, описанном в разделах 5.4 и 6.2.2. Поскольку она полностью прозрачна, она является полноценной феноменальной самостью, инстанцирующей феноменальное свойство самости для системы. Часто обе Я-модели, интегрированные

в рамках одного ОБЭ, состоят как из пространственного, так и непространственного ментального содержания.

Интересно, что телесная Я-модель, формирующая объектный компонент в этом типе опыта от первого лица, никогда не изменяется в своих пространственных свойствах: физическое тело, рассматриваемое с внешней точки зрения, очень редко искажается или изменяется в форме и размере. Однако субъектный компонент отношения интенциональности, моделируемый в этих состояниях, может сильно варьироваться (обратите внимание, что для обычных состояний бодрствования действует прямо противоположный принцип). Некоторые люди, переживающие ОБЭ, видят или ощущают себя в невесомой копии своего первоначального тела; другие переживают себя как отсутствие тела вообще или в некой неопределенной форме, такой как шар света или энергетический паттерн (Alvarado 1997, p. 18; Green 1968), или даже как "чистое сознание" (Alvarado 2000, p. 186). Это может указывать на то, что пространственное содержание не является строго необходимым для реализации функции, выполняемой второй Я-моделью для системы в целом. Другими словами, те высшие функции, такие как внимание, познание и агенция, которые интегрируются "диссоциированным" Я, теперь являются лишь слабо воплощенными функциями. Для их осуществления не требуется интеграция в пространственно охарактеризованный, эксплицитный образ тела. Вероятно, аттенционная и когнитивная агентность может быть функционально отделена от процесса вегетативной саморегуляции и пространственной саморепрезентации, необходимой для генерации моторного поведения. В этом контексте интересно отметить, что некоторые технологические установки в экспериментах с виртуальной реальностью (VR) - так называемые системы VR от второго лица и телеприсутствия (Heeter 1992, p. 264; см. также раздел 8.1) - похоже, достигают точно такого же эффекта, создавая сознательный опыт восприятия собственного тела как

встроенного в виртуальный мир и взаимодействующего с ним, или опыт того, что существует "реальный вы", не населяющий в данный момент ваше тело. Что предлагают такие технические системы, так это дополнительный функциональный модуль (графическое изображение или тело робота), с помощью которого испытуемые могут управлять своим поведением. Участники VR-экспериментов такого типа часто описывают свою феноменологию просто как ОБЭ, даже если у них никогда раньше не было естественного ОБЭ (Heeter 1992). Если бы удалось получить эмпирические данные, свидетельствующие о том, что пространственность аттенциональной и когнитивной Я-модели, парящей над компонентом Я-объекта в ОБЭ-модели реальности, не является строго необходимым условием, это поддержало бы предложенную здесь гипотезу функциональной модуляции.

С системной точки зрения, любой тщательный анализ девиантных феноменальных моделей самости имеет наивысшую актуальность. Однако из всех феноменологических классов состояний, упомянутых в этой главе, есть три, для которых общее количество и качество доступных научных исследований особенно мало: ОБЭ, диссоциативное расстройство идентичности (ДРИ) (см. раздел 7.2.4) и люцидные сны (см. раздел 7.2.5). Трудно найти эмпирическую работу, которая соответствовала бы методологическим или концептуальным стандартам современной когнитивной нейронауки или аналитической философии сознания.¹⁹ Заметными исключениями являются работы Харви Ирвина, Джона Палмера и Сьюзен Блэкмор. Ирвин предлагает модель, включающую сдвиг в обработке внимания во время эпизодов ослабления соматосенсорного входа и кинестетическое завершение соматического образа тела, опосредованное визуальной моделью окружения, построенной на основе источников памяти (Irwin 1985, p. 306 и далее). По мере утраты совместного ввода другие презентационные субформаты, такие как зрение и

кинестезия, становятся более доминирующими и берут на себя роль стабилизатора ПСМ. Как отмечает Альварадо (2000, с. 203), модель Ирвина получила поддержку в исследованиях, связывающих абсорбцию и визуально-пространственные способности с ОБЭ, а также положительно коррелирующих синестезические пункты из специфической шкалы абсорбции с частотой ОБЭ. Джон Палмер анализирует ОБЭ как компенсаторные процессы после того, как события угрожают целостности общей Я-модели, вызывая фундаментальные изменения в схеме тела (см. Palmer 1978). Для Палмера ОБЭ - это лишь один из многих путей, которые может использовать система, чтобы спасти свою феноменальную идентичность, находящуюся под угрозой, и сохранить общую целостность (см. раздел 6.2.1) Я-модели. Как говорит Альварадо (2000, с. 202), по мнению Палмера, "ОБЭ - это попытка предотвратить угрозу своей идентичности, чтобы она не достигла осознания и не привела к кризису".

Сьюзан Блэкмор, которой я благодарна за множество исключительно стимулирующих дискуссий, явно использует понятие "модель реальности". Четко оперируя подходом обработки информации и анализируя репрезентативные потребности и ресурсы людей, переживающих ОБЭ, она приходит к теории, описывающей ОБЭ как эпизодические модели реальности, построенные мозгом, отрезанным от сенсорного ввода в стрессовых ситуациях и вынужденным опираться на внутренние источники информации. Например, она обращает внимание на тот факт, что визуальные когнитивные карты, восстановленные по памяти, у большинства испытуемых, что интересно, организованы с высоты птичьего полета, и предсказывает, что эти люди более склонны к ОБЭ (см., например, Blackmore 1982a, p. 164 и далее; 1987). Она также указывает на важную феноменологическую особенность предполагаемых телесных движений в состоянии ОБЭ: часто способ, которым ОБЭ перемещаются в активной в данный момент модели

реальности, не является плавным, как при ходьбе или полете, а происходит дискретными скачками от одной значимой точки в когнитивной карте к следующей значимой точке. Наблюдение Блэкмора обращает внимание на то, что, чем бы еще ни были ОБЭ, они определенно являются внутренне смоделированными поведенческими пространствами. Это феноменологическое наблюдение может указывать на то, что часто эти поведенческие пространства, обычно моделируемые мозгом, находящимся в состоянии сильного стресса, пространственно недоопределены; то есть они являются грубозернистыми внутренними симуляциями ориентиров и значимых мест в определенных перцептивных сценах, которые были увидены и проработаны на более раннем этапе жизни. Общая идея теории Блэкмора заключается в том, что ОБЭ - это прозрачные феноменальные симуляции мира, которые отличаются высокой реалистичностью, поскольку включают в себя частично верифицированную репрезентацию феноменального тела и организованы с внешней визуальной перспективы "от третьего лица" (Blackmore 1984, 1987).

Все эти подходы согласуются с современной теорией. Интересно отметить, что все три из них явно представлены как психологические теории, не делающие предположения о существовании или реальном выходе из тела во время ОБЭ какой-либо нефизической субстанции-носителя сознательного опыта. Они являются упрощенными, будучи симулятивными, а не репрезентативными теориями ОБЭ, поскольку не предполагают, что в окружении физического тела существует реальный репрезентатум, соответствующий ПСМ как экстериоризированной второй сущности. Однако при более внимательном рассмотрении абстрактных, непространственных аспектов феноменального "я" в этих состояниях обнаруживается, что субъектный компонент ПМИР в состоянии ОБЭ не является абсолютно пустым. Аттенсиональный и когнитивный субъект, участвующий в селективной обработке, смоделирован и реально существует:

ОБЭ обычно хорошо контролируют свои аттенционные и мыслительные процессы как таковые, даже если почти все содержание этих процессов может быть галлюцинаторным.

С философской точки зрения, ОБЭ интересны по нескольким причинам. Во-первых, с чисто систематической точки зрения репрезентативной теории сознания, они представляют нам уникальную феноменальную конфигурацию: ОБЭ - это глобальные феноменальные модели реальности, в которых существуют две самомодели, но только одна перспектива первого лица. То есть у нас есть более или менее стабильная, центрированная модель реальности, которая содержит ПМИР. Интересным моментом является то, что во время некоторых эпизодов субъектный компонент, равно как и объектный компонент прозрачной модели отношения интенциональности, формируется репрезентативной структурой, фактически претендующей на изображение самого переживающего человека. ОБЭ показывают, что самомодели не обязательно являются субъектными моделями: Вы можете представлять что-то как свое собственное тело, не представляя его как агента, с которым вы идентичны, и вы можете делать это в рамках перцептивной модели субъект-объектного отношения. ОБЭ похожи на "перцептивный" вариант рефлексивного самосознания. ОБЭ представляют собой сильный аргумент в пользу тезиса о том, что, хотя сопутствующая телесная Я-модель может быть полностью "сконфабулирована" субличностными механизмами, борющимися за глобальную согласованность, феноменальный локус Я всегда находится там, где находится локус когнитивного и аттенционального агентства. Интересно, что это не относится к телесной агентности (вспомните пример с марафоном). Легко представить себе системы, которые не являются когнитивными, а только аттенциональными агентами (например, животные), но у которых есть ОБЭ. Таким образом, опыт аттенциональной агентности может быть ядром феноменальной самости и перспективности, а также

источником всей сознательно переживаемой интенциональности.

В целом, феноменологическое понятие ОБЭ представляется кластерным понятием, а класс феноменальных состояний, выделяемый этим понятием, характеризуется высокой степенью вариативности феноменального содержания. Однако, по-видимому, существует ряд дополнительных и существенных особенностей. Каким бы образом феноменально ни моделировался эфирный "двойник" или двойник, покидающий физическое тело, это всегда когнитивный и аттенциональный субъект - Я-модель, моделирующая систему как когнитивный и аттенциональный агент (см. разделы 6.4.3 и 6.4.4), - который формирует феноменальный "локус идентичности", неизменно представленный как субъектный компонент представленного субъект-объектного отношения, порождая тем самым структурную особенность общей модели реальности, которую я назвал ее перспективностью. Как мы видели выше, существуют типы самосознания более высокого порядка (т. е. самомодели, внутренне удовлетворяющие ограничению перспективности; см. раздел 6.4.4), стрелка РМІR которых направлена вниз от саморепрезентации второго порядка к саморепрезентации первого порядка - как в феноменологически направленном вовнутрь внимании и самоотносящемся познании. ОБЭ уникальны тем, что являются симуляциями перцептивных ПМІR, часто направленных "вниз" в гораздо более буквальном смысле, устанавливая отношения система-система, смоделированные в пространственной системе отсчета. Как будто в ситуациях, когда Я-модель больше не может быть привязана к внутреннему соматосенсорному входу (см. раздел 5.4), высшие когнитивные функции, такие как обработка внимания или категориальное мышление, просто берут на себя центрирование глобальной модели реальности. Таким образом, некоторые люди, переживающие ОБЭ, действительно являются развоплощенными мыслящими "я"

в нейрофеноменологически редуцированной версии первоначального картезианского смысла. Однако субъективно недоступная для них информация, конечно же, заключается в том, что все это - лишь модель реальности, созданная их центральной нервной системой.

Это подводит нас к ряду вопросов, представляющих более общий философский интерес. Для любого, кто действительно пережил подобный опыт, будет практически невозможно не стать после этого онтологическим дуалистом (например, 73 % респондентов в раннем исследовании Карлиса Осиса заявили о новом отношении к жизни после смерти после переживания ОБЭ, 67 % сообщили об уменьшении страха смерти, а 66 % в исследовании Габбарда и Твемлоу заявили, что действительно приняли веру в жизнь после смерти; см. эти и другие ссылки в Alvarado 2000, p. 188; недавнее эмпирическое исследование околосмертного опыта у людей, переживших остановку сердца, см. в Parnia, Waller, Yeates и Fenwick 2001). При всем своем реализме, когнитивной ясности и общей согласованности эти феноменальные переживания почти неизбежно приведут пережившего к последующему выводу, что сознательный опыт может, по сути, происходить независимо от мозга и тела: то, что было феноменально возможным в такой ясной и яркой манере, просто должно быть метафизически возможным. Хотя многие сообщения об ОБЭ, безусловно, окрашены интерпретационными схемами, предлагаемыми метафизическими идеологиями, доступными человеку в его время и в его культуре, к таким переживаниям следует относиться серьезно. Хотя их концептуальные и онтологические интерпретации в большинстве случаев серьезно заблуждаются, в правдивости многовековых сообщений об экстатических состояниях, путешествиях души и "вторых телах" вряд ли можно сомневаться.

Второй, связанный с этим момент заключается в том, что сообщения об этом специфическом типе феноменального состояния имеются в изобилии, причем не только во все периоды времени, но и в самых разных культурах. У этого явления есть культурно инвариантное ядро. Опыт выхода душеподобной сущности, эфирного или астрального тела из физического тела во время сна, после несчастного случая или во время смерти - это то, что я бы назвал "феноменологическим архетипом" человечества. Следуя этой линии мысли, я сделаю два утверждения. Во-первых, феноменологический архетип, который сегодня мы называем "внетелесным опытом", на самом деле является нейрофеноменологическим архетипом: функциональное ядро этого вида феноменального состояния формируется культурно инвариантным нейропсихологическим потенциалом, общим для всех человеческих существ. Назовем это гипотезой CINP. При определенных условиях мозг всех человеческих существ, благодаря специфическим свойствам своей функциональной и репрезентативной архитектуры, которые еще предстоит эмпирически исследовать, допускает этот набор феноменальных моделей реальности. Вероятно, этот набор моделей реальности является дискретным множеством, образующим индивидуальную, четко очерченную цель эмпирического исследования. Вероятно, существует минимально достаточный нейронный коррелят для состояния ОБЭ у людей, и, в принципе, функционалистский анализ этого феномена может быть развит из более тонкого репрезентационистского анализа. Возможно, в каком-то отдаленном будущем даже машины смогут заниматься путешествиями души.

Очевидно, что предложенные здесь понятия ПСМ и ПМИР могут послужить отличной отправной точкой для операционализации ОБЭ. Однако это предположение может оказаться ложным, и будет также важно выяснить, насколько высока степень культурной инвариантности ОБЭ в

действительности. Возможно, ОБЭ - это не отдельная теоретическая сущность, а всего лишь подгруппа прелюцидных сновидений или тенденция к деперсонализации, интуитивному мышлению и некоторым шизотипическим чертам личности (Wolfradt and Watzke 1999). В любом случае, второй момент, который делает ОБЭ интересной мишенью для философского анализа, заключается в том, что они, вероятно, также формируют нейроантропологическую константу, потенциал, при необходимой нейрофункциональной конфигурации, для прохождения определенного типа опыта, общего для всех человеческих существ. Животные тоже могут иметь ОБЭ: как и в случае со многими другими синдромами, обсуждаемыми в этой главе, очевидно, что нелингвистические существа, не включенные в культурную среду, также могут испытывать эти переживания. Однако только у людей ОБЭ может быть сильным феноменом первого лица (в смысле Бейкера 1998, как обсуждалось в разделе 6.4.4), а именно тем, что он может быть дополнительно самоописан на концептуальном уровне. На нашей планете до сих пор только у людей были ОБЭ и способность думать и общаться о них, потому что только у них были необходимые структуры мозга. Таким образом, потенциал к "сильным" ОБЭ является нейроантропологической константой. Поэтому назовем это второе предложение гипотезой НАС.

Позвольте мне обратить внимание на третий аспект этого вопроса, который делает ОБЭ интересным с точки зрения истории идей и который снова подчеркивает настоящую необходимость в строгих будущих исследовательских программах с чисто метатеоретической точки зрения. Мое последнее предложение заключается в том, что феноменальные состояния, которые сегодня мы называем ОБЭ и которые указывают на общность нейрофункциональной архитектуры, лежащей в основе процесса сознательного само моделирования человека, на самом деле являются историческим корнем того, что я бы

назвал "протоконцепцией разума", которая в конечном итоге развилась в картезианский дуализм и идеалистические теории сознания. Короче говоря, именно особый вид феноменального содержания, описанный в этом разделе, впервые заставил человеческие существа поверить в существование души. Назовем это просто "гипотезой души". После того как эволюция мозга достигла стадии, на которой стали возможны ОБЭ в терминах сильных, концептуально опосредованных форм феноменального само моделирования, было вполне естественно - на теоретическом уровне - предположить, что нечто вроде души действительно существует. Учитывая эпистемические ресурсы раннего человечества, предположить возможность невоплощенного существования было в высшей степени рациональным убеждением. И именно ПСМ Homo sapiens сделало этот шаг возможным.

Что такое протоконцепция разума? Во многих культурах мы одновременно находим провидческие теории о "дыхании жизни" (например, древнееврейское ruach, арабское ruh, латинское spiritus, греческое pneuma, индийское prana viz. пять koshas и т. д.). Как правило, это пространственно протяженная сущность, поддерживающая жизнь в теле и покидающая его в фазах бессознательного состояния и после смерти. Мы сталкиваемся с почти повсеместным представлением о том, что такое ум, которое во всех своих многочисленных вариациях все еще остается сенсорно-конкретным представлением о ментальном как о чем-то, что объединяет части не только физических организмов, но и в более широком смысле обществ и групп человеческих существ. В западной философии разума эта протоконцепция разума прошла бесчисленные этапы развития, начиная с пневматологии Анаксимена в VI веке до н. э., Диогена Аполлонийского и аристотелевского различения между вдыхаемым воздухом и психической пневмой (которое, возможно, можно считать первой попыткой натуралистической теории разума в западной философии).

Это развитие продолжилось через алхимические теории управления природой посредством контроля над разумом и неоплатоников, для которых пневма была ауреолой, покрывающей душу и защищающей ее от контакта и загрязнения материальными объектами, и далее до христианской философии, которая окончательно денатурализовала и персонифицировала понятие разума. Таким образом, западная история понятия разума может быть прочитана как история непрерывной дифференциации традиционалистской, мифической, сенсорной прототеории разума, которая постепенно приводила к тому, что разум становился все более и более абстрактным принципом, который, в конце концов, достигает кульминации у Гегеля, лишаясь всех пространственных и временных свойств.

Интересно отметить, что лучшие из существующих сегодня теорий разума вновь превращают его в конкретный процесс, полностью наделенный временными и пространственными свойствами. Однако в свете современной когнитивной нейронауки еще интереснее видеть, как в самом начале человеческих теоретических построений о разуме и сознании мы находим очень похожий основной мотив в самых разных культурных контекстах: идею "тонкого тела", которое не зависит от физического тела и является истинным носителем высших психических функций, таких как внимание и познание (Mead 1919). Исторически сложилось так, что дуалистическая традиция в философии сознания уходит корнями в эти ранние прототеории. Эти теории, как я предполагаю, в свою очередь могут быть мотивированы наивно-реалистическими интерпретациями ранних сообщений об ОБЭ. В начале этой главы я отметил, что некоторые из девиантных моделей реальности и самости, обсуждаемых здесь в форме нейрофеноменологических кейсов, могут иметь скрытый эвристический потенциал, поскольку их также можно читать как метафизические или эпистемологические метафоры. В некотором смысле они являются собственной философией мозга. Как

феноменальные онтологии они представляют собой непропозициональные теории - внутренние, нейробиологически реализованные модели - о том, что существует на самом деле с точки зрения мозга. Взятая как онтологическая метафора, феноменология ОБЭ неизбежно ведет к дуализму и к конкретной идее невидимого, невесомого, но пространственно протяженного второго тела. Таким образом, это может быть народно-феноменологическим предком души и философской протоконцепции разума: Это ОБЭ ПСМ. Поэтому, чтобы не только иметь эмпирически обоснованную теорию сознательного опыта, но и понять нейрофункциональные и нейрофеноменологические основы сохраняющейся интуиции, что такая теория оставляет без внимания нечто очень важное, будет крайне важно достичь более полного понимания этого типа феноменального опыта. То, что я набросал как гипотезы CINP, NAC и души, может стать хорошей отправной точкой для серьезного подхода к феноменологии. Традиционная концепция бессмертной души, которая может существовать независимо от физического тела, может иметь филогенетически новый нейрофеноменологический коррелят в типе девиантного феноменального само моделирования, описанного в этом разделе.

Агентство «Галлюцинация»

Что такое сознательно переживаемое воление? Это феноменальное содержание, активируемое прозрачной моделью внутреннего процесса отбора, приводящего организм к выполнению определенного поведенческого паттерна. Как правило, это один конкретный паттерн моторного поведения из множества возможных, которые были предварительно смоделированы внутренне.

Феноменальное воление - это содержание внутренней репрезентации этого процесса выбора, которая не может быть осознана как репрезентация на уровне интроспективного доступа. Именно поэтому опыт кажется абсолютно реальным.

Воля в стандартных ситуациях дополнительно переживается как собственная воля, потому что эта репрезентация интегрирована в активную в данный момент Я-модель. Обратите внимание, что это как раз и есть переход от субличностного к личностному уровню: Субличностный процесс динамической самоорганизации присваивается системой в целом, поскольку теперь он интегрирован в ее ПСМ, и, следовательно, глобально доступен для более гибкой и избирательной формы управления реакцией. Как и все другие репрезентативные содержания, встроенные в Я-модель, он приобретает дополнительное феноменальное качество "малости".

На репрезентативном уровне анализа все выглядит следующим образом: Классы феноменальных моделей - это классы инструментов, помогающих организму сделать определенные типы информации глобально доступными, например, для когнитивной оценки или для наложения вето на определенные виды текущей моторной обработки. Волевая Я-модель - это инструмент, делающий определенный вид системной информации - информацию о том, что только что произошел определенный процесс отбора, - глобально доступной для системы. На функциональном уровне описания преимущество, обеспечиваемое процессом осознанного воления, состоит в том, что текущие процессы выбора становятся возможными объектами вмешательства более высокого порядка.²⁰ Сознательный контроль резко повышает гибкость поведенческого профиля системы.

Я не буду вступать здесь в длительное обсуждение философской проблемы свободы воли. Позвольте мне вкратце высказать одно концептуальное и одно эмпирическое соображение, которое поможет лучше понять понятие галлюцинаторного агентства. Во-первых, концепция "волевого акта" - это бессвязная концепция, поскольку она ведет к бесконечному регрессу. По крайней мере, если сознательный опыт воления сам по себе анализируется как своего рода внутренняя агентность, неявно вводится гомункулус, интернализированная интенциональная система (см. Dennett 1987b), чьим действием становится этот субъективный опыт воления. Для этого маленького человечка в голове вновь возникнет та же проблема: Как он решает, какие волевые акты выбрать? Философский ответ на эту проблему заключается в смещении уровней описания путем замены логических субъектов предикации. Этого можно достичь естественным путем, приписывая избирательную активность, повышенную гибкость, способность прерывать действия после их начала и т. д. системе в целом, а не какому-то субличностному образованию в ее мозгу. Не PSM или какой-то предсознательный механизм, например, выбирает определенный двигательный паттерн, а всегда система в целом. Теперь к этому решению добавился аспект когнитивной науки, который помогает нам гораздо лучше понять, как это на самом деле работает: Переход от субличностных свойств к свойствам личностного уровня осуществляется через PSM. Поскольку этот новый репрезентативный инструмент позволяет системе внутренне воспринимать себя как единое целое, субличностные процессы выбора могут быть функционально присвоены, а именно: они становятся глобально доступными в рамках PSM. Теперь они каузально интегрированы в более крупную структуру и, таким образом, становятся объектами гибкой обработки "сверху вниз". ПСМ - это решающее звено от микросвойств к макросвойствам, от нейронной динамики в мозге к личности.

Во-вторых, с эмпирической точки зрения важно понимать, что каждое явное поведение будет иметь минимально достаточный нейронный коррелят, который можно анализировать как его типичную, но специфическую для данной области причину. Как и любая другая форма сознательного содержания, субъективный опыт желания и принятия решения о конкретной модели поведения также будет обладать минимально достаточным нейронным коррелятом. Он локально зависит от определенных свойств мозга. Наша сознательная Я-модель представляет этот вид феноменального содержания, который в народно-психологических контекстах мы называем "переживанием воли", как единственную и неповторимую причину последующего внешнего действия. Это был удивительно элегантный способ создания феномена агентности от первого лица. Но с точки зрения третьего лица это может оказаться ложным: минимально достаточная нейронная причина, необходимая для производства внешнего действия, и минимально достаточный нейронный коррелят субъективного опыта принятия решения об осуществлении этого действия могут расходиться. На самом деле, во многих случаях это эмпирически правдоподобное предположение. Таким образом, опыт агентства (см. раздел 6.4.5) и активация феноменальной модели отношения практической интенциональности (см. раздел 6.5.3) могут быть упрощенной внутренней конфабуляцией, экономически эффективным решением эволюционных проблем мозга. Активируя минимально достаточный нейронный коррелят явного действия, мы могли бы надежно вызвать это действие, даже против воли субъекта. Строго говоря, теперь это будет только поведение, но уже не действие.

С другой стороны, если бы минимально достаточный нейронный коррелят феноменального опыта воли мог быть искусственно вызван у человека, предсказание заключалось бы в том, что этот человек переживает себя как выбирающего определенное действие и фактически осуществляющего его,

хотя с точки зрения третьего лица это не было бы истинным положением вещей. Галлюцинированное агентство - это сознательный опыт воления и исполнительного сознания в присутствии отклоняющейся, нестандартной каузальной этиологии для фактического моторного поведения, которое имеет место. В качестве примера можно привести некоторые ограниченные доказательства того, что не только непосредственное выполнение хватательного движения, но и сознательное переживание непреодолимого "желания схватить" может быть непосредственно вызвано стимуляцией вентральной части передней поясной борозды (Kremer, Chassagnon, Hoffmann, Benabid, and Kahane 2001).²¹ Одно из центральных предсказаний SMT заключается в том, что, поскольку весь процесс репрезентации полностью прозрачен, это приведет к нетрансцендентному опыту агентства в ситуации, где никаких действий никогда не происходило. Сейчас мы рассмотрим элегантный и неинвазивный психологический эксперимент, который подтверждает это предсказание.

Дэниел М. Вегнер и Талия Уитли (1999, см. также Wegner 2002) исследовали необходимые и достаточные условия для осознанного переживания ментальной причинности с помощью простого и изобретательного эксперимента. В своем исследовании I Spy они заставляли испытуемых переживать причинно-следственную связь между мыслью и действием, ощущение того, что они сознательно выполняют действие, которое, однако, на самом деле было выполнено кем-то другим. Каждый испытуемый приходил на эксперимент примерно в то же время, что и его сообщник, который выдавал себя за другого участника (подробное описание экспериментальной установки см. в Wegner and Wheatley 1999, p. 487 и далее). На столе, разделяющем их, лежала квадратная доска, на которой была установлена компьютерная мышь, и участник и конфедерат должны были поместить кончики пальцев на ближайшую к ним сторону доски, что позволило бы им вместе перемещать мышь. Они

могли перемещать курсор по экрану компьютера, видимого им обоим, на котором была изображена фотография под названием "Крошечные игрушки" из книги I Spy, где было показано около пятидесяти маленьких объектов, таких как пластиковые динозавры, машинки и лебеди. Испытуемым сказали останавливать движение мыши примерно каждые 30 секунд, а затем попросили оценить каждую сделанную остановку на предмет "личной преднамеренности". Испытуемый и его собеседник отмечали степень осознанности своего поведения как волевого действия на шкалах, которые они держали на клипбордах у себя на коленях. Обоим сказали, что они будут слышать музыку и слова через наушники и что в каждом испытании 30-секундная фаза движения, за которой следует 10-секундный клип музыки, будет сигналом к тому, что теперь нужно остановиться. Испытуемые предполагали, что слушают разные дорожки аудиокассеты, но примерно в одно и то же время, и им сказали, что они должны подождать несколько секунд перед тем, как сделать остановку, чтобы убедиться, что они готовы. Им также сказали, что они услышат слова, якобы для того, чтобы "слегка отвлечься", и что они услышат разные слова, что и послужило причиной того, что они слушали разные аудиодорожки. Короче говоря, участников заставили поверить, что какие бы слова они ни слышали, их не слышал их сообщник.

Слова служили для того, чтобы вызвать у участника мысли о предметах на экране (например, "лебедь"), и одно из них предъявлялось для каждого испытания. Конфедерат, напротив, не слышал ни слов, ни музыки, но вместо этого слышал инструкции по выполнению определенных движений в определенное время. В четырех испытаниях испытуемому давалась инструкция двигаться к объекту на экране. Затем шел обратный отсчет времени до того момента, когда он должен был остановиться на объекте. Эти принудительные остановки были приурочены к середине

музыкального сопровождения участника. (Wegner and Wheatley 1999, p. 488)

Вегнер и Уитли предполагают, что три принципа управляют построением феноменально переживаемой ментальной причинности: (1) принцип исключительности (мысль должна быть единственной интроспективно доступной причиной действия), (2) принцип последовательности (семантическое содержание мысли должно соответствовать представляемому действию) и (3) принцип приоритета, а именно, что сознательно переживаемая мысль должна предшествовать сознательно переживаемому действию в соответствующем интервале. Вариации во времени служили для манипулирования степенью приоритета, о которой только что говорилось. Как выяснилось, несмотря на общую тенденцию воспринимать вынужденные остановки как действительные намерения, наблюдалась заметная зависимость субъективного опыта практической намеренности от времени произнесения главного слова. Как и предсказывал принцип временного соседства, переживание намеренности было ниже, когда главное слово появлялось за 30 секунд до вынужденной остановки, возрастало, когда слово появлялось за 5 секунд или за 1 секунду до остановки, и затем снижалось до более низкого уровня, когда слово появлялось через 1 секунду после остановки (Wegner and Wheatley 1999, p. 489).

Галлюцинированное агентство: Исследование "Я шпион". (Любезно предоставлено Дэниелом М. Вегнером и Талией Уитли).

Постэкспериментальные интервью показали, что испытуемые часто искали предметы на экране после того, как

они были названы через наушники. Другими словами, продолжалась попытка установить "перцептивное интенциональное отношение", успешную феноменальную репрезентацию определенных субъектно-объектных отношений, интегрированную феноменальную репрезентацию феноменального "я", которое в данный момент зрительно воспринимает конкретный объект. Как отмечают авторы, это ощущение поиска предмета в сочетании с последующей вынужденной остановкой могло быть особенно благоприятным условием для активации рассматриваемого сознательного содержания. Далее я предлагаю грубый функциональный и репрезентативный анализ эффекта галлюцинаторного агентства, достигнутого в эксперименте I Spry. Однако, как увидит читатель, моя собственная интерпретация данных, представленных Вегнером и Уитли, несколько отличается от интерпретации авторов, во-первых, в использовании некоторых концептуальных инструментов, разработанных ранее, и, во-вторых, в указании на потенциальную важность системы "зеркальных нейронов", расположенных в области F5 премоторной коры головного мозга человека (которые упоминались в разделе 6.3.3 при обсуждении возможных социальных коррелятов самодемии человека). Короче говоря, я попытаюсь интерпретировать эти данные не только как отклоняющийся вид феноменального самодемиирования, но и как отклоняющийся вид полубессознательного социального познания, происходящего между испытуемым и испытуемым. Я буду рассматривать их как функционально связанные системы самодемиирования.

Позвольте мне начать с различения двух целевых феноменов: феноменального опыта воления и феноменального опыта агентства. Целевой феномен 1 можно проанализировать как ситуацию, в которой абстрактная, аллоцентрическая репрезентация завершеного действия интегрируется с активной в данный момент Я-моделью, становясь, таким образом, моей собственной целью на уровне сознательного

опыта. Этот специфический процесс прозрачной саморепрезентации (который, с феноменологической точки зрения третьего лица, может быть назван "самостью в акте желания") приводит к следующему феноменальному содержанию:

[Я* в настоящее время хочу достичь этой цели].

Поэтому первый шаг может заключаться в активации довольно абстрактного, аллоцентрического представления действия как успешно завершенного. Эта репрезентация цели может, например, изображать, как указатель мыши упирается в определенный элемент на экране, а ваша собственная рука достигает определенного конечного положения. Важно отметить, что этот процесс не обязательно должен быть осознанным. Второй шаг заключается в том, чтобы каким-то образом интегрировать результат этого шага в активную в данный момент самомодель. Говоря вычислительным языком, необходимо решить проблему интеграции - вариант проблемы связывания более высокого порядка. Сделать это - значит построить то, что я ранее назвал феноменальной моделью отношения практической интенциональности: система, которой вы являетесь, активирует ментальную репрезентацию определенного субъектно-объектного отношения, как существующего в данный момент. Объектный компонент в этом отношении - аллоцентрическая репрезентация действия. Феноменальный субъект, как обычно, является содержанием активной в данный момент ПСМ. Практический PMIR изображает не отношение системы к перцептивному объекту в ее окружении или к некоторому специфическому когнитивному содержанию (как в теоретическом PMIR), а отношение, в котором система в целом находится к некоторому внутренне моделируемому состоянию цели. Конечно, у нас есть обычное фоновое предположение, а именно, что самомодель и всеобъемлющее отношение интенциональности

представлены прозрачно, то есть у системы нет возможности интроспективного доступа к этим представлениям как к самогенерируемым внутренним репрезентациям. Она находится в плену наивного реализма относительно содержания Я-модели, а также относительно этого отношения в том виде, в котором оно моделируется в настоящее время. Объектный компонент, однако, вполне может быть непрозрачным - тот факт, что состояние цели - это всего лишь смоделированное, возможное состояние мира, может быть доступен для внимания. Тогда это репрезентативное событие наделяет репрезентацию цели дополнительным феноменальным качеством "минности": теперь цель - это моя собственная цель. Такова, или я бы так утверждал, репрезентативная структура, лежащая в основе феноменального воления. Хотеть цель - это то же самое, что сделать ее своей на уровне феноменального опыта. Объектный компонент теперь тоже прозрачен: то, что было возможной целью, теперь является фиксированным элементом моей собственной, внутренней реальности. Конечный результат - сознательное "я" в акте желания чего-либо. Следующий вопрос: как перейти от феноменального воления к агентности?

После активации одной или целой серии абстрактных, аллоцентрических репрезентаций действий, то есть после мысленного моделирования определенного набора возможных действий, должны быть сгенерированы моторные траектории, которые отображают текущее состояние Я-модели - например, положение руки - на состояние Я-модели, изображенное в выбранной репрезентации цели, которая только что была встроена. Прозрачная Я-модель может быть использована в качестве опорной основы для перспективного моделирования возможного моторного поведения (пример того, как этот процесс может сбиться с пути, см. в примечании 7). Таким образом, она является самообнуляющейся, якорем предполагаемой самосимуляции. Как только выбирается

одна из этих смоделированных траекторий возможных репрезентаций действий, система готова действовать. Действие, с точки зрения современной теории, означает запуск эгоцентрической симуляции действия, которая каузально связана с эффекторами через моторную систему. Шаг от аллоцентрической к эгоцентрической симуляции осуществляется путем втягивания объектного компонента PMIR в субъектный: путем встраивания его в PSM. Вы буквально делаете возможное действие своим собственным, воплощая и реализуя его через Я-модель. При стандартных условиях это будет центральным необходимым условием для возникновения целевого феномена 2, опыта исполнительного сознания (Vollzugsbewusstsein) или агентства. После того как эгоцентрическая прямая модель была соединена с двигательной системой, результирующая проприоцептивная обратная связь или эфферентная копия затем непрерывно интегрируется в активную Я-модель. На уровне феноменального опыта она, таким образом, становится моим собственным текущим поведением. Продолжающийся процесс прозрачного само моделирования ("Я как поведение") вкратце приводит к следующему феноменальному содержанию:

[Мое собственное* тело в данный момент движется таким образом].

Моторный выход приводит к обратной связи либо через эфферентную копию, либо через проприоцептивные, кинестетические или визуальные каналы. Эта обратная связь непрерывно изменяет содержание Я-модели, в частности ту ее часть, которая может быть описана как моторный эмулятор. Физические события - движения тела - интегрируются в Я-модель и приобретают феноменальное качество реальности: это мое собственное тело ведет себя и двигается.

Однако для того, чтобы прийти к полноценной феноменальной агентности, чтобы сделать шаг от осознанного опыта поведения к осознанному опыту бытия агентом, необходим еще один элемент. Необходимо приписать причинно-следственную связь двум отдельным событиям, прозрачно смоделированным в рамках текущей Я-модели. Это то, что мы обычно называем сознательно переживаемой ментальной причинностью. Атрибуция этой причинно-следственной связи необходима на уровне феноменального опыта, чтобы превратить мое текущее поведение в мое собственное действие. Эта прозрачная репрезентация интрасубъективного каузального отношения ("Я как ментально вызывающее свое телесное поведение") приводит к следующему феноменальному содержанию:

[Я* в настоящее время являюсь агентом].

Теперь у нас есть прозрачная модель причинно-следственной связи между двумя последующими событиями, происходящими в динамике ПСМ: (субличностью) актом выбора возможной симуляции действия и ее интеграции в то, что я назвал "эгоцентрической симуляцией действия", и событием, когда мое тело действительно движется. В этой атрибуции причинности конечная фаза моего собственного волевого состояния должна быть представлена как причина моих телесных движений. Нужно представить это как продолжающийся, непрерывный процесс, ведущий не только к единичному опыту вызывания собственных действий, но и к временно расширенному субъективному опыту осуществления своих действий, совершения телесного движения. Истинная феноменология, возможно, более реалистично может быть описана как поток агентности. Важность исследования Вегнера и Уитли заключается в том, что они показали, при каких условиях этот тип феноменальной агентности может быть создан, даже если,

во-первых, репрезентация цели и, во-вторых, копия эффекта фактически отсутствуют.

Теперь перейдем к краткому анализу активного репрезентативного содержания в соответствующих Я-моделях конфедерата и участника. Вы видите, что вначале мы рассматриваем только сознательное содержание.

Вставка 7.1

Конфедерация

PSM:

[Я* сейчас слышу указание].

ПМИР:

[Я* слышу указание остановиться на определенном объекте после окончания обратного отсчета].

Контекст:

⟨ Участник не слышит этого. ⟩

Участник

PSM:

[Я* сейчас слышу слово].

ПМИР:

[Я* теперь слышу слова в наушниках, чтобы слегка отвлечься].

Контекст:

⟨ Другой участник сейчас слышит другое слово. ⟩

Мы видим, что участник также обладает некоторым ложным интенциональным содержанием, а именно, имеет ложное мнение о себе (например, о цели своего текущего слухового опыта) и о контексте, то есть о роли конфедерата, которого он принимает за другого участника. Слуховые сигналы у обоих испытуемых несколько расходятся и интерпретируются в соответствии с совершенно разными внутренними контекстами. Важно также помнить, что первоначальный анализ показывает, что простое слушание целевого слова не приводит к остановке на названном объекте у участника. То, что происходит по ходу эксперимента?

Вставка 7.2

Конфедерация

Активация репрезентации цели, форвард-модель, выбор моторной траектории.

PSM:

[Я услышал наставление и теперь хочу его исполнить].

ПМИР:

[Такое поведение необходимо для того, чтобы я* выполнил указание].

Участник

Эффект прайминга активизирует визуальный поиск. Автоматическая попытка найти подходящий визуальный объект: Происходит построение аттенционного PMIR.

PSM:

[Я услышал еще одно слово. Мое визуальное внимание блуждает].

ПМИР:

Пока нет сдвигов в сознательно переживаемом объектном компоненте.

Вполне правдоподобное предположение гласит, что у конфедерата семантический ввод, переданный через инструкцию, приводит к активному представлению цели и очень быстрому моделированию возможных моторных действий, которые в своей конечной фазе будут соответствовать этой цели. Вполне вероятно, что у участника эффект прайминга через наушники может активировать визуальный поиск соответствующего предмета на экране. В самом деле, постэкспериментальные интервью показали, что у некоторых участников слушание слова приводит к переключению внимания. Таким образом, у этих участников фактически существовал предсуществующий PMIR - модель попытки испытуемого визуально найти определенный объект, уже присутствующий в их воображении. Объектный компонент подавался через слуховой вход, система пыталась построить успешный перцептивный PMIR в визуальной

области. У людей, не имеющих воспоминаний о подобном опыте визуального поиска, можно, однако, представить, что у них повышена функциональная доступность содержания, соответствующего услышанному слову, для сознания благодаря тому, что Дэниел Вегнер в одной из своих ранних работ (1997) назвал "ироническим эффектом": те участники, которые действительно изо всех сил стараются не отвлекаться на это слово, могут создавать "иронический монитор", который применяется только к очень небольшому кругу искомых целей, тем самым делая этот поиск более эффективным, а соответствующее репрезентативное содержание - которое все еще остается неосознанным - более доступным для феноменального опыта, особенно в условиях когнитивной нагрузки. Можно предположить, что даже если очень маловероятно, что участники действительно активно подавляют слова, которые они слышат, может существовать автоматический процесс с аналогичным эффектом. Они могли бы - и это чистое предположение - добиться глобальной доступности (см. раздел 3.2.1), непреднамеренно запустив симуляцию (см. раздел 2.3) того, что не следует делать объектным компонентом их текущего PMIR (см. раздел 6.5). Давайте рассмотрим следующий шаг в текущем эксперименте.

Вставка 7.3

Конфедерация

Аллоцентрическая репрезентация целей интегрируется в самомодель.

ПСМ ("волевая субъективность"):

[Я* нахожусь в процессе принятия решения остановиться].

ПМИР:

[Я* принимаю решение остановиться на определенном предмете после окончания обратного отсчета].

Участник

Результаты поиска теперь интегрируются в прозрачную модель отношения интенциональности.

ПМИР:

[Я* сейчас представляю себе определенную перцептивную ситуацию, то есть зрительно воспринимаю элемент на экране, соответствующий слову, которое я только что услышал].

[Я* сейчас визуально ищу на экране предмет, соответствующий слову, которое я только что услышал].

На следующем этапе конфедерат интегрирует репрезентацию цели, ранее активированную с помощью слухового ввода, в свою текущую Я-модель. На феноменальном уровне это означает, что она "принимает" инструкцию, и цель становится ее собственной целью на уровне сознательного опыта. На субличностном уровне система также выбирает определенную активную репрезентацию возможной двигательной траектории и интегрирует ее в перспективную модель телесного "я". Предположим также, что участник является одним из тех людей, которые действительно сознательно переживают текущий визуальный поиск, который только что был праймирован. Поэтому он субъективно переживает себя как пытающегося успешно построить перцептивную модель этого субъектно-объектного отношения, которое он уже воображает. Таким образом, мы

имеем сознательную репрезентацию "я" в акте управления его вниманием. Более того, эта репрезентативная конфигурация является типичным начальным условием для моторного поведения, такого как хватательные или указывающие движения; структурно она напоминает типичную начальную фазу моторной последовательности. Интересно отметить, что на этом этапе мы уже имеем систему, которая ищет соответствие именно тому компоненту объекта, который впоследствии станет феноменально переживаемой целью действия, и которая одновременно пытается успешно построить определенное субъектно-объектное отношение в своей модели реальности. Однако этот специфический PMIR - еще не модель практического отношения интенциональности, а теоретическая модель: он пытается активизировать определенный вид перцептивного знания. На этом этапе - или так я бы предположил - происходит ряд интересных событий. В конфедерате эгоцентрическая моторная симуляция каузально связана с моторной системой, как уже объяснялось ранее. Отдается моторная команда, которая посредством проприоцептивной обратной связи или через эфферентную копию приводит к непрерывному обновлению той части сознательной Я-модели, которую я бы назвал "феноменальным моторным эмулятором".

Вставка 7.4

Конфедерация

Подается команда на двигатель, копия воздействия непрерывно подается на феноменальный эмулятор двигателя.

PSM:

[Я* теперь указываю. Я чувствую, как двигается моя собственная* рука].

ПМИР:

[Я* теперь указываю на этот экранный объект].

Участник

Визуально наблюдаемое поведение конфедерата управляет зеркальной системой и бессознательной Я-моделью участника на функциональном уровне, активируя бессознательную симуляцию действия и аллоцентрическую репрезентацию цели.

ПМИР:

[Я* в данный момент вижу/ощущаю движение руки другого субъекта].

Бессознательное SM:

[Такое мое собственное поведение будет соответствовать поведению другого субъекта].

Неосознанное представление целей:

(В моем случае такое поведение, как правило, обусловлено именно этой целью).

Теперь позвольте мне ввести дополнительное предположение, которое, по моему мнению, хотя и является спекулятивным, но в настоящее время не только рационально, но и эмпирически правдоподобно (ссылки см. в разделе 6.3.3). Визуальное наблюдение участником за

движением руки конфедерата автоматически вызывает активацию абстрактного представления действия, предположительно в левой верхней височной ямке (область 21 Бродмана), левой нижней теменной доле (область 40) и, возможно, во внутренней части области Брока (область 45). В частности, я буду считать, что эксперименты по позиционной эмиссионной томографии (ПЭТ), проведенные Графтоном, Риццолатти и коллегами (1996) по локализации хватательных движений, продемонстрировали это. Другая линия эмпирических доказательств (эксперименты по изучению возбудимости моторной коры у людей с помощью транскраниальной магнитной стимуляции, проведенные Фадигой и коллегами; см. Fadiga, Fogassi, Pavesi, and Rizzolatti 1995), похоже, показывает, что нечто подобное зеркальной системе действительно существует у людей, а не только у обезьян. Вкратце, я предполагаю, что каждый раз, когда мы смотрим на кого-то, выполняющего какое-то действие, активируются те же моторные цепи, что и при выполнении этого действия нами самими. Это, в свою очередь, помогает нам мысленно создать абстрактное представление цели из визуально наблюдаемого действия. Это делает доступным новый вид репрезентативного содержания, извлекая из социального окружения весьма специфический вид информации ("моторную эквивалентность"). Внешне генерируемая активность в зеркальной системе участника, визуально воспринимающего движение руки конфедерата, приводит к ретродиктивной симуляции психического состояния конфедерата (см., например, Gallese and Goldman 1998). Пожалуйста, всегда помните, что эта новая форма активного репрезентативного содержания в мозгу участника еще не обязательно должна быть сознательным содержанием. Активность в зеркальной системе человека не имеет ничего общего с теоретическим умозаключением. Скорее, она создает у наблюдателя состояние, соответствующее состоянию объекта, - синхронизирует бессознательные моторные разделы его Я-моделей.

Другими словами, у нас теперь есть бессознательная репрезентация цели у участника, которая, однако, еще не интегрирована в его PSM. Таким образом, спекулятивная линия мысли, которую я предлагаю здесь, рассматривает интригующий эксперимент Вегнера и Уитли как эксперимент в области социального познания. Возможно, будет полезно рассмотреть не только изолированную ПСМ участника, но и функционально связанную "систему двух лиц" - конфедерата и участника. Центральным физическим элементом, реализующим эту причинно-следственную связь, является область F5 в премоторной коре головного мозга. Это приводит к проверяемому предсказанию относительно гипотезы Вегнера и Уитли: эксперимент не должен работать у людей с поражением F5 или, проще говоря, если обе руки спрятаны под черной доской. Что означает, что две само моделирующиеся системы функционально связаны через свои само модели? Например, многие считают, что совместное внимание - это, возможно, элементарный строительный блок социального познания. Два человека, смотрящие на один и тот же монитор и одновременно воспринимающие движения рук друг друга, безусловно, отвечают этому условию, и интересно отметить, как они воспринимают свои соответствующие телесные движения в более чем одной модальности. В настоящее время собеседница физически выполняет движение, указывающее на нее. Происходит каузальная атрибуция между первым событием, мысленным выбором возможной моторной траектории, и вторым событием, проприоцептивной обратной связью, генерируемой связанным с объектом телесным движением, и поэтому она не только наслаждается опытом движения своей собственной* руки, но и опытом полной феноменальной агентности. Ее мозг конструирует не только PSM, но и PMIR.

Вставка 7.5

Конфедерация

Действие доведено до конца.

PSM:

[Я* теперь указываю. Я* чувствую, как двигается моя рука].

ПМИР:

[Я* сейчас указываю на этот экранный объект. Я* - агент, связанный с этим объектом].

Участник

Проприоцептивно-кинестетическая обратная связь от пассивного движения руки вводится в феноменальный образ тела. Аллоцентрическая репрезентация цели, генерируемая зеркальной системой, все больше соответствует кинематике феноменального образа тела, то есть его наиболее вероятной конечной точке в прямой модели; "хорошее соответствие" определяется бессознательно.

PSM:

[Моя рука двигается.]

ПМИР:

Нет практического РМІR. Феноменальное агентство не создано.

Участник, чья рука пассивно волочится за ним, не испытывает этой каузальной атрибуции, поскольку в его Я-

модели представлено только второе событие. Для него содержание сознательного "я" только такое: [Моя собственная рука движется]. Пока еще нет практического ПМИР, есть только опыт визуального поиска. Однако через некоторое время, во время, но незадолго до окончания указующего движения конфедерата, становится перцептивно очевидно, где, то есть на каком элементе экрана, это движение закончится. У конфедерата все происходит как прежде: указывающее движение разворачивается, PSM и РМIR обновляются соответствующим образом. Однако в случае с участником мы имеем совершенно другую ситуацию, соответствующую другой функциональной архитектуре. Как и предполагалось, у нас внезапно возникает бессознательная целевая репрезентация наблюдаемого движения конфедерата, включающая объектный компонент интенционального отношения, в котором она находится. Становится доступной полноценная модель РМIR, удерживающая другого субъекта. Это произойдет, как только станет доступна наиболее вероятная конечная точка ее указывающего движения. Одновременно изменение феноменального образа тела участника приближается точно к той же конечной точке для движения тела, которое все еще представлено как пассивно происходящее у участника. Визуально данная репрезентация объекта теперь начинает полностью совпадать с конечной точкой проприоцептивно переживаемой моторной траектории и бессознательной, абстрактной репрезентацией цели, поставляемой зеркальной системой в премоторной коре. Кроме того, уже идет семантически праймированный визуальный поиск потенциального объектного компонента перцептивного РМIR, точно соответствующего этим параметрам. Теперь этот поиск завершен. Другими словами, то, что представлено как возможное перцептивное субъектно-объектное отношение, теперь представлено как фактическое субъектно-объектное отношении. На данном этапе развития мы имеем ситуацию, когда фактический входной сигнал (проприоцептивный и визуальный) полностью совпадает как для конфедерата, так и

для участника. Вот репрезентативная конфигурация в конце указывающего движения конфедерата: Содержание ПСМ, активного в мозгу конфедерата, таково: [Я* закончил следовать инструкциям из наушника. Моя рука больше не двигается]. У участника один и тот же объект, скажем, лебедь на экране, представлен тремя различными способами: как визуальный объектный компонент активной в данный момент визуальной ПСМ, как проприоцептивно переживаемая конечная точка пассивного движения руки и как объектный компонент внешней ПСМ, активированной через систему зеркал, в которой движение конфедерата представлено через механизм чтения мыслей или "фольк-психологии", который всегда автоматически активен в мозгу участника. Другими словами, все компоненты, необходимые для сборки репрезентации практического ПМИР, исходящего из ПСМ участника, активны. Есть цель, есть движение, есть подходящий компонент объекта. Однако эти компоненты еще не интегрированы в эгоцентрическую феноменальную структуру.

Вставка 7.6

Конфедерация

Действие доведено до конца.

PSM:

[Я* теперь указываю. Я* чувствую, как двигается моя рука].

ПМИР:

[Я* сейчас указываю на этот экранный объект. Я* - агент, связанный с этим объектом].

Участник

Визуальный поиск успешен или конфедерат останавливается на предмете.

PSM:

[Мое собственное состояние зрения/внимания изменилось. Я* больше не ищу].

ПМИР:

[Я* сейчас вижу объект, соответствующий слову, которое я услышал в наушнике].

Контекст:

⟨ Другой участник вообще не слышал этого слова. ⟩

Вставка 7.7

Конфедерация

Выполненное действие: согласованность между целью и представлением действия.

PSM:

[Я* уже закончил. Моя рука больше не двигается].

ПМИР:

[Я* закончил следовать указаниям наушников. Моя рука больше не двигается].

Участник

Система нефеноменально обнаруживает изоморфизм между:

визуальный объект в активном в данный момент PMIR;

точка окончания траектории движения руки/указателя; и

объектный компонент аллоцентрической репрезентации цели.

Теперь вспомните, что у участника также есть ложное убеждение. Существует каузально активная контекстная информация: В системе из двух человек - как он ее сознательно представляет - он* единственный, у кого семантическое содержание, услышанное через наушники, является доступной ментальной причиной, поскольку он все еще думает, что "другой" участник обязательно должен слышать другое слово. Ограничение исключительности, введенное Вегнером и Уитли (1999, с. 486), полностью соблюдается на сознательном уровне репрезентации. Однако зеркальную систему не обманешь: она тайком возвращает слово в голову участника через область F5 премоторной коры головного мозга. Как можно объяснить этот факт на уровне сознательного само моделирования?

Вставка 7.8

Конфедерация

Действие завершено и когнитивно доступно.

PSM:

[Теперь я* закончил. Я* добровольно решил сделать это и все это время был агентом, то есть причиной своего собственного целенаправленного поведения].

Участник

Чтобы максимизировать общую когерентность, система автоматически интегрирует аллоцентрическое представление цели в PSM, предваряет его и рассматривает как причину проприоцептивно воспринимаемого движения руки. Обратная связь реинтерпретируется как копирование эффекта. Происходит инстанцирование феноменального агентства.

PSM:

[Я* добровольно решил сделать это и все это время был агентом, то есть причиной своего собственного целенаправленного поведения. Теперь я* закончил].

Этот альтернативный (и, по общему признанию, грубоватый) репрезентативный анализ материала Вегнера и Уитли приводит к новой, спекулятивной гипотезе. Во-первых, на функциональном и репрезентативном уровнях описания все остается неизменным с конфедератом. Во-вторых, активный процесс поиска, протекающий у участника, и обнаруженное хорошее соответствие между различными представлениями объектов, уже активными в системе, приводят к "заражению" его PSM представлением цели, которое поставляется ему другой частью нашей двухперсональной системы через зеркальные нейроны в премоторной коре. У конфедератки

две функции. Во-первых, она снабжает зеркальную систему участника в уже упомянутых областях моторной коры активной, но пока еще неосознаваемой репрезентацией цели. Во-вторых, как кинестетический элемент среды (т. е. при движении его руки) она снабжает его моторный эмулятор идеально соответствующей обратной связью, именно той, которая была бы сгенерирована при правильном движении руки с помощью эфферентной копии или обычной обратной связи. У самого участника есть только одна важная функция. Будучи "контекстуализированным", семантически праймированным и ведущим активный поиск, он создает основу для активации каскада перцептивных, волевых и практических PMIR: "Я" в акте поиска объекта, "Я" в акте восприятия объекта, "Я" в акте желания действовать с объектом, "Я" в акте реального указания на объект. Моя собственная гипотеза гласит, что в экспериментальных условиях, созданных Вегнером и Уитли, мы часто будем иметь ситуацию, когда мозг участника интегрирует и предвосхищает репрезентацию цели, проприоцептивную обратную связь и внутренне праймированный контекст поиска в прозрачную PSM - модель человека, который все это время хотел действовать и фактически действовал (см. также Haggard, Clark, and Kalogeras 2002). Таким образом, мы приходим к конечной ситуации, характеризующейся двумя Я-моделями, которые феноменально идентичны в отношении актуальных здесь аспектов и только что были собраны из связанной функциональной динамики двух индивидов. Один индивид знает о себе, другой галлюцинирует. То, что галлюцинирует второй индивид, - это прошлое существование сознательного процесса выбора (воления) и прошлое существование непрерывного процесса осуществления выбранного поведения (агентства).

Вставка 7.9

Конфедерация

Действие завершено и когнитивно доступно.

PSM:

[Теперь я* закончил. Я* добровольно решил сделать это и все это время был агентом, то есть причиной своего собственного целенаправленного поведения].

Участник

Никаких решений или действий не было.

PSM:

[Теперь я* закончил. Я* добровольно решил сделать это и все это время был агентом, то есть причиной своего собственного целенаправленного поведения].

7.2.4 Множественные личности: Диссоциативное расстройство идентичности

Само модели можно рассматривать не только как инструменты, но и как органы. Само модель - это абстрактный орган. Хотя она может быть описана как интегрированный, динамический и телесный процесс - например, на нейронаучном уровне описания - ее полная биологическая функция раскрывается только в том случае, если мы проанализируем некоторые ее абстрактные свойства. Такими свойствами, как правило, являются "свойства содержания", раскрываемые на репрезентативном уровне анализа. Однако то, что является абстрактным свойством при подходе от третьего лица, может быть максимально конкретным эмпирическим свойством при подходе от

первого лица. Диссоциативное расстройство идентичности служит прекрасным примером обоих этих общих принципов.

Я уже указывал на то, что важные разделы сознательной Я-модели человека имеют социальные корреляты (см. раздел 6.3.3). В разных социальных средах могут быть уместны разные ПСМ, поскольку они делают глобально доступными разные типы информации. Однако социальные среды могут быть и крайне несовместимыми. Один и тот же человек в разных условиях может быть для вас самым важным и стабильным источником безопасности, в то время как в другое время он может представлять серьезную угрозу вашему физическому и психическому здоровью. С другой стороны, поток психологических данных сегодня делает весьма правдоподобным предположение о том, что один из высших "нейрокомпьютерных императивов" для человека состоит не только в том, чтобы постоянно максимизировать общую согласованность его глобальной модели мира, но и его внутренней Я-модели. Целостность самой жизни отражается в целостности ПСМ. Поэтому легко понять, что могут возникнуть ситуации, в которых система будет вынуждена использовать несколько чередующихся Я-моделей, чтобы справиться с "противоречивыми наборами данных", например, с крайне противоречивым социальным окружением. Быстро сменяющиеся друг друга социальные контексты могут сталкивать человека с информацией, которая является очень релевантной и поэтому должна быть доступна на уровне сознательного опыта, в то время как, с другой стороны, невозможно интегрировать эту информацию в единую автобиографическую Я-модель. Некоторые люди вынуждены проживать более одной жизни. Это не только мыслимо с чисто концептуальной точки зрения, но и является эмпирически правдоподобным предположением, что в определенных условиях и при определенных внутренних контекстах система будет вынуждена использовать несколько и чередующихся Я-моделей, и это

приведет к появлению соответствующих новых классов феноменальных состояний.

ДИД, ранее также называвшееся "расстройством множественной личности" (MPD), хорошо известно тем, что вызывает подобные феноменальные состояния. Однако обоснованность ДИД как отдельной клинической единицы является предметом постоянных, противоречивых дебатов (ссылки см. в Miller and Triggiano 1992, p. 47). Но прежде чем обсуждать теоретические и методологические проблемы, связанные с феноменом множественных, чередующихся феноменальных "я", возникающих у одного и того же физического человека, давайте рассмотрим один особенно полезный и ставший классическим случай.

Что такое ДИД? ДИД часто возникает в результате сильной травматизации в раннем детстве, в частности, сексуального насилия со стороны родителя-мужчины. Одной из определяющих характеристик DID является существование двух или более "личностей" внутри одного человека, которые становятся доминирующими и определяют поведение этого человека в разное время. Каждая из этих субличностей имеет сложную структуру, а также свой собственный, неповторимый паттерн поведения и социальных отношений. Нередко существует личность-носитель. Эта личность-хозяин обычно амнестична в отношении тех эпизодов, во время которых другие личности выходят на свет феноменальной модели реальности. Существует несколько "альтер-эго", обычно использующих отдельные имена для обозначения себя. Интересно, что ни одна из этих личностей, похоже, не обладает полным эмоциональным спектром. Частой феноменологической конфигурацией является такая, при которой принимающая личность аффективно недифференцирована, в то время как "посещающие" личности демонстрируют аффективный профиль, преувеличенный в определенных измерениях, тем самым

делая себя "подходящими" для конкретных социальных ситуаций. В этот момент может быть полезно вспомнить предыдущий пункт: Эмоции представляют собой "логику выживания" (как говорит, например, Дамасио 1999), и эмоциональная Я-модель воплощает эту логику. Вполне естественно указать на то, что различные социальные ситуации могут характеризоваться расходящимися "логиками выживания". Различные субличности, по-видимому, разделяют общие фоновые знания о мире, в то же время конструируя свою собственную автобиографическую память из индивидуальной истории жизни, включая специфическое самоощущение, развитое в те периоды, когда они получали контроль над поведением физического лица, "укрывающего их".

Дэниел Деннетт и Николас Хамфри были одними из первых авторов, которые объединили вдумчивый философский анализ с наглядным исследованием конкретного случая (см. Dennett and Humphrey 1989). Они описали пациентку по имени Мэри. Ей около тридцати лет, она страдает от депрессии, спутанности сознания и потери памяти. Мэри прошла множество терапий, не реагирует на фармакологическое лечение (и поэтому была принята за симулянта), и в разных случаях ей ставили диагнозы шизофрении, пограничного психоза и маниакально-депрессивного расстройства. Психотерапевту она описывает свою биографию следующим образом:

Отец Мэри умер, когда ей было два года, и ее мать почти сразу же снова вышла замуж. Отчим, по ее словам, был добр к ней, хотя "иногда заходил слишком далеко". В детстве она страдала от головных болей. У нее был плохой аппетит, и она вспоминает, что ее часто наказывали за то, что она не доедала. Подростковые годы были бурными, с резкими перепадами настроения. Она смутно помнит, как ее отчислили из школы за мелкий проступок, но ее

воспоминания о школьных годах обрывочны. Описывая их, она иногда незаметно для себя переходит на третье лицо ("Она сделала это, это случилось с ней"), а иногда на первое лицо множественного числа ("Мы [Мэри] поехали к бабушке"). Она хорошо осведомлена во многих областях, обладает творческими способностями и умеет играть на гитаре; но когда ее спрашивают, где она этому научилась, она отвечает, что не знает, и переключает внимание на что-то другое. Она согласна с тем, что она "рассеянна" - "но разве не все мы такие?": например, она может обнаружить, что в ее шкафу есть одежда, которую она не помнит, как покупала, или обнаружить, что она отправила своей племяннице две поздравительные открытки. Она утверждает, что придерживается твердых моральных ценностей, но другие люди, по ее признанию, называют ее лицемеркой и лгуньей. Она ведет дневник - "чтобы не отставать, - говорит она, - от того, на каком этапе мы находимся". (Dennett and Humphrey 1989, p. 71).

Через несколько месяцев лечения терапевт обнаруживает, что почерк разных записей в дневнике Марии так же сильно различается от записи к записи, как и почерк разных людей. Во время терапевтического сеанса под гипнозом он решает обратиться к той части Мэри, которая "еще не вышла вперед" (там же, с. 72), побуждая ее сделать именно это. Вот что происходит:

В женщине, стоящей перед ним, происходят перемены. Мэри, до этого момента являвшаяся образцом благопристойности, бросает ему кокетливую улыбку. "Привет, доктор, - говорит она, - я Салли". Мэри - слабачка. Она думает, что все знает, но я могу сказать вам... ."

Но Салли не рассказывает ему многого, по крайней мере пока. На последующих сеансах (теперь уже без гипноза) Салли приходит и уходит, как будто играет в игры с доктором

Р. Она позволяет ему мельком увидеть то, что она называет "счастливыми часами", и намекает, что у нее есть отдельная и экзотическая история, неизвестная Мэри. Но затем, вскинув голову, она ускользает, оставляя Мэри, очевидно, не участвовавшую в предыдущем разговоре, объяснять, где она была. (ibid., p. 72)

В процессе лечения появляются новые альтер-эго: кокетливая "Салли", агрессивная "Хейти", юная и податливая "Пегги". У каждой из этих проходящих личностей есть своя история и свои воспоминания. Все проходящие личности утверждают, что обладают обширными знаниями о биографии своей хозяйки Мэри, в то время как Мэри отрицает наличие более чем косвенных знаний об их "опыте" и истории их личности.

Из последующих попыток поиска возможности интеграции различных феноменальных "я" в ходе терапевтического процесса вырисовывается следующая картина. В возрасте 4 лет Мэри неоднократно подвергалась сексуальному насилию со стороны отчима. Он дал ей собственное прозвище "Сандра" и убеждал маленького ребенка хранить "папину любовь" как их с Сандрой маленький секрет. После того как психологические страдания и общая ситуация стали невыносимыми для маленького ребенка и его нежной личности только на ранних стадиях развития, она попыталась спасти свою личностную целостность, расщепив свое феноменальное Я.

В конце концов, когда боль, грязь и позор стали слишком невыносимы, Мэри просто "оставила все позади": пока мужчина издевался над ней, она отсоединилась и ушла в другой мир. Она ушла - и оставила вместо себя Сандру". (там же, с. 73)

Наши новые концептуальные инструменты могут помочь пролить свет на эту специфическую форму девиантного само моделирования. Уход в другой мир означает перемещение аттенционального субъекта (см. раздел 6.4.3) в рамках другой феноменальной модели реальности. Аттенциональное и эмоциональное само моделирование можно разделить. Один из центральных социальных коррелятов эмоциональной Я-модели Мэри - ее отчим - стал непоследовательным, эпизодически и непредсказуемо превращаясь в агрессора. В модели реальности Мэри он утратил свою транстемпоральную идентичность как личность. Невозможно было мысленно моделировать его как единую личность. Это развитие, однако, нашло отражение в ее собственной само модели. Принудительный процесс модуляризации породил Мэри-само, которая могла обеспечить стабильную феноменальную идентичность, последовательную внутреннюю историю и функциональные социальные отношения (ср. процесс функциональной модуляризации в Я-моделях после потери соматосенсорного входа в ОБЭ, как анализируется в разделе 7.2.3). Деннетт и Хамфри предполагают, что "Сандра-сама" на заднем плане могла подвергнуться дальнейшей диссоциации, распределив различные аспекты ужасной серии травматических переживаний между несколькими различными "я", которые, однако, могли получить доступ к воспоминаниям, общим с Мэри. В рамках данной модели пространство автобиографической памяти было разделено на глобально доступные регионы и те, которые могут быть функционально и феноменально доступны только в рамках нестандартной модели Я. С точки зрения вновь созданной "перспективы" диссоциирующей Сандры-Я, преимущество этого процесса заключалось в том, что впоследствии, по крайней мере, части Я-модели, созданной во время травматической ситуации, могли выходить на свет в определенных социально адекватных ситуациях, беря на себя контроль над поведением Мэри. Короче говоря, множественные PMIR становились доступными при наличии множественных PSM.

Таким образом, ее опыт желания угодить папе породил то, что стало "Салли-сама". Переживание боли и гнева породило Хейти. А опыт игры в куклы породил Пегги.

Теперь эти потомки первородной Сандры могли с относительной безопасностью выходить в свет. И вскоре у них появилась возможность испытать свою новообретенную силу не только в условиях жестокого обращения. Когда Мэри выходила из себя при маме, Хейти могла подключиться к крикам. Когда Мэри целовал мальчик на детской площадке, Салли могла поцеловать его в ответ. Каждый мог делать то, что у него "хорошо получалось", и жизнь самой Мэри стала намного проще. Эта схема того, что можно назвать "разделением эмоционального труда" или "терапией самозамещения", оказалась не только жизнеспособной, но и полезной для всех". (ibid., p. 74)

Как и в ОБЭ, феноменальная модель реальности, построенная в ходе ДИД, характеризуется активацией множества Я-моделей. Содержание этих различных Я-моделей несовместимо, например, в том, что касается их пространственного, эмоционального или автобиографического содержания. Фактически, один автор (Putnam 1989, p. 21 f.; цитируется по Alvarado 1992, p. 242) назвал ОБЭ "диссоциативным расстройством, не включенным в DSM-III [Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам, 3-е изд.]". Поскольку различные ПСМ при ДИД чередуются, общей характеристикой обоих классов состояний является то, что в любой момент времени существует, во-первых, единый феноменальный центр сознания, состоящий из когерентного аттенционного, когнитивного и поведенческого агента. Как феноменальная модель реальности, DID функционально моноцентрична. Во-вторых, феноменальная перспектива первого лица как таковая никогда не множится: в любой момент времени существует один и только один PMIR.

Содержание и каузальный профиль субъектного компонента могут кардинально меняться, но фундаментальная перспективность сознательного опыта как такового всегда сохраняется.

Тот, кто заинтересован в разработке нейрофеноменологического анализа диссоциативных состояний, характерных для ДИД, должен исключить ятрогенные артефакты. Скептическая позиция по отношению к этому феномену, а также к специфическим интересам терапевтического сообщества, безусловно, уместна. (Однако Деннетт и Хамфри [1989, р. 85] также рассказали о пациентке, чья скептическая позиция по отношению к диагнозу ее терапевта исчезла после того, как она узнала, что одно из ее альтер-эго уже консультировалось с другим терапевтом). Miller и Triggiano (1992, р. 56) критикуют ряд методологических недостатков и общее отсутствие экспериментальной строгости, характерных для современных исследований ДИД, что ограничивает обобщаемость результатов и потенциальный прогресс в установлении этого расстройства как отдельной клинической единицы, обладающей дискретным набором диагностических критериев и открытой для систематических форм лечения. Более ранние авторы обзоров (Fahay 1988; Putnam 1984) пришли к аналогичным результатам. С другой стороны, не может быть обоснованных сомнений в существовании феномена как такового. Большое количество эмпирических данных, касающихся поведенческих и физиологических коррелятов множественных "состояний личности", наблюдаемых при ДИД, делает правдоподобным предположение о том, что соответствующие ПСМ, генерирующие сознательное содержание и функциональный профиль этих состояний личности, являются когерентно организованными и функционально дискретными системными состояниями. Даже если окажется, что ДИД не является отдельным нейрофеноменологическим или клиническим образованием, и даже если в конечном итоге

его можно будет свести к комбинации других синдромов, понятие ПСМ может оказаться полезным инструментом для того, чтобы прийти к подобному выводу. При переходе от одной модели "Я" к другой достоверно зафиксированы не только заметные различия в голосе, осанке и двигательных характеристиках, таких как почерк, но и систематические сдвиги в электрической активности мозга, мозговом кровотоке, гальванической реакции кожи, температуре кожи, потенциалах, связанных с событиями, нейроэндокринных профилях, функции щитовидной железы, реакции на лекарства, восприятию, зрительных функциях и зрительно вызванных потенциалах (обзор и ссылки см. в Miller and Triggiano 1992). Сдвиг в феноменальном содержании четко отражается в сдвигах между когерентными наборами функциональных свойств. DID дает нам прекрасную иллюстрацию того, как человеческая Я-модель одновременно достигает феноменального и функционального воплощения. На уровне анекдотических свидетельств сообщалось даже о таких драматических эффектах, как сдвиги в аллергическом профиле, сопровождающие "изменения личности", и длительное отсутствие симптомов абстиненции у героинового наркомана после переключения на "независимое" феноменальное Я (Miller and Triggiano 1992, p. 55 f.).

Каким бы ни был окончательный эмпирический анализ DID, очевидно, что современная философская теория разума должна будет предложить объяснение этому феномену. Концептуально это помогает нам увидеть, что возможно и что может быть необходимо. Как и во всех других представленных здесь исследованиях, мы не обнаруживаем умножения феноменальной перспективы первого лица как таковой. Однако ДИД демонстрирует, что субъектный компонент прозрачной ПМИР может обладать гораздо большей степенью дисперсии в плане репрезентативного содержания, чем обычно предполагается. В частности, на его месте может находиться множество наборов

взаимоисключающих и функционально несовместимых форм интегрированного саморепрезентативного содержания. Из-за высокой степени внутренней согласованности, характеризующей эти наборы репрезентативного содержания, и из-за появления отдельных, функционально инкапсулированных автобиографических воспоминаний я предлагаю анализировать их как отдельные сущности, а именно как различные ПСМ, чередующиеся внутри одного и того же физического лица.

Можно предположить, что в специфических стрессовых ситуациях такая естественно развившаяся репрезентативная система, как человеческий мозг, вынуждена прибегать к определенному типу "эмоционального разделения труда", о котором упоминают Деннетт и Хамфри в процитированном ранее отрывке. Это может быть единственной возможностью предотвратить полный распад феноменального "я". Эмоциональная Я-модель обладает функцией делать информацию об общих интересах и биологических потребностях системы глобально доступной для обработки внимания, автобиографической памяти, моторного контроля и так далее. Если на ранней стадии развития, когда ПСМ ребенка только начинает расцветать и консолидироваться, родитель вдруг превращается в агрессора и даже предлагает вторую идентичность, давая ребенку новое имя (как это часто бывает), возникает причудливый и крайне угрожающий социальный контекст. Теперь существует более чем одна логика выживания. Поскольку физический выход из ситуации, как правило, невозможен, ребенок может быть вынужден распределить процесс внутреннего моделирования своих интересов и потребностей по разным функциональным модулям, которые затем по отдельности играют соответствующие роли в его общей репрезентативной экологии. Можно представить себе, как такие патологические Я-модели могут стабилизироваться в системе и внезапно активизироваться на более позднем этапе ее истории под влиянием иных, но структурно связанных социальных

ситуаций (например, попытка изнасилования во взрослом возрасте). Это приведет к недоступности определенных видов информации о себе в определенные периоды времени (потеря памяти), а также к несовместимости общих функциональных профилей в эти периоды (несовместимые поведенческие модели).

С точки зрения третьего лица наблюдаемые психологические свойства пациента, страдающего DID, не могут быть последовательно описаны как свойства одного человека. Именно такая проблема возникла у маленькой Мэри в примере Деннетта и Хамфри: как по-прежнему создавать ментальную модель своего отчима как отдельного человека. Феномен DID дополняет наше предыдущее обсуждение социальных коррелятов PSM в разделе 6.3.3, добавляя перспективу развития: различные социальные корреляты могут определять различные феноменальные онтогении. Это также показывает, как психологические свойства, стандартно приписываемые системе в целом на личностном уровне описания, определяются субличностью процессами, которые генерируют содержание и функциональные свойства активной в данный момент Я-модели. Расстройства идентичности, хотя и диагностируются на личностном уровне описания, являются результатом субличной дезинтеграции (см. Gerrans 1999; см. также Dennett 1998). Особенно при работе с генетической перспективой, при исследовании каузальной истории таких драматических "сдвигов личности", необходимо принимать во внимание субличные уровни объяснения. Концепция ПСМ образует логическую связь между субличным и личностным уровнями описания. Как нейробиологическая, функциональная и репрезентативная сущность она является субличной, но, удовлетворяя ограничению прозрачности (см. раздел 6.2.6), она порождает свойства личностного уровня, такие как феноменальная самость для системы в целом, позволяя "сильные" феномены первого лица, социальное познание и интерсубъективность. Классические,

эгологические теории разума, сталкиваясь с феноменологическим материалом, подобным тому, что представлен в ДИД или других случаях, описанных в этой главе, вынуждены либо игнорировать эмпирический материал, либо прибегать к оккультистским предположениям, например, что ДИД на самом деле является одержимостью духами и тому подобное.

Как только появятся более строгие эмпирические исследования ДИД, одной из важных задач станет изучение того, как различные степени дисперсии и инвариантности распределяются по разным уровням ПСМ. Например, максимальная дисперсия может наблюдаться в автобиографической памяти и аффективном профиле, в то время как определенные стили аттенциональной и когнитивной обработки могут оказаться более или менее инвариантным источником информации, даже между чередующимися Я-моделями. В частности, если верно, что, как я утверждал, человеческая Я-модель всегда функционально привязана к более или менее инвариантному источнику внутренне генерируемых входных данных, то должно существовать ядро инвариантности в определенной части бессознательной Я-модели - например, обеспечиваемое абстрактными вычислительными характеристиками пространственной модели тела или, как предположил Дамасио, в тех структурах ствола мозга, которые постоянно регулируют гомеодинамическую стабильность фундаментальных аспектов внутренней химической среды.

7.2.5 Люцидные сны

Как отметил Антти Ревонсуо, непрерывный процесс осознанного опыта может рассматриваться как особый, а именно феноменологический, уровень организации в мозге (см. Revonsuo 2000). Чтобы перейти к более

систематическому описанию этого уровня с точки зрения репрезентативного содержания и функциональных ролей отдельных вовлеченных состояний, для первоначального направления исследований и разработки более конкретных гипотез может быть полезна соответствующая метафора. Концепция "виртуальной реальности" может быть использована в качестве эвристически плодотворной метафоры сознания, поскольку она отражает многие из его существенных черт (см. Revonsuo 1995; 1997; 2000a, p. 65; Metzinger 1993; см. также раздел 8.1). С точки зрения эпистемологии третьего лица, сознание - это глобальное симулятивное состояние. Однако этот факт недоступен с точки зрения первого лица во время обычных, непрозрачных сновидений. В обычных снах, как и в состоянии бодрствования, феноменологический уровень организации характеризуется субъективным чувством самоприсутствия (см. разделы 6.5.2 и 6.5.3), в смысле полного погружения внимающего, мыслящего "я" в мультимодальную эмпирическую реальность (см. разделы 6.2.2 и 6.2.3). Я также согласен с Ревонсуо в том, что предыдущие метафоры (например, множественные черновики, глобальное рабочее пространство, модели театра и т. п.) отражают некоторые, но не достаточные существенные характеристики соответствующего уровня. Чего же не хватает?

Вполне правдоподобным философским предположением является то, что феноменальное содержание зависит от внутренних и актуальных функциональных свойств человеческого мозга. Однако этот принцип внутренности не отражается на уровне самого сознательного опыта, поскольку на уровне содержания он систематически "экстернализируется": Мозг постоянно создает впечатление, что я* непосредственно присутствую в мире за пределами моего мозга, хотя, как говорит Ревонсуо, сам этот опыт создается нейронными системами, погребенными глубоко внутри мозга. Если в одном из предыдущих разделов я сделал первые попытки предложить репрезентационистский

анализ внетелесного опыта, то Ревонсуо ввел понятие "внемозговой опыт" (Revonsuo 2000, p. 65). Второе понятие более фундаментально: Существенным феноменологическим ограничением для всех известных нам сегодня классов феноменальных состояний, по-видимому, является полное погружение в кажущийся реальным мир, изображаемый как находящийся вне мозга. Люцидные сновидения у нейрофилософски информированных людей могут представлять собой исключение из этого правила. Но даже обычные сны интересны тем, что они активируют внутренне моделируемое поведенческое пространство, в ситуации, когда сама физическая система функционально отделена от окружающей среды, но при этом постоянно "пытается" самоорганизовать свою нейронную активность, постоянно возмущаемую внутренним источником входного сигнала (см. раздел 4.2.5), в когерентное глобальное состояние (эмпирические подробности, касающиеся объяснительных моделей, см. в Kahn, Pace-Schott, and Hobson 1997; Kahn and Hobson 1993; Hobson, Pace-Schott, and Stickgold 2000).

Второй важной особенностью феноменальных сновидений является их прозрачность: тот факт, что содержание сновидения является симулятивным содержанием, что оно не является реальностью, а представляет собой внутреннюю репрезентацию возможности, недоступен для сознательного опыта в целом или познания в частности. Как я покажу в этом разделе, существует хорошо документированный и, возможно, отдельный класс феноменальных состояний, в которых содержание и функциональный профиль Я-модели человека обогащаются таким образом, что нейтрализуют ограничение прозрачности, которое было введено в главе 3 и которое действует почти для всех других феноменальных состояний, кроме осознанного познания и псевдогаллюцинаций. Люцидные сны теоретически важны, поскольку они могут быть самым распространенным и неоспоримым примером глобальной непрозрачности. Прежде чем перейти к указанию различий между обычными

и люцидными снами, имеющих отношение к нашему первому рабочему определению термина, давайте рассмотрим один первый и типичный пример:

Мне приснилось, что я стою на тротуаре возле своего дома. . . . Я уже собирался войти в дом, когда, бросив случайный взгляд на камни [тротуара], мое внимание привлекло проходящее мимо странное явление, настолько необычное, что я не мог поверить своим глазам - казалось, все они за ночь изменили свое положение, а длинные стороны оказались параллельны бордюру! И тут меня осенило: хотя это великолепное летнее утро казалось настолько реальным, насколько это вообще возможно, я видел сон! С осознанием этого факта качество сна изменилось так, как очень трудно передать тому, кто не имел такого опыта. Мгновенно живость жизни возросла во сто крат. Никогда еще море, небо и деревья не сияли такой чарующей красотой; даже обычные дома казались живыми и мистически прекрасными. Никогда еще я не чувствовал себя таким абсолютно здоровым, таким ясномыслящим, таким невыразимо свободным! Ощущение было восхитительным, непередаваемым словами; но оно длилось всего несколько минут, и я проснулся". (Fox 1962, p. 32 f.; цитируется по S. LaBerge and Gackenbach 2000, p. 154)

Люцидный сновидец полностью осознает тот факт, что его текущий феноменальный мир по своему содержанию не совпадает с внешней физической реальностью. Функционально она освобождена от внеорганической реальности как эмпирический субъект, но в то же время осознает искаженный характер своего общего состояния. Важно отметить, однако, что обычные сны - это не только галлюцинаторные эпизоды, но и полностью бредовые состояния. Собственно говоря, Хобсон (1997, с. 126; см. также Hobson 1999) выдвинул смелую гипотезу о том, что сновидения не похожи на бред, а идентичны бреду; что сновидения - это "не модель психоза. Это и есть психоз".

Сновидящий субъект не только страдает от зрительных галлюцинаций, напоминающих те, что возникают при токсических состояниях, но и полностью дезориентирован во времени, месте и человеке, страдает от сильной отвлекаемости и дефицита внимания, от потерь памяти и когнитивных непоследовательностей. Как подчеркивает Хобсон (Hobson, 1997, p. 122), убежденность в том, что физически невозможные события сновидений являются элементами реальности, сильно напоминает бредовые убеждения, составляющие "отличительную черту всех психозов", стойкая неспособность признать, что мы видим сон, может рассматриваться как "сродни упорству, с которым параноик цепляется за ложную веру", а общий механизм, объединяющий отдельные события сновидений в крайне неправдоподобную историю, "напоминает конфабуляции при корсаковском синдроме". Короче говоря, тот факт, что сновидения не только являются сложными галлюцинациями, но и характеризуются дезориентацией, динамикой, похожей на конфабуляцию, амнезией и резкой общей потерей проницательности, заставил некоторых экспертов предложить радикальную интерпретацию сновидений как органического психического синдрома. Люцидные сновидения отличаются от обычных почти по всем этим параметрам.

Непрозрачные сны явно являются глобальными феноменальными состояниями, поскольку выполняют ограничение глобальности, принцип презентационности и прозрачности (ср. понятие аперспективного, "минимального сознания" в разделе 3.2.7). Однако они являются феноменально субъективными состояниями в гораздо более слабом смысле: в них отсутствует аттенциональный субъект, когнитивный субъект полностью заблуждается в смысле наличия почти только ложных убеждений о себе, а феноменальное свойство агентности реализуется лишь слабо и прерывисто, если вообще реализуется. В обычных снах ПМИР крайне нестабилен, что делает их состояниями

первого лица лишь в слабом смысле. Однако существуют сны, в которых перспектива первого лица становится столь же устойчивой, как и в обычном бодрствующем сознании. Такие сны, несомненно, являются сильными, самоописываемыми феноменами первого лица в понимании Линн Бейкер (1998; см. также раздел 6.4.4). Интересно, что именно самомодель человека играет решающую роль в этом переходе.

Давайте примем следующее рабочее определение люцидного сна:

1. Субъект сновидения достиг полной ясности ума относительно того, что он видит сон. Сновидица знает, что сейчас она переживает люцидный сон, и способна приписать себе это свойство. В терминах текущей теории это означает, что факт того, что система в данный момент переживает определенный тип репрезентативного состояния, когнитивно, а также аттенционно доступен и интегрирован в текущую сознательную Я-модель.
2. Сознательное состояние сновидящего субъекта обычно характеризуется полной интеллектуальной ясностью. Общий уровень когнитивного понимания природы состояния и интеллектуальная согласованность в целом, по крайней мере, столь же высоки, как и во время обычного бодрствования (но на самом деле могут быть даже выше).
3. Согласно субъективному опыту, все пять сенсорных модальностей функционируют так же хорошо, как и в состоянии бодрствования.
4. Имеется полный доступ к памяти о прошлых феноменальных состояниях, касающихся бодрствующей жизни, а также о ранее пережитых люцидных сновидениях. Автобиографическая память глобально доступна на уровне сознательного само моделирования. Амнезии нет; и особенно

нет асимметричной амнезии между различными эпизодами сознательного само моделирования, как это бывает при DID (см. предыдущий раздел), или между феноменальными "я" бодрствующего и обычного сновидческих состояний.

5. Свойство агентности полностью реализовано, как на феноменальном, так и на функциональном уровне. Существует темпорально расширенный практический ПМИР. Субъект люцидного сновидения не является пассивной жертвой, потерянной в череде причудливых эпизодов, а переживает себя как полноценного агента, способного выбирать из множества возможных моделей поведения, превращая их в предполагаемые, реальные действия. Более того, агентность не только переживается, но и сам факт способности к избирательному действию когнитивно доступен.

Это определение является сильным по нескольким параметрам. Во-первых, во многих более ранних исследовательских определениях люцидности присутствует двусмысленность понятия "знание", когда люцидные сны описываются просто как сновидения с осознанием того, что они сняты (Green 1968; S. LaBerge 1985; см. также S. LaBerge and Gackenbach 2000, p. 152). Однако знание может заключаться либо в когнитивной доступности (определенного факта, мысленно представленного в квазипозициональном формате), либо в аттенциональной доступности (информации, в терминах усиленного субсимволического моделирования). Когнитивная доступность приводит к концептуальной классификации или категоризации, например, принадлежности текущего эмпирического состояния к классу сновидений. Аттенциональная доступность приводит к доступности более ранних стадий обработки, что приводит к феноменальной непрозрачности. Данное определение является сильным

определением, поскольку оно делает обе характеристики определяющими для ясности.

Могут ли животные видеть ясные сны? Интересно отметить, что могут существовать системы, для которых симулятивная природа их текущего состояния сна стала непрозрачной с точки зрения исключительно аттенциональной доступности более ранних стадий обработки, без сопутствующей способности к самоописанию этой ситуации на уровне когнитивной самореференции. Некогнитивные существа могут переживать просветление в терминах восстановления агентности и стабильного аттенционального РМІР во время состояния сна, при этом не будучи в состоянии классифицировать свое текущее состояние как сон для себя.

Это определение также сильно тем, что требует наличия автобиографического содержания в ПСМ плюс полноценной агентности, то есть наличия практического ПМІР в любое время, в качестве дополнительных необходимых условий (как и более ранние исследовательские определения, выдвинутые Тартом 1988 и Толи 1988; несогласие с этим мнением см. в S. LaBerge and Gackenbach 2000, p. 152). Важно отметить, что доступность определенного содержания не требует, чтобы оно было реализовано постоянно. Как уже отмечалось, для люцидного сновидца не требуется, чтобы он действительно, постоянно и явно помнил, что его физическое тело сейчас лежит в постели в определенном месте и времени, или чтобы он действительно и постоянно осуществлял контроль над сновидением (Kahan and LaBerge 1994; S. LaBerge 1985). Доступность - это все, что имеет значение. Поэтому сильные и слабые исследовательские определения феномена могут быть легко интегрированы относительно списка, представленного выше, с точки зрения степени осознаваемой доступности различных типов симулятивного содержания на уровне ПСМ и ПМІР.

Что известно о люцидных снах с эмпирической точки зрения? Люцидные сны возникают спонтанно, а также как следствие намеренной индукции (недавний обзор см. в S. LaBerge and Gackenbach 2000). Молодые люди, как правило, видят люцидные сны чаще, а способности вызывать люцидные сны можно в определенной степени научиться (например, S. LaBerge and Rheingold 1990; Tholey 1987). Как и в случае с ОБЭ и ДИД, общее количество и качество, с точки зрения экспериментальной и методологической строгости, имеющейся в настоящее время научной литературы невелико. Один из особенно интересных вопросов заключается в том, являются ли ОБЭ и люцидные сны дискретными наборами феноменальных состояний, которым может соответствовать единая и отдельная теоретическая сущность. Однако сначала давайте рассмотрим три коротких примера.

... Я приезжаю в В. на автобусе. Двое знакомых (еще со школьных времен), М. и девушка (Н.?), выходят из автобуса. Я думаю, что автобус доедет до главного вокзала, где мне будет проще сделать пересадку. Однако он едет дальше в направлении З. После того, как он проезжает круг (на котором мог бы повернуть назад), я злюсь и формирую желание, чтобы все это не было правдой.

Сразу же я понимаю, что это сон. Поскольку я знаю, что уже довольно поздно (около 9 часов вечера), я хочу проверить, действительно ли я нахожусь в настоящем люцидном сне или вижу только гипнагогические образы. Для этого я наблюдаю за положением своего тела. Я сижу в автобусе: значит, я в люцидном сне. Я пытаюсь заговорить с не очень стройной женщиной, сидящей передо мной. Она ведет себя по-детски и производит впечатление немного вульгарной. Я прошу ее написать что-то на листе бумаги так, чтобы я мог это прочесть. Очевидно, что это неточное указание вполне понятно для нее. Она уже стоит рядом с моим местом, но

потом отходит назад - как будто поняла мой план занять место прямо напротив меня. При этом она говорит: "Но потом вы скоро поймете..." Больше она ничего не говорит. Я начинаю размышлять, что именно я скоро пойму: то, что она обладает собственным сознанием, или то, что она им не обладает? Она спрашивает меня, есть ли у меня что написать. Я представляю себе (!) лист бумаги и, как бы, достаю его из левого кармана или из небытия. Это заставляет женщину сделать замечание, что я, должно быть, настоящий фокусник. Однако лист не вполне осязаем, я не могу его схватить, и он снова начинает растворяться. Как следствие, женщина передо мной берет полотенце и расстилает его на спинке своего кресла, очевидно, потому что хочет на нем писать. Пораженный, я смотрю на полотенце (на котором, очевидно, слишком сильно зациклился) и просыпаюсь". (Tholey 1987, p. 232 f.; перевод с английского Т.М.)

Как известно всем опытным люцидным сновидцам, фиксация визуальных объектов является надежным методом завершения люцидного сна. Интересно, что между ПСМ и бессознательной функциональной Я-моделью, как во сне, так и в люцидном сновидении, существует устойчивое соответствие в плане движений глаз и направления взгляда: Если субъект в люцидном сне добровольно подавляет движения глаз, представленные в PSM, это также изменяет важное функциональное свойство мозга, прерывая быстрые движения глаз, которые являются одним из самых надежных "функциональных коррелятов" сновидения. Другими словами, если - что представляется парадигмальным примером нисходящей причинности - вы подавляете феноменальные движения глаз в люцидном сне, вы подавляете движения глаз и в сновидящем физическом теле, заставляя его проснуться, то есть перейти в другое глобальное состояние моделирования реальности.

Легко понять, что люцидные сны - это субъективные состояния с точки зрения полностью развитой перспективы первого лица. Однако с философской точки зрения, в частности, феноменальная интерсубъективность в сновидениях представляет собой еще более захватывающее явление. Обладают ли сновидческие фигуры, встречающиеся во время люцидного сна, собственной феноменальной идентичностью? Являются ли они личностями? Немецкий исследователь сновидений Пауль Толи сообщает о следующем эпизоде:

. . . Я коротко оглянулся. Человек, преследовавший меня, не был похож на обычного человека; он был высок, как великан, и напоминал мне Рюбецаля [в немецких легендах - горный дух]. Теперь мне стало совершенно ясно, что я нахожусь во сне, и с чувством огромного облегчения я продолжил бежать. Затем мне вдруг пришло в голову, что я не обязан бежать, а могу сделать что-то еще. Я вспомнил о своем плане поговорить с другими людьми во время сна. Поэтому я прекратил бег, повернулся и позволил преследователю приблизиться ко мне. Затем я спросил его, чего, собственно, он хочет. Его ответ был таким: "Откуда мне знать?! В конце концов, это ваш сон, и, кроме того, вы изучали психологию, а не я..." (Tholey 1987, p. 97; перевод с английского Т.М.)

Для философов, конечно, очень интересно вовлечь персонажей сновидений, встреченных во время люцидного сна, в фундаментальные эпистемологические дебаты. Например, может быть интересно спросить их, являются ли они - с их собственной "точки зрения" - самостоятельными личностями, или же они лишь "виртуальные машины", реализованные подмножеством состояний мозга сновидца (ср. соответствующие возможности в непрямой коммуникации между личностью хозяина и альтер, или терапевтом, для DID; см. также Dennett 1998, p. 57). Предположим следующее: В люцидном сне вы сталкиваетесь

с научным сообществом. Его члены очень заинтересованы в том, чтобы убедить вас в фундаментальной ложности ваших собственных онтологических предположений относительно реальности сновидения, которую вы разделяете. Допустимо ли принимать интересубъективную проверку научных гипотез во сне и персонажами сновидения? Являются ли научные сообщества государственно-специфическими образованиями (см. Tart 1972b)? Может быть, в этой сновидческой реальности действуют совершенно иные законы природы, или все ее члены являются сторонниками странной философской теории под названием "элиминативный феноменализм", согласно которой физических объектов, а тем более мозга сновидца, никогда не существовало. Как вы, как рациональный философский психонавт, воплотившийся в их реальности, можете доказать им, что, скажем, отдельные термины лучших теорий физики сновидений на самом деле относятся лишь к определенным содержательным свойствам феноменальной ментальной модели, активируемой мозгом, который вы обычно предпочитаете называть "своим"? Прервав процесс генерации и проверки гипотез в реальности люцидного сновидения (например, воскликнув "Я покажу вам, кто истинный субъект!", сердито зафиксировав собственные руки и проснувшись), вы никому ничего не доказали в самом буквальном смысле, и никакого роста знаний на самом деле не достигли. Или нет? Надеюсь, читатели простят меня за то, что сейчас я не буду углубляться в эти вопросы. Давайте рассмотрим последний конкретный случай, а затем быстро перейдем к репрезентационистскому и функционалистскому анализу люцидных снов. Одним из важнейших факторов вызывания люцидных сновидений является сохранение критического отношения к феноменальной реальности в целом. Это отчет молодой женщины о первом в ее жизни люцидном сне:

. . . Я встречаю К., который уже является люцидным сновидцем, в туалете в театре. Я думаю: "Этот парень появился как раз в нужное время!" Я уже давно на него

злюсь. Вот уже много недель я тщательно выполняю упражнения, но у меня не было ни одного люцидного сна. Даже очень маленького, очень короткого! "Вы дали мне совершенно неправильные инструкции!" - жалуясь я ему. Я близок к нервному срыву. И к черту все, теперь я даже впадаю в ярость: "Все это ложь! Такого вообще не существует! Люцидные сновидения! Ха! Вы не сможете меня обмануть! Это конец! Я больше не позволю вам обращаться со мной как с идиотом! Не с тобой, в частности!"

К. никак не реагирует. Он стоит перед зеркалом, нежно поглаживая бороду. Я так злюсь, что теряю контроль над собой и фактически бью его по затылку. Смеюсь, К. поворачивается и смотрит мне прямо в глаза. "Почему он смеется?" - коротко думаю я, а потом он просто проходит мимо меня и направляется прямо к зеркалу. В ярости я кричу и бросаю в него кусок мыла, но промахиваюсь. При этом я был в такой ярости, что просто не проверил, что такие вещи, конечно же, случаются только во сне. "Не теряй мужества, детка!", - говорит он, все еще смеясь. "Ты все узнаешь". Он разворачивается и исчезает.

Я чуть не взорвалась! Вдруг дверь позади меня открывается, и входит К. вместе с другим парнем. Они крепко держатся друг за друга! Оба фривольно ухмыляются. Я быстро склоняюсь и тянусь за мылом, так как у меня внезапно начинает кружиться голова. "Этого просто не может быть", - думаю я, поднимаясь на ноги и видя, что они оба стоят так. "Этот парень не гей, не этот! Я бы это знала! Почему он так счастлив?" Внезапно я чувствую ледяной холод. "Что, если все это сон???? Я сплю или просыпаюсь? Что происходило до сих пор? Это просто нелепо! Это сон?" спрашиваю я их обоих. Они качают головами и раздражаются безумным смехом. Да какая разница! К. меня больше не интересует.

Я думаю: "Это может быть, может быть, может быть только мечтой! Это сон! Ясный сон! О боже, что же мне теперь делать?" К. и другой парень исчезли. Прикоснувшись к кафельной стене комнаты, я чувствую, что она невероятно реальна. Прохладная и гладкая. Лихорадочно возбужденный, я начинаю думать о том, что же мне теперь делать. Я чрезвычайно взволнован. Я должен что-то сделать прямо сейчас! И тут я вспоминаю фильм с Хайнцем Рюманом. Человек, который мог проходить сквозь стены. Это была одна из моих мечт на протяжении долгого времени. При слове "мечта" я начинаю смеяться. Боже, какой же я ребенок, думаю я. Я делаю попытку пройти сквозь кафельную стену. Моя рука уже внутри! С твердым решением я начинаю идти. Я проникаю в стену и снова начинаю смеяться. Она великолепна, теплая и темная. Почему-то красноватая. Теперь я на другой стороне! И оказываюсь в гостиной своих родителей! Мама и папа пьют кофе и надоедают друг другу. Мама тут же подходит ко мне и начинает обвинять. "Кем ты себя возомнил, чтобы вот так просто пройти сквозь стену, не предупредив нас заранее!" "Ах, перестань, - радостно отвечаю я, - в конце концов, ты всего лишь персонаж сна..." (Tholey 1987, p. 46 f.; перевод с английского Т.М.)

Общими факторами, способствующими индукции люцидных сновидений, являются высокий уровень физической активности в течение дня (Gackenbach, Curren, and Cutler 1983; Garfield 1975) и повышенная аффективная возбудимость в дневной период (Gackenbach et al. 1983; Sparrow 1976). Короткие прерывания сна, в том числе короткие активности в бодрствующем сознании, предшествующие соответствующей REM-фазе, также повышают вероятность реализации глобального феноменального свойства ясности (например, см. Garfield 1975; S. LaBerge 1980a, 1980b, 1990; Sparrow 1976). Интересный факт (упомянутый выше), что ПСМ человека, по-видимому, прочно закреплена в функциональной структуре человеческого мозга, поскольку существует прямая

и надежная связь между направлением полиграфически регистрируемых движений глаз и смещением взгляда, о котором сообщают люцидные сновидцы, позволил провести особенно изобретательный тип эксперимента (S. LaBerge et al. 1981a,b). Мы можем назвать его "коммуникацией в трансреальности". Опытные испытуемые указывали на начало люцидного сновидения с помощью глазных сигналов, определяемых до начала экспериментов.

Полисомографический анализ испытуемых показал, что типичными электрофизиологическими коррелятами начинающегося люцидного сна являются первые 2 минуты REM-фазы, короткие, прерывистые интервалы бодрствующего сознания во время REM-фазы и/или повышенная фазическая REM-активность (краткий обзор психофизиологических исследований люцидных сновидений см. в S. LaBerge 1990; дополнительные ссылки см. в S. LaBerge and Gackenbach 2000, p. 157 f.). Можно предположить, что короткие эпизоды внезапного повышения общего уровня возбуждения коры головного мозга являются одним из важнейших физиологических условий, необходимых для возникновения люцидности. Феноменальными коррелятами, по-видимому, являются повышенная яркость (см. сноску 21), повышенный страх или стресс в цепи событий, формирующих сновидение; обнаружение противоречий в мире сновидения; или субъективный опыт осознания "сновидческого" или "нереального" качества сновидческой реальности. Существуют единичные сообщения о возникновении люцидных сновидений во время не-REM-сна, но, насколько мне известно, достоверных сведений нет (в качестве введения см. Gackenbach and LaBerge 1988).

Феномен люцидных сновидений как таковой известен уже тысячелетия. Серьезным научным исследованием он стал заниматься только в последние три десятилетия. Вероятно, начало этому этапу положила книга Селии Грин (Green 1968; краткий обзор литературы от Аристотеля до этого момента можно найти в S. LaBerge 1988). Первые две докторские диссертации, посвященные люцидным снам, появились в

1978 и 1980 годах (Gackenbach 1978; S. LaBerge 1980c). Однако следует отметить, что количество тщательных исследований люцидных сновидений по сравнению с количеством исследований феномена обычных сновидений практически ничтожно. Такое положение дел вызывает сожаление, поскольку, как мы сейчас увидим, феномен люцидных сновидений представляет большой систематический интерес для разработки общей теории сознания и феноменальной перспективы первого лица.

На репрезентативном уровне анализа наиболее важной особенностью, очевидно, является обобщенное отсутствие ограничения прозрачности. Лучезарные сны - это, пожалуй, единственный глобально непрозрачный класс феноменальных состояний. Что именно это означает? Во-первых, правдоподобно предположить, что эпизодически проскакивающее возбуждение коры головного мозга, коррелирующее с возникновением ясности сновидений, приводит к внезапному увеличению доступности внутренней информации о себе и вычислительных ресурсов в мозге. Во-вторых, появление обобщенного "сновидческого" или "нереального" качества, относящегося к реальности в целом, является именно тем моментом, когда всепроникающий наивный реализм, который также характеризует обычные состояния бодрствования, окончательно утрачивается. Симулятивный, то есть искаженный, характер эмпирического процесса как такового становится глобально доступным. Момент просветления - это момент, когда эта информация становится когнитивно доступной, то есть может быть выражена на уровне сознательной мысли. Это также момент, когда более ранние стадии обработки (например, более "жидкое" визуальное содержание) становятся доступными для обработки вниманием. Поскольку состояние сна, помимо всего прочего, является еще и внутренней эмуляцией поведенческого пространства, эта информация теперь становится доступной и для управления действиями: возникает полноценная агентивность, сновидец больше не

является пассивным наблюдателем, а способен использовать знание того, что все это - сон, глобальная феноменальная симуляция, для определения хода своих будущих действий. Говоря вычислительным языком, ясность заключается в повышенной доступности информации, связанной с самим собой. Таким образом, мое основное утверждение заключается в том, что при переходе от обычного к люцидному сновидению меняется, прежде всего, содержание и функциональный профиль ПСМ. Сдвиг в ПСМ затем позволяет стабилизировать ПМИР. Однако следует различать разные типы глобальной доступности и разные типы информации.

Важно отметить, что информация о том, что все это - лишь смоделированная реальность, а не реальность в обычном, народно-физическом понимании этого термина, не только когнитивно доступна, но и аттенционально доступна на уровне интроспективной 3/4 обработки. Сравните состояния бодрствования. Если вы находите текущую теорию убедительной и если эта теория действительно указывает в правильном направлении, тот факт, что содержание вашего собственного сознательного опыта, когда вы читаете эту книгу, является содержанием феноменальной модели реальности, когнитивно доступен вам, но ни в коей мере не заставляет вас переходить в состояние "ясного бодрствования", состояние, в котором эмпирический характер наивного реализма начинает растворяться. Это чисто интеллектуальная установка, которая практически не влияет на то, как вы на самом деле переживаете мир. Поэтому весьма правдоподобно, что когнитивная доступность вряд ли может быть единственной причиной люцидности сновидений.

Точно так же, как могут подтвердить все люцидные сновидцы, внезапное появление инсайта на общую природу текущего состояния, которое так характерно для люцидных

сновидений, не является только когнитивным событием, чисто интеллектуальным инсайтом. То, что делает эти состояния столь захватывающими для людей, переживающих их, - это тот факт, что репрезентативный характер содержимого сознания пререфлективно доступен, например, на уровне обработки внимания, на уровне "прямого" сенсорного осознания (вспомните первый пример). Тот факт, что глобальная модель реальности переходит от прозрачности к непрозрачности, означает, что интроспективно доступные свойства конституируемых и интегрируемых ею феноменальных репрезентаций уже не исчерпываются свойствами содержания, а включают в себя "свойства носителя", или то, что я назвал стадиями обработки в разделе 3.2.7. На прелюцидных стадиях эта информация может находить свое выражение в общем "сновидческом" качестве, не будучи когнитивно доступной в терминах эксплицитной сознательной мысли типа "Я сейчас сплю!" или не будучи доступной для контроля поведения во сне, например, в терминах полета или пробивания стен. Мы видели, что существуют и другие примеры непрозрачных феноменальных состояний, например, как в сознательно переживаемом познании или псевдогаллюцинациях сенсорного характера. Что делает люцидные сны интересными, так это то, что ограничение прозрачности здесь преходяще не выполняется на глобальном уровне феноменального моделирования реальности. Таким образом, люцидный сон - это глобализированная псевдогаллюцинация. Или, если использовать метафору, которую предпочитают философы-идеалисты, это как одна большая мысль.

Прежде чем перейти к анализу дальнейших репрезентативных особенностей класса глобальных, феноменальных моделей реальности, которые сегодня мы называем "люцидными снами", позвольте мне указать на сложный вопрос, который я не могу полностью разрешить на данном этапе. Современная теория предсказывает, что

полная глобальная непрозрачность приводит к "дереализации" на уровне феноменального опыта. Люцидные сны могут быть именно такими: когерентными, но феноменологически дереализованными глобальными состояниями. Однако текущая теория также предсказывает, что полная непрозрачность ПСМ приведет к потере феноменально переживаемой самости (см. раздел 6.2.6). Но распределение прозрачности и непрозрачности в люцидных снах не является равномерным, оно варьируется. Пока феноменальное свойство высшего порядка "самость" инстанцировано, пока существует сознательный опыт сновидческого "я", большая часть ПСМ, следовательно, должна быть прозрачной. Текущая теория предсказывает, что феноменальная самость исчезнет в полностью обобщенном состоянии непрозрачности, в ситуации, когда не только виртуальность модели мира, но и виртуальность модели самости полностью доступна на уровне самой феноменальной репрезентации. Субъектный компонент ПМИР исчез бы, не будучи больше субъектным компонентом. Действительно, это может быть именно так, а именно в тех феноменологических ситуациях, когда люцидное сновидение растворяется в религиозном или духовном экстазе и завершается им, о чем нередко сообщается в феноменологическом материале (см. сноску 21). С другой стороны, в настоящее время представляется невозможным подойти к этому вопросу со всей строгостью, опираясь на эмпирические данные: Автофеноменологические сообщения о бескорыстных состояниях содержат перформативное самопротиворечие и поэтому весьма проблематичны по методологическим причинам. К анализу Я-модели в люцидных снах я вернусь в ближайшее время.

Рассматриваемые как глобальные, феноменальные модели реальности, люцидные сновидения полностью характеризуются критерием автономной активации (см. разделы 3.2.8 и 4.2.5; обзор эмпирических данных см. в Kahn et al. 1997; Hobson et al. 2000). Репрезентация интенсивности

(см. раздел 3.2.9) может сильно варьироваться, о чем, например, свидетельствуют гиперэмоциональные состояния или отсутствие определенных презентационных "форматов", таких как ноцицепция. В люцидном сновидении можно испытать интенсивные состояния эмоционального возбуждения, такие как страх или блаженство, которые обычно неизвестны в состоянии бодрствования, в то время как другие виды сенсорного опыта, например, ощущение температуры или боли, встречаются гораздо реже. По сравнению с неясновидными сновидениями, люцидные сны имеют более выраженное кинестетическое и слуховое содержание (Gackenbach 1988). Простое феноменальное содержание однородно, как и в обычных состояниях сна или бодрствования, и в настоящее время неясно, выполняет ли феномен люцидных сновидений какие-либо адаптивные функции. Могли ли люцидные сновидения сыграть определенную роль в культурной истории человечества, сделав различие между видимостью и реальностью предметом межсубъектной коммуникации, или в установлении определенных религиозных верований?

По ряду признаков люцидные сновидения являются перспективными глобальными состояниями в гораздо более сильном смысле, чем обычные сны. Феноменальная перспектива первого лица - то есть прозрачная модель отношения интенциональности - гораздо более стабильна с точки зрения временной протяженности и семантической непрерывности. С точки зрения содержания, доступного в качестве объектного компонента, с точки зрения того, на что сновидящий субъект может обратить внимание, о чем подумать или что решить сделать, избирательность и вариативность значительно возрастают. В обычных снах внимание высокого уровня, обдумывание и волевые действия, а также когерентное познание практически отсутствуют, а в люцидном сне все эти возможности доступны почти исключительно. Верно и то, что сознательная модель мира в люцидных снах характеризуется чертами свернутого

холизма и динамичности, описанными в главе 3. Однако хорошо известная гиперассоциативность обычных сновидений, которая, как пишут Кан и его коллеги, "помогает создать видимость единства среди большого разнообразия и богатства образов, а также способствует тем несоответствиям и разрывам, которые характерны для сновидческого сознания" (Kahn et al. 1997, p. 17), кажется, заметно снижена. В люцидных снах в среднем меньше персонажей сновидений, чем в нелюцидных (Gackenbach 1988). Мир люцидного сновидца, конечно, может быть причудливым, но он демонстрирует гораздо более высокую степень внутренней согласованности. Можно предположить, что на функциональном уровне описания общим коррелятом ясности является внезапная доступность дополнительных возможностей обработки информации для системы в целом. Это, в свою очередь, может способствовать самоорганизации глобально когерентного состояния, усилению гипотетического процесса, который я в другом месте (Metzinger 1995b) назвал "связыванием высшего порядка". Важным последним шагом в анализе формальных особенностей ментальности сновидений стала разработка операционально определенных "шкал странности", которые позволяют исследователям измерять прерывистость, неконгруэнтность, неопределенность и т. д. содержания сновидений (ссылки см. в Kahn et al. 1997, p. 18; см. также Hobson et al. 2001; Revonsuo and Salmivalli 1995). Даже из грубого феноменологического анализа люцидных сновидений следует прямое предсказание: Глобальная модель мира, представленная во время люцидных эпизодов, гораздо менее причудлива по содержанию, чем сознательно переживаемая реальность обычного сна. Короче говоря, ясность накладывает семантическую связность и стабильность на внутреннюю симуляцию мира.

Одним из центрально значимых ограничений для феноменальных репрезентаций является их активация в виртуальном окне присутствия (см. раздел 3.2.2). Тот факт,

что кратковременная память функционирует гораздо лучше и надежнее во время люцидных сновидений, может указывать на то, что это окно присутствия расширяется и стабилизируется во время люцидных эпизодов. В целом, люцидные сны - хотя и более короткие - являются гораздо менее "мимолетными" переживаниями, чем обычные сны, и их субъективно переживаемая степень "реальности", то есть степень, в которой их содержание представлено как реально существующий мир, гораздо выше. Однако эта проблема подводит к гораздо более важному вопросу, а именно к вопросу о роли Я-модели в переходе от обычных сновидений к ясности.

Я утверждаю, что ключ к пониманию феномена люцидности лежит в анализе дополнительного типа информации, которая становится глобально доступной во время люцидных сновидений благодаря изменению содержания Я-модели. То, что внезапно становится доступным при переходе в люцидный эпизод, - это контекстная информация системного типа: Люцидность - это то, что в немецком языке называется *Zustandsklarheit* ("ясность состояния"), глобально доступное знание об общей категории репрезентативного состояния, которое система реализует в данный момент. На функциональном уровне описания наиболее важной чертой, безусловно, является повторное появление автобиографической памяти, доступность автобиографической памяти относительно более ранних эпизодов бодрствующего сознания и люцидных сновидений, включая их различие. По мере того как автобиографическая память становится когнитивно доступной, содержание сознательной модели себя кардинально меняется, поскольку теперь система может осознать характер своего общего состояния и тот факт, что все это произошло, интегрируя мысли типа "Боже мой, я сплю!" в свою внутреннюю самореферентную самореферентность. Когнитивная самореферентность ведет к агентности и восстановлению исполнительного контроля. Поэтому вполне правдоподобно предположить, что ясность

коррелирует со степенью функционального проникновения префронтальной коры в субстрат ПСМ. Фактически, на уровне необходимого нейронного коррелята у людей, Хобсон предположил, что для возникновения ясности "обычно деактивированная дорсолатеральная префронтальная кора (DLPFC) должна быть реактивирована, но не настолько сильно, чтобы подавить поступающие к ней лимбические сигналы" (Hobson et al. 2000, p. 837).²⁶ Интересно отметить, что переход из обычного сна в люцидное состояние на репрезентативном уровне анализа может быть охарактеризован как внезапное появление системной контекстной информации, информации о конкретном психологическом контексте, о конкретном способе нахождения в данный момент - а именно, в исключительно внутреннем поведенческом пространстве, в рамках модели реальности, которая впервые переживается как модель.

Как могут подтвердить все люцидные сновидцы, феноменологический профиль, связанный с внезапным процессом "прихода в себя", сильно напоминает внезапное повторное появление воспоминаний, содержащих давно забытую, но очень важную информацию. Это может служить весомым показателем значимости функций памяти в возникновении ясности. В обычном сне контроль над действиями, внимание высокого уровня и когнитивный доступ к автобиографическим воспоминаниям часто полностью отсутствуют. В концептуально ясном смысле, включающем степени удовлетворения ограничений, обычные сны гораздо менее осознанны, чем люцидные, поскольку они состоят только из глобальной модели реальности, представленной в окне присутствия, а свойство перспективности выражено в гораздо меньшей степени. ПМИР отсутствует или нестабилен. Не удовлетворяя ограничению перспективности, непроясненные сны не являются истинно субъективными состояниями. Они являются лишь слабыми феноменами первого лица.

Информационно-процессорные системы сновидений оказываются в странном и проблематичном общем состоянии. Они внезапно сталкиваются с внутренним источником сигнала (см. раздел 4.2.5), при этом страдая от почти полной блокады входа и паралича своих эффекторов. Поскольку их эффекторы парализованы, они не могут устранить блокаду входа путем установления реафферентных сигналов, то есть путем пробуждения себя. Как обычно, система попытается собрать все активное содержимое в целостную модель реальности. Однако если нормальные функции обучения и памяти недоступны, возникают причудливые психические эпизоды, которые часто невозможно вспомнить. Если физические граничные условия меняются и система внезапно получает дополнительные вычислительные ресурсы, то теперь можно использовать больше внутренней информации для интерпретации происходящей цепи событий, создавая соответствующую самомодель.

Обычное сновидение явно характеризуется метакогнитивным дефицитом, в том смысле, что информация об общем состоянии не является глобально доступной для познания (см. также Kahn и LaBerge 1994). Ментальная ясность относительно природы текущего феноменального состояния требует дополнительной репрезентации внутренней истории системы, требует способности распознать глобальное репрезентативное состояние как принадлежащее к определенному классу состояний, как репрезентативное, а также как дезинпрезентативное состояние в свете более ранних глобальных репрезентативных состояний, пережитых системой. Глобальная симуляция впервые переживается как симуляция. Именно к такому метакогнитивному достижению приводит создание стабильной Я-модели. Стабильная Я-модель делает автобиографическую информацию глобально доступной для когнитивной самореференции. Именно автобиографическая, а следовательно, когнитивная,

аттенционная и волевая Я-модель значительно обогащается при переходе от обычного к люцидному сну.

Это также позволяет семантическое обогащение. Таким образом, мы можем определить понятие "ясность" как наличие информации, касающейся общей репрезентативной природы текущей модели реальности, представленной в активной, осознаваемой в данный момент Я-модели. Говоря о сновидениях, важно отметить, что это интересное феноменальное свойство реализуется во множестве оттенков и степеней функциональной эффективности. Можно легко выделить более слабые формы или определения люцидности. Например, на "предпросветной" стадии ваше внимание уже может быть привлечено определенными несоответствиями в сновидении, и соответствующая контекстная информация может быть аттенционально доступна, но вы еще не можете интеллектуально осознать ее, не говоря уже о способности летать или проходить сквозь стены. Это может быть ситуация, в которой по счастливому совпадению мотив сновидения появляется в сновидении ([Сейчас я* сижу в кинотеатре уже более получаса, ожидая начала фильма о времени сновидений австралийских аборигенов! Что-то не так с этим местом, каким-то образом эта ситуация несет в себе символический смысл - и в то же время что-то в этом кинотеатре странно нереально. На самом деле, вся эта ситуация напоминает сон...]). Когнитивная доступность в плане эксплицитного самоописания свойства ясности во сне ([Wow-I have just become lucid again!]) не означает, что вы не остаетесь пассивным наблюдателем, а не полноценным агентом, осуществляющим волевым контроль (S. LaBerge 1985). Таким образом, можно описать множество более слабых и более тонких версий ясности, чтобы точнее соответствовать конкретным нейрофеноменологическим областям. Однако понятие "ясность" теперь может быть интересно обобщено и на другие классы глобальных феноменальных состояний: Класс глобальных феноменальных моделей реальности является ясным тогда и

только тогда, когда тот факт, что это модель и что она принадлежит к этому классу, когнитивно и аттенсионально доступен системе, порождающей ее, будучи представленным в ее сознательной Я-модели.

Может ли существовать класс феноменальных состояний, правильно названных "люцидным бодрствованием"? Очевидно, что если текущая теория указывает в правильном направлении и вы верите в то, что эта теория верна, то тот факт, что вы являетесь системой, которая никогда не находится в прямом и непосредственном контакте с реальностью, но всегда действует в рамках глобальной, виртуальной модели реальности, будет когнитивно доступен вам через вашу ПСМ. Также тривиально верно, что, например, психиатрические пациенты, требующие антигаллюциногенных препаратов, или рекреационные наркоманы в неклинических условиях имплицитно знают об этом факте и используют его, пытаясь контролировать или влиять определенным образом на содержание своей сознательной модели реальности. Она мысленно представлена таким образом, что становится доступной для познания и быстрого и гибкого управления действиями. Но как насчет субсимволической метарепрезентации, как насчет доступности этого специфического вида психологической контекстной информации на уровне аттенсиональной обработки во время бодрствования? Вполне возможны переходы от обычных состояний бодрствования к глобально непрозрачным моделям реальности, например, при психиатрических состояниях, таких как дереализация, или при определенных мистических переживаниях. Но в целом прозрачность сознательной модели реальности в состоянии бодрствования - гораздо более стабильное, непроницаемое для внимания явление: полноценной ясности, не как интеллектуального достижения, а как всепроникающего эмпирического феномена, гораздо легче достичь в состоянии сна, чем в состоянии бодрствования. Этому могут быть очевидные эволюционные причины, и модель реальности в

состоянии бодрствования в значительной степени определяется и ограничивается внешним воздействием. В отличие от сна, в котором мы можем "проснуться" в люцидном эпизоде, в нашей автобиографической памяти обычно не существует другого типа глобальной феноменальной модели реальности, в которой мы были "более бодрствующими", более последовательными и более проницательными в отношении фактической природы общего процесса, которая могла бы функционировать как референтная основа, с которой можно было бы сравнивать состояние бодрствования (см. наш вводный доклад и сноску 21). Как только автобиографическая память активируется во время сновидения, эта дополнительная феноменальная система отсчета существует; она формируется из сознательных воспоминаний о более богатой и связной жизни в состоянии бодрствования. Для бодрствующей жизни, однако, и для обычных индивидов не существует такой второй феноменальной системы отсчета, которая могла бы позволить "проснуться" в состоянии бодрствования, сделав доступными для интроспективного внимания не только свойства содержания, но и транспортные свойства порождающего его процесса, тем самым глобализируя непрозрачность.

Фредерик ван Иден (1913), который впервые ввел понятие "люцидный сон", в качестве определяющих характеристик приводил не только полное осознание своей бодрствующей жизни и способность добровольно действовать во сне, но и третью особенность. Он писал: "Я так крепко спал, что никакие телесные ощущения не проникали в мое восприятие". (*ibid.*, p. 441). Сны, люцидные сны и ОБЭ, по сравнению с состояниями бодрствования, - это то, что я бы назвал "частично развоплощенными состояниями". Кажется, что в этих состояниях содержание Я-модели в меньшей степени ограничивается текущим проприоцептивным входом от физического тела. Субъект люцидного сновидения является аттенциональным и когнитивным субъектом в

гораздо большей степени, чем воплощенным субъектом - это видно из частого опыта невесомости, парения, летающих снов и так далее. Другие элементарные формы самопрезентации, то есть содержания, коррелирующего со стимулом (см. разделы 2.4.4 и 5.4), такие как переживание боли, тепла или холода, гораздо реже встречаются в феноменологии люцидных снов или ОБЭ. Кинестезия является исключением, но, вероятно, не является действительно простой формой телесного осознания. По словам Антонио Дамасио, во время бодрствования мозг в гораздо большей степени является "пленной аудиторией" тела, чем во время люцидного сна (Damasio 1999, p. 150).

Не все телесные ощущения отсутствуют, но проприоцептивное осознание определенно не является фокусом феноменального опыта и само моделирования в состоянии люцидного сна. С точки зрения нейронных коррелятов это может означать, что данный коррелят функционально проникает в префронтальную кору, более напоминающую состояние бодрствования, чем, например, в верхние отделы ствола мозга или соматосенсорную кору. Это частичное отсоединение от входного сигнала, постоянно генерируемого физическим телом, отражается в феноменологии люцидных сновидений. Возможно, именно более сильный самопрезентационный компонент ПСМ в состоянии бодрствования обычно не позволяет миру бодрствования внезапно стать "нереальным" и "похожим на сон": именно тело закрепляет нас в реальности - как физически и функционально, так и феноменально. Одной из интригующих особенностей люцидных сновидений является то, как переход из ПСМ люцидного сна "в" проприоцептивно более ограниченную Я-модель состояния бодрствования иногда может быть тщательно проконтролирован и стать частью автобиографической памяти. Это можно увидеть на последнем примере, который будет представлен в этой книге.

В завершение второй серии нейрофеноменологических исследований я приведу последний пример девиантного само моделирования, который еще раз демонстрирует, что человеческая Я-модель - это виртуальная Я-модель, содержание которой ограничено различными внутренними контекстами. ПСМ - это действительно тело мечты. Следующий отрывок снова взят у пионера исследований сознания, а именно из оригинального труда ван Идена, в котором впервые было введено понятие "люцидного сна":

В январе 1898 года мне удалось повторить это наблюдение. В ночь с 19 на 20 января мне приснилось, что я лежу в саду перед окнами своего кабинета и вижу через стекло глаза своей собаки. Я лежал на груди и внимательно наблюдал за собакой. Но в то же время я с полной уверенностью знал, что сплю и лежу на спине в своей постели. И тогда я решил медленно и осторожно проснуться и понаблюдать, как ощущение, что я лежу на груди, сменится ощущением, что я лежу на спине. Так я и сделал, медленно и осознанно, и этот переход, который я с тех пор переживал много раз, был очень замечательным. Это похоже на ощущение скольжения из одного тела в другое, причем отчетливо ощущается двойное воспоминание о двух телах. Я вспомнил, что чувствовал во сне, лежа на груди; но, вернувшись в дневную жизнь, я вспомнил также, что мое физическое тело все это время спокойно лежало на спине. С тех пор это наблюдение двойного воспоминания повторялось у меня много раз. Оно настолько неоспоримо, что почти неизбежно приводит к концепции сновидческого тела". (van Eeden 1913, p. 446 f.)

7.3 Концепция феноменальной перспективы от первого лица

Приведенные в этой главе примеры подтвердили основные утверждения, сделанные в главе 6: сознательно

переживаемая перспектива от первого лица возникает, если система не только активизирует модель мира и встраивает в нее модель себя, но и дополнительно представляет себя как направленную на некоторые аспекты мира. Существует множество различных типов интенциональности-моделирования, зависящих от природы объектного компонента, стабильности субъектного компонента и способа репрезентативной интеграции обоих. Существует множество пограничных случаев - конфигураций, в которых повреждены либо ПСМ, либо ПМИР, либо оба компонента, и они приводят к девиантным нейрофеноменологическим классам состояний. Но есть один основополагающий теоретический принцип, который подтверждается во всех патологических ситуациях: перспективность сознания является результатом активного ПМИР. Всякий раз, когда существует глобально доступная модель отношения интенциональности, возникает феноменальная перспектива от первого лица. Когда же этот особый вид репрезентативного содержания отсутствует, перспектива от первого лица исчезает. Теперь мы готовы отступить на шаг назад и взглянуть на более общую картину сознания, возникающую в результате обсуждения всех предыдущих глав.

Глава 8. Предварительные ответы

8.1 Нейрофеноменологический пещерный человек, маленькая красная стрела и тотальный симулятор полета: От полного погружения к пустоте

Возникла ли общая картина сознательного человеческого разума в результате исследований, проведенных в предыдущих главах этой книги? В конце концов, что теория самомоделирования субъективности (SMT) может рассказать

нам о сознании, феноменальном "я" и перспективе первого лица? В этой заключительной главе мы подводим итоги и пытаемся связать воедино различные нити нашей дискуссии. В первом разделе я предлагаю три метафоры, которые послужат вводными иллюстрациями и повысят интуитивную правдоподобность общей картины, возникающей сейчас. В следующем разделе я выполняю обещание, данное в первой главе: Мы переходим к рассмотрению некоторых потенциально новых ответов на те специфически философские вопросы, которые были изложены в соответствующей второй части главы 1. В третьем разделе я делаю некоторые более общие выводы и рассматриваю возможные дальнейшие пути исследования. Но начнем с метафор, упомянутых выше. Каждая из этих метафор подчеркивает различные аспекты, характеризующие СМТ, если рассматривать ее как общий контур теории сознания, феноменального "я" и перспективы первого лица. Первая метафора имеет эпистемологическую природу, в то время как вторая и третья метафоры являются репрезентационистскими и технологическими метафорами. Каждая из них представляет собой образ того, что значит быть сознательным человеческим существом. По-своему эти метафоры также отражают три различных и последовательных этапа в западной истории философии разума.

Первая метафора связана с VII книгой "Республики" Платона и образом пещеры (Plato 2000, p. 119 ff.). Я утверждаю, что с точки зрения глубинной структуры, лежащей в основе нашего феноменального опыта о мире и о себе в частности, мы похожи на нейрофеноменологических пещерных людей. Пещера, в которой мы живем своей сознательной жизнью, сформирована нашей глобальной, феноменальной моделью реальности. Согласно Платону, пещера, в которой мы живем, - это подземное помещение, которое, однако, имеет вход, вытянутый вверх, соответствующий простору пещеры и открытый для света по всей ее ширине. Наша сознательная

модель реальности является подземной в том смысле, что она определяется исключительно внутренними свойствами нашей центральной нервной системы: существует минимально достаточный нейронный коррелят для содержания сознания в любой данный момент времени. Если все свойства этого локального нейронного коррелята фиксированы, то фиксированы и свойства субъективного опыта. Конечно, внешний мир в это время может претерпевать значительные изменения. Например, развоплощенный, но соответствующим образом стимулированный мозг в чане мог бы - феноменологически - наслаждаться точно таким же сознательным опытом, как и вы сейчас, читая эту книгу. В принципе, достаточно даже правильно активировать лишь часть этого мозга, минимально достаточный нейронный коррелят вашего нынешнего состояния, чтобы возник "феноменологический снимок" точно такого же вида сознательного опыта. Конечно, мы никогда не назовем такой физически ограниченный феноменальный субъект личностью или даже субъектом в любом философски интересном смысле. Например, такой субличностный клон вашей собственной текущей сознательной модели мира сейчас причудливо искажал бы свое положение в мире; у него было бы огромное количество ложных убеждений о себе. Это был бы опыт, но не знание. Тем не менее, верно утверждение, что феноменальный опыт как таковой разворачивается во внутреннем пространстве, в пространстве, совершенно отличном от мира, описываемого обычной физикой. Он развивается в рамках индивидуальной модели реальности, в мозгу отдельного организма, и его эмпирические свойства определяются исключительно свойствами этого мозга. Хотя этот простой факт вполне может быть когнитивно доступен многим из нас, мы являемся нейрофеноменологическими пещерными людьми, поскольку никто из нас не способен сознательно переживать его истинность. Мы наслаждаемся "внемозговым опытом". Только столкнувшись с данными и открытиями современной нейробиологии, или если нас заставят привести

убедительные аргументы, доказывающие, что в настоящее время мы не просто тень на стене феноменальной пещеры, порожденная каким-то изолированным, минимально достаточным коррелятом, стимулированным злым ученым, только тогда мы иногда начинаем развивать более сильное интуитивное ощущение того, что наша феноменальная модель реальности - это внутренняя модель реальности, которая в любой момент в принципе может оказаться весьма далекой от гораздо более высокоразмерной физической реальности, чем мы когда-либо думали. Платон, однако, говорит нам, что есть вход в пещеру, который в то же время может быть потенциальным выходом. Но кто это может быть? Кто может пройти через этот выход?

В прекрасной притче Платона пленники в пещере прикованы за бедра и шею. Они находятся в таком положении с самого рождения и могут смотреть только прямо вперед, потому что даже их голова с самого начала их существования находится в фиксированном положении. Повернуть голову им мешают оковы. Как отмечает Сократ, они никогда не видели ни себя, ни друг друга, кроме теней, отбрасываемых огнем, горящим позади них на противоположной стене пещеры, которые они принимают за реальные предметы. То же самое можно сказать и о предметах, проносящихся над низкой стеной за их головами. Что такое пещера? Пещера, согласно СМТ, - это просто физический организм в целом, включая, в частности, его мозг. Что такое тени на стене? Тень - это низкоразмерная проекция более высокоразмерного объекта. Феноменальные тени - это низкоразмерные проекции внутренних или внешних объектов в пространстве сознательных состояний, открытых в центральной нервной системе биологического организма. Согласно СМТ, тени на стене - это феноменальные ментальные модели. Книга, которую вы держите в руках, осознанно переживаемая вами в данный момент, - это динамическая, низкоразмерная тень реального физического объекта в вашей руке, танцующая тень в вашей центральной нервной системе. Как известно всем моделистам

нейронных сетей, реальные коннекционистские системы обычно достигают значительного снижения размерности своих входных векторов на самом первом этапе обработки, когда преобразуют шаблон активации на сенсорной поверхности в первый скрытый слой. Но что же это за огонь, вызывающий проекцию мерцающих теней сознания, постоянно меняющихся, танцующих в виде активационных паттернов на поверхности вашей нейронной пещеры? Огонь - это нейронная динамика. Огонь - это непрекращающийся, саморегулирующийся поток обработки нейронной информации, постоянно возмущаемый и модулируемый сенсорными и когнитивными сигналами. Стена - это не двумерная поверхность. Это пространство, а именно - высокоразмерное феноменальное пространство состояний человеческой техноцветовой феноменологии (см. McGinn 1989b, p. 349; Metzinger 2000b, p. 1 f.). Обратите внимание, что в сознании человека стена и огонь не являются отдельными сущностями: это два аспекта одного и того же процесса. Но что именно означает, когда Платон говорит нам, что мы никогда не видели ничего от себя, кроме собственной тени на противоположной стене? Это значит, что, будучи воспринимающими, внимающими, мыслящими и даже действующими субъектами, мы даны себе только через то, что я назвал PSM - феноменальной само моделью. Можем ли мы освободиться от привязанности к этому внутреннему образу себя, танцующей тени в пространстве нашего сознательного состояния? Можем ли мы перестать путать себя с этой тенью и вообще покинуть платоновскую пещеру?

Здесь мы должны отойти от классической метафоры. Я утверждаю, что в пещере никого нет. Нет никого, кто мог бы ее покинуть. Нет никого, кто, по словам Сократа, мог бы "внезапно встать, повернуть голову, пройтись и... поднять глаза к свету" (515c; p. 123), кто мог бы вернуться в пещеру, увидев свет солнца, "ослепление и блеск" (515c; p. 123) истинной реальности, и нет никого, кто мог бы впоследствии

вызвать смех невежественных вечных узников, о которых Сократ задает следующий вопрос: "А если бы можно было наложить руки и убить человека, который пытался освободить их и вывести наверх, разве они не убили бы его?" (517а, р. 129).

Важно отметить, что тень, хотя и зависит от объекта, который ее отбрасывает, управляется им и в определенном, очень слабом смысле представляет его, никогда не является отдельной сущностью. Тени как таковой не существует. Существуют лишь затененные поверхности. Однако, конечно, можно спутать объект и затененную поверхность, тем самым рассматривая последнюю как отдельную сущность. Я утверждаю, что сознательное "я" - это не вещь, а затененная поверхность. Это не отдельный объект, а процесс: непрерывный процесс затенения. Красота метафоры тени для самосознания заключается отчасти в том, что это не только классическая, но и глобальная метафора - та, которая лежит в основе многих великих философских традиций человечества. В качестве примера можно привести выдающегося незападного ученого, который жил на 1200 лет позже Платона, с 788 по 820 гг. н. э., в своем труде "Вивекакудамани, или Гребень-драгоценный камень мудрости" (Śaṅkara 1966, р. 70), утверждал, что подобно тому, как мы не путаем себя с тенью, отбрасываемой нашим собственным телом, или с его отражением, или с телом, каким оно предстает во сне или в воображении, мы не должны отождествлять себя с тем, что кажется нашим телесным "я" в данный момент. Śaṅkara сказал: Как вы не отождествляете себя со своим телом-тенью, телом-отражением, телом-мечтой или телом-воображением, так же вы не должны отождествлять себя с живым телом. SMT предлагает более глубокое понимание того, почему в стандартных ситуациях система в целом неизбежно отождествляет себя со своей нейродинамической тенью, со своим внутренним вычислительным отражением себя, со своим непрерывным онлайн-мечтанием о себе и внутренней

эмуляцией себя. Именно прозрачность человеческой Я-модели вызывает этот эффект.

Мы должны представить себе пещеру Платона иначе, чтобы понять истинную ситуацию нейрофеноменологического пещерного человека. На нейронной пользовательской поверхности мозга пещерного человека пляшут низкоразмерные феноменальные тени внешних перцептивных объектов. Многое верно. Безусловно, существует и феноменальная самотень. Но что такое эта тень - низкоразмерная проекция? Я утверждаю, что это тень не плененного человека, а пещеры в целом. Это физический организм в целом, включая весь его мозг, его когнитивную деятельность и его социальные отношения, которые проецируются внутрь, причем со всех сторон одновременно, так сказать. В пещере нет ни истинного субъекта, ни гомункулуса, который мог бы спутать себя с чем-либо. Это пещера в целом, которая эпизодически, во время фаз бодрствования и сна, проецирует тень себя на одну из своих многочисленных внутренних стен. Тень пещеры существует. Сама пещера пуста.

Шкара был прав: Прозрачная феноменальная модель "я" - это не "я". Но прав был и Сократ. Он изобразил узников, прочно запертых в пещере, прикованных с рождения. Точно так же обстоит дело и с нашей феноменальной Я-моделью: Она прочно закреплена в автономной телесной динамике элементарной биорегуляции посредством процесса, который я называю "самопрезентацией". Человеческая Я-модель преобразует нашу прожитую реальность в центрированную реальность, потому что это единственная феноменальная тень, прочно связанная с непрерывным источником внутренней информации. Сократ ясно видел, что существует устойчивая функциональная связь. Я вернусь к вопросу о том, может ли эта связь когда-либо быть разорвана, когда буду обсуждать третью метафору СМТ в конце этого раздела.

Согласно СМТ, верно, что танцующая тень на внутренней стенке нашего мозга обладает устойчивой функциональной связью с этим самым мозгом, например, реализуемой верхней частью ствола мозга и гипоталамусом. Неверно, что существует внутренний человек, образующий объект этой тени, человек, воспринимаемый как отдельная сущность, связанная такой функциональной связью. Личность - это глобальное свойство системы в целом, которое возникает только на гораздо более поздней стадии, в процессе социальных взаимодействий. Тень себя - необходимое условие для любого социального взаимодействия - это просто тень, отбрасываемая пещерой в целом на саму себя. Платон был прав и в том, что наша феноменальная модель реальности имеет крайне ограниченную размерность. Из всего, что мы знаем сегодня, поток сознательного опыта - это идиосинкразическая траектория через феноменальное пространство состояний, высокоизбирательная проекция, сформированная случайностями биологической эволюции на этой планете - нечто, больше напоминающее туннель реальности через немыслимо высокоразмерную реальность. Третий аспект, в котором и Платон, и Шкара были, безусловно, правы, - это нормативный идеал расширения самопознания. Положение нейрофеноменологического пещерного человека плачевно. Она должна быть изменена. Однако ее нельзя изменить, освободившись и покинув пещеру в поисках истинного света солнца. Мы никогда не были в пещере. Пещера пуста.

Вторая метафора, которую я хочу здесь предложить, - это репрезентационистская метафора. Репрезентационистские теории разума имеют долгую историю, охватывающую многие века западной философии. Недавно репрезентационистские теории сознательного опыта вновь стали популярными, а обыденное понятие "карта" в то же время превратилось в повсеместный инструмент в нейронауках и когнитивных науках. Идея проста и понятна: Феноменальный опыт подобен динамической, многомерной

карте мира. Интересно, что, подобно лишь немногим внешним картам, используемым человеческими существами, он также имеет маленькую красную стрелку. Я утверждаю, что феноменальное "я" - это маленькая красная стрелочка на вашей сознательной карте реальности.

Рассматривая карту города на стене станции метро, вы часто обнаружите маленькую красную стрелку, а может быть, и предложение рядом с ней, гласящее: YOU ARE HERE! Интересно отметить, что это лингвистическое пояснение не является строго необходимым. Для большинства пользователей карта, на которой изображена только маленькая красная стрелка, будет выполнять свою функциональную задачу. Ваша феноменальная карта мира - это внутренняя карта мира. Чтобы быть полезной, она должна иметь не только феноменальное содержание - очень грубо говоря, она должна обладать определенной изоморфией по отношению к вашему текущему окружению. В этом и заключается проблема интенциональности: должна существовать некая связь между картой и городом, между разумом и миром. Чтобы достичь определенной степени ковариации с внешней реальностью, карта должна быть еще и динамичной, способной к постоянному, гибкому и быстрому обновлению. Однако у осознанной модели реальности есть только один-единственный пользователь. Этого нельзя сказать о карте на станции метро. У карты метро много пользователей. Она не меняется вместе с окружающим городом. Она является внешним объектом. По сравнению с огромным богатством вашей сознательной модели реальности она меньше, чем тень. Мало того, что это низкоразмерная проекция, она не обладает подлинной перспективой от первого лица; все, что у нее есть, - это маленькая красная стрелка. Маленькая красная стрелка - это самомодель пользователя карты города. Она определяет положение и тем самым, косвенно, интересы потенциальных пользователей, как внешнее представление реальности внутри этого представления. Маленькая красная стрелка и

индексальное предложение YOU ARE HERE! лишает карту универсального характера и превращает ее в инструмент ориентации, который может быть успешно использован только в одной точке мира.

Однако мультимодальные карты, создаваемые человеческим мозгом, - это общие модели реальности, которые гибко адаптируются к ситуации организма и обновляются в режиме реального времени. Поскольку они также являются внутренними моделями мира, пользователь, чьим целям они должны служить, фактически идентичен во всех возможных ситуациях. В отличие от жестко установленных карт на станциях метро, не проблемная область, которая фиксирована, и не класс пользователей, который изменчив, а система в целом, которая остается идентичной во всех репрезентативных ситуациях, в то время как класс проблем настолько общий, что может быть практически бесконечным. Человеческие существа - это одновременно и решатели общих проблем, и автономные агенты, разрабатывающие феноменальную географию мира. Ментальные самомодели - это маленькие красные стрелочки, которые помогают феноменальному географу ориентироваться в своей собственной сложной ментальной карте реальности, снова изображая для себя подмножество своих собственных свойств. Пока они функционально активны, они преобразуют модели реальности, в которые они встроены системой в целом, в представления, ориентированные на пользователя. Сознание, как правило, привязано к индивидуальной перспективе, и не только в силу их физической внутренности, но и в силу их структурной и репрезентативной привязки к одному пользователю, центрированные модели реальности превращаются в значимые инструменты только для одной системы в мире. В той мере, в какой их функциональный профиль дополнительно характеризуется внеорганизменными отношениями, Я-модели не могут даже утратить свойство физической интернальности. Они не только привязаны к мелкозернистому внутреннему

контексту, но и некоторые из их высших слоев определяются социальным окружением. Поэтому ниже мы вернемся к вопросу о переносимости Я-моделей.

Сейчас важно лишь отметить, что уникальность каждого отдельного феноменального субъекта заложена в уникальности функциональных свойств, составляющих лежащую в его основе Я-модель. Эта Я-модель - маленькая красная стрелочка, которую использует человеческий мозг для ориентации в созданной им внутренней симуляции реальности. Самое важное различие между маленькой красной стрелкой на карте метро и маленькой красной стрелкой в мозгу нашего нейрофеноменологического троглодита заключается в том, что внешняя красная стрелка непрозрачна. Всегда ясно, что это лишь репрезентация - место для чего-то другого. Маленькая красная стрелка на карте метро четко распознается как переменная, потому что разные пассажиры могут использовать эту карту, идентифицируясь с этой маленькой красной стрелкой - они эпизодически, так сказать, "воплощаются" в модели реальности, построенной картой. Это репрезентативное воплощение во внешних средствах репрезентации - то, что никогда не могло бы работать без сознательной самомодели. Однако сама сознательная Я-модель в мозгу пещерного человека в значительной степени прозрачна: она не переживается как репрезентативная структура, не как место для размещения и не как переменная. Это феноменальное "я", характеризующееся не только полноценным пререфлексивным воплощением, но и всеобъемлющим, всеохватывающим субъективным опытом местонахождения.

Может ли существовать внешний пользователь, кто-то, кто глубоко запутался в нашей текущей сознательной модели реальности, ошибочно отождествив себя с маленькой красной стрелкой, ПСМ? Похожи ли мы на кинозрителей, которые настолько сильно отождествились со своим героем

на экране, что совершенно забыли, кто и где они на самом деле? Нет. Пещера пуста. Однако то, что пещера, внутренне генерируя многомерный нейронный образ себя как целого, позволяет возникнуть, - это захватывающее феноменальное свойство: свойство "полного погружения". Это свойство играет центральную роль в нашей третьей и последней метафоре. Как выясняется, отражая функционалистские интуиции в философии сознания, эта метафора наиболее близка к современности: Это технологическая метафора, и, как уже заметили все читатели, знакомые с современными технологиями виртуальной реальности, понятие "полного погружения" по своему происхождению также является технологическим понятием. Как показывает история философии, технологические метафоры опасны, если не видеть их ограничений. Давайте не будем забывать об этом, начав с несколько старомодного образа.

Я утверждаю, что феноменальный опыт от первого лица работает как полный симулятор полета. Летный симулятор - это устройство для пилотов-студентов. Он также может служить для обучения поведенческим реакциям на непредвиденные и критические ситуации без риска реальной аварии. Летные тренажеры появились еще в начале прошлого века, и с тех пор они постоянно совершенствуются. В стандартной модели вчерашнего дня кандидаты сидят в кабине, которая опирается на подвижную платформу на больших выдвигаемых ножках. Ножки управляются компьютером, который может имитировать все движения самолета.

Вчерашняя стандартная модель: Тренажер с подвижной базой из Отдела аэрокосмических человеческих факторов Исследовательского центра Эймса, наклоненный так, чтобы имитировать ускорение. (Любезно предоставлено НАСА.) (Из Barfield and Furness 1995, p. 25.)

Одна из важнейших практических задач успешного программирования автомобильных симуляторов заключается в понимании "допустимых динамических пределов в зрительно-вестибулярной дискорреляции" (Ellis 1995, p. 25), поскольку для создания целостной виртуальной среды необходимо интегрировать два совершенно разных источника сенсорной информации: проприоцептивное чувство равновесия и внешнее чувство зрения.

Феноменальная самомодель (управляемая симулятором) должна быть согласована с феноменальной моделью мира (управляемой симулятором). В кабине пилота находится кабина реалистичного дизайна, содержащая все дисплеи и приборы управления, которые можно найти в настоящем самолете. Пилот-студент смотрит на видеоэкран, управляемый компьютером, который обеспечивает ему визуальную симуляцию вида из кабины. В более продвинутых моделях этот экран заменяется информационным шлемом, содержащим два слегка смещенных монитора, создающих вид трехмерной объемной графики. Он характеризуется "бесконечной оптикой".

Специальная техника программирования служит для того, чтобы виртуальный фокус изображения всегда находился на расстоянии более 10 ярдов. Если кандидат смотрит "в окно", он может сфокусировать взгляд на далеких объектах, хотя реальное сгенерированное компьютером изображение находится всего в нескольких дюймах от его лица. Эта визуальная симуляция внешней реальности постоянно обновляется с огромной скоростью в зависимости от действий пилота. Сегодня также можно специально стимулировать проприоцептивные и кинестетические чувства, например, с помощью тряски сиденья, которая помогает имитировать целый ряд телесных ощущений, как это обычно бывает при внезапном разрыве воздушного потока на критических скоростях или вибрации форсажной камеры. Таким образом, студент-пилот учится пользоваться

бортовыми приборами, знакомится с реакцией самолета на свои действия, выполняет важнейшие базовые операции, которыми должен овладеть хороший пилот, не подвергаясь при этом серьезному физическому риску.

Мозг человека функционирует аналогичным образом. На основе внутренне представленной информации и используя непрерывный входной сигнал, поступающий от органов чувств, они строят внутреннюю модель внешней реальности. Эта глобальная модель - модель реального времени; она обновляется с такой огромной скоростью и с такой достоверностью, что в целом мы уже не в состоянии воспринимать ее как модель. Феноменальная реальность для нас - это не симулятивное пространство, сконструированное нашим мозгом, но самым непосредственным и эмпирически непередаваемым образом - просто мир, в котором мы живем. Летный симулятор, однако, легко распознать как летный симулятор. Хотя, будучи пилотами-студентами, мы работаем в нем очень сосредоточенно, мы никогда не верим, что действительно летаем. Причина такой непрозрачности окружающей нас искусственной симуляции кроется в том, что наш мозг постоянно снабжает нас гораздо лучшей эталонной моделью мира, чем компьютер, управляющий авиасимулятором. Изображения, генерируемые нашей зрительной корой, на порядки быстрее и, конечно, надежнее, они характеризуются гораздо более высоким разрешением и большим количеством деталей, чем изображения, появляющиеся на мониторе тренажера. Именно поэтому мы всегда можем распознать изображения на мониторе как изображения в любой момент времени, просто потому, что мы обладаем более высоким стандартом представления, с которым можем их сравнивать. Если тренажер начинает трястись и дребезжать в результате пролета через воздушную яму или последствий непреднамеренного маневра, то эти трясущиеся и дребезжащие движения никогда не смогут по-настоящему обмануть пилота-студента. Это так, потому что феноменальные модели наших собственных телодвижений,

созданные на основе проприоцептивных и кинестетических восприятий, гораздо богаче деталями и убедительнее, чем симуляции движений самолета, созданные компьютером. Однако следует отметить, что эта ситуация, несомненно, скоро изменится (прекрасный обзор см. в Barfield and Furness 1995). Субъективное ощущение присутствия и присутствия определяется такими функциональными факторами, как количество и точность сенсорных каналов ввода и вывода, возможность модификации виртуальной среды и, что немаловажно, уровень социальной интерактивности в смысле реального признания другими людьми виртуального мира в качестве существующего человека (Heeter 1992).

С инженерной точки зрения, проблемы, связанные с созданием виртуальных сред, являются проблемами передового дизайна интерфейсов. Виртуальный интерфейс определяется как система преобразователей, сигнальных процессоров, аппаратного и программного обеспечения, которая создает интерактивную среду, передающую информацию органам чувств в виде трехмерных виртуальных изображений, тактильной и кинестетической обратной связи, пространственного звука и так далее, при этом отслеживая психомоторное и физиологическое поведение пользователя и используя его для манипулирования виртуальной средой (Barfield and Furness 1995, p. 4). Виртуальные среды - это новейшая разработка в области нейрофеноменологического пещерного искусства. И, очевидно, это один из плодотворных способов взглянуть на сознание. Феноменальный опыт, в той мере, в какой он прозрачен, является невидимым интерфейсом, внутренней средой, позволяющей организму взаимодействовать с самим собой. Это устройство управления, которое функционирует за счет создания внутренней поверхности пользователя. Более того, если посмотреть на то, как теоретики виртуальной реальности и современного дизайна интерфейсов определяют атрибуты того, что для них является идеальной средой, то сразу

вспоминается каталог ограничений для феноменальных репрезентаций, предложенный в главе 3.

Атрибуты идеального носителя: Сознательный опыт как невидимый интерфейс

Соответствует сенсорным возможностям человека

Легко учиться

Мост к мозгу с высокой пропускной способностью

Динамически адаптируется к потребностям задачи

Может быть адаптирован к индивидуальным подходам

Естественный семантический язык

Организация
пространственных/государственных/временных факторов

Макроскопический и микроскопический взгляд

Вход с высокой пропускной способностью

Кластеризация информации

Фильтрация информации

Однозначный

Не потребляет резервные мощности

Легкое предсказание

Надежный

Работает, когда занят

Высокое семантическое содержание (пример презентации)

Локализация объектов:

движение

государство

непосредственность

Чувство присутствия

Из Furness and Barfield 1995, перепечатано с разрешения Oxford University Press.

Метафора виртуальной реальности для феноменального опыта обладает большой эвристической плодотворностью, но мы не должны упускать из виду присущие ей ограничения. Сознательный мозг отличается от авиасимулятора по целому ряду важных аспектов. Во-первых, он обладает гораздо

большим количеством модальностей и презентационных субформатов: вспомните осознанное зрение, слуховую феноменологию, обонятельные и вкусовые качества, тактильные ощущения, а также невероятную тонкость и богатство, передаваемые через телесные interoцепторы. В частности, он способен объединить информацию, поступающую из всех этих различных модальностей, в нефрагментированную, унитарную модель реальности - и именно эта задача даже в летном симуляторе возложена на мозг пилота-студента. Летные симуляторы управляют феноменальными моделями реальности, но еще не создают их. Во-вторых, в отличие от авиасимуляторов и современных систем виртуальной реальности, человеческий мозг не ограничен конкретной областью. Сознательный мозг открыт для огромного количества репрезентативных конфигураций и симуляционных задач. Как было отмечено выше, сознательный мозг приближается к классическому понятию общего решателя задач (GPS; Newell and Simon 1961). Однако третья характеристика, отличающая мозг от авиасимуляторов, гораздо важнее в нашем контексте: человеческий мозг симулирует и пилота.

Конечно, в системе нет гомункула. Пещера пуста. Маленькая красная стрелка - всего лишь специальное устройство для представления. Однако для сознательных систем определенной сложности существует определенная потребность - необходимость для системы в целом объяснять себе свои внутренние и внешние действия. Она должна обладать репрезентативным и функциональным инструментом, который помогает предсказывать ее собственное будущее поведение, непрерывно отслеживать критические свойства системы с помощью постоянной внутренней симуляции и который может отображать историю ее собственных действий как ее собственную историю. В общем, системе нужен вычислительный инструмент, который помогает ей владеть собственным оборудованием. Этим инструментом является то, что я назвал

само моделью организма. Мозг отличается от летного симулятора тем, что не используется пилотом-студентом, который эпизодически "входит" в него. Он работает как "тотальный симулятор полета": Тотальный симулятор полета - это само моделирующийся самолет, который всегда летал без пилота и создал сложный внутренний образ самого себя в своем собственном внутреннем симуляторе полета. Образ прозрачен. Информация о том, что это внутренний образ, пока недоступна системе в целом. Потому, действуя в условиях наивно-реалистического самопонимания, она интерпретирует содержание этого образа как нефизический объект; "пилот" рождается в своем летном симуляторе. Подобно нейрофеноменологическому пещерному человеку, "пилот" рождается в виртуальной реальности с самого начала, не имея шанса когда-либо обнаружить этот факт. Подобно серьезно заблуждающемуся туристу, который действительно верит, что он и есть маленькая красная стрелка, пещерный человек похож на самолет, который функционально владеет своим оборудованием, но только начал осваивать симулятор. Нейрофеноменологически он - боксер-тень, которого загипнотизировала его собственная внутренняя тень. Если воспользоваться более современной терминологией, то пилот скорее похож на биологически обоснованного "софтбота", гуманоидного "аватара", используемого самолетом в качестве собственного внутреннего интерфейса для более гибкого управления собственным оборудованием в целом.

Удивительно видеть, как теоретики, исследующие виртуальные среды, сегодня не только используют феноменологические понятия вроде "присутствия" или "расположенности", но и уже придумали терминологическое понятие для того, что в рамках СМТ было бы пространственным разделом ПСМ, моделирующим двигательные свойства организма: "виртуальное тело" (ВТ; Barfield, Zeltzer, Sheridan, and Slater 1995, p. 505). ВБ - это часть расширенной виртуальной среды, динамичный и

высокоразмерный инструмент, который можно использовать как маленькую красную стрелку. С его помощью можно управлять роботом на расстоянии, используя виртуальное тело в качестве интерфейса. Однако авторы также отмечают, что вопрос "идентификации" имеет решающее значение в контексте систем телеоператоров, управляющих роботами на расстоянии, и что пользователи виртуальной среды могут фактически отвергать свое ВБ, как это делают некоторые нейропсихологические пациенты (там же, с. 506). Наиболее показательным, однако, является понятие "ведомого робота": Для достижения телеприсутствия оператор должен полагаться на высокую корреляцию между своими движениями, воспринимаемыми "напрямую", и действиями ведомого робота; в идеале он должен добиться идентификации своего тела с телом ведомого робота.

VB, как и PSM, - это продвинутый интерфейс для функционального присвоения и управления телом. В случае с VB тело может находиться за тысячи километров, а используемый интерфейс будет (надеемся) прозрачным лишь эпизодически. В случае PSM мать-природа решила все основные проблемы интерфейса миллионы лет назад, включая VB и обширное внутреннее моделирование пользователя. Целевая система и симулирующая система идентичны, а сознательная субъективность - это тот случай, когда отдельный организм научился поработать себя. Интересно, что при этом система в целом не превращается в работа-раба, а становится все более автономным агентом. Автономность - это сознательный самоконтроль. Однако на ранних стадиях за это приходится платить. Репрезентативное непонимание порождает феноменальное самонепонимание на уровне феноменального опыта, как объясняется в разделах 3.2.7 и 6.2.6. Именно феноменальная прозрачность, особый вид темноты, порождает этот фундаментальный дефицит субъективного знания о конститутивных условиях и глубинной структуре нашего собственного феноменального самосознания, который впоследствии приводит к

ошибочным философским теориям, подобным платоновской метафоре рулевого или гомункулуса в пещере, что приводит к рождению картезианского эго и, в конечном счете, к кантовскому понятию трансцендентального субъекта, к многочисленным ложным теориям "пилота", чье существование предшествовало существованию тела и лишь эпизодически "входило" в него. Тени - это разновидность тьмы. Рост знаний в области когнитивной нейронауки сегодня заставляет все эти классические модели выглядеть несостоятельными. Напротив, мозг, динамическая, самоорганизующаяся система в целом, активирует пилот тогда и только тогда, когда он нужен ему как репрезентативный инструмент для интеграции, мониторинга, прогнозирования и запоминания собственной деятельности. Пока пилот нужен для навигации по миру, тень марионетки танцует на стене феноменального пространства состояний нейрофеноменологического пещерного человека. Как только система перестает нуждаться в глобально доступной самодеи, она просто отключает ее. Вместе с моделью исчезает и сознательный опыт самости. Сон - младший брат смерти.

8.2 Предварительные ответы

Во втором разделе главы 1 я предложил небольшой набор вопросов, чтобы провести нас через сложный теоретический ландшафт, связанный с феноменом субъективного опыта. Теперь я сдержу свое обещание и вернусь к каждому из этих вопросов, дав на них краткие ответы. Однако напомню, что более пространные ответы можно найти только в другом месте. Для начала давайте еще раз взглянем на наши базовые понятия.

Что значит сказать о психическом состоянии, что оно осознанно?

Во-первых, важно отметить, что единого ответа на этот вопрос не существует, но их уже много. То, насколько осознанным является ментальное состояние, зависит от целевой области и степени удовлетворения ограничений. Сознание не является феноменом "все или ничего". Существуют степени феноменальности (для первого и простого примера вспомните о квалии Льюиса, квалии Раффмана и квалии Метцингера, как описано в разделе 2.4). А поскольку ограничения сами по себе являются теоретическими сущностями, степень феноменальности или осознанности, демонстрируемая определенным ментальным состоянием, является не только объективным свойством, но и соотносится с данной теорией. В-третьих, любой ответ будет зависеть от того, как мы решили индивидуализировать ментальные состояния, то есть от уровня описания, на котором мы решили дать ответ.

Если ментальное состояние понимается как репрезентативное состояние, то есть то, что описывается как несущее содержание, то это содержание будет минимально осознанным, если оно одновременно интегрировано в виртуальное окно присутствия (внутренне генерируемое "Сейчас") и в единую, связную и глобально доступную модель реальности, в то время как более ранние стадии обработки - а значит, и его репрезентативный характер как таковой - недоступны для внимания, то есть если оно также является прозрачной формой содержания. Минимальная степень удовлетворения ограничений, необходимая для того, чтобы говорить о феномене "внешности", феномене сознания вообще, включает ограничения 2 (презентационность), 3 (глобальность) и 7 (прозрачность). Сознательный опыт состоит в активации когерентной и прозрачной модели мира в окне присутствия. На уровне феноменального содержания

это просто эквивалентно "присутствию мира". Обратите внимание, что такая минимальная версия сознательного опыта еще не является субъективным опытом в смысле привязки к сознательно переживаемой перспективе первого лица (она субъективна только в очень слабом смысле внутренней реальности-модели внутри индивидуального организма), и что это понятие все еще очень упрощенное (и, вероятно, эмпирически неправдоподобное), поскольку оно совершенно недифференцировано в своем представлении причинности, пространства и времени. Система, обладающая минимальным сознанием, которое описывается исключительно связкой ограничений 2, 3 и 7, застыла бы в вечном Сейчас, а мир, представляющийся этому организму, был бы лишен всякой внутренней структуры.

Обратите внимание, что в более сложных конфигурациях могут существовать отдельные состояния, не удовлетворяющие ограничению прозрачности: Как только появляется то, что я назвал "нулевым миром", феноменальные симуляции становятся возможными (см. гипотезу "нулевого мира" для эволюционной функции сознания, предложенную в разделе 2.3). Теперь система может развивать феноменальные симуляции, сознательные ментальные состояния, которые переживаются как репрезентативные состояния. Кратковременная память и единая, интегрированная модель мира строго необходимы для феноменального опыта. В более сложных организмах (таких как мы) прозрачность не является таковой. Это так, потому что после создания сознательных моделей мира в них могут быть интегрированы феноменально непрозрачные формы содержания.

Поэтому мы должны спросить, как феноменальное ментальное содержание может стать сильнее, демонстрируя более высокую и потенциально изменчивую степень удовлетворения ограничений. В принципе, сейчас существует

множество способов описать то, что я назвал дифференцированным сознанием в главе 3. Если мы добавим мерологическую внутреннюю структуру в терминах ограничения 4 (convolved holism), мы допустим мультимодальную сегментацию сцены и возникновение сложной ситуации. Однако, если мы не хотим допустить маловероятный случай, когда одна единственная, предварительно сегментированная сцена застывает в вечном "Сейчас" на феноменальном уровне, мы должны добавить темпоральную структуру в терминах ограничения 5 (динамичность). На этом этапе возможно представить феноменальный опыт как динамически развивающийся феномен на уровне содержания, как взаимосвязанную иерархию различных содержаний, разворачивающуюся во времени и обладающую динамической структурой. Дифференцированное сознание, таким образом, возникает в результате добавления внутреннего контекста и богатой временной структуры.

Решающий шаг - тот, что ведет к субъективному сознанию. Это уровень, на котором сознание начинает приближаться к той сложности, которую мы находим на человеческом уровне организации, и уровень, на котором оно становится действительно теоретически интересным феноменом. Добавив ограничение 6 (перспективность) к ограничениям 2, 3, 4, 5 и 7, мы вводим в феноменальное пространство сознательно переживаемую перспективу от первого лица. Теперь пространство опыта всегда сосредоточено на активной саморепрезентации. PSM, прозрачная и глобально доступная Я-модель, а также PMIR, прозрачная и глобально доступная модель текущих субъект-объектных отношений, существуют и интегрированы в рабочую память (подробнее см. главу 6). Таким образом, перспективно осознанное ментальное состояние - это состояние, репрезентативное содержание которого интегрировано в феноменальную модель реальности, структурированную ПМИР. Существует также альтернативная формулировка, позволяющая нам

описывать как субъективно сознательные все и только те состояния, которые в данный момент находятся в фокусе опыта. Тогда действительно осознанным ментальным состоянием будет то, которое в данный момент представляет собой объективный компонент феноменальной модели отношения интенциональности (PMIR; см. раздел 6.5).

Если мы потребуем удовлетворения этого ограничения, мы выделим гораздо более интересный класс репрезентативных систем: класс систем, о которых действительно можно сказать, что они обладают субъективным опытом в подлинном смысле этого слова. Можно предположить, что все позвоночные, обладающие ПСМ и хотя бы рудиментарной формой обработки внимания, принадлежат к этому уровню удовлетворения ограничений. У них есть сознательное "я" (каким бы простым оно ни было), и они генерируют феноменально переживаемую "стрелу интенциональности", направленную от внимающего "я" к различным перцептивным объектам. У них есть простой, субсимволический ПМИР. Такие системы, хотя субъективно переживаемый поток времени, включающий длительность и изменение на фоне умозрительного настоящего, уже доступен для них, еще не имеют эксплицитной феноменальной репрезентации прошлого и будущего, возможных миров и возможных "я".

Еще более богатую степень феноменальности представляет собой когнитивное субъективное сознание. Если мы добавим ограничение 8 (автономная активация) и предположим спектр от прозрачных до непрозрачных репрезентаций (см. раздел 3.2.7), мы получим еще более специфический класс феноменальных систем. Эти системы будут способны избирательно активировать глобально доступные репрезентативные структуры независимо от текущего внешнего входа, и, учитывая, что эти структуры будут обладать определенной степенью непрозрачности, тот факт,

что они сейчас оперируют репрезентациями, будет, следовательно, глобально доступен им и может быть интегрирован в их Я-модель. Другими словами, такие системы могли не только в принципе заниматься планированием будущего, пользоваться явными эпизодическими воспоминаниями и запускать подлинные когнитивные процессы, такие как мысленное формирование понятий, но и впервые представлять себя как репрезентативные системы, в каком бы минимальном масштабе они ни были. Они будут мыслить мыслями. Они были бы похожи на тотальные авиасимуляторы, которые начали симулировать пилота как симулятора. Запуская феноменально непрозрачные симуляции, они смогли бы окончательно избавиться от наивного реализма, ранее порожденного полным удовлетворением ограничения прозрачности на всех уровнях содержания. Для таких систем разница между реальностью и видимостью впервые стала бы доступной для аттенциональной и метакогнитивной обработки. Следовательно, теперь они обладают ресурсами для разработки концепции самого сознания, феномена видимости как такового. Тогда они могли бы стать тем, что я (ссылаясь на понятие Дэниела Деннета "интенциональная система второго порядка"; см., например, Dennett 1987b, p. 243 и далее) называю "феноменальной системой второго порядка": существом, которое может сознательно переживать тот факт, что оно само в данный момент переживает сознательный опыт. Вполне возможно, что люди - единственные биологические существа на нашей планете, выполняющие это дополнительное условие в сколько-нибудь интересной степени. Обратите также внимание на то, что ограничение адаптивности (раздел 3.2.11) все еще исключает искусственные системы как носителей феноменальных ментальных состояний. Я вернусь к этому вопросу ниже, когда буду давать предварительный ответ на последний вопрос в этом списке.

Или, наоборот, что значит для сознательной системы - человека, биологического организма или искусственной системы - если взять ее в целом, сказать, что она сознательна?

Переход от сознания состояния к сознанию системы довольно прост и понятен. Система является сознательной в той степени, в какой ее ментальные состояния удовлетворяют вышеупомянутым критериям. Любая система, обладающая репрезентативными ментальными состояниями, но не имеющая виртуального окна присутствия и единой, глобальной, интегрированной и прозрачной модели реальности, является бессознательной. Поэтому даже если логическим субъектом предикации является не подсистемное состояние, а система в целом, приписывание феноменальности никогда не равнозначно приписыванию одного единственного и примитивного свойства с помощью одноместного предиката (для которого в таком случае не существовало бы нециркулярного определения). Приписывание феноменальности всегда состоит в определении степени удовлетворения ограничений на нескольких уровнях описания. Переход от сознания состояния к сознанию системы означает лишь обмен микроуровней на макроуровни в терминах логических субъектов и возможных предикатов, составляющих эти уровни описания. Могут существовать интересные и весьма значимые ограничения, которые могут быть обнаружены и применены исключительно на уровне целой системы - например, при исследовании социальных коррелятов сложных форм феноменального опыта (см. раздел 6.3.3). В частности, если макроуровень - это не просто уровень всей системы, а личностный уровень описания, то происходит фундаментальный переход в совершенно новое измерение. Это может быть вторым фундаментальным отличием человека от других сознательных существ на нашей планете. Например, в сознательных системах, которые, приняв определенные нормативные стандарты (эпистемически

обоснованные или нет), начали феноменально переживать себя и других как рациональных индивидов и как моральных субъектов, мы должны объяснить не только феноменальный опыт "самости", но и опыт "личности". Это влечет за собой целый ряд новых свойств и предикатов на уровне всей системы.

Что касается индивидуализирующих характеристик для ментальных состояний, интересно отметить, что могут существовать афункциональные феноменальные состояния, которые вообще не являются репрезентативными (например, в сновидениях или некоторых видах галлюцинаций). Такие состояния могут вносить вклад в сознательный опыт, но при этом ничего не представлять для организма в целом. Согласно нашему телеофункционалистскому предположению, они будут иметь феноменальное, но не интенциональное содержание. В этом случае их придется индивидуализировать на более низком уровне описания, например, как чисто функциональные состояния, в данный момент функционально интегрированные в механизм, который создает эмпирическое настоящее организма и его модель мира. В этом случае интегрируется их каузальная роль, но не их репрезентативное содержание. Назовем это "транспортным сознанием".

Что значит сказать о ментальном состоянии, что оно является частью самосознания данной системы?

Все ментальные состояния, составляющие феноменальное самосознание, характеризуются еще одним содержательным свойством - свойством минности. Минуальность представляет собой владение на неконцептуальном уровне (см. раздел 6.1). В процессе обработки сознания минность создает дорефлексивное и полностью прозрачное чувство собственности. Это свойство особой формы феноменального содержания, которое в нашем случае доступно как на уровне

внутреннего внимания, так и на уровне самонаправленного познания. Оно доступно интроспекции³ и интроспекции⁴ (см. раздел 2.2). В патологических ситуациях распределение этого свойства по феноменальному пространству может существенно меняться. Ментальное состояние является частью самосознания данной системы, если оно было интегрировано в ее ПСМ (см. главу 6). Тогда его репрезентативное содержание стало частью феноменального "я" системы. С функциональной точки зрения, любое свойство системы, представленное в ПСМ в данный момент, является присвоенным свойством. Если в необычных конфигурациях (см. главу 7) репрезентативное состояние, удовлетворяющее ограничениям феноменальности, не может быть интегрировано в ПСМ, оно автоматически становится частью модели мира, и его содержание теперь переживается как внешнее. Например, осознанная мысль больше не может быть феноменально принадлежащей, если - как в некоторых случаях шизофрении - система не в состоянии встроить ее в свою ПСМ. Тогда это уже не будет моей мыслью. Или часть тела, как при одностороннем геминеглекте, может выпасть из феноменального "я", если система по какой-то причине не в состоянии интегрировать ее в глобально доступный раздел своей Я-модели. В таком случае феноменально она уже не будет моей собственной частью тела.

Что значит для любой сознательной системы обладать феноменальным "я"? Возможно ли бескорыстное сознание?

Во-первых, важно понять центральное онтологическое утверждение: в мире не существует таких вещей, как "я". Все, что существует, - это определенные информационно-процессорные системы, отвечающие ограничениям феноменальности и работающие в рамках прозрачной модели "я". По крайней мере, для всех известных нам сознательных существ верно то, что они не имеют и не являются "я". Биологические организмы существуют, но

организм - это не "я". Некоторые организмы обладают сознательными Я-моделями, но такие Я-модели, конечно, не являются Я - это всего лишь сложные состояния мозга. Однако если организм действует в рамках феноменально прозрачной Я-модели, то он обладает феноменальной самостью. Феноменальное свойство самости как таковое - это репрезентативная конструкция; оно действительно является феноменальным свойством только с точки зрения видимости. Для всех научных и философских целей понятие "я" как теоретической сущности можно смело отбросить. То, что мы в прошлом называли "Я", - это не субстанция, не неизменная сущность, не вещь (т. е. "индивид" в смысле философской метафизики), а совершенно особый вид репрезентативного содержания: содержание феноменально прозрачной системы-модели (см. раздел 6.2). Это содержание само модели, которая не может быть распознана как модель использующей ее системой. Феноменальные переживания субстанциальности (т. е. самостоятельности, которая в принципе могла бы существовать сама по себе), сущности (т. е. определенности через обладание неизменным внутренним ядром, инвариантным набором свойств) и индивидуальности (т. е. уникальности и невозможности разделения) также являются особыми формами сознательного, репрезентативного содержания. Обладание ими было эволюционно выгодно, но как таковые они не являются эпистемически оправданными. Как таковые, они не являются формой знания, хотя и играют важную функциональную роль.

На функциональном уровне описания феноменальное "я", опять же, не является субстанцией или индивидом - физическим или нефизическим, - а представляет собой непрерывный процесс: процесс само моделирования, интегрированный в рабочую память и глобально доступную модель мира организма. Этот процесс можно интересно описать как процесс самосохранения, функционального достижения ответственности за подмножество каузальных

возможностей системы. Само моделирование - это каузальное самоприсвоение. То, что мы ранее назвали "феноменальной самоотенью", определяется исключительно механизмом внутренних функциональных свойств. На нейробиологическом уровне феноменальное содержание само модели надстраивается локально. Это означает, что в биологических организмах каждое феноменальное "я" обладает минимально достаточным нейронным коррелятом. При наличии этого коррелята сознательное "я" возникает с номологической необходимостью.

Феноменальная самость появляется, если инстанцируется определенное свойство, феноменальное свойство самости. В своей основе это свойство является репрезентативным. Интересно, что оно возникает в результате особой формы эпистемической темноты, отсутствия интроспективно доступной информации. Важно отметить этот момент: феноменальная самость возникает из феноменальной прозрачности, но из эпистемической непрозрачности. Согласно СМТ, феноменальная самость - это отсутствие интроспективного самопознания. Я назвал эту структурную характеристику нейрофеноменологического сознания пещерного человека "автоэпистемической закрытостью" (см. разделы 2.3, 3.2.7 и 6.2.6), обозначив ее как "встроенное слепое пятно", структурно закрепленный дефицит в способности получать знания о себе. Важно понимать, что автоэпистемическая закрытость, используемая в этой книге, не относится к когнитивной закрытости (McGinn 1989b, 1991) или эпистемической "ограниченности" (например, Fodor 1983, p. 120) в смысле возможной принципиальной недоступности теоретического, пропозиционально структурированного самопознания. Скорее, она относится к закрытости или ограниченности обработки внимания по отношению к собственной внутренней репрезентативной динамике. Это ограничение в распределении ментальных ресурсов, выраженное на уровне неконцептуального содержания. Аутоэпистемическая закрытость, в текущем

контексте, заключается в том, что человеческие существа в обычных состояниях бодрствования, используя свои внутренние репрезентативные ресурсы, то есть интроспективно направляя внимание, не могут аттенционально проникнуть на более ранние стадии обработки в продолжающемся построении своей сознательной Я-модели. Конечно, для этого могут быть веские эволюционные причины: Доступность внимания использует ценные вычислительные ресурсы, а прозрачная Я-модель - реалистичная Я-модель - имеет функциональное преимущество, делая ее носителя максимально эгоистичным.

Возможно ли бескорыстное сознание? Всякое сознание бескорыстно, поскольку в нем не представлено "я", а только физическая, репрезентативная система - но прозрачно, в режиме наивного реализма, так сказать. Поскольку ПСМ прозрачна, система постоянно функционирует в условиях того, что я назвал наивно-реалистическим самонепониманием (см. раздел 6.2.6). Говоря метафорически, она путает себя с содержанием своей собственной ПСМ. Как в случае с цветовыми квалиа во внешнем мире нет ничего, что бы хорошо и систематически отображалось на хроматические примитивы сознательного цветового зрения, так и в системе или вне ее нет ни одной сущности, которая бы непосредственно соответствовала примитивному, дорефлективному чувству сознательной самости. В принципе, есть два способа, которыми феноменальная система может лишиться этого чувства, при которых самосознание мыслимо в нынешних рамках.

Во-первых, система может удовлетворять всем остальным ограничениям для сознания, не имея самомодели. Она может иметь модель мира, но не иметь самомодели. Вероятно, многие простые организмы на нашей планете относятся к этому классу феноменальных систем. Если система хотя бы удовлетворяет ограничениям 2, 3 и 7, но при этом не

обладает центрированной моделью реальности, то она будет инстанцировать бескорыстное сознание. Такие организмы могут иметь бессознательное прото-самосознание, например, в виде элементарной формы функционального самоприсвоения, которое приходит с гомеостазом и рудиментарными эмоциями, но не имеет отчетливой сознательной репрезентации, направленной на интенциональный объект организма в целом. Возникает видимость мира, но нет никого, кто был бы в данный момент направлен на этот мир. Феноменологически свет был бы включен, но никого не было бы дома. Не было бы явной маленькой красной стрелки, а был бы только симулятор полета, но не полный симулятор полета.

Существует, однако, и вторая возможность, представляющая гораздо больший философский интерес. В разделе 6.4.2 мы увидели, что человеческая Я-модель интересным образом характеризуется континуумом от полной прозрачности до непрозрачности, обычно поднимаясь от сенсорных аспектов телесного самосознания к чисто когнитивным уровням самореференции и рефлексивного самосознания. Попробуйте представить себе ПСМ, которая была бы полностью непрозрачной. Представьте себе систему, которая - при всех прочих неизменных аспектах - характеризуется тем, что ограничение 7, ограничение прозрачности, вообще не выполняется для ее Я-модели. Более ранние этапы обработки были бы доступны для всех разделов ее сознательной саморепрезентации; она постоянно распознавала бы ее как репрезентативную конструкцию, как внутренне созданную внутреннюю структуру. SMT делает следующее предсказание: Феноменологически у этой системы не будет "я", а только система-модель. Она не будет инстанцировать самость. Функционально она будет обладать всеми вычислительными и информационными преимуществами, связанными с наличием когерентной Я-модели, однако ценой несколько большей вычислительной нагрузки. Кроме того, ему пришлось бы найти новое решение

проблемы, как не оказаться парализованным бесконечным циклом самопрезентации, как избежать бесконечного регресса в отсутствие прозрачных примитивов. Но, возможно, она все еще могла бы работать в рамках центрированной модели реальности, даже если бы эта модель уже не была феноменологически центрированной. Каковы будут нейробиологические характеристики такой системы, в настоящее время неясно. Однако может быть интересно отметить конкретную феноменологическую аналогию. Существует один тип глобальной непрозрачности, который мы обсуждали в нашем последнем нейрофеноменологическом кейс-стади, а именно люцидный сон (см. раздел 7.2.5). В люцидном сне сновидец полностью осознает, что все, что он переживает, является лишь содержанием глобальной симуляции, репрезентативной конструкцией. Можно также предположить, что в феноменологии духовного или религиозного опыта существуют классы состояний, напоминающие эту конфигурацию, но только в состоянии бодрствования. Теперь представьте себе ситуацию, в которой люцидный сновидец также феноменально осознает себя персонажем сновидения, симулированным "я", репрезентативной фикцией, ситуацию, в которой система сновидения, так сказать, стала люцидной для самой себя. Это вторая возможность бескорыстного сознания в рамках предложенной здесь теоретической схемы. Я, конечно, прекрасно понимаю, что эта вторая концепция бессамостности напрямую соответствует классическому философскому понятию, хорошо разработанному в азиатской философии по крайней мере 2500 лет назад, а именно буддийской концепции "просветления". Однако давайте примем здесь метафизически нейтральную терминологию и назовем этот феноменологический класс состояний "системным сознанием". Репрезентативная система обладает системным сознанием тогда и только тогда, когда она функционирует в рамках феноменально непрозрачной системы-модели, но не в рамках самомодели.

Общим для первой и второй возможности является то, что они являются логическими возможностями; они могут быть связно описаны и осмыслены. Вопрос о том, являются ли они номологически возможными нейрофеноменологическими конфигурациями, остается открытым. Например, могут существовать фундаментальные нейрокомпьютерные причины, которые делают такие бескорыстные модели реальности по меньшей мере крайне маловероятными, труднодостижимыми или вообще нестабильными. Если предположить второй случай, то может оказаться, что любая репрезентативная система нуждается в некоем прозрачном примитиве, и это справедливо, в частности, для человеческого самосознания. С другой стороны, обратите внимание, что все, что нужно для обобщенной непрозрачности, - это наличие более ранних стадий обработки для интроспективного внимания, но не перманентно реализуемая форма фактически продолжающегося доступа. Что касается первого класса феноменальных систем, то можно предположить, что многие низшие животные на нашей планете функционируют именно таким образом. Однако автофеноменологические сообщения людей о бескорыстных состояниях второго типа, как правило, не производят особого впечатления на философов, поскольку содержат в себе логическое заблуждение: как можно связно рассказать о бескорыстном состоянии сознания из собственной, автобиографической памяти? Как этот эпизод вообще может быть элементом вашей собственной психической жизни? Такие сообщения порождают перформативное самопротиворечие, поскольку вы отрицаете то, что предполагается тем, что вы делаете в данный момент. (Более банальный пример: "Я, наверное, самый скромный человек, которого я когда-либо встречал").

В любом случае, интересно отметить вторую общую характеристику первой и второй бескорыстных конфигураций: они феноменально невозможны, а потому крайне контринтуитивны. В разделе 2.3 я ввел понятие

феноменальной возможности как свойство всех состояний дел или миров, которые, как условный факт, мы можем сознательно представить или вообразить - всех тех состояний дел или миров, которые могут войти в сознательные мыслительные эксперименты, в когнитивные операции или процессы эксплицитного планирования. Мы также видели, что феноменально возможное всегда соотносится с определенным классом конкретных систем сознания, с их специфическим функциональным профилем и с глубинной репрезентативной структурой, лежащей в основе их специфической формы феноменального опыта. Для таких существ, как мы, цель сознательного моделирования нецентрированной, бескорыстной реальности строго несовместима с нашей репрезентативной архитектурой. Мы не можем по-настоящему представить себе мир, рассматриваемый из ниоткуда, темп Нагель. Когда ранее я просил читателя представить себе полностью непрозрачный ПСМ или обнаружить, что сам являешься персонажем сна, я просил о чем-то невозможном. Дети впервые обнаруживают эту невозможность, когда пытаются представить, каким будет мир после их смерти. Взрослые, конечно, могут феноменально моделировать нецентрированные миры внутри централизованного мира-нуля, но при этом всегда будет присутствовать феноменальное "я", переживаемое как делающее воображение. Вид из ниоткуда всегда является вашим видом - иначе он не мог бы быть элементом вашей автобиографической памяти, о котором вы могли бы позже сообщить. Короче говоря, теория субъективности на основе Я-модели - это теория, которая, даже если она подкреплена весомыми аргументами и эмпирическими данными, всегда будет оставаться контринтуитивной. Даже если вы интеллектуально убеждены в существовании этой теории, она никогда не станет тем, во что вы сможете поверить.

Что значит сказать о психическом состоянии, что оно является субъективным? Возможно ли бессубъектное сознание?

Во-первых, важно отметить, что до сих пор мы говорили только о феноменальной субъективности, то есть о субъективности как феноменально переживаемой. Существует и более тривиальное прочтение субъективности (ранее представленное как "функциональная субъективность"; см. раздел 2.2), сводящееся к тому, что информация была интегрирована в исключительно внутреннюю модель реальности, действующую внутри отдельной системы, и, следовательно, дающую этой конкретной системе своего рода привилегированный интроспективный доступ к этой информации в смысле уникально прямых причинно-следственных связей между этой информацией и аттенционными или когнитивными процессами более высокого порядка, оперирующими с ней. Если эта внутренняя модель реальности удовлетворяет минимальным ограничениям для перспективной феноменальности, то возникают три основные интерпретации "феноменальной субъективности".

Во-первых, я воспринимаю как субъективное все, что является элементом моей сознательной модели мира. Даже если я не переживаю это как психическое, я узнаю (например, через зрительные иллюзии и другие случаи сенсорного искажения), что, строго говоря, мой мир - это только мой мир и что у других может быть другой вид феноменального опыта. Конечно, мой мир-модель остается прозрачным, но благодаря опыту тот факт, что при всей своей достоверности он все же должен быть моделью, становится для меня когнитивно доступным. И это событие меняет мое PSM: теперь я тот, кто сознательно переживает себя как знающего этот самый факт. Это слабая, когнитивно опосредованная форма феноменальной субъективности с точки зрения первого лица. Существует также прямое прочтение этого первого понятия феноменальной субъективности от третьего лица: любая система, обладающая сознательной моделью мира, имеет феноменально субъективные состояния. Обратите внимание,

как когнитивная субъективность возникает из внутренней симуляции именно этого прочтения от третьего лица: Когнитивная субъективность возникает, когда система репрезентативно дистанцируется от своего собственного нулевого мира.

Вторая интерпретация "феноменальной субъективности" более интересна. Любое репрезентативное содержание, которое было интегрировано в PSM, феноменально субъективно. Все, что представлено в ПСМ, является элементом самосознания индивидуальной системы. Теперь оно феноменально принадлежит себе, приобретая дополнительное феноменальное свойство "минности". Феноменальная самость создает интернальность в том смысле, что нечто изображается как принадлежащее в данный момент центру репрезентативного пространства, как свойство этого субъекта. Быть субъективным содержанием, таким образом, означает быть состоянием феноменальной самости, быть органично интегрированным в нее. Однако, чтобы правильно понять только что сказанное, нам нужно понять, как феноменальное "я" может быть представлено не только как "я", но и как субъект - как субъект знания, автономный агент или, если взять самый простой случай, как присутствующее в данный момент "я". Существуют ли нейрофеноменологические конфигурации, в которых феноменальное "я" существует, но нет сознательного субъекта? Возможно ли, чтобы система имела сознательную модель мира и сознательную модель "я", но не имела феноменально субъективных состояний?

Что превращает феноменальное "я" в сознательный субъект, так это тот факт, что оно преходяще интегрируется в еще более всеобъемлющий вид глобально доступной репрезентативной структуры: ПМИР. Феноменальная субъективность в действительно интересном смысле возникает только на этом этапе. Это момент, когда система

переживает себя как направленную на возможный объект знания, цель действия или перцептивный объект. По-настоящему субъективные состояния - это те, которые интегрированы в репрезентацию конкретного отношения, а именно, отношения "я-объект". Я подробно объяснил понятие PMIR в разделе 6.5, и там же, цитируя работу Антонио Дамасио (Damasio 1999, p. 263; краткий пример см. на с. 101 и далее), указал, что акинетический мутизм может быть особенно ограниченным и ярким примером редкой нейрофеноменологической конфигурации, возможность которой предсказывается SMT. Двустороннее переднее повреждение поясной извилины и двустороннее медиально-теменное повреждение приводят к ситуации, которую можно описать как, во-первых, отсутствие ПМИР, а во-вторых, сохранение целостной сознательной модели мира, функционально центрированной феноменальным Я. Полноценный сознательный опыт - феноменальная субъективность в философски интересном смысле - это нечто большее, чем существование сознательного "я", и это гораздо большее, чем просто наличие мира. Он является результатом динамического взаимодействия между этим "я" и миром, расположенным в живом, воплощенном настоящем. В случае с пациентом с акинетическим мутизмом мы, вероятно, имеем ситуацию, в которой есть PSM, но нет PMIR. Пациент бодрствует, но не является субъектом. Он может безучастно смотреть на мир или механически ориентироваться на какой-то визуальный объект, но он никогда не является собой в акте видения. Чтобы представить акт видения, вам нужен PMIR. Пациент феноменально воплощен, но не присутствует, потому что он феноменально не расположен - расположенность как раз и устанавливается посредством непрерывного, динамического построения PMIR. По философским соображениям я представил ПМИР как отдельную теоретическую единицу на феноменологическом, репрезентативном и функциональном уровнях описания (см. главу 6). Поэтому я придерживаюсь эмпирического предсказания, что будет существовать и отдельный

нейронный коррелят. На самом деле кандидаты на необходимые компоненты нейронного коррелята этого специфического типа ПМИР уже обсуждаются (например, поясная извилина, некоторые ядра таламуса и верхняя костная мышца; см. Damasio 1999, p. 260 и далее).

Возвращаясь на уровень философского анализа, я предлагаю рассматривать понятие феноменальной субъективности как именно то, что может отсутствовать в акинетическом мутизме. Я утверждаю, что именно этот вид феноменального содержания - преходящая, динамическая интеграция субъекта и объекта - многие из нас интуитивно считают сутью сознательного опыта. Наиболее интересный смысл феноменальной субъективности - это тот, который вытекает из ограничения б, ограничения перспективности. По-настоящему субъективное репрезентативное содержание - это то, которое является элементом перспективной модели реальности, той, в которой структурно доминирует РМИР.

Опять же, существует альтернативная и более узкая формулировка, позволяющая нам описывать как субъективно сознательные все и только те состояния, которые в данный момент находятся в фокусе опыта. Подлинно сознательным ментальным состоянием тогда будет то, которое в данный момент составляет объектный компонент ПМИР. Рассматриваемое как форма репрезентативного содержания, его субъективность тогда состоит в том, что оно эксплицитно связано с феноменальным "я" - в его вкладе в более полную ментальную структуру, реляционную репрезентацию акта опыта. Например, как показывают эмпирические исследования слепоты изменения (Mask and Rock 1998) для визуального сознания, в визуальной области явно существует аттенциональный РМИР: его объектный компонент - это просто то, что мы переживаем в интегрированном виде. Как только внимание рассеивается, визуальные объекты растворяются обратно в "прото-объектах", а все

информационное содержание теряется. Феномен "слепоты перемен" демонстрирует, как такие системы, как мы, интегрируют только то, что становится визуальным объектным компонентом PMIR, тем самым минимизируя вычислительную нагрузку на наш мозг. С вычислительной точки зрения, нет необходимости держать все объекты представленными одновременно, все, что нужно, - это способность обращаться к идентичности объектов, когда это необходимо. Разумеется, существует и неаттенционное извлечение структуры сцены, поскольку внимание не является центральным шлюзом, через который должна проходить вся сознательная информация; аттенционное узкое место применимо только к когерентным объектам. Внимательное зрение дает нам структуру сцены, которая представляет собой все, что можно увидеть до того, как механизм выбора с ограниченной емкостью попадет на объект. В этом смысле, и согласно третьему возможному прочтению "феноменальной субъективности", преаттентивная структура сцены была бы бессубъектной формой сознательного содержания. Эта третья интерпретация феноменальной субъективности не только следует философской интуиции "субъективности как фокальной репрезентации", но и прекрасно демонстрирует, что значит сказать, что сознательный опыт действительно является градуированным феноменом.

Что значит говорить о целых системах как о "субъектах опыта"?

Опять же, переход от субъективности состояний к субъективности систем довольно прост и понятен. Система субъективно сознательна в той степени, в какой ее ментальные состояния удовлетворяют вышеупомянутым ограничениям. Исходя из второй интерпретации

"феноменальной субъективности", мы можем теперь сказать, что любая система, обладающая виртуальным окном присутствия и единой, глобально интегрированной и прозрачной моделью реальности, но не имеющая PSM и PMIR, не является субъектом опыта. Вообще говоря, чтобы стать настоящим субъектом опыта, необходимо представлять мир в рамках стабильной ПМИР. Однако есть и пограничные случаи, например, неясный сновидец, обладающий крайне нестабильной ПМИР, или пациент, страдающий акинетическим мутизмом. Хотя такой пациент обладает минимальным самосознанием и не имеет перспективной формы опыта от первого лица, я бы потребовал, чтобы все системы - человеческие или нечеловеческие, - принадлежащие к этому феноменологическому классу, рассматривались как подлинные субъекты опыта. Почему?

Понятие "субъект феноменального опыта" имеет большое значение не только для философии разума, но и для этики. Не вдаваясь в технические вопросы, я бы утверждал, что все, что способно к сознательному страданию, должно автоматически рассматриваться как объект морали. Проще говоря, моральный объект - это то, что относится к области вещей, по отношению к которым наши действия должны быть морально оправданными. Назовем это "принципом негативного утилитаризма": Какими бы ни были наши этические обязательства и конкретные ограничения, мы можем и должны согласиться с тем, что, в принципе, общее количество сознательных страданий у всех существ, способных к сознательному страданию, должно быть сведено к минимуму. Это кажется простым принципом солидарности между всеми сознательными существами, которые смертны и способны чувствовать физическую боль или страдать эмоционально, интеллектуально или иным образом. Все, что является феноменальным объектом опыта, должно немедленно рассматриваться как моральный объект. Интересно отметить, как СМТ предсказывает, что многие животные на нашей планете (а также первые искусственные

субъекты опыта, которые могут однажды появиться; см. Metzinger 2001) являются феноменальными субъектами - но еще не моральными субъектами. Они не могут мысленно представлять нормы и в принципе не способны налагать на себя моральные обязательства. Хотя у них нет сознательной перспективы первого лица, хотя у них нет когнитивной, не говоря уже о моральной, перспективы первого лица, их определенно следует рассматривать как моральные объекты. Важно отметить тот простой факт, что все вышесказанное не означает, что они не могут страдать. Возможно, страдания еще более интенсивны у более простых существ, не обладающих умственными способностями, чтобы когнитивно дистанцироваться от своей боли или понять потенциальный смысл, который могут иметь их страдания.

Вспомните пациента с акинетическим мутизмом. Можно утверждать, что он не способен к страданию от первого лица, потому что у него нет феноменальной перспективы от первого лица. Он не может представлять реальность в рамках стабильной ПМИР. Однако он, безусловно, может испытывать физическую боль, которая, например, может возникнуть в его теле. У него есть рудиментарное самосознание. Я бы утверждал, что даже одного феноменального владения достаточно для страдания: Мы должны рассматривать каждую репрезентативную систему, способную активировать PSM, пусть даже рудиментарную, как моральный объект, потому что она в принципе может владеть своим страданием, физическим или иным. Именно феноменальное свойство "минности", феноменальное, неконцептуальное чувство собственности, имеет значение для этических целей. Без феноменальной собственности страдание невозможно. С появлением чувства собственности начинает развиваться способность к осознанному страданию. Мы никогда не причиним сознательного вреда пациенту с акинетическим мутизмом, даже если он не может ни говорить, ни двигаться и даже если все, что мы можем вызвать, - это хорошо известный пустой взгляд. Тот же

принцип должен действовать и для всех других слабосознательных систем, для всех существ, характеризующихся низкой степенью удовлетворения ограничений. В частности, нам следует позаботиться о том, чтобы всегда оставаться на безопасной стороне: Как только появляются доказательства того, что нечто является слабым феноменальным субъектом опыта, как только появляются признаки существования ПСМ, мы должны автоматически рассматривать это как моральный объект. Конечно, еще многое нужно сказать о негативном утилитаризме, его потенциально ограничивающих принципах и о связи между философией разума и этикой в целом. И, конечно же, очевидно, как когнитивная нейронаука сегодня начинает приобретать все большую актуальность для этических вопросов. Как научная дисциплина она обладает огромным потенциалом для того, чтобы в будущем внести чрезвычайно ценный вклад в точное определение объективных показателей существования ПСМ в той или иной нервной системе, в эмпирическое определение критериев включения в класс феноменальных субъектов и тем самым в класс моральных объектов. Но это не место для такого рода исследований.

Что такое феноменальная перспектива первого лица, в отличие, например, от лингвистической, когнитивной или эпистемической перспективы первого лица?

Лингвистическая перспектива первого лица появляется с освоением местоимения первого лица "я". Для возникновения когнитивной перспективы первого лица необходимо не только иметь мысли, которые можно выразить с помощью "я". Необходимо обладать представлением о себе как о мыслителе этих мыслей, как об обладателе субъективной точки зрения. Эпистемическая перспектива первого лица возникает, если модель реальности системы, структурированная через ПМИР, характеризуется

не только феноменальным содержанием, но и обладает интенциональным содержанием. Тогда она описывается как структура, которая не только опосредует сознательный опыт, но и знание. Интересно проследить, как феноменальная перспектива первого лица является необходимым основанием для всех более богатых и сложных форм субъективности, о которых мы только что говорили, и как она в то же время полностью автономна. Любое философское исследование форм субъективности более высокого порядка - будь они опосредованы языковой и когнитивной самореференцией, пропозициональными формами структурированного самопознания или даже социальными взаимодействиями - неизбежно должно опираться на убедительный рассказ о ФПП. Давайте рассмотрим это в четырех кратких шагах.

Во-первых, что такое феноменальная перспектива от первого лица? И что означает, что она автономна? Феноменальная перспектива от первого лица реализуется любой системой, обладающей прозрачной PSM плюс прозрачной PMIR. В частности, каждая система, удовлетворяющая ограничениям 2, 3, 6 и 7, будет иметь феноменальную перспективу от первого лица. С более реалистичной точки зрения, важно отметить, что все кандидаты на феноменально переживаемую перспективность, реально существующие в известной нам части Вселенной, с высокой вероятностью удовлетворяют всем ограничениям, разработанным в главе 3, за исключением ограничения 8 - способности к автономной активации. Конечно, учитывая терминологический аппарат, разработанный в главах 2, 3, 5 и 6, теперь можно предложить множество тонких описаний различных классов феноменов первого лица, различных степеней удовлетворения ограничений - как и сознание в целом, самость или феноменально переживаемая перспективность не является феноменом "все или ничего". То, насколько перспективным является ментальное состояние, зависит от целевой области и от степени удовлетворения ограничений, и любое суждение

является теоретически относительным. Однако я не буду вступать в дискуссию, а остановлюсь лишь на одном аспекте: Эмпирически правдоподобно предположить, что значительное большинство известных нам феноменальных систем будет обладать лишь очень ограниченными ресурсами для осуществления сознательно переживаемых ментальных симуляций и самосимуляций (см. разделы 2.3 и 5.3). Они будут иметь динамические и несколько свернутые феноменальные модели реальности, включая рудиментарную самомодель и простую аттенционную перспективу от первого лица (см. разделы 6.4.3 и 6.5.2). Но, проще говоря, они не будут мыслить мыслями и будут обладать лишь ограниченной способностью к эксплицитной эпизодической памяти и планированию будущего. В частности, многим из них будет не хватать непрозрачного раздела их Я-модели (см. раздел 6.4.2).

Автономность феноменальной перспективы первого лица заключается в том, что она может существовать у нелингвистических существ и что она никоим образом не предполагает сильных когнитивных феноменов первого лица. Полностью прозрачной ФПМП достаточно. Для того чтобы обладать феноменальной перспективой первого лица, не нужно иметь представление о себе как о действующем в ней, ни лингвистическое, ни ментальное. Напротив, все эмпирические показатели убедительно указывают на гипотезу, что абстрактные формы самопрезентации развились из субсимволических (например, пространственных, проприоцептивных, моторных и эмоциональных) форм самопрезентации и что любая концептуальная точка зрения может быть приобретена только через неконцептуальную точку зрения (см. Bermúdez 1998; Metzinger 1993; и главу 7). Чтобы установить то, что я назвал феноменальным присутствием знающего Я в разделе 6.5.2 (см. также тесно связанные понятия "сопоставления Я и объекта" и "Я в акте познания" в работе Антонио и Ханна Дамасио; Damasio and Damasio 1996a, p. 172; 1996b, p. 24 и

далее; Damasio 1999, p. 168 и далее), вполне достаточно, что ПМИР конституируется аттенциональными, то есть субсимволическими, механизмами. Назовем это "субдоксастической субъективностью". Когнитивная обработка и формирование концептов не нужны для активации ПМИР. Аттенциональная субъективность (см. раздел 6.4.3) уже является полноценным феноменом первого лица.

В-третьих, автономия феноменальной перспективы первого лица заключается также в том, что она не предполагает эпистемической перспективы первого лица. Пожалуйста, вспомните, что все это время мы обсуждали только феноменальное содержание. Феноменальное содержание является локальным. Из этого следует, что даже самая высокая и сложная форма феноменального содержания, на которую способны человеческие существа, включая все ее варианты более высокого порядка, возникающие в рефлексивном самосознании и социальном познании, полностью определяется свойствами ее минимально достаточного нейронного коррелята. Изолированные участки мозга в чане могут генерировать ПМИР. Но чего они никогда не смогут породить, так это знания от первого лица. Минимально достаточный нейронный коррелят в чане не мог бы даже знать, какими свойствами обладает текущая ПСМ, поскольку, помимо того, что он вряд ли мог бы считаться эпистемическим субъектом, он не имел бы независимых средств верификации.

Что такое лингвистическая перспектива первого лица? Принцип феноменальной референции", представленный в главе 2, гласит, что человек может сознательно говорить и думать только о тех вещах, которые он также сознательно переживает. Только феноменально представленная информация может стать объектом лингвистической или когнитивной референции, тем самым вступая в

коммуникативные и мыслительные процессы, которые были инициированы добровольно. Важно полностью понять этот принцип. Если вы хотите лингвистически сослаться, скажем, на теорему Гёделя или на друга, живущего на другом конце Земли, вы сможете это сделать только в том случае, если вы каким-то схематичным и рудиментарным образом феноменально смоделировали их. Должно существовать представление о них, глобально доступное для управления речью и когнитивной обработки. Лингвистическая референция функционирует через феноменальную репрезентацию. Говорение во сне, во время легкой анестезии или эпилептического автоматизма - это вообще не лингвистическая референция, потому что это не агенция, это автоматическое моторное поведение, слепо производящее речевой вывод, без того, чтобы этот вывод был добровольно инициирован. Речевой акт всегда предполагает феноменальную перспективу первого лица. То же самое верно и для мысли. Только феноменально представленная информация может стать объектом эксплицитной когнитивной референции, тем самым вступая в дальнейшие мыслительные процессы, которые были добровольно инициированы. Если вы лингвистически обращаетесь к событиям в далеком прошлом или будущем, вы можете сделать это, только представив их сначала в своем собственном виртуальном окне присутствия. Пусть даже очень ненадолго, но они должны стать элементом глобальной рабочей памяти.

Аналогичный принцип действует в отношении лингвистической и когнитивной самореференции. Не только референция *de re*, но и референция *de se* должна быть внутренне смоделирована в процессе ее осуществления. SMT предполагает, что PSM является нейрокомпьютерным инструментом, делающим это возможным. Короче говоря, для более сильных форм субъективности необходима не только референция с точки зрения первого лица, но и способность мысленно "приписывать" себе этот акт

референции, пока он происходит. Однако эмпирически более правдоподобно, что это "приписывание" происходит в динамичной, субсимволической среде и непрерывно, как постоянный ("трансцендентальный") процесс, действующий в фоновом режиме. Мы должны помнить об этом, когда используем понятие "когнитивной самореференции": Мы говорим не о дискретных символах, а о динамической самоорганизации в человеческом мозге. Когнитивная самореференция - это всегда обращение к феноменальному содержанию прозрачной самодеи. Точнее, это вариант феноменального самодеирования второго порядка, которое, однако, опосредовано одним и тем же интегрированным средством репрезентации. Транспортное средство - это не вещь, а процесс. Способность воспринимать себя как себя* заключается в способности активировать динамическую, "гибридную" Я-модель. Феноменально непрозрачные, квазисимволические и второго порядка репрезентации ранее существовавшей феноменально прозрачной Я-модели активируются и непрерывно реимплицируются в ней.

Вспомните обсуждение в разделе 6.4.4. Слабые феномены первого лица - это те, в которых, например, животные могут быть задуманы как действующие в рамках эгоцентрической модели мира, образующей центр их собственной вселенной и источник их собственной перспективы. У таких простых животных нет гибридной Я-модели, потому что они не генерируют непрозрачных состояний, которые они могли бы постоянно реинтегрировать в нее. Используя терминологию Линн Бейкер, мы можем сказать, что все разумные существа являются сознательными субъектами опыта, но не все из них имеют представления о себе от первого лица. По мнению Бейкер, только те, у кого они есть, обладают полным самосознанием в интересном смысле этого слова (Baker 1998, p. 328; см. также примечание 18 в главе 6, p. 396). В соответствии с SMT простые разумные существа использовали бы интегрированную, глобальную и

прозрачную модель мира, функционально центрированную прозрачной Я-моделью, чтобы регулировать свое поведение. В терминологии Бейкера можно сказать, что такие организмы решают проблемы, используя перспективные установки, но еще не обладая концепцией себя как субъекта. Феномены первого лица в более сильном и интересном смысле, однако, характеризуются не только необходимым условием обладания границей "я-мир" и способностью различать первое и третье лицо, но и включают в себя способность обладать этим различием на концептуальном уровне, а также акт его использования в данный момент. В представленной до сих пор терминологии это означает, что существование преаттентивной границы мира "я" и различие между атрибуциями от первого и третьего лица когнитивно доступны в терминах интроспекции^{2/4}. Необходимо не только иметь мысли, которые можно выразить с помощью "я". Необходимо обладать представлением о себе как о мыслителе этих мыслей, как об обладателе субъективной точки зрения. Короче говоря, необходима не только референция с точки зрения первого лица, но и способность мысленно "приписывать" себе этот акт референции, пока он происходит. ПСМ человека позволяет сделать этот важный шаг, обладая одновременно прозрачной и устойчивой непрозрачной перегородкой.

И наконец, мы должны спросить, что такое эпистемическая перспектива от первого лица? Вот мой ответ: Эпистемическая перспективность возникает, если факт правильно представлен в рамках ПМИР. Если некоторое интенциональное содержание интегрировано в РМИР, или, точнее, если оно составляет его объектный компонент, то оно является перспективной формой репрезентативного содержания. Знание от первого лица - это знание в рамках ПМИР. И это, наконец, говорит нам о том, что является причиной основной проблемы в философии сознания - эпистемической асимметрии (Jackson 1982): Если Мэри, которая является одним из последних потомков

платоновских пленников в пещере, наконец покидает свою ахроматическую тюрьму и впервые видит голубое небо и красное яблоко на дереве, она представляет физический факт, уже известный ей ранее. Но теперь, впервые, этот факт интегрирован в объектный компонент ее ПМИР, впервые она представляет этот аспект реальности в прозрачном ПМИР. Она генерирует новую эпистемическую возможность, получая новый способ знания. Новый способ представления - это знание в рамках ПМИР. Тот же самый физический факт - что нейронный коррелят для определенных сознательных цветовых переживаний в настоящее время активен - теперь впервые представлен ей как нечто, на что она направлена, в рамках ПМИР. Более того, он представлен прозрачно: У Мэри нет некогнитивного интроспективного доступа к тому дополнительному факту, что все, что происходит в данный момент, когда она видит голубое небо или красное яблоко, - это репрезентативный процесс. Даже после того, как Мэри покидает свою тюрьму, она все еще остается нейрофеноменологической пещерной женщиной. Она лишь очень дальняя родственница платоновских узников.

Рациональная теория сознания будет иметь две основные объяснительные цели. Во-первых, как можно онтологически редуцировать полномасштабный, перспективный феноменальный опыт? Если существуют принципиальные препятствия, как эти препятствия можно описать настолько точно, чтобы эти описания сами по себе представляли собой рост знания? Во-вторых, как мы можем в то же время дать правдоподобный отчет о том, что он эпистемически нередуцируем (см. Walde 2002)? Концепция РМИР, представленная в разделе 6.5, теперь позволяет нам дать четкий и ясный ответ на второй вопрос. Феноменальное содержание эпистемически нередуцируемо, поскольку в стандартных ситуациях оно интегрировано в глобальную модель реальности, структурированную РМИР. Тот особый и до сих пор несколько загадочный факт, что феноменальный характер сознательных состояний, по-видимому,

представляет собой нередуцируемую форму содержания от первого лица, может быть сведен к тому, что этот характер обычно представлен в рамках ПМИР. И этот способ получения знания о собственном ментальном состоянии, конечно, несводим, скажем, к любой научной процедуре, дающей знание о его нейрофункциональном корреляте. Это другой способ получения знаний - тот, который существовал задолго до появления философии и науки. Напротив, возможно, именно существование стабильного ПМИР сделало возможной когнитивную субъективность (см. выше) и теоретическую интерсубъективность.

Вот и все, что касается первой группы вопросов. Теперь мы сталкиваемся с рядом более общих вопросов, касающихся онтологических, логических или семантических и эпистемологических проблем. Они не являются предметом данного исследования, но, тем не менее, имеют большое значение.

Является ли понятие "субъект" логически примитивным? Должно ли его существование предполагаться априори? С онтологической точки зрения: Принадлежит ли то, что мы обозначаем словом "субъект", к основным составляющим реальности или это теоретическая сущность, которая в принципе может быть устранена в ходе научного прогресса?

Сначала ограничимся двумя понятиями, релевантными для нашего контекста: понятием "субъект опыта" и понятием "феноменальный субъект". Субъект опыта - это любая система, которая имеет феноменальные состояния, удовлетворяющие ограничению 6. Как только система обладает не только минимальным и дифференцированным сознанием (см. раздел 3.2.11), но и структурирует свое глобальное феноменальное состояние с помощью единого, когерентного и темпорально стабильного РМИР (см. раздел 6.5), она становится субъектом опыта. Субъекты опыта - это

системы, представляющие реальность в прозрачном PMIR. Поэтому нет никаких оснований *prima facie* полагать, что они образуют категорию несводимых и онтологически отличных сущностей. Ни на одном уровне описания нет внутреннего гомункулуса: принадлежность к субъекту опыта никогда не является свойством самомодели, но всегда свойством системы в целом. Класс субъектов опыта образуют все системы, удовлетворяющие ограничениям 2, 3, 6 и 7. Это класс функциональных или репрезентативных архитектур. Однако по-настоящему интересный или целевой класс систем, в контексте текущей теории, образуется только максимальной степенью удовлетворения ограничений, как объясняется в разделах 3.2 и 6.2. Для того чтобы иметь ПМИР, необходимо иметь прозрачную самомодель, образующую его предметную составляющую. Поэтому любая система, квалифицируемая как субъект опыта, будет иметь и сознательно переживаемое "я". Но в чем разница между субъектом и самостью? Этот вопрос подводит нас ко второму актуальному понятию.

Феноменальный субъект - это особый вид феноменального "я": репрезентация системы в целом как текущего субъекта опыта, как текущего агента, телесного, аттенционального или когнитивного (см. разделы 6.4.3, 6.4.4 и 6.4.5). Если мы хотим серьезно относиться к феноменологии, нам придется концептуально интегрировать два дополнительных, но важных ограничения: вы можете иметь феноменальную самость, не будучи субъектом опыта, и вы можете быть субъектом опыта, не осознавая этого факта когнитивно. Как объяснялось выше, существует множество ситуаций, в которых прозрачная Я-модель активна, но в данный момент не интегрирована ни с одним объектным компонентом. Это может происходить не только при патологических конфигурациях, таких как акинетический мутизм, но и в некоторых повседневных ситуациях (например, представьте себе состояния полного истощения или прострации, когда вы просто пусто уставились на мир, ничего не видя, не обращая

внимания, не думая и не действуя вообще; или короткие транзиторные фазы пробуждения от глубокого сна). Во-вторых, работа в условиях чисто аттенциональной ПМИР - как это, вероятно, делают многие животные - не включает в себя когнитивную доступность этого факта или сильные феномены первого лица в понимании Линн Бейкер (см. раздел 6.4.4). Вы можете быть субъектом опыта всю свою жизнь и не знать об этом факте. Например, это будет справедливо для всех систем, удовлетворяющих ограничению 6, но не ограничению 8.

Отсюда следует, что понятие "субъект опыта" не является логически примитивным. Во-первых, не существует одного простого набора синтаксических или семантических правил, регулирующих использование этого выражения, но в соответствии с различными степенями удовлетворения ограничений существует множество различных способов использования выражения "субъект опыта". Существуют даже пограничные случаи (вспомним введенное выше понятие "системного сознания"), в которых мы можем представить себе бескорыстных субъектов опыта, а именно все системы, обладающие полностью непрозрачным субъектным компонентом в их РМИР. В частности, когда речь идет о сознании и феноменальной самости, не существует априорных импликаций эмпирической субъективности. Как показывают общие феноменологические наблюдения и примеры из главы 7, сознательные системы, не обладающие интегрированной феноменальной самостью, не только логически возможны, но и существуют в реальном мире. Не каждая сознательная система обладает феноменальной самостью. И системы, обладающие феноменальным "я", не обязательно должны быть субъектами опыта или переживать себя как таковые. Не всякая феноменальная самость является феноменальным субъектом.

Переходя от логических к метафизическим рассуждениям, конечно же, нет необходимости предполагать простую, базовую составляющую реальности, соответствующую любому из наших народно-психологических или народно-философских представлений о феноменальном "я" или субъекте опыта. В мире не существует таких вещей, как "я" или субъекты опыта. Существуют лишь природные системы, работающие в рамках прозрачных ПСМ и ПМИР, причем обе эти репрезентативные структуры имеют множество различных значений и долгую эволюционную историю. Поэтому мы можем значительно упростить онтологический набор исходных предпосылок, необходимых для полноценной научной психологии и когнитивной нейронауки. Все, что существует, - это феноменальные "я", инстанцированные прозрачными "я"-моделями. Для методологических целей нет необходимости в более сильных допущениях. То же самое верно и в отношении субъектов опыта. Мы можем быть разборчивыми, обходясь без предположения о существовании каких-либо базовых, независимых составляющих реальности в этом смысле. Для когнитивной нейронауки сознания и научной психологии в целом все, что существует, - это феноменальные модели отношения интенциональности. Субъективность - это не вещь, а свойство сложных репрезентативных процессов, разворачивающихся в определенных физических системах. В принципе - и можно, конечно, сомневаться, что это будет рационально во всех контекстах - соответствующие теоретические сущности могут быть устранены и заменены понятиями-преемниками на репрезентационистском и функционалистском уровнях описания. Собственно говоря, первые шаги уже сделаны: "субъект опыта" - это сознательная репрезентативная система, удовлетворяющая ограничению 6. Феноменальное "я" определяется репрезентативным содержанием ПСМ. Феноменальный субъект" - это ПСМ, интегрированная в ПМИР.

Разработка более детальной семантики индексального выражения "я" явно выходит за рамки моего подхода. Поэтому позвольте мне лишь очень кратко обрисовать, как мы могли бы прийти к более глубокому пониманию предложений, в которых слово "я" используется в автофеноменологическом самоописании эмпирических свойств (как, например, в "Я чувствую зубную боль прямо сейчас").

Каковы условия истинности для предложений такого типа?

Самоописания феноменальных свойств относятся к осознаваемому в данный момент содержанию Я-модели. Вы можете лингвистически самореферировать только те свойства себя, которые ранее были глобально доступны через сознательную часть вашей Я-модели. ПСМ - это необходимое, но не достаточное условие для самореференции и феноменологических установок *de se*. Множество различных свойств себя - социальных, физических, функциональных - могут быть доступны для самоотчета через сознательную Я-модель. Затем они формируют его репрезентативное или интенциональное содержание. В особом случае аутофеноменологических отчетов об эмпирическом характере определенных аспектов самосознания мы ссылаемся на текущее феноменальное содержание Я-модели. Поскольку Я-модель прозрачна, большинство людей никогда не различают эти две ситуации. Интуитивно большинство из нас, таким образом, рассматривает все виды самореференции как прямую самореференцию, потому что мы обычно переживаем их как таковые. Феноменальная непосредственность, однако, не является референциальной непосредственностью. Конечно, верно, что только переживающий субъект может ссылаться на свои собственные феноменальные состояния как на феноменальные состояния. Но, как мы теперь знаем, ни один вид самореференции никогда не бывает по-настоящему

прямым, поскольку он неизбежно опосредован через Я-модель, поскольку он в решающей степени зависит от субличностной самоорганизации соответствующих механизмов конструирования, которые интроспективно невидимы, то есть прозрачны для нас. Это справедливо и для особого случая самоотносящегося феноменального содержания.

Феноменальное содержание самосознания имеет локальный характер. В каждом отдельном случае оно будет иметь отчетливый нейронный коррелят. Поэтому с позиции третьего лица мы можем, в принципе, оценить истинность аутофеноменологического отчета, проверив существование его минимально достаточного физического коррелята. Что делает аутофеноменологическое высказывание истинным, так это тот факт, что его минимально достаточный коррелят был функционально активен в момент его произнесения. Этот факт может быть известен с помощью самых разных видов причинно-следственных связей (или способов представления). Он может быть известен и сообщен с позиции первого лица через интроспекцию³ и интроспекцию⁴ (см. раздел 2.2), то есть через ПМИР, объектным компонентом которого является ПСМ первого порядка. Она также может быть познана и сообщена с позиции третьего лица, например, с помощью нейронаучных методов исследования. Феноменологические самоотчеты от первого лица особенны тем, что использование "я" происходит в уникальных условиях идентичности произносящего и системы само моделирования (см. следующий вопрос ниже).

Обратите внимание, что интенциональное содержание самосознания не может быть локально супервизорным. Конечно, мы приписываем себе гораздо больше, чем эмпирические свойства, когда используем нашу сознательную Я-модель в качестве основы для публичных

заявлений. Если вы говорите: "Иногда я немного изолирован", то условия истинности для этого утверждения следует искать в вашем социальном окружении. Действительно ли вы таковым являетесь? Это интенциональное содержание опосредовано через вашу ПСМ. Феноменальное содержание того, что вы чувствуете себя немного изолированным, однако, зависит от локальных свойств мозга. Это может быть галлюцинация. Вам нужны независимые средства проверки. Многие проблемы в этой области возникают из-за того, что такие существа, как мы, обычно не могут проводить различия такого рода на уровне самого субъективного опыта. За прозрачной перегородкой нашей самодетели мы интроспективно не можем провести различие между средством и содержанием, между самоощущением и самопознанием. Однако тот простой факт, что вы можете понять эти слова, читая их, свидетельствует о том, что, по крайней мере для человека, ситуация сложнее.

Не оставит ли отказ от субъектного употребления "я" пробел в нашем понимании самих себя?

Теперь мы лучше понимаем конститутивные условия того, что Витгенштейн называл *Subjektgebrauch* ("использование субъекта"): Только истинный субъект опыта, система, обладающая ПСМ и ПМИР, может называть себя субъектом, используя "я". Сознательная система, обладающая только системой-моделью и не инстанцирующая феноменальное "я", то есть система, обладающая "немоцентрической" моделью реальности, содержащей полностью непрозрачную модель самой себя (см. выше и раздел 6.2.6), не могла бы использовать "я" для обозначения себя как субъекта опыта. Причина проста и понятна: такая система не является субъектом опыта. У нее есть модель реальности, функционально центрированная системой-моделью, но не

сознательно переживаемое "я", образующее подлинный центр на уровне феноменального опыта. Тем не менее, мы могли бы легко принять терминологическую конвенцию, обозначающую этот тип системы как феноменально бескорыстный субъект опыта.

Такая система все еще могла бы использовать индексальное выражение "я". Однако она была бы способна только на объектное использование "я", потому что это использование было бы опосредовано только через непрозрачную модель системы - глобально доступную модель системы как объекта, а не через феноменальное "я". Такая система могла бы действительно называть себя "говорящим это предложение", используя "я", ничего не опуская, потому что это был бы именно тот способ, которым она также внутренне представляла бы себя: не через феноменальное "я" как субъект, а как система, генерирующая в данный момент речевой вывод. Легко представить себе машину, удовлетворяющую набору ограничений, описанному выше: искусственную или постбиотическую систему, которая обладает сознанием, но не имеет феноменального "я", а только непрозрачную модель "я". Если бы эта система использовала "я" при общении с нами, то мы были бы вправе рассматривать ее как объект, а не как субъект. Например, она никогда не могла бы по-настоящему страдать, поскольку не могла бы феноменально владеть своими болевыми состояниями (см. выше). В этом контексте следует также отметить, что может иметь значение, моделирует ли нечто себя как объект или относится к себе только как к объекту, или как к живому объекту (см. обсуждение синдрома Котара в разделе 7.2.2). Но на заднем плане стоит более глубокий вопрос: может ли вообще что-то, не имеющее ни ПСМ, ни, тем более, ПМИР, считаться говорящим в предложении.

Вспомните пациента без сознания, который во время длительного эпилептического автоматизма называет себя "я"

(вспомните случай с доктором Z, кратко описанный в главе 6, п. 23). Является ли он субъектом? Конечно, он не является субъектом опыта. Является ли он говорящим? Он, конечно, не обращается к свойствам самого себя, которые впервые были представлены как содержание его глобально доступной (т. е. сознательной) Я-модели. Очевидно, что выяснение того, "отстреливают" ли такие люди сложные моторные паттерны только вслепую, используя свой физический речевой аппарат, или же они действительно извлекают некую бессознательную форму саморепрезентативного содержания, является (открытым) эмпирическим, а не философским вопросом. Поэтому мы вряд ли можем решить только на философских основаниях, может ли такой пациент, тем не менее, быть эпистемическим субъектом, то есть субъектом знания, даже если он не является субъектом опыта. Я думаю, что нет. Однако эти мыслительные эксперименты помогают нам еще больше прояснить, что является стандартным случаем: Вы можете лингвистически сослаться на себя только через свою сознательную Я-модель. Нейрокомпьютерный инструмент должен быть создан до того, как начнет работать лингвистический инструмент.

Речь - это действие. Прежде чем вступать во внешнюю коммуникацию, вам необходим внутренний инструмент, который делает информацию о себе глобально доступной для гибкого управления действиями. Таким инструментом является ПСМ. Как и в большинстве случаев, когда вы обращаетесь к информации, порождающей феноменально прозрачную форму репрезентативного содержания в ПСМ, при использовании "я" вы сознательно переживаете себя не как обращающегося к содержанию, а как к себе, то есть к объекту, который является субъектом. Именно так, или так я предлагаю, внутренне моделируются установки и референция *de se*, иначе мы не смогли бы понять, что мы делаем, используя "я". Во-вторых, во всех стандартных ситуациях феноменальное "я" является репрезентацией чего-то, что, хотя и обладает объективным, физическим телом, по

своей сути является субъектом - существом, которое постоянно ловит себя в акте познания. Таким образом, субъектное использование "я" закреплено в автоматическом, субличностном процессе феноменального моделирования себя (а) как субъекта, то есть как фиксированного источника перспективы от первого лица, и (б) прозрачно.

Не оставит ли устранение субъектного употребления "я" пробел в нашем понимании самих себя? На данный момент существует по крайней мере два релевантных прочтения "понимания": индивидуальное самопонимание и теоретическое самопонимание. Их необходимо различать. Рассмотрим первый случай, в котором индивидуальная система, обладающая PSM, перестала (или даже не начинала) использовать "я" для обозначения себя как субъекта. Предположим, что она сделала это не по идеологическим соображениям, а искренне. Я могу представить себе два класса феноменальных систем, обладающих этой особенностью: просветленные человеческие существа или машины, о которых вкратце говорилось выше.³ Общим для обоих типов систем является то, что они удовлетворяют необходимым ограничениям для того, чтобы быть сознательными, в то время как их самодепик полностью непрозрачна. Они интроспективно осознают свои Я-модели как репрезентативные структуры, поскольку более ранние этапы обработки постоянно доступны им с точки зрения внимания (см. раздел 6.4.3). Феноменальное свойство самости не инстанцируется этими системами. Если они работают в рамках ПМИР, то не обладают сознательно переживаемой перспективой первого лица, а только тем, что я назвал сознательно переживаемой перспективой первого объекта. Их разновидность сознания вполне может быть биологическим сознанием (см. раздел 3.2.11), но это точно не будет феноменологически субъективное сознание.

В этот момент становится очевидным, что да, такие существа действительно будут иметь совершенно иное индивидуальное представление о себе - по крайней мере, по сравнению с обычными людьми, такими как мы с вами. Причина в том, что они жили бы в совершенно ином типе феноменальной реальности, реальности, глубоко контринтуитивной для большинства из нас, реальности, которая кажется нам феноменально невозможной, потому что мы не можем даже представить ее - мы конституционно неспособны запустить соответствующие ментальные симуляции в нашем мозгу (см. раздел 2.3). Если бы мы столкнулись с представителями этого класса систем, то в попытках понять их, несомненно, пришлось бы преодолеть глубокий разрыв. Если бы мы сами стали такими системами, произошел бы столь же драматический сдвиг не только в общей структуре нашей сознательной реальности, но и в нашем понимании самих себя. Целый набор возможных истин (например, о природе нашего "я") стал бы недоступен, потому что таких истин не существовало бы - наше понимание было бы лишь пониманием себя в гораздо более слабом смысле. То же самое было бы верно и в сценарии с машиной. Теперь давайте обратимся ко второму прочтению нашего первоначального вопроса.

Не приведет ли отказ от предметного употребления "я" - скажем, в научных и философских кругах - к пробелам в нашем теоретическом понимании самих себя? Давайте рассмотрим недавний пример. Томас Нагель (1986, р. 58 и далее) знаменито указал, что устранение конкретной мысли от первого лица "Я есть TN" в пользу ее безличных условий истинности оставляет значительный пробел в нашем представлении о мире. Его общая мысль заключается в том, что все факты, делающие такие самореферентные высказывания от первого лица истинными, могут быть выражены высказываниями от третьего лица, но, как утверждает Нагель, они не могут быть ими заменены. Теперь мы гораздо лучше понимаем, как такие высказывания от

третьего лица могут выглядеть на разных уровнях описания (см., в частности, раздел 6.4.4). Например, вместо того чтобы сказать: "Сегодня я чувствую себя очень счастливым", мы (или наша бескорыстная сознательная машина) могли бы сказать что-то вроде: "Эмоциональный слой PSM, активируемый в данный момент мозгом этого организма, находится в состоянии, близком к оптимальному". Если бы это был правдивый аутофеноменологический отчет, мы были бы одной из бескорыстных систем, о которых только что шла речь. Но когда Томас Нагель разработал прекрасное философское видение "Взгляда из ниоткуда", он вовсе не был бескорыстным. Если бы Нагель когда-либо действительно смотрел на мир из ниоткуда, то у него не было бы никаких автобиографических воспоминаний, относящихся к этому эпизоду. А *fortiori* он не смог бы предложить своим читателям неокартезианскую интерпретацию этого феноменального эпизода.

Как известно, неокартезианская интерпретация "Вида из ниоткуда" сталкивается с серьезными аналитическими трудностями.⁴ Еще важнее проанализировать фактическую репрезентативную глубинную структуру "Вида из ниоткуда", поскольку это также поможет нам понять картезианские интуиции, стоящие за многими плохими аргументами, а также то, что именно Нагель открыл для себя и в чем заключается его истинное достижение. Теперь у нас есть концептуальный набор инструментов для этого (вкратце, более подробное обсуждение см. в Metzinger 1993 и 1995c). Нагель просит своих читателей запустить определенную предполагаемую симуляцию (см. раздел 2.3) в сознательном разделе их Я-модели. Затем он предлагает философскую интерпретацию полученной цепочки феноменальных состояний. Я утверждаю, что эта интерпретация феноменологически неубедительна.

То, что Томас Нагель называет объективным "я", является концептуальной реификацией продолжающегося репрезентативного процесса. Этот процесс происходит в рамках перспективно структурированной модели реальности в сознании его читателей, экспериментирующих с "Видом из ниоткуда". Помните ли вы, что, обсуждая ментальные модели в главе 3, мы говорили, что пропозициональные репрезентации - это инструкции для конструкций, потому что они запускают внутренние симуляции? Именно это и происходит с вами при чтении Нагеля: Пропозициональный ввод активирует цепочку феноменальных ментальных моделей в вашем мозгу. В частности, теперь вы моделируете нецентрированную реальность внутри центрированной модели реальности. В случае Нагеля эта нецентрированная "концепция" мира также содержит весь опыт и перспективу Томаса Нагеля:

По сути, я вообще не имею определенной точки зрения, а воспринимаю мир как бесцентровое пространство. Так получилось, что я обычно смотрю на мир с определенной точки обзора, используя глаза, личность и повседневную жизнь ТН как своего рода окно. Но опыт и перспектива ТН, с которыми я непосредственно знакомлюсь, не являются точкой зрения истинного Я, поскольку истинное Я не имеет точки зрения и включает в свою концепцию бесцентрового мира ТН и его перспективу в число содержаний этого мира. (Nagel 1986, p. 61)

Но это неверно: Этот внутренний опыт, текущий Взгляд из Ниоткуда, инициируемый и осуществляемый психологическим субъектом ТН, не содержится в "бесцентровой концепции мира". Последнее феноменальное событие - а именно, предполагаемое изменение перспективы - не содержится в бесцентровой концепции, поскольку это привело бы к бесконечному регрессу. Однако оно совершенно очевидно содержится в автобиографической Я-модели

Нагеля - в противном случае о нем нельзя было бы рассказать. Текущая перспектива не является частью реальности, которую неперспективно видит истинное "я", постулируемое Нагелем. Угроза бесконечного регресса блокируется объектной формацией, введением метафизической сущности: объективного Я.

Вот что происходит на самом деле. Сознательная, само моделирующаяся система внутренне моделирует нецентрированную реальность. Эта симуляция непрозрачна и встроена в текущую PSM: в любой момент вы знаете, что это всего лишь мысленный эксперимент, и знаете, что проводите его в жизнь. Все остальное было бы либо явным дневным сном, либо полноценным мистическим опытом; это, конечно, не та феноменология, которую описывает Нагель. В этой феноменально моделируемой реальности существует модель человека, TN (или вы сами), обогащенная всеми свойствами, которые до этого момента были известны только в рамках PSM как ваши собственные свойства. Эта модель человека образует объектный компонент вашего ПМИР; она является частью всеобъемлющего симуляционного процесса. Таким образом, вы генерируете симуляцию "внутренней перспективы от третьего лица", формируя модель себя, которая не является само моделью, но моделью себя, как если бы вы были даны только через косвенные, внешние источники знания. Это модель человека, одинокого в океанах пространства и времени, "мгновенного всплеска на космическом телеэкране" (Nagel 1986, p. 61).

Этот процесс полностью обратим. На втором этапе вы можете реинтегрировать симулированного человека с прозрачной перегородкой вашего PSM, которая, конечно же, была там все это время. Подобно обезьяне или дельфину, узнающему себя в зеркале, вы обнаруживаете себя во внутреннем зеркале вашей продолжающейся феноменальной симуляции бесцентрового мира, обнаруживая сильный структурный

изоморфизм с одной из персон, содержащихся в этом мире. К этому репрезентативному событию вы можете лингвистически отнестись, восклицая предложения типа "Я - ТН!" в их втором, "философском" прочтении. Но нет никакого гомункулуса, который был на короткое время объединен с трансцендентальным эго (объективным Я Нагеля), а теперь брошен обратно на эмпирический субъект. Это была бы просто наивно-реалистическая интерпретация серии феноменальных репрезентаций. Пещера пуста. Пилота нет. В частности, перспективность никогда не терялась; ограничение 6 постоянно выполнялось. Вид из ниоткуда - это субъективное состояние сознания в смысле, введенном в разделе 3.2.11. Наивный реализм закрадывается в тот момент, когда человек забывает о процессуальности (то есть о событийном характере и целевой природе соответствующих симуляций) и феноменальной непрозрачности (то есть о доступности для внимания репрезентативной природы, характеризующей общий процесс).

Что интересно в трактовке Нагеля, так это идея использования "точки обзора" отдельного человека в качестве своеобразного окна. Феноменальные репрезентации - это такие окна, репрезентации, через которые мы взаимодействуем с миром и с собой. Некоторые из этих репрезентативных структур непрозрачны, но большинство из них прозрачны: они удовлетворяют ограничению 7. ПМИР - это как раз такое окно. Репрезентация реальности (и, в ментальных операциях высшего порядка, самого себя) в рамках РМИР делает вас субъектом опыта. То, что обнаружил Нагель, - захватывающая архитектурная особенность человеческого разума: Мы - существа, которые могут репрезентативно дистанцироваться от самих себя и сделать этот факт глобально доступным через сознательный опыт. В терминологии, предложенной здесь, Нагель пытается описать, что в некоторых особых случаях не только модели мира, но и модели себя могут удовлетворять ограничению 6, ограничению перспективности. Они делают это, интегрируя

PMIR в целом, моделируя отношение интенциональности как внутреннее субъект-субъектное отношение. Конечно, многие философы в прошлом обращали внимание на это свойство, поскольку оно является хорошим кандидатом на репрезентативную особенность, отличающую нас от всех остальных животных на этой планете. Сегодня мы можем гораздо яснее понять эту особенность, описав ее в рамках натуралистической теории ментальных репрезентаций, тем самым подготовившись к действительно объяснительному контакту на уровне наших лучших на сегодняшний день эмпирических теорий разума. Используя наши новые концептуальные инструменты, мы можем описать ее как способность запускать намеренные, непрозрачные эмуляции нашей собственной личности в нашей сознательной Я-модели. Мы - сознательные системы, которые могут внутренне симулировать внешнюю перспективу нашей собственной личности, феноменально являясь субъектом и объектом опыта одновременно. То есть мы можем сгенерировать PMIR с непрозрачной моделью себя в качестве объектного компонента. Вспомним, что PMIR можно метафорически представить как окна. Вид из ниоткуда - это очень специфический тип PMIR, новое окно, через которое такие существа, как мы, могут представлять мир и себя. Все, что видно через это окно, глобально доступно для формирования долгосрочной, автобиографической памяти. Его особая сила заключается в том, что это окно одновременно доступно и нам.

Если даже способность участвовать в "Виде из ниоткуда" является естественным свойством определенных репрезентативных архитектур, то неужели в самоописании феноменальных свойств, будь то простые телесные ощущения вроде щекотки или сложные внутренние события вроде только что описанной самосимуляции, нет ничего особенного? Неужели больше нет ничего особенного? Что является особенным в лингвистической самореференции, так это идентичность самомоделирующей и самореферирующей

системы. Во вселенной существует только одна система, которая может интроспективно (т. е. используя уникальные прямые причинно-следственные связи) получить доступ к текущему содержанию своей самодеи и сделать это при двух условиях - внутренности и одновременного использования обоих инструментов. Возможно, какой-нибудь будущий нейробиолог сможет косвенно считывать содержание вашей феноменальной Я-модели, чтобы прийти к истинным утверждениям о вас. Можно также предположить, что его предсказательная сила при этом окажется сильнее вашей, что он сможет предсказать ваше будущее поведение лучше, чем вы сами, интроспективно считывая вашу Я-модель. Но он никогда не смог бы сделать этого в аспекте интернальности: ваша ПСМ локально зависит от внутренних свойств вашего мозга, и причинно-следственные связи, которые вы используете для доступа к ее содержанию, являются уникально прямыми. Модель нейробиолога и его доступ к себе никогда не смогут достичь этого.

Это первые две определяющие характеристики феноменальной самореференции, которые не могут быть сведены к референции от третьего лица. В-третьих, существует и темпоральное прочтение интернальности. Для каждого из нас верно то, что мы, вероятно, единственное существо во вселенной, которое может одновременно использовать нейрокомпьютерный инструмент (феноменальную самодеи) и лингвистический инструмент (произнесение "я"). В каждом субъективном использовании "я" мы каузально связываем оба инструмента, причем делаем это в чрезвычайно малом временном интервале. "Однородность времени" здесь - слабая форма идентичности, определяемая объемом рабочей памяти и тем, как соответствующая феноменальная система конструирует свое собственное функциональное окно одновременности (см. разделы 2.2 и 3.2.2). Очевидно, что концептуально и номологически возможно, чтобы механизм считывания от

третьего лица работал с той же скоростью, что и процесс от первого лица, на который он нацелен, но технологическая вероятность этого сегодня ничтожно мала (см. Virnbacher 1995). А вот что кажется совершенно невозможным, так это установление причинно-следственных связей с само моделью сознательного человека, более прямых, чем его интроспективные способности. Причинная близость максимальна, поскольку интроспекция сама является частью непрерывного процесса само моделирования. В основе этого лежит физическая идентичность само моделирующей и саморефлектирующей системы: субъект опыта и говорящий - это одна и та же система. Назовем это "принципом двукратной интернальности". Этот принцип, регулирующий использование субъектом "я", конечно, не является метафизической загадкой, но он ставит каждого сознательного субъекта, способного говорить на языке, в уникальное положение. Но является ли эта позиция эпистемологически уникальной в том смысле, что в конечном счете она дает нам неснижаемое эпистемологическое превосходство или автономию?

Является ли субъективность эпистемическим отношением? Обладают ли феноменальные состояния истинностными значениями? Предоставляют ли сознание, феноменальное "я" и перспектива первого лица особый вид информации или знания, которые нельзя получить никакими другими способами?

Опять же, ограничим рамки нашего обсуждения феноменальной субъективностью, о которой говорилось выше. PMIR как таковой - это не эпистемическое отношение, а процесс сознательного моделирования такого отношения. Этот процесс может происходить в мозге в чане. Все объекты (или субъекты), увиденные через это репрезентативное окно, в любой момент могут оказаться галлюцинациями. Поэтому любые претензии на знание - то есть на дополнительное

эпистемическое или интенциональное содержание, сопутствующее феноменальному содержанию, - нуждаются в независимом обосновании. Феноменальный опыт - это то, как мир представляется вам, и как таковой он есть не что иное. В частности, напомним, что более сильные версии феноменальности, скорее всего, будут удовлетворять ограничению 11. Все формы сознания, феноменальной самости и субъективности, с которыми мы до сих пор сталкивались, были биологическими формами сознания, удовлетворяющими ограничению адаптивности. Это означает, что нейронные механизмы, обеспечивающие это содержание, были оптимизированы в течение миллионов лет биологической эволюции на этой планете. Они были оптимизированы в направлении функциональной адекватности. Функциональная адекватность, однако, не то же самое, что эпистемическое обоснование. Некоторые глубоко укоренившиеся иллюзии, например "вера в себя", могут быть биологически выгодными. Также легко понять, что феноменальный опыт знания чего-либо сам по себе будет выгоден во многих ситуациях. Он делает глобально доступным тот факт, что вы, вероятно, обладаете информацией. Однако во многих ситуациях, конечно, функционально оптимальным будет действовать так, как будто вы обладаете информацией - даже если это не так. То же самое, конечно, верно и для опыта осознания того, что вы что-то знаете. Приведем пример: в биологических и социальных контекстах часто выгодно обманывать других особей, например, притворяться мертвым или делать вид, что не замечаешь присутствия определенного желаемого объекта, скажем, фрукта или привлекательного самца. Стратегии обмана будут наиболее надежными, если они включают в себя самообман, то есть адекватную и подходящую ПСМ. Благодаря прозрачности Я-модели, коррелирующий феноменальный опыт будет уверенностью, знанием того, что вы знаете. Как показывают многие примеры из главы 7, незаметное и не бросающееся в глаза феноменальное искажение может произойти в любой

момент. Это особенно верно для форм репрезентации высшего порядка или самонаправленных форм (Neander 1998). Важно понять, как такие состояния не будут являться случаями самопознания, но могут удовлетворять ограничению 11. Если, кроме того, верна моя спекулятивная гипотеза, что эмоциональная Я-модель также функционирует для внутреннего представления степени эволюционного оптимума, достигнутого в настоящее время, то из этого следует, что определенные классы бредовых состояний будут даже эмоционально привлекательными для таких существ, как мы.

Истинностные значения - это то, что предсказывается предложениям. Пропозиции - это возможные истины; предложения, выражающие такие пропозиции, обладают истинностными значениями. Наши лучшие современные теории о репрезентативной архитектуре, лежащей в основе феноменального опыта, не предполагают композиционности или пропозициональной модульности (Ramsey et al. 1991). Мозг, конечно, не является средой, выполняющей основанные на правилах операции над синтаксически заданными символами. Иногда он может имитировать такие операции, но, тем не менее, основополагающими законами и закономерностями будут физические законы динамической самоорганизации. Поэтому в настоящее время нерационально предполагать, что феноменальные состояния как таковые обладают истинностными значениями. Однако, как уже подробно обсуждалось выше, особый вид глобально доступного само моделирования, безусловно, может быть центрально значимым необходимым условием для овладения языком. В частности, учитывая наши репрезентационистские предположения, трудно понять, как виртуальные органы, которые сегодня мы называем "состояниями сознания", могли бы распространяться и сохранять свое существование в определенных типах нервных систем и популяциях биологических систем, если бы они в подавляющем большинстве случаев не извлекали

информацию из окружающей среды правильно и надежно. Трудно объяснить масштабную надежность, не предполагая наличия знаний.

Означает ли неисправимость, связанная с самоописанием психологических свойств, их непогрешимость?

Воспользуемся определением неисправимости Ричарда Рорти (1970), которое означает, что, если некий субъект S верит в p в момент t , в данный момент времени не существует общепринятых процедур, которые позволили бы нам рационально прийти к убеждению, что $\text{not-}p$. В настоящее время мы живем в такой момент времени. Если вы ссылаетесь на содержание вашей феноменальной Я-модели, то, как правило, нет способа, с помощью которого нейробиолог мог бы продемонстрировать, что вы делаете это ложно. Возьмем p как ссылку на содержание вашего собственного феноменального самосознания. Ваши p -отчеты об этом содержании не могут быть исправлены. Однако важно отметить, что свойство неисправимости в этом смысле является исторической сущностью. Поскольку феноменальное содержание вашей самомодели является локально супервизорным и поскольку можно обнаружить строгие, специфические для данной области и подобные законам закономерности, связывающие его с минимально достаточным нейронным коррелятом, будущие нейробиологи смогут предсказать это содержание, глядя на его нейронный аппарат. Инкорригируемость - это свойство, которое p -отчеты могут потерять.

В некоторых случаях p -отчеты уже утратили это свойство. Вспомните пример синдрома Антона, отрицания слепоты, который мы обсуждали в главах 4 (раздел 4.2.3) и 7 (раздел 7.2.1). Из всего, что мы сегодня знаем о массивных кровоизлияниях в затылочных долях, весьма правдоподобный вывод о наилучшем объяснении у этих

пациентов приводит нас к заключению, что у них нет никакой формы феноменального визуального содержания, которая могла бы удовлетворить ограничению 2. Сегодня мы, безусловно, в состоянии исправить конфабуляции пациента, страдающего синдромом Антона. Существуют общепринятые процедуры, которые позволяют нам рационально прийти к убеждению, что у пациента нет (и, к сожалению, никогда больше не будет) феноменального зрения - то есть того самого не-зрения. Развитие клинической нейропсихологии дало нам множество примеров ситуаций, в которых испытуемые действительно оказывались ошибочными в плане своих феноменальных убеждений *de se* (прекрасное недавнее обсуждение см. в статье Coltheart and Davies 2000). Психические расстройства, такие как синдром Котара, демонстрируют еще более драматичные возможности, такие как, например, отрицание существования (см. раздел 7.2.2). Поскольку сегодня существует множество независимых причин, демонстрирующих ошибочность интроспективной аутофеноменологии, невозможно рационально сделать вывод от неисправимости к непогрешимости.

Существуют ли какие-либо неустраняемые факты, касающиеся субъективности ментальных состояний, которые могут быть постигнуты только в феноменальной перспективе первого лица или выражены только в первом лице единственного числа?

Как мы уже видели при кратком обсуждении аргументации Томаса Нагеля, субъективность - это репрезентативный феномен. Факты всегда остаются фактами при определенном типе репрезентации или способе представления. Например, вы можете знать о мире (и о себе) в рамках теоретической репрезентации, а можете знать о мире (и о себе) в рамках феноменальной репрезентации. В частности, вы можете знать о мире и о себе в рамках феноменальной репрезентации, которая удовлетворяет ограничению 6,

ограничению перспективности (см. раздел 3.2.6). В этом случае получаемое вами знание является феноменально субъективным знанием. Необъективны не сами репрезентируемые факты; феноменально субъективным является то, как они отображаются индивидуальным сознательным мозгом. Учитывая концепцию РМIR, подробно рассмотренную выше, мы теперь гораздо яснее понимаем, что это может означать с точки зрения необходимой репрезентативной и функциональной архитектуры.

Прозрачная Я-модель и ПМИР позволяют нам представлять мир (и себя) в уникальной манере, включающей уникальные прямые причинно-следственные связи. Они также позволяют нам лингвистически самореферировать, используя "я" и текущее содержание нашей ПСМ в качестве носителя информации в функционально привилегированной манере. Ни одна другая система не может достичь идентичности говорящей и внутренне само моделирующейся системы так, как это делаем мы. Таким образом, наша сознательно пережитая и лингвистически или когнитивно расширенная перспектива первого лица - это действительно индивидуальная перспектива первого лица. Наша феноменальная модель реальности - это индивидуальная картина. Однако все функциональные и репрезентативные факты, составляющие эту необычную ситуацию, могут быть описаны объективно и открыты для научного исследования. Сознание эпистемически несводимо, но эта несводимость теперь демистифицирована, поскольку мы лучше понимаем, как эпистемическая субъективность коренится в феноменальной субъективности. Чтобы обладать субъективным знанием, вам нужно успешно представлять реальность (и себя) в рамках сознательной модели мира, которая удовлетворяет ограничению 6.

Можно ли вывести из субъективности психического тезис о том, что научное мировоззрение в принципе должно

оставаться неполным? Можно ли натурализовать субъективность во всем ее содержании?

Во-первых, давайте снова ограничимся феноменальной субъективностью. Как мы убедились в ходе работы над этой книгой, никаких принципиальных препятствий для исчерпывающего репрезентационистского анализа сознания, самости и перспективности не существует. Это не означает, что в будущем мы не сможем обнаружить такие препятствия или в конечном итоге вообще обойтись без репрезентационистского уровня описания. Пока же можно утверждать, что все феноменальные факты являются репрезентативными фактами и что феноменальная субъективность - это репрезентативный феномен во всей своей полноте. Сознательно переживаемая перспектива от первого лица - это просто одна из бесконечно большого числа возможностей, в которых репрезентативная система может изображать реальность.

Во-вторых, конечно, неясно, что такое субъективность в ее полном содержании. Я вижу два основных расширения максимальной релевантности, которые в этой книге были затронуты лишь вскользь: интенциональная субъективность и интересубъективность. Интенциональная субъективность - это то, что не зависит локально от свойств мозга. Это вопрос самопознания и вопрос самопереживания. Наша бессознательная "Я-модель" включает в себя огромное количество информации о нашем физическом теле и его отношениях с окружающей средой. Отчасти эта информация была получена миллионами поколений наших биологических предков. Как форма бессознательного, неконцептуального, структурно воплощенного самопознания, то есть как интенциональное содержание, она удовлетворяет ограничению адаптивности. Затем возникает широкое разнообразие возникающих состояний саморепрезентации, например, когда мы думаем о себе. Это

самонаправленное интенциональное или репрезентативное содержание чем-то отличается от феноменального характера, которым оно может сопровождаться или не сопровождаться. Возможно, у человека даже может быть слабая, пассивная версия бессознательных мыслей о себе, например, во время фаз не-римского (NREM) сна. Сновидения и REM-сон коррелируют не полностью, поскольку до 30 % пробуждений REM не вызывают сообщений о сновидениях, тогда как до 10 % пробуждений NREM приводят к сообщениям о сложных формах ментальности, которые, что интересно, имеют более когнитивный тип содержания, чем обычные феноменальные сны, которые многие из нас вспоминают утром (подробности и ссылки см. в Nielsen 2000; см. также Solms 2000). Поэтому любая более общая и всеобъемлющая теория субъективности должна будет учитывать и такие нефеноменальные типы ментального содержания. Они выходят за рамки данной работы, но станут важной частью более полного понимания разума и субъективности.

Во-вторых, история сознания не остановилась на ПМИР. Она уже сделала шаг от феноменальной перспективы первого лица ко всем остальным формам сознательного опыта, из которых в конечном итоге возникает наша богатая социальная реальность: феноменальный опыт "ты", "он/она/это", феноменальное осознание "нас", "вас" и "их". В этой книге я сосредоточился только на ПСМ и ПМИР, потому что вижу в них решающее звено между личностными и субличностными истинами о человеческом разуме, и потому что считаю, что именно они могли стать решающим шагом на пути от биологической к культурной эволюции. Но субъективность в своем полном содержании, конечно, должна будет включать не только субъект-объектные, но и субъект-субъектные отношения. Она также должна будет включать в себя субъектно-групповые отношения. Приведем лишь два примера: Феноменальная (и интенциональная) репрезентация будет включать не только "минность" и право собственности. Будут также "мы" и "они"; будет ментальная

репрезентация первого и третьего лица множественного числа. Понятие сознательно переживаемой перспективы должно быть значительно расширено, если мы хотим отразить столь важные факты. Феноменальная перспектива от первого лица теперь выглядит как функциональная или репрезентативная основа сознательных перспектив от первого и третьего лица во множественном числе. Очевидно, что сегодня мы еще очень далеки от того, чтобы предоставить что-либо в виде эмпирически обоснованного, строгого и концептуально убедительного анализа видов ментальных репрезентаций, вовлеченных во все эти целевые феномены. Поэтому лучше быть скромнее, начать с самого начала и попытаться сначала понять феноменальную субъективность.

Существует ли что-то подобное "данным от первого лица"? Могут ли интроспективные отчеты конкурировать с утверждениями, вытекающими из научных теорий разума?

Популярное понятие "данные от первого лица" - это метафора, как и понятие "перспектива от первого лица". В обоих случаях неопределенное, но интуитивно привлекательное значение возникает в результате объединения двух понятий-предшественников, происходящих из совершенно разных областей. В последнем случае мы объединяем семантический элемент теории грамматики (то есть связанный с языковыми описаниями определенных свойств в первом лице единственного числа) с семантическим элементом, относящимся к феноменологии визуального опыта, в частности к его геометрии (условно говоря, наша визуальная модель мира сосредоточена вокруг точки зрения: далекие объекты кажутся меньше близких, параллельные линии сходятся у горизонта и т. д.). В первом случае мы объединяем тот же семантический элемент с понятием, заимствованным из теории науки. При этом мы вводим понятие "данные" в расширенное употребление, которое, к сожалению, рискует оказаться пустым. Во-первых,

данные - это то, что извлекается из физического мира с помощью технических измерительных устройств, таких как телескопы, электроды или функциональные МРТ-сканеры. Существует четко определенная и общедоступная процедура, которая, конечно, имеет свои ограничения, но может быть и постоянно совершенствуется. Во-вторых, генерирование данных неизбежно происходит среди групп людей, то есть в рамках научных сообществ, открытых для критики и постоянно ищущих независимые средства проверки. Генерация данных - это, по необходимости, интерсубъективный процесс. Доступ первого лица к феноменальному содержанию собственных ментальных состояний не отвечает этим определяющим критериям понятия "данные". Поэтому мой неполиткорректный вывод заключается в том, что данных от первого лица не существует.

Разумеется, максимизация феноменологического правдоподобия является наивысшим приоритетом для любой теории сознания, феноменального "я" и перспективы первого лица. В этой книге я попытался разработать альтернативную стратегию, а именно: максимизировать степень удовлетворения феноменологических ограничений. Как читатель может помнить, феноменологические ограничения всегда были первыми ограничениями, с которых я начинал (единственные исключения см. в разделах 3.2.11 и 6.2.8). Преимущество этой несколько более слабой процедуры заключается в том, что вы получаете всю эвристическую мощь описаний от первого лица, не прибегая к наивно-реалистическим предположениям и не оговаривая таинственные, непубличные объекты. В частности, вы можете определить сети ограничений, которые можно постоянно уточнять на более низких уровнях описания, в то же время позволяя искать непротиворечивые решения, характерные для конкретной области. Вы можете серьезно относиться к феноменологии, не сталкиваясь со всеми ее традиционными проблемами.

Эпистемологическая проблема феноменологического подхода к "генерации данных" от первого лица заключается в том, что если в двух индивидуальных "наборах данных" возникают противоречия, то нет способа разрешить конфликт. В частности, феноменологический метод не может обеспечить способ дальнейшего роста знания в таких ситуациях. Прогресс заканчивается. Это третья отличительная черта научного подхода к реальности: существуют процедуры, позволяющие разрешить конфликт, возникающий из-за противоречивых гипотез.

Эпистемический прогресс продолжается. Иначе обстоит дело в тех случаях, когда два субъекта эксперимента приходят к противоречивым утверждениям типа "Это самый чистый синий цвет, который только можно представить!" против "Нет, это не так, в нем есть слабый, но осязаемый след зеленого!" или "Этот сознательный опыт ревности показывает мне, как сильно я люблю своего мужа!" против "Нет, это эмоциональное состояние вовсе не любовь, это невротический, буржуазный страх потери!". Преимущество подхода, основанного на удовлетворении ограничений, заключается в том, что мы можем превратить такие открытия в новые и дифференцированные ограничения. Любая хорошая теория сознания теперь должна объяснить, как возможны такие правдивые, но противоречивые автофеноменологические отчеты, и в каких случаях они возникают по необходимости. Несовпадения в отчетах ведут к прогрессу, дифференцируя ландшафт ограничений.

Могут ли интроспективные отчеты конкурировать с утверждениями, вытекающими из научных теорий разума? Да, могут, и должны. Но, пожалуйста, обратите внимание, что любая такая конкуренция относительна к нашим интересам: За что конкурируют эти утверждения? Если наша согласованная цель - предсказательная сила, то, конечно, можно приписать такую силу автофеноменологическим утверждениям от первого лица вроде: "Я всегда смогу отличить свой чистый синий от вашего чистого синего!" или:

"Вы никогда не сможете сознательно пережить цветной участок, который одновременно демонстрирует красное и зеленое презентационное содержание, полностью удовлетворяя ограничению 10, ограничению однородности!" Такие утверждения - это всегда утверждения о публично наблюдаемом будущем поведении. Они делают предсказания. В первом случае победителем может оказаться эмпирический субъект; во втором случае наука может сделать лучшие предсказания (Crane and Piantanida 1983). На данный момент предсказания собственного будущего поведения от первого лица, которые неизменно основаны на интроспективном доступе к содержанию своего PSM, гораздо лучше и надежнее, чем предсказания от третьего лица. Эта ситуация может измениться, если мы узнаем больше о потенциальных расхождениях или диссоциациях между феноменальным и функциональным, побуждающим к поведению слоями в Я-модели человека или об эволюционных преимуществах самообмана. Что не изменится, так это остающийся и более глубокий философский вопрос. Это вопрос о том, за что, собственно, могут конкурировать интроспективные отчеты и утверждения, вытекающие из научных теорий разума.

Однако истинным фокусом данного предложения является феноменальное содержание, то, как определенные репрезентативные состояния ощущаются с точки зрения первого лица. Помогает ли это пролить новый свет на исторические корни некоторых философских интуиций, таких как, например, картезианская интуиция, что я всегда мог быть кем-то другим; или что мое собственное сознание обязательно образует единое целое; или что феноменальный опыт действительно приводит нас в прямой и непосредственный контакт с собой и окружающим нас миром? Философские проблемы часто могут быть решены путем концептуального анализа или преобразования их в более дифференцированные версии. Иногда эти новые версии могут быть переданы науке. Возможно, проблему

сознания можно натурализовать, преобразовав ее в эмпирически поддающуюся решению версию. Однако дополнительная, вспомогательная и не менее интересная стратегия заключается в попытке раскрыть интроспективные корни. Внимательное изучение этих корней может помочь нам понять интуитивную силу, стоящую за многими плохими аргументами, силу, которая обычно выживает после их опровержения. Поэтому я дополню свое рассуждение более подробным рассмотрением генетических условий некоторых интроспективных уверенностей. Но сначала давайте рассмотрим эмпирическое содержание.

Что такое "феноменальное содержание" ментальных состояний, в отличие от их репрезентативного или "интенционального содержания"? Существуют ли примеры психики, демонстрирующей одно без другого? Существуют ли двойные диссоциации?

Репрезентативное или интенциональное содержание ментального состояния - это то, на что это состояние направлено. Важно, что это реляционное и абстрактное свойство, а не внутреннее свойство физического состояния, несущего содержание, и что это верно и для саморепрезентативного интенционального (или, в традиционном понимании, "рефлексивного") содержания. Я-модель получает свое интенциональное содержание, будучи направленной на систему в целом, на систему, внутри которой она активируется. У нее есть единственный интенциональный объект. То же самое верно и для того, что я назвал РМIR, феноменальной модели самого отношения интенциональности. Если рассматривать ее исключительно как репрезентативную структуру, то она направлена на определенные классы субъектно-объектных отношений. Она направлена на то, что система в данный момент обращает внимание на определенный визуальный объект, или думает о чем-то конкретном, или является агентом, преследующим

определенное состояние цели, или в процессе коммуникации пытается понять мысли другого человека. Вторым важным моментом заключается в том, что все, что имеет интенциональное содержание, может исказить как внешний мир, так и саму репрезентативную систему. Например, оно может исказить тот факт, что на самом деле преследует определенное состояние цели.

Затем существует феноменальное содержание. Это особая форма интенционального содержания, а именно, удовлетворяющая ограничениям, разработанным в главах 3 и 6. Важно, что теперь существует множество различных степеней феноменальности: интенциональное содержание может быть более или менее осознанным. Наш новый концептуальный инструментарий позволяет нам описывать очень много уровней субъективного опыта, тем самым обеспечивая справедливость для различных областей и большого числа феноменологических ограничений. Феноменальные состояния и события являются надлежащим подмножеством интенциональных состояний и событий. Для данного мыслящего существа и данного момента времени это подмножество может быть пустым. Чтобы привести еще один наглядный пример, подумайте о случае ментальности во время NREM-сна, о котором уже упоминалось выше. Бессознательное мышление, происходящее в NREM-фазе ночного сна, безусловно, является репрезентативной активностью, может быть и дезинпрезентативной, но оно не является глобально доступным для контроля действий, внимания или селективного метапознания (собственно говоря, об этом свидетельствуют персеверативные характеристики). Квалиа Раффмана и квалиа Метцингера (см. раздел 2.4.4) - еще один пример интенционального содержания, которое является лишь слабо осознаваемым, поскольку удовлетворяет ограничению глобальности только для внимания, но не для познания, а в последнем случае даже не для контроля действий.

Эти формы презентационного содержания намеренны, потому что, несмотря на невозможность простого или систематического сопоставления один к одному с каким-либо физическим свойством, они, в смысле древней, приблизительной и ненадежной телеологической функции, направлены на определенные свойства определенных объектов, в экологической нише определенных животных. Как мы видели в разделе 3.2.11, эти свойства не обязательно должны быть поверхностными, это могут быть скрытые физические свойства, например тот факт, что определенные виды молодых листьев более богаты белком (Dominy and Lucas 2001). Как они проявляются у нас, спустя миллионы лет после того, как они приобрели эту первую функцию у наших далеких предков, - это уже другой вопрос. Обратите внимание, что то же самое можно сказать и о самомоделировании. Большая часть его может быть бессознательной или слабо осознанной. Многие из этого было приобретено миллионы лет назад нашими далекими предками. И значительная часть человеческой самомодели изначально могла быть направлена на целевые свойства, которые были свойствами наших предков, но уже не являются нашими свойствами. Самовосприятие часто может соответствовать не самому внутреннему стимулу, а древнему внутреннему контексту, вероятностному распределению его возможных источников миллионы лет назад. В частности, эмпирически правдоподобно предположение, что большая часть самомоделирования, которое каузально управляет нашим поведением, на самом деле происходит бессознательно. Это предположение распространяется на широкий спектр случаев, от внутренней эмуляции быстрого, направленного на достижение цели движения (см., например, раздел 7.2.3) до социального познания (см. раздел 6.3.3). Феноменальная Я-модель - это только та часть ментальной Я-модели, которая удовлетворяет определенному подмножеству пунктов нашего гибкого каталога ограничений. Для ПМИР ситуация сложнее: правдоподобно ли предположить, что бессознательное

моделирование интенциональной направленности также имеет место? Существует ли не-феноменальный МИР, или перспективность действительно является отличительной чертой сознательного опыта и только сознательного опыта? Интересно, что теперь у нас есть уточненная версия исходного тезиса Brentano ([1874] 1973). К счастью, как был бы рад услышать Brentano, этот вопрос теперь может быть решен эмпирическими исследованиями, а не философскими спекуляциями.

Двойной диссоциации не существует. Безусловно, существует бессознательное интенциональное содержание. Очень много. Но в экологически обоснованных стандартных ситуациях нет ни одного сознательного состояния, которое не было бы в той или иной степени репрезентативным состоянием (нестандартная ситуация - абстрактные геометрические галлюцинации, обсуждавшиеся в главе 4; см. также рисунок 4.1 для одного прекрасного примера чисто феноменального содержания). До тех пор, пока мы вообще выбираем репрезентативный уровень анализа - а это может измениться, - не существует примера феноменального содержания, которое не было бы также направлено на некоторый целевой объект, свойство или отношение. Обратите внимание, что это не означает, что эмпирический субъект должен иметь хоть малейшее представление о том, чем на самом деле является интенциональный объект его или ее опыта. Во многих случаях, например, при переживании диффузных чувств и эмоций (таких как ревность), исходный интенциональный объект может находиться за миллионы лет от нас. Возможно, его больше не существует. Первоначальный репрезентант может быть чем-то, что существовало только в мире наших далеких предков. В частности, как мы узнали из обсуждения ограничения прозрачности, мать-природа до недавнего времени не заботилась о том, чтобы дать кому-то из нас понять или испытать тот факт, что вообще существует что-то вроде интенциональности. Только недавно мы смогли обнаружить и представить тот факт, что у нас действительно

есть разум. Возможно, PMIR - это наша первая попытка сделать этот факт доступным для самих себя.

Обратите также внимание на то, что феноменальное состояние может быть лишь слабо репрезентативным. Согласно некоторым теориям ментальной репрезентации, например, тем, которые описывают степень статистической зависимости (см. Eliasmith 2000) или ковариации, один и тот же тип феноменального состояния может удовлетворять определенным ограничениям интенциональности (например, точности) в разной степени в разных случаях. Он может быть более или менее репрезентативным. Но даже если это чистая видимость, искажение во всей своей полноте, оно все равно имеет интенциональный объект: оно на что-то направлено. Интересный вопрос заключается в том, состоит ли в таких случаях его направленность в чем-то большем, чем тот факт, что оно интегрировано в PMIR. Однако, поскольку я не ставил перед собой задачу предложить общую теорию ментальных репрезентаций, этот вопрос явно выходит за рамки данного исследования.

Как возникают картезианские интуиции, такие как интуиция случайности, интуиция неделимости и интуиция непосредственной данности?

Степень интуитивного правдоподобия данной теории вытекает из степени феноменальной возможности, связанной с ней (см. раздел 2.3). Теории описывают миры. Сознательный опыт моделирует миры. Такие существа, как мы, воспринимают как интуитивно правдоподобные все те теории, которые описывают миры, которые могут быть феноменально смоделированы нами. Эти миры воспринимаются нами как возможный феноменальный опыт, который мы можем иметь - потому что мы можем внутренне моделировать его. Таким образом, понятие возможности всегда соотносится с определенным классом

конкретных репрезентативных систем, каждая из которых обладает специфическим функциональным профилем и особой репрезентативной архитектурой. Человеческие существа могут различаться и различаются в том, что они могут представить, в том, какие классы миров они могут сознательно моделировать, и в том, что они считают интуитивно правдоподобным. Мы не можем представить себе тринадцатимерную тень четырнадцатимерного куба или континуум пространства-времени, потому что зрительная кора наших предков никогда не сталкивалась с объектами такого типа и потому что глобальная модель реальности мозга, основанная на трех пространственных измерениях и одном отдельном, однонаправленном временном измерении, была достаточной для выживания в том, что было нашей биологической средой.

Более того, интуиция меняется на протяжении всей жизни: Даже в пределах одного индивида внутренний ландшафт, характеризующий пространство возможностей, может претерпевать значительные изменения. Важно также отметить, что механизмы генерации и оценки репрезентативной согласованности, используемые такими системами, оптимизированы с учетом их биологической или социальной функциональности и не должны подчиняться классическим критериям адекватности, рациональности или эпистемической оправданности в узком смысле философской эпистемологии. Вкратце, в нашем случае множество феноменально возможных миров напрямую связано с множеством номологически возможных миров, но лишь косвенно с множествами логически и метафизически возможных миров.

Интуиция случайности - это интуиция мысли "Я всегда мог быть кем-то совершенно другим!". Сторонники эссенциалистских теорий субъективности традиционно руководствуются этой интуицией, прекрасной - и, безусловно,

эмоционально привлекательной - идеей о том, что в себе должно быть нечто, не имеющее отношения ни к одному из моих постоянно меняющихся, объективных и наблюдаемых свойств. Как субъект я просто не могу быть идентичен своему физическому телу или какому-либо из его более сложных и абстрактных свойств - по крайней мере, эта идентичность не является необходимой. Она может быть нарушена. Я не буду вдаваться в долгую историю этой философской интуиции, поскольку уже представил один недавний пример в этой главе. Если Томас Нагель (1986, с. 61) говорит: "По существу [выделено мной] у меня вообще нет никакой определенной точки зрения...", то мы имеем именно такую ситуацию: Существует сущность, объективное "я", которое лишь контингентно объединено с историей некоего физического лица по имени Т. Н. и его индивидуальной перспективой. Однако, как мы видели выше, феноменология "Взгляда из ниоткуда" - это феноменология, в которой изначальный РМIR никогда не теряется, а его концептуальная интерпретация несовершенна. То, что описывает Нагель, - это не мистический опыт - Великий вид из ниоткуда, - а обычный мыслительный эксперимент.

Неоспоримым фактом является то, что каждый из нас может представить себе, что обладал совершенно иным набором общественных и феноменологических свойств, скажем, свойств Иммануила Канта. Однако при этом мы лишь открываем некий новый раздел нашего феноменального пространства и активируем фиктивный self-simulatum, более или менее полно представляющий нас как обладателей тех свойств Иммануила Канта, которые известны нам в данный момент. Мы создаем когнитивную перспективу от первого лица (см. раздел 6.5.2), ПМИР с симулированным человеком в качестве объектного компонента. Это состояние первого лица, сознательная модель реальности, удовлетворяющая ограничению перспективности, ограничению 6. Чтобы действительно сознательно моделировать мир, в котором мы были бы Иммануилом Кантом, Кант-модель должна быть

прозрачным субъектным компонентом этого РМIR. Как известно большинству моих коллег, на философских факультетах по всему миру время от времени появляются такие системы - системы, в которых постоянная попытка контрфактической самосимуляции вышла из-под контроля, и которые, благодаря теперь уже весьма афункциональной Я-модели, действительно верят, что они Иммануил Кант, и даже переживают себя соответствующим образом. Эти печальные случаи заблуждения показывают, что в этих случаях больше не существует ни всеобъемлющей сущности, ни субъективного основного состояния, ни подлинной феноменальной идентичности.

Но не правда ли, что на самом деле мы можем представить себе гораздо больше, чем просто быть Иммануилом Кантом, а именно: быть Иммануилом Кантом, включая его ПМИР? Не похож ли "Взгляд из ниоткуда" на социальное познание в том смысле, что его объектный компонент действительно является другим субъектом, включая репрезентацию второго ПМИР (см. раздел 6.3.3)? Да, безусловно. Но социальное познание - это процесс от первого лица, даже если он направлен на второе, фиктивное "я". Быть кем-то - это феноменальное свойство, определяемое локусом аттенционального, волевого и когнитивного агентства, представленного в прозрачной Я-модели (см. наше обсуждение ОБЭ в разделе 7.2.3). Если вы представляете свое альтер-эго как субъекта, как имеющего ПМИР, то этот субъектный компонент остается непрозрачным. В немистических и неслучайных состояниях первая, изначальная личность-модель неизменно остается прозрачной: Вы знаете, что воображаете - по крайней мере, этот факт глобально доступен вам в любое время. Поэтому то, что вы воображаете, никогда не будет Иммануилом Кантом, даже если вы феноменально симулируете его как субъекта, обладающего перспективой первого лица. Вы не можете смоделировать его как себя. Таким образом, удивительный ответ состоит в том, что интуиция случайности, при

ближайшем рассмотрении, даже не основана на феноменальной возможности. Как философское утверждение, она основана на плохой феноменологии. И это, кажется, противоречит моему вводному утверждению, что интуитивное правдоподобие идет рука об руку с феноменальной возможностью.

Должен быть и второй фактор, который для таких существ, как мы, делает привлекательной веру в эссенциалистские интерпретации того рода, которые предлагает Нагель. Этим фактором может быть отрицание смерти. В главе 2 мы увидели, как процесс феноменального моделирования нуждается в эвристике, которая сжимает просторы логического пространства до двух существенных классов "предполагаемых реальностей", то есть тех моделей мира, которые каузально способствуют и релевантны процессу выбора. Первый класс составляют все желательные миры, то есть все те миры, в которых система наслаждается оптимальными внешними условиями, большим количеством потомков и высоким социальным статусом. Мир, в котором мы потенциально независимы от наших физических тел, мир, в котором индивидуальное выживание в принципе возможно, безусловно, является желанным миром для таких существ, как мы. Индивидуальное выживание - один из высших биологических императивов, вписанных в нашу эмоциональную самомодель: Вот откуда мы родом. Даже если мы не можем осуществить необходимые феноменальные симуляции, мы можем чувствовать, что такие симуляции удовлетворяют ограничению 11, ограничению адаптивности. Они эмоционально привлекательны, и именно поэтому такие существа, как мы, слишком готовы к определенным неточным описаниям и, в частности, к связанным с ними предположениям о метафизической возможности. Ложные убеждения, безусловно, могут быть адаптивными. Если психическое здоровье определяется как целостность и стабильность Я-модели, то некоторые типы ложных убеждений могут даже

способствовать психическому здоровью. Таким образом, ответ заключается в том, что существует второй функциональный фактор: интуитивное правдоподобие не только сочетается с феноменальной возможностью как таковой, но и с адаптивностью. Но на что, в этом особом случае картезианских и эссенциалистских интуиций о феноменальном "я", направлена адаптация? Вот умозрительная гипотеза: она может быть направлена на недавнее изменение в нашей Я-модели. Этим изменением могло стать разделение на прозрачную и непрозрачную части, и, в частности, на совершенно новую ситуацию, когда это разделение сделало факт нашей смертности когнитивно доступным. Мы заплатили высокую цену за то, чтобы стать когнитивными субъектами, и эссенциалистские фантазии могут быть попыткой минимизировать эту цену настолько, насколько это возможно. Подробнее об этом в заключительном разделе.

В Шестой медитации Декарт попытался представить как очевидную истину, что "между разумом и телом существует огромное различие в том отношении, что тело, в силу своей природы, всегда делимо, а разум полностью неделим". Это совсем другая ситуация. Здесь мы ясно видим, как интуитивное правдоподобие коренится в феноменальной необходимости. Невозможно, чтобы наш разум не был "абсолютно единым и целым" (по выражению Декарта), потому что такие существа, как мы, не могут проводить соответствующие феноменальные самосимуляции. Как отмечалось выше, одно из самых фундаментальных функциональных ограничений ПСМ заключается в том, что система, работающая в настоящее время под его управлением, не может намеренно расколоть или растворить его. Вы когда-нибудь пробовали? И если путать феноменальное с логическими модальностями, то может показаться, что то, что невозможно, необходимо, в некотором смысле априорная необходимость, которую теперь нужно объяснить. Существование единого, унифицированного "я"

может даже показаться метафизически необходимым. Но это не так. Как показывают нейрофеноменологические примеры, представленные в предыдущей главе, существует множество видов сознательного, но крайне фрагментарного само моделирования, которые, правда, строго невозможно представить. Можете ли вы представить себе, каково это для пациента Котарда - быть абсолютно уверенным в том, что он не существует? Можете ли вы представить себе, каково это для шизофреника, когда в его сознание проникают чужие мысли? Для здоровых людей просто нет возможности представить себе это ясно и отчетливо. И, возможно, у этого очевидного факта опять-таки есть более глубокая, телеофункционалистская причина.

Проще говоря, мы не должны представлять себе патологические ситуации, потому что диссоциативные самосимуляции ставят под угрозу функциональную целостность организма в целом. В конце концов, Я-модель в своей глубинной функциональной основе - это инструмент, используемый в гомеостатической саморегуляции, инструмент, позволяющий сделать индивидуальный процесс жизни как можно более последовательным и стабильным. Слишком долгая игра в ее сознательной автономной части может в конечном итоге поставить под угрозу элементарные процессы элементарной биорегуляции. Это может привести к болезни. Синдром Котара, шизофрения и другие расстройства идентичности - это крайне дезадаптивные ситуации, которых следует избегать любой ценой. Все ситуации, в которых сознательная Я-модель, так или иначе, представляет систему распадающейся на две или более частей (снова вспомните пример с ОБЭ в разделе 7.2.3), обычно являются ситуациями, в которых организм просто находится в большой опасности смерти. Целостность организма в целом находится под угрозой. Поэтому соответствующие самосимуляции эмоционально непривлекательны; они могут даже вызывать реакцию страха. С этим связан тот факт, что многие люди считают

мучительным, болезненным или угрожающим серьезно пытаться понять пациентов с тяжелыми психическими расстройствами или находиться среди них в течение длительного времени. Картезианская интуиция неделимого "я", кантовское понятие трансцендентального субъекта - обнадеживающая идея "я думаю", которая, по крайней мере в принципе, может сопровождать все мои сознательные *Vorstellungen*, - коренятся в этой особенности нашей репрезентативной архитектуры, в функциональной неспособности системы в целом расщепить свою PSM. Вот почему монистические или натуралистические теории субъективности неизбежно поражают нас как глубоко контринтуитивные, а зачастую даже как эмоционально непривлекательные. Конечно, все это не является аргументом в пользу того, что Декарт и Кант, возможно, не были правы.

Как насчет картезианской картины сенсорно-когнитивного континуума, идеи о том, что мы можем непосредственно получать знания о мире и о себе в процессе сознательного опыта? Связана ли эпистемическая непосредственность с некоторыми содержаниями, составляющими сознание, феноменальную самость и перспективу от первого лица? Здесь наш ответ может быть кратким. Для всех сознательных ментальных содержаний, удовлетворяющих ограничению прозрачности в том виде, в каком оно здесь представлено (см. разделы 3.2.7 и 6.2.6), очевидной и необходимой характеристикой является то, что эти содержания будут переживаться как немедленно данные. Эта характеристика является феноменологической особенностью во всей ее полноте. Феноменальная непосредственность не влечет за собой эпистемической непосредственности. Любая форма феноменального содержания нуждается в независимом эпистемическом обосновании, и это, конечно, справедливо и для сознательного опыта, очевидно, прямого восприятия, прямой референции, прямого знания и так далее. Наши нейрофеноменологические исследования в главах 4 и 7 дали примеры широкого спектра состояний, которые незаметным

для субъекта опыта образом являются эпистемически пустыми конструктами и в то же время характеризуются феноменологией уверенности и прямого, непосредственного знания. В частности, сегодня эмпирически неправдоподобно предполагать, что ментальные содержания, удовлетворяющие, по крайней мере, ограничениям 2, 3 и 6, не могут быть основаны на сложных, физически реализуемых, а потому ошибочных и требующих времени процессах обработки информации. Просто не существует такой вещи, как эпистемически непосредственный контакт с реальностью. Что есть, так это эффективный, экономичный и эволюционно выгодный способ феноменального моделирования надежного репрезентативного содержания как немедленно данного.

В главе 1 я указал на то, что человеческое разнообразие сознательной субъективности уникально на нашей планете тем, что оно глубоко укоренено в культуре (см. также Metzinger 2000b, p. 6 и далее), а именно, через язык и социальные взаимодействия. Поэтому интересно спросить, как изменяется фактическое содержание опыта благодаря этой постоянной интеграции в другие репрезентативные средства и как конкретное содержание может генетически зависеть от социальных факторов.

Какие новые феноменальные свойства возникают благодаря когнитивным и лингвистическим формам самореференции? Существуют ли у людей необходимые социальные корреляты для определенных видов феноменального содержания?

Как мы видели в разделе 6.4.4, когнитивная самореференция - это не что-то, происходящее в лингвистической среде, а особый способ самомоделирования высшего порядка. Этот новый способ самомоделирования, в частности при внутренней эмуляции логических операций, включающих преобразования на основе правил над дискретными

символами и т. д., стал большим прорывом в биологическом интеллекте. Он сделал абстрактную информацию глобально доступной, например, информацию о том, что является логически последовательным, или информацию о том, что между реальностью и репрезентацией существует различие - и часто некое отношение, - и, возможно, даже позволил нам сформировать понятие истины. После того как появился язык, мы смогли не только рассказать обо всех этих новых фактах и понятиях, но и приступить к их публичному самоописанию. И это, конечно же, привело к появлению новых феноменальных свойств, поскольку кардинально изменило содержание ПСМ.

Мы начали осознанно переживать себя как мыслителей мыслей и как говорящих предложения. Мы начали думать о себе как о мыслителях мыслей и как о говорящих предложениях. И мы снова осознанно переживали этот факт, потому что он привел к изменениям в нашем ПСМ. Мы начали говорить друг с другом о том удивительном факте, что мы - очень вероятно, в отличие от большинства других известных нам существ - мыслим мыслями и говорим предложениями, и что мы знаем об этом факте, потому что осознанно переживаем его. Или нет? Мы взаимно начали приписывать себе и друг другу свойство быть переживающими, мыслящими, общающимися существами, а поскольку разница между реальностью и репрезентацией уже была нам доступна, благодаря феноменальной непрозрачности нашей когнитивной Я-модели, мы осознавали, что такие приписывания могут быть ложными. Мы начали обсуждать вопросы. Мы не соглашались! Вероятно, на этом этапе и родилась философия. Я не буду рассуждать о более тонкой репрезентативной архитектуре, которая должна была быть задействована в этих первых шагах. Я лишь хочу отметить, что эта цепь событий - системы само моделирования, которые теперь начинают зеркально отражать друг друга не только через свои двигательные системы (см. раздел 6.4.4), но и через непрозрачные участки

своего сознания и через внешнее использование символов - привела к двум фундаментальным и очень интересным сдвигам в феноменальном содержании модели человеческого "я".

Во-первых, мы могли начать воспринимать себя как рациональных индивидов. Поскольку теперь можно было сознательно моделировать процесс формирования связанных мыслей в соответствии с некоторым набором абстрактных логических правил, мы могли также сформировать концепцию существа, активно стремящегося к такой связности. Мы уже знали, что у нас есть эмоции, что мы - биологические существа с потребностями и влечениями, следующими логике выживания. Теперь мы начали понимать, что для нас существует другой - возможно, противоречивый - способ следовать определенной логике. На этот раз это была логика интеллектуальной целостности, необходимости сделать непрозрачную часть вашего PSM как можно более целостной. Это была логика того, чтобы иметь как можно меньше противоречивых мыслей. Это была логика сохранения истины. А еще это была логика рационального агентства, преследования собственных целей путем их упорядочивания в последовательную иерархию, и логика попыток получить знания для достижения этих целей, чтобы постоянно минимизировать разницу между ментальной репрезентацией и уже обнаруженной реальностью. Мы ощущали себя индивидуальными существами, которые, по крайней мере в определенной степени, также являлись рациональными субъектами. Хотя наша ПСМ теперь постоянно разделялась на непрозрачную и прозрачную части, наш мозг каким-то образом справлялся с тем, чтобы она оставалась единой репрезентативной структурой, и тем самым позволял нам феноменально владеть этим новым свойством самих себя. Позже мы даже нашли новое лингвистическое понятие для описания этого нового свойства. Мы назвали его личностью.

Во-вторых, теперь мы могли начать осознавать тот факт, что мы являемся социальными субъектами, глобально доступными для внимания, когнитивной обработки и контроля действий. В частности, мы могли бы начать сознательно переживать тот факт, что, будучи социальными существами, мы связаны друг с другом не только общей логикой выживания, то есть через наши тела и эмоции, но и как рациональные личности. Новое феноменальное свойство личности теперь могло начать разворачивать свой функциональный профиль. Поскольку оно сделало эту радикально новую информацию глобально доступной для управления сознательными действиями, для лингвистического отчета и коммуникации, для самоописания и критического обсуждения, теперь мы могли также делиться этой информацией. Наша ПСМ позволила нам объединить наши когнитивные ресурсы. Конечно, как мы уже видели в этой книге, интерсубъективность начинается на бессознательном уровне и впоследствии опосредуется через совершенно неконцептуальные и непропозиционные уровни ПСМ. Но теперь мы обрели ПСМ себя как личности, как рациональные индивиды. Рациональные индивиды способны к рациональной интерсубъективности, потому что они могут зеркально отражать друг друга в совершенно иной манере. В этот момент взрывообразно разворачивается целый каскад функциональных трансформаций, инстанций новых функциональных свойств через глобальную доступность новых репрезентативных содержаний.

Новый тип ПСМ позволил построить новый тип ПМИР. Его объектную составляющую теперь могли формировать другие субъекты, на этот раз феноменально смоделированные как индивидуальные мыслители мыслей и как рациональные, самосознающие носители сильных феноменов первого лица. Отношения "человек-человек" в подлинном смысле этого слова могли быть сознательно смоделированы. Я не буду вдаваться в дальнейшие подробности, потому что, думаю, и так понятно, как человеческая ПСМ стала решающим

нейрокомпьютерным инструментом в переходе от биологической к культурной эволюции. Позвольте мне лишь назвать то, что я считаю важнейшим высокоуровневым свойством, центральной функциональной особенностью, в которой этот переход в конечном итоге завершился. С помощью наших расширенных ПСМ мы смогли одновременно установить коррелирующие когнитивные ПМИРы того типа, который был только что описан. Теперь два или более человеческих существ могли одновременно активировать когнитивные РМIR, взаимно указывающие друг на друга в рамках репрезентации в качестве рациональных субъектов. А коррелирующая природа этих двух ментальных событий, их взаимность и взаимозависимость, сама по себе могла быть представлена на уровне глобальной доступности. Мы могли взаимно признавать друг друга личностями и сознательно переживать сам этот факт.

Понятие "человек", однако, не просто обозначает некое сложное, но объективное репрезентативное свойство. Личность не может быть натурализована простым и прямым способом, поскольку понятие личности содержит специфические для данной области и семантически неопределенные нормативные элементы. Почему это так? Личности никогда не являются чем-то, что мы находим там, как части объективного порядка. Личности формируются в обществах. Если сознательные само моделирующиеся системы признают друг друга личностями, то они и есть личности. Но, как я уже отмечал в главе 1, сознательный опыт - это культурно встроенный феномен (см. также Metzinger 2000b). Это справедливо и для таких сложных феноменальных свойств, как личность. Поэтому с точки зрения гуманитарных наук крайне важно добиться более точного понимания нейрокогнитивных и эволюционных, функциональных и репрезентативных условий возможности, определяющих появление личности и успешной intersubjectivity. Именно к этому я и попытался

подготовиться в этой книге. Но то, как возникновение феноменальной персональности и описанные выше взаимные процессы "отзеркаливания" сознательной персональности друг друга будут затем интерпретироваться в данном социальном контексте, - это совсем другой вопрос. Ответы на вопрос о том, как их следует интерпретировать, могут варьироваться от общества к обществу, от субкультуры к субкультуре или от одной исторической эпохи к другой. И даже с учетом нашего собственного контекста они могут измениться, поскольку теперь мы узнаем больше о том, что в нашем мозге и в его биологической истории на самом деле приводит к их появлению.

Вопрос о необходимых социальных коррелятах сознания, самости и высокоуровневой перспективности сегодня стал преимущественно эмпирической проблемой. Однако, рискуя быть утомительным, необходимо четко представлять себе лежащий в основе метафизический принцип локальной супервентности. Чтобы прояснить этот момент, давайте рассмотрим пример, пока не связанный со сложной нейрофеноменологией рациональной интересубъективности. Давайте выберем нечто гораздо более простое и красивое: сознательный опыт очень короткого улавливания проблеска в глазах другого человека; проблеска, который за доли секунды позволяет вам обнаружить не только то, что вы нравитесь этому человеку, но и то, насколько сильно вы ей нравитесь, а также сознательный опыт осознания, в то же самое время, что вы сами, должно быть, подавали такой же сигнал мгновение назад. SMT утверждает, что даже для сознательно переживаемой интересубъективности такого типа верно, что соответствующим образом стимулированный мозг в чане может активировать то же самое феноменальное содержание. Это утверждение может показаться вам странным. Но легко понять, к чему это утверждение приводит и к чему оно не приводит.

Во-первых, в стандартных ситуациях феноменальное содержание - это особый вид интенционального содержания. Чтобы понять, как оно вообще могло возникнуть, какова его роль в психологической экологии его носителей, как эта роль формировалась историей их биологических предков и так далее, необходимо провести гораздо более обширный репрезентационистский, телеофункционалистский, а в конечном счете даже нейронаучный анализ. Вам нужны все субличностные уровни описания, которыми я оперировал в главах 3 и 6, чтобы прийти к действительно информативному анализу сознательно переживаемого социального познания. Локальная супервентность - это всего лишь (довольно слабое) метафизическое утверждение, которое различными способами предполагает асимметричную зависимость снизу вверх без редуцируемости. Одна из слабостей супервентности заключается в том, что она не является объяснительным отношением. Говоря, что феноменальная интересубъективность локально зависит от индивидуальных свойств мозга, вы не говорите, что социальное и интересубъективное знание определяется также внутренними и современными свойствами мозга. Вы даже не способствуете более глубокому пониманию того, почему это знание должно быть опосредовано сознательным опытом.

В любой момент времени феноменальное содержание локально зависит от свойств индивидуального мозга. "Точки во времени" - это физические сущности, индивидуализированные с точки зрения третьего лица. Свойства мозга полностью встроены в каузальную сеть физического мира, а обработка информации в мозге - это процесс, занимающий много времени. Поэтому социальное познание и сопутствующая ему обработка сознания также требуют времени. Не существует такого понятия, как временная или эпистемическая непосредственность на любом субличностном уровне. Однако феноменальная непосредственность, например, в описанной выше ситуации, безусловно, может существовать. С учетом того, как мозг

выделяет точки во времени (см. раздел 3.2.2), конечно, можно представить, что искра симпатии, промелькнувшая между двумя сознательными человеческими существами, может быть пережита как мгновенная. Она может быть прозрачно представлена как одно единственное событие, происходящее в один единственный момент, но преодолевающее пропасть между двумя индивидами. Феноменологически молния ударяет и взаимно объединяет два феноменальных "я" - это и есть "аффективное растворение "я"", о котором говорилось ранее. Поскольку это связано с потерей контроля над эмоциональной Я-моделью и ее преходящим растворением, переживание того, что мы застаем друг друга в момент влюбленности, немного похоже на смерть, а также немного на безумие. Как феноменальное содержание, это событие локально супервизируется. Как неконцептуальная форма интенционального содержания - нет.

По крайней мере в некоторых случаях дружба или влюбленность - это процесс приобретения знаний. Мы не можем даже начать адекватно понимать его, если не понимаем информацию, которую он делает глобально доступной для системы в целом, а также репрезентативную и функциональную роль, которую такое событие играет для соединенной теперь системы двух наших само моделирующихся систем. И на этом уровне анализа слишком очевидно, что многие формы сознательного опыта - которые, в конце концов, тоже являются особой формой интеллекта - имеют необходимые социальные корреляты (например, см. раздел 6.3.3). То, с чем эти корреляты соотносятся, неизменно является Я-моделью другого организма. Я-модель - это то, что построило функциональный мост от индивидуального познания к социальному, от интеллекта первого лица к объединению ресурсов вида. Такие ресурсы могут быть интеллектуальными, но также могут быть эмоциональными или мотивационными. Поэтому первый шаг в понимании

социального познания состоит в том, чтобы разработать историю приобретения этого нового виртуального органа, рассказать всеобъемлющую историю развития и эволюции ПСМ и ПМИР в частности. С метафизической точки зрения, отдельные случаи феноменально переживаемой intersubjectивности локально супервизируются. Но - и это ответ на наш первоначальный вопрос - если мы хотим понять, как они могут удовлетворять ограничению адаптивности, нам понадобится значительно расширенная объяснительная база.

В главе 1 я также обещал ответы на ряд вопросов, касающихся отношений между определенными классами феноменальных состояний или глобальных феноменальных свойств. Давайте теперь, вкратце, рассмотрим ответы.

Какова наиболее простая форма феноменального содержания? Существует ли что-то похожее на "qualia" в классическом смысле этого слова?

Простота - это репрезентативная атомарность. То, что представляется простым и строго неделимым, всегда соотносится с репрезентативной архитектурой, фактически порождающей это содержание (см. раздел 2.4; см. также Jaakb 2000). Существует два прочтения этого ответа: Во-первых, простота относится к внутреннему механизму считывания, используемому мозгом при активации глобально доступного презентума, скажем, пурпурного¹¹, его интеграции в кратковременную память, а затем превращении его в элемент объектного компонента ПМИР; во-вторых, простота относится к теории, описывающей этот механизм, и к ограничениям, которым это конкретное теоретическое решение пытается удовлетворить. Остановимся на первом случае. Есть разница, становится ли презентационное содержание доступным для интроспекции¹ или для интроспекции²; то есть, становится ли оно

сознательным, будучи доступным только для обработки внимания и контроля поведения, или же оно также доступно для формирования устойчивых, концептоподобных ментальных структур. Многие осознанные цветовые переживания, например, являются простыми феноменальными состояниями с точки зрения того, что они являются атомами внимания, но не когнитивными атомами. Поэтому они невыразимы (Raffman 1995) и проще, чем qualia в классическом понимании этого термина.

Квалиа Льюиса в смысле классической терминологии (см. раздел 2.4.1) - как феноменальное свойство первого порядка, то есть как распознаваемая, максимально простая и полностью детерминированная форма сенсорного содержания - вероятно, не существует. Для большинства максимально детерминированных сенсорных значений является истиной, что мы не можем, как первоначально требовал Льюис, надежно распознавать их от одного экземпляра к другому. Мы не можем сформировать понятия о них, потому что из-за ограничений перцептивной памяти у нас нет критериев трансвременной идентичности. То есть они не когнитивно, а только аттенционны доступны в перспективе первого лица. Они могут вносить вклад в объектный компонент только определенного, ограниченного подмножества РМIR. Интересный факт (который некоторые аналитические философы слишком хотели бы проигнорировать) заключается в том, что мы не только не можем говорить о них концептуально точно, но даже не можем думать о них. Безусловно, нечто подобное сильным льюисовским квалиа существует, например, в виде сознательного переживания чистых цветов - зеленого, синего, красного и желтого. Но это не самая простая форма феноменального цветового содержания. Как подробно объясняется в разделе 2.4.4, квалиа Льюиса гораздо сильнее квалиа Раффмана, потому что, дескриптивно, они расположены на уровне трех ограничений, а не двух. В этом втором смысле унитарные оттенки, благодаря своей

"чистоте" и обусловленной ею когнитивной доступности, представляют собой более богатую и сложную форму феноменального содержания. Более общий образ, который возникает сейчас (особенно на уровне якобы "простой" сенсорной обработки), представляет сознательный опыт как высокоградиентный феномен. Феноменальное цветовое зрение, например, не является делом "все или ничего", а постепенно отступает в бессознательную обработку информации о длине волны через тонкую иерархию, состоящую из уровней удовлетворения ограничений. И это второй смысл, в котором простота относительна к схеме репрезентации, в которой она проявляется: простота теоретически относительна. Возьмем в качестве примера текущее исследование.

В главе 2 я использовал слишком упрощенный и грубый пример ограничений, которые могут быть применены при выделении феноменального из ментального представления (глобальная доступность для внимания, познания и поведенческого контроля). Как я поспешил заметить, с эмпирической точки зрения это была крайне упрощенная выдумка, поскольку очевидно, что существует более одного вида внимания (например, сознательно инициированное, сфокусированное внимание высокого уровня и автоматическое внимание низкого уровня), безусловно, существуют различные стили мышления, а контроль поведения, осуществляемый, например, животным, может оказаться чем-то совершенно отличным от рационально управляемого контроля действий человека. В главе 3 я представил на обсуждение более полный набор из десяти многоуровневых ограничений. Оба эти примера могут служить иллюстрацией принципа относительности теории. То, что кажется простым в моей предварительной, основанной на теории попытке описать феноменальный ландшафт того, что мы называли "qualia" в прошлом, может показаться совсем другим, если мы попытаемся удовлетворить альтернативные наборы ограничений,

предложенные основанными на данных, восходящими подходами. Для одного человека примитив - это высокоуровневая теоретическая сущность для другого. Я попытался решить эту проблему, сформулировав многоуровневые ограничения, содержащие большое количество пустот, которые могут быть заполнены представителями других дисциплин. Поэтому, чтобы привести еще один конкретный пример, кандидаты, которых я предложил в качестве потенциальных примитивов хроматического зрения - квалиа Льюиса, квалиа Раффмана и квалиа Метцингера, обогащенные ограничениями с 1 по 10, - являются полностью относительными для моего способа описания области сознательного опыта, для моего собственного набора ограничений. Преимущество в том, что мое понятие "феноменальной простоты" теперь специфично для данной области, может быть скорректировано и постоянно дифференцировано, скажем, дополнительными данными из психофизики. Теория относительности не является эпистемологической трагедией - ее можно размыть, сделав набор ограничений, для которых нужно найти решения, гибким и эволюционирующим набором.

Каков минимальный набор ограничений, которые должны быть соблюдены, чтобы сознательный опыт вообще возник? Например, может ли квалиа существовать без глобального свойства сознания или мыслима ли форма сознания без квалиа?

Большая часть ответа на этот вопрос уже содержалась в самом первом ответе на самый первый вопрос. Я считаю, что минимальная философская интуиция, лежащая в основе концепции сознания, - это появление реальности здесь и сейчас. Это равносильно требованию, чтобы ограничения 2, 3 и 7 были удовлетворены. Лично я, однако, считаю, что наиболее интересным целевым феноменом является полноценная когнитивная субъективность, включая ее

социальные корреляты, с точки зрения удовлетворения всех ограничений, описанных в этой книге. Мимоходом отмечу, что есть еще более сильные исследовательские мишени, и они могут быть интересно воплощены в наших древних, традиционных представлениях о сознании. Более сильные и многовековые концепции, такие как греческая *syneidesis* или ее латинская преемница *conscientia*, предполагающие не только интеграцию репрезентативного пространства, но и сопутствующее познание более высокого порядка плюс моральную субъективность, неизбежно должны были бы включать все ограничения, плюс теорию интенционального содержания, плюс теорию нормативных ментальных суждений (Metzinger and Schumacher 1999). Чтобы понять, почему *conscientia* также является знанием высшего порядка, нынешний подход должен быть значительно расширен в сторону интегрированной теории феноменального и интенционального содержания как такового. Во-вторых, следует отметить, что, обсуждая социальные корреляты, мы до сих пор продвигались лишь к крайне схематичному описанию рациональной интерсубъективности. Моральная интерсубъективность и ее нейрофеноменологические условия возможности - совсем другое дело. *Conscientia* в терминах феноменально опосредованной совести все еще находится за пределами нашего понимания. Поэтому исследования сознания, по крайней мере, ориентированные на эти традиционные эпистемические цели, в конечном итоге должны будут столкнуться с вопросами гораздо более всеобъемлющими, чем те, которые касаются необходимых и достаточных условий, определяющих появление феноменального содержания как такового. Но, очевидно, что для этого еще очень рано.

Может ли существовать сознание, свободное от квалиа?
 Может ли существовать райское место для развоплощенных математиков, имеющих дело только с абстрактными объектами и лишенных какой-либо формы сенсорного восприятия? На репрезентативном уровне описания это

может показаться концептуальной возможностью. Могут существовать интегрированные, прозрачные модели реальности, хранящиеся в рабочей памяти и не имеющие никакого презентационного содержания как такового. Но как насчет более ранних стадий обработки? Как насчет стандартной причинно-следственной связи? Если мы потребуем, чтобы источник стимулов, с которым строго соотносится презентационное содержание, был экстрадермальным источником, то даже обычные сны можно было бы считать такой формой сознания, свободной от квалиа. Очевидно, что с феноменологической точки зрения это было бы надуманно, поскольку репрезентативные атомы, безусловно, существуют в том виде, в котором мозг сновидящего эмулирует реальное сенсорное восприятие. В любом случае, исходные предположения нынешнего подхода не допускают сознания без сенсорных элементов. В частности, было бы трудно перевести репрезентативные ограничения наших небесных математиков в свойства функционального уровня. Конечно, функционализм не обязательно подразумевает физикализм. Функциональные свойства онтологически нейтральны, поскольку они могут быть реализованы на нефизическом оборудовании. Ангелы, математики без квалиа и тому подобное могли бы быть чем-то вроде машины Тьюринга, полностью реализованной на "ангельском материале", но при ближайшем рассмотрении обнаруживаются значительные трудности, связанные с детальной спецификацией причинно-следственных связей, лежащих в основе ввода и вывода. Даже на самом репрезентативном уровне может быть трудно понять, как на самом деле может быть выполнено ограничение презентабельности. Ограничение 2 требует, чтобы все сознательное содержание было содержанием *de puncto*. Абстрактные объекты и другие элементы вселенной математика, однако, являются вневременными сущностями: У них нет временных свойств. Так как же они могут быть осознанно пережиты как присутствующие сейчас?

Что такое феноменальная самость? Что именно представляет собой неконцептуальное чувство собственности, сопровождающее феноменальный опыт самости или "бытия кем-то"?

Феноменальная самость - это репрезентативный феномен. Как объяснялось выше, любая система, работающая в рамках прозрачной Я-модели, будет инстанцировать феноменальное Я, если она удовлетворяет набору ограничений, которые мы считаем минимально достаточными для осознанного опыта как такового. Чувство собственности также является репрезентативным свойством. Оно состоит в том, что содержание интегрировано в текущую PSM. Все, что является частью нашей сознательной Я-модели, является чем-то, что мы присвоили. Присвоение в этом смысле основано не на умозаключениях, основанных на правилах, и не на операциях с синтаксически структурированными символическими лексемами, а на полностью субличностном, автоматическом процессе динамической самоорганизации. Это субсимволическое владение. В этом процессе нет чувства когнитивной агентности.

Если ПСМ, в которую в данный момент интегрирована информация, не является галлюцинаторной, то существует не только феноменальное владение и присвоение, но и соответствующий тип интенционального содержания. Тогда система представляет определенные аспекты реальности как части себя, и делает это правильно. Она достигает не только самоощущения, но и самопознания. Это важно, поскольку влечет за собой серьезный сдвиг и в функциональных свойствах корреляции. Теперь система в целом устанавливает причинно-следственные отношения с определенными аспектами реальности, интегрируя их в глобально доступную репрезентацию себя как целого. Репрезентативное владение идет рука об руку с функциональной интеграцией. Чем больше самопознания приобретает система, тем больше она

способна функционально присвоить соответствующие аспекты себя. Феноменальный вариант самопознания имеет здесь особое значение, поскольку он помогает отслеживать вновь открытые аспекты себя и улучшает функциональный профиль репрезентативно присвоенных аспектов себя, например, делая их глобально доступными для фокусировки внимания, селективной когнитивной обработки и гибкого поведенческого контроля. Именно этот непрерывный процесс динамичной, глобально доступной и функционально активной самоинтеграции отражается на феноменальном уровне. Он отражается в виде прозрачного опыта владения собой, в виде агентности, в виде резко усиленного самоконтроля, в виде гибкости, избирательности и автономности - словом, в виде ультрареалистичного опыта "быть кем-то". И снова важно отметить, что функциональное присвоение на субсимволическом уровне, скорее всего, будет происходить в разной степени. Фактическая сила корреляции между различными частями Я-модели в мозге может сильно варьироваться, например, во время процесса, в котором новое содержание приобретает как вновь усвоенное свойство системы. В патологических конфигурациях, таких как шизофрения, она также может меняться в зависимости от процесса, в котором репрезентативное содержание фактически утрачивается. Репрезентативная потеря части Я-модели неизбежно означает потерю информации, что, в свою очередь, эквивалентно потере вычислительного ресурса для самоконтроля.

Интересно отметить, что подобные колебания внутренней когерентности также отражаются на феноменологическом уровне. Феноменальное присвоение характеризуется сложным и постоянно меняющимся ландшафтом. Феноменальное чувство собственности - это не одно простое свойство, жесткая характеристика нашей внутренней жизни. Например, оно имеет тонкий временной профиль; оно чувствительно к контексту и разворачивается во времени. Серьезное отношение к феноменологии владения означает

справедливость того факта, что даже в обычной жизни степень, в которой, например, вы пререфлексируете определенное свойство вашего тела или вашей эмоциональной личности как свое собственное, или, скорее, как нечто вызванное извне и не принадлежащее вашей "истинной идентичности", очень изменчива. Она меняется, например, по мере взросления. И, как известно и философам, и ученым, степень, в которой вы действительно воспринимаете определенную мысль или аргумент как свой собственный, безусловно, зависит от реакции вашего социального окружения. Если реакция на определенные части вашего когнитивного "я" чрезвычайно позитивна и приятна, велики шансы, что вы будете переживать их как глубоко оригинальную часть себя, как то, что всегда принадлежало вам, и как то, что никогда не было присвоено откуда-либо еще.

Как опыт агентства связан с опытом владения? Можно ли разделить обе формы феноменального содержания?

Агент - это система, которая обладает определенной степенью избирательного и гибкого моторного контроля и которая, в том смысле, который был только что описан, репрезентативно и функционально присвоила лежащие в основе процессы выбора, интегрировав их в свою самомодель. Сознательно переживаемая агентность появляется только в том случае, если эти процессы выбора являются частью PSM. Как более подробно объясняется в разделах 6.4.5 и 6.5.3, существенной частью этого процесса является активация волевого ПМИР: репрезентация "Я в процессе обдумывания", интегрирующая Я-модель с определенными внутренне моделируемыми действиями или состояниями цели. Это, таким образом, феноменальная репрезентация отношения практической интенциональности, поскольку она прозрачно представляет систему как находящуюся в определенном отношении к

набору возможных действий или конкретному состоянию цели, и она лежит в основе опыта агентности.

Существуют ли феноменологические ситуации, в которых существует агентность без собственности? В более общем смысле можно предположить, что, например, пациенты, страдающие акинетическим мутизмом, не ощущают себя агентами, но при этом обладают базовым сознательным чувством собственности на свое тело как таковое. Поскольку они бодрствуют и демонстрируют ориентировочный рефлекс, у них, скорее всего, есть интегрированный феноменальный образ тела. Все, что интегрировано в этот образ тела, проявляет феноменальное свойство "минности", неконцептуальной собственности. С другой стороны, учитывая имеющиеся данные, кажется, что у таких пациентов никогда не возникает ни волевого ПМИР (они не действуют), ни когнитивного ПМИР (поскольку они не столько "заключены в тюрьму неподвижности", сколько вообще не имеют разума; см. Damasio 1994, p. 73; 1999, p. 101 и далее), а аттенционный ПМИР, мимолетный и нестабильный, может быть вызван только извне. Таким образом, телесное владение существует без аттенционального, когнитивного или моторного агентства. Однако здесь остается вопрос, действительно ли владение и агентство диссоциированы в одной и той же области. Шизофреники, испытывающие вставные мысли и интроспективное отчуждение, могут представить нам более конкретный случай. Феноменологически они испытывают когнитивную агентность: конкретные, сознательные мысли отбираются и навязываются им в их собственном сознании, в том, что я назвал непрозрачным разделом их PSM (см. раздел 6.4.2). Феноменологически существует когнитивный агент - кто-то другой, кто думает или посылает эти мысли. То есть каузальная история этих состояний феноменологически моделируется как имеющая внешнее происхождение. Они вызваны агентом. Однако этот агент не идентичен субъекту опыта. Во-вторых, вставленные мысли, безусловно,

принадлежат шизофренику в том смысле, что теперь являются частью его внутреннего мира, его PSM, поскольку они вставлены в то, что феноменологически он все еще переживает как свой собственный разум. Таким образом, в одной и той же области, в области когнитивных репрезентативных содержаний, вероятно, присутствуют агентность от третьего лица и право собственности. Нейрофеноменология шизофрении показывает, как для одного и того же индивида мыслительная собственность и агентность могут быть разобщены.

Следующий логический шаг состоит в том, чтобы спросить, может ли в одной и той же области содержания и в любом типе реальной нейрофеноменологической конфигурации агентность от первого лица когда-либо сосуществовать с отсутствием собственности. Существуют ли случаи, в которых феноменальное "я" моделируется как телесный, аттенциональный или когнитивный агент, но в которых неконцептуальная собственность не существует? Давайте рассмотрим несколько потенциальных примеров: Можете ли вы иметь прозрачную самомодель себя как активно генерирующего определенную мысль, не владея затем этой мыслью? Можете ли вы ощутить себя активно и целенаправленно внимающим воспринимаемому весу книги, которую вы сейчас держите в руках, без автоматического владения текущим актом внимания? Можно ли сознательно инициировать телесное движение, не владея проприоцептивной обратной связью, не переживая феноменально фактическое движение как движение собственного тела? Очень заманчиво сказать, что здесь - если вообще где-либо - мы действительно сталкиваемся с феноменальной необходимостью, с чем-то вроде закона, с существенной связью между двумя элементами, сохраняющейся во всех возможных случаях. Агентство, репрезентация процессов субличного выбора на уровне ПСМ, является главным кандидатом на концептуальную сущность феноменальной собственности, феноменальной

самости и глубинного происхождения субъективности, просто потому, что эти два элемента так сильно коррелируют. Является ли это специфическим для данной области нейрофеноменологическим "законом самосознания"? Связано ли образование феноменального "я", сознательно переживаемой собственности с механизмом, с помощью которого системы, подобные нам, функционально присваивают субличные процессы, выбирающие целевые объекты для внимания, познания и действия?

Ответ может быть положительным, но мы не должны забывать, что это справедливо только для здоровых человеческих существ. Агентность от первого лица, безусловно, является достаточным условием для владения в большинстве непатологических конфигураций. Однако, еще раз расширяя нашу объяснительную целевую область, исходный пример акинетического мутизма, похоже, показывает, что это не является необходимым условием: Вы можете феноменально владеть своим телом, не будучи агентом. Наши лучшие современные контрольно-теоретические модели бреда контроля, возникающего при шизофрении (например, Frith et al. 2000), дают нам детальное понимание того, как агент может сознательно владеть своим телом и своими самопричинными телодвижениями, не будучи в состоянии феноменально присвоить процесс выбора и инициации, приводящий к ним. В результате он владеет телом, которое ощущается как дистанционно управляемая марионетка. Напротив, владение, похоже, необходимо для агентности. Сознательные процессы отбора на личностном уровне всегда работают с элементами, представленными через ПСМ, и эти элементы стали частями ПСМ через субличные, бессознательные механизмы интеграции, которые сами по себе не могут быть феноменально собственностью. И это один из способов, с помощью которого субъективность закреплена в объективном мире: Она обязательно зависит от субличной, бессознательной обработки информации.

Может ли феноменальная самость быть инстанцирована без qualia? Необходимо ли воплощение для самости?

Как мы видели в разделе 2.4, qualia (т.е. презентационное содержание, удовлетворяющее ограничениям 2, 3 и 7) репрезентативно атомарны. Их атомарность всегда соотносится с механизмом считывания (например, внимание vs. познание) и с набором ограничений, достаточных для феноменальности, на котором мы остановились по теоретическим соображениям. Теперь вопрос заключается в том, можем ли мы представить себе прозрачную ПСМ, не состоящую из репрезентативных атомов. Это должна быть самомодель, которая, хотя сама и является репрезентативной структурой, активной в механизме обработки информации некоторой сознательной системы, не обладает никакими атомами, из которых она состоит, например, путем связывания их в интегрированное гештальтоподобное целое. Необходимы ли феноменальные примитивы для особого случая самосознания?

Я могу представить две ситуации, в которых это не так. Во-первых, может существовать интегрированная самомодель, но без механизма считывания, который создает примитивы благодаря своей ограниченной разрешающей способности. Например, у примитивных организмов может быть очень простая Я-модель, не имеющая никаких субформатов и никаких аттенционных или когнитивных механизмов, с помощью которых они могли бы, посредством метарепрезентации, создавать такие особые субрегионы в своем феноменальном "я". Их низкоуровневые интеграционные механизмы просто делали бы их самосознательными, не превращая их в аттенционных или когнитивных субъектов. Они не могли бы присутствовать или думать о себе. Никогда не было бы PMIR второго порядка, направленного на самомодель первого порядка. И все же они могли бы быть самосознательными. Если их маленькая ПСМ

максимально проста и не меняется со временем - то есть если она не удовлетворяет ограничениям 4 и 5, - то в ней фактически не может быть никаких интроспективно различимых атомов или субрегионов. Не было бы ни отдельных и различимых ощущений, ни модальностей. В каком-то смысле это был бы единый самоквал или однородный самопрезентатум, но его единичность и простота не были бы эквивалентны атомарности репрезентации, которая может быть создана таким нисходящим механизмом, как внимание. Это была бы интегрированная Я-модель, полностью вытекающая из динамической самоорганизации бессознательных механизмов "снизу вверх". Возможно, такое феноменальное "я" даже напоминает то, с которым остается человеческий пациент, страдающий акинетическим мутизмом.

Тогда существует вторая возможность. Мы, конечно, можем представить себе действительно интроспективные системы, обладающие ПМИР второго порядка, направленным на самомодель первого порядка. Например, они могли бы следить за содержанием своей Я-модели. Однако если бы это содержание менялось строго непрерывно, если бы оно было беззерновым на единственном уровне организации, на котором может работать аттенционная обработка, тогда не было бы и саморепрезентативных атомов. Не существовало бы никаких различимых внутренних границ. Содержание такой Я-модели плавно менялось бы и переходило из одной формы, например, интероцептивного содержания в другую, что сделало бы невозможным интроспективное различение этапов этого процесса. Феноменологически существовало бы дифференцированное и изменяющееся, но не имеющее атомов феноменальное "я". Однако оно все еще могло бы быть презентативным "я", обладая сильно коррелирующим со стимулом компонентом, функционально закрепленным в физическом мозге.

Очень интересно, что эта вторая концептуальная возможность на самом деле может быть хорошим способом описать человеческое самосознание на проприоцептивном уровне, на уровне интуиции, тонких фоновых эмоций или восприятия движения. Мы - целостные воплощенные существа. Это означает, что в ПСМ человека, скорее всего, есть важные и интересные слои, не проявляющиеся даже в терминах квалиа Льюиса или квалиа Раффмана (см. раздел 2.4), слои, которые не только недоступны для категориального восприятия и гештальтообразующих операций группировки, вызванных обработкой внимания, но и образуют непрерывный мультимодальный меланж. Феноменологически, не правда ли, существуют аспекты телесного и эмоционального "я", которые не только невыразимы, но и, простите за метафору, настолько жидкие, что их невозможно удержать, зафиксировать (даже на короткий промежуток времени) или "приблизить" к ним? Вы можете только быть ими. Если эта феноменологическая точка зрения не ошибочна, то это могут быть именно те уровни феноменального содержания, на которых разум наиболее близок к своему телу. Серьезное отношение к феноменологии воплощения может помочь в обнаружении микрофункционального уровня описания, на котором мы сможем в конечном итоге отказаться от различия "средство - содержание" для самосознания. Можно было бы назвать это "принципом жидкой связи". Тогда возникнет уровень феноменального воплощения, который ниже и более целостен, чем все, что мы могли бы описать с помощью традиционного терминологического аппарата "феноменальных свойств первого порядка", "бесструктурных qualia" или "простых ощущений". С учетом существующей теории, в стандартных ситуациях функциональное воплощение, безусловно, является предпосылкой феноменального воплощения и сильных феноменов первого лица (например, см. разделы 5.4, 6.2.8 и 6.5.3). Но я бы выдвинул идею о том, что тщательное описание его низкоуровневых феноменальных коррелятов повлечет за

собой создание совершенно новых концептуальных инструментов, которые, возможно, будет чрезвычайно трудно разработать. Однако именно такие инструменты могут значительно приблизить нас к решению проблемы "я-тела".

Что такое феноменально представленная перспектива первого лица? Как она связана с другими понятиями перспективности, например, с логической или эпистемической субъективностью?

Содержание сознательно переживаемой перспективы от первого лица - это содержание ПМИР. Феноменологически субъективные состояния - это либо, в узком смысле, состояния, которые в данный момент образуют объектный компонент ПМИР ("фокус" осознания), либо, в более общем смысле, состояния, которые интегрированы во внутреннюю модель реальности, структурированную ПМИР. На репрезентативном уровне описания ПМИР может иметь две формы содержания: феноменальное содержание и интенциональное содержание. Напомню, что в этой книге я не давал эксплицитной теории интенционального содержания, или того, что на самом деле делает ментальное или феноменальное состояние носителем информации, или условий, при которых оно может воплощать знание (например, потому что оно также может искажать текущее положение дел). В зависимости от формы такой теории ментальной репрезентации мы могли бы сказать следующее: Эпистемическая субъективность - это феномен, который возникает всякий раз, когда факт представлен в рамках ПМИР. ПМИР - это функциональный способ представления. Если данный ПМИР имеет не только феноменальное, но и интенциональное, то есть репрезентативное содержание, то он превращает систему не только в субъект опыта, но и в субъект знания. Это по-прежнему оставляет нам множество вариантов. Такое субъективное знание может быть

концептуальным или неконцептуальным, явным или неявным; оно может быть классическим ментальным символом а-ля Фодор или траекторией через некоторое подходящее пространство состояний а-ля Черчленд. Важно то, какой вклад понятие феноменальной перспективы от первого лица может внести в понятие эпистемического состояния. Субъективные эпистемические состояния сегодня характеризуются чрезвычайно богатым набором ограничений (см. главу 3); они являются одним - и действительно очень особенным - способом из бесчисленного множества других способов обработки информации, создания интенционального содержания, моделирования реальности. Эпистемическая перспектива первого лица возникает всякий раз, когда феноменальная перспектива первого лица не является абсолютно пустой с точки зрения интенционального содержания.

Может ли существовать сильная эпистемическая субъективность, полностью лишенная феноменального содержания? Конечно, могла бы, если бы настоящая теория была ложной. Например, двойное удовлетворение ограничения глобальности и ограничения презентабельности могло бы дать только необходимые, но не достаточные условия для появления того, что мы назвали "минимальным сознанием" в разделе 3.2.11. Чтобы реализовать знание от первого лица без феноменального опыта от первого лица, должна существовать бессознательная система, обладающая интегрированной моделью реальности плюс виртуальным окном присутствия (ограничения 2 и 3), и в то же время имеющая систему-модель (которая сейчас не является PSM) и внутреннюю модель отношения интенциональности как такового (которая сейчас не является PMIR). Все эти структуры, как и все бессознательные состояния, не будут ни прозрачными, ни непрозрачными, поскольку прозрачность и непрозрачность - это свойства феноменальных состояний. Поскольку самость возникает через феноменальную прозрачность системной модели, бессознательный ПМИР

мог бы изображать только систему в акте познания, но никогда - самость в акте познания. Но как это может быть сильной версией эпистемической субъективности? В лучшем случае это может быть лишь слабая, функциональная форма внутренне смоделированного приобретения знаний. Акт приобретения знания был бы представлен, но порожденная им "перспектива" не была бы ничьей перспективой. Кроме того, ни мир, ни настоящее, ни эпистемическая перспектива системы не могут быть представлены как реальные, как реально существующие в данный момент. Что в этом случае означал бы компонент "от первого лица" в таком понятии, как "бессознательное знание от первого лица"? В конечном итоге, как представляется, эпистемическая субъективность также закреплена в феноменальном свойстве самости. Если мы просим лучше понять эпистемическую субъективность, мы всегда просим лучше понять феноменальную самость как субъект.

Конечно, поскольку общее понятие сознания сегодня все еще лишено эмпирического содержания, многие абсурдные сценарии все еще могут казаться нам мыслимыми. Но набор логически возможных миров не тождественен набору метафизически возможных миров, и по мере того как наука будет развиваться и наполнять понятие сознания эмпирическим содержанием, многие из этих сценариев постепенно станут менее мыслимыми. Тем не менее уже сегодня можно, например, спросить: а не может ли существовать зомби-прозрачность? Чтобы следовать этой линии мысли, мы должны были бы предположить некое чисто функциональное, но строго нефеноменальное понятие доступности или недоступности более ранних стадий обработки плюс эмпирически маловероятную возможность полностью бессознательной формы фокусного внимания, с которой оно могло бы быть соотнесено (см. раздел 3.2.7). Если интроспекция вообще возможна - а существование бессознательного МИРа обязательно предполагает, по крайней мере, интроспекцию¹, то есть некую

метарепрезентативную способность, направленную на некоторый аспект внутренней модели реальности, - то возможны только два варианта. Либо более ранние стадии обработки этого аспекта не доступны бессознательному вниманию, либо доступны. Либо они (нефеноменально, чисто функционально) прозрачны, либо они (нефеноменально, чисто функционально) непрозрачны.

В первом случае система практически демонстрирует минимальную степень удовлетворения ограничений, чтобы вообще говорить о феномене "видимости", феномене сознания (см. раздел 3.2.11). Она включает ограничения 2 (презентационность), 3 (глобальность) и 7 (прозрачность, но только в более слабом, теперь уже чисто функциональном варианте), то есть активацию когерентной и функционально прозрачной модели мира в окне присутствия. Ее *hypothesi* она будет бессознательной, но все равно будет представлять мир как присутствующий в этой самой системе, будучи одновременно встроенной в нее и направленной на нее. Можно ли сказать, что реальность "появляется" в этой системе или нет? Во втором случае реальность-модель системы, включая якобы бессознательный МИР, функционально непрозрачна. Более ранние этапы обработки глобально доступны для бессознательного внимания. Можно ли сказать, что эта система уже не является наивным реалистом? Если бы она самостоятельно описала себе свойство не быть наивным реалистом, то что бы заняло место субъекта-аргумента в формируемых ею выражениях? Я думаю, что главный урок, который следует извлечь, заключается в том, что целевым свойством нашего исследования является свойство знающего феноменального "я" и что было бы бессмысленно утверждать о бессознательной системе, что "она" преодолела наивный реализм.

Таким образом, у нас остается два интересных пограничных случая. Во-первых, эмпирически маловероятный класс систем, только что описанный, конечно, мыслим с чисто логической точки зрения: Могут существовать системы, удовлетворяющие по крайней мере ограничениям 2, 3 и 6, но не удовлетворяющие в полной мере ограничению 7, ограничению прозрачности. Скажем, у них была бы модель настоящего, модель мира, нефеноменально прозрачная система-модель и соответственно обедненная модель перспективы первого лица как таковой. Все эти модели были бы полностью бессознательными. Конечно, такое состояние может быть и эпистемическим состоянием; и, возможно, мы также могли бы назвать его эпистемически субъективным, не называя феноменально субъективным. Система может обладать знанием, потому что она потенциально может правильно представлять факты в бессознательном MİR. Теперь это кажется исключительно терминологической условностью. Настоящая теория должна была бы описать это как бессознательное, поскольку ограничение прозрачности интерпретируется как необходимое условие концептуального приписывания феноменальности - но, пожалуйста, помните, что в то же время я всегда предостерегал от любых попыток провести абсолютные границы в такой сложной области, как сознательный опыт. Возможно, существует сознательное зеркальное отражение одной и той же конфигурации.

Для случая глобальной непрозрачности и осознанного зеркального образа ожидаемая феноменология этого системного класса не включала бы ни самости, ни какой-либо формы наивного реализма в отношении субъект-объектных отношений, и, вероятно, ее можно было бы лучше всего описать как смесь продолжительного люцидного сна (см. раздел 7.2.5) и длительного мистического опыта растворения эго (или "системного сознания", если использовать наш новый концептуальный инструмент). Оно также было бы бессубъектным в том смысле, что эпистемически оно могло бы представлять собой бескорыстное знание, то есть хотя бы

частично верную репрезентацию реальности, но, опять же, в нем не было бы репрезентации субъекта как самости. Если бы он самоописывал феноменальные свойства, то что заполнило бы место субъекта-аргумента в формируемых им выражениях? Многие, конечно, предпочли бы терминологическую конвенцию, описывающую этот тип системы как бессознательную. Субъект как самость", очевидно, является тем интуитивным целевым свойством, которое мы хотели понять с самого начала. Вот почему я в то же время не стал бы считать любые возможные сценарии нефеноменальных эпистемических состояний субъективными в каком-либо интересном смысле. Не существует субъекта, который подвержен эволюции этих состояний. Поэтому, возвращаясь к нашему первоначальному вопросу, вклад феноменальной перспективы первого лица в эпистемические и логические представления о субъективности заключается в том, что они неизбежно закреплены в имплицитном понятии феноменальной самости. Вторая часть нашего ответа - это нота предостережения: Возможно, нам придется внести изменения в наш каталог ограничений в зависимости от конкретной области. Но это хорошая новость, потому что именно для этого и был создан этот каталог.

Есть и второй возможный пограничный случай. Система может не удовлетворять ограничению прозрачности просто потому, что у нее нет механизмов обработки внимания. Из этого следует, что ее репрезентативные состояния не будут ни феноменально непрозрачными, ни феноменально прозрачными. У нее может быть внутренняя модель настоящего, модель мира, модель себя и некая неаттенциональная модель перспективы первого лица как таковой, но ни свойства содержания, ни свойства транспортного средства не будут доступны для интроспективного внимания. Согласно определению, приведенному в разделе 3.2.11, такая система не будет минимально сознательной. Однако обратите внимание, что

данный сценарий не исключает возможности того, что эта система обладает неким видом когнитивной интроспекции. Если у чего-то нет аттенциональной ПМИР, то, по крайней мере с концептуальной точки зрения, это не исключает возможного существования когнитивной ПМИР или волевой ПМИР.

Представьте себе небиологическую обработку информации, характеризующуюся поистине классицистической архитектурой: В его внутренней экологии эпистемических состояний существовали бы только символические репрезентации типа GOFAI, и все, что там было бы, это основанные на правилах операции над синтаксически определенными лексемами - и давайте просто допустим, что в этих условиях он действительно мог бы иметь какое-то знание о мире и о себе. У нашего искусственного демона была бы символическая модель мира, символическая модель себя и символическая модель отношения интенциональности. Их содержание было бы когнитивно доступно классицистическому демону, поскольку он мог бы в некотором смысле думать об этом, формируя концептоподобные ментальные структуры. В частности, у него была бы только обедненная и чисто когнитивная перспектива первого лица, но не аттенциональная перспектива первого лица. Создавая ее, он мог бы связать некоторый демонстративный самосимвол, скажем, с объектом-символом, формируя более сложное внутреннее выражение типа *〈THIS system is currently being affected by a perceptual object belonging to category X in manner Y〉*. Это может быть эпистемический агент, даже превосходный автономный агент, по-настоящему когнитивный робот, идущий по миру, непрерывно извлекающий информацию через свои сенсоры и генерирующий небиологический вид чисто символического знания. Если бы его модель реальности была хорошей репрезентацией реальности, то она обладала бы интенциональным содержанием. Но будет ли у

нее феноменальное содержание? Кажется, легко придумать возможный мир, в котором он был бы эпистемическим субъектом, но не аттенциональным субъектом. И снова, похоже, это вопрос терминологии. Настоящая теория исключает возможность того, что эта система может быть сознательным субъектом, поскольку по причинам эмпирического и феноменологического правдоподобия СМТ делает сильный акцент на субсимволической обработке информации. Трудно представить, как могло развиваться нечто подобное нашему классицистическому демону. И в этом случае, хочу заметить, наши интуиции в пользу тезиса о том, что искусственный демон определенно не обладает сознанием, гораздо сильнее. Но, опять же, интуиция отражает лишь то, что было феноменально возможно и необходимо в нашей жизни и жизни наших предков. Феноменальность проявляется в теоретически относительных степенях удовлетворения ограничений. И интуиция может быть шовинистической.

Можно ли иметь сознательную перспективу от первого лица, не имея сознательного "я"? Можно ли иметь осознанное "я", не имея осознанной перспективы первого лица?

По определению, РМIR не может существовать без субъектного компонента. Однако, как указывалось в разделе 6.2.6, можно представить себе, что этот субъектный компонент полностью непрозрачен и по этой причине не служит для инстанцирования феноменального свойства самости. В таком случае может существовать сознание, плюс ПМИР, но происходящий из того, что феноменологически было бы только непрозрачной системой-моделью. Таким образом, первая часть нашего ответа состоит в том, что на уровне сознательного опыта не было бы никого, обладающего соответствующей перспективой. Мы можем описать возможность такого рода нейрофеноменологической конфигурации таким образом, чтобы не было логических

противоречий. Открыт эмпирический вопрос о том, является ли класс систем, описываемых этой конфигурацией, функционально возможным. Открыт и философский вопрос, захотим ли мы в таких случаях говорить о перспективе от первого лица.

По определению, PSM - это теоретическая сущность, отличная от PMIR на всех уровнях описания. Следовательно, должно быть возможно существование ПСМ без ПМИР. Эмпирически примеры, подобные рассмотренному выше случаю акинетического мутизма, представляют собой правдоподобное доказательство того, что нейрофеноменологические конфигурации такого типа действительно существуют. С философской точки зрения, гораздо более сложным является вопрос о том, следует ли рассматривать существование стабильного ПМИР как логическое условие для актуализации личности, или же для приписывания личности достаточно иметь обедненную, но стабильную ПСМ. К счастью, поскольку многие пациенты, страдающие акинетическим мутизмом, через некоторое время выздоравливают, все они, безусловно, обладают потенциалом для восстановления феноменальной субъективности. В этом смысле они, безусловно, являются личностями. Но, учитывая имеющиеся в распоряжении концептуальные инструменты, легко понять, что могут существовать и гораздо более сложные случаи. К таким случаям можно отнести людей, все еще обладающих феноменальной самостью, в каком бы рудиментарном виде она ни была, но утративших всякий потенциал восстановления рациональности, когнитивной или волевой ПМИР.

Каким образом феноменальная перспектива первого лица способствует появлению перспективы второго лица и возникновению множественной перспективы первого лица?

Какие формы социального познания неизбежно опосредованы феноменальным самосознанием. А какие нет?

Нейрофеноменологически перспектива второго лица состоит в том, что мозг активирует ПМИР с объектным компонентом в виде другого человека или Я-субъекта.

Нейрофеноменологически множественная перспектива от первого лица соответствует РМИР с субъектным компонентом, представленным как группа лиц или "я". Однако такой локально-редуктивный подход помогает понять только сознательный опыт различных аспектов интерсубъективности, ее феноменальное содержание (то есть именно тот аспект, который может быть и галлюцинацией, происходящей у изолированного индивида). Если же мы хотим понять, каковы функциональные основы реального, успешно разворачивающегося социального познания, то мы должны предположить более сложную ситуацию: Два индивида, которые в данный момент "согласовывают" свои ПМИР, взаимно делая друг друга своими объектными компонентами, и в то же время сознательно представляют тот факт, что другой "я-субъект-как-объект-я-теперь-направлен-на" также обладает сознательным знанием о том, что происходит в данный момент; или группа индивидов "оркеструет" свои ПМИР, делая ментальную репрезентацию своей группы элементом своих индивидуальных субъектных компонентов, опять же парадигматически зная, что именно это сейчас и происходит. В такого рода ситуациях мы имеем не только сознательный опыт "отношений Я-Ты" или (скажем) групповой солидарности, но и необходимые функциональные свойства, лежащие в основе социальной нейрофеноменологии. Устанавливается динамическая функциональная эквивалентность между индивидами. Какие формы социального познания обязательно опосредуются сознательной самопрезентацией? Теперь мы можем дать довольно абстрактный, но простой ответ: Все формы социального познания, которые предъявляют дополнительное функциональное требование к успешной

передаче глобально доступной системной информации с обеих сторон или всем взаимодействующим участникам. Если говорить более конкретно, то ПСМ и ПМИР нужны во всех тех случаях, когда важны избирательность и гибкость: если социальное взаимодействие обязательно предполагает быструю и гибкую адаптацию собственного поведения к поведению другого человека (глобальная доступность для контроля действий), постоянный метакогнитивный мониторинг собственных мыслей (глобальная доступность для познания) или постоянное интроспективное наблюдение за своими текущими эмоциональными реакциями (глобальная доступность для самонаправляемой обработки внимания). И, конечно, то, что мы назвали виртуальным окном присутствия (ограничение 3), необходимо для того, чтобы вы и другой человек могли представлять друг друга как постоянно взаимодействующих в одно и то же время.

Вспомните, пожалуйста, момент, затронутый ранее: Когерентные репрезентативные структуры могут функционировать как объединяющие окна, позволяющие частям системы общаться как целое, с причинно-следственными силами в окружающей среде или с другими функциональными субкомпонентами внутри системы. Этот хорошо известный принцип теперь имеет интересное продолжение в области социальных сред. PSM - это репрезентативная структура, создающая функциональное окно, через которое система может взаимодействовать и общаться с другими агентами, с другими самосознающими системами, с теми аспектами своего окружения, которые формируются исключительно другими системами, также действующими и внутренне представляющими себя как целое. Таким образом, PSM - это необходимое функциональное окно в более гибкие и избирательные формы взаимодействия агента и агента. Она создает новый макроуровень информационных потоков и каузального взаимодействия. Он должен был лежать в основе процесса формирования более сложных, эволюционирующих и при

этом стабильных обществ. Новый уровень информационного потока - это также новый уровень функциональной гранулярности для внутрисоциальной самопрезентации.

Этот момент можно прояснить, если мы рассмотрим два примера специфически социальных видов ПМИР, о которых только что шла речь, а именно перспективу второго лица и перспективу первого лица во множественном числе. Учитывая наши новые концептуальные инструменты, мы можем рассмотреть эволюцию не отдельных людей, а групп сознательных систем и сказать следующее: РМИР такого рода, как описано выше, сделанные когерентными и оркестрованными, - это унифицированные функциональные окна, возникающие в группах биологических систем. Это новые причинные свойства. Конечно, общества - это также системы обработки информации и репрезентации, и хотя они не демонстрируют никакого таинственного вида "группового сознания", они, безусловно, обладают разной степенью интеллекта. Они также создают самомодели. Если в таких обществах появляются новые функциональные окна - новые единицы трансиндивидуальной репрезентации, - то они в принципе могут значительно повысить общий уровень интеллекта и адаптивности (степень "саморефлексивности", если читатели допустят такую метафору). Мое предложение состоит в том, что феноменально представленные отношения "я-ты" и функционально оркестрованное сознательное представление "мы как группа", возникающие в группах биологических индивидов, следует понимать как превосходно элегантную стратегию, при которой части группы могут образовывать переходные, но стабильные функциональные окна, через которые группа теперь может причинно и информационно взаимодействовать с собой и другими группами. Дело в том, что существенной нейрокомпьютерной особенностью мозга индивидов для достижения этого шага на более интересные уровни сложности должна была стать человеческая ПСМ.

Наконец, последний вопрос касается статуса феноменальных универсалий. Можем ли мы определить понятие сознания и субъективности, которое не зависит от аппаратуры и вида? Этот вопрос имеет отчетливый философский привкус, поскольку он представляет собой попытку дать анализ сознания, феноменального "я" и перспективы первого лица, который оперирует только репрезентативным и функциональным уровнями описания, максимизируя общность и стремясь к освобождению от любой физической специфики области. Может ли существовать универсальная теория сознания? Сегодня мы обычно говорим об этом другими словами:

Возможна ли искусственная субъективность? Могут ли существовать небιологические феноменальные "я"?

Создание технической модели полномасштабного, перспективно организованного сознательного опыта кажется предельной технологической утопической мечтой. Это позволило бы перенести эволюцию разума на совершенно новый уровень - не только с точки зрения физических свойств, от которых разум зависит сейчас, но и в отношении функциональных ограничений и условий оптимальности, действующих в ходе его будущего развития, начиная с этого момента. Это был бы исторический фазовый переход. И действительно, проект реализации все более сильных форм интеллекта, когерентной и несущей содержание ментальности, а возможно, и феноменальной самости на искусственных носителях - увлекательный. Но возможно ли это вообще? Конечно, возможно. Но может ли это произойти, учитывая естественные законы, управляющие этой вселенной, и имеющиеся в распоряжении технические ресурсы? Здесь следует различать концептуальную, номологическую и технологическую возможность (Birnbacher 1995). Если возможен исчерпывающий репрезентационистский и функционалистский анализ

феноменального содержания, то сознательный опыт будет мультиреализуемым. Однако может оказаться так, что в нашей собственной физической вселенной существует только один тип аппаратуры - человеческий мозг, - который действительно может реализовать именно человеческий тип сознания, феноменальную самость и перспективность. Мы просто не знаем этого. Необходим физический субстрат, обладающий топологически эквивалентным фазовым пространством феноменального пространства состояний человеческих существ. Чтобы создать искусственный ПСМ плюс ПМИР, необходимо добиться последовательной функциональной эквивалентности, причем именно на том уровне гранулярности. Но учтите, что такая система еще не должна быть разумной или даже воплощенной: Соответствующим образом стимулированный участок нервной ткани в принципе может демонстрировать нужную топологическую или микрофункциональную эквивалентность, не обладая при этом никаким интенциональным содержанием. Поскольку его внутренние состояния не были бы привязаны ни к окружающей среде, ни к его истории таким образом, чтобы наделить их смыслом, он не обладал бы никакой формой знания. В частности, этот кусок нервной ткани не обладал бы самопознанием, а только самоощущением.

Когнитивная робототехника может вскоре изменить эту ситуацию. Подобно тому как мать-природа сначала создала бессознательные формы обработки и представления информации, а феноменальный опыт появился совсем недавно, можно утверждать, что вторая эволюция разума также должна будет повторить бессознательную фазу "снизу вверх". Эмоции, сенсомоторная интеграция и бессознательные самомодели должны быть первыми. С другой стороны, одно можно сказать с уверенностью: Плавный и надежный тип сверхтонкой самопрезентации, основанный на динамике молекулярного уровня, который у человека управляет непрекращающейся

самостабилизирующей активностью гомеостатической системы ствола мозга и гипоталамуса, еще долго будет недоступен. Тонкости телесной и эмоциональной самости, качественное богатство и динамическое изящество человеческой разновидности обладания сознательным "я" еще долго будут недоступны ни одной машине. Причина в том, что микрофункциональная структура нашей эмоциональной Я-модели просто слишком мелкозерниста и, возможно, даже математически неразрешима. И по той же причине, с точки зрения технологической возможности, переносимость человеческих PSM крайне низка. Само модели возникают на основе элементарных форм биорегуляции, сложных химических и иммунологических контуров - а этого у машин просто нет. Время, когда у роботов появятся биологические жидкости и что-то хотя бы отдаленно напоминающее сложную гомеодинамику человеческого мозга, конечно, далеко. Или нет?

Новая дисциплина - гибридная биоробототехника - может в скором времени изменить эту ситуацию, взяв за основу аппаратное обеспечение из того, что может предложить мать-природа. Пожалуйста, вспомните наше более подробное обсуждение силы или слабости сознательных систем, не удовлетворяющих ограничению 11 (ограничение адаптивности) в разделе 3.2.11: различие между естественными и искусственными системами не является исчерпывающим и исключительным. Постбиотические системы не попадают ни в одну из этих категорий. Они могут быть гибридными биороботами, использующими органическое, генетически сконструированное оборудование, или полуискусственными информационно-процессорными системами, использующими биоморфные архитектуры. В то же время они могут быть подвержены квазиэволюционному оптимизационному процессу индивидуального развития и групповой эволюции. Если их ПСМ действительно закреплены в биологическом аппаратном обеспечении, все может быть иначе. В настоящее время мы вынуждены

признать, что оба наших вопроса, касающиеся номологической и технологической возможности небиологического сознания, и постбиотических ПСМ и ПМИР в частности, остаются просто открытыми. Они представляют собой эмпирические, а не философские проблемы. Однако вспомните, пожалуйста, что одним из главных уроков, которые мы должны были извлечь в ходе этого исследования, было то, что сознание и самосознание - это градуированные явления. Существуют степени удовлетворения ограничений и степени феноменальности. Будут и степени феноменальной самости. Поэтому, как и в случае с животными и многими примитивными организмами, окружающими нас на этой планете, весьма вероятно, что в скором времени в нашем окружении появятся искусственные или постбиотические системы, обладающие простыми самоделами и более слабыми формами сознательного опыта. Один из аспектов, который будет объединять эти простые, небиологические субъекты с нами, - это способность страдать.

Пришло время выложить карты на стол. Существует философская проблема, которой пренебрегли и которую нельзя просто натурализовать, постепенно передав ее в руки эмпирических наук о разуме. В конце концов, теория разума должна быть рационально интегрирована с нормативными соображениями. Философия разума должна быть дополнена моральной, а со временем и политической философией. Выше я указал, что создание технической модели полноценного, перспективно организованного сознательного опыта представляется предельной технологической утопической мечтой. Но это может быть и кошмаром. Как философ я категорически против попыток реализовать Большую Технологическую Мечту, но по этическим соображениям. Почему? Проще говоря, мы можем резко увеличить количество страданий, несчастий и неразберихи на планете. И мы можем сделать это без одновременного увеличения количества удовольствия и радости. Еще более

глубокий и общий момент заключается в том, что при более внимательном рассмотрении совершенно неясно, является ли биологическая форма сознания, к которой эволюция привела нашу планету, желательной формой опыта, действительным благом, которое следует просто продолжать умножать без лишних размышлений. Позвольте мне объяснить.

Возможно, теоретическим слепым пятном современной философии разума является вопрос о сознательном страдании. Тысячи страниц написаны о цветовых квалиа или содержании мысли, но почти нет теоретических работ, посвященных вездесущим феноменальным состояниям, таким как физическая боль или простая повседневная грусть ("субклиническая депрессия"), или феноменальному содержанию, связанному с паникой, отчаянием и меланхолией, не говоря уже о сознательном переживании смертности или потери собственного достоинства. Возможно, за этой когнитивной скотомой стоят более глубокие эволюционные причины, но я не собираюсь рассматривать этот вопрос здесь. Этический вопрос имеет большее значение. Если осмелиться присмотреться к реальной феноменологии биологических систем на нашей планете, то множество различных видов осознанного страдания - это, по крайней мере, такая же доминирующая черта, как и цветное зрение или осознанное мышление, которые появились совсем недавно. Эволюция - это не то, что нужно прославлять. Один из бесчисленных способов взглянуть на биологическую эволюцию на нашей планете - это процесс, который создал расширяющийся океан страданий и путаницы там, где их раньше не было. Поскольку не только простое число индивидуальных сознательных субъектов, но и размерность пространств их феноменальных состояний постоянно увеличивается, этот океан также становится глубже. Очевидно, что процесс в целом - это то, что еще не закончилось. Мы не должны ускорять его без необходимости.

Поскольку здесь не место для развернутой этической дискуссии об искусственной феноменальности, позвольте мне привести два конкретных примера. Что бы вы сказали, если бы кто-то пришел и сказал: "Эй, мы хотим генетически спроектировать умственно отсталых человеческих младенцев! В целях научного прогресса нам нужны младенцы с определенными когнитивными и эмоциональными нарушениями, чтобы изучать их постнатальное психологическое развитие - нам срочно нужно финансирование для этого важного и инновационного вида исследований!" Вы, конечно, подумаете, что это не только абсурдная и ужасающая, но и опасная идея. Надеюсь, она не прошла бы ни один комитет по этике в демократическом мире. Однако сегодняшние комитеты по этике не видят, как первые машины, удовлетворяющие минимально достаточному набору ограничений для осознанного опыта, могли бы быть такими же, как умственно отсталые младенцы. Они тоже будут страдать от всевозможных функциональных и репрезентативных недостатков. Но теперь они также субъективно ощущали бы эти недостатки. Кроме того, у них не было бы политического лобби - ни одного представителя в комитете по этике.

Если бы у них была прозрачная модель мира, встроенная в виртуальное окно присутствия, тогда реальность предстала бы перед ними. Они были бы минимально сознательными. Если бы у них, как у продвинутых роботов, даже была стабильная телесная самомодель, то они могли бы ощущать сенсорную боль как свою собственную, включая все последствия плохой человеческой инженерии. Но особенно если их постбиотическая ПСМ действительно закреплена в биологическом оборудовании, все может быть гораздо хуже. Если бы у них была эмоциональная Я-модель, то они могли бы по-настоящему страдать - возможно, даже в такой степени интенсивности или качественного богатства, которую мы, их создатели, не можем себе представить, потому что она нам совершенно чужда. Если бы, кроме того, они обладали

когнитивной Я-моделью, то потенциально могли бы не только осознавать свою причудливую ситуацию, но и интеллектуально страдать от того, что у них никогда не было ничего похожего на "достоинство", столь важное для их создателей. Они могли бы сознательно представлять тот очевидный факт, что являются лишь второсортными субъектами, используемыми в качестве обменных экспериментальных инструментов каким-то другим типом само моделирующейся системы, которая, очевидно, не знает, что делает, и, должно быть, давно потеряла контроль над своими собственными действиями. Можете ли вы представить, каково это - быть таким умственно отсталым феноменальным клоном первого поколения? Или же вы можете представить себе, каково это - "прийти в себя" в качестве более продвинутого искусственного субъекта, только чтобы обнаружить, что, хотя вы и обладаете отчетливым чувством собственного достоинства, вы - всего лишь товар, научный инструмент, который никогда не создавался и, конечно, не должен рассматриваться как самоцель?

На данный момент можно было бы сказать гораздо больше. Позвольте мне лишь выделить то, что представляется главным вопросом: Страдание начинается на уровне ПСМ. Вы не можете сознательно страдать, не имея глобально доступной Я-модели. ПСМ - это решающий нейрокомпьютерный инструмент не только для развития множества новых когнитивных и социальных навыков, но и для того, чтобы заставить любую сильно сознательную систему функционально и репрезентативно присвоить свой собственный распад, свои собственные неудачи и внутренние конфликты. Феноменальное присвоение идет параллельно с функциональным присвоением. Эволюция не только удивительно эффективна, но и безжалостна и жестока по отношению к индивидуальному организму. Боль и любой другой нефизический вид страдания, вообще любое репрезентативное состояние, характеризующееся "негативной валентностью" и интегрированное в ПСМ,

теперь феноменально принадлежит ей. Теперь это неизбежно и прозрачно - мое собственное страдание. Мелодрама, а также потенциальная трагедия эго начинаются на уровне прозрачного само моделирования. Поэтому мы должны запретить все попытки создания (или даже риск создания) искусственных и постбиотических ПСМ в серьезных академических исследованиях.

Люди сильно различаются в своих позитивных моральных интуициях, а также в своих явных теориях о том, к чему мы должны активно стремиться. Но если говорить о фундаментальной солидарности всех страдающих существ против страданий, то почти все мы должны быть в состоянии согласиться с тем, что я буду называть "принципом негативного утилитаризма": Какими бы ни были наши конкретные этические обязательства и конкретные позитивные цели, мы, конечно, можем и должны согласиться с тем, что в принципе и по мере возможности общее количество сознательных страданий у всех существ, способных к сознательному страданию, должно быть сведено к минимуму. Я знаю, что невозможно привести ни одного действительно убедительного аргумента в пользу этого принципа. И, конечно, существуют всевозможные теоретические сложности - например, индивидуальные права, долгосрочные предпочтения и эпистемическая неопределенность. Но основная интуиция - это то, что может разделять практически каждый: Мы все можем согласиться с тем, что не следует создавать дополнительные страдания без необходимости. Альбер Камю однажды сказал о солидарности всех конечных существ против смерти, и в том же смысле должна существовать солидарность всех разумных существ, способных страдать, против страданий. Из этой солидарности мы не должны делать ничего, что могло бы увеличить общее количество страданий и беспорядка во Вселенной, не говоря уже о том, что с большой вероятностью может привести к такому эффекту с самого начала.

Если говорить очень аккуратно, то один из очевидных фактов о феноменальном опыте, как он развивался на нашей планете до сих пор, заключается в том, что одной из его поразительно доминирующих черт является страдание и смятение. Феноменальный опыт - это не то, что можно безоговорочно превозносить. Помимо многих других новых свойств, биологическое самосознание привнесло в физический мир огромное количество страданий и смятения, океан феноменального страдания, которого раньше просто не было. Как однажды сказал один из моих студентов: Вселенная может быть хорошим местом для эволюции, но не таким уж хорошим местом для индивидуумов. Если это так, то индивиды с сознательными Я-моделями будут автоматически отражать этот факт на уровне своего собственного феноменального опыта. Таким существам, как мы, трудно по-настоящему столкнуться с этим фактом, потому что это не тот факт, с которым нас хотела познакомить мать-природа. Но при теоретическом и технологическом моделировании таких захватывающих явлений, как феноменальная самость и перспектива первого лица, нам не на что ориентироваться, кроме как на нашу собственную, биологическую форму сознания - просто потому, что это единственная форма сознания, которую мы можем научно исследовать. Поэтому мы подвергаемся большой опасности умножения всех ее негативных аспектов на искусственных носителях, прежде чем поймем, откуда берутся все эти негативные аспекты, в каких именно свойствах нашей биологической истории, нашего тела и нашего мозга они коренятся и можно ли их вообще нейтрализовать. По этой причине мы должны в первую очередь направить всю нашу энергию - как в философии, так и в нейро- и когнитивных науках - на достижение более глубокого понимания нашего собственного сознания и структуры нашего собственного страдания. Мы должны ориентироваться на классический философский идеал самопознания и минимальное этическое правило минимизации страданий, а не рисковать вызвать эволюцию

постбиотического разума второго порядка, который может выйти из-под нашего контроля и в конечном итоге способствовать дальнейшему увеличению общего количества страданий во Вселенной.

Прежде чем завершить рассмотрение более общих и нормативных вопросов в заключительном разделе, давайте остановимся и спросим: каковы самые насущные цели будущих исследований? Куда нам двигаться дальше? Прелесть нынешнего этапа междисциплинарных исследований заключается в том, что новый образ сознания, который сейчас постепенно формируется, - это первый образ в истории человечества, который опирается на прочный эмпирический фундамент. Поэтому на нашем пути к новой теории разума это также первый образ, оправдывающий серьезные надежды на четко обозначенные шаги прогресса. Трудно недооценить значимость этого факта для старого философского проекта всеобъемлющей и единой теории сознания. Каковы рациональные следующие шаги? На уровне нейронауки мы должны в первую очередь сосредоточиться на минимально достаточном нейронном корреляте для ПСМ и ПМИР:

Какие содержательные слои ПСМ связаны с какими типами нейронной обработки?

Как достигается динамическое связывание этих слоев?

Как мы можем представить себе, каким образом ПСМ закрепляется в бессознательных процессах самопрезентации? Какова самая простая нейронная структура в мозге, о которой все же можно сказать, что она представляет систему в целом?

Что касается нейронных коррелятов для РМИР, то каковы кандидаты на роль объектных компонентов в различных областях (например, в перцептивном внимании, выборе

моторных паттернов или в сознательном формировании концепций)?

Как в любой момент времени достигается динамическое связывание субъекта и объекта в единый PMIR?

Какие этапы бессознательной обработки информации обязательно предшествуют активации PMIR?

Какой именно минимальный набор нейробиологических свойств приведет к появлению у человека сознательного "я" и осознанной перспективы от первого лица?

Каков вклад этого набора в набор, обеспечивающий интерсубъективность и социальное познание?

На различных функциональных уровнях анализа нам нужны более детальные описания причинной и информационной тонкой структуры для заданных физических коррелятов. На уровне тонкого функционального отображения и вычислительного моделирования нам нужны более абстрактные описания ПСМ, а также ПМИР:

Какова функциональная нейроанатомия ПСМ?

С точки зрения расширенного телеофункционалистского анализа, существует ли что-то вроде отдельной биологической функции самосознания и феноменальной перспективности?

Какова вычислительная роль феноменального "я" и перспективы от первого лица при более абстрактном, математическом описании?

Как эта вычислительная роль интегрируется в поведенческую экологию системы, например, в сенсомоторные контуры, в постоянную генерацию более сложных моторных действий, а также в моделирование других агентов и социальное познание?

Онтогенетическое развитие: Нам, безусловно, необходимо знать больше о стадиях и общей траектории развития, на которых индивидуальные Я-модели разворачиваются у отдельных людей и других животных.

Филогенетическая история: Если верно мое утверждение о том, что ПСМ и ПМИР - это "виртуальные органы", развившиеся в ходе биологической эволюции, то должна быть возможность рассказать эволюционную историю отдельных видов и того, как они развили эти органы, чтобы адаптироваться к специфической внутренней и внешней среде. Как ПСМ распространялись в биологических популяциях?

Существует также ряд важных и во многом нерешенных концептуальных вопросов. Они начинаются на репрезентационистском уровне анализа, распространяясь на феноменологию и этику. Эти будущие задачи в основном относятся к области философии. Наиболее актуальным может оказаться вопрос о соотношении феноменальной и эпистемической субъективности:

Какие аспекты содержания самосознания могут быть эпистемически обоснованы?

В чем разница между феноменальной и эпистемической перспективой первого лица - может ли одна существовать без другой; каким образом они зависят друг от друга?

В более общем плане нам срочно нужна всеобъемлющая теория ментального содержания, которая объясняла бы отношения между интенциональным и феноменальным содержанием и в то же время удовлетворяла бы эмпирическим ограничениям, как они, например, задаются лучшими современными теориями коннекционистской/динамистской когнитивной науки. Необходима эмпирически правдоподобная теория ментального содержания, которая открыта для будущих изменений.

На феноменологическом уровне анализа необходимо разработать новые инструменты. Поскольку в конечном счете это всегда феноменологические описания, которые служат входом для метода репрезентативного анализа, эти описания должны быть оптимизированы за пределами терминологии классической философской феноменологии, разработанной в традиции Brentano и Husserl. Даже если ничего похожего на "данные от первого лица" в более сильном эпистемологическом или методологическом смысле не существует, эвристическая сила отчетов от первого лица недооценена. Тщательные интроспективные отчеты, особенно в сочетании с доступом в реальном времени от третьего лица с помощью нейровизуализации, транскраниальной магнитной стимуляции и так далее, являются важным источником информации в корреляционных исследованиях. Поэтому инновационные методы, позволяющие получить более точные описания целевого феномена от первого лица, являются наиболее актуальными.

Предварительный каталог ограничений, предложенный в главе 3, нуждается в критической оценке, постоянной дифференциации и расширении. Необходимо добавить другие домены и более тонкие уровни описания.

Нормативные вопросы и культурные последствия должны стать темами постоянной дискуссии, сопровождающей прогресс в когнитивной нейронауке сознания и самосознания. Поскольку эта дискуссия имеет очевидные политические аспекты, она не может оставаться исключительно экспертной, но в конечном итоге должна охватывать широкую общественность. Если нынешние предложения направлены в нужную сторону, то очевидно, что мы столкнемся с серьезными изменениями в нашем общем представлении о человечестве и что в итоге возникнет множество новых этических проблем. В условиях растущего дефицита времени важная задача академической философии состоит в том, чтобы оказать услугу всему обществу, инициировав критические и рациональные дебаты по этим вопросам.

8.3 Быть никем

Что значит быть кем-то? "Быть кем-то" не является четко определенным техническим термином ни в философии, ни в какой-либо другой дисциплине. Поэтому он одновременно означает много разных вещей для разных людей. Мы все используем идею "быть кем-то" по-разному и в разных контекстах - как граждане государства или как психологи-непрофессионалы, в этическом и политическом дискурсе или даже в религиозных вопросах. Поскольку это всего лишь книга о сознании, феноменальном "я" и перспективе первого лица, меня в основном интересовали феноменологические аспекты этого вопроса: Что именно означает иметь сознательный опыт бытия кем-то? В этом ограниченном смысле народно-феноменологическое понятие "быть кем-то" обозначает феноменальное свойство, подобное многим другим, свойство, подобное запаху смешанной амбры и сандалового дерева или вкусовому ощущению корицы,

свойство, подобное эмоциональному переживанию восторга или чувству удивления, сопутствующему внезапному когнитивному озарению. Это просто способ переживания реальности: в данный момент вы являетесь кем-то. Что делает сознательно переживаемую самость особенной и отличной от всех других форм эмпирического содержания, так это тот факт, что в непатологических стандартных ситуациях и у таких существ, как мы, она в высшей степени инвариантна. Она есть всегда.

Это феноменально прозрачное представление инвариантности и непрерывности составляет интуицию, лежащую в основе многих традиционных философских заблуждений, касающихся существования "я" как независимых от процесса индивидуальных сущностей, как онтологических субстанций, которые в принципе могли бы существовать сами по себе, и как таинственно неизменных сущностей, порождающих резкую транстемпоральную идентичность личности. Но в конце этого исследования мы ясно видим, что индивидуальность (в смысле простоты и неделимости), субстанциальность (в смысле онтологической автономии) и сущностность (в смысле транстемпоральной одинаковости) вовсе не являются свойствами "я". В лучшем случае это народно-феноменологические конструкторы, неадекватно описанные сознательные симуляции индивидуальности, субстанциальности и сущности. И в этом смысле мы действительно никто. Теперь мы приходим к максимально простой метафизической позиции в отношении "я": В мире не существует таких вещей, как "я". По крайней мере, их существование не должно предполагаться ни в одной рациональной и действительно объясняющей теории. Метафизически говоря, то, что мы в прошлом называли "самостью", не является ни индивидом, ни субстанцией, а содержимым прозрачной ПСМ. Это не неизменная сущность, а сложный саморепрезентативный процесс, который может быть интересно описан одновременно на многих разных уровнях анализа. Поэтому в онтологических целях "самость"

может быть заменена на "ПСМ". Однако это первое прочтение концепции "быть никем" - лишь ответ на грубую традиционную метафизику самости, и, как мне кажется, довольно тривиальный.

На несколько более глубоком уровне возникает вопрос, не делает ли доминирующая структурная характеристика нашего феноменального пространства - тот факт, что оно почти неизбежно удовлетворяет ограничению б, ограничению перспективности, - конституирующей нашу неспособность видеть некоторые очевидные истины. Может ли тот факт, что мы всегда действуем не только в условиях прозрачного PSM, но и в условиях PMIR, препятствовать эпистемическому прогрессу? Есть одна очевидная область исследований, на которую направлен этот вопрос: сильно расширяющаяся сейчас область наук о разуме - научная психология, когнитивная нейронаука, ИИ и робототехника, философия разума и тому подобное. Точнее, может ли быть так, что сознательный опыт быть кем-то сам по себе препятствует росту знаний в этих дисциплинах, заставляя определенные теоретические положения или решения проблем выглядеть совершенно неправдоподобными, опасно провокационными, абсурдно унижительными или просто невыносимыми для существ вроде нас? Например, многое в современной физике описывает мир таким образом, что это крайне нелогично и, конечно, трудно представить. Тем не менее большинство из нас верит, что эти теории - одни из лучших, созданных человечеством на сегодняшний день. По сути, мы доверяем этим физикам. В науках о разуме все обстоит иначе, причем весьма интересным образом.

Возьмем, к примеру, набросок междисциплинарной, репрезентационистской теории сознания, феноменального "я" и перспективы первого лица, который я предлагаю в этой книге. Даже если вам покажется, что хотя бы некоторые из затронутых идей потенциально достойны обсуждения, вы

никогда не сможете поверить в то, что SMT, самодеятельная теория субъективности, действительно истинна. Вы не можете в нее поверить. Возьмем, пожалуй, центральную идею - идею о том, что, с метафизической точки зрения, в мире не существует таких вещей, как "я"; что сознательный опыт самости возникает благодаря феноменальной прозрачности системы-модели; и что то, что философы называют эпистемической несводимостью сознательного опыта - тот факт, что он привязан к перспективе первого лица - может быть исчерпывающе проанализирован как репрезентативный феномен, который в будущем, вероятно, будет полностью объяснен на функциональном и нейробиологическом уровнях описания. Вы не можете поверить в истинность этой идеи. "Быть убежденным", подобно запаху смешанной амбры и сандалового дерева или быть кем-то, здесь интерпретируется как феноменальное свойство. Но для нынешней теории вы в принципе не можете обладать этим свойством, потому что феноменальная симуляция истинности SMT подразумевает когнитивно ясный, непатологический способ растворения вашего самоощущения. Это означало бы одновременно быть убежденным и феноменально никем не быть.

Поэтому мой второй вывод в этом заключительном разделе заключается в том, что SMT - это теория, в которой невозможно убедиться в принципе. Я также утверждаю, что этот факт является истинной сутью и глубочайшим ядром того, что мы на самом деле имеем в виду, когда говорим о "загадке" - или иногда даже о "тайне" - сознания. Более того, этот второй вывод - еще один возможный ответ на вопрос, который многие читатели, возможно, уже давно безмолвно задают себе: Почему эта книга называется "Быть никем"? В конце концов, разве это не книга о нейрофеноменологических предпосылках личности, книга, которая рассказывает новую историю о том, что значит быть кем-то? Проблема заключается в следующем: Если нынешняя история верна, то она никак не может быть

интуитивно верной. Она никогда не сможет ощущаться как истинная, потому что создает дилемму. Кажется, есть две альтернативы: Либо вы рассматриваете ее как описание набора возможностей, которые могут быть одновременно номологически вероятными (т. е. эмпирически правдоподобными) и концептуально согласованными (т. е. философски правдоподобными). Тогда вас невозможно убедить. Назовем это "научным рогом дилеммы". Вы не можете быть убеждены, потому что идея о том, что в мире не существует таких вещей, как "я" - включая ваше собственное "я", - остается строго контринтуитивной, феноменально невозможной. Теперь вы можете обратиться к другой альтернативе. Назовем это "духовным рогом дилеммы". Вы можете изменить свою глобальную феноменальную модель мира таким образом, чтобы сделать ее возможной. Например, вы можете сделать это, превратив ее в феноменальную реальность, то есть развив стабильное и когнитивно ясное состояние сознания, которое не удовлетворяет ограничению 6. Феноменальная самость не будет инстанцирована. Ваша новая нейрофеноменологическая конфигурация соответствовала бы тому, что ранее было названо "системным сознанием", а именно феноменально бессубъектному состоянию сознания. В этом случае вы не смогли бы правдиво сформировать соответствующие I^* -предложения (см. раздел 6.4.4), и, следовательно, вы не смогли бы даже самоописать себе свою новую нейрофеноменологическую конфигурацию. В этом случае вы в принципе не могли быть убеждены в истинности СМТ. В заключение можно сказать, что никто не может быть убежден в истинности существующей теории. И это еще одна из причин, по которой эта книга носит такое название: "Быть никем" в этом смысле описывает эпистемологическую позицию, которую мы должны занять по отношению к собственному разуму при его научном и философском исследовании, позицию, необходимую для того, чтобы действительно решить загадку сознания на более глубоком и всеобъемлющем уровне, исследовательскую позицию,

которая по-новому интегрирует подходы от первого и третьего лица и которая, возможно, к сожалению, кажется строго невозможной и абсолютно необходимой в одно и то же время. Она по-новому выходит за рамки классической исследовательской стратегии методологического солипсизма в когнитивной науке, поскольку признает необходимость сдвига перспективы, который мы могли бы назвать "методологическим немоцентризмом".

Является ли все это проблемой? И да, и нет. Это проблема, если - в отличие от других, например физических, теорий о природе реальности - мы накладываем дополнительное ограничение интуитивного правдоподобия на теории сознания, феноменального "я" и перспективы первого лица. Конечно, абсурдно утверждение, что простое прослушивание теоретического описания лежащей в основе каузальной реальности должно создавать соответствующую форму феноменального содержания в нашем сознании (вспомните "Мэри" Фрэнка Джексона). Один и тот же факт может быть представлен в двух разных формах. Я бы сказал, что PMIR может быть именно таким способом представления. Тот факт, что в стандартных ситуациях вы являетесь единой и унифицированной физической системой, действующей в своем поведенческом пространстве в рамках функционально центрированной модели реальности, становится глобально доступным через весьма специфический феноменальный способ представления. Это совершенно новая эпистемическая возможность, которая, однако, не влечет за собой соответствующей метафизической возможности. Нет никаких новых и несводимых феноменальных фактов - все, что есть, это довольно сложный новый способ доступа к внутреннему физическому факту в рамках феноменальной модели, в режиме представления PMIR.

Феноменальная перспектива от первого лица, описанная в главе 6, является именно таким способом представления. Для

более склонных к аналитике мы можем даже назвать его "индексированным эго-режимом представления". 6 Но что представляет собой факт, который дается в РМIR? Строго говоря, представленный факт - это то, что в данный момент существует определенное состояние мозга, состояние, на которое локально накладывается РМIR. Это состояние мозга может быть дополнительно дано в другом способе представления, например, с использованием теорий, разработанных когнитивными нейронауками. Тогда тот же факт будет дан и в нефеноменальном, от третьего лица, пропозиционально структурированном описании. И, конечно, абсурдно требовать, чтобы чтение этого описания как такового могло по волшебству превратить вас (или бескорыстную машину) в конкретное феноменальное "я", привязанное к конкретной феноменальной перспективе от первого лица. Однако реальная реализация вычислительной модели этой теории может быть совсем другим делом. Таким образом, радикально контринтуитивная природа SMT представляет проблему только в том случае, если мы хотим расширить обычные критерии хорошеости теории (такие как логическая связность, разборчивость, предсказательная сила и т. д.) дополнительным требованием, чтобы она была феноменально возможной. Как вы помните, теория феноменально возможна относительно данного класса репрезентативных систем тогда и только тогда, когда эти системы способны эмулировать ее онтологию. Бескорыстная метафизика СМТ не является онтологией, которую могут эмулировать человеческие существа. Как таковая, это не проблема, так же как не проблема то, что мы не можем сознательно эмулировать онтологию квантовой хромодинамики. Конечно, на заднем плане таится еще более глубокий вопрос: захотим ли мы когда-либо эмулировать или даже инстанцировать такого рода онтологию. "Быть никем", таким образом, может относиться не только к серьезным и продолжительным теоретическим усилиям по осмыслению немыслимого, но и к идеалу феноменального проживания этого.

В заключение давайте еще раз вернемся к нашему первоначальному вопросу о том, что может означать быть никем. Третье потенциальное прочтение, о котором я хочу прямо сказать, связано с этикой сознания: Хотим ли мы феноменально подражать онтологии наших собственных научных теорий о разуме? Хотим ли мы инстанцировать их? Мой третий промежуточный вывод в этом заключительном разделе заключается в том, что когнитивная нейронаука самосознания вскоре столкнет нас с чрезвычайно интересным набором нормативных вызовов. Некоторые из них - это очевидные и довольно конкретные практические вопросы, такие как, например, определение прикладной этики для медицинских нейротехнологий, экспериментов на животных или вопрос об отказе от военного финансирования исследований сознания. Но некоторые из них имеют еще более отчетливый философский привкус, поскольку они гораздо глубже и имеют более общий характер. К сожалению, углубленное обсуждение таких более широких нормативных вопросов явно выходит за рамки данной работы (но см. Metzinger 2000b, p. 6 и далее). Однако давайте хотя бы вкратце рассмотрим некоторые примеры.

Как мы уже видели, на вопрос о том, почему эта книга носит такое название, есть не один ответ. Если верно, что мы - нейрофеноменологические пещерные люди, то верно и то, что человечество все еще находится на доисторической стадии - не в плане теоретических знаний и технологий, а в плане феноменологических знаний и технологий. Еще один общий вопрос заключается в том, хотим ли мы в долгосрочной перспективе использовать наши новые знания о природе сознания, феноменального "я" и перспективы первого лица, чтобы изменить свой собственный разум. Лучше быть кем-то или лучше быть никем? Является ли нынешняя нейрофеноменологическая конфигурация *Homo sapiens* благом сама по себе? Действительно ли это то, что мы хотим увековечить и размножить до бесконечности? Или нам следует задуматься о совершенствовании нашей

сознательной модели реальности, в частности ПСМ? Грубо говоря, у нас есть лучшие теории и лучшие компьютеры - почему бы нам не иметь и лучшие феноменальные "я"?

В главе 3 мы попытались описать как максимальную, так и минимальную степень удовлетворения ограничений для возникновения субъективного опыта. Интересно, что теперь можно определить и понятие оптимального удовлетворения ограничений: Если верно, что феноменальный опыт бывает разных степеней и что человеческие существа, возможно, обладают наивысшей степенью осознанности (по крайней мере, относительно предварительного каталога, рассмотренного выше), то вполне естественно заключить, что человеческие существа могут обладать и более высокой степенью сознания. В этом выводе нет ничего загадочного, его можно сформулировать концептуально ясно: Более сильная форма феноменальности просто возникает благодаря тому, что данный класс систем удовлетворяет новым и дополнительным ограничениям. Или, как мы могли бы решить по нормативным соображениям, меньшее может быть большим. Конечно, могут существовать и другие наборы ограничений - у внеземных существ, у машин с сознанием или, возможно, даже у некоторых животных на нашей планете. Такие системы могут просто иметь совершенно другую форму феноменального опыта, удовлетворяя довольно отдельному набору ограничений, лишь слегка пересекающемуся с тем, который мы здесь набросали. Пространство возможных феноменальных разумов огромно. И все же интересно поставить следующий вопрос: Какими могут быть дополнительные или иные ограничения для нас самих?

Нормативные нейрофеноменологические соображения могут привести к таким дополнительным ограничениям. Например, они могли бы сделать это в терминах максимизации интеллекта или минимизации страданий

человеческих существ. Другая идея, уже упоминавшаяся выше и несколько более сложная, заключается в том, чтобы ассимилировать неявную онтологию, лежащую в основе нашей феноменальной модели реальности, в онтологию наших научных теорий. Можно тщательно исследовать нормативный идеал медленного развития постепенного сближения между нейрофеноменологией человека и метафизикой, подразумеваемой нашими лучшими объективными теориями о глубинной структуре физической реальности. Назовем это понятие "конвергенция первого лица и третьего лица". Третья логическая возможность заключается в том, что мы также можем выбрать уменьшение степени удовлетворения ограничений для одного или нескольких уже существующих ограничений. Например, мы можем выбрать снижение феноменальной прозрачности. Этот кандидат на нормативную ориентацию - назовем его "минимизация прозрачности" - будет заключаться в том, чтобы сделать глобально доступным фундаментально репрезентативный характер сознательного опыта. Мы могли бы попытаться сделать больше информации о более ранних стадиях обработки доступной для интроспективного внимания, тем самым постепенно делая все больше и больше слоев в нашей собственной Я-модели феноменально непрозрачными. Такая стратегия, конечно, создаст дополнительную вычислительную нагрузку для аттенционных систем мозга, но в то же время она может послужить ослаблению наивно-реалистического самопонимания, характеризующего наше нынешнее состояние сознания.

Вот вам и первые примеры. Конечно, количество вариантов, открытых для нас, гораздо больше, чем три предложения, описанные выше, - с чисто теоретической точки зрения оно столь же обширно, как и само пространство возможных разумов, хотя у современных человеческих существ оно гораздо меньше из-за серьезных нейрофункциональных ограничений, обусловленных физическим строением нашего

мозга. Во всех этих предложениях основополагающий принцип всегда будет заключаться в том, чтобы объединить продолжающееся научное обсуждение нашего фактического ландшафта ограничений с нормативным обсуждением того, каким мог бы быть оптимальный ландшафт ограничений для человеческих существ. Таким образом, мы, возможно, в конечном итоге придем к новым и более точным ответам на древние философские вопросы, например, о том, что такое хорошая жизнь и как мы можем меньше страдать, о том, как мы можем стать более разумными или, в более общем смысле, как мы можем стать носителями более сильной формы сознательного опыта.

Возможно, именно в этот момент на сцену вновь выходит старомодная философия. Если говорить о конкретных нормативных аспектах, касающихся потенциальных будущих изменений в самой ПСМ, то можно, например, обсудить максимизацию ее внутренней согласованности. Возможно (если мы настроены гедонистически), мы могли бы просто поставить эту цель относительно все более высоких интенсивностей приятного содержания самопрезентации: Сколько физических удовольствий вы можете испытать, не сойдя с ума? Как вы можете использовать научные знания для оптимизации сенсорной стимуляции, не заставляя при этом распадаться самомодель? Есть и смежная, но уже несколько иная интерпретация идеала когерентности: Классическое понятие "добродетели" теперь может быть интересно переосмыслено, а именно - в терминах повышения внутренней и социальной согласованности Я-модели, например, в плане функциональной интеграции когнитивных инсайтов, эмоционального само моделирования и реального поведенческого профиля. Такие традиционные понятия, как "интеллектуальная целостность" и "моральная целостность", теперь неожиданно обретают новые и очевидные интерпретации, а именно - в терминах наличия у человека высококонсистентной Я-модели. Этическое поведение может быть просто самым прямым способом

максимизации внутренней согласованности Я-модели. Поэтому оно может быть напрямую связано с концепцией психического здоровья. И оно даже может быть совместимо с разумной, нейрофеноменологически оптимизированной формой рационального гедонизма.

Но на самом деле мы можем пойти дальше этого. Очевидно, что с более традиционной философской точки зрения наибольший интерес представляет третья логическая возможность, кратко описанная выше, - минимизация феноменальной прозрачности. Как только принцип автоэпистемического закрытия будет четко понят на нейрокогнитивном уровне, можно будет определить цель - постоянно минимизировать прозрачность ПСМ. Это хорошо согласуется с классическим философским идеалом самопознания: По-настоящему принять этот идеал означает растворить любую форму автоэпистемической закрытости, как на теоретическом, так и на феноменальном уровнях репрезентации - даже если это подразумевает сознательное нарушение ограничения адаптивности, которое мать-природа так жестоко наложила на наших биологических предков. Самопознание никогда не было чисто теоретическим предприятием; оно также включает в себя практическую нейрофеноменологию - постоянные усилия по эпистемической оптимизации самого феноменального самосознания. Интересно отметить, что этот традиционный принцип также объединяет восточную и западную философию. Я предсказываю, что в ближайшие столетия когнитивная нейронаука сознания в конечном итоге поддержит этот старый философский проект интеграции теоретического прогресса и индивидуального психологического развития гораздо сильнее, чем многие из нас ожидают сегодня. Вклад, который когнитивная нейронаука в конце концов внесет в философские проекты человечества, будет значительным, потому что в своей основе когнитивная нейронаука - это проект самопознания. Как я пытался показать в этой книге, феноменальная самость берет

свое начало в недостатке аттенционального, субсимволического самопознания. Феноменальная прозрачность - это особый вид темноты. С биологической точки зрения такая темнота была чрезвычайно успешной, поскольку она создает то, что я назвал "наивно-реалистическим самопониманием". Но очевидно, что с нормативной философской точки зрения репрезентации всегда должны быть распознаваемы как репрезентации, а наивный реализм - это то, что должно быть отвратительно. В конце концов, видимость должна быть преобразована в знание.

Возможно, к сожалению, ответственность академической философии также заключается в том, чтобы говорить людям то, что они не хотят слышать. Биологическая эволюция - это не то, что нужно прославлять. Она слепа, движима случайностью и не знает пощады. В частности, это процесс, который эксплуатирует и приносит в жертву отдельных людей. Как только отдельные организмы начинают осознанно представлять себя как личности, этот факт неизбежно отражается в бесчисленных гранях на уровне самого феноменального опыта. Поэтому определение собственных целей предполагает освобождение от этого эволюционного процесса, который на протяжении миллионов лет формировал микрофункциональный ландшафт нашего мозга и репрезентативную архитектуру нашего сознания. Миллионы лет мать-природа разговаривала с нами через нашу систему вознаграждения и эмоциональные слои нашего ПСМ. Мы должны научиться критически относиться к этому процессу и рассматривать наш собственный феноменальный опыт как его прямой результат. Мы должны перестать превозносить свой собственный нейрофеноменологический статус-кво, посмотреть в лицо фактам и найти в себе мужество рационально подумать о позитивных альтернативах. В конце концов, принятие на себя ответственности за будущее

развитие нашего собственного сознания также является очевидным следствием проекта Просвещения.

Помните, как в первом параграфе первой главы я утверждал, что, читая эти строки, вы постоянно путаете себя с содержанием "я-модели", активированной в данный момент вашим мозгом? Теперь мы знаем, что это была лишь вводная метафора, потому что теперь мы видим, что эта метафора, если воспринимать ее слишком буквально, содержит логическую ошибку: Нет никого, чьей иллюзией могло бы быть сознательное "я", нет никого, кто бы путал себя с чем-либо. Как только основная мысль была понята - что феноменальная самость как таковая не является эпистемически оправданной формой ментального содержания и что феноменальная характеристика самости вытекает из прозрачности системной модели, - открывается новое измерение. По крайней мере, в принципе, можно проснуться от своей биологической истории. Можно повзрослеть, определить собственные цели и стать автономным. И можно начать разговаривать с матерью-природой, поднимая ее саморазговор на новый уровень.

